

NYPL RESEARCH LIBRARIES

3 3433 08190614 5

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

INDEXED

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

2183

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

издаваемый

М. КАТКОВЫМЪ

ТОМЪ СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМОЙ

МОСКВА

Въ Университетской Типографіи (М. Катковъ)

1882

27

ИСПОВѢДНЫЙ ШТРАФЪ ВЪ СИБИРИ

ВЪ ТЕЧЕНЕ ПРОШЛАГО XVIII ВѢКА

Изъ многочисленныхъ и разнообразныхъ налоговъ и взысканій практиковавшихся въ прошломъ XVIII вѣкѣ, однимъ изъ самыхъ вредныхъ по его послѣдствіямъ нужно признать штрафъ съ не бывшихъ у исповѣди и святаго причастія. Наложение этого штрафа повидимому имѣло самую благую и даже возвышенную цѣль, именно: возбудить, поддержать и укрѣпить въ народѣ высокое религіозно-нравственное чувство и тѣмъ расположить и направить къ строгому и добросовѣстному исполненію важнѣйшихъ христіанскихъ обязанностей. Самое средство, избранное для достиженія такой возвышенной цѣли въ формѣ денежнаго штрафа представлялось по тогдашнимъ понятіямъ не только рациональнымъ и вѣрнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма снисходительнымъ: тогда какъ за нарушеніе относительно маловажныхъ гражданскихъ обязанностей виновные подвергались въ то время наказаніямъ весьма строгимъ и чувствительнымъ въ родѣ телеловъ, кошекъ, нещаднаго битья плетью и

батожемъ, денежный штрафъ за такое важное преступленіе, какъ неисполненіе христіанскихъ обязанностей, представлялся взысканіемъ и наказаніемъ самымъ умѣреннымъ и снисходительнымъ. О дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ, о нравственномъ значеніи и вліяніи этой мѣры на религіозную жизнь народа никто не находилъ нужнымъ подумать болѣе серьезно. Цѣль была ясна и благовидна, средство къ достиженію ея придумано умѣренное, а потому какъ изобрѣтатели этого средства, такъ и исполнители оставались насчетъ его совершенно спокойными. И дѣйствительно, тогда какъ многіе другіе государственные налоги и повинности, падавшіе на народъ, возбуждали нерѣдко съ его стороны болѣе или менѣе сильные протесты, штрафъ съ не бывшихъ у исповѣдцъ, продолжавшійся въ теченіе всего прошлаго столѣтія, нигдѣ и ни съ чьей стороны не возбуждалъ противъ себя никакого гласно заявленнаго недовольства, и даже такіе продержатели-любители тогдашняго времени какъ Посошковъ и ему подобные, которые осмѣливались не соглашаться и даже порицать разныя правительственныя мѣропріятія и учрежденія, и тѣ ни однимъ словомъ не выражали осужденія или нареканія относительно этого штрафа, потому, конечно, что сами признавали его мѣрой благоразумною и полезною. Что же касается высшихъ духовныхъ властей тогдашняго времени, въ вѣдомствѣ которыхъ находилась и первоначально даже выполнялась эта мѣра взысканія, то онѣ не усматривали въ ней чего-либо противуправственнаго, развращающаго; напротивъ, признавая ее вполне цѣлесообразною, прилагали со своей стороны усердіе къ точному и строгому ея исполненію. Не принимая какихъ-либо другихъ болѣе разумныхъ мѣръ къ развитію въ народѣ религіознаго сознанія, не заботясь о другихъ болѣе духовныхъ способахъ, которыми гораздо удобнѣе можно было бы дѣйствовать на народныя массы и тѣмъ побуждать ихъ къ усердному исполненію христіанскихъ обязанностей, высшія духовныя власти, придавая этой офиціальной мѣрѣ, этому гражданскому по церковнымъ дѣламъ взысканію государственное значеніе, всѣми бывшими въ ихъ распоряженіи способами заботились о его точномъ и повсюду исправномъ и своевременномъ исполненіи. Тогдашній Св. Синодъ посылалъ многочисленныя указы и циркуляры со строжайшими выговорами и прещеніями епархіальнымъ архіереямъ за несвоевременное

представленіе духовныхъ росписей,* за многочисленныя происходившія отъ того недоимки по взысканію исповѣднаго штрафа. Епархіальные архіереи со своей стороны громили указами своихъ ближайшихъ подчиненныхъ „заказчиковъ“, „десятильниковъ“, членовъ духовныхъ правленій и даже приходскихъ священниковъ, такъ что эти послѣдніе низшіе духовные администраторы по необходимости должны были придти къ тому убѣжденію что штрафъ съ не бывшихъ у исповѣди есть дѣйствительно важное государственное дѣло. Со своей стороны свѣтское правительство, находя этотъ штрафъ не мало важнымъ подспорьемъ для общаго государственнаго бюджета, строго и настойчиво слѣдило за повсемѣстнымъ, своевременнымъ и аккуратнымъ его поступленіемъ въ государственную казну. Провинциальнымъ архіереямъ и губернаторамъ, въ вѣдѣніи которыхъ сборъ этотъ производился болѣе или менѣе неисправно, посылались строжайшіе выговоры даже отъ высочайшаго имени. Такимъ образомъ установленный въ первой четверти прошлаго столѣтія штрафъ съ не бывшихъ у исповѣди и св. причастія, имѣвшій первоначально нѣкоторое религиозно-нравственное, церковное значеніе, скоро по самому способу присужденія, наложенія и взысканія сдѣлался мѣрой чисто-гражданскою, полицейскою. Такъ и стали понимать и смотрѣть на него какъ свѣтскія, такъ и духовныя власти, высшія и низшія. Этотъ именно взглядъ со всею ясностію высказывается во многихъ законодательныхъ актахъ того времени. Въ указѣ отъ 16 іюля 1722 года читаемъ:** Сенатъ и Синодъ „по общему согласію судили за благо употребить слѣдующія дѣйства: на неисповѣдывавшихся класть штрафы и подтвердить снова чтобы всѣ прихожане ходили въ церковь къ вечерни, утрени и литургіи во всѣ воскресные и праздничные дни (слѣдуетъ подробное перечисленіе праздниковъ и высокаторжественныхъ дней): а ежели кто чинилъ

* Духовными росписями называются книги заведенныя при каждой приходской церкви для записи въ нихъ всѣхъ бывшихъ и не бывшихъ у исповѣди и св. причастія прихожанъ. Въ числѣ церковныхъ документовъ книги эти по своему значенію и важности занимаютъ второе мѣсто послѣ книгъ метрическихъ, почему и обязательно сохраняются въ церквахъ и консисторскихъ архивахъ.

** П. С. З. т. VI. № 4.952.

омое (т.е. не ходилъ въ церковь) отъ нерадѣнія и лѣности и такового обязать сказкою что впредь ему такого нерадѣнія не употреблять; но по вышеобъявленному его императорскаго величества указу въ 1718 году февраля въ 17 числа состоявшемуся, должно исполнять неотложно; и то обязательство заключать *табелями строимъ* что ежели и затѣмъ явится паки въ такой же противности, то повисель жестокому безо всякой милости наказанію“. Прошло пятнадцать лѣтъ, и въ этотъ періодъ времени преемственно перемѣнились четыре царствованія, каждое со своимъ собственнымъ историческимъ характеромъ и направленіемъ; Сенатъ и Синодъ за это время нѣсколько разъ мѣнялись въ своемъ личномъ составѣ, но взглядъ на исповѣданный штрафъ остался тотъ же самый. Въ указѣ отъ 16 апрѣля 1737 года, * изданномъ также по взаимному соглашенію Сената и Синода, между прочимъ говорится: „что всемилостивѣйшее соизволеніе и повелѣніе государыни императрицы Анны Иоанновны о томъ чтобы всѣ ея вѣроподданные православнаго вѣроисповѣданія по вся годы исповѣдывались и причащались, довольно всѣмъ извѣстно. Однакоже, какъ нѣмѣ вѣдомо учивалось, что оное высочайшее повелѣніе отъ многихъ чинится пренебрегаемо и многіе не исполняютъ его по крайнему нерадѣнію о своемъ спасеніи и по своей лѣности, а отъ того и впадаютъ въ грѣхи различныя, отходятъ въ крайнее заблужденіе, отъ того же у нихъ является склонность и рождается самое раскольнической прелести преумноженіе. А тому виной можетъ быть не что иное, точию пастырей о паствахъ своихъ небреженіе, свѣтскихъ же командъ отъ слабого, какъ въ лажуденіи подчиненныхъ своихъ къ исполненію оной исповѣди, такъ и въ сборахъ съ неисповѣдающихся положенныхъ штрафовъ, поступка и крайняго въ томъ сборѣ улуценія.“ Въ чемъ же по взгляду Сената и Синода заключалось небреженіе пастырей о своихъ паствахъ? Единственно въ неисправномъ составленіи и несвоевременномъ представленіи духовныхъ росписей. О другихъ какихъ-либо видахъ пастырскаго небреженія во всемъ обширномъ указѣ не говорится ни слова. Очевидно что само высшее правительство смотрѣло на это дѣло искажительно съ одной вѣншей, административно-полицейской стороны и если уломануло вскользь

* П. С. З. X. № 7.226.

о различныхъ грѣхахъ въ какіе впадаютъ не бывающіе у исповѣди, о заблужденіяхъ, о преумноженіи расколынической прелести, то для искорененія этихъ видимыхъ недостатковъ не требовалось, но его живѣнью, какихъ-либо особенныхъ, болѣе духовныхъ, религіозно-нравственныхъ воздѣйствій со стороны пастырей на пасомыхъ, а совершенно достаточно было „употребить савдующія дѣйствія: какъ въ синодальной области, такъ и во всѣхъ епархіяхъ, градскимъ и уѣзднымъ всѣхъ приходскихъ церквей священникамъ каждому со своимъ прочтемъ *сочинить* прихожанамъ своимъ всякаго чина мужеска и женска пола, отъ престарѣлыхъ и средовѣчныхъ, до сущаго младенца *именная* по чинамъ и домамъ, *старыя* съ показаніемъ коемуждо лѣтъ отъ рожденія *рописи*.“ Сочинивъ такія именныя, вѣрныя росписи „подать ихъ въ духовныя правительства, гдѣ кто вѣдомъ, конечно (окончательно, послѣдній срокъ) къ *Омошней* ведѣль“ и проч. Изъ всѣхъ этихъ росписей составлялись въ разныхъ правительственныхъ инстанціяхъ многочисленныя и многоформенныя вѣдомости, таблицы, перечни, экстракты и въ концѣ концовъ одинъ общій экстрактъ для представленія самой государынѣ императрицѣ. Итакъ все существо дѣла сводилось къ двумъ пунктамъ: сочиненію именныхъ, вѣрныхъ росписей и исправному взиманію штрафовъ. Достаточно было исполнить эти два пункта, и со стороны пастырей не было уже никакого небреженія о паствѣ, а со стороны свѣтскихъ командъ—никакого слабаго поступка и улуценія. О внутренней, религіозно-нравственной сторонѣ дѣла, о надлежащемъ развитіи въ народныхъ массахъ истинно-религіознаго сознанія и нравственнаго чувства, о болѣе разумныхъ, духовныхъ побужденіяхъ къ исполненію священныхъ христіанскихъ обязанностей никто жовидимому не думалъ; напротивъ, всё отъ высшихъ до низшихъ заправителей дѣла какъ свѣтскихъ такъ и духовныхъ заняты были однимъ только предметомъ: росписями и штрафами, и всякій по своему только и думалъ и измышлялъ, какъ бы извлечь отсюда сколько можно болѣе собственныхъ выгодъ.

Самая процедура по дѣлу о наложеніи и взиманіи исповѣднаго штрафа, всё эти многочисленныя указы и мѣропріятія, ихъ разнообразныя видоизмѣненія и примѣненія, разрасталась съ теченіемъ времени, только усложняли себою и болѣе и болѣе залутивали самое дѣло, возбуждая

между духовными и свѣтскими властями взаимныя недоразумѣнія, препирательства, формальныя доносы, личныя, нерѣдко весьма крупныя непріятности и ко всему этому безконечно-обширную и во многихъ случаяхъ весьма курioзную переписку. Когда право наложенія и взыскапія исповѣднаго штрафа принадлежало одному духовному вѣдомству, то епархіальныя архіереи постоянно жаловались губернаторамъ и воеводамъ что подчиненные имъ земскіе комиссары и разныя уѣздныя и сельскіе начальники не оказываютъ приходокому духовенству никакого со своей стороны содѣйствія по этому важнѣйшему государственному дѣлу; а когда за неисправность въ сборѣ штрафныхъ денегъ архіереи получали изъ Синода строжайшія подтвержденія, а нерѣдко и высочайшіе выговоры, тогда въ своихъ объясненіяхъ они старались свалить всю вину на мѣстныхъ губернаторовъ, укоряя ихъ въ неокazanіи надлежащаго по этому дѣлу содѣйствія и въ подтвержденіе своихъ нареканій представляли подлинниками донесенія и рапорты духовныхъ правленій, закахиковъ, десятильниковъ и даже приходскихъ священниковъ съ жалобами не только на бездѣйствіе низшихъ земскихъ властей, но на ихъ явное противодѣйствіе. Когда же исповѣдный штрафъ перешелъ въ руки свѣтскихъ властей, губернаторы точно также постоянно жаловались на архіереевъ и подчиненное имъ духовенство въ томъ что они не доставляютъ своевременно надлежащихъ свѣдѣній о числѣ бывшихъ у исповѣди и въ свое оправданіе представляли также подлинныя донесенія низшихъ земскихъ властей о злоупотребленіяхъ и противодѣйствіяхъ со стороны духовныхъ правленій, закахиковъ и даже приходскихъ священниковъ. Всѣ эти препирательства, укоризны и взаимныя другъ на друга доносы высшихъ и низшихъ провинціальныхъ администраторовъ того и другаго вѣдомства, несмотря на ихъ мельчайшія и нерѣдко крайне возмутительныя подробности, не могли однакоже представить высшему начальству дѣла во всей его наготѣ, не могли указать на весь его вредъ, на все нравственное безобразіе съ какимъ оно производилось, на то опасное для будущаго растланіе какое оно само собою производило въ религіозно-нравственной жизни народа... Безчисленныя подробности и самыя неблаговидныя факты по этому печальному дѣлу, таившемуся чрезъ цѣлое столѣтіе, принадлежали, конечно, по преимуществу низшимъ дѣателямъ

обоихъ вѣдомствъ, и трудно теперь сказать кому изъ нихъ принадлежала въ этомъ отношеніи незавидная палма первенства. Оба вѣдомства какъ будто всѣми силами старались не уступить другъ другу этой печальной во всякомъ случаѣ палмы, оба ревнито слѣдили одно за другимъ, ловили всякій удобный случай, пользовались малѣйшею оплотностью своего противника чтобъ уличить и выставить напоказъ всѣ его промахи и недостатки. Довосамъ, ябедамъ, извѣтамъ и самымъ безчестнымъ и беззаконнымъ дѣйствіямъ съ обѣихъ сторонъ не было конца и краю. И все это творилось въ теченіе дѣлаго почти столѣтія и предъ глазами всѣхъ.

I.

Трудно сказать кому принадлежала первая мысль, кто первый придумалъ самую идею исповѣднаго штрафа. Можно полагать съ большою достовѣрностью что эта мысль возникла въ той великой головѣ которая въ тѣ времена почти одна думала за цѣлый народъ, за всю Россію. Но можно предполагать съ неменьшимъ вѣроятіемъ что подобная мысль могла родиться и у кого-либо изъ ближайшихъ сотрудниковъ нашего великаго Преобразователя, свѣтскихъ или духовныхъ. Известно что всѣ широко задуманныя внутреннія государственныя реформы, а вмѣстѣ съ ними и разныя вѣшнія политическія осложненія требовали огромныхъ издержекъ, и нашъ великій реформаторъ почти въ теченіе всего своего царствованія постоянно испытывалъ большое затрудненіе въ своихъ финансахъ, что и вынуждало его нерѣдко прибѣгать къ изысканію и придумыванію такихъ налоговъ и обложеній которые безъ этой исключительной причины можетъ быть никогда бы не существовали. Это постоянно-затруднительное положеніе государственныхъ финансовъ побуждало, безъ сомнѣнія, и нѣкоторыхъ его ближайшихъ помощниковъ, вполнѣ ему сочувствовавшихъ, придумывать со своей стороны и предлагать тѣ или другія мѣры къ улучшенію этихъ финансовъ. Въ числѣ такихъ единомышленниковъ великаго императора были лица и свѣтскія, и духовныя. Поэтому трудно рѣшить кому именно принадлежала первая мысль о наложеніи денежнаго штрафа съ небывшихъ у исповѣди. Впрочемъ какъ бы то ни было, но эта мысль, получивъ свое осуществленіе

въ указахъ великаго государя, не встрѣтила себѣ ни съ чьей стороны ни малѣйшаго возраженія. Оба вѣдомства, до которыхъ она непосредственно относилась, свѣтское и духовное, принимали ее не только покорно, безо всякаго протеста, но лояливному даже весьма сочувственно. Въ теоретическихъ взглядахъ на вновь установленный налогъ оба вѣдомства, казалось, были между собою вполне солидарны; но въ практическомъ примѣненіи этихъ взглядовъ, въ самомъ исполненіи узаконяемаго мѣропріятія оказалась между обоими вѣдомствами въ самомъ еще началѣ дѣла нѣкоторая ровнь, а затѣмъ въ послѣдствіи продолжительная и съ обѣихъ сторонъ довольно упорная борьба. Право наложенія и взиманія вновь установленнаго исповѣднаго штрафа послужило для нихъ камнемъ преткновенія и соблазна. Ни то, ни другое вѣдомство не хотѣло уступить этого права и всячески отстаивало его въ свою пользу. Историческій процессъ этой борьбы двухъ высшихъ государственныхъ учрежденій между собою представляетъ не мало очень интересныхъ и поучительныхъ эпизодовъ.

14 февраля 1716 года послѣдовалъ на имя вѣстолюбителя патриаршаго престола преосвященнаго Стефана (Яворскаго), митрополита Рязанскаго, высочайшій указъ которымъ великій государь указалъ: послать во всѣ епархіи къ архіереямъ и въ губерніи къ губернаторамъ великаго государя указы: велѣть въ городѣхъ и уѣздѣхъ всякаго чина мужеска и женска пола людямъ объявить чтобъ они у отцевъ своихъ духовныхъ исповѣдывались повсягодно, а ежели кто въ годъ не исповѣдается и на такихъ людей отцамъ духовнымъ и приходскимъ священникамъ подавать въ городѣхъ архіереомъ и духовныхъ дѣлъ судіямъ, а въ уѣздѣхъ старостамъ поповскимъ имяныя росписи, а имъ тѣ росписи отсылать къ губернаторамъ, а въ уѣздѣхъ лантратомъ, а имъ губернаторамъ и лантратомъ на тѣхъ людей класть штрафы *противъ догдодовъ съ него строг*, а потомъ имъ ту исповѣдь исполнять же; также гдѣ есть раскольники, тѣхъ во всѣхъ губерніяхъ губернаторамъ какъ мужеска, такъ и женска полу описать и описавъ положить въ окладъ противъ настоящаго нынѣшняго платежа, почему кулечество въ посады, а крестьяне съ тяглымъ своихъ жеребьевъ платятъ *одное*, а которые по описи явятся, а прежде сего податей никакихъ не платили, тѣхъ

обложить привѣляясь къ тому же, а съ женска полу, со вдовъ и дѣвокъ, противъ омаго *столь*." *

Такимъ образомъ штрафъ съ не бывшихъ у исповѣди являлся почти одновременно съ наложеніемъ двойнаго оклада податей съ раскольниковъ и имѣлъ сначала второстепенное значеніе. Повелѣніе „сакаго чина людямъ повсягодно исповѣдываться“ было только средствомъ чрезъ которое хотѣли главнымъ образомъ добраться до раскольниковъ, узнать ихъ численность въ государствѣ и затѣмъ принять противъ нихъ надлежащія мѣры. Но такъ какъ наложеніе этого штрафа и самое взысканіе его съ виновныхъ поручалось сначала свѣтскимъ властямъ, а самое количество налагаемаго штрафа было выражено въ высочайшемъ указѣ весьма неопредѣленно: *Клать штрафъ противъ доходовъ съ него строю*, то это одно обстоятельство съ жерваго же раза повело ко многимъ недоразумѣніямъ и даже злоупотребленіямъ. Многие узрядные „двартраты“ поняли это выраженіе буквально и начали взыскивать съ не бывшихъ у исповѣди даже строго православныхъ людей тройной окладъ податей, такъ что съ православныхъ выходило больше нежели съ самихъ раскольниковъ, съ которыхъ требовался только двойной окладъ. Вслѣдствіе этого недоразумѣнія многие православные изъявили желаніе записаться въ двойной окладъ и недуманно-негаданно лопадали въ число раскольниковъ. Многие изъ числа дѣйствительно не бывшихъ у исповѣди православныхъ обратились ко своимъ приходскимъ священникамъ съ просьбой отмѣтить ихъ въ росписяхъ бывшими, за что, конечно, предлагали большаго или меньшаго размѣра соответствующее вознагражденіе. Многие закоренѣлые раскольники, не желая платить двойной окладъ, пустились въ бѣгство, укрывательство, „странничество“; менѣе упорные изъ нихъ лицемѣрно стали являться на исповѣдь. Такимъ образомъ высочайшій указъ о взысканіи штрафа съ не бывшихъ у исповѣди, съ одной стороны, открылъ широкое поле для разныхъ злоупотребленій низшимъ администраторамъ какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго вѣдомства; съ другой—насилъно заставилъ „разнаго чина людей“ прибѣгать къ разнаго рода уловкамъ, подкупамъ или явному фарисейству, многие по необходимости должны были войти въ нечистую сдѣлку и съ людьми, и со своею совѣстью. Все

* II. С. З. т. V. № 2.991..

это обнаружилось и дало себя почувствовать очень скоро. Прежде всего открылось что многіе приходскіе священники въ представленныхъ ими духовныхъ росписяхъ за тотъ же 1716—1717 „многихъ дѣтей своихъ духовныхъ не исповѣдававшихся написали исповѣдавшимися, а дѣйствительно бывшихъ у исповѣди по злобѣ своей на нихъ или скверныхъ ради прибытковъ записали не бывшими“. Точно также поступили нѣкоторые священники и съ раскольниками: дѣйствительныхъ укрывали и записывали въ число православныхъ, а истинно-православныхъ по тѣмъ же причинамъ и побужденіямъ показывали состоящими въ расколѣ. О всѣхъ этихъ открывшихся злоупотребленіяхъ производились многочисленныя дознанія, формальныя слѣдствія, очныя ставки, поднялась безконечная офиціальная переписка. Свѣтскія власти доносили на духовныхъ, духовныя на свѣтскихъ; взаимно взводили одни на другихъ обвиненія въ разныхъ злоупотребленіяхъ: духовныя—въ утайкѣ душъ, свѣтскія—въ утайкѣ казенныхъ денегъ. Все это возникло въ первые же два года послѣ изданія высочайшаго указа объ исповѣданномъ штрафѣ.

Такія прискорбныя обстоятельства дѣла побудили вышнее правительство принять болѣе опредѣленныя и болѣе строгія мѣры: послѣдовали одинъ за другимъ высочайшіе указы отъ 17 февраля, отъ 10 и 16 марта 1718. * Въ первомъ изъ этихъ указовъ количество штрафа съ не бывшихъ у исповѣди опредѣлялось уже точно и ясно: „съ разночинцевъ и съ посадскихъ въ первый разъ по рублю, во второй—по два, въ третій—по три рубля, а съ поселянъ въ первый разъ—по десяти денегъ, въ другой—по гривнѣ, въ третій—по пяти алтынь“. Самый сборъ исповѣднаго штрафа передавался вполнѣ одному духовному вѣдомству: „а кто по тѣмъ книгамъ (росписямъ) явится безъ исповѣди, и съ такихъ править тѣхъ приходовъ священникамъ штрафы“. Свѣтскому же начальству предоставлялось только право наказанія виновныхъ „въ таковыхъ провинностяхъ“. Въ этомъ же указѣ точно и ясно опредѣлены были и тѣ штрафы и взысканія которымъ подвергались сами священники за неправильныя отгѣтки въ духовныхъ росписяхъ: „а буде о тѣхъ кто у исповѣди не будетъ, а священникъ о томъ не доноситъ, и за такую его ману взять на немъ штрафъ первое—пять рублевъ, второе—десять, третье—пятнадцать;

* П. С. З. т. V. № 3.169.

а ежели по тѣмъ явится въ такой же манѣ, изверженъ будетъ священства“. Указами же отъ 10 и 16 марта эта послѣдняя мѣра взысканія еще болѣе увеличена: „по изверженіи и по взятіи имѣнія отсылать виновныхъ священниковъ для наказанія къ гражданскому суду и въ каторжную работу.“

Вмѣстѣ съ исповѣднымъ штрафомъ въ вѣдѣніе духовныхъ властей передааны были и всѣ дѣла по сбору штрафовъ съ раскольниковъ и бородачей. Сначала всѣ эти сборы и дѣла объ нихъ сосредоточены были въ Москвѣ, въ Приказъ церковныхъ дѣлъ, а потомъ уже непосредственно въ Св. Синодѣ, послѣ его учрежденія въ 1721 году. Но такъ какъ московскій Приказъ церковныхъ дѣлъ не былъ высшимъ церковно-правительственнымъ учрежденіемъ и во главѣ его стояло лицо не имѣвшее высшаго іерархическаго авторитета (Златоустовскій архимандритъ Антоній), то свѣтскія провинціальныя власти — губернаторы и воеводы не сразу рѣшились уступить ему такую весьма доходную статью какъ сборы штрафовъ съ раскольниковъ и неисповѣдающихъ. До самаго учрежденія Св. Синода, въ теченіе почти трехъ лѣтъ (1718—1721) они вели съ нимъ открытую войну. Такъ Приказъ церковныхъ дѣлъ посылалъ во всѣ епархіи своихъ фискаловъ для розыска и переписи раскольниковъ; а свѣтскіе начальники этихъ посланцевъ „хватали, сажали законныхъ въ тюрьмы, держали подъ крѣпкимъ карауломъ, и оному изслѣдованію о раскольникахъ и духовныхъ дѣлахъ чинили тѣмъ сущую остановку“. * Съ учрежденіемъ Св. Синода столкновенія въ этомъ родѣ должны были временно прекратиться, и борьба между низшими администраторами того и другаго вѣдомства сама собою ослабла и затихла; но за то она перешла теперь въ высшія инстанціи, въ центральныя учрежденія. Св. Синодъ вскорѣ послѣ своего учрежденія не замедлилъ показать на дѣлѣ что онъ есть действительно „весьма важное и сильное правительство“, какъ о немъ выразился великій законодатель въ своемъ указѣ отъ 25 января 1721 года. Въ числѣ самыхъ первыхъ дѣлъ Св. Синодъ обратилъ свое особенное вниманіе на положеніе дѣла о штрафахъ съ раскольниковъ и не бывшихъ у исповѣди и послѣдшилъ дать этому дѣлу надлежащее направленіе. Въ

* Ук. Синод. отъ 29 марта 1721.

Правительствующій Сенатъ послано было весьма внушительное вѣдѣніе, а епархіальнымъ архіереямъ строжайшіе указы о томъ, чтобы „впредь собираемые съ раскольниковъ и съ не бывшихъ у исповѣди штрафы, окрѣчь оного Правительствующаго Синода, въ другія мѣста не отсылать, и опредѣленному въ Москвѣ камериру тѣхъ штрафныхъ денегъ и объ нихъ вѣдомостей не отдавать, понеже по его царскаго величества иманному указу и по духовному регламенту, оное правленіе надлежитъ до правительствующаго духовнаго Синода, а не до камеръ и штатсъ-конторъ-коллегій“. * Несмотря однакоже на такой рѣшительный тонъ и такъ категорически выраженное со стороны Синода заявленіе, Правительствующій Сенатъ далеко не считалъ своего дѣла окончательно проиграннымъ. Не позволяя себѣ явно противодействовать повелѣнію самого государя, онъ началъ съ этого времени вести тайную, осторожную, но вѣрно разчитанную борьбу: зорко слѣдилъ за всѣми дѣйствіями своего новаго, но еще неопытнаго соперника, подмѣчалъ всѣ его промахи, собиралъ надлежащія справки и при удобномъ случаѣ докладывалъ о положеніи дѣлъ непосредственно самому государю. Началось съ раскольниковскаго дѣла. Подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Св. Синода учреждена была въ Москвѣ особая „розыскная раскольниковскихъ дѣлъ канцелярія“, въ помощь которой по высочайшему повелѣнію командированы были разные свѣтскіе и военныя чины: такъ въ Нижегородской губерніи раскольниковскими дѣлами заправлялъ тамошній вице-губернаторъ Ржевскій, а въ Новгородской и Псковской дѣйствовали разные поручики и другіихъ чиновъ офицеры. Эти недуховные сотрудники и помощники духовнаго вѣдомства умышленно или неумышленно запутали и залустили дѣло, такъ что въ теченіе двухъ лѣтъ ни раскольниковская канцелярія, ни самъ Св. Синодъ не получали отъ нихъ никакихъ отчетовъ. Самый сборъ штрафныхъ денегъ съ раскольниковъ производился весьма неисправно и суммы постулали въ самыхъ ничтожныхъ количествахъ, несмотря на то что въ поименованныхъ губерніяхъ бѣольшая половина населенія завѣдомо принадлежала къ расколу. Сенатъ зорко слѣдилъ за всѣмъ этимъ, собиралъ втихомолку надлежащія справки и неоднократно въ самыхъ почтительныхъ

* Ук. Св. Синод. отъ 20 и 29 марта 1721.

выраженіяхъ испрашивалъ у Синода свѣдѣній о состояніи раскольническаго дѣла, о количествѣ раскольниковъ въ государствѣ, о числѣ собранныхъ съ нихъ штрафныхъ денегъ, о назначеніи и употребленіи этихъ суммъ, о состоящихъ на раскольникахъ недоимкахъ. Синодъ не отвѣчалъ; да и что онъ могъ отвѣчать, не имѣя у себя никакихъ свѣдѣній... Этимъ молчаніемъ какъ нельзя лучше воспользовался Сенатъ и, составивъ обширную и самую подробную записку о всѣхъ недоимкахъ по разнымъ сборамъ синодальнаго вѣдомства, представилъ ее лично государю въ своемъ засѣданіи 29 января 1723 года. Прочитавъ эту записку, государь сильно разгнѣвался и тутъ же написалъ строжайшій указъ Синоду, которымъ приказывалъ впредь до исполненія всѣхъ недоимокъ удерживать жалованье не только у всѣхъ членовъ Синода, но и у всѣхъ ихъ подчиненныхъ и даже у монаховъ по монастырямъ. * Какъ долго оставались члены Св. Синода безъ жалованья, мы не знаемъ; но самое дѣло отъ этого нисколько не поправилось. Прошло еще полтора года, а недоимки по синодальному вѣдомству и въ особенности по раскольническому дѣлу все болѣе и болѣе накоплялись. Тогда разгнѣванный государь въ присутствіи своемъ въ Сенатѣ приказалъ написать такой указъ: „сколько гдѣ раскольниковъ, которые по указамъ подлежатъ быть въ двойномъ окладѣ, взять въ Сенатъ вѣдомость изъ Синода немедленно, и тотъ сборъ вѣдать при Сенатѣ.“ ** Сенатъ торжественно и немедленно отправилъ въ Москву заправлять раскольничимъ дѣломъ стольника Савелова. Савеловъ, явившись въ Москву съ широкими полномочіями Сената, потребовалъ отъ раскольнической канцеляріи разныхъ свѣдѣній по порученному ему дѣлу; эта послѣдняя, не безъ вѣдома конечно Синода, требованій его не принимала и продолжала заправлять дѣло насильно. Савеловъ жаловался Сенату, Сенатъ посылалъ вѣдвіе за вѣдвіемъ въ Синодъ, но Синодъ упрямно не отвѣчалъ. Въ такомъ натянутомъ положеніи оставалось это дѣло до самой кончины великаго императора. Съ формальной стороны, de jure, оно уже находилось въ вѣдѣніи Сената, но de facto синодальное вѣдомство все еще его отстаивало. Съ востшествіемъ на престолъ императрицы Екатерины I

* И. С. З. т. VII, № 4.152.

** И. С. З. т. VII, № 4.553, авг. 19 д. 1724.

обстоятельства перемѣнились, но далеко не въ пользу Св. Синода. Въ февралѣ 1726 года высочайше утверждень былъ Верховный Тайный Совѣтъ съ необыкновенными правами и полномочіями. * Хотя въ именномъ указѣ объ учрежденіи этого Совѣта ни слова не говорится о томъ какъ долженъ былъ относиться къ нему Св. Синодъ; но это было ясно само собою: по мысли Петра Великаго Сенатъ и Синодъ были совершенно равноправныя и равносильныя высшія государственныя учрежденія; теперь же Правительствующему Сенату повелѣно было входить въ Верховный Тайный Совѣтъ съ доношеніями или рапортами, какъ учрежденію низшему, подчиненному,—ловятно что и равноправный съ нимъ Синодъ становился къ этому совѣту точно въ такое же подчиненное положеніе. А между тѣмъ членами новаго Верховнаго Совѣта и стараго Сената были между собою люди свои. Совѣтъ составился изъ тѣхъ же высшихъ государственныхъ сановниковъ которые до того были членами того же Сената. Очевидно что оба учрежденія были между собою вполне солидарны и съ измѣненіемъ названія не измѣнились разъ намѣченныя цѣли, а только приобрѣтены были болѣе широкія права. Тотъ же самый Сенатъ дѣйствовалъ теперь не отъ себя, а отъ имени Верховнаго Тайнаго Совѣта, предъ которымъ Синодъ по необходимости сталъ неожиданно въ какое-то зависимое, подчиненное положеніе. Все это хитроулетеніе придворной интриги не замедлило проявить себя въ цѣломъ рядѣ распоряженій слѣдовавшихъ одно за другимъ. Всего чрезъ мѣсяць по учрежденіи Верховнаго Тайнаго Совѣта послѣдовалъ сенатскій указъ отъ 11 марта 1726 года, которымъ публиковалось во всеобщее свѣдѣніе что „съ вынѣшняго 1726 года съ раскольниковъ и бородачей которые обрѣтаются въ городахъ и слободахъ деньги по окладамъ собирать камерирамъ подъ смотрѣніемъ губернаторовъ и воеводъ; а въ уѣздахъ съ раскольниковъ собирать земскимъ комиссарамъ и отсылать къ камерирамъ же; а въ синодальное вѣдомство отъ тѣхъ денегъ платить имъ раскольникамъ и бородачамъ не велѣть. И о вышелисанномъ опредѣленіи въ Св. Синодъ сообщить вѣдѣніе, въ которомъ напечатать чтобы по силѣ вышелисаннаго указа синодальныя подчиненныя въ вышелисанное съ раскольниковъ сборы отнюдь нигдѣ не вступали и о томъ

* Тамъ же, 4.830.

бы къ нимъ посланы были указы съ подтверженіемъ. А сколько въ которой губерніи и провинціи съ состоянія (то есть со времени учрежденія) Св. Синода тѣхъ денегъ было въ сборѣ по городамъ и куда въ расходѣ и по какимъ указамъ, и за расходомъ нынѣ налицо: о томъ бы изъ Св. Синода въ Сенатъ сообщено было вѣдѣніе; а о доимкахъ, на комъ именно и на которые годы, отъ подчиненныхъ синодавыхъ вѣдомости жь отданы бы были въ Москвѣ столыку Савелову немедленно.“ *

Указъ этотъ былъ жестокою отплатой Синоду за то вѣдѣніе которое онъ послалъ Сенату еще въ 1721 году; но какая разница въ отношеніяхъ, въ самомъ тонѣ и характерѣ этихъ двухъ историческихъ актовъ. Синодъ отстаивалъ тогда свое право на законномъ основаніи, ссылаясь на высочайшее повелѣніе и духовный регламентъ. Сенатъ настоящаго своего указа ни на чемъ не основываетъ, а прямо публикуетъ его во всеобщее свѣдѣніе на одномъ правѣ сильнаго. Синодъ пишетъ Сенату какъ равный къ равному, сообщаетъ полученное имъ высочайшее повелѣніе и свои распоряженія сдѣланныя вслѣдствіе этого повелѣнія. Въ настоящемъ указѣ Сенатъ заговорилъ съ Синодомъ какъ начальникъ съ подчиненнымъ, какъ судья съ подсудимымъ: онъ требуетъ отъ него формальнаго отчета, какъ настоящій его начальникъ, призываетъ къ отвѣту какъ судья. Въ установленной официальной формѣ „вѣдѣнія“ онъ посылаетъ указъ, начальническое предписаніе, дѣлаетъ допросъ и задаетъ вопросные пункты какъ настоящій слѣдователь присланный отъ вышаго начальства. Можно себѣ представить что долженъ былъ почувствовать Синодъ получивъ такое оскорбленіе? Но хорошо понимая измѣнившіяся обстоятельства и свое стѣсненное, привиженное положеніе, Св. Синодъ въ теченіе мѣсяца сдѣлалъ что могъ: разобралъ своимъ подчиненнымъ надлежащіе указы и о своихъ распоряженіяхъ сообщалъ въ Сенатъ обычное „вѣдѣніе“, вслѣдствіе котораго не замедлилъ явиться новый сенатскій указъ отъ 26 апрѣля, которымъ Сенатъ опредѣлялъ: ** „всѣмъ

* П. С. З. т. VII, № 4851.

** Послѣ учрежденія Верховнаго Тайнаго Совѣта приказано было Сенату именоваться не правительствующимъ, а высокимъ.

находившимся въ вѣдѣніи Св. Синода поручикамъ и нижегородскому вице-губернатору Ржевскому быть отъ сего въ полномъ распорядкѣ столяника Савелова и всѣ вѣдомости и всѣ деньги представлять ему же. О сборахъ же и недоимкахъ за прежніе годы послать въ Синодъ вѣдѣніе“. Что оставалось дѣлать Синоду? Благодушно молчать, и оны ужолкъ!

Такъ кончился первый актъ борьбы между двумя высшими государственными учрежденіями въ Россіи.

Почти то же самое случилось и съ исповѣднымъ штрафомъ, только съ нѣкоторыми другими вариантами. Когда дѣло это, благодаря твердости и настойчивости Св. Синода, передано было въ духовное вѣдомство и сосредоточилось по преимуществу въ Москвѣ въ приказѣ церковныхъ дѣлъ, тогда сами собою возбуждись многочисленные вопросы и разнаго рода недоразумѣнія касательно самаго наложенія этого штрафа. Завѣдывавшій приказомъ церковныхъ дѣлъ златоустовскій архимандритъ Автоній, разбирая доставленныя къ нему изъ разныхъ мѣстъ духовныя росписи и разные рапорты и отписки приходскихъ священниковъ, встрѣтилъ весьма много такихъ обстоятельствъ въ которыхъ самъ оны не зналъ какъ ему поступить и какъ распорядиться. Между прочимъ оны недоумѣвалъ, какой наложить штрафъ и взыскивать его съ людей которыхъ самъ оны не зналъ къ какой категоріи отнести, къ какому званію причислить? Люди эти оказались весьма „сырые и скудные, какъ-то: солдаты-драгуны, ямщики и жены ихъ, зелейщики, каменщики, ученики латинской и математической школь, оружейники, столяры, сторожа церковные, звонари соборные, приказные сторожа и пристава, люди боярскіе: сокольники и ихъ работники и работницы, шалашнаго и сукованнаго дворовъ ученики и работники, дому государева нижнихъ чиновъ дворовые люди, печнаго двора бѣтвыщики и тередорщики (?) и работные люди: хлѣбники, кашпаники, пирошники, блинники, харчевники, масляники, кожевники, портные мастера, саложники, каматчики, свѣчники, денежнаго и монетнаго дворовъ мастера и работники, плотники, извошники, ливовары и богадѣльные нищіе мужеска и женска полу. И съ вышеозначенныхъ различнацевъ скудныхъ и бѣдныхъ—рублевый ли штрафъ, или за скудость по усмотрѣнію и обыску умалать, поселеческой

ли, или противъ купечества штрафъ имать?" Далѣе, „какъ поступать съ тѣми которые въ поданныхъ книгахъ написаны не исповѣдывавшимися, а послѣ той перелиси и поданія книгъ померли? или съ тѣми которые временно жили въ домахъ на квартирѣ или въ работникахъ и при перелискѣ записаны въ этихъ домахъ, а когда пришло время разыскивать съ нихъ штрафъ, они уже въ тѣхъ домахъ не оказались,—съ кого нужно разыскивать штрафъ—съ хозяевъ ли этихъ домовъ, или велѣть имъ тѣхъ людей отыскивать?" Такіе и тому подобныя вопросы съ расширеніемъ обстоятельствъ дѣла возникали во множествѣ не въ одномъ только приказѣ церковныхъ дѣлъ, но повсюду, по всемъ епархіямъ и провинціямъ. За разрѣшеніемъ ихъ всѣ обращались по преимуществу въ Синодъ и требовали его наставленій, указаній, руководственныхъ правилъ и опредѣленій. Кроме того, Синодъ постоянно получалъ множество жалобъ и разнаго рода доносозъ свѣтскихъ властей на духовныхъ, духовныхъ на свѣтскихъ. Синодъ сносился съ Сенатомъ; Сенатъ предписывалъ губернаторамъ, Синодъ архіереямъ; эти послѣдніе своимъ ближайшимъ подчиненнымъ, низшимъ администраторамъ. При тогдашнихъ путяхъ сообщенія, при крайнемъ недостаткѣ въ подъячихъ и писцахъ, способныхъ для одной только переписки бумагъ, при постоянномъ повсемѣстномъ и предумышленномъ прелитерателствѣ по этому соблазнительному для обоихъ вѣдомствъ дѣлу,—вся эта процедура приняла громаднѣйшіе размѣры и составляла для Синода дѣйствительное отягощеніе, при недостаткѣ въ немъ канцелярскихъ силъ и средствъ. Между тѣмъ, несмотря на всю эту громаднѣйшую бумажно-канцелярскую работу, результаты ея оказывались ничтожными: сборы штрафовъ производились повсюду крайне неисправно и недоимки росли съ каждымъ годомъ. Сенатъ все это зналъ, за всемъ внимательно слѣдилъ и при удобномъ случаѣ докладывалъ государю. Государь гнѣвался, посылалъ Синоду строгіе выговоры, требовалъ отъ Сената и Синода взаимныхъ уступокъ, соглашенія дѣйствій, совокупныхъ обсужденій столь важнаго дѣла. Синодъ уступилъ и въ общемъ своемъ засѣданіи, по долгомъ разсужденіи, Сенатъ и Синодъ судили за благо употребить слѣдующія дѣйства: „на не исповѣдавшихся класть штрафы, которые собирать свѣтскимъ управителямъ, которымъ прочіе сборы вручены, а собирая, отсылать въ Св. Синодъ, какъ прежде состоявшіеся

о томъ его императорскаго величества указы повелѣваютъ“*. Такимъ образомъ первый шагъ былъ сдѣланъ: важнѣйшая и самая интересная часть дѣла—взиманіе исповѣднаго штрафа перешла въ руки свѣтскихъ властей, хотя сосредоточеніе и распоряженіе штрафными суммами осталось еще до поры до времени за Синодомъ. Очевидно что Сенатъ, зная крутой нравъ государя, дѣйствовалъ осторожно и до конца его царствованія не предъавлялъ дальнѣйшихъ своихъ притязаній. Но съ востшествіемъ на престолъ императрицы Екатерины обстоятельства, какъ мы уже видѣли, перемѣнились не въ пользу Синода. Верховный Тайный Совѣтъ, дѣйствуя отъ высочайшаго имени, призналъ за собою право произвести коренную реформу въ самомъ внутреннемъ устройствѣ Синода: именованнымъ указомъ отъ 12 іюля 1726. ** Св. Синодъ раздѣленъ былъ на два самостоятельные аппарата—духовный и свѣтскій. Въ первомъ засѣдали шесть архіереевъ и должны были заправлять исключительно одними только духовными дѣлами; во второмъ шесть свѣтскихъ персонъ которымъ поручалось управление разными сборами, вотчинами духовнаго вѣдомства и всякими „расправными дѣлами“, по примѣру прежде состоявшаго патріаршаго разряда. Второй аппаратъ подчинялся непосредственно Высокому Сенатѣ. Кругъ дѣятельности собственно духовнаго аппарата Св. Синода *такъ былъ ограниченъ* что „если когда о чемъ какіе указы выдать надлежитъ, то для апробаціи доносить намъ (императрицѣ) въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ, а безъ апробаціи нашей не печатать“. Истинный смыслъ этого именованнаго указа *не замедлилъ полнѣнъ* Высокій Сенатъ слѣдующимъ своимъ распоряженіемъ: „такъ какъ высочайшимъ указомъ отъ 12 іюля сего года велѣно въ Синодѣ вѣдать одни духовныя дѣла, то Высокій Сенатъ приказалъ: штрафы съ не бывшихъ у исповѣди править воеводамъ и камерирамъ и собранныя деньги отсылать не въ Синодъ, а въ рентерею (казначества). О чемъ въ Св. Синодѣ сообщить вѣдѣніе“ ***. Синодъ хранилъ глубокое молчаніе.

Хотя императрица Анна Іоанновна вскорѣ по востшествіи своемъ на престолъ манифестомъ отъ 4 марта 1730 года

* П. С. З. т. VI. № 4.052.

** П. С. З. т. VII, № 4.919.

*** Тамъ же, № 4.984.

уничтожила Верховный Тайный Совѣтъ и возстановила прежнее значеніе Сената и Синода, но право взысканія штрафовъ какъ раскольниковскаго, такъ и исповѣднаго осталось за Сенатомъ: Духовное же вѣдомство обязано было доставлять только надлежащимъ свѣтскимъ командамъ необходимыя свѣдѣнія о количествѣ какъ раскольниковъ, такъ и не бывшихъ у исповѣди. Свѣдѣнія эти заключались въ духовныхъ росписяхъ, ежегодно составляемыхъ каждымъ приходскимъ причтомъ. Форма этихъ росписей первоначально была самая простая: каждый причтъ церковный обязанъ былъ вести у себя три именные списка: въ первый вносились всѣ прихожане бывшіе у исповѣди, во второй не бывшіе и въ третій раскольники. Списки эти приходскими священниками представлялись поповскимъ старостамъ, закащикамъ или десятильникамъ, а этими послѣдними или въ архіерейскія домовыя канцеляріи или непосредственно въ Московскій приказъ церковныхъ дѣлъ. Когда же въ приказѣ этомъ по прошествіи двухъ, трехъ лѣтъ скопилась такая масса духовныхъ росписей доставленныхъ изъ всѣхъ епархій! и провинцій что ихъ и помѣстить было негдѣ, тогда сдѣлано было распоряженіе чтобы подлинныя росписи хранились при архіерейскихъ домахъ, а въ приказъ церковныхъ дѣлъ или потомъ непосредственно въ Св. Синодъ доставлялись изъ архіерейскихъ канцелярій одни только общіе экстракты съ показаніемъ общей цифры бывшихъ и не бывшихъ у исповѣди по дѣлой епархіи. Затѣмъ формы духовныхъ росписей и экстрактовъ неоднократно видоизмѣнялись, усложняясь, и наконецъ въ 1737 году Сенатъ вмѣстѣ съ Синодомъ придумали такую форму исповѣдныхъ экстрактовъ которая состояла изъ 49 отдѣльныхъ графъ съ 22 заголовками*. И безъ того, когда еще росписи составлялись по первоначальной простѣйшей формѣ, и то приказъ церковныхъ дѣлъ не разъ жаловался Св. Синоду на то что присылаемые отъ приходскихъ священниковъ росписи, а изъ архіерейскихъ канцелярій экстракты оказываются *знатно слабы*; но когда опубликованы и разосланы были новыя формы придуманныя Синодомъ и Сенатомъ, тогда отъ многихъ архіереевъ поступили донесенія что даже и подъячихъ *знающихъ тѣхъ формы силу* видѣ не оказывается. Такимъ образомъ само высшее правительство, не принимая во вниманіе крайней малограмотности

* П. С. З. т. X, № 7.226.

тогдашняго духовенства и повсемѣстнаго недостатка въ опытныхъ и знающихъ подъячихъ, своими новыми столь многосложными формами только затруднило и затормозило повсюду исправное составленіе и своевременное представленіе духовныхъ росписей. А это послѣднее обстоятельство съ того времени какъ сборы штрафовъ съ раскольниковъ и неисповѣдниковъ перешли въ руки свѣтскихъ властей, само собою возбуждало между обоими вѣдомствами безконечную переписку, служило постояннымъ источникомъ взаимныхъ между ними жалобъ и пререканій, неудовольствій и столкновеній, которыя принимали нерѣдко весьма крупныя и самыя неблагоприятныя размѣры и формы. Борьба снова спустилась въ низшія сферы и тамъ продолжалась непрерывно до самаго конца прошлаго XVIII вѣка. Народъ въ лицѣ всѣхъ другихъ сословій былъ только пассивнымъ зрителемъ этой борьбы и при каждомъ ея проявленіи невольно возмущался въ своемъ религіозно-правственномъ сознаніи и чувствѣ.

II.

Нигдѣ быть-можетъ печальныя послѣдствія исповѣднаго штрафа не были настолько чувствительны и зловредны, какъ въ далекой, обширной Сибири. Тамъ кромѣ общихъ явленій, какими сопровождалось во всѣхъ другихъ епархіяхъ наложеніе и взысканіе этого штрафа, были еще особенныя, чисто мѣстныя обстоятельства, придававшія всему дѣлу болѣе острый, болѣе зловредный характеръ. Обстоятельства эти обуславливались, между прочимъ, и самымъ географическимъ положеніемъ страны, и многими этнографическими особенностями ея населенія.

Тобольская епархія въ началѣ XVIII вѣка занимала собою пространство отъ Уральскаго хребта до Берингова пролива и отъ Ледовитаго океана до границъ Китая и Киргизскихъ степей; въ длину она простиралась на 10 тыс. верстъ, а въ ширину болѣе нежели на три тысячи верстъ. На этомъ громадномъ пространствѣ собственно христіанское населеніе было ничтожно: по ревизіи 1709 года во всей Сибири за исключеніемъ разныхъ туземныхъ ичородцевъ считалось всего не много болѣе 230 тыс. душъ. * Большая половина этого

* Филовей Лещинскій. А. Суаоцкаго, стр. 7.

населенія скучивалась собственно въ вышней Тобольской губерніи и отчасти въ вышнихъ же губерніяхъ Пермской и Уфимской по среднему протяженію Уральскаго хребта. Другая же половина населенія, значительно меньшая, была разбѣана на громадѣйшемъ пространствѣ отъ рѣки Оби до Амура. Населенныя мѣста отстояли нерѣдко одно отъ другаго на двѣсти, триста, пятьсотъ и болѣе верстъ. Пути сообщенія тянулись въ большинствѣ по теченію обширѣйшихъ сибирскихъ рѣкъ, Оби, Енисея, Лены, съ ихъ многочисленными притоками. Православныхъ церквей въ самомъ началѣ XVIII вѣка насчитывалось во всей Сибири только *сто шестьдесятъ*; * но изъ этого числа почти половина находилась относительно не въ дальнемъ разстояніи отъ епархіальнаго города Тобольска, остальные же церкви разбросаны были, какъ оазисы, по всему громадѣйшему пространству отъ Оби до Амура. Всѣ эти православные храмы въ первой половинѣ прошлаго столѣтія строились исключительно изъ дерева и въ размѣрахъ самыхъ скромныхъ; ни вышнимъ, ни внутреннимъ благолѣпіемъ они не отличались, потому что вся церковная утварь, какъ-то: св. иконы, сосуды, облаченія, богослужебныя книги, даже церковное вино, ладанъ, мука для просфоръ и воскъ для свѣчей, — все это доставлялось изъ Россіи и по преимуществу изъ Москвы. Доставка этихъ необходимыхъ принадлежностей православнаго богослуженія была крайне затруднительна, и часто случалось что въ отдаленныхъ сельскихъ храмахъ богослуженіе прекращалось иногда на весьма продолжительное время единственно или за неимѣніемъ вина, муки, ладана, или въ большинствѣ случаевъ за недостаткомъ богослужебныхъ книгъ. Всѣ эти неудобства, по видимому весьма незначительныя и мелочныя, но по своимъ послѣдствіямъ весьма важныя, продолжались въ теченіе всего XVIII столѣтія; даже въ 1801 году одинъ благочинный изъ мѣстности не особенно отдаленной доносилъ преосвященному Варлааму „что уѣздныя церкви почти всѣ находятся въ самомъ бѣдственномъ положеніи какъ ризницею и украшеніями въ нихъ, такъ въ особенності недостаткомъ богослужебныхъ книгъ, отъ чего въ нѣкоторыхъ церквахъ по одной общей Миней и то изветшавшей правятъ весь годовой кругъ,

* Тамъ же, стр. 11.

а индѣ и вовсе службу Божию оставляютъ“. * Ко всему этому и въ самомъ духовенствѣ, въ количествѣ священно-служащихъ чувствовался постоянный недостатокъ и многія церкви оставались по нѣскольку лѣтъ, даже десятковъ лѣтъ безъ священниковъ: такъ въ селѣ Тутальскомъ, Томскаго округа, не было священника въ теченіе *двадцати лѣтъ* (съ 1779 по 1801); ** а въ Чирдатской волости того же округа—въ теченіе *шестидесяти лѣтъ* (съ 1725 по 1784). *** Въ самомъ уже концѣ прошлаго столѣтія, именно въ 1791 году, по вѣдомостямъ Тобольской духовной консисторіи не доставало въ одной только Тобольской епархіи, за исключеніемъ Иркутской, *четырехсотъ двадцати* священно-церковно-служителей. **** Между тѣмъ духовныя правленія, которыхъ въ Тобольской епархіи было двадцать четыре, слуга еще шесть лѣтъ, именно въ 1797 году, доносили консисторіи „что въ заказахъ ихъ (благочиніяхъ) какъ въ священникахъ, такъ и въ причтѣ настоитъ величайшая надобность“. † При такомъ слшскомъ ощутительномъ недостаткѣ въ духовенствѣ нерѣдко приходилось одному священнику завѣдывать въ одно и то же время нѣсколькими сосѣдними приходами, несмотря ни на какую обширность своего собственнаго прихода. Такимъ образомъ районъ пастырской дѣятельности одного священника простирался иногда на нѣсколько сотъ верстъ, и нѣкоторыя отдаленныя деревни и поселки по необходимости не могли видѣть его у себя по нѣскольку лѣтъ сряду.

Но и въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ духовенство находилось постоянно и было въ полномъ комплектѣ, оно не могло и непосредно было благотворно вліять на своихъ пасомыхъ,—его умственное и нравственное состояніе находилось на самомъ низкомъ уровнѣ: отъ простаго мужика-поселянина лица

* Письмо благочиннаго священника Чемесова отъ 25 августа 1801 года. арх. Томск. консисторіи.

** Ук. Тоб. дух. консисторіи отъ 9 ноября 1779 года. *Журн. Томск. Дух. Пр.* отъ 12 января 1801 года.

*** Ук. Тоб. дух. консисторіи отъ 11 марта 1784 года.

**** Ук. Тоб. дух. консисторіи отъ 5 апрѣля 1791 года. Всѣхъ священно-церковно-служителей, кромѣ женъ ихъ и дѣтей, числилось въ Тобольской епархіи за 1784 двѣ тысячи четыреста восемьдесятъ девять (2.489) человекъ. Жителей обоого пола 1.086.260 душъ. Ук. отъ 10 июля 1786 за № 1.029.

† Ук. Тоб. консисторіи отъ 18 июля 1797 за № 1.588.

духовнаго званія, даже священники отличались одною только буквальною грамотностію; все ихъ умственное развитіе, все научное образованіе въ большинствѣ случаевъ ограничивалось только умѣньемъ кое-какъ разбирать и механически читать церковно-славянскія книги; умѣнье писать признавалось уже высшею степеню образованія и открывало вѣрный путь къ священству, а знаніе первыхъ четырехъ дѣйствій ариметики считалось даже великою мудростію. Въ самомъ концѣ прошлаго столѣтія Красноярское духовное правленіе съ нѣкоторою гордостію доносило Tobольской консисторіи что учитель русской школы (протоиерей духовныхъ училищъ) нѣкій пономарь Сусловъ „въ чтеніи исправенъ и письмомъ умѣющъ и потное лѣнье знающій и ученію прилеженъ и трезваго состоянія, а между тѣмъ своимъ стараніемъ и ариметики *первую часть нѣмцы доучиваетъ съ твердостю, чему и священно-церковно-служительскихъ дѣтей обучать со временемъ можетъ*“ *. Но далеко не всѣ учителя русскихъ школъ Tobольской епархіи могли похвастаться такимъ широкимъ образованіемъ какъ пономарь Сусловъ. О прочихъ педагогахъ, подвизавшихся на поприщѣ духовнаго просвѣщенія въ то же самое время, Tobольская консисторія сама вынуждена была засвидѣтельствовать „что изъ нихъ *не все и писать умѣютъ, или умножить по ариметикѣ*“ **. Результатомъ такого состоянія духовныхъ школъ было то что воспитанники ихъ, просидѣвъ на школьной скамьѣ *шесть, восемь и даже десять лѣтъ* и достигнувъ покаяна „*великовозрастія*“, все-таки оказывались или совершенно неспособными, или чрезчуръ перерзвѣвшими для поступленія въ Tobольскую духовную семинарію. Родители же такихъ великовозрастныхъ школьничковъ, „убоясь бездны семинарской премудрости“, слѣшили поскорѣ *зѣнить* ихъ, помѣщая въ свои же причты въ качествѣ звонарей или пономарей, съ полвою при томъ увѣренностію что они со временемъ унаслѣдуютъ имъ же и въ качествѣ священниковъ, на что имѣлось въ виду множество прежде бывшихъ примѣровъ и что дѣйствительно практиковалось въ Tobольской епархіи въ теченіе всего прошлаго столѣтія. Эта система наслѣдственности священно-церковно-служительскихъ мѣстъ вела за собою и укрѣпляла еще болѣе вредную систему наслѣдственности образа дѣйствія, укореняла

* Репортъ Красн. дух. пр., отъ 14 іюля 1791 за № 118.

** Ук. Tob. дух. консист. отъ 5 апр. 1791 года.

въ цѣломъ сословіи тѣ или другія выработанныя временемъ и нѣсколькими поколѣніями привычки, обычаи, правила, извѣстныя отношенія какъ ко властямъ свѣтскимъ и духовнымъ, такъ и къ своимъ прихожанамъ. Какъ дѣйствовалъ въ извѣстныхъ случаяхъ прадедъ, дѣдъ, отецъ, такъ точно по преемству, по преданію, старался дѣйствовать и ихъ ближайшіе потомки—сыновья, внуки, правнуки, остававшіеся притомъ въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ на одномъ и томъ же съ ними уровнѣ развитія умственнаго и нравственнаго. Система наследственности духовныхъ мѣстъ породила и съ теченіемъ времени закрѣпила еще другое не меньшее зао: въ одномъ и томъ же приходѣ, при одной и той же церкви всѣ члены церковнаго причта, одновременно служившіе, оказывались между собою ближайшими родственниками, и посредствомъ брачныхъ соединеній эти родственныя связи распространялись и охватывали собою, какъ лентой, цѣлыя округа и уѣзды. Такимъ образомъ постепенно слагалась и крѣпла цѣлая сословная корпорація со своими собственными традиціями, крѣпко сплоченная родственными узами. Всѣ хорошія и дурныя качества свойственныя человѣческой природѣ дѣлались въ этой замкнутой корпораціи также наследственными, сословными, глубоко укоренившимися. Священникъ получившій образованіе въ такой школѣ въ которой и сами учителя „не всѣ умѣли писать или умножить по ариметикѣ“, а между тѣмъ безпрепятственно достигшій сама священства и притомъ на мѣстѣ наследственномъ, насиженомъ, болѣе или менѣе обезпеченомъ,—едва ли такой священникъ въ состояніи былъ сознавать необходимость лучшаго образованія для своего сына. Поэтому и самое невѣжество, полнѣйшее незнаніе существенныхъ своихъ обязанностей съ теченіемъ времени дѣлалось также наследственнымъ, корпоративнымъ, глубоко закоренѣлымъ. До чего простиралось это печальное невѣжество можно судить отчасти по слѣдующему факту: Кузнецкій городской священникъ Ломшаковъ* на вопросъ барнаульскаго заказчика протоіерея Комарова— „какъ читается седьмая заповѣдь? отвѣчалъ: помилуй мя, Боже, да-вѣрю, а таинствъ насчиталъ десять и сущности ихъ отнюдь не разумѣетъ“. ** Подобныхъ фактовъ изъ старыхъ духовныхъ архивовъ можно бы привести великое множество.

* Фамилія эта существуетъ въ тѣхъ мѣстахъ и понынѣ.

** Указъ Tob. дух. конс. отъ 27 апрѣля 1770 года.

Не менѣе печальную картину представляло и нравственное состояніе сибирскаго духовенства въ XVIII вѣкѣ. Лучшимъ изображеніемъ этого состоянія можетъ служить слѣдующій циркуляръ тобольскаго митрополита Павла *, разосланный имъ по всей епархіи отъ 7 мая 1764 года на № 1.031. Вотъ что говорится въ этомъ циркулярѣ: „Понеже по производимымъ въ канцеляріи Тобольской духовной консисторіи дѣламъ оказывается что здѣшней Тобольской епархіи разныхъ хѣсть священно-церковно-служители безмѣрно въ пьянственныхъ случаяхъ и въ противонаблагообразныхъ и неприличныхъ званію своему поступкахъ въ противность св. отецъ правилъ и духовнаго регламента житіе свое прелпрождаютъ, и въ ярыжтвахъ обращаются, и валяются и спятъ по улицамъ пьяны, и въ воровствахъ и въ ложныхъ подзаводскимъ крестьяномъ, якобы объ отказѣ ихъ отъ заводовъ, указовъ объявленіяхъ обличаются, отъ чего въ народѣ чинятъ не малое смущеніе и соблазнъ раскольникамъ, изъ коихъ (какъ по дѣламъ значить) хотя бы нѣкоторые къ церкви святой отъ раскольническаго своего злоназубнаго заблужденія и обратиться желали; но что означенные священно-церковно-служители безмѣрно упиваются и въ пьянствѣ своемъ многія чинятъ между людьми и въ церквахъ сквернословныя ругательства и драки и тому подобныя безчистія, тѣмъ претыкаясь отъ того своего проклятаго раскола не отступаютъ, а остаются въ прежнемъ своемъ заблужденіи; и въ томъ они священно-церковно-служители отъ нихъ раскольниковъ не малое поврежденіе и укоровенное посмѣяніе на себе и всему духовному саму поношеніе наводятъ, чему всему причиною невоздержное ихъ и пьянственное житіе; за что нѣкоторые здѣшней епархіи какъ градскіе, такъ и уѣздные священники и діаконы и причетники отъ церквей и священнослуженія удержаны и запрещены, чиновъ своихъ лишены и изъ причта церковнаго извержены и отосланы въ гражданскій судъ подъ истязаніе. Того для“ и проч.

Такое неблаговидное духовенство неспособно было благотворно вліять на своихъ пасомыхъ; повтому неудивительно если религіозно-нравственное состояніе православнаго народо-

* Митрополитъ Павелъ (Кожюшкевичъ) управлялъ Тобольскою епархіею 10 лѣтъ, съ 1758 по 1768 годъ.

населенія Сибири за все продолженіе XVIII вѣка представляется намъ въ самомъ непривлекательномъ и даже мрачномъ видѣ. Всѣ путешественники и ученые изслѣдователи проживавшіе въ Сибири по нѣскольکو лѣтъ въ теченіе прошлаго столѣтія (Миллеръ, Витценъ, Гмелинъ и др.) единогласно отзываются о религіозно-нравственномъ состояніи Сибиряковъ тогдашняго времени въ самыхъ сильныхъ выраженіяхъ. Самъ генераль-губернаторъ Кашкинъ управлявшій Сибирью въ концѣ XVIII столѣтія вынужденъ былъ неоднократно обращаться къ Тобольскому преосвященному Варлааму съ убѣдительною просьбой „лаки и лаки возбуждать епархіальное духовенство къ принятію надлежащихъ духовныхъ мѣръ къ истребленію въ народѣ жестокости и дерзновенія ко вчиненію *зѣтроподобнаго свирѣпства и скотоподражательнаго разврата.*“ *

Такое печальное состояніе сибирскаго народонаселенія, кромѣ многихъ другихъ причинъ, объясняется отчасти и тѣми разнородными элементами изъ которыхъ оно составлялось и пополнялось въ теченіе всего XVIII вѣка. Еще въ концѣ предшествовавшаго XVII столѣтія бѣгство въ Сибирь всякаго рода „гулащихъ и разбойныхъ людей“ усилилось до того что само правительство признало необходимымъ учредить по границамъ Сибири крѣпкія заставы для того „чтобы впредь изъ русскихъ городовъ въ сибирскіе города бѣглыхъ людей не пропускать.“ ** Затѣмъ почти во все царствованіе Петра Великаго сюда ссылалось такое множество раскольниковъ что самъ же Петръ вынужденъ былъ остановить эту ссылку и направить ее въ другое мѣсто: „и впредь, говорится въ одномъ изъ его указовъ за 1722 годъ, раскольниковъ въ Сибирь не посылать, ибо тамъ и безъ нихъ раскольниковъ много, а велите посылать ихъ въ Рогервикъ.“ *** Кромѣ того, въ продолженіе всего XVIII вѣка въ Сибирь ссылались всѣ политическіе и государственные преступники всевозможныхъ категорій, начиная отъ простаго бродяги-вора до отъявленнаго злодѣя-разбойника. Наконецъ промышленные и служилые люди: казаки, стрѣльцы, дѣти боярскія, разные пристава и подъячіе стремившіеся въ Сибирь по одному

* Указъ Тобольской духовной консисторіи отъ 26 іюля 1782 года.

** Ак. Ис. т. V, № 220.

*** П. С. З. т. VI, № 4.109.

главному побужденію—ради легкой и скорой наживы, все эти разнородные элементы вольныхъ и невольныхъ насельниковъ Сибири и сами по себѣ никогда не отличались своими религіозно-нравственными качествами, а безъ надлежащаго руководства и вліянія со стороны мѣстнаго духовенства они годъ отъ году все болѣе и болѣе охладѣвали къ вѣрѣ отцовъ своихъ, чуждались церкви и ея служителей, отвыкали созавать и исполнять свои христіанскія обязанности, привыкли мало-по-малу жить самовольно, самочинно, по однимъ только грубымъ инстинктамъ своихъ влчѣмъ и мчѣмъ нестерпимыхъ страстей. Для такихъ людей хожденіе въ храмы Божіи, исполненіе христіанскаго долга исповѣди и причастія, къ которымъ принуждали ихъ указами и штрафами, представлялось дѣломъ крайне стѣснительнымъ и вызывало съ ихъ стороны попятное недовольство, ожесточеніе, укоризны въ насиліи ихъ совѣсти и даже нерѣдко самое наглое кощунство.

Печальному состоянію нравственности какъ въ самомъ духовенствѣ, такъ и въ народѣ не мало содѣйствовало еще постоянное отсутствіе непосредственнаго архилластырскаго надзора и руководства. Изъ всѣхъ тобольскихъ архіереевъ управлявшихъ сибирскою паствой въ продолженіе всего XVIII вѣка, одинъ только знаменитый просвѣтитель Сибири митрополитъ Филофей Лещинскій совершилъ требуемое духовнымъ регламентомъ обзорніе своей обширной епархіи. Цѣлые два года (1718 и 1719) употребилъ онъ на это обзорніе и побывалъ въ самыхъ отдаленныхъ пунктахъ: въ Иркутскѣ, за Байкаломъ и даже въ пустынномъ Туруханскѣ. Но всѣ его преемники до самаго конца XVIII столѣтія признавали болѣе полезнымъ для самой же епархіи оставаться безвыѣздно въ своемъ каедральномъ городѣ Тобольскѣ. Такая система управленія имѣла свои выгоды и свои печальныя стороны. Обширная епархіа и постоянно умножавшееся народонаселеніе требовали очень много времени для болѣе или менѣе обстоятельнаго обзорнія; а между тѣмъ продолжительное отсутствіе архіерея изъ своей резиденціи могло задерживать регулярное теченіе обширныхъ епархіальныхъ дѣлъ, заставляло напрасно и долгое время проживать въ Тобольскѣ призваныхъ изъ далекихъ мѣстъ провителей и ставленниковъ. Но съ другой стороны, отсутствіе архилластырскаго надзора при безвыѣздномъ пребываніи архіереевъ

въ Тобольскѣ имѣло для епархіи весьма вредныя послѣдствія: безъ этого надзора и духовенство и міряне, особенно въ отдаленныхъ мѣстностяхъ, постепенно приучались къ полному самовольству, самоуправству и безнаказанному нарушенію своихъ обязанностей.

Наконецъ самый судъ духовный производившійся какъ надъ мірянами, такъ и надъ лицами духовнаго званія отличался какимъ-то страннымъ, неопредѣленнымъ характеромъ и потому не могъ благотворно дѣйствовать въ смыслѣ предупрежденія и пресѣченія религиозно-нравственныхъ проступковъ и преступленій. Зависа по преимуществу отъ личнаго характера и благоусмотрѣнія того или другаго архипастыря, судъ этотъ бывалъ въ иныхъ случаяхъ очень суровъ и даже жестокъ, въ другихъ черезчуръ мягокъ и снисходителенъ: за одно и то же преступленіе въ одно время взыскивали такъ, въ другое иначе. Все это не могло не производить извѣстнаго рода вліянія не только на общій ходъ епархіальныхъ дѣлъ, но и на самое религиозно-нравственное состояніе всей паствы.

Соображая всѣ вышеизложенные факты не трудно понять, какъ производилось въ Сибири „самозубѣвшее государственное дѣло“ о наложеніи и взысканіи исповѣднаго штрафа и къ какимъ прискорбнымъ послѣдствіямъ вело оно.

III.

Первые строжайшіе указы о взысканіи исповѣднаго штрафа получены были въ Сибири при митрополитѣ Филосетѣ, который посвятивъ всю свою архипастырскую дѣятельность по преимуществу на приведеніе ко Христу сибирскихъ шенородцевъ, не обратилъ на эти указы особеннаго вниманія. Строжайшія разнаго рода повелѣнія получались въ тѣ времена очень часто и по дѣламъ далеко не важнымъ и потому не производили уже особеннаго впечатлѣнія, не возбуждали собой энергіи къ ихъ немедленному исполненію. Можетъ-быть даже и то что этотъ высокопросвѣщенный архипастырь болѣе другихъ понималъ всю внутреннюю несостоятельность подобныхъ мѣропріятій, проникательнымъ взоромъ предвидѣлъ весь нравственный вредъ имѣющій произойти отъ ихъ буквального исполненія и потому привалъ ихъ только къ свѣдѣнію, не принимая никакихъ мѣръ къ ихъ исполненію. Въ

самомъ дѣлѣ, требованія этихъ указовъ, какъ-то: хожденіе въ храмы Божиіи по приказанію начальства, принужденіе къ исполненію важнѣйшихъ христіанскихъ таинствъ, покаянія и причащенія, подѣ угрозой штрафа и жестокаго въ гражданскомъ судѣ истязанія, чтеніе царскихъ указовъ объ этомъ во время церковнаго богослуженія вмѣсто живой церковной проповѣди, всѣ эти пункты далеко не могли согласоваться съ истинно апостольскимъ духомъ великаго архипастыря, словомъ евангельской проповѣди, духомъ своей кротости и христіанской любви успѣвшаго обратить ко Христу болѣе сорока тысячъ дикихъ инородцевъ Сибири. Кромѣ того, во время своего двухлѣтняго странствованія для обозрѣнія епархіи митрополитъ Филоеѣй лицомъ къ лицу познакомился со своими ближайшими сотрудниками по управленію словеснымъ Христовымъ стадомъ, со священниками, близко узналъ ихъ умственное и нравственное состояніе, ясно повѣтому видѣлъ чего можно было требовать и ожидать и что можно было поручать подобнымъ сотрудникамъ. Онъ не могъ не знать что даже самая внѣшняя сторона дѣла—составленіе духовныхъ росписей, особенно въ приходахъ обширныхъ, составитъ для малограмотнаго духовенства непосильный, неисполнимый трудъ, не говоря уже о внутренней, религіозно-нравственной сторонѣ дѣла, печальныя послѣдствія котораго онъ ясно могъ предвидѣть, судя по характеру и нравственнымъ качествамъ этого духовенства, зараженнаго въ числѣ другихъ пороковъ самымъ неблаговиднымъ корыстолюбіемъ, на что повсюду при обозрѣніи епархіи онъ получалъ многочисленныя жалобы прихожанъ.

Впрочемъ, какъ бы тамъ ни было, по тѣмъ или другимъ причинамъ и побужденіямъ, но первоначальныя строжайшіе указы о наложеніи и взыскаіи исповѣднаго штрафа не исполнялись въ Сибири очень долго, въ теченіе почти двадцати лѣтъ, и только уже въ 1737 году, при митрополитѣ Антоніи I *, вслѣдствіе новыхъ настояній со стороны Синода и Сената, учреждена была въ Tobольскѣ особая раскольническая коммиссія, которой поручено было вести всѣ дѣла какъ о розысканіи и перелисѣ раскольниковъ, такъ и о своевременномъ собраніи по всей епархіи духовныхъ росписей. Коммиссія эта, какъ и всякая новая метла, горячо привалась за

* Антоній I (Стаховскій) управлялъ Tob. епархіей съ 1721 по 1740.

дѣло и въ теченіе перваго же года своего существованія разслала по епархіи четыре грозные циркуляра, въ которыхъ строжайше предписывалось духовенству побуждать своихъ прихожанъ къ неопустительному хожденію въ церковь къ вечерни, утрени и обѣдни, и для того читать за богослуженіями по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ всѣ прежде состоявшіеся высочайшіе указы „о бытіи наипаче у исповѣди“, но для чего наипаче у исповѣди? „для немедленнаго составленія духовныхъ росписей и представленія ихъ въ свѣтскія команды на предметъ взысканія положенныхъ штрафовъ.“ Кромѣ этихъ общихъ циркуляровъ раскольническая коммиссія чуть не каждую недѣлю разсылала къ заикамъ строжайшія подтвержденія и придумала еще новую мѣру понужденія—посылку нарочныхъ на счетъ виновныхъ, что особенно было удобно и практично, если вспомнить то географическое пространство которое занимала Тобольская епархія. Такія настойчивымъ мѣры подѣйствовали на нѣкоторыхъ заикахъ, они кое-какъ собрали по своимъ заказамъ духовныя росписи за предшествовавшіе годы и представили оныя въ коммиссію; но по разсмотрѣніи всѣ эти росписи оказались „знатно слабы“ * и потому возвращены были для обстоятельнѣйшаго составленія, а тѣмъ священно-церковно-служителямъ которые вовсе не представили росписей строжайше предписано „сочинить таковыя въ теченіе двухъ дней подъ опасеніемъ штрафа, изгнанія и лишенія сана“. Это двухдневное составленіе росписей особенно неудобно было въ виду тѣхъ многосложныхъ и многографныхъ формъ которыя въ этомъ же самомъ 1737 году были придуманы Сенатомъ и Синодомъ.

Съ легкой руки этой раскольнической коммиссіи, полюбившей въ особенности бумажное дѣло, поднялась въ Сибири огромная, безконечно длинная и въ большинствѣ случаевъ совершенно безплодная переписка, продолжавшаяся непрерывно до самаго конца прошлаго XVIII вѣка. До какихъ размѣровъ доходила эта переписка можно приблизительно судить по слѣдующему факту: Тобольская духовная консисторія въ указѣ своемъ отъ 10 іюля 1786 года заявляла духовнымъ правленіямъ и заикамъ что на одну переписку съ ними и по одному только дѣлу о своевременномъ

* Указъ Тоб. архіерейскихъ раскольническихъ дѣлъ коммиссіи отъ 25 сентября 1737 года.

представленіи духовныхъ росписей за время отъ 1780 по 1786 годъ употреблено ею бумаги „пять столбъ“. * На переписку же со свѣтскими властями по этому обширнѣйшему дѣлу выходило конечно еще болѣе. Но никакія строжайшія предписанія, никакіе наикрѣпчайшіе указы, страхованія и даже „жестокія на тѣлѣ наказанія“, ничто не помогало, ничто не могло принудить приходское духовенство Тобольской епархіи болѣе аккуратно и добросовѣстно относиться къ дѣлу, которое епархіальнымъ начальствомъ считалось самовужнѣйшимъ государственнымъ дѣломъ. По справкамъ раскольнической комиссіи оказалось что изъ многихъ „заказовъ“ со всѣмъ не доставлялись метрическія книги и духовныя росписи съ 1724 по 1737 годъ. ** Изъ указовъ митрополита Арсенія видно что эти самые документы не постулали отъ многихъ причтовъ съ 1737 по 1742 годъ. *** Митрополитъ Сильвестръ въ циркулярѣ своемъ отъ 24 іюля 1752 года объявляетъ что отъ нѣкоторыхъ закащиковъ не представлены экстракты и росписи о не бывшихъ у исповѣди и записавшихся въ двойной окладъ, а также о „крестоображающихся двоеперстно“—съ 1747 по 1753 годъ и строжайше предписываетъ составить оныя въ теченіе одной недѣли. **** Святѣйшій Синодъ, объявляя этому митрополиту строгій выговоръ, укоряетъ его въ томъ что изъ нѣсколькихъ заказовъ его епархіи не получены духовныя росписи за дѣлныхъ 12 лѣтъ, съ 1744 по 1756 годъ. † Митрополитъ Павелъ, получая неоднократно такіе же строжайшіе синодскіе указы и выговоры, посылалъ нарочныхъ въ самыя отдаленныя мѣстности и заказы своей епархіи; †* но ничто не помогало и дѣло отъ того ничуть не подвигалось впередъ.... Наконецъ тобольскій губернаторъ Чичеринъ, получавшій также постоянныя подтвержденія и выговоры Сената по дѣлу о неисправномъ сборѣ исповѣднаго штрафа, сдѣлалъ такое распоряженіе чтобы сельскіе старосты и сотники во время постовъ сами вели подробные списки о бывшихъ и не бывшихъ у исповѣди и

* Указъ Тобольской духовной консисторіи, 10 іюля 1786, № 1.209.

** Указъ Тобольской духовной консисторіи отъ 13 марта 1739.

*** Указъ Тобольской духовной консисторіи отъ 8 марта 1742.

**** Указъ Тобольской духовной консисторіи отъ 24 іюля 1753.

† Указъ Тобольской духовной консисторіи отъ 31 декабря 1755.
№ 2.686.

†* Указъ Тобольской духовной консисторіи отъ 26 іюля 1770.

доставляли бы таковыя въ его губернаторскую канцелярію, для того чтобы по этимъ спискамъ можно было сличить и провѣрить духовныя росписи по полученію таковыхъ отъ приходскихъ священниковъ. Но и эта мѣра повела только къ большей еще залутанности дѣла: росписи духовныя не сходились со списками сельскихъ старостъ; то въ тѣхъ, то въ другихъ открывались пропуски, утайки, невѣрныя отмѣтки; возникли по этому поводу безчисленныя жалобы, доносы; начались нескончаемыя дозванія, слѣдствія, переслѣдованія. Губернаторъ принималъ сторону своихъ подчиненныхъ, архіерей—своихъ, доходило не разъ до личныхъ, весьма крупныхъ неудовольствій.... * Въ 1771 году губернаторъ Чичеринъ получилъ по этому дѣлу высочайшій выговоръ. Это тяжелое и почти безъ вины полученное имъ взыскаіііе побудило его принять самыя рѣшительныя мѣры: онъ самъ отправился по вѣрвонной ему губерніи и началъ въ каждомъ селѣ, въ каждой приходской церкви ревизовать церковныя документы, а неисправныхъ священниковъ собственною властію бралъ подъ стражу, сажалъ въ „холодную“ и подъ карауломъ отсылалъ въ Тобольскъ, но не къ архіерею, а въ собственную свою губернаторскую канцелярію, ** гдѣ и заставляли ихъ насильственными средствами исправлять навѣрно составленныя духовныя росписи. Однако и эти принудительныя мѣры достигали своей цѣли только на известное время и въ нѣкоторыхъ только мѣстахъ. Не могъ же губернаторъ цѣлый годъ разъѣзжать по селамъ и собирать духовныя росписи.... Да одного года и не достаточно было для объѣзда такой обширной губерніи. Притомъ же, когда слухъ о такихъ насильственныхъ дѣйствіяхъ губернатора распространился по епархіи, сельскіе священники старались какъ можно уклоняться и такъ или иначе избѣгать губернаторскихъ ревизій; съ этою цѣлію они при его приближеніи уѣзжали въ самыя отдаленныя

* Напримеръ: Чичеринъ, желая досадить митрополиту Павлу, нарядилъ всѣхъ своихъ слугъ и полицейскихъ солдатъ въ монашеское платье и во время Масляницы приказалъ имъ ѣздить по городу и заходить во всѣ кабаки и непотребныя дома. Митрополиту въ отплату за это поруганіе приказалъ на церковной паперти картину страшнаго суда и на первомъ планѣ помѣстить портретъ губернатора, котораго черги тянуть крючьями въ адъ.... Рукоп. Ист. христіанства въ Сибири. А. Сулоданаго.

** Указъ Тобольской духовной консисторіи отъ 5 сентября 1771.

деревни своихъ приходовъ и тамъ скрывались или вовсе выѣзжали изъ предѣловъ своихъ приходовъ, такъ что никакіе губернаторскіе сыщики и разсыльные не могли ихъ отыскать.

Эти энергическія, хотя и безплодная мѣры губернатора Чичерина послужили въ послѣдствіи образцомъ дѣйствованія и для тобольскаго епархіальнаго начальства, которое и со своей стороны начало потомъ принимать самыя крайнія мѣры: такъ въ 1793 году Тобольская духовная консисторія предписала туруханскому закащику: „означеннаго. Нижнетуругусскаго логоста пола съ причтомъ, истребуя отъ тамошнихъ городничаго или земскаго суда двухъ нарочныхъ, сыскать въ духовное правленіе и тутъ ихъ, доколѣ они за тотъ 1789 годъ росписей и метрикъ не исправятъ, *держатъ безъ выпуску изъ утѣль подѣ карауломъ*, и деньнощно къ тому ихъ принуждать“. * Въ томъ же году мѣра эта была распространена и на самихъ закащиковъ и членовъ духовныхъ правленій. Оказалось что духовныя росписи и метрики не доставлены были въ Синодъ съ 1789 по 1794 годъ. Синодъ неотступно требовалъ ихъ. Тобольская консисторія не знала что ей и дѣлать съ епархіальнымъ духовенствомъ: „ложе духовныя правленія и священно-церковно-служители объ ономъ государственномъ дѣлѣ не брегутъ и сущую остановку во всемъ томъ что требуется Святѣйшимъ Синодомъ, его преосвященству навели и каждагодно наводятъ; а изъ сего и усматривается что у тѣхъ духовныхъ правленій, по безстрашію ихъ, поставляется все оное за маловажное или за *ничто*; такъ потому и сила указовъ къ нимъ посылаемыхъ теряетъ всю свою важность. Того ради консисторія опредѣлила: просить губернаторовъ, чтобъ они приказали исправникамъ и городничимъ давать духовнымъ правленіямъ сыщиковъ для сыску неисправныхъ священно-церковно-служителей въ оныя правленія, гдѣ и держать ихъ подѣ карауломъ до окончанія росписей.“ ** Но не болѣе какъ чрезъ мѣсяць послѣ этого указа, консисторія признала необходимымъ распространить его силу и на закащиковъ и на духовныя правленія; новымъ своимъ опредѣленіемъ

* Указъ Тобольской духовной консисторіи отъ 20 августа 1793.

** Указъ Тобольской духовной консисторіи отъ 14 августа 1793, № 1.137.

она просила уже губернаторовъ предписать исправникамъ и городничимъ „держать подъ стражею безвыпускно и самихъ закащиковъ и членовъ духовныхъ правленій, поколь они тѣхъ росписей не исправятъ и не отошлютъ къ его преосвященству“.*

Несмотря однако на всѣ эти крайнія, послѣднія, такъ сказать, мѣры понужденія, имѣвшіяся во власти епархіальнаго начальства, ** дѣло отъ того нисколько не улучшалось и, какъ мы видѣли уже, въ теченіе цѣлаго столѣтія оставалось все въ одномъ и томъ же неподвижномъ положеніи. Приходское духовенство Тобольской епархіи, несмотря на то, требуемыхъ отъ него духовныхъ росписей никогда своевременно и аккуратно не представляло и тѣмъ, по выраженію консисторіи, сущую остановку во всемъ томъ что требовалось Святѣйшимъ Синодомъ, его преосвященству или вѣрнѣе всей и духовной и свѣтской администраціи каждаго дня наводило и причиняло.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

В. ГУРЬЕВЪ.

* Указъ Тобольской духовной консисторіи отъ 17 сентября 1793 № 1.414.

** Оставались еще мѣры взысканія, какъ-то: отрѣшеніе отъ мѣста, запрещеніе священнослуженія, лишеніе сана; но такія исключительныя мѣры невозможно было примѣнять въ Тобольской епархіи „великія ради нужды во священствѣ“.

ПОЪЗДКА ВЪ СВАНЕТІЮ

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ

I.

Въ прошломъ 1880 году мнѣ пришлось проѣхать въ штабъ-квартиру Бечоской мѣстной команды, лежащую на западной окраинѣ вольной Сванетіи; вольная Сванетія есть часть при-ставства Сванетіи, входящаго въ составъ Кутаисской губерніи.

Единственное указаніе полученное мною по поводу этой поѣздки состояло въ маршрутѣ отъ Кутаиса до Бечо, въ которомъ мелькали странныя названія полутныхъ мѣстъ и значилось что Бечо лежитъ отъ Кутаиса во 185 верстахъ.

Въ числѣ смутныхъ и отрывочныхъ свѣдѣній о Сванетіи у меня значилось, между прочимъ, что туда можно проникнуть только верхомъ, по труднымъ горнымъ тропамъ, и такъ какъ верховая поѣздка въ 370 верстъ дѣло не легкое, то по прибытіи въ Кутаисъ пришлось узнавать какъ люди ѣздить въ Сванетію.

Я обратился къ тремъ источникамъ: картамъ, печатнымъ указаніямъ и свѣдѣніямъ людей бывалыхъ. Карты мнѣ показали про вольную Сванетію слѣдующее: это высокая горная долина, лежащая на самомъ сѣверѣ Кутаисской губерніи и идущая съ востока на западъ; съ сѣвера ее загораживаетъ сплошною стѣной главный Кавказскій хребетъ, съ юга тоже

снѣговой хребеть, имѣющій въ разныхъ частяхъ разныя названія, но вообще слывущій подъ именемъ Сванетскаго. На восточной границѣ вольной Сванетіи главный и Сванетскій хребты соединяются сплошною каменною перемычкой; на западѣ долина эта также замыкается поперечными отрогами идущими отъ главнаго хребта къ югу; западный конецъ долины занимаетъ такъ-называемая княжеская Сванетія. Вдоль всей долины, сперва по направленію съ востока на западъ, потомъ поворачивая къ юго-западу, течетъ рѣка Ингуръ, которая прорывается черезъ южный хребеть къ Черному Морю страшными каменными проластами, узкими какъ трещина. Къ этому бѣглому очерку остается прибавить что отъ главнаго Кавказскаго и Сванетскаго хребтовъ идутъ на встрѣчу другъ другу поперечные горные отроги, подходящіе къ ложу Ингура и словно контрфорсы подпирающіе стѣны хребтовъ. Такимъ образомъ вольная Сванетія занимаетъ восточную, большую половину гигантскаго каменнаго ящика, единственныи выходъ изъ котораго есть трещина въ его южной стѣнѣ. Ингуръ, выходящій изъ долины этою трещиною, принимаетъ въ себя всѣ рѣчки и рѣченки сбѣгающія въ долину отъ ледниковъ и снѣговъ, вѣчающихъ на югѣ и на сѣверѣ зубчатую ограду долины. Еслибы пробудившіяся подземныя силы, поднявъ неожиданно въ упомянутой трещинѣ новый хребеть поперекъ ея, преградили Ингуру выходъ къ морю, то Сванетская котловина должна была бы превратиться въ огромное озеро.

Мой маршрутъ велъ меня не по разсѣлинѣ Ингура, вдоль котораго также есть дорога въ Сванетію, а переваломъ, черезъ южный Сванетскій хребеть.

Второй источникъ—три описанія путешествій по Сванетіи, не далъ никакихъ практическихъ указаній и не облегчалъ мнѣ задачи. Одинъ путешественникъ ѣздилъ въ Сванетію очень давно и пользовался содѣйствіемъ и покровительствомъ мѣстной власти; другой, уроженецъ Кавказа, знатокъ обычаевъ и языковъ страны вообще, могъ безо всякихъ затрудненій и безъ помощи властей исколесить всю Сванетію; третій странствовалъ подъ покровительствомъ лица могущественнаго не только въ княжеской Сванетіи, гдѣ до недавнихъ временъ царилъ на владѣльческихъ правахъ его фамилія, но пользующагося авторитетомъ и у вольныхъ Сванетовъ, въ сопровожденіи его сыновей и тѣлохранителей, да чуть ли и не

на его лошадяхъ. Ни на одинъ изъ видовъ подобнаго содѣйствія я разчитывать не могъ и сталъ отыскивать опытныхъ людей которые помогли бы мнѣ хотя совѣтомъ.

Въ Кутаисѣ нашлось нѣсколько человѣкъ кое-что знавшихъ о поѣздкахъ въ Сванетію, а одинъ изъ нихъ даже побывавшій тамъ нѣсколько разъ; по его словамъ онъ какъ-то провозжалъ въ Бечо военного слѣдователя, который въ дорогѣ, на одномъ изъ мостовъ черезъ проласть помѣшался и черезъ мѣсяцъ умеръ. Къ этому-то слутяику бѣднаго слѣдователя я и обратился прежде всего.

— Послушайте, мнѣ нужно ѣхать въ Бечо, будьте добры, научите какъ устроить эту поѣздку.

— Въ Бечо? Ого-го, это, я вамъ скажу, штука не легкая. Да вы бывали прежде въ Сванетію?

— Нѣтъ, не былъ никогда.

— Ну, такъ вы натерпитесь всего. Да вы знаете что въ этой проклятой Сванетіи ѣсть нечего, вы тамъ съ голоду умрете пока доѣдете до Бечо.

— Ну, ѣсть съ собою возьмемъ, а скажите, дороги тамъ какія, можно проѣхать?

— Дороги ничего, только не ѣздите на лошадяхъ, — здѣсь трудно найти привычныхъ къ такимъ дорогамъ лошадей, а непрежненно наймите катеровъ. А ло-грузински вы говорите?

— Ни одного слова.

— Такъ вамъ нужно взять съ собою переводчика, иначе вы не проѣдете.

— А нельзя ли взять открытый листъ и ѣхать на обывательскихъ лошадяхъ за прогоны. Пожалуй покойнѣе и проще было бы.

— Ухъ, батюшка, да вы въ три недѣли не доѣдете до Бечо, по четыре дня будете на каждомъ ночлегѣ ожидать лошадей и то не дождетесь.

— Ну, скажите пожалуйста теперь относительно опасностей, нужны какія-нибудь предосторожности, оружіе?

— Какое тамъ оружіе, никакихъ опасностей не будетъ. только вы не церемоньтесь съ этими Сванетами: они трусы, кричите на нихъ погромче, а если не возьметъ, такъ и покруче распоряжайтесь. Разъ мнѣ старшина не давалъ лошадей, такъ я его скрутилъ веревками, и къ столбу; живо лошади явились. Нѣтъ, этого ничего не бойтесь.

— Теперь будьте добры научите меня, гдѣ и у кого нанять катеровъ или лошадей?

— Катеровъ... отвѣчалъ мой собесѣдникъ подумавъ,—погодите, я поговорю съ однимъ духавщикомъ, можетъ онъ найдеть вамъ катеровъ.

Я поблагодарилъ и пошелъ домой съ однимъ господиномъ присутствовавшимъ при этомъ разговорѣ. Когда мы повернули за уголь, мой слутчикъ спросилъ меня:

— Вы все-таки поѣдете въ Бечо?

— Да какъ же не ѣхать когда нужно, разумѣется поѣду.

— Помилуйте, да онъ вамъ Богъ знаетъ чего наговорилъ, удивляюсь какъ у него языкъ поварачивался! Да туда крайне опасно ѣздить, тамъ могутъ убить васъ на каждомъ шагу. Сванеты извѣстные разбойники.

— Да какъ же ѣздить туда чиновники и офицеры, и солдаты ходятъ изъ Бечо въ Кутаисъ, значить можно ѣздить?

— Ѣздить, это правда, но все-таки очень опасно; по крайней мѣрѣ вы не надѣвайте дорогой форменнаго костюма. Сванеты очень подозрительны, боятся и не любятъ чиновниковъ.

Все это оказалось на дѣлѣ положительною неправдой, опасностей не было ровно никакихъ, и я изъ опыта убѣдился что всю Сванетію можно пройти съ палкой въ рукахъ, лишь бы знать дорогу да грузинскій языкъ, который тамъ гораздо нужнѣе револьвера.

На другой день ко мнѣ вошелъ съ низкимъ поклономъ почтенный старикъ Армянинъ; онъ содержалъ духанъ, т.е. кабакъ и лавочку вмѣстѣ, и кромѣ того занимался другими операціями и комиссіями. Онъ брался поставить мнѣ одну лошадь и двухъ катеровъ, а также и переводчика знающаго по-русски и по-грузински, съ тѣмъ чтобъ я заплатилъ и за третьяго катера подъ этого переводчика,—его роднаго сына Николая. За доставку меня этими средствами въ Бечо и обратно, съ двухдневнымъ пребываніемъ тамъ, старикъ запросилъ 90 рублей, т.е. ровно ту сумму проговоровъ которую я получилъ, но потомъ сбавилъ на 80. Такимъ образомъ у меня изъ прогонныхъ денегъ оставалось только 10 рублей на экстраординарные расходы и не оставалось возможности нанять лятую лошадь подъ вьюкъ для провизіи и вещей. Въ виду этого мною было выговорено право для себя и моихъ слутниковъ везти за сѣдломъ по вьюку вѣсомъ до одного луда.

— Ну, теперь скажите, былъ ли вашъ Николай когда-нибудь въ Бечо?

— Нѣтъ, не былъ, но я самъ два раза былъ и все ему разказалъ.

— А какъ же онъ найдетъ дорогу?

— Какъ не найти? Онъ такой умный, все найдетъ, и курицу найдетъ, и дорогу найдетъ, а гдѣ нужно—найдетъ проводника.

— Ну, а катера ваши хороши будутъ, не станутъ дорогой?

— О, какъ можно стать, всё бѣжать будутъ... Одинъ катеръ будетъ очень хорошей, ему сто лѣтъ есть; еще дѣдушка мой на немъ ѣздилъ.

Я слышалъ что катера, безплодная помѣсь осла и лошади, отличаются необычайно выносливостью и страшнымъ долголѣтиемъ и потому не смутился заявленною мнѣ метрикой лучшаго катера; не знаю ѣздилъ ли на немъ дѣдушка, но онъ положительно изумлялъ меня въ дорогѣ своею силой и неутомимостью при самомъ скудномъ продовольствіи. Такіе катера цѣнятся въ 200—300 рублей и несомнѣнно стоятъ этихъ денегъ за свои драгоценныя качества. Весьма вѣроятно что причиною замѣчательнаго долголѣтія катеровъ служить отсутствіе у нихъ страстныхъ вождѣній: они никогда не даютъ отъ себя потомства.

Существенный вопросъ о лошадяхъ былъ локоченъ. Оставалось позаботиться о продовольствіи и позаботиться серьезно, такъ какъ въ томъ что Сванетія страна голодная и лавокъ въ ней не имѣется не было никакого сомнѣнія.

Вечеромъ, наканунѣ дня отъѣзда, въ двѣ пары переметныхъ сумъ были уложены слѣдующіе драгоценные и необходимыя въ подобныя поѣздки предметы: во первыхъ, посуда: мѣдная кастрюля, такой же чайникъ, четыре стакана и четыре деревянные ложки; затѣмъ провізія: чай, сахаръ, прессованная зелень, рисъ, гречневая крупа, свиное соленое сало, хлѣбъ, водка, соль, перецъ, лавровый листъ и нѣсколько связокъ тарани.

Затѣмъ я и мои слутники закатали въ бурки по маленькой подушкѣ, одѣялу и гутталерчевому плащу, и все наше дорожное снаряженіе было готово. Много еще хорошихъ и полезныхъ вещей для десятидневной дороги въ дикой странѣ называла намъ предусмотрительность при этой незатѣливой укладкѣ; но особой выючной лошади у насъ не было, каждый долженъ былъ везти за сѣдломъ и всё средства дорожнаго комфорта, и все свое продовольствіе, а потому съ предусмотрительностью во многомъ пришлось не согласиться.

II.

Рано утромъ въ свѣтлый июльскій день явился на дворъ Николай съ тремя катерами и лошадей. Познакомившись съ Николаемъ, я сейчасъ же попросилъ его познакомить меня и со знаменитымъ катеромъ на которомъ ѣздилъ его прадедушка. Это оказалось черное, плотное, довольно малорослое животное, съ мускулистыми крѣпкими ногами и огромною злою мордой. Остальные два катера были тоньше, выше и легче и, по словамъ Николая, не стоили и одного колыта чернаго катера; лошадь оказалась древнѣйшею клячей люблѣвшею отъ старости.

Въ качествѣ нѣкоторымъ образомъ начальника экспедици я для большей представительности выбралъ себѣ лошадь, и мы тронулись въ путь черезъ пыльный только-что просыпающійся Кутаисъ.

Сталкиваясь на каждомъ шагу въ узкихъ улицахъ съ неповоротливыми арбами и буйволами, тихо проѣхали мы городъ, миновали такъ-называемую ферму—въ дѣйствительности залущенный и заброшенный ботаническій садъ, въ которомъ растутъ такія рѣдкости какъ трехсаженные магноліи зимующія въ грунтѣ, пробковый дубъ, огромныя тюльпанныя деревья, и выбравшись на свободную дорогу, поѣхали легкою рысью.

Путь нашъ шелъ зеленою долиной вверхъ по правому берегу рѣки Ріона, по довольно порядочному шоссе, съ легкими подъемами и спусками. Утро было отличное, солнце не успѣло накалить земли и съ каждымъ поворотомъ дороги открывалась панорама за панорамой зеленыхъ горныхъ хребтовъ толпившихся предъ глазами, поросшихъ лѣсомъ и окаймляющихъ ложе Ріона, поочередно заслонявшихъ и вновь выраставшихъ другъ изъ-за друга пока еще въ мягкихъ ласкающихъ глазъ очертаніяхъ; только вдали на самомъ заднемъ планѣ этой панорамы смутно обрисовывался голый скалистый хребетъ Хвамли или Холми, мелькавшій какъ сѣрый маякъ изъ-за огромныхъ зеленыхъ волнъ; къ нему и вела насъ дорога.

Первыя двадцать верстъ, отмѣченныя вдоль шоссе версто-

выми столбами, пролетѣли быстро; животныя бѣжали бодро, впереди черныи катеръ, мѣрно помахивая длинными ушами, отбивалъ по дорогѣ мѣрный тактъ своими крѣпкими копытами, за нимъ степенно бѣжалъ мой бѣлый конь, а дальше слѣдовали мои спутники на своихъ молодыхъ катерахъ. Хотя дорога позволяла бы ѣхать рядомъ, но наши животныя въ своей обычной работѣ—возкѣ вьюковъ по горнымъ тропамъ, такъ привыкли всегда слѣдовать гуськомъ другъ за другомъ что никакія усилія съ нашей стороны не могли заставить ихъ выстроить фронтъ.

На двадцать первой верстѣ нашей дороги отъ Кутаиса находилось селеніе Намахвани; собственно селенія мы не увидѣли, отдѣльныя усадьбы его и домики разбросаны по сторонамъ дороги и прячутся въ ложбинахъ и котловинахъ между окружающими дорогу дѣсистыми холмами; на шоссе же выступаютъ съ обѣихъ сторонъ только три, четыре духана.

Передовой катеръ при видѣ духановъ заманчиво выросших на одномъ изъ поворотовъ дороги повернулъ прямо къ нимъ и заржалъ или заревѣлъ—положительно затрудняюсь сказать: онъ началъ ржать совершенно какъ лошадь, но тотчасъ же это ржаніе перешло въ подавленный жалобный ослиный ревъ; такимъ образомъ эти замѣчательныя животныя получаютъ отъ своихъ разнообразныхъ родителей не только смѣшанные наружныя признаки, но и странно смѣшанный голосъ. Остальные катера и лошадь тоже сами собою повернули къ духанамъ и безъ приглашенія съ нашей стороны остановились у навѣсовъ; они хорошо знали изъ личнаго опыта что духанъ—единственное убѣжище и пристанище на Кавказѣ для лутниковъ и ихъ лошадей и что не въ порядкѣ вещей было бы пропустить вовсе безъ остановки хотя одно изъ этихъ полутѣлыхъ пристанищъ.

Желая какъ можно экономнѣе расходовать свои дорожныя запасы, я попытался на первый день купить чего-нибудь въ духанѣ; но, увы, здѣсь, всего въ двадцати верстахъ отъ губернскаго города Кутаиса, не нашлось ничего кромѣ ржавыхъ мѣстныхъ балыковъ, столѣтнихъ сардинокъ и воючей фруктовой водки.

Мы тронулись дальше; мѣстность дѣлалась все живописнѣе, горы обступившія долину Ріона поднимались выше, надвигались на рѣку и тѣсно прижимали къ ней дорогу,

порой обрываясь прямо на шоссе своими отвѣсными скалистыми боками и крутыми осыпями. Со скалъ, прорывая груды зелени, падали прямо на край дороги подъ мостики красивые небольшіе водопады; въ особенности былъ хорошъ одинъ изъ нихъ; скатываясь нѣсколькими лѣнистыми бѣлыми уступами съ полуотвѣсной скалы, между двухъ стѣнъ яркой зелени, онъ падалъ въ большой природный резервуаръ, выдолбленный водою въ скалъ. Эта каменная чаша съ прозрачною, холодною водою, въ которой дрожали отраженія тѣсно обступившихъ ее молодыхъ деревьевъ и кустовъ, такъ и звала окунуть-ся и освѣжиться въ ней, тѣмъ болѣе что солнце начинало жечь сильнѣе, но терять времени нельзя было, и мы миновали искушеніе; дорога, хотя попрежнему широкая и безопасная, становилась для животныхъ все труднѣе; избѣгая обрывистыхъ стѣнъ ущелья, она чаще и выше взбѣгала на лѣсистые хребты, то пролегалъ по ихъ боковымъ склонамъ, то перерѣзывая небольшіе поперечные ихъ отроги; порою она поднималась очень высоко и открывала видъ на Ріонъ, который въ болѣе низкихъ мѣстахъ маскировали массы зелени; на днѣ глубокой долины извивалась сизо-сѣрая лента рѣки, сдавленной близко надвинувшимися горами. Ріонъ, съ глухимъ шумомъ, едва долетавшимъ снизу, безлокойно бросался изъ стороны въ сторону, отыскивая себѣ дорогу въ извилинахъ тѣсной долины. Но все-таки общіе тоны и штрихи этой картины были еще мягки и локойны, не рѣзали глаза острыми, дикими чертами, не смущали душу непривычными впечатлѣніями. Острыя и рѣзкія формы скалистыхъ обнаженій прятались подъ кровомъ полутролическаго лѣса; съ обѣихъ сторонъ дорогу обступали большіе кусты краснаго рододендрона; мѣсяца полтора назадъ каждая вѣтка этого красиваго кустарника украшалась на концѣ лышною кистью крульныхъ цвѣтовъ отъ красно-розоваго до бѣлаго оттѣнка; теперь только изрѣдка среди блестящихъ темныхъ листьевъ висѣли не услѣвшіе свалиться увядшіе вѣнчики. Кромѣ рододендроновъ подлѣсокъ составляли лавровишневые кусты съ яркими лакированными большими листьями, между которыми темными латнами вырѣзывались кустарники остролистника или ладуба (*Plex aquifolium*) съ колючими, черно-зелеными, точно гофрированными листьями.

Надъ дорогой, цѣпляясь корнями за каменные пласты, падали стройныя деревья самшита или такъ-называемой

кавказской пальмы (*Buxus sempervirens*). Это превосходное дерево, съ твердою какъ кость бѣло-желтою древесиной и мелкими какъ у мирты блестящими листочками, состоящими изъ двухъ пластинокъ, срастающихся по краямъ и образующихъ какъ будто маленькій овальный конвертикъ, въ огромномъ количествѣ вывозится за границу, главнымъ образомъ на машинныя веретена; намъ попадались деревца въ полторы-двѣ сажени вышиной и толщиной въ руку; но нѣсколько выше въ горахъ этихъ попадаются деревья самшита толщиной въ человѣческую ногу. По краямъ дороги попадалось много каштановыхъ деревьевъ, или вѣрнѣе пней отъ нихъ, обросшихъ круглыми шалками молодыхъ побѣговъ и листьевъ; кое-гдѣ на длинныхъ прутьяхъ сидѣли плотно круглые, колючіе шарики несозрѣвшихъ плодовъ. Благодаря чрезвычайно крѣпкой и упругой древесинѣ каштановое дерево служить превосходнымъ матеріаломъ для хозяйственныхъ и домашнихъ подѣлокъ и потому каштаны растущіе близъ дороги усердно вырубаются жителями.

За подлѣскомъ стройными рядами всходилъ по склонамъ и бокамъ до самыхъ вершинъ хребтовъ черный лѣсъ, преимущественно изъ дуба, бука и ясени; но лѣсъ этотъ былъ тихъ и мертвъ, какъ большинство лѣсовъ на Кавказѣ; щелканье птицъ не оживляло его, и единственными представителями заявлявшими объ обитаемости этихъ тихихъ убожищъ были черныя дрозды, изрѣдка перелетавшіе съ трескучимъ крикомъ дорогу и исчезавшіе въ дали лѣснаго зеленого сумрака; еще рѣже слышался крикъ сойки и мелькали между вѣтками ея голубыя крылья, за тѣмъ—ни звука, ни движенія.

Другой недостатокъ отнимавшій много прелести у этихъ красивыхъ издали лѣсовъ было почти полное отсутствіе травы на землѣ. Не только въ чащѣ, у подножія стволовъ каменистая почва была полуприкрыта только сухими и гніющими листьями, но и тамъ, гдѣ лѣсъ отступалъ предъ полянками, земля была или засылана мелкими острыми камешками, остатками разлагающихся и разсылающихся пластовъ, проросшими рѣдкою щетиной короткой травы, или поляны покрывались сплошнымъ свѣтлозеленымъ кружевомъ негоднаго лалортника. Этотъ недостатокъ мы особенно близко приняли къ сердцу, когда остановились отдохнуть и покормить животныхъ на 34 верстѣ отъ Кутаиса, у деревни Меквены. Бѣдные животныя, слонаясь между кустами, натыкались

или на сухія сорныя травы, или на негодный папоротникъ и едва ли въ теченіе трехчасовыхъ поисковъ наѣлись досыта.

Деревни Меквены я также не видѣлъ какъ и предыдущей, потому что видимую часть ея составляли только три или четыре духана у дороги и *канцеларія*, то-есть въ сущности волостное или сельское управленіе, длинный домъ съ крышей изъ драни, стоявшій особнякомъ на пригоркѣ; усадьбы же деревни прятались за деревьями и пригорками, ближе къ разбросаннымъ клочкамъ и уголкамъ земли, удобнымъ для посѣва кукурузы и садовъ.

У духановъ бродили куры и я попытался купить одну на суль; духанщикъ Имеретинъ, польстившись на 60 копѣекъ, началъ было ловить ихъ, но послѣ двухъ-трехъ неудачныхъ маневровъ объявилъ что теперь очень жарко и ловить куръ нельзя, а вечеромъ поймаетъ. Но до вечера намъ ждать не приходилось, мы хотѣли проѣхать еще 17 верстъ и ночевать у деревни Альпано, а потому, удовольствовавшись рисовою кашей и сухою закуской, въ четвертомъ часу поѣхали дальше.

Тѣмъ же шоссе, все по склонамъ лѣсистыхъ горъ, поздно вечеромъ доѣхали мы до Альпано; за нѣсколько верстъ до деревни лѣсъ на ближайшихъ горахъ становился рѣже и рѣже и обнажалъ голые склоны и осыли изъ мелкихъ бѣлыхъ камешковъ; травы кругомъ дороги не было вовсе и стало очевидно что разчитывать на подножный кормъ для животныхъ утомленныхъ 50верстовою дорогой невозможно. Подѣхавъ къ канцеларіи, на дворѣ которой мы рѣшили ночевать, я объявилъ Николаю чтобъ онъ непременно купилъ корму животнымъ, такъ какъ иначе они не въ состояніи будутъ везти насъ завтра. Съ большою неохотой и, надо сказать правду, съ большимъ трудомъ ему удалось купить за 60 копѣекъ три небольшія связки чая, то-есть кукурузныхъ стеблей и листьевъ, на которую животные накинулись съ жадностью. Съ гораздо меньшею жадностью, любвждаемою усталостью и своимъ, накинулись мы на чай и уху изъ усачей, купленныхъ чуть не на вѣсъ золота въ духанѣ, и затѣмъ легли спать на дворѣ на буркахъ, сквозь которыя утомленное тѣло очень чувствительно колоди мелкіе камешки; но все же мы предпочли эти камешки широкимъ лавкамъ канцеларіи, гдѣ несомнѣнно въ каждой щелочкѣ и дырочкѣ милліоны голодныхъ клоповъ томительно поджидали рѣдкихъ здѣсь путешественниковъ, чтобы слѣдомъ за духанщиками взять съ нихъ свою долю добычи.

III.

Ранній прохладный вѣтерокъ, шелестившій высокими стеблями кукурузныхъ полей, окружавшихъ канцелярію, разбудилъ насъ. Солнце еще не выходило изъ-за горъ, дворъ канцеляріи тонулъ въ густой холодной тѣни ближайшихъ хребтовъ и послѣднія звѣздочки гасли на бѣловатомъ небѣ когда подъ нашимъ чайникомъ трещалъ уже костеръ. Вода закипѣла быстро, и чай, положительно драгоценнѣйшій напитокъ въ путешествіяхъ подобнаго рода, живо прогналъ неприятную дрожь, вызванную въ тѣлѣ свѣжимъ утромъ. Я приказалъ Николаю сѣдлать животныхъ и самъ неотступно сѣдлалъ за нимъ, наблюдая за каждою пражкой, каждымъ ремешкомъ. При дальнихъ верховыхъ повѣдкахъ правильная сѣдловка—обстоятельство крайне важное: ни одна мелочь не должна быть упущена тутъ изъ вида; неправильно застегнутая пражка, скрученный ремень, неровно положенный потникъ, слабая подпруга могутъ лобить или растереть спину вашему коню, сѣдлать его негоднымъ для дальнѣйшей дороги и поставить васъ въ дикой, мало населенной мѣстности въ крайне трудное положеніе.

Приведа всѣ пражки и ремешки въ порядокъ, мы тронулись дальше. Дорога все еще шла по хорошо раздѣланному шоссе и, обогнувъ Альпанскую канцелярію, повернули въ ущелье рѣки Ладжіануры, перерѣзавъ ее прочнымъ деревяннымъ мостомъ. Сейчасъ же за мостомъ она втянулась въ гигантскія каменные ворота, выpusкавшія изъ ущелья Ладжіануру; сѣрая, голыя, влажныя скалы близко придвинулись другъ ко другу, нависли надъ рѣкой, утренній свѣтъ едва проникалъ подъ ихъ полусводы и тѣсное ущелье казалось такимъ непривѣтливымъ, холоднымъ и угрюмымъ какъ пещера или подземелье. Шоссе вырубленное въ сплошныхъ каменныхъ массахъ лѣвой стороны забиралось все выше по рѣчкѣ и подаявшись очень высоко вывело на широкій, болѣе отлогій склонъ горы, гдѣ уже привѣтливо играло солнышко. Озаренное имъ ущелье Ладжіануры оказалось очень живописнымъ. Рѣчка шумѣла глубоко внизу и край шоссе обрывался въ нее отвѣсною стѣной саженъ въ двѣнадцать; противоположная сторона, такая же обрывистая, сѣро-бѣлая стѣна,

казалась такъ близко что ее можно было достать рукой. Въ трещинахъ, на выступахъ и узкихъ карнизахъ ея ютились группы кустовъ и цѣплялись корнями отдѣльныя деревья, красиво рисуясь на свѣтломъ фонѣ скалы; мѣстами на бѣлыхъ камняхъ сидѣли кустики низкорослой горной вероники, густо осыпанные тысячами маленькихъ голубыхъ цвѣточковъ, казавшіеся клочками неба улавшими на скалы. Черезъ нѣсколько верстъ шоссе вывело насъ изъ ущелья и повернуло вправо; здѣсь мы должны были разстаться съ нимъ: оно вело въ селеніе Лайлаши, административный центръ Лечгумскаго уѣзда, наша же дорога лежала влѣво черезъ деревни Орбели и Мури къ ущелью рѣки Цхенись-Цхале.

До сихъ поръ мы не нуждались въ проводникѣ, имъ служила бѣлая лента шоссе, но тутъ дорога стала разбиваться на множество тропинокъ, влѣво, вправо, вверхъ, внизъ, слѣдуя вдоль той же рѣчки, протекавшей здѣсь въ отлогой котловинѣ обрамленной горами, на которыхъ вездѣ видѣлись разбросанныя селенія и отдѣльныя усадьбы. Потому, чтобы не заблудиться, мы, подѣхавъ къ канцеларіи деревни Орбели, попросили себѣ проводника. Намъ дали мальчугана Имеретина лѣтъ 10, къ которому скоро присоединились еще два товарища, и они повели насъ небольшимъ переваломъ черезъ глинистую гору въ деревню Мури.

Тропинка, подымаясь и опускаясь, вилась среди усадебъ и садовъ, огороженныхъ частоколѣмъ, полузакрытымъ перевѣсившимися вѣтками грушъ, яблокъ и длинными, усатыми побѣгами лозъ. Культура винограда здѣсь, также какъ и во всей почти Гуріи, Мингреліи и Имеретіи, довольно своеобразна: у большихъ деревьевъ обрубаютъ вѣтки до самой вершины, оставляя отъ нихъ только короткіе сучья и у подножія дерева сажаютъ лозу, которую и не обрѣзываютъ. Такимъ образомъ, деревья служатъ подпорой лозамъ и эти послѣднія, достигая громадныхъ размѣровъ, вьются кругомъ дерева толстыми черными змѣями, добираясь до самыхъ верхушекъ и бросая оттуда внизъ красивые зеленые каскады молодыхъ побѣговъ.

По безтолковости ли нашихъ проводниковъ или по глупости Николая, нашего переводчика, мы вмѣсто Мури попали въ селеніе Цагели, лежавшее версты три въ сторонѣ отъ нашего пути.

Какъ это ни было досадно, но дѣлать ничего не оставалось;

солнце перешло за полдень, мы устали, надо было покормить животныхъ, и мы повернули къ канцеляріи стоявшей одиноко среди кукурузныхъ полей.

Канцелярія оказалась пустыня и безмолвна, какъ необитаемый островъ; напрасно мы зывали во всѣ стороны, приглашая явиться и старшину, и сторожа, и бичо, то-есть мальчишку. Намъ отвѣчалъ только тихій шелестъ высокихъ кукурузныхъ стеблей, окружавшихъ широкимъ зеленымъ моремъ канцелярію. Не теряя надежды на чье-нибудь появленіе, мы разложили огонь и, выглядывая по сторонамъ чтобы не прозвать какую-нибудь человѣческую фигуру, принялись варить себѣ обѣдъ у дверей канцеляріи. Дѣйствительно, минутъ черезъ двѣнадцать, вдругъ предъ нами выросла сонная фигура Имретина съ головой повязанною бѣлымъ башлыкомъ, и устремила на насъ вопросительные взоры; откуда она появилась, я рѣшительно не умѣю сказать, но несомнѣнно что скрывалась гдѣ-нибудь очень близко.

Фигура оказалась помощникомъ старшины, и мы сейчасъ же атаковали ее вопросами:

— Намъ надо ячменя или кукурузы, нельзя ли купить въ деревнѣ?

— Нѣтъ, нельзя.

— Ну, сѣна?

— Нельзя, совсѣмъ нельзя.

— Ну чалы?

— Нѣтъ чалы, совсѣмъ нѣтъ.

— А это что кругомъ растеть, убѣждалъ Николай, показывая на кукурузныя поля окружавшія насъ.—Мы деньги заплатимъ, чего боишься!

— Нельзя, да и конечно, покачивалъ головой нашъ собесѣдникъ въ отвѣтъ на всѣ убѣжденія и настоянныя.

Николай наконецъ взбѣсился.

— Ну, такъ чортъ же съ тобой, сказалъ онъ ему,—мы и сами нарвемъ, и рѣшительно направился къ кукурузѣ.

Помощникъ старшины встреленулся; не говоря ни слова, онъ пошелъ за Николаемъ, обогналъ его, подошелъ къ ближайшему кукурузному полю, нарвалъ громадную охапку чалы, принесъ ее и бросилъ лошадямъ; потомъ, взявъ деньги за свою услугу, присѣлъ на корточки возлѣ нашего костра и сталъ подбрасывать палочки и щелочки въ огонь.

Длинная исторія съ чалой меня нѣсколько озадачила;

предстоялъ вопросъ другаго рода: надо было раздобыть проводника до Лентехъ, а на доброе содѣйствіе помощника старшины надежды было немного, въ виду уже оказанной имъ малой готовности помогать путешествующимъ.

Пока мы обѣдали Николай вступилъ въ предварительные переговоры съ нимъ насчетъ проводника; хотя они говорили по-грузински, но по тулому покачиванію головы и цмоканью губами помощника старшины я понялъ всю безнадежность этихъ переговоровъ. Оставалось прибѣгнуть къ послѣднему средству; я вынулъ изъ сакъ-вожа открытый листъ на грузинскомъ языкѣ, къ счастью захваченный мною въ Куталсѣ, и рѣшительно сунулъ его въ руки Имеретину. Онъ взялъ листъ, повертѣлъ его въ рукахъ, покачалъ головой и со вздохомъ поднялся съ земли. Затѣмъ, отойдя отъ насъ шаговъ десять, сталъ кричать во всю силу легкихъ:

— Калрїзля... я... я, Калрїзля-гу... у... у, Калрїзля... я!..

Долго отвѣчало ему одно эхо да далекій едва слышный шумъ рѣчки; наконецъ, по меньшей мѣрѣ черезъ полчаса отчаянныхъ криковъ показался вдали человекъ и не спѣшно подошелъ къ намъ. Это былъ также Имеретинъ, съ такимъ же соннымъ взглядомъ и вялыми движеніями какъ и самъ вызвавшій его на свѣтъ Божій помощникъ старшины. Потолковали они минутъ пять, затѣмъ Калрїзля подошелъ къ крылечку канцеляріи, разулся, повязалъ свою черную кучеравую голову бѣлою тралкой, вынесъ изъ канцеляріи длинную палку, повѣсилъ на нее свою обувь и объявилъ Николаю что готовъ насъ провожать.

Мы тронулись въ третьемъ часу дня; въ верстѣ отъ канцеляріи дорога свернула въ ущелье рѣки Цхенисъ-Цхале, поражающее дикою красотой своего преддверія.

Гигантская сѣрая скала разсѣлась надвое, едва давая проходъ бѣшеной рѣкѣ, съ глухимъ ревомъ и рокотомъ бросающейся на каменные стѣны. Узкая дорога, вырубленная въ одной изъ стѣнъ, идетъ круто подымаясь по карнизу, открывая справа ничѣмъ не огороженную пропасть саженъ въ пятнадцать. Животныя наши, сами сторонясь отъ пропасти жалась къ отвѣсу съ лѣвой стороны дороги, и мы невольно при-молкли, поглядывая съ затаеннымъ дыханьемъ въ черную холдную глубину. Въ сущности опасности не было никакой; даже еслибы лошадь споткнулась и упала ширина дороги позволила бы ей удержаться и не упасть въ пропасть, но при видѣ

послѣдней такъ близко невольно рисовалась въ воображеніи возможность такого паденія и отъ этой воображаемой картины кровь стыла въ жилахъ. Непріятный случай бывшій со мною въ прошломъ году въ Ватумской области, въ дикихъ трупобахъ верхней Аджаріи, давалъ поводъ моему фантазіи особенно ярко рисовать подобныя картины: мы пробирались тогда по ущелью рѣки Аджарисъ-Цхале, тропинка шириной въ поларшина висѣла надъ отвѣсною скалою, а съ другой стороны обрывалась прямо въ тридцати-саженную пропасть; дорожка была такъ узка что сидя на лошади не видно было по чѣмъ она ступаетъ: лѣвая нога всадника цѣплялась за выступы скалы, а правая висѣла прямо надъ пропастью.

Шелъ дождь, лошади скользили на каждомъ шагѣ и выбивались изъ силъ, цѣпляясь за камни и стараясь удержаться. На одномъ изъ поворотовъ тропы встрѣтился намъ огромный круглый камень, въ полъ человѣческаго роста высотой, выдвинувшійся изъ скалистой стѣны и загородившій тропу; на половину своего діаметра онъ свѣшивался черезъ тропу надъ пропастью. Надо было перебираться черезъ этотъ камень; вѣхавшій впереди меня офицеръ слѣзъ и осторожно повелъ своего вороного коня черезъ камень; скользя подковами, вливаясь ими въ мокрую круглую поверхность, какъ-то неестественно собираясь, присѣдая на заднія ноги, лошатываясь, перебрался этотъ конь черезъ опасную преграду на ту сторону тропинки. Настала моя очередь: ведя правую рукой лошадь за поводъ и придерживаясь лѣвою за скалу, я вскарабкался на камень, и едва спустился съ него на тропу—какъ услышалъ за собою глухой, тяжелый вздохъ, острый скрежетъ желѣза о камень и почувствовалъ что меня тянетъ внизъ... Я не помню какъ бросилъ поводъ и обернулся: моего коня не было: на одно только мгновенье съ необыкновенною рѣзкостью въ глазахъ моихъ мелькнули двѣ переднія ноги, вливавшіяся въ камень копытами, вытянутая морда съ выкатившимися, полными ужаса глазами, судорожно хватавшая зубами за этотъ же камень; затѣмъ внизу послышался неясный шумъ, окончившійся глухимъ ударомъ—и все стихло:

За камнемъ на протяженіи двухъ верствъ роковая тропа спускалась къ рѣкѣ, протекавшей на двѣ проласти. Когда мы спустились къ рѣкѣ, то послали людей по ея теченію къ мѣсту паденія лошади чтобы снять съ нея сѣдло и вьюкъ;

но увы, люди вернувшись сказали что лошадь представляет собою одинъ кровавый комъ, застрявшій между двумя огромными камнями въ рѣкѣ, отъ сѣдла же, вьюка и даже уздечки не осталось и слѣдствъ; все это было истерзано и оборвано о выступы скалъ и затѣмъ унесено водою.

Я позволялъ себѣ это маленькое отступленіе, во первыхъ, потому что послѣ описаннаго случая проѣздъ по карнизу надъ пропастью хотя бы и по сносной дорогѣ всегда воскрешаетъ въ моей памяти эту неприятную картину, а во вторыхъ, съ цѣлю замѣтить какъ опасно на подобныхъ карнизахъ, ведя за собою лошадь въ поводу, наматывать ремни на руку. Въ день гибели моего коня я нѣсколько разъ дѣлалъ эту глупость, когда приходилось слѣзливаться въ трудно проходимыхъ мѣстахъ, то просто соскучившись держать поводъ въ рукѣ, то свертывая на ходу или закуривая папироску.

Подъ вліяніемъ приведеннаго воспоминанія я тревожно поглядывалъ на нашего проводника, который ловидимому не раздѣлялъ моихъ взглядовъ насчетъ осторожности въ горныхъ путешествіяхъ: онъ такъ безпечно шагаль по самому краю обрыва какъ будто послѣдняго и не было; только камни вылетали изъ-подъ его босыхъ ногъ и прыгали въ пропасть.

Скоро угрюмыя ворота ведущія въ ущелье Цхенись-Цхале остались позади и дорога спустилась къ самой рѣкѣ. Цхенись-Цхале значить по-грузински конь-вода или конь-рѣка; есть историческія указанія будто эта рѣка была извѣстна и древнимъ Грекамъ и называлась у нихъ подобнымъ же образомъ, за быстроту своего теченія. Называли ли ее Греки конемъ или нѣтъ, только дѣйствительно Цхенись-Цхале одна изъ вполнѣ типичныхъ горныхъ рѣкъ и со страшною быстротою мчится по крутому загроможденному обломками скалъ ложу. Съ громомъ и грохотомъ, высоко взметывая брызги и пѣну, она перескакиваетъ черезъ обточенные ею же валуны перегораживающіе ей дорогу или съ глухимъ хлокотавьемъ скатая въ узкую струю проходить между ними, точно стараясь раздвинуть эти мертвыя неподвижныя массы. Порою сквозь ревъ и шумъ воды прорывается скрежетъ другъ о друга огромныхъ камней: рѣка ворочаетъ ихъ и тащитъ по дну, нагромождая на своемъ пути и загораживая такимъ образомъ иногда сама себѣ дорогу.

Съ трудомъ обмѣниваясь замѣчаніями за шумомъ воды, подвигались мы впередъ; узкая рамка, въ которой была заперта бѣснующаяся рѣчка-водопадъ, совершенно гармонировала съ послѣднею своимъ грознымъ и дикимъ характеромъ. Веселые зеленые виды Ріонской долины не повторялись; сквозь лѣсъ чаще и чаще обнажались склистые ребра хребтовъ; они то врѣзывались въ рѣчку зубчатыми, разорванными уступами, то свѣшивались надъ нею сплошными отвѣсными стѣнами.

Черный или темносѣрый цвѣтъ ихъ пластовъ еще болѣе увеличивалъ суровый и мрачный колоритъ общей картины; на карнизахъ и уступахъ скалъ сквозь свѣтлую листву чернѣлись вырѣзывались въ одиночку и группами темныя стрѣлы елей. Какъ и въ Ріонской долинѣ, никакихъ признаковъ животной жизни кругомъ замѣтно не было; изрѣдка только бѣлогрудая оляпка срывалась съ прибрежныхъ камней и мелькая въ брызгахъ и пѣнѣ волнъ надъ самою водою переносилась на противоположный берегъ. Эта замѣчательная птичка, величиной съ небольшого дрозда, обыкновенно придерживается горныхъ рѣчекъ и тамъ гдѣ вода заходя во впадины и котловины идетъ тихо, она какъ водолазъ спускается на дно и разхаживая между камнями отыскиваетъ себѣ пищу: во время подводныхъ экскурсій птичка закрываетъ ноздри особыми клапанами, не допускающими воды въ легкія.

Приблизительно чрезъ полтора часа пути нашъ проводникъ остановился и сталъ говорить съ Николаемъ; онъ говорилъ долго и убѣдительно, временами поглядывая на меня и показывая на рѣчку.

— Чтѣ онъ говорить, Николай? спросилъ я.

— Онъ говорить что его надо отпустить домой, что съ дороги мы не собьемся, она идетъ все время по рѣчкѣ, никуда не сворачивая, а что онъ человекъ бѣдный и ему надо работать.

— А вы какъ думаете, не вретъ онъ, не заблудимся мы если отпустимъ его?

— Кто его знаетъ, можетъ и вретъ, они всѣ врутъ.

— Какъ же быть?

— Ничего, отпустите, какъ-нибудь дождемъ, до Лентехъ осталось верстѣ пятнадцать.

Признаюсь, съ самаго начала дороги босые ноги проводника полиравнѣя острые каменья и колючки возбуждали во

мнѣ такое сожалѣніе что я самъ лорывался предложить ему вернуться. Весьма вѣроятно что этимъ привычнымъ ногамъ было не такъ больно какъ моему сердцу за нихъ, но тѣмъ не менѣе именно ради нихъ я сдѣлалъ первую и послѣднюю глупость въ этой поѣздкѣ и вручивъ проводнику два абаса, а по-русски два двугривенныхъ, отпустилъ его съ миромъ, и мы поѣхали дальше одни.

Не проѣхали мы и двухъ верстъ какъ судьба послала первое предостереженіе нашей неопытности, напоминая что въ такихъ дикихъ мѣстахъ наобумъ путешествовать нельзя.

Троля, обогнувъ надъ самымъ Цхенись-Цхале скалу, привела къ мосту перекинутому черезъ горный потокъ вырывающийся изъ боковаго ущелья, хотя этотъ потокъ былъ вдвое уже Цхенись-Цхале, но паденіе его было вдвое круче; онъ такими бѣшенными каскадами прыгалъ среди огромныхъ камней что низко висащій надъ нимъ мостикъ дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. Да и какъ было не дрожать ему. Представьте себѣ двѣ свѣже-срубленныя, неотесанныя ели, корни которыхъ укрѣплены наваленными камнями съ одной стороны на берегу, а тонкія вершины переброшены на другой берегъ; на эти ели лежащія параллельно на аршинъ другъ отъ друга въ видѣ настилки уложены поперекъ круглыя палки толщиной въ руку, на концы палокъ съ обѣихъ сторонъ также навалены камни чтобы палки не сдвигались съ мѣста: вотъ и вся конструкция и все скрѣпленіе этого первобытнаго моста.

Мой сѣдой, опытный конь вѣроятно хорошо понималъ всю ненадежность представшаго предъ нимъ сооруженія и шагъ за три до мостика остановился; я также почувалъ что гораздо безопаснѣе будетъ переѣхать потокъ въ бродъ и двинулъ лошадь выше мостика въ воду. Конь мой сразу погрузился въ хаосъ камней и бѣлой лѣвны по лопатки и слотыкаясь, скользя, придерживаясь грудью противъ теченія, вывезъ меня на другой берегъ.

Едва я обернулся назадъ чтобы предупредить вѣхавшихъ сзади меня относительно ненадежности моста какъ увидѣлъ на противоположномъ концѣ послѣдняго силуэтъ всадника на катерѣ, а черезъ мгновеніе силуэтъ этотъ превратился въ какую-то черную массу, безпомощно бьющуюся на срединѣ дрожащаго моста.

Если на этотъ разъ не случилось катастрофы, если моего спутника не измололъ о камни и не унесъ въ бѣшеную Цхенись-

Цхале лотокъ, то единственно благодаря замѣчательному благородію или чистинкѣ его катера: провалившись обѣими передними ногами сквозь раздвинувшуюся настилку моста, катерь сдѣлалъ два, три усилія вытащить свои ноги; но вода въ затѣмъ, понявъ что отъ его усилій мостъ разрушается болѣе и болѣе, стихъ, пересталъ биться, вытаснулъ вдоль уцѣлѣвшей настилки шею и замеръ. Такое драгоценное поведеніе катера въ критическую минуту дало возможность моему товарищу освободить ноги изъ стремянь и осторожно перейти черезъ мостъ. Затѣмъ всѣ мы сдвинули настилку, укрѣпили ее какъ могли и тихонько вытащили катера, который во все время нашихъ хлопотъ около него велъ себя какъ кулъ съ мукой. Однако, когда мы оправились отъ страха и собрались тронуться дальше, провалившійся катерь отказался идти; осмотрѣвъ его, мы увидѣли что онъ сильно ободралъ себѣ переднія ноги. Пришлось одному изъ насъ поочередно идти лѣшкомъ и усиленно тащить за поводъ бѣднаго катера и безъ сѣдока едва передвигавшаго ноги. Какъ на грѣхъ, небо заводокло густыми тучами, пошелъ сильный дождь и свѣтъ дневной померкъ въ угрюмомъ и мрачномъ ущельѣ. Справа и слева едва вырисовывались на сумрачномъ фонѣ черныя тѣни скалъ, по которымъ тихо ползали сѣрая полоса тумана, то скрывая, то открывая ихъ зубцы и ребра. Только бѣлая дрожжащая, вся состоящая изъ лѣвы и брызговъ лента Цхенисъ-Цхале рѣзко извивалась на днѣ, въ черной мглѣ ущелья.

Едва замѣтная тропа дѣлалась также труднѣе и труднѣе, всѣмъ намъ пришлось сѣзѣть и идти лѣшкомъ; чаще и чаще она отходила отъ рѣки чтобъ обойти отвѣсную стѣну или обрывистый мысъ вдававшійся въ воду. Въ такихъ случаяхъ она круто поднималась и затѣмъ опять падала внизъ; мѣстами гдѣ болѣе слабыя прослойки между вывороченными и стоящими вертикально пластами скалы разрушились и вывѣтрившись, тропа представляла собою не то изуродованную лѣстницу, не то огромную каменную лилу, по острымъ зубцамъ которой мы едва карабкались, слотыкаясь и падая на каждомъ шагу.

Дождь лилъ и лилъ, мы двигались молча, тщетно разглядывая не мелькнуть ли впереди постройки селенія. Николай, шедшій впереди, вдругъ остановился; мы подошли къ нему и тоже стали какъ вкопанные: дорожка шедшая подъ скалой, по краю обрыва, сѣженяхъ въ трехъ надъ Цхенисъ-Цхале, обрывалась; продолженіемъ ея служила деревянная настилка,

шаговъ въ 30—40 дюймов, совершенно такого же устройства какъ описанный предъ этимъ мостъ. Пожалуй, это тоже былъ мостъ, только онъ шелъ не поперекъ рѣки, а вистѣлъ вдоль ея, прижимаясь лѣвою сторою вплоть къ черной совершенно отвѣсной скалѣ, на которую подъ мостомъ яростно бросалась и лѣзла ревущая рѣка, точно хотѣла подняться до самаго моста, слизнуть его, унести и раздробить о камни. Обойти эту переправу не было возможности и я рѣшилъ перебираться слѣдующимъ образомъ: надѣлъ поводья своей лошади на сѣдло и погналъ ее черезъ настилку одну, въ видѣ пробнаго поѣзда; страшно было смотрѣть какъ она, качаясь бѣлымъ пятномъ во тьмѣ надъ рѣкой, осторожно перебирала копытами скользкія мокрыя лалки настилки. Мостъ прыгалъ подъ нею, какъ раскачивавшаяся стальная пружина. Убѣдившись въ прочности настилки и прогнавъ такимъ же порядкомъ впередъ катеровъ, слѣдомъ за ними порешли и мы и печально потянулись дальше.

Дождь не переставалъ ни на минуту, въ темнотѣ едва можно было разбирать тропинку, а желаемые Лентехи все не показывались. При вспышкахъ съ трудомъ зажигаемыхъ свичекъ я рассмотрѣлъ что стрѣлка близится къ девяти часамъ вечера, по расчету намъ давно слѣдовало бы быть въ селеніи, и въ голову стало закрадываться сомнѣніе не сблизь ли мы съ дороги. Прошли еще версты двѣ, на одномъ изъ поворотовъ что-то неясно мелькнуло впередъ, мы оживились, пошли бодрѣе и скоро поравнялись съ заброшеною крѣпостью или замкомъ, называемымъ на картахъ Ларашъ; по картѣ же и Лентехи должны быть близко. Еще прошли мы версту, другую, и остановились въ полномъ недоумѣніи; ущелье, а съ нимъ и тропинка раздвоились и расходились направо и налево; вопросъ—куда идти, гдѣ Лентехи—былъ для насъ такъ же теменъ какъ и ночь окружавшая насъ; справа и слѣва, сквозь мракъ и шумъ дождя доносился до насъ только ревъ воды и больше ничего.

— Николай, пройдите немного направо, посмотрите, не увидите ли селенія, мы подождемъ здѣсь....

— Какъ я пойду? куда я пойду? тамъ рѣка.

— Ну дойдете до рѣки; если дальше нельзя будетъ идти, то вернетесь и всѣ пойдемъ налево.

Николай исчезъ, но черезъ пять минутъ вернулся и сказалъ что дорожка кончается у рѣки, за которою ничего не видно.

Никто изъ насъ не отвѣтилъ ему ни слова, мы всѣ безмолвно понимали что единственный исходъ намъ стоять на мѣстѣ всю ночь и ждать разсвѣта, иначе можно было забиться Богъ знаетъ куда и пожалуй оборваться въ какую-нибудь проласть.

Прижавшись къ кустамъ, мокрые до послѣдней нитки, стояли мы подъ ливнемъ, стараясь сквозь ревъ и грохотъ воды уловить какой-нибудь утѣшительный звукъ. Прошло полчаса, прошелъ часъ, вдругъ мимо меня въ двухъ шагахъ скользя тѣнь—человѣкъ. Я бродился къ нему, но едва онъ замѣтилъ мое движеніе какъ отпрянулъ назадъ и исчезъ въ кустахъ. Черезъ минуту слышались голоса и предъ нами выросли четыре фигуры съ длинными палками на плечахъ; они остановились въ трехъ шагахъ отъ насъ и молча на насъ смотрѣли.

— Лентехи, Лентехи! закричалъ я имъ, тоже не двигаясь съ мѣста изъ боязни чтобъ они не ушли отъ насъ.

Тогда они подошли ближе къ намъ, и Николай объяснилъ имъ въ чемъ дѣло; они молча взяли нашихъ лошадей за поводья и повели ихъ направо. Черезъ десять минутъ мы были у дверей спасительной Лентехской канцеляріи.

Избавителями нашими оказались Сванеты, возвращавшіеся въ Лентехи съ покоса; Лентехи—первое селеніе Дадіановской Сванетіи, лежащей вдоль южнаго склона Сванетскихъ горъ, южной стороны того каменнаго ящика въ которомъ лежатъ вольная и княжеская Сванетіи, селеніе это расположено недалеко отъ владенія въ Цхенись-Цхале двухъ горныхъ рѣчекъ, Хеледулы и Лашкидеры.

Когда въ каминѣ канцеляріи запылалъ привѣтливый огонекъ, онъ освѣтилъ нашихъ проводниковъ, они стояли предъ нами опершись на палки и ожидали отъ насъ абазовъ за свои труды; они были босы до колѣнъ, въ холщевыхъ штанахъ и рубахахъ, а поверхъ рубахъ на нихъ были надѣты какія-то странныя безрукавки изъ шкуръ шерстью вверхъ, на трехъ—козьи, а на одномъ—медвѣжья, слускавшіяся до колѣнъ; головы ихъ были закутаны башлыками.

При красноватомъ освѣщеніи огня эти дикія, странныя фигуры со сверкающими глазами казались картиной изъ далекаго прошлаго, когда человѣчество одѣвалось только въ звѣринья шкуры и не знало другаго оружія какъ палки и камня. Получивъ по свѣтленькому абазу, Сванеты удалились съ низкими поклонами, а мы принялись сушиться и пить чай.

Скоро къ намъ вошелъ высокій въ хорошей черкескѣ и мѣховой шалкѣ Сванеть, съ рыжею какъ огонь бородой, и объявилъ что онъ кузнецъ и кромѣ того содержитъ духанъ, въ которомъ имѣется хлѣбъ, водка и даже колченое сало; мы просили его принести скорѣе всѣхъ этихъ сокровищъ, и таковыя явились немедленно. Когда я расплачивался съ нимъ, у него видимо разгорѣлись глаза на множество новыхъ абазовъ, и онъ съ таинственнымъ видомъ сталъ говорить что-то Николаю:

— Что онъ вамъ толкуеть, Николай?

— Онъ говоритъ что у него есть чудесная сванетская палка, съ которою можно взойти на всякую гору.

Сванеть опять что-то заговорилъ.

— Онъ говоритъ еще что у этой палки есть все что нужно путнику въ дорогѣ, такъ что идя куда-нибудь съ этою палкою съ собою ничего уже не нужно брать. Такія палки у него покупали всѣ Русскіе бывшіе въ Лентехахъ.

— Ну, попросите чтобы прінесъ показать.

Сванеть ушелъ и чрезъ десять минутъ прінесъ длинную палку, аршина два, бережно завернутую въ бумагу, развернулъ и подалъ мнѣ. Это оказалась березовая лакированная палка толщиной около дюйма, съ узкимъ кольцевиднымъ желѣзнымъ наконечникомъ, къ наконечнику съ четырехъ сторонъ привинчивались винтами желѣзныя чайныя ложечки, грубѣйшій желѣзный узкій ножикъ, какая-то острая шпилька и спиральная пружина отъ игольчатой винтовки, изображавшая собою штолоръ, которымъ нельзя было-бы вытащить ни единой пробки.

— Сколько же онъ хочетъ за эту палку?

— Онъ проситъ за нее пятнадцать рублей и говоритъ что продалъ уже десять такихъ палокъ.

Но я не захотѣлъ быть одиннадцатымъ покупателемъ, потому что палка эта была просто фокусомъ для соблазна неопытныхъ путешественниковъ и никоимъ образомъ не могла служить представительницею настоящихъ палокъ употребляемыхъ въ горахъ Сванетами; ни одинъ изъ нихъ не надѣлать на желѣзный наконечникъ своей палки штолора или чайной ложки, по той простой причинѣ что откулоривать штолоромъ или мѣшать ложкой эму нечего.

Предоставляю судить читателю какимъ крѣпкимъ сномъ уснули мы подъ шумъ неумолкавшаго дождя послѣ мучительнаго и тревожнаго дня.

IV.

На зарѣ насъ разбудилъ тотъ же неумолкавшій съ вечера дождь и глухой ревъ Цхенись-Цхале и ея притоковъ вздущихся отъ прибыли воды. Надо было ѣхать дальше, но трудно сказать до чего не хотѣлось вылѣзть изъ-подъ крова пріютившей насъ канцеляріи и подставлять свою голову подъ холодныя дождевыя струи. Узнавъ что селеніе Чолури или Чолуръ, отъ котораго намъ слѣдовало перебираться Латпарскимъ переваломъ черезъ Сванетскій хребетъ, замыкающій съ юга вольную Сванетію, отстоятъ отъ Лентехъ только на 15—17 верстъ, я рѣшился ждать до полудня, въ надеждѣ что ливень пройдетъ; все равно въ одинъ день было бы слишкомъ трудно доѣхать отъ Лентехъ до Чолура и перебраться черезъ Латпаріи.

Надежды мои сбылись: къ десяти часамъ дождь утихъ, Тучи стали расплзаться и разрываясь открывали снѣжные пики и вершины Сванетскихъ горъ мѣстами торчавшія изъ-за ближайшихъ лѣсистыхъ хребтовъ. Путь нашъ шелъ черезъ Дадіановскую Сванетію, попрежнему правымъ берегомъ Цхенись-Цхале, вдоль южнаго склона Сванетскаго хребта. Въ полуверстѣ отъ канцеляріи мы проѣхали мимо самаго селенія Лентехи, тѣсно скученнаго на горѣ, надъ самою дорогою, и скоро углубились въ большой лѣсъ, гдѣ хвойныя деревья, преимущественно огромныя сосны, мѣшались съ чернолѣсьемъ. Лѣсные гиганты густо толпились въ тѣсномъ ущельѣ и со дна его всходили на боковыя скалы и откосы до самыхъ вершинъ, обходя сторонами отвѣсныя каменные обрывы, которые выглядывали сѣрыми окнами изъ зеленыхъ рамъ. Цхенись-Цхале большею частью не было видно, она пряталась глубоко внизу, въ каменной расщелинѣ, откуда порой доносился взрывами ея грохотъ и ревъ. Дорожка была отвратительная; ее на каждомъ шагѣ загромождали поваленныя деревья, торчащіе изъ земли корни и камни и преграждали въ болѣе низкихъ мѣстахъ лужи, собравшіяся ночью отъ дождевой воды. Въ лѣсу попадались Сванеты, приготовлявшіе изъ сосновыхъ брусьевъ дравъ на крыши. Ни въ одеждѣ, ни въ наружности ихъ не было ничего особеннаго что отличало бы ихъ отъ остальныхъ народностей Кутаисской губерніи,

и по ихъ вѣшнему виду я не распозналъ бы ихъ отъ Иммертинъ; встрѣчавшіяся дорогой женщины были одѣты совершенно такъ какъ одѣваются въ Тифлисѣ бѣдныя Грузинки; всѣ Сванеты, съ которыми намъ приходилось имѣть дѣло въ Левтехахъ и Чолури, знаютъ грузинскій языкъ. Четыре часа тащились мы среди камней, вывороченныхъ съ корнями деревьевъ и лужъ, пока добрались до Чолуры; больше всего тормозилъ насъ пострадавшій на мосту катеръ; его буквально приходилось волочить за поводъ, онъ такъ затруднял насъ что мы рѣшили съ Николаемъ бросить его въ Чолури и нанять лошадей.

Канцелярія въ Чолури оказалась занятою: тамъ происходилъ судъ надъ старымъ безногимъ Сванетомъ судившимся за то что сыновья его, по приказанію отца, отколотили друга Сванета. Комната была биткомъ набита народомъ, мужчинами и женщинами; у каждаго изъ мужчинъ, а равно и у судей торчали въ зубахъ крохотныя трубочки, они ихъ быстро выкуривали и тотчасъ же вновь набивали. Гвалтъ былъ страшный, всѣ говорили разомъ, и несмотря на все мое желаніе слѣдить чрезъ Николая и одного изъ присутствовавшихъ Сванетовъ за ходомъ судебныхъ преній, это оказалось невозможнымъ. За то, благодаря большому стеченію народа, намъ удалось первый разъ за всю дорогу култитъ прекрасную курицу. Когда замъ судебного засѣданія огласился, по просьбѣ Николая, громкимъ предложеніемъ одного изъ Сванетовъ продать намъ курицу, судья со значкомъ на груди вскочилъ со своего мѣста и чуть не подравшись съ другимъ претендентомъ, тоже желавшимъ продать курицу, любѣжалъ въ деревню и чрезъ полчаса явился съ требуемою птицей; въ отсутствіе его пренія продолжались прежнимъ порядкомъ.

Мѣста намъ въ канцеляріи не было, и мы разложили огонь и приставили свой котелокъ на площадкѣ предъ крыльцомъ. Скоро къ костру подошло нѣсколько человекъ и стали смотрѣть на нашу стряпню, изрѣдка перешелтываясь между собою, когда Николай началъ крошить въ суль прессованную зелень и объяснилъ имъ что это за штука, они засмѣялись и не повѣрили. Но когда суль сварился и они увидали какъ мы вытаскиваемъ изъ кострюльки ложками куски моркови, разваренныя листья капусты и волокна луку, изумленью ихъ не было конца. Тутъ же мы вступили съ ними въ переговоры на счетъ лошади, которую и наняли за рубль двадцать

конѣкъ въ сутки, оставивъ въ залогъ цѣлости лошади большого катера.

Завтра предстоялъ трудный день, и мы рано заснули въ ожиданіи подъема за предѣлы свѣговой линіи.

V.

Утро оказалось тихое, ясное, вполне благоприятное для восхожденія на перевалъ въ 9.000 слишкомъ футовъ высоты. Солнце еще не всходило когда мы проснулись; гдѣ-то высоко и далеко изъ-за темныхъ деревьевъ мерцали тусклыми бѣлыми пятнами свѣжныя вершины; несмотря на июль мѣсяць, отъ нихъ вѣяло холодкомъ, пробравшимъ до костей. Согласно уговору, Сванеть еще ночью привелъ маленькую гнѣдую лошадку, и насъ ничто не задерживало. Я забылъ сказать что, подѣзжая къ Чолурі, мы съ праваго берега Цхенись-Цхале переѣхали на лѣвый. Теперь мы должны были переѣхать опять на правый берегъ, но здѣсь недалеко отъ Чолури устроены отличный мостъ съ перилами и на прочныхъ сваяхъ.

Проѣхавъ мостъ, мы потянулись берегомъ вверхъ по рѣкѣ, проѣхали селеніе съ каменною башней и углубились въ густой, черный лѣсъ, въ которомъ, благодаря раннему часу, царилъ глубокая сумерки. Лѣсъ и подлѣсокъ составляли пока тѣ же древесныя породы какія мы встрѣчали и до сихъ поръ, хотя, двигаясь противъ теченія Цхенись-Цхале, мы поднялись довольно высоко, но благодаря тому что склонъ хребта былъ обращенъ къ югу, на немъ еще находили себѣ пріютъ розовые рододендроны, лавровишневые кусты, желтыя азалии и колючіе ладубы, только пальма перестала уже падаться.

Пока мы ѣхали верхомъ, но вотъ дорожка опустилась въ глубокую балку и подошла къ широкому ручью. Проводникъ нашъ, Сванеть, перешелъ впереди насъ воду по перекинутому бревну, и когда мы переѣхали ручей слѣдомъ за нимъ, предложилъ намъ чрезъ Николая слѣзть.

— Спросите его, Николай, зачѣмъ слѣзть.

— Онъ говоритъ что начинается подъемъ и надо лѣшкомъ идти, а то лошади будутъ ладать, очень мокро и скользко. Подъемъ начинался отъ самаго ручья; по лѣсистому боку горъ, извинаясь, ползла вверхъ глубокая узкая рытвина,

промытая дождевыми водами, дво ея, не шире аршина, сплошь было завалено огромными булыжниками, величиной съ голову, дѣйствительно мокрыми и скользкими. Крутизна этой ужасной водомоины, съ обрывистыми боками выше сажени, была около 40 градусовъ.

Съ первой минуты мы поняли какое испытаніе намъ предстоитъ, какія невозможныя напряженія ногъ и легкихъ требуются отъ насъ, пока мы одолѣемъ открывшійся подъемъ. На каждомъ шагу ноги скользили и подворачивались, камни подъ ногами разъѣзжались и опрокидывались, заставляя спотыкаться и падать; подали мы, падали наши лошади и даже цѣпкіе катера теряли равновѣсіе на этомъ гололономномъ подъемѣ. Нечего и говорить что каждые сто-двѣсти шаговъ мы задыхаясь и изнемогая останавливались и падали спиной на мокрыя глинистыя стѣнки рывины, потому что съѣсть и отдохнуть какъ слѣдуетъ въ узкой канавѣ не было возможности. Пытка наша тянулась версты двѣ и продолжалась болѣе часу, ужасная канава вывела прямо на отлогій хребетъ и смѣнилась битою, хорошею тропивкой.

Мы подыались разомъ довольно высоко, потому что дѣло началъ рѣзко мѣнять свой характеръ, рододендроны и лавровишневые кусты исчезли, тропивку густо окаймляли кусты лещины, калины, бересклета и деревца ясени и рябины, занятии высались большіе, темные дубы. Стали попадаться очаровательныя полянки, поросшія свѣжею зеленою травой, на окраинахъ ихъ густо толпился стройный сѣрый осинникъ и мелькали молодыя кудрявыя березки.

Еще двѣ-три версты сравнительно легкаго подъема, и изъ пояса дуба мы вѣхали въ веселое царство одѣвхъ березъ; рѣдкая бѣлая колоннада ихъ стволовъ красиво рассыпалась по зеленому склону горы, давая просторъ и свѣтъ молодой березовой поросли и травяному ковру роскошно покрывавшему земаю.

Мы слѣзли съ лошадей и пошли пѣшкомъ; мои спутники, уроженцы восточной Россіи, не могли надышаться роднымъ воздухомъ, наглядѣться на милую родную картину березоваго рѣдколѣсья.

— Чисто Вятская губернія, да и шабашъ!

— А земляны, земляны-то сколько! раздавались ихъ веселыя восклицанія при видѣ роскошной, слѣдой земляники, рѣвшеі алыми лятами въ волнахъ зелени.

Кончился и березовый лѣсъ, только отдѣльными группами молодого березняка и одиночные кусты его, все болѣе рѣдкіе и мельчавшіе, ползли вверхъ по травянистому склону горы. Тропинка вилась загагами и привела насъ къ послѣднему ручью на этой сторонѣ подъема; здѣсь мы рѣшили пообѣдать и покоржить лошадей; до вершины перевала оставалось версты три, и мы надѣялись засвѣтло спуститься къ мѣсту ночлега.

При помощи собранной дорогой бересты живо загорѣлся костеръ, закипѣла вода и поспѣвая гречневая каша съ саломъ; только у дѣтей да у землекопцовъ можетъ быть такой аллетитъ съ какимъ мы накупились на это нехитрое кушанье.

Пока мы сидѣли за котелкомъ, въ обдоловинахъ свѣжыхъ вершинъ торчавшихъ слѣва у насъ надъ головами стали собираться клубы тумана; они росли и ширились на глазахъ, точно ихъ раздувалъ кто изнутри; тако волнуясь они шевелились на мѣстѣ какъ живыя существа. Вдругъ сорвался быстрый рѣзкій вѣтерокъ, оторвалъ отъ большого клуба тумана клочекъ, вытянулъ его въ длинную ленту и повесилъ на насъ. На мгновенье мы очутились въ обрѣой мокрой мглѣ и не успѣли опомниться какъ клочекъ тумана далеко за нами скользилъ по волнистому склону горы.

Желая поближе разсмотрѣть флору Литпарскаго перевала я предоставилъ моимъ спутникамъ отдыхать, а самъ пошелъ пѣшкомъ къ высшей точкѣ подъема. Я не берусь нарисовать читателю цѣльную и связную картину той роскошной растительности которую полиралъ ногами на протяженіи трехъ верстъ; для этого дѣйствительно нужны краски, а не слово.

Я двинулся по склону горы по колѣно въ густой зеленой травѣ; попадавшіеся дорогой небольшія котловинныя поросли мелкимъ березнякомъ и изъ олушекъ этихъ березовыхъ островковъ тянулись къ солнцу очаровательныя желтыя лиліи. Зеленые стебли ихъ высотой въ два и въ два съ половиной аршина, прямые какъ стрѣлы, развѣтвляются наверху 10—12 вѣтками, а каждая вѣтка оканчивается огромнымъ блестящимъ цвѣткомъ отъ блѣднопалеваго до густолимоннаго оттѣнка. Внутри вѣтчики осыпаны мелкими коричневыми крапинками. Все растеніе изображаетъ собою какой-то

вошшеблѣй каждедѣбрь, на наурудныхъ вѣтвяхъ котораго висятъ большіе янтарные кодокольчики. Лиліи эти принадлежатъ къ видамъ *Lilium colchicum* и *L. monadelphum*. Я называю два вида, но видѣлъ множество экземпляровъ съ переходными признаками въ самыхъ неумовимыхъ степеняхъ отъ одного вида къ другому, и потому скорѣе бы готовъ былъ или счесть всѣ эти лиліи за одинъ видъ или насчитать ихъ нѣсколько, а не два.

Выше по склону, куда березнякъ не рѣшался уже подниматься, небольшія котловины и впадины представляли собою буквально чаши подныя цвѣтовъ разставленныя рукой таинственнаго садовника по зеленому бархатному ковру. Вотъ на примѣръ одна такая клумба, шириной не болѣе шести шаговъ; изъ самаго центра ея узкою пирамидой поднимаются саженыя прутья голубаго прикрыта (*Aconitum variegatum*), тѣсно усаженныя въ верхней трети оригинальными шлемовидными цвѣтами. Ихъ обступаютъ свѣтлорозовою узорною стѣнкой прелестныя дельфиніумы; они нѣсколько ниже и представляютъ второй ярусъ прекраснаго букета. Еще ниже ихъ жмутся кругомъ широкіе кусты водосбора (*Aquilegia*) съ крупными, блѣдноглубокими сваружи и бѣлыми внутри цвѣтками, висащими по концамъ вѣтвѣкъ. Дальше построю лентой окружаютъ клумбу розовыя и лиловыя астры, положительно не уступающія красотой лучшимъ садовымъ разновидностямъ, лютиковидныя желтыя ліоны съ верхковыми плоскими вѣничками сверкающими на солнцѣ, какъ новенькіе червонцы, какіе-то крайне оригинальныя, къ сожалѣнію неопредѣленныя мною, цвѣты въ видѣ розовыхъ, плоскихъ, геометрически правильныхъ звѣздъ съ розовою цвѣтливой тычиночкой въ центрѣ и еще многое и многое множество веселыхъ дѣтей альпійской флоры, нарядно сверкающихъ всѣми земными красками и оттенками, жадно льющихъ яркій свѣтъ южнаго солнця, спѣшащихъ насладиться короткимъ горнымъ лѣтомъ.

Чѣмъ выше я поднимался тѣмъ трава дѣлалась ниже, но была такъ густа и свѣжа, какъ тщательно выхолонный искусственный газонъ. Высокорастущіе цвѣты и растенія попадались рѣже; дальше и выше всѣхъ забралась горная ромашка (*Purethrum*), ея свѣлорозовыя головки съ желтою серединой толпились большими обществами и казались издали сплошными розовыми лятнами. Вотъ и послѣднее такое пятно

осталось назадъ, въ травѣ замелькали небесносінія горечавки (*Gentiana*) точно сапфировыя звѣздочки разсыпанныя по зеленому бархату.

Выше надъ головой, уже недалеко отъ бывшейся полосы свѣга, на свѣтлой зелени травы выступали какія-то пятна; я добрался до одного изъ нихъ, и да простить мнѣ читатель слѣшкомъ продолжительное восхожденіе и частыя остановки, еще разъ остановился съ наслажденіемъ: предо мною была послѣдняя кайма дивно расшитой ризы одѣвающей южную скала, на меня глядѣли роскошныя букеты бѣлаго рододендрона бывшаго въ полномъ цвѣту.

Этотъ прелестный кустарникъ, *Rhododendron saucasicum*, въ 6—8 вершковъ высотой, растетъ сплошными густыми оазисами разсыпанными вблизи свѣговой линіи. Каждая вѣтка каждаго куста несетъ на концѣ пирамидальный букетъ тѣсно сидящихъ крупныхъ цвѣтовъ нѣжнаго жемчужно-сѣраго цвѣта, испещренныхъ внутри свѣтозелеными крапинками. Каждый такой букетъ сидитъ въ вѣнкѣ изъ блестящихъ темнозеленыхъ листьевъ. Красоту этихъ жемчужныхъ цвѣтовъ, ихъ особенно нѣжный оттѣнокъ какъ будто прозрачно восковыхъ вѣничковъ, могли бы передать развѣ только масляныя краски; засушенные они теряютъ всю свою прелесть и дѣлаются какими-то тусклыми, грязно-желтоватыми.

Въ этомъ высокомъ поясѣ, навѣрное превышавшемъ 8.000 футовъ, я замѣтилъ много прекрасныхъ большихъ бабочекъ, *papilio Apollo*, съ красными глазками на бѣднопадевыхъ крыльяхъ; быстро носились онѣ отъ оазиса къ оазису, отъ букета къ букету рододендроновъ, точно считая только эти царственные цвѣты достойными себя; несмотря на всѣ попытки, я не могъ поймать ни одной изъ нихъ, вслѣдствіе быстрого, порывистаго ихъ полета.

Кончилась и поясъ рододендромовъ, трава стала рѣдѣть обмякая вертикально стоящія, разрушающіеся тонкіе пластъ сѣраго сааца; мелкіе, острые камешки—продуктъ этого разрушенія, мѣстами сплошь засыпали землю. Вотъ наконецъ и вѣчный свѣгъ, лежащій громадными сплешными полями въ пологихъ владинахъ и изгибахъ хребта почти на самой вершинѣ перевала. Поджидаемая моихъ спутниковъ я остановилась на краю свѣжнаго поля: свѣгъ былъ рыхлый, какой иногда можно найти и въ низменныхъ мѣстахъ, позднюю весной въ глубокихъ лѣсныхъ оврагахъ; края поля еще таяли, но вся

масса этой снѣговой залежи уже не растаетъ, июль въ концѣ, а съ августа начнутъ сыпаться на перевалъ новые снѣжные запасы.

Но и тутъ у самой границы вѣчнаго снѣга жизнь еще не замерла; въ 2—3 аршинахъ отъ края поля, откуда снѣгъ отступилъ быть-можетъ всего три дня назадъ, тянутся къ солнцу хорошенькіе аврикулы (*primula*), съ бархатно-фіолетовыми вѣнчиками, украшенными въ серединѣ свѣтлою звѣздочкой; еще ближе, у самого края поля, гдѣ снѣгъ сталъ вѣроятно только сегодня, сквозь мокрую, покрытую тончайшею снѣгою какихъ-то волоконъ землю прорываюются блѣдые морщинистые листья тѣхъ же аврикулъ; завтра, послѣзавтра они зацвѣтутъ, а еще черезъ день, подъ дыханіемъ морозной ночи свернутъ свои нѣжныя головки и окончатъ свое мимолетное существованіе.

На мокрую землю въ двухъ-трехъ шагахъ отъ меня садилась дурачка (*emberiza cia*), единственная птичка замѣченная мною на перевалѣ, она копалась въ землѣ, съ удивленіемъ повертывала на меня свои пепельно-сѣрыя головки и оглашала нѣжную тишину перевала печальнымъ, отрывистымъ пискомъ.

Слутники мои подвѣхали, я сѣлъ на лошадь и мы потянулись черезъ снѣжное поле глубокою саженною траншеей протолтавшею въ снѣгу; дно траншеи мѣстами было рыло, лошади проваливались по брюхо и съ трудомъ выбирались на болѣе плотный снѣгъ. Впереди за полемъ видѣлась большая черная куча камней, она сложена на высшей точкѣ перевала, опредѣленной въ 9.273 фута; изъ-за неровной линіи гребня перевала выглядывали отдѣльныя бѣлыя вершины, которыя росли и росли по мѣрѣ нашего подъема.

Вотъ наконецъ мы поровнялись съ кучей камней и остановились нѣмною, неподвижною группой.

Предъ нами, заслоня небо, высился бѣлою стѣною сплошной краѣй главнаго Кавказскаго хребта. Сотни пикъ, зубцовъ и вершинъ сіяли на солнцѣ матовымъ свѣтомъ, сквозь ровную бѣлую пелену скатовъ, громоздась другъ на друга, черными ребрами высовывались скалы, на отвѣсныхъ граняхъ которыхъ снѣгъ не могъ задержаться. Неумовляемые размеры этой стѣны, этой дивной панорамы подавлявшей душу своимъ величіемъ, обманывали непривычный глазъ и скрадывали разстояніе; казалось до этихъ сіяющихъ вершинъ всего

двѣ-три версты, но довольно было взглянуть себѣ подъ ноги чтобы положить между собою и ими цѣлые десятки версты. Направо отъ насъ склонъ горы обрывался страшною стремниной куда-то безконечно далеко внизъ; впереди и малѣво уступъ за уступомъ, пропасть за пропастью, смѣняя другъ друга, казалось опускались прямо къ подножію великой стѣны, но и за послѣднею пропастью, съ рѣзкой на днѣ, казавшеюся сверху бѣлымъ волоскомъ, шла опять хребты и ущелья, поросшіе щетиной хвойнаго лѣса и тянушіеся къ главному кражу.

Я жадно смотрѣлъ назадъ, на западъ, стараясь рассмотреть тамъ Эльбрусъ, который хотя стоитъ и въ сторонѣ отъ главнаго кража, но говорятъ виденъ изъ-за него съ Латларскаго перевала. Къ сожалѣнію на западѣ толпились облака закрывавшія всю западную часть хребта.

Слѣва потянуло вѣтерокъ, не далеко отъ насъ въ сѣдловинѣ Латларскаго хребта стояло огромное сѣрое облако; оно дрогнуло, зашевелилось и какъ гигантскій корабль, снявшійся съ якоря, тихо потянулось мимо насъ; пикъ за ликомъ, вершина за вершиной главнаго хребта исчезали предъ нашими глазами за облакомъ, точно духъ этихъ таинственныхъ странъ задергивалъ предъ нами завѣсъ, закрывая волшебную палатку своего царства.

Туманное облако шло мимо, росло и вздувалось, за нимъ потянулись изъ ущелій и складокъ Латларскихъ горъ еще клочья и обрывки тумана и скоро все это сдѣлалось въ густую сѣрую мглу, лютно окутавшую насъ и мѣшавшую разбирать каменистую тропинку труднаго спуска; сквозь туманъ полилъ дождь въ перемежку съ мелкимъ частымъ градомъ и сопровождалъ насъ на протяженіи трехъ или четырехъ верстъ спуска, за дождемъ и туманомъ мой конь не замѣтилъ пересѣкашаго тропу полуаршиннаго каменнаго уступа и полетѣлъ, перевернувшись черезъ голову; я очень счастливо свалился во время этого леденія въ сторону, иначе лошадь раздавила бы меня своимъ тѣломъ; но все же упавъ на грудь камней, я жестоко разбилъ себѣ лицо и зубы, изъ нихъ хлынула кровь, которую едва удалось остановить собраннымъ въ ближайшей трещинѣ сѣвгомъ. Нижняя челюсть и голова такъ заболѣли что я не въ силахъ былъ ѣхать и продолжалъ спускаться лѣшкомъ. Тропа, пройдя нѣсколько верстъ по голымъ изгибамъ склона сѣверной стороны хребта, пошла

кустарникомъ и затѣмъ лѣсомъ, дождь пересталъ, туманъ сталъ разрываться и открывать торчащія изъ свѣрыхъ волвъ его надъ головою острыя скалы и уступы, а внизу глубокую долину, со дна которой ползли низкіе хребты и отроги покрытые хвойнымъ лѣсомъ. На одномъ изъ лаворотовъ, далеко, въ открывшемся боковомъ ущельѣ направо, показалось что-то непонятное: не то каадабце со стоящими группой гитантскими памятниками, не то каменная колонаада уцѣлѣвшая отъ развалившагося огромнаго зданія; это торчали знаменитыя сванетскія башни селенія Ушкульскаго общества.

Проводникъ, шедшій впереди, показалъ рукой на черную точку лежавшую глубоко у насъ подъ ногами и казавшуюся большимъ камнемъ на берегу чуть бѣлѣвшей рѣчки.

— Это канцелярія Кальскаго общества, перевелъ Николай,—гдѣ мы будемъ ночевать.

И пора, пора намъ было ночевать, успокоить измученное подъемомъ и спускомъ тѣло и утомленную сильными впечатлѣніями для души; совсѣмъ стемнѣло и на темносинемъ полоткѣ узкаго ущелья горѣли звѣзды, когда мы подѣхали къ этой канцеляріи, одиноко стоявшей подъ огромною плакучею березой.

VI.

Мы спустились теперь въ восточный уголь того длиннаго каменнаго ящика, въ которомъ застѣли вольные и княжескіе Сванеты, и явились на первый разъ гостями крайняго съ этой стороны общества вольныхъ Сванетовъ, именно Кальскаго, одного изъ самыхъ бѣдныхъ и самыхъ дикихъ.

Представшее предъ нами общественное зданіе Кальцевъ ясно свидѣтельствовало объ этомъ: канцелярія Кальская представляла собою низкій квадратный срубъ изъ толстыхъ круглыхъ бревенъ, съ плоскою крышею изъ огромныхъ шиферныхъ плитъ, безъ оконъ и съ землянымъ поломъ.

Едва мы засвѣтили въ канцеляріи огонекъ, какъ единственная комната ея начала наполняться посѣтителеми изъ ближайшаго селенія; входя, они важно намъ кланялись и принимались безъ церемоніи разсматривать рѣдкихъ въ этихъ краяхъ путешественниковъ. Одѣты всѣ они были крайне бѣдно, въ какихъ-то рваныхъ лохмотьяхъ и всѣ босикомъ; одинъ помощникъ старшины, съ мѣдною бляхой на груди, въ

обыкновенной темной черкескѣ, вѣховой малѣе и кожаныхъ портянкахъ, былъ чище остальныхъ.

Я передалъ ему чрезъ Николая что завтра буду просить проводника до Местийскаго общества и прибавилъ что мои проводники всегда получаютъ по два, а иногда и по три абазы. Помощникъ старшины отвѣтилъ что онъ самъ проводить насъ до Мести, потому что мы люди хорошие.

— Такъ скажите ему, Николай, что хорошие люди хотятъ купить у него самое такое же прекрасное Каальцевъ хлѣба и курицу и просить узнать, сколько будетъ стоить то и другое.

— Курица будетъ стоить 50 копѣекъ, а хлѣба слекуть сейчасъ сколько закажете, у нихъ готового не бываетъ.

— Ну, пусть приготовить хлѣба на 40 копѣекъ а скорѣе тащить курицу, а вы пока кипятите воду.

Переговоры велись теперь путемъ двойной передачи, потому что изъ присутствующихъ десяти-двѣнадцати человекъ, только одинъ помощникъ старшины зналъ грузинскій языкъ и переводилъ грузинскую рѣчь Николаю по-сванетски.

Два Сванета вышли изъ канцеляріи и пошли въ селеніе; скоро одинъ изъ нихъ вернулся и сталъ съ жаромъ что-то говорить.

— Въ чемъ дѣло, Николай?

— Сванеть вернулся изъ деревни и говорить что курицы въ 50 копѣекъ нѣтъ, а есть другая въ 60, если угодно, онъ принесетъ.

— Гдѣ же дѣвалась курица въ 50 копѣекъ?

— Онъ говорить что совсемъ такой нѣтъ, меньше шести-десяти не отдають.

— Скажите: пусть тащить въ шестьдесятъ.

Чрезъ десять минутъ повторилась та же исторія: курсъ на курицу подмался еще на гривенникъ, затѣмъ еще на столько же, и наконецъ вернувшись въ четвертый разъ, Сванеть принесъ громаднаго чернаго лѣтуха и получилъ за него четыре абазы.

Невозможно было сердиться на эти попытки зашибить лишнюю серебряную монетку: слишкомъ рѣдко такіа монетки блещутъ въ глазахъ бѣдныхъ дикарей и слишкомъ они наивны и простодушны, чтобы пользоваться положеніемъ путешественника, прямо заломить съ армянскимъ начальствомъ за что-нибудь двойную цѣну.

Между взрослыми зрителями протолкались впередъ дѣти хорошенькія маленькія дѣвочки и изумленно смотрѣли на насъ голубыми глазками; я вынулъ изъ сумъ сахаръ и далъ каждой по два кусочка. Одобрительный, довольный ропотъ прошелъ по толгѣ. Улыбающіяся головы привѣтливо намъ кивали и нѣсколько человекъ послѣдшне вышамъ изъ кацеларіи, скоро они вернулись въ сопровожденіи цѣлой толпы дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, и два или три несли на рукахъ грудныхъ крошекъ; это заботливые отцы несли свое потомство за полученіемъ рѣдкаго гостинца.

Само-собою разумется что ни одинъ изъ юныхъ представителей Кальскаго общества не былъ обиженъ; сахаръ мой сыпался изъ сумъ градомъ, и общему удовольствію не было конца; дѣти лизали сахаръ, прятали его за пазуху, опять вынимали, мѣряли другъ съ другомъ свои кусочки. Большіе улыбались и гладили дѣтей по головкамъ.

Глядя на такое вѣдное отношеніе къ дѣтямъ, я невольно вспомнилъ что же болѣе тридцати лѣтъ назадъ эти самыя Сванеты немилосердно истребляли почти всѣхъ новорожденныхъ дѣвочекъ своихъ. Этотъ свирѣпый обычай царилъ во всей Сванетіи, и что онъ не мифъ и не легенда—въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Не далѣе какъ въ 1853 году г. Бартоломею, издвигшему тогда въ вольную Сванетію, жители Адидскаго общества показывали своихъ дѣвочекъ, хвастаясь тѣмъ что они уже больше не душатъ ихъ, слѣдуя совѣтамъ и убѣжденіямъ тогдашняго пристава вольной Сванетіи, князя Микеладзе; г. Бартоломей насчитываетъ сто четырнадцать дѣвочекъ избѣжавшихъ насильственной смерти за время приставства князя Микеладзе, то-есть въ теченіе пяти лѣтъ.

Я присталъ чрезъ Николая къ помощнику старшины съ разспросами объ этомъ ужасномъ обычаѣ, но не могъ добиться никакихъ подробностей, Сванеть неодобрительно покачивалъ головой, какъ-то странно цмокалъ губами и толковалъ одно, что все это было очень давно, а теперь уже нѣтъ, что Сванеты народъ бѣдный и глухой, а тогда были еще глулѣе. На вопросъ какъ душили малютокъ, онъ съ неудовольствіемъ отвѣтилъ что при немъ не душили, а старые люди объ этомъ не разказываютъ. Чтобы доставить маленькое удовольствіе и взрослой публикѣ, я вытащилъ изъ сумокъ связку тарани и роздалъ каждому изъ предстоящихъ по рыбѣ, но удовольствія

не послѣдовало никакого, Сванеты съ недоумѣніемъ смотрѣли на меня и другъ на друга, нерѣшительно повертывая въ рукахъ мой подарокъ; тогда Николай очистилъ себя помъ таранью и сталъ ѣсть; два Сванота послѣдовали его примѣру, но едва они разжевали по куску, какъ сильно заплакали на полъ, точно обожженные, и стали тереть себѣ языкъ и губы рукавами; въ ту же минуту всѣ руки съ таранью потянулись ко мнѣ обратно. Празднуюсь, я былъ очень удивленъ этимъ обстоятельствомъ; не говоря уже про Гурію, сообщанія ео Сванетіей Мингреліа и Имеретіа истребають валеую тарань во множествѣ; въ Кутаисѣ на базарѣ ея бывають навалены цѣлыя горы, и если не всѣ, то хоть нѣкоторые изъ жителей Сванетіи бывали за предѣлами своего каменнаго гнѣзда и должны были видѣть тарань.

Помощникъ старшины, послѣ этой исторіи лежавшій кусочекъ тарани и также выплюнувшій его, объяснилъ загадку очень просто: тарань оказалась нестерпимо соевою для Сванетовъ, для которыхъ соль въ хозяйствѣ рѣдкость, употребляемая по своей драгоцѣнности въ микроскопическихъ дозахъ. Фунтъ сѣрой каменной соли стоить здѣсь 10—20 копѣекъ, а гривенникъ для бѣднаго жителя верхней Сванетіи цѣлый капиталъ; поэтому къ очень соеной вѣдъ они не привыкли. Насколько дѣйствительно дорога для нихъ соль я убѣдился вслѣдъ за эпизодомъ съ таранью: когда Николай сталъ солить бѣлою лавочною солью сулъ съ восьмидесятикопѣечною курицей, Сванеты полюбознѣтствовали узнать что онъ сылетъ въ котелокъ. Когда имъ показали что соль, они не повѣрили; бѣдлаки привыкли видѣть ее въ грязныхъ, сѣрыхъ кускахъ. Помощникъ старшины взялъ нѣсколько крупинокъ на языкъ и торжественно объявилъ публикѣ что это несомнѣнно соль, настоящая, прекрасная соль. Мигомъ десятокъ горстей потянулось ко мнѣ, умоляющія физиономіи безмолвно просили меня подѣлиться съ ними моею драгоцѣнностью. Я сыпалъ въ черныя горсти сколько могъ, и порціи соли, завернутыя бережно въ тряпочки, поѣхали за лазухи счастливецъ, которме, вернувшись домой, будутъ удивлять своихъ жень рѣдкою диковинкой.

Щедрость моя ловидимому очень повалилась Сванетамъ. Помощникъ старшины, придвинувшись ко мнѣ поближе, вынулъ маленькую трубочку и объявилъ черезъ Николая что Сванеты знаютъ хорошо еще табакъ, но очень бѣдны и не

въ состояннн покулатъ его. Пришлось вытащить и табакъ, и хотя со мною былъ легкнй желтый трапезонтъ, онъ очень понравился лубликѣ; четвертка была раздѣлена на 12 порцнй, по числу присутствующихъ и 12 крохотныхъ трубочекъ замелькали въ полумракѣ канцелярн, освѣщая своимн всплннками очаставныя, довольныя фазисномн.

Въ заключенн я предложилъ моимъ гостямъ полный чайникъ чаю и по кусочку сахару; прнятныя улыбки раздвинулись на смуглыхъ лицахъ еще шире, и когда я передалъ чрезъ Николая что мы хотимъ спать и желаемъ всѣмъ покойной ночи, на наши головы посыпались всевозможныя пожеланн счастья и радостныхъ сновъ.

VII.

Пока мы будемъ отдыхать подъ шифернымъ кровомъ Кальской канцелярн, быть-можетъ читатель заинтересуется пробыгать короткнй сжатый очеркъ прошлаго и настоящаго Сванетн и ея обитателей. Всѣ предлагаемыя здѣсь свѣдѣнн позаимствованы мною изъ двухъ прекрасныхъ и основательныхъ статей о Сванетн гг. Бартоломея и Бакрадзе, напечатанныхъ въ *Запискахъ* Кавказскаго Отдѣла Русскаго Императорскаго Географическаго Общества; въ тѣхъ же *Запискахъ* есть и позднѣйшая статья о Сванетн г. Стоянова, но она, отличаясь почтеннымъ объемомъ и тяжелымъ положеннемъ, не прибавляетъ ничего оригинальнаго и новаго къ разказамъ знатоковъ дѣла и специалистовъ, Бартоломея и Бакрадзе, и все что въ ней заслуживаетъ вниманн есть или повторенн или позаимствованн у названныхъ двухъ авторовъ. Знающн люди думаютъ что Сваны, о которыхъ говоритъ Страбонъ какъ объ одномъ изъ воинственныхъ кавказскихъ племенъ, были предками нынѣшнихъ Сванетовъ. Достовернымъ образомъ настоящая Сванетн дѣлается извѣстна го грузинскимъ летописамъ за 2¹/₂ вѣка до Р. X. Съ тѣхъ поръ она нерѣдко упоминается на страницахъ летописныхъ повѣствованн о судьбахъ Грузн, какъ область управляемая князьями зависѣвшими въ различной мѣрѣ отъ Грузинскихъ царей. Переходя отъ фамилн къ фамилн владѣтельныя права этихъ князей удерживались до послѣдняго времени въ двухъ частяхъ Сванетн: Ладнановской, лежащей вдоль южнаго склона

Сванетскаго хребта, и Княжеской, занимающей западный уголъ Сванетской долины или правильнѣе длинной котловины, гдѣ сохранились права князей Дядишвилиаиовъ. Сванеты же населявшіе восточную половину этой высокой замкнутой котловины кажутся еще въ XVIII вѣкѣ совершенно освободившимся ото всякой подчиненности какому бы то ни было князьямъ и дворянскимъ родамъ и образовали изъ себя одиннадцать самостоятельныхъ обществъ.

Эти маленькія республики жили и управлялись на совершенно демократическихъ началахъ и хотя, судя по надписямъ на нѣкоторыхъ древнихъ предметахъ сохранившихся и до сихъ поръ въ ихъ церквахъ, онѣ иногда и заключали между собою наступательный и оборонительный союзы, но прочной и правильнѣй федерации онѣ собою не представляли, а напротивъ не рѣдко смертельно враждовали другъ съ другомъ.

Въ такомъ состояніи эти одиннадцать республикъ или обществъ, называющихся и до сихъ поръ вольною Сванетіей, застала на Кавказѣ водворившаяся здѣсь русская власть, и такъ какъ вольные Сванеты смирно сидѣли въ своемъ каменномъ гнѣздѣ, то особенныхъ мѣръ къ формальному подчиненію ихъ со стороны правительства не принималось, тѣмъ болѣе что все вниманіе власта было поглощено войной съ сильными горскими племенами Чечни и Дагестана.

Въ 1847 году кутаисскій вице-губернаторъ подполковникъ Колюбакинъ, командированный по дѣламъ службы въ княжескую Сванетію, заявилъ представителямъ вольныхъ сванетскихъ общинъ собравшимся въ одномъ изъ пограничныхъ селеній что Русское правительство приметъ ихъ подъ свое покровительство еслибы они совершенно добровольно того пожелали. Семь вольныхъ обществъ тутъ же согласились безусловно подчиниться правительству, и къ нимъ былъ назначенъ приставъ, князь Микеладзе, который немного спустя уговорилъ на такое же подчиненіе еще два общества—Цюрмииское и Эльское. Отказались отъ такого подчиненія и подданства два самыя сильныя и богатые общества вольныхъ Сванетовъ—Латальское и Ленджерское; ихъ и не трогали, пока въ 1853 году формальное подчиненіе этихъ республиканцевъ не произошло неожиданно и довольно оригинально. Интересный разказъ г. Бартоломея объ ихъ присоединеніи я позволю себѣ подробно привести изъ его статьи. Въ 1853 году къ нахѣстнику кавказскому, князю Воронцову,

неожиданно явились въ Боржомъ семь вольныхъ Сванетовъ и изъявили желаніе креститься; они были облаканы, окрещены и съ подарками отпущены домой. Находявшійся тогда въ Боржомѣ г. Бартоломей, занимавшійся археологическими изысканіями на Кавказѣ, пожелалъ воспользоваться благоприятнымъ случаемъ и проѣхать въ вольную Сванетію для осмотра тамошнихъ памятниковъ старины.

Объѣздивъ нѣкоторыя общества, онъ послалъ депутатовъ къ Латальцамъ и просилъ позволенія посѣтить ихъ церкви. Депутаты возвратились и не только принесли согласіе принять г. Бартоломея, но и совершенно неожиданно объявили что Латальцы просятъ его, какъ довѣренное лицо намѣстника, привести ихъ къ присягѣ на подданство Русскому государю. Г. Бартоломей немедленно отправился къ Латальцамъ и на границѣ общества былъ встрѣченъ толпой въ шестьсотъ человекъ вооруженныхъ винтовками; изъ толпы вышелъ одинъ изъ почетнѣйшихъ гражданъ и, гордо присонаясь, сталъ говорить:

„Никогда Латальское общество не признавало надъ собою никакой власти и никому не покорялось. Напрасно наши сосѣди старались то силой, то хитростью поработить насъ; насилію мы отвѣчали оружіемъ, а хитрости—упорствомъ; много было пролито крови пра дѣдахъ и отцахъ нашихъ, и до сего времени Латальцы непркосновенно охраняли свою независимость. Теперь Латальцы, по собственному своему желанію, безъ принужденія, безо всякаго посторонняго вліянія, желаютъ покориться никому иному какъ великому Россійскому государю. Латальцы готовы повиноваться царскому намѣстнику на Кавказѣ и властямъ которыя онъ надъ ними поставитъ. При этомъ Латальцы благодарятъ васъ за то что вы пріѣхали къ нимъ одни: никто теперь не скажетъ что мы силой принуждены были къ покорности, а всѣмъ будетъ извѣстно что Латальцы покорились добровольно. Мы васъ просимъ привести насъ къ присягѣ и оставить намъ свидѣтельство въ томъ что отнынь мы уже подданные великаго государя; свидѣтельство обязывающее насъ мы будемъ хранить на altarѣ нашей главной церкви посреди нашихъ святыхъ.“

Толпа выражала одобреніе гордой полмой достоинства рѣчи; ораторъ продолжалъ: „Конечно, мы не нужны великому государю; что великому государю въ бѣдныхъ Сванетахъ? но

великій государь намъ нуженъ, намъ нуженъ отецъ и покровитель. Мы надѣемся что какъ и прочіе подданные будемъ имѣть свободный пропускъ за горы для торговли и промысловъ. О старикахъ нашихъ недругахъ мы забываемъ, хотя, видѣть Богъ, никогда мы не начинали насилій. Латальцы присягаютъ послѣдніе, но не будутъ послѣдними въ исполненіи своихъ обязанностей.“

Для присяги была вынесена изъ церкви икона Спасителя; при появленіи которой Сванеты съ благоговѣйнымъ ужасомъ цѣловали воздухъ, но не крестились и не снимали шапокъ. Затѣмъ былъ написанъ и громко прочитанъ присяжный листъ; Латальцы слушали внимательно и также въ знакъ уваженія цѣловали воздухъ; по окончаніи чтенія старшими тринадцати селеній приложили къ листу кресты, отвезли его въ церковь и положили на алтарь. На другой день такимъ же порядкомъ присягнуло Леваджерское общество, и республиканскій образъ правленія въ вольной Сванетіи покончилъ свое существованіе.

Но вольный духъ не умеръ въ жителяхъ вольной Сванетіи и до настоящаго времени. Съ дѣтскими чистосердечіемъ безусловно признавая въ принципѣ надъ собою русскую власть, они очень оригинально относятся къ ближайшему примѣненію этой власти, особенно къ праву суда и администраціи вѣдѣваться въ ихъ внутреннія домашнія дѣла, къ числу которыхъ главнымъ образомъ они относятъ кровомщеніе, сильно развитое между нами. Являясь на приглашенія суда по дѣламъ этого рода они или гордо произносятъ панегерики себѣ за истребленіе врага, наибѣйшимъ образомъ разказываютъ подробности своего подвига и торжественно заявляютъ суду что и впредь неуклонно поступать въ соответствующихъ случаяхъ подобнымъ же образомъ; или въ отвѣтъ на приглашенія повѣстки забираются съ компаніей родственниковъ въ свои недоступныя башни и обѣщаютъ стрѣлять оттуда въ каждаго кто къ нимъ подойдетъ.

Понятіе о личныхъ правахъ каждаго гражданина на общественное достоинствѣ у вольныхъ Сванетовъ вполнѣ демократично, напиримѣръ, къ общественной собственности они естественнымъ образомъ относятъ свои древнія церкви и церковное имущество, и если общество или нѣсколько членовъ его не пожелаютъ впустить васъ въ свою церковь, то не только старшина, священникъ, но и власть повыше, въ лицѣ, положимъ, самого пристава, ничего тутъ не подѣлаетъ.

Нѣсколько лѣтъ назадъ одинъ любознательный путешественникъ саишкомъ разойдясь и неумѣло хотѣлъ проникнуть въ замѣчательный монастырь Кальскаго общества Свв. Кирика и Иудиты; но общество почему-то отказало ему въ этомъ. Несмотря на всѣ убѣжденія, просьбы и настоянія даже присутствовавшего здѣсь пристава, Кальцы настояли на своемъ и даже весьма недвусмысленно показали что они не остановятся ни предъ чѣмъ: толпы ихъ подѣлаи на гору съ винтовками въ рукахъ съ намѣреніемъ защищать силой свою святыню отъ нежеланнаго гостя. Путешественникъ благоразумно удалился, понеся впрочемъ исключительно только личную потерю; наука же не потеряла ничего, потому что замѣчательный монастырь былъ подробно и съ знаніемъ дѣла описанъ настоящими специалистами, гг. Бартоломеемъ и Баркраде, далеко раньше и ими же были сняты заслуживающія вниманія историческія надписи съ древнихъ предметовъ хранящихся въ монастырѣ.

Сванеты христіане съ давнихъ временъ и христіанство перешло къ нимъ несомнѣнно изъ Грузіи. Такъ надо думать, судя по множеству древнѣйшихъ грузинскихъ церковныхъ книгъ и иконъ съ грузинскими надписями, хранящихся въ сванетскихъ церквахъ.

Но современное христіанство Сванетовъ—смѣсь дикаго суевѣрія, языческихъ вѣрованій и обрядовъ съ обрывками христіанскаго ученія и догматовъ. Хотя въ послѣднее время въ Сванетію стали назначать обученныхъ и рукоположенныхъ священниковъ, но они имѣютъ мало вліянія на народъ и до сихъ поръ не могли еще уничтожить авторитетъ предъ Сванетами такъ-называемыхъ *памъ*,—непосвященныхъ потомковъ быть-можетъ еще первыхъ грузинскихъ священниковъ, учившихъ Сванетовъ истинамъ христіанской вѣры. Эти яли грубы, безграмотны, ничѣмъ не отличаются отъ простыхъ Сванетовъ и считаютъ себя по правамъ наследства призванными вѣдать дѣла вѣры, вердикто храмятъ у себя ключи отъ церквей, куда и являются совершать нѣчто въ родѣ службы, причемъ читаютъ по-грузински искаженныя молитвы, конечно не понимая ихъ смысла. При совершеніи такихъ службъ нуждающимся въ нихъ прихожанамъ привозится нѣчто въ родѣ жертвы, и мясо жертвенныхъ животныхъ сѣдается въ церковной оградѣ, а рогами и костями ихъ украшаются потолки и стѣны церквей.

Иконы свои Сванеты очень уважаютъ, но относятся къ нимъ съ суевѣрнымъ страхомъ и боятся къ нимъ прикасаться, считая себя нечистыми и недостойными того. Поэтому ихъ маленькія камешная темная церкви страшно грязны и пыльны: чистить ихъ никто не смѣетъ.

Полная естественная замкнутость вольной Сванетіи, рѣдкость сношеній съ окружающими ее другими народностями, суровость климата, бѣдность природы, однообразіе и простота склада собственной жизни—сохранила до настоящаго времени въ характерѣ вольныхъ Сванетовъ черты дикости почти первобытнаго человѣка.

Они дѣтски хитры, напивность ихъ доходитъ до полного ребячества; упрямы, любопытны, болтливы и суевѣрны. Деньги, особенно серебряныя, любятъ очень, но еще больше любить табакъ и водку, которую умѣютъ гнать изъ хлѣба; кромѣ того, проводникъ изъ Кальскаго общества увѣрялъ меня что въ верхней Сванетіи водку, раку или аракъ, гонятъ изъ сладкихъ ягодъ черной бузины, обильно растущей по берегамъ рѣки Ингура. Изъ чего бы они ее ни гнали, но только сванетская водка ужасный напитокъ; дорогой я ее попробовалъ одинъ разъ и едва не задохнулся: по вкусу, запаху и жгучести это положительно какъ будто смѣсь дегтя съ куророснымъ масломъ.

Въ обыкновенное время Сванеты изумительно воздержны въ ѣдѣ; каждый день рано утромъ хозяйка печетъ лѣпсыя лепешки, на каждаго изъ членовъ семьи по одной, величиной вѣшного лобольше чайнаго блюдечка, и съ этимъ отлучается своихъ домохадцевъ до вечера; вечеромъ они получаютъ по такой же порціи и съ тѣмъ отходятъ ко сну. Но когда кончатся полевая работы и короткое лѣто смѣняется длиною суровою однообразною зимой, у Сванетовъ начинаются „баллики“, какъ говорятъ стоящіе въ Вечо солдаты. Они поочередно устраиваютъ по разнымъ случаямъ, а иногда и просто отъ скуки, пирушки, на которыхъ гости льютъ и ѣдятъ безъ конца и мѣры, иногда до тѣхъ поръ ложа раскутившіяся хозяева не слушаютъ всего, кромѣ развѣ хлѣбныхъ заласовъ: птицу, барановъ, а порой даже быковъ. Прокутившись такимъ образомъ, Сванеть всю зиму таскается по сосѣдямъ и въ свою очередь кормится у нихъ на „балликахъ“. Люди по долгу жившіе въ Сванетіи положительно увѣрили меня что такіе кутежи и попойки въ доскъ иногда разоряютъ

увлекающихся домохозяевъ; строгую вѣрность этого факта оставляю на совѣсти разсказчиковъ.

Одежда мужчинъ и женщинъ не представляетъ ничего настолько оригинальнаго что рѣзко бы выделяло Сванетовъ изъ числа другихъ народностей западнаго Закавказья. Оружіе ихъ плохіе кинжалы и еще худшія винтовки, кремневая, съ наружнымъ механизмомъ замка; но они очень дорожатъ своими винтовками, берегутъ и носятъ ихъ и на небольшія разстоянія стрѣляютъ хорошо; послѣ дегегъ, водки и табаку величайшая драгоценность для Сванета хорошій порохъ; плохой они умѣютъ дѣлать и сами.

Но что до крайности оригинальнаго у Сванетовъ—это ихъ замѣчательныя селенія съ башнями; кромѣ Дагестана я видѣлъ селенія и постройки всѣхъ кавказскихъ племенъ, но чего-нибудь похожаго на сванетскія деревни никогда не встрѣчалъ.

Издали сванетское поселеніе представляется сплошнымъ каменнымъ городкомъ, изъ группы сливающихся построекъ котораго часто высятся стройныя квадратныя бѣлыя башни съ отлогою двускатною крышею высотой въ 8—10 сажень. Вблизи такое селеніе оказывается непонятнымъ хаосомъ каменныхъ строеній съ плоскими или покатыми шиферными крышами и высокихъ стѣнъ, то хорошо сложенныхъ на цементъ, то положенныхъ сухой кладкой и потому часто полуобвалившихся; въ наружныхъ стѣнахъ построекъ вмѣсто оконъ темнѣютъ маленькія отверстія въ родѣ бойницъ; группы строеній раздѣляются узкими кривыми переулочками, которыми едва можно пробѣжать; собственно жилья большею частію приходится во вторыхъ этажахъ строеній; куда ведутъ приставныя деревянныя лѣстницы. По угламъ стѣнъ или прихлывая къ ихъ срединѣ торчатъ башни; онѣ преимущественно сложены на цементъ, внизу—изъ огромныхъ тесаныхъ камней; квадратъ ихъ основанія имѣетъ небольшое заложеніе, такъ что къ верху онѣ слегка суживаются. Подъ двускатною шиферною крышею въ самомъ верху съ каждой изъ четырехъ сторонъ башни имѣются по три навѣсныя бойницы; прикрытыя сверху выступающими изъ стѣнъ каменными сводиками; изъ этихъ бойницъ можно обстрѣливать сверху внизъ самое подножіе башни; посрединѣ башенъ иногда также пробиты узкія бойницы.

Проводникъ нашъ отъ Кала до Мести, Сванетъ, утѣрялъ

что подъ многими башнями есть колодези и пробиты ходы къ подземнымъ ключамъ, а подъ домами—глубокіе подвалы для хлѣбныхъ запасовъ; если это правда, то дѣйствительно сванетскія селенія представляли въ свое время неприступныя убѣжища и Сванеты могли цѣлый годъ отсиживаться въ нихъ отъ своихъ прежнихъ враговъ; развѣ только хорошая артиллерія могла бы разгромить эти твердыни, но ея не могло быть у враждебныхъ племенъ въ тѣ времена когда Сванетамъ приходилось бороться за свою независимость.

Когда построены эти башни—неизвѣстно; постройка ихъ во всякомъ случаѣ требовала много трудовъ и знанія, и теперь ужъ ихъ больше не строятъ; напротивъ, многія башни брошены и разрушаются; я видѣлъ одну такую башню безъ крыши изъ которой выглядывала верхушка большой сосны; по краямъ ея осыпающихся стѣнъ также росли маленькія сосенки.

Живутъ Сванеты главнымъ образомъ произведеніями земли и потому въ верхней восточной части Сванетской котловины, гдѣ земли удобной мало и гдѣ благодаря высотѣ мѣстности едва дозрѣваетъ ячмень—они очень бѣдны; въ остальной Сванетіи, особенно у Латальцевъ и Ленджерцевъ, дно котловины шире и ниже, пахотныхъ мѣстъ больше, кромѣ ячменя хорошо родится пшевица, овесъ, просо, турецкій горохъ; хлѣбныя посѣвы тщательно огорожены каменными стѣнками или плетнями.

Лѣто въ Сванетіи очень короткое, и урожай хлѣбовъ, только и обезпечивающій существованіе Сванета, болѣе чѣмъ гдѣ либо находится въ тѣсной зависимости отъ погоды; потому весьма понятно что Сванеты страшно боятся дурной погоды, и суевѣріе ихъ, между прочимъ, учитъ что не въ пору дожди, засуху и т. п. къ нимъ могутъ привезти съ собою какіе-нибудь нежданные и непрошенные гости.

Сванеты водятъ для своего обихода лошадей, коровъ барановъ и свиней; но большихъ стадъ у нихъ нѣтъ, за неимѣніемъ обширныхъ пастбищъ и по неимовѣрной трудности заготовлять сѣно на долгую, суровую зиму.

Въ заключеніе прибавимъ что, по авторитетному мнѣнію г. Бакрадзе, Сванеты грузинскаго происхожденія, что языкъ ихъ есть довольно сильно уклонившееся отъ корня грузинское нарѣчіе, что въ княжеской и вольной Сванетіи считаютъ до двѣнадцати тысячъ жителей.

Я попрошу извиненія у читателя за неполноту и бѣглость очерка жизни и нравовъ Сванетіи. При этомъ вообще позволю себѣ замѣтить что нарисовать живую и яркую бытовую картину оригинальнаго и самобытнаго народа можетъ только тотъ кто живетъ съ нимъ вмѣстѣ, ежедневно сталкивается съ его интересами, самъ раздѣляетъ послѣдніе, а главное—знаетъ языкъ этого народа. Такими бытописателями въ данномъ случаѣ могли бы быть развѣ назначаемые въ Сванетію священники да пристава. Безъ этихъ же условій, безъ званія языка, даже двухтысячные разъѣзды по странѣ, подѣ всякимъ офиціальнымъ и неофиціальнымъ покровительствомъ, только и могутъ дать въ результатѣ поверхностное отвлеченіе, безжизненное повѣствованіе о тѣхъ или другихъ обычаяхъ, да сухой перечень различныхъ принадлежностей костюма, никоимъ образомъ не обрисовывающіе типичныя черты характера и жизни народа.

Напримѣръ, простой и живой разказъ г. Бакрадзе о томъ какъ по его просьбѣ два пали служили ему литургію, завернувшись въ какія-то тряпки и употребляя при совершеніи таинства деревянную чашечку съ туземною водкой и кусочки чернаго грязнаго чурека вмѣсто вина и хлѣба, какъ по окончаніи литургіи одишь изъ нихъ похлопалъ по плечу г. Бакрадзе съ самодовольнымъ вопросомъ: „а что, братецъ, хорошо?“ въ десять разъ полнѣе и ярче рисуетъ этихъ самозванныхъ дикихъ батюшекъ чѣмъ вдале, хотя и съ претензіей, повѣствованіе чужихъ словъ нѣкоторыхъ другихъ путешественниковъ.

VIII.

Рано утромъ пришелъ въ канцелярію помощникъ старшимъ и разбудилъ насъ; онъ явился съ блестящею винтовкой на плечѣ, съ кинжаломъ, со значкомъ своего званія на груди, но босикомъ; поршни его висѣли у пояса. Поздоровавшись, онъ первымъ дѣломъ подставилъ свою крохотную трубочку и, получивъ порцію табаку, съ наслажденіемъ сталъ попы- хивать.

Мы двинулись по ущелью лѣвымъ берегомъ Ингура; тропивка шла густымъ хвойнымъ лѣсомъ то по берегу рѣки, то отклоняясь и изгибаясь вверхъ и внизъ по боковымъ отрогамъ подходившимъ къ Ингуру. Мѣстами она была также

труда, камениста и крута, какъ и дорожка въ ущельѣ Цхедисъ-Цхале, но босой проводникъ нашъ такъ ловко, легко и быстро скользилъ по ней что лошади буквально не слѣдывали за нимъ и онъ не рѣдко останавливался, поджидая насъ. Не очень далеко отъ канцеляріи помощникъ старшины остановился и показалъ рукой нѣчто вверхъ: тамъ на горѣ изъза деревьевъ едва видѣлось какое-то маленькое каменное строеніе.

— Это святой Квирикъ, сказалъ онъ чрезъ Николая,—большая святыня всей Сванетіи. И она принадлежитъ намъ, Кааццамъ, добавилъ онъ важно покачивая головой и съ видимымъ уваженіемъ глядя на свое святилище.

Монастырь Свв. Кирика и Гулиты дѣйствительно пользуется большимъ уваженіемъ во всей Сванетіи. Гг. Бартоломей и Бакрадзе были въ немъ и такъ его описываютъ: Церковь монастыря сложена изъ камня и окружена полуразвалившеюся зубчатою оградой; вокругъ нея построены маленькія тѣсныя комнатки въ родѣ казематовъ въ которыхъ когда-то жили монахи. Съ южной стороны къ церкви примыкаетъ трапеза, изъ нея идетъ единственный входъ въ церковь; трапеза эта была завалена горами сора, нечистотъ и костей, а поореди пола были видны остатки костровъ; на потолокъ, на длинныхъ жердахъ висѣло множество роговъ животныхъ привесенныхъ храму въ жертву. Церковь темна, грязна и заколочена, иконостасъ состоитъ изъ трехъ каменныхъ арокъ, въ средней изъ нихъ, замѣняя царскія двери, виситъ завѣса; въ боковыхъ аркахъ стоятъ иконы, нѣкоторыя въ серебряныхъ окладахъ; на большомъ образѣ Свв. Кирика и Гулиты окладъ замѣчательной старинной работы. Посреди церкви на высокомъ каменномъ квадратномъ подвожіи стоитъ большой деревянный крестъ, облѣпленный образками грубой старинной работы выдвинутыми на тонкихъ серебряныхъ листкахъ. На каменномъ престолѣ, примыкающемъ къ восточной полукруглой стѣнѣ, лежало превосходное большое Евангеліе на греческомъ языкѣ, писанное крупнымъ почеркомъ на пергаментныхъ листахъ.

Въ алтарѣ, въ большомъ сундукѣ окованномъ желѣзомъ, хранились, по мѣтнію Сванетовъ, неоцѣненные сокровища, состоявшія изъ стеклянной и фаянсовой посуды разныхъ вѣковъ, мѣднанныхъ блюдечекъ, кусочковъ цвѣтнаго битаго стекла, бусъ, четокъ, чашекъ и лоскутьевъ шелковыхъ и парчевыхъ

тѣней. Но тутъ же находилась и дорогая икона въ шелковомъ чехлѣ, замѣчательная по своей древности, красотѣ византийской работы и богатству украшеній. На иконѣ этой риза часто золотая съ фиолетовымъ изображеніемъ Распятія; надъ Распятіемъ парятъ два ангела, а по бокамъ стоятъ Божія Матерь и Св. Іоаннъ. Кругомъ по золотому окладу вставлены драгоценныя камни, крупный жемчугъ и антики, одинъ сердоликовый съ груднымъ изображеніемъ Спасителя; на оборотной сторонѣ иконы рельефное изображеніе Воскресенія изъ серебра.

По угламъ церкви стояло старинное оружіе, стрѣлы, пестолеры, кистени, палицы, на потолкахъ, какъ и въ тралесахъ, висѣли турья рога и бараныя челюсти.

Вся гора, на которой находится монастырь, обросла густымъ вѣловымъ лѣсомъ; лѣсъ этотъ окружаетъ самый монастырь и считается у Свастовъ священнымъ: ни одинъ изъ насъ не оробитъ тамъ ни за что и маленькой вѣточки.

Глядя снизу на жалкую спрятанную на недоступной горѣ въ глухомъ лѣсу постройку Св. Кирика, трудно было вѣрить что въ ней хранятся такіа цѣнныя и рѣдкія древности какъ наприимѣръ описанная икона и Евангеліе; весьма вѣроятно что не столько религиозное уваженіе сколько суевѣрный страхъ охранялъ въ теченіе вѣковъ отъ утраты дорогія иконы и другія цѣнныя древности въ полузаброшенномъ монастырѣ.

За монастыремъ дорога отклонилась довольно далеко влѣво и пошла дремучимъ лѣсомъ; здѣсь мы наѣхали на длинныя ряды громадныхъ сосенъ, срубленныхъ подъ корень и лежащихъ вѣтвями поперекъ тропы; посредствъ для проѣзда сосны были прорублены или пережжены.

— Вотъ, оказалась провожавшій насъ помощникъ старшины, — когда Ингульцы бунтовали (если не ошибаюсь въ 1875 году), они хотѣли загородить дорогу Русскимъ и порубили эти деревья. Но что одна рука сдѣлаетъ, то другая можетъ уничтожить, прибавилъ онъ со вздохомъ, поглядывая на гнющихъ гигантовъ.

Проѣхавъ сосны эти и спустившись внизъ прямо по каменистому руслу лѣснаго потока мы выѣхали опять на берегъ Ингура и поѣхали слѣдомъ по его извилинамъ; ущелье дѣлалось открытѣе и шире, хвойный лѣсъ уступалъ мѣсто чернолѣсью. Я вѣхалъ задумавшись и глядя внизъ подъ ноги

лошади; безконечная перспектива темныхъ лѣсистыхъ отроговъ, справа и слева подползающихъ къ рѣкѣ, утомляла зрѣніе.

— Вотъ гора такъ гора! послышалось съзади восклицаніе одного изъ моихъ спутниковъ.—Ну, такой горы мы сколько ни ѣхали, а еще не видѣли.

Я поднялъ голову, предо мною, замыкая панораму зеленыхъ хребтовъ, выслось непостижимое, поражающее видѣніе; кажущаяся близость его и ужасающіе размѣры, для оцѣнки которыхъ глазъ не находилъ кругомъ сравненія, буквально подавляли душу. Прямо надъ паломанною линіей, которою рисовалась на голубомъ небѣ стѣна лѣсистыхъ хребтовъ, высилась отлогая, по бокамъ изрытая морщинистая громада, заваленная снѣгомъ; на этомъ бѣломъ подножіи, какъ престолъ стояла красноватая скала чудовищныхъ размѣровъ, съ вертикальными боками и слегка раздвоенною верхушкой, также присыпанною снѣгомъ.

Вся эта гигантская гора стояла одиноко, точно висѣла въ воздухѣ, безо всякой связи съ землею и съ чѣмъ бы то ни было.

— Умба! сказалъ проводникъ, замѣтивъ съ какимъ оцѣненіемъ вниманіемъ мы смотрѣли на волшебную гору.

Я видѣлъ много горъ и горныхъ панорамъ Кавказскаго хребта, видѣлъ Эльбрусъ изъ Пятигорска и съ Бермавута, видѣлъ Казбекъ изъ Дарьядскаго ущелья и изъ Тифлиса, любовался стѣной главнаго хребта съ Лантарскаго перевала, но положительно могу сказать что ни одна изъ этихъ картинъ не оставляетъ въ душѣ такого сильнаго ошеломляющаго неизгладимаго впечатлѣнія какъ видъ Умбы изъ Ингурскаго ущелья и затѣмъ изъ штабъ-квартиры Дего.

Опомившись я долго обдумывалъ причины такой исключительности этого впечатлѣнія и полагаю что вся чарующая сила Умбы заключается, кромѣ рѣзкости формъ и очертаній, главнымъ образомъ въ томъ что уступая въ высоту Казбеку и Эльбрусу, она открывается глазу внезапно и притомъ совершенно одинокою и безъ связи какъ будто съ другими снѣговыми хребтами и вершинами, и глазъ, сравнивая ее съ представляющимися одновременно земными мѣлочками, пугается, терзается въ опредѣленіи ея размѣровъ.

Какъ бы то ни было, но я смѣло рѣшаюсь утверждать что въ Сванетію слѣдуетъ проѣхать изъ одного того чтобы посмотрѣть на Умбу изъ Ингурскаго ущелья и Бечо.

Я не видѣлъ Ужбы съ перевала и отъ Кальской канцеляріи, откуда говорятъ она также видна, тогда она была закрыта облаками; но теперь, разъ показавшись она уже не пропадала изъ глазъ до тѣхъ поръ пока у одной изъ деревень Иларскаго общества мы не перешли Игуръ и не потянулись на небольшой лѣсистый перевалъ, разделяющій долины Игура и большого праваго притока его Мульхре или Мульхуре.

Подъемъ оказался повтореніемъ той ужасной водомоины которою начинается входъ на Латларскій перевалъ; такая же глубокая заваленная камнями канава круто ползущая на гору, и хотя камни на днѣ ея были сухи, но за то трудность восхожденія усиливалась отъ жгучихъ лучей полдневнаго солнца, накалившихъ воздухъ и землю.

На вершинѣ горы, поросшей по торфяному лугу молодымъ березнякомъ, куда мы совершенно измученные добрались въ первомъ часу дня, рѣшено было пообѣдать и покормить лошадей. Мы стали варить рисовый пловъ и кипятить воду для чаю, а нашъ проводникъ отправился въ кусты и скоро принесъ полную шалку слѣдой, сизой голубики, которой я не видалъ лѣтъ 17, со времени отъѣзда на Кавказъ.

Такимъ образомъ, у насъ былъ на послѣ обѣда рѣдкій вкусный десертъ, а благодаря усталости и тяжелому подъему не менѣе вкуснымъ показался и незатѣливый обѣдъ.

Въ особенности понравился пловъ помощнику старшины; онъ долго стучалъ ложкой по дну котелка, соскребывая приставшія къ нему зерна. Когда же послѣ приличной порціи табаку я поднесъ еще ему и стаканчикъ водки изъ послѣдней оставшейся на черный день бутылки, то умиленію его не было конца и подавленный избыткомъ благодарности, онъ подѣлился съ нами великимъ своимъ секретомъ.

Вытащивъ изъ-за лазухи какой-то грязный свертокъ, онъ развернулъ одну за другою до десятка трюпочекъ, вынулъ изъ послѣдней хорошенькій, довольно крупный кристаллъ венисы (гранаты) и съ торжествомъ показалъ его намъ.

— Это такая дорогая вещь, сказалъ онъ, — что ее никому не надо показывать и цѣну ей трудно найти.

— Такъ что ты и не продалъ бы ее никогда?

— Отчего жь, продамъ, если дадутъ очень большія деньги.

— Напримѣръ, сколько бы ты хотѣлъ за нее?

Онъ подумалъ, глядя на свою драгоценность, и сказалъ невѣжливо:

— Меньше какъ за семь рублей не отдамъ.

Такимъ образомъ цѣна была найдена, хотя очень можетъ-быть что вериса эта стоила и дороже, такъ какъ кристаллъ былъ отличнаго темнокраснаго цвѣта и очень чистой воды.

Въ два часа дня мы тронулись дальше; тропинка, круто спустившись къ Муль-хуре, пошла ея лѣвнымъ берегомъ, по боковому продольному склону горы.

Направо тянулась стѣна главнаго края съ бѣлою зубчатой вершиной, ниже свѣжнаго пояса бока края обрывались полуотвѣсными сивеватыми стременинами и осылями; изъ щарковъ, образуемыхъ боковыми, сходящимися дугою отрогами, спускались за границу свѣговой линіи конечные обрывы ледниковъ. Отъ ледниковъ и громадныхъ залежей свѣга, сползавшихъ по склонамъ, тянулись внизъ чуть замѣтныя сѣрыя нити: это марождались въ нѣдрахъ льда и свѣга ручьи, сливающимся на днѣ долины и образующіе рѣку Муль-хуре. Далеко, далеко, казалось у самыхъ ледниковъ торчали частыя башни Мужальскихъ и Адышскихъ Сванетовъ, у которыхъ говорятъ сильно развитъ кретинизмъ; впереди насъ стоялъ гигантскій зубецъ великой стѣны, великолѣпная Ужба, съ корою глазъ начиналъ понемногу свѣкаться.

Въ нѣмой тишинѣ сіяли на яркомъ солдцѣ бѣлыя твердыя горы; онѣ казались такими невыibleмыми, неподвижными, неизмѣнными какъ солнце, вѣчными какъ само время. Но довольно взглянуть въ эти трещины, разсѣлины и страшныя осыпи, которыми изборождень и покрытъ бокъ свѣжнаго хребта ниже бѣлой ленты свѣга, сосчитать бѣгущіе по скатамъ изъ-подо льда и свѣга сотни ручьевъ и каскадовъ, прислушаться къ реву и скрежету Муль-хуре, ворочающаго и несущаго съ собою огромныя камни, чтобы понять, какая работа разрушенія совершается здѣсь. Незамѣтно, но съ неутомимымъ улофствомъ изъ вѣка въ вѣкъ, вода ведетъ борьбу съ каменными гигантами, подмывая ихъ основанія, размывая имъ бока и унося внизъ на дно долины частицы ихъ существа. Даже зимніе морозы не останавливаютъ этой вѣковѣчной работы; на помощь водѣ приходитъ тяжесть, громады массы свѣга скопляясь на плечахъ и ребрахъ гигантовъ обрываются и прыгая съ громомъ орудійныхъ залповъ внизъ, ударяя съ неизмовѣрною силой по склонамъ, ломаютъ и бросаютъ на дно долины цѣлыя скалы, вырываютъ дорогой цѣнаи горы камней, земли и песку.

Лѣсистый хребетъ малѣво отъ насъ, омыаемый съ одной стороны Ингуромъ, а съ другой Муль-хуре и лежащій острымъ языкомъ между ними, носилъ на себѣ еще болѣе очевидныя, свѣжіе слѣды гибели и распаденія. Вотъ у самой тропы кусокъ сѣрой скалы, вѣроятно въ сотни тысячъ пудовъ, сорвавшійся сверху; тамъ на страшной высотѣ видно и мѣсто которое онъ занималъ, составляя часть огромной вершины. Богъ вѣсть когда онъ свалился, но только на немъ уже услѣди вырости большія, толстыя сосны. Немного дальше, трола выводитъ насъ на новую арену необъятнаго разрушенія: предъ нами, на громадномъ протяженіи открывается страшный хаосъ изъ каменныхъ глыбъ и торчащихъ къ верху корнями деревьевъ, полузасыпанныхъ горами синяго песку и крупнаго гравія; въ трещинахъ и ямахъ этого безобразнаго пространства залегають плотный грязный снѣгъ и все оно разрѣзано надвое тихо пробирающимся мутнымъ ручьемъ. Это рухнула внизъ, вѣроятно размыта подземными водами, цѣлая половина горы и погребла подъ своими развалинами покрывавшій ее лѣсъ.

Едва пробравшись среди исковерканныхъ стволовъ и вѣтвей, нагроможденныхъ каменьевъ и ямъ, мы выѣхали къ берегу Муль-хуре въ виду селеній Местійскаго общества и по короткому мостику переѣхали рѣчку. Былъ четвертый часъ дня, солнце палило страшно, и я слѣзъ съ лошади чтобъ освежить водой лицо и налиться. Въ этомъ мѣстѣ подъ самымъ мостикомъ Муль-хуре прорывается глубокою каменною трещиною аршина въ полтора шириной и сейчасъ же за мостомъ обрывается съ двухъаршиннаго уступа; глухо ревушимъ водопадомъ. Предъ мостикомъ отвѣсные бока трещины образуютъ нѣсколько уширенный резервуаръ, лѣвая стѣна котораго идетъ прямо подъ мостикъ, а правая выгибается дугой. Въ резервуаръ врываються бѣшенныя сѣро-стальныя воды Муль-хуре и не могутъ пройти сразу узкимъ выходомъ подъ мостикомъ; поэтому правая половина рѣчки, ударяясь неистовою силою въ выгнутую стѣнку резервуара, поворачиваетъ назадъ и идетъ обратно вверхъ; щелки и палки брошенные въ воду быстро мчались внизъ, ударялись въ скалу, поворачивали назадъ и подыавшись далеко вверхъ, сажени на четыре, здѣсь только попадали въ струю воды усиливающую провестись въ узкую щель подъ мостомъ.

Я долго стоялъ склонившись надъ этимъ каменнымъ

котломъ съ kloкочущимъ холоднымъ кипяткомъ, отъ воды вѣдало медвяною свѣжестью, унесенною недавно только быстрою рѣкой прямо изъ видѣющихся ледниковъ.

За мостомъ у селенія Сети помощникъ старшины простился съ нами и вернулся дождь, вознагражденный тремя абазами. До Бечо, цѣли моей поѣздки, оставалось верстъ 12—15. Не желая терять времени на розыски старшины, мы подѣхали къ толлѣ Сванетовъ стоявшихъ на краю селенія и стали вызывать охотниковъ въ проводники до Бечо, соблазняя жублику абазомъ. Хотя никто изъ окружившихъ насъ Сванетовъ не говорилъ по-грузински, но два слова—Бечо и абазъ объясняли достаточно наше желаніе, и провожать насъ вызвался хорошевскій стройный мальчикъ лѣтъ 14, въ чистенькомъ бешметѣ и мѣховой шалкѣ.

Не говоря ни слова, онъ бодро пошелъ впередъ; мы поѣхали за нимъ узкою тропинкой, среди полей засѣянныхъ горохомъ и пшеницей, проѣхали два, три большія селенія Ланджерскаго общества, со множествомъ высокихъ башенъ; налѣво впереди открывалась пологій скатъ зеленой долины, покрытый полями дозрѣвающихъ хлѣбовъ и усѣянный группами тѣхъ же красныхъ башенъ. По всему видно было что здѣсь Сванеты живутъ много лучше и богаче бѣдныхъ обществъ верхней Сванети, посѣвовъ кругомъ было много, селенія часты и обширны; встрѣченные жители, мужчины и женщины, возвращавшіеся съ полей, были одѣты хорошо, а женщины, прѣвѣжливо раскланиваясь съ нами, глядѣли намъ въ слѣдъ и пересмѣивались.

Не проѣхали мы и пяти веротъ какъ нашъ маленькій проводникъ остановился и что-то тревожно заговорилъ. Меня просто поразилъ его чудный грудной голосъ, его рѣчь была какой-то музыкальной, протяжный речитативъ, и я съ наслажденіемъ прислушивался къ его словамъ, не пытаясь понять ихъ смысла. Однако Николай сталъ браниться и отвѣчать что-то съ раздраженіемъ, но мальчикъ остановился и показывая рукой себѣ на грудь твердилъ одно:

— *Ме Лат'али да, Лат'али мама-саамод!*

— Онъ, видите, что теперь толкуеть: до Бечо не хочетъ идти, а проведетъ только до Латаала, чтобы тамъ мы взяли у старшины другаго проводника.

Мнѣ стало ужасно досадно; вечеръ былъ близокъ, на разумѣли старшины въ селеніи понадобился бы часъ, да столько же

можетъ-быть на парадъ провожатого, такъ что мы могли не попасть засвѣтло въ Бечо. Николай вступилъ въ жаркія пренія съ мальчикомъ; не столько лутемъ переговоровъ сколько при помощи мимики и пальцевъ выяснилось что нашъ проводникъ пойдетъ пожалуй и до Бечо, но не меньше какъ за четыре абазы.

— Ничего, вы ему пообѣщайте, посоветовалъ съ армянскою находчивостью Николай,—а какъ прїѣдемъ, то дайте одинъ абазъ и наклейте въ шею чтобы не обманывалъ.

Я вынулъ изъ кармана четыре новенькіе двугривенные и показалъ мальчику; глаза у него засіяли радостью и онъ заговорилъ:

— *Ме—Бечо, да! Бечо рус'суми да!* и весело пошелъ впередъ.

Блескъ монетъ произвелъ на маленькаго лаута такое хорошее дѣйствіе что въ лексиконѣ его нашлось даже русское слово: идя и оглядываясь на насъ, онъ поднималъ сверху четыре пальца, какъ бы наломивша что идетъ не меньше какъ за четыре абазы и затѣмъ, показывая себѣ этими пальцами на грудь, повторялъ весело улыбаясь:

— *Ме—маленьки, да!*

— *Маленькій мошенникъ, замѣтилъ ему Николай.*

Мальчикъ на минуту прїостановился, обернулся назадъ и оказалъ, сердито сверкнувъ глазами;

— *Нѣтъ мошенникъ,—есть Джаларидзе!*

Такимъ образомъ обнаружилось и второе русское слово въ запасѣ свидѣній нашего проводника, и мы кромѣ того узнали что его зовутъ Джаларидзе.

Впрочемъ онъ скоро успокоился, и я сталъ приставать къ нему съ разспросами, которыхъ разумѣется онъ не понималъ, также какъ и я не понималъ его отвѣтовъ; но я заставлялъ его говорить просто чтобы слушать его чудный голосъ, совершенно обворожившій меня.

Труды Джаларидзе несомнѣнно стоили четырехъ абазовъ; тропинка, взобравшись на высокую гору и переваливъ ее, повела внизъ густымъ, сумрачнымъ лѣсомъ; сначала спускъ былъ свосень, но чѣмъ дальше, тропа становилась круче и скоро пошла такою же рыхлою, засыпанною камнями, на какой мы уже два раза ломали себѣ ноги за дорогу. Съ лошадей пришлось слѣзть, въ лѣсу было темно, глазъ съ трудомъ разсматривалъ каменья шевелившіеся подъ ногами и чуть не каждый шагъ приходилось дѣлать ощупью, и безъ

того измученные четырехдневною дорогою, мы просто выбились изъ силъ. Наконецъ впередъ засвѣтало, лѣсъ сталъ ниже и рѣже, внизу послышались голоса, еще поворотъ, и предъ нами открылась небольшая замкнутая поляна. По краямъ ея были разбросаны домики и разныя постройки, на среднѣ стоялъ гимнастическій городокъ, у котораго толпились и шумѣли солдаты въ бѣлыхъ рубахахъ. Сзади поляны не ясно свѣтлая снѣжная вершина Сванетскихъ горъ, справа и слева она прикрывалась двумя лѣсистыми хребтами туманными въ черной синевѣ вечера, а прямо предъ нами сейчасъ же изъ-за домиковъ и построекъ поднималась великолѣпная Ужба, на вершинѣ которой еще горѣлъ красный свѣтъ вечерней зари.

IX.

На этой-то площадкѣ, подъ стѣной главнаго Кавказскаго хребта, у самаго подножія Ужбы и расположена штабъ-квартира Бечоской мѣстной команды, состоящей изъ 200 человекъ солдатъ при трехъ-четырехъ офицерахъ. На площадкѣ, кромѣ казенныхъ построекъ для команды да домика для судейскаго и административнаго персонала приставствъ, нѣтъ ничего, не только нѣтъ ни одной лавки, но даже и духана, гдѣ можно было бы купить корбочку сычечкы. Чтобы читатель полагалъ всю изолированность этой команды, достаточно указать что офицеры ея получаютъ жалованье разъ въ годъ авансомъ, который отлучается въ юнѣ—юль, съ тѣмъ чтобы служащіе могли сдѣлать всѣ необходимыя запасы для своей жизни на весь годъ; въ это же время доставляется въ Бечо на вьюкахъ для солдатъ годовая порція муки, крупы, соли и калуцы; на говядину закупается лѣтомъ живой скотъ, частью на мѣстѣ, а частью за Ужбой въ Карачаѣ.

Ни одна мелочь въ приготовленіяхъ къ зимѣ не должна быть забыта, потому что поправить ошибку этого рода слишкомъ трудно, а иногда и невозможно. Словомъ Бечоская команда, какъ корабль отирающийся въ годовое плаваніе, обязана предусмотрѣть и предупредить всѣ предстоящія ей въ теченіе года нужды и потребности. Впрочемъ даже и корабль уходящій въ Океевъ имѣеть преимущества предъ командой: онъ встрѣчаетъ другіе корабли, заходитъ въ порты гдѣ можетъ пополнить свои запасы и получить почту. Для

Бечо же сношенія съ Божиимъ міромъ прерываются почти на всю долгую восьмидесятичную зиму. Въ концѣ августа или сентябрѣ на перевалахъ выпадаетъ снѣгъ и начинаются бури и метели, которыя свалить въ пропасть или заметутъ снѣгомъ и заморозятъ смѣльчака рискушаго перебраться черезъ горы. Даже и въ тихую временаги погоду переваламъ зимой почти неприступны изъ-за глубокихъ снѣговъ, покрывающихъ обмачивую ледяной пропасты и трещины, куда можно провалиться и безслѣдно исчезнуть. Очень, очень рѣдко въ теченіе зимы, въ періоды такой погоды смѣльчаки Ованеты за хорошее вознагражденіе переходятъ за перевалъ съ какимъ-нибудь порученіемъ и привносятъ въ Бечо почту. Но такихъ правдычковъ въ теченіе зимы бываетъ три, четыре, остальное уже время обитатели этого заброшеннаго глухаго уголка должны проводить въ страшной тоскѣ и полной неизвѣстности о томъ что творится на землѣ. Даже и лѣтомъ сношенія Бечо съ Кутаисомъ крайне трудны и неправильны, напримѣръ, мое письмо отправляемое по почтѣ 5 іюня доставлено въ Бечо 25 іюля, на другой день послѣ моего прѣзда; какъ же могутъ быть эти сношенія зимой?

Въ самомъ Бечо зима также очень сурова, снѣгъ глубоки. Въ зиму прошлаго года здѣсь выпалъ страшный снѣгъ, сложенный въ латы аршинъ; боялись чтобы массы его не раздавили казармъ и другихъ построекъ, такъ что солдаты всю зиму ежедневно сбрасывали снѣгъ съ крышъ. Сношенія между отдельными постройками производились посредствомъ глубокихъ корридоровъ, для протиски дневнаго свѣта отъ наружныхъ сторонъ подошмачковыхъ прорывались къ верху воронкообразныя амбразуры, которыя ежедневно заваливало снѣгомъ и ежедневно приходилось раскапывать; словно, чуть что не зимажа на Новой Землѣ.

Въ два дня я окончилъ мою работу въ Бечо и два дня любовался красавицей Ужбой, утро и вечеръ не сводя глазъ съ нея; она кажется отъ штабъ-квартиры не дальше 2—3 версты и отсюда не такъ дораздвѣтываетъ глазъ своими рѣзкими формами. Олюсывающие ея ледники и снѣга лежатся на отлогомъ зеленомъ основании; красноватая, повидимому перфириная или трахитовая скала ея подпашивающаяся изъ массъ ледя и снѣга избороджена и истрѣзана трещинами и расщелинами, снѣгами въковой драхлости гарианты; вершунка скалы, сложенная крикчатая снѣгомъ, какъ клочьями снѣдыхъ волосъ, точно изорвана и изглодана бурями.

Съ истиннымъ сожалѣніемъ простился я съ картиной этой волшебной горы, какъ прощаюсь теперь, кончая свой разказъ, съ воспоминаніями объ этой повѣдкѣ.

Я чувствую что въ моемъ бѣгломъ очеркѣ много недосказаннаго, пропущеннаго, что возбужденный интересъ читателя часто не найдетъ себѣ полнаго удовлетворенія. Но цѣлью моего разказа не было подробное описаніе страны; мною руководило только пробудить вниманіе къ малоизвѣстному уголку Кавказа и показать читателю какую любопытную, полную сильныхъ и оригинальныхъ впечатлѣній повѣдку онъ можетъ совершить, если у него есть время, средства и доброе желаніе.

30 марта 1881.

Тифлисъ.

И. КАНЕВСКИЙ.

ЕГИПЕТСКІЙ ГОЛУБЬ *

РАЗКАЗЪ РУССКАГО

XVII.

Важный вопросъ былъ вотъ въ чемъ: Богатыревъ хотѣлъ дать обѣдъ по случаю учрежденія вилайета во Эракіи и въ честь пріѣзда обоихъ новыхъ пашей, Вали-Хамидъ и Каймакама-паша-Арифа. Надо было все рѣшить и кончить скорѣе, чтобы кто-нибудь изъ другихъ консуловъ не предупредилъ насъ.

Богатыревъ такъ увлекся этою затѣей что не кончивъ еще завтрака спросилъ листъ бумаги и тутъ же сталъ карандашомъ чертить нѣчто въ родѣ плана обѣденнаго стола, чтобъ яснѣе было гдѣ кого разсадить по чинамъ и по правамъ дипломатическаго старшинства.

Онъ начертилъ длинный четырехугольникъ; на одномъ концѣ написалъ Вали-паша, на другомъ le Cons. de Russie. Потомъ сталъ ставить крестики и начальныя буквы: le C. d. F. (французскій консуль), M. L. (господиновъ Ладневъ) и т. д. Число персонъ выходило нечетное, девять человекъ, считая еъ Михалаки Канкелларіо... Между мною и Каймакамъ-

* Продолженіе. См. №№ 8, 9, 10 *Русскаго Вѣстника* 1881.

паншой некого было посадить... Выходиле съ одной стороны стола лусто и некрасиво.

Богатыревъ былъ очень этимъ недоволенъ...

— Посовѣтуйте какъ же быть? сказалъ онъ мнѣ.

— Пригласите новаго австрійскаго драгомана и посадите его vis-à-vis съ monsieur Михалаки, отвѣчалъ я съ улыбкой.

Михалаки вспыхнулъ и глаза его засверкали.

— Какъ? воскликнулъ онъ.—Бояджіева? уніята! Этого босомогаго негодая!.. Въ такомъ случаѣ я прошу г. Богатырева лишать меня чести обѣдать въ такомъ высокомъ обществѣ... Мнѣ легче отказаться.

Въ негодованіи Михалаки готовъ былъ, кажется, и сейчасъ даже выйти изъ-за стола. Его обычная сдержанность и почтительность предъ нами, представителями русской власти, которую онъ почти страстно любилъ, не могли устоять противъ такого оскорбленія... Одно „лаутократическаго“ чувства его было бы достаточно чтобы возмутиться такимъ предложеніемъ. „Этотъ босомогій негодай“ станетъ на одну съ нимъ доску!

— Пойдите, monsieur Ладневъ вѣрно шутить, сказалъ Богатыревъ.—Самъ Халимъ-паша оскорбился бы еслибъ учителя и райа Бояджіева посадили съ нимъ за одинъ столъ...

— Я не Бояджіева шѣлъ въ виду, а другаго почетнаго драгомана, Антоніади, отвѣчалъ я и послѣдовалъ успокоить Михалаки, рассказавъ обо всемъ томъ что случилось сегодня въ австрійскомъ консульствѣ.

Слушатели мои были очень добольны. Михалаки негодовалъ на Бояджіева и съ любовью глядѣлъ на меня, когда я рассказывалъ о томъ какъ я проучилъ грубаго уніята.

— Quel animal, quel animal! Повторялъ онъ качая головой.—Отзываться такъ о великой Россіи, о святой Россіи!.. Кюлье-огли (собачій сынъ)! прибавилъ онъ еще по-турецки.

Богатыревъ тоже одобрилъ мое поведеніе.

— Это вы отяично одѣдали что этому болвану натацію прочи, сказалъ онъ.—И счастливо сошло вамъ это съ рукъ! Остеррейхеръ вѣрно къ вамъ за вашу „философію“ очень благоводить, а то бы другому онъ локазалъ дверь или бы еще что-нибудь хуже... Ну, а что жъ мы будемъ дѣлать теперь съ Антоніади? Какъ вы скажете, господа? Гдѣ намъ выгоднѣе его видѣть—въ англійскомъ консульствѣ или въ австрійскомъ?

— Онъ не пойдетъ служить въ австрійское консульство, сказалъ Михалаки.

— Отчего?

— Греки вообще Австрійцамъ служить не любятъ. Есть какой-то на это инстинктъ! замѣтилъ адрианопольскій политикъ.— Это очень глубоко. Я не могу даже объяснить это, прибавилъ онъ скромно, какъ бы кокетливая и желая вызова на дальнѣйшія разсужденія.

— Нѣтъ! оказалъ весело Богатыревъ.— Пожалуста объясните... Для насъ сдѣлайте это, monsieur Михалаки. Вотъ вамъ для подкрѣпленія еще немощко.

И онъ налилъ ему еще вина.

Михалаки, принявъ тогда снова тотъ твердый и выгнѣтъ съ тѣмъ ядовито-проницательный видъ, который былъ ему обыкновенно свойственъ, пристально глядя то на консула, то на меня, началъ такъ:

— *Il y a quelque chose...* Въ интересахъ и преданіяхъ Грековъ есть нѣчто такое что больше ихъ располагаетъ служить Россіи и Англіи чѣмъ католическимъ державамъ. Относительно Англіи и Австріи я скажу что тутъ быть-можетъ сохраняется чувство еще со времени Меттерниха и Каннингда. Но кромѣ того, вообще слѣдуетъ замѣтить что Славяне гораздо легче чѣмъ Греки располагаются искренно къ державамъ католическимъ, и это очень натурально: у Грековъ нѣтъ ни въ Австріи, ни въ Польшѣ милліоновъ католическихъ братьевъ. Греки *одни* на свѣтѣ; ихъ четыре милліона съ небольшимъ и вся сила ихъ въ православныхъ преданіяхъ, а не въ племени. Россія и Греки—вотъ столпы православія. А Славяне могутъ измениться. Интересы и Россіи и Грековъ требуютъ прежде всего чтобы православіе было крѣпко, а у Славявъ могутъ быть и другія наклонности.

— Такъ что же Англія? спросилъ я, хотя и самъ почти предугадывалъ отвѣтъ Михалаки.

— Англія, сказалъ онъ,—можетъ вредить Грекамъ только поверхностно. Она можетъ что-нибудь отнять, присоединить; но она не можетъ развратить ни Грековъ, ни Славявъ такъ какъ могутъ развратить ихъ католическія державы. *Религіе* при Англичанахъ также какъ и при Туркахъ не въ опасности. Вы знаете что Греки Ионическихъ острововъ релігіознѣе чѣмъ Греки свободной Эллады.

— Поэтому—Антониади...? подсказалъ Богатыревъ.

— Не пойдетъ въ драгоманъ къ австрійскому консулу, а къ Виллартону можетъ-быть согласится.

— Но я васъ спрашиваю, что выгоднѣе намъ, намъ? еще разъ спросилъ Богатыревъ.

Михалаки помолчалъ съ минуту и потомъ сказалъ:

— Вы знаете, Турки говорятъ *дели базаръ, бокъ базаръ!* * Пусть Автоиади служить у Виллартона; намъ будетъ лучше.

Богатыревъ засмѣялся отъ удовольствія.

— Вы думаете, спросилъ онъ,—что такъ какъ Виллартовъ *дели* и слишкомъ обнаруживаетъ свою игру, то Автоиади будетъ все знать и будетъ передавать намъ?

— Зачѣмъ *намъ!* скромно съезжившись возразилъ Михалаки.—Это слишкомъ прямо, и Автоиади кажется не такой человекъ. Ему это покажется низкимъ... что-то вродѣ шпиона. Но я найду другіе пути. Есть косвенныя сношенія, есть разные пути!

При этомъ Михалаки дѣлалъ такіе убѣдительные и извилистые жесты руками что было ясно,—онъ знаетъ эти *пути*.

— Однако, замѣтилъ Богатыревъ,—прежде всего не надо забывать что Автоиади желаетъ пользоваться русскою протекціей. Онъ вѣдь самъ заявилъ мнѣ. Хорошо ли это будетъ если мы его предоставимъ Виллартону вполнѣ?

— Зачѣмъ вполнѣ! Для Автоиади выгодно имѣть защиту и протекцію въ турецкихъ судахъ съ разныхъ сторонъ. Въ иныхъ случаяхъ ему пригодятся привилегіи которыя ему дастъ англійскій драгоманъ, а въ другихъ—наша помощь.

— Еслибъ у него была здѣсь собственность, прервалъ Богатыревъ,—то вѣдь жена его русская подданная, и онъ могъ бы все записать какимъ-нибудь образомъ на ея имя... Да и это очень сложно. Но вѣдь у него всѣ дѣла будутъ въ коммерческомъ судѣ, и какой способъ придумать чтобы въ случаѣ нужды намъ защищать его интересы—я и не знаю...

Михалаки опять принялъ смиренный видъ. Хитрое лицо его выражало въ эту минуту спокойную, почти до равнодушія доходящую увѣренность подчиненнаго въ томъ что начальникъ (и еще какой начальникъ... Богатыревъ!) знаетъ и понимаетъ все лучше его.

Богатыревъ прибѣгъ къ своему моноклю и, рассмотрѣвъ хорошо это выраженіе лукаваго Грека, засмѣялся.

* *Дели*—безумный; *бокъ*—навозъ, грязь или еще *хуже*. *Авт.*

— Ne faites donc pas l'innocent, mon cher monsieur Mikhalaki!... Мы ждемъ всего отъ вашей изобрѣтательности. Вы сами давно догадались.

— Чтò сдѣлать? я не знаю, отвѣчалъ Михалаки задумчиво.—Я желалъ чтобъ онъ и у насъ служилъ, и у Виллартона. Мнѣ такъ больше нравится. Я цѣлый день вчера объ этомъ думалъ. Нельзя ли сдѣлать Антоніади однимъ изъ членовъ тиджарета отъ русскаго консульства. Нашъ банкиръ Московъ-Самуилъ все старѣеть и мало приноситъ пользы. Только мнѣ жаль старика обидѣть. Хотя и Жидъ, но онъ такой добрый и невинный!

— О! это ничего! воскликнулъ съ радостью Богатыревъ.— Мы найдемъ чѣмъ утѣшить Самуила. Можно его будетъ сдѣлать вторымъ послѣ васъ почетнымъ драгоманомъ и брать его иногда съ собой въ Порту для виду. Это доставитъ ему прекраснѣй случай надѣть свою рысью шубку, повязать феску хорошимъ шелковымъ платкомъ, сидѣть предъ генералъ-губернаторомъ и разговаривать съ нимъ! Онъ будетъ счастливъ этимъ... Вы начните съ этого лоскорѣй, monsieur Mikhalaki, предложите ему быть вашимъ помощникомъ. А насчетъ Антоніади мы тоже постараемся. Отлично!—И обратясь ко мнѣ, консулъ еще разъ спросилъ:—Владиміръ Александровичъ, не правда ли, отлично? .

— Очень хорошо, сказалъ я.

— А не позволите ли вы мнѣ, спросилъ Михалаки вкрадчиво,—подать бѣдному Самуилу надежду на золотую медаль на лентѣ Св. Анны? Такъ, отъ себя, только надежду. Онъ такъ долго и усердно служилъ консульству банкиромъ и членомъ тиджарета.* Это расположить къ намъ всю здѣшнюю еврейскую общину, Евреи скажутъ: „Вотъ служи Англиччанамъ; чтò за корысть! У нихъ и орденовъ вовсе нѣтъ. То-ли дѣло Россія!“

— Очень радъ! очень радъ! воскликнулъ Богатыревъ:— Подайте ему эту надежду не только отъ себя, но и прямо отъ меня. Я выхлопочу ему это непременно. И такъ дѣло рѣшено, по крайней мѣрѣ въ принципѣ.... А объ обѣдѣ мы и забыли. Я тороплюсь, боюсь чтобы Виллартоны.... Кого же намъ посадить, я все-таки не знаю. Еслибы къ тому дню

д* *Тиджаретъ* — коммерческій судъ въ Турціи, въ немъ каждое консульство имѣло двухъ своихъ представителей для тяжбныхъ дѣлъ между турецкими подданными и иностранцами.

даже и былъ назначенъ Антоніади англійскимъ драгоманомъ, то я не вижу никакого основанія дѣлать Виллартону такую особую честь приглашать только его драгомана. Какія основанія? И что за *прецедентъ* для будущаго? Вы, monsieur Михалаки, другое дѣло, вы *наши*, вы почти принадлежите къ хозяевамъ консульства; и къ тому же я хочу чтобъ и сами наши видѣли какъ мы васъ цѣнимъ. Но чужой драгоманъ?... Подумайте! и объ этомъ, прошу васъ.

Михалаки уже стоялъ въ эту минуту съ фуражкой въ рукѣ; онъ слѣвши въ Порту и долженъ былъ еще зайти къ Самуилу. Слыша такія рѣчи отъ гордаго консула, онъ не совладалъ съ собою, и покрасѣвъ отъ блаженства какъ молодая дѣвушка, слабымъ голосомъ прошепталъ: „Je vous remercie, monsieur le consul!“ и послѣшно ушелъ, приговаривая: „Поищу, поищу и для обѣда кого посадить“....

Богатыревъ проводивъ его глазами, глухо и тихо сказалъ: „Радъ-то какъ!“ и потомъ обратясь уже прямо ко мнѣ началъ весело и лаутовски смѣясь:

— Теперь я васъ обрадую.

— Какъ?

— Да ужъ обрадую, продолжалъ мой молодой начальникъ все такъ же лукаво и добродушно.—Ужъ все луцъ въ ходъ. Мнѣ нужно чтобы христіане здѣшніе не воображали что мы нуждаемся въ содѣйствіи и дружбѣ англійскаго консула. Идите-ка вы, батюшка, знаете куда? Идите къ Марьѣ Спиридоновнѣ. Да! къ *самой* къ Марьѣ Спиридоновнѣ... А! какъ вы обрадовались! Да, вы влюблены. Это ясно. Вы влюблены. Вы больше обрадовались чѣмъ Михалаки моимъ complimentамъ...

— Перестаньте, сказалъ я, конфузясь невольнo.— Прощу васъ... ну, радъ, ну влюбленъ, что вамъ до этого!...

— Да ничего, ничего. Я сочувствую вамъ. Дѣло житейское. Такъ вы идите скорѣе. Сейчасъ. Мужъ небось въ конторѣ теперь, считаетъ деньги. А вы къ ней. Начните по здѣшнему издалека.... „La pluralité des mondes“.... напримѣръ, „l'immensité de l'espace; l'amitié; l'amour avant tout, le devoir conjugal après“.... А потомъ и поручите ей все узнать чего мужъ хочетъ. Скажите прямо что Остеррейхеръ просилъ васъ дѣйствовать въ его пользу, но что вы не знаете какъ это, и зачѣмъ, и что съ политической точки зрѣнія консульству *все равно*, понимаете?... Это главное—*все равно*... Вотъ

оттѣнокъ. Поговорите отъ мена и отъ себя о тиджаретѣ, и о Виллартоновѣ узнайте.... Я не совсѣмъ въ этомъ отношеніи съ Михалаки согласенъ. Все было бы лучше и проще еслибъ Антоніади былъ подальше отъ Виллартона и зависѣлъ бы въ дѣлахъ только отъ насъ.

И приостановившись, Богатыревъ прибавилъ опять шуточно:

— Вѣдь и для вашихъ будущихъ благъ было бы лучше еслибъ Антоніади зависѣлъ только отъ васъ, въ случаѣ моего отъѣзда?

Этотъ новый оттѣнокъ шутки мнѣ не понравился, и я отвѣтилъ Богатыреву серьезно:

— Послушайте, мнѣ ваши шутки вообще нравятся. Вы не Блауменфельдъ, я знаю.... У него самое простое слово дышать злостью, раздраженіемъ и обидой. Я понимаю что у васъ совсѣмъ другой оттѣнокъ. Но еще разъ я васъ прошу, умоляю даже, шутите надо мной сколько вамъ угодно, — надъ моимъ чувствомъ, что я влюбленъ, что я страдаю, все что вы хотите; но не придавайте, ради Бога, никакого грязнаго характера вашимъ рѣчамъ объ этой женщинѣ... Какое она зло вамъ сдѣлала? И если я хочу уважать ее, почему же вамъ не щадить моего чувства? Къ чему эта мысль о какой-то чиновничьей эксплуатаціи, о начальствѣ надъ мужемъ.... Какая гадкая мысль!

Богатыревъ сильно нахмурился и очень грубымъ голосомъ сказалъ:

— Васъ не разберешь. Вы сами защитники женской свободы въ любви.—Поклонникъ Жоржъ Савад. А тутъ обижае-тесь за одно слово! Я буду впередъ....

И не кончивъ съ досады фразы, онъ все съ разсерженнымъ лицомъ всталъ и пошелъ къ дверямъ канцеляріи.

Я взялъ шляпку съ окна и собрался идти, но консулъ, оставившись въ дверяхъ, оборотился ко мнѣ и замѣтилъ холодно и строго:

— Вы впрочемъ тамъ не слишкомъ распространяйтесь. Я хочу знать скорѣе о результатѣ. И еще предупреждаю васъ что завтра курьеръ: у меня четыре большія донесенія, и я самъ не намѣренъ сегодня переласывать. У васъ работы будетъ на цѣлый вечеръ, тѣмъ болѣе что вы скоро и красиво писать не можете.

— Потрудитесь прислать мнѣ на домъ. Все будетъ готово, отвѣчалъ я такъ же сухо и холодно.

Мы разстались, и я раздосадованный и смущенный пошелъ къ Автонояду.

Погода становилась все хуже и хуже. Утренній туманъ, въ которомъ была своя поэзія, разсѣялся; теперь шелъ мелкій и частый дождикъ, напоминавшій мнѣ Петербургъ (я ненавижу все то что мнѣ напоминало эту язву Россіи). Грубая адрианопольская мостовая была покрыта слоемъ липкой грязи, по которой бродили худыя и покрытыя сылью безпріютныя собаки базара.

— Что за низость эти выходы! (думалъ я въ величайшей досадѣ.) „Дѣла мужа будутъ въ вашихъ рукахъ!“ Вѣдь если бы послу или министру нравилась какая-нибудь женщина, онъ не позволялъ бы себѣ такъ шутить. Отчего же бы я въ этомъ случаѣ не сдѣлалъ различія между чувствомъ министра и моего собственнаго слуги? Мнѣ было бы стыдно. Или я лучше многихъ создаю? Или я больше ихъ понимаю?.. Но чего тутъ не помнить Богатыреву? Онъ не Михалка какой-нибудь здѣшній. Это отвратительно! И эта дѣтская какая-то месть чиновника: „переносывай же сегодня всѣ домосенія до поздней ночи за то что ты отъ начальства не выносишь какихъ-то шутокъ“. И неужели онъ и этого не стыдится?.. Не понимаю! не понимаю!

Въ такихъ непріятныхъ размышленіяхъ провелъ я всю дорогу отъ консульства до дверей *блага* дома въ *Кастро*.

XVIII.

Стучалъ я долго желѣзнымъ кольцомъ въ дверь и съ ужасомъ думалъ: „И вдругъ ея дома нѣтъ!“ И въ ту же минуту я вспомнилъ почти съ отчаяніемъ что это именно свиданіе было бы первымъ нашимъ свиданіемъ съ глазу на глазъ. Въ первый разъ мы были бы съ нею одни, и не на улицѣ, а въ домѣ. Ни мужа, ни Богатырева, ни посольскихъ товарищей, какъ было въ Константинополѣ на завтракъ.

Я былъ такъ остороженъ, такъ терпѣливъ (быть-можетъ и вопреки моей природѣ), такъ берегъ ея репутацію (напримѣръ, при встрѣчѣ нашей на улицѣ)! Теперь моя совѣсть оправдана даже порученіемъ по службѣ. Все было бы такъ хорошо! А эту дверь не отпираютъ, и ея быть-можетъ нѣтъ дома!

Наконецъ послышались шаги и эта дверь отворилась.

Предо мной предстала смуглая Елена, Гречанка съ острова Черуго, вѣрная и давнишняя горничная Маши.

— Пожалуйте, пожалуйте, привѣтливо сказала она.

Она какъ будто рада была меня видѣть.

Печаль моя тотчасъ же облегчилась и я пошелъ на верхъ.

Елена шла за мной и говорила мнѣ:

— Вы насъ извините что мы опоздали отворить вамъ дверь.—У насъ все вверху двоимъ.

— Отчего?

— Малецькая наша Акривѣ вчера прѣѣхала съ учительницей своей изъ Константинополя. Привезли много вещей.. Мы все теперь приводимъ въ порядокъ, и госпожа Марія наша не хотѣла никого принимать, но когда увидала васъ изъ окна, сказала: „Бѣги, бѣги, Елена, скажи что прошу его. Какъ я рада что онъ пришелъ“. Очень она любитъ Русскихъ!

Такъ говорила добрая Елена, не зная до чего ея слова для меня радостны. Въ залѣ я увидалъ и ее, и дочь, и гувернатку, ту самую *блѣую съ краснымъ Кизляръ-Агаси* Игнатовичъ, которую я встрѣтилъ на завтракъ у Т., полтора года тому назадъ. Акривѣ выросла; Кизляръ-Агаси была все та же.

Въ залѣ, правда, былъ въ эту минуту большой беспорядокъ. На полу было много сѣна, валялись доски отъ большихъ ящиковъ; столы были загромождены посудой и стояло много поларно связанныхъ внизъ и вверхъ ногами стульевъ, тщательно обернутыхъ бумагой.

Мама радостно встрѣтила меня, крѣпко пожала мнѣ руку и сказала:

— Ахъ, какъ я рада васъ видѣть! какъ вы давно у насъ не были? Чтò съ вами?

Я не зналъ чтò отвѣтить на это (она должна же была поинимать что я не былъ давно именно потому что слишкомъ сильно желалъ быть ежеминутно съ нею!).

— Акривѣ! продолжала Мама, — ты помнишь monsieur Ладлева? Здоровайся же съ нимъ скорѣе!

— Нѣтъ! не помню, отвѣчала дѣвочка съ недоумѣниемъ присѣдая.

Съ гжой Игнатовичъ мы поздоровались какъ старые знакомые, и вотъ какъ мѣняется человекъ! Эта сентиментальная, неприятно увядшая женщина съ красными губами и красными

вѣкамъ, которая въ Царьградѣ тогда показалась мнѣ ужасною, здѣсь произвела на меня совсѣмъ другое впечатлѣнiе; то-есть не она сама, не лицо ея, не вся ея особа, а только присутствiе ея здѣсь показалось мнѣ благопрiятнымъ. По какому-то тайному, сердечному инстинкту, по какому-то невыразимому сразу физиологическому соображенiю я предугадалъ въ ней будущую усердную мнѣ потворщицу и дружески пожалъ ей руку, говоря:

— Вотъ неожиданная и прiятная встрѣча!

Легкiй румянецъ удовольствiя локрылъ щеки гжи Игнатовичъ и жалкое лицо ея выразило такое смущенiе что сердце мое сжалось внезапно отъ состраданiя. Если встрѣтить ее я не ожидалъ, то еще менѣе ожидалъ чувствовать все то что я почувствовалъ въ эту минуту. Не правъ ли я былъ говоря что драма жизни нашей со всѣми ея тайными и тонкими ощущенiями полна мистической неразгаданности!

Питать такое отвращенiе, и вдругъ!

Мама велѣла продолжать Еленѣ уборку вещей въ залѣ; уведла меня въ другую небольшую прiемную свою, которую я еще не видалъ, и извинившись оставила меня одного.

Я сѣлъ и любовался. Гостиная эта была только что заново отдѣлана и украшена съ удивительнымъ вкусомъ. Рѣзной деревянный потолокъ, стѣны и дугалы * въ стѣнахъ были выкрашены свѣтлооливковою краской во всѣхъ углубленiяхъ, а вышуканые узоры, карнизы и бордюры—блѣдноокраснымъ цвѣтомъ. Гостиная эта въ родѣ киоска освѣщалась съ улицы тѣснымъ рядомъ оконъ почти безъ простѣнковъ и подъ этими окнами во всю длину шель одинъ простой и широкиi турецкiй диванъ. Онъ былъ обитъ тонкимъ сукномъ темнокраснаго цвѣта, а всѣ кантики на его швахъ, на длинномъ рядѣ подушекъ, какiе-то полукруглые уголки на этихъ подушкахъ и тяжелая бахрома внизу, все это было яркочаловаго цвѣта, — странное сочетанiе, которое, однако, очень любимо Турками, и къ которому скоро привыкаетъ русскiй глазъ, тоскующiй по столь родственной ему лестротѣ. Скатерть на кругломъ столѣ посреди комнаты была черная бархатная, по заказу въ Царьградѣ расшитая великолѣпными разноцвѣтными турецкими надписями и вензелями, коверъ на полу былъ смирнскiй, темнозеленый, съ густымъ ворсомъ;

* Углубленiя въ стѣнахъ, съ дверцами, на подобiе шкафовъ.

тамъ и самъ стояло нѣсколько покойныхъ креселъ европейскаго фасона, обитыхъ также сукномъ, только не краснымъ какъ диванъ, а какимъ-то почти оливковымъ, подходящимъ подъ цвѣтъ стѣвъ и потолка. Чугунная, американская фигурная печь топилась направо. Налѣво, у другой стѣны, на бѣломъ мраморѣ узкаго стола стояли двѣ большія вазы... японскія или китайскія, не знаю и названія этого фарфора не помню, только онъ весь нарочно дѣлается какъ бы мелко-истрепаннымъ. Но чуть ли не лучшимъ украшеніемъ этой странной и прекрасной комнаты были четыре стула изъ числа тѣхъ которые я обязанъ былъ видѣть въ залѣ. Дерево на нихъ все было темно позолочено, а подушки какъ на сидѣньи, такъ и овальныя на стѣнкахъ были вышитыя по канвѣ; на фонѣ бѣлаго шелка были изображены пастушескія сцены, деревья, зелень, овечки. Пастушка прядетъ, пастухъ-юноша беретъ ее за подбородокъ; пастухъ играетъ на свирѣли одинъ, пастушка ласкаетъ собаку. Этотъ бѣлый шелкъ и золотого! Прелесть!

Видно было, впрочемъ, что эту комнату только-что обновили; въ ней было все такъ свѣжо, изящно, но еще пусто, съ ней еще не сжилась никто: не было ни книги на столѣ, ни женской работы, ни забытой дѣтской игрушки. „Но это придетъ само собою!“ думалъ я и осматриваясь кругомъ, продолжалъ восхищаться.

Когда мадамъ Антоніада вернулась съ работой въ рукахъ и сѣла, я выразилъ ей свой восторгъ.

— И эти стулья шелкомъ шиты! это такъ кстати! сказалъ я:—овечки, пастушки рококо посреди всей этой турецкой простоты. Точно какой-нибудь великій визирь прошлаго вѣка купилъ ихъ какъ рѣдкость для своего гарема или даже привезъ ихъ какъ добычу изъ какого-нибудь австрійскаго ограбленнаго замка!

— Эти стулья мое созданіе; я сама вышивала ихъ, сказала Мама.

— Нѣтъ! продолжалъ я:—визирь прошлаго вѣка не сумѣлъ бы такъ убрать свой гаремъ! Для этого нужно именно то о чемъ я такъ напрасно мечтаю для насъ Русскихъ—смѣлое соединеніе восточныхъ вкусовъ съ европейскою тонкостью пониманія!

И я опять то любовался на милыя эклоги золотыхъ стульевъ, то разсматривалъ скатерть, то удивлялся удачному въ

снѣжности своей сочетанію красокъ въ этомъ убранствѣ, то хвалили рѣзвѣю потолка.

Мадамъ Антоніади, улыбаясь, слѣдила за моими движеніями и, наконецъ, сказала:

— Я все время думала объ васъ, когда убирала. Мнѣ хотѣлось угодить вамъ. Кажется удалось?

— Я не могу на это отвѣчать, сказалъ я даже съ досадою.—
Что тутъ слово! Впрочемъ оставимъ это. Я долженъ вамъ сказать что я пришелъ къ вамъ съ порученіемъ.

— Отъ кого это? съ любопытствомъ спросила она.

— Отъ двоихъ консуловъ.

Любопытство ея возрастало; она оставила работу и съ живостью переспросила:

— Ко мнѣ—отъ консуловъ? Отъ какихъ? Отъ какихъ? Что такое?

Но насъ прервали. Дверь изъ залы тихоцѣко отворилась и вошла Акривѣ. Она была одѣта такъ какъ одѣваются ту-рецкія дѣвочки, только лучше ихъ. На черныхъ и смелитыхъ (какъ у отца) волосахъ ея, остриженныхъ въ кружокъ, былъ небольшой бѣлый газонный платочекъ, обшитый мелкою и пестрою бахромой; платочекъ былъ приплатенъ съ одного боку двумя брилліантовыми звездами на нитой проволоки, и звезды эти дрожали и блистали при каждомъ движеніи маленькой Акривѣ. Одежда на ней была вся изъ лалеваго, яркаго шелка съ какими-то небольшими черно-лиловыми и бѣлыми фигурками. Верхній кафтанчикъ былъ перехваченъ поясомъ съ серебряными круглыми пряжками, а шальвары очень лыжны и широки, до земли, но сшиты такъ что они нисколько не мѣшали ей ступать и даже бѣгать, еслибъ она захотѣла. Въ рукахъ Акривѣ держала небольшой серебряный лодносъ съ двумя прекрасными *зәрфиками* чернаго фарфора.

Въ ту минуту когда дверь отворилась, показалась въ ней Елена. Она отворяла эту дверь и, пропуская впередъ барышню съ подносомъ, сказала громко и весело:

— Иди, иди, *туркуда* наша. Иди, милая, весели русскаго нашего *челибея*. *

Акривѣ шла ко мнѣ съ кофеемъ не слѣша. Ея блѣдное, восковое личико было серьезно, и черные, тихіе, покойные глаза удивительно напоминали отцовскіе.

* *Челибей*—господинъ.

Принимая изъ рукъ ея кофе я сказалъ вполголоса какъ бы не обращаясь ни къ кому:

— Что жь это такое? Это можно съ ума сойти!

Дѣвочка взглянула на меня съ удивленіемъ и вдругъ спросила, все съ тѣмъ же серьезнымъ и почти печальнымъ лицомъ:

— Отчего?

Мать громко засмѣялась; а я взявъ за руку Акриві притянулъ ее къ себѣ и сказалъ:

— Оттого что ты такъ мила въ этой одеждѣ, что мнѣ хочется разцѣловать тебя.

Акриві немного попятилась и, пожавъ плечами, сдѣлала небольшую гримасу и опять также кратко и рѣзко воскликнула по французски:

— Pourquoi m'embrasser?...

А потомъ обратясь къ матери спросила по-гречески:

— Поцѣловать его или нѣтъ!

Мадамъ Антоніади очень забавлялась этими выходками дочери и велѣла ей меня поцѣловать. Тогда Акриві обняла меня прямо рукой за шею и поцѣловала крѣпко и радужно прямо въ губы.

Я былъ очень тронутъ этимъ простымъ движеніемъ серьезнаго и задумчиваго ребенка.

Послѣ этого Акриві спросила у матери:

— Что мнѣ сдѣлать теперь или стоять съ подносомъ, пока monsieur будетъ лить кофе?

— Сядь, сядь, сказала ей мать.—Теперь мнѣ не до тебя, подожди... Какой же консуль далъ вамъ ко мнѣ порученія? *Ко мнѣ!* какъ это странно.

— Воиервыхъ, Остеррейхеръ. Онъ очень желаетъ чтобы вашъ мужъ служилъ у него почетнымъ драгоманомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ боится что Виллартовъ пересилить. Виллартовъ самъ признался Остеррейхеру въ своихъ видахъ на нашего мужа... И Остеррейхеръ просилъ меня вывѣдать какъ-нибудь, которое изъ двухъ консульствъ онъ предпочитаетъ.

— Вотъ какъ! сказала мадамъ Антоніади—мой мужъ здѣсь, а вижу, словно хорошенькая женщина: его разрываютъ на части!

— Это понятно, замѣтилъ я:—вашъ мужъ богатый negociantъ, образованный, дѣльный, основательный. Соединеніе такихъ качествъ рѣдкость въ Адрианополѣ, и я понимаю консуловъ; они хотятъ украсить, такъ-сказать, вашимъ мужемъ свои консульства.

Мадамъ Антоніади задумалась надъ своею работою. Она долго молчала и потомъ, пожавъ плечами, сказала довольно сухо:

— Что же я тутъ? Это воля monsieur Антоніади. Вы бы обратились къ нему.

— Я не могъ навѣрное знать что онъ теперь въ конторѣ (солгалъ я); разумѣется еслибъ онъ былъ дома я бы обратилась къ нему самому. А теперь я вынуждена слѣдовать, потому что я не говорилъ еще о третьемъ соперникѣ который тоже имѣетъ претензію завладѣть сердцемъ monsieur Антоніади.

— Это еще кто? Неужели monsieur де-Шервиль!? У него этотъ страшный Меланскій. Развѣ онъ съ нимъ разстается?

— Нѣтъ не де-Шервиль, а нашъ Богатыревъ!

— Богатыревъ!? съ удивленіемъ спросила Маша и даже покраснѣла отчего-то (я думаю отъ тщеславной радости что за ея мужемъ такъ ухаживаютъ).

— А что вы дѣлаете съ вашимъ влиятельнымъ Канцелларіо?

— Ничего мы съ нимъ новаго не дѣлаемъ. Все то же. Богатыревъ нуждается въ хорошемъ представителѣ для тиджарета: вотъ что хочетъ онъ предложить вашему мужу, такъ какъ онъ самъ желалъ пользоваться русскою протекціей.

— Да, вотъ что! воскликнула М-ше Антоніади и опять задумалась, продолжая прилежно вышивать свой вензель на батистовомъ платкѣ.

Акривѣ во все это время пока мы разговаривали сидѣла спокойно и ждала чтобъ я долилъ кофе.

Я кончилъ; Акривѣ привстала, поднялась на цыпочки, поглядѣла издали въ мою чашку и сказала матери:

— Monsieur Ладневъ кончилъ свой кофе. Могу ли я уйти теперь?

— Иди.

— Я раздѣнусь, прибавила Акривѣ,—я должна еще помогать Еленѣ разбирать вещи. Я боюсь испортить платье.

— Хорошо, хорошо, иди, сказала мать съ нетерпѣніемъ. Видимо ей хотѣлось что-то недокончить мнѣ сказать.

Когда мы остались одни, М-ше Антоніади начала такъ, пожимая плечами и не безъ смущенія:

— Послушайте, вы меня ставите въ трудное положеніе. Я здѣсь еще ничего не знаю. Вы вѣрно хотите чтобъ я какъ-нибудь подѣйствовала на мужа. Я боюсь сдѣлать вредъ его

интересамъ и потому (она стала очень серьезна и опустала глаза), потому я на него имѣю очень мало вліянія. Мы съ нимъ иногда не сходимся въ понятіяхъ. Это иногда очень скучно!

Я молчалъ и ждалъ что она дальше скажетъ.

Она продолжала орать пристально и серьезно взглядывать мнѣ въ глаза:

— Я ничего не понимаю еще въ здѣшнихъ дѣлахъ—что опасно, что выгодно. Теперь такія волненія. Можетъ-быть англійскій консулъ можетъ лучше насъ оберегать отъ какой-нибудь турецкой несправедливости. Я говорю вамъ что я ничего, ничего этого не знаю и потому я такъ ненавижу всю эту коммерцію, всѣ эти суды, всѣ эти дѣла! Отецъ мой, правда, занимался тоже торговлей въ Россіи и Молдавіи. Но я на все это не обращаю никакого вниманія! Понимаете?

— Понимаю.

— А вмѣстѣ съ тѣмъ я не могу взять на себя какую-нибудь ответственность въ такихъ дѣлахъ. Какъ я рѣшусь вліять на мужа! Я можетъ-быть сдѣлаю что-нибудь не такъ чтобы понравиться Русскимъ, которыхъ я такъ люблю. А это будетъ вредно! Понимаете?

Говоря это она чуть-чуть покраснѣла, и я отъѣвая ей „новичаю“ тоже смутился отъ радости.

— Пойдите, я еще не кончила, сказала она съ жаромъ.— Я хочу быть откровенною съ вами сегодня. Видите, я терпѣть не могу коммерцію, но вѣдь я этой его коммерціи обязана всеми удобствами моей жизни. Онъ приобрѣлъ свое богатство большою энергіей и большими лишениями. Да! я вамъ обо всемъ этомъ когда-нибудь расскажу. Онъ много перенесъ, и при этомъ онъ честный человекъ, вѣрьте мнѣ! А у меня ничего не было, кромѣ кой-какихъ вещей. Des petits riens! И вотъ что еще, слушайте—вотъ я эту турецкую одежду сшила моей дѣвочкѣ еще въ Константинополь. Я знала что вамъ это понравится. Ну? Вы понимаете на чьи труды, на какія деньги я доставляю себѣ такіа удовольствія. Да, поймите. Я трачу много на себя и на дочь для моего удовольствія, потому что люблю, также какъ и вы, чтобы все было красиво. Что жъ мнѣ дѣлать, если безъ этого мнѣ тоска. Я скучаю вестерпимо въ томъ коммерческомъ кругу въ которомъ принуждена жить съ нимъ. И терплю это, а онъ выноситъ мои расходы. Я говорю что мы иногда бываемъ несогласны,

и вы видѣли примѣръ какъ я глупо рассердилась у monsieur де Шервиля въ домѣ, когда мы спорили гдѣ нанимать квартиру. Нѣтъ, лучше объ этомъ не говорить. Я была очень глупа и протавна тогда. Мой мужъ былъ правъ. Но это бываетъ очень рѣдко. Прошу васъ не думайте что ссоры у насъ бываютъ часто. Мнѣ было бы очень стыдно. Ихъ почти никогда не бываетъ: мы оба вовсе не вспыльчивы. Простите, я такъ много наговорила что сама теперь не знаю что вамъ сказать.

— Вы хотѣли объяснить, сказалъ я,—почему вы не можете вмѣшаться въ тѣ дѣла о которыхъ я вамъ говорилъ. Но вы, кажется, не ясно поняли о чемъ рѣчь. Вашъ мужъ самъ, вы помните, при васъ спрашивалъ у Богатырева, нѣтъ ли какого-нибудь средства пользоваться русскою протекціей въ тажебныхъ дѣлахъ и вообще въ торговыхъ. Мы придумали сдѣлать его русскимъ представителемъ въ тиджаретъ.

— Что такое тиджаретъ? я забыла.

— Тиджаретъ—коммерческій судъ. Вся дѣла по распискамъ, векселямъ и т. п. судятся въ этомъ тиджаретъ, и каждое консульство имѣетъ въ немъ двухъ представителей изъ какихъ угодно подданныхъ и какой угодно вѣры, лишь бы знали дѣла. Правда что положеніе такого ази (они называются ази) не даетъ права на такое безусловное покровительство со стороны русскаго на примѣръ консула, какимъ пользуется русскій подданный, русскій драгоманъ, русскій кавасъ. Но все-таки это способствуетъ....

Маша покачала печально головой и вздохнула.

— Что съ вами? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Это ужасно скучно все что вы говорите! Что мнѣ до этого за дѣло? Вы мнѣ скажите просто чего вы отъ меня хотите: хотите вы чтобы мужъ мой былъ австрійскимъ драгоманомъ или англійскимъ, или чтобы онъ у другихъ вовсе не служилъ, такъ и скажите.

Я смотрѣлъ на нее. Выраженіе лица ея было все-таки такое хитрое! Что мнѣ ей отвѣтить? Я отвѣчалъ искрено:

— Я? Я чего хочу? Я хочу прежде всего чтобы вамъ было хорошо и чтобы вы не могли на меня жаловаться. А насчетъ того будетъ ли у кого-нибудь вашъ мужъ драгоманомъ или нѣтъ, по правдѣ сказать, мнѣ все равно. Конечно, какъ-то лучше чтобы онъ не служилъ ни у Виллартона, ни у Остеррейхера. Обманывать онъ едва ли ихъ

стать, а безъ обмана будетъ раздвоеніе, хотя, простите... и безъ вашего мужа наши главные интересы въ странѣ будутъ соблюдены. Я не знаю что думаетъ объ этомъ консулъ. Но еслибъ я былъ консуломъ, я не желалъ бы чтобъ онъ служилъ у Виллартона.

— Почему?

— Виллартомъ старается во всемъ намъ мѣшать. Пріятно ли будетъ вашему мужу служить намъ въ тиджаретѣ и обдѣлывать подъ нашимъ флагомъ свои личныя дѣла у Турокъ; а потомъ дѣлать съ Виллартономъ совсѣмъ другое — или насъ обманывать, или его.

— Скажите какой-нибудь примѣръ чтобъ я поняла, сказала она.

Я не долго затруднялся представить ей живой примѣръ. Я рассказалъ ей исторію моего Вѣлико; объяснилъ ей что держать въ самомъ консульствѣ его было бы неудобно, такъ какъ тамъ бываетъ множество посѣтителей, и бѣглецъ, незаконно у насъ скрывшійся, можетъ быть легко узнавъ и поэтому онъ живетъ у меня пока я не управляю и многихъ принимать не обязанъ.

— Итакъ, сказалъ я ей,—вообразите себѣ что вашъ мужъ служить у Остеррейхера или у Виллартона. До нихъ доходятъ, положимъ, смутные слухи о какомъ-то молодомъ Болгаринѣ, скрытомъ у меня въ домѣ. Виллартовъ поручаетъ вашему мужу нарочно посѣщать меня почаще и вывѣдать истину. Онъ возбуждаетъ лашу протестовать; положимъ, мы, не стѣняясь ничуть, отрекаемся, отвѣчаемъ даже очень дерзко на это, а сами тайкомъ отправляемъ Вѣлико куда-нибудь въ безопасное мѣсто. Все это такъ; мы его не выдадимъ. Но пріятно ли будетъ вашему мужу стать такимъ сыщикомъ, и противъ кого же? Противъ той Россіи которую вы такъ любите и которой протекціей онъ самъ желаетъ пользоваться? Къ тому же, вы знаете, Богатыревъ не сегодня, завтра уѣдетъ въ отпускъ чтобъ обвиняться со своею невѣстой, и безъ него всѣ дѣла будутъ опять въ моихъ рукахъ. А мнѣ положительно было бы непріятно еслибы вашъ мужъ былъ драгоманомъ у Виллартона. Про австрійскаго консула я не говорю: къ нему онъ, вѣроятно, самъ не пойдетъ.

— Благодарю васъ, сказала Маша,—мнѣ больше ничего не нужно. Я постараюсь чтобы мой мужъ Виллартону не служилъ. Я докажу вамъ сейчасъ какъ я вамъ вѣрю!

Она вышла на минуту и воротилась съ небольшою запискою которую и дала мнѣ прочесть.

Записка была отъ Виллартона къ ея мужу, на французскомъ языкѣ.

„Дорогой мой monsieur Антоніади,—Зайдите сегодня ко мнѣ полуднѣе. Я сообщу вамъ много интереснаго и къ тому же вамъ необходимо рѣшить поскорѣе, будете ли вы у меня драгоманомъ или нѣтъ? То что вы мнѣ говорили о множествѣ заботъ вашихъ и недостаткѣ времени, меня безпокоитъ. Я надѣюсь убѣдить васъ и положить конецъ вашимъ колебаніямъ. *Нѣтъ ли тутъ какихъ-нибудь предвѣдѣннѣхъ мнѣ сляніи?*“

„Весь вашъ Виллартонъ.“

Я прочелъ записку, поблагодарилъ М-ше Антоніади за такое довѣріе и взглянувъ на часы рѣшился съ ней разстаться, хотя это было мнѣ очень тяжело.

— Ну, прощайте, сказала она взявъ мою руку.—Когда жь мы увидимся?

Раздосадованный уже тѣмъ что надо еще разъ уходить, не дождавшись еще и на этотъ разъ прямаго, яснаго до грубости объясненія въ любви, я отвѣтилъ ей съ небольшоимъ раздраженіемъ.

— Это странно что вы не хотите понять меня! Прикажете, и я буду ходить каждый день. Я не смѣю.

Машѣ мое раздраженіе понравилось.

Она опять вспомнила Фламмаріона и сказала:

— Надо все видѣть *въ розовомъ свѣтѣ*, „надо плавать въ розовой атмосферѣ“, и вмѣстѣ съ тѣмъ...

Она остановилась.

— Что вмѣстѣ съ тѣмъ..? Это мученье!

— И вмѣстѣ съ тѣмъ, помните: держать „ушки на макушкѣ“. Я все *понимаю*, не безпокойтесь. Пожалуста постарайтесь и вы ловить все какъ должно.

— *Какъ должно?* Я не знаю.

— Поймете, поймете, настаивала она.—Да, я забыла вамъ сказать: мадамъ Чобанъ-Оглу, вы знаете, мнѣ сосѣдка. Я съ ней хочу подружиться; она очень неинтересна, бѣдная. Но она держитъ себя посвободнѣе другихъ здѣшнихъ дамъ. Мы будемъ съ ней часто можетъ-быть гулять по утрамъ въ Эски-Сарай и къ Михаль-Кѣпрю. Имѣйте и это въ виду. А сюда ходить? Какъ вамъ сказать? Надо наградить ваше терпѣніе.

Я очень, очень вамъ за него благодарна. Ходите иногда разъ въ недѣлю, иногда два, всегда вечеромъ, а иногда *такъ, какъ сегодня*—до обѣда. Понимаете?

— Конечно, понимаю! воскликнулъ я.

— Я сказала вамъ что вы все поймете понемногу.

И опять приостановившись на мигъ, она вдругъ испортила всю мою эгоистическую радость такого рода неожиданными словами:

— Поймете лучше и мужа моего и мои къ нему отношенія. Они не совсѣмъ такіа какъ вы, кажется, думаете. Если я не ошибаюсь, они гораздо лучше! Ну, идите теперь.

Я ушелъ опять смущенный и взволнованный, не зная радоваться ли мнѣ *чему-то* или огорчаться?

XIX.

Въ консульствѣ я засталъ Виллартона. Они оба съ Богатыревымъ сѣдали посреди большой залы у стола на качалкахъ и молча качались. Богатыревъ задумчиво вертѣлъ въ рукахъ какую-то записку, а лицо его было очень серьезно.

Виллартонъ, всегда очень подвижный и впечатлительный, быстро вскочилъ со своего мѣста чтобы поздороваться со мной и привѣтливо сказалъ:

— Что съ вами? Васъ совсѣмъ не видно! Вы такъ давно и у меня не были.

Я замѣтилъ на лицѣ его, въ его выпуклыхъ и безлокойныхъ глазахъ какіе-то неопредѣленные, но очень знакомые мнѣ слѣды недавняго волненія.

Виллартонъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей у которыхъ при всѣхъ сильныхъ ощущеніяхъ къ глазамъ приливаетъ кровь и готовы даже навернуться слезы.

Вотъ вѣчто подобное я уловилъ на его лицѣ въ ту минуту какъ мы здоровались.

Я догадывался что между двумя прежде столь дружными, а теперь враждующими представителями Англiи и Россiи былъ предъ моимъ приходомъ какой-то тяжелый разговоръ. Я не ошибся.

Виллартонъ побылъ при мнѣ недолго. Онъ былъ все въ волненiи; вставалъ, садился, кидался на качалку, опрокидывался назадъ и высоко поднимая ноги шутилъ со мной. Но

все не весело. И потомъ вдругъ надѣлъ шляпу и протягивая Богатыреву руку, сказалъ:

— Такъ до свиданія. До завтра? Я буду ждать!

Богатыревъ отвѣтилъ что-то глухо, очень глухо, едва вставая съ кресла, и оба сильно покраснѣли въ ту минуту.

Виллартонъ ушелъ, и Богатыревъ не потрудился даже проводить его до дверей.

— Ну что же, какое рѣшеніе вы привесли? спросилъ у меня консуль когда мы остались одни.

— Мадамъ Автохіади беретъ повѣяты на мужа чтобы онъ у Виллартона не служилъ. Она показала мнѣ записку Виллартона.

Я передалъ Богатыреву содержаніе записки и не забылъ, конечно, сказать „о враждебныхъ вліяніяхъ“.

— Это хорошо, сказала хладнокровно консуль,—вотъ и другая его же записка ко мнѣ. Прочтите.

Говоря это, онъ подавъ мнѣ ту бумажку которою онъ такъ долго молча игралъ.

Я читалъ съ изумленіемъ. Это былъ вопль о пощаду.

„Сег амі! писалъ Виллартонъ,—Я не знаю почему вы такъ перемѣнились ко мнѣ. Я теперь одинъ въ Адрианополи, безъ семьи: мнѣ очень грустно, а вы ко мнѣ вовсе не ходите.“

Слѣдовали воспоминанія о прежнихъ дняхъ дружбы и веселости, при Ахметъ-Картали-пашѣ, о домашнихъ спектакляхъ, словомъ о томъ веселомъ времени пировъ и умнаго дурачества, о которомъ такъ сожалѣлъ и Остеррейхеръ этимъ же самымъ утромъ въ разговорѣ со мною. Письмо кончалось убѣдительною просьбой отобѣдать завтра en tête-à-tête въ англійскомъ консульствѣ.

— Бѣдный Виллартонъ! сказалъ я возвращая записку.

Богатыревъ весело и безжалостно улыбнулся и сказалъ:

— Онъ тутъ сидѣлъ и почти плакалъ. Вотъ до чего онъ доведень. Il se sent complètement isolé; де-Шервиль ему не довѣряеть; у Грековъ и Болгаръ здѣшнихъ онъ не популяренъ; хотя и ухаживаетъ за ними. Одинъ нашъ Михалаки сколько вреда ему дѣлаетъ въ христіанской общинѣ, онъ его лично за разныя прежнія шуточки и насмѣшки ненавидитъ. Остеррейхеръ тоже. Этому ужъ одно то досадно что Виллартонъ лучше его жить умѣетъ и что мадамъ Виллартонъ никогда съ его Амаліей не могла быть дружна,—скучно съ нею.

— Все это хорошо, сказалъ я;—но неужели необходимо теперь совсѣмъ забросить его и не бывать у него вовсе и т. слѣд.

вопчески раздражать его? Вы можете дѣйствовать противъ него въ политикѣ, продолжая быть съ нимъ лично любезнымъ, если ему это пріятно.

— Нѣтъ, рѣшительно воскликнулъ Богатыревъ, вставая:— съ нимъ это невозможно. Развѣ вы не помните что тотчасъ по прїѣздѣ моемъ онъ началъ ежедневно съ утра ходить ко мнѣ и слѣдить за всѣмъ что я дѣлаю, много ли пишу, кого принимаю? Надо довести его до того чтобъ онъ отвалился отъ нашей двери и пересталъ бы за нами слѣдить!

И дѣйствительно я вспомнилъ одинъ случай на который я не обратилъ сначала большаго вниманія. У Богатырева былъ званый обѣдъ для однихъ только православныхъ. Это было одно изъ тѣхъ сборищъ посредствомъ которыхъ консулу удалось примирить и укрѣпить не такъ давно разстроенную и обезсиленную раздоромъ православную общину. Предсѣдалъ на этомъ паре самъ митрополитъ Кириллъ; былъ греческій консулъ, перешедшій тогда на нашу сторону; были всѣ самые вліятельные и умѣренные по образу мыслей греческіе и болгарскіе старшины. Конечно, присутствие всякаго иностраннаго консула было бы неумѣстнымъ на сборищѣ чисто-православнаго духа. Но Виллартову непремѣнно хотѣлось знать что у насъ дѣлается, и онъ, не приглашенный никѣмъ, подъ предлогомъ давней дружбы и фамиліарности съ Богатыревымъ, пришелъ въ консульство въ самый разгаръ лированія.

Обѣдъ былъ въ нижнемъ этажѣ, въ столовой; я сидѣлъ противъ стеклянной двери выходившей въ большія сѣни. Докторъ Чобанъ-оглу только-что всталъ съ бокаломъ, возбужденный, раскраснѣвшійся, пламенный, феска назадъ, и началъ такъ:

— Я лью за здоровье и долголетіе Русскаго Императора! Я лью за процвѣтаніе великой православной Россіи нашей. Я говорю *нашей*, потому что безъ нея всѣ мы, и Греки, и Болгары, и Сербы, и Молдовалахи, давно бы исчезли безъ слѣда и погибли бы подъ пятою враговъ. *Ура!*

Всѣ отвѣчали ему восторженнымъ крикомъ.

Въ эту самую минуту въ освѣщенныхъ сѣняхъ, за стеклянную дверь, явился Виллартонъ въ круглой шляпѣ. Онъ приостановился какъ бы на одно мгновеніе и озираясь, почти бѣгомъ кинулся наверхъ по лѣстницѣ. Мы слышали его быстрые шаги по ступенькамъ. Всѣ переглянулись, кто въ смущеніи, кто съ улыбкой.

— Пукай его себѣ! сказалъ Богатыревъ и вставъ началъ еще громче чѣмъ Чобанъ-оглу говорить по-турецки

(такъ какъ по-гречески онъ не приготовленный не могъ говорить, а по-французски не всѣ понимали). Онъ провозгласилъ на турецкомъ языкѣ тость за единеніе и силу хрстіанской общины во Фракіи.

Когда обѣдъ кончился, Виллартона уже не было на верху. Онъ какъ-то прошелъ назадъ незамѣченнымъ.

Поступокъ этотъ, почти ребяческій и, конечно, агенту великой державы не совсѣмъ приличный, объяснялся чрезвычайно нетерпимымъ и безлокойнымъ нравомъ Виллартона. Онъ узналъ, вѣроятно, что у насъ лируютъ друзья Россіи, не утерпѣлъ чтобы не взглянуть, подъ предлогомъ того что всѣ привыкли его видѣть прежде безпрестанно въ русскомъ консульствѣ залросто; приближалъ какъ будто печально, увидалъ, услышалъ кой-что и скрылся!

Все это такъ, но что же мнѣ дѣлать если даже эта выходка веселаго Англичанина болѣе забавляла чѣмъ возмущала меня?

— Вы правы можетъ-быть, замѣтилъ я Богатыреву.— Но а придалъ бы всему этому на вашемъ мѣстѣ другой отгѣнокъ. Общество Виллартона все-таки пріятно и самъ онъ такой все-таки славный малый, особенно здѣсь, гдѣ каждый день выносите сношенія, и даже очень близкія, съ торговцами, подобными нашему Михалаки.

Богатыревъ разсердился:

— Я сколько разъ просилъ васъ о Михалаки при мнѣ худо не говорить, воскликнулъ онъ:— не только вы, но и я безъ него здѣсь бы ничего не значилъ. Нельзя...

Споръ нашъ былъ прерванъ слугой который позвалъ насъ обѣдать; у дверей столовой мы встрѣтились съ Михалаки. Онъ вошелъ въ нее вслѣдъ за нами и остался обѣдать. Лицо его сіяло.

— Eh bien? спросилъ его консуль.

— Eh bien, повторилъ драгоманъ самодовольно и весело,— des succès, des succès et encore des succès!..

— Говорите, говорите...

— Антоніади радъ, Московъ-Самуилъ радъ. Пропаганда новый ударъ; десятаго гостя для пустаго мѣста нашель... Съ чего начать прикажете мой отчетъ?

— Съ гостя, съ десятаго гостя! весело закричалъ кой суль.

— Османъ-паша изъ города Эноса пріѣхалъ за инструкціями къ Валу-пашѣ. Un bon Turc, un vrai Turc! *старый, такой какихъ намъ нужно.* Ничего не понимаетъ. *Калось*

4*

Христианосъ, какъ мы здѣсь говоримъ; а уже велѣлъ оторопой предупредить его чтобы не уѣзжалъ; извините, а позволила себѣ сказать что вы завтра сдѣлаете ему визитъ.

— Непремѣнно, непременно! благодарю васъ... Какой вы молодецъ, monsieur Михалаки, вы все умѣете сдѣлать. Ну дальше что?

— Теперь о пропагандѣ. На дняхъ пришелъ ко мнѣ Куру-Кафа *. Я пока молчалъ объ этомъ. Въ этомъ дѣлѣ было нѣчто щекотливое и потому я молчалъ и предпочелъ принять все на себя. Приходить ко мнѣ Куру-Кафа и говорить: „Есть еще у насъ въ Кирѣчь-Ханѣ нѣсколько униатскихъ семействъ. Они хоронили своихъ покойниковъ въ одномъ пустомъ мѣстѣ на которомъ былъ прежде, давно, виноградникъ одного Грека. Я задумалъ ускоренить все это и предложилъ этому человѣку обратиться въ Порту съ прошеніемъ чтобы кости этихъ Болгаръ приказали перенести куда хотятъ. Земля его. Народъ у насъ, вы знаете, простой, скажутъ: нѣтъ, мы въ самомъ дѣлѣ вѣрно согрѣшили что стали униатами, вотъ и кости нашихъ родителей ловыкидали! И перейдутъ всѣ опять въ православіе.“ Это Куру-Кафа мнѣ все говорить и просить доложить вамъ.

— Что же вы ему на это сказали? спросилъ Богатыревъ..

Михалаки придавъ своему лицу особаго рода серьезный оттѣнокъ, который былъ намъ уже очень хорошо извѣстенъ. Оттѣнокъ этотъ означалъ: „теперь я притворяюсь. Поймите это!“ И мы понимали.

— Я сказалъ Куру-Кафѣ (продолжалъ Канцелларіо невинно) что консулу докладывать объ этомъ боюсь, что Русскіе не то что здѣшніе люди. Они очень всѣ религіозны и сочтутъ такое дѣло за поруганіе святыни... А надо какъ-нибудь иначе. Что жъ, конечно, хозяинъ виноградника одно слово „хозяинъ“, имѣеть право! Мѣшать этому нельзя.

— Ну и что жъ?

— Кости выкинули, и униаты были у митрополита и покаланы: возвратились въ православіе. Только непріятно то что отцовъ этихъ семействъ посадили теперь Турки въ тюрьму. Пропаганда платила за нихъ подати, и польскіе священники имѣютъ отъ нихъ расписки, какъ всегда. Ихъ представили, и

* Очень извѣстный въ свое время вождь Болгаръ-униатовъ, возвратившійся потомъ въ православіе. Простой лавочникъ, но очень способный.

этотъ толстый Арифъ - Каймакамъ - лапа посадилъ ихъ въ тюрьму. Надо ихъ выкупить. Мы съ докторомъ Чобанъ-оглу немножко собрали. Но надо еще. Я увѣренъ что это все интрига Виллартона; онъ очень сближается съ Арифомъ и дѣлаетъ даже въ пользу католиковъ чтобы только повредить православію и намъ.

— Вотъ видите! воскликнулъ Богатыревъ, обращаясь къ мнѣ.—Развѣ можно его щадить!.. Мы завтра же выкупимъ этихъ Болгаръ. Дайте знать имъ туда чтобы они были покойны. Я самъ поѣду къ митрополиту и къ лашѣ. А сколько нужно еще денегъ?

— Не такъ много, отвѣчалъ Канкелларіо,—пять-шесть лиръ, не болѣе.

Богатыревъ тотчасъ же досталъ свой портмоне и положилъ золото предъ торжествующимъ драгоманомъ.

Послѣ этого Михалаки приступилъ къ отчету о своихъ свиданіяхъ съ Антоніади и Московъ-Самуиломъ.

— Самуилъ бѣдный очень радъ. Онъ въ восхищеніи отъ мысли что у него будетъ золотая медаль, тогда какъ даже у меня серебряная. Антоніади тоже кажется доволенъ. Впрочемъ о службѣ у Виллартона или у Остеррейхера я ему ничего не говорилъ. Я не былъ на то уполномоченъ.

Богатыревъ замѣтилъ что этимъ уже я занялся и что съ одной стороны мы кажется обезпечены. Потомъ онъ разсказалъ ему о запискѣ и объ огорченіи англійскаго консула, и мнѣ опять стало жаль Виллартона и стало досадно зачѣмъ это Богатыревъ предастъ уже до такой степени этого *désintéressé* на поруганіе... И кому же! Этому злему *valet*... Михалаки слушалъ съ умиленіемъ и потомъ обратясь ко мнѣ воскликнулъ;

— Des succès! Partout des succès?! N'est ce pas monsieur Ladnew? Я издали увидѣлъ васъ какъ вы поворачивали въ Касро и тогда же подумалъ: Антоніади наши!.. И *тамъ*, вѣроятно, былъ успѣхъ...

Разсуждая теперь, черезъ столько лѣтъ, я думаю что слова Михалаки были очень просты и что въ нихъ не было ни малѣйшаго яду; но тогда, подъ вліяніемъ другихъ впечатлѣній, я прочелъ въ нихъ какую-то фамилиарность, какое-то попользованіе на *что-то*, которое меня нѣсколько раздражило.

Я пожалъ только слегка плечами и молчалъ.

— Какъ! съ удивленіемъ спросилъ Михалаки:—вы не находите что у насъ во всемъ теперь успѣхъ и безпреставныя,

хотя и небольшія, но очень важныя по своимъ послѣдствіямъ, побѣды?

Мнѣ захотѣлось сказать ему что-нибудь неприятное. Я всегда удивлялся какъ это можетъ Богатыревъ такъ тѣсно и неразрывно сливаться въ поведеніи своемъ свои политическія сочувствія съ личными: про ненавистнаго Михалаки онъ даже и мнѣ, даже съ гласу на глазъ не давалъ сказать ничего худаго; а къ Виалартону, лично столь пріятному и доброму, онъ былъ безпощадевъ; а до сихъ поръ не знаю чему приписать это, крайней ли жесткости сердца и фальшивости Богатырева или чему-нибудь лучшему, шному—не знаю.

Я, разумѣется, понималъ что дѣйствовать по службѣ надо въ тѣсномъ союзѣ съ Михалаки противъ Виалартона; но зачѣмъ же быть *точно какъ бы въ самомъ дѣлѣ искреннимъ* въ своей дружбѣ къ политическому союзнику и въ отвращеніи къ политическому врагу? Мнѣ казалась такая односторонность всегда чѣмъ-то лишнимъ и чуть не гаулымъ.

И на этотъ разъ мнѣ захотѣлось отравить хоть немного радость нашего гадкаго союзника, и на второй его вопросъ я отвѣчалъ такъ:

— Я согласенъ что удачъ много; но я нахожу что ругаться надъ могилами уніатовъ все-таки не слѣдовало. Ужъ лучше просто бы пообѣщать что заплатятъ за нихъ подати. Какъ можно принимать на себя такую ужасную отвѣтственность изъ-за такихъ пустяковъ. Еслибы дѣшніе приматы какъ Болгары, такъ и Греки, претендующіе на образованность, имѣли болѣе искренности въ религіозномъ чувствѣ своемъ и не дѣлали бы тайкомъ всякихъ мерзостей, не обманывали бы народъ, такъ не нужно было бы прибѣгать ни къ какимъ „sacrilèges“... А то какой-нибудь *архимитъ* православный вѣсть дома постное для дѣтей и прислуги и потомъ тихонько бѣжить въ локанду и жретъ тамъ мясо (Михалаки это дѣлалъ). Нѣтъ, это не только ужасно, это низко и мелко!.. И народъ не обманешь... Онъ остается вѣрнѣе своей святынѣ, но въ вождей своихъ онъ утрачиваетъ вѣру, и прямыя пути обращенія и проповѣди теряютъ свою силу.

Я попалъ мѣтко... Михалаки покраснѣлъ и смутился; онъ отвѣчалъ довольно мягко:

— Меня это удивляетъ въ васъ, сказалъ онъ.—Конечно, я изъ деликатности долженъ былъ простому лавочнику Болгарину Куру-Кафъ упомянуть о религіозности Русскихъ; но позвольте... Развѣ *monsieur* Ладневъ, человекъ столь начитанный

и ученый... философъ, можно сказать,—развѣ онъ можетъ вѣрить что *есть душа*? Что такое это *душа*?

Я засмѣялся и возразилъ:

— Одинъ русскій писатель... Вы вѣдь здѣсь русскихъ писателей не знаете... Онъ описываетъ что у его отца былъ крѣпостной лакей, котораго посылали учиться фельдшерскому искусству. Онъ заболѣлъ, и когда отецъ писателя предложилъ ему причаститься, то онъ отвѣчалъ что не можетъ, потому что учился анатоміи и знаетъ что души нѣтъ! Теперь и я вамъ то же скажу что и вы мнѣ: какъ это вы, господинъ Михалаки, человекъ умный, не стыдитесь говорить то же что этотъ слуга?

Это уже было слишкомъ! Глаза Михалаки засверкали яростью: онъ поблѣднѣлъ теперь и взволнованнымъ голосомъ возразилъ совершенный вздоръ:

— Бываютъ *разныя философіи*, но мы здѣсь люди практическіе и безъ нихъ обходимся!

Богатыревъ былъ видимо ужасно недоволенъ мною за это. Онъ такъ дорожилъ своимъ незамѣнимымъ драгоманомъ! Онъ молча и нахмурившись вѣлъ локамы говорили и потомъ высивъ тонъ почти до повелительности, обратился ко мнѣ *по-русски* (Михалаки по-русски не звалъ).

— Вы бы ужъ оставили это... Всякій имѣетъ право вѣрить или не вѣрить, какъ хочетъ...

— Оставлялъ, оставлялъ, сказалъ я улыбаясь.—Довольно съ васъ и этого.

— Напрасно, напрасно! прошепталъ Богатыревъ очень тихо и опять замолчалъ.

Обѣдъ нашъ, начавшійся такъ весело, кончился мрачно... Никому говорить не хотѣлось. Послѣ обѣда Михалаки ушелъ къ себѣ, поклонившись мнѣ очень почтительно, но издали; я спросилъ у консула: „Отправилъ ли онъ ко мнѣ на домъ тѣ бумаги которыя онъ приказывалъ давеча мнѣ переписать къ завтрашнему курьеру?“

— Отправилъ, глухимъ басомъ чуть слышно и вовсе не глядя на меня, отвѣчалъ Богатыревъ.

Я ушелъ къ себѣ домой, говоря про себя: много случилось сегодня такого о чемъ надо подумать!

(Продолженіе слѣдуетъ.)

К. ЛЕОНТЬЕВЪ.

КНЯГИНЯ ЛИГОВСКАЯ

РОМАНЪ

НЕИЗДАННОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ М. Ю. ЛЕРМОНТОВА. *

I.

Поди! поди! раздааса крикъ.

Пушкинъ.

Въ 1833 году, декабря 21 дня, въ 4 часа пополудни, по Вознесенской улицѣ, какъ обыкновенно, валила толпа народа, и между прочимъ шелъ одинъ молодой чиновникъ. Забудьте день и часъ, потому что въ этотъ день и въ этотъ часъ случилось событіе отъ котораго тянется цѣль различныхъ приключеній постигшихъ всѣхъ моихъ героевъ и героинь, исторію которыхъ я обѣщался передать потомству, если потомство станетъ читать романы. Итакъ по Вознесенской шелъ

* Рукопись этого произведенія, озаглавленная *Княгиня Лиговская, романъ*, писанная вся рукою Лермонтова, доставлена въ редакцію *Русскаго Вѣстника* нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Нѣкоторыя обстоятельства замедлили его появленія въ печати. Произведеніе это представляетъ, повидимому, первый замыселъ того типа который въ послѣдствіи выведенъ авторомъ подъ наименованіемъ *Героя нашего времени*. Главное дѣйствующее лицо носить, какъ и тамъ, фамилію Печорина. Княгиня Лиговская настоящаго разказа есть *Вѣра Героя нашего времени*. *Прил. ред.*

одна молодая чиновникъ, и шелъ онъ изъ департамента утомленный однообразною работою и мечтавъ о наградѣ и вкусномъ обѣдѣ, ибо всѣ чиновники мечтаютъ. На немъ былъ картузь неопредѣленной формы и синяя ваточная шинель со старымъ бобровымъ воротникомъ; черты лица его различить было трудно: причиною тому козырекъ, воротникъ и сумерки; казалось онъ не торопился домой, а наслаждался чистымъ воздухомъ морознаго вечера, разливаемаго сквозь зимнюю мглу розовые лучи свои по кровлямъ домовъ, соблазнительнымъ, блистательнымъ магазинамъ и кондитерскимъ. Порою поднавъ глаза къверху съ истинно поэтическимъ умилениемъ, сталъ онъ съ какою-нибудь розовою шпалкой и смутившись извиваяся. Коварная розовая шпалка сердилась, потомъ заглядывала ему подъ картузь, и пройдя нѣсколько шаговъ оборачивалась, какъ будто ожидая вторичнаго извѣщенія—и напрасно! Молодой чиновникъ былъ совершенно недогадливъ!.. Но еще чаще онъ останавливался чтобы поглядѣть сквозь цѣпныя окна магазина или кондитерской блистающей чудными огнями и великолѣпною позолотою; долго, пристально, съ завистью разглядывалъ различные предметы, и опомнившись, съ глубокимъ вздохомъ и стоическою твердостью продолжалъ свой путь. Самые же ужасные мучители его были извозчики, и онъ ненавидѣлъ извозчиковъ.—Баринъ! куда изволите?—прикажете подавать?—подавать-съ? Это была попытка Тантала, и онъ въ душѣ глубоко ненавидѣлъ извозчиковъ.

Спустясь съ Вознесенскаго моста и собираясь поворотить направо по канавѣ, вдругъ слышитъ онъ крикъ: берегись, поди!.. Прямо на него летѣлъ гнѣдой рысакъ; изъ-за кучера мелькалъ бѣлый султанъ, развѣвался воротникъ сѣрой шинели. Едва онъ успѣлъ поднять глаза, ужъ одна оглобля была противъ его груди, и паръ вылетавшій клубами изъ моздрей бѣгуна обдалъ ему лицо; машинально онъ ухватился руками за оглоблю и въ тотъ же мигъ сильнымъ порывомъ лошади былъ отброшенъ нѣсколько шаговъ въ сторону на тротуаръ... Раздалось кругомъ: задавилъ, задавилъ. Извозчики погнались за нарушителемъ порядка, но бѣлый султанъ только мелькнулъ у нихъ предъ глазами и былъ таковъ.

Когда чиновникъ очнулся, боли онъ нигдѣ не чувствовалъ, но колѣна у него тряслись еще отъ страха; онъ всталъ, облокотился на перила канавы, стараясь придти въ себя; горькія думы овладѣли его сердцемъ и съ этой минуты перенесъ онъ

всю ненависть къ какой онь только былъ способенъ отъ ивовщиковъ на гнѣдыхъ рысаконъ и бѣлые султаны.

Между тѣмъ бѣлый султанъ и гнѣдой рысакъ пронеслись вдоль канавы, поворотили на Невскій, съ Невскаго на Караванную, оттуда на Семеновскій мостъ, потомъ направо по Фонтанкѣ, и тутъ оставовились у богатаго подвѣзда, съ навѣсомъ и стеклянными дверьми, съ мѣдною блестящею отдѣлкой.

— Ну, сударь, сказалъ кучеръ, широкоплечій мужикъ съ окладистою рыжею бородой, — Васька нынче показалъ себя.

Надобно замѣтить что у кучеровъ любимая лошадь называется всегда Ваською. Даже вопреки желанію господъ, надѣляющихъ ее громкими именами Ахилла, Гектора, она все-таки будетъ для кучера не Ахиллъ и не Гекторъ, а Васька.

Офицеръ слѣзь, потрелалъ дымящагося рысака по крутой шеѣ, улыбуудся ему признательно и взомелъ на блестящую лѣствицу; о раздавленномъ чивонникѣ не было и помину... Теперь, когда онь снялъ шнелъ закиданную свѣгомъ и взомелъ въ свой кабинетъ, мы свободно можемъ пойти за нимъ и описать его наружность, къ несчастію вовсе не привлекательную: онь былъ небольшого роста, широкъ въ плечахъ и вообще нескладенъ; казался сильнаго сложенія, неспособнаго къ чувствительности и раздраженію; походка его была вѣсколькo осторожна для кавалериста, жесты его были отрывисты, хотя часто онь выказывалъ лѣнь и беззаботное равнодушіе, которое теперь въ модѣ и въ духѣ вѣка, если это не плеоназмъ. Но сквозь эту холодную кору прорывалась часто настоящая природа чловѣка; видно было что онь слѣдовалъ не всеобщей модѣ, а сжималъ свои чувства и мысли изъ недоувѣрчивости или изъ гордости. Звукъ его голоса былъ то густы, то рѣзкы, смотря по вліянію текущей минуты; когда онь хотѣлъ говорить пріятно, то начиналъ заливаться и вдругъ оканчивалъ вѣкою шуткой, чтобы скрыть собственное смущеніе, и въ свѣтѣ утверждали что языкъ его золъ и опасенъ, ибо свѣтъ не терпитъ въ кругу своемъ ничего сильнаго, потрясающаго, ничего что бы могло обличить характеръ и волю: свѣту нужны французскіе водевилы и русская покорность чуждому мнѣнію.

Лицо моего героя, смуглое, неправильное, но ладное выразительности, было бы любольтно для Лафатера и его слѣдователей: они прочли бы на немъ глубокіе слѣды прошедшаго и чудныя обѣщанія будущности; толла же говорила

что въ его улыбкѣ, въ его странно блестящихъ глазахъ есть что-то. Въ заключеніе портрета скажу что онъ назывался Григорій Александровичъ Печоринъ, а между родными просто Жоржъ, на французскій ладъ, что притомъ ему было двадцать три года, и что у родителей его было три тысячи душъ въ Саратовской, Воронежской и Калужской губерніяхъ. Послѣднее я прибавляю чтобы немного скрасить его наружность, во мнѣніи строгихъ читателей. Винавать, забывъ включить что Жоржъ былъ единственный сынъ, не считая сестры, шестнадцатилѣтней дѣвочки, которая была очень недурна собою и по словамъ маменьки (папеньки ужъ не было на свѣтѣ), не нуждалась въ приданомъ и могла занять высокую степень въ обществѣ, съ помощію Божіей, хорошенькаго личика и блестящаго воспитанія.

Григорій Александровичъ войдя въ свой кабинетъ повалился въ широкія кресла; лакей вошелъ и доложилъ ему что дескать барыня изволила уѣхать обѣдать въ гости, а сестра изволила ужъ откушать. Я обѣдать не буду, былъ отвѣтъ: я завтракалъ.—Потомъ вошелъ мальчикъ лѣтъ тринадцати, въ красной казачьей курткѣ, быстроглазый, бритый и съ виду большой плутъ, и подалъ не говоря ни слова визитную карточку: Печоринъ небрежно положилъ ее на столъ и спросилъ кто принесъ.

— Сюда нынче пріѣзжала молодая барыня съ мужемъ, отвѣчалъ Федька,—и велѣли эту карточку подать Татьянѣ Петровнѣ (такъ называлась мать Печорина).

— Что жъ ты принесъ ее ко мнѣ?

— Да я думалъ что это все равно-съ! можетъ-быть вамъ угодно прочесть.

— То-есть тебѣ хочется узнать что здѣсь написано?

— Да-съ, эти господа никогда еще у насъ не были.

— Я тебя слишкомъ избаловалъ, сказалъ Печоринъ строгимъ голосомъ.—Набей мнѣ трубку.

Но эта важная карточка видно имѣла свойство возбуждать любозытство. Долго Жоржъ не рѣшался перемѣнить удобнаго положенія на широкіхъ креслахъ и протянуть руку къ столу; притомъ въ комнатѣ не было свѣчъ—она озарялась красноватымъ пламенемъ камина, а велѣтъ подать огня и лишиться очаровательныхъ эффектовъ каминнаго освѣщенія ему также не хотѣлось. Но любозытство превозмогло, онъ всталъ, взявъ карточку и съ какимъ-то непонятнымъ волненіемъ ожиданія поднесъ ее къ рѣшеткѣ камина. На ней было напечатано

готическими буквами: Князь Степанъ Степановичъ Лиговскій, съ княгиней. Онъ побѣдѣлъ, вздрогнулъ, глаза его сверкнули, и карточка полетѣла въ каминъ. Минуты три ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ дѣлая разные странныя движенія рукой, разные восклицанія, то улыбаясь, то хмуря брови; наконецъ онъ остановился, схватилъ щипцы и бросился вытаскивать карточку изъ огня:—увы! одна ея половина превратилась въ прахъ, а другая свернулась, почернѣла, и на ней едва только можно было разобрать: *Степанъ Степ...* Печоринъ положилъ эти бранные остаткіи на столъ, сѣлъ опять въ свои кресла и закрылъ глаза руками, и хотя я очень хорошо читаю побужденія души на физиономіяхъ, но по этой именно причине не могу никакъ {разказать вамъ его мыслей. Въ такомъ положеніи сидѣлъ онъ четверть часа, и вдругъ ему послышался шорохъ, подобный легкимъ шагамъ, шуму платя или движенію листа бумаги. Хотя онъ не вѣрилъ привидѣніямъ, но вздрогнулъ, быстро подвѣлъ голову и увидѣлъ предъ собою въ сумракѣ что-то бѣлое, и казалось воздушное. Съ минуту онъ не зналъ на что подумать, такъ далеко были его мысли—если не отъ міра, то по крайней мѣрѣ отъ этой комнаты.

— Кто это? спросилъ онъ.

— Я! отвѣчалъ принужденный контраalto, — и раздался звонкій женскій хохоть.

— Варенька! какая ты шалуныя.

— А ты спалъ! ужасно весело!..

— Я бы желалъ спать—оно покоитѣ!

— Это стыдъ! отчего намъ на балахъ, въ обществахъ, такъ скучно! Вы всё щете спокойствія... Какіе любезные молодые люди!

— А позвольте спросить, возразилъ Жоржъ зѣвая,—изъ какихъ благъ мы обязаны забавлять васъ?

— Оттого что мы дамы.

— Поздравляю. Но вѣдь намъ безъ васъ не скучно...

— Я почему знаю!

— И что мы станемъ говорить между собою?

— Моды, новости, развѣ мало.

— Повѣряйте другъ другу ваши тайны.

— Какія тайны,—у меня нѣтъ тайнъ. Всѣ молодые люди такъ нескосны.

— Большая часть изъ нихъ не привыкли къ женскому обществу.

— Пускай привыкаютъ—они и этого не хотятъ попробовать! Жоржъ важно всталъ и поклонился съ насмѣшливою улыбкой.

— Варвара Александровна, я замѣчаю что вы идете большими шагами въ храмъ проовѣщенія.

Варенька покраснѣла и надула розовыя губки, а братъ преспокойно опять опустился въ свое кресло. Между тѣмъ подали свѣчь, и пока Варенька сердится и стучитъ пальчикомъ въ окно, я опишу вамъ комнату въ которой мы находимся. Она была вмѣстѣ кабинетъ, и гостиная, и соединялась корридоромъ съ другою частью дома. Свѣтло-голубые французскіе обои покрывали стѣны; лоснящіяся дубовыя двери съ модными ручками и дубовыя рамы оконъ показывали въ хозяинѣ человѣка порядочнаго. Дралировка надъ окнами была въ китайскомъ вкусѣ, а вечеромъ или когда солнце ударило въ стекла, опускались лунцовыя шторы,—противоположность рѣзкая съ цвѣтному, оригинальному. Противъ окна стоялъ письменный столъ, покрытый килою картинокъ, бумагъ, книгъ, разныхъ видовъ чернильницъ и модныхъ мелочей, по одну его сторону стоялъ высокій густой трельяжъ, увитый непроницаемою сѣткою зеленого люццъ; по другую—кресла на которыхъ сидѣлъ Жоржъ. На полу подъ нимъ разостланъ былъ широкій коверъ разрисованный пестрыми арабесками, другой персидскій коверъ висѣлъ на стѣнѣ находящейся противъ оконъ, и на немъ развѣшаны были пистолеты, два турецкія ружья, черкесскія шашки и кинжалы—подарки сослуживцевъ погулявшихъ когда-то за Балканомъ. На мраморномъ каминѣ стояли три алебастровыя карикатуры Паганини, Иванова и Россини. Остальныя стѣны были голыя и вдоль по нимъ стояли широкіе диваны обитые шерстянымъ штофомъ лунцоваго цвѣта; одна единственная картина привлекала взоры, она висѣла надъ дверью ведущими въ спальню; она изображала неизвестное мужское лицо писанное неизвестнымъ русскимъ художникомъ, человѣкомъ не знавшимъ своего генія и которому никто объ немъ не позаботился намекнуть. Картина эта была фантазія глубокая, мрачная. Лицо это было нарисано прямо безо всякаго искусственнаго наклоненія или оборота; свѣтъ падалъ сверху, латъе было набросано грубо, темно и безотчетливо, казалось вся мысль художника сосредоточивалась въ глазахъ и улыбкѣ. Голова была больше натуральной величины. Волосы гладкіе уладали по обѣимъ сторонамъ лба, который кругло

и счастливо выдавался и казалось имъ въ устройствѣ своемъ что-то необыкновенное. Глаза устремленные впередъ блестили тѣмъ страшнымъ блескомъ которымъ иногда блещутъ живые глаза сквозь прорѣзы черной маски. Испытующій и укоризненный лучъ ихъ казалось слѣдовалъ за вами во всѣхъ углахъ комнаты, и улыбка, растягивая узкія и старыя губы, была болѣе презрительная чѣмъ насмѣшливая. Всякій разъ когда Жоржъ смотрѣлъ на эту голову онъ видѣлъ въ ней новое выраженіе; она сдѣлалась его собесѣдникомъ въ минуты одиночества и мечтанія, и онъ, какъ партизанъ Байрона, называлъ ее портретомъ Мери. Товарищи которымъ онъ ее съ восторгомъ показывалъ, называли ее лордочною картинкой. Между тѣмъ, покуда я описывалъ кабинетъ, Варенька постепенно придвигалась къ столу, потомъ подошла ближе къ брату и сѣла противъ него на стулъ; въ ея голубыхъ глазахъ незамѣтно было ни даже искры минутнаго гнѣва, но она не знала чѣмъ возобновить разговоръ. Ей полпалась подъ руки полусгорѣвшая визитная карточка.

— Что это такое? Степанъ Степ... А! это вѣрно нынче былъ князь Лиговскій!.. какъ бы я желала видѣть Вѣрочку замужемъ. Она была такая добрая... Я вчера слышала что они пріѣхали изъ Москвы... Кто же сжегъ эту карточку? Ее бы надо подать маменькѣ!

— Кажется я, отвѣчалъ Жоржъ, раскуривая трубку.

— Прекрасно! я бы желала чтобы Вѣрочка это узнала: ей было бы очень пріятно! Такъ-то сударь ваше сердце измѣнчиво! Я ей скажу, скажу, непременно. Впрочемъ нѣтъ, теперь ей должно-быть все равно, она вѣдь замужемъ.

— Ты судишь очень здраво для твоихъ лѣтъ, отвѣчалъ ей братъ и зѣвнулъ не зная что прибавить.

— Для моихъ лѣтъ! что я за ребенокъ! маменька говоритъ что дѣвушка въ семнадцать лѣтъ такъ же благоразумна какъ мужчина въ двадцать лѣтъ.

— Ты очень хорошо дѣлаешь что слушаешь маменьки.

Эта фраза, повидимому похожая на похвалу, показала насмѣшкой; такимъ образомъ согласіе опять разстроилось и они замолчали. Мальчикъ вошелъ и принесъ записку: приглашеніе на балъ къ барону Р***.

— Какая тоска! воскликнулъ Жоржъ.—Надо ѣхать.

— Тамъ будетъ Mademoiselle Negouroff!.. возразила прощическимъ тономъ Варенька.—Она еще вчера о тебѣ спрашивала... Какіе у нея глаза, прелесть...

- Какъ угль въ горнилѣ раскаленный.
- Однако сознайся что глаза чудесные!
- Когда хватають глаза, то это значить остальное никуда не годится.
- Смѣйся, а самъ неравнодушенъ.
- Положимъ.
- Я и это разкажу Вѣрочкѣ.
- Давно ли ты увѣряаа что я для нея—все равно.
- Повѣрьте, я лучше этого говорю по-русски—я не монастырка.
- О! совсѣмъ нѣтъ, очень далеко...
- Она покраснѣла и ушла.

Но я вась долженъ предупредить что эта была на нихъ черныи день: они обыкновенно жили очень дружно, и особенно Жоржъ любилъ сестру самую нѣжною братскою любовью.

Послѣдній намекъ на Mademoiselle Negouroff (такъ будемъ мы и называть въ послѣдствіи) заставилъ Печорина задуматься. Наконецъ неожиданная мысль прилетѣла къ нему свыше. Онъ придвинулъ чернильницу, вынулъ листъ почтовой бумаги и сталъ что-то писать. Покуда онъ писалъ самовольная улюбка часто появлялась на лицѣ его, глаза искрились. Однимъ словомъ, ему было очень весело, какъ человѣку который выдумалъ что-нибудь необыкновенное. Кончивъ писать, онъ положилъ бумагу въ конвертъ и подписалъ: „Милостивой государынѣ Елизаветѣ Львовнѣ Негуровой въ собственныя руки“, потомъ кликнулъ Федьку и велѣлъ ему отвезти на городскую почту, да чтобы никто изъ людей не видалъ. Маленькій Меркурій, гордясь великою довѣренностью господина, стрѣлой помчался въ лавочку, а Печоринъ велѣлъ закладывать сани и чрезъ полчаса уѣхалъ въ театръ. Однако въ этой поѣздкѣ ему не удалось задавить ни одного чиновника.

II.

Давали *Фенеллу* (4е представленіе). Въ узкой лазейкѣ ведущей къ кассѣ толпилась непроходимая куча народу. Печоринъ, который не имѣлъ еще билета и былъ нетерпѣливъ, адресовался къ одному театральному служителю продающему афиши. За 15 рублей досталъ онъ кресло во второмъ ряду съ

лѣвой стороны, и съ краю—важное преимущество для тѣхъ которые берегутъ свои ноги и ходятъ пить чай къ Фениксу. Когда Печоринъ вошелъ, увертюра еще не начиналась, и въ ложи не всѣ еще сѣхались. Между прочимъ прямо надъ нимъ въ бельэтажѣ сидѣли Негуровы, отецъ, мать и дочь. Дочка была бы недурна, еслибы блѣдность, худоба и старость, почти общій недостатокъ петербургскихъ дѣвушекъ, не затмѣвали блеска двухъ огромныхъ глазъ и не разрушали гармонію между чертами довольно правильными и остроумнымъ выраженіемъ. Она поклонилась Печорину довольно ласково и просіяла улыбкой.

Видно еще письмо не дошло по адресу, подумалъ онъ, и сталъ наводить лорнетъ на другія ложи. Въ нихъ онъ узналъ множество баальныхъ знакомыхъ съ которыми иногда кланялся, иногда пѣть, смотря по тому замѣчали его или нѣтъ. Онъ не оскорблялся равнодушіемъ свѣта къ нему, потому что оцѣнилъ свѣтъ въ настоящую его цѣну. Онъ зналъ что заставить говорить объ себѣ легко, но зналъ также что свѣтъ два раза сряду не занимается однимъ и тѣмъ же лицомъ; ему нужны новые кумиры, новыя моды, новые романы. Ветераны свѣтской славы, какъ и всѣ другіе ветераны, самыя жалкія созданія. Въ короткомъ обществѣ, гдѣ умный, разнообразный разговоръ замѣняетъ танцы (рауты въ сторону), гдѣ говорить можно обо всемъ не боясь цензуры тетушекъ, не встрѣчая черезчуръ строгихъ и неприступныхъ дѣвъ, въ такомъ кругу онъ могъ бы блистать и даже нравиться, потому что умъ и душа показываясь наружу придаютъ чертамъ жизнь, игру и заставляютъ забыть ихъ недостатки. Но такихъ обществъ у насъ въ Россіи мало, въ Петербургѣ еще меньше, вопреки тому что его называютъ совершенно европейскимъ городомъ и владыкой хорошаго тона. Замѣчу мимоходомъ что хорошій тонъ царствуетъ только тамъ гдѣ вы не услышите ничего лишняго.

Но увы, друзья мои, за то какъ мало вы тамъ и услышите!

На балахъ Печоринъ со своею невыгодною наружностью терпѣлся въ толпѣ зрителей, былъ или печаленъ, или слишкомъ золъ, потому что самолюбіе его страдало. Танцуя рѣдко, онъ могъ разговаривать только съ тѣми дамами которыя сидѣли весь вечеръ у стѣнки, а съ этими-то онъ именно никогда не знакомился. У него прежде было занятіе—сатира. Стоя внѣ круга мазурки онъ разбиралъ танцующихъ, и его колкія

замѣчанія очень скоро расходились по залѣ и потомъ по городу. Но разъ какъ-то онъ подслушалъ въ мазуркѣ разговоръ одного длиннаго дипломата съ какою-то княжной. Дипломатъ по своимъ именемъ такъ и печаталъ всё его остроты, а княжна изъ одного приличія не хохотала во все горло. Печоринъ всломилъ что когда онъ говорилъ то же самое и гораздо лучше одной изъ балъныхъ нимфъ два три тому назадъ, она только пожала плечами и не взяла на себя даже труда понять его. Съ этой минуты онъ сталъ въ обществѣ больше танцовать и рѣже говорить умно и даже ему показалось что его начали принимать съ бѣльшимъ удовольствіемъ. Однимъ словомъ, онъ началъ постигать что *по кореннымъ законамъ общества въ танцующемъ кавалеръ ума не полагается.*

Загребѣла увертюра; все было полно, одна ложа, рядомъ съ ложей Негуровыхъ, оставалась пуста и часто привлекала любопытные взоры Печорина. Это ему казалось странно, и онъ желалъ бы очень наконецъ увидать людей которые пропустили увертюру.

Зававѣсь взвился, и въ эту минуту застучали стулья въ пустой ложѣ; Печоринъ поднялъ голову, но могъ видѣть только пунцовый беретъ и круглую бѣлую божественную ручку съ божественнымъ лорнетомъ, небрежно улавшую на мадиловый бархатъ ложи. Нѣсколько разъ онъ пробовалъ слѣдить за движеніями неизвѣстной чтобы разглядѣть хоть глазъ, хоть щечку. Напрасно! Разъ онъ такъ закинулъ голову назадъ что могъ бы видѣть лобъ и глаза, но какъ на зло ему огромная двойная трубка закрыла всю верхнюю часть лица. У него заболѣла шея, онъ разсердился и далъ себѣ слово не смотрѣть больше на эту проклятую ложу. Первый актъ кончился. Печоринъ всталъ и пошелъ съ нѣкоторыми изъ товарищей къ Фениксу, стараясь даже нечаянно не взглянуть на ложу.

Фениксъ—ресторанія весьма примѣчательная по своему топографическому положенію въ отношеніи къ заднимъ подъездамъ Александринскаго театра. Бывало когда неуклюжіе рыдваны влекомые парой хромыхъ клячь тѣснились возлѣ узкихъ дверей театра, и юныя нимфы окутанныя грубыми казенными платками прыгали на скрилича подвожки, толпа усастыхъ волокитъ, вооруженныхъ блестящими лорнетами и еще ярче блистающими взорами, толпилась на крыльцѣ твоемъ, о Фениксъ! Но скоро промчались эти буйные дни: и тамъ гдѣ мелькали прежде черные и бѣлые султаны, тамъ нынче чинно

прогуливаются трехугольная шляпы безъ султановъ; великій примѣръ переворотовъ судьбы человѣческой.

Печоринъ взомель къ Фениксу съ однимъ преображенскимъ и другимъ конно-артиллерійскимъ офицеромъ. Онъ велѣлъ подать чаю и сѣлъ съ ними подлѣ стола. Народу было много всякаго. За тѣмъ же столомъ гдѣ сѣдѣлъ Печоринъ, сѣдѣлъ также молодой человѣкъ во фракѣ, не совсѣмъ отлично одѣтый и курившій собственныя похитосы, къ великому соблазну трактирныхъ служителей. Этотъ молодой человѣкъ былъ высокаго роста, блондинъ и удивительно хорошъ собою. Большіе темные голубые глаза, правильный носъ, похожій на носъ Аполлона Бельведерскаго, греческій овалъ лица и прелестныя волосы завитые природой должны были обратить на него вниманіе каждаго. Однѣ губы его, слишкомъ тонкія и блѣдныя въ сравненіи съ живостію красокъ разлитыхъ по щекамъ, мнѣ бы не понравились. По мѣднымъ луговицамъ съ гербами на его фракѣ можно было отгадать что онъ чиновникъ, какъ всѣ молодые люди во фракахъ въ Петербургѣ. Онъ сѣдѣлъ задумавшись и казалось не слушалъ разговора офицеровъ, которые шутили, смѣялись и разказывали анекдоты, заливая дымъ трубки сквернымъ чаемъ. Между прочимъ стали говорить о лошадяхъ. Одинъ артиллерійскій поручикъ хвастался своимъ рысакомъ. Начался споръ; Печоринъ а прогорозъ разказалъ какъ онъ сегодня у Вознесенскаго моста задавилъ какого-то франта и умчался отъ погони... Костюмъ франта въ измятомъ картузѣ былъ описать, его несчастное положеніе на тротуарѣ также. Смѣялись. Когда Печоринъ кончилъ, молодой человѣкъ во фракѣ всталъ и протянувъ руку чтобы взять шляпу со стола и сдернулъ на полъ подносъ съ чайникомъ и чашками. Движеніе было явно умышленное, всѣ глаза на него обратились, но взглядъ Печорина былъ дерзче и вопросительнѣе другихъ. Кровь кинулась въ лицо неизвѣстному господину, онъ стоялъ неподвиженъ и не извинялся. Молчаніе продолжалось съ минуту. Сдѣлался кружокъ, и всѣ предугадывали *исторію*. Вдругъ Печоринъ опять сѣлъ и громко кликнулъ служителя: что стоитъ посуда? Ему сказали цѣну втрое дороже.

— Этотъ чиновникъ такъ былъ неловокъ что разбилъ ее, продолжалъ Жоржъ холодно,—вотъ деньги.

Онъ бросилъ деньги на столъ и прибавилъ:

— Скажи ему что телерь онъ можетъ отсюда уйти свободно.

Служитель при всѣхъ доложилъ съ почтеніемъ чиновнику что онъ все получилъ и просилъ на водку, но тотъ ничего не отвѣчая скрылся. Толпа хохотала ему во свидѣ, офицеры смѣялись еще больше и хвалили товарища, который такъ славно отдѣлалъ противника не запутавшись между тѣмъ въ исторію. О! исторія у насъ вещь ужасная; благородно или низко вы поступили, правы или нѣтъ, могли избѣжать или не могли, но ваше имя замѣшано въ исторію... все равно, вы теряете все, расположение общества, карьеру, уваженіе друзей. Попасться въ исторію, ужаснѣе этого ничего не можетъ быть, какъ бы эта исторія ни кончилась. Частная извѣстность ужъ есть острый ножъ для общества. Вы заставили объ себѣ говорить два дня, страдайте же двадцать лѣтъ за это. Судъ общаго мнѣнія, вездѣ ошибочный, производится однако у насъ совсѣмъ на другихъ основаніяхъ чѣмъ въ остальной Европѣ. Въ Англіи, на примѣръ, банкротство—безчестіе неизгладимое, достаточная причина для самоубійства; развратная шалость въ Германіи закрываетъ навсегда двери хорошаго общества (о Франціи я не говорю, въ одномъ Парижѣ больше разныхъ общихъ мнѣній чѣмъ въ цѣломъ свѣтѣ). А у насъ? Отъявленный взяточникъ принимается вездѣ очень хорошо: его оправдываютъ фразой: и! кто этого не дѣлаетъ!.. Трусъ обласканъ вездѣ потому что онъ смиренный малый. А замѣшанный въ исторію! о! ему нѣтъ пощады. Маменьки говорятъ объ немъ: Богъ его знаетъ какой онъ человѣкъ; лаленьки прибавляютъ: мерзавецъ...

Офицеры безъ новой тревоги допили свой чай и пошли; Печоринъ всталъ послѣ всѣхъ. На крыльцѣ кто-то его остановилъ за руку промолвивъ:—Я имѣю съ вами поговорить! По трепету руки онъ отгадалъ что это его давешній противникъ. Нечего дѣлать, не миновать исторію.

— Извольте говорить, отвѣчалъ онъ небрежно.

— Только не здѣсь на морозѣ, пойдемте въ корридоръ театра возразилъ чиновникъ.

Они пошли молча.

Второй актъ уже начался, корридоры и широкія лѣстницы были пусты. На площадкѣ одной уединенной лѣстницы, едва освѣщенной далекою лампой, они остановились, и Печоринъ, сложивъ руки на груди, прислонясь къ желѣзнымъ периламъ и прищуривъ глаза, окинулъ взоромъ противника съ ногъ до головы и сказалъ:

— Я васъ слушаю!..

— Милостивый государь,—голосъ чиновника дрожалъ отъ ярости, жилы на лбу его надулись и губы поблѣднѣли:—милостивый государь, вы меня обидѣли! вы меня оскорбили смертельно.

— Это для меня не секретъ, отвѣчалъ Жоржъ,—и вы могли бы объясниться при всѣхъ. Я вамъ отвѣчалъ бы то же что теперь отвѣчу: когда жь угодно стрѣляться? нынче? завтра? Я думаю что угадалъ ваше намѣреніе, по крайней мѣрѣ разбитіе чашекъ не было случайностью. Вы хотѣли съ чего-нибудь начать и начали очень остроумно, прибавилъ онъ насмѣшливо поклонившись.

— Милостивый государь, отвѣчалъ онъ задыхаясь,—вы едва меня сегодня не задавили; да, меня, который предъ вами и этимъ хвастаетесь, вамъ весело? А по какому праву? Потому что у васъ есть рысакъ, бѣлый султанъ, золотые эполеты? Развѣ я не такой же дворянинъ какъ вы? Я бѣденъ! Да, я бѣденъ! хожу пѣшкомъ. Конечно послѣ этого я не человѣкъ, не только дворянинъ! А! вамъ это весело!.. вы думали что я буду слушать смиренно дерзости потому что у меня нѣтъ денегъ которыя бы я могъ бросить на столъ... Нѣтъ, никогда, никогда, никогда я вамъ этого не прощу.

Въ эту минуту пламенѣвшее лицо его было прекрасно какъ буря. Печоринъ смотрѣлъ на него съ холоднымъ любопытствомъ и наконецъ сказалъ:

— Ваши разсужденія немножко длинны, назначьте часъ и разоидетесь, вы такъ кричите что разбудите всѣхъ лакеевъ.

И точно нѣкоторые изъ нихъ спавшіе на барскихъ сапогахъ въ корридорѣ перваго яруса начали подымать головы.

— Какое дѣло мнѣ до нихъ; пускай весь міръ меня слушаетъ.

— Я не этого мнѣнія... Если угодно завтра въ восемь часовъ утра я васъ жду съ секундантомъ.

Печоринъ сказалъ свой адресъ.

— Драться! я васъ понимаю, на смерть драться... И вы думаете что я буду достаточно вознагражденъ когда всажу вамъ въ сердце свинцовый шарикъ... Прекрасное утѣшеніе! Нѣтъ, я бы желалъ чтобы вы жили вѣчно и чтобы я могъ вѣчно мстить вамъ. Драться—нѣтъ; тутъ услѣхъ слишкомъ невѣренъ.

— Въ такомъ случаѣ ступайте домой, вылейте стаканъ воды и ложитесь спать, возразилъ Печоринъ пожавъ плечами. И хотѣлъ идти.

— Нѣтъ, постойте, сказалъ чиновникъ, прида нѣсколько въ себя:—и выслушайте меня!.. вы думаете я трусь? какъ будто

храбрость не может существовать безъ вывѣски шпоръ или злометовъ? Повѣрите что я меньше дорожу жизнью и будущностью чѣмъ вы? Моя жизнь горька, будущности у меня нѣтъ, я бѣденъ, такъ бѣденъ что хожу въ стужа. Я не могу разъ въ годъ бросить пять рублей для своего удовольствія, живу жалованьемъ, безъ друзей, безъ родныхъ. У меня одна мать старушка... Я все для нея: я ее провидѣние и подпора; она для меня и друзья и семейство. Съ тѣхъ поръ какъ живу, я еще никого не любилъ кромѣ ея. Потерявъ меня, сударь, она либо умретъ отъ печали, либо умретъ съ голоду...

Онъ остановился, глаза его наполнились слезами и кровью.

— И вы думали что я съ вами буду драться?..

— Чего жь наконецъ вы отъ меня хотите? сказалъ Печоринъ вѣтерливо.

— Я хотѣлъ васъ заставить раскаяться.

— Вы кажется забыли что не я началъ ссору.

— А развѣ задавить человека ничего, шутка, лотѣха!

— Я вамъ обещаюсь высѣчь моего кучера...

— О! вы меня выведете изъ терпѣнія.

— Что жь? мы тогда будемъ стрѣляться!..

Чиновникъ не отвѣчалъ. Онъ закрылъ лицо руками, грудь его волновалась, въ его отрывистыхъ словахъ проглядывало отчаянiе. Казалось онъ рыдалъ и наконецъ онъ воскликнулъ:

— Нѣтъ не могу, не погублю ее... и убѣжалъ.

Печоринъ съ сожалѣнiемъ посмотрѣлъ ему во слѣдъ и пошелъ въ кресла. Второй актъ *Фенеллы* уже подходилъ къ концу. Артиллеристъ и преображенецъ сидѣвшiе съ другаго края не замѣтили его отсутствiя.

III.

Почтенные читатели, вы всѣ видѣли сто разъ *Фенеллу*, вы всѣ съ громомъ вызывали Новицкую и Голланда, и поэтому я перескачу чрезъ остальные три акта и подыму свой занавѣсъ въ ту самую минуту какъ опустился занавѣсъ Александрскаго театра. Замѣчу только что Печоринъ мало занимался пiесой, былъ разсѣянъ и забывалъ даже объ интересной ложѣ на которую онъ далъ себѣ слово не смотрѣть.

Шумною и довольною толпою зрители спускались по извилистымъ лѣстницамъ къ подъѣзду. Внизу раздавался крикъ жандармовъ и лакеевъ. Дамы закутавшись и прижавшись къ

отвѣламъ и заслоняемыя медвѣжьими шубами мужей и паленекъ отъ дерзкихъ взоровъ молодежи дрожали отъ холоду и улыбались знакомымъ. Офицеры и штатскіе фравты съ лорнетами ходили взадъ и впередъ, стучали, одни саблями и шпорами, другіе калошами. Дамы высокаго тона составляли особую группу на нижнихъ ступеняхъ парадной лѣстницы; смѣялись, говорили громко и наводили золотыя лорнеты на дамъ безъ тона, обыкновенныхъ русскихъ дворянокъ; и одиѣ другимъ тайно завидовали: необыкновенныя красѣ обыкновенныхъ, обыкновенныя, увы! гордости и блеску необыкновенныхъ.

У тѣхъ и у другихъ были свои кавалеры; у первыхъ почетительные и важныя, у вторыхъ услужливыя и порою неловкія. Въ серединѣ же тѣснился кружокъ людей не свѣтскихъ, не знакомыхъ ни съ тѣми ни съ другими, кружокъ зрителей. Кушцы и простой народъ проходили другими дверями. Это была миниатюрная картина всего петербургскаго общества.

Печоринъ закутанный въ шинель и нагнувъ на глаза шляпу старался пробраться къ дверямъ. Онъ лоравлялся съ Лизаветой Николаевной Негуровой; на выразительную улыбку отвѣчалъ сухимъ поклономъ и хотѣлъ продолжать свой путь, но былъ задержанъ слѣдующимъ вопросомъ:

— Отчего вы такъ серіозны, monsieur George? вы недовольны спектаклемъ.

— Напротивъ, я во все горло вызывалъ Голланда.

— Неправда ли что Новицкая очень мила?

— Ваша правда.

— Вы отъ нея въ восторгѣ?

— Я очень рѣдко бываю въ восторгѣ.

— Вы этимъ никого не ободряете, сказала она съ досадою и стараясь проиически улыбнуться.

— Я не знаю никого кто бы нуждался въ моемъ ободреніи, отвѣчалъ Печоринъ небрежно.—И притомъ восторгъ есть что-то такое дѣтское...

— Ваши мысли и слова удивительно подвержены перемѣнѣ... давно ли?

— Право...

Печоринъ не слушалъ. Его глаза старались проникнуть пеструю стѣну шубъ, салоповъ, шляпъ. Ему показалось что тамъ за колонной мелькнуло лицо ему знакомое, особенно

знакомое... Въ эту минуту жандармъ крикнулъ и долгоязыый лакей повторилъ за нимъ: карета князя Лиговскаго.

Съ отчаянными усиліями разстлкая толлу, Печоринъ бросился къ дверямъ. Предъ нимъ человѣка за четыре мелькнулъ розовый салопъ, шаркнули ботинки. Лакей подсадилъ розовый салопъ въ блестящій куле, потомъ вскарабкалась въ него медвѣжья шуба. Дверцы хлопнули. „На Морскую, пошелъ!“ Интересную карету замѣнила другая, можетъ-быть не менѣе интересная, только не для Печорина. Онъ стоялъ какъ вкопанный. Мучительная мысль смутила его мозгъ. Эта ложа на которую онъ далъ себѣ слово не смотрѣть... Княгиня сидѣла въ ней. Ея розовая ручка покоилась на малиновомъ бархатѣ. Ея глаза можетъ-быть часто покоились на немъ, а онъ даже и не подумалъ обернуться. Магнетическая сила взгляда любимой женщины не подѣйствовала на его бычачьи нервы. О бѣшенство! Онъ себѣ этого никогда не проститъ. Раздосадованный онъ пошелъ по тротуару, отыскалъ свои сапоги, разбудилъ толстаго кучера, который лежалъ свернувшись, локрытый медвѣжьей полостью, и отправился домой. А мы обратимся къ Лизаветѣ Николаевнѣ Негуровой и послѣдуемъ за ней.

Когда она сѣла въ карету, то отецъ ея началъ длинную диссертацию на счетъ молодыхъ людей вынѣшняго вѣка.

— Вотъ, напримѣръ, Печоринъ, говорилъ онъ, — нѣтъ того чтобъ искать во мнѣ или Катенькѣ (Катенька жена его, лятдесяти лѣтъ). Нѣтъ, и смотрѣть не хочетъ. Бывало въ наше время: влюбится молодой человѣкъ, старается угодить родителямъ, всей роднѣ, а не то чтобы все по угламъ съ дочкой перешелтываться, да глазки дѣлать... Чтò это нынче — срамъ смотрѣть, и дѣвушки, и тѣ стали... Бывало слово лишнее услышуть, покраснѣють, да и баста: ужь отъ нихъ не добьешься отвѣта. А ты, матушка, двадцати пяти лѣтъ дѣвка, такъ на шею и вѣшаешься. Замужъ захотѣлось.

Лизавета Николаевна хотѣла отвѣчать. Слезы навернулись у нея на глазахъ и она не могла произнести ни слова. Катерина Ивановна за нее заступилась.

— Ужь ты всегда на нее наладаешь понапрасну. Чтò жь дѣлать когда молодые люди не женятся. Надо самой не улускать случая. Печоринъ женихъ богатый, хорошей фамиліи; чѣмъ не мужъ? Вѣдь вѣкъ не сидѣть дома... слава Богу, чтò мнѣ ея наряды-то стоять, а ты свое: замужъ хочешь, замужъ хочешь. Да кабы замужъ не выходить, такъ чтò бы было...

Эти разговоры повторялись въ томъ или другомъ видѣ всякій разъ когда мать, отецъ и дочь оставались втроемъ... дочь молчала, а что происходило въ ея сердцѣ въ эти минуты одинъ Богъ знаетъ.

Пріѣхали домой. Катерина Ивановна съ ворчливымъ супругомъ отправились въ свою комнату, а дочка въ свою. Родители ея принадлежали и къ старому и къ новому вѣку. Превжнія понятія, полузабытыя, полустертые новыми впечатлѣніями жизни петербургской, вліяніемъ общества въ которомъ Николай Петровичъ по чину своему долженъ былъ находиться, проявлялись только въ минуты досады, или во время спора. Они казались ему сильнѣйшими аргументами, ибо онъ помнилъ ихъ грозное дѣйствіе на собственный умъ во дни его молодости. Катерина Ивановна была дама не глупая, по словамъ чиновниковъ служившихъ въ канцеляріи ея мужа, женщина хитрая и лукавая, во мнѣніи другихъ старухъ, добрая, довѣрчивая и слѣблая маменька для бальной молодежи... Истиннаго ея характера я еще не разгадалъ; описывая я только буду стараться соединить и выразить вмѣстѣ всѣ три вышесказанныя мнѣнія... И если выйдетъ портретъ похожъ, то общаюсь идти лѣшкомъ въ Невскій монастырь слушать лѣвчихъ.

А Лизавета Николаевна... О! знакъ восклицанія... погодите. Теперь она вошла въ свою спальню и кликнула горничную Марѳушу, толстую, рабую дѣвицу... Дурной знакъ... а бы не желалъ чтобъ у моей жены или невѣсты была толстая и рябая горничная!... Терпѣть не могу толстыхъ и рябыхъ горничныхъ, съ головой вымазанною чухонскимъ масломъ или приглаженною квасомъ отъ котораго волосы сплзаются и рыжѣютъ, съ руками шароховатыми какъ вчерашній рѣшетный хлѣбъ, съ сонными глазами и съ ногами хлопающими въ башмакахъ безъ ленточекъ, тяжелою походкой и (что всего хуже) четверугольною таліей, облѣпленною лестрымъ домашнимъ платьемъ, которое внизу уже чѣмъ сверху... Такая горничная, сидя за работой въ задней комнатѣ порядочнаго дома подобно крокодилу подлѣ свѣтлаго американскаго колодца, такая горничная какъ сальное лянво проглядывающее сквозь свѣжіе узоры перекрашеннаго платья, приводитъ умъ въ печальное сомнѣніе насчетъ домашняго образа жизни господъ... О, любезные друзья, не дай Богъ вамъ влюбиться въ дѣвушку у которой такая горничная; если вы раздѣляете мои мнѣнія, то очарованіе ваше погибло навѣки.

Лизавета Николаевна велѣла горничной свѣтъ съ себя пу-кли и башмаки, и расшнуровать корсетъ, а сама сѣвъ на по-стель сбросила небрежно головной уборъ на'туалетъ. Черные ея волосы упали на плечи; но я не продолжаю описанія: ни-кому не интересно любоваться лоблекшими прелестями, ху-дощавою ножкой, желтою шеей и сухими плечами на кото-рыхъ обозначались красные рубцы отъ узкаго платья. Всякій въроятво на подобныя вещи довольно посмотрѣлся. Лиза-вета Николаевна легла въ постель, поставила возлѣ себя на столикъ свѣчу и раскрыла какой-то французскій романъ. Марюша вышла, тишина воцарилась въ комнатѣ. Книга вы-лапа изъ рукъ печальной дѣвушки. Она вздохнула и преда-лась размышленіямъ.

Конечно ни одна отдѣлтшая красавица не повѣряла мнѣ думѣ и чувствъ волновавшихъ ея грудь послѣ длиннаго бала или вечеринки, когда въ одинокой своей комнатѣ она при-поминала все свое прошедшее, пересчитывала всѣ любовныя объясненія которыя нѣкогда выслушивала съ притворною холодностію, притворною улыбкой или съ истиннымъ насла-жденіемъ, и которыя не имѣли для нея другихъ сладствій кромѣ лишнѣхъ десяти строкъ въ альбомѣ или мстительной элиграммы отвергнутаго обожателя, брошенной мимоходомъ позади ея стула во время длинной мазурки. Но я догадываюсь что эти размышленія должны быть тяжелы, несносны для самолюбія и сердца, если оное налицо имѣется, ибо нату-ральная исторія нынѣче обогатилась новымъ классомъ очень милыхъ и красивыхъ существъ, именно классомъ женщинъ безъ сердца. Чтобы легче угадать о чемъ Лизавета Николаев-на изволила думать, я принужденъ, къ моему великому сожа-лѣнію, разказать вамъ нѣкоторыя частности ея жизни, тѣмъ болѣе что для объясненія слѣдующихъ происшествій это не-обходимо. Она родилась въ Петербургѣ и никогда не вы-ѣзжала изъ Петербурга. Правда, одинъ разъ на два мѣсяца въ Ревель, на воды... Но вы сами знаете что Ревель не Россія, и потому направленіе ея петербургскаго воспитанія не по-лучило никакого измѣненія. У насъ, въ Россіи, нѣсколько вы-велись изъ моды французскія мадамы, а въ Петербургѣ ихъ вовсе не держатъ. Англичанку нанять ея родители были не въ силахъ, Англичанки дорога. Нѣмку взять было также не дов-ко, Богъ знаетъ какая поладется: здѣсь такъ много всякихъ... Лизавета Николаевна осталась вовсе безъ мадамы. По-фран-

цуски она выучилась отъ маменьки, а больше отъ гостей; потому что съ самаго дѣтства она проводила дни свои въ гостимой, сидя возлѣ маменьки и слушая всякую всячину. Когда ей исполнилось тринадцать лѣтъ, взяли учителя по билетамъ. Въ годъ она кончила курсъ французскаго языка... и началось ее свѣтское воспитаніе. Въ комнатѣ ея стояла рояль, но никто не слышалъ чтобъ она играла... Танцевать она выучилась на дѣтскихъ балахъ. Романы она начала читать какъ только перестала учить склады и читала ихъ удивительно скоро... Между тѣмъ отецъ ея получилъ порядочное наслѣдство, вслѣдъ за нимъ хорошее мѣсто—и сталъ жить открытѣе.... Пятнадцать лѣтъ ея стали вывозить выдавая за семнадцатилѣтнюю, и до двадцати пяти лѣтъ условный этотъ возрастъ не измѣнялся... Семнадцать лѣтъ точка замерзанія: они растягиваются сколько угодно, какъ резиновые помочи. Елизавета Николаевна была недурна и очень интересна: блѣдность и худоба интересны... потому что Француженки блѣдны, а Англичанки худощавы... Надобно замѣтить что предельность блѣдности и худобы существуетъ только въ дамскомъ воображеніи и что здѣшніе мужчины только изъ угожденія лотакаютъ ихъ мнѣнію, чтобы чѣмъ-нибудь отклонить улреки въ невѣжливости и такъ-называемой „казармности“.

При первомъ вступленіи Елизаветы Николаевны на паркетъ гостиныхъ у нея нашлись поклонники... Это все были люди всегда алилодирующие новому водевилю, скачущіе слушать новую лѣвицу, читающіе только новыя книги. Ихъ замѣнили другіе: эти волочились за нею чтобы возбудить ревность въ остывающей любовницѣ или чтобы кольнуть самолюбіе жестокой красоты. Послѣ этихъ явился третій родъ обожателей: люди которые влюблялись отъ нечего дѣлать, чтобы пріятнѣе провести вечеръ, ибо Елизавета Ивановна приобрѣла навыкъ свѣтскаго разговора и была очень любезна, нѣсколько насмѣшлива, нѣсколько мечтательна... Нѣкоторые изъ этихъ волоките влюбились не на шутку и требовали ея руки: но ей хотѣлось попробовать лестную роль непреклонной... И къ тому же они всѣ были прескучные. Имъ отказали... Одишь съ отчаянія долго былъ боленъ, другіе скоро утѣшились... Между тѣмъ время шло. Она сдѣлалась опытною и бойкою дѣвой; смотрѣла на всѣхъ въ лорнетъ, обращалась очень смѣло, не краснѣла отъ двусмысленной рѣчи или взора, и вокругъ ея стала увиваться розовые юнѣши пробующіе свои силы въ

словесной перестрѣлкѣ и посвящавшіе ей первые свои опыты страстнаго краснорѣчія. Увы, на этихъ было еще меньше надежды, чѣмъ на всѣхъ прежнихъ. Она съ досадою и вмѣстѣ тайнымъ удовольствіемъ убивала ихъ надежды, останавливала тѣкою насмѣшкою разливъ краснорѣчія — и вскорѣ они увѣрились что она нелюбимая и чудная женщина. Вздыхающій роі разлетается въ разныя стороны... и наконецъ для Елизаветы Николаевны наступилъ періодъ самый мучительный и опасный сердцу — отцвѣтающей женщины...

Она была въ тѣхъ лѣтахъ когда еще волочиться за нею было не совѣстно, а влюбиться въ нее стало трудно; въ тѣхъ лѣтахъ, когда какой-нибудь вѣтреный или безлечный франтъ не почитаетъ уже за грѣхъ увѣрять шута въ глубокой страсти, чтобы послѣ, такъ для смѣху, скомпрометтировать дѣвушку въ глазахъ подругъ ея, думая этимъ придать себѣ болѣе вѣсу... увѣрять всѣхъ что она отъ него безъ памяти и стараться показать что онъ ее жалѣетъ, что онъ не знаетъ какъ отъ нея отдѣлаться; говорить ей нѣжности шелотомъ, а вслухъ колкости... Бѣдная, предчувствуя что это ее послѣдній обожатель, безъ любви, изъ одного самолюбія, старается удержать шалуна какъ можно долѣе у ногъ своихъ... Напрасно. Она болѣе и болѣе залутывается. И наконецъ... увы... за этимъ періодомъ остаются только мечты о мужѣ, какомъ-нибудь мужѣ... одиѣ мечты.

Елизавета Николаевна вступила въ этотъ періодъ, но послѣдній ударъ нанесъ ей не безлечный шалуиъ и не бездушный франтъ. Вотъ какъ это случилось.

Полтора года тому назадъ Печоринъ былъ еще въ свѣтѣ человѣкъ довольно новый. Ему надобно было, чтобы поддерживать себя, приобрести то что нѣкоторые называютъ свѣтскою извѣстностію, то-есть прослыть человѣкомъ который можетъ дѣлать зло когда ему вздумается. Нѣсколько времени онъ напрасно искалъ себѣ пьедестала вставъ на который онъ бы могъ заставить толпу взглянуть на себя. Сдѣлаться любовникомъ извѣстной красавицы было бы слишкомъ трудно для начинающаго, а скомпрометтировать дѣвушку молодую и невинную, онъ бы не рѣшился. И потому онъ избралъ своимъ орудіемъ Лизавету Николаевну, которая не была ни то, ни другое. Какъ быть. Въ нашемъ бѣдномъ обществѣ фраза: онъ погубилъ столько-то репутацій, значитъ почти: онъ выигралъ столько-то сраженій.

Лизавета Николаевна и онъ были давно знакомы. Они казались. Составивъ планъ свой, Печоринъ отправился на одинъ балъ, гдѣ долженъ былъ съ нею встрѣтиться. Онъ наблюдалъ за нею пристально и замѣтилъ что никто ея не пригласилъ на мазурку: знакъ былъ подавъ музыкантамъ начинать, кавалеры шумѣли стульями устанавливая ихъ въ кружокъ. Лизавета Николаевна отправилась въ уборную чтобы скрыть свою досаду. Печоринъ дождался ее у дверей. Когда она возвращалась въ залу, начиналась уже вторая фигура. Печоринъ торопливо подошелъ къ ней.

— Гдѣ вы скрывались, сказалъ онъ,—я искалъ васъ вездѣ, приготовилъ даже стулья, такъ я сильно надѣялся что вы мнѣ не откажете.

— Какъ вы самоуверенны.

И неожиданное удовольствіе вспыхнуло въ ея глазахъ.

— Однакожъ вы меня не накажете слишкомъ строго за эту самоуверенность?

Она не отвѣчала и послѣдовала за нимъ.

Разговоръ ихъ продолжался во время всего танца. Блистая шутками, эпіграммами, касаясь до всего, даже любовной метафизики. Печоринъ не щадилъ ни одной изъ ея молодыхъ и свѣжихъ соперницъ. За ужиномъ онъ сѣлъ возлѣ нея, разговоръ подвигался все далѣе и далѣе, такъ что наконецъ онъ чуть-чуть ей не сказалъ что обожаетъ ее до безумія (разумѣется двусмысленнымъ образомъ). Огромный шагъ былъ сдѣланъ, и онъ возвратился домой довольный своимъ вечеромъ.

Нѣсколько недѣль спустя послѣ этого они встрѣчались на разныхъ вечерахъ. Разумѣется онъ неумышленно искалъ этихъ встрѣчъ, а она по крайней мѣрѣ ихъ не избѣгала. Однимъ словомъ, онъ пошелъ по слѣдамъ древнихъ волокитъ и дѣйствовалъ по формѣ, классически. Скоро всѣ стали замѣчать ихъ постепенное влеченіе другъ къ другу, какъ явленіе новое и совершенно оригинальное въ нашемъ холодномъ обществѣ. Печоринъ избѣгалъ нескромныхъ вопросовъ, но за то дѣйствовалъ весьма откровенно. Лизавета Николаевна была также этимъ очень довольна, потому что надѣялась завлечь его дальше и дальше, и потому, какъ говорили наши матушки, женить его на себѣ. Ея родители, не имѣя еще объ немъ никакого мнѣнія, такъ безо всякихъ видовъ пригласили однакоже его посѣщать свой домъ, чтобъ узнать его короче. Многіе уже стали надъ нимъ подсмѣивать какъ надъ будущимъ женихомъ; добрые пріятели стали уговаривать его, отклонять

отъ безразсуднаго поступка который ему не входилъ и въ голову. Изъ этого всего онъ заключилъ что минута рѣшительнаго кризиса наступила.

Былъ блестящій балъ у барона ***. Печоринъ по обыкновенію танцевалъ первую кадрили съ Елизаветой Николаевной.

— Какъ хороша сегодня меньшая Р., замѣтила Елизавета Николаевна.

Печоринъ навелъ лорнетъ на молодую красавицу, долго смотрѣлъ молча и наконецъ отвѣчалъ:

— Да, она прекрасна. Съ какимъ вкусомъ перевиты эти пуанцовые цвѣты въ ея густыхъ, русыхъ локонахъ. Я непременно дамъ себѣ слово танцевать съ ней сегодня, именно потому что она вамъ нравится. Не правда ли, я очень догадливъ когда хочу вамъ сдѣлать удовольствіе.

— О, безъ сомнѣнія, вы очень любезны, отвѣчала она вслухнувъ.

Въ эту минуту музыка остановилась, первая кадрили кончилась, и Печоринъ очень вѣжливо раскланялся. Остальную часть вечера онъ или танцевалъ съ Р. или стоялъ возлѣ ея стула, старался говорить какъ можно больше и казаться какъ можно довольнѣе, хотя, между нами, дѣвица Р. была очень проста и почти его не слушала, но такъ какъ онъ говорилъ очень много, то она заключила что Печоринъ кавалеръ очень любезный. Послѣ мазурки она подошла къ Елизаветѣ Николаевнѣ, и та ее спросила съ прощическою улыбкой:

— Какъ вамъ кажется вашъ постоянный выигнанный кавалеръ?

— Il est tres aimable, отвѣчала Р.

Это былъ жестокій ударъ для Елизаветы Николаевны, которая почувствовала что лишается своего послѣдняго кавалера,—ибо остальные молодые люди, видя что Печоринъ занимается ею исключительно, совершенно ее оставили.

И точно, съ этого дня Печоринъ сталъ съ нею разсѣяннѣе, холоднѣе; явно старался ей дѣлать тѣ мелкія неприятели которыя замѣчаются всѣми и за которыя между тѣмъ невозможно требовать удовлетворенія. Говоря съ другими дѣвушками, онъ выражался о ней съ оскорбительнымъ сожалѣніемъ, тогда какъ она напротивъ вслѣдствіе плохаго разчета, желая кольнуть его самолюбіе, повѣряла своимъ подругамъ подъ печатью строжайшей тайны свою чистѣйшую, искреннѣйшую любовь. Но напрасно. Онъ только наслаждался излишнимъ торжествомъ, а она, увѣряя другихъ, мало-по-малу сама

увѣрилась что его точно любить. Родители ея, болѣе проникательные въ качества безпристрастныхъ зрителей, стали ее укорять, говоря: „Вотъ, матушка, цѣлый годъ пролутила даромъ, отказала жениху съ двадцатью тысячами доходу; правда что онъ старъ и въ параличъ,—да что вывѣшніе молодые люди! Хорошъ твой Печоринъ, мы заранѣе знали что онъ на тебѣ не женится, да и мать не позволить ему жениться! Что жъ вышло? Онъ же надъ тобой и насмѣхается.“

Разумѣется, подобныя слова не успокоятъ ни уязвленнаго самолюбія, ни обманутаго сердца. Лизавета Николаевна чувствовала ихъ истину, но эта истина была уже для нея не нова. Кто долго преслѣдовалъ какую-нибудь цѣль, много для нея пожертвовалъ, тому трудно отъ нея отступить, а если къ этой цѣли примыкають послѣднія надежды увядающей молодости, то невозможно. Въ такомъ положеніи мы оставили Лизавету Николаевну прѣхавшую изъ театра, лежащую на лотелли съ книжкой въ рукахъ и съ мыслями бродящими въ минувшемъ и будущемъ.

Наскучивъ пробѣгать глазами десять разъ одну и ту же страницу, она нетерпѣливо бросила книгу на столикъ и вдругъ примѣтила письмо съ адресомъ на ея имя и со штемпелемъ городской почты.

Какое-то внутреннее чувство шептало ей не распечатывать трагическій конвертъ, но любопытство превозмогло, конвертъ сорванъ дрожащими руками, свѣча прядвинута и глаза ея жадно пробѣгаютъ первыя строки. Письмо было написано примѣтно искаженнымъ почеркомъ, какъ будто боялись что самыя буквы измѣнятъ тайнѣ. вмѣсто подписи имени внизу рисовалась какая-то египетская каракуля, очень похожая на латна видимая въ дунѣ, которымъ многіе простолудины придаютъ какое-то символическое значеніе. Вотъ письмо отъ слова до слова:

„Милостивая Государыня, — Вы меня не знаете, я васъ знаю. Мы встрѣчаемся часто. Исторія вашей жизни также мнѣ знакома какъ моя записная книжка, а вы моего имени никогда не слышали. Я принимаю въ васъ участіе именно потому что вы никогда на меня не обращали вниманія и притомъ я нынче очень доволенъ собою и намѣренъ сдѣлать доброе дѣло. Мнѣ извѣстно что Печоринъ вамъ нравится, что вы всячески думаете снова возжечь въ немъ чувства которыя ему никогда не спались. Онъ съ вами пошутить.

Онъ недостоинъ васъ, онъ любить другую. Вся ваши старанія послужатъ только къ вашей гибели. Свѣтъ и такъ указываетъ на васъ пальцами. Скоро онъ совѣтъ отъ васъ отворотится. Никакая личная выгода не заставила меня давать вамъ такіе неосторожные и смѣлые совѣты, и чтобы вы болѣе убѣдились въ моемъ безкорыстіи, я клянусь вамъ что вы никогда не узнаете моего имени.

„Вслѣдствіе чего остаюсь вашъ покорнѣйшій слуга“:

(*Каракула*).

Отъ такого письма съ другою сдѣлалась бы истерика. Но ударъ, поразивъ Елизавету Николаевну въ глубину сердца, не подѣйствовалъ на ея нервы. Она только поблѣднѣла, торопливо сожгла письмо и сдула на полъ легкой его пепель. Потомъ она погасила свѣчу и обернулась къ стѣнѣ. Казалось она плакала, но такъ тихо, такъ тихо что еслибы вы стояли у ея изголовья, то подумали бы что она спитъ покойно и безмятежно.

На другой день она встала блѣднѣе обыкновеннаго, въ десять часовъ вышла въ гостиную, разливала сама чай по обыкновенію. Когда убрали со стола, отецъ ея уѣхалъ къ должности, мать сѣла за работу, она пошла въ свою комнату. Проходя черезъ залу ей встрѣтился лакей:

- Куда ты идешь? спросила она.
- Доложить-съ.
- О комъ?
- Вотъ тотъ-съ... офицеръ... Господинъ Печоринъ...
- Гдѣ онъ?
- У крыльца остановился.

Елизавета Николаевна покраснѣла, потомъ снова поблѣднѣла и потомъ отрывисто сказала лакею:

— Скажи ему что дома никого нѣтъ, и когда онъ еще придетъ, прибавила она какъ бы съ трудомъ выговаривая послѣднюю фразу,—то не принимать.

Лакей поклонился и ушелъ, а она опрометью бросилась въ свою комнату.

IV.

Получивъ такой рѣшительный отказъ, Печоринъ, какъ вы сами можете догадаться, не удивился: онъ приготовился къ такой развязкѣ и даже желалъ ее. Онъ отправился на Морскую. Сами его быстро скользили по сыпучему снѣгу; утро

было туманное и обѣщало близкую оттепель. Многие жители Петербурга провели дѣтство въ другомъ климатѣ подвержены странному вліанію здѣшняго неба. Какое-то печальное равнодушіе, подобное тому съ какимъ наше сѣверное солнце отворачивается отъ неблагодарной здѣшней земли, закрадывается въ душу, приводитъ въ оцѣленіе всѣ жизненные органы. Въ эту минуту сердце неспособно къ энтузіазму, умъ къ размышленію. Въ подобномъ расположеніи находился Печоринъ. Неожиданный успѣхъ увѣчалъ его легкомысленное предпріятіе, и онъ даже не обрадовался. Черезъ нѣсколько минутъ онъ долженъ былъ увидѣться съ женщиной которая была постоянною его мечтою въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, съ которою онъ былъ связанъ прошедшимъ, для которой былъ готовъ отдать свою будущность, и сердце его не трепетало отъ нетерпѣнія, страха, надежды. Какое-то болѣзненное замѣраніе, какая-то мутность и неподвижность мыслей, которыя подобно тяжелымъ обманамъ осаждали умъ его, предвѣщали одну близкую бурю душевную. Вспоминая прежнюю пылкость онъ внутренно досадовалъ на теперешнее свое спокойствіе.

Вотъ сами остановились предъ однимъ домомъ. Онъ вышелъ и взялся за ручку двери. Но прежде чѣмъ онъ отворилъ ее миновавшее какъ сонъ проскользнуло въ его воображеніи и различныя чувства внезапно шумно пробудились въ душѣ его. Онъ самъ испугался громкаго бѣшенія сердца своего, какъ пугаются сонные жители города при звукѣ ночнаго набата. Какія были его намѣренія, опасенія и надежды, извѣстно только Богу, но повидимому онъ готовъ былъ сдѣлать рѣшительный шагъ, дать новое направленіе своей жизни. Наконецъ дверь отворилась, и онъ медленно взшелъ по широкой лѣстницѣ. На вопросъ швейцара, кого ему угодно, онъ отвѣчалъ вопросомъ: дома ли княгиня Вѣра Дмитриевна?

— Князь Степанъ Степановичъ у себя-съ.

— А княгиня? повторилъ нетерпѣливо Печоринъ.

— Княгиня также-съ.

Печоринъ сказалъ швейцару свою фамилію, и тотъ пошелъ доложить.

Сквозь полураскрытую въ залу дверь Печоринъ бросилъ любопытный взглядъ, стараясь сколько-нибудь по убранству комнатъ угадать хотя слабый отблескъ семейной жизни хозяевъ. Но, увы! въ столицѣ всѣ залы схожи между собою какъ

всѣ улыбки и привѣтствія. Одинъ только кабинетъ иногда можетъ разоблачить домашнія тайны. Но кабинетъ также непригоденъ для постороннихъ посѣтителей какъ сердце. Однакоже краткій разговоръ со швейцаромъ позволилъ догадаться Печорину что главное лицо въ домѣ былъ князь. „Странно, подумалъ онъ, она вышла замужъ за стараго, неприятнаго и обыкновеннаго человѣка, вѣроятно для того чтобы дѣлать свою волю. И что же если я отгадалъ правду, если она добровольно перемѣнила одно рабство на другое, то какая же у нея была цѣль? Какая причина?... Но нѣтъ, любить она его не можетъ, за это я ручаюсь головой.“

Въ эту минуту швейцаръ вошелъ и торжественно произнесъ:

— Пожалуйте, князь въ гостиной.

Медленными шагами Печоринъ прошелъ черезъ залъ. Взоръ его затуманился, кровь прилила къ сердцу, онъ чувствовалъ что любилъ когда перешелъ черезъ порогъ гостиной. Молодая женщина въ утреннемъ атласномъ капотѣ и блондовомъ чепцѣ сидѣла небрежно на диванѣ. Возлѣ нея на креслахъ въ мундирномъ фракѣ сидѣлъ какой-то толстый, лысый господинъ съ огромными глазами валистыми кровью и бесконечно широкою улыбкой. У окна стоялъ другой, въ сюртукѣ, довольно сухощавый, съ волосами обстриженными подъ гребенку, съ обвислыми щеками и довольно неблагороднымъ выраженіемъ лица. Онъ просматривалъ газеты и даже не обернулся когда вошелъ молодой офицеръ. Это былъ самъ князь Степанъ Степановичъ. Молодая женщина послѣшно встала, обратясь къ Печорину съ какимъ-то очень не яснымъ привѣтствіемъ; потомъ подошла къ князю и сказала ему:

— Mon ami, вотъ господинъ Печоринъ, онъ старинный знакомый нашего семейства... Monsieur Печоринъ, рекомендую вамъ своего мужа.

Князь бросилъ газеты на окно, раскладываясь, хотѣлъ что-то сказать, но изъ устъ его вышли только отрывистыя слова:

— Конечно... мнѣ очень пріятно... семейство жены моей... что вы такъ любезны... Я поставилъ себѣ за долгъ... ваша матушка такая почтенная дама—я имѣлъ честь быть вчерась у нея съ женой.

— Матушка съ сестрой хотѣла сама быть у васъ сегодня, но она немного нездорова и поручила мнѣ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе.

Печоринъ самъ не зналъ что говорилъ. Опомившись и думая что онъ сказалъ глупость, онъ принялъ какой-то холодный, принужденный видъ. Княгиня показалось въроятно что этою фразой онъ хотѣлъ объяснить свой визитъ какъ будто бы невольный. Выраженіе лица ея также сдѣлалось принужденно. Она подозрѣвала намѣреніе упрекнуть. Щеки ея готовы были вспыхнуть, но она быстро отвернулась, сказала что-то толстому господину, тотъ захохоталъ и громко произнесъ: о, да! Потомъ она пригласила Печорина сѣсть, заняла сама прежнее мѣсто, а князь взялъ олять въ руки свои газеты.

Княгиня Вѣра Дмитриевна была женщина двадцати двухъ лѣтъ, средняго женскаго роста, блондинка, съ черными глазами, что придавало лицу ея какую-то оригинальную прелесть и такимъ образомъ рѣзко отличая ее отъ другихъ женщинъ уничтожало сравненія которыя можетъ-быть были бы не въ ея пользу. Она была не красавица, хотя черты ея были довольно правильны. Овалъ лица совершенно аттической и прозрачность кожи необыкновенная. Безпрерывная измѣчивость ея физиономіи, повидимому несообразная съ чертами нѣсколько рѣзкими, мѣшала ей нравиться всѣмъ и нравиться во всякое время. Но за то человѣкъ привыкшій слѣдить эти мгновенныя перемены могъ бы открытъ въ нихъ рѣдкую пылкость души и лостоянную раздражительность нервъ, общающую столько наслажденій догадливому любовнику. Ея станъ былъ гибокъ, движенія медленны, походка ровная. Видя ее въ первый разъ вы бы сказали, если вы опытный наблюдатель, что это женщина съ характеромъ твердымъ, рѣшительнымъ, холоднымъ, вѣрующая въ собственное убѣжденіе, готовая принести счастье въ жертву правиламъ, но не молвъ. Увидавъ же ея въ минуту страсти и волненія вы сказали бы совсѣмъ другое или скорѣе не знали бы вовсе что сказать.

Нѣсколько минутъ Печоринъ и она сидѣли другъ противъ друга въ молчаніи затруднительномъ для обоихъ. Толстый господинъ, который былъ по какому-то случаю баронъ, воспользовался этимъ промежуткомъ времени чтобъ объяснить подробно свои родственныя связи съ прусскимъ посланникомъ. Княгиня разными вопросами очень ловко заставляла барона еще болѣе растягивать рѣчь свою. Жоржъ, пристально устремивъ глаза на Вѣру Дмитриевну, старался, но тщетно, угадать ея тайныя мысли; онъ видѣлъ ясно что она не въ своей

тарелки, озабочена, взволнована. Ея глаза то тускнѣли, то блистали; губы то улыбались, то сжимались, щеки краснѣли и блѣднѣли попеременно. Но какая причина этому безпокойству? Можетъ-быть домашняя сцена до него случившаяся, потому что князь явно былъ не въ духѣ; можетъ-быть радость и смущеніе воскресающей или только вновь пробуждающейся любви къ нему, можетъ-быть непріятное чувство при встрѣчѣ съ человѣкомъ который зналъ нѣкоторыя тайны ея жизни и сердца, который имѣлъ право и можетъ-быть готовъ былъ ее упрекнуть...

Печоринъ, не привыкшій толковать женскіе взгляды и чувства въ свою пользу, остановился на послѣднемъ предположеніи... Изъ гордости онъ рѣшился показать что подобно ей забылъ прошедшее и радуется ея счастью... Но невольно въ его словахъ звучало оскорбленное самолюбіе. Когда онъ заговорилъ, княгиня вдругъ отвернулась отъ барона... и тотъ остался съ отверзтымъ ртомъ, готовясь произнести самое важное и убѣдительнѣйшее заключеніе своихъ доказательствъ.

— Княгиня, сказала Жоржъ, — извините, я еще не поздравилъ васъ... съ княжескимъ... титуломъ!... Повѣрьте однако что я съ этимъ намѣреніемъ слышалъ имѣть счастье васъ увидѣть... но когда вошелъ сюда, то происшедшая въ васъ перемена такъ меня поразила что признаюсь... забылъ долгъ вѣжливости...

— Я постарѣла, не правда ли, отвѣчала Вѣра наклонивъ голову къ правому плечу.

— О, вы шутите! Развѣ въ счастіи старѣють... напротивъ, вы по молодѣли, вы...

— Конечно я очень счастлива, прервала его княгиня.

— Это молва всеобщая; многія молодыя дѣвушки вамъ завидуютъ... Впрочемъ вы такъ благоразумны что не могли не сдѣлать такого достойнаго выбора... Весь свѣтъ восхищается любезностію, умомъ и талантами вашего супруга... (баронъ сдѣлалъ утвердительный знакъ головой). Княгиня чуть-чуть не улыбулась, потомъ вдругъ досада изобразилась на ея лицѣ.

— Я вамъ отплачу комплиментомъ за комплиментъ, топивъ Печоринъ.. вы также перемѣнились къ лучшему.

— Какъ быть! время всецѣльно... даже наши одежды подобно намъ самимъ подвержены чуднымъ измѣненіямъ—вы теперь носите блондовый челчикъ, я вмѣсто фрака московскаго недоросля или студентскаго сюртука ношу мундиръ съ

эполетами... Вѣроятно отъ этого я имѣю счастье вамъ нравиться больше чѣмъ прежде... вы теперь такъ привыкли къ блеску!

Княгиня хотѣла отмстить за элиграмму.

— Прекрасно! воскликнула она;—вы отгадали, и точно.. намъ, бѣднымъ Москвитянкамъ, гвардейскій мундиръ истинная диковинка!

Она насмѣшливо улыбнулась, баронъ захохоталъ, и Печоринъ на него взбѣсился.

— У васъ такой усердный союзникъ, княгиня, сказалъ онъ,—что я долженъ признаться побѣжденнымъ. И я увѣренъ что баронъ при данномъ знакѣ готовъ меня сокрушить всею своею тяжестью.

Баронъ плохо понималъ по-русски, хотя родился въ Россіи; онъ захохоталъ лучше прежняго, думая что это комплиментъ относящійся къ нему вмѣстѣ съ Вѣрой Дмитріевной. Печоринъ пожалъ плечами, и разговоръ снова остановился. Къ счастью князь подошелъ, переважно держа въ рукѣ газеты:

— Вотъ это до тебя касается, сказалъ онъ женѣ;—новый магазинъ на дняхъ открытъ на Невскомъ. Я покажу вамъ,—сказалъ онъ обращаясь къ гостямъ,—петербургскій гостинецъ который я вчера купилъ женѣ: всѣ говорятъ что серьги самыя модныя, а жена говорить что нѣтъ. Какъ будутъ по вашему вкусу?

Онъ пошелъ въ другую комнату и принесъ серебряную корбочку. Часто повторяемое княземъ слово жена какъ-то грубо и неприятно отзывалось въ ушахъ Печорина. Онъ съ перваго слова узналъ въ князѣ человѣка не далекаго, а теперь убѣдился что онъ даже человѣкъ не свѣтскій. Серьги переходили изъ рукъ въ руки. Баронъ произнесъ надъ ними нѣсколько протяжныхъ восклицаній, Печоринъ послѣ него сталъ машинально ихъ разсматривать.

— А какъ вы думаете, спросилъ князь Степанъ Степановичъ, спрятавшись въ галстукъ и одною рукою вытаскивая накрахмаленный воротничокъ,—сколько я заллатилъ? отгадайте.

Серьги по большей мѣрѣ стоили 80 рублей, а были заллочены 75. Печоринъ нарочно сказалъ 50, это озадачило князя. Онъ ничего не отвѣчалъ, стыдился сказать правду, и сѣлъ на канapé, очень немилостиво поглядывая на Печорина. Разговоръ сдѣлался общимъ разгвномъ городскихъ новостей.

московскихъ извѣстій. Князь, нѣсколько развеселившись, объявилъ жевѣ откровенно что еслибы не тяжбное дѣло, то никакъ бы не оставилъ Москвы и Англійскаго клуба, прибавляя что здѣшній Англійскій клубъ ничто предъ московскимъ. Наконецъ Печоринъ всталъ, раскланялся и дошелъ уже до двери, какъ вдругъ княгиня вскочила со своего мѣста и убѣдительно просила его не позабыть поцѣловать за нее милую Вареньку сто разъ, тысячу разъ. Печорину хотѣлось ей замѣтить что онъ не можетъ передавать словесныхъ поцѣлуевъ, но ему было не до шутки, и онъ очень важно олять поклонился. Княгиня улыбнулась ему тою ничего не выражающею улыбкой которая разливается на устахъ танцовщицы оканчивающей лируеть.

Съ горькимъ предчувствіемъ онъ вышелъ изъ комнаты. Пройдя залу, обернулся, княгиня стояла въ дверяхъ, неподвижно смотрѣла ему во слѣдъ. Замѣтивъ его движеніе, она исчезла.

„Странно, подумалъ Печоринъ садясь въ сани, было время когда я читалъ на лицѣ ея всѣ движенія мысли также безошибочно какъ собственную рукопись, а теперь я ея не понимаю, совершенно не понимаю.“

V.

До девятнадцатилѣтняго возраста Печоринъ жилъ въ Москвѣ. Съ дѣтскихъ лѣтъ онъ таскался изъ одного пансіона въ другой и наконецъ увѣнчалъ свои странствованія вступленіемъ въ университетъ, согласно волѣ своей премудрой маменьки. Онъ получилъ такую охоту къ перемѣнѣ мѣстъ что еслибы жилъ въ Германіи, онъ сдѣлался бы странствующимъ студентомъ. Но скажите, ради Бога, какая есть возможность въ Россіи сдѣлаться бродягой повелителю трехъ тысячъ душъ и племяннику двадцати тысячъ московскихъ тетушекъ. Итакъ всѣ его лутешества ограничивались лѣздками, съ толпой такихъ же негодаевъ какъ онъ, въ Петровскій, въ Сокольники и въ Марьину рощу. Можно вообразить что они не брали съ собою тетрадей и книгъ,—чтобы не казаться ледантами. Пріатели Печорина, которыхъ число было впрочемъ не очень велико, были все молодые люди, которые встрѣчались съ нимъ въ обществѣ, ибо и въ то время студенты были

почти единственными кавалерами московскихъ красавицъ, вздыхавшихъ невольно по взлетахъ и эксельбантамъ, не догадываясь что въ нашъ вѣкъ эти блестящія вывѣски утратили свое прежнее значеніе.

Печоринъ съ товарищами являлся также на всѣхъ гуляньяхъ. Держась подъ руки они прохаживались между веренищами каретъ, къ великому соблазну квартальныхъ. Встрѣтивъ одного изъ этихъ молодыхъ людей, можно было закрывши глаза держать пари что сейчасъ явятся и остальные. Въ Москвѣ, гдѣ прозванія еще въ модѣ, прозвали ихъ *la bande joyeuse*.

Приближалось для Печорина время экзамена. Онъ въ продолженіе года почти не ходилъ на лекціи и намѣревался теперь пожертвовать нѣсколько ночей наукѣ и однимъ прыжкомъ догнать товарищей. Вдругъ явилось обстоятельство которое помѣшало ему исполнить это героическое намѣреніе. У матери Печорина, Татьяны Петровны, бывали дѣтскіе вечера для маленькой дочери. На эти вечера съѣзжались и взрослые барышни и переспѣлыя дѣвы жадныя до всякихъ возможныхъ вечеровъ. Дѣти ложились спать въ десять часовъ, ихъ смѣняли на паркетѣ большіе. На эти вечера являлись часто отецъ и дочь Р—вы. Они были старинные знакомые Татьяны Петровны и даже нѣсколько ей сродни. Дочь этого господина Р—ва называлась тогда просто Вѣрочкой. Жоржъ, привыкнувъ видѣться съ нею часто, не находилъ въ ней ничего особеннаго, она же избѣгала его разговора. Разъ собралась большая компанія ѣхать въ Симоновъ монастырь къ всемогущей молиться, слушать лѣвчицъ и гулять. Это было весною; устались въ длинныя лямейки, запряженныя каждая въ шесть лошадей, и тронулись съ Арбата веселымъ караваномъ. Солнце склонялось къ Воробьевымъ Горамъ, и вечеръ былъ въ самомъ дѣлѣ прекрасенъ.

По какому-то случаю Жоржу пришлось сидѣть рядомъ съ Вѣрочкой. Онъ этимъ былъ сначала недоволенъ. Ея семнадцатилѣтняя свѣжесть и скромность казались ему вѣрыными признаками холодности и черезчуръ приторной сердечной невинности: кто изъ насъ въ девятнадцать лѣтъ не бросался очертя голову во слѣдъ отцвѣтающей кокеткѣ, которыхъ слова и взгляды полны обѣщаній и души которыхъ подобны выкрашеннымъ гробамъ притчи. Наружность ихъ—блескъ очаровательный, внутри—смерть и прахъ.

Выѣхавъ уже за городъ, когда растворенный воздухъ вечера освѣжилъ веселыхъ путешественниковъ, Жоржъ разго-

ворился со своею сестрой. Разговоръ ея былъ простъ, живъ и довольно свободенъ. Она была нѣсколько мечтательна, но не старалась этого выказывать, напротивъ стыдилась этого какъ слабости. Сужденія Жоржа въ то время были рѣзки, полны противорѣчій, хотя оригинальны какъ вообще сужденія молодыхъ людей воспитанныхъ въ Москвѣ и привыкшихъ безъ принужденія посторонняго развивать свои мысли.

Наконецъ прѣехали въ монастырь. За всеюношю ходили осматривать стѣны, кладбище, лазили на площадку западной башни, ту самую откуда въ древнія времена наши предки слѣдили движенія и послѣдній Новикъ открылъ такъ поздно имя свое и судьбу свою и свое изгнанническое имя. Жоржъ не отставалъ отъ Вѣрочки, потому что неловко было бѣ уйти не кончивъ разговора, а разговоръ былъ такого рода что могъ продолжиться до безконечности. Онъ и продолжался все время всеюношю, исключая тѣхъ минутъ когда дивный хоръ монаховъ и голосъ отца Виктора погружалъ ихъ въ безмолвное умиленіе. Но за то послѣ этихъ минутъ разгоряченное воображеніе и чувства взволнованныя звуками давали новую пищу для мыслей и словъ. Послѣ всеюношю опять гуляли и возвратились въ городъ тѣмъ же порядкомъ очень поздно. Жоржъ весь слѣдующій день думалъ объ этомъ вечерѣ, потомъ поѣхалъ къ Р—вымъ чтобы поговорить объ немъ и передать свои впечатлѣнія той съ которою онъ ихъ раздѣлялъ. Визиты дѣлались чаще и продолжительнѣе. По короткости обоимъ домовъ они не могли обратить на себя никакого подозрѣнія; такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ, и они убѣдились оба что влюблены другъ въ друга до безумія. Въ ихъ лѣта, когда страсть есть наслажденіе безъ примѣси заботъ, страха и раскаянія, очень легко убѣдиться во всемъ. У Жоржа была богатая тетюшка которая въ той же степени была родня и Р—вымъ. Тетюшка пригласила оба семейства погостить къ себѣ въ Подмосковную недѣлю на двѣ; домъ у нея былъ огромный, сады большіе, однимъ словомъ всѣ удобства. Частыя прогулки сблизили еще болѣе Жоржа съ Вѣрочкой; несмотря на толпу мадамовъ и дѣтей тетюшки, они какъ-то всегда находили средство быть вдвоемъ: средство впрочемъ очень легкое если обоимъ этого хочется.

Между тѣмъ въ университетѣ шелъ экзамень. Жоржъ туда и не явился. Разумѣется онъ не получилъ аттестата, но о будущемъ онъ не заботился и увѣрилъ мать что экзамень

отложенъ еще на три недѣли и что онъ все знаетъ. Вечернія прогулки имѣли необходимымъ слѣдствіемъ объясненіе, потомъ клятвы въ вѣрности. Наконецъ, когда двухнедѣльный срокъ кончился, надобно было возвращаться въ Москву. Наканунѣ рождоваго дня (это было вечеромъ) они стояли вдвоемъ на балконѣ. Какой-то невидимый демонъ сблизилъ ихъ руки и уста въ безмолвное пожатіе, въ безмолвный поцѣлуй... Они испугались самихъ себя; и хотя Жоржъ равно съ помощью товарищей вступилъ на соблазнительное полприще разврата, но чистая и невинная дѣвушка была еще для него святыней. На другой день, садясь въ экипажи, они раскланялись попрежнему очень учтиво, но Вѣрочка покраснѣла и глаза ея блистали.

Обманъ Жоржа открылся какъ скоро пріѣхали въ Москву. Отчаяніе Татьяны Дмитриевны было ужасно, бравъ ея неустойчива. Жоржъ съ покорностью и молча выслушалъ все какъ стоиць; но гроза невидимая собиралась надъ нимъ. Въ комитетѣ дядюшекъ и тетюшекъ было положено что его надобно отправить въ Петербургъ и отдать въ юнкерскую школу. Другаго спасенія они для него не видали. Тамъ, говорили они, его прошколятъ и выучатъ дисциплинѣ.

Въ это время открывалась Польская кампанія. Вся молодежь слѣшила опредѣляться въ полки. Вступать въ школу было для Жоржа невыгодно, потому что юнкера 2го класса не должны были идти въ походъ. Онъ почти на колѣнахъ выпросилъ у матери позволеніе вступить въ Н..... гусарскій полкъ, стоявшій не далеко отъ Москвы. Послѣ многоаго плаканья и оханья получилъ онъ ея благословеніе. Но самое трудное оставалось ему еще сдѣлать: надобно было объявить объ этомъ Вѣрочкѣ. Онъ былъ такъ еще невиненъ душой что боялся убить ее неожиданнымъ извѣстіемъ. Однакожь она выслушала его молча и устремила на него укоризненный взглядъ, не вѣря чтобы какія бы то ни было обстоятельства могли его заставить разлучиться съ нею. Клятва и обѣщанія ее успокоили.

Черезъ нѣсколько дней Жоржъ пріѣхалъ къ Р—вымъ чтобъ окончательно проститься. Вѣрочка была очень блѣдна. Онъ посидѣлъ недолго въ гостиной, когда же вышелъ, то она, пробѣжавъ черезъ другія двери, встрѣтила его въ залѣ. Она сама схватила его за руку, крѣпко ее сжала и произнесла не вѣрнымъ голосомъ: „Я никогда не буду принадлежать другому“.

Бѣдная, она дрожала всѣмъ тѣломъ. Эти ощущенія для нея были такъ новы, она такъ боялась потерять друга, она такъ была увѣрена въ собственномъ сердцѣ. Налечталъ въ жаркій поцѣлуй на холодномъ дѣвственномъ челѣ ея, Жоржъ посадилъ ее на стулъ, опрометью сбѣжалъ съ лѣстницы и поспешилъ домой. Вечеромъ пришелъ лакей отъ Р—выхъ къ Татьянѣ Дмитриевнѣ просить стклаяку съ какими-то каллами и спирту, потому что дескать барышня очень нездорова и раза три была безъ памяти. Это былъ ужасный ударъ для Жоржа. Онъ цѣлую ночь не спалъ, чѣмъ свѣтъ сѣлъ въ дорожную коляску и отправился въ свой полкъ.

До сихъ поръ, любезные читатели, вы видѣли что любовь моихъ героевъ не выходила изъ общихъ правилъ всѣхъ романовъ и всякой начинающейся любви. Но за то въ послѣдствіи, о! въ послѣдствіи вы увидите и услышите чудныя вещи.

Печоринъ въ продолженіе кампаніи отличался какъ отличается всякій русскій кавалеръ, дрался храбро какъ всякій русскій солдатъ, любезничалъ со многими ланнами, но минуты послѣдняго разставанья и милый образъ Вѣрочки постоянно тревожили его воображеніе. Чудное дѣло! Онъ ухаживалъ съ твердымъ намѣреніемъ ее забыть, а вышло наоборотъ (что почти всегда и выходитъ въ такихъ случаяхъ). Впрочемъ Печоринъ имѣлъ самый несчастный нравъ: впечатлѣнія сначала легкія постепенно врѣзывались въ его умъ все глубже и глубже, такъ что въ послѣдствіи эта любовь приобрѣла надъ его сердцемъ право давности, священнѣйшее изъ всѣхъ правъ человечества.

Послѣ взятія Варшавы, онъ былъ переведенъ въ гвардію. Мать его съ сестрой перѣехали жить въ Петербургъ, Варенька привезла ему поклонъ отъ своей милой Вѣрочки, какъ она ее называла,—ничего больше какъ поклонъ. Печорина это огорчило—онъ тогда еще не ловилъ женщинъ. Тайная досада была одна изъ причинъ по которымъ онъ сталъ вполнѣ за Елизаветой Николаевной. Слухи объ этомъ вѣроятно дошли до Вѣрочки. Черезъ полтора года онъ узналъ что она вышла замужъ, черезъ два года пріѣхала въ Петербургъ уже не Вѣрочка, а княгиня Лиговская съ княземъ Степаномъ Степановичемъ.

Тутъ кажется мы остановились въ предыдущей главѣ.

VI.

Дни черезъ три послѣ того какъ Печоринъ былъ у князя, Татьяна Дмитриевна пригласила нѣсколько человѣкъ знакомыхъ и родныхъ отобѣдать. Степанъ Степановичъ съ подругой былъ разумѣется въ ихъ числѣ.

Печоринъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ и хотѣлъ уже одѣваться чтобы выйти въ гостиную когда вошелъ къ нему артиллерійскій офицеръ.

— А, Браницкій, воскликнулъ Печоринъ, — я очень радъ что ты такъ кстати заѣхалъ, ты непременно будешь у насъ обѣдать. Вообрази, у насъ нынѣ полною домъ молодыхъ дѣвушекъ, и я одинъ отдаю имъ на жертву. Ты всѣхъ ихъ знаешь, сдѣлай одоженіе останься обѣдать!

— Ты такъ убѣдительно просишь, отвѣчалъ Браницкій, — какъ будто предчувствуешь отказъ.

— Нѣтъ, ты не смѣешь отказать, сказалъ Печоринъ.

Онъ кивнулъ человѣка и велѣлъ отпустить сани Браницкаго домой.

Дальнѣйшій разговоръ ихъ я не передаю, потому что онъ былъ безсвязенъ и пусть, какъ разговоры всѣхъ молодыхъ людей которымъ нечего дѣлать. И въ самомъ дѣлѣ, скажите о чемъ могутъ говорить молодые люди? Заласъ новостей скоро истощается, въ политику благоразуміе мѣшаетъ лускаться, о службѣ и такъ слыхкомъ много толкують на службѣ, а женщины въ нашъ варварскій вѣкъ утратили въ половину прежнее всеобщее свое вліяніе. Влюбиться кажется уже стыдно, говорить объ этомъ смѣшно.

Когда нѣсколько гостей съѣхалось, Печоринъ и Браницкій вошли въ гостиную. Тамъ на трехъ столахъ играли въ вистъ. Покуда маменьки считали козыри, дочки, усѣвшись вокругъ небольшого столика, разговаривали о послѣднемъ балѣ, о новыхъ модахъ. Офицеры подошли къ нимъ, Браницкій искусно оживилъ непринужденною болтовней ихъ небольшой кружокъ. Печоринъ былъ разсѣянъ. Онъ давно замѣчалъ что Браницкій ухаживалъ за его сестрой и, не входя въ разсмотрѣніе дальнѣйшихъ слѣдствій, не тревожилъ пріятеля наблюденіемъ, а сестру нескромными вопросами. Варенькѣ казалось очень пріятно что такой ловкій молодой человѣкъ примѣтно отличаетъ ее отъ другихъ, ее, которая даже еще не выѣзжаетъ:

Мало-по-малу гости съѣзжались. Князь Лиговской и княгиня пріѣхали одни изъ послѣднихъ. Варяжка бросилась навстрѣчу своей старой пріятельницѣ, княгиня лопѣловала ее съ видомъ локровительства. Вскорѣ сѣли за столъ.

Столовая была роскошно убранная комната, увѣшенная картинами въ огромныхъ золотыхъ рамахъ. Ихъ темная и старинная живопись находилась въ рѣзкой противоположности съ украшеніями комнаты, легкими, какъ все что въ новѣйшемъ вкусѣ. Дѣйствующія лица этихъ картинъ были одни полунагія, другія живописно завернуты въ греческія мантии или одѣты въ испанскіе костюмы въ широкополыхъ шляпахъ съ перьями, съ прорѣзными рукавами, пышными манжетами. Брошенная на этотъ холстъ рукой художника въ самыя блестящія минуты ихъ миеологической или феодальной жизни, казалось строго смотрѣли на дѣйствующихъ лицъ этой комнаты, озаренныхъ сотней свѣчъ, не помышляющихъ о будущемъ, еще менѣе о прошедшемъ, съѣхавшихся на пышный обѣдъ не столько для того чтобы насладиться дарами роскоши, но чтобы удовлетворить тщеславію ума, тщеславію богатства, другіе изъ любопытства, изъ приличія или для какихъ-либо другихъ сокровенныхъ цѣлей. Въ одеждѣ этихъ людей, такъ чинно сидѣвшихъ вокругъ длиннаго стола уставленнаго серебромъ и фарфоромъ, также какъ въ ихъ помыслахъ были перемѣшаны всѣ вѣка. Въ одеждахъ ихъ встрѣчались глубочайшая древность съ самою послѣднею выдумкой парижской модистки, греческія прически увиты гирляндами изъ поддѣльныхъ цвѣтовъ, готическія серьги, еврейскіе тюрбаны, далѣе волосы вздернутые къ верху à la chinoise, булки à la Sevigné, пышныя платья на подобіе фижмы, рукава чрезвычайно широкіе или чрезвычайно узкіе. У мужчинъ прически à la jenne France, à la Rnase, à la mouen âge, à la Titus, гладкіе подбородки, усы, эспаньелки, бакенбарды и даже бороды. Кстати было бы тутъ привести стихъ Пушкина: „какая смѣсь одеждъ и лицъ“! Понятія же этого общества были такая путаница которую я не берусь объяснить.

Печорину пришлось сидѣть наискось противу княгини Вѣры Дмитріевны. Сосѣдъ его по лѣвую руку былъ какой-то рыжій господинъ увѣшанный крестами, который ѣздилъ къ намъ въ домъ только на званые обѣды, по правую же сторону Печорина сидѣла дама лѣтъ тридцати, чрезвычайно свѣжая и моложавая, въ малиновомъ токъ съ перьями и съ гордымъ

видомъ, потому что она слыла неприступною добродѣтелью. Изъ этого мы видимъ что Печоринъ какъ хозяинъ избралъ самое дурное мѣсто за столомъ.

Возлѣ Вѣры Дмитріевны сидѣла по одну сторону старушка разряженная какъ кукла, съ сѣдыми бровями и черными жуками; по другую дипломатъ, длинный и блѣдный, причесанный à la Russe и говорившій по-русски хуже всякаго Француза. Послѣ втораго блюда разговоръ началъ оживляться.

— Такъ какъ вы недавно въ Петербургѣ, говорилъ дипломатъ княгинѣ,—то вѣроятно не успѣли еще вкусить и достигнуть всѣхъ предестинъ здѣшней жизни. Эти зданія, которыя съ перваго взгляда васъ только удивляютъ какъ все великое, со временемъ срѣдаются для васъ безцѣнны, когда вы вспомните что здѣсь развилось и выросло наше просвѣщеніе и когда увидите что оно въ нихъ усиливается легко и пріятно. Всякій Русскій долженъ любить Петербургъ: здѣсь все что есть лучшаго русской молодежи какъ бы нарочно собралось чтобы подать дружескую руку Европѣ. Москва только великолѣпный памятникъ, пышная и безмолвная гробница минувшаго; здѣсь жизнь, здѣсь наши надежды.

Такъ высокопарно и мудро говорилъ худощавый дипломатъ, который имѣлъ претензію быть великимъ патриотомъ. Княгиня улыбаулась и отвѣчала разсѣянно.

— Можетъ-быть современемъ я полюбю и Петербургъ, но мы, женщины, такъ легко предаемся привычкамъ сердца и такъ мало думаемъ къ сожалѣнію о всеобщемъ просвѣщеніи, о славѣ государствъ! Я люблю Москву. Съ воспоминаемъ о ней связана память о томъ счастливомъ времени! А здѣсь, здѣсь все такъ холодно, такъ мертво. О, это не мое мнѣніе: это мнѣніе здѣшнихъ жителей. Говорятъ что въѣхавъ разъ въ Петербургскую заставу люди мнѣются совершенно...

Эти слова она сказала улыбаясь дипломату и взглянувъ на Печорина. Дипломатъ взбѣленился:

— Какія ужасныя клеветы про нашъ милый городъ, воскликнулъ онъ,—а все это старая слетница Москва которая изъ зависти клеветаетъ на молодую свою соперницу.

При словѣ старая слетница разряженная старушка затрясла головой и чуть-чуть не подавилась спаржей.

— Чтобы рѣшить нашъ споръ, продолжалъ дипломатъ,—выберемте посредника, княгиня: вотъ хоть Григорія Александро-

виза, онъ очень прілежно слушалъ нашъ разговоръ. Какъ вы думаете, объ этомъ, monsieur Печоринъ? скажите по совѣсти и не принесите меня въ жертву учтивости. Вы одобряете мой выборъ, княгиня?

— Вы выбрали судью довольно строгаго, отвѣчала она.

— Какъ быть, нашъ братъ всегда наблюдаетъ свои выгоды, возразилъ дипломатъ съ самодовольною улыбкой.—Monsieur Печоринъ, извольте же рѣшить.

— Мнѣ очень жаль, сказалъ Печоринъ,—что вы ошиблись въ своемъ выборѣ. Изъ всего вашего спора я слышалъ только то что сказала княгиня.

Лицо дипломата вытянулось.

— Однакожь, сказалъ онъ,—Москва или Петербургу отдадите вы преимущество?

— Москва моя родина, отвѣчалъ Печоринъ, стараясь отдѣлаться.

— Однакожь которая?... Дипломатъ настаивалъ съ упрямствомъ.

— Я думаю, прервалъ его Печоринъ,—что ни зданія, ни просвѣщеніе, ни старина не имѣютъ вліянія на счастье и веселость. А мѣняются люди за Петербургскою заставой и за московскимъ пламбаумомъ потому что еслибы люди не мѣнялись, было бы очень скучно.

— Послѣ такого рѣшенія, княгиня, сказалъ дипломатъ,—я уступаю свое дипломатическое званіе гослoдиy Печорину. Онъ увернулся отъ рѣшительнаго отвѣта какъ Талейранъ или Меттернихъ.

— Григорій Александровичъ, возразила княгиня,—не увлекается страстью или пристрастіемъ, онъ слѣдуетъ одному холодному разсудку.

— Это правда, отвѣчалъ Печоринъ,—я теперь сталъ взвѣшивать слова свои и разчитывать поступки, слѣдуя примѣру другихъ. Когда я увлекался чувствомъ и воображеніемъ, надо мною смѣялись и пользовались моимъ простосердечіемъ. Но кто же въ своей жизни не дѣлалъ глупостей! и кто не раскаивался! Теперь по чести я готовъ пожертвовать самою чистѣйшею, самою воздушною любовью, для трехъ тысячъ душъ съ винокуреннымъ заводомъ и для какого-нибудь графскаго герба на дверцахъ кареты. Надобно пользоваться случаемъ, такіа вещи не падаютъ съ неба. Не правда ли?

Столь неожиданный вопросъ былъ сдѣланъ дамѣ въ малиновомъ беретѣ.

Молчавшая добродѣтель пробудилась при этомъ неожиданномъ вопросѣ, и страусовыя перья заколыхались на беретѣ. Она не могла тотчасъ отвѣтить, потому что ея невинные зубки жевали кусокъ рябчика съ самымъ добродѣтельнымъ стараніемъ. Всѣ съ терпѣніемъ молча ожидали ея отвѣта. Наконецъ она открыла уста и важно молвила:

— Ко мнѣ ли вашъ вопросъ относится?

— Если вы позволите, отвѣчалъ Печоринъ.

— Не хотите ли вы раздѣлить со мною вашу роль посредника и судьи?

— Я бы желалъ вамъ передать ее совсѣмъ!

— Ахъ, избавьте!

Въ эту минуту ей подали какое-то жирное блюдо, она положила себѣ на тарелку и продолжала:

— Вотъ адресуйтесь къ княгинѣ. Она, я думаю, гораздо лучше можетъ судить о любви и о графскомъ или о княжескомъ титулѣ.

— Я желалъ бы слышать ваше мнѣніе, сказалъ Печоринъ, — и рѣшился любить вашу скромность упрямствомъ.

— Вы не первые и вашъ это не удастся, сказала она съ презрительною улыбкой. — Притомъ я не имѣю никакого мнѣнія о любви.

— Помилуйте! въ ваши лѣта не имѣть никакого мнѣнія о такомъ важномъ предметѣ для всякой женщины.

Добродѣтель обидѣлась.

— То-есть я слишкомъ стара, воскликнула она, покраснѣвъ.

— Напротивъ, я хотѣлъ сказать что вы еще такъ молоды.

— Слава Богу, я ужъ не ребенокъ... Вы оправдались очень неудачно.

— Что дѣлать! Я вижу что увеличилъ единицей несмѣтное число несчастныхъ которые вамъ напрасно стараются поправиться...

Она отъ него отвернулась, а онъ чуть не засмѣялся вслухъ.

— Кто эта дама? шепотомъ спросилъ у него рыжій господинъ съ крестами.

— Баронесса Штраль, отвѣчалъ Печоринъ.

— Аа! сдѣлалъ рыжій господинъ.

— Вы, конечно, объ ней много слышали?

— Нѣтъ-съ, ничего формально.

— Она уморила двухъ мужей, продолжалъ Печоринъ, — теперь за третьимъ, который вѣрно ее переживетъ.

— Ого! сказалъ рѣжій господинъ и продолжалъ уписывать союзъ увязанный триофелами.

Такимъ образомъ разговоръ прекратился, но дипломатъ взялъ на себя трудъ возобновить его.

— Если вы любите искусство, сказалъ онъ обращаясь къ княгинѣ,—то я могу вамъ сказать весьма пріятную новость: картина Брюлова *Последній день Помпеи* ѣдетъ въ Петербургъ. Про нее кричала вся Италия, Французъ ее разбранилъ. Теперь любопытно знать куда склонится русская публика— на сторону истиннаго вкуса, или на сторону моды.

Княгиня ничего не отвѣчала, она была въ разсѣянности. Глаза ея бродили безъ цѣли вдоль по стѣнамъ комнаты, и слово „картина“ только заставило ее остановиться на изображеніи какой-то испанской сцены, висѣвшемъ противу нея. Это была старинная картина, довольно посредственная, но получившая цѣнность отъ того что краски ея полиняли и лакъ растрескался. На ней были изображены три фигуры: старый и сѣдой мужчина сидя на бархатныхъ креслахъ обнималъ одною рукою молодую женщину, въ другой держалъ онъ бокалъ съ виномъ; онъ приближалъ свои румяныя губы къ вѣчной цекѣ этой женщины, и проливалъ вино ей на платье. Она какъ бы нехотя повиновалась его грубымъ ласкамъ, перегнувшись черезъ ручку кресель и облокотясь на его плечо, отворачивалась въ сторону, прижимая лапцы къ устамъ и устремивъ глаза на полуотворенную дверь, изъ-за которой во мракѣ сверкали два яркіе глаза и кивжалъ.

Княгиня нѣсколько минутъ со вниманіемъ смотрѣла на эту картину и наконецъ спросила дипломата объяснить ея содержаніе.

Дипломатъ вынулъ изъ-за галстука лорнетъ, прищурился, заводилъ его въ разные наирядленіякъ на темный холстъ и заключилъ тѣмъ что это должна быть копія съ Рембранта или Мурильо.

— Впрочемъ, прибавилъ онъ,—хозяинъ ея долженъ лучше знать что она изображаетъ.

— Я не хочу вторично затруднять Григорія Александровича разрѣшеніями вопросовъ, сказала Вѣра Дмитриевна, и опять устремила глаза на картину.

— Сюжетъ ея очень простъ, сказалъ Печоринъ, не дожидаясь чтобъ его просили.—Здѣсь изображена женщина которая оставила и обманула любовника для того чтобъ удобнее обманывать богатаго и глухаго старика. Въ эту минуту

она кажется что-то у него выпрашиваетъ и удерживаетъ бѣшенство любовника ложными обѣщаніями. Когда она выманить искусственнымъ подѣлуемъ все что ей хочется, она сама откроетъ дверь и будетъ хладнокровою свидѣтельницей убійства.

— Ахъ, это ужасно! воскликнула княгиня.

— Можетъ-быть я ошибаюсь давъ такой смыслъ этому изображенію, продолжалъ Печоринъ,—мое истолкованіе совершенно произвольное.

— Неужели вы думаете что подобное коварство можетъ существовать въ сердцѣ женщины?

— Княгиня, отвѣчалъ Печоринъ сухо,—я прежде имѣлъ глупость думать что можно понимать женское сердце. Послѣдніе случаи моей жизни меня убѣдили въ противномъ, и поэтому я не могу рѣшительно отвѣтить на вашу вопросъ.

Княгиня покраснѣла, дипломатъ обратилъ на нее испытующій взоръ и сталъ что-то чертить вилкой на днѣ своей тарелки. Дама въ малиновомъ беретѣ была какъ на иголкахъ слыша такіе ужасы и старалась отодвинуть свой стулъ отъ Печорина, а рыжій господинъ съ крестами значительно улыбнулся и проглотилъ три трюфеля разомъ.

Остальное время обѣда, дипломатъ и Печоринъ молчали, княгиня завела разговоръ со старушкой, добродѣтель горячо о чемъ-то спорила со своею соседкой съ правой стороны, рыжій господинъ ѣлъ.

За десертомъ, когда подали шампанское, Печоринъ поднявъ бокалъ обратился къ княгинѣ:

— Такъ какъ я не имѣлъ счастья быть на вашей свадьбѣ, то позвольте поздравить васъ теперь.

Она посмотрѣла на него съ удивленіемъ и ничего не отвѣчала. Тайное страданіе изображалось на ея лицѣ столь измѣнчивомъ, рука державшая стаканъ съ водою дрожала... Печоринъ все это видѣлъ, и нѣчто похожее на раскаяніе закралось въ грудь его: за что онъ ее мучилъ? съ какою цѣлью? какую пользу могло ему принести это мелочное мщеніе?... Онъ себѣ въ этомъ не могъ дать подробнаго отчета. Вскорѣ стулья зашумѣли; встали изъ стола и пошли въ приемныя комнаты... Лакеи на серебряныхъ подносахъ стали разносить кофе; нѣкоторые мушкетеры не играшіе въ вистъ, и въ ихъ числѣ князь Степанъ Степановичъ, пошли въ кабинетъ Печорина курить трубки, а княгиня подъ предлогомъ что развѣдись доконы удалилась въ комнату Вареньки:

Она притворила за собою двери, бросилась въ широкія кресла. Необъяснимое чувство стѣснѣло ея грудь, слезы набѣжали на рѣсницы, стали капать чаще и чаще на ея разгорѣвшіяся ланиты, и она плакала, горько плакала локуда ей не пришло въ мысль что съ красными глазами неловко будетъ показаться въ гостиную. Тогда она встала, подошла къ зеркалу, осушила глаза, натерла виски одеколономъ и духами которые въ цвѣтныхъ и граненыхъ сткляночкахъ стояли на туалетѣ. По временамъ она еще всхлипывала и грудь ея подымалась высоко, но это были послѣднія волны забытыя на гладкомъ морѣ пролетѣвшимъ ураганомъ.

О чемъ же она плакала? спрашиваете вы, и я васъ спрошу о чемъ женщины не плачутъ: слезы ихъ оружіе нападетельное и оборонительное. Досада, радость, безсильная ненависть, безсильная любовь, имѣютъ у нихъ одно выраженіе. Вѣра Дмитриевна сама не смѣла дать отчета какое изъ этихъ чувствъ было главною причиною ея слезъ. Слова Печорина глубоко ее оскорбили, но страшно, она его за это не возненавидѣла. Можетъ-быть еслибы въ его упрекѣ проглядывало сожалѣніе о минувшемъ, желаніе ей снова нравиться, она бы сумѣла отвѣчать ему полною насмѣшкой и равнодушіемъ, но казалось въ немъ было оскорблено одно самолюбіе, а не сердце,—самаа слабая часть мужчины, подобная пяткѣ Ахиллеса,—и по этой причинѣ оно въ этомъ сраженіи оставалось внѣ ея выстрѣловъ. Казалось, Печоринъ гордо вызывалъ на бой ея ненависть чтобъ увѣриться такъ же ли она будетъ недолговременна какъ любовь ея, и оны достигъ своей цѣли. Ея чувства взволновались, ея мысли смутились, первое впечатлѣніе было сильное, а отъ перваго впечатлѣнія зависѣло все остальное: оны это знали и знали также что самая ненависть ближе къ любви нежели равнодушіе.

Княгиня уже собиралась возвратиться въ гостиную какъ вдругъ дверь легонько скрикнула и вошла Варенька.

— Я тебя искала, сѣге аміе, воскликнула она,—ты кажеться нездорова....

Вѣра Дмитриевна томно улыбнулась ей и сказала:

— У меня болитъ голова, тамъ такъ жарко....

— Я за столомъ часто на тебя взглядывала, продолжала Варенька,—ты все время молчала. Мнѣ досадно было что я не сѣла возлѣ тебя, тогда можетъ-быть тебѣ не было бы такъ окучно.

— Мнѣ вовсе не было скучно, отвѣчала княгиня, горько улыбувшись,—Григорій Александровичъ былъ очень любезенъ.

— Послушай, мой ангелъ, я не хочу чтобы ты называла брата Григорій Александровичъ. Григорій Александровичъ— это такъ важно: точно вы будто вчера только познакомились. Отчего не называть его просто Жоржъ, какъ прежде, онъ такой добрый.

— О, я этого послѣдняго достоинства въ немъ нынѣ не замѣтила, онъ мнѣ нынѣ наговорилъ такихъ вещей которыхъ бы другая ему никогда не простила.

Вѣра Дмитриевна почувствовала что проговорила, но успокоилась тѣмъ что Варенька вѣтреная дѣвочка, не обратитъ вниманія на ея послѣднія слова или скоро позабудетъ ихъ. Вѣра Дмитриевна къ несчастію ея была одна изъ тѣхъ женщинъ которыя обыкновенно осторожныѣ и скромныѣ другихъ, но въ минуты страсти проговариваются.

Полправа свои локоны предъ зеркаломъ, она взяла подъ руку Вареньку и обѣ возвратились въ гостиную, а мы пойдѣмъ въ кабинетъ Печорина, гдѣ собралось вѣсколько молодыхъ людей и гдѣ князь Степанъ Степановичъ съ сигаркой въ зубахъ тщетно старался вмѣшиваться въ ихъ разговоръ. Онъ не зналъ ни одной петербургской актрисы, не зналъ каюча ни одной городской интриги, и какъ пріѣзжіи изъ другаго города, не могъ разказать ни одной интересной новости. Женившись на молодой женщинѣ онъ старался казаться молодымъ на зло подставнымъ зубамъ и нѣкоторымъ морщинамъ. Въ продолженіе всей своей молодости этотъ человѣкъ не пристрастился ни къ чему—ни къ женщинамъ, ни къ вину, ни къ картамъ, ни къ лощетямъ, и со всѣмъ тѣмъ, въ угодность товарищей и друзей, напивался очень часто, влюблялся раза три изъ угожденія въ женщинъ которыя хотѣли ему нравиться, проигралъ однажды тридцать тысячъ, когда была мода проигрывать, убилъ свое здоровье на службѣ потому что начальникамъ это было пріятно. Будучи эгоистъ въ высшей степени, онъ однако слылъ всегда добрымъ малымъ, готовымъ на всякія услуги, женился же онъ потому что всѣмъ роднымъ этого хотѣлось. Теперь онъ сидѣлъ противъ камина кура сигарку и доливая кофе и внимательно слушая разговоръ двухъ молодыхъ людей стоявшихъ противъ него. Одинъ изъ нихъ былъ артиллерійскій офицеръ Браницкій, другой статскій. Этотъ

последній былъ одно изъ характеристичныхъ лицъ петербургскаго общества.

Онъ былъ порядочнаго роста и такъ худъ что англійскаго покроа фракъ висѣлъ на плечахъ его какъ на вѣшалкѣ. Жесткій атласный галстукъ подпиралъ его угловатый подбородокъ. Ротъ его, лишенный губъ, походилъ на отверстіе прорѣзанное перочиннымъ ножикомъ въ картонной маскѣ. Щеки его влажныя и смугловатыя мѣстами были испещрены мелкими оспочками, слѣдами разрушительной оспы. Носъ его былъ прямой, одинаковой толщины во всей своей длинѣ, а нижняя оконечность какъ бы отрублена. Глаза, сѣрые и маленькіе, имѣли дерзкое выраженіе, брови были густы, лобъ узокъ и высокъ, волосы черны и острижены подъ гребенку, изъ-за галстука его выглядывала борода à la St. Simonienne.

Онъ былъ со всѣми знакомъ, служилъ гдѣ-то, ѣздилъ по порученіямъ, возвращаясь получалъ чины, бывалъ всегда въ среднѣмъ обществѣ и говорилъ про связи свои со знатныя, водочилса за богатыми невѣстами, подавалъ множество проектовъ, продавалъ разныя акціи, предлагалъ всѣмъ подписки на разныя книги, знакомъ былъ со всѣми литераторами и журналистами, приписывалъ себѣ многія безыменныя статьи въ журналахъ, издалъ брошюру которую никто не читалъ, былъ, по его словамъ, заваленъ кучей дѣлъ и цѣлое утро проводилъ на Невскомъ проспектѣ. Чтобы докончить портретъ скажу что фамилія его была малороссійская, хотя вмѣсто Горшенко онъ называлъ себя Горшенковъ.

— Что вы ко мнѣ никогда не заѣдете? говорилъ ему Браницкій.

— Повѣрите ли, я такъ занятъ, отвѣчалъ Горшенко, — вотъ завтра самъ долженъ докладывать министру; потомъ надобно ѣхать въ комитетъ, работы тѣмъ, не знаешь какъ отдѣлаться; еще надобно писать статью въ журналъ, потомъ надобно обѣдать у князя N, — всякій день гдѣ-нибудь на балѣ, вотъ хоть вынче у графини Ф. Такъ и быть ужъ пожертвую этою зимой, а лѣтомъ опять залпую въ свой кабинетъ, окружу себя бумагами и буду ѣздить только къ старымъ пріятелямъ.

Браницкій улыбулся и насвистывая арію изъ *Фенеллы* удалился.

Князь, который былъ мысленно занятъ своимъ дѣломъ, подумалъ что ему не худо будетъ познакомиться съ человекомъ который всѣхъ знаетъ и докладываетъ самъ министру.

Онъ завелъ съ нимъ разговоръ о политикѣ, о службѣ, потомъ о своемъ дѣлѣ, которое состояло въ тяжбѣ съ казною о 20.000 десятинахъ вѣсу. Наконецъ князь спросилъ у Горшенка не знаетъ ли онъ одного чиновника Красинскаго, у котораго въ столѣ разбирается его дѣло.

— Да, да, отвѣчалъ Горшенко,—знаю, видалъ, но онъ ничего не можетъ сдѣлать, адресуйтеся къ людямъ которые болѣе имѣютъ вѣсу. Я знаю эти дѣла, мнѣ часто ихъ навязывали, но я всегда отказывался.

Такой отвѣтъ поставилъ въ тупикъ князя Стелана Степановича. Ему показалось что предъ нимъ въ лицѣ Горшенка стоитъ весь комитетъ министровъ.

— Да, сказалъ онъ,—нынѣ эти вещи стали ужасно затруднительны.

Печоринъ, слышавшій разговоръ и узнавъ отъ князя въ какомъ департаментѣ его дѣло, общался отыскать Красинскаго и привезти его къ князю.

Степанъ Степановичъ въ восторгѣ отъ его любезности пожалъ ему руку и пригласилъ его заѣзжать къ себѣ всякій разъ когда ему нечего будетъ дѣлать.

VII.

На другой день Печоринъ былъ на службѣ, провелъ ночь въ дежурной комнатѣ и смѣнился въ двѣнадцать часовъ утра. Покуда онъ переодѣлся, прошелъ еще часъ. Когда онъ прѣхалъ въ департаментъ гдѣ служилъ чиновникъ Красинскій, ему сказали что этотъ чиновникъ куда-то ушелъ, Печорину дали его адресъ, и онъ отправился къ Обухову мосту. Остановясь у воротъ одного огромнаго дома, онъ вызвалъ дворника и спросилъ здѣсь ли живетъ чиновникъ Красинскій.

— Пожалуйте въ сорокъ девятый нумеръ, былъ отвѣтъ.

— А гдѣ входъ?

— Со двора-съ.

Сорокъ девятый нумеръ, и входъ со двора! этихъ ужасныхъ словъ не можетъ понять человѣкъ который не провелъ по крайней мѣрѣ половины жизни въ отысканіи разныхъ чиновниковъ. Сорокъ девятый нумеръ есть число мрачное и таинственное, подобное числу шестьсотъ шестьдесятъ шестой въ Апокалипсисѣ. Вы пробираетесь сначала черезъ узкій и

угловатый дворъ, по глубокому снѣгу, или по жидкой грязи; высокія пирамиды дровъ грозятъ ежеминутно подавить васъ своимъ паденіемъ, тяжелый запахъ, вѣдкій, отвратительный, отравляетъ ваше дыханіе, собаки ворчатъ при вашемъ появленіи, блѣдныя лица хранящія на себѣ ужасныя слѣды нищеты или распутства выглядываютъ сквозь узкія окна нижняго этажа. Наконецъ, послѣ многихъ распросовъ, вы находите желанную дверь, темную и узкую какъ дверь въ чистилище. Поскользнувшись на пороги вы летите двѣ ступени внизъ и попадаете ногами въ лужу образовавшуюся на каменномъ помостѣ, потомъ невѣрной рукой ощупываете лѣстницу и начинаете взбираться на верхъ. Взойдя на первый этажъ и остановившись на четверугольной площадкѣ, вы увидите нѣсколько дверей кругомъ себя, но увы, ни на одной нѣтъ номера. Начинаете стучать или звонить, и обыкновенно выходитъ кухарка съ сальной свѣчей, а изъ-за нея раздается брань, или плачь дѣтей.

— Кого вамъ угодно?

— Сорокъ девятый номеръ.

— Здѣсь эдакихъ нѣтъ-съ.

— Кто жь здѣсь живетъ?

Отвѣтъ бываетъ обыкновенно или какое-нибудь варварское имя, или: какое вамъ дѣло, ступайте выше. Дверь захлопывается. Во всѣхъ другихъ дверяхъ та же сцена повторяется въ разныхъ видахъ. Чѣмъ выше вы взбираетесь тѣмъ хуже. Софистъ-наблюдатель могъ бы заключить изъ этого что человѣкъ приближаясь къ небу улодобляется растенію которое на вершинахъ горъ теряетъ цвѣтъ и силу. Помучившись около часа вы наконецъ находите желанный сорокъ девятый номеръ или другой столько же таинственный, и то если дворникъ не былъ пьянъ и понялъ вашъ вопросъ, если не два чиновника съ одинаковымъ именемъ въ этомъ домѣ, если вы не попали на другую лѣстницу и т. д. Печоринъ претерпѣлъ всѣ эти мученія и наконецъ вокарабкавшись на четвертый этажъ постучалъ въ дверь. Вышла кухарка. Онъ сдѣлалъ обычный вопросъ, ему отвѣчали: здѣсь. Онъ взошелъ, снялъ шивель въ кухню и хотѣлъ идти далѣе, какъ вдругъ кухарка остановила его, сказавъ что г. Красивскій не воротился еще изъ департамента. Я подожду, отвѣчалъ онъ, и вошелъ. Кухарка слѣдовала за нимъ и разглядывала его съ видомъ удивленія. Бѣлый султанъ и красивый кавалерійскій мундиръ

были повидимому явленіе необыкновенное на четвертомъ этажѣ. При входѣ Печорина въ гостиную, если можно такъ назвать четырехугольную комнату украшенную единственнымъ столомъ покрытымъ клеенкой, предъ которымъ стоялъ старый диванъ и три стула, низенькая и опрятная старушка встала со своего мѣста и повторила вопросъ кухарки.

— Я щу господина Красинскаго, можетъ-быть я ошибся.

— Это мой сынъ, отвѣчала старушка,—онъ скоро будетъ.

— Если вы мнѣ позволите подождать... продолжалъ Печоринъ.

— Сдѣлайте одолженіе, прервала его старушка и торопливо придвинула стулъ.

Печоринъ сѣлъ. Окнувъ взоромъ комнату и все въ ней находившееся, ему стало какъ-то неловко: еслибы судьба неожиданно бросила его во дворецъ Персидскаго шаха, онъ бы скорѣе нашелся нежели теперь.

Старушкѣ съ перваго взгляда можно было дать лѣтъ шестьдесятъ, хотя она въ самомъ дѣлѣ была моложе, но ранняя печаль сгорбила ея станъ, иссушила кожу, которая сдѣлалась похожа цвѣтомъ на старый пергаментъ. Синеватыя жилы рисовались по ея прозрачнымъ рукамъ, лицо ея было сморщено. Въ однихъ ея маленькихъ глазахъ казалось сосредоточились всѣ ея жизненные силы, въ нихъ свѣтила необыкновенная доброжелательность и невозмутимое спокойствіе. Печоринъ, не зная какъ начать разговоръ, сталъ перелистывать книгу лежавшую на столѣ. Онъ думалъ вовсе не о книгѣ, но странное заглавіе привлекло его вниманіе: *Легчайшій способъ быть всегда богатымъ и счастливымъ*. Сочиненіе Н. П. Москва, въ тип. И. Глазунова, цѣна 25 копѣекъ. Улыбка появилась на лицѣ Печорина. Эта книжка какъ лустой лотерейный билетъ была рѣзкое изображеніе мечтаній, обманутыхъ надеждъ, несбыточныхъ, тщетныхъ усилій представить въ лучшемъ видѣ печальную дѣйствительность. Старушка замѣтила его улыбку и сказала:

— Я просила сына моего, прочитавъ объявленіе въ газетахъ, чтобъ онъ мнѣ досталъ эту книжку, да въ ней ничего нѣтъ.

— Я думаю, возразилъ Печоринъ,—что никакая книга не можетъ выучить быть счастливымъ. О, еслибы счастье было наука—дѣло другое!

— Разумѣется, возразила старуха,—утопающій за щепку

хватается; мы не всегда были въ такомъ положеніи какъ теперь. Мужъ мой былъ польскій дворянинъ, служилъ въ русской службѣ. Вслѣдствіе долгой тяжбы онъ потерялъ большую часть своего имѣнія, а остатки разграблены были въ послѣднюю войну. Однакоже я надѣюсь скоро все поправится. Мой сынъ,—продолжала она съ нѣкоторою гордостью,—имѣеть теперь очень хорошее мѣсто и хорошее жалованье.

Послѣ минутнаго молчанія она спросила:

— Вы, конечно, къ моему сыну по какому-нибудь дѣлу. Можетъ-быть вамъ скучно будетъ дожидаться, такъ не угодно ли сказать мнѣ, а ему передамъ.

— Мнѣ препоручалъ, отвѣчалъ Печоринъ,—князь Лиговскій попросить вашего сына чтобъ онъ сдѣлалъ одолженіе заѣхалъ къ нему. У князя есть тяжба которая теперь должна разсматриваться въ столѣ у г. Красинскаго. Я васъ попрошу передать ему адресъ князя. Вы меня очень одолжите, если уговорите вашего сына къ нему заѣхать хоть завтра вечеромъ: я тамъ буду.

Написавъ адресъ, Печоринъ раскланялся и подошелъ къ двери. Въ эту минуту дверь отворилась, и онъ вдругъ столкнулся съ человѣкомъ высокаго роста. Они взглянули другъ на друга, глаза ихъ встрѣтились, и каждый сдѣлалъ шагъ назадъ. Враждебныя чувства изобразились на обоихъ лицахъ, удивленіе сковало ихъ уста. Наконецъ Печоринъ чтобы выйти изъ этого страннаго положенія сказалъ почти шепотомъ:

— Милостивый государь, вспомните что я не зналъ что вы господинъ Красинскій, иначе бы я не имѣлъ счастья встрѣтиться съ вами здѣсь. Ваша матушка объяснитъ вамъ причину моего посѣщенія.

Они разошлись не поклонившись. Печоринъ уѣхалъ. Эта случайная игра судьбы сильно его потревожила, потому что онъ въ Красинскомъ узналъ того самаго чиновника котораго нѣсколько дней назадъ едва не задавилъ и съ которымъ имѣлъ въ театрѣ исторію.

Между тѣмъ Красинскій, не менѣе пораженный этою встрѣчей, сѣлъ противъ своей матери на кресла, опустилъ голову на руку и глубоко задумался, когда мать передала ему порученіе Печорина, стараясь объяснить какъ выгодно было бы взяться за дѣла князя, и стала удивляться тому что Печоринъ не объяснился самъ. Тогда Красинскій вдругъ вскочилъ со своего мѣста. Свѣтлая мысль озарила лицо его, и

воскликнулъ ударивъ рукой по столу.—Да, я пойду къ этому князю! Потомъ онъ сталъ ходить по комнатѣ мѣрными шагами, дѣлая иногда безсвязныя восклицанія. Старушка, ловидимому привыкшая къ такимъ страннымъ выходкамъ, смотрѣла на него безъ удивленія. Наконецъ онъ опять сѣлъ, вздохнулъ и посмотрѣлъ на мать съ такимъ видомъ чтобы только начать разговоръ. Она его угадала.

— Ну что, Станиславъ, сказала она,—скоро ли тебѣ выйдетъ награжденіе? у насъ денегъ осталось мало.

— Не знаю, отвѣчалъ онъ отрывисто.

— Ты вѣрно не сумѣлъ угодить начальнику отдѣленія, продолжала она,—ну что за бѣда что онъ твоими руками жаръ загребаетъ; придетъ и твое время, а покамѣстъ, если не будешь искать въ людяхъ, и Богъ тебя не взыщеть.

Горькое чувство изобразилось на прекрасномъ лицѣ Станислава. Онъ отвѣчалъ глухимъ голосомъ.

— Матушка, вы хотите чтобы я пожертвовалъ для васъ даже характеромъ; пожалуй, послѣ всѣхъ жертвъ которыя я принесъ вамъ, это будетъ капля воды въ морѣ.

Она подняла къ небу глаза полные слезъ, и молчаніе снова воцарилось. Станиславъ сталъ перелистывать книгу и вдругъ сказалъ не отрывая глазъ отъ параграфа гдѣ безымянный сочинитель доказывалъ что дружба есть ключъ истиннаго счастья:

— Знаете ли, матушка, кто этотъ офицеръ который былъ сегодня у насъ?

— Не знаю, а что?

— Мой смертельный врагъ, отвѣчалъ онъ.

Лицо старушки поблѣднѣло сколько могло, она всплеснула руками и воскликнула:

— Боже мой, чего же онъ отъ тебя хочетъ?

— Вѣроятно онъ мнѣ не желаетъ зла, но за то я имѣю сильную причину его ненавидѣть. Развѣ когда онъ сидѣлъ здѣсь противъ васъ, блистая золотыми эполетами, логлаживая бѣлый суданъ, развѣ вы не чувствовали, не догадались съ перваго взгляда что я долженъ непремѣнно его ненавидѣть. О, повѣрьте, мы еще не разъ съ нимъ встрѣтимся на дорогѣ жизни и встрѣтимся не такъ холодно какъ нынѣ. Да, я пойду къ этому князю,—какое-то тайное предчувствіе шепчетъ мнѣ чтобы я повиновался указаніямъ судьбы.

Напрасны были всѣ старанія услуганной матери узнать

причину такой глубокой ненависти. Станиславъ не хотѣлъ разказывать, какъ будто боялся что причина ей покажется слишкомъ ничтожна. Какъ все люди страстные и упорные, увлекаемые одною постоянною мыслию, онъ больше всего прелятетствій старался избѣгать убѣдешій разсудка, могущихъ отвлечь его отъ предположенной цѣли.

На другой день онъ одѣлся какъ можно лучше. Цѣлое утро онъ прилежно, можетъ-быть въ первый разъ отъ роду, разсматривалъ съ ногъ до головы департаментскихъ фрамтаковъ, чтобы выучиться показывать гаустукъ и заломнить сколько луговиць у жилета надобно застегнуть, и пожертвовалъ четвертакъ Фаге который безсовѣстно взбилъ его мягкія и волнистыя кудри въ жесткій и неуклюжій хоходъ. А когда пробило семь часовъ вечера, Красинскій отправился на Морскую, полный смутныхъ надеждъ и опасеній.

VIII.

У князя Лиговскаго были гости, кое-кто изъ родныхъ, когда Красинскій взомель въ лакейскую.

— Князь принимаетъ? спросилъ онъ нервѣнительно взглядывая то на того, то на другаго лакея.

— Мы не здѣшніе, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ, даже не приподнявшись съ барской стубы.

— Нельзя ли, любезный, вызвать швейцара?..

— Онъ вѣрно сейчасъ самъ выдетъ, былъ отвѣтъ, — а намъ нельзя!

Наконецъ явился швейцаръ.

— Князь Лиговскій дома?

— Пожалуйте-съ.

— Доложи что пришелъ Красинскій, — онъ меня знаетъ.

Швейцаръ отправился въ гостиную, и подойдя къ Степану Степановичу, сказалъ ему тихо:

— Господинъ Красинскій пріѣхалъ-съ, онъ говоритъ что вы изводите его знать.

— Какой Красинскій? Что ты врешь? воскликнулъ князь важно прищурясь.

Печоринъ, прислушавшись въ чемъ дѣло, поспѣшила на помощь сконфуженному швейцару.

— Это тотъ самый чиновникъ, сказалъ онъ,—у котораго выше дѣло. Я къ нему нынче забѣжалъ.

— А! очень обяжалъ, отвѣчалъ Степанъ Степановичъ.

Онъ пошелъ въ кабинетъ и велѣлъ просить туда чиновника.

Мы не будемъ слушать ихъ скучныхъ толковъ о запутанномъ дѣлѣ и останемся въ гостиной. Двѣ старушки, какой-то камергеръ и молодой человекъ обыкновенной наружности играли въ карты. Княгиня Вѣра и другая молодая дама сидѣли на канале возлѣ камина, слушаа Печорина, который, придвинувъ свое кресло къ камину, гдѣ сверкали остатки каменныхъ угольевъ, рассказывалъ имъ одно изъ своихъ походовъ во время Польской кампаніи. Когда Степанъ Степановичъ ушелъ, онъ занялъ праздное мѣсто чтобы находиться ближе къ княгинѣ.

— Итакъ вамъ велѣли отправиться со взводомъ въ эту деревню... сказала молодая дама (которую Вѣра называла кукзиной), продолжая прерванный разговоръ.

— И я, какъ разумѣется, отправился, хотя ночь была темная и дождливая, сказалъ Печоринъ,—мнѣ велѣно было отобрать у лава оружіе, если найдется, а его самого отправить въ главную квартиру... Я только что былъ произведенъ въ корнеты и это была первая моя откомандировка. Къ разсвѣту мы увидели предъ собой деревню съ каменнымъ господскимъ домомъ, у околицы мои гусары поймали мужика и притащили ко мнѣ. Показанія его объ имени и о числѣ жителей были согласны съ моею инструкціей.—А есть ли у вашего лава жена или дочери? спросилъ я.—Есть, пане калитане.—А какъ ихъ зовутъ, графиню жену вашего Острожскаго?—Графиня Рожа. Должна быть красавица, подумалъ я наморщась.—Ну а дочки ея такія же рожи какъ ихъ маменька?—Нѣтъ, пане калитане, старшая называется Амалія и меньшая Гвелина. Это еще ничего не доказываетъ, подумалъ я. Графиня Рожа меня мучила, я продолжалъ расспросы:—А что сама графиня Рожа старуха?—Ни пане, ей всего тридцать три года.—Какое несчастье! Мы въѣхали въ деревню и скоро остановились у воротъ замка. Я велѣлъ людямъ слѣзть и въ сопровожденіи унтеръ-офицера вошелъ въ домъ. Все было пусто. Пройдя нѣсколько комнатъ, я былъ встрѣченъ самымъ графомъ, дрожащимъ и блѣднымъ какъ полотно. Я объявилъ ему мое порученіе. Разумѣется онъ увѣралъ что у него нѣтъ оружія, отдалъ мнѣ ключи ото всѣхъ своихъ кладовыхъ и

между прочимъ предложилъ застракать. Послѣ второй рюмки хереса графъ сталъ просить позволенія представить мнѣ свою супругу и дочерей. — Помилуйте, отвѣчалъ я, — что за церемонія. Я признаться боюсь чтобъ эта Рожа не испортила моего аппетита. Но графъ настаивалъ и повидимому сильно надѣялся на могущественное вліяніе своей Рожи. Я еще отвѣкивался какъ вдругъ дверь открылась и вошла женщина высокая, стройная, въ черномъ платьѣ. Вообразите себѣ Польку и красавицу Польку въ ту минуту какъ она хочетъ обворожить русскаго офицера. Это была сама графиня Розалія или Роза, по простонародному Рожа.

Эта случайная игра словъ показалась очень забавна двумъ дамамъ. Онѣ смѣялись.

— Я предчувствую, вы влюбились въ эту Рожу? воскликнула наконецъ молодая дама, которую княгиня Вѣра называла кузиной.

— Это случилось бы, отвѣчалъ Печоринъ, — еслибъ я уже не любилъ другую.

— Ого! постоянство, сказала молодая дама. — Знаете что этою добродѣтелью не хвастаются?

— Во мнѣ это не добродѣтель, а хроническая болѣзнь.

— Вы однакоже выльщились?

— По крайней мѣрѣ лѣчусь, отвѣчалъ Печоринъ.

Княгиня на него быстро взглянула, на лицѣ ея изобразилось что-то похожее на удивленіе и радость. Потомъ вдругъ она сдѣлалась печальною. Этотъ быстрый переходъ чувствъ не ускользнулъ отъ вниманія Печорина. Онъ перемѣнилъ разговоръ. Анекдотъ остался неконченнымъ и скоро былъ забытъ среди веселой и непринужденной бесѣды. Наконецъ подали чай и вошелъ князь, а за нимъ Красавкѣй. Князь отрекомендовалъ его женѣ и просилъ садиться. Взоры маленькаго кружка обратились на него, и молчаніе воцарилось. Еслибъ князь былъ петербургскій житель, онъ задалъ бы ему застракъ въ 500 р.; если имѣлъ въ немъ нужду, даже пригласилъ бы его къ себѣ на балъ или на шумный раутъ потолкаться между раутнаго рода гостями, но ни за что въ мѣрѣ не ввелъ бы въ свою гостиную залпосто челоуѣка посторонняго и ни какимъ образомъ не принадлежащаго къ высшему кругу. Но князь воспитывался въ Москвѣ, а Москва такая гостеприимная старушка. Княгиня изъ вѣжливости обратилась къ

Красинскому съ нѣкоторыми вопросами. Онъ отвѣчалъ просто и коротко.

— Мы очень благодарны, сказала она наконецъ, — господину Печорину за то что онъ доставилъ намъ случай съ вами познакомиться.

При этихъ словахъ Печоринъ и Красинскій невольно взглянули другъ на друга и послѣдній отвѣчалъ скоро:

— Я еще болѣе васъ долженъ быть благодаренъ господину Печорину за эту неопѣвную услугу.

По губамъ Печорина пробѣжала улыбка которая могла бы выразиться слѣдующею фразой: „ого, нашъ чиновникъ лукается въ комплименты“. Понялъ ли Красинскій эту улыбку или же самъ испугаася своей смѣлости, потому что это былъ его первый комплиментъ сказанный женщиной такъ высоко поставленной надъ нимъ обществомъ, не знаю, но онъ покраснѣлъ и продолжалъ неувереннымъ тономъ:

— Повѣрьте, княгиня, что я никогда не забуду пріятныхъ минутъ которыя позволили вы мнѣ провести въ вашемъ обществѣ. Прошу васъ не сомнѣваться, я исполню все что будетъ зависеть отъ меня... и къ тому же ваше дѣло только запутано, но совершенно право.

— Скажите, спросила его княгиня съ тѣмъ участіемъ которое такъ похоже на обыкновенную вѣжливость, когда не знаютъ что сказать незнакомому человеку: — скажите, вы, я думаю, замучены дѣлами... Я воображаю эту скуку: съ утра до вечера писать и прочитывать длинныя и безсвязныя бумаги,—это нестерпимо: повѣрите, мой мужъ каждый день въ продолженіе года толкуетъ и объясняетъ мнѣ наше дѣло, а я до сихъ поръ ничего еще не понимаю.

„Какой любезный и занимательный супругъ“, подумалъ Печоринъ.

— Да и зачѣмъ вамъ, княгиня? сказалъ Красинскій:—Вашъ удѣлъ забавы, роскоши, а нашъ—трудъ и заботы; оно такъ и слѣдуетъ: елибы не мы, кто бы сталъ трудиться.

Наконецъ и этотъ разговоръ истощился. Красинскій всталъ, рассказываясь... Когда онъ ушелъ, кузина княгини замѣтила что онъ вовсе не такъ неловокъ какъ бы можно ожидать отъ чиновника и что онъ говоритъ вовсе не дурно. Княгиня прибавила: „et savez-vous, ma chère, qu'il est très bien!“ Печоринъ при этихъ словахъ сталъ превозносить до невозможности его ловкость и красоту: онъ увѣрялъ что никогда

не видывалъ такихъ темноглазыхъ глазъ ни у одного чиновника на свѣтѣ и угадывалъ что Красинскій судя по его глубокимъ замѣчаніямъ непремѣнно будетъ великимъ государственнымъ человѣкомъ, если не останется вѣчно титулярнымъ совѣтникомъ. „Я непремѣнно узнаю, прибавилъ онъ очень серьезно, есть ли у него университетскій аттестатъ.“ Ему удалось разсмѣшить двухъ дамъ и обратить разговоръ на другіе предметы. Несмотря на то выраженіе княгини глубоко врезалось въ его памяти. Оно показалось ему упрямомъ, хотя случайнымъ, но тѣмъ не менѣе язвительнымъ. Онъ прежде самъ восхищался благородною красотой лица Красинскаго, но когда женщина увлекавшая всѣ его думы и надежды обратила особенное вниманіе на эту красоту, онъ понялъ что она невольно сдѣлала сравненіе для него убійственное и ему почти показалось что онъ вторично потерялъ ее на вѣки и съ этой минуты въ свою очередь возненавидѣлъ Красинскаго. Грустно, а надо признаться что самая чистѣйшая любовь наполону перемѣшиана съ самолюбіемъ.

Увлекалась самъ наружною красотой и обладая умомъ рѣзкимъ и проицательнымъ, Печоринъ умѣлъ смотрѣть на себя съ безпристрастіемъ, и какъ обыкновенно люди съ пылкимъ воображеніемъ преувеличивалъ свои недостатки. Убѣдясь по собственному опыту какъ трудно влюбиться въ одни душевные качества, онъ сдѣлался недоумчивъ и привыкъ объяснять вниманіе или ласки женщинъ расчетомъ или случайностью. Въ томъ что казалось бы другому доказательствомъ вѣжливѣйшей любви, онъ пренебрежительно видѣлъ примѣты обманчивыя, слова сказанныя безъ намѣренія, взгляды, улыбки брошенныя на вѣтеръ, первому кто захочетъ ихъ поймать. Другой бы упалъ духомъ и уступилъ соперникамъ поле сраженія, но трудность борьбы увлекаетъ упорный характеръ, и Печоринъ далъ себѣ честное слово остаться любовителемъ. Слѣдя системъ своей и вооружась несноснымъ наружнымъ хладнокровіемъ и терпѣніемъ, онъ могъ бы разрушить лукавыя увертки самой искусной кокетки... Онъ зналъ аксіому что поздно или рано слабые характеры покоряются сильнымъ и непреклоннымъ, слѣдя какому-то закону природы, доселѣ необъяснимому. Можно было навѣрное сказать что онъ достигнетъ своей цѣли, если страсть, всемогущая страсть не разрушитъ какъ буря однимъ порывомъ высокіе подмостки его разсудка и стараній.. но это *если*, это

ужасное если, почти похоже на „если“ Архимеда, который обещался прилюдно разбить земной шаръ, если ему дадутъ точку опоры.

Толпа разныхъ мыслей осаждала умъ Печорина, такъ что къ концу вечера онъ сдѣлался разсѣянь и молчаливъ; князь Степанъ Степановичъ разказывалъ давнюю исторію, почерпнутую изъ семейныхъ преданій; дамы украдкой зѣвали.

— Отчего вы сдѣлались такъ печальны? спросила наконецъ Печорина кузина Вѣра Дмитриевна.

— Причину даже совѣстно объявить, отвѣчалъ Печоринъ.

— Однакожь!

— Зависть!

— Кому жь вы завидуете, напримѣръ?

— Не мнѣ ли? сказала князь, только улыбаясь и не воображая важности этого вопроса. Печорину тотчасъ пришло въ мысль что княгиня разказала мужу прежнюю ихъ любовь, покалалась въ ней какъ въ дѣтскомъ заблужденіи. Если такъ, то все было кончено между ними, и Печоринъ непременно могъ сдѣлаться предметомъ насмѣшекъ для супруговъ или жертвой коварнаго заговора. Я удивляюсь какъ это подозрѣніе не потревожило его прежде, но увѣраю васъ что оно пришло ему въ голову именно теперь. Онъ обещалъ себѣ постараться узнать, исповѣдывалась ли Вѣра своему мужу, и между тѣмъ отвѣчалъ:

— Нѣтъ, князь, не вамъ, хотя бы я могъ и всякій долженъ вамъ завидовать, но, признаюсь, я желалъ бы имѣть счастливый даръ этого Красивскаго—правиться всѣмъ съ перваго взгляда.

— Повѣрьте, отвѣчала княгиня,—кто скоро правится объ томъ скоро забываютъ.

— Боже мой! что на свѣтѣ не забывается? и если считать ни во что минутный успѣхъ, то гдѣ же счастье? Добиваешься прочной любви, прочной славы, прочнаго богатства,—глядись, смерть, болѣзнь, пожаръ, потопъ, война, миръ, соперникъ, перемена общаго мнѣнія—и всѣ труды пропали!... А забвенье? забвенье равно неумолимо къ минутамъ и столѣтіямъ. Еслибы меня спросили чего я хочу,—минуту полнаго блаженства или годы двусмысленнаго счастья, я бы скорѣй рѣшился сосредоточить всѣ свои чувства и страсти на одно божественное мгновеніе, и потомъ страдать сколько

угодно, чѣмъ мало-по-малу растагивать ихъ и размѣщать по нумерамъ въ промежуткахъ скуки или печали.

— Я во всемъ съ вами согласна, кромѣ того что все на свѣтѣ забывается. Есть вещи которыхъ забыть невозможно, особенно горести, сказала княгиня.

Ея милое лицо приняло какой-то полухолодный, полугрустный видъ, и что-то похожее на слезу пробѣжало блистая вдоль по длиннымъ ея рѣсницамъ, какъ капля дожда, забытая бурей на листкѣ березы, трепеща перекатывается по его краямъ, покуда новый лорывъ вѣтра не умчитъ ее Богъ знаетъ куда.

Печоринъ съ удивленіемъ взглянулъ на нее. Увы! онъ не могъ ничѣмъ объяснить этотъ странный припадокъ грусти. Онъ такъ давно разлученъ былъ съ нею, и съ тѣхъ поръ онъ не зналъ ни одной подробности ея жизни. Даже очень вѣроятно что чувства Вѣры въ эти минуты относились во все не къ нему: мало ли могло быть у ней обожателей послѣ его отъѣзда въ армію. Можетъ-быть и ей измѣнили который-нибудь изъ нихъ,—какъ знать!

Кто объяснять, кто растолкуетъ
Очей двусмысленный языкъ...

Когда онъ всталъ чтобъ уѣзжать, княгиня его спросила будетъ ли онъ послѣзавтра на балѣ у баронессы Р., ея родственницы.

— Мнѣ досадно что баронесса такъ убѣдительно насъ звала, прибавила она;—я почти вовсе не знаю заѣзжяго круга и увѣрена что мнѣ тамъ будетъ скучно.

Печоринъ отвѣчалъ что онъ еще не знаетъ.

„Теперь я понимаю, подумалъ онъ садясь въ сани, ей хочется имѣть на этомъ балѣ знакомаго кавалера... Дай Богъ чтобы меня не звали: тамъ вѣрно будетъ Лиза Негурова. Ахъ, Боже мой! да кажется они съ Вѣрой давнишнія знакомыя... О! но если она осмѣлится“... Тутъ сани его остановились и мысли также. Войдя къ себѣ въ кабинетъ, онъ напелъ въ столѣ пригласительный билетъ отъ баронессы....

IX.

Баронесса Р** была Русская, но замужемъ за Курляндскимъ барономъ, который какимъ-то образомъ сдѣлался ужасно богатъ. Она жила на Милліонной, въ самомъ центрѣ высшего круга. Съ 11 часовъ вечера кареты одна за другою стали подъѣзжать къ арко освѣщенному ея подъѣзду. По обѣимъ сторонамъ крыльца тѣснились на тротуарѣ проходившіе остановленные любопытствомъ, съ опасностію быть раздавленными. Въ числѣ ихъ былъ Красивскій. Прижавшись къ стѣнѣ онъ съ завистью смотрѣлъ на разныхъ господъ со звѣздами и крестами, которыхъ длинныя лакеи осторожно вытаскивали изъ кареты, на молодыхъ людей небрежно выскакивавшихъ изъ саней на гранитныя ступени, и множество мыслей тѣснилось въ головѣ его. „Чѣмъ я хуже ихъ? думалъ онъ. Эти лица, блѣдныя, истощенныя, искривленныя мелкими страстями, ужели нравятся женщинамъ которыя имѣютъ право и возможность выбирать? Деньги, деньги и одинъ деньгъ, на что имъ красота, умъ и сердце? О, я буду богатъ непременно, во что бы то ни стало, и тогда заставлю эти общества отдать мнѣ должную справедливость.“

Бѣдный, невинный чивовникъ! Онъ не зналъ что для этого общества, кромѣ кучи золота нужно има украшенное историческими воспоминаніями (какія бы они ни были), има столь уже знакомое лакейскимъ чтобы швейцаръ его не исковеркалъ и чтобы въ случаѣ когда его произнесутъ, какая-нибудь важная дама, законодательница и судія гостинныхъ, спросила бы: который это? не родня ли онъ князю В. или графу К? Итакъ Красивскій стоялъ у подъѣзда закутанный въ шинель. Вотъ подъѣхала карета, изъ нея вышла дама. При блескѣ фонарей брилліанты арко сверкали между ея локонами, за нею выдѣлъ изъ кареты мужчина въ мѣдвѣжьей шубѣ. Это были князь Лиговскій съ княгиней. Красивскій послѣшно высунулся изъ толпы зѣвакъ, снялъ шляпу и почтительно поклонился, какъ знакомымъ, но увы! его не замѣтили или не узнали, что еще вѣроятнѣе. И въ самомъ дѣлѣ, женщинѣ видѣвшей его одинъ только разъ и готовой предстать на грозный судъ лучшаго общества, и пожилому мужу слѣдующему на балъ за хорошенькою женой, право, не до толпы любопытныхъ зѣвакъ мерзнущихъ у подъѣзда.

Но Красивскій приписалъ гордости и умышленному небреженію вещь чрезвычайно простую и случайную, и съ этой минуты тайная неприязнь къ княгинѣ зародилась въ его подозрительномъ сердцѣ. „Хорошо, подумалъ онъ удаляясь, будетъ и на нашей улицѣ праздникъ,“—жадкая логворка мелочной ненависти.

Между тѣмъ въ залѣ уже гремѣла музыка и балъ начиналъ оживляться. Тутъ было все что есть лучшаго въ Петербургѣ: два посланника, съ ихъ заморскою свитой составленною изъ людей говорящихъ очень хорошо по-французски (что впрочемъ вовсе неудивительно) и поэтому возбуждавшихъ глубокое участіе въ нашихъ красавицахъ; нѣсколько генераловъ и государственныхъ людей; одинъ англійскій лордъ, путешественникъ изъ экономіи и поэтому не почитающій за нужное ни говорить, ни смотрѣть. За то его супруга, благородная леди принадлежавшая къ классу blue-stockings и нѣкогда грозная гонительница Байрона, говорила за четверыхъ и смотрѣла въ четыре глаза, если считать стекла двойнаго лорнета, въ которыхъ было не менѣе выразительности чѣмъ въ ея собственныхъ глазахъ. Тутъ было лять или шесть нашихъ доморощенныхъ дипломатовъ, путешествующихъ на свой счетъ не далѣе Ревеля и утверждающихъ рѣзко что Россія государство совершенно европейское, и что они знаютъ ее вдоль и поперекъ, потому что бывали нѣсколько разъ въ Царскомъ Селѣ и даже въ Парголовѣ. Они гордо посматривали изъ-за накрахмаленныхъ галстуковъ на военную молодежь, повидимому такъ безлечно и необдуманно преданную удовольствію. Они были увѣрены что эти люди затянутые въ вышитый золотомъ мундиръ неспособны ни къ чему, кромѣ машинальныхъ занятій службы. Тутъ могли бы вы также встрѣтить нѣсколько молодыхъ и розовыхъ юношей, военныхъ съ тулеями, штатскихъ причесанныхъ à la Russe, скромныхъ подобно наперсникамъ классической трагедіи, недавно представленныхъ высшему обществу какимъ-нибудь знатымъ родственникомъ. Не услѣвъ познакомиться съ большою частію дамъ, и страшась, приглашая незнакомую на кадрили или мазурку, встрѣтить одинъ изъ тѣхъ ледяныхъ ужасныхъ взглядовъ, отъ которыхъ переворачивается сердце какъ у больного при видѣ черной микстуры, они робкою толпою зрителей окружали блестяція кадрили и вли мороженое, ужасно вли мороженое. Исключительно танцующіе кавалеры могли

т. слви.

6*

раздѣлиться на два разряда. Одни добросовѣстно не жалѣли ни ногъ ни языка, танцовали безъ усталы, сажались на край стула, обратившись лицомъ ко своей дамѣ, улыбались и кидали значительные взгляды при каждомъ словѣ. короче, исполняли свою обязанность какъ нельзя лучше. Другіе, люди среднихъ лѣтъ, чиновные, заслуженные ветераны общества, съ важною осанкой и гордымъ лицомъ, скользили небрежно по паркету, какъ изъ милости или снисхожденія къ хозяйкѣ, и говорили только съ дамой своего vis-a-vis, когда встрѣчались съ нею, дѣлая фигуру.

Но за то дамы были истиннымъ украшеніемъ этого бала, какъ и всѣхъ возможныхъ баловъ!... Сколько блестящихъ глазъ и брилліантовъ, сколько розовыхъ устъ и розовыхъ лентъ... чудеса природы, и чудеса модной лавки.... Волшебныя маленькія ножки и чудно узкіе башмаки, бѣломраморныя плечи и лучшія французскія бѣллы, звучныя фразы заимствованныя изъ моднаго романа, брилліанты взятые на прокатъ изъ лавки... Я не знаю, но въ моихъ помятыхъ женщинъ на балѣ составляетъ со своимъ нарядомъ нѣчто цѣлое, нераздѣльное, особенное. Женщина на балѣ совсѣмъ не то что женщина въ своемъ кабинетѣ. Судить о душѣ и умѣ женщины протанцовать съ нею мазурку, все равно что судить о мысляхъ и чувствахъ журналиста прочитавъ одну его статью.

У двери ведущей изъ залы въ гостиную сидѣли двѣ зрѣлыя дѣвы, вооруженныя лорнетами и разговаривающія съ двумя писателями, молодыми людьми не танцующими. Одна изъ нихъ была Лизавета Николаевна. Пунцовое платье придавало ее блѣднымъ чертамъ немного болѣе жизни и вообще она была къ лицу одѣта. Въ надеждѣ на это преимущество, она довольно холодно отвѣчала на вѣжливый поклонъ Печорина, когда тотъ подошелъ къ ней. (Надобно замѣтить, между прочимъ, что дама дурно одѣтая обыкновенно гораздо любезнѣе и снисходительнѣе—это впрочемъ вовсе не значитъ что онѣ должны дурно одѣваться.) Печоринъ сталъ возлѣ Елизаветы Николаевны, ожидая чтобъ она начала разговоръ, и разсѣянно смотрѣлъ на танцующихъ. Такъ прошло нѣсколько минутъ, и наконецъ она принуждена была сорвать со своихъ устъ печать молчанія.

- Отъ чего вы не танцуете? спросила она его.
- Я всегда и вездѣ слѣдую вашему примѣру.
- Развѣ съ нынѣшняго дня.

— Чтожь лучше поздно чѣмъ никогда. Не правда ли?

— Иногда бываетъ слишкомъ поздно.

— Боже мой! какое трагическое выраженіе!

Лизавета Николаевна чуть-чуть не оскорбилась, но старалась улыбнуться и отвѣчала:

— Я съ нѣкоторыхъ поръ перестала удивляться вашему поведенію; для другихъ бы оно показалось очень дерзко, для меня очень натурально. О, я васъ теперь очень хорошо знаю.

— А нельзя ль узнать кто такъ искусно объяснилъ вамъ мой характеръ?

— О, это тайна, сказала она взглянувъ на него пристально, и прижавъ къ губамъ свой вѣеръ.

Онъ наклонился и съ притворною вѣжностію шепнулъ ей на ухо:

— Одну тайну вашего сердца вы мнѣ давно уже повѣрили, ужель другая важнѣе первой?

Она покраснѣла при всей своей неспособности краснѣть, но не отъ стыда, не отъ воспоминанія, не отъ досады; невольное удовольствіе, тайная надежда завлечь снова непостояннаго поклонника, выйти замужъ или хотя отомстить современемъ по-своему, по-женски, промелькнуло въ ея душѣ. Женщины никогда не отказываются отъ такихъ надеждъ когда представляется какая-нибудь возможность достигнуть цѣли и отъ такихъ удовольствій когда цѣль достигнута.

Принявъ тотчасъ серьезный, печальный видъ, она отвѣчала съ разстановкой.

— Вы мнѣ напоминаете вещи о которыхъ я хочу забыть

— Но еще не забыли? сказалъ онъ съ вѣжностію.

— О, не продолжайте,—я ничему не повѣрю болѣе, вы мнѣ дали такой урокъ....

— Я?

Въ этомъ я было больше удивленія чѣмъ въ пяти восклицательныхъ знакахъ поставленныхъ рядомъ. Потомъ Печоринъ задумался.

— Да, сказалъ онъ,—теперь я начинаю понимать! кто-нибудь меня оклеветалъ предъ вами, у меня столько враговъ и особенно друзей, теперь ловимаю отчего на меня когда я заѣзжалъ къ вамъ, это было поутру и я знаю что у васъ были гости, но меня не приняли. О, конечно я самъ не буду искать вторично такого оскорбленія.

— Но вы не знаете что этому причиной, сказала послѣднѣю

Елизавета Николаевна, — я получила письмо отъ неизвестнаго, въ которомъ....

— Въ которомъ меня хвалятъ и толкуютъ мои поступки въ самую лучшую сторону, отвѣчалъ горько улыбаясь Печоринъ.—О, я догадываюсь кто мнѣ оказалъ эту услугу. Однакожь прошу васъ вѣрите, вѣрите всему что тамъ написано, какъ вы вѣрили до сей минуты.

Онъ засмѣялся и хотѣлъ отойти прочь.

— Но если я не вѣрю? воскликнула испугавшись Елизавета Николаевна.

— Напрасно, всегда выгоднѣе вѣрить дурному чѣмъ хорошему.... одинъ противъ двадцати что....

Онъ не кончилъ фразы, глаза его устремились на другую дверь залы, гдѣ произошло небольшое движеніе. Глаза Елизаветы Николаевны боязливо обратились въ ту же сторону.

Сквозь толпу приближалась къ гостини княгиня Лиговская и за нею князь Степанъ Степановичъ.

Она была одѣта со вкусомъ, только строгіе законодатели моды могли бы замѣтить съ важностію что на ней было сашкомъ много бриллиантовъ. Она медленно подвигалась сквозь толпу небрежно раздавшуюся предъ ней. Ни одно привѣтствіе не удерживало ее на пути, и сто любопытныхъ глазъ озиравшихъ съ головы до ногъ незнакомую красавицу вызвали краску на рѣзкихъ щеки ея; глаза покрылись какою-то электрическою влагой, грудь неровно подымалась и можно было догадаться по выраженію лица что настала минута для нея мучительная. Она была похожа на неизвестнаго оратора взошедшаго въ первый разъ по ступенямъ кафедры. Отъ этого бала зависѣлъ успѣхъ ея въ модномъ свѣтѣ.... Не кстатѣ пришитый баятъ, не намѣстѣ приколотый цвѣтокъ могъ навсегда разрушить ея будущность... И въ самомъ дѣлѣ можетъ ли женщина надѣяться на успѣхъ, можетъ ли она нравиться нашимъ франтамъ если съ перваго взгляда скажутъ: elle a l'air bourgeois... это выраженіе такъ не кстатѣ вкравшееся въ наше чисто дворянское общество имѣеть однакоже ужасную власть надъ дамами и отнимаетъ всѣ права у красоты и любезности: „вкусъ, батюшка, отмѣнная манера.“

Когда княгиня поровнялась съ Печоринымъ, то едва отвѣтила легкимъ наклоненіемъ головы и мимолетною улыбкой на его поклонъ. Онъ хотѣлъ что-то сказать, но она отвернулась. Глаза ея безпокойно бѣгали кругомъ, стараясь открыть

хоть еще одно знакомое лицо... и упали на Лизавету Николаевну... Узнавъ другъ друга соперницы очень ласково обмѣнялись привѣтствіями.... Потомъ кто-то еще высунулся изъ толпы мушкетъ и съ радостнымъ видомъ сталъ спрашивать когда она изъ Москвы и пр. Она постепенно дѣлалась привѣтливѣе, такъ что можно почти держать пари что еслибъ она встрѣтила здѣсь знакомыхъ, то девяносто девятый остался бы въ счастливомъ убѣжденіи что однимъ взглядомъ побѣдилъ ея сердце. Только что княгиня и князь прошли въ гостиную, Лизавета Николаевна тотчасъ обратилась къ Печорину чтобы возобновить прерванный разговоръ, но онъ былъ такъ блѣденъ, такъ неподвиженъ, что ей стало страшно.

— Появленіе этой дамы, сказала она наконецъ ему,—сдѣлало на васъ очень странное впечатлѣніе!... Вы давно ее знаете?

— Съ дѣтства! отвѣчалъ Печоринъ.

— Я также ее когда-то знала.... за кѣмъ она замужемъ?

Печоринъ сказалъ.

— Какъ! неужели этотъ господинъ который за нею шелъ такъ смиренно ея мужъ?... Еслибъ я ихъ встрѣтила на улицѣ, то приняла бы его за лакея. Я думаю, она дѣлаетъ изъ него все что хочетъ.

— По крайней мѣрѣ все что можно изъ него сдѣлать...

— Однако она счастлива....

— Развѣ вы не замѣтили сколько на ней брилліантовъ.

— Богатство не есть счастье!...

— Все-таки оно ближе къ нему нежели бѣдность. Нѣтъ ничего безвкуснѣе какъ быть довольною своею судьбой, въ скромной хижинѣ.... за чашкой грешивой каши.

— Кто жь вамъ говорить о бѣдности? Вездѣ надо умѣть выбирать середину...

— Я вамъ желаю мужа который бы такъ думалъ.

Онъ отошелъ. Кадрилы кончились, музыка замолкла. Въ широкой залѣ раздавался смѣшанный говоръ тонкихъ и толстыхъ голосовъ, шарканья салоговъ и башмачковъ. Составились группы. Дамы пошли въ другія комнаты подышать свѣжимъ воздухомъ, пересказать другъ другу свои замѣчанія, немногіе кавалеры за ними послѣдовали, не замѣчая что они лишніе и что отъ нихъ стараются отдѣлаться. Княгиня прошла въ залу и сѣла возлѣ Пегуровой. Онѣ возобновили старое знакомство и между ними завязался незначительный разговоръ...

М. ЛЕРМОНТОВЪ.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ШКОЛА

ВЪ СРЕДНЕВѢКОВОЙ ИТАЛІИ

НО СРАВНЕНІЮ СЪ СОВРЕМЕННЫМИ ЮРИДИЧЕСКИМИ ФАКУЛЬТЕТАМИ

....Si tibi vera videtur
Dede manus; et si falsa est. accingere contra.

Lucret.

Говоря безпристрастно, нельзя не признать сравнительно печальнаго состоянія нашей русской современной юридической школы. Въ общемъ ни труды, ни университетское образованіе не выдерживаютъ никакого сравненія съ университетскою юридическою литературою и университетскимъ преподаваніемъ на Западѣ. Наша ученая литература въ главномъ состоитъ изъ компіляцій по западнымъ трудамъ; болѣе же видимые результаты университетскаго образованія сказываются въ крайней несолидности нашей судебной практики.

Особенно тяжело для насъ сравненіе съ новѣйшею италянскою юридическою школою, которая только за какихъ-нибудь пятнадцать лѣтъ поднялась изъ страшнаго вѣковаго упадка и теперь въ своихъ 21 университетѣ представляетъ такой подъемъ на который уже обращено вниманіе всей Европы. Въ общемъ результатъ для Италіи получается: прекрасное

законодательство, громадная литературная деятельность, не рѣдко вызывающая удивленіе по вложенной въ нее умственной энергіи * и, наконецъ, чрезвычайно высокій уровень практическаго правовѣдѣнія. По поводу послѣдняго достаточно сказать что въ Италіи масса практиковъ извѣстны своими теоретическими трудами (Гартуфари, Фараоне и др.) и не рѣдко изъ ихъ среды выходятъ университетскіе преподаватели (Гуджино, Карле и др.). Повидно что такое сравнительное превосходство юридическаго образованія коренится въ сравнительномъ достоинствѣ самой юридической школы.

Услѣшныя результаты всякой школы обуславливаются, во-первыхъ, цѣлесообразнымъ учебнымъ планомъ и, во-вторыхъ, тѣмъ или другимъ качествомъ его выполненія. Послѣднее же существенно зависитъ отъ организаціи преподаванія въ его личномъ составѣ и въ приемахъ.

Вопросъ объ учебномъ планѣ юридическихъ факультетовъ уже рассмотрѣн мною въ особой статьѣ **; въ настоящей же статьѣ я намѣренъ рассмотретьъ университетскую организацію, насколько она можетъ вліять на высшее преподаваніе права.

Для выясненія современной университетской организаціи необходимо исходить изъ ея прототипа въ средневѣковыхъ италіанскихъ университетахъ. Извѣстно что основныя положенія телерешившихъ высшихъ школъ коренятся въ устройствѣ первыхъ университетовъ въ свѣтѣ, средневѣковыхъ италіанскихъ. Изъ Италіи были взяты образцы для университетовъ въ другихъ странахъ Запада и чрезъ посредство послѣдняго заведена высшая школа у насъ. Поэтому чтобы возстановить настоящій смыслъ многихъ сторонъ университетской организаціи необходимо обратиться къ средневѣковой италіанской школѣ.

Въ Италіи хорошо понимаютъ всю важность разработкіи вопроса о средневѣковыхъ университетахъ. И вотъ почти

* Для примѣра укажу на труды по гражданскому праву гг. Борзари, Маццони, Риччи. Высокая талантавость и обширная эрудиція сваскала этимъ ученымъ извѣстность во всей Европѣ. Очеркъ учебной италіанской литературы по разнымъ отраслямъ правовѣдѣнія можно найти въ моей статьѣ въ *Журналѣ Гражд. и Уголовн. Права*, 1881, кн. 4.

** „Учебный планъ юридическихъ факультетовъ въ Италіи и Россіи“ въ *Журналѣ Граждан. и Уголовн. Права* за 1881, кн. 4, стр. 96—131.

каждый университетъ имѣеть своего историка. Кромѣ того лишется масса статей въ повременныхъ изданіяхъ, составляются сборники документовъ и т. д.

Изъ новѣйшихъ трудовъ особенное вниманіе останавливаетъ на себѣ талантливый очеркъ исторіи Перуджинскаго университета профессора Паделетти *, а по богатству матеріала, впрочемъ не освященнаго основною идеей и не сведеннаго въ строгую систему, *Италянскіе университеты въ Средніе Вѣка*, Гектора Коппи (2е изд., Флоренція, 1880). **

Прежде всего слѣдуетъ замѣтить что средневѣковые итальянскіе университеты обязаны своимъ происхожденіемъ не распоряженію верховной, свѣтской или духовной власти, а исключительно возбужденному въ обществѣ интересу къ научнымъ познаніямъ. *** Въ то время когда юридическія традиціи, бривіаріи и обычаи не удовлетворяли уже болѣе культурнымъ нуждамъ и потребностямъ общества, въ Болоньи появляется нѣкто Ирнерій, человекъ полный рвенія къ научнымъ изысканіямъ, и открываетъ новый поразительный для своего времени методъ изслѣдованій, основанный на изученіи оригинальныхъ источниковъ римскаго права. Ученая репутация лекцій его самого и его преемниковъ въ преподаваніи привлекаетъ въ Болонью учениковъ со всей Европы. Таково происхожденіе высшаго преподаванія. По свидѣтельству Одофреда, предшественникъ Ирнерія нѣкто Пелоне, а также и самъ Ирнерій **** и другіе древнѣйшіе профессора преподавали въ Болоньи право по собственной инициативѣ и безо всякаго участія власти.

Съ позднѣйшимъ увеличеніемъ числа преподавателей и большимъ стеченіемъ слушателей образуется сама собою цѣлая школа. Всѣ отношенія въ этой школѣ по самому ея происхожденію должны были опредѣляться однимъ обычаемъ. Дѣйствительно, не только отдѣльные профессора (Бартоль, Балдъ и др.), но и сама власть въ лицѣ Климента VI (булла 1346) свидѣтельствуютъ что единственною основой высшаго преподаванія были обычаи. Власть является только

* Padelletti. *Contrib. alla storia dello studio di Perugia*. Bologna 1882.

** E. Coppi. *Le università italiane nel medio ero*. Firenze 1880.

*** Padelletti въ *Archivio giurid.* 18 p. 377.

**** Colle. *Storia dello studio di Padova* 1 p. 37, 39.

съ вѣшнимъ признаніемъ, нѣкоторымъ измѣненіемъ или расширеніемъ школьныхъ правъ. Поэтому нерѣдко мы встрѣчаемъ такіе случаи, когда университетъ, вполнѣ сформированный, утверждается властью спустя долгое время послѣ начатаго преподаванія. Такъ въ Перуджіи „фактъ“ преподаванія былъ признанъ Климентомъ V въ 1307 году. * Въ Тревизѣ университетъ былъ утвержденъ Фридрихомъ Австрійскимъ спустя четыре года послѣ его основанія.

Итакъ, все показываетъ что преподаваніе и ученіе въ Средніе Вѣка были дѣломъ свободнаго почива. Преподаватели по усмотрѣнію избирали мѣстожительство и къ нимъ свободно стекались слушатели. Наступало неудовольствіе съ городомъ, или въ собственной средѣ, и профессора, часто вмѣстѣ со студентами, эмигрировали въ другой городъ. Путемъ такихъ выходовъ изъ Болоньи основались многія высшія школы, напимѣръ, въ Падуѣ (1222), въ Сиенѣ (1321) и др. Городское управленіе Болоньи попыталось было въ началѣ XIII вѣка укрѣпить профессоровъ и студентовъ въ своемъ городѣ, взявъ съ тѣхъ и другихъ присягу въ томъ что они обязуются не переносить преподаванія въ другое мѣсто. Но вызванная этимъ стѣсненіемъ смуты заставили папу Гонорія III объявить недействительнымъ постановленіе Болонскаго муниципалитета и освободить профессоровъ и студентовъ отъ обязанности приносить присягу.

Во внутреннихъ своихъ отношеніяхъ образовавшаяся школа представляла общество людей связанныхъ интересомъ знанія въ одно цѣлое. Это общество, состоявшее часто только изъ пришлаго, чужаго въ городѣ, контингента, само-собою представлялось обособленною единицей, притомъ не допускавшею во имя своихъ интересовъ никакого вліянія извнѣ. Университеты первыхъ временъ естественно носили въ себѣ стремленіе къ корпоративному общенію съ полною внутреннею самостоятельностью. Важный шагъ ко вѣшнему признанію этого стремленія сдѣлалъ Фридрихомъ I Гогенштауфеномъ, который въ 1158 году призналъ (*Authentica Habita*) ** за Болонскою школою характеръ корпорации и утвердилъ за ней специальную юрисдикцію. Съ этого времени высшая школа могла уже на юридическомъ

* Padelletti. *Contrib. alla storia dello studio di Perugia* p. 13.

** Приведена у Coppі. *Le univ. ital.* p. 73.

языкъ именоваться университетомъ (universitas). На основаніи этого императорскаго закона Болонскій университетъ первый составилъ свои статуты, положивъ въ основу своей организаціи начала корпоративнаго управленія и привилегированную юрисдикцію. Въовъ образовавшіеся школы въ главномъ копировали болонскіе статуты. Затѣмъ въ частности корпоративныя права и привилегіи отдѣльныхъ университетовъ расширялись главнымъ образомъ путемъ договоровъ университетской общины съ городами, а также отдѣльными указами герцоговъ, императоровъ, папъ. Города помимо интересовъ знанія скоро должны были сознать насколько матеріальное ихъ благосостояніе зависитъ отъ пребыванія университета. Достаточно сказать что въ Болоньѣ въ XIII вѣкѣ было до 10 тыс. студентовъ, изъ 35 народностей, въ XIV же вѣкѣ, по свидѣтельству одной хроники, ихъ было уже 13 тысячъ. И вотъ рано италіянскіе города, бывшіе сначала отдѣльными республиками, стали усиленно хлопотать объ открытіи у себя университетовъ, или процвѣтанію уже существовавшихъ. Этимъ объясняется такая масса университетовъ въ средневѣковой Италіи. * Города, а позднѣе герцоги, слѣдять распространить привилегіи уже существовавшихъ университетовъ или съ цѣлю открытія таковыхъ вступаютъ въ переговоры съ профессорами и студентами, причемъ конечно опять выговариваются всевозможныя привилегіи. До насъ дошелъ одинъ весьма интересный подобный договоръ ** отъ 1228 года между городомъ Вергелли и профессорами и студентами съ другой стороны.

Такимъ образомъ средневѣковые италіянскіе университеты представляются намъ свободною школою, организованою въ формѣ корпораціи съ отдѣльною юрисдикціей и массою особо предоставленныхъ привилегій. И этимъ характеромъ организаціи первоначальныхъ университетовъ въ тѣ времена повидному обуславливалось самое ихъ процвѣтаніе.

Обращаясь къ современнымъ италіянскимъ университетамъ, нельзя не замѣтить въ самомъ ихъ характерѣ кореннаго измѣненія типа средневѣковой школы. Теперешніе университеты заведенія учрежденныя государствомъ съ профессиональною

* См. перечисленіе у Corpi, p. 88—106.

** Приведенъ у Corpi, p. 109—115.

дѣлю. Во имя этой дѣли государство регулируетъ высшее образованіе согласно своимъ требованіямъ.

Въ современной Италиі есть голоса высказывающіеся противъ государственной монополіи въ дѣлѣ высшаго образованія * и требующіе чтобы рядомъ съ правительственными высшими школами были разрѣшены на равныхъ правахъ свободныя школы частныхъ преподавателей, то-есть лицъ по своему личному желанію опредѣлившихъ себя дѣлу преподаванія. Государство, утверждая оны, имѣетъ право въ своемъ интересѣ предоставлять извѣстныя права лишь по выполненію опредѣленныхъ требованій, но не должно брать это выполненіе въ свои руки.

Переходимъ теперь къ отдѣльнымъ общимъ признакамъ университетской организаціи въ Средніе Вѣка.

Средневѣковой университетъ, сказали мы, представлялъ изъ себя корпорацію съ самостоятельнымъ управленіемъ, какъ бы отдѣльную республику съ собственными статутами. Особенность этой корпораціи сравнительно съ новыми университетами была та что въ средневѣковыхъ италіанскихъ университетахъ корпорація тѣсно сплавивала всѣхъ принадлежащихъ къ школѣ членовъ ея. *Universitatem* составляли какъ профессора, такъ и студенты. Это необходимо вытекало изъ описаннаго уже происхожденія школъ и ихъ правъ.

При этомъ какъ на особенность средневѣковой университетской корпораціи, слѣдуетъ указать что полнымъ объемомъ корпоративныхъ правъ пользовались лишь пришлые члены коллегіи (*advenae forenses*); туземцы же, посѣщая лекціи, не освобождались отъ подчиненности муниципальной власти, не принимали участія въ университетской администраціи, не имѣли голоса въ университетскихъ собраніяхъ. Это характерно въ томъ отношеніи что указываетъ на естественное происхожденіе университетскаго общенія въ формѣ корпораціи, члены которой въ большинствѣ были пришлыми въ чужой городъ.

Главное выраженіе университетской самостоятельности во вѣкъ состояло въ спеціальной юрисдикціи. По статуту, напимѣръ, Падуанскаго университета 1262 года самъ подеста не могъ вмѣшиваться въ судебное дѣло въ которомъ сторонами были члены университетской коллегіи, если только разбира-

* См. De-Gioannis Gianquinto. *Delle condizioni necessarie all'insegnamento scientifico e letterario*. Pisa 1870 p. 19—28.

тельство началось въ продолженіи 10 дней послѣ судебного факта.

Но признаніе за университетами характера корпораціи, вѣвшие обособляющей ихъ, и въ то время не исключало окончательно высшаго надзора за ними со стороны вѣвшихъ властей. Съ одной стороны церковь, пользуясь папскимъ суверенитетомъ въ италіянскихъ общинахъ, овладѣла въ интересѣ правовѣрія общимъ контролемъ надъ университетами. Такъ въ главнѣйшихъ италіянскихъ университетахъ высшій надзоръ принадлежалъ еписколу, который утверждалъ университетскіе статуты и слѣдилъ за ихъ выполненіемъ. Также и городскіе муниципалитеты, въ виду интереса соединеннаго съ открытіемъ въ нихъ и процвѣтаніемъ университетовъ, не могли отказать отъ нѣкотораго вмѣшательства въ университетскія дѣла. Позднѣе замѣчаемъ вліяніе герцоговъ и всегда императоровъ, гдѣ только они сохраняли свою власть. Кромѣ того папы и императоры своимъ признаніемъ придавали существованію высшей школы officialный характеръ.

Во многихъ отношеніяхъ, какъ мы увидимъ, это вмѣшательство вѣвней власти было крайне благотвительно, служа противовѣсомъ разлагающимъ началамъ университетской жизни.

Итакъ, средневѣковой университетъ съ одной стороны представляется намъ обособленною корпораціей съ самостоятельными правами, съ другой же стороны эта самостоятельность не исключаетъ высшаго контроля вѣвней власти.

Что касается корпоративнаго устройства средневѣковыхъ италіянскихъ университетовъ, то въ организаціи ихъ слѣдуетъ строго отличать управленіе корпораціей отъ преподавательскаго института. Они не были тождественны, какъ это мы видимъ, на примѣръ, въ нашихъ университетахъ.

Выше мы уже указали на личный составъ университетской корпораціи. Влоднѣ сформировавшись, она необходимо чувствовала потребность въ представителѣ, въ „правителѣ“.

Таковымъ и былъ ректоръ. Сперва ректоровъ было столько сколько было народностей, но съ позднѣйшимъ постепеннымъ слоченіемъ отдѣльныхъ единицъ въ единый „университетъ“ въ главнѣйшихъ школахъ (Болонья, Падуа, Вергелли) находимъ уже только четыре ректора, одинъ для cisalpinі и три для transalpinі, затѣмъ (напр. въ Падуѣ съ XVIII

вѣка) только два, по одному для каждой народности по сю и по ту сторону Альпъ и, наконецъ, только одного ректора. Въ некоторыхъ университетахъ (напримѣръ въ Перуджии) съ самаго начала былъ только одинъ ректоръ.

Ректоръ избирался на годъ, какъ понятно, самою корпораціей. Въ Болоньѣ положительно засвидѣтельствованъ фактъ выбора ректоровъ студентами. Статуты падуанскіе 1259 въ числѣ студенческихъ правъ упоминаютъ право выбирать ректоровъ. Для выборовъ этихъ составлялось особое собраніе изъ избирателей присланныхъ корпораціей, подъ предсѣдательствомъ выходящаго ректора и такъ-называемыхъ совѣтниковъ, лицъ также избираемыхъ студентами. Обстановка избранія была всегда самая торжественная и обыкновеннымъ мѣстомъ его былъ соборъ.

Избранному ректору вручали такъ-называемые *officium ac potestas*. Вся университетская корпорація приносила присягу въ повиновеніи ему и статутамъ. Власть ректора распространялась какъ на студентовъ, такъ и профессоровъ, вообще на всѣхъ членовъ корпораціи. Бартоль говоритъ положительно что въ Болонскомъ и Перуджинскомъ университетахъ профессора были подчинены ректору. По объему его власть внутри корпораціи была весьма обширна (*amplissima potestas*). Онъ заботился о строгомъ примѣненіи статутовъ, слѣдилъ за правильнымъ ходомъ преподаванія, собиралъ совѣтъ при немъ состоящій и корпорацію. Провинившагося члена корпораціи, будь онъ студентъ или профессоръ, онъ могъ наказывать леей или даже изгонять изъ школы и коллегіи. Къ нему позднѣе перешла вся гражданская и уголовная юрисдикція * надъ всѣми членами корпораціи. Сначала естественнымъ судьей студента, приходившаго въ чужой городъ часто издаалека слушать знаменитаго профессора, былъ этотъ послѣдній. И вотъ по закону Фридриха I студенту предоставленъ былъ выборъ между судомъ профессора, епископа или обыкновеннаго магистрата. Но позднѣе, съ

* Въ некоторыхъ университетахъ уголовная юрисдикція ректора подлежала опредѣленнымъ ограниченіямъ. Такъ въ Пизѣ онъ судилъ всѣ дѣла, за исключеніемъ убійства и воровства, въ Падуѣ же ректорскому суду подвѣдомственны были лишь дѣла о нарушеніяхъ университетскихъ правилъ и незначительныхъ правонарушеніи противъ членовъ корпораціи.

объединеніемъ школы въ лицѣ ректора, юриконсуалты истолковали этотъ законъ въ томъ смыслѣ что теперь ректору какъ высшему представителю корпораціи принадлежитъ и право суда надъ всѣми ея членами. Это вошло и въ статуты. Такимъ образомъ профессора изъ судей сдѣлись сами судимыми. Въ 1544 году пала окончательно закрѣпилъ за ректоромъ это общее право суда.

Во внѣшнихъ сношеніяхъ ректоръ обязанъ былъ поддерживать свое представительство съ подобающимъ достоинствомъ. Онъ охранялъ университетскія привилегіи, принималъ въ соблюденіи ихъ присягу отъ городской общины, хлопоталъ о нуждахъ университетскихъ и т. д. Въ публичкѣ онъ показывался не иначе какъ съ подобающею его званію пышностью, предшествуемый и сопровождаемый леджіями и студентами. Съ конца XV вѣка онъ называется уже „великоблвннымъ“ (*rector magnificus*).

Ректора замѣнялъ въ отправленіи его обязанностей синдикъ (въ нѣкоторыхъ университетѣхъ значеніе синдика было особаго рода), называемый также проректоромъ или вице-ректоромъ. Онъ также избирался студентами на годъ и былъ подчиненъ общему съ ними суду ректорскому.

Изъ другихъ представителей университетской администраціи имѣють для насъ значеніе такъ-называемые совѣтники (*consilarii*) и педелей (*bidelli*).

Студенты каждой народности избирали по одному или по два такъ-называемыхъ совѣтниковъ, которые образовывали съ ректоромъ университетскій совѣтъ (*сенатъ*). Они наравнѣ со студентами были подчинены общей власти ректора, но имѣли только своею обязанностью представлять достоинство и интересы приславшей ихъ народности. Въ торжественныхъ церемоніяхъ они занимали мѣсто впереди профессоровъ. Но что особенно интересно, совѣтникамъ, напримѣръ въ Перуджіи, принадлежало право иногда уравновѣшивать ректорскую власть: они вѣдали (*cognitio*) дѣла по оскорбленію ректоромъ студентовъ.

Педелей было, смотря по надобности, большее или меньшее число. Во главѣ ихъ стоялъ старшій педель (*bidellus generalis*) который избирался (напримѣръ въ Перуджіи) представителями отъ студентовъ, ректоромъ и совѣтниками. Обязанность педелей состояла въ томъ чтобы слѣдить за порядкомъ въ университетѣ, за правильнымъ чтеніемъ лекцій,

ассистировать при этих чтениях и наконец секретно следить за самым поведением профессоров.*

Рядомъ съ этими представителями университетской администрации факультетскому собранію профессоровъ предоставлены были лишь заботы о преподаваніи и обо всемъ стоящемъ въ непосредственной съ нимъ связи, какъ-то: экзаменахъ, наблюденіи за порядкомъ въ школахъ и т. л.**

Такъ были обставлены главныя функціи университетской администрации. Наше вниманіе останавливается главнымъ образомъ на томъ что администрація не находилась ни въ какой зависимости отъ преподавательскаго института. Ректоръ избираемый изъ лицъ всеми почитаемыхъ могъ безбоязненно отправлять свой высшій контроль надъ тѣмъ что составляетъ все назначеніе университета—надъ преподаваніемъ. Независимый отъ профессоровъ, онъ могъ требовать и требованіе свое подкрѣплять всею властью чтобы они отправляли какъ слѣдуетъ свои обязанности. Въ случаяхъ злоупотребленій онъ не боялся стать на сторону действительныхъ интересовъ университетскаго преподаванія. Такъ напримѣръ, когда въ Болоньѣ факультетъ не пожелалъ пропустить кандидатуру лица не состоявшаго въ родственныхъ отношеніяхъ ни съ однимъ изъ профессоровъ (Віанезіо Пасимоверо 1299), то ректоръ открыто принялъ сторону города и университетскихъ интересовъ и заставилъ факультетъ забыть свои домашніе счеты. Но съ другой стороны, отъ злоупотребленія обширною ректорскою властью коллегія была гарантирована контролемъ виѣ университета лежащимъ. Такъ еписколъ былъ высшимъ судьей въ столкновеніяхъ профессоровъ съ ректоромъ и студентами.***

Въ современныхъ итальянскихъ университетахъ не имѣется общаго правила о способахъ замѣщенія ректорства. Чаще всего ректоръ назначается министромъ. Это одна форма замѣщенія.**** Въ другихъ университетахъ общее собраніе профессоровъ предлагаетъ по очереди отъ каждаго факультета кандидатовъ (троихъ), и министръ утверждаетъ одного изъ

* Coppi. *Le univers. ital.* p. 161.

** Colle. *Studio di Padova.* I p. 99.

*** Ibid. p. 94; Padelletti. *Studio d. Perugia* p. 28.

**** У насъ она примѣнена для Демид. Юрид. Лицея и Варшавскаго университета.

нихъ * (обыкновенно поименованнаго первымъ). На самомъ дѣлѣ это есть форма избранія ректора профессорами отъ каждаго факультета по очереди. Въ этомъ отличіи отъ нашихъ университетовъ, гдѣ ректоръ избирается общимъ совѣтомъ профессоровъ изъ преподавателей всѣхъ факультетовъ безразлично. Итакъ ректоръ или назначается министромъ, или избирается университетомъ, то-есть профессорами изъ своей среды.

При той власти которую новый регламентъ итальянскихъ университетовъ оставляетъ за ректоромъ, а именно наблюдать за соблюденіемъ регламента и виновныхъ въ нарушеніи его подвергать дисциплинарнымъ наказаніямъ (во главѣ подчиненныхъ ректорской власти поставлены профессора), ректоръ назначенный министромъ уже не есть представитель университетскаго большинства, а исполнитель предписанія министерскаго начальства, которому онъ только и служить представителемъ. При такой системѣ заявленія о нуждахъ высшаго преподаванія со стороны профессоровъ и цѣлыхъ факультетовъ могутъ разбиться о ректорскую неприкосновенность, поддерживаемую авторитетомъ высшей канцеляріи. Въ результатѣ въ преподавательскомъ институтѣ можетъ наступить равнодушіе къ общимъ интересамъ школы и она de facto можетъ утратить свободный университетскій характеръ.

Не менѣе несостоятельно крайнее примѣненіе и второй системы. Ректоръ свободно избираемый профессорами по отношенію къ контролю надъ профессорскимъ персоналомъ является совершенно лишнимъ органомъ въ университетскомъ управленіи. Онъ дѣйствуетъ и орудіе совѣтскаго большинства. Какъ же осмѣлится ему 'стать на сторону интересовъ преподаванія, напримѣръ поднять въ совѣтѣ вопросъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ факультета, предложить вычетъ изъ жалованья пропускаящему лекціи профессору и т. п.? Разъ выборъ ректора обуславливается добрымъ согласіемъ съ профессорами, то о контролѣ надъ преподаваніемъ не можетъ быть и рѣчи. Вся дѣятельность ректора при этой системѣ замѣщенія сводится къ канцелярскому начальствованію и почетному предсѣдательству въ совѣтахъ, на актахъ и т. п.

* *Regolam. generale universitario 1875 Art. 5.591.*

При современной формѣ университетовъ мнѣ кажется наиболѣе удачнымъ способомъ замѣщенія ректорства тотъ который практикуется въ нѣкоторыхъ италіанскихъ университетахъ (напримѣръ въ Пизѣ). Ректоръ избирается по очереди отъ каждаго факультета. Если срокъ ректорской власти опредѣлить, напримѣръ, въ три года (въ Пизѣ одинъ годъ), то настоящій ректоръ можетъ выступить вновь кандидатомъ лишь чрезъ 12 лѣтъ, при четырехъ факультетахъ. Само собою на такой отдаленный срокъ у людей обыкновенно пожилыхъ не могутъ распространяться пламы въ ущербъ добросовѣстнаго исполненія своихъ обязанностей. Ректоръ въ такомъ случаѣ является лишь представителемъ университетскаго совѣта и не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ тормазомъ его дѣятельности. Министерская власть является уже стороною лично не заинтересованною, а потому и безпристрастною въ случаяхъ размолвки между ректоромъ и университетомъ.

Переходимъ къ вопросу о преподаваніи.

Свободное стеченіе учениковъ, по собственному выбору, къ тому или другому учителю образовало высшую школу. Такое происхожденіе университета отразилось въ юридическомъ правѣ студентовъ избирать профессоровъ. Студенты при первоначальномъ характерѣ высшаго обученія были непосредственно заинтересованы въ томъ чтобъ преподаваніе было обставлено наилучшими силами. Отъ послѣдняго весьма существенно зависѣлъ и интересъ городской общины. Худо обставленное преподаваніе, не привлекая слушателей, вело къ упадку университета. Въ средневѣковой Италіи упоминается масса такихъ университетовъ которые послѣ короткаго блестящаго періода потухали навсегда, какъ напримѣръ прекрасно начатое въ 1204 году преподаваніе въ городѣ Винченцѣ чрезъ пять лѣтъ прекратилось. * Итакъ въ томъ или другомъ составѣ преподавателей были заинтересованы студенты и городскія общины. Поэтому и избраніе профессоровъ зависѣло отъ тѣхъ и другихъ. Обыкновенно каждый годъ происходила такъ-называемая реформа или возобновленіе списка профессоровъ (*rigorare il gotolo*). Совершалась эта реформа въ собраніи ректора, студентовъ (часто только выборныхъ по двое отъ каждой народности) и городскихъ представителей обязанныхъ

* См. перечисленіе другихъ университетовъ съ подобною же судьбой у Corpi.

лещись о процвѣтаніи преподаванія. При этомъ заботились удержать лучшихъ профессоровъ и привлечь изъ другихъ мѣсть преподавателей съ громкою славой. Въ послѣднемъ случаѣ въ иныхъ городахъ главную роль играла община. Такъ въ Перуджіи туземныхъ профессоровъ избирали студенты, а не туземныхъ—городскіе представители, которые обыкновенно брали во вниманіе голоса и желанія студентовъ. * Приглашеніе дѣлалось иногда въ формѣ даже цѣлыхъ посольствъ. Знаменитость сразу получала приглашенія отъ многихъ общинъ, что иногда (напримѣръ по поводу приглашенія нѣкоего Якова де Бельвизо) служило поводомъ къ обмѣну посольскихъ сношеній между городами. **

Приглашали профессоровъ на годъ, иногда на три, на шесть лѣтъ, а иныхъ и на всю жизнь, какъ напримѣръ Бельвизо въ Перуджіи.

Особыхъ какихъ-либо требованій, относительно учености профессора, первоначально не предъявлялось никакихъ. Всякій разчитывавшій на свои научныя силы могъ по желанію открывать курсъ преподаванія. Долгое время профессора преподавали даже не въ публичныхъ аудиторіяхъ, но у себя на дому или въ нанятомъ ими для того помѣщеніи. *** Но позднѣе, по общему праву могли преподавать только лица выдержавшія подобающее испытаніе. Последнее установлено было лалой Гоноріемъ III, который съ цѣлью гарантировать преподаваніе отъ возможнаго шарлатанства запретилъ буллою отъ 28 іюля 1219 публичное преподаваніе въ Боловнѣ лицамъ не подвергшимся предварительному испытанію. Для того же чтобы приступить къ экзамену дававшему степень и тѣмъ право на кафедрѣ необходимо было прослушать полный курсъ наукъ, который напримѣръ въ Падуѣ обнималъ шесть лѣтъ изученія римскаго и три или четыре года каноническаго права, въ Боловнѣ при Одофредѣ курсъ продолжался болѣе пяти лѣтъ; по одному статуту—восемь лѣтъ для цивиллиста и пять лѣтъ для канониста. Ученыхъ степеней въ средневѣковыхъ университетахъ обыкновенно было три: бакалавра (*bachelarius*), лиценціата (*licentiatus*) и доктора.

* Bianchi изъ *Archivio storico italiano* p. 8.

** Padelletti въ *Archiv. giurid.* 18 p. 381—385.

*** Coppi. *Le univ. ital.* p. 132, 134.

Степень бакалавра предоставлялась однимъ докторомъ или профессоромъ безо всякаго участія другой какой-либо власти, быть-можетъ, простою выдачей свидѣтельства въ томъ что такое-то лицо прошло какую-нибудь цѣлую книгу гражданскаго или каноническаго права подъ руководствомъ его, профессора, а слѣдовательно можетъ правильно толковать книгу и даже преподавать ее другимъ. * Позднѣе эта степень представлялась уже по публичному испытанію и утвержденію коллегіи.

Степень лиценціата получалась послѣ испытанія (examen) частнаго, но торжественнаго, въ присутствіи коллегіи профессоровъ и епископа (обыкновенно оно происходило въ епископскомъ кабинетѣ). Испытаніе это состояло въ томъ что кандидатъ читалъ прежде назначенные ему тезисы (puncta assignata) изъ каноническаго или римскаго, или обоихъ правъ; профессора оспаривали ихъ, а онъ защищалъ.

Докторская степень, laurea, упоминаемая съ половины XII вѣка, давалась послѣ публичнаго испытанія (conventus) въ церкви, при самой торжественной обстановкѣ, въ присутствіи епископа и также въ формѣ защиты тезисовъ. Докторская степень, какъ и теперь, предоставлялась по отдѣльнымъ отраслямъ наукъ.

Въ предоставленіи степеней (исключая степени бакалавра) особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на то что приговоръ коллегіи происходилъ подъ высшимъ и непосредственнымъ наблюденіемъ лица стоявшаго внѣ университета. Епископъ называвшійся апостольскимъ канцлеромъ (въ Болоньѣ, Падуѣ, Пизѣ и др.) присутствовалъ на испытаніи, ему же принадлежало и окончательное утвержденіе (ex indulgentia pontificum по буллѣ Говорія 1219, 1221) профессорскаго приговора.

Получившіе степени могли свободно открывать преподаваніе. Была нѣкоторая незначительная зависимость отъ коллегіи только для лицъ низшихъ ученыхъ степеней. Всякій же докторъ могъ, по самому свободному характеру высшаго преподаванія, приступить по желанію къ чтенію. Факультетъ былъ не властенъ закрывать ему доступъ къ преподаванію. Мало того, со временемъ эту свободу преподаванія взяла подъ свою защиту высшая власть. Въ интересѣ процвѣтанія

* Colle. *Studio di Padova* 1, p. 101.

университетскихъ чтеній она старалась привлечь лауреатовъ къ преподаванію, уравнивая ихъ во всѣхъ вѣшнихъ правахъ съ читающими уже профессорами. Такъ папы Николай V буллою 1451 и Климентъ VII буллою 1523 предписали, чтобы всякій Болонецъ получившій laurea и желающій читать былъ немедленно допущенъ къ кафедрѣ на равныхъ правахъ съ читающими профессорами.

Но если факультетъ не властенъ былъ непосредственно распоряжаться кафедрами, то косвенно чрезъ предоставленіе степеней онъ могъ вліять на ихъ замѣщеніе. И такъ какъ съ этимъ связано участие въ выгодахъ преподаванія и конкурренція, то уже въ средневѣковыхъ университетахъ мы замѣчаемъ тѣ злоупотребленія которыя такъ обычны въ нашихъ университетахъ. Италіанскія коллегіи профессоровъ рано начинаютъ руководствоваться личнымъ расположеніемъ къ кандидату на степень, а то и просто родствомъ съ нимъ. Въ Болоньѣ, напримѣръ, члены факультета обязались клятвенно не возводить въ степеню, а следовательно не допускать къ преподаванію всякихъ другихъ Болонцевъ, кромѣ своихъ сыновей, братьевъ и племянниковъ. * Въ 1361 году мы встрѣчаемъ декретъ Флорентинской республики въ которомъ повелѣвается туземнымъ докторамъ воздерживаться отъ преподаванія съ тою цѣлью чтобы устранить при выборахъ расчеты родства. Подобнымъ же запрещеніемъ объяснятся и то что въ спискахъ Перуджинскаго университета за 1339 не встрѣчаемъ въ числѣ преподавателей ни одного туземца. ** Мы видимъ что противъ факультетскаго пристрастія въ средневѣковой Италіи было еще какое-нибудь средство. Въ университетахъ, мы видѣли, были заинтересованы непосредственно городскія общины. Помянуто поэтому что онѣ зорко слѣдили за процвѣтаніемъ преподаванія. И вотъ злоупотребленія при предоставленіяхъ ученыхъ степеней, кромѣ общихъ декретовъ, вызывали и въ другой формѣ вмѣшательство городской власти. Такъ напримѣръ въ 1299 и 1304 годахъ Болонскій муниципалитетъ угрожаетъ наложеніемъ штрафа на профессоровъ, упорствующихъ въ отказѣ предоставить опредѣленнымъ лицамъ ученые степени. Противъ же того чтобы не допускать къ ученымъ степенямъ лицъ бѣдныхъ, кромѣ общаго

* Padelletti. *Studio di Perugia* p. 17.

** Bianchi изъ *Archivio storico ital.* p. 8.

непосредственного контроля епископа-канцлера, этимъ послѣднимъ были приняты еще особыя мѣры. Напримѣръ, въ Пизѣ при предоставленіи степени присуждающій совѣтъ состоялъ изъ профессоровъ и сверхъ того опредѣленнаго числа докторовъ назначенныхъ самимъ канцлеромъ.

Въ описанной системѣ замѣщенія каѳедръ уже лежалъ зародышъ послѣдовавшаго средневѣковой школы. Въ концѣ Среднихъ Вѣковъ мы замѣчаемъ какъ постепенно профессура изъ выборной становится зависимою отъ внѣшней власти и изъ годовой мало-по-малу дѣлается пожизненною. Это было естественнымъ послѣдствіемъ оплаты профессорскаго труда публичнымъ жалованьемъ, которое придавало преподавательскому персоналу должностной характеръ и ставило его въ зависимость отъ государственной власти. Городская община, назначая жалованье, могла въ своихъ приглашеніяхъ профессора и не заботиться о желаніи корпораціи. Такъ напримѣръ въ Вергелли муниципалитетъ при этихъ приглашеніяхъ совершенно замѣняетъ собою корпорацію; онъ заключаетъ отъ себя условіе съ профессорами (напримѣръ Сальви), отъ себя обращается съ просьбой къ Фридриху II прислать ей профессора и т. п. * Позднѣе, когда высшая власть въ итальянскихъ общинахъ сдѣлалась единоличною, главное вліяніе на приглашеніе профессоровъ переходитъ къ герцогамъ. Не отмѣняя начала выбора профессоровъ корпораціей они накладываютъ на него руку или чрезъ назначенныхъ ими реформаторовъ или самолично приглашеніемъ профессоровъ, причемъ приказываютъ общинѣ отлускать опредѣленную сумму на жалованье. ** Такъ постепенно исчезаетъ выборное начало при замѣщеніи каѳедръ. Напримѣръ въ 1420 году изъ числа 21 профессора Болонскаго университета выбраннымъ корпораціей былъ только одинъ. Въ Падувѣ сначала только четыре профессора изъ 20 приглашались властью, а остальные избирались корпораціей, позднѣе же всѣ они назначались или Венеціанскимъ правительствомъ или городскими властями. Наконецъ и самый принципъ выборнаго начала былъ отмѣненъ. Въ 1552 году при Юліи II

* Vallauri *Storia delle università degli studi del Piemonte* 2 ed. Torino 1875 p. 23—26.

** Vallauri *Storia* p. 34—47.

статуты Болонскаго университета были пересмотрѣны и совсѣмъ измѣнены, а именно общее направленіе университетскаго преподаванія перешло къ комиссіи изъ одного сенатора, рыцаря, нобиля, горожанина и купца. Этими же лицамъ подъ именемъ реформаторовъ предоставлено было и право замѣщать каѳедры *. Въ Падуѣ Венеціанскій сенатъ закономъ 1560 года прямо уничтожаетъ право студентовъ избирать профессоровъ. Въмѣстѣ съ тѣмъ вышняя власть, какъ полная распорядительница университетовъ, распространяетъ свое вліяніе и на ученые степени. Ученая степень была съ одной стороны необходимымъ условіемъ для профессуры, а съ другой—съ докторствомъ, въ скоромъ времени стали соединяться и другія вышнія привилегіи. И вотъ папы, герцоги, императоры начинаютъ жаловать докторскою степенью своихъ высшихъ придворныхъ лицъ, никогда не посѣщавшихъ университетъ и не державшихъ положеннаго экзамена. Такіе доктора имѣли даже свое особое названіе *doctores bollati* или *codicillari* и сильно уронили значеніе степени въ общественномъ мнѣніи. **

Въ современныхъ италіанскихъ университетахъ замѣщеніе каѳедръ производится по назначенію министерской власти. Только въ томъ случаѣ, когда не имѣется по каѳедрѣ ординарнаго и экстраординарнаго профессора, факультету можетъ быть предоставлено право рекомендаціи способныхъ къ преподаванію лицъ. *** Мало того, изъ осторожности принято утверждать молодыхъ преподавателей, какъ-то экстраординарныхъ профессоровъ и лекторовъ (*incaricati*), на каждый годъ особо. ****

Назначеніе въ профессора обставлено извѣстными условіями. Прежде всего кандидатъ на каѳедру долженъ имѣть ученую степень доктора. Но эту степень въ Италіи получаетъ всякій выдержавшій окончателный экзаменъ и представившій диссертацию. Поэтому *de facto* министерство отдаетъ при назначеніяхъ предпочтеніе тѣмъ изъ докторовъ которые кромѣ того выдержали спеціальное испытаніе на

* *Mazzetti. Memorie storiche sopra l'università di Bologna* 1840 p. 20.

** *Colle. Studio di Padova* 1 p. 107.

*** *Regolam. gener. universitario 1875*, art. 5.493.

**** *Regolam. gener. univers. 1875*, art. 75.

„свободных доцентов“, * то-есть посвятила по окончаніи курса еще два года на серьезное занятіе наукой и написали диссертацию.

Самое утвержденеіе въ докторской степени обставлено въ Италіи различными гарантіями противъ злоупотребленій. Экзаменационная коммиссія составлена изъ профессоровъ и лицъ назначаемыхъ извнѣ министромъ. ** Хотя по закону 30 мая 1875 (art. 4) большинство коммиссіи состоитъ изъ официальныхъ профессоровъ, но пришлые члены въ случаѣ несогласія съ приговоромъ профессорскимъ могутъ апеллировать къ министру. Есть голоса раздающіеся *** противъ такого „недовѣрія къ учебному персоналу“. По моему мнѣнію, учебный персоналъ можетъ предъявлять всякія возраженія на это правило, но никакъ не въ силу щелетильности неумѣстныхъ въ вопросахъ такой важности какъ предоставленіе ученыхъ степеней, особенно когда могутъ быть указаны примѣры злоупотребленія коллегіей своимъ правомъ не только въ Италіи, но и въ другихъ странахъ.

Далѣе, замѣщеніе вакантной кѣдры изъ числа лицъ имѣющихъ на то право производится путемъ тщательной оцѣнки научныхъ достоинствъ всѣхъ претендующихъ конкурентовъ. Для этой оцѣнки въ Римѣ имѣется „высшій совѣтъ“ (consiglio superiore dell'istruzione), состоящій изъ специалистовъ лично ничѣмъ не заинтересованныхъ въ предложенномъ вопросѣ. Совѣтъ этотъ дѣлаетъ оцѣнку трудамъ всѣхъ претендентовъ на кѣдру, и министръ даетъ свое рѣшеніе сообразно представленному заключенію.

Такимъ образомъ въ Италіи предоставленіе ученой степени обставлено контролем со стороны власти, а самое замѣщеніе кѣдръ исходитъ отъ министерства; причемъ применено самымъ широкимъ образомъ начало конкуренціи. Наконецъ, всѣ возраженія противъ личнаго вліянія министра устранены тѣмъ что заключеніе объ ученыхъ трудахъ претендентовъ на кѣдру предоставлено давать совѣту

* Съ этимъ испытаніемъ приравнивается прохожденіе курса въ Пизанской историко-юридической семинаріи (см. мою статью въ *Журналъ Гражд. и Уголовн. Правъ* 1881, кн. 3).

** *Regolamento per la Facolta di Giurisprud.* art. 13, 14.

*** Schupfer. *Intorno al regolam. della Facolta di Giurisprudenza* *os Archiv. giurid.* 18 f. 1 p. 55.

спеціалистовъ не заинтересованныхъ лично въ разсматриваемомъ дѣлѣ *.

У насъ, какъ извѣстно, не только предоставленіе степеней, но и допущеніе къ преподаванію одинаково предоставлено коллегіи профессоровъ. Поэтому кандидатъ на кафедре находится въ полной зависимости отъ членовъ той коллегіи въ которую желаетъ проникнуть. Тутъ весьма легко всѣ отношенія къ кандидату могутъ приобрести чисто личный характеръ. Въ выборномъ отъ самой коллегіи замѣщеніи профессорскихъ должностей лежитъ основа столь общему въ нашихъ университетахъ явленію какъ партизанство. Ограниченное число профессорскихъ вакансій, добавочный окладъ въ формѣ деканства, секретарства, проректорства, ректорства, перебаллотировка съ истеченіемъ срока службы,—всѣ эти такъ-сказать мірскія заботы служатъ сильнымъ стимуломъ къ энергической дѣятельности въ составленіи партіи большинства, къ которой не приставшіе члены составляютъ немедленно партію оппозиціи. Интересами этихъ партій и опредѣляется успѣхъ новаго кандидата. Послѣднему приходится пройти чрезъ двѣ стадіи: утвержденіе въ степени и выборъ въ преподаватели. Первое не предполагаетъ непременно послѣдняго. Но такъ какъ бывали случаи что меньшинство въ факультетѣ пользовалось большинствомъ въ совѣтѣ, то партіи не безразлично относятся и къ предоставленію степеней дающихъ право баллотироваться въ профессора по предложенію хотя бы одного члена совѣта. Вотъ почему нерѣдко не утверждались представленные диссертациі, которыя затѣмъ проходили въ другомъ университетѣ.

При этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на одно крайне странное явленіе: въ нашихъ университетахъ сплошь да рядомъ предоставленіе ученыхъ степеней производится по отзыву лицъ или вовсе не имѣющихъ степеней, или даже не спеціалистами по кафедрѣ. Мнѣ кажется, такую аномалію слѣдуетъ устранить, хотя бы и пришлось кандидату переносить защиту диссертациі въ другой университетъ.

Предположимъ теперь что кандидатъ пройдетъ чрезъ всѣ прелестствія на пути къ приобретенію ученыхъ степеней. До

* Изъ личныхъ разговоровъ со многими италіанскими профессорами я убѣдился что въ самой ученой коллегіи нѣтъ и тѣни недоульяства такимъ порядкомъ замѣщенія кафедръ.

еихъ поръ у насъ стремленіе къ степенямъ имѣеть почти исключительную цѣль—получить каѳедру. Последнее зависитъ отъ выбора въ факультетъ и совѣтъ. И вотъ тутъ-то верѣдко борьба партій за лишній голосъ или противъ него получаетъ крайне ожесточенный характеръ. Ученыя заслуги кандидата, интересы преподаванія, отодвигаются на задній планъ; въ баллотлируемомъ видятъ только усиленіе той или другой партіи, если не тотчасъ (въ случаѣ баллотировки на доцентуру), то въ будущемъ. Этимъ только можно объяснить почему во многихъ университетахъ каѳедры, часто самыя основныя, не заняты или обставлены крайне слабыми силами.

По всему этому мнѣ кажется что современная итальянская система замѣщенія каѳедръ имѣеть значительное преимущество предъ нашею. Предъ начинающимъ итальянскимъ ученымъ нѣтъ такой массы препятствій, ничего общаго съ наукой не имѣющихъ, какъ предъ нашимъ кандидатомъ. Последний долженъ съ первыхъ же шаговъ полагаться болѣе на житейскую мудрость, на умѣніе заинтересовать въ себѣ лично вліятельныхъ членовъ большинства, чѣмъ на добросовѣстный усидчивый трудъ. Но такъ какъ въ порядочномъ молодомъ человѣкѣ рѣдко хватаетъ, помимо желанія, и самаго умѣнія и выдержки для того чтобъ успѣшно вести интригу, то этимъ только можно объяснить, почему у насъ такое малое число лицъ посвящаетъ себя столь рискованной ученой карьерѣ, тогда какъ въ Италіи каждый годъ на арену науки выступаетъ цѣлая масса молодыхъ силъ.

Возвращаемся къ Среднимъ Вѣкамъ. Сказавъ о способѣ замѣщенія каѳедръ, слѣдуетъ упомянуть объ ихъ количествѣ. Последнее по самому происхожденію высшаго преподаванія не было сначала опредѣлено. При открытіи курса Ирнеріемъ въ началѣ XII вѣка онъ былъ единственнымъ лекторомъ въ Болоньѣ. * По мѣрѣ возрастанія значенія за высшимъ преподаваніемъ, разработки наукъ, увеличенія числа слушателей, приумножалось и число профессоровъ. Такъ на примѣръ въ Перуджіи въ началѣ XIV вѣка было три профессора гражданского и два каноническаго права, а въ XVI ихъ было уже пять для гражданского и четыре для каноническаго права, кромѣ такъ-называемыхъ конкурентовъ

* Mazzetti. *Memorie*, p. 14.

(см. ниже) при нихъ. * Въ Болоньѣ въ 1300 году было двѣнадцать профессоръ-юристовъ, въ 1451 же году число каеедръ превосходило цифру 170. Въ этомъ году пала Николай V издалъ буллу сократившую ихъ до 44. Но при этомъ ординарныхъ профессоръ осталось двѣнадцать, которые и пользовались нѣкоторыми преимуществами. По образцу Болонскаго и въ другихъ университетахъ находимъ правило чтобы число ординарныхъ профессоръ не превышало двѣнадцати; число же экстраординарныхъ могло быть и больше. **

Оплачивался профессорскій трудъ первоначально лишь взносомъ слушателей. Но позднѣе, съ раздробленіемъ преподаванія на множество школъ, этого стало недостаточно. Первое публичное жалованье профессорамъ упоминается въ Падуѣ за 1279 годъ. Позднѣе городскія общины постановляютъ обратить опредѣляемые общинные доходы на содержаніе профессоръ. Напримѣръ, въ Падуѣ по требованію студентовъ содержаніе одного профессора гражданского права оплачивалось налогомъ на проститутокъ. Величина жалованья (*stipendium*) зависѣла обыкновенно отъ соглашенія съ профессоромъ при его приглашеніи. Община сама предлагала приглашаемому ту или другую сумму (напримѣръ 100, 150 лпръ) и отъ профессора ожидали согласія (Бельвизо, въ Перуджии, предложено было 200 флориновъ золотомъ въ годъ). Съ этихъ приглашеній извѣстъ ведетъ свое начало оплачиваніе жалованьемъ профессорскаго труда. Поэтому долго въ нѣкоторыхъ университетахъ (напримѣръ въ Падуѣ) жалованье давалось только по немногимъ кафедрамъ и, въ остальныхъ, только призывымъ профессорамъ; туземнымъ же профессорамъ оставался единственный доходъ отъ студенческихъ взносов. *** Разумѣется и для первыхъ жалованье служило только дополненіемъ къ профессорскому содержанію отъ платы слушателей. Есть также извѣстія что такъ-называемымъ заслуженнымъ профессорамъ, то-есть читавшимъ опредѣленное число лѣтъ (въ Болоньѣ по сенатскому декрету 1549 года 20 лѣтъ) назначалось большее жалованье и даже пожизненныя пенсіи.

Городская община заинтересованная въ процвѣтаніи университета рано поняла насколько матеріальная оплата

* Padelletti. *Contrib. alla storia d. studio di Perugia* p. 17 u n. 1.

** Wallauri. *Storia delle università degli studi del Piemonte* 2 ed. 1875. p. 93.

*** Colle. *Storia dello studio di Padova* 1 p. 91, 92.

лекцій служить сильнѣмъ средствомъ давленія на факультетъ и поэтому уже, распоряжаясь жалованьемъ, она распространила свое вліяніе и на добровольныя приношенія студентовъ. Такъ съ цѣлью уничтожить факультетскія цитриги, угрожавшія уровню научнаго значенія школы, въ статутъ XIV вѣка Перуджинскаго университета внесено было такое постановленіе: туземные профессора не получаютъ жалованья и не могутъ принимать платы отъ студентовъ. Косвенно этимъ почти вовсе былъ устраненъ отъ преподаванія туземный элементъ въ пользу приглашаемыхъ по свободному выбору извнѣ. Профессоръ Паделлетти съ большою похвалою отзываясь о такой мѣрѣ предупреждать застои въ школѣ. * Дѣйствительно въ Болоньѣ, гдѣ впервые развились злоупотребленія въ проноціонес и замѣченъ былъ упадокъ въ преподаваніи, публичное жалованье было поставлено папскими буллами (1451, 1523) въ независимость отъ городской общины: на него имѣлъ право всякій туземецъ получившій докторскую степень и желавшій читать. **

Изъ сказаннаго до сихъ поръ мы видимъ что исторически сложившаяся система преподаванія, ставившая вѣншій успѣхъ его въ зависимость отъ таланта и добросовѣстнаго труда профессора, заставляла послѣдняго посвящать всѣ свои силы на служеніе наукѣ въ формѣ преподаванія. Но былъ еще одинъ стимулъ къ энергичной и добросовѣстной дѣятельности профессора, это—обычай давать ординарнымъ профессорамъ получающимъ жалованье конкурентовъ (*concurrentes dare*), которые въ соревнованіи съ первыми преподавали бы одну и ту же науку, почему и назывались антагонистами (*antagonistae*). Иногда при одномъ профессорѣ приставлялось нѣсколько такихъ конкурентовъ. По совершенно вѣрному замѣчанію Колли, „свобода преподаванія не много способствовала бы прогрессу, еслибъ его движенію не данъ былъ могучій стимулъ въ конкуренціи“. *** И насколько въ дѣйствительности нелюбы были профессорамъ эти антагонисты показываютъ также позднѣйшіе примѣры, когда монаршему милостію (*principis indulgentia*) какому-нибудь отдѣльному профессору разрѣшалось преподавать науку безъ конкурентовъ.

* *Contrib.*, p. 18.

** *Mazzetti. Memorie* p. 27.

*** *Le universita italiane* p. 247.

Обращаясь къ современнымъ итальянскимъ и нашимъ университетамъ, мы не можемъ не замѣтить по поводу только-что сказаннаго важнаго отличія отъ средневѣковой школы. Профессорскіе штаты нынѣ опредѣлены тѣсными рамками и профессора олаачиваются исключительно отъ казны. Нѣтъ болѣе главнаго стимула, заставлявшаго профессора работать по мѣрѣ силъ, а именно свободнаго выбора слушателемъ преподавателя у котораго онъ желалъ бы обучаться. Нельзя не согласиться съ профессоромъ Жиоаннисомъ сказавшимъ: „увичтожьте свободу выбора преподавателей студентами и вы потушите священное пламя соревнованія между профессорами“. * Поэтому въ интересѣ преподаванія желательно чтобы доступъ къ нему былъ открытъ возможно большому числу лицъ. Въ литературѣ подвять уже давно вопросъ о такъ-называемыхъ привать-доцентахъ. Нельзя не согласиться съ основною мыслью объ институтѣ доцентскомъ; все дѣло только въ организациі его. Въ современной Италіи каждый имѣющій право на свободнаго доцента можетъ съ разрѣшенія ректора открывать чтенія; но положеніе доцентовъ относительно профессорской коллегіи таково что въ Италіи какъ и у насъ привать-доцентура не особенно прививается и изъ лагеря ея слышится недовольство. **

Переходимъ къ самому преподаванію. Если обратить вниманіе на дошедшія свѣдѣнія о профессорской дѣятельности въ средневѣковыхъ итальянскихъ университетахъ, то сравненіе ихъ съ современною юридическою школой, по количеству труда и по рациональности преподаванія, едва ли будетъ въ пользу послѣдней.

Прежде всего профессоръ посвящалъ всю свою дѣятельность одному преподаванію. По договору, на примѣръ, съ общиной Вергалли имъ прямо запрещено было заниматься въ-университетскою практикой. Только позднѣе замѣчается вліяніе профессоровъ въ практическихъ дѣлахъ, и по мѣрѣ увеличенія этого вліянія сказываются вредныя послѣдствія для университетской науки. Извѣстно что особое положеніе

* De-Gioannis Gianquinto. *Delle condizioni necessarie all'insegnamento scientifico e letterario* p. 30.

** Напр. см. Tedeschi. *Del metodo nello studio del diritto civile*. Torino, 1877, p. 22.

занятое докторами въ Средніе Вѣка постепенно сдѣлалось для нихъ источникомъ практической служебной карьеры. Такъ во многихъ италянскихъ городскихъ общинахъ знаменитые доктора стали получать высокое государственное положеніе и отличія. Кромѣ того императоры, отчасти по особой причинѣ покровительствовавшіе докторамъ-юристамъ, создали для нихъ массою отдѣльныхъ декретовъ самое привилегированное положеніе и старались привлечь ихъ на службу. Карлъ V, напримѣръ, называетъ ихъ обыкновенно рыцарями закона, даетъ имъ почетный титулъ привилегированнаго тогда военнаго сословія и разныя общественныя права, подтверждаемыя палой. * Докторская степень открываетъ путь въ императорскіе совѣтники, къ высшему участию въ правительствѣ. И вотъ масса ученыхъ силъ хоровитъ университетскую науку на государственной службѣ и при дворахъ владыкъ. По этимъ явленіямъ, прямо вытекающимъ изъ положенія занятаго университетскою наукою, отмѣчается уже уладокъ средневѣковой школы въ послѣднемъ ея періодѣ. Учебный годъ продолжался обыкновенно десять мѣсяцевъ, начиная со дня Св. Луки (19 октября). Всѣ вакансіи не превышали девяноста дней въ году.

Въ учебное время профессора обязывались аккуратно читать свои лекціи и притомъ по регламенту, напримѣръ Сіенскаго университета, непремѣнно каждый день. Въ статутахъ различныхъ университетовъ мы находимъ статьи взысканій съ профессоровъ которые не могли привести уважительной причины пропущенной лекціи, или начинали ее пропустивъ часть положеннаго времени. Отмѣчать такую неаккуратность лежало на обязанности педеала ** который въ то же время долженъ былъ немедленно приглашать одного изъ наличныхъ профессоровъ занять свободную кафедру.

Каждая лекція продолжалась полтора или даже два часа.

Но чтеніемъ лекцій не ограничивался преподавательскій трудъ профессора. Кромѣ этихъ чтеній онъ обязанъ былъ подѣ страхомъ денежнаго взысканія принимать участіе въ вечернихъ собраніяхъ, на которыхъ происходили диспуты. Диспуты эти по статуту Падуанскаго университета производились во всѣ тѣ дни когда читались лекціи, въ періодъ отъ

* См. Mazzetti, *Memorie storiche*. p. 49.

** См. донесеніе педеала у Corpi. *Le università ital.* 244, 245.

начала года до Пасхи, въ Боловѣ—отъ карнавала до пятидесятницы, — и продолжались иногда долгое время. Разказы-ваютъ что въ Боловѣ диспутъ между Балдомъ и Бартоломъ тянулся цѣлыхъ пять часовъ.

На этихъ же засѣданіяхъ происходили и такъ-называемыя релетици, которыя въ Боловѣ производились каждую недѣлю одинъ разъ, по праздничнымъ днямъ, за все время отъ начала учебнаго года до карнавала.

Окажемъ о каждой формѣ преподавательской дѣятельности профессоровъ въ отдѣльности.

Лекціи раздѣлялись на ординарныя и экстраординарныя. Только первыя сначала оплачивались публичнымъ жалованьемъ и состояли изъ преподаванія курса признаннаго необходимымъ. Вторыя — были какъ бы дополненіемъ первыхъ и сначала оплачивались всегда только студенческими взносами. Читались эти лекціи обыкновенно бакалаврами или даже при извѣстныхъ условіяхъ выборными студентами. Такъ если студентъ посѣщалъ университетъ въ продолженіе пяти или шести лѣтъ (боловскій статутъ), то ректоръ могъ допустить его къ публичному толкованію отдѣльнаго титула или даже цѣлой книги. Но также и ординарные профессора по желанію студентовъ читали частнымъ образомъ спеціальныя курсы въ дни и часы незанятыя ординарными публичными лекціями. Одофредъ, въ одномъ изъ своихъ обращеній къ слушателямъ, говорить что будетъ читать свои обязательныя ординарныя лекціи, а частныхъ не станетъ больше читать, ибо студенты хотятъ знать все, а платятъ плохо.

Что касается предметовъ преподаванія, то юридическая школа съ древѣйшихъ временъ подраздѣлялась на коллегію гражданскаго или имперскаго права и коллегію каноническаго или папскаго права. Главнымъ предметомъ первой было Юстинианово право, къ которому въ послѣдствіи присоединялись другіе спеціальныя курсы. Порядокъ чтенія и распредѣленіе предмета между профессорами были подробно обозначены въ статутахъ. Такъ въ Боловѣ для *corpus juris civilis* было назначено пять курсовъ, изъ которыхъ два ординарные состояли изъ чтенія *Digestum vetus* и *Codex*'а, остальные три были экстраординарными. Всѣ эти курсы продолжались по году. Иногда одинъ и тотъ же профессоръ читалъ всѣ пять курсовъ одинъ за другимъ или одновременно нѣсколько изъ нихъ.

Со второй половины XIV вѣка въ статуты Болонскаго университета вошло такое измѣненіе: каждая часть Дигестъ или Кодекса должна читаться одновременно двумя профессорами, между которыми она раздѣлялась на половину,—и такіе курсы (удвоенные) продолжались не менѣе года. Въ Падуѣ въ концѣ XV вѣка полный курсъ римскаго права продолжался цѣлыхъ пять лѣтъ: годъ для институтіи, два года для *Digestum vetus* и *Infortiatum* и два года для Кодекса и *Digestum novum*. Предметомъ специальныхъ кафедръ были обыкновенно *Authenticum*, *Tres libri* и феодальное право.

Изъ этого краткаго очерка мы замѣчаемъ прежде всего что курсы читались полные, затѣмъ, не иначе какъ по книгамъ точно обозначеннымъ, хотя по самому методу изложенія прогрессивный порядокъ въ преподаваніи и не считался необходимымъ. Балда говоритъ что профессоръ могъ интерпретировать въ публичной школѣ лишь книги одобренныя. * Изъ статутовъ отдѣльныхъ университетовъ видно что въ Средніе Вѣка уже было обращено серьезное вниманіе на учебный планъ. Предъ открытіемъ чтеній профессорская коллегія обсуждала предстоящее преподаваніе; каждый профессоръ представлялъ свою, такъ-сказать, программу (*pagina*), то-есть обозначалъ предметы которые намѣревался излагать въ учебномъ году. Эти предметы, скрѣпленные университетскою печатью, опубликовывались школьною администраціей (Падуа). ** И въ современныхъ италіянскихъ университетахъ профессору обязательно представить краткую программу чтенія въ наступающемъ году; программа эта вывѣшивается для свѣдѣнія студентамъ. Наконецъ, мы видѣли что изложеніе основнаго предмета римскаго права было такое подробное что благодаря только этому оно могло выработаться въ Средніе Вѣка до понятія права общаго (*jus commune*) и путемъ наслѣдія составить главную основу тѣхъ началъ которыя регулируютъ правовыя отношенія въ современномъ обществѣ.

Въ нашихъ университетскихъ кружкахъ господствуетъ полное разногласіе по вопросу объ учебномъ планѣ; не рѣдко слышится полное отричаніе даже необходимости въ такомъ планѣ. Въ частности расходятся въ томъ: слѣдуетъ ли читать курсы въ цѣломъ составѣ предмета, излагать подробно или

* См. мѣсто изъ Балда у Colle, *Studio di Padova* 1 p. 143.

** Colle. *Studio di Padova* 1 p. 100.

въ суммарной формѣ знакомить съ главными положеніями науки и т. л. Въ настоящей статьѣ я не касаюсь этихъ современныхъ вопросовъ, такъ какъ посвятилъ имъ отдѣльный трудъ.

Переходимъ къ важнѣйшему вопросу въ преподаваніи, именно—его методу. По вѣрному замѣчанію профессора Скюлари „полезность школы зависитъ главнымъ образомъ отъ методы ученія и формы преподаванія“.* Съ этой же стороны преподаваніе въ средневѣковыхъ университетахъ было въ общемъ несравненно выше современнаго преподаванія въ нашихъ университетахъ.

Какъ показываетъ самое слово „чтеніе“ (lectura) основной приемъ академическаго преподаванія состоялъ въ объясненіи текста закона, который громко прочитывался профессоромъ. Этому обыкновенно предшествовало краткое изложеніе содержанія всего титула (summa). Толкованіе состояло въ указаніи на характеръ закона, въ разрѣшеніи очевидныхъ противорѣчій, въ развитіи общихъ началъ права (brogarda) и въ приведеніи дѣйствительныхъ или измышленыхъ судебныхъ случаевъ (casus), къ которымъ могъ быть примѣненъ законъ. Впрочемъ послѣднее дѣлалось чаще на релетиціяхъ. Толкованіе происходило всегда на память. Статуты и университетскіе обычаи не дозволяли профессору имѣть при себѣ писанныя замѣтки; послѣднее считалось даже неприличнымъ, и такіе профессора назывались въ насмѣшку людьми съ грамотками (chartacei). Это, съ одной стороны, охраняло за преподаваніемъ характеръ научной бесѣды, всегда легкой и съ большимъ вниманіемъ выслушиваемой аудиторіей, а съ другой—заставляло профессора отдѣлывать свои лекціи съ тѣмъ стараніемъ которое невольно поражаетъ насъ въ дошедшихъ запискахъ слушателей. Кромѣ того въ статутѣ нѣкоторыхъ университетовъ (напр. Перуджинскаго) находимъ подробныя правила чтеній, охраняющія интересъ самаго преподаванія. Такъ иногда профессора обязывались предувѣдывать студентовъ о чемъ они будутъ читать въ саѣдующія лекціи. Затѣмъ, подѣ страхомъ большой пени профессоръ не долженъ былъ пропускать неразъясненными ни одного вопроса, главы, закона, параграфа, не смѣлъ относить болѣе труднаго къ концу лекціи или на,

* Scolari въ *Archivio giurid.* 18 p. 564.

одной лекціи оканчивать болѣе одного или двухъ предметовъ и т. п. *

При всемъ этомъ самыя чтенія происходили не въ формѣ сухаго изложенія текста и комментарія на него; они носили скорѣе характеръ ученыхъ сообщеній, причемъ слушатели принимали активное участіе. Мы знаемъ что нѣкоторыми университетскими статутами (напр. въ Перуджіи) ** студентамъ предоставлено было право принимать участіе даже въ выборѣ вопросовъ которые бы излагались на лекціяхъ. Студенты разсматривали профессорскія программы и дѣлали къ нимъ прибавленія и измѣненія. Далѣе, мы знаемъ что студенты имѣли право въ случаяхъ сомнѣнія по поводу читаннаго подавать профессору замѣтки или просто прерывать его вопросами, и профессоръ обязанъ былъ въ тотъ же день или на слѣдующій удовлетворить студентовъ. *** Такимъ образомъ часто лекціи превращались въ діалоги между профессоромъ и студентами. Разказываютъ, напримѣръ, какъ извѣстный Азонъ, переодѣвшись, явился на лекцію своего бывшаго учителя Бассона и сблизъ его своими вопросами.

Мало того, въ Средніе Вѣка рано было признано и оцѣнено высокое воспитательное значеніе ученія. Во многихъ декретахъ, которыми утверждался университетъ, говорится что наука дѣлаетъ людей болѣе добродѣтельными. Поэтому преподавательская обязанность состояла не въ одной передачѣ идей, но и въ развитіи нравственныхъ началъ, въ частности понятій гражданской доблести, какъ прочной основы государственнаго благосостоянія и народнаго счастья. **** Нередко въ лекціяхъ тогдашняго профессора встрѣчаются такія обращенія къ студентамъ, въ которыхъ онъ излагаетъ имъ, какъ бы своимъ цѣннымъ друзьямъ, правила морали, вспоминаетъ свою жизнь, дѣлаетъ характеристику людей и т. д. Подобными вещами переполнены лекціи Одофреда. Сознавая такое воспитательное значеніе преподаванія, общество требовало прежде всего отъ самого профессора всѣхъ условій нравственной жизни, чтобы, какъ говорилось, студенты могли учиться не только изъ лекцій „но имѣли бы въ учителяхъ образецъ для подражанія въ жизни“. Понятно поэтому то

* Padeletti. *Studio di Perugia* p. 45, 46.

** Padeletti. *Studio di Perugia* lib. III rubr. 19.

*** Colle. *Studio di Padova* 1 p. 144.

**** Coppi, p. 258.

т. сLVII.

глубокое почтеніе съ которымъ средневѣковой студентъ относился къ своему профессору.

Вторая форма преподавательской дѣятельности состояла въ диспутахъ (*disputationes*), т.-е. въ отстаиваніи профессоромъ своихъ впередъ выставленныхъ положеній (тезисовъ) противъ оппонентовъ. Поставленные вопросы были чаще практическаго свойства. Первымъ оппонировалъ ректоръ, затѣмъ профессора, а наконецъ могли возражать и студенты. Такимъ образомъ студенты не только присутствовали при этомъ оживленномъ обменѣ мнѣній, возраженій и опроверженій профессора, но могли и сами принимать участіе въ этихъ такъ-называемыхъ „аргументаціяхъ“.

Наконецъ, релетици (*repetitiones*) были дальнѣйшимъ развитіемъ читанныхъ лекцій. Онѣ состояли въ томъ что профессоръ бралъ одинъ изъ пройденныхъ на лекціяхъ текстовъ и развивалъ его во всевозможныхъ примѣненіяхъ къ дѣйствительнымъ или измышленымъ практическимъ случаямъ, разбирая сомнѣнія и возраженія студентовъ.

Диспуты и релетици были какъ бы дополненіемъ къ лекціямъ.

Вотъ краткій очеркъ средневѣковаго университетскаго преподаванія. Мы видимъ постоянный непосредственный обменъ мыслей между профессоромъ и учениками, мы видимъ поэтому и тотъ живой интересъ который питали студенты къ лекціямъ и ту полноту познаній которую они должны были выносить изъ университета. Студенты учатся по жѣрѣ чтенія лекцій и учатся основательно. Поэтому нѣтъ ничего преувеличеннаго въ словахъ профессора Серафими, * сказавшаго что средневѣковые университеты служатъ и всегда будутъ служить недостижимымъ образцомъ свободнаго и плодотворнаго преподаванія. Конечно, сравнивая теперешніе италіянскіе и наши юридическіе факультеты со средневѣковою школою, мы не должны забывать что сами студенты не мало способствовали плодотворности этого преподаванія. Средневѣковые университеты были свободною школою, которая удовлетворяла лишь свободной любви къ познаніямъ, безо всякихъ иныхъ расчетовъ. Единственнымъ импульсомъ заставлявшимъ идти въ университетъ, нерѣдко покидая для того далекую родину, была жажда къ ученію. Въ исторіи университетовъ встрѣчаются примѣры, когда студентъ, въ послѣдствіи

* *Archivio giurid.* v. 21 p. 483.

ученая знаменитость, живетъ подавляемъ, но не оставляетъ ученія. Для бѣдныхъ студентовъ, жившихъ на чужой счетъ, было даже свое особое названіе „socii doctorum vel scholarium“. При уломанутой массѣ каедръ лекціи въ иныхъ университетахъ читались съ ранняго утра до поздняго вечера и всѣ эти лекціи посѣщались массой слушателей. Рассказываютъ что въ Римскомъ университетѣ студенты, чтобы занять лучшія мѣста на лекціяхъ любимаго профессора, приходили въ аудиторіи съ лавочки и т. д.

Современемъ, когда университетъ сдѣлался мало-по-малу источникомъ общественной карьеры, замѣчается вмѣстѣ съ тѣмъ въ массѣ студентовъ упадокъ рвенія къ ученію. Начиная рассказывать, какъ нѣкоторые профессора даютъ студентамъ деньги въ займы съ цѣлью заставить должниковъ посѣщать свои лекціи. Любимою шалостью студентовъ было лохичать книги и т. л. Достаточно сказать только что въ шестнадцатомъ вѣкѣ герцогъ Феррарскій въ эдиктѣ обращенномъ къ университету говорить совсѣмъ противное тому что нѣкогда говорилъ Одофредъ, а именно герцогъ свидѣтельствуемъ что студенты теперь уже не желаютъ заниматься и только нарушаютъ порядокъ чтенія лекцій. Словомъ, первоначальный смыслъ средневѣковой школы измѣнился, измѣнилось и отношеніе къ ней учащагося контингента. Въ этой стадіи развитія средневѣковая школа представляется намъ переходною ступенью къ чистому тилу новѣйшихъ университетовъ. Для громаднаго большинства современныхъ студентовъ, университетъ имѣетъ совсѣмъ особое значеніе, а именно, какъ учрежденіе дающее извѣстное общественное положеніе. Поэтому тѣмъ болѣе желательна такая форма преподаванія которая привлекаетъ слушателей къ постоянному занятію способствуя бы солидности выносимыхъ ими изъ университета знаній. На дваѣ же настоящій приемъ преподаванія юридическихъ наукъ дѣлаетъ посѣщеніе лекцій совершенно бесполезнымъ. Сколько ни говорить о пользѣ изустнаго слова, но всякій прошедшій университетскій курсъ можетъ личнымъ опытомъ подтвердить что при настоящей формѣ профессорскихъ чтеній посѣщеніе лекцій въ большинствѣ случаевъ — простая трата времени. Въ современной Италіи это сознали ясно и начинаютъ громко высказывать желаніе возвратиться къ той формѣ преподаванія кака

практиковалась въ средневѣковыхъ университетахъ. * Дѣйствительно, студентъ, слушая сплошное устное изложенеіе предмета, не въ состояніи ни сохранить сосредоточеннаго вниманія въ продолженіе всей лекціи, ни осмыслить и усвоить себѣ ея содержаніе. Въ головѣ его остаются какія-то отрывочныя фразы профессора, безъ связи и яснаго уразумѣнія. Словомъ, слушатели, какъ выразился одинъ писатель (Боккардо), представляютъ изъ себя стадо которое возвращается съ ластовища налитавшись однимъ вѣтромъ. Поэтому обращая взоръ къ Германіи, въ Италіи начинаютъ приглашать профессоровъ отказаться отъ дорогаго для нихъ приѣма чтеній въ формѣ рѣчей, что отдаляетъ ихъ отъ слушателей, а стараться привлечь послѣднихъ къ непосредственнымъ занятіямъ съ собою, превративъ свои лекціи въ бесѣды и даже діалоги со студентами. Этимъ думаютъ увеличить среди студентовъ интересъ къ ученію, принудить ихъ къ нормальнымъ и постояннымъ занятіямъ и такимъ путемъ возвысить не только уровень познаній, но и нравственно облагораживающее значеніе наукъ.

Нельзя сказать чтобъ и у насъ и въ официальныхъ сферахъ Италіи не создалась несостоятельность обычной формы профессорскихъ чтеній. Въ послѣднее время у насъ много говорятъ о семинаріяхъ и даже пытаются провести ихъ на дѣлѣ. Въ италіянскомъ же послѣднемъ университетскомъ регламентѣ имѣется такой параграфъ (65) основныхъ правилъ: „преподаваніе официальныхъ профессоровъ выражается въ двухъ формахъ: чтенія и конференціи со студентами. Послѣднія профессоръ можетъ производить въ отдѣльные часы или посвящать имъ часть каждой лекціи.“ Но такъ какъ несомнѣнно успѣхъ конференцій обуславливается подготовкой студентовъ лекціями, то вопросъ о несостоятельности формы послѣднихъ остается открытымъ.

Кромѣ всего этого въ современныхъ италіянскихъ университетахъ признано, какъ и у насъ, въ интересъ успѣшнаго преподаванія необходимымъ обставить его цѣлою системой испытаній студенческихъ.

Мы видѣли что въ Средніе Вѣка успѣшные результаты университетскаго преподаванія зависѣли лишь отъ его метода, примѣяемаго на лекціяхъ, диспутахъ, релетиціяхъ.

* См. Del Vecchio. *Del metodo d'insegnamento delle scienze giuridiche ed economiche*. Milano 1875, p. 38—41.

Всякое испытание которому подвергался студентъ было всегда направлено лишь къ приобритенію одной изъ трехъ академическихъ степеней и правъ и привилегій соединенныхъ съ ними. Другихъ какихъ-либо экзаменовъ не было. Да это и понятно. Самый характеръ средневѣковой школы дѣлалъ иные экзамены лишними. Школа эта не имѣла профессиональной цѣли, не выдавала диплома на общественную карьеру, не подготавливала къ государственной службѣ.

Въ университетъ шли ради того только чтобы приобрѣсти познанія, и эта цѣль студента достигалась дѣйствительными его занятіями: постояннымъ посѣщеніемъ лекцій, диспутами, обмѣномъ мыслей съ профессоромъ. Словомъ, университетъ былъ то что принято теперь называть „свободною школою“; поэтому не было и надобности въ какихъ-либо экзаменахъ контролирующахъ дѣйствительные успѣхи студента.

Другое дѣло теперь, когда университеты служатъ подготовкой къ государственной службѣ. При такомъ назначеніи университетовъ, большинство слушающаго контингента всегда будетъ состоять изъ лицъ главная цѣль которыхъ—дипломъ, открывающій путь къ карьерѣ. Последнее обстоятельство, какъ положительный фактъ, засвидѣтельствовано италянскими писателями по университетскому вопросу. * Это современное положеніе высшей школы, какъ государственнаго учрежденія, служащаго цѣлямъ государственной же службы, и истекающее изъ этого положенія отношеніе къ школамъ большинства учащихся, вносить условія отличныя отъ тѣхъ при какихъ дѣйствовала средневѣковая школа. Прежде всего выдача диплома мыслима только по удостоверенію что студентъ приобрѣлъ требуемыя для службы знанія. А во вторыхъ, учрежденіе заинтересованное въ извѣстныхъ результатахъ ученія, при вѣдшей его цѣли, не можетъ избѣгать извѣстной принудительности въ порядкѣ рациональныхъ занятій студентовъ. Даже проповѣдники полной свободы студента распредѣлять свои занятія какъ ему хочется и нравится признаютъ полезнымъ рациональный учебный планъ, устанавливающій взаимное отношеніе и послѣдовательность предметовъ преподаванія, ** а савдательно и обученія, если только допустить что руководство

* См. напр. Schupfer *Intorno, al regolamento della Facoltà de Giurisprudenza* въ *Archivio giurid.* 18 f. 1 p. 51.

** *Ibid.* p. 50, 55, 47.

студентовъ въ занятіяхъ профессорами и полезно и желательво. Далѣе, услышныя результаты ученія обуславливаются трудомъ за все пребываніе въ университетѣ, а не порывчатымъ напряженіемъ силъ въ періодъ предшествующій выходу изъ школы. Большинство же студентовъ при теперешнемъ назначеніи университета несомнѣнно имѣютъ склонность къ бездѣтельности и только предъ отчетомъ заставляютъ работать днемъ и ночью. Итальянцы говорятъ: „наша молодежь требуетъ понужденія, безъ котораго легко дается лѣности“. * И вотъ съ цѣлью избѣжать поверхностности знаній, обуславливаемой такими нераціональными занятіями студентовъ, въ итальянскомъ университетскомъ уставѣ установлены максимумы и минимумы обязательно слушаемыхъ недѣльныхъ лекцій: первыхъ 30, вторыхъ—18. ** Но нельзя не сказать что и нынѣ самымъ лучшимъ контролемъ надъ студенческими занятіями было бы конечно постоянное, непосредственное общеніе профессора со студентомъ въ такой формѣ преподаванія какую мы видали въ Средніе Вѣка, т. е. чтобы студентъ могъ сознательно слѣдить за лекціями, разъяснять немедленно свои недоразумѣнія, вступающаго по этому поводу въ разсужденія съ профессоромъ, чтобы и профессоръ могъ во всякое время проверить услѣшность своихъ чтеній, релетировавъ пройденное. Но это требуетъ условій кои нынѣ отсутствуютъ. При теперешнемъ положеніи остается формальный принудительный контроль, въ формѣ экзамена.

Остается ждать когда найдено будетъ удачное и практичное разрѣшеніе университетскаго вопроса въ смыслѣ возвращенія къ понятію свободнаго преподаванія. Пока же современныя итальянскіе университеты какъ и наши по своему общему характеру рѣзко отличаются отъ свободной школы Среднихъ Вѣковъ, а потому и положенія послѣдней не приложимы къ первымъ.

Д. АЗАРЕВИЧЪ.

Флоренція, 1881 года.

* Ibid. p. 57.

** *Regolamento gener. univers. 1876, Art. 20.*

* * *

Дня померкнулъ блескъ веселый,
Смокнулъ лѣсъ и смокнули селы.

Сна не въ силахъ превозмочь
Молчаливо, безъ привѣта,
Вслѣдъ лучамъ дневнаго свѣта,
Въ ризу темную одѣта
Притекла и стала ночь.

Въ небѣ, гдѣ мечты витають,
Очи яркія сверкають—

Маяки земныхъ надеждъ;
А на доли, на дубровы,
Неподвижны и суровы,
Пали длинныя покровы
Голубыхъ ея одеждъ.

Тщетно мѣры ищетъ око:
Все и близко, и далеко;
Нѣтъ началъ и нѣтъ границъ!
Въ безднѣ темнаго молчанья
Потокули очертанья;
Ни движенья, ни мерцанья,
Ни зефира, ни зарницъ!

Но дохнули ароматы,
И волшебствомъ ихъ объятый
Опьяненный грезить міръ,
Что слетѣла дѣва рая,
Сладкій сонъ земли лаская,
И поетъ надъ ней, брадая
На струнахъ небесныхъ лиръ!

Гр. ГОЛЕНИЦЕВЪ-КУТУЗОВЪ.

ВНѢ КОЛЕИ

Р О М А Н Ъ

И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сиять...

Пушкинъ.

Благословляю васъ, дѣся,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубыя небеса.
И посохъ мой благословляю,
И эту бѣдную суму,
И степь отъ края и до края,
И солнца свѣтъ, и ночи тьму
И одинокую тропинку,
По коей, нищій, я иду,
И въ почѣ каждую былинку,
И въ небѣ каждую звѣзду

Гр. А. Толстой.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Въ одной изъ низовыхъ губерній, верстахъ въ пяти отъ берега Волги и въ десяти отъ губернскаго города С., лежитъ большое село Бѣлые Столбы. Какъ почти всѣ черноземныя села, оно расположилось на днѣ широкаго оврага. Приземистыя избы, съ соломенными крышами подъ расчестку, въ

беспорядкѣ зашли по одному изъ отлогихъ береговъ. Почему оно получило такое странное названіе, сказать трудно. Говорятъ, когда-то, лѣтъ за семьдесятъ или болѣе, его бывший владѣлецъ, обреченный на безвыходное проживаниеъ въ деревнѣ по всемілостивѣйшему указу императора Павла, вздумало было обвести всю обширную барскую усадьбу высокою оградой изъ бѣлаго плитняка и вмѣсто воротъ, у самаго начала вѣковой липовой аллеи, поставилъ два колоссальные каменные столба. Но отъ этихъ памятниковъ барскаго тще-славія не осталось теперь и слѣдовъ, и самый родъ прежнихъ владѣльцевъ исчезъ безслѣдно, какъ только на Руси можетъ исчезать бывшее. Липовая аллея, сильно порѣдѣвшая отъ времени, попрежнему ведетъ изъ села въ усадьбу, но доступъ къ ней со всѣхъ сторонъ открытъ. Старинный просторный домъ весело и бодро глядитъ на привольную степь. Съ высокаго мѣста на которомъ расположилась усадьба взглядъ свободно обнимаетъ и широкую гладь полей, гдѣ-то вдали слившуюся съ небомъ, и село на противоположномъ берегу рѣки, и громадную плотину которую она запружена. При всей незатѣвливости этой обстановки, когда безоблачное юньское небо любитъ зеленымъ моремъ колосьевъ, почти такимъ же непредѣльнымъ какъ и оно, или когда вечернее солнце играетъ на крестѣ и на окнахъ деревенской церкви и золотитъ поверхность соннаго пруда, залюбуешься на эту картину, не богатую красками: какимъ-то дивнымъ сложиствiемъ, какою-то природною мощью дышетъ эта не шумная степь!

Только съ одной стороны, за домомъ гдѣ старинный садъ незамѣтно спускается къ плотинѣ, картина замкнута рамкой густой зелени. Здѣсь и вѣковая морщинистая лила, и стройный не по возрасту тополь, и кудрявый вязъ, заслоняютъ свою лестроую листвою весь остальной, чужой міръ. Съ террасы выходящей въ садъ кажется будто зеленая чаща, въ которой чѣмъ дальше тѣмъ гуще стелются тѣни, непроницаемою стѣной заграждаетъ доступъ въ этотъ міръ. Здѣсь исчезаетъ всякое представленіе о возможности степнаго простора. Взглядъ теряется въ глубинахъ тѣни, куда лишь изрѣдка, крадучись, проникаетъ солнечный лучъ. А стоить оку- нуться въ эту чащу, хоть затѣмъ чтобъ испробовать новое впечатлѣніе послѣ широкаго однообразія полей! Садъ постепенно становится лѣсомъ, спускъ дѣлается круче и вдругъ

обрывается почти отвѣсно глубокой оврагъ, на днѣ котораго, освободившись изъ-подъ плотины, рѣчка все глубже и глубже прорываетъ себѣ дорогу къ недалекой Волгѣ. Но не та ужь эта смиренная рѣчка чьи берега чуть замѣтно спускаются къ ложбинѣ: здѣсь они ближе подступили къ ней и хмурятся, покрытые густою щетиной бурьяна и релейника, среди которой ползаетъ цѣлкій кустарникъ. И сама она бурлитъ и сердится, быстро стекая по каменистому дну. А вокругъ нея, мрачный и безмолвный, вѣковыми сторожемъ стоитъ непочатый дубовый лѣсъ.

Бѣлые Столбы почти уже сорокъ лѣтъ какъ принадлежатъ Аннѣ Григорьевнѣ Корецкой. Здѣсь она провела свое дѣтство, и они ей достались въ приданое, когда девятнадцати лѣтъ она вышла замужъ за гвардейскаго офицера Алексѣя Николаевича Корецкаго, случайно попавшаго въ С. губернію. Здѣсь она воспитала своихъ сыновей, Митю и Володю, и, овдовѣвъ, одиннадцатъ лѣтъ тому назадъ, въ 1863 году, продолжала, какъ и при жизни мужа, твердою рукой вести свое хозяйство. Она не запускала его ни до освобожденія крестьянъ, ни послѣ, и гордится тѣмъ что принадлежащая ей пять тысячъ слишкомъ десятинъ земли приносятъ теперь вдвое больше чѣмъ при крѣпостномъ правѣ, что имѣніе ея выгдѣ не заложено и лѣсъ остался нетронутымъ. И порядки въ ея домѣ, хоть они не отличаются роскошью и изысканностью, и здоровыя, массивныя постройки, хотя въ Бѣлыхъ Столбахъ не заведено никакихъ современныхъ улучшеній, свидѣтельствуютъ о томъ что Анна Григорьевна хозяйка отличная. И эта репутація обезлечиваетъ ей, женщинѣ довольно мало образованной и вовсе незнатной, всеобщее уваженіе въ уѣздѣ, далеко за предѣлами сосѣдства. Разчетливая хозяйка Бѣлыхъ Столбовъ была извѣстна своею благотворительностью и еще болѣе своимъ хлѣбосольствомъ; ея домъ, хотя далеко не первый въ уѣздѣ, рѣдко бывалъ пустымъ. Губернскіе тузы считали обязанностью съ ней поддерживать знакомство, хотя она, со своей стороны, ни въ комъ изъ нихъ не заискивала.

Корецкіе веди свой родъ отъ одноименной съ ними польской фамиліи, хотя они давнымъ-давно, живя въ Россіи, утратили съ ней всякую связь и княжескаго титула не носили. Это былъ вполнѣ захудалый родъ, рѣдкій изъ его

представителей выходилъ въ люди, и то не въ самые крупныя. Тѣмъ не менѣе они поддерживали съ грѣхомъ пополамъ кое-какія связи и выбивались изъ силъ ради фамиліальной чести, то есть попросту сказать, служили постоянно въ гвардіи, либо въ одномъ изъ болѣе видныхъ министерствъ. Таковъ былъ и покойный мужъ Анны Григорьевны, Алексѣй Николаевичъ. Когда судьба его случайно занесла въ С. и тамъ на балу у губернатора онъ увидалъ хорошенькую Аниюту Скворцову, наследницу Бѣлыхъ Столбовъ, которой очень скоро вскружилъ голову, онъ сначала раздумывалъ было ли прилично ему предложить свою руку и сердце провинціальной дѣвочки, совершенно чуждой блестящему петербургскому міру. Но практическія соображенія взяли верхъ надъ тщеславіемъ въ сердцѣ небогатаго и къ тому же слегка влюбленнаго офицера. Онъ женился и по настоянію тестя даже вышелъ въ отставку. Но занятіе хозяйствомъ ему не пришлось по вкусу. Алексѣй Николаевичъ скучалъ въ обществѣ своей хорошенькой, но вовсе уже не свѣтской жены. Тщеславіе ему не давало покоя, тѣмъ болѣе что родной братъ его, Петръ Николаевичъ, успѣвшій также выгодно жениться, держалъ въ Петербургѣ открытый домъ и такъ быстро шелъ впередъ по гражданскому поприщу что обѣщалъ вскорѣ сдѣлаться на немъ звѣздой первой величины. Алексѣй Николаевичъ не утерпѣлъ и вновь попросился на службу. Анна Григорьевна, скрѣпя сердце, послѣдовала за нимъ, но лѣтомъ постоянно хотя бы и безъ мужа уѣзжала въ свои Бѣлые Столбы. Ей Петербургъ былъ не по сердцу; отношенія между супругами не могли быть душевными, практическій смыслъ Анны Григорьевны очень хорошо понималъ слабости ея мужа, и ей было немного стыдно за его мелочное самолюбіе; а она со своей стороны не могъ простить ей того что она рѣшительно не годилась въ свѣтскія женщины. Такъ вяло шли года. Анна Григорьевна немного зачерствѣла и замкнулась въ узкій кругъ практическихъ соображеній и сердечной хотя будничной доброты. Алексѣй Николаевичъ дослужился-таки до генеральскаго чина, но даже въ эпоху Восточной войны онъ оставался генераломъ исключительно разводнымъ. Неудовлетворенное самолюбіе его медленно подтачивало. Тѣмъ временемъ подрастали сыновья: старшаго Дмитрія, выказывавшаго большія способности, помѣстили въ Московскій

университетъ въ то горячее время когда подготавлилась крестьянская реформа; младшій былъ тогда еще мальчикомъ. Дѣти были вообще, что очень часто бываетъ, гораздо болѣе привязаны къ матери чѣмъ къ отцу. Для Мити это было впрочемъ большимъ счастьемъ: онъ не вынесъ изъ родительскаго дома ни одного изъ тѣхъ раздражающихъ впечатлѣнй которыя потомъ какъ тѣкая закваска осаждаются въ молодой душѣ и приводятъ ее въ броженіе. Но вотъ наступилъ памятный день 19 февраля, и Алексѣю Николаевичу, принадлежавшему къ числу тѣхъ которые твердо вѣрили что не рѣшатся освободить „этихъ сиволапыхъ“ никогда, пришлось убѣдиться на дѣлѣ что настала конецъ его патріархальной власти, которою онъ, впрочемъ, пользовался чисто фактивно. Перваго прѣзда въ Бѣлые Столбы мирового посредника онъ не вытерпѣлъ. Онъ попробовалъ было съ нимъ бороться по генеральски, но почему-то вдругъ замаялся и безъ боя уступилъ представителю новаго порядка. Ужиться съ этимъ порядкомъ онъ однако не могъ и поддался болѣзненной раздражительности, роковой предвѣстницѣ конца. На грѣхъ случилась новая бѣда: на одномъ разводѣ что-то вышло неладно съ тою частью которою онъ командовалъ, и ему пришлось изъ очень высокихъ устъ услышать далеко не лестный отзывъ. Алексѣй Николаевичъ захлѣбъ, промаялся еще съ годъ, и вдругъ, послѣ очень сытнаго обѣда, окончилъ свое земное странствіе. Такъ переходитъ въ сумерки имой сѣренькій день, и солнце никѣмъ незамѣченное опускается за безцвѣтными тучки, изъ-за которыхъ его не было видно.

Анна Григорьевна теперь уже безвыѣздно зажила въ деревнѣ, справилась съ переходнымъ временемъ и стала по-лемному тою хлопотливою, добродушною хозяйкой какою застали мы ее теперь. Она и не старалась выйти изъ той узкой рамки которую ей создала жизнь, и ея узкій мірокъ ограничивался хозяйствомъ, въ которомъ она знала толкъ, и дѣтьми, въ которыхъ она души не чаяла, хоть и не задавалась мыслью направлять ихъ развитіе. Она не совсѣмъ ясно понимала что дѣлается въ головѣ ея сыновей, такъ точно какъ не старалась проникать въ явленія общественной жизни. Иногда только она недовѣрчиво качала головой когда слышала рѣзкое, бойкое слово доходило до нея. Ея не касался тотъ новый духъ который вездѣ носился вокругъ нея; но она съ нимъ и не думала бороться. Теперь, когда открывается

нашъ разказъ, ея старшаго сына вѣтъ въ Бѣлыхъ Столбахъ; онъ путешествуетъ за границей. Младшій, Володя, въ прошломъ году окончившій курсъ въ Одесскомъ университетѣ, недавно пріѣхалъ изъ Петербурга, гдѣ гостилъ. Анна Григорьевна сама только недѣли съ три у себя въ Бѣлыхъ Столбахъ: ей пришлось, а для нея это рѣдкость, побывать въ Москвѣ по дѣлу, и оттуда она, къ великому изумленію домашнихъ и сосѣдей, привезла съ собою молодую дѣвушку, свою дальнюю родственницу, про которую никто до сихъ поръ не слыхивалъ, а теперь всѣ видѣвшіе ее говорили не то съ удивленіемъ, не то съ укоромъ. Надѣ Ольшевской выдала незавидная доля озадачить большинство обитателей того мирнаго уголка въ которомъ она нечаянно явилась.

Анна Григорьевна не считала нужнымъ объяснять почему ей вздумалось привезти съ собою племянницу; ея молчаніе на аготъ счетъ, быть-можетъ, и придавало нѣкоторую загадочность присутствію молодой дѣвушки въ Бѣлыхъ Столбахъ. На самомъ дѣлѣ вотъ что случилось: мѣсяца за два предъ тѣмъ къ Аннѣ Григорьевнѣ пришло данное письмо отъ отца Нади, Сергѣя Ольшевскаго, въ которомъ онъ умолялъ ее принять участіе въ судьбѣ его дочерей, возбуждавшей его живѣйшія опасенія: по матери, тоже Скворцовой по рожденію, Нада приходилась ей ввучатною племянницей. Анна Григорьевна, не долго думая, отправилась въ Москву, гдѣ, по словамъ отца ихъ, тогда находились молодыя дѣвушки. Она долго и тщетно разыскивала ихъ по Бѣлокаменной. Старшей, Александры, уже не было тамъ. Съ младшею ее свелъ наконецъ случай. Разъ, когда Анна Григорьевна возвращалась въ свою гостиницу, на лѣстницѣ ей попалась дѣвушка торолливо скодившая по ступенямъ. Глаза ихъ встрѣтились, и обѣ женщины мигомъ узнали другъ друга, хотя предъ тѣмъ и то за нѣсколько лѣтъ имъ всего пришлось свидѣться два-три раза. Нада попробовала было укрыться отъ тетки, и не малаго труда стоило Аннѣ Григорьевнѣ уговорить племянницу войти съ ней въ занимаемый ею номеръ. Нада видимо дичилась и сначала не поддавалась ни ласкамъ, ни убѣжденіямъ, но прамодушному участію Анны Григорьевны удалось побѣдить ея упорное заперательство; положеніе молодой дѣвушки было въ самомъ дѣлѣ безвыходное. То что Аннѣ Григорьевнѣ пришлось отъ нея услышать, читатель узнаетъ въ послѣдствіи. Сначала она съ недоувѣрчивостью лойманной птички отвѣчала

на заботливый старанія тетки, но послѣ долгаго отпора она наконецъ покорилась, и тутъ же все ея существо, какъ бы возродившееся къ новой жизни, отдалось ласковому добродушію старушки. Рѣшено было что она поселится въ Бѣлыхъ Столбахъ. Но въ виду несовершеннолѣтія Нади, Аннѣ Григорьевнѣ пришлось долго возиться съ разными формальными затрудненіями, пока ее наконецъ официально признали почетельницей молодой дѣвушки.

II.

In the Spring's young man's fancy
Lightly turns to thoughts of love.

Tennyson.

Было совершенно безоблачное, довольно свѣжее утро въ концѣ апрѣля. Наканунѣ сильная гроза съ ливнемъ провела надъ Бѣлыми Столбами, одна изъ тѣхъ весеннихъ грозъ которыми лѣто вдругъ рѣшительно возвѣщаетъ о своемъ близкомъ наступленіи. На листьяхъ деревьевъ блестяли еще не испарившіяся дождевыя капли. Трава въ саду, пресыщенная влагой, какъ-то особенно бодро и густо зеленѣла. Вся природа слѣдила проявить во всей полнотѣ свои обновленныя силы. Даже на хмурыхъ дубахъ, всегда недоувѣрчиво встрѣчающихъ весну, почка замѣтно повеселѣла. Сирень еще не думала зацвѣтать, но въ воздухѣ уже носился пряный запахъ распускавшейся черемухи.

Молодой человѣкъ, довольно высокаго роста, съ ружьемъ перекинутымъ черезъ плечо, не слѣша пробирался въ садъ по дорожкѣ ведущей изъ лѣса. Одѣтъ онъ былъ въ легкій, свѣрый пиджакъ и хотя съ ногъ до головы онъ былъ покрытъ болотными брызгами, что-то изящное, ловкое было и въ его костюмѣ, и во всей его стройной осанкѣ. Ему было двадцать три года, но казался онъ моложе. Въ легкой, однако не совсемъ увѣренной походкѣ, въ блестящихъ подвижныхъ глазахъ, въ красивыхъ, но, казалось, не вполне еще опредѣлившихся чертахъ лица, было еще что-то полудѣтское. Дойдя до лужайки предъ домомъ, онъ съ явнымъ удовольствіемъ олустился на скамейку, досталъ серебряную папиросницу и съ наслажденіемъ закурилъ. Какая-то граціозная лѣнь была во всей его позѣ. Черный сетеръ растаялся у его ногъ и

видимо довольный собой урывками поглядывалъ на хозяина своими прищуренными серьезными глазами.

Молодой человѣкъ поглядѣлъ на часы.

— А! девяти еще нѣтъ! Еще добрыхъ полчаса до завтрака, громко сказалъ онъ и досталъ изъ кармана измятую книжку. Но едва развернулъ онъ ее какъ послышался скрипъ отворившейся калитки и изъ-за кустовъ показалось сѣрое женское платье. Собака съ веселымъ лаемъ бросилась къ дамѣ, и молодой человѣкъ мигомъ вскочилъ на ноги.

— Нада, откуда вы такъ рано? живо спросилъ онъ у подходившей молодой дѣвушки, и глаза его закрились, а по лицу пробѣжалъ легкій румянецъ.

— Я на селѣ была, отвѣтила она ровнымъ, довольно низкимъ голосомъ, и подала ему руку.—Тамъ больныхъ много.

Надѣ Ольшеской только-что минуло осьмнадцать лѣтъ и судя по выраженію ея мягко-очерченныхъ губъ, особенно когда онѣ раскрывались для улыбки, ее почти можно было считать за ребенка. Но выраженію этому странно противорѣчили ея большіе, темносѣрые глаза и твердыя, правильныя дуги густыхъ черныхъ бровей. Эти глаза умѣли такъ пристально вглядываться, они порой смотрѣли, казалось, изъ такой глубины что въ мысли таившейся въ нихъ уже конечно ничего не было дѣтскаго. Видно было что ея маленькая, изящная головка уже много передумала нелегкихъ думъ, и жизнь своею мрачною печатью легла на ея чистый, высокій лобъ. Одѣта она была очень просто. На сѣрую блузу, стянутую у гибкой талии чернымъ кожанымъ кушакомъ, была накинута суковатая куртка. Голова была повязана бѣлымъ платкомъ, изъ-подъ котораго выбивались густыя пряди волнистыхъ бѣлокурыхъ волосъ.

— Да вы тоже, Володя, сегодня не по обыкновенію рано встали, судя вотъ по этому, продолжала она, подходя къ скамейкѣ и указывая на висѣвшій на немъ атташъ, въ которомъ виднѣлись четыре застрѣленные утки.

Володя почему-то сконфузлся.

— Не утерпѣлъ, Нада, сказалъ онъ.—Я всего въ первый разъ туда на болото забрелъ.

— Да чего жь вы будто извиняетесь, смѣясь возразила она.— Охота самое здоровое упражненіе, да къ тому же вы, благодаря ей, страхнули съ себя петербургскую лѣнь. И прекрасно!

Она сѣла и взглянула на него и ласково и шутливо въ то же время.

— А вамъ все кажется что вы непременно обязаны быть серьезнымъ человекомъ, исключительно занятымъ важными вопросами. Живите такъ какъ хочется, а не какъ должно хотѣться, по заранѣ определенной рамкѣ.

Въ ея тонѣ былъ странный оттѣнокъ снисхожденія. Она говорила съ нимъ почти какъ взрослые говорятъ съ дѣтми, хотя и была лѣтью годами его моложе. Володю отъ ея словъ еще лучше бросило въ краску.

— Вы, Надя, сказали оны не совсѣмъ рѣшительно,—все вотъ будто надо мной смѣетесь. Развѣ я мальчикъ, неслучайный понять высокихъ задачъ нашего поколѣнія. А я вѣдь, даю вамъ слово, готовъ горячо служить общему дѣлу...

Она не дала ему договорить.

— Вы бы лучше матушкѣ помогали въ управленіи,—она и вемолода къ тому же, да жила бы себѣ, лока живетса...

— Да отчего вы, наконецъ, горячо прервали оны ея, и глаза его вслыхнули такъ же какъ щеки,—отчего вы никогда со мной про это не хотѣли говорить? Вѣдь я же знаю, чѣмъ вы были прежде, вѣдь я тоже изъ вашихъ!

Брови ея сдвинулись, глаза упорно, почти враждебно остановились на немъ.

— Вѣдь я васъ просила, сказала она отрывисто,—никогда мнѣ не говорить про это! Неужели вы не можете понять?... И голосъ ея вдругъ оборвался, и она уже продолжала тихо, почти невнятно:—Дайте же мнѣ забыть про то время, свыкнуться съ новою обстановкой... Развѣ вы думаете это легко?

Но она тотчасъ подавила свое волненіе:

— Покажите лучше, начала она опять весело,—что за романъ вы тутъ читали.

И она протянула руку къ лежавшей на скамейкѣ книгѣ.

— Это не романъ, а рѣчи Лассала въ собраніи берлинскихъ рабочихъ.

— Вотъ какъ! Ну, я вижу, вы рѣшительно не хотите терять ни минуты. Похвально!

Оны снова нѣсколько обиженнымъ тономъ сталъ толковать ей про рабочій вопросъ, про свою рѣшимость посвятить ему всю свою жизнь. Но она снова остановила потокъ его горячихъ словъ.

— Ну, Володя, если ужъ на то пошло, такъ у васъ здѣсь модъ рукой удобный случай все это доказать на дѣлѣ.

Стоить только глаза раскрыть. Вы когда-нибудь бывали у себя на селѣ?

— Конечно бывалъ. Еще был!

— А въ крестьянскую избу ни разу на своемъ вѣку не заглянули, въ этомъ я твердо увѣрена. Такъ ли?

Володя промолчалъ.

— Ну, вотъ видите. Это вѣдь не какіе-то далекіе, отдаленныя рабочіе, по которымъ такъ удобно сокращаться, читая Лассаля. Тамъ и грязь, и духота, и большыя дѣти. Все это очень непривлекательно. А я вотъ не бѣлоручка, и всего этого не боюсь.

Володя живо перебилъ ее, устремивъ на нее свои блестящіе черные глаза.

— Да зачѣмъ вы туда чуть не каждый день ходите? Вѣдь вы рискуете въ самомъ дѣлѣ заболѣть, и все ради того чтобы испробовать цѣлительную силу вашей гомеопатической амтеки.

Нада покачала головой.

— Покорно благодарю за участіе, а вѣдь бывала. Зачѣмъ я хожу? А зачѣмъ что мнѣ захотѣлось узнать каковы на дѣлѣ тотъ сѣрый народъ о которомъ мы съ вами, культурные люди, такъ любимъ разглагольствовать.

— Ну хорошо, Нада, да все-таки вы не профессоръ спеціальныхъ наукъ и не докторъ, это совсѣмъ не ваше дѣло.

Лицо Нады вдругъ какъ-то особенно оживилось. Видно было что въ ней просилось наружу какое-то глубокое, совсѣмъ ужъ не ручное чувство, долго сдерживаемое требованіями ея новой, мирной жизни.

— Вы хотите сказать, прощически отвѣтила она,— что это для меня пожалуй неприлично? Полноте, а вѣдь не „барышня“ какая-нибудь. И узнала я въ самомъ дѣлѣ многое, на-примѣръ, хоть то что ваши мужички живутъ теперь чуть ли не вдвое хуже чѣмъ при крѣпостномъ правѣ, которое мы вотъ съ вами предаемъ такъ усердно проклятію. У кого было тогда по три лошади, да столько же коровъ, теперь по одной, и то еще хорошо. А есть и такіе которые и совсѣмъ безъ нихъ обходятся, и на другихъ, болѣе достаточныхъ крестьянъ, работаютъ не хуже крѣпостныхъ. И въ этомъ лшеничномъ краю у нихъ бѣлаго хлѣба теперь, при волѣ, въ поминѣ нѣтъ.

— Полноте, съ жаромъ сказалъ Володя.— Вы ли это говорите?

Стало-быть, по вашему такъ выходитъ что имъ лучше было подъ ярмомъ рабства. Стало-быть свобода...

— Да, вотъ и громкія слова явились, перебила она. — „Ярмо рабства, свобода“. Въ томъ-то и дѣло что у васъ, господа радикалы, на все готовы официальные ключки, а что въ дѣйствительности происходитъ, того вы не знаете и, къ сожалѣнію, знать не хотите. Вы напримѣръ хоть бы на то обратили вниманіе что ваши Бѣлые Столбы на даровомъ надѣлѣ, что положимъ для васъ лично очень выгодно, а каковъ этотъ Далаевъ даръ приходится крестьянамъ, какъ вы думаете?

Надя не удерживала болѣе то заглушенное, но все еще неокорное чувство которое теперь все громче сказывалось у нея на душѣ. Но страннымъ образомъ, чѣмъ болѣе расло ея одушевленіе, тѣмъ менѣе, казалось, она находила отголоска въ Володѣ. Слушая ее, молодой человѣкъ повидимому уже не обращалъ вниманія на ея слова, но взглядъ его жадно ловилъ каждое движеніе ея лица, улыбаясь лучистымъ блескомъ ея прекрасныхъ глазъ. Она скоро это замѣтила, и ея горячести мигомъ будто не стало. Опять явилась у нея на губахъ полунасмѣшливая, но все же ласковая улыбка.

— Да позво съ вами говорить про это, Володя. Вы меня не слушаете. Вамъ только сладелькаго нужно въ жизни, какъ дѣвѣткѣ нужно солнце. И пользуйтесь имъ лока оно свѣтитъ, потому что вы все-таки очень хорошіи малый, изъ тѣхъ для которыхъ вся недѣля одишь праздникъ съ начала до конца, ходите на охоту, любезничайте съ дамами, а Лассаля бросьте—къ чему онъ вамъ!

На террасѣ показался старый дворецкіи Теревтіи, съ дѣтскихъ лѣтъ знавшій только Бѣлые Столбы и служившій господамъ съ тою лаутоватою преданностью которою отличалась старосвѣтское отживающее поколѣвіе слугъ.

— Барыня изволили къ чаю выйти-съ, сказалъ онъ, подходя къ молодымъ людямъ. И его безбородое лицо, желтое какъ воскъ и сморщенное ото лба до подбородка, какъ-то неодобрительно строго остановилось на Надѣ.

— Ну, ступайте къ матушкѣ, сказала она,—а я пойду пересидѣваться. Теперь я опять возьмусь за свою роль благовоспитанной барышни.

Глаза Володи, очарованные и неподвижные, еще долго глядѣли въ ту сторону гдѣ скрылось ея сѣрое платье. Наконецъ онъ всталъ, глубоко вздохнулъ и не считая нужнымъ мѣнять

своей обрыванной одеждѣ, направился къ дому; а Терентій все молчаливо стоялъ въ почтительномъ отдаленіи, насмѣшливо поглядывая на его задумчивое лицо.

— Прикажете принять-съ? обратился онъ къ молодому барину, унося ружье и ягташь, забытые Володей на скамейкѣ.

— Эхъ! молодая кровь! преговорилъ онъ вслѣдъ молодому человѣку.—Врѣзавшись-таки порядочно Владиміръ Алексѣевичъ-то нашъ въ эту—прости ее Господь—птицу перелетную. А она-то, даромъ что изъ себя ничего, по утрамъ все по деревнѣ по большимъ изволить таскаться, лацкается и папироски покуриваетъ и говорить-то какъ рѣшительно, будто не дѣвица! А еще барышня!

III.

О, не пытайся духъ унять тревожный,
Твою тоску я знаю съ давнихъ поръ,
Твоей душѣ покорность невозможна—
Она боится и рвется на просторъ.

Гр. А. Толстой.

Не вѣрь мнѣ, другъ, когда въ избыткѣ гора
Я говорю что не люблю тебя.

Гр. А. Толстой.

Володя засталъ Анну Григорьевну за самоваромъ. Каждое утро, ровно въ девять часовъ, она садилась за чайный столъ и сама аккуратная въ высшей степени, требовала того же и отъ домашнихъ. На ней былъ неизмѣнный утренній капотъ коричневаго цвѣта и столь же неизмѣнный старомодный чепецъ; но этотъ невзрачный нарядъ глядѣлъ такимъ же чистымъ и свѣжимъ какъ и она сама. Отпечатокъ спокойствія и доброты лежалъ на ея сморщенномъ, но все еще красивомъ лицѣ. По всей ея осанкѣ, по всемъ ея движеніямъ видно было что въ своемъ семейномъ кругу она чувствуетъ себя полновластною и привыкла не встрѣчать отпора своей волѣ.

Володя сперва приложился къ ея рукѣ—необыкновенно бѣлая и мягкія у нея были руки—и затѣмъ уже она взяла его за голову и поцѣловала. Онъ съ дѣтства такъ привыкъ къ этимъ наружнымъ признакамъ уваженія что ему никогда и въ голову не приходило измѣнить свое поведеніе съ матерью по современнымъ образцамъ.

— Володя, на что ты похожъ, восклицнула Анна Григорьевна, увидавъ его забрызганные высокіе сапоги,—вотъ срамъ-то, въ такомъ нарядѣ и ко мнѣ ходить!

— Я прямо съ охоты, мама, извинялся онъ,—въ пять часовъ на утокъ пошелъ.

— И проголодаася, бѣдняжка, должно-быть? Ну, ничего, вылей чай, послѣ переодѣнешься.

А для Анны Григорьевны, до страсти любившей во всемъ опрятность, это была не малая уступка. И она подала ему чашку, старательно наложивъ какъ разъ столько сахару и подливъ столько сливокъ какъ именно онъ любилъ.

— А что, Надеждѣ Сергѣевнѣ доложено что чай подавать? строго обратилась она къ Терентію, показавшемуся въ дверяхъ.

— Надежда Сергѣевна въ саду были-съ, съ Владиміромъ Алексѣевичемъ, отвѣчалъ онъ, и въ лицѣ его былъ нѣмой, явный укоръ молодой двушкѣ.—Знаютъ-съ. Къ себѣ на верхъ прошли-съ, должно-быть переодѣться. Съ раннаго утра по деревнѣ изволили ходить.

Этотъ маленький доносъ былъ лучшемъ мимоходомъ, съ видомъ полнаго равнодушія. Терентій хорошо зналъ что барыня терпѣть не могла этихъ прогулокъ Нади и ея страсти возиться съ ребятишками.

— Что, вы опять тамъ спорили, должно-быть? спросила Анна Григорьевна у сына, когда вышелъ Терентій.

— Спорили, мрачно и коротко отозвался Володя.

Анна Григорьевна озабоченно покачала головой.

— Ты все не можешь ужиться съ ней, Володя, какъ слѣдуетъ. Какъ ты не хочешь понять что она, бѣдная, сирота настоящая, хоть отецъ у нея и живъ, и попала къ чужимъ людямъ въ домъ, и намъ всемъ нужно ее приласкать и приучить къ себѣ? На чужой сторонѣ не легко живется, а она къ тому же вѣдь къ полной свободѣ привыкла у отца и въ Москвѣ. Надо стараться чтобъ она про все прежнее забыла и къ намъ привыкла. А ты, напротивъ, все ее будто дразнишь, Володя, не хорошо, право не хорошо.

Володя не отвѣчалъ и сумрачно уставился на свою чашку. Не первый разъ ему приходилось это слышать. А какъ мада Анна Григорьевна догадывалась о настоящихъ чувствахъ сына и о причинѣ того что онъ такъ часто спорилъ съ Надеей.

— Къ ней надо быть снисходительнымъ, продолжала мать,—

она волюкомъ глядитъ, это правда, но сердце у нея доброе, а это глупое.

— Отчего вы мнѣ не хотите сказать про то какъ вы нашли ее въ Москвѣ и что было съ ней тамъ? спросилъ теперь Володя, подвигая къ матери свое покраснѣвшее до ушей лицо.

— Не твое дѣло, двадцать разъ я тебѣ говорила, а съ ней, ты мнѣ смотри, про это ни гугу.

Володя хотѣлъ было настаивать, но слова его были прерваны появленіемъ Нади. Свою блузу она прохѣвляла на простенькое синее платье, очень мило сидѣвшее на ея изящномъ станѣ; свои непослушные волосы она пригладила и спрятала въ шелковую сѣтку—словомъ, по внѣшности она теперь не отличалась отъ сотни другихъ хорошенькихъ провинціальныхъ барышень, скромныхъ и тихихъ, елибы не глаза ея, такъ строго и повелительно глядѣвшіе на окружавшій міръ, въ которомъ сама она занимала столь невидное мѣсто.

Надя подошла къ теткѣ своей ровною неторопливою походкой; но та не дала ей поцѣловать у себя руку, а нагнувъ къ себѣ ея головку, сама поцѣловала ее и, право, сдѣлала это не хуже родной матери. Приэтомъ, невольно повинувшись своей прирожденной страсти къ аккуратности, она даже пригладила слегка нависшую прядь волосъ и полусутиливо, полубабочьиво сказала:

— Я увѣрена, мой другъ, ты опять безъ шляпы сегодня ходила. Смотри какъ ты загорѣла, съ апрѣльскимъ солнцемъ шутить не надо. Охъ ужъ эти мнѣ твои прогулки по селу!

Несмотря на добродушный тонъ этихъ словъ, у Нади тотчасъ заговорило строптивое чувство самостоятельности; головка ея гордо откинулась назадъ и что-то непокорное, почти вызывающее было въ этомъ движеніи которымъ она будто отстраняла руку тетки. Она походила въ эту минуту на молодую невыѣзженную лошадь, нетерпѣливо выносящую узду и неохотно принимающую ласку.

Но Анна Григорьевна этого не замѣтила и продолжала, впрочемъ попрежнему мягко, выговаривать ей за ея страсть ходить по избамъ и водиться съ мужиками. Нѣсколько разъ у Нади залальчивый отвѣтъ просился на языкъ, но она умѣла сдержать себя, хотя краска и усилилась на ея лицѣ и брови замѣтно надвинулись.

— Народъ здѣсь грубый и твоей доброты не пойметъ, говорила Анна Григорьевна.—Ты не смотри на то что онъ на

видѣ такъ покоренъ и предо всакиѣмъ изъ насъ шапку снимаетъ. Чуть съ нимъ забудешься и становишь за панибрата онъ насъ всѣхъ и въ грошъ не поставитъ.

Волода, не проронившій ни слова съ тѣхъ поръ какъ вошла Нада, тутъ счелъ долгомъ вмѣшаться. Онъ видѣлъ какіхъ успій Надѣ стоило ея молчаніе и пришелъ къ ней на помощь: не мѣшало кстати блеснуть предъ ней своимъ либерализмомъ и отглушить двѣ-три зазорныя фразы.

— Какъ можно, быстро заговорилъ онъ,—придерживаться этихъ устарѣвшихъ попятій. И зачѣмъ вы крестьянъ—съ секунду онъ недоумѣвалъ не лучше ли ихъ назвать „сельскими обывателями“—называете все „народомъ“, точно и мы не такой же народъ, а они не полноправные граждане, съ которыми мы должны подѣлиться своимъ избыткомъ образованія? Мнѣ кажется, только простотой обращенія съ ними мы можемъ избѣжать ихъ заслуженнаго недовѣрія.

И сказавъ это, Волода глядѣлъ на кухню вполне довольный собой.

Но ожидаемаго впечатлѣнія его слова не произвели. Анна Григорьевна только снисходительно улыбнулась да сказала:

— Я, мой другъ, съ мужиками почти сорокъ лѣтъ вожусь, а ты ихъ видѣлъ только съ боку, какъ на картинкѣ; такъ мнѣ, я думаю, они лучше извѣстны чѣмъ тебѣ, вотъ я и не говорю такъ мудрено какъ ты вотъ сейчасъ.

Но обидѣе всего было то что и Нада ему повидимому не сочувствовала. Напротивъ, на ея лицѣ негодующее выраженіе смѣнилось насмѣшливымъ.

— Это вы въ какомъ журналѣ такихъ либеральныхъ рѣчей начитались? спросила она.—Вы кажется на мужиковъ смотрѣли какъ на балетныхъ пейзазовъ и интересуетесь ими оставаясь на почтительномъ отдаленіи. Это и современно, и очень удобно.

Волода собирался колко отвѣтить, но въ комнату снова вошелъ Терентій, съ письмами на подносѣ.

— Заграницкое-съ, сказалъ онъ, подавая Володѣ письмо.

— Отъ Мити! воскликнулъ тотъ, живо вскрывая конвертъ.

— Староста деревенскій пришелъ, ваше превосходительство спрашиваетъ, обратился Терентій къ Аннѣ Григорьевнѣ.

— Пусть подождетъ на крыльцѣ.

— Отъ мужиковъ, кажись, приславъ. Говоритъ по важному дѣлу. Все насчетъ земли должно-быть.

— Знаю, скажи чтобы подождалъ. За Яковымъ послать.

Но лицу Нади вслыхнулъ легкій румянецъ и брови ея опять сдвинулись, но она удержала слово готовое сорваться у нея съ языка. Нада знала въ чемъ заключались переговоры крестьянъ съ барыней „насчетъ земли“.

— Яковъ Савельичъ здѣсь тоже дожидается, уходя отвѣтилъ Терентій.

— Что же пишеть Митя? спросила Анна Григорьевна у сына.

— Митя сюда ѣдетъ! Сейчасъ, сейчасъ. Я вотъ докончу—подстраницы осталось.

Володя жадно дочитывалъ письмо, часто прерывая чтеніе смѣхомъ и восклицаніемъ:—Хорошо! bravo! молодецъ! Онъ былъ видимо крайне доволенъ и заинтересованъ тѣмъ что писалъ братъ, in high spirits, какъ говорятъ Англичане.

— Онъ окончилъ свои занятія въ Гохенгеймѣ, безсвязно сталъ разказывать Володя,—и ѣдетъ на двѣ недѣли осматривать въ Богеміи какія-то имѣнія; его туда пригласили.

— Да когда онъ будетъ? перебила его мать.

— Черезъ три недѣли, въ первыхъ числахъ, а же вамъ сказаль; онъ очень доволенъ тѣмъ что видѣлъ за границей и службу онъ оставилъ совсѣмъ: онъ хочетъ здѣсь поселиться.

— Какъ службу оставилъ?

— Да такъ, вотъ дядюшка Петръ Николаевичъ ему написалъ, вы знаете, съ достоинствомъ тайнаго совѣтника и многихъ орденовъ кавалера: что нельзя цѣлые два года прогуливаться и баклуши бить,—такъ изволилъ выражаться его превосходительство это про Митю: баклуши бить.

— Да ты говори толкомъ, Володя! нетерпѣливо сказала Анна Григорьевна.

— И что онъ карьеру свою испортить, и самъ онъ, превосходительный дядя, не будетъ уже въ состояніи оказать ему содѣйствіе—такъ по канцелярски и выражаться изволилъ, а Митя ему отвѣчалъ что карьеры вашей мнѣ совсѣмъ не нужно, потому что я буду жить въ Бѣлыхъ Столбахъ и заниматься по земству—молодецъ! Такъ и отвѣчалъ любезному дядюшкѣ и подалъ въ отставку.

Анна Григорьевна не раздѣляла, однако, повидимому восторговъ своего сына. Она была, конечно, очень довольна тѣмъ что ея дорогой Митя, котораго она всегда считала умницей какихъ мало, поселится у нея въ деревнѣ. Но по своимъ понятіямъ она не могла одобрить этого отреченія отъ

службы, представлявшей такую блестящую будущность подъ покровительствомъ дяди, хотя этого самаго дядю она въ то же время крѣпко не долюбила. Анна Григорьевна однако ничѣмъ не выразила своихъ мыслей и нѣсколько минутъ задумчиво промолчала.

— Ему, конечно, лучше звать что ему дѣлать, проговорила она про себя: она издавна привыкла довѣряться уму и рассудительности старшаго сына.— Дай мнѣ письмо брата, Володя.

Надя между тѣмъ допила свой чай, достала изъ кармана старенькую кожаную папиросницу и закурила. Она знала очень хорошо что Анна Григорьевна питаетъ отвращеніе къ табачному дыму, но ей на этотъ разъ почему-то именно хотѣлось досадить теткѣ: не зачѣмъ было, конечно, обращать вниманіе на эту причуду калризной, избалованной старой барыни. Анна Григорьевна только вскинула на нее взглядомъ и, не сказавъ ни слова, отодвинулась отъ Нади и продолжала читать письмо сына. Она поставила себѣ за правило ничѣмъ не мѣшать Надѣ и никогда не обращалась къ ней съ какими-либо требованіями. Этимъ она думала смягчить ея обидчивый нравъ, вѣчно готовый вспыхнуть и возстать противъ стѣсненій. И въ самомъ дѣлѣ, не прошло и минуты какъ Надя бросила свою недокуренную папироску, хотя въ то же время на лицѣ ея можно было прочесть что она вовсе не намѣрена соображаться съ чужими вкусами и жертвовать чѣмъ-либо изъ своихъ привычекъ.

— Я очень радъ, обратился къ молодой дѣвушкѣ Володя,— что вы скоро познакомитесь съ братомъ. Въ немъ вы найдете достойнаго противника когда вамъ захочется спорить, и его, конечно, вы не станете упрекать въ недостаткѣ серьезности.

Володя казался все еще сильно обиженнымъ за утренній разговоръ съ кузиной.

— Съ чего вы взяли что я охотница спорить? Могу васъ увѣрить что я вовсе не намѣрена вашего ученаго брата подбивать своими мнѣніями, совсѣмъ для него неинтересными, и чѣмъ-либо мѣшать его серьезнымъ занятіямъ.

Въ этихъ словахъ звучала плохо скрытая насмѣшка, и Володя, несмотря на свое локаленіе молодой дѣвушкѣ, тотчасъ заступился за горячо любимаго брата.

— Ваша пронія, Надя, тутъ совершенно неумѣстна. Хотя я и расхожусь во многомъ съ братомъ Дмитриемъ,—оно

сказала это съ важностью человека глубоко сознающаго свою двадцатитрехлѣтнюю зрѣлость, — я долженъ признать въ немъ обширныя свѣдѣнія и рѣдкую для Русскаго преданность труду.

Володя самъ не примѣчалъ того что, говоря съ Надей, онъ постоянно впадалъ въ высокопарный тонъ и тѣмъ давалъ лицу ея насмѣшливости.

— Во всемъ этомъ, Владиміръ Алексѣевичъ, я не сомнѣваюсь. Вашъ братъ окажетъ вѣроятно большія услуги химіи, точно также какъ вы—русскому краснорѣчію. У него даже, кажется, докторскій дипломъ есть, и несомнѣнно что его ученые лутешества ло живописнымъ мѣстамъ за границей принесутъ великую пользу Россіи вообще, и крестьянамъ Бѣлыхъ Столбовъ въ особенности...

Тутъ Анна Григорьевна оторвалась отъ письма которое она все еще перечитывала, и сочла нужнымъ вмѣшаться.

— Я не знаю, Володя, холодно сказала она сыну,—съ чего ты вздумалъ расхваливать Дмитрія: онъ ни въ чьей защитѣ не нуждается. А Бѣлые Столбы мои, а не его, это Надя вѣроятно знаетъ.

Володя былъ крайне недоволенъ Надей и самимъ собой. Онъ отошелъ къ окну, слегка пожавъ плечами, и сталъ что-то насвистывать. Вдругъ онъ обернулся къ матери и порывисто сказалъ:

— Я пройду къ себѣ заняться кой-чѣмъ. Да и письмо нужно отправить къ Нерадовичу.

Это послѣднее имя онъ произнесъ возвышая голосъ, какъ такое предъ которымъ всѣ должны преклониться. Страннымъ образомъ Надя, услыжавъ его, измѣнилась въ лицѣ и почти съ испугомъ обратилась къ молодому человѣку:

— Володя, вы про какого Нерадовича говорите?

— Какой Нерадовичъ? Тотъ самый котораго у насъ тамъ въ Одессѣ вся университетская молодежь знаетъ и чтитъ какъ одного изъ самыхъ честныхъ и передовыхъ дѣятелей. Я тоже имѣлъ случай съ нимъ познакомиться. А вы, Надя, почему же имъ интересуетесь?

Все это Володя произнесъ такъ самодовольно и гордо какъ будто великою честью для него было знакомство съ этимъ виднымъ передовымъ дѣятелемъ. Но молодая дѣвушка повидавшему думала иначе.

— И къ этому Нерадовичу вы собираетесь писать? съ возрастающимъ безлокойствомъ спросила она.

— Съ вашего разрѣшенія, конечно, пронически и важно произнесъ Володя.

— Такъ я скажу вамъ въ такомъ случаѣ, запальчиво продолжала она,—что еслибы вы знали кто этотъ Нерадовичъ, вы стали бы избѣгать всякихъ сношеній съ нимъ. Я обязава предостеречь васъ.

Володя такъ и ахнулъ, услышавъ это. Не ожидалъ онъ получить такой совѣтъ отъ своей лыкой кузины, да и прилично ли было ему, представителю молодаго поколѣвія принимать въ соображеніе осторожность? Молодой человѣкъ вспылалъ и воскликнулъ что къ чорту осторожность и что всякій порядочный человѣкъ долженъ въ огонь лѣзть за свои убѣжденія.

— Вы хотите мнѣ сказать что Нерадовичъ изъ красныхъ и потому у этихъ подлецовъ-сыщиковъ на дурномъ счету? Да это я давно знаю! И вы меня думали услугать?

— Этого мало, Володя; Нерадовичъ не сегодня, такъ завтра можетъ быть арестованъ, и тѣмъ не поздоровится кто былъ съ нимъ въ перепискѣ.

Володя вслыхнулъ.

— Прекрасно! воскликнулъ онъ,—и въ виду этого вы мнѣ совѣтуете отъ него отречься? И говоритъ мнѣ это никто иной какъ Нада Ольшевская, которая сама была недавно изъ „дихнихъ“! Я вѣдь, знаю, Надежда Сергѣевна, все знаю. И откуда вамъ иначе добыть тѣ свѣдѣнія которыя вы теперь мнѣ передаете такъ предупредительно?

Чувство оскорбленнаго достоинства вышло у молодаго человѣка. Онъ былъ радъ случаю блеснуть предъ Надей твердостью убѣжденій, которую она въ немъ всегда такъ обидно для него отрицала.

Но и ея терпѣнію настала копецъ. Своей преданности семьѣ Корецкихъ она только-что принесла въ жертву самыя дорогія свои убѣжденія, стала почти довощицей, и вотъ какъ ее за то благодарили! „Вѣдь это гадко, гауло что я сейчасъ говорила!“ пронеслось у нея въ головѣ, „это просто шпіонство, оговоръ какой-то!“ и краска выступила у нея на лицѣ. Впрочемъ, не противъ Володи только у нея поднималось раздраженіе: хороша была и тетка, такъ думалось Надѣ,—все время молча слушавшая ея объясненіе съ Володей, не вступаясь за нее, между тѣмъ какъ она вѣдь только изъ-за него безпокоилась, изъ-за его безопасности. Безопасности! одно это слово,

промелькнувшее у нея въ умѣ, возбудило ея презрѣніе къ этимъ людямъ. Развѣ для себя она когда-нибудь подумала бы о безопасности?

Все это вихремъ пронеслось въ ея головѣ.

— Вы мнѣ напоминаете чѣмъ я была прежде моего пріѣзда въ вашъ домъ! вспыхнувъ, воскликнула она,—чѣмъ я перестала быть ради васъ, ради вашихъ глупыхъ приличій и предразсудковъ. И зачѣмъ я вошла въ него, какъ будто я не знала что намъ не ужиться никогда, потому что я и теперь такая какая была и всегда такой останусь!

Анна Григорьевна испуганно взглянула на племянницу. Она не вмѣшивалась до того въ споръ молодой дѣвушки съ Володей потому что ее какъ мать оскорбило пренебреженіе съ которымъ Нада говорила про ея безцѣннаго Митю, но теперь она перепугалась не на шутку.

— Чтѣ съ тобой, Нада? съ чего ты взяла? Опомнись! тревожно проговорила Анна Григорьевна, подходя къ племянницѣ.

Та окинула ее быстрымъ, гнѣвнымъ взглядомъ.

— То развѣ, тетуська, что давно пора вамъ всю правду высказать и убраться изъ вашего дома и ото всей вашей хваленой доброты ко мнѣ! Я вѣдь знаю какова эта доброта. Никто здѣсь меня не любитъ и не станетъ любить, это я чувствовала съ перваго дня. Къ чему только, не понимаю, вы меня уговорили сюда пріѣхать?

Все заносчивѣе и враждебнѣе звучали ея слова. Анна Григорьевна усердно старалась ее приласкать и успокоить.

— Довольно, рѣзко перебила ее Нада.—Не агите и не удерживайте меня. Говорю вамъ, чѣмъ скорѣе я уберусь отсюда тѣмъ лучше и для меня, и для васъ.

И проговоривъ это быстро и рѣшительно, она вышла изъ гостиной, хлопнувъ дверью.

Волода не проронилъ ни слова. Онъ почти съ услугомъ глядѣлъ на молодую дѣвушку и продолжалъ глядѣть ей въ слѣдъ когда она скрылась. Онъ не могъ простить себѣ что своею неумѣстною выходкой оскорбилъ ту къ столамъ которой вѣдь онъ готовъ былъ восторженно упасть... И чувство смущенія и стыда овладѣло имъ при мысли что никто другой какъ онъ однако вызвалъ со стороны дорогой дѣвушки этотъ потокъ бурныхъ, негодующихъ словъ.

А Анна Григорьевна сидѣла подперевъ рукой сѣдую голову. Невеселыя мысли у нея колошались тамъ.

— Да, проговорила она,—нелегко будетъ справиться съ такимъ правомъ. Ну, Богъ поможетъ, какъ-нибудь...

Анна Григорьевна недолго оставалась въ раздумьи. Она знала цѣну времени и вспомнивъ что ея дожидаются по дѣлу, направилась къ крыльцу своему твердою, веселѣнною поступью.

IV.

Vor dem Baum, davon man Schatten hat, soll man sich beugen.

(Нѣмецкая пословица.)

Сельскій староста Бѣлостоловскаго общества, Трофимъ Мироновъ, не одинъ дождался барыни на крыльцѣ. Вслѣдъ за нимъ собралась кучка домохозяевъ, посланныхъ отъ крестьянъ для переговоровъ. Они стояли немного поодаль, но едва Анна Григорьевна показала на крыльцѣ, всѣ они, скинувъ шалки, подошли къ дому, впрочемъ довольно медленно.

— Чтò это значитъ? строго начала Анна Григорьевна, остановившись на крыльцѣ.—Въ который разъ тебѣ повторять, Трофимъ, что я съ цѣлою толпою разговаривать не стану. Ты одинъ ко мнѣ объявился, съ тобой однимъ я и стану вести дѣло. На это вѣдь ты и староста.

Трофимъ Мироновъ, высокій, коренастый старикъ, съ деревяннымъ лицомъ на которомъ странно искрились приткіе плутовскіе глаза, посмотрѣлъ внизъ предъ собой, помалку шалку въ рукахъ, потомъ наискось щурясь, поглядѣлъ на крестьянъ, какъ бы ища въ нихъ поддержки.

— Отъ міра тоже посланы, матушка ваше превосходительство, пробормоталъ онъ нервнѣтельно, почесывая затылокъ и почему-то глубоко вздохнулъ.—Безъ нихъ вишь ужъ никакъ нельзя.

— Гдѣ Яковъ? спросила Анна Григорьевна, оглядываясь на сторону.

Изъ-за угла дома тотчасъ показался, будто разомъ отдѣлившись отъ стѣны, невысокаго роста, черноволосый мужикъ въ олятяномъ сукнѣ кафтанѣ. Его почти безбородое продолговатое лицо было необыкновенно сурово и неподвижно: будто это было не живое, а вылитое изъ чугуна лицо. Брови были постоянно сдвинуты, глаза упорно глядѣли внизъ. Это былъ господскій староста Яковъ Савельевъ, обладавшій подлымъ довѣріемъ хозяйки, человекъ удивительно молчаливый

и ни съ кѣмъ въ околоткѣ не водившійся. Онъ былъ изъ другого уѣзда и несмотря на свои сорокъ лѣтъ еще не жевать.

— Чего они хотятъ, Яковъ? спросила у него Анна Григорьевна.

— Не могу знать, сумрачно, не подвигая глазъ, отвѣтилъ онъ.—Сами у нихъ изволите спросить. Все насчетъ земли должно-быть.

— Да кому же знать, какъ не вамъ, Яковъ Савеличъ, заискивающимъ голосомъ обратился къ нему Трофимъ, а быстрые глазки такъ и перебѣгали отъ Анны Григорьевны на Якова и отъ него на кучку мужиковъ.

Яковъ въ отвѣтъ только моргнулъ лѣвымъ глазомъ и прерзительно посмотрѣлъ въ сторону.

— Такъ говори же зачѣмъ пришелъ? нетерпѣливо сказала Анна Григорьевна.

— Такъ вотъ, господа, обратился къ крестьянамъ Трофимъ,—объясните зачѣмъ вы посланы отъ міра къ барышѣ.

По кучкѣ пронесся нестройный говоръ.

— Нѣтъ, ужъ пусть кто-нибудь одинъ говорить, строго оставила крестьянъ Анна Григорьевна.—Очень нужно сюда этихъ горлазовъ высматывать, какъ будто я съ тобой однимъ всего не могу локовчить, снова обратилась она къ сельскому старостѣ.

Но Трофимъ попрежнему не рѣшался начать. Онъ видимо остерегался барыни и въ то же время не хотѣлъ, изъ страха предъ крестьянами, вести переговоры въ черезчуръ примирительномъ духѣ.

Изъ толпы, наконецъ, выступили впередъ двое мужиковъ, которыхъ остальные сперва довольно долго подталкивали за локоть, стараясь имъ придать необходимую рѣшимость.

— Очень обижены мы вами, Анна Григорьевна, вотъ что, началъ одинъ изъ нихъ, молодой еще человекъ, потряхивая своими черными, курчавыми волосами.—И Якову Савеличу свое мнѣніе объясняли,—продолжалъ онъ злобно и наискось поглядывая на старосту,—хоть ему теперь и вздумалось отъѣкаться. И землю вашу господскую на озимой посѣвъ брать не станемъ, коли вы намъ настоящій надѣлъ какъ слѣдуетъ не отведете. Такъ ли, братцы? повернулся онъ къ мужикамъ.

А Яковъ продолжалъ стоять, насупивъ брови, будто все это его нисколько не касалось.

— Такъ, такъ, ладно, посылалось въ кучкѣ.

— Надѣлъ? Какой же вамъ еще надѣлъ отводить, когда вы же сами отъ своей же земли отказались и на даровую стали?

— Хороша-то она даровая, съ нею сытъ не будешь, сказа-ли два, три голоса въ толпѣ.

— Вотъ какъ! строго и рѣшительно проговорила Анна Григорьевна.—Вольно жъ вамъ было отказываться. А теперь какъ земля вздорожала, вы вздумали что я вамъ ее за оброкъ отдамъ? Сто разъ вамъ говорила что этому не бывать.

— Да какъ же, матушка, земля-то, кажись, наша. Отцы и дѣды наши ее пахали, страннымъ, лискливымъ дискантомъ произнесъ другой выступившій мужикъ, высокій, бородастый дѣтина, отъ котораго никакъ нельзя было ожидать тако-го тонкаго голоса.

— Да ты чтѣ жъ такимъ чурбачомъ стоишь, будто бы язы-ка лишился? внушительно обратилась Анна Григорьевна къ Трофиму.—Чтѣ жъ ты имъ не объяснишь что они пустое воровать? Самъ, кажется, знаешь что земля ужъ не ихъ коли они на даровую надѣла?

Трофимъ промолчалъ нѣсколько секундъ, разводя нерѣши-тельно руками.

— Да чтѣ, матушка, и говорить, сказалъ онъ мягкимъ, за-искивающимъ голосомъ.—Развѣ ихъ вразумишь? Да и то, правду сказать, что больно трудно ужъ намъ приходится на этомъ самомъ на нищенскомъ надѣлѣ. Да и сами извоите знать—неурожай.

— Неурожай тутъ не причемъ, оборвала его Анна Григорьевна.—Коли не хотите попрежнему брать землю подъ озимь, Никольскіе съ полнымъ удовольствіемъ возьмутъ. Пустовать не станетъ!

Никольское было сосѣднее большое имѣнье, принадлежавшее несовершеннолѣтней дочери одного богатаго петербургскаго барина, недавно умершаго.

— А теперь ступайте, закончила она, обратясь разомъ ко всемъ крестьянамъ.—Не стану я съ вами на пустыя рѣчи время терять.

Но крестьяне не двигались съ мѣста, молча переглаживаясь между собой, хоть они и знали по опыту что Анна Григорьевна своего слова никогда не мѣняла.

— Ну, а какъ же будетъ насчетъ локоса? Маховатовскій буеракъ конѣ отдавать станете? нерѣшительно спросилъ высокій дѣтина съ дискантомъ.

Не въ обычаѣ у крестьянъ сразу кончать переговоры, и сбитые на одномъ пунктѣ они рѣдко отчаиваются въ томъ чтобы на другомъ что-нибудь не выгадать.

Насчетъ Маховатовскаго буерака Анна Григорьевна оказалась сговорчивѣе. Рѣшивъ дѣло и подзававъ къ себѣ Якова, она собиралась уйти; но вдругъ два другіе мужика, выйдя изъ кучки, бросились предъ ней на колѣни. Это были какъ разъ двое изъ самыхъ рыявыхъ говоруновъ на сходахъ, всегда подбивавшіе прочихъ. Такіе говоруны не рѣдко въ присутствіи господъ прикидываются тихонами и лучше другихъ стараются ихъ разжалобить просьбами.

— Матушка, Анна Григорьевна! Не губи насъ, будь къ намъ матерью родною! говорили они чуть ли не со слезами.

Оказалось что у нихъ были отобраны полевымъ сторожемъ и отобраны лоскъ круной руготни и сопротивленія ихъ лошади травившія барскія зелена.

Анна Григорьевна разрѣшила и эту просьбу къ удовольствію просившихъ: въ частности она охотно была мягка и снисходительна.

— А теперь ступайте съ Богомъ, сказала она, — а ты, — обратилась она къ Трофиму, — объяви Павлу Карпову что я ему разрѣшаю изъ лѣса взять пять дубовъ пятивершковыхъ. Смотри только чтобы вѣрно было, ни больше, ни меньше, строго закончила она.

У Павла Карпова недавно прогорѣла надворная постройка.

— Что, Яковъ, ничего вѣдь съ вами не подѣлаешь, сказала она, когда отошли прочіе крестьяне.

— Да такъ точно, Анна Григорьевна, какъ есть не подѣлаешь, отвѣчалъ тотъ, ни чуть не измѣняясь. — Сами изволите знать какой народъ монче сталъ. Медвѣдь — одно слово...

Приблизившійся звонъ колокольчиковъ перебилъ Якова, который, впрочемъ, радъ былъ случаю сберечь нѣсколько лишнихъ словъ. Больно неохотникъ былъ высказывать свое мнѣніе Яковъ Савельичъ.

— Это сюда кажется? спросила Анна Григорьевна, прислушиваясь.

— Сюда, проговорилъ Яковъ, равнодушно посмотрѣвъ въ сторону дороги. — Исправникъ должно-быть къ вамъ ѣдетъ, его, кажись, тройка.

Исправникъ, отставной штабсъ-капитанъ Берендѣевъ, былъ человѣкъ далеко уже не молодой, но очень еще бодрый,

аккуратный до-нельзя и съ дамами любезный до приторности. Сюртукъ на немъ былъ всегда съ иглочки, усы его были тщательно напонажены и подкрашены и лайковыя перчатки у него всегда были ослабительной бѣлизны. Выражался онъ необыкновенно мягко и, хоть былъ человекъ совсѣмъ стараго покроя, охотно щеголялъ современными выраженіями. А когда ему случалось быть съ женщинами, и голосъ его, и манеры принимали отънокъ изысканной нѣжности и непремѣнною своею обязанностью онъ считалъ поднести къ своимъ нафабренымъ усамъ всякую дамскую ручку, будь она молодая или сморщенная. И при всемъ томъ онъ былъ исполненъ сознанія важности занимаемаго имъ мѣста и слегка даже обижался тѣмъ что полиціи въ обществѣ не воздаютъ должнаго ей уваженія; при случаѣ онъ не прочь былъ не однимъ крестьянамъ выказать свою власть, а и господамъ ломѣщикамъ напомнить про свои официальные права, и тогда именно когда этотъ случай представлялся, почтенный исправникъ любилъ сыпать либеральными фразами о равенствѣ всѣхъ предъ закономъ. Съ Анной Григорьевной, впрочемъ, онъ никогда не пускалъ въ ходъ свои полицейскіе громы. Волевымъ, съ ней какъ съ дамой онъ всегда былъ изысканно любезенъ; а восторжъ, онъ ея слегка побаивался, оттого можетъ-быть что она его не особенно жаловала.

И на этотъ разъ Амфилохій Никандровичъ, такъ звали уѣзднаго вѣстателя, почтительно расшаркался предъ хозяйкой Бѣлыхъ Столбовъ и еще почтительнѣе приложился къ ея рукѣ. Но хотя онъ и разспрашивалъ ее съ видимымъ участіемъ про то какъ идутъ у нея посѣвы и похвалялъ ея пышные озимые всходы, Анна Григорьевна тотчасъ смѣтила что у него совсѣмъ не то на умѣ и вовсе не затѣмъ онъ къ ней заѣхалъ чтобъ ей наговорить комплиментовъ. Она дала ему однако въ сласть разводить узоры своего краснорѣчія: „пусть онъ себѣ болтаетъ, думала она,—пока кофе подадутъ,—незваннаго гостя не гнать же со двора!“ Тогда только когда онъ услѣлъ разказать ей и про то какъ понесли рысаки кулца Алтынникова, и про насморкъ губернатора, и про новую актрису изъ Москвы отъ которой всѣ безъ ума, потому что она куплеты поетъ не хуже любой Француженки, Анна Григорьевна его наконецъ остановила:

— У васъ, Амфилохій Никандровичъ, до меня однако дѣло есть, должно-быть?

— Поидайте, какое дѣло! Я счелъ долгомъ васъ поспѣтить проездомъ въ Никольское; къ новой помѣщицѣ ѣду, къ Еленѣ Михайловнѣ, обѣдать, да кстати думалъ племянницѣ вашей откомендовать, которая у васъ съ недавнихъ поръ живетъ.

Анна Григорьевна посмотрѣла ему прямо въ глаза. „А! вотъ зачѣмъ пожаловалъ!“ пришло ей на мысль.

— Нади, кажется, нѣтъ дома, сказала она громко.

— Очень жаль, любезно продолжалъ исправникъ.—Много я слышала про Надежду Сергѣевну, дѣвица, говорятъ, прекрасная и доброты такъ-сказать ангельской.

Анна Григорьевна не отвѣчала.

— Только вотъ что-съ, ваше превосходительство, уже въ полголоса повелъ свою рѣчь исправникъ, нагнувшись къ креслу Анны Григорьевны.—По нашей должности, вы знаете формальности есть такія. Чтò дѣлать? Хе, хе, хе! начальству стало извѣстно что дѣвица Ольшевская, прежде чѣмъ вамъ угодно было принять ее къ себѣ въ домъ, имѣла сношенія съ лицами не вполне благонадежными.

— Позвольте, Амфилохій Никандровичъ, рѣзко перебила его Анна Григорьевна,—это до васъ, кажется, не касается. Нада у меня въ домѣ, я ея попечительница и сама за нее отвѣчаю.

— Знаю, знаю, возразилъ заискивающимъ тономъ исправникъ.—Неужели вы думаете что я могъ заподозрить, отвѣстись къ вамъ съ недоверіемъ... Молодые годы, извѣстное дѣло, увлеченіе, да и кто теперь, скажите пожалуста, не увлекается? Это такъ-сказать въ воздухѣ носится, какъ запахъ черемухи теперь. И въ этомъ, если хотите, много есть даже очень хорошаго. Но все-таки мы обязаны слѣдить, наблюдать, и хотя молодая лѣта вашей племянницы и ея присутствіе въ вашемъ домѣ включаютъ всякую возможность опасности,—тутъ исправникъ сталъ очень важенъ и былъ видимо доволенъ собой за произнесенныя имъ отборныя слова,—но потому самому вы не откажетесь конечно въ ручательствѣ за нее...

— Да я жъ вамъ сейчасъ сказала что ручаюсь за нее вполне, нетерпѣливо возразила Анна Григорьевна.

— Конечно, конечно! сладко улыбаясь продолжалъ Амфилохій Никандровичъ;—я и буду только просить васъ написать маленькое удостовѣреніе въ томъ что ваша племянница..

— Вы моему слову что ли не вѣрите, Амфилохій Никандровичъ? опять перебила его Анна Григорьевна.

— Помилуйте, это только такъ, формальность маленькая, хе, хе, хе! Удостовереньце такое что вы ручаетесь за то что Надежда Сергѣевна не будетъ имѣть уже никакихъ сношеній.

Анна Григорьевна поднялась со своихъ кресель, выпрямилась предъ нимъ во весь ростъ и вперила въ него свои быстрые сѣрые глазки...

— Сношеніе?! въ моемъ домѣ! Да за кого вы меня принимаете? И съ чего вы взяли что я вамъ стану какія-то тамъ письменныя ручательства сочинять? Съ полиціей, государь мой, ни съ тайною, ни съ явною, я никогда не водилась; а то что я за Надю ручаюсь какъ за себя, я хоть сто разъ вамъ готова повторить, да и самому губернатору также скажу, когда онъ ко мнѣ пожалуетъ.

Бѣдный Амфилохій Никандровичъ такъ ошвышалъ что не нашель отвѣта, и всей его полицейской важности какъ не бывало.

— А вотъ кофе несутъ, не откушаете-ли чашечку? И голосъ хозяйки звучалъ ласково и гостеприимно.

Но Амфилохій Никандровичъ отъ кофе отказался, улырая что ему надо слѣзнуть въ Никольское.

Едва услѣвъ онъ выйти изъ гостиной какъ въ противоположныхъ дверяхъ показалась Надя. Она быстро, почти бѣгомъ подошла къ Аннѣ Григорьевнѣ и стремительно бросилась предъ нею на колѣни.

— Тетя милая, проговорила она горячо,—простите меня за то что было сегодня утромъ! Я такая дураа! Я сладить съ собой не могу; я не стою вашей доброты!

Молодая дѣвушка вся дрожала отъ волненія и лорывалась обѣими руками объять тетку. И теперь, когда она хотѣла заглядить свою утреннюю выходку, въ ней было что-то страстное, лорывистое, необузданное.

— Да я давно тебя простила, мой другъ, ласково сказала Анна Григорьевна, глядя Надю по головѣ.—Вѣдь я знаю что отъ тебя нельзя требовать того же что отъ другихъ.

— Нѣтъ, я дураа, неблагодарная, твердила Надя, и лицо ея уткнулось въ колѣни Анны Григорьевны.—Я слышала что этотъ человекъ сейчасъ говорилъ вамъ про меня и что за непріятности вамъ угрожаютъ потому что я въ вашемъ

домѣ.—Она подняла голову и заговорила еще быстрее:—Я шла къ вамъ сюда чтобы сказать вамъ, какъ мнѣ совѣстно предъ вами, и у самыхъ дверей я услышала свое имя и остановилась.. Вѣтъ это я недурно поступила—вдругъ прибавила она совершенно инымъ, уже не смиреннымъ, а вызывающимъ голосомъ,—что стала подслушивать? Вѣдь я въ самомъ дѣлѣ подслушивала! И по лицу ея было замѣтно чего стоило ей сказать одно слово упрека, и непокорное чувство опять въ ней готово заговорить.

— Подслушивать не хорошо, положимъ, улыбаясь отвѣчала Анна Григорьевна;—но на этотъ разъ бѣда не велика.

— Да, но вы не ловимаете, тетя; что теперь мнѣ въ самомъ дѣлѣ оставаться нельзя, послѣшила она прибавить,—не оттого чтобъ я не хотѣла, а потому что ради меня, вы рискуете подвергнуться всѣмъ этимъ глупымъ и несноснымъ дразгамъ, а этого я не могу и не хочу допустить!

Надя все еще стояла на колыняхъ и руки ея все еще обнимали старушку. Яркая краска разлилась по ее лицу, на которомъ было и раскаяніе, и стыдъ, и негодованіе, и всѣ эти чувства выражались съ тою искреннею бурною страстью, которая всегда примѣшивалась къ каждому ея чувству.

— Это что еще такое?! удивленно воскликнула Анна Григорьевна.—Ты за меня боишься? Ты, кажется, слышала, какъ я отвѣчала этому шуту гороховому? Отъ меня вздумалъ удостовѣренія какого-то спрашивать! Хотѣла бы я видѣть, какихъ они мнѣ надѣлаютъ непріятностей!

— Нѣтъ, тетя, отвѣтила Надя, вставая,—что бы вы ни говорили, изъ-за меня не должно быть у васъ и тѣмъ какого-нибудь столкновенія. Отпустите меня! Я для вашего дома не гожусь.

— Нѣтъ, мой другъ, спокойно и рѣшительно отвѣчала Анна Григорьевна,—я тебя не лущу ни за что. Послѣ того что было сейчасъ, ты объ этомъ и думать перестань. Я дала слово твоему отцу и сдержу его: тебя мы уберечь сумѣемъ, а обо мнѣ не безлокойся! Но вотъ что ты мнѣ обѣщай, Надя, прибавила она чрезъ минуту:—не затѣвай тайкомъ отъ меня никакихъ перелисокъ или иныхъ сношеній... ты уже знаешь, съ кѣмъ; ну, хоть съ этимъ Нерадовичемъ, изъ-за котораго ты спорила сегодня утромъ съ Володей. Коли ты слышала что говорилъ исправникъ, ты должна лоянать что это необходимо. Ты обѣщаешь? да?

Надя съ минуту простояла предъ ней молча, скрестивъ руки на груди и упорно смотря ввизъ. Замѣтно было что она не могла рѣшиться, не взвѣсивъ, на что она обязывается.

— Да, тета, обещаю, тихо проговорила она и отвернулась чтобы выйти. Но Анна Григорьевна снова притянула къ себѣ голову молодой дѣвушки...

V.

То было въ утро нашихъ лѣтъ.
О счастье, о слезы!
О лѣсъ, о жизнь, о солнца свѣтъ,
О свѣжій духъ березы!

Гр. А. Толстой.

Волода весь этотъ день ходилъ съ понуренною головою, словаясь изъ угла въ уголъ и рѣшительно не зная что дѣлать. Онъ чувствовалъ себя ужасно виновнымъ предъ кузиной Надей и не могъ понять, какъ это онъ, такъ безпредѣльно ей преданный, наговорилъ ей кучу жесткихъ, несправедливыхъ словъ. А между тѣмъ какъ разъ въ этотъ день ему казалось что чувство его къ Надѣ навсегда овладало его сердцемъ и счастье для него впереди возможно только съ ней. Да, онъ долженъ объясниться съ Надей, вымолить ея прощенье и сказать ей про свою любовь. Онъ сдѣлаетъ это непременно сегодня же, потому что ему нельзя прожить и въсколькихъ часовъ безъ того чтобы не заставить ее позабыть про утреннюю сцену. Онъ искалъ случая переговорить съ ней; но страннымъ образомъ, всякій разъ какъ ему приходилось ее встрѣтить или увидеть издали, онъ не рѣшался поднять на нее глаза и даже просто избѣгалъ ее. Такъ проходилъ день, и Волода, въ десятый разъ собиравшійся отыскать Надю, стоялъ въ безплодной задумчивости на террасѣ и тормозилъ концомъ своей тросточки своего курчаваго чернаго сѣтра Нерова, спокойно лежавшаго у ногъ хозяина. И собака, тревожимая въ своемъ лѣнивомъ покоѣ, вѣроятно думала про себя что одни только люди настолько неразумны чтобы волноваться въ такой день, когда апрѣльское солнце такъ ярко свѣтитъ и вся природа будто приглашаетъ къ полному наслажденію жизнию.

Вдругъ изъ раствореннаго окна втораго этажа раздался звонкій смѣхъ. Волода быстро поднял голову.

— Знаете, Володя, сказала Нада,—что я вами цѣлыхъ полчаса люблюсь! Чтѣ вы тутъ дѣлаете? Давайте лучше погуляемъ до обѣда! Хотите, я сейчасъ къ вамъ сойду?

Озадаченный молодой человекъ не успѣлъ отвѣтить, какъ Нада уже накинула шальку, захватила зонтикъ и къ лестницѣ довнесаись звуки какого-то мотива, который она весело напѣвала. Володя не могъ надивиться случившейся перемены: такъ мало походила эта Нада, вся сіявшая жизнью, на ту мрачно глядѣвшую дѣвушку, которая ему въ это же утро такъ горько и залапчиво отвѣчала.

— Неужели вы такъ на меня и не сердитесь, Нада? не ловко и красива спросилъ онъ ее.

— Вы кажется, Владиміръ Алексѣевичъ, по одному моему виду можете судить насколько я сержусь.

Молодые люди прошаи черезъ усадьбу въ поле, и Нада была до того весела что рѣзвилась какъ ребенокъ. У ней въ самомъ дѣлѣ было легко на душѣ. А Володя все собирался начать свое объясненіе, и оттого можетъ-быть что онъ не зналъ какъ за него приняться, веселость молодой дѣвушки его не заражала и онъ отвѣчалъ ей лишь одмосложно, не влопадъ.

Нада ему наконецъ разсмѣялась прямо въ лицо:

— Чтѣ вы такъ раскисли сегодня, Володя? Точно васъ обидѣлъ кто-то или вы чего-нибудь очень стыдитесь?

Володя пробормоталъ что-то очень невнятно.

— А я знаю, продолжала Нада тѣмъ же шаловливымъ тономъ,—что вамъ ужасно хочется мнѣ кое-что сказать, а между тѣмъ вы никакъ не смѣете. Такъ? угадала? спрашивала она въ виду его улорнаго молчанія. Но отвѣта она все-таки не получила, и Володя сталъ только порывисто отбивать своею тростью молодые побѣги ракитовыхъ кустовъ.

Лицо Нади мгновенно опять стало серіозно.

— Повѣрьте мнѣ, Володя, сказала она дотрогиваясь до его локтя,—что гораздо лучше будетъ для насъ обоихъ если вы никогда не станете заговаривать со мной о томъ про чтѣ вы хотѣли сказать мнѣ теперь, и даже совсѣмъ забудьте про это.

Но это было конечно совсѣмъ неисполнимое требованіе и на Володю оно подѣйствовало какъ разъ наоборотъ. Признаніе долго сдерживаемое застѣнчивостью теперь сорвалось съ его губъ тѣмъ неудержимѣ. Нада сама удивилась откуда взялась у него вдругъ эта прыть. У нея прошла охота смѣяться. Она даже не перебивала его, хоть и показывала иногда

нетерпѣливо головой какъ бы отрицая возможность того что онъ говорить ей. Только тогда остановила она его когда онъ спросилъ у нея наконецъ согласится ли она стать его женой, потому что мечта объ этомъ какъ о единственно возможномъ для него счастьи овладѣла всѣмъ его существомъ.

— Вашу женой, Володя? сказала она и удивительно мягко, почти грустно звучалъ ея голосъ.—Полноте! Развѣ это возможно? развѣ мы годимся другъ для друга?... Ну, скажите пожалуйста, какая я вамъ буду жена? И Нада попробовала улыбнуться.

Но эти слова только подлили масла въ огонь, и Володя стремительнѣе прежняго сталъ доказывать ей что это не только возможно, но и разумно въ высшей степени; что они заживутъ отлично вмѣстѣ, а главное—такъ по крайней мѣрѣ выходило изъ его словъ—что ему страстно и неудержимо этого хочется.

Нада увидала что эту полудѣтокую вспышку не такъ легко потушить какъ ей думалось. Она стала говорить съ нимъ ласково и вѣжливо, почти такъ какъ большіе говорятъ съ дѣтьми. Но отъ этой ласки, отъ этой вѣжливости было такъ неизмѣримо далеко до того чувства о которомъ просилъ Володя что и ему не трудно было разглядѣть это очень скоро. Онъ опустилъ голову и сталъ уже молча выслушивать то что говорила ему Нада. Иногда только онъ глубоко вздыхалъ, но и это походило отчасти на то какъ дѣти вздыхаютъ по разбитой игрушкѣ.

— Ну, гдѣ вамъ жениться, Володя, въ ваши годы да съ вашимъ характеромъ и еще на такой дѣвушкѣ какъ я? говорила Нада.—Вѣдь я не изъ такихъ которымъ можно поручить свое счастье и потомъ спокойно гладѣть сложа руки какъ гладко стелется жизнь... Ваша любовь, повѣрьте мнѣ, не выдержала бъ и десятой доли тѣхъ столкновеній которыя пришлось бы вамъ имѣть въ первый же мѣсяцъ съ такимъ строптивымъ существомъ какъ я. Развѣ мы не можемъ и такъ оставаться друзьями и, повѣрьте мнѣ, гораздо лучшими, болѣе вѣрными друзьями? Я вамъ конечно предлагаю то что принято считать плохимъ утѣшеніемъ; но вы очень скоро увидите что вамъ жалѣть не о чемъ, а самолюбіе ваше тутъ, разумѣется, не причемъ,—его впрочемъ я бъ и утѣшать не стала.

При словѣ „самолюбіе“ Володя сдѣлалъ негодующее движеніе

рукой, хоть оно конечно во глубинѣ его сердца немножко и страдало въ эту минуту. Но это очевидно ничего не значило въ сравненіи съ другимъ болѣе жгучимъ страданіемъ, а между тѣмъ когда Володя, понуривъ голову, шелъ рядомъ съ Надей по направленію къ дому, въ немъ поднимался сначала едва замѣтно вопрошающій голосъ: „Неужели такъ легко перенести то что сейчасъ произошло между нами?“ удивленно спрашивалъ Володя самого себя. Неужели горячія надежды могутъ разбиваться, не оставляя за собой болѣе глубокихъ слѣдовъ чѣмъ то колющее, но вовсе ужъ не столь горькое чувство какое онъ испытывалъ теперь? У Нади между тѣмъ прошелъ ея припадокъ веселости.

— Наши дороги въ жизни, Володя, говорила она ему когда они подошли къ усадьбѣ,—неизбѣжно разойдутся и разойдутся очень скоро. Вы не можете да и не захотите идти со мною по тому пути на который меня поставили обстоятельства.

Володя горячо возсталъ противъ этого, увѣряя ее что она несправедлива къ нему и что онъ не менѣе ея способенъ на самоотверженіе.

— Я увѣрена, Володя, тихо возразила Нада,—что вы говорите вполне искренно. Но я думаю, я знаю васъ можетъ-быть лучше чѣмъ сами вы себя знаете. И повѣрьте мнѣ, очень скоро васъ потянетъ въ другую сторону. И нечего вамъ сожалѣть объ этомъ. Счастливы тѣ которымъ легко дается жизнь и которые не задаютъ своему будущему слишкомъ трудные вопросы!

Володя не отвѣчалъ. Быть-можетъ у него тоже прокрадывалось сознаніе что не зачѣмъ искать далекихъ сложныхъ задачъ, когда и безъ нихъ такъ легко и просто живетъся.

Къ дому между тѣмъ подъѣзжалъ тарантасъ съ тройкой воровыхъ.

— Опять кто-то ѣдетъ, недовольнымъ голосомъ проговорила Нада.

Они были уже такъ близко что легко было разглядѣть лица тѣхъ кто теперь высаживался изъ тарантаса, уже подкатившаго къ крыльцу.

— А! Да это Томилинъ, Федоръ Васильевичъ! живо воскликнулъ Володя, узнавъ высокую фигуру немолодаго уже, но замѣчательно бодрого мужчины, съ длинными, большими усами и съ очень замѣтнымъ военнымъ оттенкомъ во всей осанкѣ.

— Что за тройку подъ масть подобралъ! Прелесть! Высрвалось у Володи, восторженно глядѣвшаго на славныхъ воровыхъ Федора Васильевича.

Надя слегка насмѣшливо посмотрѣла на молодого человека, замѣтивъ какъ сильно приглянулись ему лошади.

— Вы какъ будто не рады, Надя, что пріѣхалъ Томилинь? продолжалъ Володя.— А онъ такой славный старикъ!

— Скучно, равнодушно проговорила Надя.— Вѣдь рѣдкій день безъ гостей проходитъ! А кто бы это могъ быть, что съ нимъ пріѣхалъ?

На крыльцѣ стоялъ рядомъ съ Федоромъ Васильевичемъ молодой человекъ съ продолговатымъ, почти желтымъ лицомъ, похожимъ на фигуры изъ гутталерчи, такъ странно вытянуто было оно и такъ приплюснутыми казались его впадыя щеки! Онъ тщательно отряхивалъ лыль со своего чрезчуръ изысканнаго костюма. Странной формы дорожная шалочка съ кисточкой висѣвшею позади и монокль, вдавленный въ лѣвый глазъ, придавали что-то комическое его длинной фигурѣ.

— Это какой-то франтъ, совершенно невиданный въ здѣшнихъ мѣстахъ. И что его угораздило пожаловать сюда? Какой уморительный! Дѣлать нечего, придется занимать эту модную картинку. Ахъ, кабы ваша матушка разъ навсегда рѣшилась не впускать въ свой домъ всѣхъ этихъ незваныхъ гостей! И съ этими словами Надя быстро лобѣжала къ себѣ на верхъ, предоставивъ Володѣ заняться съ пріѣзжими.

VI.

Мечты поэзіи, творенія искусства
Теперь нашъ праздный умъ уже
не шевелятъ.

Дермонтовъ (Дума).

Въ Бѣлыхъ Столбахъ обѣдали ровно въ половинѣ четвертаго, и всѣ сосѣди Анны Григорьевны очень хорошо знали что за ея столомъ всегда было мѣсто для лишняго гостя, но что за то у нея не дождались никого. Федоръ Васильевичъ Томилинь, мировой судья того участка въ которомъ лежали Бѣлые Столбы, былъ ея давнишній пріятель. Его маленькое

ищнае,—Федоръ Васильевичъ былъ очень небогатый человекъ,—находилось въ ближайшемъ сосѣдствѣ Бѣлыхъ Столбовъ, и живя безвыходно въ деревнѣ много годы, Федоръ Васильевичъ всегда радъ былъ подѣлиться своею опытностью съ еостѣдой, уважаемою имъ глубоко за то что она, одинокая женщина, давала рѣдкій въ Руси примѣръ аккуратности и порядка въ своемъ хозяйствѣ. Какъ бывшій мировой посредникъ и къ тому же въ тревожные дни введенія уставныхъ грамотъ, Федоръ Васильевичъ очень хорошо помнилъ что Анна Григорьевна одна въ уѣздѣ не потеряла голову и не смотрѣла на 19 февраля какъ на повтореніе всемірнаго потопа. Онъ помнилъ это тѣмъ лучше что покойный ея мужъ, котораго онъ сильно не долюбивалъ, умѣлъ только безтолково волноваться и кричать по генеральски, что дѣлу конечно не помогало. Съ тѣхъ поръ много воды утекло, и порядку въ уѣздѣ, да и самъ Федоръ Васильевичъ, снова вошли въ правильную колею. Между нимъ и хозяйкой Бѣлыхъ Столбовъ установились самыя дружескія отношенія и онъ навѣщалъ къ ней чаще всѣхъ прочихъ; къ ея словамъ онъ былъ привязанъ, будто они были ему родные. Въ этотъ день онъ пріѣхалъ изъ губернскаго города вмѣстѣ со вновь назначеннымъ судебнымъ сѣдователемъ Ковенецкимъ, недавно ослерившимся лттендомъ Школы Правовѣдѣнія. Ковенецкій привезъ съ собою изъ Петербурга платье самаго моднаго покрою отъ лучшихъ портныхъ, самоувѣренную развязность фрахта средней руки и необычайное пренебреженіе къ той должности которую ему приходилось занимать, конечно, какъ переходную ступень. Онъ считалъ нужнымъ лично отреккомендоваться наиболѣе крупнымъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, но притомъ онъ не думалъ скрывать своего презрительнаго свисхожденія къ этой провинціальной средѣ, куда его занесли воля начальства и чапаніе карьеры. Онъ говорилъ въ поюзъ и намѣренно картавилъ. „Я такъ радъ что здѣсь въ л'овициіи можно встрѣтить хотя нѣсколько по'ядочныхъ и образованныхъ людей“, такъ выражался онъ, думая что это очень любезно. На Анну Григорьевну, впрочемъ, его самодовольный тонъ не произвелъ ровно никакого впечатлѣнія. „Что этотъ молокососъ сюда учиться пріѣхалъ?“

Были уже за третьимъ блюдомъ, когда въ столовую вошла Надя. Она коротко мимоходомъ поклонилась гостямъ и молча заняла свое мѣсто рядомъ съ Володей. Юный литомецъ

римскаго права, должно-быть, напелъ что Нада привлекаетельное явленіе въ провинціальной гауши; только онъ платиле прежняго ввернулъ въ глазъ оной монокль и пустился съ ней во всю прыть своей любезности. Но, увы! онъ потерпѣлъ неудачу. Нада едва ему отвѣчала, не скрывая даже отъ него отталкивающее впечатаніе которое производила на нее его стараніе и тотъ подборъ ласковыхъ французскихъ остротъ, которыя онъ подносилъ ей самодовольно и въ особенности сопровождавшіе ихъ сладкіе взгляды его заискивавшихся глазъ. Но бѣдный малый едва ли примѣчалъ это. Онъ продолжалъ охорашиваться и сыпалъ каламбурами какъ будто ни въ чемъ не бывало. Онъ даже сталъ увѣрять Наду что ей грѣшко запараться въ гауши и что Анжъ Григорьевъ непремѣнно такъ и слѣдуетъ вывозить ее по крайней мѣрѣ въ Москвѣ, потому что „хотя la Bielokamennaja est très province, mais enfin déjà on y trouve une espèce de société qui ressemble à l'Europe, et comme de raison vous y serez la reine de tous les bals.“ Такъ выражался онъ на томъ чистомъ парижскомъ діалектѣ, который процвѣтаетъ въ ресторанахъ Невскаго Проспекта.

— Я была въ Москвѣ, отвѣчала Нада по-русски,—но только не ради московскихъ баловъ. А вы сами,—прибавила она уже съ явномъ враждебностью,—конечно привыкли жить совершенно по-европейски.

— On fait ce qu'on peut, отвѣчалъ онъ, пожимая плечами.—Вы мнѣ сказали,—обратилса онъ къ Федору Васильевичу,—что мнѣ можно будетъ достать здѣсь въ деревнѣ лошадей чтобы довѣхать до Златоустовки, гдѣ у меня назначено слѣдствіе? а оттуда, если позволите, я уже поѣду почевать къ вамъ.

— Вы, я думаю, врядъ ли успѣете; златоустовское дѣло изъ крутыхъ и, какъ въ дѣла о сопротивленіи властямъ, не скоро можетъ быть кончено.

— Ничего, развязно возразилъ молодой человѣкъ.—Кончимъ завтра. Исправникъ тоже хотѣлъ туда пріѣхать къ вечеру. Ses braves raisons peuvent attendre. Впрочемъ свидѣтели были мною вызваны сегодня къ двѣнадцати часамъ.

— И ѣдутъ до сихъ поръ? Напрасно вы мнѣ про это не сказали утромъ въ городѣ.

— Да я же вамъ говорю, исправникъ... ничего. подождутъ.

— И стало-быть, рѣзко оборвала его Нада,—вмѣсто того чтобы производить слѣдствіе вы пріѣхали сюда обѣдать? Это тоже совершенно по-европейски?

Молодой человекъ потулился и не отвѣчалъ. Анна Григорьевна, удивленно посмотрѣвъ на племянницу, послѣдила за ней разговоръ.

Златоустовское дѣло о сопротивленіи властямъ естественно привело ей на память ея утренній разговоръ съ крестьянами. Она пожаловалась Федору Васильевичу на то что крестьяне съ каждымъ годомъ все настойчивѣе требуютъ надѣленія ихъ землей и все сильнѣе встаютъ противъ возрастанія съёмочныхъ цѣвъ.

— Удивительно, говорила она,—какъ улобно держится увѣренность къ томъ что будетъ дама новая воля. Сколько имъ ни толкуй, а они все одно: „мы ваши, а земля наша“. Даже въ аресту не хотятъ снимать.

— Да вы скорѣе тому удивляйтесь, Анна Григорьевна, какъ съ этою вѣчно обманутою надеждою они живутъ еще такъ мирно, особенно въ виду стараній которыя прилагаютъ извѣстные господа чтобы подбить ихъ. Не дальше какъ третьяго дня одного такого франга связаннаго въ волость представили, и кто бы вы думали? Тѣ самые Златоустовскіе мужики которые судятся за сопротивленіе властямъ. Мнѣ его право жаль стало, худенькій такой, щедушный, платье все изодрано, должно-быть пощипала его мужики. Онъ тамъ у златоустовскаго дячка жилъ, а самъ землеустроителемъ объявился и все крестьянамъ раздавалъ тамъ разныя книжечки: „Сказку о четырехъ братьяхъ“ „Исторія одного французскаго крестьянина“ и всю эту шую ерунду. Одинъ мужичокъ у него и спрашиваетъ въ кабакѣ „что, батюшка, это Псалтирь что ли? Ты знать у кутейниковъ живешь, такъ больше все духовныя книжки должно-быть раздавать!“ Ну онъ, сердечный, и олошналъ и давай имъ толковать что Бога нѣтъ, а царя и господъ надо по шакѣ, и тогда настанетъ для народа настоящее житье. А они его въ награду за то взяли да прямо въ полицію. И то сказать, молодцы!

Надя слушала этотъ разказъ, едва сдерживая свое негодованіе. Въ ея глазахъ предметъ насмѣшекъ Федора Васильевича былъ мученикъ, можетъ-быть ей лично не особенно симпатичный, такъ какъ вѣра въ то дѣло за которое онъ страдалъ въ ней слегка пошатнулась; но во всякомъ случаѣ безкорыстный защитникъ этого дѣла, стоявшій неизмѣримо выше той среды которая встрѣчаетъ однимъ глумленіемъ его немѣлкая попытка.

— Это здѣшніе неграмотные мужики такъ наивны? выѣхался Володя.

— И знаете, Володя, что дѣлаютъ тѣ которые поразвитѣе и посмышленѣе? Они своею грамотностью для того пользуются чтобы нажитья и свою же братію давить что есть мочи. Да-съ, нашъ русскій мужичокъ существо весьма практическое и ужъ вовсе не сентиментальное. Всякія улучшения своего быта онъ понимаетъ въ видѣ барыша и только для себя лично, замѣтите, а за французскую троицу: *liberté, égalité, fraternité*, онъ гроша мѣднаго не дастъ!

— Да вы же сами говорите что крестьяне требуютъ себѣ новаго земельного надѣла и вполнѣ законно требуютъ, потому что община труженниковъ есть настоящій землевладѣлецъ?

У Володи даже лицо разгорѣлось отъ воодушевленія, а сидѣвшій противъ него юный правовѣдъ такъ и вытаращилъ свой лѣвый глазъ изъ-подъ монокля, услышавъ такіа странныя рѣчи въ домѣ стелной помѣщницы.

— Ого! перебилъ Володю Федоръ Васильевичъ,—община! Вотъ оно, по вашему, гдѣ настоящее царство справедливости и послѣднее слово русскаго развитія! Знаете пословицу: съ міра по ниткѣ—нищему на рубашку? Ну, а какъ вы думаете, коли наоборотъ, рубашку на цѣлый міръ надѣлаешь, много больше нитки на каждого достанется? И давно это поняли наши мужики, и въ этихъ вашихъ хваленыхъ общинахъ тому кто посланъ и въ голову не приходитъ слабому помочь.

— Либерально, нечего сказать! сквозь зубы пропустилъ Володя.

— А вамъ непременно хочется все на либеральныя аршины мѣрять? Вотъ у насъ на земскомъ собраніи тоже одинъ такой помѣщикъ есть, богатый человѣкъ, который тѣмъ только и занятъ какъ бы ему и говорить и думать какъ можно либеральнѣе. Чуть что скажетъ онъ въ земскомъ собраніи, онъ тревожно прочитываетъ по утрамъ газеты, а ну, какъ вздумается мѣстному корреспонденту обвинить его въ отсталости? Въ газетахъ, разумѣется, про него не писали ни разу. Но за то одинъ изъ крестьянъ-гласныхъ ему разъ какъ-то послѣ засѣданія сказалъ: „Шутникъ ты, баринъ, право,—мы все это вотъ въ токъ никакъ взять не можемъ: почему это ты все за насъ такъ хлопочешь? Наши думали что вотъ насъ кто обижать собирается. Нѣтъ: видимъ—ничего, ладно.

Лучше бы ты, баринъ, свое дѣло зналъ, а мы ужь сами за себя стоимъ“.

— Ну, а вы какъ объ этомъ думаете, Надежда Сергѣевна? неожиданно обратился Томилинь къ молодой дѣвушкѣ.

— Я разказа вашего, признаюсь, и не слушала, рѣско отвѣтила Надя;—а думаю а что конечно гораздо удобнѣе, сидѣ за обѣдомъ, острить насчетъ мужика, чѣмъ подвергать себя опасности, помогая ему.

Анна Григорьевна живо взглянула на Томилина, какъ бы упрасивая его не продолжать этотъ разговоръ. Федоръ Васильевичъ и не отвѣчалъ Надѣ и только задумчиво сталъ покручивать свои волнистые усы. Наступило довольно продолжительное, натянутое молчаніе.

Послѣ обѣда Надя тотчасъ же усѣлась возлѣ окна за вышиваніе, какъ бы отстраняя себя отъ остальныхъ. Волода между тѣмъ вступилъ съ Федоромъ Васильевичемъ въ горячій споръ о современной литературѣ. Очень любилъ Волода эти споры, хотя старики и не щадили обыкновенно современныхъ взглядовъ молодого человѣка. Федоръ Васильевичъ остался вѣрнѣе вкусамъ своей молодости и несмотря на свои сѣдые волосы и на долгую возню съ реальною обстановкой деревни, продолжалъ восторженно поклоняться своимъ давнишнимъ любимцамъ—поэтамъ начала столѣтія. Онъ даже со всѣмъ увлекся, разказывая Володѣ, какъ онъ, будучи еще студентомъ, задумалъ со своими товарищами поставить *Разбойниковъ* Шиллера и какъ почетельное начальство, узнавъ объ этомъ, замѣнило актерамъ представленіе карцеромъ, а одного изъ нихъ, слѣшкомъ уже хорошо игравшаго Карла Моора, сварили въ Вятку...

— Да, вотъ какое время тогда было! Даже Шиллеръ былъ запретнымъ плодомъ! сказалъ онъ.—И молодежь тогда была настоящая: была у нея и вѣра въ будущее, и одушевленіе искусствомъ, и хотъ всѣ мы очень хорошо знали тогда что не пройдетъ намъ даромъ эта штука, благоразумная осторожность никому не приходила въ голову.

Надя сложила свою работу и подвѣсилась съ мѣста.

— Благоразумною осторожностью вы всего мѣнѣе, съ горечью обратилась она къ Федору Васильевичу,—имѣете право попрекать современную молодежь, хотя бы припомнивъ то что вы недавно разказывали про щедущаго, худенькаго малаго котораго привели въ волость крестьяне.

— Кажется, Надежда Сергѣевна, на этотъ разъ возразилъ Томилинъ, и старческіе глаза его заискрились,—Шиллеръ и „всеобщій передѣлъ“ совсѣмъ не то же самое, и увлеченіе искусствомъ мало имѣетъ сходства съ идеалами людей для которыхъ само творчество—ни что иное какъ одно изъ отвлеченій черезчуръ нервнаго организма.

— Да? медленно проговорила Нада,—сладенькіе и безмятежныя восторги какимъ-нибудь Шиллеромъ по вашему чаще и выше, и похвѣдка въ „Вятку“ ради представленія *Разбойниковъ* гражданскій подвигъ? Это конечно, изящнѣе, эстетичнѣе—последнее слово она произнесла съ особенно презрительнымъ удареніемъ—чѣмъ возня съ чернымъ народомъ. И конечно также можно въ свои молодые годы восторгаться пылкими рѣчами романтическихъ героев о священныхъ правахъ челоѣка и въ то же время, вотъ какъ вы, Федоръ Васильевичъ, будучи посредникомъ, преспокойно вводить уставы грамоты оставляющія крестьянъ безъ земли...

Проговоривъ это, Нада медленно вышла изъ комнаты. Часть спуста она сидѣла съ книгой въ рукахъ въ садовой бесѣдкѣ. Но книги она не читала и невеселыя мысли толпились у нея въ головѣ; а изъ дома до нея доносились оживленные голоса Володи и молодаго правовѣда, усердно занятыхъ игрой на бильярдѣ. Вдругъ предъ ней очутилась высокая фигура Томина. Нада хотѣла встать и уйти, но Федоръ Васильевичъ удержалъ ее.

— Надежда Сергѣевна, началъ онъ,—мнѣ нужно переговорить съ вами. Вы меня оскорбили сегодня и оскорбили незаслуженно. А мнѣ, старику, вмѣсто того чтобы на васъ обижаться, показалось что лучше будетъ если я попробую измѣнить ваше дурное мнѣніе обо мнѣ. Подумалъ я такъ потому что мы когда-то были друзьями съ вашимъ батюшкой, съ которымъ я служилъ подѣ Севастополемъ, хотя онъ и многимъ былъ меня моложе.

Нада хотѣла было прервать съ первыхъ же словъ Федора Васильевича: наставленій себѣ она вообще не допускала. Но голосъ старика былъ такъ мягокъ и искрененъ что она невольно дослушала его до конца.

— Воспоминаніе о моемъ отцѣ во всякомъ случаѣ, однако, возразила она,—не особенно меня трогаетъ, Федоръ Васильевичъ. Вы легко поймете почему, если были съ нимъ близки.

— Но я не совсѣмъ понимаю, какъ мнѣ приходится слышать

это етъ жасъ, его дочери. Въ нашемъ поколѣннн не привыкли высказывать чужимъ своего дурнаго мнѣнія о родителѣхъ.

На этотъ разъ молодая дѣвушка не отвѣтила вовсе.

— И вотъ, продолжалъ Федоръ Васильевичъ,—мнѣ хотѣлось разказать вамъ кое-что про житье-бытье этого поколѣннн которое вы повидимому такъ презираете. Повѣрьте мнѣ, обстановка, задачи жизни мѣняются какъ декорации въ театрѣ; но люди остаются все тѣми же. Молодежь увлекается и теперь какъ и прежде увлекалась, и одного только я ей отъ души желаю, чтобы предметъ ея увлеченнй всегда оставался въ самомъ дѣлѣ высокимъ; чтобы, воображая что она идетъ въ гору, она не шлепнулась въ болото....

Надя всникнула и хотѣла что-то возразить.

— Позвольте, Надежда Сергѣевна, остановилъ онъ ее,—выслушайте меня немного сначала; вѣдь мы, старики, чего грѣха таить, болтаемъ.

Они пошли рядомъ по дорожкѣ. Молодая дѣвушка не отдавала себѣ отчета почему она теперь безпрекословно слѣдуетъ за нимъ, котораго только за часъ назадъ она считала представителемъ ненавистнаго ей образа мыслей.

— Было время, продолжалъ Федоръ Васильевичъ,—и недавнее еще время, хотъ вы и не можете его поминить, когда эта самая свобода которая вамъ теперь кажется стѣсненнемъ была для насъ недосагаемою мечтой. Надо всю нашу молодежью черною тѣнью легла несчастная память 14 декабря. Тогда въ самомъ дѣлѣ быть молодымъ чуть ли не считалось быть залодозрѣтымъ. Вы вотъ почти смѣлились надъ тѣмъ что я вамъ разказалъ про Шиллеровскихъ *Разбойниковъ*. А я бы вамъ могъ сотни такихъ случаевъ привести когда по такому же невинному поведи губилась молодая жизнь. А вѣдь кроиъ то же живо струилась, хотѣлось то же дышать; а что же было дѣлать когда отъ узкихъ рамокъ жизни можно было найти спасенье только въ мирѣ отвлеченности и ловаи? Это была въ вашихъ глазахъ мелкая борьба и мелкн страданнн. Да развѣ легче оттого что мысли не даютъ и самаго слабого полета? А все-таки, какъ ни тѣсна была наша жизнь, какъ ни прозрачны были наши интересы, одного мы никогда не теряли,—вѣры въ будущее, вѣры въ Россню, и ея-то именно теперь и вѣтъ. А вѣдь одною только вѣрой и крѣпкокъ человекъ.

Надя его слушала молча, да и теперь она какъ-то нерешительно заговорила, возражая ему:

— Однакоже, Федоръ Васильевичъ, изъ всѣхъ этихъ преткрасныхъ идеаловъ не вышло ровно ничего, и тогдашняя ручная оппозиція преспокойно сидѣла у себя въ деревняхъ, наслаждаясь плодами крѣпостнаго права.

— Какъ ничего? воскликнулъ Томпкинъ.— А 19 февраля, на стоявшее Россіи почти на калаи крови! Ручная оппозиція, говорите вы! А мало вы думаете было жертвъ этой ручной оппозиціи?

И Федоръ Васильевичъ разказалъ молодой дѣвушкѣ кое-что изъ своихъ прошлыхъ воспоминаній. Онъ привелъ ей длинный перечень талантливыхъ молодыхъ силъ угасшихъ въ глуши, не имѣя даже возможности испробовать себя на служебнмъ родилѣ. Онъ разказалъ какъ онъ самъ въ концѣ 40хъ годовъ, хотя и былъ тогда на службѣ въ Петербургѣ и на хорошемъ счету, однако разъ ночью былъ отправленъ съ фельдегеремъ въ Пермь за то только что у него по вечерамъ частенько собиралась молодежь.

— И прожилъ я тамъ пять лѣтъ безъ вдовъ на будущее, почти безъ средствъ и кажется просто забытый. И только когда началась Восточная война мнѣ разрѣшили поступить офицеромъ въ армію. Много тамъ, подъ Севастополемъ, я виделъ своихъ сверстниковъ которыхъ жизнь была испорчена какъ моя. И всѣ они не проклинали своей родины, не ждали спасенья отъ какихъ-то самозванныхъ заграничныхъ освободителей, а до конца исполняли свой долгъ предъ царемъ и Россіей. Ну, а если теперь въ своей деревушкѣ я на старости лѣтъ вмѣсто того чтобъ отрицать и браниться отъ удовольствіемъ перечитываю Пушкина, да Шиллера, да навѣчусь съ цвѣтами, которые вывожу въ теплицѣ, какъ вы думаете, это очень достойно порицаемъ и насмѣшки?

Надя только взглянула на него, но должно-быть онъ прочелъ хорошій отвѣтъ въ ея глазахъ, такъ какъ его рука крѣпко пожала руку молодой дѣвушки.

Въ саду стало темнѣть и сквозь весеннія сумерки мѣсяцъ на ущербѣ бѣжалъ на безоблачномъ небѣ. Птичьи голоса умолкли съ закатомъ и какъ мирное чувство въ усложненной душѣ вечерняя тишина опустилась на землю.

— Надежда Сергѣевна! Барыня васъ проситъ чай разавать!

Послышался съ террасы голосъ Терентія.—Николай Осиповичъ Боровской пріѣхали-съ.

— Ахъ! нашъ высокаторжественный прокуроръ! сказалъ Ѳедоръ Васильевичъ.—Ну, прощайте! Мнѣ пора; да и недолюбливаю я, признаться, этого господина.

— Онъ, говорятъ, очень уменъ?

— Уменъ... да-да... Впрочемъ вы сами увидите.

И хотя Нада его удерживала къ чаю, Ѳедоръ Васильевичъ объявилъ что у него яровые посѣвы не кончены, а для этого вставать надо рано и минуя домъ онъ пошелъ отыскивать свой тарантасъ.

VII.

Tout chemin mène ici vers un but de mystère
Où va l'esprit dans l'homme, où va l'homme sur
terre
Seigneur! Seigneur! où va la terre dans le ciel.
V. Hugo.

Николай Осиповичъ Боровской былъ назначенъ прокуроромъ въ С** за годъ предъ тѣмъ. За это время онъ успѣлъ приобрести репутацію человека недожизняго и совсѣмъ не подходящаго подъ какую-нибудь общую мѣрку. Что-то загадочное было и въ складѣ его ума и въ манерѣ его говорить и держать себя съ людьми... Многимъ казалось что онъ никогда не высказывалъ вполнѣ своей мысли и оттого можетъ-быть въ его словахъ имъ часто слышалась затаенная насмѣшка. При всемъ томъ Николай Осиповичъ вовсе не былъ что называется сухимъ человекомъ: какъ всѣ люди хорошо владѣющіе словомъ, онъ, напротивъ, вступалъ легко и охотно въ бесѣду и въ его обращеніи не было и слѣда той сдержанной холодности, которую такъ любятъ напускать на себя посредственности бьюція на званіе серьезныхъ людей. Но за то всякій разговоръ съ нимъ оставлялъ такое впечатлѣніе что совсѣмъ нельзя было выяснитъ себѣ какого собственно былъ мнѣнія Николай Осиповичъ о томъ о чемъ говорилъ со своимъ собесѣдникомъ. Не мудрою что онъ ни съ кѣмъ не сошелся за этотъ годъ и особенною любовью мѣстнаго общества не пользовался. Впрочемъ этому способствовало и то что Николай Осиповичъ мало удостоивалъ своего вниманія провинціальныя дамъ: а этого онъ, разумѣется,

простить не могли тридцати двухлѣтнему холостяку, тѣмъ болѣе что многимъ нравилась его высокая, стройная фигура съ выразительными, если не красивыми чертами лица и его глубокіе, такъ пристально и спокойно глядѣвшіе темносѣрые глаза. Дамы, извѣстное дѣло, и провинціальныя въ особенностяхъ, большія охотницы до загадочнаго: то обстоятельство что Боровской такъ мало походило на остальныхъ, что разгадать его было такъ мудрено, конечно очень возвышало его въ женскихъ глазахъ и усиливало негодованіе на то что такой интересный человекъ, да еще въдобавокъ общающій такъ быстро идти впередъ, ускользаетъ отъ сѣтей мѣстныхъ очаровательницъ. А къ этому смертному грѣху прибавлялись еще два довершавшіе его непопулярность: Николай Осиповичъ карты не бралъ въ руки и слетви выслушивалъ съ терпѣніемъ.

Въ Бѣлыхъ Столбахъ Боровской былъ очень рѣдкимъ гостемъ: слишкомъ уже мало общаго было у него съ Анной Григорьевной. Въ этотъ вечеръ онъ заѣхалъ къ ней возвращаясь въ городъ изъ Никольскаго, гдѣ онъ обѣдалъ, чтобы передать ей порученіе отъ ея новой сосѣдки—Елены Михайловны Ардынцовой.

Елена Михайловна, овдовѣвшая около года предъ тѣмъ, недавно пріѣхала въ Никольское, года два тому назадъ купленное ея покойнымъ мужемъ. Олекуномъ ея ладчицы, единственной дочери и наследницы этого мужа, пятнадцатилѣтней Жени, по завѣщанію покойнаго былъ назначенъ шуринъ Анны Григорьевны Петръ Николаевичъ Корекій. Обстоятельство это, которое, мимоходомъ сказать, пришлось вовсе не по вкусу Еленѣ Михайловнѣ, заставляло его искать сближенія съ хозяйкой Бѣлыхъ Столбовъ, и Боровскому, съ которымъ она была хорошо знакома еще въ Петербургѣ, она поручила извѣстить Анну Григорьевну о своемъ намѣреніи побывать у нея на дѣлахъ съ ладчицей. Но у Николая Осиповича, когда онъ ѣхалъ въ Бѣлые Столбы, было въ виду и нѣчто иное, о чемъ онъ Аннѣ Григорьевнѣ не передалъ. Въ Никольскомъ онъ встрѣтился съ исправникомъ, который за столомъ разказалъ про странную молодую дѣвушку привезенную Анной Григорьевной изъ Москвы и возбуждающую заботливое опасеніе властей. То немногое что было изъ прошлаго Нади извѣстно Амфилохію Никандровичу по официальной перепискѣ, онъ передалъ слушателю съ самою милою

откровенностью: „Говорятъ она изъ самыхъ опаснѣхъ“, прибавилъ онъ уже отъ себя, неизвѣстно на какомъ основаніи,—„и въ то же время красавица лисава.“

— Такъ вотъ почему вамъ ее и увидать захотѣлось! сталъ подшучивать одинъ изъ присутствующихъ надъ извѣстною слабостью почтеннаго исправника къ прекрасному полу.

Николай Осиповичъ молча выслушалъ разказъ исправника; но въ немъ самомъ зародилось желаніе увидать загадочную молодую особу, соединявшую привлекательную внѣшность съ такимъ пылкимъ увлеченіемъ что въ восемнадцать лѣтъ она уже становилась предметомъ официальной тревоги: слухи про Надю Ольшескую не въ первый разъ доходили до Боровскаго и ему хотѣлось воспользоваться случаемъ чтобы покороче узнать одну изъ тѣхъ которыя такъ рѣшительно сворачиваютъ въ сторону отъ обычной дороги женскаго призванія. Увидать ее среди мирной сельской обстановки ему казалось двойнѣ заманчиво. Съ тѣхъ поръ какъ онъ былъ въ С** случай или даже можетъ-быть собственный выборъ его постоянно наталкивалъ на дѣла съ политической окраской. Изъ нихъ онъ сдѣлалъ для себя почти спеціальность и въ обществѣ успѣлъ прослыть за неумолимаго гонителя тѣхъ которые, не задумываясь, хотѣтъ поставить созданіе своей фантазіи на мѣсто всего того что выработала суровая дѣйствительность. Увѣряли даже что Николай Осиповичъ гораздо болѣе и ужъ конечно основательнѣе самого голубаго полковника знакомъ съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ и съ признаками того движенія которое такъ усиленно бродитъ по молодымъ умамъ.

Первое лицо на которое въ Бѣлыхъ Столбахъ наткнулся Боровской былъ юный представитель сладостенной власти, совершенно забывшійся среди прелестей билліарда. Конецъ-концу пришлось выслушать наставленіе, повидимому очень внушительное, хотя оно было высказано въ самомъ миломъ тонѣ: по крайней мѣрѣ онъ тотчасъ бросился искать лошадей и долженъ былъ доверить крестьянской телегѣ свою извѣщательную особу и свой изящный костюмъ. Николай Осиповичъ держалъ подчиненныхъ въ ежовыхъ рукавицахъ и рѣшительно отклонилъ предложеніе Анны Григорьевны дать Конецъ-концу своихъ лошадей.

— Зачѣмъ баловать молодыхъ людей, сказалъ онъ,—тѣмъ

лучше коли его поломаешь немножко. Завтра съ разсвѣтомъ онъ тѣмъ охотнѣе примется работать.

Когда Нада вошла въ гостиную, она собиралась встрѣтить Боровскаго далеко не дружелюбно. То что она неоднократно слышала про него не располагало ее въ пользу энергичнаго обвинителя по профессіи, хотя въ то же время къ этому враждебному чувству примѣшивалось у нея и нѣкоторое любопытство. Въ ея глазахъ Николай Осиповичъ былъ какъ разъ олицетвореніемъ и къ тому же довольно крупнымъ ненавистнаго ей порядка вещей и еще болѣе ненавистнаго образа мыслей. „Къ такимъ людямъ“, думала Нада, „слѣдовало относиться съ самымъ холоднымъ презрѣніемъ“. Но одного взгляда на Боровскаго было для нея достаточно чтобъ убѣдиться какимъ бессильнымъ окажется противъ него это презрѣніе. Ей показалось что предъ нимъ она почти ребенокъ и что всѣ ея слова и все ея негодованіе могутъ вызвать одну улыбку. А онъ увидавъ ее всталъ медленно, почти торжественно ей поклонился и снова занялъ свое мѣсто не сказавъ ей ни слова. Только глаза его на мигъ обратились на нее, и она должна была сознаться предъ собой что до сихъ поръ ни чьи глаза не смотрѣли на нее изъ такой глубины и въ то же время такъ невозмутимо и повелительно. Ей стало почему-то досадно: она молча поклонилась, отошла къ чайному столу и будто укрылась за шилъвшимся на немъ самоваромъ.

Ея появленіе даже не прервало спора услѣвашаго уже возникнуть между Боровскимъ и Володей. Николай Осиповичъ, извиняясь въ томъ что онъ такъ безцеремонно удалъ Коневецкаго, принялся доказывать что Златоустовское дѣло, какъ всѣ дѣла возникающія по поводу крестьянскихъ беспорядковъ, совершенно нелѣпое и въ то же время важное дѣло, которое слѣдуетъ разрѣшить какъ можно скорѣе и притомъ съ неумолимою строгостью.

— За послѣднее время, говорилъ онъ,—эти волненія стали повторяться очень часто, и потому острастка необходима: такіе бессильные и безтолковые порывы невинновенія приносятъ однаъ только вредъ и крупный вредъ тѣмъ кто ихъ затѣваетъ, и потому для ихъ же пользы надо ихъ останавливать и наказывать какъ можно круче.

— Стало-быть, возразилъ Волода, — по вашему изъ-за

состраданія къ этимъ бѣднымъ людямъ ихъ надо сажать въ тюрьму, да ссылатъ по Владиміръ?

— Конечно, а вы хотѣли бы каждому изъ нихъ прочитать лекціи государственнаго права и убѣдить ихъ путемъ логики? Ничего нѣтъ глупѣе безсильнаго возстанія, толку изъ него не можетъ быть никакого.—И по выраженію лица Николая Осиповича никакъ нельзя было узнать, сожалѣлъ онъ объ этомъ или находилъ это въ порядкѣ вещей.—Бунтъ въ нашей деревнѣ—это то же что дикій звѣрь сорвавшійся съ цѣпи, онъ кидается на чтò ни попало, а себѣ все-таки свободы возвратитъ не можетъ. Тутъ одно средство—военная сила, гуманностью не пособишь.

Володя отвѣчалъ довольно запальчиво, но Боровскому не особеннаго труда стоило сбить одинъ за другимъ всѣ доводы молодого челоуѣка, и голосъ его при этомъ все время оставался мягкимъ, почти ласкающимъ. И странное дѣло! хотя молодость нетерпѣливо сноситъ чье-либо превосходство, Володя при всемъ своемъ негодованіи противъ безсердечныхъ словъ Боровскаго, невольно про себя восхищался его ровною вкрадчивою рѣчью и готовъ былъ признать его почти такимъ же авторитетомъ какимъ въ его глазахъ были патентованные зазывалы радикализма.

— Разговоръ, между прочимъ, коснулся и того злополучнаго юноши котораго Златоустовскіе крестьяне съ такою червою неблагодарностью предали въ руки власти.

— А чтò, какъ вы думаете, спросилъ Володя,—народъ никогда не откликнется на пропаганду?

Улыбка заигра на тонкихъ губахъ Боровскаго.

— Горючаго матеріала набралось-таки довольно, уклончиво отвѣчалъ Николай Осиповичъ,—только сдается мнѣ что не годятся тѣ фитили которыми его стараются зажечь. А впрочемъ, кто знаетъ? и вѣрнѣе всего конечно эти фитили тушить какъ можно усерднѣе...

— Тетушка, чай готовъ, проговорила Надя, и всѣхъ поразила странная рѣзкость съ которою были сказаны эти немногія слова.

Боровской помѣстился у стола рядомъ съ ней, и когда онъ принимая чашку изъ ея рукъ вскинулъ на нее глазами, и во взглядѣ его, и въ сопровождавшей его улыбкѣ было что-то самоувѣренное, почти вызывающее. „Несмотря на все ваше телерешнее отвращеніе ко мнѣ“, казалось говорили его глаза,

„я сумью заставить васъ слушать меня со вниманіемъ и даже съ сочувствіемъ.“

Онъ продолжалъ почему-то теперь обращаясь къ ней:

— Вы видѣли когда-нибудь какъ освѣщаютъ очень большую залу посредствомъ селитряной нити и огонь вдругъ пробѣгаетъ съ одного конца на другой? Ну, такъ вотъ наша страна представляется мнѣ такою залой, только уже очень, очень большою, и давно ее старались зажечь этимъ способомъ, только нити должно-быть не хватаетъ или не умѣютъ приложить ее какъ слѣдуетъ, и выходитъ что огонь вспыхиваетъ только кое-гдѣ.

И снова показалось на его лицѣ загадочное выраженіе, будто онъ пожалуй и не прочь былъ увидать какъ загорѣлось бы въ залѣ на четырехъ концахъ...

Надя не отвѣчала. Николай Осиповичъ на этомъ круто оборвалъ разговоръ и теперь все тѣмъ же вкрадчивымъ голосомъ сталъ разказывать про разныя мелочи изъ мѣстной жизни, повидимому очень безобидныя мелочи, но все-таки какъ разъ подобранныя съ намѣреніемъ, мѣткою ироніей. Мимоходомъ, какъ бы невзначай, Николай Осиповичъ захватывалъ такихъ лицъ и такіе вопросы которые стояли гораздо выше маленькой провинціальной рамки; и Володя, въ отвѣтъ ему; не скулился на сочувственный смѣхъ. Но выходило это впрочемъ такъ какъ будто самъ Боровской оставался въ сторонѣ какъ безучастный зритель всего того что передавали его такіе но спокойныя разказы.

— Вы какъ будто лекцію изъ древней исторіи читаете, перебила его Надя,—такъ мало все это васъ трогаетъ.

Должно-быть Николаю Осиповичу хотѣлось вызвать молодую дѣвушку на споръ, только по лицу его, въ отвѣтъ на ея слова, пробѣжала веселая улыбка.

— Меня не трогаетъ? сказалъ онъ смѣясь.—Развѣ вы не знаете что моя прямая обязанность—обвинять и преслѣдовать.

— Я знаю что и кого вы преслѣдуете, живо, съ пылающимъ лицомъ перебила его Надя,—и вдобавокъ какъ вы преслѣдуете!

— Вотъ на этотъ счетъ вы и ошибаетесь, Надежда Сергѣевна;—вамъ конечно меня представили какимъ-то кровавадымъ гонителемъ, не правда ли? Могу васъ увѣрить что, исполняя свои обязанности, ни малѣйшей вражды я не

ощущаю къ тѣмъ кого мнѣ приходится обвинять. Положимъ, во мнѣ нѣтъ къ нимъ особаго сердобольнаго чувства; но когда приходится выбирать изъ поля сорную траву, развѣ эта операція не производится и безъ злобы, и безъ состраданія?

— И вы не видите что это хладнокровіе во сто разъ хуже самой рьяной нетерпимости?

— Можетъ-быть. Это зависитъ отъ точки зрѣнія. Для меня, признаюсь, эти различія между тѣмъ что лучше и что хуже вовсе не существуютъ. Хуже или не хуже насъ тѣ кого намъ приходится обвинять по такъ-называемымъ „политическимъ“ дѣламъ, я не знаю и это насъ не касается; они просто не укладываются въ данный общественный строй, и строй этотъ ихъ давить, какъ поѣздъ давить все то что лежитъ поперекъ рельсовъ и какъ они бы насъ давили еслибы были покрѣпче.

— Поѣзда и соскакиваютъ иногда,—не забудьте.

— Ну что же, проговорилъ Боровской,—коли соскочить, разговоръ будетъ другой.

Надя удивленно и пристально взглянула на него. Ей олять стало досадно на себя за то что она, несмотря на свое презрѣніе къ этому человѣку, была взволнована этимъ разговоромъ; а у него даже полутонкомъ не повысилася его ровный спокойный голосъ.

— И того мальчика вы тоже собираетесь пустить по знакомой дорожкѣ, спросила Надя,—котораго крестьяне третьяго дня привели въ волость, несмотря на то что ему еще и двадцати лѣтъ нѣтъ?

— Что дѣлать? Улаки налицо, отвѣчалъ Боровской слегка пожимая плечами;—а вы его знаете?

— Видѣла.

— Да гдѣ же ты съ нимъ встрѣтилась? тревожно спросила Анна Григорьевна.—Ты въ Златоустовской волости вѣдь не была никогда?

— Я его видѣла не въ Златоустовѣ, нехотя отвѣчала молодая дѣвушка.

— Вы мнѣ позволите дополнить ваше показаніе? вмѣшался Николай Осиповичъ.—Вы по всей вѣроятности встрѣтили его въ самыхъ Бѣлыхъ Столбахъ, куда онъ хаживалъ къ сыну адѣйнаго священника? Такъ ли? Вы видите что у меня довольно точныя и вѣрныя свѣдѣнія, добавилъ онъ не дождавсь отвѣта.

Анна Григорьевна всплеснула руками. Какъ, у нея, въ ея

родныхъ Бѣлыхъ Столбахъ оказался пропагандистъ и вдобавокъ онъ состоялъ въ дружбѣ съ сыномъ отца Зосимы, который слишкомъ двадцать лѣтъ священотуевъ въ Бѣлостобовской церкви!

Боровской послѣдилъ ее успокоить, увѣряя что ровно никакого сочувствія молодой представитель *Земли и Воли* среди крестьянъ не встрѣтилъ.

— А теперь позвольте мнѣ у васъ на балконѣ папироску выкурить. Я знаю что вы табаку не терпите; а я, грѣшный человекъ, безъ него обходиться не умѣю.

Володя провелъ Николая Осиповича на террасу. Молодой человекъ уже пришелъ къ заключенію что Боровской—личность выдающаяся, хотя и принадлежащая ко враждебному лагерю. Рѣшивъ это, онъ сталъ закидывать Николая Осиповича вопросами и замѣчаніями, ходя съ нимъ взадъ и впередъ по террасѣ, но Боровской лишь разсѣянно внималъ этимъ изліяніямъ и уже собирался вернуться въ гостиную, какъ вдругъ на порогѣ показалась стройная фигура Нади.

— Что вы дѣлаете? Какъ можно выходить въ одномъ платьѣ? Вы простудитесь! Съ апрѣльскими ночами не шутятъ! живо проговорилъ Боровской быть-можетъ съ отѣвкомъ черезчуръ живаго участія. Володя бросился въ домъ за вещами Нади.

— Мнѣ нужно переговорить съ вами, сказала она, быстро и рѣшительно подходя къ Боровскому,—а обо мнѣ пожалуйста не беспокойтесь! Я хотѣла просить васъ насчетъ... ну, этого молодого человекъ, котораго вы сегодня допрашивали...

— И съ которымъ вы познакомились у отца Зосимы? не безъ прокии перебилъ ее Боровской. Лицо его сдѣлалось очень неподвижнымъ и на губахъ только показалась слабая, насмѣшливая улыбка.

— Неужели вы не можете хоть на этотъ разъ... посмотришь сквозь пальцы? продолжала она, не обращая вниманія на выраженіе его лица.—Или, можетъ-быть, вамъ кажется страннымъ что я съ такою просьбой обращаюсь къ вамъ, котораго почти не знаю?

— Нисколько. Но я не объясню себѣ вашего заступничества.—Ироническое выраженіе у него теперь исчезло.—Для васъ, именно для васъ, такой энергической и умной, можетъ имѣть значеніе дѣло, а не тѣ кто за него берутся. Что значить въ громадной вѣковой борьбѣ какой-нибудь одинъ

человѣку, да еще такой ничтожный какъ этотъ... Или, можетъ-быть,—добавилъ онъ, пристально воматриваясь въ нее,—вы имѣете иные, личныя причины заботиться о немъ?

— За кого вы меня принимаете? Развѣ въ такомъ случаѣ я бы стала о немъ просить? Онъ молодъ, слабъ, положимъ даже ограниченъ,—вотъ вамъ мои причины. Что же вамъ еще?

Волода приближалъ съ бурнусомъ и бережно укуталъ имъ кувшину. Наступило молчаніе.

— Вы поймите, Надежда Сергѣевна, слуха минуту сказалъ Боровской,—что мною руководятъ такіе же безличныя мотивы какъ и вами, и они заставляютъ меня отказать вамъ. Не гнѣвайтесь на меня за то; повѣрьте мнѣ, ваши взгляды гораздо болѣе сродны, чѣмъ вы думаете. Когда вы будете постарше, вы сами увидите какъ ничтожна цѣнность отдѣльной человѣческой жизни.

И въ самомъ дѣлѣ, слушая эти жесткія слова, Надя вовсе не ощущала того презрительнаго негодованія, котораго они очевидно заслуживали.

— Настоящая сила вездѣ возьметъ свое, Надежда Сергѣевна, продолжалъ Боровской,—и благо тѣмъ кто сумѣлъ обезлечить ее за собой. Въ нашъ вѣкъ это, разумѣется, не одна физическая сила, и побѣждаемый сегодня, можетъ надеяться что современемъ она будетъ на его сторонѣ. Я, помните, сравнилъ бунтующій народъ съ дикимъ звѣремъ... коли хотите, это не совсемъ такъ. У звѣря—всегда одинъ его мускулы да зубы, а въ политической борьбѣ каждая сторона можетъ приискать себѣ усовершенствованныя орудія и побѣдить! Теперь это оружіе въ нашихъ рукахъ,—вы понимаете кто эти „мы“,—и пока оно въ нашихъ, было бы гауло, разумѣется, имъ не пользоваться. Но когда-нибудь оно можетъ оказаться и не у насъ. Въ томъ-то и заключается прогрессъ что болѣе надежное оружіе не составляетъ ни чьей привилегіи, а переходитъ изъ рукъ въ руки, и стало-быть торжество наше не что иное какъ торжество ума! А вамъ уже не трудно отсюда вывести какую угодно мораль.

Надя посмотрѣла на него въ недоумѣніи. Она была не въ состояніи подвести итогъ этимъ загадочнымъ рѣчамъ.

— А теперь я пойду проститься съ вашей тетуской, становится поздно, продолжалъ онъ, подавая руку молодой дѣвушкѣ, и Надя почти безсознательно пожала эту руку.—

Только позвольте мнѣ на прощанье дать вамъ небольшой советъ. Избѣгайте впредь такихъ встрѣчъ какъ вотъ эта у отца Зосимы. Вѣдь повести онѣ ни къ чему не могутъ; а кто знаетъ? какому-нибудь ледавту-законовику, вотъ какъ я, можетъ придти въ голову обратиться къ вамъ на этотъ счетъ съ нескромнымъ вопросомъ...

— Онь быстро вышелъ, не давъ ей времени отвѣтить. А Нада показала что въ самомъ дѣлѣ, не было бы ничего удивительнаго, еслибъ этотъ человекъ, только-что съ ней говорившій, когда-нибудь отнесся къ ней какъ къ подсудимой...

Поздно вечеромъ, когда Нада зашла въ спальню Аины Григорьевны чтобы проститься, тетка ее слегка пожурила за ея рѣзкое обращеніе съ Томилинымъ. Нада съ удивительною покорностью выслушала этотъ упрекъ.

— Мы съ нимъ помирились, тетенька, и будемъ съ нимъ кажется впредь друзьями.

— Ну, а этотъ прокуроръ-то, нравится тебѣ? Ты съ нимъ, кажется, долго разговаривала?

— Мудреный онь, тетенька, перѣшительно отвѣчала Нада, — съ разу не поймешь.

И въ самомъ дѣлѣ, то что она слышала отъ Боровскаго глубоко зашло у нея въ голову и путало прежде установленнаго у нея понятія. Она привыкла до сихъ поръ дѣлить людей на два лагера, съ одной стороны, какъ ей казалось, была и большее образованіе, и безкорыстіе, и готовность жертвовать собой, съ другой—противоположныя качества. И что же? Двое людей съ которыми она встрѣтилась въ этотъ день принадлежали оба къ этому неизвѣстному ей лагерю, а между тѣмъ они какъ разъ стояли на двухъ противоположныхъ полюсахъ, и у старшаго изъ нихъ она находила какъ разъ тѣ дорогія ей качества которыя она считала достоинствомъ людей своего лагеря. А тотъ, другой, который обвиняетъ и ссылаетъ съ полнымъ хладнокровіемъ сторонниковъ ея образа мыслей, развѣ онь на самомъ дѣлѣ не стоитъ на той же почвѣ какъ они? „Не люди дорога, а дѣло“, говорилъ онь, „тотъ побѣждаетъ, у кого лучшее оружіе; стало-быть тотъ развитѣе и образованнѣе“, развѣ это не тѣ же мысли которыя ей приходилось такъ часто слышать отъ своихъ передовыхъ друзей? И однако эти мысли, считавшіяся всегда просвѣщенными, могутъ логически вести къ тѣмъ выводамъ которыя изъ нихъ дѣлаетъ Боровская.

Молодая дѣвушка долго не дождалась. Вся ея короткая, но уже тревожная жизнь представлялась ей какъ загадка, къ которой она потеряла ключъ. Нѣтъ, жизнь не проста,— въ ней и люди, и мысли не укладываются въ готовые рамки. А все-таки, думалось ей, должна же быть приводная часть, твердая опора. И Нада углубилась въ воспоминаніе минувшихъ дней, любуясь въ то же время спокойною весеннею ночью. И темныя очертанія села, по которому слабо мерцалъ серебристый отливъ луны, являлись ей окруженными тѣмъ полнымъ, торжественнымъ покоемъ, который свойственъ природѣ только и котораго не знаетъ никогда людская жизнь, вѣчно ищущая настоящей дороги и постоянно увлекаемая въ двѣ разные стороны.

(Продолженіе будетъ)

К. ОРЛОВСКІЙ.

СЕМЬ СТИХОТВОРЕНІЙ БАЙРОНА *

I

Прощаніе съ Музою.

О, сила въ быломъ управлявшая мною,
Мечтанье, пора мнѣ разстаться съ тобою!
Вздымайся жь надъ бурей ты, лѣсна моя,
Какихъ холодаѣе не писывалъ я!

Та грудь, гдѣ отвѣта восторгъ не находитъ,
Сумѣетъ въ себѣ усилить звуковъ рой;
Тѣ жь чувства что съ дѣтства въ восторгъ насъ приводятъ,
Умчались на крыльяхъ алатіи злой.

Хоть звуки тѣхъ лѣсень и были простые,
Но я не услышу ужь ихъ никогда;
Блескъ глазъ не наводитъ на сны золотые,
И скрылись видѣнья мои навсегда.

Когда я бокалъ свой до дна осушаю,
Что въ силахъ мое наслажденье продлить?
Когда въ красотѣ равнодушье встрѣчаю,
Что въ силахъ заставить меня вновь любить?

* Стихотворенія эти въ первый разъ являютя въ русскомъ переводѣ. *Прим. переводчика.*

Возможно ль въ пустынях славать прескользяща
 О сладостныхъ ласкахъ погибшей любви,
 Иль радостно думать о дняхъ наслажденья?
 Нѣтъ, больше не будетъ волненья въ крови!

Какъ рѣчи вести о друзьяхъ мнѣ живыхъ?
 Любовь умягчаетъ брадамы цѣвицы,
 Но какъ возбудить мнѣ ихъ чувства благія,
 Когда не надѣюсь увидѣть ихъ лица?

Могу ли воспѣть моихъ предковъ дѣянья
 И въ сердцѣ на это достанетъ ли сила?
 Я молодецъ и голосъ мой слабъ для созданья
 Героевъ и холодомъ дышетъ мой пылъ.

Итакъ моя лира молчитъ—не звучать ей,
 Умокла, а съ ней и желанье бредить;
 Тѣ жь кто ее слышали прежде простать ей,
 Узнавъ что она ужь не будетъ звучать.

И звуки ея заглушатся забвеньемъ,
 Какъ дѣтская въ ранніе годы любовь.
 О, еслибъ за первымъ любви прескользящемъ
 Такое жь потомъ не являлося вновь!

Прощай! Тебя, муза, твой другъ не забудетъ!
 Пусть въ нашихъ созданьяхъ и мало пути—
 Ихъ мало, за то настоящее жь будетъ
 Счастливо и свяжетъ насъ въ нашемъ „прости“.

II.

Отрывокъ.

Когда бъ я могъ предти теченьемъ жизни грозъ
 Въ источнику людскихъ улыбокъ злыхъ и слезъ,
 Назадъ бы не пошелъ я тѣми же путями,
 Усыпанными вокругъ поблекшими цвѣтами;
 Ручью жь велѣлъ бы течь, пока не спался бъ онъ
 Съ другими чьихъ никто не слыхивалъ имени.

Но что такое смерть, то ль чѣмъ себя смиряемъ,
 То цѣлое чего мы часть лишь составляемъ?

Жизнь есть видѣнье, сонъ. Лишь тѣ что предо мной
 Живутъ во мнѣ; но тѣ которые вѣтъ со мной
 Подобны мертведамъ, гнѣтущимъ нашъ покой,
 Что саванъ гробовой предъ нами разстилаютъ
 И скорбію часы досуга отравляютъ.

Отсутствующихъ я считаю мертведами,
 Затѣмъ что, разлучась, являются предъ нами
 Не прежними они, а заны и холодны,
 И если прежнихъ чувствъ не вовсе лишены,
 То все жъ для нихъ тогда бываетъ безразлично,
 Что бъ ни дѣлало ихъ, смѣняясь обычно,
 Вода или земля, такъ какъ въ концѣ концовъ
 Исходъ для всѣхъ одинъ—могила/мертвецовъ.
 Ужель громадный сонъ почившихъ вкругъ страдальцевъ
 Не болѣе какъ смѣсь миллиардовъ тѣхъ скитальцевъ,
 Что населяли міръ и превратились въ прахъ,
 Слоящійся вѣка на вспаханныхъ поляхъ,
 Что человекъ толталъ вѣка и вѣчно будетъ
 Толтать, или можетъ-быть лежать ихъ время нудить
 Въ сырыхъ стѣнахъ своихъ безмолвныхъ городовъ,
 Въ отдѣльной кельѣ всякъ, безъ оконъ и засовъ?
 Богатъ ли ихъ языкъ и рѣчь ихъ произвольна ль
 И бытіемъ своимъ во тьмѣ они довольны ль,
 Затѣмъ что жизнь въ землѣ печальна и мрачна,
 Какъ полночи глухой святая тишина?

Земля, скажи куда умершіе укрылись
 И объясни зачѣмъ на свѣтѣ они родились?
 Вѣдь мертвецы твои наследники, а мы
 Лишь лузыри на свѣтѣ ищедшіе изъ тьмы,
 А ключъ отъ глубины лежитъ на днѣ могилы
 Въ преддверіи твоей пещеры, полной силы,
 Въ которую бъ хотѣлъ проникнуть я душой,
 Чтобъ увидать какъ хоръ стихій во тьмѣ нѣмой
 Перерождается изъ силы въ звукъ пустой,
 Проникнуть въ чудеса и изучить составы
 Великихъ душъ, весь свѣтъ забывшихъ изъ-за славы.

III.

Первый поцѣлуй любви.

Прочь съ фантазіей хитрой—ее мнѣ не надо,
 Съ ея тѣанію лжи изъ безумія струй!
 Лучше дайте мнѣ лучъ животворнаго взгляда
 Или пламенный первый любви поцѣлуй!

Риемачи, чьи сердца лишь фантазіей лышутъ
 И питаются въ рощахъ лишь говоромъ струй,
 О, какимъ вдохновеньемъ стихи ваши дышутъ
 Возвѣщая вашъ первый любви поцѣлуй!

О, поэтъ, когда Фебъ отъ тебя отвернется,
 Или муза покинетъ тебя — не тоскуй,
 Не взывай къ ней... напротивъ, лускай уберется:
 То ли дѣло нашъ первый любви поцѣлуй!

Незавижу васъ гордыя дщери искусства;
 Ты жъ, ханжа, возраженьемъ меня не волнуй!
 Я люблю лишь изъ сердца идущія чувства
 И полученный первый любви поцѣлуй.

Скептакъ злой утверждаетъ что люди съ рожденья
 Лихъ боролись съ несчастьемъ. Постой, не ликуй.
 Вѣдь частица Эдема цѣла безъ сомнѣнья
 И частица та — первый любви поцѣлуй.

Когда крови горячей и счастья убудетъ —
 Вѣдь года прибываютъ, что тамъ ни толкуй —
 Мысль о лучшемъ въ прошедшемъ послѣднею будетъ
 И то будетъ твой первый любви поцѣлуй.

IV.

Флорансъ.

Когда я берегъ покидалъ,
 Далекій берегъ гдѣ родилася,
 Я вновь грустить не помышлялъ
 Нигдѣ куда бъ ни удалился;

Но здѣсь, на островѣ глухомъ,
Гдѣ все вокругъ никнетъ головою,
Гдѣ ты одна свѣтла лицомъ,
Боюсь разстаться я съ тобою.

Хотя меня отъ скалъ родныхъ
И отдѣляетъ зѣвъ лучины,
Но годы золь пройдутъ какъ мигъ—
И мнѣ предстанутъ ихъ вершины.

Гдѣ бѣ ни былъ я, вездѣ могу
Услышать голосъ и примчаться
На зовъ къ родному очагу;
Съ тобой же мнѣ ужъ не видаться.

Съ тобой съ которой сочетать
Пришлось прелести природѣ,
Кого довольно увидеть
Чтобъ предпочесть любовь свободѣ.

Прости тому кто никогда
Не ловторить ужъ это слово!
Но если сердца никогда
Мнѣ не отдать, не будь сурова.

Кто бѣ могъ холоднымъ быть такимъ,
Чтобъ встрѣтивъ разъ твой взоръ небесный,
Не быть защитникомъ твоимъ
И красоты твоей чудесной?

Кто бѣ думать могъ что ты прошла
Сквозь взмахи крылій Океана
И средство вѣрное нашла
Сластись отъ ярости тирана?

Когда увижу гребни стѣлъ,
Среди которыхъ Византія
Еще не мыслила про лѣвъ
И гдѣ теперь тираны злые,

Стамбуль дороже будетъ мнѣ
Какъ колыбель моей безцѣнной,
Чѣмъ еслибъ былъ онъ вновь вполнѣ
Славнѣйшимъ городомъ вселенной.

Теперь прощаюсь я съ тобой,
Затѣмъ что жить здѣсь нѣтъ мнѣ цѣли;
Но будетъ радостью большою
И видъ твоей мнѣ колыбели.

V.

Времени.

О, время, чье всевластное крыло
 Полететь часовъ гнететь и возбуждаетъ
 И чье зимы суровое русло
 Въ могилу насъ всевластно увлекаетъ!

Что отъ тебя съ рожденья получалъ
 Я наравнѣ съ другими—все я знаю,
 Но всей твоей я тягости не зналъ
 Затѣмъ что я ея не раздѣляю.

Я не хочу чтобъ другъ со мною дѣлалъ
 Тобою мнѣ непосланное бремя;
 Ты пощадило тѣхъ кто былъ мнѣ милъ,
 И я за то тебѣ прощаю, время.

Да будетъ ихъ удѣломъ лишь покой,
 Но зло моимъ не будетъ достояньемъ!
 Что ужъ прошло за то должникъ я твой;
 Но долгъ я тотъ ужъ уплатилъ страданьемъ.

Не были мнѣ страданья тѣ легки,
 Хотя права твои не забывались;
 Но длился ходъ тревоги и тоски,
 Хотя часы при этомъ не считались.

При счастьи я вздыхалъ что твой полетъ
 Изъ быстрога въ ползущій превратится,
 Что можетъ мракъ скрыть путь, но въ свой чередъ
 На ночь одну не можетъ скорбь продлиться.

Какъ ни была душа моя мрачна,
 Ее твоя лѣтала безконечность,
 Въ которой тлѣла искра лишь одна,
 Чтобъ доказать что ты совѣмъ не вѣчность.

Но искры нѣтъ, и ты теперь — ничто:
 Тебя считать и класть лишь остается
 Среди пустой и скучной роли что —
 Какъ ни клянц—исполнить все жь придется.

т. слѣд.

9*

Но и къ тебѣ твой грозный часъ придетъ,
Предвѣлъ твоихъ стремленій и медленій,
Когда гроза на новый родъ падетъ,
Не разрушая нашихъ сновидѣній.

Я улыбаюсь, думая о томъ
Какъ скоро въ прахъ твои склонятся силы
И весь свой гнѣвъ въ стремленіи своемъ
Ты изливать лишь будешь на могилы.

VI.

Стансы.

Ты умерла и юной и прекрасной,
Ты лучшая изъ жившихъ на землѣ,
И нѣжность формъ и взоръ живой и ясный, —
Все слишкомъ рано скрылося во мглѣ.
Хоть прахъ лежацій на твоей могилѣ
И попираетъ шумная толпа,
Но есть глаза которые не въ силѣ
Глядѣть на крестъ могильнаго столпа.

Я узнавать не буду гдѣ судьбою
Тебѣ въ землѣ назначено лежать;
Пустькай растутъ на ней цвѣты съ травой,
Мнѣ самому ихъ только бѣ не видать.
Для моего блуждающаго взгляда
Довольно знать что ты мертва и то
Что я любилъ есть прахъ, и мнѣ не надо
Твой видѣть гробъ чтобъ знать что ты ничто.

Тебѣ пришлось на долю дни лазури,
Моими жъ лишь могли дурные быть.
Ни солнца свѣтъ, ни вой грозящей бури—
Тебя, увы, ужъ имъ не поразить!
Молчанье сна безъ живыхъ сновидѣній
Ужъ слишкомъ мнѣ завидно чтобъ роптать
На то что все исчезло какъ видѣнье,
Что увяданье могъ бы наблюдать.

Цвѣтокъ въ красѣ полнѣйшаго разцвѣта
Всѣхъ прежде злой кончина обреченъ
И если прочь не стонится со свѣта,

Все жь будетъ онъ листковъ своихъ лишень.
 Еще груствѣи глядѣть на увяданье
 И всѣхъ листковъ ладенье по листу.
 О, кто бы могъ увидѣть безъ страданья,
 Какъ безобразье гонить красоту!

Не знаю, съестъ я могъ ли бѣ терпѣливо
 Видъ красоты увянувшей твоей?
 Ночь вслѣдъ за днемъ идущая сонливо,
 Еще того намъ кажется мрачнѣи.
 Твой день прошелъ безоблачно сверкая
 И ты была прекрасна до конца
 И умерла какъ звѣздочка ночная,
 Улавшая съ небеснаго лица.

Будь въ силахъ я лить слезы какъ когда-то
 Я плакалъ бы при мысли что не могъ
 Быть близъ тебя чья память мнѣ такъ свята,
 Лобзая прахъ твоихъ холодныхъ ногъ,
 И уловить стараюсь мигъ удобный
 Чтобъ головой подушку приподнять
 И доказать что мы любви подобной
 Ужь никогда не будемъ больше знать.

VII.

Молодому другу.

Еще недавно насъ съ тобой
 Пріязнь наружная скрѣпляла
 И нашей искренности строи.
 Невинность сердца охраняла.

Теперь же, какъ ты знаешь самъ,
 Сердце ужъ дружба не литаеть—
 И тотъ кто служитъ лишь страстямъ,
 Скорѣи другихъ охладѣваетъ.

Въ дни дѣтства дружба не вѣрна,
 А сердце шатко такъ бываетъ
 Что часто мѣсяца она
 Въ груди иныхъ не доживаетъ.

Но если такъ, не я жалѣть
И плакать буду объ избранномъ:
Природѣ слѣдуетъ скорбѣть,
Создавъ тебя непостояннымъ.

Какъ волны мечутся въ прибой,
Такъ чувства въ сердцахъ чередуютъ.
Какъ довѣрять груди людской
Въ которой страсти такъ бушуютъ.

Хотя мы вмѣстѣ здѣсь росли,
Не разставаясь съ пеленокъ,
Но дни весны моей прошли
И ты ужь больше не ребенокъ.

Когда мы дѣтству говоримъ:
„Прости“ — рабы законовъ свѣта,
Отъ правды мы тогда бѣжимъ
И сердце въ насъ ужь не согрѣто.

О, счастья мигъ! Тогда душа
На все отклацкнуться готова.
И мысль, въ мѣръ вырваться слѣша,
Горитъ въ очахъ и ждетъ лишь слова.

Но въ болѣ зрѣлые года
Орудьемъ дѣлается каждый:
Билить осмысленно вражда
И пышетъ грудь любовной жаждой.

Мы у глупцовъ подобныхъ намъ,
Свои заимствуемъ пороки
И причисляемъ ихъ къ друзьямъ
И усваиваемъ ихъ уроки

Такимъ бываетъ человекъ;
Но кто съ безуміемъ не связанъ?
Возможно ль съ злымъ бороться вѣкъ
И быть не тѣмъ чѣмъ быть обязанъ?

Судьба моя тюрьмы чертѣй,
А жизнь во всемъ мнѣ измѣняется:
Я ненавижу свѣтъ, людей,
И смерть меня не устрашаетъ.

Душа жь твоя слаба и такъ
Горитъ измѣнчиво при свѣтѣ

Что блещетъ ночью какъ свѣтлякъ
И потушаетъ на разсвѣтѣ.

Куда бѣ къ князьямъ льстецы на зовъ
Безумья злаго не сбирались
(Вѣдь и лодъ свню дворцовъ
Пороки ласково встрѣчались),

Вездѣ ты ту толпу собой
Ежеминутно умножаешь
И безъ борьбы свой пылъ святой
Передъ тщеславіемъ склоняешь.

Тамъ взоръ твой страстный средь рядовъ
Красавицъ радостно вѣтаетъ,
Подобно мухѣ межъ цвѣтовъ
Что только залахъ ихъ вкушаетъ.

Какая нимфа дорожить
Огнемъ который безъ разбора
По всѣмъ красавицамъ скользитъ
Подобно искрамъ метеора.

Такую жизнь дѣлать съ тобой
Другъ самый вѣрный не польстится
И гордый духъ унижить свой
Любовью общей не рѣшится.

Остановись и позабуди
Свою ты роль въ успѣхѣ ложномъ,
Трудись и будь хоть чѣмъ-нибудь,
Но, другъ мой, только не ничтожнымъ.

Н. ГЕРБЕЛЬ.

Нацца. 1881.

ЗЛОЙ ДУХЪ *

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XXV.

Марья Ивановна была безконечно довольна, замѣчая что Лариса какъ будто опять повеселѣла. „Ну слава Богу, должно-быть перестала думать объ Ипполитѣ Сергѣичѣ“, соображала она, приглядываясь къ ея чѣмъ-то тайно оживленному лицу, прислушиваясь какъ она охотно со всѣми разговаривала и какъ снисходительно обо всѣхъ отзывалась. Что-то раздѣвтающее, зазвучавшее полными звуками чувствовалось ей въ этой спокойной веселости, въ задумчивомъ, но не грустномъ блескѣ глазъ, въ скользящей по всему лицу улыбкѣ. Марья Ивановна торжествовала и вмѣстѣ съ тѣмъ недоумѣвала. Сначала ей казалось что Лариса, втягиваясь въ петербургскую жизнь, отвыкла отъ деревенской романтичности и мечтательности, и по ея мнѣнію такъ было всего лучше. Какъ всѣ женщины не испытывшія любви, Марья Ивановна считала это чувство большою слабостью и одобряла его только въ мужчинахъ, и то больше въ смыслѣ

* См. Русск. Вѣст. 1881, №№ 4, 5, 7, 9, 10 и 11.

возмездія за свойственные этому полу недостатки. Къ мужчинамъ она вообще относилась нѣсколько враждебно и допускала ихъ только какъ неизбежное зло, въ необходимости котораго она впрочемъ не была вполнѣ увѣрена. Въ молодости она даже считала всякую женщину способною разделять любовь существомъ нѣсколько низшимъ и даже недостойнымъ; съ годами, привыкнувъ встрѣчаться съ такими женщинами, она стала относиться къ нимъ снисходительнѣе, но и до сихъ поръ каждый разъ слабо вслыхивала въ лицѣ когда при ней намекали на возможность любить мужчину точно такъ какъ мужчины любятъ женщинъ. Романъ завязавшійся между Ларисой и Нестужевымъ, несмотря на его почти дѣтскій характеръ, стоилъ ей многихъ никому непонятныхъ терзаній, оскорбленій, борьбы съ самой собою. Марья Ивановна была изъ тѣхъ нерѣдко встрѣчавшихся въ старые годы натуръ которыя, оставаясь чистыми какъ кристаллъ и безропотно неся вѣнецъ страдальницъ, въ сущности сами толкали мужей въ развратъ и губили семью.

Замѣчая что Лариса какъ будто повеселѣла, Марья Ивановна рѣшила воспользоваться удобною минутой чтобы окончательно, какъ она думала, заставить ее забыть все прежнее и сдѣлаться тѣмъ чѣмъ она больше всего хотѣла бы ее видѣть—изящною барышней петербургскаго свѣта, спокойно и съ достоинствомъ выходящею „партіи“. По понятіямъ Марьи Ивановны, женское счастье заключалось въ томъ чтобы выйти замужъ за человѣка достойнаго и подходящаго во всѣхъ отношеніяхъ, за такого человѣка съ которымъ можно жить дружно, котораго можно даже полюбить, но не тою коварною „безстыдною“ любовью какою любятъ своихъ мужей цѣлыя женщины. И такое счастье, по ея мнѣнію, непременно должно было выпасть ея ненаглядной Ларочкѣ, если только она не вздумаетъ опять влюбляться и дѣлать глупости. Такъ какъ квартира была наконецъ отдѣлана во всѣхъ подробностяхъ, а кругъ знакомыхъ уже очень расширился, то Марья Ивановна рѣшила дать вечеръ.

— Я всѣхъ позову, объявила она дочери.

— Позовите, отвѣтила почти весело Лариса.

Вечеръ очень удался. По крайней мѣрѣ Марья Ивановна, видя какъ много собралось и какое оживленное лицо было у Ларисы, вся сіяла. Она не подозрѣвала что было нѣчто провнческое въ этомъ оживленіи...

Лариса почти весь вечер оставалась на ногахъ, и не потому чтобы хотѣлось оказать преувеличенную любезность гостямъ, но потому что не было охоты присѣсть къ кому-нибудь. Ей казалось удобнѣе выслушать фразу на ходу, отвѣтить, улыбнуться и повернуться къ другому. Гости поочередно обступали ее и отходили. Изъ отрывочныхъ фразъ составлялось нѣчто общее, густо окрашенное одною и тою же нестерпимою краскою. Кажется ни у кого въ этой толпѣ не было другой мысли и другаго стремленія какъ заявить о своемъ значеніи и о своей принадлежности къ лучшему обществу. Раутъ, какъ всѣ петербургскіе рауты, представлялъ ярмарку тщеславія въ самомъ низменномъ смыслѣ. Мушны заявляли что они явились съ обѣда у князя N или у графа Z, или по меньшей мѣрѣ въ Англійскомъ клубѣ; дамы точно извинялись что этотъ вечеръ оказалась у нихъ свободнымъ, тогда какъ вообще онъ засыпанъ приглашеніями. Все это имѣло видъ какой-то безпричинной и вызывающей гримасы, отзывалось кислотой безмысленнаго самолюбія, непостижимою потребностью подняться на цыпочки другъ предъ другомъ. Лариса улыбалась и дѣлала невинные глаза... Встрѣчая вновь пріѣзжавшихъ дамъ, она уже прямо говорила:

— Маман нарочно выбрала этотъ день, потому что сегодня ничего нѣтъ при дворѣ...

— Да, да, это очень внимательно съ вашей стороны, отвѣчала гостя.—Мнѣ предстоялъ выборъ изъ четырехъ вечеровъ, и вотъ видите, я остановилась на вашемъ. Я даже пожертвовала *Лючией*...

— Какъ, вы не въ первомъ абонементѣ? удивлялась другая дама.—Но все наше общество абонировано по понедѣльникамъ...

— Да, но я два года жила въ Парижѣ и потеряла абонементъ. Въ бельэтажѣ ничего не было, а ужъ въ ярусахъ я какъ-то не умѣю... слышала отомстить первая, намекая на очень неподобающую ложу другой.

Новая гостя прекращала разговоръ, извиняясь что опоздала, потому что должна была быть на свадьбѣ своего кузена, известнаго красавца князя Чукчулидзева.

— Ахъ да, я слышала... только не помню на комъ онъ женится... видѣвалась какая-то адмиральская вдова, совершенно убѣжденная въ своемъ исключительно аристократическомъ происхожденіи.

— На Черноземовой! отвѣчала съ величайшимъ и даже нелюпытнымъ алаомбомъ первая.

— Ну да, что-то въ этомъ родѣ: я никогда не помню такихъ фамилій... отзывалась адмиральша.

— Но вы ошибаетесь, это очень хорошая фамилія! возразила уязвленная до глубины души дама.— Черноземовы старинные дворяне.

— Не знаю, не знаю, качала головой адмиральша.— У насъ въ Симбирской губерніи нѣтъ Черноземовыхъ.

— Но почему жь вы думаете что только и есть дворяне въ Симбирской губерніи?

— Ah, mon Dieu, кто жь этого не знаетъ! изумилась адмиральша, въ самомъ дѣлѣ искренно убѣжденная что настоящіе дворяне только и водятся нынче въ Симбирской губерніи.

Лицо Ларисы, слушавшей этотъ споръ, имѣло то улыбающееся выраженіе, которое такъ радовало Марью Ивановну...

Мушкетеры, отряхая аксельбанты или украшенные бутоньеркой отвороты фрака, выражали удовольствіе что ихъ не потребовали сегодня къ высокопоставленному лицу.

— Вы знаете, при тѣхъ отношеніяхъ какія существуютъ у меня съ моимъ chef, никогда нельзя быть вполнѣ свободнымъ, говорилъ одинъ.

— Нѣтъ, я не знаю, отзывалась, глядя на него невинными глазами, Лариса.

— Но вѣдь я въ родѣ личнаго дежурнаго! объяснялъ съ блистающимъ лицомъ совершенно счастливый юноша.— Почти всѣ министры такъ начинали.

— Меня восхищаетъ вашъ туалетъ, говорилъ другой оглядывая Ларису въ пенсне.— Вчера точь-въ-точь такой былъ я...

И онъ, отчеканивая и слегка озираясь по сторонамъ, звучно произносилъ титулъ.

Подходялъ молодежавый съ затянутою таліей генералъ съ султаномъ ловко положеннымъ на локтѣ руки, и какъ бы подшучивая надъ собой, объявлялъ что вчера на придворномъ балѣ онъ долженъ былъ сдѣлать туръ вальса. Бѣлые аксельбанты, отходя, вполголоса сообщали другъ другу на его счетъ адовитыя замѣчанія...

Лариса все съ тою же какъ будто не ей принадлежащею улыбкой на лицѣ стояла опершись пальцами о спинку стула

и глядѣла черезъ головы дамъ на Глѣба Дмитріевича, разговаривавшаго въ сторонѣ съ княземъ Павломъ Платоновичемъ. Онъ прѣхалъ однимъ изъ первыхъ, но обмѣнявшись съ Ларисой нѣсколькими словами, больше не подходилъ къ ней, не жалаа отвлекать ея вниманіе посвященное сегодня такому многочисленному обществу. Павелъ Платоновичъ, прѣхавшій на минутку чтобы только не обидѣть Марью Ивановну, съ усталымъ и скучающимъ видомъ обводилъ гостей. Онъ замѣтно перемѣнилася и на его львиной головѣ прибавилось много сѣдыхъ волосъ.

— Что за прелесть эта Лариса Григорьевна! сказалъ онъ издали встрѣтаясь съ ней глазами.—Я ее въ первый разъ вижу среди нашего „свѣта“ и мнѣ какъ-то обидно за нее. Всѣ ови недостойны даже дышать однимъ воздухомъ съ ней.

Глѣбъ Дмитріевичъ ничего не сказалъ и только обвелъ общество такимъ выразительнымъ взглядомъ который сильнѣе всякихъ словъ могъ подтвердить замѣчаніе князя.

— И вѣдь это не просто „свѣтъ“, сказалъ онъ черезъ минуту;—вѣдь всѣ эти господа несутъ общественныя обязанности, управляютъ или готовятся управлять... Это наше политическое сословіе. А я въ Берлинѣ недоумѣвалъ, волновался, ждалъ чего... Точно я раньше не видалъ ихъ всѣхъ!

Лариса, пробираясь между креслами, маленькими шажками подошла къ нимъ. Натянутая улыбка сбѣжала съ ея лица.

— Я кажется не умѣю принимать... сказала она, съ виноватымъ видомъ поведя плечами.

— Развѣ только въ томъ смыслѣ что вы слишкомъ любезны, отвѣтилъ Павелъ Платоновичъ и нагнувшись поцѣловалъ ея руку.—Это я съ вами прощаюсь,—объяснилъ онъ:—вы мнѣ ужъ позвольте скрыться и похлопочите чтобы мамаша не сердилась. Я лучше къ вамъ завтра обѣдать приду.

Лариса, зная что князь въ послѣднее время лотчи не показывался въ свѣтѣ, не стала его удерживать.

— А знаете кто у насъ? Мше Хвоцева! обратилась она къ Глѣбу Дмитріевичу.—Пойдемте, я поведу васъ къ ней.

Клеопатра Михайловна нѣсколько дней какъ вернулась изъ Волчяго Дола и привезла съ собой печальный разказъ обо всемъ происходившемъ тамъ по отъѣздѣ Марьи Ивановны и Ларисы. Разказъ заставилъ обѣихъ немножко поплакать; и даже сегодня, среди суеты многолюднаго раута, минутами какъ будто траурная тѣнь порхала въ блескѣ люстръ и лампъ...

Зимовьевъ предложилъ руку, и Лариса повела его въ дальнюю маленькую гостиную, гдѣ Клеопатра Михайловна разказывала о своихъ провинціальныя впечатлѣніяхъ окружающему ея небольшому обществу. Она забралась такъ далеко чтобы выкурить пахитоску и чтобы привыкнуть, какъ она говорила, къ петербургскому свѣту, слишкомъ сильно дѣйствовавшему на нее послѣ деревенскихъ потемокъ. Въ этомъ заключалась игра словъ, которую присутствующіе тѣмъ болѣе оцѣнили что имъ рѣдко приходилось говорить по-русски.

XXVI.

Предъ портьерой отдѣлявшею маленькую гостиную Глѣбъ Дмитріевичъ вдругъ оставовился.

— Развѣ вамъ непременно надо отослать меня туда? спросилъ онъ.

Лариса засмѣялась.

— Какъ хотите, отвѣтила она и, оглянувшись, сѣла къ шахматному столу.—Я немножко устала... сказала она.

Глѣбъ Дмитріевичъ подвинулъ стулъ, но не сѣлъ, а только оперся обѣими руками о спинку.

— Вы сумѣли сразу войти въ новую роль, замѣтилъ онъ;— глядя на васъ не повѣришь что вы въ первый разъ принимаете у себя такое большое общество. А между тѣмъ эта роль вамъ не очень нравится.

— Вы догадались? улыбнулась Лариса.

— Представьте себѣ: догадался! отвѣтилъ съ такою же улыбкой Зимовьевъ.—И право, напрасно вы даете себѣ столько труда,—добавилъ онъ;—это плохое средство отъ скуки, я много разъ испыталъ.

— Вы предполагаете что мнѣ скучно? спросила Лариса.

— Развѣ вы забыли нашъ разговоръ въ вагонѣ когда мы возвращались изъ Павловска? отвѣтилъ другимъ вопросомъ Глѣбъ Дмитріевичъ.

— Ахъ, вы вспомнили! произнесла Лариса, и ея прозрачные глаза скрылись подъ тѣнью медленно опустившихся рѣсницъ.

Со времени того разговора прошло уже много дней, и оба они какъ будто боялись возобновить его. Каждый разъ когда Ларисѣ слышался намекъ въ словахъ Зимовьева она точно

отскакивала въ сторону, испытывая олять необъяснимое и соединенное съ тайнымъ наслажденіемъ чувство испуга которое овладѣвало ею раньше въ Волчьемъ Доль. Это чувство раздражало ее, сбивало съ толку...

Бываютъ минуты когда мы внезапно, безо всякаго видамаго толчка, даже не задумавшись, взглядываемъ куда-то внутрь, и что-то сокровенное вдругъ озаряется необычайнымъ свѣтомъ. Въ такія минуты Ларисѣ казалось понятнымъ то странное чувство которое стояло между ней и Зимовьевымъ. Онъ самъ вдругъ становился понятенъ ей съ какой-то со-всѣмъ другой стороны, не съ той съ какой она смотрѣла на него пока не возникалъ окончательный, страшный вопросъ. Съ Нестужевымъ ничего подобнаго не было, она могла спокойно думать о немъ какъ о своемъ мужѣ. Ей нравилося когда онъ жалъ ей руку, когда его глаза, разгораясь, выражали что-то ласково и задорно проникавшее въ ея собственные нервы. А къ Зимовьеву она чувствовала другое. Въ тотъ вечеръ, въ Павловскѣ, она вся радостно вспыхнула когда онъ сказалъ что пріѣхалъ для нея въ Петербургъ. Она понимала что онъ крупаѣе Нестужева, что онъ совсѣмъ большой человекъ рядомъ съ Нестужевымъ. Она гордилась чувствомъ которое внушала ему, гордилась имъ самимъ. Если кто-нибудь былъ сочувственно близокъ ей послѣ разрыва съ Нестужевымъ, то конечно только одинъ Зимовьевъ. И еслибы не это необъяснимое, раздражающее *что-то*, вѣтшившееся въ ихъ отношенія, она конечно считала бы счастьемъ пройти жизнь объ руку съ этимъ большимъ человекомъ, умѣвшимъ такъ глубоко любить и такъ гордо страдать. Но когда, въ минуты необычнаго и страшнаго озаренія, мысль внезапно получала остроту и силу двойнаго зрѣнія, и становилось понятно то предъ чѣмъ она такъ долго и мучительно недоумѣвала, она говорила себѣ: „да, я люблю его; но только это... не любовь“.

— Что же я сказала тогда? спросила она, вдругъ поднимая на Зимовьева глаза.

Его лицо внезапно приняло угрюмое выраженіе.

— Или то о чемъ мы тогда говорили не имѣетъ значенія, или вы сами помните, отвѣтилъ онъ.

— Боже, какъ вы строги... молвила со своею скользящею улыбкой Лариса.—Мнѣ кажется, я припоминаю. Я говорила

что скучно жить изо-дня въ день, жить влоловину... Но что жь съ этимъ дѣлать? Надо ждать.

— Ждать—чего? спросилъ Зимовьевъ.

— Ахъ, развѣ я знаю? Это должно само придти. Новая весна, новыя лѣсны... Я жду весны.

Она положила обѣ руки на шахматный столикъ и качала его, разсѣянно прислушиваясь къ негромкому шуму достигавшему изъ сосѣднихъ комнатъ. Что-то своевольное и почти жестокое свѣтилось въ этомъ разсѣянномъ взглядѣ.

— Я еще не видала петербургской весны, прибавила она;— говорить она коротка и внезапна, какъ... любовь.

У Зимовьева зрачки загорались тѣмъ сухимъ, сдержаннымъ блескомъ, котораго она такъ боялась. Но сегодня ея не лукаго скользить надъ чѣмъ-то страшнымъ, дразнить и вызывать его: они не были одни, каждую минуту могъ кто-нибудь войти и прервать ихъ разговоръ.

— Вамъ сегодня нравится клеветать на себя! сказалъ Глѣбъ Дмитріевичъ.

— Въ чемъ же вы видите клевету? возразила Лариса.—Новая весна, новыя лица, новыя лѣсны, новая любовь... это споконъ вѣку такъ было.

И глаза, и губы ея смѣялись, и она глядѣла на Зимовьева какъ будто не видя его.

— Простите если я вамъ скажу что это кокетство не въ моемъ вкусѣ, проговорилъ онъ, и легкая нервная судорога пробѣжала по его смуглому лицу.

Свѣтящіеся глаза Ларисы продолжали все такъ же глядѣть на него, словно чрезъ какую-то занавѣску за которою онъ ничего не видѣлъ.

— Полноте, не серіозничайте, сказала она;—я даже не понимаю что васъ такъ удивляетъ. Развѣ вы не знаете старинную лѣсенку:

*La femme souvent varie,
Bien fol est qui s'y fie...*

Она встала, и налѣвая влоголоса, хотѣла пройти мимо него. Онъ вдругъ схватилъ ее за руку.

— Лариса Григорьевна, позвольте мнѣ напротивъ просить васъ быть серіозною... хотѣ на одну минуту... заговорилъ онъ голосомъ въ которомъ слышалось что-то глухо накалившееся.— Вы шутили; объясните же что вы хотѣли сказать этою шуткой?

— Да ничего особеннаго... вы напомнили нашъ разговоръ въ вагонѣ, я продолжала его... отвѣтила съ нервной веселостью Лариса.—Развѣ я не говорила вамъ тогда что мнѣ скучно, что осталась пустота послѣ того что было, и что жить вполонину несносно... Развѣ это такъ удивительно? Развѣ я не могу ждать новой весны, новаго счастья? Посмотрите сколько тутъ народу—и мнѣ скучно. А когда-нибудь явится съ кѣмъ будетъ весело. Весело и больно... „Научитесь и страдаетесь“—помните ваши слова? И тогда можетъ-быть жаль будетъ этихъ скучныхъ и спокойныхъ дней, а теперь спокойствіе тяготитъ какъ хворость.

Глѣбъ Дмитріевичъ стоялъ предъ нею, какъ будто съ намѣреніемъ заступивъ дорогу. По лицу его продолжало пробѣгать нервное подергиванье.

— Вы хотѣли знать люблю ли я васъ. Я сказалъ что люблю. Для чего-нибудь вамъ надо было знать! проговорилъ онъ почти сурово.

Лариса перестала улыбаться.

— Развѣ вамъ такъ тяжело было сознаться? сказала она.

— Вы это знали безъ моего признанія, отвѣтилъ Глѣбъ Дмитріевичъ.—Вы знали что я пріѣхалъ въ Петербургъ какъ только вы стали свободны. Вы не могли и не можете сомнѣваться въ моей цѣли. Я не торопилъ васъ, я ждалъ. Вы сами заговорили. Теперь я прошу васъ сказать послѣднее слово. Вы ничѣмъ не связаны, и только отъ васъ самихъ, отъ вашего личнаго чувства зависитъ принять или отвергнуть то что уже давно сказано, предложено...

Онъ замолчалъ и прямо, въ упоръ взглянулъ въ глаза Ларисы странными, суровыми и блистающими глазами. Она вдругъ пристѣла на тотъ самый стулъ который онъ машинально раскачивалъ, держась обѣими руками за спинку.

— Отчего вы раньше не хотѣли сказать? проговорила она, скользнувъ мимо него взглядомъ, и слова ея прозвучали укоризненно и сухо.

— Какъ я могъ раньше? возразилъ Глѣбъ Дмитріевичъ.—Я считалъ что вы связаны словомъ. Я подозревалъ, наблюдалъ, ждалъ. Заговорить о себѣ, когда еще было живо только-что миновавшее, было бы грубостью.

Лариса слушала не глядя на него, и онъ видѣлъ только какъ слабо вздрагивали ея рѣсницы и олуценыя руки все ниже скользили вдоль изыщнаго стана.

— Но дѣло не въ этомъ, продолжалъ Глѣбъ Дмитріевичъ. — Если я и теперь душно выбралъ минуту, простите во вниманіе къ тому что это такъ важно... Лариса Григорьевна, да или нѣтъ?

Въ маленькой комнатѣ гдѣ происходилъ этотъ разговоръ стало такъ тихо что каждое слово произносимое за стѣной слышалось явственно и рѣзко. „Какъ это она столько времени тутъ вдвоемъ, и никто не вошелъ?“ скользило въ умѣ Ларисы, и эта ничтожная мелочь точно на-смѣхъ выдѣлялась изъ всей массы мыслей вихремъ кружившихся въ ея головѣ и словно таянувшихъ куда-то.

Глѣбъ Дмитріевичъ наклонился надъ ея стуломъ.

— Да или нѣтъ? повторилъ онъ такъ близко что она казалась чувствовала жаръ его лица. Она подняла голову.

— Вы видите я въ траурѣ, сказала она, медленно поводя мимо него взглядомъ по мягкимъ чернымъ складкамъ драпировавшимъ ея изящно-неподвижную фигуру.

По лицу Зимовьева пробѣжала тѣнь.

— Я умѣю ждать, сказалъ онъ тѣмъ же страннымъ, страстнымъ и почти суровымъ тономъ.—Я прошу васъ только сказать: ждать ли мнѣ?

Лариса не отвѣчала. Закинувъ голову, она глядѣла предъ собой, и что-то неуловимое пробѣгало по ея лицу, теряясь въ темной глубинѣ глазъ. Вдругъ она встала и точно облила Зимовьева внезапно раскрывшимся взглядомъ.

— Да... сказала она, быстро обойдя его и исчезая за портьерой.

Глѣбъ Дмитріевичъ остался одинъ, озираясь въ этой маленькой комнатѣ и задыхаясь въ теплоемъ и слегка пахучемъ воздухѣ, которому все происшедшее здѣсь какъ-будто сообщило ольняющее свойство. Словно удрученный своимъ безмѣрнымъ счастьемъ, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по ковру и сѣлъ въ слабо-освѣщенномъ углу, не замѣчая смѣшаннаго гула голосовъ, доносившагося изъ другихъ комнатъ.

Лариса тихо вошла въ большую гостиную, остановилась предъ какими-то подымавшимися ей навстрѣчу гостями и молча улыбнулась на неразслышанныя слова. Ее, также какъ и Глѣба Дмитріевича, какъ-будто удивляла въ эту минуту многолюдная толпа, съ которою она не знала что дѣлать. Выраженіе чего-то своего, личнаго, не связаннаго съ этимъ раутомъ, съ этими разговорами, съ этими брилліантами на

туалетахъ дамъ, даже съ этимъ маленькимъ бѣлымъ букетикомъ на ея собственномъ плечѣ, приколотомъ по настоянію Марьи Ивановны для какой-то уже забытой дѣли,—это выраженіе властительно лежало на ея лицѣ и отражалось въ ничего не выдающемъ взглядѣ и въ машинальной улыбкѣ. Но такъ продолжалось только минуту. Лариса пошевелила слабо скрученными локонами, какъ будто желая страхнуть съ себя что-то тяготившее ее, повела плечами, такъ что вздрогнули до кистей ея опущенныя руки, и съ нервнымъ оживленіемъ обратилась къ какому-то генералу пожирившему ее кротко улыбающимися глазами.

Гости начинали развѣзжаться. Анна Всеволодовна подошла къ Ларисѣ и прощаясь не слѣша застегивала перчатки, перекладывая изъ руки въ руку мѣшавшій ей вѣрвь. Обыкновенно оживленное лицо ея сегодня казалось утомленнымъ и печальнымъ.

— Вы не звали Жедровскаго? вдругъ спросила она, не глядя на Ларису и стараясь дать этому вопросу тонъ незначительности.

Сегодняшній раутъ у Волчець-Соколинскихъ пришелся въ самомъ концѣ тѣхъ долгихъ двухъ недѣль въ теченіе которыхъ Анна Всеволодовна напрасно искала встрѣтиться съ Жедровскимъ.

— Матан посылала къ нему приглашеніе, я не знаю почему онъ не пріѣхалъ, отвѣтила Лариса.

— Можетъ-быть онъ уѣхалъ изъ Петербурга, предположила маленькая княгиня.

Лариса пожала плечами.

— Странно если онъ не заѣхалъ проститься, сказала она.

— Ахъ, вѣдь онъ... чудакъ! проговорила княгиня, и на скучающемъ лицѣ ея мелькнула напряженная, словно виноватая улыбка.

Эта улыбка вдругъ что-то объяснила Ларисѣ.

— Можетъ-быть онъ почему-нибудь нарочно скрывается... сказала она.

— Но почему же? возразила Анна Всеволодовна.

— Можетъ-быть потому что кокетничаетъ съ кѣмъ-нибудь... продолжала Лариса и весело взглянула въ ея печальные глаза.

Княгиня, несмотря на невозможныя усилія которыя она сдѣлала надъ собой, вся вспыхнула подъ этимъ взглядомъ.

— Какой скучный способъ кокетничать, сказала она, и

чувствуя что готова заплакать, быстро протянула руку и простилась.

Лариса съ задумчивымъ видомъ проводила ее въ переднюю. Ей хотѣлось обнять и разцѣловать ее и она не смѣла.

XXVII.

Глѣбъ Дмитріевичъ пошелъ домой пѣшкомъ. Ему было жарко и онъ съ наслажденіемъ вдыхалъ сырой и холодный воздухъ насыщенный туманомъ. Фонари едва мелькали, но онъ былъ почти радъ этой закопченной темнотѣ петербургской ночи. Онъ въ ней чувствовалъ себя болѣе наединѣ съ самимъ собою, съ тѣмъ страннымъ, охмѣляющимъ, отрывающимъ ото всего дѣйствительнаго ощущеніемъ счастья, которое онъ несъ въ себѣ. Онъ испытывалъ какую-то непривычную лѣтность мысли, нервы поддавались радостной истомѣ, точно клонили ко сну, между тѣмъ какъ онъ ясно ощущалъ удесятеренную силу жизни и такой приливъ молодости и свѣжести, какъ будто вдругъ волшебною властью были сняты съ него годы одинокой тоски и изнурительной вынужденной правды. Что-то загоралось впереди, будило и звало, обѣщая новую молодость и новый праздникъ жизни. „У счастья нѣтъ сроковъ, нѣтъ возраста... оно само и молодость, и сила, и власть, и надежда...“ думалось ему...

Онъ продолжалъ большими, скорыми шагами идти по улицѣ и вдругъ замѣтилъ что нагоняетъ какую-то медленно двигавшуюся впереди фигуру, въ походкѣ и во всемъ складѣ которой ему показалось что-то чрезвычайно знакомое. Поравнявшись онъ при свѣтѣ фонаря къ величайшему своему удивленію узналъ Извоева.

— Михайло Ивановичъ, да вы ли это! окликнулъ онъ.

Извоевъ вздрогнулъ, оглянулся лугливо, и признавъ Глѣба Дмитріевича, видимо смутился и даже какъ будто весь съежился.

— Вотъ не ожидалъ... я вѣдь тутъ всего нѣсколько дней... хотѣлъ васъ разыскать, да не успѣлъ еще... пробормоталъ онъ какъ-то странно скользя взглядомъ и уходя лицомъ въ лончатый воротникъ, точно хотѣлъ совсѣмъ спрятаться въ немъ.

— Но какими судьбами? почему? на долго ли? спрашивалъ Зимовьевъ.

— Да такъ, не почему собственно... дико отвѣтилъ Извоевъ.—Обстоятельства кое-какія сложились... мало ли сколько народу пріѣзжаетъ сюда!

— Вы одни пріѣхали? отецъ вашъ дома остался? продолжалъ Зимовьевъ.

— Отецъ померъ, отвѣтилъ Извоевъ.—Онъ вѣдь давно уже ллохъ былъ, а чрезъ мѣсяцъ послѣ вашего отъѣзда и скончался. Хуторокъ продалъ. Пустобрюховъ, помните? онъ вѣдь ничѣмъ не брезгаетъ, купилъ.

— Значитъ вы со всѣмъ сюда переехали? Чтò же вы намѣрены дѣлать? спрашивалъ Глѣбъ Дмитріевичъ.

Извоевъ поправилъ шапку, нахлобучивъ ее на самый носъ и еще больше ушелъ въ плечи, такъ что изъ-за воротника его почти только и видна была выляченная русая борода.

— Не знаю, самъ еще не знаю... какое-нибудь дѣло сыщется... какъ ему не сыскаться! проговорилъ онъ, не оборачиваясь къ Зимовьеву и выдувая прямо предъ собой паръ изо рта.

„Замысловать онъ что-то сдѣлался... подумалъ, локосясь на него, Глѣбъ Дмитріевичъ. Неужто Клеопатра Михайловна его вывезла?“

— Ну разкажите же чтò тамъ въ нашихъ мѣстахъ, вѣдь вы прямо оттуда! сказалъ онъ. — Григорія Никитича похоронили?

— Похоронили, кратко подтвердилъ Извоевъ.

— Клеопатра Михайловна всѣмъ распорядилась?

— Да, она... больше впрочемъ каналья этотъ, Миловановъ... вотъ кого бы я... того...

И Извоевъ сдѣлалъ странное и чрезвычайно выразительное движеніе шеей, отчего вся фигура его приняла видъ человѣка котораго вздергиваютъ на висѣлицу. Это мгновенно мелькнувшее выраженіе почему-то чрезвычайно поразило Зимовьева, такъ что онъ никогда потомъ не могъ забыть его...

— А вы тѣмъ временемъ за Клеопатрой Михайловной ухаживали? спросилъ онъ чрезъ минуту шутиливо.

— Вотъ, вы все объ этомъ! отозвался съ явнымъ неудовольствіемъ Извоевъ, и вдругъ остановившись, быстро прибавилъ, мотнувъ головой по направлению какого-то темнаго переулка:

— Однако прощайте, мнѣ сюда...

— Пойдите, вѣдь вы даже не полюболытствовали узнать

гдѣ я живу. Развѣ вы не намѣрены зайти когда-нибудь ко мнѣ? сказалъ тѣмъ же шутивымъ тономъ Зимовьевъ.

— Ахъ да, непременно. На этихъ же дняхъ, непременно зайдю... Гдѣ же вы живете?

Глѣбъ Дмитричъ назвалъ свой адресъ.

— Найду, найду. Такъ до свиданья, мнѣ вотъ этимъ перелучкомъ. Я не здѣсь, а далеко еще, полгорода надо пройти...

И торопливо пожавъ руку, Извоевъ исчезъ въ темнотѣ.

„Загадочно!“ пожалъ плечами Зимовьевъ, на котораго ужими и тонъ деревенскаго сосѣда и пріятеля произвели самое странное и даже безлокойное впечатлѣніе. „Неужели Хвощева?“ повторилъ онъ свой вопросъ. Но невѣроятно чтобы только эта причина могла заставить Извоева такъ лугаться и прятаться. И вдругъ новая догадка внезапно возникла въ умѣ Глѣба Дмитриевича. Онъ даже вздрогнулъ за своего пріятеля, какъ будто съ этою догадкой вдругъ связалось то странное выраженіе которое двѣ минуты назадъ поразило его въ фигурѣ Извоева, съ выляченною бородой и покривившемуся шею.

„Глупости... нервы“... сказалъ онъ мысленно, и рѣшился, какъ только зайдетъ къ нему Извоевъ, лоразспросить его и поговорить съ нимъ серьезно. Но Извоевъ не приходилъ, и Глѣбъ Дмитриевичъ, слишкомъ занятый своимъ личнымъ интересомъ, скоро пересталъ о немъ думать.

Но этотъ поглощавшій его личный интересъ оставлялъ ему слишкомъ много незанятаго времени. Тамъ, въ деревнѣ или за границей, вынужденное бездѣлье переносилось терпѣливѣе, потому что окружающее менѣе напоминало о немъ, менѣе раздражало. Но къ петербургской праздности Зимовьевъ никакъ не могъ привыкнуть. Онъ не зналъ чѣмъ занять утро, что сдѣлать со своимъ вечеромъ, если нельзя было провести его у Волцево-Соколинскихъ. Общество наводило скуку, опера была не блестящая, а репертуаръ гжи Дика-Пети не возбуждалъ интереса. И изъ-за чего собственно тратились эти незанятые дни и скучные вечера? Онъ разъ сказалъ Ларисѣ:

— Какъ долго еще ждать конца вашего траура! Вы придаете такое значеніе формальностямъ?

Лариса задумчиво повела своими прозрачными глазами и какъ будто затруднялась отвѣтить.

— Мнѣ бы не хотѣлось чтобы вы торопили меня, сказала

она, и встрѣтивъ вопрошающій взглядъ Глѣба Дмитріевича, прибавила:

— Мнѣ кажется что я еще не готова.

Брови Зимовьева чуть примѣтно сдвинулись.

— Эти слова могутъ значить очень много, проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, поймите меня какъ можно проще, продолжала Лариса.—У меня характеръ не очень удобный, я не легко привыкаю къ новому чувству. А мнѣ притомъ надо забыть многое что было такъ недавно, съ чѣмъ я почти выросла...

— Мнѣ казалось что въ сущности вы уже забыли, и помните только потому что заставляете себя думать... сказалъ Зимовьевъ.

Лариса съ тѣмъ же замысловатымъ выраженіемъ покачала головой.

— Во всякомъ случаѣ надо дождаться конца траура, возразила она, какъ бы избѣгая прямого отвѣта на замѣчаніе Глѣба Дмитріевича.

— А до тѣхъ поръ вы не разрѣшаете мнѣ даже объяснить свои намѣренія вашей татап?

— Разрѣшаю, улыбнулась Лариса, и добавила шутивымъ тономъ:—только неужели намъ необходимо такъ задолго сдѣлаться женихомъ и невѣстой? Это такъ скучно.

— Но тогда не будутъ удивляться вида меня такъ часто подлѣ васъ, сказалъ Зимовьевъ.

— Ахъ, какое же намъ дѣло если кому угодно удивляться? возразила Лариса.

Глѣбъ Дмитріевичъ замолчалъ и въ тотъ же день объяснился съ Марьей Ивановной. Она сначала ужасно перелугалась, боясь что Лариса ни за что не приметъ предложенія и такимъ образомъ придется потерять самаго близкаго имъ человека, но когда Зимовьевъ сообщилъ что Ларисѣ Григорьевнѣ извѣстны его намѣренія и что она сама разрѣшила ему обратиться къ татап,—на Марью Ивановну точно столбнякъ нашель. Ошеломленные, широко-раскрытые глаза и губы ея были такъ выразительны что Глѣбъ Дмитріевичъ невольно смутился.

— Васъ поражаетъ что Лариса Григорьевна могла благоклонно принять мое предложеніе! сказалъ онъ.

Марья Ивановна была еще болѣе смущена и сконфужена.

— Она вѣдь скрытная, не разберешь ее! Ничего она про это мнѣ не говорила! промолвила она торопливо, собирая концы

своего вязаного платка, который какъ будто помогаль ей во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ.—Что жь, ея воля,—продолжала она.—Я думала она здѣсь, въ Петербургѣ, а вотъ вышло что дѣло-то съ начала начинается. Не даромъ видно говорится: суженаго конемъ не объѣдешь. Значитъ еслибъ Ипполитъ Сергѣичъ тогда не помѣшалъ, давно бы все сдѣлалось, и въ Петербургъ пожалуй не прѣвзжали бы...

У нея въ глазахъ стояли слезы.

— Что жь, дай Богъ счастья. Я на васъ всегда какъ на роднаго смотрѣла.. Дѣдушка-то покойный тоже желаль. Радъ бы былъ старикъ, никого вѣдь онъ кромѣ какъ васъ не хотѣлъ для Ларисы. Ну, тогда другое на умѣ было. Ахъ, не думала я, не гадала. Какъ вспомнишь сколько всего было, а вотъ на прежнее вышло.

Она взглянула на Глѣба Дмитріевича и ей страннымъ показалось что лицо его мало-по-малу приняло задумчивое и почти угрюмое выраженіе. Она мысленно попеняла на себя, предполагая что ему тяжелы были эти воспоминанія недавняго прошлаго.

— А вѣдь на все воля Божія, сказала она.—Можетъ-быть и къ лучшему все это. Ларочка-то тогда ребенокъ была, не понимала.

Глѣбъ Дмитріевичъ поцѣловаль Марьѣ Ивановнѣ руку и, обмѣнявшись обязательными фразами, простился. Все то же задумчивое выраженіе лежало на его лицѣ, и то что онъ думаль въ эти минуты, не походило на веселыя думы счастливаго жениха.

„Вздоръ...“ сказалъ онъ самъ себѣ садясь въ экипажъ. „Счастье не стоитъ готовое какъ въ магазинѣ, надъ нимъ работать надо.“

XXVIII.

Марья Ивановна по уходѣ Зимовьева стремительно прошла въ комнату дочери. Лариса сидѣла на кушеткѣ, подбравъ ножки и наклонясь надъ маленькимъ столикомъ на которомъ лежала раскрытая книга. Рука, поддерживавшая голову, привела въ безпорядокъ волосы и темнозолотистыя пряди ихъ сползли на лобъ, придавая лицу своеобразное, вызывающее выраженіе.

— А ко мнѣ сейчасъ Глѣбъ Дмитричъ заходилъ... начала какими-то осторожнымъ тономъ Марья Ивановна.

— Да, я ему сказала... равнодушно промолвила Лариса.

— Ты значить серьезно рѣшилась!

— Я ему позволила объясниться съ вами, повторила Лариса.

Марья Ивановна сѣла. „Вонъ вѣдь она какая. Ну что съ ней сдѣлаешь, какъ съ ней поговорить?“ выражали ее безпечно-любопытные глаза.

— Я ему сказала: твоя воля; а я рада, продолжала она.— Мы вѣдь давно привыкли къ нему. Человѣкъ хорошій, что ужъ объ этомъ говорить. Дай Богъ счастья.

Она встала, осторожно поцѣловала наклоненную головку дочери и опять сѣла.

— А все-таки странная ты какая-то, право. Дикая... промолвила она голосомъ въ которомъ робко дрожали слезы.

— Отчего, мама? отозвалась не подымая головы Лариса.

— Да какъ же, вѣдь не для него же въ Петербургъ ѣхали. Мало ли тутъ народу видѣла... объяснилась Марья Ивановна.— Даромъ всю эту суматоху затѣвали тогда.

Лариса молча перевернула страницу.

„Не хочетъ поговорить, не заставишь. А потомъ сама скажетъ“, подумала Марья Ивановна.

Но она никогда не умѣла ждать, пока Лариса сама скажетъ.

— Любишь ты его что ли? вдругъ спросила она въ упоръ.

Лариса отодвинула книгу, подняла голову и взглянула на мать смѣющимися глазами.

— А вы не замѣтили, не догадались! сказала она прозрачнымъ, отзывавшимся скрытною ироніей голосомъ. На Марью Ивановну неприятно подѣйствовалъ этотъ тонъ.

— Что тутъ догадываться, тебя разберешь развѣ! отозвалась она.— Я думала никогда этому не быть.

— Отчего? спросила какъ будто смѣясь Лариса.

— Да вѣдь ты же не хотѣла, вѣдь не сегодня началось это.

И вдругъ рѣшила!

— Да, вдругъ... подтвердила Лариса, отбрасывая ото лба волосы, щекотавшіе ей рѣсницы.

Марья Ивановна пересѣла къ ней на кушетку и обняла ее, пристально заглядывая ей въ лицо, по которому бродило

все то же страшное выраженіе какого-то не веселаго смѣха.

— Да ты что же? Лара, вѣдь не шутать съ этимъ-то... продолжала она явно встревоженнымъ тономъ.— Непонятная ты, право. Хоть сама-то пойми себя. Не любя думаешь пойти за него что ли?

Лариса тихонько освободилась и встала. Ея лицо ужь не смѣялось, на немъ точно злая тѣнь легла.

— Ахъ, мама, почему же я знаю! сказала она тономъ нетерпѣнія, и подоѣла къ маленькому бюро, машинально раскрыла альбомъ.

Марья Ивановна притихла и молча слѣдила за нею глазами. Съ минутой въ комнату слышно было только какъ хлопала листы альбома, переворачиваемые тонкими, блѣдными пальцами.

— Какія все противныя, глупыя лица! сказала наконецъ Лариса, отталкивая отъ себя альбомъ.

— Гдѣ жь другихъ-то взять! молвила на это Марья Ивановна.— На вечеръ у насъ столько народу было... Неужели никто по твоему вкусу не пришелся?

Лариса вдругъ разсмѣялась продолжительнымъ, злымъ смѣхомъ.

— Мама, какія вамъ иногда смѣшныя мысли приходятъ! сказала она, запрокидывая голову.

— Что жь тутъ смѣшнаго? слегка какъ будто даже обидѣлась Марья Ивановна.— Вся почти молодежь здѣшняя была у насъ. Неужто такъ-таки никого, никого по-твоему интереснаго нѣтъ?

— Вотъ никого! что жь я буду дѣлать! отвѣтила со смѣхомъ Лариса.

Она, забавляясь, раскачивала стулъ на которомъ сидѣла и вертѣла въ рукѣ черепаховый ножикъ.

— Нѣтъ, одинъ есть интересный, только его не было на нашемъ раутѣ... и въ альбомѣ этомъ его нѣтъ... сказала она совершенно незначительнымъ тономъ.

— Кто жь такой? удивилась Марья Ивановна.

— Жѣдровскій! отвѣтила Лариса.

— Это раслушный-то тотъ! воскликнула даже всплеснувъ руками Марья Ивановна.— Ну ужь нашла! Я такъ даже рада была что его тогда не было. Закружилъ бы кого-нибудь, а потомъ на насъ же претензія была бы.

Лариса снова засмѣялась все тѣмъ же неудержимымъ и какъ будто злымъ смѣхомъ.

— Ахъ, мама, какъ вы иногда забавно выражаетесь! сказала она.—Объясните, какъ бы это онъ закружилъ? какъ это онъ дѣлаетъ?

— А кто жь его знаетъ! отвѣтила простодушно Марья Ивановна.—Такіе-то какъ онъ и сбиваютъ молоденькихъ женщинъ съ толку.

— На раутѣ, сразу?

— Да почему я знаю. Мало развѣ шалыхъ барынь тутъ въ Петербургѣ. Наговорить разныхъ разностей, закружить, а вѣдь того не скажетъ что ему это одна забава.

Лариса продолжала хохотать, запрокинувъ голову.

— Чего смѣетесь? разумѣется бываетъ. Въ такихъ-то больше всего и влюбляются.

— Да почему же? отчего вы думаете что онъ долженъ всѣмъ нравиться? приставала Лариса.

— Потому что довокъ очень, собой красивъ и болтать умѣетъ. Я вѣдь слушала его, понимаю тоже. Онъ только тѣмъ и занять, женщинами-то.

— Онъ художникъ...

— Туда же, еще бы! А вотъ пусть бы женился, такъ небось вѣтъ.

— Мама, не смѣшите! прервала Лариса, усиливаясь удерживать смѣхъ, переходившій уже во что-то истерическое.

— Да чего ты? отозвалась съ неудовольствіемъ Марья Ивановна.—Вѣдь вотъ же сама сказала что онъ интереснѣе всѣхъ.

— Я сказала? Но вѣдь я только потому сказала что онъ занять другою, что въ него влюблены и еще какъ! возразила со внезапнымъ раздраженіемъ Лариса.

— Кто жь такая? почему ты знаешь? захотѣлось полюбопытствовать Марья Ивановна.

— Ну, ужъ кто бы то ни былъ... А знаю я потому что должно-быть когда въ него влюбляются, то... даже скрыть этого не умѣютъ, отвѣтила съ новымъ спазмомъ смѣха Лариса.

Марья Ивановна потупилась и собрала концы своего платка.

— Сколько ужъ пожалуй женскихъ слезъ-то изъ-за него было! сказала она и прибавила словно лично оскорбленнымъ тономъ:—Стоитъ онъ того, комедіантъ этакой!

— Для него одна забава? вопрошительнымъ и какъ бы кого-то подразвивающимъ тономъ напомнила Лариса.

— Разумѣется. Закружить одну-то, да сейчасъ къ другой, съ убѣжденіемъ подтвердила Марья Ивановна.

Лариса помолчала и съ запрокинутою головою задумчиво смотрѣла вверхъ.

— Что жь и подѣлать, сказала она наконецъ.

— Кому? не поняла Марья Ивановна.

— А тѣмъ кого ояъ бросаетъ. Значить не умѣютъ.

— Что не умѣютъ?

— Сдѣлать чтобы не бросилъ, объяснила Лариса и вдругъ встала и принялась приводить въ лорадокъ вещи на липовенномъ столикѣ, торопясь и вальвая что-то вполголоса.

— Мама, поѣдемъ кататься! неожиданно предложила она, взглянувъ въ окно.

Въ тотъ день Глѣбъ Дмитріевичъ не заѣхалъ вечеромъ къ Волчецъ-Соколицкимъ, хотя они были дома и ждали его, а когда ояъ явился на слѣдующій день, и Марья Ивановна, и Лариса замѣтили что смуглое лицо его было блѣднѣе обыкновеннаго, и въ глазахъ вслыхивали тѣ недобрыя искры, которыхъ такъ боялась въ деревнѣ Настя.

Оставшись съ Ларисой вдвоемъ, ояъ сказалъ ей:

— Я воспользовался вчера вашимъ разрѣшеніемъ и кажется очень удивилъ вашу маму.

— Удивили? переспросила Лариса чуть примѣтно шевельнувъ бровями.

— Мнѣ такъ показалось, продолжалъ Глѣбъ Дмитріевичъ,—ловидимому она была убѣждена что вы никогда не согласитесь быть моею женой.

— Мы не говорили объ этомъ, отвѣтила съ признаками нетерпѣвья Лариса.

— Вы знаете какъ я счастливъ получивъ ваше согласіе, продолжалъ Зимовьевъ,—и потому простите мнѣ эту потребность откровенности, которой не должно бояться никакое искреннее чувство. Я ни минуты не обманывалъ себя, я зналъ что не имѣлъ счастья внушить вамъ ничего болѣе кромѣ дружеской благосклонности и можетъ-быть нѣкотораго уваженія. Я уже не такъ молодъ чтобы разчитывать на другое. Но самъ я, вы знаете, люблю васъ иначе. Васъ не лугаетъ это?

— Почему вы думаете что такъ вѣрно и точно опредѣлили

ваши отношенія? отозвалась тѣмъ же нетерпѣливымъ тономъ Лариса.—Что вы можете обо мнѣ знать, когда я сама ничего не знаю?

— Еслибы вы такъ сказали два года назадъ, я не сожалѣла бы этого разговора, возразилъ Глѣба Дмитріевичъ.—Но вы не можете не знать себя. Вы любили.

— Ребячество, которое не повторится, отвѣтила Лариса.

— Потому что ваше сердце созрѣло для болѣе серьезнаго чувства? спокойно молвилъ Зимовьевъ.

Лариса повела мимо него своими прозрачными глазами.

— Можетъ-быть потому что я совсѣмъ не умѣю любить такую любовью о которой вы говорите, сказала она.—Вы вѣроятно не думаете что я приняла ваше предложеніе только для того чтобы не уступить выгодную партію. Постоите, дайте мнѣ сказать,—продолжала она съ оживленіемъ, замѣтивъ его протестующее движеніе:—еслибъ я имѣла поводъ предвидѣть впереди ту опасность о которой вы намекаете, я не стала бы путать наши двѣ судьбы. Но я ничего не предвижу и ничего не знаю. Я никого не люблю... въ вашемъ смыслѣ. Если это не удовлетворяетъ васъ, вы свободны.

Глаза Глѣба Дмитріевича вслыхнули.

— Вы не поняли меня, сказалъ онъ.—Мнѣ не нужна свобода, и я не возвращу ея вамъ. Я слишкомъ долго и мучительно ждалъ вашего слова чтобы такъ легко отдать его назадъ. Что рѣшено то неозвратно. Я сумѣю быть счастливъ тѣмъ неполнымъ счастіемъ которое выпало на мою долю. Но самъ я не перестану любить васъ иначе... со всею ненасытною жадностью и эгоизмомъ страсти. И вотъ почему я спрашиваю васъ: вы не боитесь?

Дливыя рѣсницы Ларисы замѣтно дрогнули.

— Это угроза? молвила она, хмурия брови и блѣднѣя.

— Нѣтъ, только признаніе, отвѣтилъ Зимовьевъ.

Опущенные чего-то жуткаго, страннаго и задорнаго въ одно время, холодкомъ пробѣжало по нервамъ Ларисы. Ей мгновенно вспомнились ея прежніе страхи, вспомнились рассказы Насти о первой женѣ Глѣба Дмитріевича, о томъ какъ она медленно умирала въ деревнѣ подъ его мстительнымъ призоромъ. Опущенныя рѣсницы ея продолжали вздрагивать... Вдругъ она широкимъ взмахомъ подняла ихъ и смѣло взглянула въ блѣставшіе угрюмымъ и жаднымъ блескомъ глаза Зимовьева.

— Я ничего не боюсь, сказала она.

Глѣбъ Дмитріевичъ наклонился, схватилъ ея руку. Рука была горяча.

— Одно условіе: вы согласны будете не увозить меня въ деревню если... если я не захочу? прибавила Лариса.

— Вы будете безусловно распоряжаться моею жизнью, спокойно отвѣтилъ Глѣбъ Дмитріевичъ.

XXIX.

Анатолю Ладожскому удалось наконецъ привести свою квартиру въ самый модный видъ и возобновить „вторники“. Этими „вторниками“ онъ чрезвычайно дорожилъ, находя что очень немногіе въ Петербургѣ умѣютъ устроить реюнионы такъ изящно и безъ претензій. Въ сущности же претензій было очень много и можно сказать что самая значительная часть времени уходила у него именно на заботы объ этихъ вечерахъ. Надо было, приглашая всѣхъ и вообще, сдѣлать однако такъ, чтобы знакомые группировались какъ бы отдѣльными смѣнами чтобы встрѣчались люди наиболѣе подходящіе другъ къ другу. Двѣ или три партіи въ пять и непременно такъ чтобы каждый партнеръ игралъ по своему кушу и съ равносильными игроками и чтобы никто изъ привыкшихъ играть не остался безъ мѣста. Особый столікъ для дамъ, по маленькой и непременно съ услужливымъ молодымъ человѣкомъ или со старымъ, но пріятнымъ генераломъ. Затѣмъ нѣсколько не играющихъ, но непременно интересныхъ другъ для друга и могущихъ вести общій разговоръ. Чтобъ устроить всѣ эти сочетанія, приходилось хлопотать цѣлую недѣлю. Но была еще и другая забота. Анатолю хотѣлъ чтобъ его ужины не зависѣли отъ случайнаго числа гостей. Онъ находилъ что тонкій ужинъ можно подать только при ограниченномъ числѣ лицъ и потому надо было распорядиться такъ чтобы половина гостей разѣхалась и осталось бы ужинать только двѣнадцать или пятнадцать человѣкъ. Все это требовало тонкаго расчета, большой ѣзды по городу и почти дипломатической ловкости. И въ теченіе многихъ лѣтъ тяжкая повидимому забота эта была одною изъ самыхъ пріятныхъ для Анатоля и никогда кажется не былъ онъ такъ счастливъ, какъ въ тѣ полчаса которые онъ проводилъ съ женой послѣ разѣзда, прилегши съ видомъ

блаженнаго утомленія на кушеткѣ и обмѣниваясь впечатлѣніями и наблюденіями.

— Сегодня кажется все очень удачно было, замѣчалъ онъ.

— Очень мило, соглашалась Анна Всеволодовна.

— Я боялся что графъ Лонскій не пріѣдетъ: Семенъ Михайловичъ такъ любитъ съ нимъ витьтисъ.

Семенъ Михайловичъ былъ государственный мужъ, благоклонностью котораго Анатолю особенно дорожилъ.

— Да, онъ очень кстати пріѣхалъ... отзывалась сквозь легкой зѣвокъ княгиня.

— А баронъ Кристианъ очень кстати не пріѣхалъ, продолжалъ Анатолю:—пришлось бы посадить лятимъ, а Семенъ Михайловичъ терпѣть не можетъ влаторомъ. Но какъ Пахтаевъ былъ милъ съ дамами и какъ это любезно съ его стороны что онъ свѣлъ по маленькой. Признаться, съ баронессой Марьей Егоровной не очень пріятно, она ступить не умѣетъ и еще распекаетъ всѣхъ.

— Пахтаевъ всегда очень милъ и любезенъ.

Анатолю раскуривалъ палирооку и съ видомъ скромнаго, но вполне удовлетвореннаго торжества лускалъ клубъ дыму.

— Ну, а не играющие... кажется имъ не очень скучно было?... спрашивалъ онъ какъ бы небрежно.

— Нѣтъ, я не замѣтила чтобы скучали.. Жѣдровскій очень занималъ всѣхъ... отвѣчала Анна Всеволодовна.

— Да, онъ болтунъ. Слишкомъ много претензій на умъ, но все-таки онъ очень полезенъ для нашихъ вторичковъ. Ты хорошо сдѣлала что приручила его.

Анна Всеволодовна при этихъ словахъ обыкновенно наклонялась къ зеркалу и принималась медленно расплетать волосы.

— Я жалю что Волчець-Соколинскіе не остались уживать, продолжалъ Анатолю:—суфлѣ изъ рыбы было превосходно. Знаешь, Антолю положилъ туда черепахи.

— Въ самъ дѣлѣ? отзывалась Анна Всеволодовна.

— А ты не замѣтила! Въ этомъ весь шикъ. Только у насъ и даютъ это. Семенъ Михайловичъ вслухъ сказалъ что онъ нигдѣ не ѣлъ такого суфлѣ. Мнѣ тогда пришла идея—заказать форму въ видѣ черепахи, чтобы всѣ помяли. Иные вѣдь ѣдятъ и сами не знаютъ что. Но вообще... какъ тебѣ кажется? вѣдь все очень хорошо было?

— Конечно очень хорошо.

— Нѣтъ, безпристрастно говоря?

— Да безпристрастно же... подтверждала съ выраженіемъ непреодолимой скуки на лицѣ Анна Всеволодовна.

Анатоль вставалъ съ кушетки и дѣлалъ нѣсколько лѣнивыхъ шаговъ по ковру.

— Ты утомлена? устава? спрашивалъ онъ съ какимъ-то многознаменательнымъ выраженіемъ въ голосѣ и въ глазахъ.

— Да, ужасно! отвѣчала Анна Всеволодовна, далеко протягивая руку.

Анатоль цѣловалъ кончики пальцевъ и уходилъ совершенно счастливымъ.

Анна Всеволодовна быстро доканчивала ночной туалетъ, отпускала горничную и тушила лампу. Нѣжный холодъ постели охватывалъ легкимъ трепетомъ ея горѣвшее тѣло. И долго, долго закрытые глаза ея не находили сна, и нервы чутко вздрагивали, раздражаемые ощущеніемъ счастья и тоски. Она кого-то видѣла и слышала въ темнотѣ и тишинѣ ночи. Тонкій залахъ бѣлья слегка кружилъ голову, и влюбленная мысль припоминала слова, взгляды, замедленное, много разъ повторенное пожатіе руки.

„Ты не знаешь, не чувствуешь, а я вся, вся твоя“... шептали въ забытыя полукрытыя, влажныя и горячія губы...

Анатоль просыпался на другой день пріятно возбужденный впечатлѣніями вчерашняго вечера, и позвавъ повара Антона, медленно, съ фамильярностью очень счастливаго барина, сообщалъ ему свои замѣчанія и соображенія. Это былъ тоже одинъ изъ самыхъ счастливыхъ часовъ въ его недѣлѣ. Заложивъ обѣ руки подъ фартукъ и поправляя однимъ движеніемъ бровей свой бѣлоснѣжный колпакъ, Антонъ, красивый брюнетъ съ налитыми смуглыми щеками, задумчиво вникалъ въ рѣчь барина, выражая всѣми чертами лица и всею своею позой что хотя ему и пріятно отличиться, но лишь потому что его умѣютъ цѣнить. А князь цѣнилъ его не только за искусство, но и за то что Антонъ зналъ всѣхъ его знакомыхъ, никогда никого изъ нихъ не выдавъ въ глаза, и понималъ что каждому надо подать. Часто, выслушавъ приказанія на счетъ ужина, онъ вдругъ спрашивалъ:

— А Семень Михайловичъ нынче будутъ у насъ?

И если оказывалось что Семена Михайловича ждутъ, то тутъ же рѣшалъ:

— Въ такомъ случаѣ, ваше сіятельство, гурьевскую кашу безпремѣнно подать надо; а московить они не уважаютъ.

— Гм... ну лускай... въ самомъ дѣлѣ!... задумчиво соглашался князь.

— А не прикажете ли, ваше сіятельство, еще кокиль изъ ершей приготовить; ерши нынче крутые есть, и баронесса Марья Егоровна очень любятъ, продолжалъ Антонъ.

— Да баронесса наврядъ ли будетъ, потому сегодня у Евграфа Матвѣвича вечеръ, возражалъ Анатолий.

— Ну, въ такомъ разѣ онъ никакъ къ намъ не прїѣдутъ, соглашался Антонъ.—Если нынче у Евграфа Матвѣвича, такъ онъ безпрѣмѣнно тамъ будутъ: потому тамъ аглицкїй вистъ, а у насъ вистъ; то игра старинная, сурїозная, а эта новѣшная, легкая... Тогда ужъ лучше форель лустить. Ракамъ обложитъ можно, а не то провансаль. Только съ бордюромъ, я полагаю, правильнѣе будетъ.

Анатолий, считавшїй хорошую прислугу одною изъ моволодїей людей высшаго круга, послѣ такого совѣщанїя являлся къ женѣ въ состоянїи нѣкотораго восторга, и называя Антона бестїей и подлецомъ, передавалъ въ точности всѣ его замѣчанїя и соображенїя, заставляя Анну Всеволодовну вмѣстѣ съ нимъ удивляться и недоумѣвать предъ высокимъ развитїемъ своего chef de cuisine.

— Изумительно какъ они вырабатываются въ большихъ домахъ! повторялъ онъ, сіяя глазами.

И увлеченный потокомъ самыхъ прїятныхъ ощущенїй, Анатолий задавался врезавшимися новыми идеями, которыя устанавливали нѣкоторое сходство между нимъ и Кюко. Самые даже различные люди бываютъ иногда похожи другъ на друга съ какой-нибудь стороны... Послѣ идеи рыбаго суфлѣ, подаваемого въ формѣ черепахи, Анатолиемъ овладѣла мысль о ливреяхъ. Почему всѣ бросили одѣвать прислугу въ ливрей? Почему у всѣхъ лакеи ходятъ во фракахъ? Это имѣетъ видъ ресторана, чего-то буржуазнаго, принадлежащаго всѣмъ и каждому. Хорошо обдуманная ливрея, съ гербовыми пуговицами и басонами, даетъ дому гораздо больше представительности. Онъ сообщилъ эту мысль женѣ.

— Перестань пожалуста, всѣ смѣяться будутъ, пробовала отговорить его Анна Всеволодовна.

— Ничего тутъ не будетъ смѣшнаго, и увидишь что многіе то же самое сдѣлають, возразилъ съ неудовольствїемъ Анатолий.

Онъ-таки поставилъ на своемъ, и въ одинъ изъ вторниковъ

лакеи его предстали взорамъ гостей облеченные въ круглые свѣтлокоричневые фраки съ огромными золочеными пуговицами и пестрыми басонами, въ жилетки песочнаго цвѣта и въ штіблеты. Всѣ обратили вниманіе, находили что такъ очень мило. Семейъ Михайловичъ, поглаживая отлично выбритый подбородокъ огромными и уже плохо сгибающимися пальцами, сказалъ:

— Отлично! отлично вы это придумали, князь! Барственно, хорошо!

Анатоль объяснялъ всѣмъ что онъ сдѣлалъ это только такъ, на-пробу, собственно потому что въ явредъ человѣкъ смотритъ какъ-то чище.

— Знаете, фракъ долженъ быть ужь очень хорошъ, хотя бы и на лакеѣ, говорилъ онъ.—А вамъ нравится? вдругъ обратился онъ между прочимъ къ Жѣдровскому.

— Да, со стороны живописности, отвѣтилъ тотъ самымъ серьезнымъ тономъ.

Анна Всеволодовна, глядя на нихъ обоихъ, кусала губы и была почти зла.

Одинъ Павелъ Платоновичъ при видѣ новой затѣи сына пожалъ плечами и сказалъ что находить ее нелѣпою.

— Ты хоть бы съ женой посоветовался, прибавилъ онъ, догадавшись что его любимица невѣстка должна почти страдать ото всѣхъ подобныхъ пошлостей.

— Вамъ съ Аннетъ никогда не нравится все что я придумую, отвѣтилъ съ замѣтнымъ неудовольствіемъ Анатоль.

„И не мудрено“, подумалъ Павелъ Платоновичъ, прохода въ кабинетъ.

XXX.

Крутая, львиная голова стараго князя значительно поствѣла въ послѣдніе мѣсяцы, и голубые, мягкіе, вдумчиво-веселые глаза его потеряли прежнее выраженіе. И ни одна только семейныя неприятели сдѣлали эту перемѣну. На немъ отяготѣло общее томленіе и недомоганье, чувствовавшееся всѣми въ тотъ тяжелый годъ, даже тѣмъ кто какъ будто ничѣмъ не отзывался на политическую жизнь. Скорбь и нѣчто худшее скорби, какая-то скука унижительнаго самоупражденія, залегли въ его глазахъ. Онъ пожалъ протянутыя къ нему со всѣхъ сторонъ руки, раскурилъ сигару и присѣлъ подлѣ Зимовьева.

— Хочу научиться въ карты играть, сказалъ онъ ему.

— Что такъ? улыбнулся Глѣбъ Дмитріевичъ.

— Да поймите, что же еще дѣлать? Всѣ ужъ бросились къ этому единственному средству спасенія. Вѣдь непріятно чувствовать себя лишнимъ человѣкомъ; говорить нынче не о чемъ и не съ кѣмъ, надо же какое-нибудь занятіе имѣть. Право, никогда не думалъ чтобы жить изо дня въ день сдѣлалось такою трудною задачей.

— А знаете, въ самомъ дѣлѣ никогда это не замѣчалось въ такой степени, сказалъ Зимовьевъ.—Петербургская жизнь для меня всегда казалась несносною, но потому что ея вѣшнее оживленіе раздражало своею безсодержательностью и ложью. А нынче и этого даже нѣтъ. Прежде отъ болтуновъ и спорщиковъ не было спасенія, а теперь никому говорить не хочется, и спорить какъ будто стыдно. Пришло насъ.

— Серіозно говорю: жить нельзя, дѣлаться некуда. Къ знаковымъ пріѣдешь—хозяева пересчитываютъ партнеровъ, въ клубахъ кромѣ ломберныхъ столиковъ ничего не увидишь; въ театрахъ—тоска или на столѣтнюю мелодраму наткнешься, или со сцены кабакомъ потянетъ... Да еще хоть бы льяныхъ-то умѣючи играли, а то вѣдь нашимъ лицедемъ же вдомекъ что каждый человѣкъ по своему льявъ бываетъ. А дома сидѣть—читать нечего. Я ужъ за французскіе романы привыкъ, Зола читаю. Кабы моложе былъ: влюбился бы въ первую попавшуюся женщину, и все подъ ее окнами ходилъ бы.

Сановитый Семенъ Михайловичъ, томившійся въ ожиданіи запоздавшаго партнера, засмѣялся.

— Съ гитарой бы... Эхъ, князь, вѣдь это все война избавала васъ всѣхъ, неожиданно прорекъ онъ.—Привыкли телеграммы да корреспонденціи глотать, вотъ и скучно теперь. Вамъ, какъ испорченнымъ Римлянамъ, *rapem et circenses* подавай. Ну, *rapis*-то у насъ слава Богу есть, а вотъ зрѣлище хотять. Шлевиа видно поправилась.

— Подъ Шлевой мнѣ не привелось быть, а вотъ Берлинскій конгрессъ я почти что видѣлъ... И если это тоже отнесется къ зрѣлищамъ, то я ихъ не потребую... сказалъ Глѣбъ Дмитріевичъ.

Семенъ Михайловичъ всосалъ губы, что, по его мнѣнію, придавало его лицу выше-административное выраженіе.

— Теперь мода у всѣхъ ворчать на Берлинскій трактатъ,

а современемъ исторія оцѣнитъ его какъ актъ величайшей государственной мудрости, сказалъ онъ.—Въ Берлинѣ спасли Россію.

Присутствующіе переглянулись и промолчали. Только Жѣдровскій, стоявшій тутъ же, сдѣлалъ серьезное лицо и сказалъ:

— Я совершенно понялъ гениальную мысль Семена Михайловича: въ Берлинѣ дѣйствительно спасли Россію... отъ себя самой. А извѣстно что всякій самъ себя величайшій врагъ.

Последнія слова онъ произнесъ чуть-чуть въ носъ и что-то сдѣлалъ съ губами, такъ что получилось сходство съ голосомъ и даже съ физиономіей сановника.

Семенъ Михайловичъ, очень мало знавшій Жѣдровскаго, привсталъ и протянулъ ему руку.

— Благодарю васъ, молодой человѣкъ... вы прекрасно истолковали мою мысль... произнесъ онъ почти величественно и двинулся навстрѣчу хозяину, вбѣжавшему въ кабинетъ съ распечатанною колодой: запоздавшій партнеръ наконецъ пріѣхалъ!

Сдѣлавъ однако нѣсколько шаговъ, Семенъ Михайловичъ что-то вспомнилъ, остановился и обернулся къ Жѣдровскому

— Но вы назвали мою мысль гениальною. Это... этого я не принимаю! не могу принять! произнесъ онъ, и сдѣлавъ нѣкоторое движеніе рукой, удалился.

— Этакая звѣздочная Перепетуга Петровна! выругался ему вслѣдъ Павелъ Платоновичъ, наклонясь къ Зимовьеву.

— А вы думаете что онъ это отъ себя? отозвался Глѣбъ Дмитріевичъ.—Нѣтъ, эти господа пасутся на казенномъ корму они повторяютъ только то что слышатъ отъ людей власти. Да вѣдь и сами они власть! Милѣйшій князь, пойдѣте лучше къ дамамъ.

Въ гостиной Анна Всеволодовна, въ прелестномъ новомъ туалетѣ, въ которомъ вся она казалась облитомъ мягкимъ сѣрымъ блескомъ, разговаривала съ Ларисой:

— Когда вы наконецъ сбросите этотъ вѣчный вашъ трауръ! говорила она оглядывая любующимися глазами изящную фигуру дѣвушки, которая казалась еще выше и стройнѣе отъ строгихъ черныхъ складокъ обтагивавшихъ талію.—Вѣдь уже погода прошло?

— Нѣтъ, еще мѣсяць остается, отвѣтила Лариса.—И я такъ привыкла что мнѣ стравнымъ покажется надѣть цвѣтное.

— Правда, вамъ удивительно хорошо такъ, продолжала княгиня протягивая руку вокругъ ея серебрянаго пояса.— Черный цвѣтъ къ вамъ идетъ. Но это такъ скучно!

Не отяжлая руки, она тихонько потянула Ларису въ глубину комнаты и усадила ее на маленькомъ диванчикѣ заслоненномъ трельяжемъ. Она была вся охвачена тихимъ и радостнымъ возбужденіемъ: Жѣдровскій пріѣхалъ, томительныя минуты ожиданія прошли, впереди была цѣлая вечеръ... Она уже забыла о несчастныхъ гороховыхъ ливреяхъ и о всѣхъ глулостяхъ мужа. Ей хотѣлось подѣлиться своимъ счастьемъ, разбудить въ другихъ что-то тревожно-блаженное, что она ощущала въ себѣ. Быть въ первый разъ счастливою такъ трудно, такъ стыдно за эгоизмъ этого счастья!

— Знаете почему я завела рѣчь о вашемъ траурѣ? Потому что съ нимъ что-то связано для васъ, для вашего будущаго... я увѣрена, я замѣтила... заговорила она почти на ухо Ларисѣ, близко вглядываясь въ нее свѣтящимися глазами.—Простите за нескромность, но вѣдь вы знаете какъ я васъ люблю, какъ бы я хотѣла вашего счастья!

Лариса лугливо вздрогнула рѣсницами.

— Но я вовсе и не мечтаю ни о какомъ счастья, молвила она съ явно зазвучавшею въ ея тонѣ сдержанностью.

— О, хитрая! какъ будто я не поняла съ той самой минуты какъ въ первый разъ увидѣла его съ вами... продолжала, ласкалась къ ней, Анна Воеводошна.—Не бойтесь, вѣдь я не выдамъ вашего секрета, я только хочу чтобы вы знали какъ я рада... ужасно, ужасно рада!

Она прижалась щекой къ ея плечу и быстро, крѣпко стиснула ей руку.

Ларисѣ было досадно, и въ то же время невольная улыбка мелькнула на ея губахъ. „И я тоже не стану выдавать вашего секрета, милая княгиня...“ думала она, сразу понявъ своимъ женскимъ инстинктомъ эту возбужденную, обнаруживающую себя ласку.

Въ эту минуту въ гостиной появились Павелъ Платоновичъ съ Зимовьемъ и Жѣдровскій. Оба послѣдніе въ одно время подошли къ дамамъ.

— Я вчера встрѣтилась съ однимъ вашимъ хорошимъ знакомымъ, сказалъ Жѣдровскій, обращаясь къ Ларисѣ.—Онъ изъ вашихъ мѣсть, и такъ много рассказывалъ о вашемъ Волчьемъ Долѣ что заставилъ меня затосковать по деревнѣ.

— Кто же это? спросила недоумѣвая Лариса.

— Нестужевъ, отвѣтилъ Жѣдровскій.—Я съ нимъ знакомъ по Москвѣ.

Глѣбъ Дмитріевичъ, стоя рядомъ съ Жѣдровскимъ, уронилъ на Ларису быстрый взглядъ.

— А, Нестужевъ! отозвалась она совершенно равнодушно.— Это правда, онъ прошлымъ лѣтомъ гостилъ у насъ въ Волчь-ежъ Долѣ. Но здѣсь онъ какъ-то отсталъ отъ насъ, а его давно не видала.

— Онъ вѣрно очень занятъ... сказалъ Жѣдровскій.

— Въ самомъ дѣлѣ? Я рада если онъ нашелъ здѣсь какое-нибудь дѣло. Онъ кажется затѣмъ и пріѣхалъ въ Петербургъ... продолжала тѣмъ же спокойнымъ тономъ Лариса.—И чѣмъ же собственно онъ занятъ?

— Ну, этого я не сумѣю объяснить, не спрашивалъ. отвѣтилъ Жѣдровскій.—Только онъ имѣетъ видъ чловѣка разрывающагося на куски. Онъ куда-то торопится, ему надо съ кѣмъ-то видѣться, его гдѣ-то ждутъ. Что-то очень безпокойное, однимъ словомъ. Я такихъ людей боюсь, они слишкомъ неуютятъ мою совѣсть.

— Почему? равнодушно улыбулась Лариса.

— Помилуйте, мнѣ, закоренѣлому туземцу, очень обидно смотрѣть на такихъ людей, объяснилъ Жѣдровскій.—Все кажется будто они за женою что-то дѣлаютъ, и что я въ долгу предъ ними. Притомъ это дѣйствуетъ на нервы. *Sauf mes respects* къ *monsieur* Нестужеву, я терпѣть не могу хлопотливыхъ людей. Въ довершеніе всего онъ участвуетъ въ какой-то газетѣ, и пока мы шли съ нимъ по улицѣ, онъ два раза вынималъ записную книжку. Я боюсь что рядомъ съ номеромъ блахи городского онъ отмѣтилъ одну изъ возмутительныхъ мыслей, какія я имѣю привычку высказывать.

— Но вы забываете что назвали этого господина хорошимъ знакомымъ Ларисы Григорьевны! наломвила Анна Всеволодовна, которой вдругъ непріятно стало что Жѣдровскій какъ будто слегка рисуется предъ Ларисой.

— Вы не хотите повѣрить что я говорю о *monsieur* Нестужевѣ съ нѣкоторымъ чувствомъ зависти! возразилъ Жѣдровскій.

— Я немножко знаю васъ, Сергѣй Алексѣичъ! сказала тѣмъ же натянутымъ тономъ Анна Всеволодовна.—Вы несправимы.

Жѣдровскій покорно склонилъ голову.

— „Хоть брось“, досказалъ онъ.

Слово сорвалось нечаянно, просто потому что пришелъ на память Грибоѣдовскій стихъ, и что онъ имѣлъ привычку тотчасъ отвѣчать на всякую сказанную ему фразу. У него на умъ не было никакого отдаленнаго смысла, который можно было бы подложить подъ это чужое слово. Но Анна Всеволодовна вдругъ встала и съ лицомъ внезапно омрачившимся ревнивою тоской подошла къ ломберному столу, за которымъ баронесса Марья Егоровна громко распекала своего партнера.

XXXI.

Анна Всеволодовна выросла въ свѣтѣ, и при ея наблюдательномъ умѣ ей легко досталось знаніе людей и жизни, по крайней мѣрѣ той жизни какою жилъ близкій ей кругъ. Но она сохранила неопытность сердца, и исполненная загадочныхъ недоразумѣній, драма страсти, такъ внезапно охватившая ее своимъ опаснымъ счастьемъ и своими жуткими страхами, застала ее неприготовленною. Какъ путникъ занесенный въ невѣдомыя страны, она преувеличивала всякое впечатлѣніе, лугалась всякаго призрака и разгоралась жаднымъ любопытствомъ при всякой случайной загадкѣ.

Незначительное слово, нечаянно сказанное Жѣдровскимъ, тоскливо сжало ей сердце. Съ быстротой болѣзненной нервозности воображеніе связало его съ цѣлымъ рядомъ другихъ ревнивыхъ замѣтокъ влюбленной и мнительной ламаты. Она вспомнила какъ вначалѣ ихъ сближенія, за однимъ изъ тѣхъ безконечныхъ споровъ, которые завязываются вмѣстѣ съ рождающимся чувствомъ, изъ непреодолимой потребности заглянуть другъ другу въ душу ненасытными и тревожными глазами, Жѣдровскій сказалъ ей внезапно похолодѣвшимъ тономъ.

— Что дѣлать, мнѣ поздно исправляться. *C'est à prendre ou à laisser.*

Она тогда почувствовала себя очень оскорбленною этою фразой, въ ней слышалась какая-то грубая угроза. И развѣ не чувствовалась такая же угроза въ томъ что онъ сейчасъ шутя кинулъ ей въ лицо? „Хоть брось...“ Это не могло быть сказано безъ намѣренія, безъ намека; это хуже чѣмъ *à prendre ou à laisser.*

Она вдругъ сдѣлалась зла, почувствовала что ненавидитъ его. Заѣмъ ему надо было разговаривать съ Ларисой и такъ явно желать обратить на себя ея вниманіе? Онъ кокетничалъ предъ ней своею проніей, и его глаза все время любовались ею. Онъ готовъ кокетничать со всякою хорошенькою женщиной, и все что онъ говоритъ—фразы, фразы, фразы! „Противный, какъ я ненавижу его!“

Она присѣла подлѣ Марьи Егоровны и слушала, ничего не понимая, какъ та доказывала что ея партнеръ не имѣлъ права объявить три въ бубнахъ, такъ какъ она все время говорила ласъ и ласъ.

— Мнѣ кажется что вы совершенно правы... повторяла Анна Всеволодовна безсознательнымъ тономъ.

Оглядываясь, она видѣла что Жѣдровскій отошелъ отъ Ларисы и разговаривалъ у круглаго стола съ Павломъ Платоновичемъ. Она тоже встала и не взглянувъ на Жѣдровскаго прошла мимо него и остановилась предъ жардиньеркой, отбирая мелкіе подсохшіе листья. Голосъ Жѣдровскаго раздавался сзади нея и наконецъ затихъ. „Онъ куда-нибудь пойдетъ“, подумала Анна Всеволодовна и не оглянувшись, маленькими шажками прошла налѣво, въ другую гостиную, гдѣ игралъ по большой Семень Михайловичъ, и оттуда въ свой кабинетикъ, освѣщенный однимъ фонаремъ и потухающимъ пламенемъ камина. Она взяла щипцы и принялась поправлять уголь. Ее обдало жаромъ и красное зарево залило ей лицо и зажгло льдистый блескъ ея платья.

— Позвольте мнѣ самому это сдѣлать, произнесъ подлѣ нея Жѣдровскій, и его рука, протянувшись къ щипцамъ, коснулась ея руки.

— Мегсі, я уже поправила, отвѣтила Анна Всеволодовна бросая щипцы.

Она перешла въ бюро, подвинула бюварь, переставила кое-какія мелочи.

— Какъ жарко отъ камина! проговорила она прижимая къ горѣвшему лицу холодныя ладони.

Жѣдровскій стоялъ противъ нея съ выраженіемъ ожиданія въ недовольныхъ и немножко лукавыхъ глазахъ.

— Отчего вы вдругъ разсердились? сказалъ онъ.

— Я? И не думала! отвѣтила Анна Всеволодовна скользя въ холоднымъ взглядомъ.

И вдругъ она заговорила скороговоркой, волнуясь и выдавая свою ревнивую мысль:

— Это не значитъ сердиться, если я полагаю что между вами могло бы не быть этихъ постоянныхъ недоразумѣній; отъ которыхъ люди только дальше раздвигаются, вмѣсто того чтобы обидѣться... Право, Сергій Алексичъ, я все меньше понимаю васъ. У васъ точно какая-то злость ко мнѣ есть, мстительное что-то... за что, Боже мой? Развѣ я кокетничала, завлекала васъ? Вы сами вздумали утѣрить себя, утѣрить меня... Какъ будто я обидѣла васъ или зде вамъ сдѣлала тѣмъ что имѣла неосторожность повѣрить вамъ... Вы неисправимы, да, я знаю, я знала это съ самой первой встрѣчи; и между тѣмъ вы видите, это не помѣшало мнѣ...

Она хотѣла сказать: „полюбить васъ“, но внезапно подившись чувство гордости оледенило горѣвшія губы, и она, не взглянувъ на Жѣдровскаго, перешла черезъ всю комнату и олустилась на диванъ.

Онъ быстро прошелъ вслѣдъ за нею и сѣлъ подлѣ нея.

— Вы не хотите недоразумѣній; но есть недоразумѣнiе котораго ни одна женщина не можетъ понять! сказалъ онъ.

— Какое? отозвалась тономъ утомленiя и досады княгиня.

— Ахъ, все то же! вздохнулъ Жѣдровскій.—Вы хотите считать и измѣрить, предложить условiя, провести черту. Старая и вѣчно возобновляющаяся исторiя! Повидимому женщины находятъ какое-то необъяснимое удовольствiе въ томъ чтобы чувствовать себя насторожѣ, напоминать, вызывать къ благоразумiю въ тѣ минуты когда благоразумiе всего было бы ничега не помнить и ни о чемъ не думать. Для меня, позвольте вамъ напомнить, этого огромнаго удовольствiя не существуетъ. Любовь—счастье, единственное настоящее счастье въ нашемъ печальномъ существованiи. И пока я люблю, я кромѣ счастья ни о чемъ не думаю.

— Потому что вы любите эгоистически, сказала Анна Всеволодовна.

— Можетъ-быть. Искать счастья безъ эгоизма—нелѣпость, продолжалъ Жѣдровскій.—Я на мѣстѣ женщины за такую страсть гроша бы не далъ. Я хочу сказать—на мѣстѣ такой женщины которая знаетъ что такое страсть. Въ сущности только такихъ женщинъ и любить, потому что страсть и сильнѣе, и умнѣ насъ, и научаетъ любить тѣхъ кто самъ умѣетъ любить.

— То-есть любить тѣхъ кто уступаетъ? а по-моему вотъ именно такая любовь ничега не стоить, сказала Анна Всеволодовна.

Жёдровскій пожалъ плечами.

— Вѣдь я предупредилъ что этого недоразумѣнiя ни одна женщина не можетъ помять, продожалъ онъ.— Вамъ нравит-ся слово „уступать“. Да, конечно, уступать. Когда лама охватываетъ какой-нибудь предметъ, оно должно зажечь его, иначе оно само потухнетъ. Это только бенгальскiе огни горятъ для того чтобы любовались ими.

Анна Всеволодовна молчала, откинувшись въ глубину дивана. Она оставалась почти неосвѣщенной въ темной поло-сѣ образовавшейся отъ экрана.

— Вы хотите философскимъ образомъ объяснить мнѣ что ваше чувство начинаетъ гаснуть? сказала она съ короткимъ, натянутымъ смѣхомъ, отъ котораго жутко вздрогнули ея собственныя нервы.—Что жъ, вы правы: вѣдь вы объявили съ самаго начала что все въ жизни вы мѣрите часами и мину-тами и что вы беспильны противъ скуки.

Жёдровскій повторилъ движенiе плечами.

— Мнѣ не скучно съ вами, княгиня, сказалъ онъ замѣтно похолодѣвшимъ тономъ,—и я борюсь не со скукой, а съ ва-ми, и въ этой борьбѣ дѣйствительно безсиленъ. Вы уходите въ такую раковину изъ которой васъ нельзя достать. Я и не пробую, я подчиняюсь. Я имѣлъ несчастье полюбить васъ— пусть это будетъ лишняя кара за все чѣмъ я грѣшенъ предъ другими женщинами которыя сами любили меня.

— Какой вы актеръ, Жёдровскій! вы теперь заговорили то-номъ кающагося грѣшника... сказала съ тою же натянутою прошею Анна Всеволодовна.

— Для актера надо невозможно лицемерiя, а у меня къ со-жалѣнiю нѣтъ его, возразилъ Жёдровскій.—Простите если я скажу что вы плохо различаете тонъ. То что я говорилъ сей-часъ, было голосомъ благоразумной покорности. Мы понима-емъ счастье каждый по-своему. Понять его по-вашему я не могу, и потому просто отказываюсь отъ него. Мое чувство не гаснетъ, а только входитъ въ тѣ рамки которыя вы на-значили для него. Будемъ любить другъ друга на разстоянiи двадцати шаговъ, какъ противники на дуэли... Будемъ встрѣ-чаться иногда въ обществѣ, въ театрѣ, по вторникамъ у васъ... Вы играете въ карты?—я буду вашимъ партнеромъ. Но пожалуста будьте же справедливы, не требуйте чтобъ я выражалъ то въ чемъ выражается другое чувство, такъ стро-го отвергнутое вами... Я хотѣлъ счастья, вы хотите обожа-нiя; обожать васъ такъ легко, княгиня!

Онъ всталъ. Анна Всеволодовна оставалась неподвижною въ своемъ темномъ углу. Странная игра выраженій пробѣгала по ея лицу, трогая брови и уголки губъ.

— Вы хотѣли счастья... а если я не вѣрю въ это счастье! сказала она.

— Я не умѣю заставить васъ повѣрить, печально отвѣтилъ Жѣдровскій.

Анна Всеволодовна отвернулась и прижала руку къ глазамъ. Оба они молчали, и одно и то же страдающее, томящее и неудержимо влекущее чувство леденило и жгло ихъ обоихъ.

— Я лгу. Я знаю, я вѣрю! сорвалось наконецъ съ блѣдныхъ и изогнутыхъ мучительною улыбкой губъ княгини.

Она поднялась и почти шатаясь сдѣлала нѣсколько шаговъ по ковру. Жѣдровскій схватилъ ея руку и жадно прильнулъ къ ней. Она чрезъ плечо взглянула на него странными, какъ будто хмѣльными глазами, поправила слегка олустившіяся изъ-подъ гребня косы и лѣнливою, словно виноватою походкой прошла въ гостиную.

(До слѣд. №.)

В. АВСѢНКО.

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ*

БЕСѢДЫ О РЕВОЛЮЦІИ

НАБРОСКИ И ОЧЕРКИ ВЪ РАЗГОВОРАХЪ ДВУХЪ ПРІЯТЕЛЕЙ

РАЗГОВОРЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

Авторъ. Движеніе въ пользу средняго сословія противъ привилегированныхъ классовъ получило силу и овладѣло мнѣніемъ главнымъ образомъ и почти исключительно благодаря правительственнымъ мѣропріятіямъ. Предреволюціонное правительство во Франціи было безсильно и ничтожно какъ движущая мощь, но какъ механизмъ представляло собой сложную, крѣпкую, вѣками выработавшуюся машину, проникавшую своими рычагами и колесами во всѣ углы страны, способную когда есть двигатель произвести огромное дѣйствіе. Еще при Бриенѣ, въ угоду бродившимъ идеямъ, представлявшимся согласными съ либеральными ученіями, были приняты двѣ мѣры, но выраженію гжи Сталь (*Côsidér., Oeuvres, XII, 177*), „удивительно подготовившія общественное мнѣніе“. Объ одной изъ этихъ мѣръ мы говорили: приглашеніе писателей высказать ихъ мнѣніе о способѣ созванія сословныхъ представителей,

* См. *Русскій Вѣстникъ* 1881 г. №№ 3, 6 и 10.

приглашеніе породившее цѣлый литературный походъ противъ привилегированныхъ классовъ. Другою мѣрой было учрежденіе по всей Франціи земскихъ собраній (*assemblées provinciales*), въ томъ видѣ какъ они были устроены правительствомъ. Было принято что число представителей средняго сословія на этихъ собраніяхъ должно быть двойное, равное совокупному числу представителей духовенства и дворянства, и что голоса должны подаваться не по сословіямъ, а поголовно. Это какъ бы предвѣщало будущее устройство національнаго собранія. Бриенъ при закрытіи собранія нотаблей въ маѣ 1787 года, возвращая рѣшеніе короля относительно земскихъ собраній, говорилъ въ своей рѣчи: „Справедливо чтобъ эта часть подданныхъ его величества (среднее сословіе) столь многочисленная, столь заслуживающая вниманія (*si intéressante*), столь достойная его покровительства, получала по крайней мѣрѣ въ числѣ голосовъ вознагражденіе способное нѣсколько уравновѣсить вліяніе необходимо доставляемое богатствомъ, савомъ, рожденіемъ. Согласно тому же воззрѣнію король повелѣваетъ чтобы голоса собирались не по сословіямъ, а поголовно. Большинство по сословіямъ не всегда представляетъ то дѣйствительное большинство которое одно выражаетъ истинное желаніе собранія“ (Эггерсъ, II, 261). Достоиню замѣчанія что рѣшеніе это не было вызвано какимъ-либо давленіемъ. Оно шло далѣе высказанныхъ желаній самого средняго сословія. На это намекаетъ Бриенъ, упомяная что когда два первыхъ сословія „требовали формъ и привилегій, присоединеніе къ нимъ *настолькія* городскихъ представителей показало ясно что требованія эти были продиктованы любовью къ общему благу.“ Итакъ идеи получившія потомъ такое роковое значеніе проводились самимъ правительствомъ.

На среднее сословіе само по себѣ мало надежда, для революціонныхъ цѣлей, возлагали сами революціонные ходатаи по его дѣламъ. Мирабо въ одномъ изъ писемъ къ Черутти высказываетъ опасенія что среднее сословіе само по себѣ, въ его истинномъ составѣ, не пойдетъ, изъ-за ближайшаго своего интереса, противъ привилегированныхъ классовъ. „Среднее сословіе, пишетъ Мирабо, состоитъ изъ такой массы людей безъ силы (*tant de gens sans vigueur*), деревенскихъ жителей привыкшихъ къ феодальнымъ порядкамъ, горожанъ думающихъ только о деньгахъ, всякаго буржуазнаго люда помышляющаго только какъ бы извлечь выгоду

изъ покровительства тѣхъ или другихъ благородныхъ милостивцевъ (*protections et patronage de Messieurs tels et tels*), что страшно подумать что выйдетъ если съ созваніемъ собранія они будутъ помѣщены въ одну палату съ нашими господами (*nos seigneurs*) всякаго рода. Приходится быть-можетъ прежде чѣмъ добиваться прерій при которыхъ бы считалось всѣ голоса, пожелать чтобы слабое среднее сословіе было отдѣлено въ особую палату, разгорячилось, раздражилось и въ гнѣвъ нанло смору противъ вето высшихъ палатъ.“ (*Mém. de Mirabeau, V, 212*). И это было писано уже въ январѣ 1789. Этотъ процессъ разгоранія, хотя и безъ отдѣльной палаты, произошелъ, по свидѣтельству аббата Мореля, въ тѣ полатора мѣсяца когда, по сѣздѣ депутатовъ въ апрѣлѣ 1789 года, общее собраніе еще не открылось, вслѣдствіе отказа дворянства и духовенства сообщая повѣрять полномочія. „Въ этотъ промежутокъ, лишеть Морель (*Mém. I, 348*), подвигая предъ глазами депутатовъ идолъ популярности, безжалостный идолъ которому скоро, какъ Молоху, понадобились чедовѣческія жертвы. Въ эти шесть недѣль среднее сословіе мало-по-малу стало смотреть на себя какъ на составляющее всю націю. Съ помощью софизмовъ Сіеса депутаты основались со страшною ошибкой будто вся нація представляема собраніемъ гдѣ нѣтъ ни дворянъ, ни духовенства, владѣтелей большей части народной собственности и народного богатства.“

25 августа 1788 года архіепископъ Бриенъ подалъ въ отставку и его замѣнилъ протестантъ Неккеръ. Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяць, 25 сентября, послѣдовао королевское объявленіе назначавшее созывъ сословныхъ представителей на январь 1789 года.

Пріятель. Откуда эта страшная послѣдствіе? Въдѣ почти только-что, а именно постановленіемъ совѣта 8 августа, состоялось объявленіе о созывѣ представителей на май мѣсяць. Къ чему потребовалось ускореніе на четыре мѣсяца, оказавшееся къ тому же несостоятельнымъ, такъ какъ пришлось вернуться къ первому распоряженію?

Авторъ. Дѣйствительно эта торопливость удивила многихъ. Эггерсъ замѣчаетъ (*IV, 391*): „трудно понять почему Неккеръ сдѣлалъ это обѣщаніе“. Послѣдствіе объясняется, повидимому, лихорадкой популярничанья, проникавшею все существо Неккера. Требовалось во всемъ поступать иначе чѣмъ непопулярный предшественникъ, хотя во

всемъ существующемъ приходилось идти по тому же пути, и между политическими возрѣніями архіепископа-философа и философа-финансиста (философами называли тогда всѣхъ строителей политическихъ теорій на началахъ разума) вовсе не было пропасти. Но надлежало хоть по наружности все сдѣлать по новому. Принято было много финансовыхъ мѣръ, финансовъ не улучшившихъ, но внесшихъ успокоеніе, возродившихъ кредитъ. Надо отдать справедливость Неккеру. Онъ внесъ въ казенныя операціи значительную часть собственного капитала, получивъ чрезъ то право высказать эффектную сентенцію: „когда человекъ рискуетъ своимъ спокойствіемъ и здоровьемъ, онъ можетъ, конечно, рискнуть и своими деньгами“ (Эггерсъ, IV, 351). Раздражительный Бріенъ нерѣдко прибѣгалъ къ политическимъ арестамъ. Неккеръ поспѣшилъ освободить немедленно всѣхъ задержанныхъ по политическимъ дѣламъ. Бріенъ воевалъ съ парламентами. Неккеръ поспѣшилъ возстановить ихъ во всемъ прежнемъ значеніи, въ надеждѣ найти ихъ благодарными и въ силу того благосклонными къ новымъ мѣропріятіямъ. Возстановленіе было сдѣлано тою же деклараціей 23 сентября, которою былъ ускоренъ срокъ созыва представителей. Парламенты благодарными не оказались. Самое занесеніе деклараціи въ сводъ узаконеній сопровождалось протестомъ противъ слова *возстановленіе*. * Парижскій парламентъ протестовалъ, заявляя что законно онъ не прекращалъ своего дѣйствія. Выѣстъ съ тѣмъ парламентъ заявилъ требованіе чтобъ собраніе сословныхъ представителей было созвано и устроено „согласно формамъ соблюдавшимся въ 1614 году“. Это заявленіе быстро лишило парламентъ пріобрѣтенной популярности. Появились памфлеты направленные противъ парламентовъ, осмѣивавшіе и лорцавшіе формы 1614 года, появились, повидимому, съ поощренія правительства, какъ можно заключить изъ того факта что многие интенданты въ своихъ округахъ разсылали подобныя брошюры священникамъ по приходамъ. (Raudot, *La France av. la rév.*, 317.)

Неудача съ парламентомъ, при желаніи найти опору въ какомъ-либо внутреннемъ собраніи и уменьшить личную

* Въ деклараціи было сказано: „Nous nous déterminons de rétablir tous les tribunaux dans leur ancien état jusqu'au moment où éclairé par la nation assemblée nous pourrons adopter un plan fixe et immuable“ (Arch. parl. I, 388).

отвѣтственность, побудила Неккера обратиться къ собранію нотаблей разошедшихся годъ тому назадъ въ сѣнаніи популярности. Въ началѣ ноября были собраны тѣ самыя лица которыя въ прошломъ году составили собраніе изложившее Калона. Неккеръ былъ увѣренъ что нотабли, дорожа пріобрѣтенною популярностью, не рѣшатся пойти противъ требованій завлеченныхъ „мнѣніемъ“. Расчетъ и тутъ оказался невѣрнымъ.

Въ своемъ сочиненіи о революціи Неккеръ очень кратко, почти вскользь говоритъ объ этомъ второмъ собраніи нотаблей. Его дочь, гжа Сталь, даетъ (*Oeuvr.* XII, 177) болѣе полное показаніе, нѣсколько освѣщающее дѣло.

„Неккеръ, говоритъ она, не взялъ на себя принять рѣшеніе которое считалъ разумнѣйшимъ и слѣшкомъ, надо признаться, довѣряя владычеству разума, посоветовалъ королю созвать нотаблей которые были уже собираемы Калономъ. Неккера упрекали что онъ совѣщался съ нотаблями затѣмъ чтобы не послѣдовать ихъ мнѣнію. Его ошибка дѣйствительно была въ томъ что онъ обратился къ нимъ за совѣтомъ. Но могъ ли онъ вообразить что эти представители привилегированнаго класса, еще вчера показавшіе себя столь горячими противниками злоупотребленій королевской власти, на другой же день стануть ожесточенно защищать всѣ несправедливости собственной власти, вопреки общему мнѣнію.“

Собраніе нотаблей открылось 6 ноября 1788 года. Въ рѣчи произнесенной Неккеромъ при открытіи вопросъ о среднемъ сословіи занимаетъ главное мѣсто. И замѣчательно что въ сферѣ этого сословія на первомъ планѣ Неккеръ ставитъ финансовый людъ. „Значительное увеличеніе количества обращающихся денегъ (*l'accroissement considérable du numéraire*), говоритъ Неккеръ (*Arch. parl.*, I, 393), ввело какъ бы новый видъ богатства, а громадность государственнаго долга выдвинула цѣлый многочисленный классъ гражданъ связанныхъ съ благосостояніемъ государства узамъ которыхъ не знали прежнія времена монархіи. Торговля, мануфактуры, искусства всякаго рода, достигшія степени о какой прежде не могли имѣть и понятія, нынѣ оживляютъ королевство всѣми способами зависящими отъ просвѣщенной дѣятельности, и мы окружены многоцѣнными гражданами (*gracieux citoyens*) труды коихъ обогащаютъ государство и коимъ государство, въ справедливый возвратъ, обязано уваженіемъ и довѣреніемъ.“

П р и я т е л ь. Какое значеніе имѣлъ въ то время, особенно въ глазахъ Неккера, финансовый классъ, можно судить по факту сообщаемому Мирабо. Въ письмѣ къ Черутти въ январѣ 1789 (напечатанномъ впервые въ *Мемуарахъ* Мирабо, (V, 216), обращаясь къ прежнимъ своимъ письмамъ, онъ говоритъ: „Я вовсе не предсказывалъ что удвоеніе средняго класса будетъ отвергнуто, я высказывалъ только опасеніе чтобы такой отказъ не состоялся. Опасеніе это было не безъ основанія, ибо Неккеръ долго колебался, разнія внутреннія рѣшенія предписывали обратную пропорцію и только *предотвѣтство финансовыхъ дѣльцовъ*, судителей деньгами, доставило благопріятное рѣшеніе. Да, только *протекціи банкротовъ* обязала нація рѣшеніемъ министра (27 декабря 1788) которому она хотѣла воздвигнуть алтари.“

А в т о р ь. Справедливъ ли нѣтъ этотъ разказъ, вѣрно то что печаль и финансовый мѣръ были сильнѣйшими стимулами для Неккера.

На обсужденіе нотаблей было предложено прѣвительствою нѣсколько вопросовъ, а именно: о составѣ будущаго собранія, о формахъ созыва, порядкѣ выборовъ, устройствѣ совѣщаній для составленія наказовъ выборнымъ. Важнѣйшій вопросъ былъ объ удвоеніи представителей средняго сословія. Изъ семи отдѣленій, на какія раздѣлялось собраніе, дѣль первое находившееся подъ предсѣдательствомъ старшаго брата короля (графа Прованскаго, будущаго Людовика XVIII) служившаго всегда отголоскомъ воли брата, высказалось въ пользу удвоенія, какъ того желалъ Неккеръ и согласно мнѣнію къ какому склонялся король. Всѣ другіе—за сохраненіе по этому пункту порядка 1614 года. Вообще за удвоеніе было 33 голоса противъ 112. Другія рѣшенія были въ духѣ „либеральныхъ требованій“ эпохи. „Всѣ отдѣленія, говоритъ Булье (самъ бывшій въ числѣ нотаблей), принимали демократическую форму народнаго представительства, давъ возможность классу, безъ положенія и собственности (*à tous les hommes sans état et sans propriété*), въ каждомъ изъ трехъ сословія, быть и избирателемъ, и выборнымъ.“ Это не избавило нотаблей отъ нареканій и собраніе, вѣтра популярное, быстро утратило обаяніе. Популярность Неккера еще возрасла. Пока засѣдали нотабли и непосредственно послѣ ихъ собранія, происходила усиленная работа общественнаго мнѣнія. Изъ провинцій отъ разныхъ корпорацій, муниципалитетовъ, комиссій притекала къ

правительству масса адресовъ, поощрительно принимавшихъ, курившихъ емиамъ Неккеру и самое появленіе которыхъ очевидно было вызвано увѣренностію что правительство стоитъ на сторонѣ мнѣнія объ удвоеніи, сдѣланнаго пунктомъ соединенія всей партіи движенія. Враждебный Неккеру и справедливо считавшій „его слободности несоразмѣрными съ обстоятельствами“, Мирабо приостановился въ своихъ наладакахъ и въ разговорѣ съ Дюмонемъ (*Sommes de Dumont*, цитата въ *Mém. de Mirabeau*, V, 206), говорилъ: „Неккеръ необходимъ для образованія собранія сословныхъ представителей, тутъ требуется его популярность“, а въ письмѣ къ Момморену отъ 4 декабря 1788, писалъ: „Я могу обидѣть падать извѣстную персону (je puis promettre d'égarer l'individu)“.

Въ виду возраставшихъ требованій и усиливающагося движенія принцы крови (д'Артуа, Конде, Бурбонъ, Энгіенскій и Конги; не участвовали Монпеліе и герцогъ Орлеанскій) представили королю знаменитое письмо, о которомъ мы говорили въ двенадцатой бесѣдѣ нашей и которое указывало на опасности какими грозило государству овладѣвающимъ умами крайнія политическія ученія и возрастающія требованія отъ имени средняго сословія.

Пріятель. Ты упоминаешь объ усиленной работѣ общественаго мнѣнія въ эпоху созванія петаблей и намекаешь что движеніе это потому и было сильно что имѣло поддержку въ правительствѣ, имъ косвенно было вызвано. Но дочь Неккера представляетъ дѣло вѣскольکو иначе.

Послѣ того какъ высказались петабли, говоритъ она (*Oeuvr.*, XII, 178). „Неккеръ приостановилъ всякое рѣшеніе относительно удвоенія депутатовъ средняго сословія, когда увидѣлъ что большинство петаблей держится мнѣнія противнаго его собственному. Прошло *более двухъ мѣсяцевъ* между окончаніемъ ихъ засѣданій и результатомъ королевскаго совѣта 27 декабря 1788. Въ продолженіе этого времени Неккеръ постоянно изучалъ общественное настроеніе, какъ кампась съ которымъ въ этомъ случаѣ должны были сообразоваться рѣшенія короля. Письма и извѣстія приходившія изъ провинціи были единственными относительно необходимости дать среднему классу то чего онъ требовалъ, ибо партія чистыхъ аристократовъ была, какъ всегда, очень малочисленна; многіе изъ дворянъ и изъ духовныхъ, особенно изъ класса приходскихъ священниковъ,

присоединялись къ національному мнѣнію. Въ Дофинъ, въ Романсъ, происходило, въ силу древняго установленія, собраніе сословныхъ представителей, вышедшее было изъ употребленія, и на немъ было допущено не только удвоеніе представителей средняго класса, но и поголовная подача голосовъ. Значительное число офицеровъ въ арміи благопріятствовало желанію средняго сословія. Всѣ кто имѣли въ высшемъ кругѣ вліяніе на мнѣніе горячо высказывались въ пользу національнаго дѣла: такова была мода. Это былъ результатъ всего восемнадцатаго вѣка и старые предрассудки боровшіеся изъ-за древнихъ учрежденій имѣли тогда много менѣе силы чѣмъ въ какую-либо эпоху послѣдовавшаго двадцатилѣтія.“

Авторъ. Въ этомъ показаніи гжи Сталь есть очень важная неточность. Она говоритъ о *двухъ мѣсяцахъ* между окончаніемъ засѣданій ютаблей и рѣшеніемъ совѣта. Это совершенно невѣрно. Последнее засѣданіе ютаблей было 12 декабря, а рѣшеніе состоялось 27 декабря. Наблюденіе за компасомъ мнѣнія должно назвать скорѣе возбужденіемъ этого мнѣнія. Кому могло быть неизвѣстнымъ что высшій правительственный авторитетъ — вліятельнѣйшій министръ и самъ монархъ на сторонѣ требованій приписываемыхъ среднему классу. Говоръ въ бесѣдахъ и печати становился общественнымъ требованіемъ благодаря правительственной поддержкѣ. Такъ бываетъ. Поднимающаяся волна охватываетъ видимому правительство, послѣ замѣчается что она поднята силой того же правительства. Не дочь только его, но и самъ Неккоръ, какъ увидимъ, приписываетъ тогдашнія правительственныя дѣйствія неотразимому давленію общественнаго мнѣнія. Отношенія Неккера къ общественному мнѣнію заслуживаютъ разсмотрѣнія, и мы ими еще займемся.

Правительственное рѣшеніе вопроса о составѣ будущаго собранія, состоявшееся 27 декабря 1788, чрезъ двѣ недѣли послѣ послѣдняго засѣданія ютаблей есть важнѣйшій актъ въ политической дѣятельности Неккера. Онъ не говоритъ въ пользу его государственныхъ способностей. Потомъ обнаружилось всѣ роковыя послѣдствія принятыхъ мѣръ. Но въ началѣ онѣ были привѣтствованы съ великимъ энтузіазмомъ. „Никогда, пишетъ гжа Сталь (*Оеувр.*, XII, 184), рѣшеніе исходящее отъ трона не возбуждало такого энтузіама какой произвело постановленіе 27 декабря. Поздравительные адреса приходили со всѣхъ сторонъ... Авторитетъ

короля надъ умами сдѣлался могущественнѣе чѣмъ когда-либо. Удивлялись силѣ разума и благородству чувствъ лобуждавшихъ его цдти на встрѣчу преобразованій требуемыхъ націей.“ Скоро обнаружилась вся тщета временнаго усилѣха сентиментальной политики основанной на томъ чтобы получить поддержку общественнаго мнѣнія, уступая его требованіямъ и забѣгая впередъ его желаній. Сентиментальность Неккера оказалась не менѣе пагубною чѣмъ начальная отвѣга Калона и фальшь Бриена. Постановленіе осылавшее повидимому страну либеральными благами оказалось дѣломъ великой государственной непредусмотрительности. По-знакоимся ближе съ этимъ капитальнымъ документомъ. Онъ состоитъ изъ краткаго „заключенія государственнаго совѣта засѣдавшаго въ Версалѣ 27 декабря 1788 года“, въ которомъ установлено общее число депутатовъ, „не менѣе тысячи“, и принято удвоенное число представителей средняго сословія, и обширнаго „донесенія представленнаго королю въ его совѣтъ министромъ его финансовъ, 27 декабря 1788 года“. Въ донесеніи заключается изложеніе мотивовъ принятой мѣры и высказаны либеральнѣйшія обѣщанія относительно будущаго. Приведемъ нѣкоторыя изъ соображеній Неккера (*Arch. Parl.* I, 489). Указавъ что правительству предстояло рѣшить три главные вопроса: какое должно быть общее число депутатовъ, должно ли число депутатовъ средняго сословія быть равнымъ совокулному числу депутатовъ двухъ другихъ и должно ли каждое сословіе выбирать своихъ представителей исключительно изъ своей среды,—и разрѣшивъ кратко первый, не дававшій повода къ особымъ спорамъ, Неккеръ съ особеннымъ вниманіемъ останавливается на второмъ. „Этотъ вопросъ, говоритъ онъ, важнѣйшій изъ всѣхъ, раздѣляетъ нынѣ націю. Интересъ съ нимъ соединяемый быть-можетъ преувеличенъ съ той и съ другой стороны. Такъ какъ древняя конституція или лучше сказать древніе обычаи уполномочиваютъ три сословія обсуждать вопросы и подавать голоса въ собраніи отдѣльно, то число депутатовъ не должно бы, казалось, возбуждать ту степень горячности какую оно возбуждаетъ. Было бы безъ сомнѣнія желательнѣе чтобы сословія по собственному изволенію соединились въ разсмотрѣніи всѣхъ предметовъ относительно которыхъ ихъ интересы вполне одинаковы. Но такое рѣшеніе зависитъ отъ желанія въ отдѣльности

каждаго сословія и его надлежитъ ждать отъ общей любви къ государственному благу“.

Пріятель. Странное благодушіе! Да вѣдь весь интересъ удвоенія очевидно основывался на невысказываемой увѣренности въ логоловной подачѣ голосовъ. Иначе удвоеніе не имѣло бы, разумѣется, никакого значенія. Предоставляя рѣшеніе капитальнаго вопроса самому собранію, правительство прямо вызывало смуту при первомъ же соединеніи депутатовъ, какъ и случилось. Умаливъ на словахъ значеніе уступки, правительство утѣшается—какъ будто умалило его на дѣлѣ. Удвоеніе очевидно имѣло смыслъ только какъ предрѣшеніе вопроса о преобладаніи средняго сословія въ палатѣ и объ обращеніи собранія чиновъ въ одну палату съ уничтоженіемъ сословныхъ рамокъ. Неккеръ утѣшаетъ себя что эти вопросы разрѣшатся сами собой наилучшимъ образомъ и правительству безпокоиться не о чемъ.

Авторъ. Ты видишь я правъ говоря о непредусмотрительности Неккера. Онъ улолся еминимомъ минуты, а въ будущемъ разчитывалъ на торжество добродѣтели. Приведа аргументы выставленные за и противъ удвоенія, Неккеръ заключаетъ такъ: „обязанный подать свой голосъ вмѣстѣ съ другими министрами, я по совѣсти и чести какъ вѣрный слуга государя рѣшительно полагаю что его величество можетъ и долженъ призвать въ собраніе представителей число депутатовъ средняго сословія равное совокупному числу двухъ другихъ, не для того чтобы форсировать, какъ повидимому олашаются, логоловную подачу голосовъ, но чтобы удовлетворить общему и разумному желанію общинъ королевства, какъ скоро это можно сдѣлать не вреда интересамъ двухъ другихъ сословій.“ Въ пользу удвоенія высказываются „поверхъ всего, безчисленные адреса городовъ и общинъ королевства и общественное желаніе этой обширной части вашихъ подданныхъ, которая зовется среднимъ сословіемъ. Могу прибавить, и глухой гулъ цѣлой Европы, всегда благопріятствующей идеямъ общей справедливости (je pourrais ajouter encore ce bruit sourd de l'Europe entière qui favorise confusement toutes les idées d'équité générale)... Дѣло средняго сословія всегда будетъ имѣть за себя общественное мнѣніе, ибо дѣло это связано съ великодушными чувствованіями каковыя единственно можно вслухъ высказывать. Потому оно лостоимо будетъ поддержано въ разговорахъ и въ писаніяхъ людьми

исполненными одушевленія и способными увлечь читателей и слушателей... Ваше величество прочитали всѣ замѣчательныя писанія опубликованныя относительно вопроса повергаемаго нынѣ на ваше усмотрѣнiе и припомните соображенія какія не уломянуты въ настоящемъ докладѣ.“ Неккеръ не хочетъ и допустить опасенія „что если первая претензія (средняго сословія) будетъ удовлетворена, то послѣдуютъ новыя требованія и нечувствительно приблизятъ страну къ демократіи“, но относительно двухъ первыхъ классовъ считаетъ не излишнимъ предостереженіе. „Два первыхъ сословія лучше чѣмъ третье знаютъ дворъ и его бури и еслибы пожелаали могутъ съ большею увѣренностію войти въ соглашеніе относительно образа дѣйствій могущаго затруднить министерство, утомить его постоянство и сдѣлать его безсильнымъ.“

Итакъ политика сопротивленія, какой держались по отношенію къ правительству въ послѣдніе годы привилегированныя классы, принесла плоды. Заключенъ при посредствѣ увлеченнаго популярничаніемъ министра союзъ короля, по видимости со среднимъ классомъ или народомъ, на дѣлѣ съ тѣми кто уполномочивали себя говорить отъ его имени. „Монархъ, замѣчаетъ аристократъ Булье, сталъ во главѣ заговора противъ монархіи, въ надеждѣ сдѣлать своихъ подданныхъ болѣе счастливыми, ибо ни одинъ государь не любилъ болѣе его свой народъ, какъ ни одинъ не испытывалъ въ такой мѣрѣ его неблагодарность. Французы! какихъ жертвъ не принесете если, какъ оказалось, и не для счастья вашего, то по крайней мѣрѣ чтобы вамъ угодить и удовлетворить ваши желанія.“

Послѣдняя часть донесенія Неккера наполнена сентиментальными обращеніями и либеральными чаяніями будущиxъ благъ. Чайнія эти, высказанныя въ документѣ исходившемъ отъ королевскаго совѣта, одобренномъ верховною властью, были равнозначительны съ обѣщаніями безъ нужды заручавшимися монарха съ цѣлью возбужденія общественнаго восторга, на продолжительность котораго Неккеръ имѣлъ розовыя надежды. „Государь, восклицаетъ Неккеръ, еще немного времени, и все хорошо кончится (!). Не всегда будете вы говорить то что слышали отъ васъ въ разговорѣ объ общественныхъ дѣлахъ: „вотъ уже въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ я имѣлъ „только нѣсколько минутъ счастья“. Вы найдете это счастье, государь, вы будете имъ наслаждаться!“

Но еслибы, наконецъ, сверхъ ожиданія, всѣ эти распоряженія,

уступки, обѣщанія не удовлетворили общество, недовольство и сопротивленіе продолжались, то что тогда дѣлать? Неккеръ, не безъ наивности, указываетъ: „Еслибы воля вашего величества не была достаточно дабы побѣдить эти препятствія,—я отвращаю взоры отъ этихъ идей, не могу на нихъ остановиться, не могу имъ вѣрить,—тогда однакоже какой совѣтъ могъ бы я дать вашему величеству? Одинъ, и это былъ бы послѣдній—тотчасъ удалить министра на котораго пала бы наибольшая доля въ вашемъ рѣшеніи (de sacrifier à l'instant le ministre qui aurait eu le plus de part à votre délibération)“. Утѣшеніе едва ли достаточное!

Въ письмѣ къ королю отъ бывшаго министра Калона, (*Lettre adressée au Roi*, 18) напечатанномъ въ Лондонѣ и помѣченномъ 9 февраля 1789 года, встрѣчается основательный, весьма любопытный разборъ донесенія Неккера. Письмо звучитъ полнымъ диссонансомъ съ трогательными завѣреніями Неккера, но имѣетъ достоинство слова оправданнаго событиями. Оно не открыло глазъ Лудовику XVI. Да уже было и поздно. Письмо это такъ поучительно что съ нимъ стоить познакомиться.

„Рѣшенія ваши, государь, отъ 27 декабря, пишетъ Калонъ, были конечно пріивѣтствованы рукоплесканіями и министры ихъ посовѣтовавшіе были, конечно, вознесены до облаковъ толпой. Какъ было ей не восторгаться, когда среднее сословіе какъ бы по праву получило то о чемъ до послѣдняго времени не помышляло ходатайствовать даже какъ о милости; когда съ другой стороны, не дожидаясь чего могутъ просить сословные представители, уже теперь въ донесеніи опубликованномъ по повелѣнію вашего величества возвращается:

„что вы признаете себя обязаннымъ не налагать никакого налога безъ согласія собранія сословныхъ представителей и желаете продлить существующіе не иначе какъ подъ этимъ условіемъ;

„что желаете обезлечить періодическое возвращеніе собраній, испросивъ совѣтъ представителей относительно промежутка между собраніями;

„что обсудите съ ними средства предотвратить беспорядки какіе министры ваши дурнымъ веденіемъ дѣлъ могутъ внести въ финансы...“

Перечисливъ эти и другія уступки, Калонъ продолжаетъ:

„Легко понять что столько собранныхъ уступокъ должны были породить великій взрывъ общественной благодарности къ вашему величеству и энтузіазмъ по отношенію къ тому кто озаботился не оставить безызвѣстнымъ что онъ ихъ посоветовалъ. Но признавая цѣлу этихъ распоряженій дышащихъ справедливостью и благостью, позволю, государь, себѣ спросить: какая цѣль, какая польза предупреждать такимъ образомъ моментъ когда вамъ будетъ можно обнаружить ваши намѣренія прямо собранію представителей? Зачѣмъ повадилось теперь же дѣлать о томъ преждевременное заявленіе? Всякій увидѣлъ министра жаднаго до общественнаго одобренія, ничего не щадящаго чтобы пріобрѣсти популярность, но всякій увидѣлъ также что еслибы министръ этотъ принималъ къ сердцу ваши интересы, болѣе былъ занятъ тѣмъ чтобы дѣлать добро чѣмъ тѣмъ чтобы прельщать толпу и дѣлать изъ нея себѣ опору, онъ нашелъ бы болѣе мудрымъ и болѣе сообразнымъ съ хорошею политикою, сохранить къ концу собранія то что естественно должно служить его увѣнчаніемъ, что могло бы поддерживать рвеніе, а въ заключеніе увѣнчать желанія собранія представителей. Не значить ли нѣкоторымъ образомъ вызывать новыя требованія такъ либерально предупреждая тѣ которыя еще и не обозначились? Что же придется затѣмъ дать еще, государь? Чѣмъ остается вамъ еще пожертвовать?

„Съ другой стороны, какаѣ были ему надобность давать среднему сословію двойное число голосовъ сравнительно съ двумя другими, когда мотивъ который прежде можно было приводить какъ побуждающій къ тому устранялся самъ сабою: ибо дворянство чрезъ посредство привидевъ и перовъ, духовенство чрезъ своего предсѣдателя объявила свою готовность пожертвовать привилегіями въ дѣлѣ налоговъ и нести всѣ общественныя тягости пропорціонально имуществу безо всякаго денежнаго изъятія? Не лучше ли было укрѣпить это расположеніе, заручиться имъ и выставить его какъ мотивъ не дѣлать нововведенія, вмѣсто того чтобы предлагать потребность вооружить народъ преобладаніемъ какого онъ не имѣлъ по старымъ установленіямъ и которое, ставъ ненужнымъ для обезлеченія равенства въ распредѣленіи податей, могло сдѣлаться вреднымъ въ другихъ отношеніяхъ? Торжественное заключеніе представленное собраніемъ перовъ

20 декабря 1788 вашему величеству, и постановление парламента отъ слѣдующаго 22 числа, въ которомъ онъ выражаетъ формальное желаніе уничтоженія всякихъ денежныхъ изъятій, не представляли ли благонамѣренному министру прекрасный случай скрѣпить единство трехъ сословій и дать понять среднему сословію что оно не имѣетъ болѣе основанія претендовать на увеличеніе вліянія въ совѣщаніяхъ, дабы получить то что дворянство и духовенство непринужденно отдають ему? Не лучше ли было въ эту сторону направить свою ловкость вмѣсто того чтобы пользоваться ею къ возбужденію недовѣрія къ двумъ первымъ сословіямъ и замѣчать вашему величеству что сословія эти, лучше чѣмъ третье знаа дворъ и его бури, могутъ, если пожелають, съ болѣею увѣренностію войти въ соглашеніе относительно образа дѣйствія могущаго затруднить министерство, утомить его постоянство и сдѣлать его бессильнымъ.

„Нѣтъ надобности напоминать вашему величеству насколько доброе и честное служеніе двухъ первыхъ сословій государства говоритъ противъ такихъ инсинуацій. Но указавъ что не было мотива который побуждалъ бы усиливать значеніе средняго сословія, прибавлю что если уже несмотря на то находили все-таки основаніе измѣнить старый порядокъ, то можно было по крайней мѣрѣ лучше взяться за дѣло и достигнуть цѣли средствомъ менѣе отталкивающимъ (moins choquante). Такъ какъ хотѣли равновѣсія, но не должны были желать разрушенія преимуществъ столь же древнихъ какъ монархія, то кажется мнѣ можно было бы достигнуть цѣли, помѣщая на одну чашку вѣсовъ два первыя сословія слитыя воедино, на другую среднее сословіе, которому можно было тогда дать число равное корпорации происшедшей отъ сліянія двухъ первыхъ, не отнимая у нихъ отличій которыя справедливо было за ними сохранить. Такое распредѣленіе было бы нововведеніемъ, но я и выхожу изъ того предположенія что такое считается необходимостью и думаю что указываемое мною было бы менѣе неприятно, получило бы болѣе общее одобреніе и было бы полезнѣе для дальнѣйшихъ видовъ. Во всякомъ случаѣ этимъ ли, другимъ ли средствомъ направленнымъ равнымъ образомъ къ тому чтобы не нарушать преимуществъ первыхъ классовъ и оградить интересы третьяго, несомнѣнно можно было избѣгнуть того чтобы показать себя безпомощно уступающими требованіямъ народа. Какой

государственный человекъ не знаетъ какъ оласно, слишкомъ поощрять притязательность уступками и какъ трудно потомъ остановить излишнюю требовательность?

„Народъ французскій, безъ сомнѣнія, государь, лучший, преданнѣйшій королямъ, наиболѣе покорный ихъ волѣ, но въ то же время онъ крайне слособенъ увлекаться. А кто не знаетъ что толпу ведутъ не наиболѣе благоразумные, а увлекаютъ наиболѣе бурливые. Почувявъ свою силу въ первомъ успѣхѣ, можно ли думать чтобъ она остановилась въ предѣлахъ мудрой умѣренности? Отвѣтитъ ли вамъ, государь, тотъ кто подвергъ васъ оласности противнаго, отвѣтитъ ли онъ что, допустивъ такой шагъ къ равенству, онъ въ состояннн будетъ остановить дальнѣйшіе; что возвѣстивъ намѣреніе стереть самое названіе налога наломимающаго среднему сословію его сравнительно низшее положеніе, онъ допуститъ чтобы въ силу этого были стерты и всѣ другіе знаки этого положенія; что отъ вывода къ выводу, отъ ольянннн къ ольянннн не пойдутъ къ тому чтобъ уничтожить оброки, взглянуть на феодальныя обязанности какъ на варварское подчиненіе и наконецъ порвать всѣ связи собственности, какъ указываютъ принцы вашей крови въ своемъ благородномъ и серіозномъ представленнн, которое общественная раслушенность уже успѣла осмѣять?

„О, какъ желалъ бы я чтобы геній хранитель Франціи сдѣлалъ эти оласенія мои столь же тщетными сколько они зловѣщнн! Да окажутся подданные ваши настолько благоразумны чтобы сами оградить себя отъ золъ скрывающихся за обманчивыми приманками имъ разставляемыми! Да будетъ чувствительное и доброе сердце ваше навсегда ограждено отъ жестокихъ крайностей, какихъ нервѣдко требуютъ послѣдствія роковаго неблагоразумнн!

„Всею душой желаю этого и, не стремясь проникнуть въ туманное будущее, слгшу остановить вниманіе вашего величества на важнѣйшемъ изъ размышленнн внушаемыхъ чтенннмъ донесеннн 27 декабра. Этого размышленнн нельзя не сдѣлать въ виду тѣхъ мѣстъ донесеннн какія касаются законодательства королевства. Они представляются въ нѣкоторой свѣто-тѣннн, сквозь которую сквозитъ намѣреніе дать понять болѣе чѣмъ сказано и при нуждѣ отказаться отъ того что въ даваемомъ лоять могло бы шокировать ваше величество и показаться возмутительнымъ въ устахъ государственнаго министра. Была

бы позоромъ для члена вашего совѣта дать поводъ къ мысли будто ваше величество желаете и должны отказаться отъ законодательной власти, этой первой принадлежности короны. Чѣмъ же можетъ оправдать себя тотъ кто осмѣлился выразиться такъ что всѣ лоялы высказанное именно въ этомъ смыслѣ? Да и какъ иначе должно было лоялы этотъ рядъ фразъ изъ коихъ я привелъ нѣкоторыя и которыя, помѣщая все относящееся до законодательства королевства „въ нѣдра собранія сословныхъ представителей“, возвѣщаютъ что отнынѣ ваше величество, „предпочитая совѣщанія собранія мнѣніямъ министровъ и не будучи болѣе тревожимы разнообразіемъ системъ, не будете и подвергаться тому чтобы своимъ авторитетомъ прикрывать множество распоряженій, сдѣланныхъ коихъ нельзя предвидѣть, не будете вынуждены ихъ поддерживать хотя бы сомнѣвались въ ихъ достоинствѣ; и будете слѣдовательно освобождены навсегда отъ недоумѣній, сожалѣній и пр.“ А во главѣ параграфа гдѣ все это находится, говорится, при ссылкѣ на „особое счастье вашего величества“, что „удовлетвореніе связанное съ неограниченною властью есть чисто воображаемое, и если государь имѣетъ въ виду только благо государства и наибольшее счастье подданныхъ, то пожертвованіе нѣкоторыми прерогативами, для достиженія такой двойной цѣли, есть безъ сомнѣнія наилучшее употребленіе власти“.

Когда такимъ языкомъ заставляютъ говорить ваше величество, послѣ того что печаталось въ послѣдніе лѣтъ мѣсяцевъ о необходимости отдѣленія законодательной власти отъ исполнительной; и когда это происходитъ послѣ того какъ парламентъ,—желая безъ сомнѣнія узнать ваши чувствованія относительно мнѣнія которому правительство дало укрѣпиться допустивъ эту массу писаній,—въ постановленіи своемъ выразилъ желаніе быть уполномоченнымъ вами содѣйствовать исполненію законовъ не иначе какъ если они вызваны или получили одобреніе со стороны собранія сословныхъ представителей,—не ясно ли что всѣ должны были подумать будто новое ученіе принято и поддерживается.

Иностранная нація, среди которой я нахожусь въ эту минуту, была поражена въ этомъ смыслѣ и не приходила въ себя отъ удивленія, видя что казавшееся столь существеннымъ различіе полной и цѣльной монархіи, какова монархія французскихъ королей, отъ монархіи частной и овраженной,

какова англійская, нынѣ повидимому уничтожается не только дѣйствиельно системъ недавно между нами распространенныхъ, но и собственнымъ согласіемъ государя, или, лучше сказать, рукою вашихъ министровъ и въ особенности того который повидимому имѣеть наибольшее вліяніе.

„Я ношу еще титулъ вашего министра и сохраняю нѣчто большее чѣмъ другіе—вѣрность. Я далекъ отъ желанія когда-нибудь имѣть власть—она мнѣ слишкомъ дорого обошлась. Но въ сердцѣ моемъ написанъ священныи долгъ, не позволяющій мнѣ молчать въ минуту отъ которой можетъ-быть зависеть участь всего вашего царствованія и судьба всего государства“.

РАЗГОВОРЪ ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ.

А в т о р ы. Когда потомъ обнаружилась роковыя послѣдствія рѣшеній 27 декабря, на Неккера со стороны пострадавшихъ отъ революціоннаго погрома пало обвиненіе что онъ былъ истиннымъ разрушителемъ французской монархіи. Неккеръ въ своемъ сочиненіи о революціи не отказывается отъ отвѣтственности за мѣру которую, говоритъ, онъ считалъ справедливою и полезною и которая, по его убѣжденію, могла бы принести плодотворные плоды еслибы не послѣдовало ошибокъ отъ него независѣвшихъ. Но онъ указываетъ что уваженіе этою мѣрой было общее, раздѣлявшееся и членами совѣта, и самимъ королемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ старается показать что мѣра эта была неотразимою необходимостью, ибо общественное мнѣніе такъ громко высказалось въ ея пользу что уступать было де невозможно. Вотъ что говоритъ Неккеръ (*De la Rév. franç.* I. 89): „27 декабря 1788 года прокламаціей, наименованною *Заключеніе совѣта (Résultat du Conseil)*, король всенародно утвердилъ общее число депутатовъ въ собраніи сословныхъ представителей и относительное ихъ число для каждаго сословія. Это заключеніе въ свое время надѣлало много шуму и хотя постоянно соединялось съ моимъ именемъ, доставило мнѣ много похвалъ и навлекло много вражды,—не принадлежить однако мнѣ исключительна. Заключеніе было огублковано въ сопровожденіи донесенія отъ имени меня какъ государственнаго министра. Но всякій тогда зналъ, по крайней мѣрѣ всякій сѣдившій за дѣлами, что рѣшеніе совѣта

вовсе не было вызвано или подготовлено моимъ донесеніемъ. Доносеніе было составлено *послѣ* рѣшенія дѣла и составлено чтобы замѣнить обычное введеніе, родъ разсужденія въ которомъ отъ имени монарха излагаются мотивы закона и рѣшенія. Думали что въ этомъ случаѣ требовалось болѣе подробное развитіе, которое трудно бы согласовалось съ возвышеннымъ и точнымъ языкомъ приличествующимъ королевскому величеству. Доносеніе существенно предназначенное чтобы просвѣтить общественное мнѣніе (*éclairer l'opinion publique*) было тщательнѣе разобрано во многихъ комитетахъ министровъ, затѣмъ въ присутствіи короля. И королева присутствовала на послѣднемъ совѣщаніи. Въ этомъ окончателномъ засѣданіи, если выключить противорѣчіе одного министра направленное на одинъ только пунктъ, всѣ голоса и мнѣнія соединились въ пользу доносенія и заключенія въ томъ видѣ какъ они и были опубликованы. Для репутаціи совѣта, а можетъ-быть и для памяти короля, надлежитъ не злоупотреблять формой приданною объявленію 27 декабря 1788 года. А между тѣмъ это безцеремонно дѣлають, выставляя мое доносеніе какъ полную картину соображеній опредѣлившихъ рѣшеніе правительства. Слова *необходимость* въ доносеніи не встрѣчается. Ужъ одно это замѣчаніе должно дать понять что въ доносеніи *не все* высказано и ему предшествовало болѣе обширное обсужденіе дѣла. Одною изъ обязанностей министра въ доносеніи назначенномъ для обширной гласности было набросить покровъ на всякую идею о принужденіи и необходимости, дабы поддержать королевское величіе во всемъ блескѣ и еще можетъ-быть болѣе, дабы сберечь монарху любовь и признательность наибольшей части націи. Я никому не наносилъ ущерба поставивъ на счетъ короля долю которая могла принадлежать обстоятельству. Свидѣтельства нынѣ живущихъ людей достаточно чтобы удостоверитъ лыкое увлеченіе съ какимъ Франція каждый день ожидала чѣмъ рѣшить королевскій совѣтъ.“

Такъ послѣ событій, нѣсколько залуточно изображаетъ дѣло Неккеръ. Правительственное рѣшеніе въ пользу преобладанія средняго сословія было де вызвано необходимостью. Правительство было къ тому вынуждено общественнымъ требованіемъ. Такъ ли это, и что обусловило такую необходимость? Можно признать что рѣшеніе дѣйствительно было необходимостію, но не для короля и правительства вообще,

а для Неккера; и если возбужденное въ обществѣ желаніе обратилось въ декабрь 1788 года въ требованіе съ которымъ приходилось дѣйствительно серьезно считаться, то опять-таки черезъ посредство того же Неккера.

Неккеръ не могъ дѣйствовать иначе. Онъ былъ призванъ во имя популярности, которая, давая силу, налагала и обязательства. Когда во власть вступаетъ человѣкъ выдвинутый извѣстною партией или извѣстнымъ политическимъ направлеиіемъ, онъ является связаннымъ условіями призыва. Навязанный „мнѣніемъ“, онъ долженъ былъ обязательно служить орудіемъ мнѣнія въ правительствѣ, и когда въ послѣдствіи отступилъ отъ такой задачи, немедленно утратилъ популярность и силу.

Пріятель. Человѣкомъ партіи въ смыслѣ личной связи съ тою или другою группою единомышленннхъ людей, мнѣ кажется, Неккера назвать нельзя. Кто лица составляющія партію Неккера?

Авторъ. Если я сказалъ о Неккерѣ какъ о человѣкѣ партіи, то не въ томъ смыслѣ. Можетъ быть безличная принадлежность къ партіи, особенно когда сама партія не есть ничто опредѣленно-организованное: принадлежность къ явно организованнымъ партиямъ, какъ въ Англіи, можетъ вести къ весьма правильному ходу дѣлъ. Эта безличная принадлежность къ партіи намъ можетъ быть болѣе понятна чѣмъ кому-либо. Мы имѣли примѣры вліятельныхъ и во власти находившихся лицъ за которыми стоялъ длинный конституціонно-націоналистическій хвостъ наименованный либеральною партией, дававшая опору, налагавшая обязательства, вмѣстѣ подымавшаяся и опускавшаяся, но связь съ которою была не личная и прямая, а незамѣтными градаціями отъ ближайшаго окруженія къ крайнимъ узламъ сѣти.

Исканіе популярности было главнымъ стимуломъ Неккера. Средство къ ея пріобрѣтенію — угода общественному мнѣнію. Неккеръ безпрерывно говоритъ о неодолимой силѣ общественнаго мнѣнія и всю мудрость государственнаго человѣка полагаетъ въ томъ чтобъ имѣть эту „могущественную силу“ на своей сторонѣ. Общественное мнѣніе, говоритъ онъ (*De la rév.* I, 224), „было союзникомъ становившимся со всякимъ днемъ могущественнѣе и ко благорасположенію котораго вынужденъ былъ бережно относиться самъ монархъ. Это мнѣніе, тогда еще въ своей чистотѣ, слагавшееся изъ идей и

чувствованій имѣвшихъ центромъ общее благо, издавна уже оказывало благотвѣтельное дѣйствіе. Оно пресѣкало попытки деспотизма; давало мужество властямъ посредствующимъ между монархомъ и народомъ; часто служило щитомъ угнетаемой невинности, окружало своимъ блескомъ прекрасныя жертвованія и высокія добродѣтели; утѣшало великихъ людей преслѣдуемыхъ завистью и невзгодами судьбы; было столь же сурово въ наказаніяхъ какъ великодушно въ наградахъ; отмѣчало своею грозною печатью министровъ недостойныхъ довѣрія монарха и погубляло ихъ презрѣніемъ на высотѣ ихъ кредита и триумфовъ“...

Пріятель. Дѣло идетъ, можно догадываться, о добродѣтеляхъ Неккера и коварствѣ его врага Калона.

Авторъ. „Наконецъ общественное мнѣніе, утомленное безплодностію своихъ отдѣльныхъ приговоровъ и отчаиваясь въ будущемъ, зная прошедшее, собрало всѣ свои силы чтобы настоять на созывѣ собранія представителей націи.“

Пріятель. Это весьма не точно. Неккеръ умалчиваетъ о собраніи нотаблей устроенномъ самимъ правительствомъ въ лицѣ Калона, какъ мы видѣли, вовсе не по настоячивому вызову общественного мнѣнія.

Авторъ. „Оно вліаніемъ своимъ достигло равенства въ числѣ представителей средняго сословія и привилегированныхъ классовъ, и вся Франція въ своемъ послѣднемъ рѣшительнѣйшемъ желаніи потребовала чтобы столько надеждъ связанныхъ съ собраніемъ представителей не погибло въ ихъ рукахъ и не обратилось въ ничто притязаніями враговъ общаго блага. На этомъ останавливались тревожныя желанія гражданъ и нація казалась расположенною принять съ благодарностію жертвы какія пожелаю бы сдѣлать для установленія гармоніи на которую единодушно указывалось какъ на первое условіе врачеванія золъ Франціи. Да, нація тогда свободная въ своемъ мнѣніи, нація еще не принявшая никакихъ обязательствъ, была готова стать на сторонѣ тѣхъ кто первые сгладили бы луть къ установленію желаннаго согласія“. Другими словами, Неккеръ упрекаетъ привилегированныя сословія что они не привлекли общественное мнѣніе на свою сторону вступивъ съ нимъ въ союзъ. Если высвободить мысль Неккера изъ-подъ украшающихъ ее цвѣтовъ краснорѣчія, то замѣтимъ что этотъ поклоунникъ „мнѣнія“ видитъ въ немъ, въ минуту столь рѣшающую какъ эпоха

созыва представителей, не иное что какъ неопредѣленное возбужденіе, само ищущее указаній вмѣсто того чтобы ихъ давать, способное пристать къ тому кто имъ овладѣеть. Въ дальнѣйшемъ оказывается что это мнѣніе впадаетъ въ заблужденія дѣлающіяся источникомъ бѣдствій. Не есть ли это опроверженіе всей теоріи Неккера по части государственной мудрости—сдѣлывать указаніямъ общественнаго мнѣнія, угадывая ихъ? Неккеръ повидимому не замѣчалъ что это угадываніе мнѣнія есть обыкновенно фабрикація мнѣнія, операція въ которой, надо признаться, онъ не былъ искусенъ. Черезъ это политика его становилась системой уступокъ тѣмъ кто мнѣніе фабриковали. Мирабо и Калонъ не безъ основанія указывали въ Неккерѣ отсутствіе государственнаго ума.

Черезъ какія средства, черезъ чьи уста слышалъ онъ велѣнія своего божества? Кто были для него носителями мнѣнія? Въ этомъ онъ не даетъ отчета. Это не были парламенты съ ихъ временною и фальшивою популярностью, имѣвшею исчезнуть при первомъ ихъ поворотѣ къ своимъ кореннымъ преданіямъ. Это не были нотабли, которыхъ не послушался Неккеръ, но на которыхъ разчитывалъ чтобы провести идеи продиктованныя „мнѣніемъ“, подобно тому какъ Калонъ разчитывалъ провести свои финансовыя планы. Дворъ и прикасающіяся къ нему сферы еще менѣе того. Черезъ кого же давало мнѣніе свои рѣшенія? Можно усматривать что носителями его для Неккера были: во первыхъ, финансовый міръ съ его салонами и конторами, и во вторыхъ, публицисты наводнившіе Францію политическими писаніями, сдѣлавшіе политическія теоріи „разума“ предметомъ общихъ разговоровъ, придавшіе имъ характеръ и силу моды. Втретьихъ, наконецъ, начавшіе образовываться вліятельныя политическія кружки и клубы.

Въ какой мѣрѣ Неккеръ былъ чувствителенъ, хотя и скрывалъ это, къ печатнымъ отзывамъ, можно видѣть изъ слѣдующаго анекдота разказаннаго Бертранъ де-Молевидемъ въ его мемуарахъ. (*Mém.*, I, 59). Это было въ началѣ еще перваго министерства Неккера. Графъ Водрѣиль (Vaudreuil), самъ разказывавшій это Бертранъ де-Молевилю, былъ однажды у Неккера. Тотъ съ горечью жаловался что на него нападаютъ въ печати. Водрѣиль замѣтилъ что это общая участь людей находящихъся у власти. „Я согласенъ, отвѣчалъ Неккеръ, но

для чувствительной души, какъ моя, крайне трудно переносить несправедливость, и между этими презрѣнными брошюрами есть которыя наносятъ чувствительные удары, а публика ихъ жадно расхватываетъ“. Я думалъ, продолжаетъ Водрѣйль, что Неккеръ говоритъ о только что появившемся сочиненіи Лорагэ и неблагоприятно сказалъ ему: „Прочтите сами сочиненіе Лорагэ и вы успокоитесь. Убѣдитесь что онъ слишкомъ слабъ чтобы задѣть вашу репутацію.“ Въ эту минуту министръ измѣнился въ лицѣ, гнѣвъ заблисталъ въ глазахъ. „Какъ, воскликнулъ онъ, этотъ вищій написалъ сочиненіе противъ меня? О, какъ ужасно быть удержаннымъ министерскимъ положеніемъ. Съ какимъ бы наслажденіемъ возилъ я ему кияжалъ въ сердце“. Водрѣйля поразила эта гордость человѣка отличавшагося по видимости холодною невозмутимостью.

Какими путями Неккеръ узнавалъ мнѣніе политическихъ кружковъ, можно видѣть изъ любопытнаго разказа Вебера (I, 267).

„Въ промежутокъ времени, лишетъ Веберъ, между вторымъ собраніемъ нотаблей и созывомъ представителей и даже нѣсколько мѣсяцевъ послѣ открытія ихъ засѣданій, Неккеръ имѣлъ на жалованьи бывшаго редактора *Асинъионскаго Курьера* г. Арто, второстепеннаго литератора, автора нѣсколькихъ театральныхъ піесъ. На этого господина Неккеръ возложилъ спеціальную обязанность держать у себя въ Пале-Роялѣ родъ клуба, отъ времени до времени дѣлать политическія собранія и обѣды на которыхъ присутствовали, между прочимъ, Мирабо, Клерманъ-Тоннеръ, Дюпоръ и Фрето, совѣтники въ парламентѣ; нѣсколько академикомъ, какъ гг. Сваръ, Рюльеръ и Шамфоръ, швейцарскіе и протестантскіе банкиры, лица принадлежавшія ко двору герцога Орлеанскаго, аббатъ Сіесъ, аббатъ Сабатье, аббатъ Дюбиньионъ, и нѣкоторыя другія лица того же закала, всѣ, за незначительными исключеніями, или матежники, или отъявленные враги существующаго порядка (*factieux ou frondeurs déterminés*). Неккеръ давалъ на это по четыре тысячи франковъ въ мѣсяцъ и ему каждое утро сообщалось что было говорено наканунѣ и какія мѣры имѣли за себя большинство. Донесенія выходившія изъ этого вертела часто имѣли большое вліяніе на правительственныя рѣшенія. У Арто открыто хулили дворъ и даже парламентъ. Мнѣнія принятыя въ этихъ собраніяхъ дѣлательно

распространялись подчиненными агентами въ клубахъ низшаго лорда и во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ въ Парижѣ. Передавались также вожакамъ провинціальныхъ собраній. А изъ провинціи возвращались въ Парижъ подкрѣплять систему нововводителей. Это повтореніе мятежныхъ (*factieux*) мнѣній Неккеръ называлъ неяснымъ гуломъ Европы (*bruit sourd de l'Europe*).“

Указаніе Вебера весьма правдоподобно. Фабрикованное въ Парижѣ вѣхало въ провинцію и возвращалось якобы общественное мнѣніе страны и неотразимый аргументъ для правительства!

Нѣкоторымъ оправданіемъ Неккера, но вмѣстѣ и обвиненіемъ въ неадаловидности, можетъ служить то обстоятельство что въ то время удвоеніе числа представителей средняго сословія не казалось грозачимъ въ такой мѣрѣ преобладаніемъ вожаковъ этого сословія въ собраніи, какъ вышло на дѣлѣ. „Я вспоминаю, свидѣтельствуешь аббатъ Мореле (*Mém. I, 350*), что люди просвѣщенные и самыхъ прямыхъ намѣреній полагали что среднее сословіе, даже удвоенное въ числѣ, но подавляемое вліяніемъ и естественнымъ превосходствомъ дворянства и духовенства, едва будетъ въ состояніи защитить свои справедливыѣшія права и достичь со стороны первыхъ двухъ сословіи законнѣйшихъ жертвованій. При этомъ конечно предполагали дворянство не раздѣленнымъ на партіи и *veto* сохраненное за королемъ.“ Очевидно когда говорили о среднемъ сословіи имѣли въ виду сословіе это въ его дѣйствительномъ составѣ, а не въ томъ въ какомъ оно явилось въ собраніи, будучи тамъ представлено группою которую мы характеризовали наименованіемъ интеллигентныхъ разночинцевъ, честолюбивыхъ ходатаевъ по чужимъ дѣламъ.

Удвоеніе представителей средняго класса было главнымъ изъ мѣропріятій 27 декабря. Но не лишены существеннаго значенія и другія принятыя мѣры, опредѣлившія составъ будущаго собранія. Здѣсь все было предпринято на самыхъ широкихъ и либеральныхъ основаніяхъ. Старались избѣгнуть вслѣдствія ограниченія, какъ по отношенію къ избирателямъ, такъ и по отношенію къ выборнымъ.

Аббатъ Мореле обращаетъ особое вниманіе на устраненіе ценза.

„То обстоятельство, говоритъ онъ (*Mém., I, 350*), что при

оставленіи собранія забыли о значеніи собственности было истиннымъ источникомъ нашихъ бѣдствій. Очевидно что при расположеніи умовъ въ моментъ этого великаго политическаго акта требовалось поставить самый крѣпкій оплотъ собственности, со всѣхъ сторонъ угрожаемой народными движеніями. Въ особенности вуждалась въ покровительствѣ земельная собственность...

„Но совѣтъ, прельщенный идеями пользовавшимися популярностью, поставилъ для избирателей условія сводившіяся къ нулю по своей легкости удовлетворенія: требовалось чтобы быть допущенными въ начальныя избирательныя собранія платить налогъ равняющійся платѣ трехъ рабочихъ дней. Это открывало доступъ въ собранія пяти шестымъ взрослымъ людямъ мужескаго пола, то-есть около пяти милліоновъ человѣкъ. А чтобы быть представителемъ требовалась уплата налога цѣной въ марку серебра. Это не предполагаетъ собственности которая давала бы возможность жить собственнику и не обуславливало въ избираемомъ ни истиннаго интереса къ общественному процвѣтанію, ни образованія, ни досуга, словомъ, ни одного изъ качествъ необходимыхъ для представителей великой націи... Что можетъ сдѣлать собраніе состоящее въ значительной долѣ изъ людей неимущихъ? Вы брать представителей изъ такихъ же въ большинствѣ неимущихъ. Такимъ образомъ участь собственности очутится въ рукахъ собранія въ которомъ болѣе половины членовъ не будутъ имѣть никакого интереса въ ея охраненіи и значительное число будетъ имѣть интересы противные.“

Со своей стороны, маркизъ Булье, указывая на „великія ошибки Неккера касательно состава собранія представителей“ обозначаетъ какъ такіа: „недостаточность качественныхъ требованій отъ избирателей и выборныхъ, что дало возможность людямъ безъ собственности войти въ собраніе; жалованье данное депутатамъ, привлекшее разныхъ искателей фортуны не имѣвшихъ иныхъ ресурсов“...

Пріятель. Развѣ депутаты получали жалованье?

Авторъ. Прежде чѣмъ я встрѣтилъ это указаніе у Булье меня давно интересовалъ этотъ вопросъ. Нигдѣ у историковъ революціи мнѣ не случилось наткнуться на указаніе въ этомъ отношеніи. Не встрѣтилъ указанія и въ документахъ напечатанныхъ въ *Archives parlementaires*. Между тѣмъ вопросъ имѣетъ интересъ и странно что его обходятъ безо всякаго

важнѣиша. Припоминается только линокодежь отдѣльный пунктъ въ исторіи Карачаевъ. Мажосъ вознагражденіе ленокодежь было доукуватъ, а впервые употребилъ у Калоса въ его книгѣ *De l'état de la France* (Londres, 1790, стр. 48) при разборѣ бюджета 1789 года. Перечисляя увеличеніе издержекъ, онъ обозначаетъ: „2^о издержки національнаго собранія составляютъ новую статью расхода которую я полагаю много нѣмѣ чѣмъ какъ она есть нынѣ. Когда собраніе состояло изъ 1.200 членовъ, тѣмъ вознагражденіемъ, назначеннымъ по 18 лировъ съ дня, составляло до 22 тысячи ежедневно. Такъ какъ теперь число уменьшилось на третью, то издержка составитъ около 15 тысячъ лировъ ежедневно. Но такъ какъ въ десятидневіи будетъ только четыре мѣсяца заседаній при семи или восьми стахъ депутатахъ, то на этой статьѣ положу, присоединяя издержки на обнародованію декретовъ, печатанію, разсылкѣ и пр., всего 2.500.000 лировъ.“ Отсюда слѣдуетъ что депутаты получали въ продолженіе сессіи по 18 франковъ въ день суточныхъ денегъ, сумма которая для большинства депутатовъ составляла значительный доходъ. Французское представительство съ самаго начала было поставлено въ условія отличныя отъ англійскаго.

Но окончилъ перечисленіе Булье: „...выборъ Версаля мѣстомъ собранія; свобода предоставляемая англійскимъ землемъ помѣсть въ разныхъ провинціяхъ принимать участіе во всѣхъ выборахъ, передавая своимъ уполномоченнымъ (а легко пресичеши) всѣ права избирателей, какія могли бы сами; наконецъ недосмотръ который можетъ показаться мелочнымъ, но который повелъ къ важнымъ послѣдствіямъ, а именно что были построены только двѣ отдѣльныя залы—для духовенства и для дворянства, и не было отдѣльной залы для средняго сословія, такъ что въ его обладаніи осталась зала общихъ собраній, что и дало ему предлогъ приглашать другія сословія тамъ къ себѣ присоединиться.“ По описанію Мармонтеля одна эта зала была окружена галлерей для публички (*Mém.*, IV, 57).

Д р і а т е л ь. Припоминаю что Бааль (*Mém.*, I, 18), говоритъ о предварительныхъ собраніяхъ сословія въ Парижѣ и упоминаетъ что среднему сословію была предоставлена большая зала общихъ собраній, дваетъ точно такое же замѣчаніе. „Отмѣчаю, говорить онъ, это обстоятельство, такъ какъ

малая часть идетъ къ большому большинству и *тѣмъ* раз-
предѣленіе было *малѣе* *чрезвычайно* *благопріятно* *къ* *Ворилу*“.

Авторы Неккера, продолжая Мармонтелю, воображалъ
объ будущее собраніе „мирнымъ, внушительнымъ, торже-
ственнымъ, возвышеннымъ зрѣніемъ“ которымъ народъ
будетъ наслаждаться“. Онъ „не видѣлъ что надъ народомъ,
но припылая къ народу, была масса людей со страстями
темными и опасными, ожидавшими только соединитель-
наго фокуса чтобы открыться, возгорѣться и разразиться.
Онъ казалось не замѣчалъ что вѣчные зародыши загово-
решъ и раздорешъ суть—суестьность, гордость, зависть, же-
лание господствовать или по крайней мѣрѣ унижить тѣхъ
кого завистливые глаза усматривали выше себя, побужденія
и уроки еще болѣе гнусныя и наскіе, расчеты жадности,
искіе замыслы продажныхъ душъ. Кто умъ былъ полонъ
свидѣтенною идеей надъ вѣжной, любовной, великодушной“.

Пріятель. А какъ отнесаюсь парламены къ правитель-
ственнымъ рѣшеніямъ 27 декабря?

Авторъ. Поведеніе Парижскаго парламента въ эпоху
второго собранія потаблий было весьма замѣчательно. Мы
видѣли что въ концѣ сентября парламентъ высказался за
сохраненіе формъ 1614 года. Въ началѣ декабря состоялось
постановленіе совершенно иного характера. Теперь пар-
ламентъ требовалъ періодическаго возобновленія собранія
представителей, изложенія налоговъ не иначе какъ съ согла-
сія собранія, отгнѣм *lettres de cachet*, отъ ответственности ми-
нистровъ не только предъ собраніемъ представителей, но и
предъ парламентами. * личной свободы, законной свободы
ле чести, — словомъ, предлагалась дѣламъ либеральная про-
грамма.

Относительно казначейнаго вопроса объ удвоеніи предста-
вителей средняго сословія парламентъ высказался уклончиво,
но явно въ пользу стремленій считававшихся либеральными.
„Что касается относительнаго числа депутатовъ, то такъ какъ
оно не опредѣлено никакимъ закономъ и никакимъ постоян-
нымъ обычаемъ, то парламентъ не имѣетъ ни намѣренія, ни

* „La responsabilité des ministres: le droit des Etats Généraux
d'accuser et traduire devant les cours dans tous les cas intéressant
directement la nation entière sans préjudice des droits du procureur
général dans les mêmes cas“ (*Arch. parl.* I, 551).

невозможности сдѣлать тутъ какое-либо дополненіе. Парламентъ можетъ въ этомъ отношеніи только обратиться къ мудрости короля касательно тѣхъ какія надлежало принять дабы достигъ измѣненій какія могутъ указать разумъ, свобода, справедливость и общее желаніе“ (постановленіе 5 декабря 1788 года, *Arch. Parl.* I, 550). Этотъ удивительный поворотъ парламента маркизъ Буае объясняетъ слѣдующимъ образомъ (*Mém.*, 65): „Парламентъ раздѣлялся на двѣ партіи: старшіе желали переворота въ правительствѣ, который осуществилъ бы честолюбивые виды ихъ корпорацій, поудавъ верховную власть подѣлить съ нами законодательную часть. Молодые хотѣли общаго переворота который удовлетворялъ бы ихъ личное честолюбіе. Въ этомъ случаѣ послѣдніе получили верхъ надъ первыми и рѣшеніе 5 декабря было подготовлено въ клубѣ Бѣшеныхъ (*des Engagés*) который организовалъ въ этомъ году герцога Орлеанскаго... Во мѣсяцъ что постановленіе продиктовано было молодежью укрѣпилъ меня разговоръ какой я имѣлъ съ д'Оржессономъ, первымъ президентомъ Парижскаго парламента, мощъ сошедомъ по деревнѣ, однимъ изъ достойнѣйшихъ людей какихъ я только зналъ и который сохранялъ всю чистоту нравовъ старой магистратуры. Я спросилъ его чрезъ нѣсколько дней послѣ постановленія — какъ могъ парламентъ сдѣлать шагъ столь непослѣдовательный, неразумный и опасный. Онъ увѣрилъ меня что всѣ старшіе члены были отъ того въ отчаяніи, употребили всѣ силы чтобы воспротивиться рѣшенію, но были увлечены молодежью, горячею и многочисленною, господствовавшею въ засѣданіяхъ. Онъ приобобокуилъ что парламента теперь не что иное какъ демократическія общества управляемыя молодыми людьми.“

Наступилъ новый годъ. Курьеры развезли королевское рѣшеніе, административная машина приведена въ усиленную дѣятельность, циркуляры и разъясненія слѣдуютъ одинъ за другимъ. Начинаются выборы, составляются наказы, при полномъ невмѣшательствѣ правительства, свободѣ сходовъ и печати и сильномъ возбужденіи общественнаго энтузіазма. Революціонному классу, на который указываетъ Мармонтель, открывается широкое полрище дѣятельности... Въ городѣ Аррасѣ тридцатилѣтній адвокатъ Робеспьеръ, обращаась къ „артезианской націи“ (въ брошюрѣ *Adresse à la nation Artésienne*), въ пышныхъ выраженіяхъ изображаетъ качества

требуютъ отъ народаже представителя дабы быть действительнымъ выборомъ отъ которыхъ „Фрэнция предостоитъ или возвратиться, или погибнуть“. Даетъ даже понять, что имела она это лице обладающее этими качествами...

РАЗГОВОРЪ ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ.

Авторъ. Начались выборы въ члены собранія союзовыхъ представителей. Политическіе разговоры стали политическими дѣйствіями, отъ которыхъ зависѣла ближайшая участь страны. Всеобщность выборовъ должна была всю страну окватить политическою анжореткой, „до послѣдней шкатулки“ какъ говорилось въ королевской деклараціи, высказавшей желаніе чтобы правда дошла до престола изъ всякъхъ уголковъ государства. Къ участию въ выборахъ прямо или косвенно были призываны всѣ совершеннолѣтніе Французы; устроенъ только прислуга. Выборы, въ средѣ сословіи, раздѣлялись на два отдѣла: первичныя собранія выбирали избирателей; избиратели собравшись выбирали депутатовъ. На практикѣ оказалось явленіе обычное при выборахъ. Огромная масса имѣвшихъ право на участіе въ избраніяхъ уклонилась отъ исполненія предоставленнымъ правомъ, одни по равнодушію къ дѣлу, нѣкоторые изъ осторожности, предчувствуя что совѣщанія немедленно примутъ направление враждебное правительству. Такъ по крайней мѣрѣ надлежитъ, почитаемому, объяснить фактъ указываемый Бальи (*Mém.* I, 11). „Не равнодушію онъ, говоритъ онъ, или по недостатку въ дѣлѣ которое нѣкоторые могли считать неприятнымъ для правительства, не во всякомъ участкѣ (*district des Feuillans* въ Парижѣ) собраны на избирательное совѣщаніе. Могъ бы назвать одного который подоимъ явился самымъ горячимъ приверженцемъ свободы, самымъ дерзкимъ хулителемъ власти, но который между тѣмъ по тому или другому соображенію уклонился отъ присутствія на этомъ собраніи“. Люди чистые, но уже захваченные потокомъ политическаго честолюбія, какъ Бальи, чувствовали наслажденіе быть частіею верховной воли держащей въ рукахъ судьбу страны. „Когда я очутился, говоритъ Бальи (*Mém.* I, 11), среди собранія округа, мнѣ казалось что дышу новымъ воздухомъ. Такъ чудно было стать чѣмъ-то въ политическомъ строй и единственно въ качествѣ гражданина иац точнѣе

господства Парижя, ибо въ тѣ дни мы еще были *сороужане*, а не *буржуази* (*bourgeois et non citoyens*)". Люди пріобыкшіе говорить свободно, какъ адвокаты, захлебывались калтерерывъ своимъ красноречіемъ. Настоящіе честолюбцы, будущіе вожаки, хлопотливо интриговали чтобы показаться въ избиратели. Аббатъ Моранъ въ февралѣ 1789 участвовалъ въ начальныхъ собраніяхъ въ Шатонезѣ. Вотъ впечатлѣніе которое онъ вынесъ. „Я аккуратно, говоритъ онъ (*Mém. I, 361*), въ нихъ присутствовалъ и убѣдился, чего прежде не зналъ, что собранія эти, составленныя изъ того люда какой я тамъ видѣлъ, были рѣшительно недостойны порядку, здравому смыслу, правильности преній; словомъ, управиться съ нимъ было невозможно (*ingouvernables enfin*). Съ тѣхъ поръ я получалъ очень дурное мнѣніе о людскихъ собраніяхъ, которое потомъ только укрѣплялось и подтверждалось“.

Относительно того какъ происходили выборы въ Парижѣ есть два источника: весьма подробное и обстоятельное описаніе Бальи и описаніе Мармонтеля, принадлежавшихъ притомъ къ одному и тому же округу. Эти описанія, попопаясь взаимно, даютъ вѣрную картину первыхъ собраній.

Пріятель. Но исходъ выборовъ для Бальи и для Мармонтеля былъ весьма различенъ. Бальи былъ избранъ изъ первыхъ, Мармонтель не попалъ въ депутаты. Это должно отражаться въ сужденіяхъ.

Авторъ. Безъ сомнѣнія. Тѣмъ дороже сопоставленіе ихъ показаній, ни въ чемъ существенномъ не различающагося особенно по отношенію въ фактической сторонѣ дѣла. Оба люди политически чистые, весьма извѣстные, высокаго умственного развитія, таланта и крѣпкихъ нравственныхъ началъ. Прельщенія честолюбія мелькали предъ ихъ глазами особенно предъ глазами Бальи, оказавшагося весьма чувствительнымъ къ наслажденію популярностью; но отъ интриги оба были безконечно далеки. Что же было усмотрѣно ими? На начальномъ собраніи, имѣвшемъ задачей выбрать избирателей и составить первый наказъ отъ округа, оба были дѣятелями. Наказъ даже редактированъ Мармонтелемъ въ формѣ умѣренно либеральной. „Духъ этого перваго собранія, замѣчалъ Мармонтель, былъ благоразумный и умѣренный“. Трудилися цѣлыя сутки. Приходили многія депутація отъ дворянъ и отъ средняго класса. Бальи отмѣчаетъ это „солгасіе между гражданами“. „Это были, говоритъ онъ, какъ бы

братья расположившіеся въ добромъ согласіи' вознущать въ обладаніе наслѣдствомъ." Нѣсколько мнѣно оманута, что такого духа не оказалось потомъ въ Версали. Интрижки еще не выступили. Въ началѣ произошло отклоненіе, потомъ уладившееся. Дума для предѣлительства въ округѣ назначила своего делегата. Собраніе мнѣно, что предѣлать должно лицо по его выбору; и тогда же аккламаціей выбрало предѣлителя того же делегата, и онъ послѣ нѣкотораго колебанія согласился принять предѣлительство въ силу этого избранія, а не назначенія, въ удомствореніе точности различія потребованнаго собраніемъ.

Не такъ пошло дѣло, говорить Мармонтель, въ собраніи избирателей. Бѣльшая часть прібыла еще въ здоровомъ настроеніи. Но тутъ олустилась на насъ дѣлая туча амригановъ, привнесшая заразительное вліаніе какимъ она надманилась въ совѣщаніи Дюпора, одного изъ главныхъ парламентскихъ мутителей... Предыдущую зиму онъ открылъ какъ бы школу республиканизма, куда друзья его привлекали уши наибѣе экзальтированные или способные сдѣлаться таковыми. Я наблюдалъ этотъ разрядъ людей, толкущихся и шумящихъ, перебивающихъ рѣчь одинъ другаго, вострыми вѣдъ какъ бы выставиться, отарающихъ скорѣе записывать на слискѣ ораторовъ. Не много времени потребовалось чтобы усмотрѣть какое будетъ ихъ вліаніе. А перехода мыслию отъ частнаго примѣра къ общему наведенію, я убѣдился что такъ было во всѣхъ общинахъ: всюду тѣ же органы партіи смуты, —судейскій людъ знакомый съ шиканой и пріобыкшій говорить публично. Дознанная истина — никакой народъ не управляется самъ собою. Мнѣніе, воля собранной, болѣе или менѣе многочисленной, группы людей всегда, или почти всегда, есть не иное что какъ тоачокъ данный ей небольшимъ числомъ людей, иногда однимъ человекомъ, заставляющимъ ее думать и хотѣть, движущимъ ею и ее направляющимъ. У народа есть свои страсти, но страсти эти какъ бы спать, ожидая голоса который ихъ разбудить и раздражить. Ихъ сравниваютъ съ парусами корабля остающимися праздно повисшими пока не надуетъ ихъ вѣтеръ. Но кто не знаетъ что двигать страсти всегда была задачей краснорѣчія и трибуны; а у насъ судебная трибуна была единственною школою этого популярнаго краснорѣчія, и тѣ которые въ своихъ судебныхъ рѣчахъ привыкли дѣйствовать

дерзости, двилемію, воощащаніемъ, иже имъ большое преимущество предъ простыми смертными. Холодная строгость сужденія, языкъ солидный и мыслительный, но которому не достаетъ обаянія и легкости слова, всегда уступитъ пылкости обстрѣленного дѣлавателя. Вѣрнѣйшимъ средствомъ распространить въ странѣ революціонную доктрину было такимъ образомъ завербовать въ свою партію корпусъ адвокатовъ. И конечно не было легко. Республиканское по характеру, гордое и равнившее своею свободой, ослѣненное къ господству, всаждѣнію привычки держать въ своихъ рукахъ судьбу своихъ кліентовъ, распространенное по всему королевству, пользующееся уваженіемъ и довѣреніемъ общества, находившееся въ постоянныхъ сношеніяхъ со всеми классами, извѣрное въ искусствѣ дѣлать и декоратъ умъ,—сословіе адвокатовъ должно было имѣть необходимое вліяніе на толпу. Дѣйствуя, одна могучею силой красноречія, другіе шумною словъ одурачившихъ слабыхъ коловы, они господствовали въ общественныхъ собраніяхъ и управляли мнѣніемъ, выступая какъ бы мотивами народныхъ обидъ и защитники народныхъ правъ. Извѣстно какой интересъ питалъ этотъ корпусъ въ томъ чтобы преобразование стало революціей, монархія обращалась въ республику. Для него дѣло шло о томъ чтобы организовать свою безсмысленную аристократію (une aristocratie respectuelle). Людямъ честолюбивымъ улыбалось быть попользовательско—двигателями республиканскаго замысла, избранными и призванными къ государственной дѣятельности, законодателями страны, первыми ея самовниками, а затѣмъ и истинными властителями. И эта персонектива открывалась не только судейскому люду, но и всемъ классамъ образованныхъ гражданъ*...

Пріятель. Мнѣ кажется, по связи со слѣдующею фразой, надлежитъ перевести нашень терминомъ—„интеллигентному разночинству“.

Авторъ. Согласенъ... „и всему интеллигентному разночинству, въ средѣ котораго каждый имѣлъ настолько высокое мнѣніе о своихъ талантахъ чтобы питать тѣ же надежды съ тѣмъ же честолюбіемъ... Подъ неопредѣленнымъ, весьма прельсти-

* „Cette perspective était la même non seulement pour les gens de loi, mais pour toutes les classes de citoyens instruits, où chacun pressentait assez de ses talents pour avoir la même espérance avec la même ambition.“

тѣмъ же именованіемъ преобрѣтеніа окрасила революцію. Эта ошибка объясняетъ успѣхъ, почти всеобщій, дѣла который, выдвигая впередъ, подъ разными видами, честное, полезное, справедливое, приравнивалось ко всемъ характеристамъ и соглашалось съ жеманіа. Лучшие граждане считали себя въ опасеніи воли и намѣреній съ своими замышленными. Имъ воодушевленное желаніемъ славы и господства слѣдовали одному импульсу съ тѣми кѣмъ двигала низкая зависть или неволя страсть хищной и разбой. И изъ разнообразныхъ движеній этихъ выходилъ одинъ результатъ—рушеніе государства. Въ этомъ оправданіе очень многихъ считавшихся замышленными, но бывшихъ только заблудшимися.

„Что нѣсколько человекъ съ природою тигра дѣйствительно замыслили революцію въ томъ видѣ какъ она свершилась—это можно понять. Но чтобы французская нація и даже простой народъ, не бывшій еще развращеннымъ, дали свое согласіе на этотъ варварскій, нечестивый, святотѣствительный заговоръ—этого никто, полагаю, не осмѣлился утверждать. Должно, садоводельно, говорить что преступленіа революціи были преступленіями націи, и я далека отъ мыслей чтобы кто-нибудь изъ товарищей моихъ въ избирательномъ собраніи могъ сколько-нибудь ихъ предвидѣть. Я увѣренъ что группа адвокатовъ и судейскихъ, поддержанная кортежемъ честолюбивыхъ республиканцевъ жаждавшихъ, какъ и они, прославиться въ свѣтахъ свободнаго народа, прибыла къ намъ исполненная слѣпого энтузіазма къ общесвѣтному благу. Тарже, отличавшійся какъ адвокатъ и пользовавшійся впрочемъ у насъ хорошою репутациею, игралъ первую роль. Правительство прислало предсѣдатель въ нашия собранія гражданскаго магистрата (lieutenant civil). Это была ошибочная мѣра, которая не могла удержаться. Собраніе существовало свободное должно было имѣть предсѣдателя изъ своей среды и по выбору. Намѣстникъ съ достоинствомъ исполнилъ свое порученіе, и мы удивлялись его твердости и благоразумію. Но это было тщетно. Адвокатъ Тарже поддерживалъ прозивную сторону и за такую защиту правъ собранія былъ провозглашенъ его предсѣдателемъ. Боецъ, давно испытанный въ судебныхъ схваткахъ, вооруженный увѣренностію и дерзостію, снѣдаемый честолюбіемъ, окруженный свитой шумныхъ хлопальщиковъ, съ началъ вкрадываться въ умы въ качествѣ человека миролюбиваго, склоннаго къ соглашеніямъ. Но когда овладалъ

собраниемъ состоявшимся изъ представителей въ обществанныхъ дѣлахъ; онъ поддалъ голоду и отказъ держать себя съ выскокнѣрнѣмъ. Онъ диктовалъ мнѣ все вышето того чтобы, какъ требовала его должность, вѣрно излагать положеніе обсуждаемыхъ вопросовъ, собирать, резюмировать, выразить мнѣніе собранія. Наша обязанность не ограничивалась выборомъ депутатовъ; мы должны были крѣпко всего выдѣлать въ наказахъ наши желанія, жалобы, просьбы. Это давало поводъ къ новымъ декламациямъ. Непредѣленнымъ слова: равенство, свобода, верховенство народа, звучала въ нашихъ ушахъ. Каждый понималъ и излагалъ ихъ на-осмолу. Везде, въ постановленіяхъ полиціи, финансовыхъ распоряженіяхъ, во всей градации властей, на которыхъ покоилось общественный порядокъ и общественное спокойствіе,—не было ничего въ чемъ бы не усматривалась тираниа. Пришлись вали смѣшную важность самымъ мелкимъ подробностямъ. Ограничусь однимъ примѣромъ. Шавъ рѣчь о городской отнѣ и парижскихъ заставахъ выставившаяся какъ ограда свѣрой, оскорбительная для человека. „Я видѣлъ, говорить одинъ изъ ораторовъ, да, я видѣлъ, граждане, на заставѣ Св. Виктора, на одномъ изъ столбовъ, скульптурное изображеніе, повѣрите ли какое? Я видѣлъ огромную голову льва съ отвергнотю пастью, изрыгающаго дѣла коими онъ какъ бы грозилъ проходящимъ. Можно ли придумать болѣе страшную эмблему деспотизма и рабства.“ Ораторъ подражалъ даже рычанью льва. Аудитория была наваломована. А такъ какъ я очень часто проходилъ мимо заставы Св. Виктора, то дивился какъ не поразила меня такая ужасающая фигура. Въ тотъ же день, проходя мимо заставы, я обращалъ на нее особое вниманіе. И что же увидѣлъ? На пиластрѣ для украшенія былъ сдѣланъ щитъ повѣшенный на толстой дѣли, которую скульпторъ прикрѣпилъ къ небольшой львиной мордѣ, какъ бываетъ у дверныхъ молотковъ или у фонтанныхъ крановъ!

„Интрига также имѣла свои тайные коматеты, гдѣ севаскала съ себя всякое уваженіе къ нашимъ святѣйшимъ правамъ и священнѣйшимъ предметамъ. Не щадилась ни правы, ни религиозное почтеніе. По ученію Мирабо, рассматривались какъ несогласныя и несомнѣстныя политика и нравственность, религиозный духъ и духъ патриотическій, старыя предразсудки и новыя добродѣтели. Указывали что при единоличномъ правленіи королевская власть и тираниа, лживовеніе

и: работю, сила: и: дружественнѣ: раздѣленны между: себѣй. Напротивъ того, безумно: презумпциознась надежда и обѣщанія съ того момента какъ народъ войдетъ въ сферу права равенства и независимости. Казалось что тогда начнется управленіе людей изъ золотого вѣка. Народъ свободный, справедливый, мудрый, всегда вѣрный себѣ, всегда удачно выбирающій сполнѣ совѣтниковъ и министровъ, употребляющій своей силой и своего могущества, никогда не впадаетъ въ заблужденіе, никогда не будетъ обмануть, никогда не поддадетъ господству тѣхъ кому доверилъ власть, никогда не будетъ поработенъ ими. Его изволенія будутъ его законами, его законы оспавать его счастье. Хотя я былъ почти одинокъ и партія моя ослабѣвала ото дня ко дню въ избирательномъ собраніи, я не переставалъ твердить всѣмъ кто хотѣлъ меня слушать, какъ грубо и легко казался мнѣ этотъ способъ импониовать помощью безстыдныхъ декламаций. Мои правила были извѣстны и я не скрывалъ ихъ. Нашлись люди на ухо сообщавшіе—онъ де другъ министровъ, осыпавъ благодаріями короля. Выборы произошли. Я выбранъ не былъ, мнѣ предпочли аббата Сіеса. Я благодарилъ судьбу за мое исключеніе, ибо начиналъ предвидѣть что будетъ происходить въ національномъ собраніи. Мармонтель приводитъ нѣтъмъ свой разговоръ съ Шамфоромъ, на который мы уже обратили вниманіе:

О депутатствѣ Мармонтеля есть у Бальи любопытныя строки. 8 мая (когда національное собраніе уже открылось, но маркискіе депутаты еще не были выбраны) Тарже порбуцилъ собранію избирателей что правительство вопрекило появившійся первый номеръ журнала Мирабо *Journal des États Généraux*. Началось длинная пренія о дѣлѣ на обсужденіе котораго собраніе избирателей не имѣло никакого права. Рѣшено протестовать противъ распоряженія, не высказывая впрочемъ ни одобренія, ни порицанія журналу, но ссылаясь на „свободу печати требуемую всею Франціей“ и фактически,—прибавляетъ Бальи,—допущенную правительствомъ въ послѣднее время, когда „всѣческія писанія встрѣчали явную терпимость, и терпимость эта, продолжалась, стала дѣйствительною свободою“. Дворянство высказалось въ томъ же духѣ, прибавивъ что самый журналъ не одобряетъ. Духовенство признало что распоряженіе сдѣлано въ силу вѣстимыхъ законовъ и потому протесту не подлежаще. Бальи

замѣчаетъ что на законной почвѣ духовенство было право, но прибавляетъ что „постоятельные другъ дружку сславій было продиктовано силой авторитарности и общественной правдой“. Замѣчаніе не лишенное логичности. Въ эту эпоху слово законъ не сходило съ ума, но на дѣлѣ все было актомъ рѣшительнаго презирая. Я сказалъ, продолжаетъ Бааль, что рѣшеніе было принято единогласно. Это правда, но не исключеніемъ одного члена. Когда пошла на голоса, я замѣтилъ что не поднялся только г. Марконтель. Онъ сидѣлъ во второмъ ряду и следовательно былъ закрытъ тѣми которые поднялись. Я ничего не сказалъ. Но несмотря на видимое единогласіе, кто-то, безъ сомнѣнія изъ злой шутки, потребовалъ чтобы было также спрошено—кто не согласенъ, что тогда не всегда соблюдалось. Председатель долженъ былъ исполнить требованіе. Марконтель цѣлѣ мужество поднялся одинъ. Не будучи его мнѣнія, я удивился однако его твердости дѣлающей ему честь въ этомъ отношеніи. Но неудовольствіе какое онъ навлекъ на себя личностью своего мнѣнія заставило меня предвидѣть что депутатомъ онъ не будетъ.“

Бааль въ своихъ мемуарахъ подробно, но двумя, описываетъ что происходило въ собраніи избирателей. „Въ собраніи, говоритъ онъ, было два господствующіе класса: купцы и адвокаты... Относительно писателей и академиковъ я замѣтилъ въ собраніи нѣкоторое нерасположеніе... Купцы мало знали писателей, а адвокаты, которые могли ихъ оценить, были совершенно съ ними въ соперничествѣ. Оттого писатели и не выдвинулись. А имъ слѣдовало бы быть въ единеніи съ адвокатами. Писатели и адвокаты были самые свободные люди при старомъ порядкѣ... Но почему же такъ немногіе изъ писателей выдвинулись въ первый рядъ въ революціи?“ Не забудемъ что Бааль говорилъ о писателяхъ перворадянскихъ и о первыхъ рядахъ революціи. Явленіе объясняетъ онъ главнымъ образомъ философскою и простою осторожностью. „Многіе среди борьбы силъ могли имѣть обманчивую мудрость выжидать событій и не слышать признать новую и законную (?) власть. Такіе расчеты свойственны людямъ слабымъ, но у многихъ эта робость происходила изъ болѣе благороднаго источника. Философъ любить свободу, знаетъ достоинство человѣка, но прежде всего требуетъ чтобы миръ былъ вокругъ него; онъ желаетъ чтобы свѣтъ распространялся, человѣчество

использовало свои права, но безуспешно, безъ успѣха. Она считала потрясеній и насильственныхъ революцій.* Пришла въ „нѣскольکو побольше этого философскаго духа но извѣстнаго бы національному собранію“, своей соборенный образъ нѣкой Балли объясняетъ такъ: „Для меня, говорить оны, первый законъ былъ воля націи. Какъ только она была собрана я зналъ только ее верховную волю. На мощь мѣстѣхъ я былъ чело-вѣкомъ націи; а умѣлъ только повиноваться.“ Нѣтъ сомнѣній заложивъ въ цокрѣности этой челоуѣди. Первые успѣхи на аренѣ политической популярности,—для которой краеуголь-нымъ камнемъ послужилъ академическій отчетъ о печаль-номъ состояніи госпиталей, успѣхи, встрѣченныя съ олаве-ніемъ и робкою радостію, неожиданныя и омуто олаждаемыя увлекли мягкаго академика тронъ академія (Балли былъ чле-номъ Академіи Наукъ, Академіи Надуисей и Французской Ака-деміи). Помогала также значительно развитый инстинктъ вѣншей представительности и вкусъ ко внушительной тып-ности власти. Либровныхъ лакеевъ какихъ завелъ Балли бу-дучи потомъ меромъ Парижа не могли простить ему демо-кратическіе журналы. Въ запискахъ оны очень сомнѣветъ что депутаты не соблюдали формы, такъ что входившія въ собраніе „видѣлъ законодатель въ томъ же костюмѣ въ ка-комъ встрѣчалъ молодыхъ гулцовъ на улицахъ, нѣтъкомъ или въ оуби“ (модная двухколоска). Но разъ увлеченный по-токомъ, Балли въ дальнѣншей дѣятельности обнаруживалъ неуклонную преданность волѣ собранія, въ которомъ видѣлъ націю. Воля эта была для него нѣчто священное. Республи-канцемъ оны не былъ, и оскорбительно прѣвѣтствуя короля при въздѣ послѣ 3 октября въ Парижъ подъ eskortой пѣ-ныхъ бабъ и дикой черки, словами „народъ завоевалъ своего короля“, покренно думалъ что мирить монархическое начало съ началомъ народнаго верховенства. Жена Балли была про-кицательнѣе мужа. Когда будущій первый депутатъ Парижа сообщилъ ей о происходившемъ въ избирательномъ собраніи, „ся воображеніе рисовало перспективу будущихъ бѣдъ, и ча-стныхъ и общихъ бѣдъ,—гражданской войны. Она желала чтобъ я не вѣншивался въ эту междуособицу“. Рокъ увлекъ „до плшества робкаго“, по его выраженію, Балли, ко-лебавшагося между слокойствіемъ скромной доли и трѣвога-ми политической дѣятельности.

„ Балли смотрѣлъ на собраніе избирателей сквозь радужную

прямую, неослабленную уступку. Не в изъясненіи упрямства была неурядица, вызванная на этомъ первомъ представительномъ собраніи. На первомъ маломъ уполномоченіи „предели“ в самомъ разширенномъ отношеніи къ личной власти короля собственноручной. Даже уступчивый и самъ уже мѣлководливый Баази, рискуя выборомъ, нашедъ что въ первомъ параграфѣ закона выборами собраніе перешло мѣру, имѣя право представителя *свободныхъ*. Наказъ начинался, говорилъ Баази, „возвращеніемъ депутатамъ всякаго дѣйствія которое бы могло унизить достоинство свободныхъ гражданъ и думать пользоваться верховными правами (qui viennent exercer les droits souverains)“. Возвращеніе подражаемого главнымъ образомъ уважительный обычай, согласно которому прежде сословіе должно было обращаться къ королю на „контрактъ“. Вѣрный исторіи мѣлъ мыслить, говорилъ Баази, азамышавшихся, но съ умѣренностію, къ свободѣ, потому что рукопожатіе ото всего сердца уничтоженію этого обычая, а не одобрялъ эпитета *свободныхъ* не потому чтобы собранная нація не могла и не должна была пользоваться всеми правами верховенства (ses droits de souveraineté), но мѣлъ казалось что такое же заглавіе могла сдѣлать цѣлая нація, а не часть ея какую мы представляли собою. Мы не могли окрывать отъ себя что верховная власть доселѣ находилась въ другихъ рукахъ, и простоявшая надъ ними власть была налицо“ (*Mém.*, I, 35). Первый параграфъ пріемлъ въ такой редакціи: „предписываемъ нашимъ представителямъ безусловно не подчиняться ничему что могло бы оскорбить достоинство свободныхъ гражданъ и думать пользоваться верховными правами націи“.

Согласно королевскому регламенту на собраніи долженъ былъ предостать гражданскій намѣстникъ. Собраніе, какъ мы уже знаемъ изъ разказа Мармонтеля, немедленно за явилось что само должно избрать председателя и съ аккамаціей готово было выбрать того же намѣстника. Начались бесконечныя пренія будетъ ли онъ предостать въ качествѣ назначеннаго по регламенту или въ качествѣ свободно избраннаго. Кончилось тѣмъ что намѣстникъ удался. Ораторствовавшій Тарже былъ выбранъ председателемъ, Баази секретаремъ. При повѣркѣ полномочій въ послѣдствіи въ Национальномъ Собраніи отступленіе отъ регламента было замѣчено, но собраніе не сочло неправильности

это явное нарушение. Председатель и секретарь приехали приехать „надти и собрать“ испорченную рогачинскую. Начались зачатія, оконченія съ другими ослословиями, освещеніе наказа. Рѣшено требовать чтобы будущая Комитетудія начиналась объявленіемъ правъ человека. Составленъ проектъ объявленія, заключающій въ себѣ главныя изъ положеній нижеописанныхъ въ послѣдствіи „принципахъ 1789 года.“ Всѣ люди равны въ правахъ; законъ есть выраженіе общей воли; государственная власть облечена въ его исполненіе и т. д. Затѣмъ—основанія конституціи тѣ самыя которыя потомъ получили осуществленіе. Наказъ окончательнаго желаніемъ чтобы Бастилія была разрушена, площадь справедлива и на ней поставленъ монументъ—колонна благородной и простой архитектуры съ надписью: „Лудовику XVI возстановителю общественной свободы“ (à Louis XVI restaurateur de la Liberté publique). Подобныя желанія, чтобы былъ воздвигнутъ монументъ Лудовику XVI, были высказаны не въ Парижѣ только. Они встрѣчаются въ наказаніи Лиона, Марселя, Манты, въ Э (Aix),—всюду въ боѣе или менѣе восторженныхъ выраженіяхъ. Въ Мантѣ предлагается наименовать короля Лудовика XVI „Французомъ“ (surnommé le Français en consideration de tout ce que la France devra à ce prince magnanime. *Arch. parl.* III, 605). Городъ Лионъ требуетъ поставить „Лудовику XVI, возстановителю свободы и правъ націи, памятникъ который навѣки сохранилъ бы воспоминаніе о его благодарностяхъ и нашей благодарности“.

Пріятели. Такъ говорила революція о королѣ въ 1789 году. Могъ ли кто во Франціи предвидѣть что будетъ чрезъ четыре года говоритья официально въ вышемъ государственномъ учрежденіи о томъ же несчастномъ королѣ? Какая пропасть между этими словами и тѣмъ что произносилъ наприжѣрь съ трубы Конвента на позоръ своей страны и ея исторіи, слабодушный, не знавшій никакого красноречиваго удержка Камиль Демуленъ. „Для республиканца,—говорилъ этотъ рабъ краснаго словца, дорого потомъ полатившійся,—для республиканца всѣ люди равны. Я ошибаюсь. Вы знаете что есть одинъ человекъ на котораго истинный республиканецъ не можетъ смотрѣть какъ на человека. Въ немъ можетъ онъ видѣть, какъ Гомеръ или Катонъ (?), только двуногаго людоѣда (une bipède antropophage). Этотъ враждебный звѣрь есть король“ (*Oeuvres de C. Demoulin*, II, 95).

Авторъ. Въ первые дни собранія избирателей на уездъ Шарика происходилъ эпизодъ на которомъ слѣдуетъ остановиться съ некоторыми вниманіемъ. Мы многократно упоминали объ этомъ эпизодѣ въ нашей восьмой бесѣдѣ 27 апрѣля въ Сентъ-Антуанскомъ предикторіи была разграблена обштина фабрика Ревельдона, человека весьма уважаемаго, бывшаго избирателемъ вмѣстѣ съ Валль. Это было первое серьезное уличное движеніе, проба и прелюдія революціонныхъ дней. Для насъ событіе интересно чертами аналогіи съ недавними печальными эпизодами въ разныхъ городахъ—разграбленіемъ еврейскихъ лавокъ и жилищъ, аналогіи не въ смыслѣ революціонной прелюдіи, а въ томъ отношеніи какъ трудно бываетъ въ случаяхъ уличныхъ безпорядковъ раскрыть движущія нити. Сохранилось же мало показаній и описаній разгрома фабрики Ревельдона, о многомъ можно догадываться, но нити такъ и остались не прослѣженными. Дѣло очевидно было подстроено. Въ карманахъ некоторыхъ убитыхъ обервышей находили деньги, очевидно выдаваемые за участіе въ разгромѣ. Когда безпорядки подготавливались, коммунистскіе шпіоны сообщали (*Venezval Méth*, 354) что „видѣли людей возбуждавшихъ волненія и даже раздававшихъ деньги“. Несомнѣнно дѣло шло со стороны революціонной партіи, но отъ кого именно, съ какими ближайшими друзьями? Это, полагать надо, навсегда останется столь же не яснымъ какъ не ясны досель мотивы и нити нашего еврейскаго погрома. Есть еще черта охотства. Она отягчена Тудожомомъ (современникомъ — авторомъ исторіи революціи, членомъ Национальнаго Собранія). „Въ тогдѣ, говоритъ онъ, была замѣтна своего рода жюлиция, вмѣстѣ и варварская и безкорыстная. Явно было приказъ все жечь и разрушать; но кто осмѣливался утаскать, воровать, были тотчасъ забиваемы. Едва одѣтые, въ лохмотьяхъ, оборванцы приносили часы, дорогія вещи и бросали въ огонь, крича: „ничего не хотимъ уносить“. Очевидно что люди эти были не шире чѣмъ какъ преданные орудія тѣхъ кто ими управляли“. Фактическая часть событія особенно точно изложена Тэмомъ (II, 37) главнымъ образомъ на основаніи архивныхъ документовъ и показаній Безантала раслорядившагоса усматриваемъ волненія и сажого Ревельдона (послѣднее намечтано въ числѣ *pièces justificatives* при мемуарахъ Ферьера). Предъ событіемъ, въ столицу былъ значительный наплывъ „оторванной

сволочи? Которая, вместе съ туземномъ, среди низшаго класса, сильнаго умственного дегрегиваннаго хлѣба въ этотъ пещерный годъ, составила обильный материалъ для вербовки революціонныхъ шаекъ. Пущень былъ слухъ будто богатый фабрикантъ. Ревельдонъ въ избирательномъ собраніи своего округа „душно говорилъ“ о народѣ, оказалъ будто бы что панацеи су въ день допоздно чтобы прекормитьея работнику съ семьей. Это была чистая клевета; ничего даже подобнаго не говоритъ Ревельдонъ.

Пріятель. Не было бы кажется еособаго преступленія, еслибы и сказалъ.

Авторъ. У Ревельдона не было рабочаго получавшаго меньше двадцати латъ су; и въ 1788 году, сокративъ работы, онъ не отпустилъ ни одного рабочаго. Всѣ свидѣтельства въ его пользу. Онъ пощадному былъ жертвой шей-получной злобы. Броженіе среди черни обнаружилось въ воскресенье 26 апрѣля. Въ понедѣльникъ, день когда „опохмѣлялись“ (l'autre jour d'oisiveté et d'ivrognerie, по выраженію Тама) на улицахъ бродили толпы. Кудцы стали заирать лажу. Густая шайка съ дубинами шла по улицѣ Св. Северина посылая проклятія духовенству. Другая—тащила чучело изображавшее Ревельдона украшеннаго орденъ Св. Михаила (въ числѣ преступленій Ревельдона распускали что онъ долженъ получить отъ правительства эту награду). Чучело было сожжено на Гревской площади. Толпа направилась къ дому Ревельдона, но тамъ ужьли собрать стражу и толпа двинулась все разносить въ домъ одного пріятеля Ревельдона. Уговорилась только въ полночь. На другой день буйства продолжались цѣлый день. У Свѣтъ-Антуанскихъ воротъ останавливаются проходящихъ, спрашиваютъ за среднее ли они состояніе или за дворянское, заставляютъ дамы выходить изъ каретъ и кричать; да здравствуетъ среднее сословіе! Довутокъ повторялся со смысломъ и безъ смысла вечеромъ видѣе-оборванши просили милостыню—„скажитесь надъ бѣднымъ среднимъ сословіемъ“. Домъ Ревельдона разносили. Выламываютъ, описываютъ онъ, двери, снимаютъ ихъ, вырываютъ въ садъ, предаются неистовствамъ невообразимымъ. Въ трѣхъ мѣстахъ поджигаютъ и бросаютъ въ огонь дорогія вещи, затѣмъ мебель, провизію, бѣлье, экипажи, счеты. Когда ничего жечь, бросаются на внутреннія украшенія комнаты: ломаютъ двери, рамы, разбиваютъ въ куски или точіе въ дымъ

зеркала, отрываютъ мраморные наличники съ каминовъ, вырываютъ даже желѣзныя перила. Присоединяя низость къ бѣшенству, утааскиваютъ значительную часть моихъ денегъ“. Въ подвалахъ пьютъ что попало, опорожняють бутылки съ ланкомъ и кислотами. Нѣкоторые умирають въ конвульсiяхъ. Матажъ наконецъ прекращенъ военною силою. Убитыми и ранеными лега болѣе четырехсотъ человекъ. „Парижъ, говоритъ Безанваль, смотрѣлъ на меня какъ на избавителя. Я не могъ нигдѣ показаться чтобы не услышать похвалы и словъ благодарности. Не то въ Версалѣ. Никто не показалъ мнѣ малѣйшаго знака удовольствiя, никто даже слова не сказалъ о происшедшемъ.“

Относительно источника матажа Безанваль дѣлаетъ такое замѣчанiе: „это былъ взрывъ подготовленный враждебною рукой. Я думалъ что онъ идетъ изъ Англіи, ибо не рѣшался еще вполне подозрѣвать герцога Орлеанскаго“. Маркизь де-Ферьеръ прямо приписываетъ событіе эмиссарамъ герцога Орлеанскаго, приставшаго къ революціонной партіи. Что такое было общее мнѣніе при дворѣ уломиваетъ и Лакретьель (VII, 24). Тулониковъ (I, 38) приписываетъ дѣло „людямъ замышлявшимъ уже революцію“ и желавшимъ сдѣлать пробу. Балли, не имѣвшій, повидимому, точныхъ свидѣній о подробностяхъ происшествiя,—такъ какъ говоритъ: „я не слышалъ чтобы кто-нибудь погибъ въ столкновенiи“,—относительно происхожденiя событія замѣчаетъ: „я узналъ потомъ что возмущенiе это весьма вѣроятно было связано съ причинами тайными и общими и было предлюдей возмущенiй имѣвшихъ послѣдовать“. Со стороны революціонной партіи былъ лучше слухъ, распространившійся несмотря на явную нелѣпость, будто правительство нарочно, если не возбудило, то дало разгорѣться матажу чтобы имѣть поводъ къ утѣснительнымъ мѣрамъ и будто Безанвалемъ были недовольны зачѣмъ скоро потушилъ. Сохраналось письмо (помѣщено въ приложенiяхъ перваго тома мемуаровъ де-Ферьера 428), къ королю какого-то свидѣтеля событія пожелавшаго „защитить дѣло жалобнаго человечества (de l'humanité plaintive)“ гласящаго его устами“. „Не буду говорить вашему величеству, замѣчаетъ очевидецъ, о глухихъ слухахъ распространяющихся въ публикѣ, которые приписываютъ причину несчастнаго событія врагамъ общаго блага имѣющаго быть утвержденнымъ собраніемъ націи, ибо это затронетъ ихъ личныя интересы.

Воздержусь (?) повторять, какъ утверждаютъ, что ихъ преступными руками подкулена продажная шайка людей обуреваемых нищетой“. Письмо обвиняетъ власть въ бездѣйстви въ началѣ и въ суровости потомъ. „Какая картина! Я видѣлъ, государь, какъ окна болѣе двадцати домовъ были пронизаны пулями, земля обогрета кровью, трупы жертвъ борющихся со смертью въ послѣднемъ издыханіи. Жены плачутъ о мужьяхъ, дѣти жалостно зываютъ къ почившимъ родителямъ, цѣлыя семьи рыдаютъ, стѣнаютъ, вырываютъ волосы“. Письмо, свидѣтельствующее какъ старались представить дѣло съ революціонной стороны, оканчивается воззваніемъ къ Неккеру, еденственной опорѣ Франціи (seul soutien de la France).

П р и я т е л ь. Какое фальшивое изложеніа этого и другихъ революціонныхъ событій находимъ у Мишле! Трудно объяснить это однимъ увлеченіемъ. Развѣ допустимъ въ авторѣ такое сознаніе: я увлекаюсь и въ качествѣ увлекающагося мнѣ позволительно изображать факты въ ложномъ освѣщеніи. По изображенію Мишле, правительство развернуло внушительную силу, помышляя какъ бы пресѣчь движеніе. „Парижъ былъ (I, 9) наполненъ войсками, улицы патрулями; мѣста выборовъ окружены солдатами. Ружья заряжались на улицахъ предъ толпой. Въ виду этихъ тщетныхъ оказательствъ избиратели были тверды. Едва собравшись, они смѣстили председателей данныхъ имъ королей. Важная мѣра, первый актъ національнаго верховенства. Его надлежало завоевать и основать право. Въ правѣ какая гарантіа, какая серьезная реформа!“ Это говорится о томъ времени когда не было тѣмъ угрожающихъ дѣйстви со стороны правительства, не требовалось никакого мужества со стороны избирателей: дѣлали совершенно что хотѣли; когда по свидѣтельству Камилла Демулена (мы приводили это свидѣтельство) „полиція была парализована во всѣхъ членахъ, патриоты одни поднимали голосъ“. Актъ произвола выставляется какимъ-то основаніемъ права. Далѣе Мишле описываетъ будто бы въ то время когда собранные избиратели занимались составленіемъ для наказа объявленія о правахъ человека (не точно: собраніе занималось этимъ не 27 апрѣля, а позже) „страшный шумъ прервалъ занятія. Толпа въ лохмотьяхъ явилась, требуя головы одного изъ членовъ собранія, избирателя Ревальона“. Ничего этого не было, какъ видимъ изъ мемуаровъ Бальи, гдѣ описаны всѣ подробности засѣданій. Никакой толпы въ собраніе не являлось. Разграбленіе было 28 апрѣля, когда избиратели не

собирались, а 27, при первыхъ попыткахъ, Ревельдонъ отсутствовалъ въ собраніи, тѣмъ не менѣе сохранившемъ его въ числѣ комиссаровъ для составленія наказа.

И Мишле дивится бездѣятельности властей; замѣчаетъ что если бы мятежъ распространился „все бы перевернулось; дворъ имѣлъ бы прекрасный предлогъ стянуть армию къ Парижу и Версаю (за границу Парижъ былъ уже наполненъ войсками) и прямой поводъ отложить собраніе представителей“. А между тѣмъ собраніе избирателей по свидѣтельству Бауи (I, 16) обвиняло правительство зачѣмъ торопится созывомъ на 4 мая, дѣлаетъ де это нарочно чтобы „лишить Парижъ выгоды какую мы можемъ извлечь изъ своего представительства.“ „Кто хотѣлъ, спрашиваетъ Мишле, замѣдлить собраніе представителей, кто находилъ нужнымъ устранить избирателей, кто имѣлъ выгоду отъ мятежа? Одинъ дворъ, надо сознаться. Дѣло было такъ для него кстати что можно подумать оны его и устроилъ. Впрочемъ болѣе вѣроятно что не оны началъ, но видѣлъ съ удовольствіемъ, ничего не сдѣлавъ къ прекращенію и сожалѣлъ что дѣло кончилось“. Это завѣдомо фальшивое заключеніе въ духѣ того что въ эпоху событія расслухалось врагами правительства историкомъ вытиснуто изъ того обстоятельства что при дворѣ холодно встрѣтили Безанвала—зачѣмъ употребилъ рѣшительныя мѣры. Между тѣмъ какъ понятна эта встрѣча! Въ дѣлѣ несравненно болѣе обширномъ и важномъ, развѣ у насъ усмиритель мятежа 1863 года, графъ Муравьевъ, не былъ встрѣченъ подобнымъ образомъ во вліятельныхъ весьма сферахъ? Риторическое письмо сентиментальнаго гражданина къ королю, о которомъ ты уломянулъ, сѣтуетъ зачѣмъ военный начальникъ не обратился къ грабителямъ съ рѣчью, а употребилъ силу. Самое было бы время произносить рѣчи! Не упустилъ бы случая посягнуть и Мишле, но это не подходило подъ его систему изложенія. И о крутости мѣръ Безанвала и даже о значительности числа убитыхъ оны умалчиваетъ. Вотъ какъ пишется исторія!

А вторъ. Парижскіе выборы могутъ дать понятіе и о томъ что вообще происходило въ непривилегированныхъ провинціяхъ (раус d'élection). Въ привилегированныхъ явленія были своеобразны. Въ Дофинѣ выборы были въ духѣ новыхъ идей. Въ Бретани привилегированные классы оказали сопротивленіе правительственнымъ мѣрамъ и дѣло дошло до между-

уособныхъ столкновений. 30 декабря, когда сословные чины собрались въ Реннѣ, депутаты средняго сословія объявляли что примуть участіе въ засѣданіи не прежде какъ будутъ удовлетворены ихъ требованія: отмена всякихъ привилегій по отношенію къ налогамъ, право средняго сословія самому избирать представителей (они назначались мерами) и увеличеніе ихъ числа. Отказъ былъ доведенъ до свѣдѣнія правительства. Послѣдовало заключеніе королевскаго совѣта призвавшее отказъ незаконнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ отсрочившее открытіе мѣстнаго собранія. Это было принято какъ торжество партіи враждебной привилегированнымъ сословіямъ. Были шумныя оборота съ восторженными криками: „да здравствуетъ король“; закигались шлюминаціи. Дворянство рѣшило не расходиться, и чтобъ оправдать свой образъ дѣйствій выдало декларацію въ которой разъясняло свою готовность на всякое уравниеніе податей и обвиняло представителей средняго сословія въ затажкѣ засѣданій, имѣвшихъ де цѣлью облегчить народныя нужды. Декларация была переведена на мѣстные говоры и распространяема въ деревняхъ. Эта декларация послужила ближайшимъ поводомъ къ междуособнымъ столкновеніямъ. Въ виду явнаго поощренія правительства притязаніямъ заявлявшимся отъ имени средняго сословія, партіи которую можно назвать революціонною удалось возбудить сильную агитацію противъ дворянства. Для насъ весьма любопытно что орудіемъ агитаціи въ этомъ случаѣ явилась „учащаяся молодежь“. Это явленіе, ставшее у насъ съ шестидесятихъ годовъ обыкновеннымъ, во Франціи въ ту эпоху было довольно исключительнымъ. Кромѣ Бретани мнѣ не случалось встрѣтить указаній на участіе школьнаго міра въ области политической агитаціи. Но здѣсь образовались многочисленные кружки изъ студентовъ юридическаго и медицинскаго факультетовъ; къ нимъ присоединилась младшая часть судейскаго персонала—клерки прокуроровъ и т. д. Эти группы собирались въ Реннѣ, въ Нантѣ и другихъ городахъ, посылали взаимныя депутаціи, печатали свои адреса въ которыхъ благодарили короля и его министра за „благодарность къ новымъ мѣрѣніямъ“ (Randot, 376); посылали депутаціи къ мѣстнымъ правительственнымъ лицамъ: депутаціи принимались благосклонно. Послѣ дворянской деклараціи, до шестисотъ молодыхъ людей юрѣшили давленіемъ силы привудить непокладистое дворянство къ уступкамъ. Замѣчательно что беспорные предста-

вители „народа“, лавочники, мѣстные торговцы, рабочіе оказались, какъ и крестьяне по деревнямъ, на сторонѣ дворянства съ которыми были тѣсно связаны ихъ матеріальные интересы. Произошли кровавыя столкновенія. Въ *Archives parlementaires* (I, 522) есть любопытный документъ: *Достоверная реляція о томъ что произошло въ Реннѣ 26, 27 и въ слѣдующіе дни января мѣсяца 1789 года (Relation authentique de ce qui c'est passé à Rennes les 26, 27 et jours suivans du mois de janvier 1789)*. Документъ этотъ изъ лагеря „молодежи“, явно пристрастно излагающій событія, тѣмъ не менѣе позволяетъ, если отнестись къ нему критически, составить нѣкоторое понятіе о томъ что происходило и характеристиченъ нѣкоторыми подробностями. „Реляція“ обвиняетъ прежде всего дворянство не разошедшееся послѣ предписанной королевскимъ совѣтомъ отсрочки засѣданій, въ „неповиновеніи, мятежѣ противъ самаго законнаго права монарха“; въ „скандальномъ протестѣ противъ заключенія совѣта 27 декабря 1788 года, за которое вся Франція благословила короля и Неккеръ сдѣлаася предметомъ удивленія всей Европы“, и наконецъ въ изданіи возмутительной деклараціи. Возмущенные этимъ „молодые граждане Ренна, разказываются въ документѣ, въ соединеніи съ небольшимъ (?) числомъ студентовъ юридическаго факультета, находящихся въ этомъ городѣ, обнародовали со своей стороны печатную декларацію чтобы опровергнуть по личнымъ своимъ свѣдѣніямъ ложныя показанія вѣроломнаго писанія и представили ее муниципальному собранію и графу Тиару“. Объявленіе это раздражило дворянъ.

Продолжимъ описаніе какъ оно изложено въ реляціи. „Дворяне, не будучи въ состояніи поднять противъ народа самый народъ употребляютъ усилія поднять своихъ лакеевъ.“ Разбрасывая деньги, собираютъ подписки, давая по двадцати су за подпись, уговариваютъ рабочихъ, плотниковъ и другихъ собраться на Монмореновомъ полѣ. Собравшуюся толпу спрашиваютъ желаетъ ли чтобы была измѣнена мѣстная конституція составляющая де ея счастье. Кричатъ что надо ее хравить и ходатайствовать объ уменьшеніи цѣны на хлѣбъ „Пьютъ, орутъ и возвращаясь въ городъ кричатъ: мы за дворянство, будемъ драться за наши деньги.“ *Лакей* есть ихъ лозунгъ; военный крикъ: „бей крѣпче, заработашь шесть франковъ.“ Шайка полульняныхъ лакеевъ съ палками и дубинами

нападаетъ на кофейную служащую обычнымъ мѣстомъ свидѣнiя молодежи; шесть молодыхъ людей избиты. И не только молодые люди, но „даже женатые, отцы семействъ, наконецъ всякiй кто, не будучи студентомъ правъ и очень молодымъ, сохранялъ нѣкоторый видъ молодости, поражаются палками и камнями“. На другой день послѣ побоища многiе молодые люди запасаются оружиемъ. Послѣ обѣда въ кофейную, гдѣ собралось человѣкъ до тридцати молодежи, прибѣгаетъ блѣдный, окровавленный человѣкъ на котораго напали дворянскiе лакеи. Негодование наполняетъ сердца, „молодые люди становятся страшными“, идутъ къ монастырю гдѣ происходило собранiе дворянства, требуютъ чтобы вышла два члена-устроителя народнаго собранiя на Монморезовомъ полѣ. Идутъ переговоры. Отрядъ городской стражи остается зрителемъ. Нѣкоторые неудержимые дворяне восклицаютъ что нечего разговаривать и съ пистолетами бросаются на молодежь. Тѣ отвѣчаютъ выстрѣлами. Волненiе распространяется въ народѣ. Идетъ побоище и употребляется въ дѣло огнестрѣльное оружiе. Дворяне дѣйствуютъ двустолками. Одна дама высшего круга (*une femme de condition*) стоитъ у своихъ оконъ съ двумя пистолетами въ рукахъ и кричитъ: „не студентъ ли это идетъ?“ Поведенiе парламента на разслѣдовавшаго дѣла возмутительно. 30 января на призывъ Ренвокаго студенчества прибыла масса молодыхъ людей изъ Нанта. Лозунгомъ было: „да здраствуетъ король, да здраствуетъ графъ Тиаръ!“. „Насъ здѣсь, сказано въ концѣ реляцiи, до девяти сотъ молодыхъ людей изъ Нанта и шесть сотъ остальныхъ. Насъ здѣсь обожаютъ“.

Вотъ краткое содержанiе документа. За устраненiемъ явно фальшиваго освѣщенiя, изъ него во всякомъ случаѣ явствуетъ что правительство сквозь пальцы смотрѣло на безпорядки и своимъ образомъ дѣйствiй поощряло партiю противную дворянству, въ свою очередь нашедшему защиту въ мѣстномъ низшемъ торговомъ и рабочемъ классѣ, названномъ въ документѣ *лакаями*, чтобъ обозначить что это были будто бы люди не изъ народа, хотя на самомъ дѣлѣ настоящихъ лакеевъ, очевидно, не могло быть большое число. Нападала по всей видимости молодежь, она же и наиболѣе, повидимому, пострадала. Адвокаты привяли сторону студентовъ и составили мемуаръ на имя короля (*Arch. parl.* I, 528), въ которомъ

говорили между прочимъ: „государь, мы были очевидцами этого преступнаго сборища лакеевъ и дворянковъ (porte-chaises) находящихся въ услуженіи у дворянъ и судейскихъ сановниковъ“. Жаловались на парламентъ подвергающей дѣло по ихъ мнѣнію пристрастному разслѣдованію. Реннскій университетъ въ свою очередь свидѣтельствовалъ что учащіеся въ немъ не были нападающими въ столкновеніи 26 и 27 января „хотя ихъ и другихъ молодыхъ людей и стараются оклеветать предъ королемъ и его министрами“. Представленіе въ пользу молодыхъ людей было сдѣлаво также отъ имени средняго сословія нѣкоторыми его представителями. Наконецъ, въ *Archives parl.* (I, 531) помѣщенъ куріозный протестъ „матерей, сестеръ, жезъ и возлюбленныхъ молодыхъ гражданъ города Анжера отъ 6 февраля 1789 года“. „Молодые граждане“ собирались повидимому, подобно Нантской молодежи, отправиться въ Реннъ на помощь. Протестъ именуется *Assemblée et arrêté des mères, soeurs, épouses et amantes des jeunes citoyens d'Angers* и гласитъ: „Мы матери, сестры, супруги и возлюбленная молодыхъ гражданъ города Анжера, собравшіяся въ экстра-ординарное собраніе, по прочтеніи постановленій всѣхъ господъ молодежи (de tous messieurs de la jeunesse) и проч., объявляемъ что если безпорядки возобновятся и въ случаѣ отбытія, въ виду соединенія за общее дѣло всѣхъ разрядовъ гражданъ, мы присоединимся къ націи, интересы коей суть наши интересы, и примемъ на себя, такъ какъ сила не нашъ удѣлъ, заботы о богатствѣ, провизіи, приготовленіи къ отбытію и всяческія заботы, утѣшенія, услуги, сколько отъ насъ будетъ зависѣть. Протестуемъ противъ всякаго обвиненія въ намѣреніи удалиться отъ уваженія и повиновенія какими мы обязаны по отношенію къ королю; но заявляемъ что скорѣе погибнемъ чѣмъ оставимъ нашихъ возлюбленныхъ (nos amants), нашихъ супруговъ, нашихъ дѣтей и братьевъ, предпочитая безопасности постыднаго бездѣйствія сдаву раздѣлить съ ними опасность“.

Что касается образа дѣйствія правительства, то вотъ какъ свидѣтельствуетъ о томъ маркизъ Булье (*Mém* 71). „Въ январѣ 1789 въ Бретани произошли великіе безпорядки, источникъ которыхъ былъ совершенно противоположенъ прежнимъ, возбуждавшимся дворянствомъ и парламентомъ. Въ этотъ разъ буржуазія многихъ большихъ городовъ соединилась въ Реннѣ, вооружилась и повела открытую войну противъ

дворянства, съѣхавшагося на собраніе и отъ котораго уже отдѣлились члены средняго сословія. Дворянство было въ продолженіе тридцати шести часовъ осаждено въ его залахъ, затѣмъ подверглось оскорбленіямъ, побоямъ, многіе дворяне были убиты. Начальникъ провинціи, хотя въ Реннѣ и въ Бретани вообще была значительная военная сила, оставался во время безпорядковъ въ бездѣйствіи и не принялъ никакихъ мѣръ къ ихъ прекращенію, хотя баталіонъ гражданъ съ пушками и фурами открыто двигался отъ окраинъ провинціи къ Ренну. По этому поводу я выразилъ г. Момморену (министру иностранныхъ дѣлъ) мое удивленіе что правительство не прекращаетъ безпорядковъ... Онъ, къ моему изумленію, отвѣтилъ: „король слишкомъ недоволенъ Бретонскимъ дворянствомъ и парламентомъ чтобы защищать ихъ отъ буржуазіи, справедливо раздраженной ихъ наглостью и оскорбленіями. Пусть раздѣляются сами, правительство не вмѣшается“. Я отвѣтилъ ему: „есабы дѣло шло о томъ чтобы наказать эти корпораціи, наказанія заслуживающія, вы были бы правы. Но наказанія ихъ принадлежатъ королю. А выдавая ихъ мщенію ихъ враговъ и солтерниковъ, даже какъ бы поддерживая этихъ послѣднихъ,—такъ должны мы думать,—вы причините великія неурядицы и зажете пожаръ, который не въ состояніи будете потушить“.—Тогда, отвѣтилъ онъ, если зло разрастется, „пошлюте маршала де Броль (de Broglie) или вѣсь что бы вы становить порядокъ“.—„Ну, не было бы поздно, воскликнулъ я... Момморенъ былъ только органъ Неккера.“

Нелокладистое Бретонское дворянство кончило тѣмъ что отказалось послать депутатовъ въ Національсе Собраніе.

Кромѣ Бретани крупными явленіями ознаменовались выборы въ Провансъ. Здѣсь выступилъ Мирабо, страстно домогавшійся избранія въ Національное Собраніе. Репутація безвѣрности и таланта и высказанная враждебность къ интересамъ привилегированныхъ классовъ дѣлали невозможнымъ его избраніе въ средѣ дворянства. На непосредственный выборъ въ средѣ средняго сословія онъ мало разчитывалъ, имѣя самое невысокое мнѣніе о силѣ и политическомъ смыслѣ этого сословія. „Среднее сословіе (le tiers), пишетъ онъ 21 января 1789 г. (*Mém. V, 247; lettre à M. de Comps*), не имѣетъ ни плана, ни свѣдѣній. Съ ожесточеніемъ держится за гаупости, въ которыхъ неправо и подло уступаетъ въ важнѣйшихъ пунктахъ, въ которыхъ

право. Что за глупыя дѣти люди!" Въ другомъ письмѣ отъ 26 января: „тщетно стараюсь сплотить среднее; вольныя рабы болѣе дѣлають тирановъ чѣмъ сколько тираны дѣлають рабовъ. Никто такъ не вредитъ народу какъ онъ самъ“. Мирабо прижалъ такой планъ. Онъ въ средѣ дворянскаго собранія явился защитникомъ правъ средняго класса, обвинителемъ привилегій, народнымъ трибуномъ, гашатаемъ желаній націи и употреблялъ велическія усилія чтобы одѣлать привагую на себя роль повсюду гласною, имя свое раздающимъ во всѣхъ ушахъ. Онъ бросился въ эту агитацию со всею энергіей неудержимаго характера и со всею силою великаго ораторскаго таланта. Днемъ произносилъ свои рѣчи, ночью писалъ ихъ для печати и составлялъ брошюры. Наиболѣе впечатлѣнія произвелъ его печатный *Отвѣтъ на протестъ противъ рѣчи графа Мирабо о представительствѣ народа*. Въ этомъ отвѣтѣ находятся знаменитыя строки: „во всѣхъ странахъ, во всѣ времена аристократія неумолимо преслѣдовала друзей народа. И если по какому-либо невѣдомому устройенію судьбы таковой являлась въ ея средѣ, на него въ особенности направляла она свои удары, каждая выборомъ жертвы внушить ужасъ. Такъ погибъ послѣдній изъ Гракховъ. Но пораженный смертельнымъ ударомъ онъ бросилъ горсть пыли къ небу призывая боговъ-мстителей. Изъ этой пыли родилась Марій, Марій менѣе великій истребленіемъ Кимвровъ чѣмъ пораженіемъ аристократіи въ Римъ“. Усилія Мирабо увѣчались услѣнкомъ. „Головы лекомыя солнцемъ Прованса“, какъ выражался онъ о своихъ соотечественникахъ (*Mém., V, 246*), разогрѣлись до небывалаго энтузіазма. Когда, послѣ кратковременной поѣздки изъ Марселя въ Парижъ, повиданному за денежными средствами (какъ будто безъ его вѣдома были издаваемы *Письма изъ Берлина, Correspondances de Berlin*, заключавшія секретныя донесенія Мирабо о Берлинскомъ дворѣ и изданіе имѣло большой услѣхъ скандала), Мирабо возвращался назадъ, въ городѣ Ламбекѣ его встрѣтили съ поздравленіемъ цѣлыя городской думы (*Mém., V, 272*). „Тысячи людей; мушеры, женщины, дѣти, духовные, солдаты, люди въ орденѣхъ всѣ кричали: да здравствуетъ графъ Мирабо, да здравствуетъ отецъ отечества!... Хотѣли распречь карету.—Друзья, сказалъ онъ,—люди созданы не для того чтобы носить на себѣ людей въ

и такъ слѣшкомъ ихъ на себѣ несете!..“ Тѣ же озаціи въ другихъ городахъ. О выгнѣдѣ изъ Марсеа самъ Мирабо писалъ 21 марта графу Караману, начальнику провинціи (писъмо было напечатано): „Вообразите сто тысячъ человекъ на улицахъ Марсеа; весь городъ стоить рабочій и коммерческій терпящій дѣнь; окна нажимаемы за луидоръ и за два; лошади также; коляску человека, вся заслуга котораго, что послужилъ дѣлу справедливости, покрытую пальмовыми, лавровыми, масличными вѣтвями; народъ дѣвующій колеса, жемчужныя протагивающихъ своихъ дѣтей; сто тысячъ голосовъ отъ матроса до миллионера (*depuis le mousse jusqu'au millionnaire*) восклицающихъ: да здравствуетъ король; четыреста или пятьсотъ отборныхъ молодыхъ людей предшествующихъ мнѣ, триста каретъ за мною слѣдующихъ—и вы получите понятіе о моемъ выгнѣдѣ изъ Марсеа.“ По слову Мирабо подымаются и улетаются народныя волны. Общественное возбужденіе породило безпорядки по поводу дороговизны хлѣба. Начальникъ провинціи обратился къ содѣйствию Мирабо и писалъ ему 20 марта: „Вы слѣшкомъ любите порядокъ чтобы не уразумѣть послѣдствій многолюдныхъ сборищъ въ минуту когда царствуетъ, не знаю по какому поводу, прискорбное броженіе. Вы не можете дать большаго доказательства любви къ королю и къ счастью королевства, какъ успокоивъ умы, кои должны бы видѣть въ собраніи сословныхъ представителей единственную основу національнаго блага.“ Мирабо издалъ родъ манифеста къ народу. „Добрые друзья мои, писалъ онъ (*Mém., V, 411: Avis de Mirabeau au peuple de Marseille, 25 mars 1789*), я хочу сказать вамъ что думаю о происшедшемъ въ послѣдніе дни въ вашемъ прекрасномъ городѣ. Выслушайте меня; я имѣю одно желаніе—быть вамъ полезнымъ; я не хочу васъ обманывать... Вы жалуетесь на многія вещи. Знаю. Ну, такъ вотъ, чтобы исправить то на что вы жалуетесь, вашъ добрый король и созываетъ собраніе въ Версаля на 27 число будущаго мѣсяца. Но нельзя все сдѣлать заразъ. Вы жалуетесь главное на двѣ вещи—дороговизну хлѣба и говядины. Займемся, во первыхъ, хлѣбомъ. Хлѣбъ есть существовавшее. Относительно хлѣба, если мы благоразумны, будемъ имѣть надлежащее терпѣніе. Нельзя тотчасъ передѣлать все что слѣдуетъ передѣлать. Иначе мы были бы не люди, а ангелы...“ И такъ далѣе въ томъ же поучительномъ тогѣ.

Обращеніе оканчивается новымъ упоминаніемъ о „добромъ королѣ“. „Да, друзья, всюду скажутъ: Марсельцы хорошій народъ. Король узнаетъ объ этомъ, добрый король, котораго не надо огорчать, котораго мы не перестанемъ призывать. Онъ насъ за это еще болѣе будетъ любить и цѣнить. Можемъ ли отказаться отъ удовольствіа какое ему доставимъ въ то время когда онъ именно озабоченъ самыми насущными нашими интересами. Можемъ ли безъ слезъ подумать о минутахъ счастья какимъ онъ намъ будетъ обязанъ“.

Вотъ какимъ языкомъ надо еще было говорить въ 1789 году чтобы приобрести популярность въ массахъ. И какъ скоро все перемѣнилось!

Наконецъ выборы по провинціямъ кончились. Депутаты направлялись въ столицу. На кого надо народное избраніе, изъ какихъ элементовъ составила палата—мы уже имѣли случай говорить.

РАЗГОВОРЪ ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

Авторъ. Согласно древнему обычаю и королевскому регламенту отъ 24 января 1789 года, избиратели каждаго округа пословно составляли *наказы* своимъ выборнымъ, носившіе названіе *sahiers de doléances*, тетради печалованій. Распространивъ избирательное право почти до предѣловъ всеобщей подачи голосовъ, король въ своемъ регламентѣ высказываетъ желаніе „чтобы каждый, ото всѣхъ концовъ государства, отъ обиталищъ наименѣе извѣстныхъ, могъ быть увѣренъ въ возможности довести до его величества свои желанія и требованія.“ Онъ надѣется что „помощію послѣдовательныхъ собраній“ (*assemblées graduellés*—первыя общія собранія выбираютъ избирателей, избиратели выбираютъ представителей) предписанныхъ для ореднаго сословія по всей Франціи, онъ „войдетъ въ нѣкоторый родъ сношенія со всѣми обитателями своего государства и сблизится болѣе точно и непосредственно съ ихъ нуждами, желаніями“. (*Arch. Parl. I, 544*). Эти *наказы* (далеко притомъ не всѣ) въ *Парламентскомъ Архивѣ* (*Archives parlementaires*) занимаютъ болѣе пяти обширныхъ томовъ, по восьмисотъ почти страницъ каждый, мелкой печати, въ двѣ колонны.

Пріятедь. Какой это долженъ быть богатый матеріалъ

для сужденія о состояніи Франціи при наступленіи революціи.

Авторъ. Матеріалъ интересный, но далеко не такъ богатый какъ можно бы ожидать по теоріи. Наказы должны были служить свободнымъ выраженіемъ желаній страны, быть истиннымъ, официальную силу имѣющимъ выраженіемъ общественнаго мнѣнія и освѣтить положеніе дѣла. Не совсѣмъ такъ вышло на практикѣ. Не отрицаю впрочемъ существенной важности наказовъ для изученія государственнаго и общественнаго строенія Франціи стараго порядка. Говорю только что матеріалъ этотъ не такъ разнообразенъ и характеристиченъ какъ можно бы было ожидать. Какія общія впечатлѣнія выносятся изъ утомительнаго, надо признать, чтенія наказовъ? На одно указалъ, если не ошибаюсь, Токвиль. Онъ отмѣчалъ все что указывалось въ наказахъ какъ подлежащее уничтоженію или измѣненію и пришелъ въ ужасъ видя что въ старомъ зданіи не осталось камня который не предназначался бы къ сломкѣ. Фактъ справедливъ, но едва ли можетъ вмѣшать особое изумленіе. Правительство настойчиво требовало указать на измѣненія, объявивъ что предпринимаетъ цѣлое *возрожденіе* страны. Чего иного, кромѣ обреченія существующаго на сломъ, можно было ждать отъ совокупной массы присланныхъ отвѣтовъ? Для меня живѣе другое впечатлѣніе. Эта масса печалованій есть яркое свидѣтельство стадныхъ свойствъ людей соединяемыхъ въ группы. Коллективная единица есть сила способная произвести дѣйствіе, но не организмъ въ полнотѣ его жизни. Было бы всего ошибочнѣе думать что заключеніе тѣмъ истиннѣе чѣмъ болѣе умовъ въ немъ участвовало. Все творческое есть личное. Масса заявленій заключающихся въ наказахъ имѣеть по отношенію къ главнымъ пунктамъ характеръ алгебраическихъ формулъ заготовленныхъ для собраній, которымъ оставалось только дать буквамъ болѣе частное значеніе, а то и просто переписать формулу цѣликомъ. Эти формулы были составлены политической печатью эпохи. Чтеніе и толки приучили къ нимъ общественное ухо; они получили силу требованій подлежащихъ удовлетворенію благодаря тому что проникли въ правительство, стали формулами нѣкоторыхъ правительственныхъ лицъ; возможность осуществленія стала въ зависимости отъ настойчивости требованія. Что такія формулы были даже матеріально заготовлены свидѣствуетъ

еднаковость выраженій во множествѣ наказовъ. Очевидно была пересылка во множество жѣсть готоваго текста желаній. Правительство нашлось даже вынужденнымъ выдать предписание должествовавшее парализовать дѣйствія пропаганды направленной извнѣ на избирательныя собранія гдѣ составлялись указы. Довольно было проводниковъ пропаганды и внутри собраній.

Пріятель. Мы и по нашему опыту знаемъ какъ не трудно вести дѣло пропаганды среди общественныхъ собраній. Сколько могутъ сдѣлать нѣсколько юркихъ людей, сегодня пишущихъ въ газетахъ, завтра лодговаривающихъ членовъ какого-нибудь собранія, думы, клуба, земства, какой-нибудь комиссіи; бѣгающихъ, склоняющихъ, ораторствующихъ. Готовая формула чрезвычайно облегчаетъ дѣло. Взвѣшивать и обдумывать никому особой охоты нѣтъ, да самостоятельно составлять сужденіе и могутъ то не многие. Въ общемъ русло идетъ охотно; каждая единица ощущаетъ что прибавляетъ собою силу. Искусство въ томъ чтобъ указать русло куда требуется направляться. Волонная агитацію у насъ по вопросамъ народнаго просвѣщенія, даже безъ вызова правительства, но лишь въ сознаніи поддержки въ части правительственныхъ лицъ. Трудно ли собрать заявленія въ пользу, напримеръ, допущенія реалистовъ въ университетъ? Можно составить какую угодно охалку. Всякая подобная агитація прекращается только въ одномъ случаѣ: если нѣтъ надежды на усиіяхъ въ правительственныхъ сферахъ.

А в т о р ъ. Упомянутое мною распоряженіе есть постановленіе королевскаго совѣта отъ 27 февраля 1789 года. „До свидѣнія короля, сказано въ немъ, дошло что во многихъ провинціяхъ старались и теперь стараются затруднить свободу подачи голосовъ его подданныхъ, приглашая ихъ присоединяться своими подписями къ писаніямъ гдѣ заявляются разныя желанія и мнѣнія о наказахъ какіе надлежитъ дать представителямъ націи въ собраніи государственныхъ сословій.“ Таковыя дѣйствія признаны незаконными и подлежащими кассациі.

Формулы заключающіяся въ наказахъ вѣрно выражаютъ то общественное настроеніе какое сложилось въ эпоху созыва представителей, подъ вліяніемъ приверженцевъ переворота и удачно достигнутаго правительственнаго теченія въ томъ же направленіи, казавшагося уступкой мнѣнію, а бывшаго въ

сущности могущеетвеннымъ его двигателемъ. Формулы эта выражали еще сравнительно умеренныя требованія и Карлъ въ сочиненіи своемъ *De l'état de la France* (octobre 1790) ясно показалъ на сколько члены Национальнаго Собранія переступили границы указанныя имъ въ наказахъ. И это было естественно. Движеніе увлекавшее къ гласности старый монархическій строй шло по склону. За уступками съ какими напросилось само правительство въ донесеніи Неккера, 27го декабря, послѣдовали требованія и желанія выраженные въ наказахъ. Национальное Собраніе пошло далѣе и создало конституцію монархическую по формѣ, но въ сущности разрушающую монархію. Всѣ указы единогласно выказались въ пользу монархическаго строя страны. И выказались не только но политическому приращенію и въ сѣнаніи официальнаго характера составляемыхъ тетрадей, но несомнѣнно въ силу тогда еще искреннаго убѣжденія громаднаго большинства что другой строй и невозможенъ въ такой странѣ какъ Франція и въ силу признательности къ королю „возродителю націи“. Но собраніе лишило короля серьезнаго участія въ законодательствѣ, постановивъ что отвергаемый королемъ законъ черезъ извѣстный срокъ, если собраніе настаиваетъ на его утвержденіи, вступаетъ въ силу помимо королевскаго согласія (*voitú suspensif*), и отдало у короля право объявленія войны и заключенія мира. Королевская власть стала балластомъ, окорю и совсѣмъ выкинутымъ за бортъ—монархія смѣнилась республикой.

Касаясь самыхъ общихъ вопросовъ государственнаго устройства, указы касаются шерѣдко и многихъ мелочей мѣстнаго характера. Нѣкоторыя мелкія подробности этого рода интересны съ бытовой стороны. Вотъ, напримеръ, указъ парижскихъ избирателей средняго сословія, излагающій въ литературно-сатирической формѣ жалобы Парижа относительно разныхъ сторонъ городской жизни. Приведу значительную часть этого указа раздѣленнаго на параграфы (*Cahier partiel et local des thiers de la ville de Paris; Arch. parl. V, 295*). Любопытно чего просили избиратели собственно для Парижа.

„§ 1. Чтобы городъ былъ восстановленъ въ своемъ древнемъ естественномъ (?) правѣ выбирать себѣ купеческаго старшину (городскаго голову); чтобъ этотъ первый муниципальный самовникъ могъ быть безразлично избираемъ изъ дворянъ, магистратуры и буржуазіи. Несиелъ бы наименованіе мера Парижа.

„§ 3. Чтобы повелевания отныне какими королевские откупщики (*fermiers du roi*) заперли столицу, несмотря на чрезвычайныя усилія парламента и очень энергическій патриотизм муниципалитетныхъ членовъ, были разрушены до основанія на счетъ убожествуемыхъ откупщиковъ.

„§ 4. Простить короля проводить зимы въ его добромъ городѣ Парижѣ, по истинѣ добромъ, очень добромъ для его величества.

„§ 6. Уменьшить ужасную роскошь экипажей, приотставить ихъ бышеную скачку, дабы въ минуту когда каждый кричить о свободѣ несчастный пешеходъ могъ по крайней мѣрѣ защитить свою жизнь.

„§ 7. Чтобы устроены были столь давно желаемые тротуары какъ отдѣльное пространство для проходящихъ на большихъ улицахъ; чтобы каретамъ позволялось ѣхать въ одивъ только рядъ и въ кибриолеты, даже принадлежащія принцамъ, снабжены были звонками: жуть эта новая музыка сдѣлается охраной гражданина.

„§ 8. Воспретить домовладѣльцамъ подымать дома выше четвертаго этажа, дабы улицы перестали быть глазами ущельями, куда солнце заглядываетъ кажется съ сожалѣниемъ.

„§ 10. Чтобы развратныя женщины и ихъ покровительницы и вся нечистая рота была переведена въ особый кварталъ...

„§ 11. Чтобы почтенный корпусъ кварталныхъ надзирателей (*vénérable corps des commissaires de quartier*) былъ измѣненъ, передѣланъ, очищенъ отъ мелкихъ злоупотребленій въ какихъ его упрекаютъ; чтобы лица эти обнаруживали любовь и вниманіе не только къ лавочникамъ снабжающимъ ихъ провизіей и суковнымъ торговцамъ приглашающимъ ихъ обѣдать по праздникамъ, но и послѣднему леденщику.

„§ 15. Положить границы чрезмѣрной дороговизнѣ кварталъ.

„§ 16. Уменьшить не вѣроятное число этажей мелкихъ убійцъ, которые подъ покровомъ парика и привилегій, умѣя владѣть только бритвой, суются дѣлать самыя сложныя болѣзни и которымъ какъ бы отдава кровь народа.

„§ 18. Положить границы неправильнымъ барышамъ маслинокъ, которыхъ жены ходятъ въ брилліантахъ, которые содержатъ любовницъ и играютъ въ карты на быковъ (*jouent la valeur d'un boeuf à une partie de triomphe*).

„§ 35. Воспретить мущинамъ ремесло женскихъ парикмахеровъ и портныхъ, волтерныхъ, для приличія и, восторжъ, чтобы

не отнимать хлѣбъ у столькихъ несчастныхъ рабочихъ, которыхъ недостатокъ занятій какъ бы уполномочиваетъ извлекать выгоды изъ своей молодости.

„§ 36. Воспретить содержанкамъ (aux demoiselles), изъ основательныхъ соображеній, имѣть этихъ платьевъ новаго времени; извѣстныхъ подъ именемъ жокеевъ, да и нѣкоторымъ мушкетерамъ изъ соображеній еще болѣе основательныхъ“.

Я прочиталъ что есть въ наказахъ по вопросу о народномъ просвѣщеніи. Трудъ этотъ чрезвычайно облегченъ обстоятельнымъ указателемъ занимающимъ VII томъ *Archives parlementaires*. Безъ указателя было бы крайне трудно разобраться въ этой массѣ документовъ. Я основуюсь на вопросѣ о воспитаніи, имѣя въ особенности въ виду то обстоятельство что у насъ дѣло революціонной пропаганды глѣбится по преимуществу около высшихъ учебныхъ заведеній и школа составляетъ главную цѣль агитаціи революціонной и вообще клонящейся къ политическому перевороту. Вслѣдствіе этого, сохраненіе нынѣшняго неурядиства высшихъ учебныхъ заведеній есть коренной догматъ партіи провозглашающей себя либеральною и всякая попытка вывести эти учрежденія на путь чисто научныхъ интересовъ встрѣчаетъ громадное сознательное и бессознательное противодѣйствіе, поддерживаемое главнымъ образомъ тѣмъ обстоятельствомъ, что каждому отдѣльному лицу, въ какую бы одежду оно ни облакалось — архиконсервативную или архилиберальную, ~~есть~~ ~~годно~~ содѣйствовать или по крайней мѣрѣ не мѣшать потоку, чѣмъ принимать его напоръ, но имѣя ни въ чемъ поддержки. Совершается дѣло вопреки всякому здравому смыслу, но каждый отъ него сторонится.

Въ какомъ отношеніи къ дѣлу революціи находилась французская школа въ эпоху предшествовавшую перевороту 1789 года? Нѣтъ сомнѣнія что воспитаніе поколѣнія произведшаго этотъ переворотъ было весьма важнымъ его условіемъ. Къ сожалѣнію французскіе историки оставили этотъ предметъ безо всякаго вниманія. Даже у Тэна, такъ внимательно изучившаго все строевія предреволюціоннаго общества, о школѣ въ предреволюціонную эпоху нѣтъ ни слова. Школа очевидно не имѣла того значенія какое злая судьба хотѣла дать ей у насъ, но воспитаніе не могло во всякомъ случаѣ оставаться безъ вліянія. Вообще французская литература не богата сочиненіями и сборниками документовъ по исторіи

народнаго просвѣщенія во Франціи. Вопросы касающіеся этого предмета только въ послѣднее время начинаютъ возбуждать нѣкоторый интересъ. Появляются статьи въ журналахъ, а министерство просвѣщенія, какъ сообщаютъ газеты, намѣрено издать документы по части народнаго просвѣщенія въ революціонную эпоху.

Пока приходится довольствоваться очень немногимъ. Французская школа, блестящая въ XVII вѣкѣ и въ первой половинѣ XVIII, была въ эпоху когда восплотивалось поколѣніе произведшее революцію въ состояніи значительнаго распадена. Въ 1763 году совершилось изгнаніе іезуитовъ, стоявшихъ во главѣ дѣла воспитанія во Франціи. Эта побѣда парламентовъ, усиліями которыхъ совершилось паденіе могущественнаго ордена во Франціи, имѣла громадныя послѣдствія. Вліяніе университетовъ, особенно Парижскаго, боровагося съ іезуитами, подмалось, но педагогическія силы въ совокупности повесали въ странѣ чрезвычайный ущербъ. Политическія дѣла ордена находились лишь въ отдаленной связи съ его педагогическою дѣятельностью. „Какъ обучатели юности, говоритъ компетентный историкъ Парижскаго университета, г. Журденъ (*Journal. Hist. de l'Univ. de Paris*, 398) цитата въ *Comraugé Hist. des doctrines de l'education*, II, 240) іезуиты были вмѣстѣ всякаго упрека.“ Іезуиты, въ отношеніи педагогическаго искусства, были, по выраженію гжи Жанлисъ (*Mém. VI, 19*), „лучшіе воспитатели этого времени, можетъ-быть всѣхъ временъ“. Съ удаленіемъ іезуитовъ руководимыя ими учебныя учрежденія перешли въ вѣдѣніе университета и парламентовъ. Пришлось замѣщать многочисленный, искусный и преданный дѣлу персоналъ, довольствовавшійся въ матеріальномъ отношеніи крайне малымъ. Г. Эмонъ въ *Исторіи коллежа Лудовика Великаго* (*Hist. du Collège du Louis le Grand*, 1845; 244) приводитъ разговоръ имѣвшій мѣсто чрезъ нѣсколько лѣтъ по изгнаніи іезуитовъ въ библіотекѣ коллежа между принципаломъ коллежа д'Аркура, находившагося въ общемъ вѣдѣніи съ коллежемъ Лудовика Великаго, и другими служащими. Рѣчь шла о недостаткѣ въ хорошихъ воспитателяхъ. „Значитъ мы должны жалѣть объ іезуитахъ?“ возразилъ одинъ изъ присутствовавшихъ. „Вы говорите объ іезуитахъ, съ горячностью возразилъ принципалъ д'Аркура. Ну, такъ знайте же что во Франціи для университета изгнаніе іезуитовъ то же что въ древнее время для

республики въ Римѣ было ладеніе Кароагена. Соревнованіе одушевлявшее обѣ соперничавшія стороны, держало умы въ возбужденіи и обращалось на пользу обученія. Гдѣ теперь этотъ жаръ воспламенявшій и учителей и учениковъ? Приходится сказать что іезуиты унесаи съ собою священный огонь хорошаго ученія. Съ тѣхъ поръ какъ они покинули Парижъ усердіе пало въ нашихъ школахъ“. Авторъ указываетъ далѣе (251, 255) на ослабленіе внутренней связи между воспитателями и учащимися, на духъ недовольства, „требующій отъ дисциплины отчета въ ея требованіяхъ, отъ управляющей власти въ ея распорядженіяхъ“. Наблюденіе приняло характеръ поверхностный, останавливающийся на внѣшности и скрытный, сосредоточенный. Робеспьеръ, таившій развивающееся зерно политической зависти и ненависти, могъ считаться образцомъ въ ученіи и въ поведеніи и при окончаніи курса (въ іюль 1781; онъ воспитывался на благотворительный счетъ, какъ стипендіатъ Арасскаго епископства) получить денежное пособіе и самый похвальный аттестатъ за отличное поведеніе въ теченіе двѣнадцатилѣтняго пребыванія въ коллежѣ и успѣхи въ наукахъ.

На практикѣ школа клонилась къ упадку. За то въ теоріи едва ли когда было такое обиліе новыхъ плановъ ученія и кореннаго преобразованія существующей системы воспитанія. Пресловутое произведеніе Руссо *Эмилъ*, не внеся ничего серіозно положительнаго, въ отрицательномъ отношеніи имѣло большія послѣдствія. Гжа Жамисъ въ своихъ *Мемуарахъ* (*Mém., Paris, 1825, T. VI, 14*) говоритъ такъ: „Въ теченіе пятидесяти лѣтъ (съ эпохи шестидесятихъ годовъ прошлаго вѣка) общественное и частное воспитаніе были подчинены безчисленному множеству системъ противоположныхъ одна другой. Въ началѣ воспитывали à la Жанъ Жакъ Руссо. Не надо учителей, не надо уроковъ. Дѣти перваго возраста были *предоставлены природѣ* (*livrés à la nature*), а такъ какъ природа не учитъ правописанію и еще менѣе учитъ латыни, то въ обществѣ „появилась масса молодыхъ людей поразительнаго невѣжества“.

Затѣмъ послѣдовала страсть къ естественнымъ наукамъ. „Въ модѣ сдѣлалась геометрія, физика, химія. Слушать публичныя лекціи Шарля Митюара (*Mitouard*), Сиго Лафона; ѣздить верхомъ по-ангаійски, объявлять себя глѣккистомъ или личчивистомъ, умѣть говорить объ углекисломъ газѣ—вотъ

что называлось быть хорошо воспитаннымъ. Къ революціи бросились въ политику, всё молодые люди сдѣлались государственными мужами.“

Пріятель. Куріозно что тотъ же Руссо, желавшій своимъ Эмилиемъ произвести революцію въ педагогіи и проповѣдовавшій въ этой книгѣ нѣкоторую фантастическую систему воспитанія возможную, еслибы даже она была возможна, развѣ для какого-нибудь принца крови имѣющаго богатя средства исполнить всякую фантазію,—въ своихъ наставленіяхъ политической мудрости по адресу несчастной Польши (*Considération sur le gouvernement de Pologne et sur la réformation projetée en avril 1772*; цитата у Comraugé, II, 91) проникается иною идеей, ведетъ совсѣмъ иную рѣчь о нѣкоторой общественной школѣ, имѣющей воспитывать не человѣка вообще въ родѣ Эмиля, а польскаго патріота пропитаннаго отчизновѣдѣніемъ. „Дитя, открывъ глаза, долженъ видѣть отечество и не видѣть ничего кромѣ отечества. Каждый истинный республиканецъ съ молокомъ матери всасываетъ любовь къ отечеству, то-есть къ законамъ и свободамъ. Въ этой любви все его существованіе, онъ видитъ только отечество, живетъ только для него; какъ скоро онъ одинъ—онъ нуль; какъ только онъ не имѣетъ отечества, онъ не существуетъ болѣе... Я хочу чтобъ учась читать Полякъ читалъ о своемъ отечествѣ; чтобы въ десять лѣтъ онъ зналъ всё его произведенія, въ двѣнадцать всё провинціи, всё дороги, всё города, въ лятнадцать зналъ бы всю его исторію, въ шестнадцать всё законы: чтобы не было въ Польшѣ прекраснаго дѣянія, знаменитаго человѣка, который не наполнялъ бы его памяти и его сердца“.

Авторъ. Въ свою очередь Кондильякъ составлялъ для герцога Пармскаго свою удивительную систему воспитанія. Съ чего должно начинать ученіе ребенка? Съ предварительныхъ уроковъ, *leçons préliminaires*. Изъ чего же должны состоять эти предварительные уроки? Они имѣютъ предметомъ: 1) природу идей, 2) функціи души, 3) привычки, 4) различеніе души и тѣла, 5) познаніе Бога. За психологіей преподанной въ самомъ раннемъ возрастѣ слѣдуетъ философія исторіи: „человѣкъ и общество въ ихъ исторіи и постепенномъ прогрессѣ“. Грамматика идетъ потомъ (Comraugé, II, 177).

Члены парламента, послѣ побѣды надъ іезуитами принявшіе подъ свое покровительство вопросъ школы (особенно

тъ что „служили музамъ“, по выраженію гжи Жанлисъ), составляли свои планы, безъ спеціальныхъ педагогическихъ знаній. Требовалось воспитаніе сдѣлать болѣе свѣтскимъ, болѣе принаровленнымъ къ потребностямъ жизни. Сюда относятся планы Ла-Шалотэ и Ролана.

Правительство въ свою очередь, на словахъ, интересовалось вопросомъ о воспитаніи и когда заходила рѣчь объ этомъ предметѣ ставило его на первенствующее мѣсто, справедливо усматривая зависимость отъ общественнаго воспитанія всей будущности страны. Но какъ скоро доходило до дѣла, важнѣйшій вопросъ отодвигался на задній планъ и въ долгій ящикъ. Мармонтель разказываетъ какъ вызвалъ его серьезный Ламуаньйонъ и предложилъ составить планъ школьной реформы, но дѣло не двинулось, такъ какъ Ламуаньйонъ былъ уволень.

Внутренняя расшатанность школы и укрѣплявшаяся мысль что школа подлежитъ коренному преобразованію имѣли важныя послѣдствія. Воспитаніе учащихся раздвоилось. Явились два обученія: одно внутри школы, въ старомъ разваливающемся зданіи, хотя и на крѣпкомъ фундаментѣ, другое внѣ школы на свободномъ мѣстѣ, гдѣ имѣется въ виду безъ фундамента воздвигнуть зданіе самой фантастической архитектуры, согласно новымъ идеямъ. Болѣе и болѣе приобрѣтало значенія порицаніе, къ какому особенно склонны умы поверхностно относящіяся къ школьному дѣлу, что между существующею школою и жизнью лежитъ пропасть: школа не готовитъ де къ жизни. Въ подобныхъ порицаніяхъ выражается обыкновенно не столько сознательное представленіе о какомъ-нибудь школьномъ планѣ который сдѣлалъ бы возможнымъ прямой переходъ отъ школьной скамьи къ практическимъ занятіямъ, сколько бессознательное ощущеніе несоответствія началъ лежащихъ въ нравственной основѣ школы, каковыми были въ старой французской школѣ начала религіозное и монархическое, съ охватившимъ волнующуюся часть общества стремленіемъ къ потрясенію именно этихъ началъ. Школа не даетъ того что требуетъ жизнь. Что это значить? Когда это говорится въ эпоху безлокойнаго политическаго настроенія можно быть увѣреннымъ что дѣло идетъ вовсе не объ удовлетвореніи практическимъ требованіямъ жизни. Практическая жизнь требуетъ дѣльныхъ людей для разныхъ поприщъ. Не это имѣется въ виду когда идетъ рѣчь,—какъ было во Франціи,—о воспитаніи „человѣка“ и „гражданина“.

цаи,—какъ у насъ,—объ общеобразовательной реальной школѣ“. Въ эпоху начала пятидесятихъ годовъ у насъ, страха ради французской революціи 1848 года, правительство усиленно вводило „реальное образованіе“ (дѣлало именно то самое къ чему рвутся теперь извѣстные партіи). Но тогда образованіе это вовсе не пользовалось популярностью въ той области, которая нынѣ зоветъ себя общественнымъ мнѣніемъ, то-есть въ области повторенія натверженныхъ формулъ. Наступили новые порядки. Перемѣнилась и декорация. „Общеобразовательная реальная школа“ сдѣлалась въ кружкахъ именующихъ себя либеральной партіей однимъ изъ основныхъ требованій, какъ вълѣдствіе сознанія особаго соответствія подразумѣваемой подъ этимъ именемъ школы съ „требованіями жизни“ понимаемыми въ извѣстномъ смыслѣ, такъ и изъ ненависти ко всему идущему изъ иного источника, и наконецъ, изъ естественнаго стремленія составителей ходячихъ формулъ свой собственный типъ считать наилучшимъ и желать чтобы таковою именно вырабатывался въ школѣ. Источникъ горячности исключительно въ политической подкладкѣ дѣла. Многие добросовѣстные, но политически не дальновидные люди этого не замѣчаютъ и полагаютъ что все дѣло въ исканіи наилучшаго пути для научнаго образованія юношества. Но удалите политическую подкладку, удалите элементъ агитаціи и пролагады и увидите—дѣло приметъ совсѣмъ иной видъ. Французская предреволюціонная агитація въ пользу школьной реформы отличалась отъ нашей тѣмъ что не была ни злою, ни напряженною, такъ какъ ея политическая подкладка была въ общихъ идеяхъ и ученіяхъ и собственно политической элементъ примѣшивался къ ней лишь косвенно.

О школѣ нынѣ школы свидѣтельствуешь анекдотъ встрѣченный мною въ *Mémoires et souvenirs d'un pair de France* (Paris, 1829, I, 18). Эти анонимныя *Воспоминанія* въ историческомъ отношеніи не имѣютъ цѣны. Но нѣтъ никакого основанія считать приводимый разказъ выдумкой. Авторъ въ 1778 году учился въ одномъ изъ парижскихъ коллегей и своимъ дядей былъ представленъ находившемуся тогда въ Парижѣ Вольтеру. „Вольтеръ, говоритъ онъ, спросилъ въ какомъ я классѣ. Въ риторикѣ, отвѣчалъ я, дрожа и краснѣя. Онъ это замѣтилъ и принявъ насмѣшливый видъ, сказалъ: я пугаю васъ.—О нѣтъ, но вы меня унижаете. Это ему польстило.—Я полагаю васъ знакомать только съ греческими и латинскими авторами?—Мы заучиваемъ наизусть

лучшіе отрывки новыхъ гениальныхъ писателей, Расина, Корнеля, Вольтера, прибавилъ я записавъ. Вольтеръ остался доволенъ. Я возвратился въ коллежъ, гдѣ неустанно разказывалъ о моемъ счастиі. Безпрерывно мнѣ приходилось повторять разказъ предъ новыми слушателями. Префекты, репетиторы, сами профессоры жадно выслушивали всѣ подробности и завидовали выпавшему на мою долю счастию говорить съ г. Вольтеромъ. "Такъ дѣлалось въ заведеніи управляемомъ духовными лицами вниманіе писателя столь враждебнаго католичеству и духовенству. Если подъ такимъ обаяніемъ внѣ-школьнаго потока были наставники, что сказать объ ученикахъ? Въ обширной похвальной біографіи Робеспьера, написанной Гамелемъ (*Histoire de Robespierre, par Ernest Hamel, Paris, 1879, I, 14*), къ сожалѣнію безо всякихъ ссылокъ на источники, уломяется, съ восхищеніемъ конечно, объ учителѣ республиканскихъ убѣжденій, являвшемся проводникомъ въ школу внѣ школьнаго потока и имѣвшемъ великое вліяніе на героя біографіи. „Одинъ изъ его профессоровъ риторики, говоритъ г. Гамель, магкіи и ученый Гериво (Héribaux), особенно его цѣнившій и любившій, не мало содѣйствовалъ къ развитію въ немъ республиканскихъ идей... Этотъ честный дѣятель (позволю себѣ такъ перевести, приравляясь къ нашей терминологіи, выраженіе *le brave homme*) сдѣлался апостоломъ идеальнаго правленія, объясняя юнымъ слушателямъ лучшія мѣста наиболее чистыхъ (*des plus pures?*) авторовъ древности, стараясь вдохнуть въ нихъ огонь своихъ горячихъ убѣжденій. Робеспьера, котораго сочиненія дышали въ котораго рода стоическою моралью и священнымъ энтузіазмомъ свободы, онъ назвалъ Римляниномъ“.

Тизо въ небольшомъ сочиненіи своемъ *Essai sur l'histoire et sur l'état actuel de l'instruction publique en France* (Paris, 1816, стр. 30) говоритъ: „Когда припомнимъ этотъ взрывъ первыхъ лѣтъ революціи, то едва можно представить себѣ какимъ образомъ поколѣніе воспитанное подъ монархическимъ правленіемъ религіозными корпораціями оказалось до такой степени чуждымъ ученіямъ и привычкамъ на которыхъ покоились правительство и религія его страны. Состояніе школы до извѣстной степени объясняетъ это явленіе“. Какъ школа духовная она распалась; въ школу національную не преобразовалась. Матеріалъ доставляемый ученьемъ, и въ смыслѣ свѣдѣній и въ смыслѣ развитія ума, обратился, при ослабленной къ тому же серіозности

ученья, на служеніе цѣлямъ внутреннимъ не школой, а тѣми внѣшкольными вліяніями какія стали сильнѣе школьныхъ. Когда основы школы и общественныя господствующія стремленія были въ соответствіи, въ XVI, XVII вѣкахъ, выраженіе „*ученый изъ коллежа, un savant de collège*“ было, замѣчаетъ Гизо, почетнымъ; теперь оно сдѣлалось предметомъ насмѣшки и презрѣнія какъ обозначеніе знаній безполезныхъ въ жизни“.

Гизо указываетъ на фактъ капитальной важности. Обученіе высшихъ классовъ сильно ослабѣло. Иезуиты унесли съ собою ихъ удивительное искусство достигать серьезныхъ результатовъ, въ мѣру способностей, съ учащимися изъ знатныхъ и богатыхъ семействъ, могущими съ легкостію прожить вѣкъ безъ ученія. Ученіе въ привилегированныхъ классахъ, при общемъ требованіи легкости, изгнанія всего принудительнаго, сильно ослабѣло. „Но тогда какъ люди имѣвшіе, говоритъ Гизо (28), по своему положенію въ обществѣ нужду въ приличествующемъ и крѣпкомъ среднемъ образованіи, его въ коллежахъ не получали, тогдашнее недостаточное ученіе раздавалось въ обиліи и почти даромъ въ массѣ молодыхъ людей низшаго общественнаго положенія, которые къ концу ученія пріобрѣтали отвращеніе къ состоянію ихъ отцовъ, оказывались безъ опредѣленнаго положенія въ мірѣ, готовые схватить всякій случай чтобы получить таковое, чего бы это ни стоило обществу, среди котораго ихъ мѣсто не было естественно отмѣчено“.

Въ сочиненіи аббата Прошара *Лудовика XVI лишенный трона* (l'abbé Proyart: *Louis XVI détrôné avant d'être roi*, Paris, 1801) наталкиваемся на любопытный фактъ (227). Указывая послѣдствія кризиса произведеннаго изгнаніемъ иезуитовъ, авторъ говоритъ: „Появились планы обученія самые странныя... Шарлатанство организовало свои гимназійи и академіи, и юность сбѣгалась покупать цѣной золота даръ всеобщей науки. Молодому человѣку обѣщаютъ что выйдетъ изъ школы умѣя лѣтъ, танцовать, ѣздить верхомъ, переплывать рѣчки, и наконецъ ботанизировать. Присоединяютъ что, при расположеніи съ его стороны, онъ выучится резонировать о республиканскихъ преніяхъ Греціи и Рима, пробѣгать міръ по картѣ, говорить о числахъ и поверхностяхъ; заучить номенклатуру искусствъ и ремеслъ и поверхъ всего будетъ умѣть съ увѣренностію разыграть роль въ

комедіи... Наиболе известности изъ этихъ новыхъ школъ приобрѣли *военныя*. Десятилѣтній воспитанникъ, съ ружьемъ на плечѣ, стоитъ, въ очередь, на часахъ подъ окномъ содержательницы пансіона. Будятъ его по звуку барабана, барабаномъ же дается сигналъ ко всѣмъ дневнымъ занятіямъ. Этотъ родъ воспитанія нравится родителямъ. Кулець, мѣщанинъ очень доволенъ что сынъ получаетъ дворянскій лоскъ лѣстящій ихъ самолюбію. Расположеніе къ этого рода школамъ растетъ съ каждымъ днемъ и число ихъ увеличивается въ провинціяхъ и въ столицѣ... Многіе коллежи соревнуя этимъ шумнымъ лицемъ болѣе походятъ на крѣпости чѣмъ на мирныя дома воспитанія... Одно изъ великихъ наслажденій парижскаго буржуа отправиться въ воскресенье въ пансіонъ сына посмотрѣть его въ мундирчикѣ выдѣлывающимъ съ товарищами военныя эволюціи и примѣрныя сраженія.“ Заведенія этого рода, очевидно, были порождены стремленіемъ къ легкому ученью, модою на гимнастику, на свѣдѣнія изъ естествознанія и т. л.

Подтверженіе показанію Проіяра можно найти въ *Мемуарахъ* Дюмуре (*La vie et les memoires du general Dumouriez* II, 68). Дюмуре упоминаетъ что въ 1790 году „онъ видѣлъ на улицѣ Монмартръ, гдѣ жилъ,—маленькій дѣтскій баталіонъ изъ дѣтей кулцовъ и горожанъ. Благоспитанные, хорошо одѣтые, милые мальчики ходили часто для военныхъ упражненій въ Елисейскія Поля за Тюльри. Дюмуре пришла мысль что королева въ первые весенніе дни могла бы сводить туда дофина, сначала изъ любопытства; поласкать дѣтей, раздать черезъ сына подарки, свести его непринужденно съ нѣсколькими изъ нихъ. А сама поласкала бы матерей, хваля дѣтей, и черезъ нѣсколько времени выразила бы желаніе чтобъ и ея сынъ вступилъ въ баталіонъ. Это исполнило бы радостью тогдашнихъ *добрыхъ* Парижанъ.“ Дюмуре составилъ даже небольшой мемуаръ объ этомъ предметѣ и ссылался на примѣры Сезостриба, Кира и Петра Великаго. Королева не согласилась.

П р и я т е л ь. По поводу вліяній извнѣ, ученья внѣ школы, какъ ты выразился, мнѣ припомнились любопытныя страницы находящіяся во второмъ томѣ послѣднаго полнаго изданія сочиненій Дидро (*Oeuvr. compl. par Assézat, Paris, 1875, II, 75*). Оказывается что въ предреволюціонной Франціи былъ

своего рода нигилизмъ, не въ смыслѣ впрочемъ политической секты. Произведеніе о которомъ я говорю, писанное въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, есть сатира написанная „однимъ богословомъ“, весьма ѣдкая, въ которой высказаны въ крайнемъ результатѣ отрицательныя ученія проводимыя энциклопедистами. Оно знакомитъ съ тогдашнимъ нигилистическимъ кодексомъ для молодыхъ умовъ желавшихъ „отложить предрасудки“. Произведеніе озаглавлено: *Посвященіе въ великія начала или пріемъ философа (Introduction aux grands principes ou récéption d'un philosophe)*. Вотъ этотъ разговоръ съ небольшими сокращеніями:

Мудрецъ. Кого ты намъ представляешь?

Крестный отецъ. Ребенка который хочетъ стать человекомъ.

Мудрецъ. Чего онъ желаетъ?

Крестный отецъ. Мудрости.

Мудрецъ. Какихъ онъ лѣтъ?

Крестный отецъ. Двадцати двухъ.

Мудрецъ. Женатъ?

Крестный отецъ. Нѣтъ и даже не женится, но онъ хочетъ переженить половъ и монаховъ.

Мудрецъ. Какой онъ націи?

Крестный отецъ. Родился Французомъ, но натурализованъ дикаремъ.

Мудрецъ. Какой религіи?

Крестный отецъ. Его родители сдѣлали его католикомъ, самъ онъ перешелъ въ протестанство, теперь желаетъ сдѣлаться философомъ.

Мудрецъ. Прекрасное расположеніе. Надо испытать его правила. Молодой человекъ, чему ты вѣришь?

Прозелитъ. Только тому что можетъ быть доказано.

Мудрецъ. Прощедшее, какъ уже не существующее не можетъ быть доказано.

Прозелитъ. Я ему не вѣрю.

Мудрецъ. Будущее, еще не существующее, не можетъ быть доказано.

Прозелитъ. Я ему не вѣрю.

Мудрецъ. Настоящее прошло пока его доказываютъ.

Прозелитъ. Я вѣрю только тому что мнѣ доставляетъ удовольствіе.

Мудрецъ. Вѣруешь ли въ Бога?

Прозелитъ. Это глядя по: если понимать подъ этимъ природу, общую жизнь, общее движеніе — вѣрую. Если даже понимать верховный разумъ, все расположившій и предоставившій дѣйствовать вторичнымъ причинамъ (causes secondes) вѣрю. Но далѣе не иду...

Мудрецъ. Что думаешь ты о душѣ?

Прозелитъ. Что она, можетъ-быть, есть не болѣе какъ результатъ нашихъ ощущеній...

Мудрецъ. Что думаешь о происхожденіи зла?

Прозелитъ. Думаю что оно порождено цивилизаціей и законами. Человѣкъ добръ по природѣ.

Мудрецъ. Въ чемъ по твоему мнѣнію обязанности человека?

Прозелитъ. Онъ ни къ чему не обязанъ. Онъ родился свободнымъ и независимымъ.

Мудрецъ. Что думаешь о справедливомъ и несправедливомъ?

Прозелитъ. Это чисто условныя вещи...

Мудрецъ. Общаешь ли считать разумъ верховнымъ рѣшителемъ того что могло и должно сдѣлать Верховное Существо?

Прозелитъ. Общаю.

Мудрецъ. Общаешь ли признавать непогрѣшимость чувствъ?

Прозелитъ. Общаю.

Мудрецъ. Общаешь ли вѣрно слѣдовать голосу природы и страстей?

Прозелитъ. Общаю.

Мудрецъ. Вотъ это называется человѣкъ! Теперь чтобы сдѣлать тебя вполнѣ свободнымъ перекрещую тебя во имя *Эмилы, Дука* (Гельвеція) и *Философскаго Словара* (Вольтера). Теперь ты настоящій философъ и находишься въ числѣ счастливыхъ учениковъ природы. Силою и властію ея тебѣ какъ и намъ данной иди, вырывай, уничтожай, разрушай, толчи ногами нравы и религію. Мути народы противъ государей, освобождай смертныхъ отъ ига божескихъ и человѣческихъ законовъ. Ты подтвердишь ученье свое чудесами: будешь ослѣплять видящихъ, лишать слуха слышащихъ, дѣлать хромыми идущихъ прямо. Будешь производить змѣй подъ цвѣтами и все чего коснешься обратится въ ядъ“.

Дидро отвѣчалъ тоже въ формѣ разговора (*Le prosélyte rampant par lui-même; Oeuvr., II, 80*), но надо признаться слабо.

А в т о р ъ. Обратимся къ наказамъ. Наиболѣе подробно и обстоятельно говорится о воспитаніи въ наказахъ духовенства. Оно держало еще школу въ своихъ рукахъ, хотя связь его съ нею и была уже сильно надорвана. Сравнительно немного можно встрѣтить въ наказахъ дворянства, нѣсколько болѣе въ тетрадахъ средняго сословія. Огромное большинство наказовъ ограничивается простымъ пожеланіемъ чтобы дѣло воспитанія было существонно, преобразовано. „Чтобы были наравлены заботы на воспитаніе юношества въ городахъ и селахъ, нынѣ абсолютно пренебреженное“ (*Arch. Parl., V, 45, 136; IV, 608, 637, 651, 676, 757* и проч.); Эта фраза

повторяется въ очень многихъ наказахъ имѣющихъ явно общее происхожденіе по данному образцу. „Чтобы былъ составленъ общій планъ воспитанія общественнаго и люиставъ національнаго“ (III, 125). О планѣ *національнаго* воспитанія уломивается во множествѣ наказовъ, но безо всякихъ указаній въ чемъ долженъ состоять этотъ планъ и какъ понимать выраженіе *національный*. Въ большинствѣ случаевъ терминъ означаетъ, повидимому, *государственный*, иногда *сѣтскій* въ противоположность *духовному*.

Воспитаніе находится въ самомъ печальномъ состояніи (*état déplorable*)—это общая тема. Заявленіе вполнѣ соответствующее общему духу наказовъ признававшихъ „въ печальномъ состояніи“ весь государственный и общественный строй, подлежащій ломкѣ за которую должно послѣдовать возрожденіе. Но подъ источникомъ „печальнаго состоянія“ разумѣются весьма не одинаковыя вещи. Для духовенства оно есть послѣдствіе ослабленія духовнаго авторитета въ школахъ. Для большинства свѣтскихъ реформаторовъ оно происходило (прямо этого не высказывается, но можно объ этомъ догадываться) отъ того что воспитаніе еще остается въ рукахъ духовенства и особенно членовъ монашескихъ орденовъ.

Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ наказовъ духовенства. Парижское духовенство (V, 264) признаетъ что Парижскій университетъ обладаетъ достаточными педагогическими силами; но „съ горькимъ сожалѣніемъ усматриваетъ что, можно сказать, исзакли источники перваго воспитанія (*les sources de la première éducation pour ainsi dire taries*) и большая часть провинціальныхъ коллежей, прежде столь цвѣтущихъ, не имѣютъ часто учителей которые заслуживали бы довѣрія по нравственности, талантамъ и устойчивости.“

Въ тетради Парижскаго церковнаго капитула (*cahier du chapitre de l'Eglise de Paris*) читаемъ: „Зло котораго мы свидѣтели и которое еще болѣе грозитъ грядущимъ поколѣніямъ лобуждаетъ насъ настойчиво просить его величество принять дѣйствительныя мѣры дабы возвратить общественному воспитанію блескъ и полезность имъ утраченныя. Многие изъ главныхъ заведеній болѣе не существуютъ. Эти драгоценнѣйшіе источники почти исзакли въ наши дни и въ большинствѣ городовъ, гдѣ они приносили столько пользы религіи и литературѣ (*aux lettres*), замѣнились учрежденіями темными и частными, эфемерными и неподтверждаемыми“ (V, 268).

Перонское духовенство (Cahier des doléances du clergé de Régionne) пишетъ: „Университеты малочисленны и дурно представлены въ королевствѣ. Между тѣмъ они могутъ быть безконечно полезны для возрожденія общественнаго воспитанія, коимъ крайне необходимо заняться въ національномъ собраніи. Со времени роковаго уничтоженія іезуитовъ, провинціальныя коллежи часто находятся въ рукахъ учителей безъ знаній, безъ нравственности, безъ устойчивости и даже безъ религіи. Большинство родителей опасаются воспитывать дѣтей въ коллежахъ и это паденіе довѣрія къ общественному воспитанію одна изъ глубокихъ язвъ религіи. Чтобы вновь оживить вкусъ къ нему въ націю, собраніе сословныхъ представителей должно обязать религіозныя корпораціи и въ особенности ученые конгрегаціи принять коллежи въ свое вѣдѣніе.“ Духовенство высказываетъ далѣе мысль объ учрежденіи въ родѣ будущаго наполеоновскаго университета, но въ рукахъ духовенства (V, 350).

Провинціальное духовенство Велейскаго сенешальства (sénéchaussée de Velay) выражается такъ: „Общій крикъ (le cri général) всѣхъ сословій уже давно обличилъ недостатки общественнаго воспитанія и безчисленныя злоупотребленія существенно вытекающія изъ новаго устройства (de la nouvelle police) большей частью коллежей. Между тѣмъ отъ этой такъ заслуживающей вниманія части общественнаго управленія зависитъ участь государства. Всякая въ ней перемена, всякая передѣлка отражается соответствующимъ переворотомъ въ государственномъ строѣ. Наше дурное воспитаніе есть къ несчастію обильный ростками зародышъ развращенія нравовъ вышшняго поколѣнія. Если дѣйствіе его было такъ быстро, какая страшная перспектива представляется для будущихъ поколѣній!... Духовенство ходатайствуетъ: 1) о новомъ планѣ воспитанія на религіозной основѣ... 2) Въ случаѣ если призваніе іезуитовъ не можетъ состояться, о созданіи національнаго общества, которому было бы вѣрнее важное дѣло воспитанія.“ (V, 458).

По вопросу о воспитаніи наказы средняго сословія ограничиваются обыкновенно нѣсколькими строками общаго указація: Наиболеѣ длинное указаніе принадлежитъ среднему сословію города Ангулема. Оно заключается впрочемъ не въ общей, очень краткой, тетради жалобъ этого сословія въ мѣстномъ сенешальствѣ, а въ особомъ мемуарѣ посланномъ на

имя Неккера отъ городскихъ депутатовъ недовольныхъ общимъ собраніемъ депутатовъ провинціи и жалующихся на „кабаль и интрига“ обнаружившіеся при выборахъ и на давленіе депутатовъ отъ селеній. Мнѣнія заключающіяся въ мемуарѣ впрочемъ ничѣмъ существенно не отличаются отъ мнѣній высказанныхъ въ общей тетради. Мемуаръ внимательно останавливается на положеніи коллежа въ Ангулемѣ. „Когда, сказано въ мемуарѣ (II, 14), іезуиты были изгнаны изъ Ангулемскаго коллежа, для полноты его знаменитости не доставало только исполненія грамоты (lettres patentes) 1566 года, предоставившей городу Ангулему право имѣть университетъ. Паясіонъ при коллежѣ былъ наполненъ молодыми учащимися; болѣе трехсотъ экстерновъ посѣщали классы. На вѣсколькихъ младшихъ учителей (quelques-uns des régents) было возложено временно замѣнить іезуитовъ. Эдиктъ 1763 года и постановленіе парламента отъ 29 января 1765 касательно устройства и администраціи общественныхъ школъ въ Ангулемѣ не возродили утраченнаго довѣрія: ежегодно безъ пользы употребляется 4.000 ливровъ для тридцати школьничковъ посѣщающихъ коллежъ“... Мемуаръ указываетъ даѣе что вліявшія на школьное устройство „мнѣнія, противорѣчившія одно другому“ произвели то что „для трехъ поколѣній пропалъ плодъ воспитанія“ и указываетъ на необходимость передать школу въ руки какой-либо духовной корпораціи.

Что касается университетовъ, то во многихъ наказахъ встрѣчается указаніе на неудовлетворительное состояніе медицинскаго обученія и въ особенности на крайнее паденіе экзаменовъ въ юридическихъ факультетахъ. Профессорскія коллегіи, пользовавшіяся выгодами отъ производившихся ими испытаній, повидимому, раздавали юридическія степени безъ сколько-нибудь серьезной провѣрки знаній экзаменуемыхъ: Во введеніи къ сочиненію Мутье *De l'influence attribuée aux philosophes sur la révolution* (Paris, 1828, 2me edit., XIII) разсказывается со словъ автора что онъ, на девятнадцатомъ году, сдалъ экзаменъ на бакалавра правъ въ маленькомъ университетѣ въ Оранжѣ, бывшемъ въ вѣдѣніи Гренобльскаго парламента, выучивъ наизусть вѣскольکو десятковъ строкъ на латинскомъ языкѣ, содержавшихъ и вопросы и отвѣты.

Къ чести составителей наказовъ надлежитъ замѣтить что вопроса собственно объ учебномъ планѣ въ коллежахъ, какъ вопроса спеціального, касались весьма немногіе. Чего бы,

воображаю, не написали у насъ, еслибъ обратиться съ запросомъ по этому предмету къ нашимъ общественнымъ группамъ или ихъ представителямъ! Еще Гоголь, устами Городничаго, замѣтилъ что у насъ такая ужъ это несчастная учебная часть: всякій въ нее суется, желая показать что и онъ тоже умный человѣкъ. Во французскихъ наказахъ можно встрѣтить три, четыре указанія какъ измѣнить учебный планъ, имѣющихъ болѣе характеръ куріозовъ. Такъ среднее сословіе въ Бордо (*Arch. parl. II, 403*) требуетъ „чтобы собраніе сословныхъ представителей составило новый планъ національнаго воспитанія; чтобы вмѣсто этой старой методы истрачивающей первые годы человѣка на сухое изученіе мертвaго языка, были устроены учебныя заведенія гдѣ законъ Божій, мораль, литература, языки, науки, исторія, международное право (*droit des gens*) и естественное право (*droit naturel*), составляли бы предметъ преподаванія, приличествующаго нынѣшнему времени, общественному дѣлу (*chose publique*) и подданнымъ обширнаго и богатаго государства“. Дворянство въ Шато-Тьері желаетъ чтобъ „общественное образованіе не ограничивалось болѣе изученіемъ одного латинскаго языка, но обнимало бы въ то же время всѣ знанія какія могутъ быть полезны военному, юристу, медику, а также и нѣкоторыя пріятныя искусства (*quelques arts agreables*)“. Въ обширной „тетрадѣ“ Эссонскаго прихода близъ Парижа (*Paris extra muros*), подъ которой, между прочимъ, значатся имена девяти гражданъ заявившихъ что не умѣютъ писать и даже подписаться (*ont déclaré ne savoir écrire ni signer*), значится (*Arch. parl. IV, 552*): „чтобы порядокъ общественнаго обученія въ городахъ былъ измѣненъ; чтобъ утро употреблялось, по степени познаній учащихся: 1) на изученіе французскаго языка и на сочиненія на этомъ языкѣ; 2) на изученіе морали; 3) на первыя начала общественнаго права (*droit public*). Вечеръ же долженъ быть употребляемъ на изученіе языковъ мертвыхъ и иностранныхъ. Это, думаемъ мы, единственное средство создать гражданъ и сдѣлать изъ нихъ подданныхъ полезныхъ государству“.

Вопросъ, столь у насъ многимъ любезный, о внимательствѣ общества въ дѣло школы также оставленъ въ сторонѣ. Впрочемъ городъ Ремиремонъ (*Arch. parl. IV, 14*), указавъ въ § 13 „преобразование правовъ и общественнаго воспитанія“, желаетъ чтобы „городъ или его муниципальные чиновники (*la*

ville ou ses officiers de police) вмѣстѣ съ приходскими священниками выбирали учителей латинскаго языка (régents de a langue latine) и школьныхъ наставниковъ (maîtres d'école).“ Въ послѣдствіи революціонные реформаторы дали широкое мѣсто „участію общества“ въ дѣлахъ школы. Учителей въ Центральныя школы замѣнявшія коллежи назначали „присяжные по части просвѣщенія“—jury d'instruction publique, изъ общественныхъ дѣятелей. Произошли великіе куріозы.

Въ заключеніе замѣчу что въ нѣкоторыхъ наказахъ предлагается составить для школъ „національный катехизисъ“ (catéchisme national) съ изложеніемъ въ общедоступной формѣ началъ имѣющей быть составленной государственной конституціи.

РАЗГОВОРЪ ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ.

Пріятель. Странное впечатлѣніе въ запискахъ людей конца прошлаго вѣка во Франціи производитъ сравненіе главъ описывающихъ французскую жизнь образованнаго круга въ предреволюціонную эпоху съ изображеніемъ невѣроятныхъ явленій эпохи революціи. Особенно это рѣзко у лицъ которыхъ переворотъ засталъ въ лѣтахъ зрѣлыхъ и преклонныхъ какъ у Мармонтеля и аббата Мореле. Точно двѣ разныя страны!

А в т о р ь. Историки революціи разсматривающіе событіе съ высоты своихъ политическихъ теорій нерѣдко проглядываютъ что дѣйствующими лицами этого событія были живые люди и забываютъ ту массу страданій которая была приведена въ страну совершателями переворота болѣе всего говорившими о благѣ человечества. Во что обошлась революція и что она произвела? Теоретикъ революціонной доктрины наговорить объ этомъ чудеса. Наблюдатель безпристрастный усмотритъ что революція какъ государственный переворотъ произвела одно—перемѣненіе власти отъ законной династіи, чрезъ безумный. Конвентъ, въ руки гениальнаго похитителя престола. Его войнами, во имя началъ вовсе не революціонныхъ, опредѣлилось само всемірное значеніе французской революціи какъ историческаго событія. Не было политическаго положенія презрѣннѣе того въ какое революція съ первыхъ дѣтъ своихъ поставила Францію. Лордъ Аукландъ (Auckland),

представитель Англiи въ Голландiи, въ официальномъ бумагѣ называетъ членовъ Конвента „мерзавцами (misérables) образующими то что они называютъ Национальнымъ Конвентомъ“, ихъ собранiе „соединенiемъ негодяевъ, мнимыхъ философовъ, мечтающихъ въ избыткѣ тщеславія о средствѣ утвердить новый общественный порядокъ“. Боркъ еще въ 1790 году говорилъ въ парламентѣ о Франціи: „Францію съ политической точки зрѣнія можно разсматривать какъ исключенную изъ европейской системы: политически она не существуетъ“. Эти факты я встрѣтилъ въ переводномъ сборникѣ *Recueil de discours prononcés au Parlement par Fox et Pitt* (Paris 1819; IX, 90; XI, 5, 57).

Выдвигаая среднее сословіе какъ политическую силу, Французское правительство, какъ мы видѣли, близоруко надѣялось опереться на эту силу. Оно не замѣчало что выдвигаетъ такимъ образомъ не среднее сословіе, само по себѣ представлявшее косную политическую массу, но тѣхъ кого мы назвали ходатаями за это сословіе, интеллигентное разночинство, преобразовавшееся затѣмъ въ якобинство. Могуущественнымъ революціоннымъ рычагомъ было чувство зависти и озлобленія именно въ этомъ межеумочномъ классѣ. Серioзной грани въ правахъ дворянъ и не дворянъ уже не было, феодализмъ былъ уже разрушенъ, дворянство не было правящимъ классомъ, доступъ въ него чрезвычайно облегчился. Но въ общественномъ сужденіи еще была пропасть между поватіями дворянъ и не дворянъ. Суетный титулъ былъ знаменіемъ касты. Средняго сослiя нѣтъ, говорилъ Черутти, ибо каждый рвется изъ него выйти. Это относилось именно къ тому разночинному классу въ которомъ лишеніе суетнаго отличiя чувствовалось какъ ядовитое оскорбленіе. Дворянство губило себя и прожило старую Францію, прожило ее и чрезъ посредство тѣхъ своихъ членовъ которые въ сословіи являлись органами саморазрушенія и чрезъ посредство тѣхъ которые пребывали въ тулой надменности. Дурное правительство въ обществѣ жившемъ для наслажденій— вотъ что произвело революцію. Несостоятельность королевской власти, несостоятельность высшихъ классовъ, наименованныхъ аристократами, и въ качествѣ таковыхъ уничтоженныхъ революціей, обратили политическое движеніе въ процессъ преобразованiя Франціи изъ монархическаго государства въ государство демократическаго строя и притомъ съ

устраненіемъ религіознаго элемента изъ государственной жизни. Какой тягостный революціонный процессъ начался съ тѣхъ поръ, до сихъ поръ продолжающійся, неизвѣстно чѣмъ кончится, можетъ-быть грозацийъ прекрасной странѣ полнымъ паденіемъ! Черезъ сто лѣтъ тревожнаго существованія она и теперь стоитъ предъ тою же задачей какую хотѣла разрѣшить въ первые годы революціоннаго движенія. Вотъ почему такъ живучи революціонныя преданія и, при всемъ несомнѣнномъ безуміи процесса, Франція не научилась еще, еще не можетъ смотрѣть на него трезвыми глазами. Тамъ это понятно. Но мы-то куда тянемся, въ угоду нашихъ доморощенныхъ будущихъ Робеспьеровъ, Демуленовъ, Дантововъ и пожалуй Маратовъ? Всѣ пріобрѣтенія въ какихъ усматривается прогрессъ человѣчества въ послѣднее столѣтіе свершались параллельно революціи, но непосредственно ею обусловлены не были. Революція сама по себѣ обратила было образованную Францію въ страну варваровъ.

Пріятель. Развернемъ записки Мореле. Аббатъ Мореле, скончавшійся девяностолѣтнимъ старцемъ въ 1819 году, былъ авторъ многихъ политико-экономическихъ сочиненій, членъ и потомъ секретарь Французской Академіи. Онъ пережилъ революціонный погромъ, заставшій его на шестьдесятъ второмъ году жизни, былъ свидѣтелемъ разрушенія Академіи, участвовалъ потомъ въ ея восстановленіи и является живою связью двухъ эпохъ. Мореле съ любовью останавливается на изображеніи дореволюціоннаго жита-бытѣя и вводитъ читателя въ міръ старой, любезной, образованной, салонной Франціи, когда жилось весьма привольно, главные интересы въ образованномъ кругѣ сосредоточивались на вопросахъ литературы, искусства, науки; вопросы политики обсуждались еще какъ вопросы философскіе. Страсти разгорались по поводу музыкальнаго соперничества Бюка и Пиччини. Мармонтель, другъ Мореле, женившійся на пятьдесятъ четвертомъ году на его восемнадцатилѣтней племянницѣ, пересталъ посѣщать его завтраки, чтобы не встрѣчаться съ прежними друзьями своими, аббатомъ Арио и г. Сюрдомъ, съ которыми разошелся по слѣдующему поводу. Первый напечаталъ въ *Journal de Paris* по поводу оперы Пиччини, либретто которой было составлено Мармонтелемъ, что Пиччини написалъ *Орландино*, тогда какъ Глюкъ создаетъ

Орландо, а Свартъ въ свою очередь принялъ сторону Глюккисгользъ.

Мореле описываетъ маленькій кружокъ собиравшійся въ Отбѣи у вдовы Гельвеція и въ Пасси у Франклина, разстроившійся съ отъѣздомъ въ 1785 году знаменитаго Американца на родину; рассказываетъ анекдоты, приводитъ куплеты своего сочиненія, оканчивавшіяся призывомъ:

Le verre en main
Chantons notre Benjamin!

Онъ приводитъ шутовское письмо стараго Франклина къ Mme Helvetius. Американскій философъ, увеселій изъ Франціи наилучшія воспоминанія, шлетъ фантастическое посланіе къ своей пріятельницѣ. Онъ очутился, пишетъ, въ Елисейскихъ Поляхъ въ компаніи Сократа и Гельвеція. Покойный Гельвецій спрашиваетъ о женѣ, рассказываетъ какъ послѣ продолжительнаго гора наконецъ утѣшился найдя новую подругу. Подруга оказалась не иная кто какъ покойная жена Франклина. Гельвецій совѣтуетъ Франклину, если тотъ желаетъ имѣть успѣхъ у Mme Гельвецій, обратиться за ходатайствомъ къ аббату Мореле, задобивъ его хорошимъ кофе со сливками. Мореле такъ дорожитъ счастливыми воспоминаніями кружка что присоединяетъ къ главѣ о немъ рисунки комическихъ фигурокъ грубо набросанныхъ Франклиномъ.

Перевернемъ нѣсколько главъ. Мы въ 1793 году. Французская Академія закрыта. Мореле лишился средствъ существованія и чтобы сохранить небольшую пенсію за *тридцать пять* лѣтъ полезныхъ трудовъ долженъ былъ получить „свидѣтельство политической благонадежности“, *certificat de civisme* отъ Парижской коммунъ. Свидѣтельство надлежало получить прежде всего въ своемъ участкѣ отъ мѣстнаго комитета общественной безопасности. Оттуда оно поступало въ общій совѣтъ коммунъ, засѣдавшій въ думѣ. Совѣтъ или утверждалъ свидѣтельство или отвергалъ его. Мореле получилъ свидѣтельство отъ комитета своего участка въ Элисейскихъ Поляхъ. Разъ восемь ходилъ въ думу, но бесполезно. Не находилъ его бумагъ вслѣдствіе большаго скопленія просителей. Наконецъ пришла его очередь. Въ сентябрѣ 1793 „я явился, пишетъ онъ (*Мет.* I, 436), въ думу часовъ около шести вечера. Два амфитеатра на концахъ залы были заняты женщинами изъ простонародья, вазавшими чулки, почиивавшими

жесты и штаны, въ большинствѣ съ горящими глазами, солдатскими ухватками, съ лицами достойными кисти Гогарта. Ихъ навивали чтобъ участвовать въ спектаклѣ и аллюдировать въ эффектныхъ мѣстахъ.“ Въ семь часовъ открылось засѣданіе. Читали протоколъ предыдущаго, въ которомъ отмѣчено что патриоты съ великою радостію услышали объ арестѣ Балли „продавшаго кровь гражданъ на Марсовомъ Поля““. Въ другой статьѣ протокола коммуны уломивалось о постановленіи чтобы хорошенькія женщины не являлись въ бюро мерій съ ходатайствами объ освобожденіи аристократовъ. Геберъ (Hébert) жаловался что декретъ не исполняется. При аллюдисментахъ Геберъ громилъ „хорошенькихъ женщинъ“. За чтеніемъ протокола послѣдовалъ приемъ делегатацій отъ пяти участковъ представившихъ каждый своихъ новобранцевъ. Группы входили съ барабаннымъ боемъ, нѣкоторыя съ музыкой. Ораторы отъ имени товарищей обѣщались „очистить почву свободы отъ слутниковъ деспотизма, низвергнуть всѣхъ тирановъ съ ихъ троновъ, скрѣпить кровью зданіе свободы“. Президентъ отвѣчаетъ каждому и въ концѣ всякой рѣчи запѣваетъ *Марсельзу*. Собраніе подхватываетъ хоромъ. Одинъ изъ ораторовъ каялся „равенствомъ, свободою и братствомъ, единственною троицей въ какую хотимъ вѣрять и которая, вѣруемъ, едина и нераздѣльна“. Жлопанье, бросанье вверхъ шалокъ. „Это поразило меня, прибавляетъ Мореле, какъ предвѣстіе уничтоженія христіанской религіи, скоро послѣдовавшее“. Послѣ делегатацій вышелъ какой-то равеный солдатъ и началъ рѣчь: „Граждане, я служивый, рана у меня: вотъ она. Пославъ чтобы присягу принести, что вотъ кланусь умереть на своемъ посту, истребить тирановъ и проч. (j'ai-t-été à l'armée, et j'ai-t-eu une blessure que la voilà et l'on m'a-t-on envoyé faire mon serment que je jure de mourir à mon poste, d'exterminer les tyrans etc).“ „Аллюдисменты, какъ теперь принято говорить, покрыли рѣчь. Равеный герой былъ такъ доволенъ что счелъ долгомъ начать опять сначала. Выслушали и вновь аллюдировали. Но когда онъ хотѣлъ повторить рѣчь въ третій разъ, ему дали не безъ труда понять что довольно и что всякому свой чередъ.“ Потомъ явились три австрійскіе дезертира и ломанымъ языкомъ принесли присягу. Пришла очередь просителей свидѣтельствъ. Противъ Мореле возбуждено сомнѣніе. Одинъ изъ присутствовавшихъ

выразилъ что ему помнится Мореле лѣтъ пятнадцать тому назадъ писалъ что-то въ защиту деспотизма. Предложена комиссія съ порученіемъ ознакомиться съ сочиненіями Мореле и сдѣлать докладъ. Въ комиссію назначены граждане Віаларъ (Vialard), тотъ самый что возбудилъ сомнѣніе, Бернаръ и Парисъ. Мореле долженъ былъ тащить къ нимъ свои сочиненія. Віаларъ выслушалъ объясненія ученаго аббата, жаловавшагося на повесенныя потери. „Вы потеряли, да и всѣ также. И я утратилъ мое положеніе съ революціей.“ Мореле поинтересовался какое было это положеніе. „Онъ храбро отвѣчалъ: я былъ дамскій парикмахеръ, но всегда любилъ механику и представилъ въ Академію Наукъ тулеи (tourrets) моего изобрѣтенія.“ Таковъ былъ первый комиссаръ. Инкриминированное сочиненіе оказалось *Теорія парадокса* (*Théorie du paradoxe*), гдѣ Мореле иронически хвалитъ Ланге (Linget) по поводу его выходокъ въ пользу восточнаго деспотизма и правительствъ Персіи и Турціи. Бернаръ оказался бывший священникъ женившійся на молодой особѣ „весьма безобразной и грязной“, по описанію Мореле. Парисъ былъ учитель. Этотъ зналъ нѣкоторыя сочиненія Мореле, и бѣдный аббатъ возложилъ было на него нѣкоторыя надежды; но повредилъ себя позволивъ въ бесѣдѣ вдвоемъ высказать ужасъ по поводу казней умножавшихся съ каждымъ днемъ. Парисъ отзывался потомъ что Мореле очень неостороженъ. Четыре раза ходилъ Мореле въ Думу, оставался отъ шести до одиннадцати часовъ вечера; нѣкоторые изъ просителей говорили ему что имъ случалось ждать до двухъ и трехъ часовъ ночи. Тѣ же сцены проходили предъ его глазами съ небольшими варіаціями. Пѣли *Марсельезу* по многу разъ, потомъ какіе-нибудь куплеты. Поетъ президентъ фальшивымъ басомъ, съ удивительными ужимками. Поетъ какой-то юноша, съ позволенія собранія, длинную пѣсню своего сочиненія, въ двѣнадцать куплетовъ. Одна скромная женщина изъ простонародья замѣчаетъ Мореле: „странно что они проводятъ время засѣданій въ пѣнці; развѣ затѣмъ они здѣсь?“ Мореле такъ и не добился свидѣтельства. Состоялось постановленіе что такъ какъ участки слишкомъ свисходительно роздали свои удостовѣренія, то надлежитъ отымать выданныя и требовать новыхъ. Это послужило впрочемъ къ счастью Мореле. Неизвѣстно какаѣ судьба ждала бы его еслибы стали обсуждать его благонадежность. До Мореле

донскаго разговоръ о немъ Гебера въ ресторанѣ близъ Тюильри. Кто-то сказалъ что свидѣтельства раздаются слишкомъ легко. Вотъ де выдали аббату Мореле, а онъ писалъ противъ Руссо (и въ этомъ преступленіи Мореле былъ не повиненъ, противъ Руссо не писалъ). Геберъ замѣтилъ: „ты ошибаешься, Мореле не получилъ свидѣтельства, его отослали въ комиссію. Когда докладъ будетъ готовъ и онъ явится,—будетъ принятъ какъ сабдуеть. Впрочемъ эти старые попы намъ больше вредить не могутъ. У нихъ ничего нѣтъ. Они рады попасть въ тюрьму чтобъ ихъ кормили на счетъ націи. Ну, мы имъ этого удовольствія не доставимъ“.

Въ апрѣлѣ 1794 года, въ Фонтенэ, въ окрестностяхъ Парижа, въ дверь загороднаго дома г. Сюрардъ постучался путникъ, съ длинною бородой, въ оборванной одеждѣ, раненый въ ногу и умирающій съ голоду. Это былъ извѣстный математикъ, членъ Академіи Наукъ, писатель, журналистъ, видный революціонный дѣятель маркизь де-Кондорсе. Сюрардъ, удаливъ прислугу, призналъ несчастнаго укрывшагося изъ Парижа и нѣсколько дней скитавшагося въ окрестностяхъ столицы; далъ ему хлѣба, сыру, вина и отправилъ изъ дому, обѣщая выхлопотать чрезъ одного госпитальнаго смотрителя цвалидный паспортъ и прося тайкомъ придти черезъ день. Кондорсе не явился болѣе. На третій день Сюрардъ услышалъ что какого-то человѣка арестовали въ Кламарѣ. Это былъ несчастный академикъ. Онъ обратилъ на себя вниманіе одного изъ вольнопрактикующихъ шпіоновъ, какими тогда кишѣла Франція, своимъ видомъ и жадностію съ какою ѣлъ яичницу на постояломъ дворѣ, куда послѣ скитанія по дѣсу зашелъ истомленный голодомъ. Его посадили подъ стражу. Въ ночь онъ отравился ядомъ какой всегда носилъ съ собою. Сюрардъ вспомнилъ что при прощаньи онъ говорилъ: „если буду имѣть ночь предъ собою, не боюсь. Но не хочу чтобы меня вели въ Парижъ“. По ироніи судьбы, во время своего укрывательства въ Парижѣ Кондорсе писалъ *Историческую таблицу успѣховъ ума человеческого (Tableau historique des progrès de l'esprit humain)* изданную по его смерти (Paris, 1795). Не останавливаясь на страшныхъ картинахъ революціонныхъ казней.

А в т о р ъ. Ты указываешь черты изъ той эпохи когда во власть поддался тотъ сбродный классъ къ которому принадлежали комиссары разсматривавшіе сочиненія Мореле: не

многимъ выше стояли и члены Конвента. Припоминается мнѣ очеркъ общественной жизни въ Парижѣ въ переходную эпоху, когда монархія лежала уже поверженною, но республика еще не наступила. Очеркъ принадлежитъ извѣстному нѣмецкому писателю Коцебу. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по смерти жены Коцебу, желая разсѣяться, предпринялъ въ концѣ 1790 года поѣздку въ Парижъ. Не имѣя особеннаго знакомства, онъ могъ наблюдать общественную жизнь только на улицѣ и особенно въ театрѣ. Тѣмъ не менѣе отмѣчавшыя имъ черты весьма интересны именно для характеристики зачинавшагося перехода отъ предреволюціоннаго общества, когда тояъ давали дворъ и высшіе классы, къ эпохѣ когда прекрасная страна грозила превратиться въ громадный кабакъ и тюрьму. Сочиненіе называется *Мое бѣгство изъ Парижа въ зимній мѣсяцъ 1790 года* (*Meine Flucht nach Paris im Wintermonat 1790. Kotzebue, Kleine gesamm. Schriften, Leipzig 1791, IV*). Вотъ нѣсколько отрывковъ.

„19 декабря (1790). О свободѣ и обо всемъ что къ ней относится болтають здѣсь всюду до отвращенія. Нашъ парикмахеръ, членъ національной гвардіи и ревностный демократъ, называетъ короля не иначе какъ le pauvre homme, а королеву la coquine, la miserable femme du roi; когда въ добромъ расположеніи духа—la femme de Louis XVI, если же въ насмѣшливомъ, la femme de pouvoir executif. Вообще позволяютъ себѣ громко говорить: жаль и вредно что королеву не убили 6 октября, когда къ тому было такъ близко. Народъ въ безпокойствѣ что императоръ Леопольдъ двинетъ свои войска во Францію. Разказываютъ что королева нашла подъ салфеткой записку заключающую угрозу что ея голова будетъ на лѣкѣ поднесена ея брату если онъ осмѣлится коснуться французской свободы.

„Нѣсколько дней тому назадъ въ Оперѣ былъ поразительный случай. Играли *Ифигенію*. Послѣ хора: „воспоемъ, прославимъ нашу королеву (chantons, célébrons notre reine) герцогина Биронъ и нѣкоторые въ сосѣднихъ ложахъ зааплодировали, закричали bis! bis! что обыкновенно не принято въ Оперѣ. И когда актеръ осмѣлился заставить хоръ повторить, герцогина бросила ему на сцену лавровый вѣнокъ. Этого было довольно и слишкомъ чтобы привести публику въ ярость. Закричали, затопали, обозвали герцогиню satin; все бросилось наружу, накупили и захватали

алельсивовъ, яблоковъ, грушъ, и мягкихъ и жесткихъ. Вся лежа во мгновеніе была покрыта плодами, а бѣдная герцогиня синяками. И еще счастье что брошенный вмѣстѣ вожикъ не попалъ въ нее. Кучка болѣе озорная чѣмъ заводская притащила лучки розогъ чтобы раздѣлаться съ ней предъ всею публикой. Герцогиня имѣла настолько присутствія духа что дала въ волю накричаться и оставалась спокойною. Выдь она изъ ложи, ее разорвали бы въ фойе; позволь себѣ оскорбительное слово или жестъ, ее разорвали бы въ ложѣ. Наконецъ все поуспокоилось. Герцогиня собрала всѣ яблоки, груши и алельсины, не забыла и вожикъ, и послала все къ маркизу Лафаетту, приказавъ сказать ему: „вотъ нагляднѣйшія доказательства французской свободы“ (des preuves frappantes de la liberté française). Актеръ Эвие долженъ былъ на другой день смиренно просить у публики прощенія и полученный вънокъ публично растоптать ногами. Герцогиня, говорить, выѣхала изъ Парижа.

„Доказательства раслущенности можно встрѣтить на каждомъ шагѣ. Кучеръ фіакра везшаго насъ вчера въ hôtel d'Angleterre et de Russie, гдѣ мы остановились, называлъ моего товарища mon ami. Тотъ спросилъ смѣясь: „серiously ты думаешь что я твой другъ?“—Ah, ба, отвѣчалъ кучеръ,—мы всѣ равны (nous sommes tous égaux). Нашъ лонлакей, привелъ экипажъ чтобы намъ ѣхать въ оперу, безъ церемоніи полпросилъ позволеніе сѣсть вмѣстѣ съ нами, такъ какъ де не хороша погода.“

Коцебу былъ въ Итальянскомъ театрѣ. Играли пьесу *Sargines*. Слова: il faut vaincre ou mourir pour son roi! вызвали громъ рукоплесканій. „Еслибы судить по этому громкому одобренію, можно бы подумать что каждый Парижанинъ горитъ желаніемъ умереть за того самаго короля котораго зоветь pauvre homme.“

Особенно заслуживаетъ вниманія сдѣланное Коцебу описаніе спектакля 24 декабря въ Национальномъ Театрѣ (théâtre de la Nation). Давали трагедію *Брутъ* и пьеску пользовавшуюся большимъ успѣхомъ и касавшуюся современныхъ событій *Пробужденіе Эпименида въ Парижѣ*. Въ трагедію съ увлеченіемъ „доходившимъ до безумія“ хлопали стихамъ:

Destructeurs des tyrans, vous qui n'avez pour lois
Que les dieux de Numa, vos vertus et nos lois...

...Je porte en mon coeur

La liberté gravée et les rois en horreur! и т. д.

За то нѣкоторые стихи произвели волненіе въ противоположномъ смыслѣ. Актеру почти не дали кончить монологъ заключившіяся словами:

Les droits des souverains sont ils moins précieux?
Nous sommes leurs enfants, leur juges sont les dieux!

Не меньшая вспышка была при стихахъ:

Rome a changé de fers et sous le joug der grands
Pour un roi qu'elle avait a trouvé cent tyrans.

„При этихъ словахъ какой-то дерзновенный, монархически настроенный, сидѣвшій въ ложѣ второго ряда, вздумалъ захлопать. Весь партеръ пришелъ въ движеніе, поднялись съ мѣсть. Тотъ шикаетъ, другой кричитъ: „ахъ, какъ это глупо“. Образуются угрожающія группы, стовъ стовтъ отъ криковъ, стука, толпанья. Всѣ глядятъ въ сторону откуда раздавалось хлопанье. Актеры остановились и ждутъ чѣмъ кончится. Наконецъ бурныя волны улеглись мало-по-малу. Хлопавшаго не нашли. Покажи его сосѣди, висѣть бы ему безъ милости на фонарѣ.

„Смѣшно мнѣ было смотрѣть какъ эти бѣдныя, маленькіе Французы все что говорили и дѣлали великіе Римляне! прилагали къ себѣ... При словахъ

Sois toujours héros, sois plus, sois citoyen!

у каждаго лортнаго высоко поднималось сердце въ груди. Приятно было слышать какъ легко сдѣлаться болѣе чѣмъ героемъ!“

Въ піесѣ *Пробужденіе Эпименида* выражается какъ долженъ былъ думать революціонный, но благомысленно по тому моменту настроенный Парижанинъ. Театръ представлялъ Тюильрійскій садъ. Аристъ рассказываетъ своей дочери Жозефинѣ что Эпименидъ, проживъ нѣкоторое время, засыпаетъ на сто лѣтъ и потомъ пробуждается къ новой жизни. Онъ долженъ сегодня проснуться. Что онъ увидитъ? Найдеть „меньше блеску и больше правды, суетность и глупость въ траурѣ и народъ за что-нибудь почитаемый“ (compté pour quelque chose). Является Эпименидъ. Радъ вновь увидѣть садъ насаженный для Лудовика Великаго; сожалѣетъ что государь этотъ предпочиталъ печальный Версаль этому веселому мѣстопребыванію. Аристъ отвѣчаетъ что „потомокъ Лудовика Великаго, кумиръ Франціи, предпочелъ жить здѣсь среди народа, принося съ собою покой и счастье. Его не окружаетъ уже чужеземная стража“ и пр. Все это мѣсто

сидеть было почти рассыпаться отъ восторженныхъ восклицаній публики. Всѣ кричали bis! bis! и актеръ долженъ былъ повторить.

Элименидъ. Уничтожены ли всѣ злоупотребленія?

Аристъ. *(позжимая плечами.)* Многія.

Элименидъ. У придворныхъ теперь значитъ другая система? *(съ партнеръ крики: non! non!)* Не обманываетъ ли меня?

Аристъ. Мудрый монархъ не спрашиваетъ болѣе совѣта отъ придворныхъ.

Элименидъ. Спрашиваетъ значитъ парламенты?

Аристъ. Ни мало.

Элименидъ. Кого же?

Аристъ. Каждый честный человекъ его совѣтникъ. Каждая провинція платитъ своихъ ко двору. Нельзя все сдѣлать въ одинъ день. Нѣкоторые разыграли печальныя роли, но это прошло. Небо очищается, кто будетъ теперь еще думать о буряхъ. Все идетъ хорошо, свободный народъ любитъ своего короля, повинуется королю, а монархъ законамъ. *(Громкое одобреніе.)*

Въ седьмой сценѣ Элименидъ удивляется что журналистъ Горги позволялъ себя распространять невѣрные извѣстія и выражаетъ опасеніе не посадили бы деревеннаго въ Бастилію. Съ удивленіемъ слышитъ что Бастилія нѣтъ болѣе. „Какъ, укрѣпленіе противъ котораго тщетно воевалъ великій Ковде три мѣсяца?“

Жозефина *(шутливо.)* Теперь люди искусивъ. На это требуется часъ или два.

Д'Аркуръ. *(Одно изъ дѣйствующихъ лицъ.)* Нѣсколько храбрыхъ гражданъ взяли трудъ освободить городъ и разрушить стѣны служившія мстительности тирановъ, подозрительности министровъ, прихотямъ любовницъ.

Мше Brochure покупаетъ летучіе листки: ни одной лѣсенки, все политика. Элименидъ освѣдомляется о великихъ поѣздахъ своего времени.

Элименидъ. Мольтеръ?

Мше Brochure. Его время прошло.

Элименидъ. Какъ, болѣе не слышать его прекрасныхъ стиховъ?

Мше Brochure. Иногда въ театрѣ, но это постыдные дни.

Элименидъ. Но Корнель?

Мше Brochure. Боже оборони!

Элименидъ. Расивъ?

Мше Brochure. Стиховъ больше не читаютъ. Каждый вѣкъ имѣетъ собственныя глупости. Цѣлыхъ десять лѣтъ стучала энциклопедія въ головы.

Жозефина. Потомъ пошла темнѣ, наконецъ при дворѣ появилось не мало экономистовъ, но ни одного эконома. Теперь политика на очереди. Каждый мастерить государство, и даже у кокетки на туалетѣ лежитъ книга о правахъ человѣка.

Является Monsieur Roture, бывшій королевскій цензоръ, лишившійся мѣста и не получившій пенсіона. Очень недоволенъ новыми порядками. Ему совѣтуютъ найти какое-нибудь мѣсто. Онъ сознается что хотя можетъ цензурировать Руссо и Вольтера, но самъ писать не можетъ.—Что же вы можете дѣлать?—Цензурировать.—И убѣгаетъ.

Арендаторъ (Pachter) говоритъ: Теперь не то. Мы уважаемъ храбраго дворянина, дерущагося за насъ на войнѣ, и работаемъ на него, но не хотимъ чтобы какая-нибудь шельма насъ притѣсняла. Мы знаемъ права человѣка.

Дворянинъ: Послушать этого малаго, можно подумать что мы равны. Да было прежде хорошее времячко во Франціи! Маркизь кланялся предъ герцогомъ, купецъ предъ маркизомъ, крестьянинъ предъ куцумъ и т. д. Заключаетъ желаніемъ найти на широкомъ свѣтѣ уголокъ гдѣ было бы хотя немножко вкусу къ работу и если найдеть все только свободу бросится въ ближайшую рѣку.

Аббатъ: Отнимаютъ у насъ деньги и оставляютъ намъ обязанности. Надо бы наоборотъ, сложить обязанности и оставить деньги.

Танцмейстеръ жалуется на паденіе искусства. „Не танцуютъ болѣе. Между аристократами были лучшіе мои ученики.“ Заключаетъ извѣщеніемъ о предстоящемъ устраиваемомъ имъ праздникѣ по модѣ: національномъ балетѣ.

Являются офицеръ и два солдата національной гвардіи.

Элименидъ. Чего хотятъ эти люди?

Аристъ. Вы требовали ихъ.

Элименидъ. Я? Боже сохрани! Я просилъ портнаго.

Портной. Онъ предъ вами: я, рядовой.

Элименидъ. И прокурора.

Прокуръ. Сдѣлаася гренадеромъ.

Элименидъ. Нотаріуса.

Нотаріусъ. Вы видите его офицеромъ.

Д'Аркуръ. Мы всѣ солдаты. У короля столько воиновъ сколько подданныхъ.

Начинается круговая лѣсня:

J'aime la vertu guerrière
Des nos braves défenseurs;
Mais d'un peuple sanguinaire

Je deteste les farceurs.
 A l'Europe redoutables,
 Soyons libres à jamais,
 Mais soyons toujours aimables
 Et gardons l'esprit français!

Увы! и эта любезность и этотъ духъ уже отлетѣли.

Начался балетъ. Националгарды гордо танцовали съ красными дѣвучками украшавшими ихъ шпалы національными кокардами. Весь отрядъ проходитъ предъ публикой, отдавая честь. Развертываютъ бѣлое знамя съ надписью: свобода. Заванъсъ падаетъ.

„А не малая, надо признаться, заключаетъ Коцебу, непопулярность Французовъ въ *Брутъ* прилагать къ ихъ королю что говорилось о Тарквиніи, а во второй піесѣ радость хлопать тому что этотъ самый король больше не въ Версаль, а живетъ среди ихъ.“ Явное свидѣтельство колебанія чувствъ толпы и ея отзывчивости на всяческія возбужденія. Піеса интересна, именно какъ характеризующая переходное время. Все аристократическое исчезаетъ, но кабакъ еще не наступилъ.

Коцебу присутствовалъ еще при одномъ любопытномъ зрѣлищѣ. Онъ былъ въ Национальномъ Собраніи.

Въ собраніе пускали по билетамъ. Истративъ шесть франковъ, Коцебу и его два слутвика добыли три билета и 3 января 1791 года отправились въ собраніе. Отъ воротъ гдѣ должно было оставить экипажъ до входа въ собраніе пришлось пройти два двора. „На одномъ была такая грязь что можно было завязить башмаки, другой былъ половъ водой. Два Савойяра разожили доски и пропускали по нимъ за плату... Наконецъ приближились мы къ самому зданію. Вслушиваюсь. Свобода уже гремѣла намъ навстрѣчу: шагавъ по крайней мѣрѣ за двѣсти до дѣйствицы до меня долетѣли звуки грубаго смѣха. Смѣхъ шелъ изъ залы собранія. Насъ провели на галлерей; она вся, по крайней мѣрѣ въ три человѣческихъ роста, была набита посѣтителями и намъ не удалось за свои шесть франковъ найти удобнаго мѣста. Зала очень длинна и широка. На обѣ стороны по длинѣ амфитеатра возвышаются лавки на которыхъ сидятъ члены собранія. Но многіе ходятъ вокругъ, или стоятъ въ среднемъ проходѣ, свуютъ назадъ и впередъ, имѣя въ рукахъ записные листки на которыхъ отъ времени до времени дѣлають отмѣтки. Словы сегодня были весьма живые. При нашемъ входѣ стоялъ на

лѣвой сторонѣ какой-то молодой человекъ и декламировалъ противъ духовенства. Говорилъ о какомъ-то священникѣ который приносилъ присягу присоединилъ: „согласно тому что сказалъ епископъ Лиддскій“. По этому поводу произошелъ великій шумъ. Кричали дербивая одишь другаго, поддразнивая, говоря *bons mots* и смѣясь неприличнымъ образомъ. Этотъ грубый смѣхъ, часто повторявшійся, казался мнѣ оскорбляющимъ достоинство собранія, и еслибъ я былъ его членомъ, этотъ хохотъ и насмѣшливыя выходки прогнали бы меня, какъ прогнали теперь въ качествѣ зрителя. Послѣ того какъ послѣдовало торжественное заключеніе: „духовенство должно приносить присягу безъ ограниченій“ собраніе перешло къ вопросу о свидѣтельскихъ показаніяхъ. Я уже мало интересовался происходившимъ и ушелъ. Пришелъ я въ собраніе съ большими ожиданіями, удалася унесъ самый мизерный образъ въ душѣ.“

Въ изданіи Архенгольца *Minerva*, въ первомъ томѣ 1792 года (*Minerva, ein Journal von Archenholtz, Berlin, 1792, стр. 27*) есть также любопытная картинка втораго Национальнаго Собранія (Законодательнаго). Архенголецъ, находясь въ Парижѣ, былъ 29 октября 1791 года, вскорѣ послѣ открытія Законодательнаго Собранія, въ одномъ изъ его засѣданій. Извѣстно что члены этого втораго собранія были, согласно постановленію перваго, всѣ новые, не засѣдавшіе въ Конституантѣ. Это были, замѣчаетъ Архенголецъ, „большею частію молодые люди, отпавшійся въ ихъ провинціяхъ болѣе горячестію къ конституціи чѣмъ свѣдѣніями, болѣе юркою живостію чѣмъ разумніемъ и которые были, главное, лишены всякой опытности. Въ поведеніи многихъ изъ нихъ какъ внутри, такъ и внѣ собранія, проглядывала недостаточность образованія. По большей части они были изъ бѣдныхъ и могли потому рѣшиться на самыя смѣлыя законоположенія, ибо имъ терять было нечего. Парижъ былъ для нихъ невѣдомою страной. И при этомъ они больше всего боялись общества Якобинцевъ съ ихъ огромнымъ вліяніемъ“. Архенголецъ такъ описываетъ что видѣлъ. „Для министровъ въ собраніи противъ президента особая скамья, гдѣ они сидятъ какъ зрители, могутъ, если хотятъ, свѣдѣть за преніями, но не имѣютъ права высказывать своего мнѣнія объ обсуждаемыхъ предметахъ если не будутъ къ тому приглашены. Они сидѣли на своихъ

окамьяхъ какъ и зрители въ галлерейхъ съ непокрытою головою, тогда какъ напротивъ члены собранія сидятъ покрывшись. Военный министръ, сидя на своемъ мѣстѣ, разбираетъ еще бумаги, когда какой-то дурно одѣтый, по манерамъ суда, неблаговоспитанный юноша, парадировавшій здѣсь какъ законодатель, выступилъ и громкимъ голосомъ обратилъ вниманіе президента на непочтительное поведеніе министра не встающаго съ мѣста. Предсѣдатель, г. Дю-Кастель, напомнилъ дѣлающему замѣчаніе что еще выслушаніе министра не началось и что министръ вѣроятно не нуждается въ напоминаніи такого рода. Тотъ впрочемъ немедленно всталъ и приступилъ къ объясненіямъ. Когда присутствовавшій тутъ же министръ юстиціи, Дю Поръ дю Терръ, отличный патріотъ, хотѣлъ, съ дѣлю поддержать товарища по какому-то спорному пункту, дать ближайшія объясненія и просилъ быть выслушаннымъ, то въ отвѣтъ поднялся страшный шумъ. Какъ ни звалъ предсѣдатель въ свой большой колокольчикъ, какъ ни кричали пристава приглашавшіе къ молчанію, шумъ длился нѣсколько минутъ. Когда наконецъ неистовый шумъ прекратился, предсѣдатель формально передалъ желаніе министра быть выслушаннымъ: предложеніе было отклонено огромнымъ большинствомъ голосовъ.“

Но довольно. Мы забѣжали впередъ. Время заключить нашъ довольно длинный очеркъ событій двухъ лѣтъ—съ эпохи созванія нотаблей Каломомъ—когда была подготовлена революція. Мы начали наши бесѣды отрывочными очерками нѣсколькихъ революціонныхъ событій и невольно увлеклись ко внимательному изслѣдованію подготовительной революціонной работы. Этотъ трудъ оконченъ. Пойдемъ ли далѣе? Можетъ-быть. Пока оставимся на порогѣ революціонныхъ событій и взглянемъ на длинный путь какой пришлось бы пройти еслибы пожелади подвергнуть ихъ такому же внимательному изученію. Печальная и потрясающая картина! Подъ шумъ лустозвонныхъ декламаций, уличныхъ криковъ, кровавыхъ столкновеній, при трескѣ разрушающагося государственнаго зданія, власть постепеннымъ паденіемъ переходитъ въ руки равночннаго класса революціонеровъ, немногочисленнаго, но сильнаго беззащитностью, не имѣющаго ничего за собою въ прошедшемъ, увлекаемаго впередъ роковымъ рискомъ неизвѣстнаго будущаго; крайне

непривлекательнаго въ отдѣльных своихъ представителяхъ. Когда мы ближе и ближе знакомимся съ правдой событій, дѣянія героевъ революціи болѣе и болѣе разоблачаются предъ нами. Мы входимъ за кулисы, и зрѣлище представляется крайне непріглядное.

Пусть такъ, скажутъ намъ. Но лѣса все-таки идетъ, ввухшая и ужасъ, и восторги, исторгая и смѣхъ, и слезы. Орудія мелочны, недостойны, но дѣло можетъ быть великимъ. Таинство преподаваемое недостойнымъ служителемъ не теряетъ дѣйствія для вѣрующихъ по заключающейся въ немъ чудесной силѣ. Идея могла проводиться нечистыми людьми, выставляемая убѣжденія быть притворными, въ лучшихъ случаяхъ напускными, но сами по себѣ быть великими приобретеніями человечества. Потокъ можетъ состоять изъ грязныхъ пролитанныхъ плаомъ струй, но обозрѣваемый съ высоты птичьяго полета являться величественнымъ и могучимъ. Сколько историковъ прибѣгаютъ къ этому приему и рисуютъ величественную эполею революціонныхъ событій. Но такъ какъ поднятіе это совершается исключительно воображеніемъ, то понятно картина можетъ представиться весьма разночною, смотря по тому какъ внутренно хочется чтобы она представилась. Превращеніе хода событій въ движеніе якобы усмотрѣнныхъ идей и игру сочивенныхъ образовъ весьма обычный способъ историческаго изложенія. Но это не есть исторія въ положительномъ смыслѣ. Это есть превращеніе событія въ мифъ, для котораго дѣйствительность есть только канва. Есть событія настолько отдаленныя что другое къ нимъ отношеніе невозможно. Но французская революція есть событіе настолько недавнее, оставившее столько документальныхъ слѣдговъ что тутъ возможно и должно быть другое отношеніе. Тутъ можно искать правды дѣйствительности. Нѣтъ сомнѣнія что въ исторіи, подобно какъ въ живомъ организмѣ, совершается осуществленіе нѣкотораго предустановленнаго плана остающагося недоступнымъ пониманію тѣхъ существъ въ которыхъ и чрезъ которыхъ онъ осуществляется и отражающагося въ ихъ сознаніи какъ отражается инстинктивное дѣйствіе въ сознаніи существа его совершающаго, ощущающаго актъ, но не сознающаго его цѣли. Изучающій явленіе старается проникнуть въ этотъ планъ, но онъ можетъ сдѣлать это лишь въ очень ограниченныхъ предѣлахъ. Если хотимъ идти осторожнымъ путемъ естествоиспытателя, то должны дѣлать какъ

естествоиспытатели. Изучимъ прежде всего явленіе въ его реальной правдѣ, обнаруживая дѣйствующія причины, causas efficientes и не перескакивая къ причинамъ конечнымъ, causas finales, разныхъ ступеней. Требуется представить ходъ событий, а предлагается изображеніе путей провидѣнія сочиненныхъ историковъ. Философо-историческая теорія прогресса много содѣйствуетъ мнѣшескому изложенію исторіи, прінадлежность историковъ къ политическимъ партіямъ еще болѣе (по отношенію по крайней мѣрѣ къ событіямъ новаго времени).

Въ чемъ фактически состоитъ событіе именуемое французскою революціей? Оно состоитъ въ перемѣщеніи власти отъ короля и аристократіи къ интеллигентному разночинству въ формѣ національнаго Конвента и отъ Конвента чрезъ нѣсколько ступеней опять къ монархіи въ формѣ императорской диктатуры. Въ періодъ какого мы касались въ нашихъ бесѣдахъ дѣло идетъ о паденіи существующей власти и постепенномъ возрастаніи новой, отъ первыхъ ея начатковъ въ формѣ революціонной партіи. Главная движущая сила—стремленіе къ захвату власти. Остальное орудія дѣйствія. Въ ихъ числѣ были идеи вѣка, какъ были также деньги, какъ могли быть пики и ружья, какъ потомъ и были. Конечно дѣло не дѣлалось такъ чтобы нѣсколько человекъ партіи сѣли вокругъ стола предъ шахматною игрою событій и составили лань, разчитавъ ходы. Но обстоятельства сложились такъ что именно этотъ разночинный классъ оказался въ условіяхъ благопріятныхъ для захвата власти. Исторія этого захвата для насъ особенно поучительна, ибо подобный классъ появился и у насъ, и дѣлаются всяческія усилія, сознательныя и бессознательныя, возвести его въ силу.

Но почему именно этотъ классъ оказался въ условіяхъ наиболѣе благопріятныхъ чтобы принять вываливавшуюся изъ рукъ законнаго правительства власть, принять временно, до той поры когда энергическій солдатъ разгонитъ правителей и сѣдетъ на тронъ? Дѣйствія опредѣляются понятіями. Въ чемъ основная идея революціоннаго движенія?

Революціонное движеніе было движеніе противомонархическое и противорелигіозное. Въ чемъ противоположность его идеи съ идеей монархическаго и религіознаго строя государства?

Основная идея революціи есть—осуществить народное верховенство. Государство есть группа равноправныхъ человекъ

чекскихъ единицъ, управляемыхъ *законами*. Законъ же есть выраженіе *коллективной воли* этой группы. Воля эта есть результатъ *коллективнаго разума* группы. Такова простая, имѣющая видъ политической аксіомы, идея, осуществленіе которой въ действительныхъ человѣческихъ группахъ, по революціонному ученію, требуется для блага и прогресса человечества. Но какъ ни проста идея въ отвѣщеніи, осуществленіе на практикѣ оказывается встрѣчающимъ такіа трудности что набрасываетъ тѣнь сомнѣнія на самую, казалось, аксіому. Единицы оказываются крайне не равной величины, природа не вывела ихъ готовыми изъ своихъ вѣдръ: онѣ рождаются, бывають дѣтьми и старцами; между собой физически неоднородны: одни мужчины, другія женщины. Коллективный разумъ и коллективная воля оказываются неуловимыми и въ томъ смыслѣ какъ предполагаетъ теорія даже не существующими, а потому всѣ попытки къ ихъ непрерывному правильному обнаруженію тщетны, ведущими къ явной фальши. На практикѣ въ огромномъ числѣ случаевъ коллективный разумъ является коллективнымъ неразуміемъ, а коллективная воля стаднымъ подчиненіемъ.

Въ чемъ идея монархическаго и религіознаго строя государства? Въ томъ что верховная власть не есть нѣчто зависящее только отъ воли нащичаго поколѣнія, а есть власть по историческому праву, законная не въ силу сегоднешняго врученія, которое завтра можно отнять, а въ силу теоретически вѣчнаго права чрезъ рядъ поколѣній. Власть есть результатъ и завѣтъ исторіи. Но не есть ли это такая же фикція какъ и коллективная воля? Мирабо приводилъ слова шута обращенныя къ королю: что сдѣлаешь ты сказавъ да, если всѣ мы двадцать милліоновъ скажемъ *нѣтъ*? Это такъ, но сила монархіи именно въ невозможности этого *нѣтъ*, въ присутствіи историческаго сознанія въ народѣ, которое не должно смѣшиваться съ коллективнымъ разумомъ революціонной теоріи, ибо это есть фактъ который можетъ быть усмотрѣнъ каждымъ стороннимъ наблюдателемъ, а не искусственная формула которую обязательно слагать нѣкоторому представительному собранію, интригой образованному, и которую требуется признавать въ качествѣ коллективнаго сознанія, хотя бы со стороны смотрящей наблюдатель въ сознаніяхъ громадной массы действительныхъ людей ничего подобнаго не усматривалъ и даже усматривалъ бы нѣчто противоположное.

Когда власть является дѣятельнымъ историческимъ фактомъ—это значитъ исторія дорога народу, и сознательно въ умахъ развитыхъ и бессознательно въ массахъ. Въ этомъ сила монархіи. Но вѣчнаго нѣтъ, народы не застрахованы отъ переворотовъ. Разница въ томъ что измѣненіе можетъ выходить отъ силы обстоятельствъ или сознанія интересовъ и можетъ выходить изъ идеи разрушенія. Первая посылка монархіи—прочность строя. Первая посылка революціи—снести зданіе чтобы начать новую постройку. Опора прочности въ тѣхъ элементахъ которые связаны съ государственнымъ строемъ своими интересами, на которыхъ перемѣна должна отозваться болѣзненно. Мудрость правительства—не допускать чтобы интересы эти были въ междуусобномъ противорѣчій, грозящемъ потрясеніями, а единились бы въ общей государственной цѣли. Элементъ наиболее подходящий къ цѣлямъ ломки и разрушенія—тѣ которые стоятъ или выходятъ внѣ связанныхъ своими интересами группъ, и для которыхъ главными внутренними возбудителями служатъ отвлеченныя понятія и единичные интересы честолюбія, удачи, въ лучшихъ случаяхъ—служенія идеи.

Присутствіе историческаго сознанія въ народѣ великая гарантія прочности, но само по себѣ еще не ограждаетъ отъ переворотовъ. Поучительно что преданность королевской власти была чрезвычайно сильна въ предреволюціонной Франціи въ значительной части дворянства и въ народѣ. Но это не помѣшало революціи. Дѣло въ томъ что раздробленное сознаніе можетъ легко быть лишено силы и обращается въ могущество лишь при объединеніи и направленіи. Вся революція сдѣлана чрезъ распоряженія отъ власти исходившія вслѣдствіе ослабленія ея и захвата революціоннымъ элементомъ, воспользовавшимся всѣмъ арсеналомъ ея орудій.

Прибавлю въ заключеніе что нѣтъ двухъ понятій болѣе противоположныхъ какъ революція и свобода. Какая можетъ быть рѣчь о свободѣ въ процессѣ когда у одного власть выпадаетъ и вырывается, а другимъ захватывается? Правда, когда идетъ борьба, власть отсутствуетъ. Открывается безнаказанное попрание всяческому своевольству. Но развѣ это свобода?

Я врагъ революціи, я пишу противъ нея, изъ изученія эпохи и наблюденій жизни вынесъ сильнѣйшую антипатію противъ тѣхъ натуръ, алчныхъ къ власти, безсердечныхъ,

насквозь фальшивыхъ, мелкой и завистливой души, изъ которыхъ выработались революціонные жожаки якобинской эпохи и которые суть типическіе представители революціоннаго движенія не въ одной Франціи. Но если чувствую въ себѣ,—при легко смущающейся мягкости и внутренней робости нравственнаго существа своего,—какой-либо дѣятельный инстинктъ, то именно инстинктъ свободы, ближайше родственный съ инстинктомъ безпристрастія и отзывчивостію на каждое угнетеніе и страданіе. Тѣ кому не нравится *Противъ теченія* готовы выставить наши бесѣды какъ тенденціозное служеніе предвзятымъ идеямъ. Смѣю думать что бесѣды наши суть произведеніе *свободнаго духа*.

Пріятель. Амивъ.

ВАРФОЛОМЕЙ КОЧНЕВЪ.

ДВА НЕОКОНЧЕННЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

ГРАФА А. К. ТОЛСТАГО

I.

Когда являлася весна,
Когда природа воскресала
Отъ продолжительнаго сна,
.....
Когда ручьи текли обильно
И распускалися цвѣты,
Младое сердце билось сильно,
Кипѣли весело мечты;
Съ какою радостію чистой
Я вновь встрѣчалъ въ бору сыромъ
Кувшинчикъ сивій и пушистый
Съ его мохнатымъ стебелькомъ;
Какими чувствами родными
Меня манилъ, какъ старій другъ,
Звѣздами полный золотыми
Еще никѣмъ не смятый лугъ!

Потомъ пришла пора иная,
И съ каждой новою весной
Былое счастье вспоминая
Грустный я дѣлался порой,
Когда темнѣли неба своды,
Едва шелтались тростяки,
Звучнѣй ручья струились воды,
Жужжали поздніе жуки,
Казалось мнѣ что мнѣ не даромъ
Грустить весной суждено,
Что неожиданнымъ ударомъ
Блаженство кончиться должно.
.....
.....

II.

Какъ часто ночью въ тишинѣ глубокой
 Меня тревожитъ тотъ же дивный сонъ:
 Въ туманной мглѣ стоитъ дворецъ высокій
 И длинный рядъ дорическихъ колоннъ,
 Средь дикихъ горъ отъ нихъ ложатся тѣни,
 Къ рѣкѣ ведутъ широкія ступени.

И солнце тамъ привѣтливо не блещетъ,
 Порой сквозь тучи выгянетъ луна,
 О влажный брегъ порой лѣнливо плещетъ
 Катясь мимо сонная волна,
 И истукановъ рой на плоской крышѣ
 Стоитъ одинъ другаго выше.

Туда, туда невѣдомая сила
 Вдаль по рѣкѣ влечетъ мою ладью,
 Къ высокимъ окнамъ взоръ мой привоздила,
 Желаньемъ грудь наполнила мою

Я жду тебя. Я жду чтобъ ты склонила
 На темный долъ свой животворный взглядъ ---
 Тогда взойдетъ огнистое свѣтило,
 Въ алмазныхъ искрахъ струи заблестятъ,
 Проснется замокъ, позлатятся горы
 И загремятъ невидимые хоры.

Я жду, но тщетно грудь моя трепещетъ,
 Лишь сквозь туманъ виднѣется луна,
 О влажный берегъ лишь лѣнливо плещетъ
 Катясь мимо сонная волна
 И истукановъ рой на плоской крышѣ
 Стоитъ одинъ другаго выше.

ГРИММЪ

И

ЕГО ОТНОШЕНІЯ КЪ ИМПЕРАТРИЦЪ ЕКАТЕРИНЪ II.

Письма Гримма къ императрицѣ Екатеринѣ II (Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, томъ XXXIII, 1881.)

I.

Сенъ-Бёвъ, изображая Гримма въ своихъ *Causeries du lundi*, замѣчаетъ что портретъ его не можетъ быть полнымъ до тѣхъ поръ пока не будетъ обнародована частная его корреспонденція съ императрицѣй Екатериной. „По всему вѣроятію, говорить онъ, въ этой перепискѣ обнаружатся такія стороны характера Гримма которыя до сихъ поръ оставались въ тѣни и съ которыми будетъ крайне интересно познакомиться.“ Въ настоящее время желаніе высказанное знаменитымъ французскимъ критикомъ осуществилось. Три года тому назадъ Я. К. Гротъ издалъ драгоценное собраніе писемъ императрицы къ Гримму, выставляющихъ ее въ столь привлекательномъ свѣтѣ, а теперь, благодаря тому же почтенному ученому, мы имѣемъ предъ собою и письма къ ней Гримма. Эта послѣдняя коллекція далеко не отличается полнотой; хотя собрано было все что только можно было собрать, не рѣдко встрѣчаются въ ней значительныя пробѣлы, но и на основаніи того

что сохранилось мы можемъ составить себѣ ясное понятіе какъ относился къ своей высокой покровительницѣ человекъ котораго одѣлила она съ первой же встрѣчи своей съ нимъ и которому до самой своей кончины не отказывала въ расположеніи. „Въ свѣтъ ландграфини Дармштадтской, писала она въ 1773 году Вольтеру, прибылъ сюда и г. Гриммъ; беседа съ нимъ истинное наслажденіе для меня; но намъ нужно столько сказать другъ другу что до сихъ поръ въ разговорахъ нашихъ было болѣе оживленія чѣмъ послѣдовательности и порядка.“ Съ того времени обмѣнъ мыслей между императрицей и Гриммомъ не прекращался. Еслибы даже Гриммъ не пользовался литературною славой и не занималъ виднаго положенія во французскомъ обществѣ XVIII вѣка, то достаточно было бы этой близости его къ Екатеринѣ II чтобъ оставаться на немъ со вниманіемъ.

Онъ родился въ Регенсбургѣ въ 1723 году и окончилъ воспитаніе свое въ Лейпцигскомъ университетѣ, гдѣ благотворное вліяніе имѣлъ на него отличный знатокъ классической древности, профессоръ Эрнести. Все показываетъ что уроки этого преподавателя не пропали для него даромъ; въ послѣдствіи некогда не щеголялъ онъ своею эрудиціей, но всякій разъ когда приходилось ему говорить о греческой и римской литературѣ, онъ обнаруживалъ трезвый взглядъ и основательныя свѣдѣнія. Въ этомъ заключалось, между прочимъ, одно изъ важныхъ преимуществъ его предъ многими французскими писателями, съ которыми позднѣе свела его судьба. Онъ приходилъ, напримѣръ, въ негодованіе отъ сужденій Вольтера о Гомерѣ и это по той причинѣ что Гомера читалъ онъ въ подлинникъ, а Вольтеръ былъ знакомъ съ нимъ лишь по переводу. Лишенный почти всякихъ средствъ къ жизни и вынужденный трудомъ пробивать себѣ дорогу, Гриммъ сдѣлался наставникомъ дѣтей графа Шомберга и вмѣстѣ съ ними отправился въ Парижъ. То было время когда происходила тамъ оживленная борьба между приверженцами французской и итальянской музыки; Гриммъ сталъ на сторону этой послѣдней и съ энтузіазмомъ ратовалъ за нее. Нечего удивляться этому, ибо музыкальное чувство всегда было развито въ немъ очень сильно, хотя многіе и утверждали будто главную роль въ увлеченіи Гримма играла не столько, музыка, сколько одна изъ примадоннъ итальянской оперы дѣвица Фель. Дѣйствительно онъ ухаживалъ за нею и

повидимому безуспѣшно. Руссо помѣстилъ по этому поводу слѣдующій разказъ о немъ въ своей *Исповѣди*: „Гриммъ, встрѣчавшій одно время довольно благосклонный пріемъ у гжи Фель, вдругъ задумалъ страстно въ нее влюбиться и переплыть дорогу у Кагюзака, который пользовался ея милостями, но красавица выпроводила его вонъ. Онъ отнесся къ этому трагически и принялъ намѣреніе покончить съ собой. Совершенно неожиданно приключилась съ нимъ какая-то странная болѣзнь, о которой конечно никто никогда не слышалъ: цѣлые дни и ночи проводилъ онъ въ непробудной летаргіи, съ открытыми глазами, при правильномъ пульсѣ, но не принимаемая никакой пищи, не двигалась, не произносилъ ни слова, повидимому не слыша что происходитъ вокругъ него, не отвѣчая на вопросы, словомъ, какъ будто совсѣмъ мертвый человѣкъ. Аббатъ Рейналь и я ухаживали за нимъ,—аббатъ, человѣкъ крѣпкаго сложенія, дежурилъ по ночамъ, а я днемъ, не покидая больного ни на минуту. Приглашенъ былъ докторъ Сенакъ, который, осмотрѣвъ Гримма, сказалъ что это ничего и что не надо никакихъ лѣкарствъ; я подмѣтилъ при этомъ усмѣшку на его лицѣ. Однако больной и послѣ этого оставался нѣсколько дней безъ движенія, глотая лишь вишкни въ сахарѣ, которыя иногда я клалъ ему въ ротъ. Въ одно прекрасное утро онъ всталъ, одѣлся и принялся за свои обыкновенныя занятія какъ ни въ чемъ не бывало и потому уже на разѹ не заговаривалъ ни со мною, ни съ аббатомъ Рейналемъ объ этой необычайной летаргіи.“ Руссо писалъ эти строки въ то время когда находился въ ожесточенной враждѣ съ Гриммомъ и не только не щадилъ красокъ чтобъ очернить его характеръ, но прибѣгалъ даже къ явной лжи; такъ какъ *Исповѣдь* его наполнена самыми нечѣлыми вымыслами, то по всему вѣроятію и приведенный сейчасъ анекдотъ принадлежитъ къ ихъ числу, ибо трудно понять что могло бы заставить Гримма разыгрывать непріятную для него комедію предъ аббатомъ Рейналемъ и Руссо. Во многихъ мемуарахъ того времени упоминается что разрывъ съ дѣвицей Фель дѣйствительно очень огорчилъ его, болѣзнь же приключилась сама собою, а подробности этой болѣзни были изукрашены Руссо съ цѣлью доказать до какихъ размѣровъ могло простираться притворство ненавистнаго ему человѣка. И послѣ упомянутой исторіи Гриммъ продолжалъ горячо относиться къ музыкальнымъ вопросамъ. Онъ посвятилъ имъ брошюру подѣ

заглавіемъ *Le petit prophète de Boehmischbroda*, въ которой порицалъ французскую оперу, но вмѣстѣ съ тѣмъ говорилъ вообще много лестнаго для Французовъ и для ихъ литературы. Брошюра имѣла большой успѣхъ. Даже самъ Вольтеръ удостоилъ выразиться объ ея авторѣ: „этотъ чудакъ ухитрился быть умнѣе всѣхъ насъ“. Чего же оставалось желать? Слова Вольтера разлетѣлись въ извѣстномъ кружкѣ, и репутація Гримма была отчасти упрочена.

Мы видимъ предъ собой человѣка который покинулъ свою родину, гдѣ уже начиналось самостоятельное умственное движеніе, и задался мыслью сдѣлаться во что бы то ни стало Французомъ. Онъ не относился сколько-нибудь критически къ литературной партіи которая господствовала во Франціи и оттуда распространяла свое господство на Европу, а совершенно примкнулъ къ ея рядамъ. Онъ не внесъ ничего своего, ничего оригинальнаго въ философскую школу, представителями коей были Вольтеръ, Д'Аламберъ и Дидро, а вполне усвоилъ ея принципы. Школа эта отличалась чисто сектантскою нетерпимостью; она не признавала ничего что состояло внѣ ея; человѣкъ осмѣливавшійся имѣть собственное сужденіе, не смотрѣвшій на вещи ея глазами подвергался безпощаднымъ съ ея стороны нападкамъ. Нужно прочесть перелиску Вольтера съ Д'Аламберомъ чтобы понять какую строгую дисциплину поддерживала она въ своихъ рядахъ и съ какимъ изступленіемъ набрасывалась на всякаго кто не хотѣлъ идти по одному съ нею пути. Руссо не испугался этого, но тотчасъ же испыталъ на себѣ какъ опасно подобное отступничество. „Я въ высшей степени раздраженъ противъ Руссо, писалъ Вольтеръ въ 1761 году; этотъ безумецъ, который могъ бы быть чѣмъ-нибудь еслибы подчинился нашему руководству (*qui aurait pu être quelque chose, s'il s'était laissé conduire par nous*) вздумалъ встать особнякомъ. Состряпавъ плохую комедію онъ дерзнулъ писать противъ театровъ; нашедши гдѣ-то сгнившую бочку Диогена, онъ забрался въ нее чтобы даять на весь міръ; у него хватало смѣлости чтобы возстать противъ своихъ друзей...“ Д'Аламберъ въ свою очередь находилъ это преступленіе непростительнымъ. „Какая участь, спрашиваетъ онъ, ожидаетъ наше маленькое стадо (*le petit troupeau*) если обнаружится въ немъ расколъ?“ Всякій кто хотѣлъ упрочить свое положеніе въ обществѣ долженъ былъ поддѣлываться подъ тонъ школы

о которой идетъ рѣчь, и Гриммъ строго сообразовался съ этимъ. Замѣчательный умъ и солидное образованіе обезлечивали ему не привиженную, а напротивъ видную роль среди энциклопедистовъ. Усвоивъ себѣ ихъ воззрѣнія, онъ не раздѣлялъ однако всѣхъ ихъ увлеченій и судилъ о многомъ болѣе трезво чѣмъ они. Онъ разказываетъ, между прочимъ, что однажды, а именно въ 1757 году, происходилъ у него оживленный разговоръ съ Дидро. Этотъ послѣдній утверждалъ что идеямъ которыя проповѣдывалъ онъ и его друзья суждено переродить міръ, что онѣ открываютъ человечеству еще невѣдомые до тѣхъ поръ пути благоденствія и умственного совершенства. „Мы непрерывно восхваляемъ нашъ вѣкъ и въ этомъ отношеніи не дѣлаемъ ничего новаго, замѣтилъ Гриммъ; всегда и вездѣ люди предпочитали время въ которое они жили длинной вереницѣ предшествовавшихъ ему столѣтій. По какому-то непонятному самообольщенію, которое передается отъ одного поколѣнія другому, мы считаемъ время нашей жизни наиболѣе благотворнымъ для человеческого рода и долженствующимъ занять особенно видное мѣсто въ исторіи. Мнѣ кажется что восемнадцатый вѣкъ превосходитъ всѣ другіе въ этой наклонности къ самопоклоненію; даже лучшіе умы среди насъ убѣждены что послѣ продолжительнаго варварства наступаетъ наконецъ теперь мирное и безмятежное господство философіи. Но истинный философъ не можетъ не питать нѣкотораго сомнѣнія относительно этого. Не знаю почему, но мнѣ сдается что блаженная эпоха разумнаго прогресса еще далека отъ насъ и что нѣтъ ничего удивительнаго если Европа будетъ охвачена страшною революціей.“ Дидро возражалъ съ обычною своею горячностью, продолжая доказывать что будущее представляется напротивъ въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ. Въ эту минуту вбѣжавшій въ комнату лакей воскликнулъ: „сейчасъ какой-то злоумышленникъ ранилъ короля“... То было покушеніе Даміена на жизнь Лудовика XV. Собесѣдники переглянулись и не продолжали разговора.

Матеріальныя средства Гримма были весьма незначительны въ первые годы пребыванія его въ Парижѣ. Какъ уже сказано выше, онъ былъ гувернеромъ сыновей графа Шомберга, отъ него перешелъ чтедомъ къ герцогу Саксенъ-Готскому, а лотомъ занималъ должность секретаря у графа Фризе. Къ этому времени относится связь его съ женщиной ирравшею

значительную роль въ его жизни, съ гжой д'Элине, которая въ послѣдствіи, уже послѣ того какъ узнала ова Гримма и главнымъ образомъ благодаря ему, сдѣлалась парией салона солерничавшаго съ салонами гжъ Жофренъ и Дюдефанъ. Она оставила мамуары которымъ безслорно принадлежить одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду мемуаровъ XVIII вѣка: въ нихъ рельефно отражается и общество, и руководимое никакими идеалами, утратившее всякіе принципы, и литературная партія, связанная съ этимъ обществомъ тѣсными узами, хотя невидимому она идетъ и другимъ путемъ. Сень-Бѣвъ выразился объ упомянутой нами книгѣ: „мемуары гжи д'Элине не литературное только произведеніе, это цѣлая эпоха“ (les Mémoires de Mme d'Épinay ne sont pas un ouvrage, ils sont toute une époque).

Женщина написавшая ихъ осталась въ ранней юности сиротой и безо всякаго состоянія, но родственникамъ удалось ее выдать замужъ за сына очень богатаго человѣка, г. Беагарда, который по одному изъ помѣстій принадлежавшихъ его отцу носилъ фамилію д'Элине. Съ искренностью производящею сильное впечатлѣніе разказываетъ ова какъ много надеждъ возлагала на этотъ бракъ и какъ горько были оны обмануты. Мужъ ея оказался негодяемъ. Оны велъ обычную жизнь тогдашней молодежи, то-есть жизнь исполненную разврата, и не думалъ скрывать этого. Оны позволялъ себѣ поступки которые приводили въ содроганіе несчастную женщину: пусть желающіе прочтуть ту сцену когда самъ пьяный, поздно ночью, приводитъ оны къ ней въ спальню своего пьянаго пріятели, надѣждавшаго ей своимъ ухаживаньемъ, и оба они располагаюся ужинать около ея постели, а она принуждена выслушивать грязныя ихъ шутки. Но и этого было мало: д'Элине увѣнчалъ свои подвиги такою мерзостью о которой приличіе не позволяетъ упомянуть здѣсь. Напрасно искала ова въ комъ-нибудь опоры, — самые близкіе люди старались напротивъ по возможности если не оправдывать, то смягчать вины ея мужа, въ которыхъ съ точки зрѣнія господствовавшей морали они не видѣли ничего необычнаго. Нашлась наконецъ подруга, которая указала прямо что оставалось ей дѣлать. То была дѣвица д'Эттъ портретъ коей начертанъ въ мемуарахъ съ особеннымъ искусствомъ.

„Однажды послѣ обѣда, разказываетъ гжа д'Элине, усѣлась я въ длинномъ креслѣ. Тоска, уныніе болѣе чѣмъ когда-

нибудь одолевали меня; нервная зѣвота не давала мнѣ покоя; тщетно старалась я разсѣять это настроеніе духа, мнѣ хотѣлось подѣлаться съ кѣмъ-нибудь моимъ горемъ, и слезы невольно выступали на моихъ глазахъ.

— Извините меня, сказала я; — должно-быть это нервы; никогда еще не было мнѣ такъ тяжело.

— Пожалуйста, не стѣсняетесь, отвѣчала она; — дѣйствительно, вы страдаете разстройствомъ нервовъ и это не сегодня только, но я никогда не заводила съ вами рѣчи объ этомъ чтобы не растревать вашихъ ранъ. Но надо же когда-нибудь говорить. Признайтесь что васъ одолеваетъ отнюдь не пустота ума, не неумѣнье заняться чѣмъ-нибудь, а пустота сердца.... Да, да, сердце ваше тяготится одиночествомъ; вы не любите и не можете любить своего мужа.

— Я хотѣла сдѣлать отрицательный жестъ, но она продолжала такимъ тономъ что не допустила меня возражать.

— Нѣтъ, вы не любите его по той простой причинѣ что не можете его уважать.

— Мнѣ сдѣлалось какъ-то легче что у нея вырвалось слово которое сама я не смѣла произнести. Я залилась слезами.

— Не удерживайте себя, плачьте, будьте со мною вполне откровенны; облегчите мнѣ возможность утѣшить васъ. Но объясните мнѣ прежде всего что вы думаете о своемъ положеніи?

— Увы, отвѣчала я, — трудно мнѣ сказать вамъ что-нибудь на этотъ счетъ. Очень часто кажется мнѣ что я совершенно охладѣла къ моему мужу, поведеніе его таково что онъ утратилъ права на мою привязанность, а между тѣмъ всякій разъ когда я думаю о немъ не могу удержаться отъ слезъ. Если вы можете придумать средство вывести меня изъ этого положенія, то скажите, — я вполне довѣрюсь вамъ. Какъ между прочимъ объяснить странное противорѣчіе: остатокъ прежняго чувства къ мужу и вмѣстѣ съ тѣмъ такое отвращеніе къ нему что мнѣ положительно больно его видѣть?

— Ненавидать только того кого любить, возразила смѣясь гжа д'Эттъ. — Ваша ненависть не что иное какъ оскорбленная любовь, и вы не излѣчитесь отъ этой болѣзни до тѣхъ поръ пока не полюбите кого-либо другаго, болѣе достойнаго васъ...

— Никогда, никогда! воскликнула я съ ужасомъ.

— Вы полюбите, продолжала она спокойно, — и очень хорошо сдѣлаете. Постарайтесь только не ошибиться въ

выборѣ. Если до сихъ поръ вы еще не остановились ни на комъ то лишь потому что окружены фатами и лустыми болтунами. Мнѣ хотѣлось бы чтобы вы встрѣтили чело­вѣка не слишкомъ молодаго, по крайней мѣрѣ лѣтъ тридцати, рассу­дительнаго, способнаго подать вамъ хорошій совѣтъ, руко­в­одить вами и который до такой степени сосредото­чилъ бы на васъ свои чувства что вы считали бы себя вполне счаст­ливою.

„— Все это прекрасно, но гдѣ же найти чело­вѣка умнаго, привлекательнаго, словомъ такого ка­кого вы рисуете, чело­вѣка который жертвовалъ бы для меня собой и вмѣстѣ съ тѣмъ довольствовался бы лишь ролью моего друга, никогда не пытаясь сдѣлаться моимъ любовникомъ?

„— А это почему? возразила гжа д'Эттѣ.— Напротивъ, онъ будетъ вашимъ любовникомъ.“

Гжа д'Элине приходитъ почти въ негодование, но ея себе­сѣдница неистощима въ своихъ аргументахъ. Все дѣло въ томъ чтобы не было огласки; впрочемъ, если даже тайна не сохранится, какая въ этомъ бѣда? Общественное мнѣн­іе ка­раетъ лишь женщинъ которыя или черезчуръ непостоянны въ своихъ сердечныхъ увлеченіяхъ, или слишкомъ безцеремонно вы­ставляють ихъ на видъ, или же обращаютъ свои взоры на людей которые за­клеены общимъ презрѣніемъ.

„— Мнѣ кажется, продолжала гжа д'Эттѣ, что я могу вполне разчитывать на вашу скромность: скажите же мнѣ откровенно, ка­кого мнѣнія обо мнѣ въ свѣтѣ?

„— Самаго лучшаго, такого что конечно вы никогда не заслужили бы его если придерживались бы на практикѣ той морали которую теперь проповѣдуете.

„— Вотъ тутъ-то вы и ошибаетесь. Уже нѣсколько лѣтъ какъ я въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ съ г. Валари, какъ видите, это нѣсколько мнѣ не повредило.“

Еслибы только дѣвица д'Эттѣ подавала такіе совѣты, то быть-можетъ они не произвели бы сильнаго впечатлѣнія, но и всѣ другіе, хотя и не съ поразительною ея откровенностью, говорили почти то же самое. У г. д'Элине былъ братъ, г. Жюли, считавшійся образцомъ истиннаго джентльмена, который принимался иногда утѣшать свою невѣстку довольно оригинальнымъ образомъ. „Я знаю, говорилъ онъ, что братъ мой ведетъ разбѣяную жизнь, знаю женщинъ въ обществѣ которыхъ онъ тратитъ и деньги и здоровье, но что же это

доказываетъ? Развѣ это мѣшаетъ ему любить васъ?" У г. Жюли была жена, молодая, прелестная женщина, которая не даѣе какъ чрезъ годъ послѣ того какъ вышла замужъ сознается гжѣ д'Элине что избрала себѣ другомъ сердца Желіотта, перваго тенора Парижской оперы. „Что вы хотите, говоритъ она, чѣмъ болѣе узнаю я своего мужа, тѣмъ болѣе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ цѣню его. Онъ очень добръ, внимателенъ, никогда не раздражается, но нѣтъ у него никакихъ выдающихся качествъ и онъ способенъ лишь на то чтобы прілично разыгрывать свою роль въ семейномъ кругу и въ обществѣ.“ Гжа Гудето, тоже родственница гжи д'Элине, прославленная Ж. Ж. Руссо, который вообразилъ что пылаетъ къ ней непреодолимою страстью, даже не считала нужнымъ скрывать отъ кого бы то ни было свою связь съ Сень-Ламберомъ. Примѣровъ было такимъ образомъ очень много, и гжа д'Элине не долго колебалась послѣдовать имъ. „Все дѣло въ выборѣ, толковала ей дѣвица д'Эттъ; отъ удачнаго или неудачнаго выбора главнымъ образомъ зависитъ репутація“; выборъ гжи д'Элине оставовился на Франкѣле, человѣкъ далеко не дюжинномъ, игравшемъ даже нѣкоторую роль среди beaux esprits того времени. Съ той поры все быстро измѣнилось; гжа д'Элине только и ломышляла о Франкѣлѣ, точно такъ же какъ гжа Жюли не могла провести нѣсколькихъ дней безъ Желіотта, гжа Гудето не разлучалась съ Сень-Ламберомъ, а дѣвица д'Эттъ служила общею наперсницей. Любовь была кажется главнымъ интересомъ въ жизни всѣхъ этихъ лицъ, для которыхъ ихъ маленькій кружокъ замѣнялъ весь міръ. „Цѣлый рядъ влюбленныхъ паръ, какой-то движущійся романъ“ (un roman mouvant), какъ выражалась дѣвица д'Эттъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, помѣщенныхъ въ мемуарахъ гжи д'Элине.

Все это вполне повятно съ точки зрѣнія нравовъ XVIII вѣка, но что могло быть общаго между этимъ кружкомъ и философами, задавшимися мыслию переродить человѣческой родъ? А между тѣмъ философы мало-по-малу проникаютъ въ него и чувствуютъ себя тамъ повидимому какъ нельзя лучше. Прежде другихъ появляется Дюкло. Надо замѣтить что гжа д'Элине была несомнѣнно женщина съ замѣчательнымъ талантомъ; въ своихъ мемуарахъ она умѣетъ такъ рельефно изображать лицъ съ которыми приходилось ей вступаться въ жизни что они выступаютъ предъ нами

какъ бы живья, и между прочимъ характеристика Дюкло сдѣлана мастерскою рукою. Это былъ авторъ нѣсколькихъ сочиненій, изъ которыхъ одно, *Considerations sur les moeurs de XVIII siècle* пользовалось даже большимъ успѣхомъ, но писалъ онъ вообще немного, а настоящимъ его призваніемъ была остроумная болтовня въ салонахъ. На это незавидное занятіе израсходовалъ онъ все что было дано ему отъ природы. Многіе цѣнили прямоту его характера, которая выражалась въ грубости доходившей нерѣдко до цинизма, но подъ грубою личиною скрывался тонкій расчетъ, умѣнье вкрадываться въ довѣренность людей полезныхъ для него въ томъ или другомъ отношеніи, и кто-то весьма вѣрно подмѣтилъ въ немъ эту черту, давъ ему прозвище *bourru flatteur*. Дюкло привелъ къ гжѣ д'Элине Ж. Ж. Руссо, а Руссо познакомилъ ее съ Дидро. Ни изъ чего не видно чтобы въ первое время знакомства у гжи д'Элине было съ ними что-нибудь общее, Руссо, напримѣръ, уже издалъ тогда свой трактатъ *Discours sur l'origine et les fondemens de l'inégalité parmi les hommes*; доктрины его достаточно опредѣлялись; по складу своего ума, по свѣтскимъ своимъ привычкамъ гжа д'Элине далеко не была расположена сочувствовать имъ. Въ одномъ изъ писемъ къ Франкелю, разказывая о встрѣчахъ своихъ съ Желиоттомъ, она выражается такимъ образомъ: „Я не прихожу въ себя отъ изумленія. Часто приходится мнѣ видѣть въ разныхъ салонахъ Желиотта, знаменитаго глѣнца здѣшней оперы. У него столько самоувѣренности, онъ держитъ себя такъ непринужденно что я не могу привыкнуть къ этому. Какъ-то странно видѣть что въ порядочныхъ домахъ сажаютъ его играть въ карты и когда проигрываетъ онъ нѣсколько золотыхъ, то ему позволяютъ расплачиваться, берутъ у него деньги. Правда, онъ приличесъ, хорошо говорить, отнюдь не франфронъ, но все же это человекъ который по три раза въ недѣлю показывается на подмосткахъ.“ Очень скоро между Дюкло, Руссо, а въ послѣдствіи присоединился къ нимъ Гриммъ, начинается ожесточенный турниръ по поводу того кому изъ нихъ удастся стать твердою ногою въ домъ въ которомъ принимали ихъ одинаково радушно. И это не было чѣмъ-то необычайнымъ съ ихъ стороны; это вовсе не условливалось, по крайней мѣрѣ относительно Руссо и Дюкло, личностію самой гжи д'Элине, какимъ-либо особымъ очарованіемъ которое она производила на нихъ. Отличительная

черта многихъ корифеевъ тогдашней философской школы— это стараніа ихъ проникнуть въ среду высшаго или по крайней мѣрѣ зажиточнаго общества, и какъ скоро кто-либо изъ нихъ успѣвалъ свить себѣ привольное гнѣздо, то съ замѣчательною энергіею отстаивалъ занятую имъ позицію противъ своихъ собратьевъ. Странно видѣть какъ ревниво слѣдили они за тѣмъ кто изъ нихъ оказывалъ услуги или мѣшалъ другъ другу въ этомъ отношеніи. Вотъ любопытное мѣсто по этому поводу въ *Исповѣди* Ж. Ж. Руссо: „Я подѣлился съ Гриммомъ, говорить онъ, всѣми своими друзьями; дружба ихъ ко мнѣ перешла и на него. Я не сохранилъ за собой доступъ ни въ одинъ домъ, куда не постарался бы ввести и его. Только герцогиня Креки не захотѣла его принимать, и я тотчасъ же пересталъ посѣщать ее. Напротивъ того Гриммъ имѣлъ своихъ друзей, съ которыми онъ сошелся самъ или чрезъ посредство графа Фризе. Изъ числа ихъ ни одинъ не захотѣлъ сдѣлаться и моимъ другомъ; никогда Гриммъ не предлагалъ мнѣ познакомить меня съ ними. Скажу даже болѣе: въ людяхъ глубоко расположенныхъ ко мнѣ, до тѣхъ поръ пока они не знали Гримма, обнаруживалась рѣзкая перемена какъ скоро сводили они съ нимъ знакомство. Онъ не сближалъ меня со своими друзьями и отягалъ у меня моихъ.“ Положимъ что Руссо говорилъ все это подъ вліяніемъ своей болѣзненной подозрительности, но и другіе разсуждали и дѣйствовали такъ же какъ онъ. Дюкло познакомившись съ гжой д'Элине почти насильно хотеть сдѣлаться у нея другомъ дома; онъ старается вывѣдать ея сердечныя тайны, вмѣшивается въ ея семейныя дѣла, подаетъ совѣты какъ она должна вослѣдовать своего сына, слѣдить за каждымъ ея шагомъ; замѣтивъ что Руссо и Гриммъ могутъ перебить ему дорогу, онъ начинаетъ преслѣдовать ихъ клеветами; по словамъ его Гриммъ— „выскачка, ледантъ, пробавляющійся милостями знатныхъ лицъ, готовый обнаруживать восторженныя чувства ко всякому отъ кого онъ ждетъ себѣ подачки, а Руссо простираетъ до свою безнравственность до того что, будучи обязанъ очень многимъ Гольдбаху, не задумался будто бы развратить его жену.“ Гжа д'Элине вынуждена была наконецъ просто-на-просто выпроводить вонъ своего назойливаго совѣтника. Съ этого времени Руссо расположился даже жить въ загородной ея дачѣ Эрмитажѣ, но вскорѣ долженъ былъ удалиться оттуда, какъ увѣрялъ онъ, вслѣдствіе безплощадныхъ преслѣдованій со стороны Гримма.

Что касается сего послѣдняго, то сближенію его съ гжой д'Элине способствовало одно прискорбное обстоятельство въ ея жизни. Невѣстка ея, гжа Жюлли, о которой мы упоминали выше, умерла и на смертномъ одрѣ умоляла ее сжечь хранившіяся въ какомъ-то секретномъ ящикѣ письма къ ней актера Желиотта. Гжа д'Элине послѣшила исполнить въ точности волю своей пріятельницы, но затѣмъ оказалось что пропалъ какой-то важный документъ, касавшійся денежныхъ счетовъ между мужемъ покойной и роднымъ его братомъ, г. д'Элине. Такъ какъ она не думала скрывать что уничтожила бумаги, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могла представить доказательствъ что сдѣлала это по настоянію гжи Жюлли, то противъ нея возникло очень неблаговидное подозрѣніе; кромѣ немногихъ близкихъ къ ней лицъ никто не хотѣлъ вѣрить чтобы не руководила ею корыстная побужденія. Въ послѣдствіи документъ былъ найденъ, но до тѣхъ поръ гжѣ д'Элине пришлось пережить много тяжкихъ минутъ; исторія о которой идетъ рѣчь огласилась въ обществѣ, служила темой разговоровъ въ разныхъ салонахъ. Однажды за обѣдомъ у графа Фризе присутствовавшіе сильно напали на гжу д'Элине. Гриммъ защищалъ ее и въ отвѣтъ одному изъ собесѣдниковъ, который отличался особенною заальчивостью, произнесъ: „Я не знаю близко ни г. д'Элине, ни его жены, не знаю виновна она или нѣтъ, но не могу не относиться иначе какъ съ крайнимъ презрѣніемъ къ людямъ готовымъ вѣрить безусловно въ ихъ виновность только на основаніи городскихъ слуховъ.“ Произнесено было еще нѣсколько рѣзкихъ словъ съ той и другой стороны, и слѣдствіемъ этого была дуэль, въ которой Гриммъ получилъ легкую рану въ руку. Не трудно себя представить какъ это происшествіе подѣйствовало на гжу д'Элине. По выздоровленіи своемъ Гриммъ явился къ ней и былъ принятъ съ восторженною благодарностью. „Поцѣлуй своего рыцаря“, сказала ей мать.—„Я гордился бы этимъ названіемъ еслибы заслуживалъ его, отвѣчалъ Гриммъ, но въ настоящемъ случаѣ я только отстаивалъ честь и справедливость, которыя еще никогда не подвергались столь неосновательнымъ оскорбленіямъ“.

Въ то время о которомъ мы говоримъ Гриммъ уже приступилъ къ изданію *Correspondance littéraire*, долженствовавшей составить ему громкую репутацію. Аббатъ Рейналь, авторъ книги *Histoire philosophique du commerce des deux Indes*,

предпринялъ сообщать различнымъ, преимущественно княжескимъ дворамъ свѣдѣнія о литературномъ движеніи во Франціи; сперва занимался онъ этимъ одинъ, но въ 1753 году прибѣгнувъ къ содружеству Гримма, который, вскорѣ затѣвъ, по удавленіи Рейналя, ввѣлъ корреспондентію совершенно въ свои руки и велъ ее безостановочно до 1790 года. Тутъ достоинства его какъ писателя и главнымъ образомъ какъ критика обнаружилась въ блестящемъ свѣтѣ. „*Литературная Корреспонденція* Гримма—одна изъ тѣхъ книгъ, говорить Сень-Бѣвъ, къ которой я обращаюсь чаще всего для своихъ этюдовъ о XVIII вѣкѣ; чѣмъ усерднѣе пользовался я ею тѣмъ болѣе убѣждался что авторъ ея былъ человѣкъ тонкаго, провицательнаго ума, имѣвшій на все свой собственный, а не заимствованный у кого-нибудь взглядъ. Никто не судилъ такъ вѣрно о людяхъ и общественныхъ явленіяхъ его времени, оставляя разумѣется въ сторонѣ энциклопедистовъ, къ которымъ онъ не могъ относиться безпристрастно, потому что былъ слишкомъ тѣсно съ ними связанъ.“ Гёте читалъ съ большимъ интересомъ *Корреспонденцію* Гримма; Байронъ выразился объ ея авторѣ что это „великій человѣкъ въ своемъ родѣ“. Не всѣ отзывы были однако такъ благопріятны Гримму. Во Франціи, за исключеніемъ Сень-Бѣва, мнѣніе котораго мы привели сейчасъ, долго не хотѣли отдать ему справедливости, что условивалось бытъ-можетъ тѣмъ обстоятельствомъ что Руссо изобразилъ его самыми мрачными красками, и многочисленныя приверженцы автора *Contrat social* считали непростительнымъ грѣхомъ хвалить человека котораго онъ считалъ чуть не чудовищемъ; съ другой стороны, многіе составили себѣ убѣжденіе что если въ литературныхъ своихъ приговорахъ Гриммъ обнаружилъ драгоценныя качества, то будто бы обязанъ былъ онъ этимъ главнымъ образомъ Дидро. Въ Германіи тоже не совсѣмъ посчастливилось Гримму, тамъ и до сихъ поръ слышатся о немъ строгія сужденія. Нельзя сказать чтобъ они были справедливы. Доказательствомъ того съ какимъ искусствомъ велъ онъ свое предпріятіе и какъ вѣрно достигалъ онъ предположенной имъ цѣли служить то значеніе которое успѣлъ онъ пріобрѣсти. Императрица Екатерина, Фридрихъ II, Шведская королева, король Польскій, не говоря уже о цѣломъ десяткѣ второстепенныхъ германскихъ государей, были усердными его читателями; бывший гувернеръ графа Шомберга находился

въ болѣе или менѣе близкихъ личныхъ сношеніяхъ съ ними, а это возвышало положеніе его и во Франціи. Онъ сдѣлался своего рода силой. Кто-то замѣтилъ очень вѣрно что онъ игралъ роль „министра-резидента и chargé d'affaires европейскихъ дворовъ при французскомъ общественномъ мѣнѣи и уполномоченнаго французскаго общественнаго мѣнѣя при европейскихъ дворахъ.“ Онъ все болѣе и болѣе расширялъ свою задачу. Сначала въ *Корреспонденціи* своей говорилъ онъ только о литературѣ, затѣмъ сталъ касаться общественной жизни, даже политики, и такимъ образомъ можно было найтѣ у него полную картину всего что совершалось въ странѣ, на которую въ то время обращены были взоры всей Европы. Онъ могъ говорить непринужденно, потому что *Корреспонденція* его не печаталась, а разсылалась какъ всякія частныя письма и слѣдовательно не подлежала цензурѣ; она не была извѣстна публикѣ, что опять-таки развязывало ему руки, ибо Гримму не нужно было сообразоваться съ господствовавшими предразсудками и вкусомъ. Человѣкъ съ характеромъ весьма вкрадчивымъ и никогда не улускавшій изъ виду вещественныхъ выгодъ, онъ вовсе не былъ намѣренъ пользоваться ллатонически извѣстностью вылавшею на его долю, но мало-по-малу отлично устраивалъ свои дѣла. Графъ Фризе ввелъ его въ разные знатные дома и онъ же помогъ ему занять мѣсто секретаря герцога Орлеанскаго; маршалъ д'Эстре познакомился съ нимъ у герцога и предложилъ ему завѣдывать своею дипломатическою канцеларіей во время похода въ Вестфалію, происходившаго въ началѣ Семилѣтней войны. Извѣстный авторъ *Исторіи французской литературы въ XVIII столѣтіи* Геттнеръ удивляется что не было обращено достаточно вниманія на одну сторону въ дѣятельности Гримма,—сторону въ высшей степени неблагоприятную; если Гриммъ, говоритъ онъ, пріобрѣлъ очень порядочное состояніе, то конечно не литературными своими трудами, а тѣмъ что онъ исполнялъ роль тайнаго агента разныхъ европейскихъ правительствъ, т.-е. онъ просто-на-просто обвиняетъ его въ шпіонствѣ. Намъ кажется что для предположеній такого рода нѣтъ ровно никакихъ доказательствъ. Если Гриммъ могъ оказывать какому-нибудь правительству услуги о которыхъ идетъ рѣчь, то конечно правительству Русскому (Геттнеръ указываетъ прямо на Россію), но никогда не находилась онъ къ нему въ подобныхъ отношеніяхъ. Въ своей автобіографіи

говорить онъ между прочимъ: „Русскіе путешественники пріѣзжавшіе логостить въ Парижъ иной разъ бывали столь высококомѣры что предполагали будто я описываю императрицѣ исключительно ихъ связи и лохожденія; можетъ-быть русскіе посланники при Французскомъ дворѣ не всегда бывали спокойны относительно моей перелиски, принимая меня за тайнаго и неприятнаго контролера. Великіе парижскіе политики со своей стороны предполагая что проживъ долго во Франціи я хорошо ее знаю, удостоивали меня чести думать что я могъ быть вслѣдствіе того интереснымъ для императрицы и очень опаснымъ для Франціи. Они думали что ни въ Парижѣ, ни въ Версалѣ не могло случиться ничего важнаго, замѣчательнаго, любопытнаго, даже пустаго, безъ того чтобъ императрица не была увѣдомлена мной немедленно, со всѣми подробностями и величайшею точностью. Еслибы они могли ознакомиться съ этою объемистою перелиской, то очень удивились бы, не найдя въ ней ни одного изъ тѣхъ именъ котораго искали бы. Они не знали меня такъ какъ императрица и потому имъ не могло быть извѣстно мое отвращеніе ко вмѣшательству въ дѣла до меня не касавшіяся. Могу смѣло сказать что ея величество слишкомъ уважала меня чтобъ увидить меня до обязанностей доносчика... Что касается Франціи, то проходили, случалось, мѣсяцы и годы въ теченіе коихъ имя ея не упоминалось въ нашей перелискѣ. Я долженъ отдать министрамъ Лудовика XVI справедливость что постоянно пріѣзжавшіе ко мнѣ курьеры не возбуждали ихъ подозрѣній, что они не выражали какого-либо безпокойства. Напротивъ, я ввухалъ имъ такъ много довѣрія что они постоянно сообщали мнѣ сущность своихъ переговоровъ съ министрами императрицы и наставляемій посылаемыхъ французскимъ посланникамъ въ Петербургъ“... Еслибы даже кто-нибудь усомнился въ искренности этихъ словъ, то и содержаніе и тонъ обнаруженныхъ въ послѣднее время писемъ императрицы Екатерины къ Гримму должны разсвѣять всякія сомнѣнія относительно политической его честности. Правда, онъ извлекалъ значительныя выгоды изъ сношеній со своими высокими покровителями и друзьями, но не тѣми средствами которыя ему приписываютъ.

Гриммъ познакомился съ гжой д'Элине вскорѣ послѣ того какъ началъ заниматься своею *Литературною Корреспонденціей* и безъ труда вытѣснилъ изъ ея сердца Франкёла. До

когда ея жизни онъ былъ съ нею неразлученъ и имѣлъ огромное на нее вліяніе или вѣрнѣе совершенно поработчал ее. То была женщина пріятельная, но въ которой не было ничего необыкновеннаго,—женщина со впечатлительнымъ характеромъ, съ умомъ живымъ, но несостоявшимъ долго и глубоко на чемъ-нибудь сосредоточиться, быстро переходившая отъ одного увлеченія къ другому. Бывали минуты—и повторялись онѣ очень часто—когда она чувствовала себя глубоко несчастною. „Неужели, восклицаетъ она въ одномъ изъ своихъ писемъ, не найдется на всемъ земномъ шарѣ уголка куда могло бы укрыться такое жалкое созданіе какъ я, которое никакъ не хотятъ оставить въ покоѣ?“ Руссо, хотя и считался ея другомъ, былъ слишкомъ поглощенъ самимъ собой чтобы служить ей опорой; онъ требовалъ всего для себя и ничего не давалъ ей. Иное дѣло Гриммъ: всегда холодный и разсудительный, какъ нельзя болѣе склонный властвовать надъ тѣми кто поддавался ему,—даже Дидро, неизмѣнный въ своей къ нему привязанности, упрекалъ его въ деспотическихъ замашкахъ,—онъ далъ новое направленіе ея жизни, заставлялъ ее проникнуться извѣстными интересами, создавъ для нея роль которую она исполняла какъ нельзя лучше подъ его руководствомъ. Самый разрывъ ея съ Руссо способствовалъ этому. Въ своей *Исповѣди* Руссо выставляетъ Гримма главнымъ виновникомъ всѣхъ постигшихъ его невзгодъ, воздемъ какого-то таинственнаго заговора, чего въ сущности никогда не было: Гриммъ только отлично разгадалъ его характеръ и былъ безпощаденъ къ его слабостямъ. Мы не будемъ останавливаться здѣсь на достаточно уже извѣстныхъ подробностяхъ ихъ распри, которая произвела сильное впечатлѣніе во всѣхъ кругахъ общества, такъ что одно время Парижъ былъ почти исключительно занятъ ею. Шамфоръ разказываетъ что герцогъ де-Кастри выражалъ по ея поводу неопредѣленное изумленіе: „Боже мой, воскликнулъ онъ, куда ни прѣдешь, только и слышишь разговоры о Руссо и его врагахъ. Каково это? Люди ничтожные, бездомные, проживающіе гдѣ-то въ третьихъ этажахъ, заставляютъ толковать о себѣ весь городъ... Понистивъ нѣтъ никакой возможности примириться съ этимъ.“ Но ссора Руссо съ Дидро и Гриммомъ произошла именно изъ-за гжи д'Элине или по крайней мѣрѣ она послужила для нея поводомъ; онъ жилъ до того времени въ принадлежавшемъ ей домѣ. Если много говорили о немъ,

то и ея имя повторялось безпрерывно, словомъ, она приобрѣла извѣстность. Еще задолго до этого случалось ей иногда появляться на обѣдахъ (почему-то называли ихъ *dîners du bœuf du bœuf*) у актрисы Квино (*Quinault*), собиравшей у себя кружокъ философовъ. Въ своихъ мемуарахъ передаетъ она очень подробно нѣкоторыя изъ происходившихъ тамъ бесѣдъ, не отличавшихся, сказать по правдѣ, ничѣмъ замѣчательнымъ кромѣ кощунства и довольно мезатѣливаго остроумія. Для примѣра можно указать на сцену когда Сенъ-Ламберъ разсуждаетъ будетъ ли современемъ человечество считать наготу стыдомъ и рисуетъ циническую картину какъ у грядущихъ поколѣній будутъ совершаться браки. Когда Квино покинула Парижъ, Дюкло предлагалъ гжѣ д'Элине занять ея мѣсто; она не сочла себя пригодною для этого, но въ послѣдствіи, при содѣйствіи своего возлюбленнаго Гримма, открыла у себя салонъ, неизмѣнными посѣтителями коего были между прочимъ Дидро и аббатъ Галиани. Чтобъ упрочить свое положеніе нужно было ей только удостоиться ласковаго привѣта со стороны Вольтера, чтò и не замедлило случиться во время путешествія ея въ Швейцарію. Фернейскій философъ принималъ ее какъ нельзя болѣе радушно, окрестилъ ее наименованіемъ „*la véritable philosophe*“ и увѣрялъ что записочки ея ихъють для него такую же цѣну какъ картины Рафаэла. Гжа д'Элине выступила и на литературное поприще, издавъ книгу педагогическаго содержанія *Les conversations d'Emilie*, которой Французская Академія присудила Монтіоновскую премію. Когда Гримму случалось уѣзжать изъ Парижа, она вѣроятно съ Дидро замѣняла его въ *Литературной Корреспонденціи*, но главнымъ образомъ блистала она умѣньемъ соединять вокругъ себя людей игравшихъ видную роль въ тогдашнемъ умственномъ движеніи Франціи. Тайна ея вліянія на нихъ можетъ показаться съ перваго взгляда необъяснимою, точно такъ же какъ трудно понять почему въ своей молодости привлекала она къ себѣ поклонниковъ. Жоржъ Сандъ, дѣдомъ коей былъ Франкель, говоритъ о ней въ своихъ мемуарахъ: „Гжа д'Элине была положительно дура (positive-ment laide), но сложена очень хорошо. У меня сохранился одинъ изъ портретовъ подаренныхъ ею моему дѣду; а у двоюроднаго моего брата Вильяёва видѣла я другой ея портретъ, на которомъ изображена она въ костюмъ Наады, то-есть вѣрнѣе сказать почти безо всякаго костюма. Несмотря на

некрасивую наружность, было что-то оригинальное въ ея физіономіи и она одерживала любви сколько ей было угодно“. Когда въ 1783 году сошла она въ могилу, Гриммъ написалъ ея некрологъ, въ которомъ особенно останавливаются на себѣ вниманіе слѣдующія строки: „Рѣдко кто обладалъ такимъ искусствомъ заставить говорить другихъ совершенно свободно, съ увлеченіемъ, и говорить именно то что интересно было слышать. Ничто изъ происходившей въ ея присутствіи бесѣды не пропадало даромъ, и иногда какимъ-нибудь однимъ ловко вставленнымъ словомъ умѣла она дать этой бесѣдѣ направленіе которое было желательно для всѣхъ“. То же самое говорили въ послѣдствіи и о гжѣ Рекамье. Благодаря этому врожденному такту и она, подобно гжѣ д'Элианъ, оставила по себѣ замѣтный слѣдъ въ исторіи французскаго общества.

II.

Гриммъ сдѣлался лично извѣстенъ императрицѣ Екатеринѣ съ 1773 года, то-есть двадцать лѣтъ спустя послѣ того какъ приступилъ онъ къ своей *Литературной Корреспонденціи*. Уже выше сказано что онъ сопровождалъ ландграфиню Гессель-Дармштадтскую, женщину большаго ума и замѣчательнаго образованія, прибывшую въ Петербургъ по случаю бракосочетанія дочери своей великой княгини Натальи Алексѣевны съ великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Императрица хорошо знала его по репутаціи, знала о близкихъ связяхъ его съ энциклопедистами, была одною изъ усердныхъ читательницъ его. *Корреспонденціи*, а потому неудивительно что онъ удостоился самаго ласковаго приѣма. О сношеніяхъ своихъ съ императрицей онъ подробно разсказываетъ въ запискѣхъ подъ заглавіемъ *Mémoire historique sur l'origine et les suites de mon attachement pour l'impératrice Cathérine II jusqu'à son décès** при составленіи коей очевидно имѣлъ онъ въ виду особаго цѣли. По словамъ его, тотчасъ послѣ перваго представленія его императрицѣ, предложено было ему чрезъ генерала Бауера поступить въ русскую службу. Онъ колебался, не давалъ опредѣленнаго отвѣта, но Екатерина упорствовала въ своемъ намѣреніи и немного времени спустя сама вызвала его на

* *Сборн. Русск. Истор. Общ.*, т. II, 1868.

объясненіе. Гриммъ ссылался на то что не знаетъ русскаго языка, не создавъ для придворной жизни,—словомъ, подъ разными предлогами отклонилъ сдѣланную ему честь, но о дѣйствительныхъ побужденіяхъ руководившихъ имъ въ этомъ случаѣ выражается такимъ образомъ: „Не лѣта мои, не невозможность изучить русскій языкъ, не дворъ съ окружающими его опасностями, не страхъ ошибокъ удерживали меня отъ исполненія столь лестной и счастливой для меня воли государыни; меня удерживало соображеніе что блестящая перемѣна въ моей судьбѣ не можетъ быть продолжительна. Я предпочелъ вовсе лишиться того что мнѣ предлагали, чѣмъ подвергнуться риску утратить приобретенное... Таково человеческое сердце. Мы готовы не подниматься, но разъ поднявшись не можемъ рѣшиться сойти внизъ.“ Извѣстно что не одинъ Гриммъ находился въ такомъ положеніи. Такъ на примѣръ императрица хотѣла поручить Даламберу воспитаніе своего сына, наследника престола, и Даламберъ тоже отвѣчалъ отказомъ. По этому поводу князь П. А. Вяземскій въ своей біографіи Фонъ-Визина старается опровергнуть не всѣмъ лестные отзывы этого писателя о корифеяхъ французской литературы преимущественно со стороны нравственныхъ ихъ качествъ, выставляя на видъ ихъ безкорыстіе и благородство. Конечно и Даламберу и Гримму нужно было нѣкоторое мужество чтобъ отвергнуть выгодныя предложенія Русской государыни, но не надо однако забывать что принявъ ихъ они лишились бы очень многого. Оставаясь въ Парижѣ они играли такую роль на которую не могли разчитывать еслибы переселились на берега Невы. Вѣрный расчетъ долженъ былъ подсказать, между прочимъ, Гримму что гораздо удобнѣе не удаляться отъ партіи всѣ члены коей были связаны, такъ-сказать, круговою порукой и общими усиліями поддерживали свое вліяніе на европейскую публику, и въ то же время пользоваться милостями императрицы Екатерины. Онъ очень искусно умѣлъ соединять и то и другое.

Въ 1774 году предпринялъ онъ путешествіе въ Италію, а черезъ полтора года вернулся въ Петербургъ. Снова убѣждали его остаться тамъ завѣдывать училищами, объ учрежденіи коихъ заботилась Екатерина, но онъ счелъ невозможнымъ предложить ей и на этомъ полрицѣ свои услуги. Это нисколько не измѣнило расположеніе ея къ нему. Объ отношеніяхъ своихъ къ императрицѣ онъ говоритъ такъ хорошо что мы

приводимъ здѣсь собственныя его слова: „Я входилъ въ комна-
ты императрицы какъ къ самому задушевному пріятелю, буду-
чи увѣренъ что въ разговорѣ съ нею найду местоимый за-
пасъ свѣдѣній самыхъ интересныхъ и выраженныхъ въ свое-
образной формѣ, а также что у меня всегда хватить муже-
ства и способности высказывать все что мнѣ приходило въ
голову. Въ жару разговора выраженіе не всегда отвѣчало мы-
сли столь правильно и точно, какъ слѣдовало бы требовать
отъ писателя, но императрица обладала рѣдкимъ талантомъ
въ такой степени въ какой не удавалось мнѣ встрѣчать его
ни у кого, а именно умѣялъ всегда вѣрно схватывать мысль
собесѣдника, такъ что неловкое или смѣлое выраженіе не
вводило ее въ заблужденіе и еще тѣмъ менѣе могло пока-
заться ей неуважительнымъ... Обыкновенно бесѣда наша съ
глазу на глазъ продолжалась часа два или три, иной разъ че-
тыре, а однажды семь часовъ, не прерываясь ни на минуту.
То были—скажу нѣчто могущее показаться невѣроятнымъ—
изліянія двухъ друзей, сообщавшихъ свои впечатлѣнія о вче-
рашнемъ днѣ, свои думы о завтрашнемъ. То не была болтов-
ня, перескакивающая съ одного предмета на другой, когда
праздность вызываетъ рядъ лишешныхъ связи мыслей, когда
отъ скуки бросаешь одну тему чтобы слегка коснуться двад-
цати другихъ. То были бесѣды въ которыхъ все держалось
нитями часто едва примѣтными, но тѣмъ болѣе безыскусствен-
ными что все сказанное не было подведено намѣренно или
приготовлено заранее. Обыкновенно первое случайно произ-
несенное слово опредѣляло содержаніе разговора на весь ве-
черъ; иногда же разговоръ уклонялся далеко отъ сказаннаго
въ началѣ, потому что первое слово затрогивало (луть кото-
рый не имѣлся въ виду, но велъ къ другимъ результатамъ
одинаково занимательнымъ. Надо было видѣть въ такіа ми-
нуты эту чудесную голову, эту смѣсь гевія съ граціей что-
бы составить себѣ понятіе о томъ какимъ одушевляема бы-
ла она пыломъ, какіе оригинальныя взгляды, какія провица-
тельныя замѣчанія въ изобиліи сыпались изъ ея устъ подоб-
но яркимъ блескамъ природнаго водопада! Отчего не въ мо-
ихъ силахъ изложить дословно на бумагѣ эти бесѣды! Миръ
обладалъ бы драгоценнымъ, быть-можетъ единственнымъ па-
мятникомъ въ исторіи человѣческаго ума. Воображеніе и раз-
умъ были одинаково поражаемы этимъ ординарнымъ взглядомъ,

обширность и быстрота коего могли быть улодоблены молни. Да и возможно ли было уловить на лету эту вереницу яркихъ движеній мысли, движеній гибкихъ, мимолетныхъ! Какъ увѣковѣчить ихъ перомъ! Покидая императрицу я бывалъ обыкновенно до того разстроены, наэлектризованъ что половину ночи большими шагами разгуливалъ по комнатамъ; меня неотступно занимало, преслѣдовало все мною слышанное, я скорбѣлъ что все это доставалось мнѣ одному и было потеряно для свѣта. Каждый вечеръ былъ у меня одинъ и тотъ же призывъ: страшна моя звѣзда, говорилъ я себѣ; судьба дважды приводитъ меня въ Россію чтобы проводить время въ обществѣ императрицы, чтобы влупать въ ежедневныхъ сношеніяхъ съ нею—несмотря на разстояніе отдѣляющее самое высокое отъ самаго скромнаго положенія—сладость довѣрія и задушевности, составляющихъ удѣлъ равенства и дружбы! Правда что *императрица* никогда не исчезала въ нашихъ бесѣдахъ, но никогда также не бывала она и лишнею. Умѣнье охранять врожденное ей достоинство, при полной непринужденности или даже безцеремонности, которыя вносила она въ бесѣду, составляло тайну и очаровательную прелесть ея общества.“ Еще при первомъ отъѣздѣ Гримма изъ Петербурга императрица начала съ нимъ переписку, а затѣмъ, когда покинулъ онъ Россію чтобы никогда уже не возвращаться въ нее, переписка эта продолжалась безостановочно до самой смерти Екатерины. Сначала письма шли по почтѣ, но потомъ было условлено что чрезъ каждые три мѣсяца нарочный курьеръ будетъ привозить Гримму пакеты и ожидать его отвѣтовъ.

Рѣдкое расположеніе которымъ удостоивала императрица Екатерина Гримма произвело огромный переворотъ въ его судьбѣ. Онъ вдругъ сдѣлался важнымъ лицомъ. Безпрерывно упоминаетъ онъ въ своихъ письмахъ что домъ его наполнялся знатными и незнатными посѣтителями, заискивавшими въ немъ только потому что они знали объ его близости къ Русской государынѣ. „Съ тѣхъ поръ какъ щедроты вашего величества, говоритъ онъ, сдѣлали меня знаменитымъ человѣкомъ, одинъ Господь вѣдаетъ сколько мнѣ приходится терпѣть изъ любви къ вамъ. Это значить что всѣ правдивые и докучные люди Европы считаютъ себя въ правѣ атаковать меня и красть мое время, самое драгоценное мое благо, и все для того чтобы бесѣдовать со мною о

вась... публика еще не была посвящена въ тайну моего счастья. Библиотека патріарха (то-есть Вольтера) сгубила меня. Названный въ письмѣ вашего величества преданномъ гласности я достигъ высшей славы, но время мое и покой полади во власть другихъ." По словамъ самого Гримма, министры Лудовика XVI посвящали его въ подробности дипломатическихъ сношеній съ Россіей; императрица поручала ему неофициально совѣщаться съ ними о разныхъ вопросахъ; онъ уломинаетъ, между прочимъ, объ участіи своемъ въ переговорахъ о присоединеніи къ Россіи Крыма. Иностранные государи осылали его милостями, конечно не за личныя его заслуги, а желая сдѣлать пріятное высокою его покровительницѣ. Римскій императоръ даровалъ ему титулъ барона; что касается самой императрицы, то она пожаловала ему чинъ статскаго совѣтника (во Франціи называли его поэтому полковникомъ) и Владимірскую звѣзду второй степени. Онъ получалъ отъ нея жалованье, которое улачивалось ему совершенно такъ же какъ членамъ нашего дипломатическаго корпуса за границей, не соображаясь съ вѣксельнымъ курсомъ. Черезъ руки Гримма проходили огромныя суммы, потому что императрица черезъ его посредство выписывала изъ-за границы картины, камни и другія художественныя произведенія; онъ же раздавалъ пособія лицамъ прибывшимъ къ ея благотворительности и награды авторамъ присылавшимъ ей книги и рукописи. Нѣтъ ни малѣйшихъ указаній чтобъ онъ злоупотреблялъ въ этомъ отношеніи довѣріемъ государыни, но если даже и отличался онъ безупречною честностью, то достаточно было значительныхъ денежныхъ подарковъ высылаемыхъ ему изъ Петербурга чтобы могъ онъ приобрести независимое состояніе. Дѣйствительно онъ обладалъ имъ, изъ чловѣка не имѣвшаго ровно ничего превратился въ чловѣка зажиточнаго и этимъ безо всякаго сомнѣнія обязанъ былъ онъ императрицѣ Екатеринѣ. Гриммъ окружилъ себя нѣкоторою роскошью, завелъ многочисленную прислугу и экипажи, и даже секретарь его Мейстеръ, написавшій о немъ, послѣ его смерти, весьма сочувственную статью, сознается что онъ „значительно утратилъ ту простоту и естественность которыми одарилъ его Богъ, и какъ скоро началъ получать титулы и звѣзды не могъ воздерживаться отъ мелочнаго тщеславія“. Ни въ одной строкѣ вышедшей изъ-подъ его пера не выражаетъ Гриммъ сожалѣнія о томъ

что не остался онъ при Русскомъ дворѣ. Онъ постоянно твердитъ только что сердце его въ Россіи, что туда направлены всѣ его помыслы, что во Франціи онъ прозябаетъ, а не живетъ, но очевидно что прозябаніе это приходилось ему по вкусу и онъ вовсе не желалъ мѣнять свою судьбу.

Въ отношеніяхъ Гримма къ императрицѣ Екатерицѣ было много искренняго. Женщина съ такимъ гениальнымъ умомъ, такъ обаятельно дѣйствовавшая на всѣхъ кто имѣлъ счастье приближаться къ ней, не могла не произвести и на него сильнаго впечатлѣнія. Мы не сомнѣваемся что въ восторженныхъ отзывахъ его о ней, образецъ коихъ приведенъ нами выше, выражалось дѣйствительно то что онъ думалъ и чувствовалъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ много руководилъ имъ расчетъ, и ничто такъ убѣдительно не свидѣтельствуетъ объ этомъ какъ письма его изданныя нынѣ г. Гротомъ. Прежде всего сдѣлаемъ общее замѣчаніе о нихъ по сравненію съ письмами адресованными къ нему императрицей. Какъ подавляетъ она его на каждомъ шагѣ своимъ неизмѣримымъ превосходствомъ! Сколько глубокой мудрости и знанія человеческого сердца проявляется въ небрежно начертанныхъ ею строкахъ, которыми она сама не придавала конечно никакой важности. Вспомнимъ, напримѣръ, сужденія ея о французской революціи, грозныя предсказанія ея въ виду событій совершившихся въ Европѣ. Очевидно она нисколько не старается блистать умомъ,—по собственному ея замѣчанію, она пишетъ къ Гримму не стѣсняясь, не ломышляя о какомъ бы то ни было сочинительствѣ,—но свѣтлыя мысли выливаются сами собой. Что касается писемъ Гримма, то мы не находимъ въ нихъ и тѣни чего-либо подобнаго, и вообще производятъ они даже такое впечатлѣніе какъ-будто принадлежатъ дюжнному человѣку. Лишь изрѣдка падаются въ нихъ замѣтки представляющія общій интересъ,—напримѣръ слѣдующія строки о Вольтерѣ: „Во всѣ минуты дня я чувствую эту жестокую потерю и конечно также живо какъ моя несравненная монархія. Мнѣ кажется что съ тѣхъ поръ глубокая тишина объемяетъ всю природу, какъ еслибы совершенно вымерли на землѣ всѣ земныя существа, говоряція и люющія, и кажется что болѣе не стоить совершать великихъ и прекрасныхъ дѣлъ, такъ какъ нѣтъ того кто могъ возвышаться до нихъ и прославлять ихъ.“ Или вотъ другое мѣсто по поводу брошюры Фридриха Великаго о нѣмецкой литературѣ: „Эта

книга возбудила большой соблазнъ въ Священной Имперіи; великій богословъ и великій медикъ—одинъ въ Брауншвейгѣ, другой въ Бреславлѣ—уже опровергли ее со всѣмъ уваженіемъ подобающимъ сядой и коронованной головѣ автора. Конечно, нельзя отрицать что авторъ не достаточно знакомъ со своимъ предметомъ и судить о нѣмецкомъ языкѣ почти какъ слѣпой о дѣвкахъ. Очень поучительно для людей размышляющихъ видѣть великаго государя (и, что еще хуже, великую по уму голову), посвящающаго значительное время чтенію и который, живя среди своего отечества, въ столицѣ, обладающей нѣсколькими писателями первой силы, не знаетъ этого, не подозреваетъ что его родной языкъ уже не тотъ какимъ писали и говорили вокругъ него шестьдесятъ или восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ. И совершенно искренно остается онъ въ невѣдѣніи насчетъ всего что писалось вокругъ него въ продолженіе сорока лѣтъ, насчетъ того какой переворотъ произошелъ въ языкѣ и въ головахъ германскихъ, и такимъ образомъ онъ не можетъ постичь что многія литературныя произведенія его страны гораздо выше тѣхъ скучныхъ брошюръ которыя появляются въ Парижѣ и гдѣ мысли нѣкоторыхъ великихъ умовъ повторяются, разбавляются и уродуются на тысячу различныхъ ладовъ.“ Повторяемъ, такими сужденіями не избилуютъ письма Гримма. По большей части это отчеты о порученіяхъ которыя возлагаемы были на него императрицей, замѣтки о лицахъ которыми могла она интересоваться, много разглагольствованій о самомъ себѣ,—словомъ, все что не выходитъ за предѣлы весьма обыкновенной болтовни. Полагалъ ли Гриммъ что касаясь въ своей *Литературной Корреспонденціи* серьезныхъ вопросовъ, онъ не имѣлъ нужды удалять имъ мѣсто въ своихъ частныхъ письмахъ? Самый тонъ ихъ производитъ далеко неблагоприятное впечатлѣніе. Нѣтъ никакого сомнѣнія что онъ поддаивался лодъ тонъ императрицы, но то что у нея было вполне естественно выходитъ у него до крайности натянутымъ и искусственнымъ. Онъ хочетъ во что бы то ни стало быть игривымъ, но игривостью вовсе не отличается его умъ, и неудивительно поэтому что игривость его дѣйствуетъ непріятно на читателя.

Но болѣе всего поражаетъ въ его письмахъ постоянная и неумолкающая никакою границею лесть. При всѣхъ желаніяхъ нельзя приискать другаго слова для тѣхъ душевныхъ изліяній съ

которыми Гриммъ обращается къ Екатеринѣ, забывая что чѣмъ искреннѣе и сильнѣе преданность, тѣмъ менѣе человекъ будетъ безпрерывно толковать о ней тому къ кому она относится. Но это любимая его тема. Онъ не можетъ жить безъ ея писемъ; онъ бродитъ какъ тѣнь если не получаетъ ихъ долгое время; но вотъ письмо наконецъ приходитъ: „Ахъ, государыня, этотъ ключокъ божественной грамоты, говоритъ онъ, прачивилъ мнѣ приладокъ удущья, который былъ бы послѣдній еслибы обильныя рыданія не пришли мнѣ на помощь чтобъ облегчить сердце стѣсненное такъ внезапно и такъ неожиданно; мнѣ невозможно было кончить чтение этого письма. Богъ знаетъ когда я найду силы взглянуть на него.“ Да и могло ли быть иначе? „Вся минуты моей жизни, восклицаетъ Гриммъ,—посвящены вамъ; я какъ тѣнь никогда не покидаю васъ; любовь моя, признательность, мои пожеланія всюду васъ сопровождаютъ, и какого прекраснаго мѣста могъ бы ожидать на небѣ, еслибы когда-нибудь былъ въ состоянiи посвятить Богу хоть десятую часть любви которою я сгораю къ императрицѣ.“ Выходка эта очень неумѣстна, можно было бы указать еще вѣсколько другихъ превосходящихъ ее непримѣиель (см. на примѣръ стр. 161). Посылая императрицѣ книгу, авторъ коей избралъ девизомъ; „qui mores hominum multorum vidit et urbes“, Гриммъ говоритъ: „А я прибавилъ бы и *Екатерину*: кто видѣлъ много странъ, много нравовъ и обычаевъ человеческихъ и Екатерину, — потому что оная-таки надо кончить послѣднимъ штрихомъ, громовымъ ударомъ, и, какъ сказалъ Иисусъ Христосъ: Марса, Марса, *только одно потребно*—видѣть Екатерину“. Въ другомъ мѣстѣ прямо сказано что Екатерина „для насъ, протестантовъ—высшее Евангеліе“. „Вашему величеству извѣстно, пишетъ Гриммъ, что я обладаю умомъ очень ограниченнымъ; поэтому я до сихъ поръ еще не постигъ, на чтѣ была нужна эта чума, которою Господь, въ Своемъ милосердiи, посѣтилъ городъ Москву въ царствованіе Екатерины II. Столѣтній гимнъ * даетъ мнѣ къ тому ключъ. Это было нужно для того чтобы доставить Россійской Имперiи еще большее сходство съ имперiей Римскою; это было нужно для того чтобы доставить императрицѣ Греческой (Гриммъ часто называетъ такъ

* *Carmen saeculare*, партитура Филидора.

императрицу Екатерину) точно такой случай по какому императоръ Римскій праздновалъ столѣтнія игры. Онъ въ числѣ многихъ своихъ титуловъ носилъ санъ государя - первосвященника, такъ же какъ и она носилъ санъ главы своей церкви. Онъ былъ властелиномъ міра, силою своего оружія; она сдѣлалась рѣшительницей его судебъ какимъ-то сатавинскимъ обольщеніемъ, утвержденнымъ на трехъ камняхъ болѣе твердыхъ чѣмъ тотъ на которомъ Спаситель основалъ Свою церковь; эти три камня окрещены именами: правосудіе, умѣренность, твердость." Гриммъ хочетъ увѣрить Екатерину что она считается „благодѣтельницами не только своихъ подданныхъ, но и всѣхъ народовъ земли, допущенныхъ судьбой имѣть съ ней хотя бы самыя отдаленныя сношенія“, что и монархи, и государственные люди не спускаютъ съ нея глазъ, стараясь уловить тайну политической ея мудрости. „Послушайте, многострадальный, лишить ему въ отвѣтъ императрица, развѣ можно такъ хвалить людей? Вы просывете за отъявленнаго льстеца, да оно и похоже! Если вѣрить вамъ, то я вдругъ сдѣлалась на старости лѣтъ образцовой правительницей. Ахъ, Господи, Господи! Обо мнѣ столько говорили дурнаго, да и теперь еще говорятъ, что образцовой назвать меня отнюдь нельзя коли всему вѣрить. Знаете ли что похвалы никогда не приносили мнѣ пользы; но когда начинали меня злословить, я съ гордою самоувѣренностью говорила о себѣ въ насмѣшку хулителямъ: отмстимъ имъ, уличимъ ихъ во лжи?“ Екатерина озабочена, какимъ чтеніемъ занять юнаго великаго князя Александра Павловича: по мнѣнію Гримма, ничево не могло бы быть пригоднѣе въ этомъ отношеніи какъ нарочно составленный панегирикъ ея царствованія. „О, на этотъ разъ позвольте замѣтить вамъ, возражаетъ ему императрица, что я еще не потеряла здравый смыслъ до такой степени чтобы дать въ руки Александру книгу въ которой говорилося бы только обо мнѣ и содержались бы высреннія похвалы моей особѣ. Чтѣ подумалъ бы онъ обо мнѣ,—онъ, олицетворенная скромность!“ Неоднократно, хотя и въ шутивой формѣ, обуздывала императрица наклонность своего корреспондента къ чрезчуръ грубой лести и подшучивала надъ его раболѣпіемъ предъ сильными міра сего. „Я давно знаю, писала она къ нему между прочимъ, что нѣтъ для васъ большаго счастья какъ если подлѣ васъ, по близости, съ боку, впереди или позади находится какое-нибудь германское высочество.“

Ужь если Гриммъ хотѣлъ чтобы вѣрили совершенной искренности восторженныхъ похвалъ которыми осыпалъ онъ Екатерину, то по крайней мѣрѣ нужно было ему какъ можно осторожнѣе пользоваться ея щедротами, а между тѣмъ нѣтъ почти ни одного его письма въ которомъ онъ не выпрашивалъ бы чего-нибудь для своихъ друзей. Чего только ни дѣлала императрица для гжи д'Элине, но недовольный этимъ онъ все-таки навязалъ ей брилліанты своей подруги. „Тайный голосъ, лишетъ онъ, говорилъ мнѣ: зачѣмъ императрицѣ покупать брилліанты, совершенно для нея не нужные, оттого только что ихъ обладательница въ несчастіи?“ Гриммъ испытываетъ „великія мученія совѣсти“, но повидимому безъ особеннаго труда преодолеваетъ ихъ. Онъ проситъ Андреевской ленты — „если есть лишняя, которую императрица не знаетъ куда помѣстить“—для своего бывшаго воспитанника, графа Шомберга, всѣ права коего на это отличіе заключаются лишь въ томъ что онъ „питаетъ страсть къ великой женщинѣ“.—„Въ свое время вашъ графъ Шомбергъ не будетъ забытъ, но теперь еще не наступила для этого минута“, отвѣчаетъ ему государыня. Во время революціи и еще до катастрофы постигшей короля Лудовика XVI Гриммъ заботится о томъ чтобы пристроить генерала Булье и одного изъ его сотоварищей, генерала Геймана. „Желанія его сердца, его вкусъ, интересъ его славы, лишетъ онъ о Булье,— все располагаетъ его посвятить себя службѣ Россіи; онъ утверждаетъ что только тамъ находится царственная голова и этотъ догматъ становится все болѣе и болѣе догматомъ вселенской церкви; онъ думаетъ что пріятно жертвовать собой для нея, а я говорю: трикраты, трикраты счастливъ тотъ кому выпадетъ на долю эта славная судьба“. Но какъ ни готовъ былъ Булье жертвовать собой, онъ не забывалъ также объ условіяхъ, а именно: требовалъ чтобы переведенъ былъ въ русскую службу съ чиномъ генералъ-аншефа, а Гейманъ съ чиномъ генералъ-лейтенанта и чтобы обоимъ имъ было выдано впередъ одновременно 230 тысячъ ливровъ. „Все это для того, говоритъ Гриммъ, чтобъ они могли уплатить здѣсь свои долги, устроить свои дѣла и быстрымъ путемъ перенестись въ обитель гдѣ слава ихъ ожидается.“ Любопытно что означенные переговоры происходили въ то самое время когда Лудовикъ XVI находился въ дѣятельныхъ сношеніяхъ съ Булье по поводу задуманнаго имъ

бѣгства изъ Парижа: сѣдовательно знаменитый генералъ — знаменитый по мнѣнью Гримма, который выставилъ его чуть ли не величайшимъ полководцемъ своего вѣка—заранѣе приготавливалъ себѣ такое пристанище на случай неудачи. Императрица очень мѣтко подсмѣивается надъ Французами въ родѣ Геймана и Булье, которые, предлагая ей услуги, показывали видъ будто въ сущности они намерены облагодѣтельствовать Россiю. „Итакъ, пишетъ она Гримму, что касается этого генералъ-лейтенанта, маркиза Булье, который пользуется у насъ столь громкою репутаціей, и этого генералъ-майора, г. Геймана,—мы не прочь принять ихъ на службу, хотя и не на тѣхъ условiяхъ которыя выставлены ими. Но, многострадальный, мы уже не мало видали у насъ вашихъ великихъ дѣльцовъ которые ровно ничего не сдѣлали современу Ахенскаго мира, между тѣмъ какъ ваши такого здѣсь мнѣнiя о себѣ что они приобрѣли болѣе опытности и проглотили болѣе побѣдъ, начиная съ 1756 года чѣмъ собратья ихъ по оружию во всемъ свѣтѣ... Во всякомъ случаѣ пусть ваши старинные рыцари—если только старинные рыцари существуютъ—привѣщаютъ сюда или не привѣчаютъ, какъ имъ угодно.“ Несчастливая попытка Лудовика XVI, окончившаяся арестомъ его въ Вареннѣ, измѣнила настроенiе императрицы; она была крайне недовольна дѣйствiями генерала Булье. „Полагаю, говоритъ она, что голова его сильно пострадала отъ этой печальной исторiи; онъ можетъ идти на службу куда хочетъ; я ничего не выиграю и не потеряю отъ этого, ибо и безъ него дѣла лоддуютъ у меня такъ какъ шли они до сихъ поръ. А лучше всего было бы ему оставаться тамъ гдѣ представится ему случай возстановить расшатанную власть Лудовика XVI.“

Революція возбудила въ Гриммѣ негодование и ужасъ, но онъ способенъ былъ только проклинать ее, а не углубляться въ причины которыми была она вызвана. „Неоспоримо только одно, говорилъ онъ, что Волохи остаются всегда Волохами, что Вольтеръ нашелъ ихъ такими же какими покинулъ, какими они были двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ; по тому какъ они воспользовались свободой, они доказали что способны также обладать ею какъ корова способна лясать на каматѣ... Ваше величество спрашиваетъ меня, куда дѣвались французскiе рыцари нѣкогда блиставшіе гордостью и мужествомъ? Предъ революціей они сдѣлались англійскими жокеями и

конюхамъ; повято что потомъ они сочли честью и славою быть смѣшанными со сволочью. Они въ одномъ вечернемъ засѣданіи помуляные возбудили вопросъ объ уничтоженіи дворянства, приравъ на своей аудіенціи множество бездѣльниковъ, одѣтыхъ по-оперному и подкуленныхъ изображать изъ себя посланниковъ націй; адвокаты довершили такимъ образомъ собственное безуміе.“ Но чѣмъ же условливалось это безуміе? Въслѣдствіе чего однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ народовъ міра дошелъ до такой ужасной катастрофы? Если бы Гриммъ остановился на этомъ вопросѣ, то быть-можетъ онъ повялъ бы сколько зла сдѣлала партія въ рядахъ коей онъ подвизался въ теченіе долгаго ряда лѣтъ, но очевидно что подобное самосознаніе было ему не по силамъ. Онъ продолжалъ вѣрить что энциклопедисты облагодѣтельствовали человѣческой родъ и въ одномъ изъ писемъ къ императрицѣ обвщаль доказать что Вольтеръ и его друзья были ни при чемъ въ страшныхъ событіяхъ совершившихся во Франціи. „Вы видите, отвѣчала ему Екатерина, о намѣреніи своемъ оградить память Вольтера отъ упрековъ будто онъ подготовилъ революцію и хотите указать настоящихъ ея виновниковъ. Пожалуста назовите ихъ мнѣ и вообще сообщите что вамъ объ этомъ извѣстно.“ Въ письмахъ Гримма мы не находимъ отвѣта на это требованіе императрицы, да и что могъ бы сказать онъ? Вокругъ него совершался кровавый переворотъ, грозившій испровергнуть всю вѣковую цивилизацію Франціи, тысячи благородныхъ жертвъ падали подъ ножомъ убійцъ, а онъ, до мозга костей проникнутый такъ-называемыми философскими идеями своего вѣка, не можетъ отдѣлаться отъ легкомысленнаго кощунства и продолжаетъ глумиться надъ церковью, алтари коей подвергались лоруганію. „Я очень рада, пишетъ ему императрица, что вы въ состояніи шутить послѣ всѣхъ ужасовъ которыхъ были очевидцемъ; я же боюсь одурѣть по милости событій такъ сильно потрясающихъ нервы“...

Изъ свѣдѣній сообщенныхъ самимъ Гриммомъ видно какъ много и постоянно заботилась императрица не только о немъ, но и о лицахъ ему близкихъ. Подъ конецъ своей жизни гжа д'Элине, въслѣдствіе сокращеній которыя Французское правительство пыталось произвести въ бюджетѣ, лишилась средствъ шедшихъ ей отъ казны; императрица явилась ходатаицей за нее, и когда ходатайство не удалось, помогала

ей деньгами. У гжи д'Элине осталась внучка; императрица помогла ей выйти замужъ, дала ей приданое, осыпала ее благодареніями; когда начались революціонныя смуты, заботливо осведомляется она о положеніи Гримма, посылаетъ ему значительныя суммы и даже предлагаетъ ему пользоваться суммами принадлежавшими ей, которыя находились въ его рукахъ. Онъ потерялъ очень много; домъ его былъ разграбленъ и остававшееся во Франціи имущество его было конфисковано. Это было одно изъ тѣхъ несчастій которому наравнѣ съ нимъ подверглись тысячи на въ чемъ не виновныхъ людей, но Гриммъ, вѣрный себѣ и въ этомъ случаѣ, старался доказать что если онъ пострадалъ, то причиною этого была главнымъ образомъ его преданность Русской императрицѣ. „Истина, говоритъ онъ въ своей автобиографической запискѣ, не дозволила мнѣ не признаться въ этомъ государынѣ... Изъ всѣхъ державъ соединившихся противъ чудовищнаго правленія Франціи самая отдаленная казалась имъ самою опасною, и ее-то они ненавидѣли болѣе всѣхъ. Рѣшалась на насиліе противъ меня, они надѣялись найти переписку содержащую замыслы противъ французской свободы... Все это внушало мнѣ надежду что когда-нибудь, хотя бы уже въ то время меня не было въ живыхъ, императрица не откажется исправить послѣдствія постигшаго меня несчастія.“ Записка изъ которой мы приводимъ эти строки была составлена уже по кончинѣ Екатерины; если даже Гриммъ не прямо адресовалъ ее императору Павлу Петровичу, то очевидно она предназначалась для него и все показываетъ что главною цѣлью автора было, послѣ всѣхъ благодареній оказанныхъ ему императрицей, удостоиться щедротъ и отъ ея преемника.

„Среди моего несчастія—таковы заключительныя слова этого мемуара—участь моя была бы завидною еслибъ императоръ удостоилъ также бросить взглядъ состраданія на семейство такъ постоянно покровительствуемое императрицей и за всѣмъ тѣмъ оставленное въ настоящее время безо всякихъ средствъ (семейство графини Бейль, той внучки гжи д'Элине о которой мы упомянули выше). Еслибъ онъ удостоилъ видѣть въ немъ наслѣдство переданное незабвенною его матерью его благотворительности и далъ бы ему то убѣжище, тотъ клочокъ земли, который былъ предметомъ моихъ послѣднихъ просьбъ! Освободившись тогда отъ бремени, которымъ угнетено мое сердце, я благославлялъ бы небо, осудившее меня

на вѣчное горе, и покончилъ бы дни въ сладкомъ и глубокомъ чувствѣ благодарности къ августѣйшему сыну моей незабвенной покровительницы.“

У насъ нѣтъ свѣдѣній какимъ успѣхомъ увѣнчалось это ходатайство. Извѣстно только что императоръ Павелъ утвердилъ Гримма въ должности русскаго резидента въ Гамбургѣ, которую предоставила ему императрица. Здѣсь жилъ онъ до своей кончины, послѣдовавшей въ 1807 году. Громадный переворотъ совершался въ судьбахъ Европы, Франція отъ дикой разнузданности дошла до суроваго деспотизма, въ Германіи исчезали съ лица земли тѣ мелкіе владѣтельные князья, предъ которыми такъ благоговѣлъ Гриммъ, даже монархія короля-философа подверглась разгрому на поляхъ Иены и Ауэрштедта, но удрученный глубокою старостью, почти совсѣмъ ослабѣвшій, другъ Дидро и Даламбера, оставался лишь безучастнымъ и изумленнымъ зрителемъ грозныхъ событій. Не было у него ничего общаго со вновь возникавшимъ порядкомъ вещей и часто повторялъ онъ что давно уже улупостила удобный случай сойти въ могилу.

P.

КЛУБЪ АНАРХИСТОВЪ ВЪ ЛОНДОНѢ

Г. Лео Блекъ.

Мой лондонскій чичероне Вилл Шмидтъ, „жертва Бисмарковскихъ насилій“, показалъ мнѣ всѣ замѣчательности сумашедшаго города и наконецъ не зналъ уже что можетъ меня интересовать. Онъ былъ не только убѣжденный, но закладной социалистъ и во всѣхъ отношеніяхъ гораздо интереснѣ нашихъ соотечественниковъ. Онъ принадлежалъ къ клубу анархистовъ, но не стѣснялся работать „на капиталъ“. Демократическія убѣжденія не запрещали ему одѣваться щегольскимъ джентльменомъ, жить въ чистой комнатѣ, посѣщать при случаѣ и другіе рестораны, театры, концерты. По профессіи онъ былъ переплетчикъ, но въ совершенствѣ съ англійскими работниками онъ не могъ конкурировать и принялся за издѣліе кошельковъ, портмоне, разныхъ бездѣлушекъ изъ кожи и бумаги. Дѣтскія игрушки онъ мастерски работалъ. Прекрасно игралъ на фортепьяно и зналъ четыре языка. Былъ въ Америкѣ, но тамъ „оказалось“ „хуже“. Держался онъ просто, говорилъ вѣжливо, но съ отъѣнкомъ проны и какого-то затаеннаго самопочтенія. Денегъ никогда не занималъ и не просилъ „впередъ“ — между анархистами черта чрезвычайно рѣдкая. Ему было сорокъ лѣтъ и онъ

еще не назывался Вильгельмомъ, а только Вилл. Работу свою онъ оставлялъ только для лучшаго заработка, а по вечерамъ давалъ уроки на фортепьяно или утѣшалъ своею игрой клубъ анархистовъ. При этомъ довольствовался самымъ скромнымъ вознагражденіемъ. Шпаллингъ въ день онъ стѣснялся отъ меня брать и взялъ только десять пенсовъ „на мою табакъ“. Однажды я невольно спросилъ его: что заставляетъ его съ утра до ночи работать бездѣлушки плохо вознаграждаемыя, когда онъ хорошо владѣеть языками и прекрасно играетъ? Онъ подумалъ и сказалъ мнѣ.

— Человѣку надо либо работать, либо сидѣть на собственномъ акрѣ земли. У меня акра земли нѣтъ и потому я работаю.

Слабосильный, тщедушный, онъ былъ несравненно комиченъ въ горячихъ политическихъ спорахъ. Въ клубѣ анархистовъ къ нему относились съ уваженіемъ, хотя и не терпѣли его *порядочныхъ* привычекъ, да и человѣкъ онъ былъ чистый, съ *правилами*, отъ которыхъ не отступалъ въ жизни. Къ анархистамъ онъ попалъ по нуждѣ и не высокаго мнѣнія былъ о нихъ, но анархію, какъ политическій принципъ, онъ признавалъ вполнѣ. Онъ не былъ способенъ стать въ ряды „дѣйствующихъ“ или крикливыхъ шарлатановъ, полусту оскорбляющихъ бумагу своими бездарными и подчасъ дѣтски-безсмысленными писаніями, но находилъ тѣхъ и другихъ явленіемъ нормальнымъ и даже необходимымъ. *Freiheit* Моста онъ не любилъ какъ безплодный задоръ и злорадство вчуждѣ, изъ-за угла, но относился съ уваженіемъ къ открытымъ атеистамъ. Съ нимъ можно было говорить противорѣча ему и даже проклиная его убѣжденія. Онъ былъ цѣломудренъ, и только самими же имъ сочиненные полюбки и вальсы называлъ женскими именами.

Въ первые дни знакомства онъ дичился, больше молчалъ и исполнялъ свои обязанности механически. Одинъ разъ даже довольно грубо замѣтилъ что мы едва ли поймемъ другъ друга, такъ какъ я безусловно осуждалъ какъ величайшую неспособность социальную анархію, а въ ней всѣ его лучшіе идеалы. Но позже онъ весьма податливо сошелся со мною и уже не замѣчалъ о разности нашихъ *убѣжденій*. Политика сама собою исчезла изъ нашихъ разговоровъ. Мы оба деликатны и не стали бы изъ задора говорить другъ другу грубости. Приходилъ онъ ко мнѣ обыкновенно съ утра и мы отправлялись странствовать на весь день. Въ шумной уличной суматохѣ

онъ совершенно терялся и въ какомъ-то оглушенномъ состоянiи зѣвалъ по сторонамъ, не понимая что такое кругомъ его происходить. Однажды, вмѣсто меня, онъ подхватилъ подъ руку совсѣмъ незнакомаго ему джентльмена и шелъ съ нимъ нѣсколько минутъ подъ руку, говоря по-нѣмецки.

Предлагая мнѣ всякаго рода осмотры и развѣченiя, онъ ни разу не позволялъ мена въ свой клубъ, а мнѣ хотѣлось тамъ быть и видѣть „нашихъ“. Однажды онъ пришелъ ко мнѣ необычайно радостно взволнованный и объявилъ что прѣхалъ изъ Америки его лучший другъ Лео Блекъ.

— Хотите я покажу вамъ его? предложилъ онъ мнѣ.—Надо сперва узнать сколько это будетъ стоить; мой другъ Лео Блекъ даромъ ни съ кѣмъ изъ чужихъ не говоритъ, ему всѣ корреспонденты платятъ гонораръ за разговоры.

— Пожадуй, я заплачу.

— А сколько? Онъ очень нуждается, вчера не дѣлъ, и я закладывалъ его рубашки и книги...

— Что же здѣсь дѣлаетъ Лео Блекъ? спросилъ я.

Вили съ недоумѣнiемъ пожалъ плечами.

— Вы лучше меня знаете, сказалъ онъ,—что Русскiе ничего не дѣлаютъ. Впрочемъ, Лео Блекъ былъ на фабрикѣ и набивалъ папиросы, а теперь онъ нацѣренъ учиться у меня дѣлать портмоне и будетъ наклеивать на нихъ портреты Петровской и Желябова. Это пойдетъ въ Россiю. Лео еще полезень... онъ еще не потерянь..

— Покажите, покажите.... Скажите ему что я готовъ заплатить.

— Хорошо, скажу. Но позвольте мнѣ просить за моего друга. Онъ, разумѣется, несчастный человѣкъ, и вы не будете смѣяться надъ нимъ за ваши деньги: сѣлому, безпогому вы подаете же милостыню,—подайте и безумному такъ же просто, безъ злобы, безъ смѣха. Можете ли вы обѣщать мнѣ это?

— Даю вамъ слово, Вили. Но меня удивляетъ что вы и вашъ другъ и цѣлыя тысячи „несчастныхъ“ такъ робки предъ смѣхомъ что даже сами не можете отдѣлать смѣшной личности отъ смѣшнаго положенiя занятаго не всегда добровольно.

— Да, правда.. но это трудно. Я иду къ Лео. Что онъ скажетъ, я передамъ вамъ.

Но первое знакомство мое съ Блекомъ состоялось не скоро, цѣлымъ мѣсяцемъ позже. Вили молчалъ, а я не

направивался, боясь сумасшедшихъ подозрѣній какими одержимъ каждый эмигрантъ, а такой въ особенноти.

Въ теченіе цѣлаго мѣсяца членамъ клуба преданными Блекъ собирались обо мнѣ справки: мой образъ жизни, мои знакомства, занятія, даже мой паспортъ и деньги, все было извѣстно. Изъ подозрительности эти люди становились самыми страстными и неутомимыми шпионами. Въ каждомъ Русскомъ имъ представлялся членъ противо-революціоннаго тайнаго общества, вооруженный ядами, кинжалами и пистолетами чтобъ убивать ихъ, „честныхъ мучениковъ правды ради“. Но нужда не рѣдко выбивала ихъ изъ „лестовательности“, и они сами приходили къ „подозрительному“ просить работы или просто вспоможенія.

Наконецъ Вили Шмидтъ объявилъ мнѣ что его знаменитый другъ разрѣшаетъ мнѣ представиться ему, въ увѣренности что я заплачу ему за „трудъ“. Я отказалась.

— Хорошо, сказалъ Вили,—онъ самъ придетъ къ вамъ просить работы.

— У меня нѣтъ работы; мнѣ я не колаю.

— Онъ можетъ сообщить вамъ всѣ новые планы партіи, даже нѣкоторыя тайны организациі если вы согласитесь напечатать ихъ во враждебныхъ Россіи газетахъ. Вы можете купить его собственноручную работу, портмоне съ портретомъ Перовской. Въ Россіи за такое портмоне очень дорого могутъ залатить.

Бѣдный Вили такъ усердно старался помочь своему другу что жалко было глядѣть на него.

— Блекъ прекрасная душа, утверждалъ онъ,—онъ во всѣхъ кабакахъ за насъ платитъ когда у него деньги есть. Теперь денегъ нѣтъ. Послѣ 1 марта перестали высылать—должнобыть касса арестована, и бѣдный Лео Блекъ совѣмъ безъ денегъ. Клубъ тоже не выдаетъ; всѣмъ не нравится его поведеніе въ Америкѣ... Съ голоду онъ совѣмъ утратитъ энергію.

Наконецъ я согласился пойти къ подпольной знаменитости. Отчего не взглянуть на человека который всѣми силами старается обратить на себя вниманіе Европы и Америки? Вили повелъ меня на College Place, въ улицу Oakley, въ мрачный заколоченый домикъ, грязный и темный, съ выбитыми ступеньками въ лѣстницѣ, съ какимъ-то страннѣмъ запахомъ стародавняго залуценнаго жилья. Мы поднялись на четвертый этажъ и лю сигнальному свистку вошли въ низенькую комнату, со

старинными деревянными картинками на стѣнахъ, съ маленькими столикомъ у окна, за которымъ сидѣлъ Лео и клеилъ портмоне. Въ углу торчалъ шкафъ съ переплетами изъ свиной кожи, да диванъ на которомъ беспорядочно разбросаны были принадлежности весьма убогаго туалета.

Лео поднялся и ждалъ. Вилу представилъ насъ. Лео онъ называлъ настоящимъ имениемъ. Лицо его выражало какую-то угнетенную растерянность. Онъ старался казаться равнодушно-величавымъ, и это стараніе было замѣтно. Что-то непродержанное, надутое, комически важное проглядывало въ каждомъ движеніи, во взглядахъ то быстрыхъ и лугливыхъ, то надменно-наглыхъ и вызывающихъ.

Онъ хмурилъ брови, презрительно щурилъ глаза, напускалъ на себя какую-то устрашающую важность, но всѣмъ признакамъ глубоко увѣренный что каждое его движеніе замѣннѣйшій историческій фактъ. Онъ привыкъ къ этой выставленности и ломался прелпротивно. Его де осаждаютъ корреспонденты, дипломаты; весь міръ о немъ говорилъ и проклиналъ, и онъ какъ монументальная статуя старалась возвыситься надъ этимъ общимъ вниманіемъ. Это ему нравилось, забавляло и льстило ребяческое самолюбіе свойственное людямъ невысокаго полета.

— О чемъ вы ждете со мной говорить? спросилъ онъ пытливо и подозрительно глядя мнѣ въ глаза.

— О чемъ вамъ угодно: о погодѣ, о театрахъ, о женщинахъ, о кабакахъ.

— Значитъ васъ не интересуютъ мои политическія мнѣнія?.. Со мною говорятъ только о политикѣ.

— Извольте, о политикѣ. Напримѣръ, объ ирландскихъ дѣлахъ...

— Да, но мнѣ интересно бы знать чѣмъ вы можете быть мнѣ полезны?

— Не знаю. Я къ вашимъ услугамъ.

— Корреспонденты мнѣ всегда платятъ довольно значительный гонораръ за сообщенія.

— Я готовъ.

— Чтѣ же вы хотите, мою собственноручную статью или такъ поговорить?

— Нѣтъ, статьи вашей мнѣ не надо, а поговорить не прочь.

— Чтѣ же вы хотите знать: подколъ, положеніе дѣлъ нашей партіи, планы будущаго, мое мнѣніе о телерешней

Россіи. За сообщеніе о подколѣ редація *The Daily Telegraph* заплатила мнѣ пять фунтовъ. У меня теперь денегъ нѣтъ. Я нуждаюсь.

— Очень жаль. Пять фунтовъ за подколѣ я не заплачу вамъ, потому что читалъ его и вообще на вѣсъ золота вашихъ словъ покупать не желалъ бы.

— Такъ что же вамъ нужно?

— А вотъ посмотрѣть на васъ, поговорить. Пожалуй за это заплачу.

— Какъ ни странно было это торгашеское вступленіе, но оно все-таки лучше того интеллигентнаго попрепанства которое вопить о „какой-нибудь работѣ“, ничего не умѣя и рисуясь голодною праздною вышешихъ существъ предвѣдательныхъ къ чему-то великому. Этотъ прямо убѣждаетъ въ своемъ величій и требуетъ за показъ оваго денегъ. Основательно!

— Вы давно изъ Россіи? спросилъ онъ меня.

— Мѣсяца два.

— Правда, что тамъ образовалась „Святая Лига“ которая хочетъ насъ вырѣзать?

— Не знаю.

— А конституцію пишутъ? Говорятъ всѣ молодые генералы вмѣстѣ со своими бюджетными дамами сочинили по конституціи и читаютъ во всѣхъ казенныхъ салонахъ. Услѣхъ, говорятъ, небывалый. Француженки у Бореля тоже говорятъ о конституціи. Дворники и журналисты, городовые и публичныя женщины,—всѣ проникнуты конституціонными навадами.

— Что же вы совѣтуете, Блекъ? Видѣ это вамъ на руку? прокламаціи исполнительнаго комитета послѣ 1го марта предлагаютъ прямо конституціонную программу.

— Что изъ этого? Наше дѣло вести разрѣшеніе до конца, не останавливаясь предъ миражами какъ бы обольстительны они ни были. Долой царизмъ! долой олигархію! Народовластіе на сцену! Жаль, конечно, что борьба ведется неровно, съ большими промежутками: люди устаютъ, гибнутъ, или невольно становятся бесполезными какъ я, напримѣръ... Силъ у насъ много, очень много, но онѣ или не собраны или парализованы шпіонствомъ. Многимъ нельзя не только вернуться въ Россію, но и выѣхать изъ города. Я напримѣръ, мой каждый шагъ извѣстевъ въ „Лигѣ“. Переждать надо... Нѣсколько покушителей погибло прежде попытки. Не разчетливо такъ терять силы...

— Скажите, Блекъ, какъ вы смотрите на послѣдствія ца-реубійства 1 марта?

— 1 марта намъ сильно повредило. Это была грубая ошибка... Разчитывали не на то...

— А если въ самомъ дѣлѣ, Блекъ, въ Россіи будетъ кон-ституція?

— Это выйдетъ фарсъ самаго подлаго комизма.

— Почему такъ?

— Да потому что вся интеллигенція бюджетная, казенная, чиновничья. Другой вѣдь нѣтъ. И мы изъ казенныхъ... Единственный въ своемъ родѣ примѣръ, гдѣ бюджетныя шкуры составляютъ ядро оппозиціи, другаго во всей міровой исто-ріи нѣтъ. Надъ этимъ, конечно, можно смѣяться, но надо и радоваться. Я радуюсь.

— Чему же вы радуетесь?

— А тому что нигдѣ въ мірѣ нѣтъ такихъ характеровъ каковы всѣ наши.

— Рысаковъ, напримѣръ, развѣ это характеръ? спросилъ я.

— Рысаковъ дрянъ безличная, но въ томъ-то и сила что этой безличной дряни у насъ хоть лопатой греби и направляй куда хочешь. Только лугаи насмѣшкой въ отсталости, а эта дрянъ лѣзетъ на стѣну, идетъ на эшафотъ и самодовольно улыбае-ся торжеству своего подвига. Вотъ что хорошо и чего ни-гдѣ въ мірѣ нѣтъ.

— А какого вы мнѣнія, Блекъ, о другихъ участникахъ 1 марта.

— Самый великій человекъ изъ нихъ Софья. Это харак-теръ! кремь! И дѣвка замѣчательная, и террористъ знат-ный! Сила дьявольская!... Другой Софьи у насъ не было да и не будетъ. Другія бабы какъ-то мелки, односторонки, все больше въ краснорѣчїи о бездѣлицѣ проводить время. У Софьи и бездѣлица выходила грандіозною, цѣлую ночь не дастъ уснуть. И разомъ жила со всеми. Молодець покойница была. И умер-ла хорошо. Не лицала о помилованїи, какъ эта противная Гесся.

Онъ показалъ мнѣ портмоне съ наклеенною фотографіей Софьи. Большой высокій лобъ, чувствєнныя вздутыя губы и опалые полусонныя глаза выражали только животную сытость и утомленіе. Глядя на фотографію, можно было повѣрить въ ея „грандіозную бездѣлицу“, и только. Едва ли она была изъ „мыслищихъ“ даже такъ какъ мыслить въ кружкахъ.

Это дѣльная, жавотная натура, пресыщенная до спокойной немощи, принимаемой ея поклонниками за слюкотивіе сильнаго характера. Физиологическое разочарованіе въ ней едва ли не было такимъ же сильнымъ импульсомъ, какъ и политическая экзальтація. Нечего было дѣлать съ собой, не къ чему приурочить себя. Надо было такъ или иначе кончить съ собой, а тутъ еще громкая триумфальная роль обольстила—зшафотъ, пьедесталь мученицы, революціонныя поэмы сумашедшаго Алисова, восплѣвшаго ея „блосвѣтныя одежды“, саванъ и веревку.

— Что вы думаете, Блекъ, о смерти людей 1 марта? спросить я.

— Они умерли хорошо, хотя Дуиза Гулю и недовольна ими. По ея мнѣнію, надо было протестовать и орать: „Метри, народъ, я умираю за твои страданія, а ты жети влодѣямъ!“ По моему, это лишнее: народъ и такъ видѣлъ что они умирають: зачѣмъ орать?

— Думаете ли вы что они умерли спокойно?

— Да, я увѣренъ въ этомъ. Кромѣ Желазова и Софьи, всѣ умерли, какъ вы говорите.

— А эти?

— Эти умре. Этихъ самолюбіе заместило. Я былъ не однажды на воарсѣ отъ смерти; эти хуже, страшнѣе самой смерти. Это кашское проклатіе отъ котораго невозможно, но очень хочется сластись. Но когда сознаешь смерть неминуемою, неотразимою, въ виду висѣлицы окруженной штыками, тутъ уже нечего бояться ни дворниковъ, ни шлюповъ. Тутъ просто человекъ долженъ сказать себѣ: „Умри, это нужно: твоя очередь... И тотъ, кто тебя давить, поздно или рано, самъ будетъ задавленъ—не веревкой Фролки, такъ естественною смертью: не все ли равно?“

— Вы разсуждали бы такъ спокойно подъ висѣлицей?

— Нѣтъ, зачѣмъ лгать... Я еще не знаю что было бы со мною подъ висѣлицей; но я знаю что казнь психически-заразительна: она экзальтируетъ и возбуждаетъ силы даже смѣяться надъ собственной гибелью. Такъ, смѣясь, умирали жирондисты, такъ теперь умирають наши. Рысаковъ смѣялся такимъ смѣхомъ... А если человекъ смѣется—нормалень его смѣхъ, или нѣтъ, все равно—ему уже не больно. Онъ не страдаетъ нравственно, а это главное. Боль физическая ничего не значить, да ея и быть не можетъ въ смерти.

— Хорошо. Но вы сами признали 1 марта ошибкой террористовъ. Если исполнители сознали до своей казни ошибку, не могли же они быть уверены въ правотѣ своего дѣла?

— Не знаю, я думаю глупые умерли въ самомъ счастливомъ сознаніи своей святости. Ну, а Желябову съ Софьей, навѣрно, не такъ легко было умирать: имъ нужно было умереть для примѣра, умереть на показъ, на выставку. Это, разумѣется, труднѣе. Умереть за идею террора, умереть для соблазна другихъ, тутъ нуженъ характеръ, мужество... Казнь 3 апрѣля нанесла намъ сильный ударъ, и не вдругъ мы отъ него оправимся. Но все-таки оправимся! Помнителъ *Народной Воли* уже дѣйствуетъ, *Черный Передель* выходитъ, *Зерно* печатается,—а все это въ Петербургѣ, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ милліона дворниковъ.

— Ну, это литераторы революціи. А такіе есть у васъ что лапоть лобдуть?

— Какъ знать! Сегодня нѣтъ, завтра будутъ. Если Желябовъ могъ оболванить Рысакова въ двѣ недѣли, то нѣтъ смысла сомнѣваться въ возможности оболванивать Рысакowychъ сколько потребуется. Общественное сочувствіе къ намъ всѣхъ сколько-нибудь оппозиціонныхъ группъ будетъ расти: что же правительство въ силахъ сдѣлать съ нами? переловить? передать? Постараемся практически доказать что это дѣло невозможное.

— На общественное сочувствіе вы, однако, напрасно надеетесь, замѣтилъ я.

— О, нѣтъ! Я знаю что это сочувствіе пахнетъ предательствомъ. Я не вѣрю даже въ большинство революціонеровъ самыхъ несомнѣнныхъ.

— Какой же исходъ, окончательный результатъ вашего террора? спросилъ я.

— А вотъ мы станемъ властью надо всѣми европейскими государствами. Противъ насъ вся Европа на военномъ положеніи: противъ безсилія такіа мѣры были бы смѣшны,—лушками по воробьямъ не лапять. Теперь насъ величаютъ сумашедшими, фанатиками, шальными злцами. Противъ насъ гремятъ по всему свѣту проклятія, но все это потому что насъ еще мало. Мы еще одиночки, безъ легальныхъ правъ, и насъ легко заглушить стаднымъ ревомъ фальшивой и искренней ненависти. Но когда насъ будетъ много и когда завоюемъ себѣ легальность, завладѣемъ большинствомъ рабочаго люда,

тогда посмотримъ будутъ ли называть насъ сумасшедшими.. Въ Россіи,—продолжалъ Блекъ, помолчавъ,—я кто ни что не вѣрять. Такое общество всегда было и всегда будетъ ничтожно, бездично, лакейски-созииво.. Оно всегда уступитъ побѣду людямъ самой безумной идеи. Его судьба—смерть, разложение. Только дураки и враги могутъ убаюкивать себя и другихъ величіемъ національныхъ русскихъ силъ да молодостью народныхъ стремленій. Тысячи лѣтъ—это молодость!... Да укажите мнѣ, много ли изъ историческихъ цивилизацій пережили эту возрастъ ребячества? Почти ни одна! А вы говорите о молодости русской... Нѣтъ, это народъ недоносокъ, самой дурной породы, неспособный къ самостоятельному духовному развитію. Обезьяна въ видѣ-мундирѣ да волъ въ арміи—вотъ его характерныя типы. И все славаство еще хуже, мелочивѣ, безцѣлѣе.

— Блекъ, какъ же вы можете любить народъ, думая о немъ такъ дурно? опросилъ я.

— Русскій народъ—это раса дворянскѣхъ! А интеллигенція—халуй Европы, завитый, напонаженный и мадушевый, но все-таки грубый и гаушный халуй. Такое мое искреннее убѣжденіе и, во имя блага человечества вѣсшихъ расъ, я освершено искренно желаю ему скорѣйшей и безболѣзненной гибели. Такова судьба всякаго варварства и дикости: долгой со свѣта!

— Это входитъ въ программу вашей партіи?

— Нѣтъ, что мнѣ программа? Я самъ по себѣ...

— Я все-таки не совсѣмъ ясно понимаю, какъ вы думаете собственно о *вашей партіи*?

— Большинство наличныхъ силъ—дрянь безнадежная. Это еще старое поколѣніе литературнаго воспитанія. Куча мусора который давно пора выбросить за бортъ. Лучшіе изъ нихъ, въ родѣ Алисова, еще печатаютъ брошюры, которыя никто не читаетъ, просто изъ боязни заразиться сумасшествіемъ. Другіе, подобросовѣстнѣе, льютъ мертвую, замазываютъ сознаніе собственной гибели. Но параллельно съ этою дрянью выработались и типы положительные. Теперь вы въ каждомъ заграничномъ кружкѣ встрѣтите людей дѣла, не героевъ, но дѣйствительно убѣжденныхъ террористовъ. Они легальны, положенія своего не испортятъ и на аттенгаты не пойдутъ, но косвенно всему помогутъ и искренно порадуются всякой удачѣ террора. Слабость правительства и событія террора

воспитали тысячи разумныхъ террористовъ-теоретиковъ. Они отбросили всякую брезгливость. Они не боятся, не высовываются, выучиваются своей спеціальности и идутъ на дѣло въ Россію, занимаютъ земскія и казенныя мѣста и прекрасно гарантируютъ себя отъ подозрѣній. Изрядка попадаютъ и пропадають, но все же не такъ стадио какъ это бывало во время „хожденія въ народъ“. Это люди разумные, основное большинство, какихъ ровно двѣнадцать штукъ въ дюжину. Я желаю такихъ побольше. Съ ними успѣхи террора вездѣ обезличены. Мы прогрессируемъ слишкомъ быстро. Ни одна политическая партія такъ скоро не выросла, не складывалась въ опредѣленный типъ. Говорите послѣ этого что мы не сила!..

— Нѣтъ, я ничего не говорю... Но вы хотите какой-то привилегированной безнаказанности, исключительнаго господства, и всякое противодѣйствіе, даже простое несогласіе съ вами, называете деспотизмомъ, тиранией.

— Да, конечно. Еслибы я могъ взорвать на воздухъ весь міръ съ его теперешнимъ порядкомъ, я взорвалъ бы его, потому что онъ глупъ и несправедливъ, и если люди изъ личныхъ выгодъ защищаютъ эту глупость и несправедливость, я считаю себя въ правѣ ихъ убивать. Ничѣмъ другимъ ихъ не проймешь. Не веди же съ ними полемику по вопросу о справедливости, да и это средство у насъ отнято. Открыто высказываться мы не имѣемъ права нигдѣ.

Блекъ казался утомленнымъ и, отвернувшись къ столу, снова принялся клеать лортюке. Вилл Шидтъ, ни слова не понимавшій изъ нашего разговора, глядѣлъ на Блека съ молящимся благоговѣніемъ. Онъ былъ увѣренъ что Блекъ говоритъ великія, гениальныя истины, хотя онъ и безумный, по его мнѣнію.

— Заходите въ клубъ, сказалъ Блекъ:—я познакомяю васъ съ людьми солидными. Я не нахожу нужнымъ скрываться; лучше популяризовать себя и своихъ друзей. Тамъ много всеславянской дряни, но есть и люди.

— Я полагаю, заговорилъ Вилл:—пора бы намъ позавтракать.

— Да, пожалуй, согласился Блекъ.

Мы пошли въ ресторанъ, и, къ удивленію моему, и Блекъ, и Вилл, не пошли въ малевкій кабачекъ на Soho Square. гдѣ обѣдали ежедневно, а направились въ роскошный ресторанъ

на Regent Street, съ высокими цѣнами. Вся публика обратила вниманіе на наше присутствіе, на странные и саниткомъ уже демократическіе костюмы моихъ спутниковъ. Вилли по дорогѣ купилъ бумажный воротничекъ за лема и протегнулъ его такъ ловко, какъ будто на немъ была шегольска рубашка. Блекъ былъ въ совершенно-свѣромъ отъ грязи бѣльѣ.

— Чего эта ошолочь глаза паяить на насъ! проворчалъ онъ шумно, усаживаясь и съ преувеличенною рязвизностью заказывая обѣдъ, путая при этомъ англійскія, французскія и нѣмецкія слова. Вина онъ потребовалъ реймскаго и лучшаго, и приказалъ заморозить двѣ бутылки St.-Мовсеаих d'Or. Несчастный Вилли, вѣроятно, никогда въ жизни такого обѣда не видавшій, гордо крутилъ свои усы, разваливался на стулѣ, ерошилъ для чего-то свою жалкую кудрягу и пыталъ дрянною сигарой, желая съ полными жеманствомъ разыграть истиннаго джентльмена. Дырявый салогъ онъ какъ-то ловко поджималъ лодъ другую ногу и на Блека попрежнему молчалъ. Онъ видимо конфузился своихъ корявыхъ рабочихъ рукъ и вслѣдствіи старался держать ихъ лодъ отъ себя.

— Сперва коньяку, распорядился Блекъ.

Обѣдъ вышелъ веселый и шумный.

Когда мы вышли изъ заведенія, Блекъ, покачиваясь и стотыкаясь, обратился ко мнѣ съ вопросомъ:

— Когда вы уплатите мнѣ гонораръ?

Я сказалъ что пришлю съ Вилли.

Вилли такъ и выписывалъ норами: „демократія“.

Разумѣется, за обѣдъ заплатилъ я.

III. Иванъ Петровичъ.

Я люблю покланяться памяти великихъ людей, и мысль Конта въ его религіи признаю достойною уваженія. Когда мнѣ бывало скучно въ лондонской суматохѣ, въ этихъ проклятыхъ, бурныхъ лотымахъ, застѣвляющихъ солнце и наводящихъ людей на самоубійство, а отправлялася въ соборъ Св. Павла или въ Вестминстерское Аббатство, и цѣлые дни проводилъ у лампадниковъ великимъ людямъ, разставленнымъ по всѣмъ уголкамъ соборовъ. Это не тѣ великіе люди изъ отечественныхъ писателей которые заживо бредятъ

„памятниками въ потемнѣннѣ“, и поклоняться имъ не стыдно, не зазорно. Исторія этихъ памятниковъ и скрытыхъ подъ ними имѣлъ дѣйствительно великая исторія, а не травля обыкновенныхъ щемковъ, лапоцукъ на враждебное „направленіе“ и воображающихъ себя гениальными героями. Здѣсь великія творческія силы, великая энергія и гній, создавшія своему народу всѣ блага жизни.

Въ одинъ изъ такихъ мрачныхъ дней, когда все лондонское населеніе плачетъ въ глаза и дышетъ смрадомъ непроглядной колоты и бураго, грязнаго тумана, когда въ двухъ шагахъ нельзя рассмотреть встрѣчнаго лица, а люди какъ безумные мнутса по улицамъ, съ какимъ-то голоднымъ, хищнымъ озлобленіемъ на лицахъ, когда въ комнатахъ нельзя безъ газа читать и вмѣсто солнца торчатъ на небѣ матовый красный фонарь, безъ свѣта, безъ тепла, становится невыносимо скучно и жутко, и невольно начинаешь понимать почему въ такіе проклятые дни преимущественно люди бросаются въ Темзу: Я не любилъ такихъ дней и не могъ оставаться въ комнатахъ, въ напряженномъ ожиданіи какой-то катастрофы въ родѣ свѣталпреставленія. И катастрофы дѣйствительно почти всегда въ такіе дни происходятъ: мѣзда сталкиваются, пароходы тонуть. Я отправлялся къ жонкѣ любимымъ памятникамъ. Соборъ Св. Павла всегда открытъ для публики. Нѣсколько нищихъ старухъ на скамьяхъ, изголодавшійся пролоеда забѣжать погрѣться, влюбленные пары назначаютъ здѣсь свои rendez-vous, какой-нибудь иностранецъ съ гидомъ въ рукахъ напряженно зѣваетъ въ пропасть купола, широко разставивъ ноги и заложивъ на спину руки. Безмятежная, святая тишина. Нѣтъ лысыхъ и бритыхъ половъ съ фамильярно-распущенными животами, съ досытающимися отъ жира лицами и фарисейски возведенными къ небу глазами. Въ это время Англичанинъ приходитъ въ соборъ только молиться: оттого такъ мало публики. Большинство идетъ въ соборъ во время мессы, какъ въ оперу, слушать прекрасный хоръ и оперныхъ солистокъ да показывать свои туалеты.

Переходилъ я отъ одного памятника къ другому и нѣсколько разъ уже замѣтилъ что какая-то таинственная фигура неуклюже движется за мною, неотступно преслѣдуетъ меня, крахтитъ, покашливаетъ, смотритъ съ какою-то озабоченною робостью и ни слова не говоритъ. Фигура была непріятная: молодой человекъ, болѣзненный, рыжій и

дысоватый, одѣтъ буквально въ лохмотья. Весь костюмъ его состоитъ изъ какихъ-то стародавнихъ, выношенныхъ тряпокъ, сквозь которыя кое-гдѣ мелькало голое тѣло. Я остановился предъ нимъ и ждалъ, что онъ хочетъ сказать. Нужна ли ему милостыня или что еще.

— Я видѣлъ васъ съ Блекомъ и Шмидомъ, заговорилъ онъ по-русски.— Должно-быть вы Русскій?

— Да, я Русскій.

— Я... я хотѣлъ обратиться къ вамъ, волнуясь отъ робости, говорилъ онъ:— ѣсть... поѣсть чего-нибудь... поѣсть!..

Въ глазахъ его стояли слезы и губы дергала судорога. Онъ весь дрожалъ отъ сдавленнаго негодованія на самого себя, на свое положеніе, и какъ-то пугливо ежась отъ моего взгляда, словно боясь удара, попятился назадъ.

— Пойдемте со мной!

Мы вышли изъ собора. Онъ шатался отъ изнеможенія и слотыкаясь шелъ за мной, сухо кашляя и медленно, не охотно отмахиваясь отъ навъзжавшихъ на насъ лошадей. Я привелъ его въ ближайшій ресторанъ и заказалъ обѣдъ.

— Я... ничего... я, видите ли... какъ бы это, безпорядочно болтая костлявыми руками, говорилъ онъ,—я голодень... я всегда бываю голодень... давно уже, очень давно... Я политическій... скомпрометтированъ въ Россіи... бѣжалъ сюда, да вотъ другой годъ безъ занятій. Вы извините пожалуйста... Это такъ странно, не ловко... Я самъ знаю что не ловко...

Онъ лутался и повторялся, не находя словъ какъ бы легче и короче объяснить свое положеніе.

— Мнѣ этого не нужно знать, предупредилъ я его, зная какъ всѣ эмигранты оласаются встрѣчь съ Русскими.

Слуга подаль ему суль, и онъ съ жадностью, съ застарѣлымъ голодомъ принялся за него.

— Не ѣшьте много, остановилъ я его:—будете ѣсть еще вечеромъ.

— Нѣтъ, возразилъ онъ,—я никогда не вѣрю что буду ѣсть еще разъ... не могу повѣрить... Я знаю, это очень вредно... потому меня рветъ всегда, а не могу повѣрить, не могу... что еще-то разъ поѣмъ. Очень ужъ я изголодался. Давно вѣдь... давно голодаю-то...

Я выждалъ пока онъ поѣлъ и спросилъ:

— Какъ же вы здѣсь живете?

— А вотъ какъ видите. Работы ницу, да какаа же здѣсь намъ т. слви.

работа? Тяжести передвигать не въ сплахъ, а интеллектъ совершенно пропалъ... отъ голода, отъ стужи, отъ униженій, отъ тоски пропалъ... Я совсѣмъ дуракомъ сталъ... Вотъ иду инструкторцевъ водить по музеямъ: иногда хорошо платятъ и кормятъ, да на васъ набрелъ. Спасибо вамъ... право, спасибо...

Онъ говорилъ это и погружался въ какое-то омовннн: глаза закрывались, голова падала, языкъ едва-едва поворачивалъ слово.

— Хотите спать? спросилъ я.

— А?.. спать?.. Нѣтъ, это такъ... Нѣтъ ли у васъ какой работы?

— Русскую переписку, пожалуй, дамъ если желаете...

— Ахъ, пожалуйста... Только...

— Чтѣ?

— Да мнѣ писать-то негдѣ. У меня нѣтъ квартиры... Я такъ... гдѣ попалъ... больше въ кабацкѣ тутъ, на Soho Square... Хорошіе люди нѣмецкаго происхожденія, и къ лицѣ довольно близко. Я больше всего хлопочу чтобы къ лицѣ ближе... къ лицѣ, это главное. Тамъ и клубъ нашъ, анархистическій. Вамъ говорилъ Блекъ?

— Да, я слышалъ...

— Ну, вотъ тамъ... Все-таки ваши собираются, иногда ѣда бываетъ, и большая, солидная ѣда... Дѣвушка есть, хорошая дѣвушка...

— Приходите ко мнѣ и работайте...

— Да, спасибо вамъ... только... какъ же клубъ?.. вѣдь можетъ-быть вы совсѣмъ другихъ убѣжденій...

— Да какое вамъ дѣло до моихъ убѣжденій? Вамъ нужна работа—я дамъ вамъ ее. Приходите и работайте. Вѣсть-то ужъ навѣрно будете каждый день досыта.

— Да, конечно... это очень хорошо... Только... вы позволите мнѣ въ клубъ у нашихъ спросить: коли они ничего противъ не имѣютъ, такъ я приду къ вамъ.

— Спрашивайте кого хотите. Это ваше дѣло. Вотъ мой адресъ, да возьмите денегъ на ужинъ...

— На ужинъ... да... это очень хорошо... Спасибо... Это надо туда, въ клубъ, въ общее достояніе: тамъ вѣдь тоже есть голодные...

— Приходите завтра. Утромъ до двухъ я дома.

— Хорошо.

Мы разошлись.

Я не знаю въ своей жизни человека который производилъ бы такое гнетущее, потрясающее впечатлѣніе. На него не жалъ, а страшно было смотреть. Боже убогаго и жалкаго существа трудно себя представить. Видаль я за границей соотечественниковъ во всякихъ видахъ, но такого не встрѣчалъ. Обыкновенно російскій интеллигентъ за границей проходитъ постепенно всѣ степени подневольнаго униженія. Сперва онъ пресмыкается около фондовъ и кассъ. Когда денегъ пусто, онъ начинаетъ литераторствовать и давать уроки. Литераторство въ большинствѣ не дается и вознаграждается плохо. На уроки не берутъ, да и не въ чемъ явиться: либо штаны сквозять гдѣ вовсе не желательно, либо салопи предательски облачаютъ лалыцы. Тогда російскій интеллигентъ идетъ за „пособіями“ и собираетъ ихъ положительно какъ вѣчто должное, заработанное. Прекратидись пособія, онъ шляется голодный по музеямъ, скверамъ, по грязненькимъ кабачкамъ, ищетъ путешественниковъ, знакомыхъ, и начинаетъ „займы“. Прекратятся займы, интеллигентъ живетъ еще ожиданіемъ „пожертвованій отъ сочувствующихъ“ и наконецъ начинаетъ жить буквально несповѣданными судьбами и все-таки живетъ, и продолжаетъ искать какого-то миеа подъ именемъ работы. Онъ быстро осѣдаетъ и совѣтъ отъ ужаса жизни. Подвижности, находчивости, энергическаго усилія въ борьбѣ съ нуждой въ немъ нѣтъ и гда. Онъ отдается судьбѣ, случаю, и идетъ по вѣтру. Въ погонѣ за идеалами всемірнаго соціальнаго счастья ему некогда устроить самого себя, приурочить къ дѣлу, да и къ какому дѣлу ему приурочиться коли отечество научило только книжки читать да состоять „благородною особой“ на готовыхъ харчахъ? Вообще плохо, очень плохо російскій интеллигентъ въ изобрѣтеніи лица, хотя вѣсть умѣетъ. Безъ „содержанія“ онъ голову теряетъ и превращается въ какой-то машинальный столбнякъ. Его, какъ слѣзлаго котерка на молоко, надо толкать, наводить на лицо. Иначе онъ не понимаетъ что ему дѣлать, гдѣ взять. Пробуетъ онъ и мастерству учиться, и таланты свои совершенствовать, и на торговое дѣло пойдъ разъ насунется, и повсюду оказывается бездарностью, безсиліемъ, ничтожествомъ, но очень вѣжно и трогательно грустящимъ объ утраченномъ положеніи „благородной особы на содержаніи“. Російскій интеллигентъ состоитъ еще въ „фазисѣ“ барства, не услѣлъ стать на ноги, вылулившись изъ

крѣпостной скорлупы и во что ни стало желаетъ обрести снова эту скорлупу. Здѣсь, въ этой скорлупѣ, всё его идеалы, всё вождельнiя. Оттого на чужой сторонѣ, какъ и дома, онъ ищетъ только легкихъ и „благородныхъ занятiй“ съ „содержанiемъ“ и, разумеется, ничего не находитъ и ожесточается на мировые порядки. Онъ реентьеръ по призванiю и по образованiю. Того и другаго въ немъ какъ разъ столько чтобы умѣть пользоваться рентою и „жить въ свое удовольствiе“, но нѣтъ ни ума, ни образованiя чтобы сообразить наконецъ отчего это у него нѣтъ ренты?

Это замѣчанiе не относится однако къ моему новому знакомцу.

На другой день онъ пришелъ ко мнѣ такой же вялый, изнеможенный, полусонный,—пришелъ и поселился. Это сдѣлалось какъ-то само-собою, безъ приглашенiя съ моей стороны, безъ навязчивости съ его.

Началъ онъ переписывать мою рукопись. Напишетъ двѣ строчки, покурить, поговорить, подумаетъ, почитаетъ газету, книжку—все урывками, по клочкамъ. Окончилъ страницу и собирается уходить.

— Куда же вы?

— Къ лицѣ... на Soho...

— Да постойте, какая же лица въ девятомъ часу? Поидемъ вмѣстѣ. Сейчасъ чай подадутъ.

— Да, пожалуй...

И остался.

— Зачѣмъ это вы романъ пишете? спросилъ онъ меня.

— А что писать?

— Ничего не надо писать.

— А читать можно?

— И читать не надо. Отъ книжекъ всё люди несчастны.

Надо по-просту.

— Какъ же? въ первобытномъ состоянiи?

— Да, тогда должно-быть лучше было. Лица легче давалась человѣку.

— Да что у васъ все лица да лица, словно вмѣсто головы другой желудокъ...

— Да, именно такъ надо: ни одной головы и два брюха.

— Зачѣмъ?

— Для счастья.

— Расскажите лучше что-нибудь о вашемъ клубѣ.

- Да, а вы потомъ напишете въ газетѣ.
- А развѣ это тайна? Мнѣ Блекъ говорилъ и общалъ вести въ клубъ.
- Да вѣдь Блекъ—потерянный. Ему все равно.
- Какъ потерянный?
- А такъ; на дѣло не годится: всѣ знаютъ его.
- А вы?
- Ну, я еще въ будущемъ...
- Скажите по правдѣ, неужели вы искренній, заправдаш-
ный террористъ?
- Да, я заправдашный...
- И убить человѣка можете?
- Коли надо, отчего не убить?
- А какъ узнать: надо или нѣтъ?
- Да, это вопросъ... вопросъ совѣсти.
- А если совѣсти нѣтъ?
- А совѣсти нѣтъ, такъ и вопроса нѣтъ.
- Ну, а какого вы мнѣнія о цивилизаціи? Нужна она или нѣтъ?
- Цивилизація намъ недоступна—значить ея и не надо. Мы создали, выработали ее для наслажденій тунеядцевъ. Это глупо.
- Кто это „мы“?
- Работники.
- Вы лично, напримѣръ?
- А вотъ работаю же у васъ. По нуждѣ работаю: иначе вы вѣсть мнѣ не дадите.
- Что вы дѣлали въ Россіи? Пропагандировали?
- Нѣтъ. При Соловьевѣ состоялъ.
- Что значитъ „состоялъ“?
- Станкомъ ворочалъ, *Народную Волю* печаталъ.
- А о покушеніи Соловьева знали?
- Знали что онъ пошелъ палить, а не знали въ кого.
- Предъ тѣмъ онъ прогналъ меня: „Ступай, говоритъ, къ чорту, а то зашибу“.
- А вы?
- А я исполнилъ его желаніе, пошелъ къ чорту, да вотъ и чорта ужъ который годъ ищу не найду.
- Вы раздѣляли убѣжденія Соловьева?
- Н-да... я соглашался.
- И еслибъ онъ пригласилъ васъ съ собой, вы пошли бы?

— Я думаю что пошелъ бы. Онъ насчетъ лица былъ очень добръ. Мнѣ хорошо было. Денегъ къ намъ поступало много. Мы и вино пили каждый день. Дѣвицы были тоже... Жилось хорошо.

— Умный былъ Соловьевъ или нѣтъ?

— Кто его знаетъ! У насъ этимъ не занимались. Важно чтобы человекъ на подвигъ годился, а уметь онъ или нѣтъ— кому какое дѣло?

— Вы такъ и скитаетесь съ тѣхъ поръ?

— Какъ видите.

— Что же вы дѣлали?

— Сперва наборщикомъ былъ въ Женевѣ, потомъ въ Парижѣ на бульварахъ объявленія раздавалъ лубликѣ, иностранцевъ тоже въ Лувръ водилъ.

— Плохо вамъ было?

— Въ проголодь было. Потомъ переѣхалъ вотъ въ Лондонъ, и здѣсь первое время на Оксфордѣ стоялъ дѣтскіе флаги продавалъ; потомъ съ гармоникой ходилъ по улицъ, концерты давалъ предъ кабаками и нѣмымъ притворялся, да онъ запретилъ...

— Кто онъ?

— Англичанинъ... вѣдь онъ дуракъ, не позволяетъ просить...

— А къ клубу анархистовъ въ какихъ вы отношеніяхъ? Неужели некому было помочь вамъ?

— Нѣтъ... Тогда ни Кралоткина, ни Влека здѣсь не было. Я въ циркъ поступилъ...

— Въ циркъ?! да что же вы тамъ могли дѣлать?

— Коней выводилъ и русскія пѣсни пѣлъ подъ гармонику. Апплодировали...

— А платили хорошо?

— И платили хорошо.

— Отчего жъ вы оставили?

— Да мнѣ конь бедро расшибъ, въ больницѣ лежалъ мѣсяца два, все и съѣлъ что было.

— Ну и что же вы предприняли?

Онъ засмѣялся и рукой махнулъ.

— Что жъ, нельзя сказать?

— Нѣтъ, можно, да вы смѣяться будете...

— Чего же смѣяться коли васъ нужда мыкала, я помню это.

— Прачкой былъ у одной дѣвочки...

- Какъ прачкой?
- Такъ прачкой, да и все. Стирала я юпки, рубашки, штанишки... хорошіе штанишки, съ разрѣзомъ... Все въ кружевахъ, очень тонкое обращеніе надо было наблюдать.
- Что же это за дѣвочка была?
- А я покажу вамъ ее коли хотите... Она актрисой на маленькомъ театрѣ, шамсоетки поетъ и канкасируетъ.... Красивая, богатая... брилліантовъ проласть... Съ бакирами все знакомство водить... Миссъ Анна...
- Странно! да какъ же она могла поручить вамъ такое цѣлостное дѣло?
- А она безстыжая. Ей это ни почемъ. „Стирай“, говорить,—я и стирала и утюгомъ орудовала... и такими тоненькими цилчичками кружева расправляла... Довольна была...
- Хорошо было насчетъ лица?
- Очень хорошо.
- Отчего жь ушла?
- Влюбилась.
- Въ кого?
- Да въ нее, въ миссъ Анну. Позвала меня косы ей расчесывать, а сама въ рубахѣ и ноги голыя, ну, я и пропала...
- Ну, батюшка, прошли же вы оговъ и воду...
- Воистину прошелъ...
- Горькая жизнь, страшная!...
- Нѣтъ... Я вѣдь смѣюсь на это... Мнѣ ничего... Что жь тутъ удивительнаго? Служила, не воровала... Я все наравнилъ къ лицѣ поближе, въ ресторахъ, въ кофейню, да не брали...
- Отчего?
- А расторопности, навыка нѣту.
- Ну и что же вы начали?
- Спички продавалъ на лерекресткахъ...
- Странно. Отчего же вы не искали помощи у клуба? Почему каждый нѣмецкій эмигрантъ здѣсь устраивается какъ у себя дома, именно благодаря помощи и ссудамъ клуба?
- Да, Нѣмецъ... у него профессія... онъ знаетъ что ему дѣлать... онъ ресторахъ откроетъ, булочную, кофейную, либо мастерство..., ему ничего больше и не надо...
- А вамъ что же надо?
- Да я этого не умѣю.
- А стирали же штанишки миссъ Анны...
- Да вѣдь это временно, въ переходномъ состояніи. Нѣмцу потому и даютъ ссуды что онъ приходитъ съ дѣломъ, на

дѣло и просить, дѣломъ и отплачивается... А мнѣ на что дадутъ? Я съѣмъ посуду, вотъ и все.

— Ну, попробовали бы корреспонденцію писать въ русскія газеты...

— Я пробовалъ. Подлецы!...

— Что жъ, денегъ не высылали?

— Да. Покорнѣе просили продолжать мои интересныя письма, а денегъ не высылали. Я тогда тифомъ захворалъ, все морковь жралъ...

— А въ политическихъ дѣлахъ не участвовали?

— Какъ не участвовать, пропаганду возилъ, письма доставлялъ, важныя порученія передавалъ... Денегъ дадутъ какъ разъ на билетъ, а на счетъ лица и не думай. Въ Вѣнѣ двѣ ведѣли по улицамъ шлеялся безъ пристанища: не съ чѣмъ было выѣхать...

— Значить, жили *убѣжденіемъ*?

— Да, убѣжденіемъ и жилъ. Въ 1 мартѣ я тоже участвовалъ...

— Какъ? вы были тогда въ Петербургѣ?

— Нѣтъ, сидѣлъ на границѣ, получилъ изъ Питера телеграмму; чортъ знаетъ что въ ней было, шифръ, я телеграфировалъ въ Парижъ, нашимъ.

— И не знали о чемъ вы телеграфировали?

— Видитъ Богъ, не зналъ. Сказали: седи и жди, я сидѣлъ, и ждалъ. А въ телеграммѣ было, какъ телерь помню: „Оль выѣхалъ изъ Петербурга“.

— Вѣдь вы были противъ царевубійства?

— Я не былъ ни противъ, ни за. Я не зналъ. Мнѣ сказали: „важное“, я старался исполнить въ точности, вотъ и все.

— Неужели и эти люди въ послѣдствіи вамъ не помогли?

— Они анонимы. Я нигдѣ не нашелъ ихъ. Они знали меня, я не зналъ ихъ.

— Послушайте, да какъ мнѣ звать васъ? Неловко же безъ имени... Иванъ Ивановичемъ?

— Нѣтъ, зовите Иваномъ Петровичемъ. Такъ лучше, такъ меня всѣ здѣсь зовутъ.

— Ну, ладно.

Вскорѣ я почувствовалъ неотступное недовольство отъ поселившагося у меня гостя. Работать, даже переписывать, оль положительно былъ неспособенъ. Съ утра начиналъ оль двигаться къ лицу, лотомъ уже началъ и слать послѣ обѣда,

находя что это ему здорово. Денегъ онъ не понималъ и, какъ только оправился, завелъ штаны, началъ посѣщать театры, концерты, дорогіе рестораны и заглядываться на уличныхъ женщинъ. Въ работѣ ставилъ непремѣннымъ условіемъ: лять фунтовъ впередъ, потому что ему иначе нельзя начать, и, получивъ фунты, накупалъ себѣ изумительной дряви, съ которою и самъ не зналъ что дѣлать. На что глаза уладуть, то и купить. Завелъ дѣтскій волчокъ, банку помады для ращенія волосъ, фотографію актрисъ съ вывороченными ловерхъ корсета грудями, перстень съ фальшивымъ брилліантомъ, гармошку; наконецъ, привелъ дѣвицу съ подбитыми глазами. На улицахъ онъ любилъ останавливаться предъ окнами магазиновъ и заглядывался на такія издѣлія которыя, казалось бы, меньше всего могли его интересовать: бандажи, кадушки, лошадиныя шлеи, луховики, чемоданы, были любимыми предметами его созерцанія.

— Посмотрите, какое сѣдло!... А вотъ какіе штаны за семь шиллинговъ!... Вонъ кебъ опрокинулся. Вотъ Негръ съ американскою гитарой...

Что на глаза поладалось, то онъ и говорилъ, предъ тѣмъ и останавливался. Oxford Musical съ акробатами, клоунами и канканерками—для него величайшее наслажденіе. Онъ займетъ шиллингъ и поидеть на галерею, и съ радостнымъ замѣчаніемъ сердца слѣдить, не выломитъ ли себѣ кто ребра на сценѣ.

Жилъ онъ у меня такимъ образомъ недѣли три и надобѣлъ смертельно. Отъ работы все дальше и дальше и, наконецъ, началъ пропадать на цѣлые дни, являясь только къ лицѣ.

— Гдѣ вы бродите, Иванъ Петровичъ? спросилъ я.

— Хожу въ музей madame Tussaud штудировать... Поидемте.

Помель съ нимъ и я въ музей madame Tussaud.

Въ этой „Historical Gallery“ Иванъ Петровичъ скитался цѣлые дни и съ какимъ-то любовнымъ самозабвеніемъ простаивалъ цѣлые часы предъ фигурами знаменитыхъ убійцъ. Особенно любилъ онъ останавливаться предъ группой окружающею Императора Александра II въ гробу. Голова Государя исполнена артистически-прекрасно и въ лицѣ передано то выраженіе предсмертной скорби которое всѣмъ памятно кто видѣлъ Его въ Петропавловскомъ соборѣ. На заднемъ планѣ группы рельефнѣе другихъ фигуръ выступаетъ графъ Лорисъ-Меликовъ въ обтерханной шивели съ бобромъ, въ накидку.

- Вотъ Царь!...
- Вижу, но все-таки не понимаю, что вы здѣсь штудируете?
- А вотъ Лорисъ... Шивель-то, шивель! А тоже въ мундиръ... Съ „новомъ эрой“ вамъ сѣятельство поздравляю... По другую сторону надо бы поставить нашихъ: Софью, Желябова и другихъ...
- Какъ вамъ не стыдно смѣяться...
- А чего плакать... Я не унываю; придетъ очередь, пойду...
- Палить?
- А отчего не палить?... Все равно... Рысаковъ не сильнѣе меня былъ, а вѣдь палилъ же... побѣдительно палилъ...
- Когда вы отъ меня исчезнете?
- Развѣ надо? А работа?... Какъ же это? Вы ставите меня въ затруднительное положеніе. Изъ-за васъ я упустилъ друга работу... А теперь, что же это?... Куда я пойду за пищей?...
- Я дамъ вамъ на пищу, только уйдите.
- Хорошо, я подумаю.
- На другой день онъ ушелъ отъ меня.

III. Докторъ Беръ и Луиза Гулю.

Мнѣ часто случалось заходить въ знаменитый кабачокъ на Soho Square, содержимый также „жертвой Бисмарковскихъ насилій“, Лудвигомъ Крайцемъ. Кабачокъ грязенъ, теменъ и пахучъ. Бѣда въ немъ плохая, пиво дрянное; все разчитано на баснословную дешевизну и бѣдность. Кабачокъ посѣщаютъ безмѣстные работяки и пьянствующія старухи, преимущественно члены клуба анархистовъ, люди суровые, угрюмо-дремучіе, безмолвно злобные, почти всегда голодные. Молча сѣдаютъ они свои порціи, молча выливаютъ пиво, молча платятъ, молча уходятъ. Это было какое-то автоматическое явленіе въ кабацкѣ, ежедневно повторявшееся и изрѣдка нарушаемое безотрадною вѣстью что такой-то членъ клуба бросился въ Темзу и благополучно утонулъ. Проклятая рѣка! каждый годъ она поглощаетъ тысячи голодныхъ бѣдняковъ, ищущихъ въ ней спасенія отъ безнадежности жизни. Есть мѣста *любимыя* самоубійцами, гдѣ волны грязныя и бурливыя.

Изъ всей толпы посѣтителей кабачка на Soho Square самый замѣчательный человекъ—докторъ Беръ. Онъ блестятъ въ кабацкѣ какъ лондонское солнце въ мутный и пасмурный

день. Ученѣйшій и любезнѣйшій человекъ и высочайшій авторитетъ кабака. Ему лѣтъ за шестьдесятъ, но онъ еще бодръ, силенъ и не прочь жениться. Лысый и грязный, съ вѣчно смѣющимися морщинами на выможенномъ лицѣ, необыкновенно беззаботный по части костюма и никогда не теряющій веселаго расположенія духа, докторъ Беръ просто-таки царствовалъ надо всемъ горемъ кабака. Приходилъ онъ иногда вовсе безъ сюртука, иногда въ трехъ, четырехъ сюртукахъ, и носилъ ихъ, постепенно распродавая и пробѣдая, въ сапогахъ изъ которыхъ съ наглýmъ любопытствомъ высовывались пальцы, въ шляпахъ самыхъ разнообразныхъ модъ, но исключая и женскихъ. Если же шляпы никакой не случалось, голова обвязывалась платкомъ, а то и зонтикомъ прикрывалась отъ непогоды. Въ кабакъ докторъ Беръ всими любимъ и поклоненіями избалованъ. За него охотно платятъ. Онъ ѣсть и пьетъ въ полное удовольствіе на счетъ самой искренней дружбы. Всѣ знаютъ что у доктора въ Америкѣ множество земель, золотыя россыпи, алмазныя копи и дядя-миллионеръ, который, Богъ знаетъ почему, до сихъ поръ не ужираетъ. Самъ же докторъ написалъ множество знаменитѣйшихъ обличеній, и человечество ихъ не помыло. При такихъ отъиныхъ достоинствахъ, докторъ болѣе шимпанзе ни у кого въ долгъ не проситъ, и кому же не лестно дать владѣльцу алмазныхъ копей кружку пива или шиллингъ? Онъ демократъ и анархистъ самой высокой пробы, и даже немножко террористъ по убѣжденіямъ. Однако, „сволочь“, близъ которой онъ и пресмыкается, глубоко ненавидитъ, какъ глупое и безсильное стадо, способное нести ежедневное и вѣчное ярмо нищеты, голода и подчиненія и никогда неспособное створчить и дружно возстать, потому что не умѣетъ отрѣшиться отъ гадкихъ привычекъ брюха.

— Буржуа называетъ васъ сволочью за то, говорилъ онъ работникамъ,—что вы дурно одѣты, дурно ѣдите да, пожалуй, дурно образованы. Я называю васъ сволочью,—о, это дѣло другое! Вы сволочь потому что буржуа развращаютъ вашихъ невинныхъ дочерей и женъ, а вы за это ихъ благодарите. Буржуа, эксплуатирова вашъ трудъ, бьются съ жиру, не знаютъ куда дѣвать награбленныя отъ васъ богатства, а вы ползаете предъ ними въ грязи, и создавая своимъ трудомъ подлѣйшее племя эксплуататоровъ, поклоняетесь ему, какъ высшей расѣ. Да, вы сволочь, мои милые друзья! у васъ нѣтъ

самолюбія и характера и не вамъ объявлять войну государству. Вы глухой быкъ, протестующій противъ ярма до перваго кнута. Вы уличная женщина, которая говоритъ: „Нѣтъ, я не такая“... Вы... вы ужасная сволочь!..

— Да ты самъ-то, дядя Беръ что за птица? возражаютъ ему друзья изъ сволочи.

— Я, милѣйшій мой другъ, рентьеръ... У меня въ Америкѣ...

— Знаемъ мы что у тебя въ Америкѣ...

— А вы все-таки сволочь! Я ученый... Я написалъ сто сорокъ сочиненій и не имѣю до сихъ поръ вѣрнаго куска хлѣба: ясное дѣло, я честный человекъ...

— Да ты все пропилъ—и ученость, и Америку...

— Да, пропилъ... Мнѣ Луиза Гулю, въ знакъ своего уваженія, штаны подарила, и я потерялъ ихъ по этому самому случаю.

Публика хохочетъ, животы поджигаетъ, и докторъ совершенно доволенъ своею остротой и общимъ вниманіемъ къ его особѣ.

Съ первой же встрѣчи со мною въ кабацкѣ, докторъ Беръ сталъ моимъ неотступнымъ, неотразимымъ пріателемъ. Съ гордостью заговорилъ онъ о поляхъ и розсыпяхъ, съ дядей въ Америкѣ, о своихъ великихъ соматвіяхъ и о своемъ великомъ значеніи въ клубѣ лондонскихъ анархистовъ. Оказалось что онъ лоднялъ и возстаніе въ Ирландіи, по его инициативѣ появляются всѣ террористы въ Россіи, онъ и глава центральнаго исполнительнаго комитета. Стыдно, медовко было слушать какъ агалъ этотъ старый, изжившійся человекъ, пребывавшій постоянно въ какомъ-то идиотическомъ бреду. Ни занятій, ни средствъ у него не было. Лѣтъ двадцать тому назадъ выигралъ онъ въ Саксонской лотереѣ большую сумму и пропутешествовалъ ее по бѣлу свѣту. Былъ въ Африкѣ, Австраліи, Россіи, все наблюдалъ и изучалъ, собиралъ матеріалы для огромнаго сочиненія и набралъ проласть всякой драги, подъ тяжестью которой окончательно провалился въ бездну лондонскихъ кабаковъ, откуда такъ ужъ и не выглядывалъ на бѣлый свѣтъ. Съ той поры докторъ ежегодно покупаетъ одинъ билетъ Саксонской лотереи и живетъ специально мечтательнымъ ожиданіемъ счастливаго выигрыша. Занятіе необременительное, и убѣжденному анархисту какъ разъ по силамъ. При случаѣ онъ тоже не прочь поискать и работы какъ „наши“ ищутъ, и занявъ

шпилингъ исчезаетъ Богъ вѣсть куда. Дѣла его никогда не шли плохо, каждый день онъ сытъ, пьянъ и веселъ, оретъ въ кабаки съ вечера до утра и очень старательно внушаетъ друзьямъ попятіе о знаменитости своей личности. Никогда онъ не задумывался какъ ему быть завтра. Онъ, какъ пивка, присасывался къ намѣченному человѣку, и, наившись какъ пивка же, отваливался отъ него.

— Отчего вы не займетесь практикой, докторъ? спросилъ я его.

— Принципы не позволяютъ, мой милый другъ. Какаа же практика: бѣдные платить не могутъ, а богатыхъ я лѣчить не хочу. Никогда въ жизни не служилъ буржуазіи.

— Ну писали бы... вѣдь вамъ же скучно безъ дѣла?

— О-го?! Безъ дѣла? Какъ безъ дѣла? Я безъ дѣла? Спросите, кѣмъ держится клубъ анархистовъ?... Мною, только мною да Луизой Гулю... Луиза — славная дѣвка!... Жаль что она ребятъ много по свѣту разбросала, въ каждомъ городѣ оставила по ребенку и губила свое великое дарованіе на такую жизнь.

— Въ чемъ же собственно ея дарованіе?

— Впервыхъ, я и она — лучшие ораторы въ клубѣ. Насъ всѣ правительства знаютъ. Вы понимаете, мой милый другъ, почему знаютъ... вовторыхъ, она пьетъ лучше меня и дѣлательна какъ самъ чортъ. Теперь она въ Ирландіи руководитъ дѣлами, и вотъ вы увидите, она скомпрометируетъ политику Гладстона. Она да ваши Русскіе — вотъ и все что есть въ Европѣ порядочнаго, честнаго, передоваго и мыслящаго.

— Вы хорошаго мнѣнія о русскихъ террористахъ?

— О, я поклоняюсь имъ! Я благоговѣю предъ ними!... Этотъ Рысаковъ... Эта Софья... Не можете ли вы ссудить мнѣ шпилингъ?

И занялъ шпилингъ.

Я видѣлъ его въ клубѣ, на трибунѣ, предъ шумнымъ собраниемъ. Онъ говоритъ бойко, подчасъ остроумно; но для остроты онъ всегда избираетъ высокыхъ политическихъ людей. Толпа это нравится, и она благодарно гогочетъ и рукоплещетъ.

— Какъ вы нашли мою рѣчь? спросилъ онъ меня.

— Старо и пошлово, сказалъ я откровенно.

Онъ задумался на минуту.

— Да, старо и пошло, мой милый другъ, сказалъ онъ:—но вы видите, толпа довольна. Ужь что можетъ быть пошлѣе

вашего русскаго либерализма, однако и имъ ваша толпа довольна, и притомъ еще штеллигентная, притязательная толпа. Это простая, грубая сволочь, и ей увлекаться протитательно даже лошлостью, а ваша сволочь претендуетъ на первую роль въ политическомъ мѣрѣ, и въ сущности такая же сволочь, не больше.

Что было отвѣчать?

Она получила изъ кассы клуба шесть пенсовъ за произнесеніе рѣчи и отправилась въ буфетъ, гдѣ былъ картофель, виски и пиво, и въ сообществѣ еще болѣе почетной знаменитости, Луизы Гулю, очень весело проводила время. Она, эта знаменитость, только что вернулась изъ Ирландіи и была съ докладомъ у Кралоткина. Она окружена была толпой почитателей и сыпала предъ нами привезенныя новости.

Я взглянулъ на эту третью „мировую“ женщину. Первыми двумя признаны „наши“ Вѣра и Софья. Поразительнѣе этого уroda ничего не видывалъ. Старая, морщинастая, полысѣлая и сѣдая дѣвка съ нахально задранными носомъ, съ длинными, не человѣческими, отвороченными губами до ушей, и до какихъ ушей! сказать о видѣ: ослимыя, было бы только ласкательно. Она почему-то была въ мужскихъ сапогахъ; должно-быть въ этомъ костюмѣ она съ революционнымъ знаменемъ канканировала на баррикадахъ въ Ирландіи. Докторъ Беръ находилъ что она еще предстаетъ во всѣхъ отношеніяхъ и необыкновенно де полезна „нашему дѣлу“. Сегодня она пригнала изъ Ирландіи, завтра съ утреннимъ пароходомъ несется въ Нью-Йоркъ, черезъ мѣсяць будетъ бѣсноваться въ Парижѣ, опять въ Лондонѣ, опять въ Ирландіи и т. д. Говоритъ она грубо, жесткими словами и комкаетъ такія изумительныя фразы, предъ которыми даже наши террористы недоумѣваютъ. Съ докторомъ Беромъ она обращается дружески и называетъ его „милый чучело“ или „милое чудовище“, на что докторъ Беръ съ изяществомъ истиннаго джентльмена отвѣчаетъ: „Прелестная mademoiselle Louise.“

Н.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

Извѣстный собиратель рукописей А. А. Титовъ напечаталъ въ городѣ Ростовѣ, Ярославской губерніи, первый выпускъ описанія приобретенныхъ имъ рукописей, подъ заглавіемъ: *Охранный каталогъ славяно-русскихъ рукописей А. А. Титова*. Каталогъ этотъ, по словамъ издателя, не имѣетъ цѣлю представить научное описаніе рукописей, а имѣетъ значеніе только охраннаго перечня рукописей. Въ первомъ выпускѣ помѣщенъ перечень 828 рукописей XVII, XVIII и XIX столѣтій. Между ними въ собраніи г. Титова находится въ рукописи греко-латино-славянскій лексиконъ Елифанія Славинецкаго, въ двухъ томахъ, писанный прекрасною екоротисью близкою къ полууставу XVII вѣка. Вся рукопись тщательнаго письма, близкаго къ печатному. На оборотѣ десятаго листа рукописи между прочимъ значится: „лексиконъ на письменно греческомъ, на латинскомъ и на руссѣйскомъ языкахъ, что писалъ Елифаній“. Елифаній Славинецкій, знаменитый дидакалъ XVII вѣка, былъ справщикомъ книгъ Печатнаго Двора. Рукопись этого лексикона въ листъ, вся писана одною рукою, едва ли не самого Елифанія, на 1.320 листахъ; каждый листъ въ два столбца самаго убористаго и мелкаго шрифта. Въ собраніи г. Титова находится часть рукописей изъ собранія покойнаго профессора Бедякаго.

Профессоръ Казанскаго университета Флоринскій напечаталъ до сихъ поръ неизданный трудъ Н. Н. Бантышъ-Каменскаго: *Дипломатическое собраніе дѣлъ между Россійскими и Китайскими государствами съ 1619 по 1792 годъ*, составленное по документамъ хранящимся въ Московскомъ Архивѣ Государственной Коллегіи иностранныхъ дѣлъ въ 1792—1803 годахъ. Сочиненіе это Н. Н. Бантышъ-Каменскій началъ въ 1776 году и окончилъ въ 1792 году. Въ томъ же году онъ представилъ его министру иностранныхъ дѣлъ графу Безбородко, но трудъ этотъ по видимому не былъ удостоенъ вниманія. Въ 1803 году Бантышъ-Каменскій снова препроводилъ это сочиненіе ко графу Воронцову съ посвященіемъ рукописи императору Александру I, за что получилъ въ награду брилліантовый перстень, но напечатаніе сочиненія не было разрѣшено. Только въ 1821 году императоръ Александръ I, по ходатайству статсъ-секретаря графа Калодистріи, изъявилъ высочайшее соизволеніе на изданіе этого сочиненія на счетъ казны, но это дѣло осталось невыполненнымъ до сего времени. Изданное теперь сочиненіе, не лишнее интереса для русской исторіи вообще, имѣетъ не малую цѣну и собственно для сибирской исторіи. Всякій документъ о пограничныхъ съ Китаемъ дѣлахъ есть документъ исторіи Сибири. По книгѣ Бантышъ-Каменскаго можно слѣдить шагъ за шагомъ какъ расширялись южныя сибирскія границы, съ какими народностями приходилось вести борьбу и какими средствами, какія были при этомъ удачи и ошибки. При крайней ограниченности историческихъ данныхъ олубаикованныхъ по этому предмету, книга Бантышъ-Каменскаго можетъ служить драгоценнымъ вкладомъ въ область исторической литературы Сибири. Сочиненіе издано съ экземпляра рукописи исправленнаго рукой самого Николая Николаевича Бантышъ-Каменскаго. Изданіе настоящаго изслѣдованія предпринято В. М. Флоринскимъ между прочимъ съ тою цѣлію чтобъ этотъ трудъ послужилъ въ пользу Сибирскаго университета. Во время празднованія закладки университета въ Томскѣ 27 августа 1880 года, г. Флоринскимъ была проведена мысль объ устройствѣ дома для бесплатныхъ квартиръ будущихъ сибирскихъ студентовъ. Эта мысль встрѣчена Сибиряками съ сочувствіемъ и тутъ же на обѣдѣ собрано было по подпискѣ для этой цѣли 2.100 рублей. Послѣ того осенью 1880 года г. Флоринскимъ издана была брошюра, подъ заглавіемъ:

Описание праздника по случаю закладки Сибирского университета, напечатанная в Томскѣ въ количествѣ 3.000 экземпляровъ. Деньги вырученныя отъ продажи брошюры (по 1 р. за экз.) были предназначены для той же цѣли — устройства студенческаго дома. Изъ этихъ источниковъ, съ продолженіемъ подписки пожертвованій, въ настоящее время осталась сумма болѣе 16.000 рублей, благодаря которой вопросъ о постройкѣ дома можетъ считаться осуществимымъ. Г. Флоринскій, желая изыскать дальнѣйшіе источники для увеличенія этого фонда, напечаталъ рукопись Бавтынь-Каменскаго въ количествѣ 500 экземпляровъ, съ тѣмъ чтобы вырученныя съ продажи этого изданія деньги, за вычетомъ типографскихъ расходовъ, были употреблены также на устройство дома для безплатныхъ квартиръ студентовъ при Сибирскомъ университетѣ. Сочувствуя такому намѣренію, ревизителю Сибирскаго университета братья П. М. и М. М. Зелинковы, независимо отъ сдѣланнаго ими прежде пожертвованія въ размѣрѣ 10.000 рублей на двѣ стипендіи и иллюстриранныхъ коллекцій для музея Сибирскаго университета, доставили г. Флоринскому безплатно необходимое количество бумаги. Цена книги въ 865 страницъ 5 рублей.

Въ Москвѣ издано излѣдованіе г. Н. Ланге подъ заглавіемъ: *Древніе русскіе съезды или соборы судей*. Что это за суды? Территориальная подсудность въ древней Руси была понимаема въ самомъ строгомъ смыслѣ и, не смягчаемая юридическими ограниченіями, почти повсемѣстно устанавливала подсудность лицъ, а не дѣлъ. Такимъ образомъ наприимѣръ жившіе въ разныхъ присудахъ истецъ и отвѣтчикъ не переставали по общему между ними цоквому дѣлу быть подсудными отдѣльно каждый своимъ особымъ судьямъ. При подобномъ взглядѣ на подсудность естественно раждалась необходимость въ установленіи *оюдныхъ* судовъ, т. е. судовъ составлявшихся изъ всѣхъ тѣхъ судей которыхъ, по территориальному разграниченію, повѣдомственны были лица входящія какъ стороны въ то или другое дѣло. Такіе суды существовали въ Россіи въ XIV, XV и XVI столѣтіяхъ.

Въ Петербургѣ, въ типографіи Академіи Наукъ, оковчено печатаніе роскошнаго изданія, подъ заглавіемъ *Древнійшія*
т. сLVII. 15*

русскія монеты Великаго Княжества Кіевскаго. Нумизматическій опытъ графа Ив. Ив. Толстаго. Съ 19 таблицами рисунковъ. Описаны монеты Владиміра Святаго, монеты Святополка и Ярослава. Рисунки описанныхъ монетъ сдѣланы въ Экспедиціи Заготовленія Государственныхъ Бумагъ геліотипнымъ способомъ.

Общество Любителей Древней Письменности, состоящее подъ председательствомъ князя П. П. Вяземскаго, издало *Чинъ поставленія на царство царя и великаго князя Алексея Михайловича.* Издаваемый *Чинъ* заимствованъ намѣстникомъ Троицкой Сергіевой Лавры архимандритомъ Леонидомъ изъ рукописнаго пространнаго русскаго лѣтописца конца XVII вѣка (рукопись принадлежитъ отцу архимандриту Леониду.)

Русская военно-историческая литература продолжаетъ обогащаться солидными изслѣдованіями объ отдѣльных частяхъ нашей арміи. Въ концѣ прошлаго года издано обширное сочиненіе *Исторія лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка, 1806—1881 годовъ.* Трудъ этотъ, посвященный Августѣйшему шефу полка Е. И. В. Великому Князю Константину Николаевичу, составленъ полковникомъ Ростковскимъ.

По распоряженію морскаго министерства изданъ переводъ съ нѣмецкаго сочиненія профессора Аталмайера *Война на морѣ*, разъясняющаго задачи и вопросы связанныя съ искусствомъ веденія морской войны. Русскій переводъ, сдѣланный Г. Н. Ладенфельдомъ, посвященъ Е. И. В. Великому Князю Алексѣю Александровичу, главному начальнику флота и морскаго вѣдомства.

Въ Петербургѣ издана *Исторія царствованія Императора Александра II, въ картинахъ.* Сочиненіе это посвящено авторомъ „Русскому народу и русскому войску, во благо которыхъ двадцать лѣтъ лѣтъ царствовалъ, нечлился и трудился Царь-Освободитель Александръ Николаевичъ.“ Содержаніе этого изданія хотя и просто напечатаннаго изданія—разказы о жизни въ Бозѣ почившаго Государя до вступленія его на престолъ и разказъ о его царствованіи. При книгѣ приложены портреты особъ Императорскаго Дома, портреты нѣкоторыхъ государственныхъ и общественныхъ дѣателей и

картины изображающія главнѣйшіе и достопамятныя моменты прошлаго царствованія.

Въ Петербургѣ издава небольшою брошюркой *Исторія царствованія Императора Александра II, Царя-Мученика, названнаго Царя-Освободителя*. Изданіе книжнаго магазина „Народная Польза“.

Печатавшіяся въ *Правительственномъ Вѣстникѣ* въ іюль и августѣ прошлаго года корреспонденціи о предпринятомъ Ихъ Величествами Государемъ Императоромъ и Государыней Императрицей путешествіи по Россіи, вышли въ свѣтъ отдѣльною брошюрой подъ заглавіемъ *Путешествіе Государя Императора Александра III въ первое лѣто его царствованія*.

Епископъ Люблинскій Модестъ напечаталъ въ Варшавѣ книгу подъ заглавіемъ: *О древнѣйшихъ существованіи православія и русской народности въ Галиціи, губерніяхъ Люблинской, Сподлеуской и другияхъ мѣстностяхъ Присилезскаго края*.

Въ Варшавѣ выходитъ въ свѣтъ выпусками на польскомъ языкѣ сочиненіе покойнаго Лавге *Исторія материализма*.

Въ Москвѣ изданъ переводъ первой части трагедіи Гёте *Фаустъ* въ переводѣ А. А. Фета.

Профессоръ Харьковскаго университета П. И. Ковалевскій издалъ въ Харьковѣ *Курсъ частной психіатріи*, читанный имъ въ 1881 году въ Харьковскомъ университетѣ.

Въ Харьковѣ напечатано филологическое изслѣдованіе И. В. Петушила, подъ заглавіемъ: *Объ аористахъ латинскаго языка*. Историко-морфологическій этюдъ изъ области латинскаго, отчасти также греческаго и санскритскаго глагола.

Въ Петербургѣ изданъ листокъ озаглавленный *Статистическія записки Британскаго и Иностраннаго Библейскаго Общества*. Мы извлечемъ изъ листка слѣдующія свѣдѣнія объ этомъ Обществѣ: Оно было основано въ 1804 году съ цѣлью способствовать переводу Священнаго Писанія на всѣ языки и распространенію его во всѣхъ странахъ. Въ 1880

отчетомъ году, окончившемся 31 марта 1881 года, Общество имѣло дохода 209.519 ф. стерлингъ, расхода 190.043 ф. стера. Въ началѣ столѣтія, то-есть при основаніи Общества, переводы Библіи или частей ея существовали можетъ-быть на 50 языкахъ. Съ тѣхъ поръ Общество, кромѣ содѣйствія переводу на 56 языковъ, издало и распространило непосредственно Священное Писаніе на 187 языкахъ и нарѣчіяхъ. Число экземпляровъ распространенныхъ въ истекшемъ году 2.846.029. Итогъ распространенія отъ начала дѣятельности Общества составляетъ 91.014.448 экземпляровъ. Вотъ между прочимъ что сообщается въ *Запискахъ* о современной дѣятельности Общества: Комитетъ недавно отправилъ дѣятельнаго агента въ Японию; дѣло въ Китаѣ расширяемо и есть надежда впредь еще въ большихъ размѣрахъ удовлетворить нужду этой обширной имперіи; учреждено агентство въ Персіи и предполагается устроить тоже въ Сибири и въ Сѣверной Африкѣ. Успѣшно заготавлиются переводы Библіи еще на 46 языкахъ, въ томъ числѣ на албанскомъ, армянскомъ, вкисмооскомъ, японскомъ, малагарскомъ, русскомъ (для слѣпыхъ), синдхи, свагали, тибетскомъ, аганъ (на которомъ говорятъ на Огненной Землѣ), ло (на которомъ говорятъ по берегамъ озера Няссы) и іоруба.

Предпріятое въ Петербургѣ въ 1862 году изданіе *Сочиненій Генриха Гейне* въ переводѣ русскихъ писателей окончено. Вышелъ въ свѣтъ послѣдній, пятнадцатый томъ сочиненій.

Напечатанъ въ Петербургѣ второй выпускъ изслѣдованія Тимофея Флоринскаго *Южные Славяне и Византія во второй четверти XIV вѣка*. Въ этомъ выпускѣ изложена исторія образованія Сербскаго царства.

Г. Боровиковскій издалъ въ Петербургѣ *Законы гражданскіе* (Сводъ Законовъ, Томъ X, часть I) съ объясненіями по рѣшеніямъ гражданскаго кассационнаго департамента Правительствующаго Сената.

Въ Варшавѣ выходитъ въ свѣтъ польскій переводъ *Исторіи Всеобщей Литературы* Шерра.

Въ Варшавѣ напечатано полемико-догматическое изсѣдованіе протоіерея Александра Лебедева *Разности церквей восточной и западной съ ученіи о Пресвятой Дѣвѣ Маріи Богородицѣ*, по поводу латинскаго догмата о вѣнорочномъ зачатіи.

Изданіе предпринятое Московскимъ губерскимъ земствомъ: *Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи*, продолжаетъ выходить въ свѣтъ. Издавъ выпускъ первый втораго тома, въ которомъ помѣщены очеркъ статистики народонаселенія Русскаго и Можайскаго уѣздовъ, составленный С. П. Матвѣевымъ. Въ выпускѣ приложено нѣсколько картъ, въ томъ числѣ большая карта Можайскаго и Русскаго уѣздовъ съ показаніемъ селеній, районовъ, церковныхъ приходовъ и волостей. Въ вышедшемъ въ свѣтъ первомъ выпускѣ седьмагаго тома изложены свѣдѣнія о промыслахъ Московской губерніи. Между прочимъ мы узнаемъ что въ деревнѣ Шараловой, Звенигородскаго уѣзда, существуетъ производство простыхъ стѣнныхъ часовъ, появившееся здѣсь около двадцати лѣтъ тому назадъ.

Въ Петербургѣ издавы *Лѣтописи главной физической обсерваторіи* за 1880 годъ.

Печатавшееся нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* описаніе путешествія по Востоку и Святой Землѣ въ свѣтъ Великаго Князя Николая Николаевича въ 1872 году Д. А. Скалона издаво въ настоящее время отдѣльною книгой. Описаніе издаво весьма изящно, украшено рисунками съ натуры художника Е. К. Макарова, гравированными на деревѣ художникомъ Крыжановскимъ.

Въ Варшавѣ выходитъ выпусками иллюстрированное популярное изданіе, подъ заглавіемъ: *Общобразовательныя бесѣды съ низшими чинами и народомъ*. Издава вторымъ тисненіемъ бесѣда о солнцѣ, о движеніи земнаго шара и о временахъ года.

Въ XII выпускѣ издаваемой подъ редакціей В. Θ. Корша *Всеобщей исторіи литературы* помѣщено продолженіе труда А. И. Кирличникова „Средневѣковыя литературы западной Европы и Византии“.

Предпринять переводъ съ нѣмецкаго *Общей и частной хирургии* Dr. С. Нуетега, профессора хирургіи и директора хирургической клиники въ Грейфсвальдѣ. Переводъ перваго вышедшаго въ Петербургѣ тома сдѣланъ Dr. Д. Г. Фридбергомъ подъ редакціей и съ примѣчаніями профессора Казанскаго университета Л. Л. Левшина.

Въ Москвѣ напечатаны вторымъ изданіемъ *Общедоступная чтенія о русской исторіи* и пятымъ четвертый томъ *Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ* С. М. Соловьева.

Тамъ же напечатана книга подъ заглавіемъ *Народъ и княжеская власть въ Сербіи*. Изъ записокъ Ѳ. Бацетича.

Въ Москвѣ изданъ третій выпускъ *Ученыхъ Записокъ Императорскаго Московскаго Университета*. Въ этомъ выпускѣ помѣщено окончаніе *Курса теоретической механики*, профессора Ѳ. А. Слудскаго и изслѣдованіе доцента А. П. Соколова: *О гальванической поляризаціи электродовъ*.

Въ Москвѣ изданъ второй выпускъ *Сборника Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ*.

Составитель словарей Н. Макаровъ издалъ четвертую часть своихъ *Семидесятилѣтнихъ воспоминаній*.

Напечатанъ *Отчетъ* по дѣловому управленію Министерства Государственныхъ Имуществъ за 1879 годъ. Изъ него мы узнаемъ что къ 1 января 1880 года въ вѣдѣніи казеннаго дѣловаго управленія числилось 12.862 дачи, съ общемою площадью 123.191.288 десятинъ и кромѣ того туандъ Архангельской губерніи, Мезенскаго и Кемскаго уѣздовъ, 26.964.328 десятинъ.

Въ Петербургѣ вышли книги:

Сборникъ Археологическаго Института. Книга пятая.

Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ XXXIV.

Сборникъ нѣкоторыхъ важныхъ извѣстій и официальныхъ документовъ касательно Турціи, Россіи и Крыма. Издастъ съ приложеніями В. Д. Смирновъ.

Древнія изображенія русскихъ царей и ихъ посольствъ за границу въ старыхъ и новыхъ гравюрахъ. I. Изображеніе царей. Описалъ Николай Сѣтко.

Курсъ аналитической механики. Составилъ Д. Бобылевъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета II.

Новѣйшія изслѣдованія океановъ съ приложеніемъ карты рельефа для океановъ и морей М. Рыкачева.

Бромъ-серебряный желатинный способъ, его значеніе и примѣненіе къ фотографіи. Составилъ А. Фелишъ.

Collections scientifiques de l'Institut des langues orientales du Ministère des affaires étrangères, publiées par ordre et aux frais du Département Asiatique. IV. Monnaies de différentes dynasties musulmanes.

Нѣсколько словъ о сравнительной грамматикѣ индо-европейскихъ языковъ. И. Бодуэна-де-Куртене.

Краткое наставленіе къ приготвленію животныхъ для коллекцій или изложеніе способовъ набивки чучель, препарирования скелетовъ и собиранія насекомыхъ. Г. Л. Морозова. Третье изданіе.

Соціальная жизнь животныхъ. Опытъ сравнительной психологіи съ прибавленіемъ краткой исторіи социологіи. А. Эспинаса. Перевелъ со втораго французскаго изданія Ф. Павленковъ.

Анатомія человека съ указаніемъ на микроскопическое строеніе и физиологическія свойства тканей и органовъ. Руководство для фельдшерскихъ школъ. Второе исправленное изданіе. Составилъ Др. Бурцевъ.

Спѣшианныя формы тифовъ больничнаго зараженія. Ф. И. Пастернацкій.

Судебно-медицинское изслѣдованіе пищевыхъ и вкусовыхъ средствъ. Др. Л. Медикуса. Переводъ съ нѣмецкаго Др. Круземштерна, подъ редакціей профессора А. Доброславина.

Др. Феликса Нимейера Руководство къ частной патологіи и терапіи. Часть третья.

Учебникъ ушныхъ болѣзней Виктора Урбаячича. Перев. съ нѣмецкаго Др. Потѣхина.

О вліяніи колебаній кровянаго давленія на дѣятельность сердца у здоровыхъ людей. Диссертація на степень доктора медицины Генриха Шапиро.

Материалы къ ученію о дѣйствии сжатого воздуха на

легочная болѣзнь. Диссертація на степень доктора медицины Константина Соколова.

Оперативное акушерство. По лекціямъ проф. Гегара составлено Дг. Шталемъ. Переводъ съ нѣмецкаго Дг. Патенко, подъ редакціей проф. К. Ф. Славянского.

Домашній гомеопатическій лечебникъ. Сочиненіе Дг. К. Миллера. Переводъ съ дополненіями и введеніемъ В. Дерикера. По послѣднему нѣмецкому изданію дополнилъ В. Соколикъ.

Домашній и госпитальный уходъ за больными проф. Бильрота. Изданіе Главнаго Управленія Россійскаго Общества Краснаго Креста.

Медико-топографія и санитарное состояніе губернскаго города Ставрополя. Диссертація на степень доктора медицины Константина Бахутова.

Уложение о Наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ 1866 года. Съ дополненіями по 1 декабря 1881 года. Составлено профессоромъ С.-Петербургскаго университета Н. С. Таганцевымъ.

Мѣстные гражданскіе законы Бессарабіи. Второе изданіе Кандидата правъ А. Н. Егунова.

Дополненіе къ сборнику законовъ и постановленій для землевладѣльцевъ и сельскихъ хозяевъ съ извлеченіемъ изъ гражданскихъ кассационныхъ рѣшеній Правительствующаго Сената. Составилъ В. Вишняковъ.

Нидерландское уложение отъ 3 марта 1881 года. Переведено В. Л. Лидкимъ.

Сборникъ правительственныхъ распоряженій по казачьимъ войскамъ. Т. XVII, ч. I. Съ 1 января по 30 іюня 1881 года. Изданіе главнаго управленія казачьихъ войскъ.

Новый судебный указатель. Составилъ М. В.—ъ.

О причинахъ упадка крестьянскаго хозяйства въ Россіи. Н. П. Зломанова.

Руководство къ изученію латинскаго языка, составленное по Кюверу. Изд. 13е.

Полный учебникъ для полковыхъ учебныхъ командъ пѣхоты. Составленъ по утвержденной программѣ К. Адарици и М. Карцовымъ, подъ редакціей генералъ-лейтенанта Карцова.

Краткая Естественная Исторія для дѣтвей. Сочиненіе Франца Шресле. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе второе.

Плоская тригонометрія для гимназій и реальныхъ училищъ

Г. Таме, профессора Горнаго Института и Николаевской Морской Академіи.

Полнотелный методъ къ стѣпняемъ естественно-историческому таблицамъ для народныхъ школъ, изданнымъ Императорскимъ Вольнымъ Экономическимъ Обществомъ. Второе изданіе, пересмотрѣнное и дополненное В. Э. Иверсеномъ.

Трехугольная хордовая плетн для школъ. Классное пособіе при обученіи плетнію. Составилъ Григорій Маренчъ.

Учебникъ по Словесности: I. Стихотвора. II. Теорія прозы. III. Теорія поэзіи. Андрея Филокова.

Cours élémentaire, méthodique et pratique de langue française par E. Varon. Première partie. 3 édition.

Руководство для учителей и учительницъ къ преподаванію начальной ариѳметики въ народныхъ школахъ. Составилъ В. Евтушевскій.

Картины русской исторіи отъ Рюрика до Петра Великаго. С. Павловича. Выпускъ первый съ 12 рисунками.

Первыя уроки русской грамматики, составилъ В. Гербачъ. 3е изд.

Задача и организація школьного дѣла въ уездѣ. Составлено В. А. Александровымъ.

О смыслѣ школы на физическое развитіе дѣтей. Исследование, произведенное по порученію санитарной комиссіи С.-Петербургскаго уезда въ 20 народныхъ школахъ, Дт. В. Нагорскаго.

Школьное дѣло въ Россіи. Наши общія и спеціальныя школы. Е. Андреева.

Сбереженіе здоровья солдата. Руководство для батальонныхъ, полковыхъ и бригадныхъ учебныхъ командъ, унтер-офицеровъ и всѣхъ нижнихъ чиновъ. Съ 16ю рисунками. Составили доктора И. В. Лебедевъ и В. В. Максимовъ.

Дивенъ Богъ въ дѣлахъ своихъ. Составилъ В. Новаковскій. Первая серія народныхъ изданій. Изданіе третье.

Свѣдѣнія, знаніе котораго обязательно для каждаго рядоваго л.-гв. Уланскаго полка. Составлено барономъ Стальховъ-Голштейнъ, корнетомъ л.-гв. Уланскаго полка.

Н. Булаковъ. *Въ школѣ и дома.* Книга для чтенія, расположенная концентрическими кругами и пригнѣнная къ преподаванію роднаго языка въ народныхъ школахъ и городскихъ училищахъ. Изданіе девятое.

Эркманъ-Шатрианъ. *Повѣсти и разказы.* Переводъ съ французскаго М. Мимучъ.

Миражи. Поэма. Сочиненіе О. Забытаго (Г. И. Недетовскаго).

А. Погорскій. Господинъ Колодникъ. Поэма. Изданіе четвертое.

Донъ-Кихотъ Лаланчой. Разказъ для дѣтей. Переводъ съ французскаго А. Греча. Изд. четвертое.

Сандфордъ и Мертона. Разказъ для дѣтей. Сочиненіе Томаса Дай. Переводъ съ англійскаго.

Сказки и разказы для дѣтей. Надежды Крыловой.

300 лѣтъ покоренной Сибири. 26 октября 1581 года—26 октября 1881 года. Стихотвореніе А. Д. Львова.

Русскіе дѣталь. Разказы для дѣтей перваго возраста. Составила А. Ишимова.

Русскіе писатели въ классѣ. Редакція Петра Вейльберга. Выпускъ V. *Фонъ-Визинъ.*

Маленькій оборотень. Романъ Джемса Гринвуда. Передѣлка съ англійскаго А. Анненской (для дѣтей). Изд. второе.

Отелосочки. Сборникъ загадокъ, стиховъ, басенъ, разказовъ и парадъ для маленькихъ дѣтей. Изданіе М. О. Вольфа.

Моракъ Шарло. Приключенія маленькаго юнга. Альфреда Бреа съ 25ю рисунками Филиппото.

Избалованная дочка. Разказъ изъ жизни двухъ дѣвочекъ. Сочиненіе В. Кузиковой.

Князь Курбскій. Драма. Сочиненіе М. Богдановича.

Бусаръ и Пекюшъ. Посмертный романъ Густава Флобера. Изд. журнала *Переводы отдельныхъ романовъ.*

Юліанъ Мохортъ. *Письма къ будущей невестѣ.* Переводъ съ польскаго.

Карликъ Заксей съ долины Эйфизъ. Н. А.

Думы. Стихотворенія Александра Полежаева 1872—1882.

Очерки и отрывки В. Крестовскаго (ясецковичъ). Т. II.

Башивъ. Лицо къ лицу. Романъ.

Потѣдка къ пирамидамъ. Д. Л. Мордовцева.

Спутникъ по Россіи. В. П. Ландерта Вып. XII.

Жюль Клареси. *Министръ.* Романъ.

Мавръ Іокай. *Дважды умереть.* Романъ.

Сенъ-Марсъ или заговоръ въ царствованіе Лудовика XIII. Сочиненіе Альфреда де-Виньи. Переводъ съ французскаго съ 18ю рисунками на деревѣ. Изданіе М. О. Вольфа.

Наши альбомы звуки. Очеркъ изъ современной жизни. П.

В. Ч.—въ. П. А. Погоскій. *Мухоморы. Повесть. Изданіе третье.*

Блажь из природы. Романъ М. И. Красова. Въ двухъ частяхъ. Изданіе второе.

Въ золотомъ столѣ. Историческій романъ К. Френцеля. Переводъ съ нѣмецкаго.

Библиотека современныхъ писателей. *Крестовное царство. В. И. Немировича-Данченко, въ двухъ томахъ.*

Собраніе сочиненій умственнаго за 1867 годъ.

Рассказы о Севастополѣ. А. Н. Сухова. Съ 2ма раскрашенными картинками. Изд. 2е.

К. К. Случевскій: *Виртуозы. Повесть.*

Завоеваніе Алаш-Теке. Очерки изъ послѣдней экспедиціи Скобелева (1880—1881 г.) А. Маслова. Изданіе А. С. Суворина.

Наши отравители. Очерки алтечной жизни. М. Лазарева. Изданіе Н. П. Степанова.

Мы и вы. Сатирическій листокъ.

Краткій очеркъ дѣятельности состоящаго подъ покровительствомъ Е. И. В. Великой Княгини Екатерины Михайловны Сиб. Фребелевскаго общества въ первое десятилѣтіе его существованія съ 1871 года по 1881 годъ.

Краткія сообщенія о назначеніи, устройствѣ и кругѣ дѣятельности центрального училища технического рисованія барона Штиглица.

Фейерверкеръ и его обязанности на службѣ. Составилъ Д. Грузинскій.

Значеніе риска при стрѣльбѣ. Составилъ В. Шкларевичъ. 1882. Календарь для возяекъ.

Положеніе о заготовленіяхъ по военному ведомству. Исправленное согласіемъ послѣдовавшимъ приказамъ по военному ведомству съ приложеніемъ указателя.

Медицинскій отчетъ С.-Петербургской городской временной больницы 1880 года для горячечныхъ. Составленъ и изданъ бывшими врачами подъ редакціей Ю. Т. Чудовскаго съ 80 рисунками.

Общепользныи народный календарь на 1882 годъ. Изданіе Н. Шигарина.

Карманныи военный календарь на 1882 годъ.

Домашній дешевой столъ, скоромный и постный. Составилъ Е. и Л. Михайлисъ. Изданіе Шелгуновой.

Металлургическіе очерки У. Корландера, горнаго инженера. II. Обжиганіе желѣзныхъ рудъ въ Швеціи.

Шетробленіе винограднои филлоксеры (Phylloxera vastatrix) посредствомъ затопленія.

Положеніе о перевозкѣ товаровъ и грузовъ по Николаевской желѣзной дорогѣ.

Календарь и справочная книжка русскаго сельскаго хозяйства на 1882 годъ. Составилъ Ф. А. Баталинъ.

Скотовой календарь 1881 года, издаваемый главнымъ управленіемъ Государственнаго коннозаводства.

Русскій календарь 1881, издаваемый главнымъ управленіемъ Государственнаго коннозаводства.

Православный мѣсяцесловъ на 1882 годъ.

Путейное дѣло и акцизная система. Барона Эд. Фед. Нольде.

Календарь и геръ. Памятная книжка на 1882 годъ, изданіе охотника.

Отчетъ Государственнаго Банка за 1880 годъ.

Сборникъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей. Выпускъ II. Дневникъ событій съ 1 марта по 1 сентября 1881. Изданіе В. В. Комарова.

Контуры землевладѣльческихъ машинъ и орудій въ м. Бѣлой Церкви, въ июль 1881 г. В. В. Черяева.

Отчетъ о дѣятельности С.-Петербургской земской учительской школы 1879—1881.

Отчетъ С.-Петербургской губернской земской управы за 1880 годъ съ выводомъ предполагаемой на 1882 годъ.

Труды комиссіи по изслѣдованію кустарной промышленности въ Россіи. Выпускъ VIII.

Въ Москвѣ изданы:

Архивъ князя Воронцова. Книга двадцать третья.

Жизнь и великія побѣды графа Александра Васильевича Суворова-Рымникскаго, князя Италійскаго, генералиссимуса русскіихъ войскъ. Съ присовокупленіемъ анекдотовъ о немъ, собранныхъ по послѣднимъ повѣдшимъ свидѣніямъ. Изданіе Шарпова.

Древности. Труды Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Т. IX, выпускъ I.

Русо Джона Морлея. Перевелъ съ послѣдняго англійскаго изданія В. Н. Невѣдомскій. Изданіе К. Т. Солдатовскаго.

Нигилизмъ, какъ патологическое явленіе русской жизни М. Де-Пуле.

И. Левитовъ. *Путеводитель по центру Москвы.* Вып. II.
А. Кошелевъ. *О некоторых измѣненіяхъ въ устройствѣ
 земскихъ учрежденій.*

Англійская свободная торговля. Историческій очеркъ разви-
 тія идей свободной конкуренціи и началъ государственнаго
 вмешательства. **И. Янкуль.** Выпускъ второй. II. Периодъ
 свободной торговли.

О вреднѣхъ насекомыхъ нашихъ полей. **А. А. Тихомирова.**

О гальванической поляризаціи электродовъ. **А. П. Соколова.**

Основніи теоріи детерминантовъ. Магистра математики
Н. А. Шаломникова.

*Руководство къ физиологіи человека, со включеніемъ гисто-
 логіи и макроскопической анатоміи, обработанное съ точки
 зрѣнія практической медицины профессоромъ Л. Ландау.* Пе-
 ревель съ нѣмецкаго **Dr. В. X. Клядинскій.**

Учебникъ клинической и оперативной хирургіи **Dr. Аль-
 берта.** Выпуски XI и XII.

О причинѣхъ заразѣхъ болѣзней. Профессора **М. П. Че-
 рилова.**

*Полное руководство къ изученію болѣзней мочевыхъ путей
 и половыхъ органовъ* **Dr. Ж. Дельфо.** Съ 1300 рисунками въ
 текстѣ. Переводъ съ французскаго, врача **Э. Э. Фатонскаго,**
 подъ редакціей доцента **Э. И. Сивилыма.** Выпускъ пятый.

Профессоръ Шарко. *Брайтова болѣзнь и интерстиціаль-
 ный нефритъ.* Лекціи читанныя въ июнѣ и июль 1881 го-
 да на парижскомъ медицинскомъ факультетѣ. Перевелъ и из-
 далъ **И. Годубевъ и С. Мафомговъ.**

Лѣчебникъ-травникъ. Составилъ **П. Григорьевъ.**

Индикаторъ и его употребленіе **Розенкранца.** Переводъ
 съ нѣмецкаго **В. Зимной.**

Постороннимъ курсъ зоологіи. Составилъ въ объемѣ про-
 граммы Iго курса медицинскаго факультета Московскаго
 Университета студентъ **И. Крашенинниковъ.**

Греческая грамматика гимназическаго курса **Э. Чернаго.**
 Часть II. Синтаксисъ. Изданіе 2е.

Правила нѣмецкаго правописанія. Составила **В. Гриваталь.**

Учебникъ нѣмецкой грамматики сближенной съ русскою и
 объясненной на примѣрахъ изъ классическихъ писателей.
 Для среднихъ учебныхъ заведеній составилъ **К. Гренціонъ.**

Русская арестоматія. Составилъ **Левъ Подивановъ.** Часть
 II. Изд. 5е.

Учебникъ русской грамматики (курсъ среднихъ учебныхъ заведеній). Составилъ В. Ивановъ. Выпускъ второй.

Ф. Ратцель. *Земля*. 24 общедоступныхъ бесѣды по общему землеустройству. Географическая книга для чтенія.

Первый стъздъ учителей Московскаго уезда. 1881 года.

Элементарный курсъ логики, составленный Ваташинымъ. Изд. 4е.

Святѣиши и древности великаго града Кіева, съ 14ю рисунками. Изд. 3е.

Описаніе храма во имя Христа Спасителя въ Москвѣ. Путеводитель для посѣщающихъ въ настоящее время храмъ Христа Спасителя. Составилъ А. А. Бр—скій.

Посмертныя записки іеросхимонаха Кіевопечерской Лавры отца Антонія.

Родное. Разказы для дѣтей Ил. Смирнова. Съ раскрашенными картинками Н. Мартынова.

Н. Каразинъ. *Тигрица*. Быль.

Изъ жизни маленькаго города. Романъ Густава Фрейтага. Переводъ съ нѣмецкаго Е. Фуксъ.

Отеологскіе души и сердца. Собраніе стихотвореній съ полуглазами. Н. И. Бѣлаева. Книга первая.

Побѣжденный Римъ. Трагедія въ 5 дѣйств. въ стихахъ. Сочиненіе Александра Пароди. Переводъ съ французскаго А. Ф. Федотова.

Е. Марлиттъ. *Служанка старшины*. Романъ. Переводъ съ нѣмецкаго.

Ганя и Маруся. Разказъ для маленькихъ дѣтей. Изданіе журнала *Записки учителя*.

Русскіе поэты. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ. 3е изданіе.

Маленькій вѣстникъ. (Съ англійскаго). Изданіе третье Общества распространенія полезныхъ книгъ.

Италянскіе поэты. Изд. того же Общества.

Псалмы въ стихахъ. Изд. того же Общества.

Рождественскій альманахъ. Сатирическій листокъ.

Альманахъ Будильникъ на 1882 годъ.

Сказка про щалькуна и мышинаго царя. Переводъ съ нѣмецкаго С. В. Флерова. Рисунки академика В. Е. Маковского.

Записки добровольца. Переводъ съ латышскаго автора-переводчика Я. Скольмейстера.

Семь чудес свята. Изданіе Общества распространенія полезныхъ книгъ.

Разказы для дѣтей. Съ картинками. Изданіе А. Глаосовой.

Подстижки. Разказы для дѣтей отъ 5 до 9 лѣтъ. Составила и издала А. Я. Гудвиловичъ.

„Все пріятели“. Веселые разказы Миши Евстигѣева.

20 бабушкиныхъ сказочекъ-складочекъ, записанныхъ для маленкихъ дѣточекъ. Съ картинками.

Какъ получается масло изъ съмена. Маслобойное производство. Съ 28ю рисунками въ текстъ. Составилъ инженеръ-технологъ Я. Я. Никитскій.

Руководства къ приготовленію мычей изъ палье-маше, фабрикаціи всевозможныхъ лаковъ и приготовленію мыла и косметики.

Пожары и меры противъ нихъ. Для сельскихъ жителей. Составилъ Кершенъ. Изд. 2е.

Объ организаціи земскихъ статистическихъ работъ въ Московской губерніи В. И. Орлова.

Что такое „долгъ градскаго общества“? Смутный эпизодъ изъ исторіи городскихъ учрежденій въ Москвѣ. М. Щепкина.

Извѣстія о московскихъ скачкахъ 1881 года.

Почему наше скаковое дѣло идетъ такъ безуспѣшно, и чѣмъ можемъ мы его поднять? И. Л. Изданіе 2е.

Речь и отчетъ, читанные въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета 12 января 1882 года.

Труды Общества Русскихъ Врачей въ Москвѣ съ приложеніемъ протоколовъ засѣданій Общества за первое полугодіе 1881 года.

Извѣстія Императорскаго Московскаго Общества охотниковъ конскаго бѣга за 1881 годъ.

Годишній актъ Петровской земледѣльческой и лѣсной академіи 21 ноября 1881.

Слѣта доходовъ и расходовъ столичнаго города Москвы на 1882.

Въ Кіевѣ изданъ *Указатель русской литературы по математикѣ, чистой и прикладной естественнымъ наукамъ* за 1880 годъ. Составленъ В. К. Совицкимъ, подъ редакціей профессора Н. А. Бунге.

Въ Кіевѣ издана г. Ивановымъ *Записная книжка* съ календаремъ на 1882.

Въ Харьковѣ изданы:

Руководство къ обученію новобранцевъ въ пѣхотѣ въ четырехмѣсячный срокъ. Составилъ штабсъ-капитанъ Давычъ.

Курсъ опытной физики А. П. Шамкова, профессора Харьковскаго Университета. III. Магнетизмъ и электричество.

Харьковская сельско-хозяйственная выставка 1880 года. Отчетъ по устройству выставки.

Харьковский Календарь на 1882 годъ.

Критерій общественнаго интереса въ гражданскомъ правѣ. Аркадія Евецкаго.

Въ Казани изданы:

Ф. М. Достоевскій и его сочиненія. Историко-литературные очерки. I. Н. Булича.

Календарь-указатель города Казани на 1882 годъ. Составилъ П. Васильевъ.

Годишный актъ въ Императорскомъ Казанскомъ Университетѣ 5 ноября 1881 года.

Календарь на 1882 г. на татарскомъ языкѣ.

Въ Одессѣ изданы:

Одесса. Историческій и торгово-экономическій очеркъ Одессы въ связи съ Новороссійскимъ краемъ. Изданіе члена Одесскаго статистическаго комитета гофъ-маклера Симона Бернштейна.

Къ вопросу о недоразумѣніяхъ между обществомъ и врачамъ. Речь произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Общества Одесскихъ врачей 10 октября 1881 года предѣвавшимъ докторомъ Н. А. Строгановымъ.

Новороссійскій Телеграфъ и его сподвижники. Матеріалы для характеристики провинціальныхъ газетъ. С. М. Краева.

Въ Варшавѣ напечатаны:

Карлъ Апфель. *Нѣсколько словъ о новѣйшемъ психологическомъ направленіи языковѣданія.*

Измѣдованія въ области русской грамматики А. Соболевскаго.

Русскія народныя пѣсни, записанныя въ Цигровскомъ уездѣ, Курской губерніи М. Халанскимъ.

Грамматическія замѣтки. Статьи Романа Брандта.

Подъ Горниль Дубнякомъ. Очерки и воспоминанія. П. И. Ядовина. (Въ память годовщины боя.)

Въ Вильнѣ напечатаны:

Памятная книжка Виленской губерніи на 1882 Изданіе Виленскаго губернскаго статистическаго комитета.

Народныя сказки для народа и публики. Александра Никулина.

Минюль-охотникъ, драма въ 5ти актахъ. Соч. С. Розенсона. Переводъ съ французскаго М. Высотской.

Молитвенникъ для хасидовъ по обрадамъ Рн, на еврейскомъ языкѣ.

Вильна по переписи 18 апрѣля 1875 года, произведенной подъ руководствомъ сѣверо-западнаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, обработанная правителемъ дѣлъ отдѣла Н. Зиновьевымъ.

Въ Петроковѣ издана *Справочная книжка Петровской губерніи на 1882.*

Тамъ же издана книжка *Дядька молодого пѣхотинца,* или пособіе для учителей молодыхъ солдатъ въ пѣхотѣ, составленное по четырехъмѣсячной программѣ (въ формѣ бесѣды). Сост. Д. Нелюбовъ.

Въ Люблинѣ напечатана книга на древне-еврейскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ *Сеферъ „Когелетъ Давидъ“*, то-есть книга сборникъ Давида.

Въ Ковнѣ издана *Памятная книжка Ковенской губерніи на 1882 годъ.*

Въ Калишѣ напечатанъ *Списокъ населенныхъ мѣстностей Калицкой губерніи* съ показаніемъ разстоянія каждой мѣстности отъ губернскаго и уѣзднаго городовъ и гминнаго управленія.

Въ Гроднѣ издана *Памятная книжка Гродненской губерніи на 1882 годъ.*

Въ Ревелѣ напечатана *Русская Христолатія*. Книга для переводовъ съ русскаго языка на нѣмецкій, составилъ Голозуовъ. Часть вторая. 2е исправл. изданіе.

Тамъ же напечатанъ: *Подкидышъ и приемышъ*. Драма въ 4хъ дѣйствіяхъ. Соч. Н. В. Булавкина.

Въ Воронежѣ изданы *Лекціи физиологіи*, читанныя въ Воронежской фельдшерской школѣ А. Х. Сабининымъ.

Тамъ же изданы брошюры:

Сказаніе о необычайныхъ событіяхъ изъ жизни Іакова Молчальника въ Воронежѣ. Разказы очевидцевъ.

Начатки науки о родномъ языкѣ. Опытъ программы первой ступени обученія языку. В. Шереметевскаго.

Въ Костромѣ напечатана брошюра подъ заглавіемъ: *Путешествіе Царственной Семьи по Костромской губерніи въ 1881 году*. Это описаніе составлено на основаніи свѣдѣній *Правительственнаго Вѣстника* и *Московскихъ Вѣдомостей*, опубликованныхъ въ свое время корреспондентами этихъ газетъ сопровождавшихъ Государя и Государыню во время путешествія Ихъ Величествъ по этой губерніи.

Въ Вяткѣ издана *Краткая прородія и элементарныя свѣдѣнія изъ метрики латинскаго языка*. Составилъ преподаватель духовной семинаріи, протоіерей Николай Вушницкій. Изданіе третье.

Тамъ же напечатанъ *Каталогъ книгъ* публичной библіотеки Глазовскаго земства.

Въ Тобольскѣ издана брошюра: *Тобольская губернія наканунѣ 300лѣтней годовщины завоеванія Сибири*.

Въ Пензѣ напечатана брошюра: *Трубадуръ*. Водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. И. П. К. и А. М. К.

Тамъ же изданъ *Учебникъ пчѣны*, сост. А. Карасевымъ.

Въ Пензѣ же напечатано общедоступное руководство къ правильному пчеловодству, подъ заглавіемъ: *Народная Пчела*. Руководство составилъ И. С. Куланда.

Въ Калугѣ издана *Арифметика*. Систематическій учебникъ. Составилъ Д. Мартыновъ.

Въ Нижнемъ Повгородѣ напечатано изслѣдованіе Ал. Савельева *Юридическія отношенія между супругами по законамъ и обычаямъ Великорусскаго народа.*

Въ Архангельскѣ напечатанъ *Отчетъ о дѣйствіяхъ и занятіяхъ Архангельскаго губернскаго статистическаго комитета за 1879 годъ.*

Въ Каменецъ-Подольскѣ напечатанъ *Каталогъ книгъ и периодическихъ изданій Каменецъ-Подольской русской публичной библиотеки.*

Въ Полтавѣ напечатано изслѣдованіе М. П. Коробкина подъ заглавіемъ *Къ ученію о формологическомъ дѣйствіи марганца.*

Въ Самарѣ напечатанъ *Адресъ-календарь Самарской губерніи на 1882 годъ.*

Въ Оренбургѣ изданъ четвертый выпускъ *Записокъ Оренбургскаго отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.*

Въ Николаевѣ напечатанъ *Уставъ Николаевской общественной библиотеки.*

ВЪ КОНТОРЪ

ТИПОГРАФІИ МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

БОЛЬШІЯ ОЖИДАНИЯ. Романъ Чарлза Диккенса. Переводъ съ англійскаго. 1881 г. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМА ИЛИ ЖИЗНЬ НЕГРОВЪ ВЪ НЕВОЛЬНИЧЬИХЪ ШТАТАХЪ СѢВЕРНОЙ АМЕРИКИ. Романъ гжи Бичеръ Стоу. Переводъ съ англійскаго, изданіе второе. Ц. 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 75 к.

СЪ ТЕАТРА ВОЙНЫ (1877—78). ДВА ПОХОДА ЗА БАЛКАНЫ. Соч. кн. Л. В. Шаховскаго. 1878. Ц. 2 р.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ КНИГИ СТРАДАНІИ БОЛГАРСКАГО ПЛЕМЕНИ. Повѣсти и разказы Любена Каравелова. 1878. Ц. 1 р. 50 к.

КЕНЕЛМЪ ЧИЛЛИНГЛИ, ЕГО ПРИКЛЮЧЕНІЯ И МНѢНІЯ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1874. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПАРИЖАНЕ. Романъ Эдуарда Булвера, лорда Литтона. 1875. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 50 к.

ЗАКОНЪ И ЖЕНЩИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1875. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

НОВАЯ МАГДАЛИНА. Романъ Уилки Коллинза. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

БѢДНАЯ МИССЪ ФИНЧЪ. Семейная исторія. Соч. Уилки Коллинза. 1872. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ЛЕДИ АННА. Романъ Антони Троллопа. 1874. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ДО ГОРЬКАГО КОНЦА. Романъ миссъ Браддонъ. 1873. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

МОЯ МАТЬ И Я. Романъ автора „Джона Галифакса“. 1874. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ВѢРА. Повѣсть автора романа „Гостиница Сентъ-Жанъ“. Переводъ съ англійскаго. 1872. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

ПО ВОЛѢ СУДЬБЫ. Романъ Албани Фовбланка. Переводъ съ англійскаго. 1871. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.

ФОРМЫ ВОДЫ ВЪ ОБЛАКАХЪ И РѢКАХЪ, ВО ЛЬДѢ И ВЪ ЛЕДНИКАХЪ. Соч. Джона Тиндала. Переводъ съ англійскаго. Съ девятнадцатью рисунками въ текстѣ. М. 1873. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

НАШИ КОРНИ

„Я царь, но я не богъ:
Нельзя мнѣ отъ бѣды твоей тебя избавить.
Кукушку соловьемъ честить я могъ заставить,
Но сдѣлать соловьемъ кукушку я не могъ.“
Крыловъ.

Трудно найти слова болѣе подходящія къ историческому ходу всей реформы прошедшаго царствованія. Тутъ не только великодушное желаніе Царя даровать извѣстному организму другое положеніе и названіе, но и невозможность такой реформы безъ коренной зачѣны одного принципа другимъ и наконецъ обвиненіе того же благодѣтеля за то что, не смотря на всѣ его усилія, кукушка не перестала быть кукушкой. Чтобы понять возможность перехода изъ одной государственной организаціи въ другую необходимо разсмотрѣть и слѣчить ихъ хотя по наиболѣе общимъ чертамъ. Въ чемъ состоялъ историческій складъ нашей народной жизни до реформы? Основныхъ слоевъ этого склада было два: помѣстное дворянство и крестьянство. Экономическіе интересы ихъ были солидарны, такъ какъ нравственный, а затѣмъ и экономическій укладокъ крестьянина прямо отзывался разорваніемъ помѣщика. Здѣсь не мѣсто указывать на несовременность погибшаго строя. De mortuis nil nisi bene. Мы

т. слѣт.

напротивъ вынуждены указать на его преимущества, въ виду новыхъ учрежденій, настоятельно долженствовавшихъ сохранить эти преимущества и при новомъ строѣ. Крестьяне вслѣдствіе вѣковаго склада жизни, по собственному ихъ выраженію, — были за помѣщикомъ, который былъ полнымъ представителемъ ихъ личности и интересовъ. Онъ собиралъ и платилъ за нихъ подушныя, наблюдалъ за ихъ семейными отношеніями, причѣмъ разумѣется главною его цѣлю, какъ выше сказано, было ихъ благосостояніе. Онъ отвѣчалъ предъ правительствомъ за рекрутъ, за натуральныя повинности, за общественныя магазины; онъ же ссужалъ разбогатѣвшаго крестьянина своимъ правомъ на покулку личной поземельной собственности; онъ же производилъ безапелляціонный гражданскій судъ въ самомъ ближайшемъ отъ тяжущихся разстояніи и удалялъ также безапелляціонно людей вредныхъ для общества. Всѣ эти функціи не стоили крестьянину ни гроша, почему при благоприятныхъ условіяхъ крестьянинъ говорилъ что ему *за своимъ помѣщикомъ жить хорошо*. Были экономіи въ которыхъ каждый парень обязательно шелъ въ обученіе специальному крестьянскому ремеслу, портнаго, бондаря, печника и т. д., подъ страхомъ не получить дозволенія на бракъ. Отсюда развитіе до сихъ поръ держащихся ремеслъ, изъ которыхъ многія мало-по-малу выкнутъ. Если взять въ соображеніе что большинство помѣстій стоитъ ниже уровня 1.000 десятинъ, то повятно что помѣщикъ зналъ бытъ каждаго крестьянина до мельчайшихъ подробностей, а что независимо отъ выгоды онъ смотрѣлъ на крестьянъ какъ на близкихъ ему людей—явно изъ словъ, доходившихъ до поединковъ, за хулу предъ помѣщикомъ по отношенію къ его крестьянамъ, обзываемымъ льяницами, ворами и т. д. Мы указываемъ на общеизвѣстные факты. При такихъ условіяхъ хотя и могли быть неизбѣжныя голоданія во время неурожаевъ, но не могло возникнуть прогрессивнаго обѣднвнія и обезсиденія крестьянъ. До сихъ поръ мы видимъ одно хорошее и зидительное въ исчезнувшемъ строѣ. Спрашивается, въ чемъ же состояло разрушительное начало, вслѣдствіе котораго самый строй не могъ далѣе держаться? Дворяне, какъ извѣстно, были единственнымъ служилымъ сословіемъ и поставщиками чиновниковъ, то-есть людей предъ которыми открывалась служебная карьера съ возможностью полученія земли и рабочихъ рукъ, которыя по коренному закону не могли служить другимъ

сословіамъ. Взглядъ на рабочія руки какъ на капиталъ, выразившійся въ пожалованіи душами, при тогдашнемъ положеніи вещей былъ гораздо правильнѣе и въ экономическомъ смыслѣ, такъ какъ личный трудъ, какъ главный источникъ богатства, игралъ преимущественную роль по отношенію къ простому его орудію—землѣ, получившей самобытное значеніе капитала только по освобожденію перваго. Нужно было быть дворяниномъ чтобы заниматься единственно въ то время выгоднымъ земледѣліемъ, а сдѣлаться дворяниномъ было весьма трудно, если взять въ соображеніе 12лѣтнюю утѣрь-офицерскую службу и экзаменъ. Въ то же время по совершенно другимъ соображеніямъ государство нашло нужнымъ подыять уровень образованія своихъ дворянъ-чиновниковъ и учредило высшія учебныя заведенія, въ которыхъ предоставило учащимся, даже безъ разачія сословія, льготы, безъ коихъ общество, не имѣвшее дѣйствительной потребности въ наукахъ, не стало бы учиться. Между тѣмъ льготы эти, съ перспективой казеннаго мѣста и содержанія, до того облегчили доступъ къ замкнутому дворянству что правительство нашло необходимымъ безпрестанно передвигать врата дворянства все выше и выше по служебной лѣстницѣ. Да и какъ было всякому, хоть мало сообразительному человѣку не рваться въ эти блаженныя ворота? Въ высшемъ заведеніи требованія ничтожны, но ихъ можно при ловкости и еще привизить, лишь бы получить не знаніе, изъ-за котораго хлопочетъ государство, а дипломъ, съ которымъ связанъ мушкетиръ, почетъ, казенное жалованье, ничего недѣланіе, вмѣсто прележнаго тяжкаго труда изъ-за хлѣба насущнаго, и въ перспективѣ даже возможность, ничего не дѣлая, получить крѣпостныхъ рабочихъ. Что таково было положеніе вещей видно изъ закона воспрещавшаго бывшимъ крѣпостнымъ покулку родной деревни, ибо пришлось бы покулатъ своего отца, мать и т. д. Если вспомнимъ что разъ сложившіяся, хотя бы и совершенно неосновательныя убѣжденія преимущественно руководять всѣми дѣйствіями человѣка, даже вопреки нагляднѣйшей очевидности, то не станемъ удивляться развращающему дѣйствію которое крѣпостное право систематически производило на всю массу народа, выставляя предъ нимъ идеаломъ не знаніе, не обогащающій трудъ, а напротивъ блаженное ничего недѣланіе и процвѣтаніе насчетъ государства, то-есть той же трудящейся массы. Нельзя сказать чтобъ и государство

не поощряло подобныхъ стремленій, раздавая дипломы; оно не прелатствовало изобрѣтенію всевозможныхъ мѣстъ и должностей, до смотрителей монументовъ включительно. Въ предѣлахъ нашей статьи мы можемъ говорить только объ общемъ, а не объ исключеніяхъ. Крепостное право воспитало идеалъ тунеядства и систематически ублажалъ личный починъ. Крестьянинъ зналъ и чувствовалъ что помѣщикъ не дастъ ему заплотать, распьянствоваться, раздѣлиться; не дастъ его въ обиду полиціи, сосѣду, сыну, приемышу и т. д., а работать безъ разгубу на барщинѣ ему не учиться. Тутъ не своя воля. Какое ему дѣло что Сидоръ домовитъ и богачъ, а ему самому лишь бы какъ-нибудь прожить за помѣщикомъ. Сытъ будетъ. Съ другой стороны, никакой примѣръ разорившагося отъ неращества и безпечности сосѣда не могъ искоренить въ помѣщикѣ чувства что не взирая на долги и недостатки, онъ все-таки обезпеченъ, пока стоитъ во главѣ имѣнія, по пословицѣ: *у барина животъ тонокъ, да долговъ*. Ясно что такая нравственная раслуцченность не могла воспитать чувства справедливости, и если помѣщикъ ревниво оберегалъ общее благосостояніе крестьянъ, то лишь въ той мѣрѣ въ какой ихъ разореніе прямо падало на него, а не по отношенію къ самобытному чувству отдельнаго лица. Помимо общаго, владоваго благосостоянія крестьянъ, онъ имѣлъ въ виду лишь легкость взиманія оброковъ или рабочихъ дней. Поэтому наилучшимъ учрежденіемъ, то-есть для него наилучшимъ, являлось общественное владѣніе съ круговою порукой. Какое дѣло что оно самое противоестественное въ осѣдломъ народѣ учрежденіе и вопиющая несправедливость,—условіе подъ которое ни одна живая душа не пойдетъ добровольно. Дѣло въ томъ что при другомъ порядкѣ надо разбирать кто правъ, кто виноватъ, а тутъ просто и хорошо. Что за бѣда что это учрежденіе парализуетъ всякую личную инициативу. У него въ рукахъ своя инициатива, которая всегда замѣнитъ личную. Замѣчательно что при идеяхъ ничего недѣланія самое образованіе, вызываемое государственными мѣрами, а не внутреннею потребностью, только утверждаетъ этотъ излюбленный идеалъ. Наши бабушки и дѣдушки, несмотря на свою подчасъ неприступность и сравнительное богатство, не гнушались и физическими трудами, тогда какъ мнимо образованные внуки все болѣе ими гнушаются. Это порицало во всѣ слои.

— Ну что Ома, спресица мы на днѣхъ крестьянку, вышедшую за бездомнаго солдата-саложаика,—будешь полпрежнему ходить на молотьбу?

— Это мнѣ будетъ обидно, отвѣтилъ за молодую новобрачный.

Обращаясь отъ восточнаго, патріархальнаго порядка къ западно-европейскому, мы увидимъ во всемъ прямую противоположность. При полной личной инициативѣ экономической жизни идеальничего недѣланія тамъ невозможный абсурдъ, такъ какъ все основано на личномъ трудѣ. При совершенномъ отсутствіи конкуренціи, наши рабочія силы бродятъ съ мѣста на мѣсто безо всякаго контроля, тогда какъ отказать рабочему въ мѣстѣ или занятіи тамъ считается жестокостью. Тамъ правительство не заманиваетъ въ школы какими-либо обѣщаніями будущаго ничего недѣланія на чужой счетъ, а выбираетъ для своихъ должностей людей соотвѣтствующихъ требованіямъ научныхъ ваканцій. Никакой даже докторскій дипломъ не поможетъ лишнему или незнающему человеку. При громадной конкуренціи плохой спеціалистъ тамъ кормиться не можетъ. Государство, зная что личная инициатива какъ стимулъ (*ratio agendi*) неизмѣримо выше принудительной, не вытѣсняется въ отдѣльныя производства, а только старается устроить прелатствія къ ихъ самобытному развитію. Оно твердо помнитъ что прямое, можно сказать исключительное его назначеніе—охрана народа отъ вѣншихъ и внутреннихъ враговъ, охрана безъ которой тотчасъ же по врожденному эгоизму является война всѣхъ противъ всѣхъ (*bellum omnium contra omnes*). Западный умъ, приученный долгимъ трудомъ къ сознательному мышленію, не поддается смѣшенію разнородныхъ понятій. Онъ рѣзко различаетъ область закона, полагающаго для всѣхъ равно обязательную, но отрицательную грань (*не убій, не укради*), отъ области благодати, указывающей на желаемый идеаль добра, ни для кого не обязательный. Государственная власть впадаетъ въ такое же противорѣчіе съ самой собою, не становясь съ обоуду острымъ мечемъ на отрицательную грань закона, какъ вступаая, въ явный свой ущербъ, въ прекрасную по себѣ область благодати и благотворенія; ибо сущность благотворенія есть произвольное нарушеніе чьихъ-либо естественныхъ экономическихъ условій въ пользу другаго, и такое нарушеніе можетъ быть только добровольное, иначе оно мѣняетъ названіе.

О приемахъ законодателя въ борьбѣ съ возникшимъ зломъ Тэнъ (*Revue des deux Mondes*, 1 avril 1881: „Physiologie du jacobin“) говоритъ слѣдующее:

„Государственный человѣкъ, не вполне недостойный этого великаго имени, встрѣчающій на пути отвѣченный принципъ, напримеръ принципъ верховенства народа, допускаетъ его, подобно всякому принципу, только въ видѣ предначертанія. Съ этою цѣлью онъ прежде всего воображаетъ себѣ принципъ этотъ въ приложеніи и въ дѣйствии, и согласно съ собственными указаніями, которыя ему удалось собрать, представляетъ себѣ такую-то деревню или мѣстечко, такой-то средней величины городъ на сѣверѣ, на югѣ или въ центрѣ страны для которой готовить законы. Затѣмъ онъ воображаетъ себѣ обитателей дѣйствующими согласно принципу, то-есть подающими голоса, отбывающими службу въ кауаль, взимающими подати и управляющими своими дѣлами. Отъ этихъ созданныхъ силъ и взятыхъ въ образецъ 10 или 12 группъ онъ по аналогіи заключаетъ къ другимъ и ко всей территоріи. Операция очевидно трудная и сомнительная, требующая для приблизительной точности рѣдкаго наблюдательнаго таланта и точнаго такта, такъ какъ задача въ томъ чтобы сдѣлать вѣрное вычисленіе съ величинами не вполне понятными и опредѣленными. * Это удается государственному человѣку лишь благодаря тонкой догадливости, плоду совершенной опытности соединенной съ гениемъ. Тѣмъ не менѣе въ своемъ нововведеніи или въ своей реформѣ онъ подвигается не выпуская вожжей изъ рукъ, онъ почти всегда пробуетъ, примѣняетъ законъ лишь по частямъ, постепенно, на время; онъ хочетъ увидѣть его въ дѣйствии и всегда готовъ, согласно успѣшности или неуспѣшности опыта, исправить, отсрочить и ослабить дѣло рукъ своихъ; и состояніе направляемой имъ человѣческой матеріи даже его возвышенному уму открывается только послѣ ряда ощущеній.“

* Прежде чѣмъ рѣшиться на какую-либо мѣру, Фоксъ предварительно осведомлялся о мнѣніи г. Х., одного изъ самыхъ посредственныхъ и даже ограниченныхъ депутатовъ. Когда однажды этому удивлялись, онъ отвѣтилъ что въ его глазахъ г. Х. самый вѣрный образецъ способностей и предразсудковъ сельскаго дворянина и что онъ пользуется имъ какъ термометромъ. Точно также Наполеонъ говорилъ что прежде чѣмъ составить важный законъ, онъ представляетъ себѣ впечатлѣніе которое законъ этотъ произведетъ на какого-нибудь толстаго мужика.

Къ приведеннымъ словамъ Тэма излишне присовокуплять что такой законодатель, избирая извѣстное направленіе, ясно ставитъ вопросъ: чего онъ хочетъ? Когда мы въ этомъ смыслѣ обратимся къ началу совершившейся реформы, то едва ли ошибемся сказавъ что выставленное надъ ней официальное заглавіе: *улучшеніе быта крестьянъ* не слѣдуетъ понимать въ смыслъ улучшенія экономическаго быта.

Эти бѣдныя селенія,

Эта скудная природа

не казисты и могли возмущать поэта рабскимъ видомъ, но въ сущности масса крестьянъ стояла при прежнемъ порядкѣ по богатству неизмѣримо выше западныхъ массъ. Въ текущемъ 1881 году переселенцы въ Юфру (Уфу), распродала свои надѣльныя земли, постройки и имущество, то-есть достояніе которымъ пользовались въ теченіе вѣковъ, выручили отъ 1.500 до 3.000 рублей. Спрашивается: какой заурядный фабричный или сельскій рабочий за границей обладаетъ 6 или 12 тысячами франковъ? Россія могла бы гордиться, доведя общее благосостояніе крестьянъ до уровня 50хъ годовъ когда деревня, выставяющая теперь 50 плохихъ подводъ, выставяла ихъ 150 превосходныхъ. Ясно что сельскій бытъ перелюлся въ новую форму по другимъ соображеніямъ и требованіямъ. Эти требованія безо всякихъ потрясеній получили безпримѣрно быстрое и либеральное осуществленіе, увѣковѣчившее имя Царя-Освободителя. И тутъ по преданіямъ предшествующихъ преобразованій мы не задавались изысканіемъ подходящихъ формъ, а взяли готовые западыя. Появились новыя судебныя учрежденія, явилось самоуправленіе, и Европа не имѣетъ уже повода укорять насъ рабствомъ. Но, слыша надѣтъ чужое вооруженіе, обратили ли мы вниманіе на тѣлосложеніе нашего образца? Спросили ли каково было его развитіе и въ чемъ преимущественно его сила? А вѣдь это необходимѣйшій вопросъ при подобной метаморфозѣ. Еслибы мы это сдѣлали, покидая восточные берега для западныхъ, то убѣдились бы что сила послѣднихъ въ строѣ совершенно противоположномъ нашему. Мы были сильны насильственнымъ прикрѣпленіемъ нашихъ рабочихъ рукъ къ извѣстному труду, они же сильны полнымъ освобожденіемъ личности изъ-подъ экономической опеки. Если не безъ основанія предположить что силой мускуловъ мы не уступаемъ народамъ культурнымъ, то въ виду полнѣйшей

невозможности нашей съ ними конкуренціи во всѣхъ отрасляхъ производства, при дороговизнѣ у нихъ сырья, надо придти къ заключенію что или мускулы ихъ болѣе напрягаются, или при специализованіи труда проявляютъ болѣшую гибкость и производительность. Если и съ этой точки оглянуться на покинутый нами берегъ, то придется изумиться мускульному напряженію крѣпостнаго періода, когда все производимое вынѣ безчисленными паровиками, молотилками, плугами, жнеями и желѣзными дорогами производилось если и не прямо, то при помощи мускульной силы рабочаго. Тутъ выбора нѣтъ. Мускульная сила останется навѣки главнымъ факторомъ народнаго благосостоянія и богатства. Прекрасно что мы облегчаемъ себѣ производство машинами, но мы горько ошибемся предположивъ что постепенное умноженіе машинъ равняется такому же уменьшенію мускульнаго напряженія. Каждый инструментъ, каждая часть машины необходимо устроены такъ что какъ разъ поглощаютъ всю мускульную силу привычнаго къ работѣ человека. На этомъ поприщѣ и лобзеть насъ граждански свободный и личной инициативѣ предоставленный человекъ алчущій труда; ибо выставивъ во это разъ болѣе нашего машинъ, онъ приложитъ къ нимъ прѣжнее специализованное усиліе. Если въ настоящемъ сравнить массу труда исполняемаго ну хоть бы одною служанкой въ Германіи съ массой того же труда пяти, если не десяти русскихъ слугъ, то съ одной стороны объясняется сравнительная дешевизна жизни за границей, а съ другой понятно что весь избытокъ рукъ тамъ слѣпится со своимъ предложеніемъ къ другимъ отраслямъ труда и всюду является избытокъ вмѣсто нашего вѣчнаго *рукъ нѣтъ!* Повторяемъ, такъ какъ это составляетъ центральную точку нашего разсужденія, что крѣпостной, принудительный трудъ не могъ развить чувства личной инициативы ни въ крестьянинѣ, ни въ баринѣ. Ни въ томъ, ни въ другомъ не могла развиться любовь къ спеціальному дѣлу. На это нужна не та школа которую мы видимъ на Западѣ, а та могучая которую мы видѣть не хотимъ—школа нужды. Крестьянинъ не могъ полюбить кормившую его живу, ибо она была чужая и онъ только поневолѣ смотрѣлъ на нее—по пословицѣ: *съ худой собаки хотъ шерсти клотъ*, каковое воззрѣніе по тѣмъ же причинамъ сохранилъ и по сей день; послѣдствіемъ чего—послѣвы *хлѣбъ по хлѣбу*, чего ни одинъ въ мірѣ собственникъ, даже тотъ же крестьянинъ

надъ лично принадлежащую ему землей не сдѣлаетъ. Съ другой стороны баринъ или чиновникъ искони смотрѣли на деревню только какъ на пушку, которую и заряжаютъ чтобы выстрѣлить въ городъ, коли не за границу. При такомъ исторически воспитанномъ равнодушіи, чтобы не оказывать отвращенія, къ специальному земледѣлію, понятно что

Порвалась дѣль всапка,
Однимъ концомъ по барину,
Другимъ по мужику.

Мужикъ остался безъ барина; некому запрещать ему расхищать свое поле и толтать распущеннымъ скотомъ свои и чужіе хлѣба; а барину дали выкулыныя и возможность хоть за что-нибудь свалить землю на руки того же расхитительнаго мужика, которому не учитьса хозяйничать надъ *худой собакой*. И оба въ восторгѣ. Намъ случилось въ первое время реформы слышать радостныя восклицанія: сдалъ я землю мужикамъ за подцѣны, по 2 руб. 25 к. за десятину, отдалъ усадьбу на сломъ: за то я покоевъ, не знаю возни съ колнами, молотилками и скотомъ и т. д. Я свободенъ (*ничего не дѣлать*). Правда, какъ впрочемъ (мы можемъ привести много примѣровъ) эта обоюдная радость кончалась полнымъ разочареніемъ крестьянъ и ихъ отказомъ ялать и такую ничтожную аренду. Мы даже положительно не знаемъ противоположныхъ примѣровъ.

Выше мы сказали что улучшение быта крестьянъ принято не въ экономическихъ видахъ, а въ силу традиціонныхъ понятій свободы; противъ такого стимула возражать нельзя, такъ какъ человѣкъ большею частію работаетъ духу. Но желая осуществить на практикѣ какое-либо отвлеченіе надо стоять на философской его высотѣ и умѣть строго отличать кажущіяся его проявленія отъ действительныхъ. О томъ, обладала ли наша редакціонная коммисія этими условіями можно судить лишь по результатамъ. Даже при полнѣйшей добросовѣстности чрезвычайно трудно оперировать въ кабинетѣ отвлеченными понятіями по самымъ условіямъ логики и слова, въ коихъ смежныя понятія, ихъ ширина и синонимы безпрестанно открываютъ двери софизму. Въ практикѣ, какъ указываетъ Тэнъ, единственнымъ руководителемъ идущаго ощулью законодателя долженъ быть постоянный вопросъ: ну какъ же при этихъ условіяхъ будутъ поступать Сидоръ и Макаръ? и затѣмъ опытъ и опытъ. Если

на практикѣ выходитъ сумбуръ, то никакая діалектика не поможетъ. Посмотримъ какого рода заключенія дѣлаетъ до сихъ поръ наша интеллигенція и что выходитъ на практикѣ. Въ виду противорѣчія нашего нравственнаго строя (ничего недѣланія) съ новою государственною формою: „Необходимо, говорить интеллигенція, перевоспитаніе, воспитаніе, школа. Школа у нашихъ образцовъ. Заведемъ всякаго рода школы съ ярыками: училище, гимназія, университетъ. Это легко. Но кто же безъ внутренней потребности въ наукѣ пойдетъ учиться? Дадимъ льготы, права, мѣста—пойдутъ“. Легко предвидѣть что для того чтобы сдержать обѣщанія мѣста не вызванныхъ народною потребностью придется насильно навязывать такихъ специалистовъ народу и что люди идущіе въ школу изъ-за патента на ничего недѣланіе станутъ стремиться къ приближенію ни для кого не интересныхъ требованій школы. Невозможно породить любви къ труду перспективой ничего недѣланія. Весь интересъ сосредоточится на умаленіи научнаго труда для полученія окончательнаго патента на бездѣіе. Страшная цѣль и еще болѣе страшное средство! Если флагъ въ данномъ случаѣ такъ благодѣтельно прикрываетъ грузъ, то не проще ли всего было бы выдать всему народонаселенію докторскіе дипломы и соответственныя мѣста? Намъ нужно образованіе, говорятъ вы. Кому это намъ? Если правительству—въ добрый часъ! Это его дѣло, вмѣстѣ съ размѣромъ требованій. Но народу—дѣло другое. Народъ не только не заявляетъ на него требованій, но еслибъ и заявлялъ, то не на патенты образованія, а на то что ему нужно. А это онъ умѣетъ разобрать лучше нашей интеллигенціи. Пришлите иному барину патентованнаго повара, который станетъ его кормить кушаньями отзывающимся саломъ,—онъ прогонитъ повара не взирая ни на какіе патенты, а пришлите ему учителя магистра, который станетъ уродовать его дѣтей, и онъ будетъ доволенъ; ибо тутъ онъ безгрѣшенъ. Дайте права поступленія въ университетъ реальнымъ школамъ, и классическія гимназіи опустѣютъ. Дайте начальнымъ школамъ университетскія права—никто не пойдетъ въ университетъ. Какая же польза странѣ отъ подобнаго псевдообразованія? За то вредъ неисчислимый: искусственное отторженіе рукъ отъ производительнаго труда, искусственное возбужденіе требованій превышающихъ средства индивидуума, невозможность

сдержатъ косвенныя общанія, прогрессивное недовольство существующимъ порядкомъ, попытку къ его насильственному испроверженію, прокламацію, поджоги, царубійство. Все это факты, которыхъ можно только не желать видѣть, такъ какъ всѣ государственные преступники воспитанники такихъ школъ, возбуждающихъ въ народѣ одао негодованіе. Въ первое время школъ у насъ царила слѣпая вѣра въ воспитательную силу грамотности. Еслибъ эта вѣра была основательна, то нечего было бы спрашивать: на что грамота? Но теперь, уже сообразивъ что чтеніе нотъ, буквъ или цифръ не имѣетъ само по себѣ ничего общаго съ нравственнымъ воспитаніемъ, и въ виду прямо противоположныхъ результатовъ, начинаютъ стыдиться такой вѣры, а говорятъ что грамотность только средство. Съ этимъ нельзя не согласиться, но надо прибавить, къ чему? Если мы не досрли до вопросовъ о цѣлесообразности дѣйствія, то какъ не спросить: къ чему грамота нашимъ западнымъ образцамъ? Отвѣтъ прямой: въ Германіи и Англіи, этихъ наиболѣе грамотныхъ странахъ, для чтенія Библии и другихъ духовныхъ книгъ, расходящихся тамъ милліонами экземпляровъ. Для той же цѣли и наши старообрядцы, отличающіеся твердымъ нравственнымъ устоемъ, чувствующіе потребность въ грамотности, достигаютъ (этимъ путемъ) высокой діалектики и не нуждаются для распространенія грамоты въ постороннемъ починѣ. И такъ дѣло разрѣшается само собой.

Стоитъ поднять воспитательный уровень нашихъ сравнительно малочисленныхъ священниковъ и предоставить имъ обученіе и воспитаніе желающихъ въ родственномъ народу направленіи. Такихъ желающихъ окажется очень много и станетъ постепенно прибывать, а средства найдутся. На глазахъ у насъ въ селѣ С—въ одновременно выстроена великолѣпная школа и сгорѣла церковь. Крестьяне отказались въ даровой школѣ насыпать лотодокъ, и въ одинъ годъ выстроили превосходную церковь стоившую не менѣе 15 тысячъ рублей. Можно только дивиться здравому смыслу крестьянина, сказавшаго своему сыну, послѣ отвѣта мальчика, на вопросъ: о чемъ говорили въ школѣ?—О муравь! — „Не ходятъ!“ И они не ходятъ, а если приводятъ дѣтей, то просятъ у учителя на водку за приводъ, и дѣти остаются годами въ школѣ, славу Богу, безо всякихъ результатовъ. Результатъ при теперешнемъ положеніи школъ

могъ бы быть только гибельный. Здѣсь не мѣсто доказывать что Русскій народъ твердо хранитъ свои вѣковыя религиозныя убѣжденія и свое міросозерцаніе, съ глубокою вѣрой во Христа и въ царскую объединяющую власть. А у нашей интеллигенціи нѣтъ никакого міросозерцанія; тогда какъ въ ея положеніи нужна бы была и философія, отъ которой какъ ото всякой дѣйствительной науки она отбивается и руками и ногами, довольствуясь взятыми на вѣру (гдѣ не нужно) чужими умными словами. Предоставить школы духовнымъ отцамъ, при государственномъ контролѣ противу вселескихъ лжеученій, значило бы утвердить въ народѣ лучшія проявленія его духа. Такое направленіе было бы какъ вездѣ оллотомъ порядка противъ революціи. Это превосходно поняли социалисты. И вотъ начались подтруниванія надъ народнымъ міросозерцаніемъ, иногда сказочно оригинальнымъ, но всегда одностороннимъ; подтруниванія надъ тремя китами, на которыхъ земля стоитъ. Невозможно было придумать вѣрнѣйшаго средства къ затменію народнаго міросозерцанія чѣмъ школы съ господствующимъ у насъ направленіемъ. Все недовольное, революціонное, до стриженыхъ дѣвъ включительно, налущено на школы, и даже на театрѣ, при сочувствіи зрителей, учительница выражаетъ недовѣріе къ себѣ словами: „сумѣю ли я?“ Еслибы это относилось ко грамотѣ, то не умѣешь—уходи. А тутъ подразумѣвается: сумѣю ли развратить. И хотя народъ не хочетъ такой школы, но интеллигенція, приступая съ нею народу къ горлу, готова сдѣлать ее обязательною, не взирая на отсутствіе путей сообщеній. Доволимъ себѣ для нагляднаго сравненія двухъ борющихся направленій одинъ изъ безчисленныхъ примѣровъ. Въ 1880 году, во время переезда Государя изъ Ливадіи, въ то время какъ одинъ изъ крестьянъ стоявшихъ на линіи, на вопросъ полиціи что онъ шаритъ въ прозорахъ подъ рельсами, отвѣчалъ: „ваше в—дѣе, вывѣе всякой сволочи много, какъ бы лакости какой не сунуль“. Съ платформы стациі; гдѣ ожидалась прогулка Царя, два неизвѣстные отказались отойти за перила къ публикѣ, говоря что имъ и тутъ хорошо и что просьба полиціи очистить платформу *grunda*, и оба оказались учителями народныхъ школъ. Не будемъ распространяться о томъ волюющемъ вздорѣ которымъ такъ-называемыя народныя книжки и прописки угощаютъ своихъ читателей. Еслибы мы желали смѣшнить, то нашимъ выпискамъ

позавидоваль бы Гоголь. Писать для народа, какъ вообще для дѣтей, гораздо труднѣе чѣмъ для взрослыхъ, а эти господа убѣждены что вздоръ невозможный для грамотныхъ какъ разъ на потребу народу. Нѣтъ, грамотность далеко не главное средство воспитанія народа. Такое средство воспитанія сама экономическая среда, охраняемая зоркимъ предупредительнымъ закономъ. Никакой силѣ нельзя дѣйствовать безъ опорной точки, безъ почвы. Да mihi punctum. Мы удивляемся успѣхамъ первыхъ посредниковъ. Только стоя на исторической, народной почвѣ они могли разрѣшить свою трудную задачу. Справьтесь, часто ли имъ приходилось примѣнять тѣлесное наказаніе, да еще въ какое время? Дорого было не самое наказаніе, а страхъ предъ нимъ. Всѣ полевая работы отбывались лучше чѣмъ въ эпоху крѣпостнаго права. Старосты, старшины—все было на сторожѣ, о водкѣ на судахъ и помину не было; всякое дѣло (а сколько ихъ было!) разбиралось и рѣшалось безотлагательно. Эти люди знали что судебныя формальности немислимы въ уборку, когда по словуцѣ *день годъ кормить*. Наступилъ періодъ мировыхъ судей и общихъ судебныхъ учреждений рядомъ съ крестьянскими. Прочтите уставы 20 ноября, что можетъ быть лучше въ кабинетѣ? Въ первыхъ двухъ учрежденіяхъ понятія иска и проступка строго раздѣлены и проведены съ тончайшею послѣдовательностью, а послѣднія оставлены на прежнихъ историческихъ основаніяхъ. Но спросилъ ли кто, по совѣту Тэна, какъ же Сидоръ и Макаръ станутъ жить съ такими образцовыми законами? Спору нѣтъ что крестьянъ, до органическаго перерожденія ихъ быта, невозможно судить по совершенно неприменимымъ понятіямъ иного строя. Они не желаютъ и не могутъ желать несвойственнаго имъ міросозерцанія и суда. Помѣщики и затѣмъ первые посредники судили ихъ по обычаямъ, и крестьяне понимали въ чемъ дѣло. Но если крестьяне желаютъ суда соответствующаго ихъ міросозерцанію, то это еще не значитъ чтобъ они желали передачи судебной власти въ руки крестьянъ же. Учрежденіе мировыхъ судей, ревностно приступивъ къ осуществленію общаго всѣмъ права, застало посредниковъ 2го порядка и своимъ вліяніемъ тотчасъ же ихъ парализовало. Понимавшіе свое призваніе судьи сразу приняла съ крестьянами тонъ посредниковъ, не стѣсняясь формальными рамками и модой, вызывавшими не только комическое: „Агаѣонова, вы сами

видѣли?“ „Я тебѣ толкую что я была одна; а ты все вы“,— но и производившими всякую путаницу. Крестьяне толпами ринулись къ судьямъ, которые могли сдѣлать и дѣлали много добра, вызывая въ сомнительныхъ случаяхъ, по собственному усмотрѣнью, представителей тяжущихся изъ ихъ же общества для разъясненія, но никакъ не для рѣшенія дѣла. Такимъ образомъ рѣшались самые застарѣлые споры и тяжбы о перелашкахъ, раздѣлахъ и т. д. Посредники махнули на все рукой, хотя въ свою очередь вынуждены были дѣйствовать. Тутъ послѣдовали разъясненія окончательно передавшія крестьянскія дѣла въ волости. Хаосъ вышелъ невообразимый. Бывали случаи что обвиняемый, формально оправданный судьей, получалъ наказаніе отъ посредника, а при отказѣ судьи разбирать попрежнему залутанныя крестьянскія дѣла доходило чуть не до бунта. „Зачѣмъ я, батюшка, пойду на ихъ лапотный судъ? Виданное ли это дѣло? Вчера онъ со мной въ кабакѣ дрался, а нынче сидитъ меня судить.“ Такіе возгласы раздавались на всѣ лады. При этомъ сами мировыя учрежденія, руководствуясь законами, составленными не по даннымъ опыта, а по отвлеченнымъ соображеніямъ, должны были страдать отъ пробѣловъ вкраившихся въ законодательство. Яковъ перелѣзъ черезъ окопъ Макара. Это проступокъ,—штрафъ въ казну. Но Яковъ при этомъ тронулъ прижавшіяся на свѣжѣмъ рву ракитки, которыя могутъ быть возобновлены только съ большими усиліями и затратами. Бѣдный Макаръ хлопоталъ, таскалъ свидѣтелей и остался ни съ чѣмъ. Мѣщанинъ остановилъ на большой дорогѣ хохла и снялъ съ него свитку за то что тотъ будто бы задержалъ его подводы съ пескомъ. Чтò тутъ дѣлать хохлу? Бросить воловъ съ товаромъ и бѣжать за 25 верстѣ къ мировому судѣ, который хоть и узнаетъ въ послѣдствіи что хохоль улатилъ за свитку три рубля, но вчинать дѣла не можетъ по отсутствію обвинителя и т. д.

При такомъ положеніи вещей спрашивается, гдѣ же настоящая воспитательная школа народная, которая не на словахъ только, а на дѣлѣ говорить: будешь прилеженъ и честенъ, будетъ и тебѣ хорошо?

Надо замѣтить что одинъ торговый міръ, не соприкасавшійся съ крѣпостными отношеніями, усвоилъ себѣ и любовь къ дѣлу, и привычку не смѣшивать дѣла съ личностью, оборотнаго капитала съ личною прибылью. Такому взгляду

соотвѣтствуетъ и образъ веденія дѣлъ, между прочимъ неограниченная іерархическая подчиненность служащихъ. Тамъ все основано на знаніи довѣряющимъ своихъ довѣренныхъ, на широкомъ довѣрїи, съ одной стороны, и безконтрольномъ лишеніи этого довѣрїя съ удаленіемъ служащаго, съ другой. Словомъ, этотъ міръ дѣйствуетъ на общечеловѣческомъ основаніи свободнаго выбора, а не насильственныхъ, крѣпостныхъ отношеній, въ которыхъ помѣщикъ не могъ переменить вора-слугу, а потому и не трудился узнавать его по корочке. Купецъ или, на примѣръ, желѣзнодорожное управленіе знаютъ кого выбираютъ и кому поручаютъ интересное дѣло, но за то при малѣйшей непригодности лица не пойдутъ доказывать судебнымъ порядкомъ этой непригодности, которой по закону доказать нельзя, потому что законъ по существу своему оберегаетъ отрицательную границу проступковъ, а не положительную добрыхъ дѣваній, въ которыхъ весь успѣхъ дѣла. Въ крѣпостномъ, на дѣлѣ у насъ еще существующемъ мировоззрѣніи идеаломъ остается ничего недѣланіе съ синекурою мѣста, содержанія, почета. При такомъ строѣ законодательство не можетъ довѣрять ни одному чиновнику сверху до низу. Касаясь требуетъ буквы закона, а буква очевиднѣйшихъ уликъ, ну хоть бы отъ лѣснаго сторожа, которому порубщикъ разрубилъ топоромъ челюсть, причемъ жена обвиняемаго показала что замывала въ тотъ день кровь на груди мужниной рубашки. Тѣмъ не менѣ Орловскій окружный судъ, за отсутствіемъ свидѣтелей (въ лѣсу?), оправдалъ обвиняемаго. При недовѣрїи къ своимъ органамъ законодательство стремится по возможности сократить власть мировыхъ судей, которую ширина участка въ свою очередь понуждаетъ расширять. Такъ при кражахъ, въ особенности конокрадствахъ, когда украденная лошадь въ одну ночь скачетъ иногда за 100 верстъ въ другую губернію, мировой судья или долженъ выдать бланковое предписаніе старостамъ, которыхъ имени ни онъ ни обвинитель не знаетъ, о допущеніи пострадавшаго къ осмотру всей деревни изъ двора во дворъ, или же отказать разоренному человѣку во всякой помощи, свидѣтельствуя тѣмъ о собственной бесполезности.

Но такой способъ открытія преступленія не законенъ, и потому въ случаѣ неисполненія старостой или десятскимъ, часто въ другой губерніи, циркуляра можетъ породить драку, оставя неисполнившаго безнаказаннымъ. Съ другой стороны,

упустить часъ времени значитъ погубить дѣло, въ поощреніе ворамиъ.

Намъ случалось спрашивать судебныхъ слѣдователей, кто обязанъ раскрывать преступленія? Они отзывались незнаніемъ, говоря что ихъ задача ставить готовое дѣло на юридическую ногу. Видите ли какъ тонко! А бѣдный Макарь ищи самъ вора, убійцу или поджигателя. При нашемъ крѣпостномъ міровоззрѣніи мы не въ силахъ подняться до культурнаго понятія чистаго права. Подобно тому какъ въ чиновникѣ мы видимъ не отдѣльное колесо машины, а кормящееся лицо, такъ при видѣ подлежащаго преступленія мы забываемъ все и между прочимъ пострадавшаго, а нашимъ героемъ является преступникъ. Непривычные къ органическому ходу мыслей, мы забываемъ что законъ имѣетъ въ виду избавленіе общества отъ положительныхъ золъ и что все остальное внѣ предѣловъ и цѣлей закона. Незнакомые съ философскою мыслию, мы не имѣемъ понятія объ *умопостигаемости* (*intelligible*) характерѣ человѣка, включающемъ эмпирическую необходимость, и, надѣвъ бѣлый жилетъ, силимся на судѣ доказать что данный *герой* убійца не могъ не убить вслѣдствіе рожденія, воспитанія, среды и т. д., не подозревая что тратимъ слова по пустому. Что тутъ доказывать? Камень или человѣкъ убилъ,—слѣдовательно не могъ не убить. Жаль только что вопросъ долженъ быть направленъ совершенно не въ эту сторону, т. е. виновна ли большая, бѣшеная собака въ причиняемомъ злѣ? а въ другую: точно ли этотъ, а не другой совершилъ злодѣяніе и случайно ли оно или нѣтъ? Другими словами, опасенъ ли обвиняемый для общества и потому терпимъ ли? При такомъ узкомъ, на личность, а не на право обращенномъ стремленіи не удивительно что наше правосудіе такъ - сказать перестрѣлило черезъ головы Макаровъ и Сидоровъ въ область благотворенія, и бѣдный Макарь остался беззащитенъ. Что онъ выигралъ въ гражданскихъ дѣлахъ? Прежній столоначальникъ сдѣлалъ бы ему дѣло за 25 рублей, а присяжный повѣренный взявъ 250 сгадитъ дѣло окончателно и безответственно. Объ уголовномъ судѣ и говорить нечего. Это бичъ для пострадавшаго. Въ этомъ убѣдилось правительство, вынужденное наконецъ изъять изъ его вѣдомства дѣла въ которыхъ пострадавшимъ оказалась сама власть. Внося въ сферу правосудія каррикатурную гумманность, мы ожидали рукоплесканія Европы, а заслужили только насмѣшки и прозваніе *варвары*.

Не всякому выпадает горе соприкасаться съ высшими судами, но первыя инстанціи составляютъ общую потребность. Мы видимъ добросовѣстное до сихъ поръ рвеніе мировыхъ судей. Мы уже указывали на все большее стѣсненіе круга ихъ дѣйствій различными разъясненіями и формалистикою. Крестьянинъ ворвался къ вашему сторожу, избилъ его и отнял загнанныхъ имъ животныхъ; крестьяне отняли у вашего работника въ чужомъ уѣздѣ вашу лошадь и телѣгу. Въ обоихъ случаяхъ вы очутились между двумя стульями. Въ первомъ судья оштрафуетъ отбившаго животныхъ крестьянина въ пользу казны, а сторожъ для поощренія въ исправленіи обязанностей останется при лобояхъ; обида между крестьянами; во второмъ волость станетъ защищать своихъ мужиковъ предъ чужимъ, и хорошо если возвратятъ вамъ недороченную лошадь; тутъ судья не принялъ жалобы подсудной волости, а волость по неподсудности ей не крестьянскаго доска. Тогда какъ практика требуетъ всюду, даже на поѣздѣхъ желѣзными дорогахъ, мгновеннаго разбирательства могушихъ встрѣтиться недоразумѣній, наше судоустройство по видимому стремится къ тому чтобы власть раздѣлять между многочисленными другъ друга парализующими лицами, такъ чтобы судья, на примѣръ, могъ только жаловаться на несполнительность ближайшихъ членовъ полиціи той же полиціи и т. д. въ ущербъ потерпѣвшему. Вы деревенскій житель не принадлежащій къ крестьянскому сословію. У васъ бушуетъ пьяный цидъ вообще происходитъ противузаконіе. Связать нарушителя порядка въ предупрежденіе несчастія значитъ подвергнуть его обвиненію въ лишеніи *свободы*; сотскіе есть не вездѣ и по отбыванію очереди въ стану они рѣдко бывають налицо, а сельскій староста скажетъ: не мое дѣло. Тамъ гдѣ законъ воспрещаетъ извѣтную мѣру самосохраненія, онъ долженъ указать на другую, не бумажную, а дѣйствительную.

Основой и послѣдствіемъ крѣпостнаго права была крѣпость земель съ общиннымъ владѣніемъ и круговою порукой. Въ силу такого устройства всякое нарушеніе крестьяниномъ чужой собственности принимало уголовный характеръ и вело къ наказанію. Штрафовать крестьянина значило бы штрафовать владѣльца. Съ объявленіемъ личной свободы всѣ такіа нарушенія приняла гражданскій характеръ исковъ. Крѣпостной могъ думать и говорить: мы барскіе и дѣсь барскій, тотъ есть нашешо барина, но тщательна отрѣзанный и отдѣленный доворить

этого не можетъ, если вообще признаетъ собственность. Въ противномъ случаѣ не долженъ признавать и своей, которую однако бережетъ до крайности, ну хоть до воспрепятствования черпать воду изъ ручья на торной полевой дорогѣ, но на крестьянскомъ берегу. Между тѣмъ такое смутное пониманіе положенія вещей, оставшихъ отъ одного берега и не приставшихъ къ другому, обобравъ крестьянина *собственникомъ*, ревниво оберегаетъ по сей день его крѣпостную зависимость и крѣпость земель. Крестьянинъ и съ нею и съ личнымъ трудомъ своимъ поступилъ въ казну, которая въ своихъ исключительныхъ интересахъ совершенно выгородила его изъ свободного экономическаго теченія, конфисковала и всю его движимость подъ предлогомъ необходимости къ отбыванію повинностей. Крестьянинъ безпрепятственно можетъ пропить послѣднюю лошадевку и бабій холстъ, но уплатить ими долгъ или штрафъ не дозволяется. Ни крѣпостное воззрѣніе, ни сущность дѣла не измѣнились. Вы продали владѣльческую землю за долгъ, ну ждали покупатель не имѣетъ въ виду лежащихъ на землѣ платежей? Къ крестьянамъ въ М—мѣ уѣздѣ предъявленъ былъ исполнительный листъ въ 1.200 рублей, а крестьянское присутствіе, рассмотрѣвъ опись ихъ имуществъ, за составленіе коей истецъ, независимо отъ судебныхъ издержекъ, заплатилъ значительную сумму приставу, признало подлежащими къ продажѣ двухъ порослятъ на 40 копѣекъ. Кому же и какая польза отъ подобныхъ процедуръ и какое экономическое воспитаніе получаетъ при этомъ народъ? Всѣ сельскія мировыя разбирательства бывають только между крестьянами и личными владѣльцами. Надъ владѣльцами тяготѣетъ страхъ немедленной продажи имуществъ за неисполненіе обязательства по отношенію къ рабочимъ. И въ настоящее время такихъ дѣлъ уже нѣтъ. Остаются обратные иски и жалобы, хоть на то что развалившійся на ушедшую съ самими хозяйскую лошадь работникъ закололъ ее навозными вилами на мѣстѣ. Это, видите ли, гражданскій искъ, а не жалоба. Но какъ вслѣдствіе вышесказаннаго взысканіе по исполнительному листу немислимо, а наказанія другаго нѣтъ, то жаловаться—значитъ убѣждать крестьянина въ его безнаказанности. И вотъ мировыя учрежденія потеряли въ деревняхъ всякое значеніе, кромѣ значенія земскаго расхода; такъ какъ наказаніе тащиться за 30 верстъ на судъ обиженный раздѣляетъ съ обидчикомъ.

На какихъ же соображеніяхъ основано предвзвѣренное прикрѣпленіе свободныхъ людей къ землѣ? Изъ боязни предъ жестокими словами *пролетаріатъ* и *пауперизма*, столь грозными у нашихъ образцовъ и не имѣющими у насъ никакого значенія. Они имѣютъ значеніе только тамъ гдѣ предложеніе труда не находитъ спроса и вислолько не связано съ землевладѣніемъ. Последнее подтверждается безчисленными примѣрами дворовыхъ, мѣщанъ, служащихъ и большинства капиталистовъ, которые, не владея ни лядью земли, не представляютъ пауперизма, тогда какъ люди владѣющіе десятками тысячъ десятинъ часто не знаютъ отпустать ли имъ завтра въ лавочкѣ въ долгъ огурцовъ. Опасеніе у насъ пауперизма и въ теоріи и на практикѣ неосновательно. Земля сама по себѣ не синекура. Она только мертвый капиталъ, требующій и силы и умѣнья. При сохранившемся крѣпостномъ убѣжденіи что не трудъ и время—капиталъ, а только земля,—трудъ тогда подражувался—крестьянинъ, ослабя свой трудъ до крайнихъ предѣловъ, возвращается къ возрѣванію номада на землю; почему желая бы захватить цѣлину чтобы высосать ее до тла. Неудивительно что онъ охотно снимаетъ сравнительно болѣе сохранившуюся владѣльческую землю, которую въ нѣсколько лѣтъ истощаетъ. А помѣщикъ, въ свою очередь привыкшій видѣть въ землѣ непосредственное избавленіе отъ неканіастванаго труда, радуется возможности свалить землю на руки расхитительнаго крестьянина, самъ же бѣжитъ въ столицу или еще хуже за границу, гдѣ проживаетъ не доходя, а самый наплавленій дѣло доходитъ до той же крайности какъ и у крестьянина. Нечего говорить о рациональномъ хозяйствѣ тамъ гдѣ продажа клоковъ земли въ самомъ сердцѣ хозяйства, алей и даже фруктовыхъ садовъ на дрова, явленія далеко не неканіаствательныя; когда всѣ классы, словно чуя что новый мотъ на старомъ ляду рухнетъ, хватаютъ что лодъ руку лоблаю, свое или чужое, какъ на лодарѣ. Съ какой же стороны опасность пауперизма? Крестьяне де продадутъ свою землю. Кому? Дворяне и кружные капиталисты не покупаютъ отдѣльныхъ разбросанныхъ клоковъ. Если крестьянинъ продаетъ землю, то крестьянину же, мѣщанину или дворовому, этому съ крѣпостной точки зрѣнія обдѣланному и лотому лонаканіа поддѣтывающемуся и богатѣющему человеку. Какая же бѣда если тотъ кому дали землю за сорокъ рублей и кто не въ

сидеть удержаться продать ее за 200 рублей бѣдняку который и повинности заплатить, и не станетъ жаловаться, что купилъ мало земли, такъ какъ такая жалоба нелѣпа? Самая забота исключительно о крестьянахъ вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости есть прямое наследство крѣпостнаго отроа. Эта постоянная олека и знать не хочетъ что такіе крестьяне далеко не представляютъ большинства населенія и что другія сословія не получили никакихъ даровъ и потому вынуждены стоять на собственныхъ ногахъ. Олека не соображаетъ что олекутъ только тогда въ состояніи блюсти интересы малолѣтняго когда, слѣдя за приходомъ, можетъ слѣдить и за расходомъ, безъ чего олека невысказана. Остаемся на фактъ совершенно необъяснимомъ съ точки зрѣнія протекціонизма и олеки. Дворяне, между которыми много было по дряхлости, качеству неспособныхъ къ труду, владея только руками въ странѣ нуждающейся въ рукахъ, исправиле крестьянъ въ уплатѣ податей и сравнительно идуть прогрессивно къ благосостоянію, поддерживая своихъ неспособныхъ родныхъ. Кто пьетъ чай, носитъ часы и хорошую одежду? Дворянинъ. Кто заколачиваетъ избу и бѣжить на промыслы, сдавая землю мѣщанину? Крестьянинъ.

Вся суть нашего современнаго позитивизма заключается въ кабинетной діалектикѣ и непризнаніи общезавѣстныхъ фактовъ. По печальной скудости современнаго дворянскаго образованія, печать перешла въ недворянскія руки и по прежнимъ крѣпостнымъ отношеніямъ исполнена къ этому сословію вражды. Давно ли на каждой страницѣ журналовъ толковали о привилегированныхъ сословіяхъ, тогда какъ съ выдачей лоскутковъ выкупныхъ, всѣ привилегіи дворянства ограничиваются въ действительности возможностью быть лишеными гражданскихъ правъ за мошенничество. Привилегіи дѣтъ, но крѣпостная ненависть жива.

Считая себя позитивистами, мы самые отчаянные мечтатели. Но еслибы намъ дали возможность, независимо отъ другихъ, осуществлять наши экономическія химеры, то мы бы и не подумали приступить къ такому труду, а продолжали бы кричать что дурно потому что весь родъ человѣческій не живетъ по нашей дикой программѣ. Проломивъ известную доктрину, мы на практикѣ идемъ прямо противъ нея. Раздѣляя импримѣръ умственно государство на сюртукъ (интеллигенцію) и кафтаны (народъ), мы проповѣдуемъ любовь къ

ближнему (читай дальнему), котораго надо вести къ нашему крѣпостному раю дармоѣдства. Поэтому интеллигенція де обязана давать народу все даромъ. Гдѣ же она сама-то возьметъ? Объ этомъ интеллигентному человѣку говорить не стоить; а между тѣмъ та же интеллигенція дѣнно и ночью помышляетъ о расширеніи собственныхъ издержекъ и не только считаетъ своимъ священнымъ правомъ слыхивать своѣхъ безчисленныхъ дѣтей въ казенныя заведенія, но еще старается набрать такихъ же охотниковъ до *obse farniente* отовсюду, увѣряя народъ что ему ничего не стоить прокормить всю возрастающую массу, даже ничего не дѣлая, по примѣру интеллигенціи. Намъ приходилось слышать изъ устъ интеллигенціи упрекъ: „такой-то купилъ прекрасное имѣніе и все еще чего-то добывается“. Что сказалъ бы торговый человѣкъ услышавъ то же въ примѣненіи къ мельницѣ, фабрикѣ и т. д.? Но подобное возрѣніе даромъ не проходитъ. Кто не хочетъ или не можетъ заниматься извѣстною отраслью промышленности, вынужденъ передать ее умѣлому, хотя часто въ самомъ плачевномъ видѣ. Вотъ почему наши помѣстья съ такою стремительностью переходятъ къ крестьянамъ и другимъ сословіямъ. Въ экономическомъ отношеніи это только хорошо. Сословія и личности не имѣютъ никакого отношенія къ самому дѣлу. Правда, при переходѣ земель въ мозолистыя руки страдаетъ если не образованіе, то извѣстная благовоспитанность; за то можно надѣяться что когда съ развитіемъ благосостоянія въ новой средѣ явится потребность образованія, дѣти покушниковъ станутъ учиться уже на собственный счетъ и для себя, а не изъ-за патентовъ на ничего недѣланіе. Если же и они, погнавшись за худо понятымъ лоскомъ, станутъ брезгать дѣйствительнымъ трудомъ, обзывая бездѣлье жеваніемъ женскимъ трудомъ, то придется и имъ въ свою очередь передать дѣло въ умѣлыя, трудовыя руки, и водотолченіе въ смыслѣ образованія начнется снова. Мы успѣли указать какъ высокой идеалъ бездѣлія и презрѣнія къ труду проникаетъ уже въ народныя массы. Въ текущемъ году во многихъ мѣстахъ густая лшеница полегла и косить ее не было возможности, между тѣмъ бабы, какъ оказалось, разучились жать и ни у одной уже серпа нѣтъ. Новое доказательство истощенія почвы. Вотъ вамъ и женскій трудъ о которомъ такъ хлопотали.

Мы согрѣшили бы противъ истины сказавъ что въ общемъ ходѣ дѣлъ нѣтъ исключеній во всѣхъ сословіяхъ. Какъ съ

одной стороны въ рукахъ дворянъ, купцовъ и крестьянъ есть крупныя хозяйства съ рациональными стремленіями и приѣмами, такъ съ другой и у отдѣльныхъ крестьянъ частію сохранились, а частію возникаютъ эти приѣмы, разумѣется тамъ гдѣ крестьяне на вѣчныя времена подѣлили подворно землю, вдали отъ городской и желѣзнодорожной интеллигенціи, причемъ въ иныхъ случаяхъ богатѣютъ крестьяне отказавшіеся отъ полевыхъ надѣловъ и владеющіе землей только по 35 сажень на дворъ. Благополучіе ихъ въ такомъ случаѣ основано на обоюдномъ соглашеніи съ крупнымъ владѣльцемъ у котораго они сплошь обрабатываютъ лшеничную землю съ вывозкой удобрения и въ видѣ платы за трудъ сѣютъ въ свою пользу всю ржаную владѣльческую землю, пользуясь громаднымъ настибцемъ. Одного такого примѣра достаточно для подтвержденія истины—что богатство не въ землѣ, а въ трудѣ. Мы достаточно показали неосновательность у насъ страха лаулеризма. Крестьянинъ такой же человекъ какъ всякій другой, а когда громъ грянетъ, тутъ-то мужикъ и перекрестится. Отчего одиодворецъ, отвѣтственный за свои обязательства всею своею землей, не доводитъ ее до продажи? Не доведетъ крестьянинъ труженникъ и своей, а если нерадивый продаетъ ее рачительному—тѣмъ лучше. Остается еще аргументъ въ пользу разорительнаго общиннаго владѣнія,—такъ-называемый, историческій. Утверждаютъ, не справляясь съ опытомъ, будто всаждствіе историческаго склада общинное владѣніе есть излюбленная крестьянскою форма. Это на дѣлѣ не оправдывается. Нѣтъ быть-можетъ народа болѣе оправдывающаго пословицу: „хоть щей горшокъ, да самъ большой“, какъ нашъ во всѣхъ своихъ слогахъ. Купить свой клочъ земли любимая мечта нашего простолюдина, не рѣдко въ явный ущербъ его благополучію. Для рабочаго спеціалиста, какъ напримѣръ наши дворовые, вся задача должна заключаться въ скрпленіи капитала подъ старость. Но въ этомъ ему постоянно мѣшаетъ принадлежащая ему куленная имъ изба, а если онъ крестьянинъ, то и надѣльная земля, нерѣдко за сотни версты отъ мѣста его служенія. Землю въ такомъ случаѣ онъ сдаетъ за очистку поземельныхъ повинностей, то-есть даромъ, а избу, нерѣдко прекрасный домикъ, онъ долженъ поддерживать и страховать непродуцительно, такъ какъ низкая наемная цѣна не вознаграждаетъ за изъясъ причиненный заочными жильцами. У одного изъ такихъ дворовыхъ крестьянъ,

ежегодно, вопреки нашимъ увѣщаніямъ, бедившаго за 200 верстъ поправлять свою необитаемую усадьбу, на дняхъ она при сельскомъ пожарѣ сгорѣла до тла и онъ получилъ земскихъ страховыхъ 50 рублей за усадьбу стоившую 1.000 рублей. „Теперь, говоритъ онъ, строиться не стану“. Итакъ любовь къ собственной землѣ можетъ у насъ по справедливости назваться народною, но это не значитъ чтобъ она соединялась съ любовью къ общинной формѣ владѣнія или жизни. Крестьянинъ отламываетъ у отца, брата и т. д. трехстѣнная сѣны и лѣзетъ въ землянку, лишь бы стать самостоятельнымъ хозяиномъ. Онъ не уживается съ самыми близкими людьми, гдѣ же ему ужитья въ фаланстерѣ? Крестьяне ежедневно покупаютъ малыя и большія земли; но былъ ли хоть одинъ примѣръ чтобы такой покушникъ придавалъ своей покупке квази-влюбленную форму, то-есть засунулъ бы ее въ общинное владѣніе? Народъ ненавидитъ общинное владѣніе и барахтается съ нимъ потому что его изъ него не выпускаютъ. Когда вынужденные необходимостью крестьяне стали наконецъ пользоваться единственною лазейкою предлагаемою 163 ст. Положенія, то и тутъ послышались голоса о прикрытіи и этой лазейки. Что покушникъ обязанъ нести общія поземельныя и подушныя повинности, это безспорно, но никакъ не общинныя въ смыслѣ общиннаго владѣнія, въ которомъ не принимается участія. Извѣстно что никакое усовершенствованіе общиннаго хозяйства даже немислимо, хотя подавались совѣты о травостѣянн на крестьянскихъ покосахъ и выгонахъ. Подумаетъ что подаютъ совѣты жители думы. Собственникъ знаетъ что его скотина сегодня голодна, а завтра будетъ еще голоднѣе и потому нужно беречь свой ларь и лугъ лучше глазу. Но если членъ общины, имѣя на то полное право, выпустилъ свою *овечку поболтаться* на весеннія проталины, то соседъ его долженъ быть круглымъ дуракомъ чтобы не выпустить своихъ пастъ. Не только сельское, но никакое хозяйство не выводитъ общиннаго владѣнія или пользованія. Дозвольте всякому рабочему въ типографію унести шрифты,—на долго ли ея хватить?

Во всей нашей статьѣ мы только стоимъ за экономическую свободу и личный починъ противъ принудительныхъ, крѣпостныхъ началъ. Согласно съ этимъ мы считаемъ стремленіе къ общиннымъ порядкамъ только заблужденіемъ, незначимъ дѣла, во не преступленіемъ. Экономическіе тезисы

требуютъ практическаго подтвержденія. *Паровикомъ молотить выгодно.* Сдѣлаемъ сравненіе на практикѣ. Цѣнами берутъ 25 копѣекъ за копну, за 1.000 копенъ 250 руб. въ 40 дней; а считая тѣ же 25 копѣекъ на человѣка, на 35 человекъ въ день 8 р. 75 копѣекъ, а молота по 200 копенъ уплатится за 5 дней 43 р. 75 копѣекъ. Вотъ причина почему всакій, при первой возможности, бѣжитъ если не къ паровой, то хотя къ конной молотѣбѣ. Вы читаете лекціи о преимуществахъ общиннаго, владѣнія, и вамъ рукополагаетъ многочисленная аудиторія. Докажите на практикѣ свой тезисъ. Соберите адептовъ, выпросите на окраинѣ нашего громаднаго отечества соответственное вашимъ личнымъ силамъ количество земли, да уплатите въ теченіе извѣстныхъ дѣтъ долгъ хотя бы всѣми вашими продуктами, а не одними куринными яйцами, по увѣренію Фурье. Посмотрите сколько найдется подражателей. Тутъ мужскому и женскому труду откроется широкое и почетное поприще. Васъ лѣзаетъ сходство общины съ фаланстеромъ. Вы не ошибаетесь; но забываете что земледѣльческій фаланстеръ—это аракеевской поселеніе, каторга, гдѣ все должно исполняться по свистку и по приказу; другими словами—это крѣпостное право. Но вѣдь мы же стремительно ушли изъ него на вѣки, какъ же о немъ вздыхать? Вы отлично знаете что весь народъ какъ одинъ человекъ возстанетъ противъ вашей коммуны, въ которую вы сами не можете вѣрять. Вѣрять было ужъ чересчуръ плохо. Нѣтъ, вы ненавидите всакій дѣйствительный трудъ и, предпочитая жить на счетъ газетныхъ статей и дурныхъ наклонностей толпы, подъ предлогомъ гуманности, беззащитливо признаетесь что вы презираете всѣ преданія, вѣрованія, общественную нравственность, словомъ, историческаго человѣка, и для осуществленія своихъ эгоистическихъ цѣлей прибѣгаете не къ убѣжденію, а къ террору поджоговъ, убійствъ и даже царубійствъ. Только нищія духомъ способны не видѣть вашей подтасовки. Вы хвастаете своимъ влѣпаніемъ на такъ-называемую интеллигенцію. Не школы, говорите вы (школы де надо принизить до уровня простонародной безграмотной грамотности), руководать, а мы руководимъ интеллигенціей, и вы правы. Вы ловели дѣло мастерски. Не прикивая школы, вы не могли ждать успѣха. Какой человекъ, изучившій исторію мысли, права и судьбы человѣческихъ по источникамъ, повѣритъ вашимъ голословнымъ бреднямъ и приметъ ихъ за

последние выводы науки? Народные школы известного лешибавамъ тоже необходимы. Безъ непосредственной пропаганды, подъ предлогомъ науки, вы не вобьете въ голову мужика умныхъ словъ, которыми вы ведете одурьившихъ къ поджогамъ и убийствамъ. И вотъ вы требуете народныхъ школъ. Какое вамъ дѣло что ваши школы противъ всего народоваго міросозерцанія, что народъ, по чистотѣ своихъ глубочайшихъ инстинктовъ, чуя недоброе, не хочетъ идти въ нихъ. „Что съ ними церемониться? Сдѣлаемъ обязательною эту азбу, и тогда: ура!“

Впрочемъ и безъ принудительныхъ, при помощи одаѣхъ закликательныхъ школъ, наши просвѣтители, при видѣ всего что у насъ совершалось и совершалось, имѣють полное право воскликнуть: ура! По долголѣтнему опыту они знали съ кѣмъ имѣють дѣло и лучше всякаго имѣли въ виду крѣпостное міросозерцаніе своихъ добродушныхъ читателей. Выставляя на каждой страницѣ этихъ же смиренныхъ земцевъ людоедами и грабителями и проповѣдая посредствомъ ихъ же кармановъ, кому слѣдуетъ, коммунизмъ и ниспроверженіе государственнаго строя, они, съ одной стороны, не безъ основанія предполагають что добродушные подлищички и не поймутъ въ чемъ дѣло, а съ другой, пропагандисты очень хорошо знаютъ чѣмъ стать въ глазахъ этихъ земцевъ миленькими. И вотъ въ каждомъ номерѣ журнала проводится милая крѣпостному родительскому сердцу тема: Государство обязано до крайности принажить высшія школы и, сглаживая доступъ къ нимъ посредствомъ стипендій предъ всякимъ желающимъ, ничего не дѣлая, получать жалованье,—не только выдавать высшіе дипломы, но и сажать такихъ жрецовъ науки насильно на шею народу. И вотъ чудо совершилось вочію. Вся провинціальная интеллигенція подписывается на такіе журналы, не подозревая что въ нихъ дѣло идетъ о ниспроверженіи принциповъ за которые тѣ же подлищички сейчасъ готовы умереть, какъ доказали это своею многолѣтнею исторіей. Изъ такого чуда развились необходимыя послѣдствія. Смыслъ проповѣди дошелъ до посвященныхъ, а оглашенные исполнялись умныхъ, прогрессивныхъ словъ, перемѣшавшихся въ головахъ съ образцовою безсвязностью. Благодушные люди окончательно потеряли различіе добра и зла, не говоря уже о путяхъ достиженія перваго и искорененія втораго. Пожалуй иной Иванъ Ивановичъ,

не знающій цѣлый день куда голову приклонить, потому что мужики запахаали межи, лобили хлѣбъ и ауга, порубили лѣсъ и спалили гумно, а никто и ухомъ не ведетъ на его восклицанія,—пришедши вечеромъ домой и желая хоть чѣмъ-нибудь заглушить тоску безвыходнаго положенія,—углубится въ новыи нумеръ журнала, да чего добраго и самъ повѣритъ что онъ, Иванъ Ивановичъ, и есть настоящій грабитель и притѣснитель крестьянъ. Повѣритъ и обрадуется своей силѣ. Воспрянетъ духомъ. Вотъ молъ я одинъ какъ перстъ, а могу притѣснять сотни независимыхъ людей. Чѣмъ и какъ? этого онъ не спроситъ. Тутъ напечатано, стало-быть правда. И Иванъ Ивановичъ чувствуетъ себя орломъ, не хуже Азамасія Ивановича, мысленно стрѣляющаго Турку.

Пусть отрезвляющая Пульхерія Ивановна,—этотъ Санхо Пансо въ юлкѣ,—и не показывается со своимъ здравымъ смысломъ: ее затрутъ. Попробуй она выслать своего довѣреннаго хоть въ земское собраніе. Кто его станетъ слушать? Тамъ велпрѣменно есть, начитавшійся жестокихъ словъ, узданный Демосеевъ, предъ которымъ заранѣе все пасуетъ. „Обложить!“ говоритъ Демосеевъ.—Средствъ нѣтъ, возражаетъ довѣренный Пульхеріи Ивановны, и лица крестьянскихъ представителей озаряются улыбкой.—„Средства должны быть“, восклицаетъ Демосеевъ.—Но вѣдь и заравый смыслъ долженъ бы быть, замѣчаетъ повѣренный. Демосеевъ злобно на него оглаживается; всѣ пугаются выстрѣловъ прогресса, гуманности, цивилизаціи—и сдаются. Крестьяне грустно потѣютъ. Почти безъ исключеній Демосеевъ уже два года не платитъ стараго налога, а съ Пульхеріи Ивановны въ первое полугодіе взыщутъ и новыи. „Не даромъ осчастливлены мы самоуправленіемъ“, продолжаетъ Демосеевъ. Съ этимъ спорить нельзя. Не даромъ, а за большія деньги. Но что это самохвальное самоуправленіе сдѣлало хорошаго? другой вопросъ. Гдѣ нѣтъ руководящаго принципа и нѣтъ даже потребности взвѣснить предлагаемую мѣру, нельзя ожидать успѣха. Чего ни дѣлали наши земства? Судили о классикахъ, о школахъ, о медицинѣ и эпидеміяхъ, ловили жучковъ ловушками, заводили противъ завѣдомо неизлѣчимыхъ эпидемій ветеринаровъ, и не выстроили ни одного хорошаго моста, не провели ни одной необходимѣйшей новой дороги. Результатъ: перваго дыханія страны—дорогъ нѣтъ, эпидеміи гулаютъ на просторѣ, рядомъ съ жучками, и ни одного

грамотнаго крестьянскаго мальчика—слава Богу. На счет земской медицины Пульхерія Ивановна придерживается Суворовской *трапки-муравки* и говоритъ: „Люди, слышно, 1000 лѣтъ на Руси плодятся и умирають. Почти во всякой деревнѣ есть бабка ловитуха и мастерица справлять переломы. Я вотъ сама 60 лѣтъ живу на свѣтѣ и слава Богу докторовъ и не знала. Пріѣзжала тутъ генеральша съ молодымъ докторомъ, да посмотрѣла я у обѣда на ея испитыхъ дѣтей и на своихъ деревенскихъ ребятъ и махнула рукой. Гвардію-то не по городамъ, а все по деревнямъ набирають. Я сама лѣчу, да и рѣдкая барыня не лѣчитъ. Да можно ли лѣчить корь, золотуху, горячку, ракъ и т. д.? Можно и должно лѣчить сифилисъ, такъ на это одной больницы на уѣздѣ довольно. Тутъ главное присмотрѣть, чтобы такихъ людей по домамъ не держали, а отправляли въ больницу, этимъ и самое зло прекратится. Я сама не хуже другихъ барынь лѣчу хиной, и выходитъ ея у меня не мало. Идетъ—какъ отказать, изводишь на 100 рублей въ годъ. Гдѣ же такую пропасть возьметъ земство? И выходитъ: къ доктору не идутъ, а ко мнѣ отбоявѣтъ. А ветеринаровъ у насъ и вольныхъ довольно, да какая отъ нихъ польза, правда говоритъ пословица на лѣченой кобылѣ не долго вѣздить. Ветеринаръ чумы не вылѣчитъ, а развѣ занесетъ ко мнѣ, а чумную корову и моя Федосья безъ него узнаетъ. Вотъ хоть бы съ дифтеритомъ. Прослышали въ Питерѣ что надъ нами страшася эта бѣда и наслали къ намъ цѣлые вагоны толстыхъ барынь въ шелковыхъ шубахъ, съ крестомъ на лѣвомъ рукавѣ. Ну чтѣ съ ней въ деревнѣ дѣлать? Ей надо помѣщеніе, столъ. Очистить избу, а хозяевъ выгнать? Кто же охотой пуститъ ее приносить въ семью заразу? Лѣчить дифтерита она не умѣетъ, а если пріѣхала учить губернатора карантиннымъ мѣрамъ, коли оны о нихъ не слыхалъ, такъ пріѣхала бы одна, да и сидѣла бы тамъ у него. А то вѣдь этакая гурьба тягостивѣй для народа всякаго дифтерита.“ Въ оправданіе сельско-медицинскаго скептицизма Пульхеріи Ивановны можно бы представить много разительныхъ примѣровъ, но мы ограничимся словами одного изъ врачей, помѣщенными на 160 стр. *Трудоев* областного сѣзда 5 февраля 1881 года въ городѣ Харьковѣ, сохраняя какъ ореографію заглавія книги, такъ и способъ выраженія земскаго представителя: „Разъ вы говорите что отъ одного случая смерти распространяется зараза и

убѣждаете что даже платье заразительно, вистѣвшее въ одномъ помѣщеніи съ заболѣвшимъ и т. п., что даже входящіе въ жилище, гдѣ есть дифтеритный умершій, разносятъ заразу, такъ врачу осматривающему безирестьяно горло умершаго (что непременно должно быть при опредѣленіи причины смерти отъ дифтерита при добросовѣстномъ исполненіи обязанности) обращаться за помощью больнымъ слишкомъ рискованно,—этимъ еще больше распространится зараза“.

Мнѣніе это вполне здраво и гуманно; но какъ по поводу такихъ трудовъ не вспомнить *humaniora*?

Не основательнѣе поставленъ и продовольственный вопросъ. Сначала посредники дѣлали по старинѣ, какъ дѣлали помѣщичики. Крыши магазиновъ крылись по командѣ въ одинъ день. Наблюдали чтобы крестьяне засыпали хлѣбъ овинный. Теперь въ цѣлой деревнѣ двухъ овинковъ не найдешь. Все подѣлалось и развалилось и у всѣхъ сыромолоть. А извѣстно, на 100 четвертей засылать двѣ сырыя—и все зерно пропало. Гноили, гноили, да за умъ взялись. Стали въ дешовый хлѣбъ деньгами собирать, а въ дорогой безъ хлѣба сидѣть. Подобныя указанія на разладъ и несостоятельность земскаго дѣла встрѣчаются на каждомъ шагу. Въ чемъ же спасеніе? Очевидно въ одноцентренности добросовѣстной и просвѣщенной мѣстной власти. Нужно чтобы на четыре волости былъ одинъ выборный судья со властью первыхъ посредниковъ и съ полнымъ подчиненіемъ ему сельской полиціи. При этомъ необходимо чтобы его выбралъ участокъ, а необходимо чтобы губернаторъ и предводитель хорошо знали кто онъ и какого поля ягода. Только при такихъ условіяхъ можно ожидать и требовать отъ судьи услѣшной дѣятельности. Неправды тутъ быть не можетъ подъ контролемъ сѣзда и селата. Безъ этого мы въ морѣ самоуправства. Мужиковъ вивать что они душатъ и пытаются конокрадовъ. Что же мужикамъ дѣлать? Разбойники до того дошли что, напрымѣръ, сгонять десять лошадей по 50 рублей въ ближайшій оврагъ, сдеруть съ нихъ шкуры цѣною по 1½ рубля и маршь. Ловить некому. А поймають мужики и представляютъ въ судъ, а тамъ адвокатъ говорить что не воръ виноватъ, а среда, то-есть общество. Если же общество само ихъ расудить, опять виновато. То же съ поджогомъ и со всякимъ лихомъ.

Еслибы нашу цѣлью было бесплодное самобичеваніе, то мы могли бы написать цѣлую книгу о самыхъ страшныхъ

противорѣчій въ всѣхъ отрасляхъ нашей гражданской жизни, изъ которыхъ было бы ясно что наша интеллигенція только кукушка пожалованная въ соловьи. Она волишь также основательно какъ тотъ крестьянинъ (фактъ) который, вертя правою рукою рукоятку висящей у него на груди свалки въ разбросъ и самъ же оудувъ палецъ лѣвой руки въ шестеренку, продолжалъ ходить и вертѣть рукоятку, восклицая: батюшки, палецъ, палецъ! Но у несообразительнаго крестьянина явился благодѣтель, крикнувшій: брось вертѣть; а какъ остановить тысячеглавую несообразительность? Измѣнить это можетъ не прикиженная школа, а дѣйствительная, европейская наука. Только при ея помощи люди поймутъ разъ навсегда что благодатное призваніе государства заключается въ охранѣ права и обязательной справедливости, а никакъ не въ благотворительности, лежащей потому въ области дичаго лочина. Благоворить можно только на свой счетъ, а это можетъ сдѣлать только оедѣльное лицо, уцербивъ добровольно свой интересъ для радости благотворенія.

Прислушайтесь къ воплямъ нашей интеллигенціи и спросите: чего она хочетъ? Она хлопочеть о подъемѣ земледѣлія, какъ главнаго источника народнаго и государственнаго богатства. Она говоритъ: подвигается хлѣбная торговля, повышается и курсъ нашихъ денегъ, вся внутренняя хозяйственная дѣятельность и заработки. Это помялъ Бисмаркъ, и хотя половина прусскаго населенія не производитъ, а покупаетъ хлѣбъ, а онъ тѣмъ не менѣе, не взирая ни на какіе воли, искусственно подымалъ цѣну на хлѣбъ. Это по крайней мѣрѣ послѣдовательно. Но стремиться къ подъему земледѣлія и стараться всѣми мѣрами отрывать отъ него руки, говоря что крестьяне при хорошихъ цѣнахъ на хлѣбъ накупаютъ на мѣсто лавшаго отъ голоду скота—новаго и тѣмъ не менѣе хлопотать о подиженіи хлѣбныхъ цѣнъ—ло мадой мѣрѣ несообразно. Земледѣлецъ покулающій хлѣбъ болѣе не земледѣлецъ; питающійся же собственнымъ хлѣбомъ не боится его дороговизны, которая, вслѣдствіе возвышенія стороннихъ заработковъ, ему же на пользу. Въ Россіи, вслѣдствіе климатическихъ условій, 3 ф. хлѣба нормальное количество въ день на человѣка. Еслибы хлѣбъ былъ не только по 3, но даже 5 копѣекъ за ф., то и тогда человѣкъ не могушій заработать 15 коп. не можетъ считаться нормальнымъ, такъ какъ всякая дѣвченка

въ деревнѣ зарабатывать отъ 20 до 25 копѣекъ, а на московскихъ фабрикахъ до 50 и болѣе копѣекъ въ недѣлю. Въ столицахъ и въ городахъ населеніе состоитъ изъ капиталистовъ съ одной и професіоналистовъ съ другой стороны, считая въ послѣднемъ числѣ чиновниковъ, мастеровыхъ и рабочихъ. Мастеровые свидѣлствуютъ что дорогое на хлѣбъ время, по увеличивающемуся спросу на работу, для нихъ выгодно. То же относится къ городскому рабочему. Нельзя предположить чиновника получающаго менѣе 15 коп. въ сутки. Остаются люди бѣгущіе въ городъ отъ сельскихъ работъ и ихъ весьма много, промышляющихъ сомнительными занятіями и просто попрошайствомъ, если не воровствомъ. Нельзя сравнивать положенія этихъ людей съ положеніемъ заграничнаго пролетаріата, который бы и радъ работать, да негдѣ. А нанимающій рабочаго платитъ и за его содержаніе, и за рабочій къ нему не лойдетъ. Устраивать доровыя же жилища и кухни значить искусственно привлекать людей бѣгущихъ отъ производительнаго труда въ ущербъ трудящимся. Извѣстно что законъ К. Гракха о даровой раздачѣ хлѣба породилъ пролетаріатъ, равнымъ образомъ давить на естественныя цѣны хлѣбнаго рынка значить искусственно создавать въ данномъ мѣстѣ дороговизну: ибо кто же повезетъ хлѣбъ на такія условія? Повторяемъ: благотворительность *дѣло высокое*, но частное, косящее награду въ самомъ себѣ, а никакъ не въ облагодѣтельствованномъ. Никто не станетъ жаловаться на то что купилъ мало земли, хлѣба и т. д.; но если вы даете что-либо даромъ, то сейчасъ возникаетъ вопросъ: почему вы не дали вдвое? Получить наследство и говорить мало; получить стипендію—тоже мало. У насъ толкуютъ о какомъ-то давленіи капитала на трудъ. Но гдѣ же, у какихъ земцевъ эти мнѣшескіе капиталы? Тамъ, гдѣ народъ имѣетъ средства бросать на гибельную прихоть лѣнства 600 милліоновъ, причѣмъ убьетъ своего же добра на двойную сумку, трудно бороться съ такимъ капиталистомъ. Это, за исключеніемъ торговли предметами роскоши, знаетъ вся промышленность, выдавая главнаго потребителя въ крестьянинѣ. Только съ него наживаются милліоны, по пословицѣ, „съ міру по виткѣ голому рубашка“.

Съ другой стороны, можно указать владѣльческія экономіи во сто двадцать тысячъ десятинъ земли, въ которыхъ, кромѣ множества управляющихъ, въ центральной конторѣ сидятъ

чиновника въ бѣлыхъ галстукахъ; а въ экономической кассѣ двурисенный. Съ такимъ капиталомъ не кулчась и курчась, такъ какъ и она отбить тридцать копѣекъ.

Отглянувшись на все нами изложеное, безпристрастный читатель въ правѣ спросить: какъ же при всей этой неурядицѣ страна еще дышетъ, кормится и въ общемъ спокойна? Какой народъ въ состоянн жить при подобныхъ условіяхъ, когда экономическое воздержаніе и мирный настойчивый трудъ обнищаютъ въ грабительствѣ, а безшабашное пьянство и связанное съ нимъ нерадѣніе къ своему и чужому имуществу находятъ поощреніе и всевозможную защиту?

Отвѣтивъ на послѣдній вопросъ словами: *Русскій народъ*, мы въ сущности отвѣчаемъ и на первый. Въ отдаленномъ челоѣкѣ, какъ и въ цѣломъ народѣ, поступки составляютъ только проявленія его образа мыслей, его міросозерцанія, каково бы оно ни было. Опираясь на факты можно смѣло сказать что ни у одного народа его историческое міросозерцаніе не сдвигается до такой степени со всемъ его бытіемъ какъ у нашего. Этому тысячелѣтнему живительному міросозерцанію мы обязаны нашимъ современнымъ дыханіемъ. Имъ мы пока живы, вопреки повому разлагавшему. Мы соросили съ тендера вѣсь дрова и накакали сырого торфа, и движемся, вопреки охлаждающему дѣйствию торфа, старыми лиломъ и накатомъ. Народъ еще не вѣрнулъ лодкой беззаказности заа. А что наше народное міросозерцаніе тверже такого же другихъ народовъ—кидается въ глаза.

Едва Французскій народъ предъ первою революціей почувствовать безсиліе власти, какъ во всей странѣ велькнула безлощадная анархія. До фанатизма католическнй и предаваемый *горячо любимому* (bien aimé) королю народъ пассивно смотрѣлъ какъ горсть изверговъ лублично казнила царственную чету и, свергая священныя лики, указывала на лубличную жемчужну какъ на богиню разума. Мыслимо ли что-либо недобное въ средѣ нашего народа? Невозможность всего этого лучше всѣхъ знаютъ наши враги, которые, зная что лощадн въ крайнемъ случаѣ защититъ ихъ отъ врыва народнаго негодования и тѣтено перехода отъ злодѣйства къ злодѣйству, отъ поджоговъ къ отравленію и убійствамъ, раскидываютъ въ народъ фальшивыя прокламаціи отъ имени царя, этого по народному міросозерцанію единственнаго источника власти и закона.

Но что же дѣлать? спросятъ люди искренно желающіе блага народа и педъема страны. Что дѣлать, чтобы нашъ народъ при новомъ топливѣ ломчалъ ловадъ съ прежнею силой? Прежде всего *ничего не дѣлать* въ смыслѣ новыхъ отчаянныхъ домокъ и повольныхъ мѣропріятій не оправданныхъ никакимъ опытомъ. Высушите только вашъ вододѣ торфѣ на общемъ красномъ солнышкѣ народнаго міросозерцанія, на которомъ высохли прежнія дрова, и вы увидите что торфѣ дѣйствительно горитъ жарче дровъ и въ работѣ не хуже прежняго топлива. Лозунгомъ реформы была свобода и равенство предъ закономъ. Держитесь этого лозунга въ здравомъ его значеніи указываемомъ наукой. Не стѣсняйте свободу труда ни въ какой безобидной и лотому законной его формѣ. Не навязывайте никому не экономически-дурнаго ни хорошаго. Свободный человекъ самъ същещетъ хорошее, зная что никакой олекувъ не придетъ его выручать. Не соблазняйте народа безразличными приманками разгула и патентами на ничего недѣланіе. Откажитесь на дѣйствительность.

Въ Россіи, напрімѣръ, за малыми исключеніями, дѣлать много и плохо и не чувствуютъ потребности въ хорошемъ столѣ. Повтому ловара вымираютъ, а кухарокъ порадочныхъ нѣтъ; но явилась настоящая потребность въ паровыхъ молотилкахъ и это дѣло возрастаетъ, несмотря на то что оно послужило и покалительнѣй кухоннаго. Откуда вездѣсь машинисты? Конечно не изъ бракованныхъ желѣзнодорожныхъ, а свои деморощенные, смышленные столары дѣ слесаря. И такъ все. Не запрещайте никому ни пріобрѣтать, ни продавать собственность, изыскивая цной промыселъ цад мѣстность. Но пусть на основаніяхъ полнаго собственника онь отвѣчаетъ за свои долги и обязательства, а равно и за новое предпріятіе. Человекъ продалъ въ Пелтавѣ свою землю и находитъ выгоднымъ кулить въ пять разъ болѣе въ Самарѣ. Въ добрый часъ. Но пусть онь не спросясь броду не суется въ воду или въ безводіе, въ надеждѣ что его придутъ выручать изъ неосмотрительнаго шага. Кто же пересѣляется не пріявляя ничего во вниманіе? Англичане, Нѣмцы, Американцы сперва осматриваютъ мѣстность, даже въ пустынѣ остолобятъ свое владѣніе, добудутъ воду, а затѣмъ уже ждутъ успѣха.

Если вамъ дѣйствительно дорого благосостояніе отечества, то возьмите прімѣръ со всякаго хорошаго хозяина, земледѣ

дѣльца, фабриканта, кулца. Развѣ кто-либо изъ нихъ доверитъ дѣло человѣку неизвѣстному со стороны специальности и нравственности? Предлагайте имъ даромъ вашихъ латантованныхъ управляющихъ, техниковъ, повѣренныхъ, они окерфѣ закроютъ лавочки чѣмъ пойдутъ на подобный рискъ. По аналогіи съ этимъ возможно ли чтобы министр не зналъ лично своихъ ближайшихъ помощниковъ, а губернаторъ служебнаго персонала губерніи? Безъ такого знамя никакой успѣхъ невозможенъ. На подобныхъ постахъ мало быть честнымъ человѣкомъ, необходимо стоять на высотѣ общечеловѣческаго образованія (humanity) чтобы обозрѣвать весь государственный механизмъ, начиная съ руководящихъ ученыхъ до частной жизни мелкаго дѣльца, а не уподобляться завѣдующему извѣстною частью машины, старающемуся увеличить свое колесо въ объемъ, не взирая на то что, потерявъ соответственный размѣръ, оно ломаетъ всю машину. Никакое джеученіе не можетъ поколебать такого арбаго дѣльца. Онъ достаточно силенъ въ мышленіи для того чтобы тотчасъ найти софистическую прорѣху умовакаменія.

Мы такъ привыкли ко всякимъ софизмамъ на словахъ и въ дѣйствиі что самыя рѣзкія несообразности кажутся намъ явленіями нормальными. Такъ, напримѣръ, въ январѣ прошлаго года весь Петербургъ, слившись въ одно съ сочувствіемъ, хоронилъ Достоевскаго. Ко гробу его протягивались съ вѣтвями руки истинныхъ слугъ Царя и Отечества и руки враговъ ихъ. Тѣ и другіе чтли въ усопшемъ своего героя. Развѣ это не софизмъ въ дѣйствиі? Люди порядка чтли въ Достоевскомъ тяжело-выстраданные призывы любви къ дѣйствительному обществу и преуславію. Не тотъ смыслъ имѣли овадіи нашихъ слабоумныхъ революціонеровъ. Порадая послѣднее направленіе Достоевскаго, они чествовали въ немъ бывшаго сынаваго. Его погребеніе было для нихъ какъ бы сборнымъ пунктомъ; нужно было доказать что вотъ мы всѣ налицо. И точно, прошелъ мѣсяць со дня торжественныхъ похоронъ человѣка почувствовашаго русскимъ сердцемъ великое для русскаго чловѣка слово: *царь*, какъ совершилось гнусное злодѣйство, возбуждавшее отвращеніе вселенной. Можно сказать, еще наканунѣ своей смерти, Достоевскій въ *Дневникѣ Писателя* умолялъ власть имѣющихъ приступить къ оживленію *корней* народнои жизни. Нельзя не сочувствовать его увѣщаніямъ. Под-

разумѣвая людъ кормями то же что и онъ, мы все-таки остаемся при мнѣніи, что *дѣлать* тутъ ничего не надо въ смыслѣ изысканія новыхъ началъ. Да и Достоевскій указывалъ въ томъ же направленіи. Наши корни живы, хотя сильно распатаны, надо только устранить дальнѣйшее ихъ распатываніе и полить ихъ. Народное міросозерцаніе неразрывно съ народною религіею. Если во всякомъ дѣлѣ важнѣе всего выборъ дѣятелей, то тѣмъ болѣе въ опредѣленіи пастырей народа. Такое мѣсто должно занимать лицомъ вполне его достойнымъ, а не тѣмъ кто рѣшится жениться на безобразной дочери бывшаго священника. Пастырь долженъ, какъ въ дѣломъ мірѣ, идти на это мѣсто по призванію, приготовленній серіознымъ философскимъ и гуманитарнымъ образованіемъ и нравственнымъ воспитаніемъ. Какъ можетъ православный священникъ услѣпно защищать чистоту евангельскаго текста, когда не въ силахъ понимать оригинала? и какое уваженіе можетъ онъ внушить въ средѣ болѣе развитой, когда станетъ утверждать что въ лѣсу изготовлены не кубическія сажени дровъ, а *квадратныя*. Не даромъ народъ говорить: „не уча, въ лопы не ставятъ“. Дѣйствительно, ихъ предварительно учили и учатъ въ семинаріяхъ, разсадникахъ будущихъ духовныхъ отцовъ. Но чему и какъ? это всего лучше разказывали сами писатели-семинаристы. Гдѣ тутъ хотя тѣнь здраваго умственного или нравственнаго развитія?

Еще за полстолютія, Кюстинъ, практическимъ глазомъ Француза взглянувъ на такое положеніе вещей, сказалъ: если въ Россіи будетъ революція, то она выйдетъ изъ духовныхъ семинарій. Излишне указывать до какой степени оправдались слова опытнаго въ революціонномъ дѣлѣ Француза. Чья же тутъ вина? Конечно того же крѣпостнаго порядка, внушившаго историческое презрѣніе къ дѣйствительному труду, обязательному для раба, тогда какъ свободному доставалось одно *dolce farniente*. Но въ государствѣ, гдѣ всѣ свободы, нѣтъ болѣе уважительнаго труда, а уважительна только говьба за мѣстомъ которое не по силамъ искателя. Тамъ гдѣ нуженъ лишь патентъ, а не дѣйствительное знаніе, повѣяно что родители, боясь потери времени для карьеры, подкупаютъ учителей чтобы сынъ ихъ былъ принятъ въ высшій классъ, не соответствующій его познаніямъ. Но когда, за отсутствіемъ патента, останется въ

виду одно знаніе, подкуль станетъ возможнымъ развѣ въ противоположную сторону, изъ страха потери времени надъ непосильнымъ трудомъ. Съ отмѣной патента исчезнетъ и поводъ требовать классическаго образованія отъ юноши къ нему неспособнаго. Но развѣ нѣтъ ничего кромѣ ученой карьеры и университетскаго образованія? „Могіи вмѣстити да вмѣстити“, а государство и частный человѣкъ сами разберутъ какихъ выбирать себѣ спеціалистовъ.

Свободная наука, наравнѣ со свободнымъ искусствомъ, составляетъ духовную потребность развитаго человѣка, не имѣя, по выраженію Шиллера, ничего общаго съ *дюжесю короной снабжающею масломъ*. Хочешь слушать оперу или лекцію—плати. Нѣтъ денегъ—отличись въ школѣ успѣхами и нравственностью и продолжай высшее образованіе на заслуженную стипендію. Тогда она твое право, а не нищенство.

Равнымъ образомъ нѣтъ надобности ломать нашихъ судовъ, утратившихъ всякое довѣріе правительства и народа. И здѣсь бѣда не въ судахъ, а въ томъ духѣ который внесемъ въ нихъ гоньбой за патентами, съ приниженіемъ образованія. Знаете ли вы вашего предсѣдателя, прокурора, слѣдователя? Если знаете—дѣло въ достойныхъ рукахъ. Если не знаете—никакіе циркуляры не спасутъ отъ ежедневныхъ скандаловъ. Если эти дѣятели только дюжинные чиновники, у которыхъ за скуднымъ развитіемъ голова набита чужими умными словами, если они сами могутъ сомнѣваться хоть напимѣръ въ охранительномъ значеніи наказанія, то какой же отъ нихъ ожидать дѣятельности? Что касается нашихъ присяжныхъ, то они и такъ по пословицѣ: „кто изъ-подъ борка, а кто изъ-подъ сосенки“ и часто по неразвитію не въ силахъ ловить даже въ чемъ вопросъ. Но гдѣ дѣло идетъ о будничныхъ преступленіяхъ: воровствѣ, убійствѣ, мошенничествѣ, присяжные крестьяне отличаются своимъ здравомысліемъ, благодаря устойчивости своего міросозерцанія. Мы слышали про отчаяніе московскихъ адвокатовъ, ловившихъ къ елецкимъ присяжнымъ крестьянамъ. Ни одного оправдательнаго приговора. А какъ соберется квази-интеллигенція, то напимѣръ въ Тулѣ бабу зарѣзавшую мужа за то что онъ хралѣлъ во снѣ выпускаютъ съ коллежтомъ со стороны публики, а Засуличъ съ триумфомъ выносятся на рукахъ. Если вы хорошо знаете кто у васъ предсѣдаетъ, а онъ твердо убѣжденъ что

онъ хозяинъ суда, то какъ же можетъ онъ дозволить защитѣ хотя на мигъ уклониться отъ законности, вопреки здравому смыслу? Какъ можетъ дозволить невозможную и ни къ чему не ведущую экспертизу какихъ-то аффектовъ или широко-вѣщательную клевету на человѣка посторонняго разбираемому преступленію? Не слушаетъ,—лишилъ слова, и некуда жаловаться. Но если и послѣ принатія мѣръ противъ склоненія несамостоятельныхъ присяжныхъ въ незаконную сторону послѣдніе все-таки рѣшаютъ дѣло въ явный ущербъ правды, то вашъ прокуроръ, этотъ стражъ закона, обязанъ протестовать, и дѣло не должно считаться оконченнымъ до разбирательства въ высшей инстанціи. Если вы признали совершеніе преступленія и въ безсознательномъ положеніи, то преступникъ избавленный отъ ссылки долженъ быть переданъ въ сумашедшій домъ, для огражденія общества отъ новыхъ его аффектовъ. О земской юстиціи мы уже говорили. Знайте кто таковъ вашъ мировой судья, а губернаторъ и тѣмъ болѣе предводитель должны будутъ его знать, коль скоро отъ нихъ потребуютъ этого. Дайте этому судѣ кругъ дѣйствія и власти первыхъ мировыхъ посредниковъ, и все пойдетъ отлично, какъ шло при нихъ. Здѣсь нельзя не оглянуться на Тѣна и не сравнить добросовѣстнаго, но кабинетнаго законодательства съ практическимъ примѣненіемъ закона, добытаго исключительно логическимъ путемъ. Послушаемъ соображеній законодателя. Охраненіе полицейскаго порядка лежитъ на государствѣ, которое желаетъ чтобы всякое преступленіе по должности разсматривалось публично высшимъ судомъ, хотя бы преступникъ стоялъ на высшей ступени іерархической лѣстницы. Государство не хочетъ укрывать злоупотребленій своихъ чиновниковъ, а отдаетъ ихъ на судъ общественнаго мнѣнія. Справедливо и великодушно. Но вотъ, въ ваше отсутствіе, въ усадьбу приходитъ льяный сотскій съ лалкой и передаетъ прикащику, наблюдающему близъ конторы за кладкой каменной стѣны, запечатанный и вскрытый конвертъ, требуя при этомъ на полштофа.

— Нѣтъ у меня денегъ тебѣ на полштофа.

— Какъ нѣтъ? Мы изъ-за этого и служимъ.

— Это твое дѣло.

— А это что за люди работаютъ? Давайте паспорты!

— Наши паспорта у подрадчика.

— Дайте паспорта, и съ этими словами пака сотскаго нацидаеть ходить по рабочимъ, кричащимъ прикащику:

— Видите, что намъ дѣлать?

— Да вы вырвите у него паку-то!

— А, такъ ты учишь меня бить? Давай расписку что получилъ конвертъ.

— Сейчасъ.

Въ то время когда прикащикъ пишетъ расписку, вошедшій въ конторку сотскій бросается на него, нацидаеть душить его за горло и царалать ему лицо. На крикъ вбѣгаютъ рабочіе и прогоняють сотскаго. Вы вернулись домой. Что вамъ дѣлать? Вы жалуетесь прямому начальнику сотскаго—цсправнику, живущему за сорокъ версть въ уездѣ. Дѣло о преступленіи по должности переходитъ къ судебному слѣдователю. Между тѣмъ (черезъ шесть недѣль) каменьщики, главные свидѣтели, ушли неизвѣстно куда. Слѣдователь два раза требуетъ къ себѣ за двадцать лять версть обиженнаго прикащика и случайную свидѣтельницу шестидесятилѣтнюю старуху безотлучно находящуюся при убогой семидесятилѣтней больной. Свидѣтельница при предварительномъ дознаніи очевидно говорить: куда я поѣду, а ничего не видала, и только слово *грѣхъ* заставляеть ее показать что она слышала какъ предъ ея окномъ кричалъ и шумѣлъ пьяный сотскій. Вотъ всѣ данныя которыя можно было собрать по истеченіи шести недѣль, при крайнемъ безпокойствѣ потерпѣвшаго и свидѣтельницы. Можно ли будетъ удивляться если окружный судъ найдетъ преступленіе по должности недоказаннымъ, а простить (по Шолленгауеру) значитъ желать повторенія проступка. Между тѣмъ дѣло безъ кабинетнаго вздувія очень просто. Сотскій, не зирая на должность, мужикъ, и его идеаль—водка. Пьяному море по колено. Подчищенный мировому судѣ-посреднику онъ на другой же день былъ бы смѣненъ какъ сотскій и наказанъ въ долости какъ крестьянинъ, а всѣ сотскіе цѣлаи бѣ это въ виду, такъ что подобный случай предупредилъ бы тысячи безобразій.

Выше мы говорили объ одномъ изъ корней, то-есть о религиозно-нравственномъ направленіи грамотности въ частности и о воспитаніи вообще. Наглядный опытъ у всѣхъ предъ глазами. Тамъ гдѣ, какъ на примѣръ у старообрядцевъ, служители культа не могутъ сложать народъ изъ корыстныхъ

видовъ къ уличному празднованію подъ всѣми возможными предлогами, богопочитаніе уходитъ съ улицы во внутрь дома и души. Число праздниковъ ограничено и праздникъ является серьезнымъ домашнимъ успокоеніемъ, а не уличнымъ, безшабашнымъ льянствомъ по цѣлымъ недѣлямъ. За то и благосостояніе крестьянъ этого пошиба далеко превосходитъ не только таковое же нашихъ православныхъ, но и всякихъ заграничныхъ мелкихъ собственниковъ. Серіозное исконно-русское возрѣніе на семью воздерживаетъ отъ раздѣловъ и роскоши. Старообрядецъ сѣръ, но покупаетъ заводскую матку въ 200, 300 рублей и не охнетъ; чуть выродились сѣмена, покупаетъ по дорогой цѣнѣ новыя и т. д.

Мы говоримъ что наши корни еще глубоко таятся въ нашей народной почвѣ, что ими-то и держится государство, вопреки налету чуждыхъ вѣяній, и что не нужно вырывать, а необходимо полить. Крестьянинъ, вопреки ежедневному опыту, не привыкъ еще вѣрить чтобы преступленія могли оставаться безнаказанными.

Въ параллель съ духовнымъ корнемъ приходится указать на другой, матеріальный, на наше сельское хозяйство. И тутъ мы, не отступая отъ нашей темы, утверждаемъ что не нужно ничего дѣлать вновь, а слѣдуетъ безотлагательно полить старые, природные корни, пока они совершенно не замерли. И тутъ всѣ руководящія государственныя силы, переходя изъ области мечтаній въ область насущной дѣйствительности, изъ области желательнаго въ область обязательнаго, должны совершенно забыть слово *дай*, замѣнивъ его повелительнымъ *не бери* чего тебѣ не слѣдуетъ. Самое слово *дай* въ смыслѣ: подари въ противорѣчій съ повелительнымъ всякаго закона: *не бери*. Шолленгауеръ рисуетъ карриатуру изображающую человека вытягивающаго самого себя за волосы изъ болота, съ подписью подъ картинкой: *сауса зні (собственная причина)*. Такая карриатура только иллюстрація всѣхъ воплей обращенныхъ къ цѣлому народу: *дайте нашему народу то или другое!* Но кто же долженъ тащить-то изъ болота? Тотъ же народъ: *сауса зні*. Допустимъ невозможное. Предположимъ что вмѣсто безпомощныхъ земцевъ сидятъ гдѣ-то несущестующіе благодѣтели капиталисты, готовые давать народу хорошія сѣмена и хорошихъ животныхъ, въ которыхъ у нихъ самихъ такой избытокъ. Кому же дадутъ они лаемнаго альгаузскаго быка? что съ нимъ станетъ дѣлать крестьянинъ

или крестьянское общество? Дайте уже кстати и теплую конюшню, на круглый год овса и опытного скотника. Безъ этого быкъ всѣмъ перебьетъ, а самъ къ веснѣ зачахнетъ. То же съ жеребцомъ, котораго надо гонять на кордѣ и т. д.; то же съ сѣменами, которыя надо сортировать, чего доплатой не отдаешь. Мало того, вы дали сѣмена идеальному мужику, а реальный прямо изъ магазина свезъ въ кабакъ, какъ это бываетъ сплошь да рядомъ. Давая такому хозяину, вы прежде всего должны его самого прогнать, поставивъ на его мѣсто идеальнаго, который, получая цѣнности даромъ, превратится еще въ худшаго реального. Итакъ, если хотите чтобы дары ваши не пропали, давайте ихъ богатому хозяину, которому они принесутъ действительную пользу, если цѣлесообразны. А лучше и такому не давайте. Такой, хозяинъ день и ночь самъ помышляетъ о приобритеніи всего этого и не дождь и не дождеть чтобы добыть желаемое. Вы только не стѣсняйте для него путей приобритенія необходимыхъ въ новомъ положеніи вещей, напримѣръ паровыхъ молотилокъ, безъ которыхъ всякое мало-мальски значительное хозяйство теперь убого. При этомъ помните что ваши техники никогда не могутъ быть помощниками нашихъ хозяйствъ. Вашему механику надо въ годъ 1.000 рублей; а нашъ живетъ на 120 руб., и то надо имѣть много умѣнія чтобы сводить концы съ концами. Пишутъ о дешевизнѣ и удобствѣ мальцовскихъ паровыхъ молотилокъ. Испытавшіе ихъ въ работѣ хозяева облагодѣтельствовали бы страну обнаруженіемъ результатовъ. Дай Богъ! Въдъ на этомъ пути предъ механическимъ заведеніемъ обогащеніе.

Вы желаете спасти страну отъ лѣсоистребленія. Но почему вы предполагаете что вамъ однимъ дороги лѣса, а лѣсовладѣецъ непрямо къ вамъ равнодушенъ? Зачѣмъ вы забываете что лѣсъ сохраняется только тамъ гдѣ лѣсной сторожъ полный въ лѣсу хозяинъ и безапелляционный судья? Возможно ли лѣсо-сохраненіе тамъ гдѣ сторонніе могутъ придти и избить сторожа, которому ружье помѣшаетъ обороняться и у котораго, въ случаѣ жалобы на увѣчье, судъ потребуетъ стороннихъ свидѣтелей?

Но лѣса къ сожалѣнію не вездѣ, а поля со спеціальнымъ земледѣіемъ всюду и поэтому вопросъ о послѣднемъ составленъ коренной вопросъ о народномъ богатствѣ. Въ послѣднее время даже печаль, занимающаяся у насъ болѣею частью

фермерами, стала подымать этотъ вопросъ, догадавшись въроятно что *primus vivere deinde philosophari*. Есть даже премія на указаніе лучшаго способа веденія фермерскаго хозяйства. Но какъ понимать вопросъ о наилучшемъ способѣ? Если это вопросъ общій, то отвѣтъ легокъ. Наилучшимъ способомъ удобрять и воздѣлывать землю, сѣять отборными сѣменами и вовремя собирать и продавать урожай. Если же вопросъ мѣстный, народный, то онъ предполагаетъ указаніе наилучшаго способа изъ множества другихъ менѣе надежныхъ и выгодныхъ. Въ этомъ смыслѣ у насъ при существующихъ порядкахъ онъ кониченъ не менѣе вопроса: какой въ виду наступившей весны наилучшій мостъ сѣдется строить на тающемъ льду? Сельское хозяйство всюду является операцией своей природы большихъ результатовъ микроскопическими средствами что обычный расчетъ наглядной выгоды не можетъ въ немъ служить критеріумомъ. Напримерь:—Какже тебѣ, Федоръ, говоримъ мы красавцу ларию-поденщику въ александрійской рубахѣ и щегольскихъ сапогахъ,—не стыдно такому молодцу да не имѣть лошади въ хозяйствѣ?—„А мало ли насъ теперь такихъ? И на что она мнѣ? У меня по одной десятины въ клину. Отдамъ я ему вспахать да посеять по два рубля за десятину—всего четыре рубля, что у насъ же въ десять дней заработаю; а развѣ можно прокормить лошадь за четыре рубля? да сколько къ ней надо сбруи: телѣгу, соку, сани и т. д.“ Смѣтливый Федоръ могъ бы примѣнить свой расчетъ и къ болѣе крупному хозяйству и доказать что самый опытный скотоводъ, ну хоть бы коннозаводчикъ, можетъ поблагодарить Бога если изъ году въ годъ проточетъ со своимъ заводомъ воду безъ убытка. Весь его барышъ состоитъ въ превращеніи гуменнаго корма въ удобреніе, котораго можно взять негдѣ и безъ котораго станешь проживать не только доходъ, но и самый капиталъ въ видѣ производительности земли.

Утверждая что крѣпостное право убило инициативу труда, мы ни на секунду не дѣлаемъ изъятія въ пользу того или другаго прикосновеннаго къ нему сословія. Та же причина привела тѣхъ и другихъ къ одинаковому результату. Вѣра въ бисекуру земли ведетъ за собой раздробленіе владѣній. Если земля только орудіе производства, то ея нельзя дробить не уничтожая ея силы, какъ нельзя дробить плугъ, лошадь,

вела; но если она синекура въ родѣ денежныхъ знаковъ, то раздѣляема до дробнѣйшихъ частей. На практикѣ, рабочий обрабатываетъ по пяти десятинъ въ клину. Баринъ, у котораго въ клину пять десятинъ, долженъ или собственноручно воздѣлывать поле, или не выдерживать конкуренціи съ крестьяниномъ обрабатывающимъ одну десятину у себя и четыре на сторонѣ. И баринъ вынужденъ будетъ заложить и продавать свою землю, что онъ и дѣлаетъ.

Есть только два выхода изъ безобразнаго экономическаго положенія: вверхъ и внизъ. Надо или увеличить приходъ, или уменьшить расходъ, гдѣ первое невозможно, требуется второе. Конечно, пріятнѣе въ теплой комнатѣ шить салоги чѣмъ вытаскивать изъ заборы возъ съ подмоченнымъ хлѣбомъ. Но, во первыхъ, надо умиѣть шить салоги, а во вторыхъ, не начинать ремесла въ которомъ за отсутствіемъ спроса голодаютъ. Многія тысячи нашихъ дворянъ, съ вѣрой въ земельную синекуру, ничему не учились, а дѣлались. Такъ сумѣли они съ давнихъ лѣтъ проспать не только средство къ жизни, но и свои родословныя и превратились въ одноворцевъ. Изъ двора во дворъ ихъ цѣлыя селенія мичимъ не отличающихся отъ крестьянъ и тяготящихся званіемъ, убыточнымъ, по словамъ ихъ, обязательностью ходить въ салогахъ, а не въ лаптахъ (sic). Но у нихъ сыновья и дочери. Куда съ ними дѣваться? Приданое немыслимо. И вотъ эти дочери за счастье считаютъ выходить замужъ за дворовыхъ или мастеровыхъ, причемъ темный остатокъ слѣси нерѣдко вредитъ дѣлу. Если подняться въ слои владѣльцевъ средней руки, то здѣсь мнимыя потребности цивилизаціи, при старомъ крѣпостномъ возрѣніи на трудъ, заставляютъ искать казенныхъ и общественныхъ должностей и сваливать всѣми средствами воспитаніе дѣтей на казенный или общественный счетъ, въ видахъ возобновленія служебной синекуры. Если къ этому присовокупить неломѣрное, искусственное привлеченіе всѣхъ слоевъ общества къ вождѣйной чиновничьей синекурѣ, подъ громкогласнымъ предлогомъ научнаго образованія, идущаго рядомъ съ приращеніемъ и отрицаніемъ дѣйствительной науки, да вспомнить, сколько рукъ должно было у земледѣла отнять естественное развитіе желѣзныхъ дорогъ и связанныхъ съ ними производствъ, то дѣлается понятнымъ что всѣ эти преуспевающія въ болѣе легкой промыселъ личности становятся ногами на головы своихъ поживуныхъ собратій землет

дѣльцевъ, не перестающихъ быть первыми двигателями народнаго благосостоянія. Становится понятнымъ крайній недостатокъ земледѣльческихъ рукъ, доводящій стоимость уборки до готовности бросить цѣлый, драгоценный урожай на произволъ стихій. „Нѣтъ рукъ, скажете вы; надо добывать руки“. Но и въ этомъ, какъ во всѣхъ корейныхъ вопросахъ, нужно продираться сквозь дебри мѣтвой, навѣянныхъ нашею журналистикой, незнакомою ни съ какимъ обсуждаемымъ ею дѣломъ. Только подобнымъ вѣяніямъ можно приписать офиціальную сдачу заграницнымъ капиталистамъ горныхъ промысловъ, подъ условіемъ не приводить иностранныхъ рабочихъ. Почему? Если правительство, за отсутствіемъ въ странѣ капиталовъ и знанія, сдаетъ мертвый капиталъ подъ разработку способную обогатить наше отечество и ставить при этомъ условія ограждающія насъ отъ эксплуатаціи—это понятно. Но воспрещать въ безрукую страну ввозъ рукъ, могущихъ не только способствовать разработкѣ сырья въ нашу пользу, но и обучать нашихъ рабочихъ спеціальному труду,—это понять трудно. Дайте нашему земледѣлію не земли, а 20 милліоновъ свободныхъ рабочихъ и результаты не заставятъ себя ожидать. Всѣ эти рабочіе, получая годовое содержаніе и плата ничтожное двухрублевое подушное, получать приличное жалованье и не будутъ пьянствовать, потому что конечно имъ уже никто не дастъ ни колѣйки впередъ подъ будущую работу. Такой рабочій не станетъ считать сперва задаточныхъ денегъ, а затѣмъ своей обязательной работы даровыми, да стараться праздничными прогулками удвоить цѣну невозвратнаго рабочаго дня. Понятно что въ странѣ изобилующей руками отрывать людей отъ спеціальности для другой, мовой, значить съ одной стороны облегчить жребій остальныхъ дѣателей первой спеціальности, а съ другой, доставить болѣе продуктивный трудъ представителямъ мовой. Совершенно обратное дѣйствіе производитъ такой приемъ при малолюдствѣ. Крестьянская баба одѣвала и холстомъ и сукномъ не только свою семью, но всю страну и даже войско. Фабрикають, кормя пригородныхъ крестьянъ, суетъ бабамъ и болѣе дорогія и менѣ прочныя ситцевыя рубашки. Что же дѣлаетъ баба цѣлую зиму? Ничего. Да и дѣлать ей не отъ кого, потому что она на всю избу одна. А вѣдь это одно изъ самыхъ выгодныхъ *кустарныхъ производствъ*, о которыхъ вы такъ хлопочете и которыя сила вещей гонитъ въ отставку.

Русская пословица говорит: „дураки любятъ красное“. Эту пословицу можно перевести: развитые люди любятъ прочное удобство, а дикари любятъ жить на показъ мишурною роскошью. На эту-то новѣйшую слабость нашего народа вообще ловятъ насъ смышленные люди. Намъ прежде всего хочется съ виду походить на Европейцевъ и съ параднаго крыльца да на улицѣ мы горимъ какъ маковъ цѣвтъ, а загляните въ наши жилища помѣщенія, кухни, конюшни, и увидите что не осталось и тѣни прошлаго. Загляните въ земскіе отчеты и вы убѣдитесь что вслѣдствіе преобладающаго количества крестьянскихъ земель поземельный сборъ приходится преимущественно съ крестьянъ. Итакъ *дайте* крестьянину значить: возьмите съ крестьянина еще больше и тогда онъ процвѣтетъ. Читатель сообразившій все нами сказанное давно убѣдился что наши народолюбцы не рекомендуютъ ничего другаго какъ: разорай земледѣльческой бытъ всеми мѣрами, и тогда Россія зацвѣтетъ.

„Безъ хозяина товаръ сирота“. А наше сельское хозяйство уже 20 лѣтъ сиротствуетъ не въ силу какой-либо исторической необходимости или народной особенности, а только во имя кабинетныхъ тенденцій на социалистической подкладкѣ. Увѣряютъ на всѣ лады что русскій человекъ любитъ фаланстеръ и общинное владѣніе и питаетъ де ненависть къ личной собственности; вотъ мы де изъ любви къ нему и залерли ему всѣ выходы изъ его эдема. Да вы попробуйте приотворить ворота чтобъ убѣдиться точно ли онъ любитъ вашъ рай.—Ахъ! что вы? мы и 163 лазейку стараемся захлопнуть, а то въ нее то и дѣло стали выскакивать: а отвори ворота, всѣ разбѣгутся.—Какъ? изъ рая-то? Но не тревожьтесь лопалпрасну. Многіе дѣйствительно, коли не всѣ, убѣгутъ изъ общины, но не съ земли, которою тогда только и стануть дорожить дѣйствительно, когда явится возможность потерять ее вслѣдствіе собственнаго нерадѣнія. Продадутъ ее только тѣ которымъ землевладѣніе не по плечу. Тутъ только стануть выясняться и устанавливаться настояція свободныя отношенія земледѣлія къ землевладѣнію и разсѣется тотъ хаотическій мракъ который налущенъ мнимыми народолюбцами на эти отношенія. Исчезнутъ страшныя и жалкія слова, представляющія мужичка то совершеннымъ идиотомъ, то какимъ-то неслыханнымъ каннибаломъ. Исчезнетъ жестокое слово *кулакъ*, царствующее въ литературѣ, которая бы крайне затруднилась его объясненіемъ.

Если спокойнымъ окомъ наблюдателя вы посмотрите осенью на большой проселокъ, ну хоть къ Ливнамъ, то замѣтите поразительное явленіе. На протяженіи нѣсколькихъ верстъ около дороги, прямо на землѣ, насыпаны вороха драгоценной пшеницы количествомъ до 100 четвертей и болѣе, то-есть приблизительно на 1.500 рублей, и мимо этихъ вороховъ танутся подводы нѣсколькихъ крестьянъ-односельцевъ и протягаютъ обратные порожняки. Сидящій у вороха покупатель (кулакъ), ссылающій очевидно на деньги крупаго торговца, старается склонить хозяина воза къ ссылкѣ. Не тѣтъ въ надеждѣ на высшую цѣну въ городѣ обыкновенно и ухомъ не ведетъ, а если ссыпать, то отлично рассчитаетъ свой расходъ до рынка и обратно. Вспомните что въ это горячее время добыть вольныхъ подводъ почти нѣтъ возможности, а подъ сто четвертей нужно ихъ сорокъ. Неужели все это явленіе не чудо? Какой благонадежный и вмѣстѣ отчаянный долженъ быть этотъ кулакъ которому хозяинъ довѣряетъ въ открытую степь 2.000. рублей и который при изменчивости нашей погоды ссыпаетъ товаръ подъ открытымъ небомъ? Съ другой стороны, какъ неизбежно должно быть въ народѣ чувство собственности для того чтобъ обратные, часто захмѣлявшіе люди не трогали въ степи одиокаго на ихъ глаза богача? А вы этотъ народъ хотите учить вашей нравственности, утверждающей громогласно что нравственность устарѣлая пошлость, да еще сердитесь что ему претать ваши уроки! Вы толкуете о наукѣ, а между тѣмъ какъ малыя дѣти выдаете за правду вещи положительно невозможныя. Вы утверждаете, напримѣръ, что эти кулаки, скупивъ за городомъ хлѣбъ, подымаютъ цѣны на городскомъ рынкѣ до произвольной высоты, не соображая что для этого необходима была бы общая стачка хлѣботорговцевъ, чего быть не можетъ въ силу конкуренціи, и власть возбраненія дальнѣйшихъ подвозовъ въ большихъ ятріяхъ. Итакъ *кто* и *что* вашъ кулакъ? Если это *уполовальный*, то онъ только фокусъ вами же искусственно создаваемого идеала ничего недѣланія, при расчетѣ на всяческія людскія страсти и пороки. Этотъ расчетъ самый вѣрный, особливо когда имѣешь дѣло съ обезумѣвшимъ человекомъ. Если же подъ кулаками вы разумѣете зажиточныхъ крестьянъ, дающихъ бѣднымъ въ долгъ хлѣбъ, то скажите имъ спасибо: это единственные, настоящіе хлѣбные магазины въ которые по тому же народному чувству справед-

дивости мужикъ отдасть первый сборъ урожая, хотя бы ему пришлось голодать снова. Вы толкуете о какихъ-то кулакахъ-мироѣдахъ, возможныхъ только среди картонныхъ мужиковъ-куколъ. Но люди вездѣ люди и при тѣхъ же условіяхъ явленія всюду тождественны. Между современными крестьянами дѣйствительно развиваются мироѣды, но не кулаки, а горламы, какъ они ихъ называютъ. Горламы—либералъ, онъ ничего не дѣлаетъ и за отсутствіемъ личной собственности таянется за чужою. Терять ему нечего. И вотъ объясненія той двойственности направленія которая на первый взглядъ такъ поражаетъ въ нашемъ крестьянствѣ. Съ одной стороны конокрадство, потравы и поджоги, а съ другой неприкосновенность торговца среди степи. Между тѣмъ съ общечеловѣческой точки зрѣнія дѣло очень просто. Везетъ пшеницу труженникъ-консерваторъ, а оретъ на сходкѣ о передѣлѣ земли и магарычахъ съ лишней полосы горлодеръ-либералъ. Конечно, мирный труженникъ не пойдетъ ни красть, ни поджигать и уступаетъ отчаяннымъ горлодерамъ, споспобствуя своимъ миролюбіемъ ихъ размноженію. Если подъ кулакомъ разумѣть человѣка ищущаго жизни, хотя бы закляканіями: гаастуки, платки, перчатки..., то кулаки и люди заставляющіе кричать по улицамъ: замѣчательная телеграмма, интересное событіе! оказывающееся журнальною уткой. Если кулаки закладчики, то въ деревняхъ ихъ, за исключеніемъ дѣловальниковъ, нѣтъ. Въ городахъ же было бы интересно прослѣдить исторію вещей поступившихъ въ залогъ. Можно быть увѣрену что 80% изъ нихъ заложено изъ желанія сходить въ театръ, задать пирушку и тому подобныя надобности. Удивительно что закладчикъ берущій вещи мота беретъ съ его мотовста большой поборъ? А если 20% поступаютъ отъ людей находящихся въ крайней хронической нуждѣ, то такихъ и не слѣдуетъ тергѣть въ городѣ, а должно высылать въ деревню, гдѣ нужда въ рукахъ крайняя. Изумительная терминологія! Люди жалуются на безлечность и разореніе крестьянъ; но коль скоро между ними является человѣкъ хозяйственный, они обзываютъ его *кулакомъ*. Не менѣе распространено восклицаніе объ эксплуатаціи крупынъ владѣльцемъ крестьянина. Всѣмъ этимъ адвокатамъ притѣсенныхъ можно дать большую премію, если они вздумаютъ хотя бы наихитрѣйшій способъ притѣснить крестьянина. Какъ это одинъ человѣкъ притѣснить сотни и тысячи людей свободныхъ? Это что-то

мудрено! Тогда какъ обратное притѣсненіе подпахиваніями, порубками, потравами, уходами, неработками и наконецъ поджогами у всѣхъ предъ глазами. Толкуютъ о мизкой будто бы издѣльной платѣ за обработку земли. Но отчего же въ нынѣшнемъ году, при неблагоприятной погодѣ, никто не прижалъ манящихся крестьянъ? И почему заработки, какъ по телеграфу,—всюду одновременно повысились вдвое? Предоставимъ же все подобныя фразы людямъ въ интересахъ которыхъ возбужденіе вражды и смуты, тогда какъ въ интересахъ каждаго земледѣльца жить въ добромъ согласіи съ ближайшими сосѣдами. Въ городѣ, поссорясь съ сосѣдами, можно перѣхать, а земледѣльцу этого сдѣлать нельзя.

Обратимся къ вопросу: о наилучшемъ способѣ фермерскаго хозяйства въ Россіи. Вопросъ этотъ величайшей важности потому уже что указываетъ на единственно возможную зарю будущаго разсвѣта. Но если онъ отнесется только къ наилучшимъ способамъ и орудіямъ обработки почвы и растеній, то не стоить съ нимъ обращаться ко всѣмъ хозяевамъ, а достаточно спросить любую казенную земледѣльческую школу. Отвѣтъ вѣроятно получится удовлетворительный, хотя совершенно для сельскаго хозяина непригодный. Вотъ-еслибы дать профессору сельскаго хозяйства землю подъ ферму и капиталъ какъ на ея устройство, такъ и на годовое веденіе дѣла, а затѣмъ капитализуя весь расходъ и не давая главѣ фермы болѣе ни колѣйки ни въ видѣ жалованья, ни въ видѣ субсидій, требовать отъ него за уплатой государственнаго и земскаго сборовъ,—не говоримъ 6, а только 5% чистаго дохода,—и онъ дѣйствительно давалъ бы такой доходъ въ 10лѣтней сложности,—тогда бы мы все бросились къ нему учиться. А строить воздушныя замки на казенный счетъ легко. Да кто можетъ или захочетъ подражать такой архитектурѣ? Между тѣмъ, вопреки всѣмъ враждебнымъ условіямъ, начинаютъ и у насъ мало-по-малу возникать отдѣльныя хозяйства на совершенно новыхъ, свободныхъ основаніяхъ, не по какому-либо кабинетному принципу, а потому что на старыхъ крѣпостныхъ цѣти далѣе не могутъ. Въ такомъ хозяйствѣ нельзя, не цѣня рабочаго труда ни во что, попрежнему сбившись въ кучу, ѣздить за 5 и болѣе верстъ съ удобреніемъ или за снопомъ, а нужно, если гора реидетъ къ Магомету, подойти къ горѣ, т.-е. устроить на отдаленномъ полѣ отдѣльное хуторское хозяйство, отыскавъ тамъ

первое условіе—воду. Нельзя городить построекъ изъ плетней, крытыхъ соломою, которыя будучи регулярно обнажаемы весенними бурями, все лѣто стоятъ въ видѣ скелетовъ. Такое хозяйство конечно требуетъ правильнаго учета и бюджета, чтобы не зайти въ область невознаградимыхъ издержекъ, и потому не можетъ отдавать денегъ крестьянамъ за годъ и за два впередъ, потому уже что современный крестьянинъ, получа деньги впередъ не имѣетъ побужденія, а на своей малосильной лошади и возможности хорошо исполнить работы, даже еслибы эта лошадедка до весны и уцѣлѣла. Поэтому напрасны всѣ возгласы объ эксплуатаціи крестьянина этимъ способомъ обработки, отъ котораго всякій порядочный хозяинъ долженъ бѣжать какъ отъ кощянаго разоренія. Бѣжать къ собственной осенней и весенней пахотѣ плугами на волахъ, посредствомъ специальныхъ пахарей, какъ въ цѣломъ мірѣ. Исторія народа въ сущности исторія его земледѣлія. Если съ этой точки зрѣнія мы взглянемъ на нашу исторію, то можемъ надѣяться на великое будущее. Хотя частіца бы въ приложеніи къ минувшему непригодна, тѣмъ не менѣе допустимъ ее какъ орудіе доказательства отъ противнаго и скажемъ: еслибы Россія въ крѣпостной періодъ знала плуги, то въ настоящемъ ея земледѣльческое, а слѣдовательно и всякое другое, банкротство было бы неизбѣжно. Къ счастью, крѣпостная соха оставила, въ большинствѣ случаевъ, намъ черноземъ въ дѣвственномъ состояніи и поле дѣйствія предъ нами открыто. Конечно, безъ удобренія мы и съ этимъ капиталомъ скоро снова допадемся до банкротства; но: „вольному—воля“.

О преимуществахъ по доброкачественности плужной пахоты, не требующей двойки, предъ сошною говорить излишне; но самая стоимость ея служить наилучшимъ опроверженіемъ недобросовѣстной лѣски о принудительной будто бы цѣнѣ за пахоту по годовому условію. Она точно принудительна, но для кого? Для выдающаго значительную сумму за два года впередъ съ перспективой получить негодную работу, если не остаться совсѣмъ безъ работы. Какой хозяинъ добровольно пойдетъ на такія условія? а безъ собственного фермерскаго хозяйства уйти отъ нихъ нѣтъ возможности. Въ прежнее время низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ крестьянинъ, какъ мы видѣли, цѣнилъ свою пахоту въ рубль, а съ двойкой 2 рубля за десятину. Въ нынѣшнемъ году цѣна возрасла съ двухъ до 4 рублей. Итакъ пахота 100 десятинъ стоить 400 рублей,

кромѣ двухгодичныхъ процентовъ на эту сумму. Два трехдешевыя плуга вспахиваютъ на волахъ по десятицѣ въ день и следовательно, считая съ половины апрѣля по 1 юнѣ только 50 рабочихъ дней, за исключеніемъ праздниковъ и дождей, вспашутъ всѣ сто десятицѣ. Годовое содержаніе воловъ, если взять въ расчетъ получаемое отъ нихъ удобреніе, ничего не стоитъ. А если лѣтняго рабочаго считать даже по 60 рублей, да 20 рублей на его содержаніе, то пахота обойдется: $2 \times 80 = 160$ рублей. Равнымъ образомъ, фермеръ долженъ посредствомъ фуры, косилокъ и молотилокъ бѣгать изъ несостоятельнаго зѣдорадо ничего недѣланія. Нечего говорить что это требуетъ спеціальнаго вниманія, опыта и (не во гнѣвъ социализму) значительнаго капитала, а гдѣ его нѣтъ, замѣны его медленнымъ устройствомъ инвентаря насчетъ крайней экономіи въ личныхъ расходахъ. Преобладающую роль въ такихъ хозяйствахъ должно играть скотоводство; а подъ страхомъ эпизодичѣ коннозаводство, могущее со временемъ стать важною отраслю отпускнуя торговли и опорой войска. При этомъ нельзя не улыбнуться читая министерскія требованія подписки отъ коннозаводчиковъ въ томъ что матки не употребляются въ работы. И здѣсь старая улитка выставляетъ свои рожки. Она помнитъ что подъ конный заводъ помѣщикъ отводилъ цѣлое имѣніе съ крѣпостными трудомъ, и разумѣется заводскія лошади, какъ въ Хрѣновомъ, ничего не дѣлали. Но теперь не до барскихъ затѣй, и всѣ дѣти знаютъ что рабочая matka даетъ приплодъ крупнѣе, свѣжѣе и сильнѣе, какъ это, между прочимъ, бываетъ и у людей. Нечего говорить какъ многосложна и трудна задача подобнаго хозяйства, въ которомъ неисправный плугъ, даже хомутъ, не говоря уже объ отдѣльномъ дѣтелѣ, можетъ парализовать все дѣло и долженъ немедленно быть удаленъ не по формальному суду, а только вслѣдствіе своей непригодности. Въ такомъ хозяйствѣ нѣтъ мѣста *dolce far niente*. Польза отъ такихъ возникающихъ хозяйствъ для края неисчислима. Вотъ настоящія образцовыя фермы не по титулу, а на самомъ дѣлѣ. Всѣ ихъ приемы и способы быстро примѣняются не только крупными, но и отдѣльными мелкими хозяйствами. Сначала смѣются ну хоть надъ уборкой соломы стобомъ, обзывая послѣдній гильботивой; посмотришь чрезъ годъ или два—всюду гильботивы. Вашъ паровикъ работаетъ на Кирика и Гулиту, глядь и крестьяне везутъ съ поля по

хорошей погодѣ свои копы. У васъ 500рублевый жеребецъ выколody глазъ, уже старообрядецъ бѣжитъ купить его въ заводчику за 120 рублей. Онъ лучше васъ знаетъ что въ вашемъ табунѣ разбили ногу породистой маткѣ, и говоритъ: „тамъ у васъ хромая кобыленка, мы за этимъ не стоимъ“. Вашихъ сибирскихъ бычковъ изъ-подъ матки хватаютъ самыя мелкія хозяйства. То же съ сортированной пшеницей, французскимъ овсомъ и т. д.

Конечно мы не хуже другаго могли бы написать статью на премію о лучшихъ способахъ фермерскаго хозяйства, основанную не на гадательныхъ соображеніяхъ, а на положительныхъ фактахъ, но воздерживаемся, потому что подо всеми подобными, хотя бы и наилучшими начинаніями доселѣ нѣтъ корней, за омертвѣlostію ихъ въ цѣлой народной жизни. Чтo бы вы въ настоящемъ, все еще переходномъ состояніи (оно какъ ни тормозится, а все-таки, въ силу вещей, переходное) ни предприняли, вы ни на чтo, за шаткостію кормей, разчитывать не можете. Какое свободно-экономическое отношеніе возможно къ людямъ хотя и освобожденнымъ отъ личнаго произвола, но лишь номинальнымъ собственникамъ, а въ сущности полпрежнему крѣпкимъ землѣ?

Какое бы вы ни предприняли дѣло и если оно въ рукахъ вашихъ рассыпалось прахомъ, вы, потянувъ за нитку причинности, неминуемо вытащите корень зла—общинное владѣніе. Несостоятельность этого учрежденія въ свободномъ государствѣ еще увеличивается мнимо реальнымъ, а въ сущности эфемернымъ духомъ нашихъ школъ, порождающимъ въ народѣ потребности дикой роскоши и разгула, исключаящаго серьезный трудъ. Крестьянинъ зарабатывающій личнымъ трудомъ сверхъ содержанія 50 рублей въ годъ—молодецъ. Подите увѣрите теперь этого крестьянина что онъ можетъ справиться свадьбу дешевле 60 рублей, или Святую, Масляну или приходскій, недѣльный праздникъ дешевле 10 рублей? Примѣните этотъ размѣръ ко всякой другой средѣ и спросите: каково окажется положеніе чиновника истратившаго на свадьбу боляе годоваго дохода? Но вотъ прошли праздники и надо платить повинности. Надо посылать свободнаго члена семьи на заработки или брать землю на отработку. Цѣна дѣло рыночное, главное получить не медля значительный задатокъ подъ письменное условіе въ которомъ сроки уплаты

точно обозначены. Рабочій прожилъ извѣстное время, и вдругъ, вопреки условію, требуетъ еще денегъ впередъ, ссылаясь на нужду семьи. Ежедневный опытъ показываетъ что старшій въ семьѣ, оставшійся за уходомъ даже двухъ рабочихъ, изъ которыхъ одинъ негодяй ничего въ домъ не дающій, вмѣсто одного при трехъ душевыхъ надѣлахъ, исключительно живетъ на счетъ своего единственнаго работника на сторонѣ, безъ подачи коимъ денегъ семья, долженствовавшая бы процвѣтать, — буквально голодаетъ. Эти общеизвѣстные примѣры служатъ новымъ подтвержденіемъ что земля не есть синекура. Если вы не дадите работнику требуемыхъ имъ, въ противность условію, денегъ, — онъ уйдетъ и унесетъ вашъ значительный задатокъ, а если позволите ему перебрать много денегъ, — онъ уйдетъ въ рабочую пору, и всѣ ваши расчеты рухнутъ, такъ какъ безнаказанный уходъ является заразительнымъ примѣромъ.

Приведенные нами факты до того крупны, общи и всѣмъ извѣстны что не могли, какъ исключенія, быть подтасованы съ предвзятою цѣлью. Въ двѣ народности и земледѣлія мы не знаемъ и не желаемъ знать никакихъ сословій или фракцій, какъ таковыхъ. Если же самый летучій обзоръ такихъ фактовъ наводитъ на мысль о причинахъ нашего (зачѣмъ скрывать?) прогрессивнаго нравственнаго и экономическаго упадка, то обвинять можно развѣ факты, а не мысли, или самую человѣческую мысль съ ея вѣчными законами. Одинъ изъ нихъ утверждаетъ что цѣлый отдѣльный народъ (инди-видуумъ) можетъ усиленнымъ и свободнымъ трудомъ возвысить свое благосостояніе; но благодѣтельствовать самъ себѣ не можетъ (*саица ши*), и другой — что не свободная экономическая свобода есть логическое противорѣчіе. Совокупность печальныхъ явленій сама указываетъ на ненормальное состояніе двухъ главныхъ корней народной жизни — *народнаго міросозерцанія* и *земледѣльческой промышленности*. Кто же затронулъ и повредилъ эти корни? Неужели освобожденіе крестьянъ и какое-то, 20 лѣтъ длящееся, переходное состояніе? Никто и ничто кромѣ насъ самихъ. Не сообразительныя дѣти не знаютъ опасности и легкомысленно играютъ огнемъ. Вырвавшись на гражданскую свободу, мы, ликуя съ *деицкой* въ рукахъ, вообразили что выскочили не только изъ всѣхъ условій и законовъ гражданской, но даже и всякой жизни. Мы

не повяли что чѣмъ болѣе личной гражданской свободы, тѣмъ менѣе пріятнѣе и строже долженъ быть законъ общій. Мы до сихъ поръ не вполнѣ ясно сознали нашу истинную особенность, коренящуюся въ двухъ мотивахъ: главенствѣ Христа и Царя. Все доблестное и великое совершается на Руси Христовымъ и Царскимъ именемъ. Этого не хочетъ ловить современная интеллигенція со своею ребяческою конституціей. У ней дѣйствительно нѣтъ царя въ головѣ.

Говоря о мотивахъ, остановимся на слѣдующемъ фактѣ. Наша православная миссія изумительно преуспѣваетъ въ Японіи. Если взять въ соображеніе тысячелѣтнюю устойчивость японскаго міросозерцанія и спросить: въ чемъ же побѣждающая сила нашей православной проповѣди, преимущественно предъ другими христіанскими ученіями?—то невольно прідемъ къ заключенію что успѣхъ обусловленъ самимъ нравственнымъ ученіемъ любви (Аγάπη), не парализованнымъ съ одной стороны совершенно чуждою восточному человѣку оппозиціонною трезвостью протестантизма, и требованіемъ обоготворенія живаго человѣка (палы) съ другой. Какъ бы то ни было, успѣхъ прежде всего свидѣтельствуетъ о нравственной высотѣ миссіонеровъ. Вообразите же себѣ на ихъ мѣстѣ нашего сельскаго пола, котораго самъ народъ привыкъ представлять въ своихъ пѣсняхъ, сказкахъ и поговоркахъ не иначе какъ въ самомъ каррикатурномъ видѣ,—и спросите, каковъ могъ бы быть успѣхъ тамъ, гдѣ нужны противоположныя качества? И тутъ мы благодѣтели на счетъ собственной нищеты: *чужія крѣпости кроемъ, а свои раскрываемъ*. Правда, въ теченіе вѣковъ народное сознаніе, коренясь на одной обрядовой сторонѣ религіи, строго отличало церковь отъ пола, но страхъ гражданской кары возмѣщала пробѣла религиознаго ученія. Кромѣ того, подъ контролемъ помѣщика сами попы должны были сдерживаться надъ тою пропастью въ которую тянутъ ихъ настоящія условія жизни.

Еслибы люди кричащіе кому-то: *дай, дай!* и между прочимъ: *дай больше земли*, хотѣли знать истинное положеніе вещей, то убѣдились бы въ ребячествѣ такихъ воплей, обсудивъ современное положеніе сельскаго священника. Выше мы обозвали молодцомъ крестьянина зарабатывающаго сверхъ содержанія 50 рублей въ годъ. У священника лично не какъ у крестьянина три, а 15 десятинъ земли, съ которыхъ, считая

даже по 8 руб. доходу, онъ можетъ получить 120 рублей. Но вѣдь тутъ надо считать и содержаніе всей семьи, верѣдко двойной, то-есть заштатныхъ. Между тѣмъ одна семинарія требуетъ на содержаніе сына, по малой мѣрѣ, 150 рублей. А ну какъ ихъ два или три? По неволѣ придется раздѣлить землякія празднества и хожденія по приходу, кромѣ обработки земли священника въ праздники же (не грѣхъ) за водку. При такомъ направленіи богопочитанія понятна что загулавшій крестьянинъ убаглотворитъ по душѣ только того пола который поздравитъ хозяина чаркой водки. Результатъ не заставить себя ждать послѣ восклицанія: „Скажи Ванюха за ведеркой, Богородица въ домъ идетъ!“ И вотъ при полномъ забвеніи апостольскаго: „Не уливайтесь видомъ, въ немъ же есть блудъ“, появляются примѣры что какъ въ прошломъ году, въ Чистый четвергъ, въ имѣніи предводителя, исповѣдники остаются безъ причастія, а наканунѣ Свѣтлаго дня предводительскія тройки скачутъ искать заштатнаго священника отслужить заутреню и обѣдню приходу, такъ какъ священникъ съ середины снова запыль. Неужели достойные православные наставники должны вести свою проповѣдь въ Ялонию, представляя подобнымъ представителямъ церкви нравственное воспитаніе народа въ то самое время когда мотивъ личнаго страха устраненъ, а мотивъ страха предъ карающимъ закономъ предвѣренно ослабленъ и парализованъ? И вотъ совершенно забывъ о главныхъ проводникахъ народнаго воспитанія: церкви и законъ, мы очертя голову бросились на суррогатъ *школь*. Но и здѣсь умѣлые люди, утверждающіе будто устрашеніе наказаніемъ ни къ чему не ведетъ, но въ то же время приобѣгающіе къ устрашенію пожарами и убійствами, которые сами же обзываютъ *казнью*, притворяются что не понимаютъ преимуществъ основнаго (humanitoga) образованія предъ такъ-называемымъ ими реальнымъ. Они очень хорошо знаютъ какъ легко то чтó они зовутъ естественными науками и что съ истиннымъ познаніемъ природы ничего общаго не имѣетъ, можетъ быть обращено въ разрушительное нравственное орудіе и вести, а это и съ руки, не искушенный умъ къ самымъ безобразнымъ выводамъ, въ родѣ: земля сама вертится, слѣдовательно Бога нѣтъ (*сауса sui*). Матерія вѣчна, слѣдовательно она Богъ и т. д. Этими-то разрушительнымъ суррогатомъ нравственнаго воспитанія и стараются наши народолюбцы насильно облагодѣтельствовать нашъ несчастный народъ,

этотъ vile corpus, надъ которымъ всякій неучъ считаетъ себя въ правѣ производить свои вивисекціи.

Надо оговориться что при общей неудовлетворительности нашихъ семинарій, духовныя академіи до сихъ поръ представляютъ наши наилучшія школы и выпускаютъ людей далеко превосходящихъ солидностію общаго образованія воспитанниковъ свѣтскихъ школъ. Это съ одной стороны. Съ другой мы видѣли что наши сельскіе приходы находятъ возможность какъ бы чудомъ возводить и украшать желаемые ими храмы. Откройте извѣстнымъ ученикамъ академій или подобныхъ имъ школъ пути въ сельскіе священники тамъ гдѣ прихожане обезлечать священника, ну хотя бы 1.500рублевымъ жалованьемъ, и вы увидите что дѣло станетъ не за желающими приходами, а за готовыми на такой путь личностями, если и тутъ дипломъ вмѣсто лица не явится на гибель дѣла. Люди убѣжденія, люди достойные найдутся въ эту ближайшую Японию. Только такіе люди способны принять къ сердцу сельскія школы, а не тѣ крикуны которые только съ чужаго голоса требуютъ школъ, а затѣмъ въ нихъ и не заглядываютъ; а еслибы заглядывали, то лишь къ вѣщему сумбуру и вреду. А пока вы не можете дать настоящихъ школъ, не настаивайте на вредныхъ, помня что всякій отставной грамотѣй или дьячокъ въ тысячу разъ лучше воспитанниковъ училищныхъ семинарій, подъ контролемъ казенныхъ нигилистовъ. Теперь же въ волости, рядомъ съ пьяными, содержимыми на общественный счетъ арестантами, справа кабакъ, а слѣва школа съ неестественнымъ проловѣдникомъ естественныхъ наукъ, и вы удивляетесь что народъ не пускаетъ туда своихъ дѣтей? Честь ему и слава!

Коренное дѣло земледѣльческой промышленности всего менѣ выноситъ всякаго рода ломки и передергиванія и на первое время было бы великимъ благодѣяніемъ: съ одной стороны, восполненіе оказавшихся на практикѣ пробѣловъ въ существующихъ законоположеніяхъ, а съ другой—врученіе сельскимъ мировымъ судьямъ полной власти первыхъ мировыхъ посредниковъ, съ кассационною подчиненностію сѣздамъ и сенату. При такомъ строѣ, рядомъ съ ограниченіемъ кабаковъ, которые слѣдуетъ выгнать изъ деревень на дороги откуда они пришли, весь народъ какъ одинъ человѣкъ вздохнулъ бы *свободнѣе* въ настоящемъ значеніи слова.

Что касается общиннаго владѣнія, этого бальнаго хвоста бывшаго крѣпостнаго права, то конечно принужденіе и тутъ ни въ какомъ случаѣ не должно имѣть мѣста. За то желающимъ должна быть вѣстѣе отворена 163 статья, съ исполненіемъ ея у ближайшаго мирового судьи и подъ условіемъ поступленія новаго землеуладѣльца хотя бы и односельчанина въ общую колею гражданскаго совершенвольтія и отвѣтственности. Безъ такихъ мѣръ нельзя ожидать никакого нравственнаго или матеріальнаго преуслѣванія. Если всякое растеніе при пересадкѣ неизбѣжно хвораетъ, то при погруженіи корней въ несвойственную имъ почву умираетъ.

ДЕРЕВЕНСКІЙ ЖИТЕЛЬ.

АРХИМАНДРИТЪ ПИМЕНЪ

НАСТОЯТЕЛЬ НИКОЛО - УГРЪШСКАГО МОНАСТЫРЯ *

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРКЪ

(1810—1880)

V.

Постройки на Угрѣшѣ; частые прїезды архимандрита Леониды; бесѣды съ Пименомъ, начало будущаго скита; прїездъ митрополита на Угрѣшу въ маѣ 1850 года. — Игумень Пименъ возведенъ въ санъ архимандрита, 24 августа 1858 года. — Покупка дома на Таганкѣ для Угрѣшкаго монастыря. — Построеніе колокольни, докладъ объ этомъ владыкѣ; его довѣріе къ отцу Пимену. Кончина Александрова; его погребеніе; завѣщаніе. — Хиротонія преосвященнаго Леониды. — Петръ Ивановичъ Куманичъ; его обличеніе съ отцомъ Пименомъ. — Построеніе скитской церкви; освященіе митрополитомъ двухъ церквей на Угрѣшѣ, больничной и скитской; посѣщеніе Угрѣши Великою Князью Маріей Александровною. — Письмо преосвященнаго Леониды. — Послушникъ Алексій.

I.

Послѣ того свидѣнія которое имѣлъ Александровъ, онъ началъ гораздо *легче соглашаться* на предложенія отца игумена Пимена, и ветхія зданія Угрѣши стали обновляться и воздвигаться новыя. Ограда около монастыря была весьма ветха и требовала не только поправки, но мѣстами и

* См. *Русскій Вѣстникъ* № 12ѣ 1880 и № 10 и 12ѣ 1881 года.

совершенной перекладки. Въ продолженіи 1855 — 56 годовъ ее понемногу переправляли, и такъ какъ внутренность монастыря была чрезвычайно стѣснена, то игумень съ благословенія владыки рѣшилъ пруды включить во внутренность монастыря, потому что прежде они были извнѣ, возлѣ почти самой ограды, такъ что между прудами и оградой оставался только одинъ весьма узкій проѣздъ. И ограду съ западной стороны игумень повелъ по самой межѣ монастырской. Для бута привозились огромные камни въ зимнее время и сваливались въ кучи. Когда стали работать, каменщики выбирали преимущественно тѣ камни которые были не такъ велики и удобнѣе для переноски, а большіе все обходили, и такъ они остались безъ употребленія. Пока производились работы, игумень не обратилъ на это вниманія; но когда работа окончилась и стали свозить мусоръ и остатки матеріаловъ, обнаружилась и эти громадные камни, которыхъ было нѣсколько и весьма большихъ размѣровъ. Сперва предполагалось свезти ихъ, но за это потребовали большую цѣну, и отецъ Пимень былъ въ недоумѣніи что ему съ ними дѣлать; къ счастью, въ числѣ работавшихъ землекопальщиковъ случился тутъ догадливый человекъ который посоветовалъ камней не свозить, а углубить ихъ въ землю. Это было на той мѣстности, гдѣ теперь находится скитъ; мѣсто было толкое, болотистое, на которомъ сочилась и текла красоватая отъ ржавчины вода около кочекъ покрытыхъ болотнымъ мохомъ, и не было никакой растительности, кромѣ немногихъ полусгнившихъ корявыхъ ольховыхъ деревьевъ. Когда камни вкопали въ землю, вода изъ нѣдръ ея стала еще болѣе выступать, ее слускали, почва стала сплотняться, твердѣть и просыхать, послѣ чего сверху сдѣлали земляную насыль, и мѣстность совершенно измѣнила прежній свой видъ. Оставшуюся избу, выстроенную для временнаго помѣщенія рабочихъ, по минованіи надобности игумену стало жалко ломать; онъ велѣлъ его вычистить и придумалъ обратить въ келью. Въ то время весьма часто бывалъ наѣздомъ на Угрѣшскій ректоръ семинаріи архимандритъ Леонидъ, иногда и гостившій по нѣскольку дней въ ваканціонное лѣтнее время. Не желая стѣснять игумена, помѣщаясь у него въ кельяхъ, онъ испросилъ его согласіе оставаться въ этой новозданной кельѣ, и такимъ образомъ обновилъ жительство на этомъ мѣстѣ и можно сказать былъ первымъ жителемъ будущаго скита.

Вскорѣ поступилъ на Угрѣшу одинъ увѣчный молодой человекъ изъ московскаго купечества, Павловъ, пожертвовавшій тысячи двѣ на келью, а тамъ незамѣтнымъ образомъ сталъ устраиваться скитъ.

Отецъ игуменъ Иларій жительствоваалъ уже тогда въ Геесиманскомъ скитѣ; кто-то изъ московскихъ богомольцевъ и сталъ ему разказывать что и на Угрѣшѣ устроивается что-то въ родѣ скита.—Гдѣ же это? спрашивалъ онъ.

— А туда, повыше пруда, за кленовыми деревьями, поближе къ полю и къ деревнѣ.

— Да тамъ непроходимая топь и болото!

— Тамъ сухое и ровное мѣсто, возражалъ разказчикъ.

— Мы ли не знаемъ, я прожилъ на Угрѣшѣ безъ малаго двадцать лѣтъ,—трасина.

— Я тамъ былъ недавно, сухое и возвышенное мѣсто.

— Не могу понять что тамъ отецъ Пимень сдѣлалъ, повѣрю только когда самъ тамъ побываю.

Нѣсколько времени спустя отецъ Иларій пріѣхалъ на Угрѣшу и могъ собственными глазами убѣдиться что дѣйствительно вмѣсто той *трасины* которую онъ тамъ оставилъ было ровное и сухое мѣсто, обнесенное небольшою оградой, внутри которой было нѣсколько деревянныхъ небольшихъ, но весьма уютныхъ келій. Одну изъ нихъ, болѣе просторную, онъ облюбовалъ и поселившись въ ней, прогостилъ на Угрѣшѣ около года. Онъ можетъ-быть прожилъ бы и долѣе, можетъ-быть остался бы и навсегда, но къ сожалѣнію у него вышло несогласіе съ находившимся тогда въ скитѣ іеромонахомъ отцомъ Анатоліемъ, не слѣшкомъ уступчиваго характера, что для игумена, также довольно раздражительнаго, было весьма ощутительно, и какъ отецъ Пимень ни уговаривалъ его, онъ не помирствовалъ на Угрѣшѣ и возвратился въ Геесиманскій скитъ, откуда болѣе уже и не выѣзжалъ до своей кончины.

Такъ какъ въ первое время въ скитѣ еще не было церкви, но была уже особая трапеза, деревянная, какъ и всѣ прочія кельи, то въ ней-то и совершалось скитское богослуженіе: вечерня, утренняя и часы, и это продолжалось до 1860 года, пока не была выстроена и освящена деревянная церковь во имя первоверховныхъ св. апостоловъ Петра и Павла.

О семъ скажемъ послѣ.

Въ эти-то три года (1855—58) весьма частыя посѣщенія Угрѣши ректоромъ архимандритомъ Леонидомъ и довольно продолжительныя его тамъ пребыванія, столь же отрадна для него самого сколько и для отца Пимена, привели несомнѣнную духовную пользу тому и другому: они находили удовольствіе во взаимной бесѣдѣ и ученый заимствовалъ у неученаго опытомъ добытыя познанія о монашествѣ къ которому принадлежалъ по своему положенію, которое любилъ по сердечному влеченію, зналъ по ученію богословскому, но долѣ мало видѣлъ вблизи. Вотъ почему въ послѣдствіи преосвященный Леонидъ всегда называлъ отца Пимена своимъ учителемъ въ монашествѣ и высоко цѣнилъ его умъ и опытность въ жительствѣ монашескомъ, что можно видѣть изъ слѣдующаго случая. Въ 1870 годахъ поступилъ въ Московскую епархію настоятель изъ одной сосѣдственной епархіи и когда явился къ преосвященному викарію Леониду, тотъ между прочимъ посовѣтовалъ ему познакомиться съ архимандритомъ Пименомъ, настоятелемъ Угрѣшскимъ.

— А онъ изъ какой академіи? спросилъ новый настоятель.

— Онъ въ академіи ни въ какой не былъ, отвѣчалъ викарій, — но человекъ онъ отъ природы весьма умный и даровитый; опытный монахъ, и хотя и не академикъ, но можетъ научить любого академика монашеству и превзойдетъ многихъ въ умѣннѣи управлять монастыремъ.

II.

Со времени открытія *общежитія* на Угрѣшѣ въ продолженіе четырехъ, пяти лѣтъ многое тамъ вновь прибавилось и ветхое обновилось, владыка-митрополитъ съ тѣхъ поръ тамъ еще не былъ и не было повода его приглашать, а самъ онъ почему-то не вздумалъ еще побывать, давая быть-можетъ и строителю и благотворителю побольше времени чтобы въ его отсутствіи побольше успѣть сдѣлать. Случай наконецъ самъ собою представился: будучи однажды у владыки игуменъ Пименъ сказалъ ему что Александру желалось бы видѣть архіерейское служеніе.

Владыка посмотрѣлъ на игумена съ удивленіемъ:

— Да развѣ онъ никогда не видывалъ? спросилъ онъ.

— Онъ неоднократно бывалъ при архіерейскихъ служеніяхъ, высокопреосвященнѣйшій владыка, отвѣчалъ игуменъ, —

но какъ водится мало обращалъ вниманія, а теперь онъ очень желалъ бы видѣть святительское служеніе... Не явители вы милость, не пожалуйте ли какъ-нибудь на Угрѣшу, гдѣ много у насъ новыхъ построекъ которыхъ вы еще не изволили видѣть.

Владыка согласился и назначилъ день для своего пріѣзда.

28 мая 1858 года онъ пріѣхалъ на Угрѣшу поутру; слушалъ позднюю литургію въ Николаевскомъ соборѣ; послѣ окончанія оной прошелъ въ настоятельскія кельи, откушалъ чаю, приказалъ подать себѣ обѣдъ и часа въ два ложелалъ обозрѣть весь монастырь. * Прежде всего игуменъ повелѣлъ его въ новый братскій корпусъ, совершенно вновь выстроенный, во всю длину монастырской площадки, напротивъ собора съ восточной стороны. Изъ келій верхняго яруса владыка осматривалъ только двѣ, но нижнія обошелъ всѣ, желая вѣроятно удостовѣриться что въ нихъ нѣтъ сырости. Хотя строеніе было сложено только за годъ предъ тѣмъ, благодаря предосторожности обшить стѣны тесомъ и потомъ уже ихъ штукатурить сырости нигдѣ не оказалось. Обошедши кельи, митрополитъ спросилъ игумена:

— А кто былъ у тебя архитекторомъ?

— Никого, ваше высокопреосвященство, отвѣтилъ игуменъ.

— И ты рѣшился на такое дѣло! замѣтилъ митрополитъ и пошелъ далѣе.

Можетъ-быть отецъ Пименъ и не сталъ бы строить безъ архитектора ежели бы не воспротивился тому Александровъ,

* Митрополитъ Филаретъ, посѣщая монастыри своей епархіи иногда проводилъ въ нихъ по нѣскольку дней. Бывали случаи (такъ на примѣръ, въ Никола-Пѣтровошскомъ монастырѣ) что онъ гащивалъ и по недѣль. Онъ кушалъ всегда одинъ въ своей кельѣ, обѣдъ черезъ келетника приказывалъ самъ весьма простой по своему вкусу и почти всегда въ одинъ часъ, между 12 и 1 часомъ. Въ особенности онъ любилъ свѣжихъ окулей и уху изъ ершей и пискарей; изъ винъ онъ употреблялъ только мадеру, небольшую рюмку, а иногда въ концѣ обѣда выпивалъ еще немного малаги. Въ Москвѣ кушалъ въ 1 часу и до 2 или начала третьяго послѣ обѣда онъ давалъ себѣ время для отдыха; въ остальное время дня съ 9 час. утра и до 8 час. вечера каждый могъ придти къ нему по дѣлу или за совѣтомъ и рѣдко случалось чтобъ онъ кого-нибудь не принялъ безъ особой какой-нибудь на то причины, ежели не былъ особенно занятъ или дѣйствительно не чувствовалъ себя нездоровымъ.

который ему прямо объявилъ: „Ты знай что я тебѣ на архитекторовъ гроша не дамъ, даромъ только деньги берутъ...“

Причиной такого отзыва Александра было то что онъ потерялъ къ архитекторамъ всякое довѣріе послѣ того какъ у него на Брыни при его фабрикѣ разсыпалась церковь и упала колокольная, стоившія ему болѣе двухсотъ тысячъ рублей серебромъ.

Идя по направленію къ колокольнѣ и поровнявшись съ сосной на которой икона святителя (напротивъ соборнаго алтаря), владыка, не оборачиваясь къ игумену, который слѣдовалъ за нимъ, сказалъ:

— Воля ваша, а этотъ фасадъ тяжелъ.

Это замѣчаніе относилось къ корпусу въ которомъ *богатыня* и *рухлядная*.

— Вотъ этотъ, продолжалъ онъ (указывая на вновь выстроенный братскій корпусъ),—хорошъ, а этотъ (больничнаго корпуса) *куриозенъ*.

И сдѣлавъ эти замѣчанія онъ пошелъ далѣе. Проходя мимо оградной стѣны вновь сложенной (напротивъ нижняго засыпаннаго теперь и засаженнаго различными деревьями пруда) и украшенной подобіемъ оконъ онъ спросилъ:

— А это что за зданіе?

— Это оградная стѣна, ваше высокопреосвященство, отвѣчалъ отецъ Пименъ.

— Для чего же окна?

— Это для украшенія, просто *фальшивыя окна*, отвѣчалъ игумень, не подозревая что съ Филаретомъ нужно взвѣшивать каждое слово чтобы не подать ему повода къ неудовольствію.

— *Въ монастырѣ ничего не должно быть фальшиваго*, строго и поучительно замѣтилъ митрополитъ,—даже и фальшивыхъ оконъ, украшенія ради, прибавилъ онъ съ улыбкой, быстро переходя отъ довольно строгаго тона къ совершенно ласковому:—излишнія украшенія потребуютъ въ послѣдствіи излишнихъ хлопотъ и излишнихъ издержекъ. *

* Въ письмѣ своемъ отъ 16 іюня 1858 митрополитъ писалъ къ Андрею Николаевичу Муравьеву, не задолго до него посѣтившему Угрьшу, про которую отзывался съ великою похвалою. „Въ Угрьшскомъ хорошо исполняется *столбовое пѣніе*. За строенія благодарность благотворителю, но не за все настоятелю, который щедръ бытъ на украшенія могутія увеличитъ для преемника заботу поддержать то что имъ сдѣлано. Такъ хваля съ ограниченіемъ то что вы хвалили вполнѣ.“ Письмо № 352, стр. 536.

Кромѣ этого небольшого правоучительнаго замѣчанія митрополитъ остался повидимому весьма доволенъ обзоромъ и возвратился въ келью въ самомъ лучшемъ расположеніи духа.

Владыка былъ разговорчивъ и завелъ рѣчь о столбовомъ лѣтніи, которымъ какъ видно онъ былъ весьма доволенъ.

— Кто у тебя завѣдуетъ лѣтніемъ? спросилъ онъ игумена.

— Голосовщикъ іеромонахъ Геронтіи, а регентъ—Николай Егоровъ, отвѣчалъ отецъ Пименъ.

— Покажи ты мнѣ ихъ.

Игумень тотчасъ распорядился, и немного погодя лѣтніе обоихъ клиросовъ собрались въ первую комнату настоятельскихъ келій и по благословенію владыки стали пѣть всю обѣдную столбовымъ напѣвомъ. Владыка слушалъ изъ другой комнаты; по окончаніи лѣтнія онъ приказалъ позвать голосовщика и регента и похваливъ лѣтніе вообще, благословилъ ихъ и сдѣлалъ имъ только замѣчаніе что когда они поютъ тройное *Господи помилуй*, то неправильно дѣлаютъ удареніе на слогѣ *луй*, а не *пожи*, какъ слѣдуетъ. Это замѣчаніе принято было къ свѣдѣнію и въ тотъ день за всеобщей „Господи помилуй“ лѣтлі уже по указанію владыки, и онъ остался весьма доволенъ такою скорою исполнительностію. Въ теченіе дня пріѣхалъ изъ Москвы Александровъ и остановился въ своемъ новомъ деревянномъ домѣ, который выстроилъ для своихъ пріѣздовъ напротивъ святыхъ воротъ и вмѣсто котораго въ послѣдствіи была выстроена новая лѣтняя гостиница, потому что домъ нѣсколько лѣтъ спустя сгорѣлъ отъ неосторожности временно проживавшей тамъ богомолдцы.

Всенощное бдѣніе совершалъ самъ владыка и ему угодно было служить не въ соборѣ, а въ Успенской церкви, изъ вниманія быть-можетъ къ Александрову, который такъ изыщно отдѣлалъ этотъ храмъ на свое иждивеніе.

На правомъ клиросѣ лѣтлі митрополитичьи лѣтніе, а на лѣвомъ монастырскіе братіи. Послѣ благословенія хлѣбовъ владыка пожелалъ самъ передать хлѣбъ Павлу Матвѣевичу, который на креслахъ сидя за правымъ клиросомъ напротивъ иконы святителя слушалъ всенощную, а послѣ величанія владыка вторично подошелъ къ нему и помазалъ его святымъ елеемъ.

Послѣ всенощной, когда владыка возвратился въ келью, ему доложили что Александровъ желаетъ посѣтить его. Владыки не было въ комнатѣ когда его привели и посадили, такъ что

онъ засталъ его уже сидящимъ, но когда послѣ непродолжительной бѣсѣды Александрову нужно было уходить и его подняли и повели, владыка содрогнулся: чтобы вести его нужно было четыре человека, двое поддерживали его подъ руки и вели, а другіе два переставляли ему ноги. Видя ужасное его положеніе владыка совѣтывалъ ему чтобы онъ велѣлъ носить себя на креслахъ, что ему было бы легче, однако онъ на это никакъ не могъ рѣшиться и такъ продолжалъ добровольно себя мучить до конца жизни.

На слѣдующій день въ той же Успенской церкви владыка совершилъ литургію въ сослуженіи съ игуменомъ Пименомъ и монастырскою братіей, а по окончаніи было молебствіе со многими благодѣтелями и ктиторами обители, Павлу и Маріи. Владыка опять самъ подошелъ къ болящему со крестомъ и далъ ему просфору. Откушавъ у себя въ кельи и отдохнувъ, владыка въ сопровожденіи отца Пимена пожелалъ посѣтить Александра въ новомъ его жилищѣ, очень его благодарилъ за всѣ щедрыя пожертвованія Угрѣшскому монастырю и неоднократно повторялъ ему *что благодаря его усердію Угрѣшская обитель содѣлалась второю Лаврой.*

Это было послѣднее свиданіе митрополита Филарета и Александра: дни и лѣта ихъ жизни были уже сочтены — одному оставалось прожить только *девять мѣсяцевъ*, другому еще *девять лѣтъ.*

Въ тотъ же день къ вечеру владыка собрался въ обратный путь. Съ особеннымъ благоволеніемъ простился онъ съ отцомъ Пименомъ, главнымъ виновникомъ что въ теченіе немногихъ лѣтъ Угрѣшскій монастырь такъ видимо обновился и украсился столькими новыми зданіями, благодаря его неуслышимымъ трудамъ и попеченіямъ. Его провожали до святыхъ воротъ и онъ оставилъ Угрѣшу повидимому вполне довольный всѣмъ что видѣлъ.

III.

Въ то время благочиннымъ монастырей общественныхъ былъ архимандритъ Платонъ, настоятель Спасо-Андроньевскаго монастыря; онъ къ отцу Пимену, въ противоположность своего предѣстника, весьма благоволилъ и искренно радовался видя что владыка къ нему расположился и оценитъ его труды.

Въ концѣ юля мѣсяца, послѣ соборнаго служенія въ какой-то торжественный день, архимандритъ Платовъ захватилъ къ Александрову и передалъ ему что онъ имѣеть порученіе отъ владыки какъ благочинный сдать представленіе о всѣхъ пожертвованіяхъ Александрова Угрѣшскому монастырю.

Въ отвѣтъ на это Александровъ сказалъ ему: „Вы пожалуйста предупредите владыку чтобъ онъ не вздумалъ представить меня къ какой-нибудь награды,—я ничего для себя не желаю, на что мнѣ? Я даже считалъ бы это за великое для себя оскорбленіе; но ежели уже владыка такъ милостивъ и желаетъ сдать для меня что-нибудь приятное, то прошу его вмѣсто меня перевести награду на лицо отца игумена Пимена, и этимъ я буду дѣйствительно обрадованъ.“

При свиданіи Александровъ передалъ это отцу Пимену, но какъ принялъ митрополитъ отвѣтъ Александра, про то никто не зналъ пока это не выяснилось на самомъ дѣлѣ.

Послѣ Успеньева дня, ректоръ семинаріи архимандритъ Леонидъ, вмѣстѣ и настоятель Заиконосласкаго монастыря, прѣѣхалъ на Угрѣшу и подговорилъ отца Пимена вмѣстѣ съ нимъ съѣздить въ Давидову пустынь, въ Серпуховскомъ уѣздѣ, верстахъ во ста отъ Угрѣши и въ двадцати отъ Серпухова.

Пробывъ двое сутокъ въ Давидовой пустынѣ и посѣтивъ Серпуховъ и два его монастыря: Высокій и Владычный, на возвратномъ пути они захватили въ Екатерининскую пустынь, въ двѣнадцати верстахъ отъ Угрѣши, и возвратились августа 22го.

На другой день въ послѣобѣденное время оба друга, архимандритъ и игуменъ, сидѣли вмѣстѣ въ гостиной и читали какую-то книгу и въ это время принесли игумену съ нарочнымъ присланною повѣстку отъ митрополита чтобъ онъ въ тотъ же день явился къ четыремъ часамъ на Троицкое подворье.

Отецъ Пименъ сталъ тотчасъ собираться въ Москву, и отецъ ректоръ предложилъ ему взять съ собой его человѣка и сказалъ ему:

— Въ случаѣ ежели вамъ что понадобится, прошу васъ не стѣсняясь отнестись въ Заиконосласкій монастырь и потребовать отъ моего келейника все что окажется нужнымъ. Видно что отецъ ректоръ зналъ уже заранѣе о намѣреніяхъ владыки относительно отца Пимена, но крѣпко хранилъ тайну и только при отъѣздѣ его высказалъ кратко, предлагая

нужное. Самъ онъ остался на Угрюмѣ, а игумень поѣхалъ въ Москву.

Когда отецъ Пимень явился ко владыкѣ, онъ милостиво и ласково принималъ его и объявилъ ему что онъ на слѣдующій день посвятить его въ архимандрита и приказалъ ему готовиться и потомъ спросилъ его:

— Имѣешь ли все нужное для посвященія?

— Ничего не имѣю, ваше высокопреосвященство, но благодаря расположенію отца ректора, архимандрита Леониды, могу получить все нужное для посвященія; онъ мнѣ кратко сказалъ чтобы въ случаѣ надобности я взялъ у него въ монастырѣ что потребуется.

Митрополитъ улыбнулся и еще благословивъ игумена отпустилъ его съ миромъ и радостію.

На слѣдующій день, августа 24, въ день своихъ прежнихъ именинъ, игумень Пимень прибылъ предъ литургіей на Троицкое подворье, служилъ со владыкой и былъ посвященъ имъ въ санъ архимандрита. Послѣ служенія митрополитъ вручилъ новому архимандриту посохъ и сказалъ ему краткое назидательное слово. Совершенно случайно вздумавъ въ этотъ день помолиться на Троицкомъ подворьѣ жена Александра Марья Григорьевна, и каково же было ея удивленіе что отца Пимена посвящаютъ въ архимандрита. Она послѣдшила домой чтобы возвѣстить эту радость мужу, зная какъ онъ этого желалъ.

Когда архимандритъ Пимень пришелъ въ покои владыки благодарить его, тотъ ему сказалъ:

— Мы въ ожиданіи прибытія Государа Императора, 26 дня имѣеть быть. Высочайшій выходъ, можешь остаться и быть въ соборѣ при встрѣчѣ.

Александровъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ пріѣзда архимандрита и обрадованный обнялъ его, поздравлялъ, плакалъ, цѣловалъ, но такъ какъ это было время отдыха для больного, онъ архимандрита не сталъ удерживать, а звалъ его слова пріѣхать къ себѣ въ пятомъ часу пить чай.

Александровъ не былъ нисколько тщеславенъ, что онъ и доказалъ, высказавъ отцу благочинному что оцелъ бы даже за обиду ежели бы владыка вздумалъ представлять къ награждъ за его пожертвованія, но нельзя сказать чтобъ онъ не былъ самолюбивъ, и быть-можетъ даже самое его положеніе недвижимости усиливало въ немъ это чувство: „Вотъ, несмотря на

то что я калѣка, лежу на одномъ мѣстѣ, все-таки вѣдь я же, чрезъ меня же митрополитъ награждаетъ Пимена“...

Чтобы выразить новому архимандриту свое удовольствіе Александровъ осыпалъ его подарками: „Отецъ архимандритъ, говорилъ онъ ему, закажите себѣ золотой наперсный крестъ съ брилліантами цѣною въ 600—700 рублей; потомъ двѣ митры, одну бархатную шитую золотомъ, другую шитую жемчугами, цѣны не назначаю и не ограничиваю, чтобъ онѣ были хороши и приличны, и малиновое бархатное шитое золотомъ полное облаченіе, приблизительно въ 1.000 руб. и до 1.200... Это будетъ вамъ на память обо мнѣ“...

Подарки эти въ сложности стоили тысячь около шести.

Александровъ былъ искренно обрадованъ что наконецъ благодаря его содѣйствію на Угрѣшѣ будетъ не просто игумень, а архимандритъ, котораго съ незапамятныхъ временъ тамъ не бывало и къ Угрѣшѣ располагался все болѣе и болѣе. Новый архимандритъ участвовалъ 26 августа во встрѣчѣ Государя въ Успенскомъ соборѣ, а на слѣдующій день, 27 числа, въ день празднованія Владимірской иконы Богоматери, а вмѣстѣ и въ день своихъ именинъ, преподобнаго Пимена великаго, въ первый разъ служилъ онъ со владыкой въ новомъ своемъ санѣ въ Срѣтенскомъ монастырѣ.

На слѣдующее утро погода была весьма ненастная, сырая, осенняя, но отца Пимена ожидали въ монастырѣ и онъ однако отправился изъ Москвы. Когда пріѣхалъ на Угрѣшу былъ торжественно встрѣченъ братіей у святыхъ воротъ, направился къ Николаевскому собору и совершалъ тамъ литургію, а на другой день у праздника въ Предтеченской церкви, чтò поѣхъ колокольной.

IV.

Александровъ не довольствуясь тѣмъ что онъ воздвигалъ новыя зданія на Угрѣшѣ и обновлялъ старыя рѣшилъ что нужно монастырь обезпечить и опредѣлилъ на то *восемьдесятъ тысячъ*, а такъ какъ въ то время съ монастырскихъ капиталовъ получалось только всего полтора процента, то онъ вознамѣрился на эти деньги купить доходный для монастыря домъ и поручилъ комиссіонерамъ имѣть таковой домъ въ виду. Долгое время ничего подходящаго не представлялось, или домъ слишкомъ дорогъ, или по мѣстности не выгоденъ,

наконецъ въ декабрѣ 1858 года, комиссіонеры сообщили что продается домъ Колесова на Таганкѣ и что за *сто тысячъ* можно будетъ его купить. Этотъ домъ совмѣщалъ всѣ желаемыя условія выгодной мѣстности и доходности и хотя былъ нѣсколько дороже чѣмъ первоначально думалъ Александровъ, онъ на этомъ не остановился и послалъ за архимандритомъ одного изъ своихъ прикащиковъ чтобы при немъ рѣшить покупку дома, и когда онъ пріѣхалъ, объявилъ ему что для монастыря домъ покупается.

Архимандритъ Пименъ испросилъ его согласія и на другой день доложилъ владыкѣ.

— Ну, хорошо, сказалъ митрополитъ, — Богъ благословить, молись Богу.

— Не благоугодно ли будетъ вашему высокопреосвященству благословить Павла Матвѣевича иконой? сказалъ архимандритъ.

Митрополитъ отвѣчалъ:

— Теперь нѣтъ еще причины благословлять иконой; дѣло только-что начинается: швое дѣло еслибы все кончили.

Архимандритъ Пименъ однако съ настойчивостію ему вовсе несвойственною продолжалъ настаивать:

— Нѣтъ, ужъ явите милость, при началѣ и благословите...

Тогда митрополитъ какъ бы вынужденный и будто нехота промолвилъ: „подожди“, и пошелъ въ свою моленную, откуда вынесъ икону Святителя Николая, безъ оклада, не за стекломъ, и отдавая ее отцу Пимену, сказалъ съ улыбкой:

— Вотъ онъ вамъ будетъ помощникъ и покровитель.

Икону эту архимандритъ передалъ Александрову, который въ началѣ новаго (1859) года письменно благодарилъ владыку за присланную икону и въ своемъ письмѣ весьма подробно объяснялъ о покупке дома для монастыря у Колесова. Это письмо въ послѣдствіи оказалось весьма важнымъ и послужило главнымъ основаніемъ для укрѣпленія дома за монастыремъ.

Александровъ, точно предчувствуя свою кончину, слѣдилъ дѣло покупки окончить, но оказались препятствія: Колесовы, много лѣтъ владѣя домомъ, не позаботились о томъ чтобы ихъ ввели во владѣніе, и вслѣдствіе этого дѣло позамедлилось и не могло быть тотчасъ окончено.

Александровъ, весьма недовольный неожиданнымъ замедленіемъ, желая утѣшить и себя и архимандрита, вызвался еще

что-нибудь сдѣлать для монастыря. Архимандритъ предложилъ ему надстроить Угрѣшскую колокольню, которая, будучи заложена въ 1758 году, при настоятелѣ Филаретѣ Завалевичѣ, не была можно сказать вполне достроена, ибо на первые два яруса величественныхъ размѣровъ вѣроятно по скудости средствъ былъ временно наложенъ третій полуярусъ, весьма низменный и мало соответствовавшій нижнимъ. Александровъ изъявлялъ полную готовность.

Покомчивъ по этому дѣлу переговоры съ Александровымъ, отецъ Пименъ явился ко владыкѣ и доложилъ ему о новомъ пожертвованіи благотворителя на постройку колокольни.

— Богъ благословитъ и усердствующаго и дѣло, сказалъ митрополитъ выслушавъ донесеніе угрѣшскаго настоятеля.

— Не благоугодно ли будетъ приказать представить планъ? спросилъ отецъ Пименъ.

— Я плана утверждать не стану, перебилъ онъ архимандрита, какъ будто недовольный такимъ предложеніемъ.

Отецъ Пименъ смутился, мысленно себя допрашивая: „что онъ такое сказалъ что бы могло вызвать неудовольствіе владыки?“

Но митрополитъ тотчасъ же спросилъ его:

— А развѣ тебѣ не нравится модель колокольни которую ты мнѣ показывалъ?

— Нѣтъ, владыко святой, она мнѣ нравится, отвѣчалъ архимандритъ, удивленный что митрополитъ помнитъ ту модель которую ему онъ показывалъ на Угрѣшѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ и про которую въ то время онъ не сказалъ ни слова и не одѣлалъ ни малѣйшаго замѣчанія.

— Ну такъ по ней и дѣлай, заключилъ владыка.

Какъ полновластный хозяинъ въ своей епархіи, митрополитъ Филаретъ не заставлялъ консисторію трудиться надъ тѣмъ что могло быть разрѣшено его собственнымъ словомъ или по распоряженію его лера, и потому многое во дни его правленія совершалось по словесному, даже не письменному благословенію. Отъ этого всѣ выигрывали; консисторіи не давалась лишняя работа, и просители получали немедленно разрѣшеніе или отказъ на ихъ просьбу, что очень важно въ дѣлахъ требующихъ послѣдности. Почти подобный же отвѣтъ митрополитомъ Филаретомъ былъ сдѣланъ еще и прежде отцу Пимену, когда тотъ сталъ однажды выражать владыкѣ свои

опасенія что все что строено имъ на Угрѣшѣ строено безъ консисторскихъ указовъ.

— А развѣ ты со мной не хочешь дѣла имѣть? строго спросилъ его митрополитъ.

— Напротивъ, владыко святой, я очень счастливъ, отвѣчалъ отецъ Пименъ,—но только опасуюсь...

— Чего же опасаться ты? перебилъ его строго митрополитъ.

— Отвѣтственности, робко и замываясь отвѣчалъ Пименъ. Митрополитъ улыбнулся.

— Отвѣтственности предъ кѣмъ? спросилъ онъ и не дожидаясь отвѣта прибавилъ:—Успокойся, не тебѣ придется бы за это отвѣтить, а мнѣ... Не тебя отдали бы за это подъ судъ, а ужъ скорѣе же меня за то что я разрѣшалъ... Не тревожься, и какъ прежде съ моего благословенія уже строилъ, такъ продолжай и теперь и впередъ.

Такъ какъ это обстоятельство предшествовало тому времени когда послѣдовалъ докладъ о перестройкѣ колокольни, то весьма вѣроятно что вслѣдствіе этого-то именно владыка и отозвался съ видимымъ неудовольствіемъ на вопросъ архимандрита Пимена „не представить ли лаявъ?“ Не пришла ли ему тогда на мысль что Пименъ *окольными путями* добивается *письменной резолюціи*, въ которой ему было уже однажды навсегда отказано, и какъ будто хотѣлъ онъ сказать, отказавшись утверждать лаявъ: „Да развѣ тебѣ мало словеснаго благословенія, не достаточно—ты добиваешься утвержденія лаяна и вымогаешь отъ меня письменной резолюціи?“

Послѣ этого отецъ Пименъ былъ уже осторожнѣе и никогда не просилъ письменныхъ разрѣшеній владыки и не разъ говорилъ:

— Почти всю Угрѣшу заново перестроилъ и кромѣ Никольскаго собора, перестроеннаго съ Высочайшаго разрѣшенія, въ дѣлахъ Московской духовной консисторіи не найдешь ни строчки о постройкахъ и перестройкахъ на Угрѣшѣ,— все сдѣлано по словесному благословенію покойнаго владыки.

Это доказывало вполнѣ все его довѣріе къ настоятелю Угрѣшскому.

V.

Пока дѣло о покупкѣ дома тянулось вслѣдствіе замедленій происшедшихъ отъ несоблюденія нѣкоторыхъ формальностей со стороны продавцевъ и пока, пользуясь зимнимъ временемъ, отецъ Пименъ приготовлялъ матеріалы для начала кладки колокольни, здоровье Александра видимо ухудшалось. Онъ самъ казалось или не замѣчалъ этого, или старался утѣрить себя что нѣтъ ухудшенія въ его положеніи и продолжалъ заниматься собственными дѣлами и заботился о благосостояніи Угрѣшци, принимая живое участіе даже въ малѣйшихъ подробностяхъ до нея относящихся. Такъ около десятыхъ чиселъ марта мѣсяца, услышавъ что въ Москву привезли изъ Тулы мелкой живой рыбы для садки въ пруды, онъ распорядился чтобы купили пудовъ тридцать для Угрѣшскихъ прудовъ и пожелалъ видѣть, вслѣдствіе чего монастырскій экономъ, іеромонахъ Нилъ, * возилъ ему показывать. Онъ улыбался и смѣялся говорилъ эконому:

— Ну, вотъ будетъ вамъ теперь рыба, и уха будетъ, и жаркое, и рыба станетъ въ прудѣ гулять, а вы будете ею любоваться.

Это происходило утромъ, а къ вечеру Александровъ сталъ себя чувствовать не совсѣмъ хорошо, и отца Пимена извѣстили. Онъ послѣдилъ пріѣхать и 11 марта былъ у него; снова пріѣхалъ навѣстить его и 12 числа, и замѣтилъ что онъ говоритъ не совсѣмъ такъ внятно какъ обыкновенно, однако не замѣтилъ чтобы въ его положеніи было что-нибудь опасное.

Отъ него архимандритъ поѣхалъ на Троицкое подворье ко владыкѣ и поднесъ ему просфору...

— Чтò же это такое? спросилъ его митрополитъ.

— Въ завтрашній день исполнится двадцать пять лѣтъ со дня моего поступленія на Угрѣшу, святѣйшій владыко, и я

* Нылъ игуменъ Угрѣшскій (преемникъ отца Пимена), единогласно избранный братіей какъ человѣкъ всѣмъ извѣстный и утвержденный владыкой Московскимъ, какъ настоятель опытный, пріобрѣтшій умѣніе управлять обителью въ продолженіе десятилѣтняго своего правленія въ Барауковской пустынь, которая ему именно обязана тѣмъ цвѣтущимъ положеніемъ въ каковое онъ ее привелъ послѣ тѣхъ нестроений какія въ ней оказались въ послѣднее время предъ его туда поступленіемъ по назначенію отъ начальства.

осмѣлился явиться къ вамъ благодарить васъ за всѣ ваши ко мнѣ милости и поднести просфору за ваше здравіе вынутую.

Митрополитъ принявъ просфору и весьма ласково поблагодаривъ его, благословилъ и сталъ ему высказывать свои благожеланія.

Послѣ того архимандритъ доложилъ владыкѣ что съ третьяго дня замѣчается ухудшеніе въ состояніи здоровья Павла Матвѣевича.

— Онъ вашъ благодѣтель, молитесь о немъ и поминайте его на ектеніяхъ, да подастъ ему Господь здравіе... И въ особенности слѣдуетъ приложить полеченіе чтобъ онъ былъ напутствованъ св. таинствами. Этотъ долгъ на тебѣ лежить. Передай ему благословеніе и можешь сказать ему отъ меня чтобы, прибѣгая ко врачамъ земнымъ, онъ не замедлилъ призвать къ себѣ и Врача душъ и тѣлесъ, всякіе недуги врачующаго...

Съ подворья отецъ Пимень опять заѣхалъ къ больному передать ему сказанное владыкой и еще взглянуть на него.

„Я пробылъ у него не долго“, разказывалъ отецъ Пимень, „и очень пристально наблюдалъ; онъ ничего не говорилъ, но на видъ казался покоенъ, что и меня нѣсколько поуспокоило. Нѣсколько разъ собирался я уходить и опять оставался. Наконецъ я всталъ и взявъ его руку, сказалъ ему:

„— Надобно поправляться, Павелъ Матвѣевичъ; мы будемъ за васъ молиться, а вы выздоравливайте.

„Онъ ничего не отвѣтилъ, но только улыбнулся, и меня такъ въ сердце и кольнуло. Я отъ него вышелъ и мнѣ стало ужасно грустно, такъ что, сѣвъ въ сани, я прослезился, точно я со всѣмъ съ нимъ простился и какъ будто предчувствовалъ что намъ уже съ нимъ болѣе не видаться. Я старался услокоить себя тѣмъ что опасности не замѣтно и похвалъ обратно въ монастырь, но съ весьма неспокойнымъ духомъ.

„На слѣдующій день, марта 13, было соборное служеніе и по окончаніи литургіи благодарственное молебствіе что Господь, приведшій меня въ Угрѣшскій монастырь, слодобилъ меня принять въ немъ монашество и неисходно провести двадцать пять лѣтъ на одномъ мѣстѣ, и за всѣ тѣ благодѣанія которыми не по достоинству моему Ему благоугодно было осыпая меня со дня моего вступленія въ обитель скудную и убогую, но въ то время уже возрождавшуюся и начинавшую уже процвѣтать... Но какъ ни радостны были эти

чувствованія и размышленія для моего сердца, я невольно ощущалъ неотразимую безотчетную грусть, которая меня тяготила, и въ особенности мнѣ прискорбно было подумать что главный виновникъ всего благосостоянія обители не можетъ быть въ этотъ день участникомъ въ нашемъ духовномъ торжествѣ и не можетъ видѣть всю искренность нашей глубокой къ нему признательности... И какое-то смутное тайное предчувствіе вѣщало моему тревожному сердцу что этимъ для меня знаменательнымъ днемъ и окончатся дни благосостоянія обители...

„По окончаніи братской трапезы, тревожась насчетъ здоровья Павла Матвѣевича, я рѣшился немедленно отправиться въ Москву. Къ несчастію мое печальное предчувствіе меня не обмануло: на подорожѣ меня встрѣтилъ нарочно посланный гонецъ съ роковою и печальною вѣстію о кончинѣ Павла Матвѣевича.

„Я горько заплакалъ и поѣхалъ обратно въ монастырь чтобы сдѣлать нѣкоторыя нужныя распоряженія, послѣ чего снова поѣхалъ въ Москву и прибылъ туда уже весьма поздно вечеромъ...

„Это было 13 марта, въ пятницу, на крестолоклонной недѣлѣ.“
Александровъ скончался на 68 году отъ рожденія.

Отецъ Пименъ глубоко былъ тронутъ смертію человѣка къ которому былъ искренно расположенъ сердцемъ, и который былъ кромѣ того еще и благодѣтель обители, слѣдовательно можно сказать что лишаясь его онъ ощущалъ двойную потерю и сугубо о немъ жалѣлъ.

Какъ человѣкъ весьма сдержанный, отецъ Пименъ рѣдко допускалъ себя до слезъ, но за то когда онъ не могъ пере-силить себя и слезы имъ овладѣвали, онъ уже не въ состояніи былъ справиться съ собой и тогда плакалъ такъ долго и такъ сильно что плачь его наконецъ переходилъ въ истерическія рыданія, которыя невозможно было ничѣмъ прекратить и которыя оканчивались только отъ утомленія и совершеннаго изнеможенія близкаго къ обмороку, чему неоднократно намъ приходилось быть очевидцами...

Приблизясь къ тѣлу человѣка любимаго и благодѣтеля отецъ Пименъ такъ былъ олепаченъ, разчувствованъ и пораженъ что съ нимъ отъ уснаеннаго и непрестаннаго плача сдѣлалась совершенная истерика, которую невозможно было ничѣмъ унять пока она сама собою не прекратилась...

Вдоволь наплакавшись и отслужив панахиду, во время которой онъ неоднократно долженъ былъ сдерживаться чтобы опять не дойти до истерики, отецъ Пименъ вспомнилъ что ему слѣдуетъ немедленно явиться ко владыкѣ, довести ему о кончинѣ и испросить благословеніе какъ хоронить благодетителя и вмѣстѣ испросить и разрѣшеніе перевезти тѣло его на Угрьшу.

При входѣ отца Пимена ко владыкѣ, тотъ по лицу его могъ уже угадать съ какою онъ къ нему явился вѣстію и тихо и съ участіемъ его только спросилъ: „что?“

Отецъ Пименъ началъ докладывать, но голосъ дрожалъ, слезы текли по лицу и подступали къ горлу, такъ что онъ нѣсколько разъ долженъ былъ останавливаться и только послѣ немовѣрныхъ надѣ собой усилій могъ онъ нѣсколько оправиться, доложить что слѣдовало и узнать какія сдѣлаеть владыка распоряженія касательно погребенія.

Послѣдовало приказаніе:

1) Сопровождать тѣло изъ Москвы четырьмя іеромонахамъ и двумя іеродіаконамъ. 2) Торжественно встрѣчать во святыхъ воротахъ со звономъ, въ облаченіи, съ хоругвами и со крестами. 3) Провожать со звономъ, со крестами и хоругвами до могилы, и 4) хоронить въ склепѣ подъ трапезною церковью.

По желанію покойника его долженъ былъ отпѣвать настоятель Угрьшскій и два священника, что было въ точности исполнено при совершеніи литургіи, но на самое отпѣваніе явилось множество городскихъ священниковъ пожелавшихъ участвовать и потому отпѣваніе было весьма торжественно и многолюдно. Послѣдніе три или четыре года Александровъ жилъ на Поварской въ домѣ Демидова, въ приходѣ и напротивъ церкви Ржевской Божіей матери; тамъ его и отпѣвали.

По окончаніи всей службы всѣ трапезовали въ домѣ покойника, а гробъ между тѣмъ поставили въ футляръ, и когда трапеза окончилась, процессія двинулась въ ходъ.

Погода въ тотъ день стояла хорошая и хотя путь началъ уже портиться, такъ какъ было 16 марта, но съ утра былъ морозъ, дорогу нѣсколько захватило, потому она была довольно хорошая.

Печальное шествіе слѣдовало съ Поварской Воздвиженкой, Охотнымъ Рядомъ, Солянкой и Тагаркой въ Спасскую заставу. За колесницей тянулись болѣе двадцати каретъ и столько же троичныхъ саней.

Отецъ Пимень провожалъ тѣло до самой заставы лѣвшкомъ, потомъ сѣлъ въ карету и поѣхалъ впередъ чтобы сдѣлать встрѣчу. Колесница была запряжена четверней въ рядъ съ простыми ямщиками: такъ какъ покойникъ терпѣть не могъ факельщиковъ, погребальныхъ возницъ съ ихъ черными плащами и съ широкополыми шляпами, то не хотѣли чтобы и по смерти его было сдѣлано что-нибудь такое чего онъ не любилъ при жизни. Тѣло во всю дорогу было сопровождаемо четырьмя іеромонахами и двумя іеродиаконами, которые перемѣнялись; выѣхавъ изъ Москвы въ третьемъ часу къ монастырю подѣхали уже въ восьмомъ. Противъ дома была лѣтня, и гробъ снятый съ колесницы понесли ко святымъ вратамъ на рукахъ. Было уже темно; архимандритъ и всѣ іеромонахи и іеродиаконы въ облаченіяхъ и вся братія со свѣчами ожидали во святыхъ воротахъ и встрѣтили гробъ благодотворителя обители земнымъ поклономъ и по совершеніи лѣтня тѣло понесли со звономъ и хоругвами въ Успенскую церковь, гдѣ тотчасъ же началась заулокйная всенощная.

На слѣдующій день совершалъ литургію и отпѣваніе архимандритъ и съ нимъ двѣнадцать служащихъ, и послѣ того съ хоругвами и крестами при колокольномъ звонѣ проводили тѣло благодотворителя до послѣдняго его жилища—до склепа подъ алтаремъ Троицкой церкви апостола Матѣея и мученицы Параскевы и тамъ опустили въ могилу.

Поминовенная трапеза для всей братіи и духовенства была въ трапезной палатѣ, а для родственниковъ и прочихъ мірянъ въ гостиницѣ.

Когда послѣ трапезы отецъ Пимень пришелъ въ свою келью, подавленный горемъ и чрезвычайно разстроенный, тогда Петръ Ивановичъ Куманинъ (будущій благодотворитель Угрюши), видя его глубокую скорбь, объялъ его и, какъ бы желая его утѣшить, сказалъ ему съ чувствомъ: „Не скорбите; вы его не возвратите; все что вы въ немъ потеряли вы найдете во мнѣ; постараюсь вамъ его замѣнить“.

И съ этого времени началась между ними та дружественная связь которая продолжалась до самой смерти Куманина.

Приобрѣтеніе монастыремъ дома Колесовыхъ въ Таганкѣ послѣдовало уже послѣ смерти Александра, и то письмо которое онъ писалъ ко владыкѣ, благодаря за икону, послужило главнымъ основаніемъ для укрѣпленія дома за монастыремъ. Домъ былъ купленъ за сто десять тысячъ

серебромъ и Высочайше утверждено за монастыремъ въ октябрѣ 1859 года.

Въ духовномъ завѣщаніи Александра было двѣнадцать пунктовъ относящихся къ Угрѣшскому монастырю, именно: доходъ получаемый съ дома (и въ то время не превышавшій 7.000 руб. сер.) распределялся такъ: 1) на содержаніе 30 братьевъ Угрѣшскаго общежитія. 2) На содержаніе десяти престарѣлыхъ и немощныхъ старцевъ въ монастырской богадѣльнѣ. 4) На страннопріимный при монастырѣ домъ. 5) На служеніе равныхъ заупокойныхъ литургій въ придѣлѣ Маріи Египетской. 6) На служеніе заупокойныхъ литургій въ трапезномъ храмѣ во имя апостола Матвея и мученицы Параскевы. 7—8) На лампадное освѣщеніе, на свѣчи и на поддержку монастырскихъ зданій. 9—10) На совершеніе заупокойныхъ литургій въ нѣкоторые опредѣленные дни (рожденій, именинъ и кончинъ) по родителямъ завѣщателя и жены его, а по ихъ кончинѣ и по нихъ самихъ.

11й пунктъ: „Предоставляется на усмотрѣніе настоятеля дѣлать измѣненія или ограниченія въ распредѣленіи суммъ на все означенное въ 10 пунктахъ завѣщанія“.

12й пунктъ: „Такъ какъ онъ, Александровъ, наследниковъ по себѣ, которые бы наблюдали за точнымъ исполненіемъ сего завѣщанія не имѣетъ, то и возложилъ наблюденіе на настоятеля обители, и проситъ всѣ вышеозначенныя желанія его, Александра, исполнять непременно во всей точности, съ полнымъ усердіемъ, такъ какъ онъ, завѣщатель, отъ полноты усердія своего ради Бога жертвуетъ на святую обитель достояніе свое въ вѣчное пользованіе... *Да будетъ имъ, настоятелямъ обители оной, собственная ихъ совесть судіею и да создадутъ они отчетъ въ день суда страшнаго мздовоздають Христу.*“

„Прошу не выводить куда архимандрита Пимена, а оставить его до смерти настоятелемъ Николо-Угрѣшскаго монастыря.“

Завѣщаніе было Высочайше утверждено.

VI.

Дружественныя отношенія между отцомъ архимандритомъ Пименомъ и ректоромъ архимандритомъ Леонидомъ все болѣе и болѣе упрочивались и между ними устававлась

довольно частая переписка, изъ которой сохранились нѣкоторыя письма, послѣ кованныя преосвященнаго Леонида отчасти влечатажныя.

Вотъ письмо отъ ректора къ отцу Пимелю которое (по времени) здѣсь приводимъ; оно отъ 13 апрѣля 1859 года.

„Христосъ воскрес!

„Вамъ, высокопреподобный и высокоуважаемый отецъ архимандритъ и братиі св. обители вашей братское мое привѣтствіе съ величайшею радостію христіанскаго міра.

„Прошу вашу любовь о сугубой о мнѣ молитвѣ, въ которой, надѣюсь, ни вы, ни братіа не откажете моему недостоинству, ради искренней моей преданности къ вамъ и къ обители. Молитвы эти мнѣ особенно нужны: 4 апрѣля Государь утвердилъ докладъ Св. Синода о назначеніи меня на мѣсто переводимаго на Уфимскую кафедру преосвященнаго епископа Дмитровскаго Порфирія.*

„Знаю что вы порадуетесь. Странно было бы не радоваться и мнѣ; но признаюсь что радуюсь со страхомъ великимъ зѣло и говорю это не для фразы, а какъ чувствую и чтобы подвигнуть васъ на молитву. Благословите!

„Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію вашего высокопреподобія

покорный слуга *архимандритъ Леонидъ.*“

Отецъ Пимель принялъ живое участіе въ измѣненіи положенія своего друга архимандрита Леонида и ко дню его хиротоніи приготовилъ лангагію съ изображеніемъ Спасителя благословляющаго (римское каме) прекрасно оправленную въ золото и поднесъ отъ имени Угровскаго монастыря; облаченіе было подарено новому епископу княземъ Валеріаномъ Михайловичемъ Голицынымъ, который весьма любилъ архимандрита Леонида. Хиротонію совершалъ митрополитъ Филаретъ въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ апрѣля 26 (1859 года) и свой собственныи омофоръ возложилъ на новолитургическаго, что нѣкоторые считали какъ бы предзнаменованіемъ что онъ будетъ преемникомъ Филарета, но иль судъ Божій, иль человѣческій. При посвященіи участниками еще была

* *Порфирій Сокольскій* въ 1835 постриж., 1836 X кл. Моск. Ак., 1845—рект. Тобольск. С., Костромск. С., 1858 ноября 21. Вук. Ел. Дмитровскій; 1859 марта 21. Ел. Уфимскій; 1860. Севт. 13. Е. Томскій; 1864 ноября 13. увол. на пок. съ пенс. по 600 р.; 1865 юна 3 ф.

кромя митрополита: 1) преосвященный *Евгеній* бывшій архиепископъ Ярославскій (пребывавшій тогда на покое въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ); 2) преосвященный *Порфирій* епископъ Уфимскій и 3) преосвященный *Никаноръ*, епископъ Оивандскій (въ послѣдствіи патріархъ Александрійскій). При служеніи участвовали: синодальный ризничій архимандритъ Савва (нынѣ архиепископъ Тверскій) и протопресвитеръ Новскій.

Возвышеніе въ санъ епископа не охладило дружбы между преосвященнымъ Леонидомъ и отцомъ Пименомъ, но только лишило его возможности посѣщать Угрѣшу также часто какъ прежде; но рѣдкая проходила недѣля чтобы, бывая въ Москвѣ по дѣламъ и нуждамъ монастыря, настоятель угрѣшскій не побывалъ у епископа Дмитровскаго на Саввинскомъ подворьѣ и не провелъ съ нимъ вечера или не потралезовалъ у него.

Въ продолженіе лѣта 1859 года довершена кладка колокольни. Съ мая мѣсяца начали разбирать верхній ярусъ и предполагалось сложить только ярусъ или два, но вопросъ сдѣланный однажды митрополитомъ отцу Пимену рѣшилъ его не длить построенія:

— А что вы нынѣшнимъ лѣтомъ колокольню докончите? спросилъ митрополитъ.

— Нѣтъ, владыко святой, отвѣчалъ архимандритъ.

— А почему же нѣтъ? снова спросилъ владыка.

Отецъ Пименъ промолчалъ, но изъ вопросовъ митрополита заключилъ о его желаніи видѣть строеніе скорѣе довершеннымъ и какъ бы ободряемый его словами онъ рѣшился ускорить кладку и къ концу сентября вся каменная работа была окончена.

„При кладкѣ колокольни“, разказываетъ отецъ Пименъ въ своихъ воспоминаніяхъ, „во избѣжаніе осадки (какъ это незадолго предъ тѣмъ случилось съ колокольней Симоновскою) я наблюдалъ чтобы кирпичъ мочили, чтобы радъ клали въ густой известковый растворъ, заливали бы чистымъ алебастромъ и послѣ того все излишнее очищали бы до чиста; чрезъ каждые два аршина клали длинныя желѣзные брусья въ переплетъ для связи, и этотъ способъ кладки оказался вполнѣ успѣшнымъ. Кирпичная работа продолжалась менѣе четырехъ мѣсяцевъ и выведено было вверхъ болѣе двѣнадцати сажень и не оказалось ни малѣйшей трещины и не

было осадки.“ Такъ колокольня начатая въ 1758 году была влоливъ докончена только черезъ столѣтїе, въ 1859 году.. Въ вышину угрѣшская колокольня имѣеть нѣсколько менѣе 38 сажень; она въ шесть ярусовъ.

VII.

Петръ Ивановичъ Куманинъ, о которомъ мы упоминали выше, былъ уроженецъ Переяслава-Залѣскаго, родомъ изъ кулеческаго сословія. Будучи еще мальчикомъ онъ жилъ нѣкоторое время у родственника своего Константина Алексѣевича Куманина, потомъ былъ прикащикомъ и въ продолженіе многихъ лѣтъ ѣздилъ въ Кяхту, гдѣ подолгу живалъ, равно какъ и въ Сибири; въ послѣдствіи сдѣлался комиссіонеромъ чайныхъ торговцевъ и наконецъ сдѣлался и самъ однимъ изъ самыхъ значительныхъ чайныхъ торговцевъ и имѣлъ дѣло прямо съ Китаемъ и въ весьма большихъ размѣрахъ.

Тѣлосложеніа онъ былъ весьма здороваго, по наружности былъ очень красивъ. Одаренный отъ природы умомъ быстрымъ и смѣтливымъ, хотя онъ и не получилъ надлежащаго воспитанія и не былъ что-называется ученымъ человѣкомъ, но самъ себя образовавъ чтеніемъ и обращеніемъ съ людьми благовоспитанными и образованными, многому научился и наглядѣлся; держалъ себя весьма прилично, съ большимъ достоинствомъ и былъ пріятнымъ собесѣдникомъ.

Жена его, которую звали Анна Ивановна, умерла за много лѣтъ до него, такъ что онъ остался вдовцомъ будучи еще довольно молодыхъ лѣтъ. Онъ былъ человѣкъ очень воздержный, чуждъ всякой суетности и большой нелюбитель театровъ, собраній и подобныхъ удовольствій, поглощающихъ много времени и стоящихъ не малыхъ издержекъ.

Бывая у Александрова, Куманинъ познакомился съ отцомъ Пименомъ и какъ человѣкъ умный и умѣвшій распознавать и цѣнить людей онъ весьма къ нему расположился, но довольно сдержанный и не скоро общительный онъ не слѣшилъ сблизиться съ нимъ, всматриваясь и вглядываясь въ него, потому что и онъ, какъ многіе изъ мірянъ, не былъ чуждъ нѣкотораго предубѣжденія противъ монашествующихъ, почитая ихъ, какъ и все духовенство вообще,

слишкомъ любостяжательными. Но скоро убѣдившись въ неоспоримо прекрасныхъ качествахъ отца Пимена и увѣрившись что онъ, какъ истинный монахъ, а не ханжа или фарисей, совершенно чуждъ всякой личной любостяжательности и что, ежели и желаетъ что приобрести, то ради только пользы обители, вполнѣ къ нему расположился, ожидая только случая чтобы съ нимъ сблизиться. Этотъ случай представился по смерти Александрова:

„На третій день послѣ кончины Павла Матвѣевича“, разказывалъ отецъ Пименъ, „марта 15, въ воскресенье, послѣ ланнахиды за которою полагали тѣло во гробъ, Петръ Ивановичъ Куманинъ, видя мою глубокую скорбь, отвесилъ ко мнѣ съ искреннимъ участіемъ и послѣ ланнахиды увезъ меня къ себѣ въ домъ и съ этого дня между нами установились искренно-дружественныя отношенія.

„Онъ говорилъ мнѣ: Не скорбите, батюшка; что вы потеряли въ Павлѣ Матвѣевичѣ я постараюсь то восполнить.

„И дѣйствительно онъ на самомъ дѣлѣ оправдалъ это. Съ этого времени бывая въ Москвѣ я непрѣменно бывалъ у него и согласно его желанію преимущественно обѣдалъ у него когда вздумается, не ожидая приглашеній. Но когда располагалъ быть у него къ обѣду, то накануне извѣщалъ о томъ и бѣжалъ съ полною увѣренностью что буду приватъ съ удовольствіемъ. Онъ жилъ на Знаменкѣ, рядомъ съ домомъ князя Гагарина.“

Къ этому времени относится одно обстоятельство которое послужило къ ускоренію устройства скита при Угрѣвскомъ монастырѣ. Изъ числа часто посѣщавшихъ Угрѣву и лично уважавшихъ отца Пимена была одна весьма достаточная и немолодыхъ уже лѣтъ вдова изъ московскаго купечества, которая имѣла близкаго родственника въ числѣ братіи Геесиманскаго скита. Будучи весьма расположена къ отцу Пимену, она сперва желала было чтобы этотъ молодой ея родственникъ поступилъ на Угрѣву, на что согласенъ былъ и отецъ Пименъ; но когда она стала просить совѣта у митрополита Филарета, къ которому ѣздила, и сказала ему что ей хотѣлось бы чтобы ея родственникъ поступилъ на Угрѣву, владыка въ свою очередь сказалъ ей:

— Если вы моего требуете совѣта, то я указалъ бы ему не на Угрѣву, а на Геесиманскій скитъ,—тамъ много опытныхъ старцевъ.

Послѣ этихъ словъ владыки и молодому человѣку не ладно было уже идти на Угрѣшу и, зная сказанное ему митрополитомъ, неловко было отцу Пимену принять его къ себѣ. Съ поступленіемъ родственника въ Геэсимапскій скитъ, богатая его родственница возымѣла желаніе построить тамъ на свое удивленіе храмъ, о чемъ передала отцу намѣстнику Антонію, который доложилъ о томъ владыкѣ, но владыка на это ему сказалъ: „Храмъ уже есть, къ чему же еще другой строить, не излишне ли будетъ?“

Намѣстникъ передалъ отвѣтъ желавшей построить храмъ, но она этимъ не удовольствовалась и осталась при своемъ намѣреніи. Вторично намѣстникъ передалъ объ этомъ владыкѣ, и тотъ сказалъ:

— Буду въ скитѣ, осмотрю мѣсто, поговоримъ объ этомъ.

Прошло не мало времени, владыка не разъ бывалъ въ скитѣ, но рѣшительнаго насчетъ храма ничего не сказалъ и, какъ замѣтно было, какъ будто и не желалъ этого.

— Я владыкѣ не разъ докладывалъ, передавалъ отецъ Антоній желавшей строить храмъ, — но владыка все еще ничего не рѣшилъ.

— Ну, нельзя строить въ Геэсимапѣ, рѣшила старица, — и не надобно, построю на Угрѣшѣ.

И стала она предлагать отцу Пимену выстроить храмъ въ скитѣ на Угрѣшѣ. Конечно, тотъ былъ весьма доволенъ подобнымъ предложеніемъ, но не рѣшаясь самъ докладывать о томъ владыкѣ, сказалъ старицѣ: „Ежели вы имѣете это усердіе, то и доложите сами владыкѣ и изпросите на то его благословеніе, а то онъ подумаетъ что я отвожу васъ отъ мысли строить въ Геэсимапѣ, мнѣ самому не можно объ этомъ говорить“. Та послушалась совѣта отца Пимена и, явившись къ митрополиту, говоритъ ему: „Вотъ, владыко святыи, а хотѣла было построить храмъ у васъ въ скитѣ, но отецъ намѣстникъ оказалъ мнѣ что вамъ докладывать, что вы ничего не рѣшили и думаетъ что это вамъ не угодно“...

— Тамъ есть уже храмъ, сказалъ владыка, — требуется ли еще другой?

— Я и не настаиваю, ваше высокопреосвященство; я рѣшилась, ежели вы благословите, построить храмъ этотъ на Угрѣшѣ...

— На Угрѣшѣ? переспросилъ митрополитъ: — а гдѣ имѣемъ?

— Тамъ за прудомъ, гдѣ вновь сдѣлана ограда.

— А настоятель что говорить, соглашается на это?

— Отецъ Пименъ сказалъ мнѣ чтобъ я сама испросила ваше благословеніе...

Митрополитъ помолчалъ.

— Стало вы совсѣмъ отдумали строить въ Геесиманскомъ скитѣ? спросилъ онъ.

— Я желала и очень, но ежели нельзя, я не осмѣливаюсь.

— Я скоро самъ туда поѣду, будьте тамъ въ Геесиманіи, посмотримъ вмѣстѣ и поговоримъ.

И построеніе храма въ Геесиманскомъ скитѣ было рѣшено и разрѣшено.

Это обстоятельство нѣсколько опечалило отца Пимена, желавшаго имѣть отдѣльный храмъ для начинавшагося скита, но послужило къ лучшему.

Это было въ началѣ дѣла 1859 года.

Въ скоромъ послѣ этого времени пріѣхалъ однажды на Угрѣшу Петръ Ивановичъ Куманивъ съ большимъ обществомъ и, посѣтивъ архимандрита, всѣ вмѣстѣ пошли гулять по саду. Впереди шли пріѣхавшіе съ Куманивымъ, а онъ шелъ позади съ архимандритомъ. Проходя мимо пруда напротивъ скита, онъ нѣсколько умедлилъ шагъ съ намѣреніемъ чтобъ отстать ото всего общества, вполголоса спросилъ у отца Пимена:

— Ну, а что церковь?

— Постройка не состоялась, отвѣчалъ архимандритъ, невольно вздохнувъ.

— А что вы думаете, церковь выстроить деревянную или каменную? спросилъ Куманивъ.

— Я бы думалъ деревянную, отвѣчалъ отецъ Пименъ.

— И я то же думаю что деревянную лучше... и потомъ прибавилъ:—А какъ вы полагаете, сколько на это можетъ быть нужно?

— Тысячъ семь, восемь, отвѣтилъ архимандритъ.

— Ну, съ Богомъ, начинайте, и сказавъ это тотчасъ перебилъ разговоръ и ускоривъ шагъ догналъ общество нѣсколько ушедшее впередъ.

Не откладывая этого дѣла, архимандритъ Пименъ тотчасъ же доложилъ владыкѣ о томъ что есть желающій построить на Угрѣшѣ новый храмъ, а такъ какъ митрополитъ уже однажды отвлекъ отъ построенія этого храма, то не воспротивился теперь и разрѣшилъ составить планъ и представить оный на разсмотрѣніе. Весьма легко могло быть что при

иныхъ обстоятельствахъ владыка этого храма строить вовсе бы не разрѣшилъ, но то что, казалось, повидимому воспретствовало устроению скита на Угрѣшѣ, именно и спосѣшествовало къ скорѣйшему и безпретятственному осуществленію желанія отца Пимена, чтобы въ зараждавшемся скитѣ дозволено было построить храмъ.

По составленіи плана отецъ Пимень представилъ его владыкѣ, но оны не одобрилъ его, потому что церковь была подобіемъ Геосиманской, и сказалъ: „Такое построение неудобно, и если гдѣ такіа существуютъ, то сохранились какъ древность, а вновь можно строить и проще.“ Но второй представленный планъ (нынѣ существующей церкви) былъ одобренъ и утвержденъ.

Отцу Пимену очень желалось чтобы закладку храма совершилъ преосвященный Леонидъ, и оны испросилъ на то благословеніе владыки, который разрѣшилъ пригласить преосвященнаго, но это дѣло не состоялось, и въ письмахъ преосвященнаго къ отцу архимандриту Пимену есть письмо по сему поводу написанное:

„Высокопреподобнѣйшій отецъ архимандритъ!

„Пріятнымъ вашимъ приглашеніемъ, съ благословенія архипастыря мнѣ сдѣланнымъ, извините, воспользоваться не могу. На 18 число октября у меня есть дѣло, по которому долженъ остаться въ Москвѣ. Извините что поздно увѣдомляю: сейчасъ только самъ узналъ объ этомъ. Откладывать до другаго дня, или не откладывая совершить заложеніе храма безъ меня въ назначенный уже день, предоставляю вашему рѣшенію. Я же полагаю что откладывать неудобно и нѣтъ причины. Непредвидѣнное и самое законное претяствіе принять ли за знакъ что Первоверховные Апостолы хотятъ чтобы не моя грѣшная, а прелодобная рука учредителя пустынночесскаго житія на Угрѣшѣ положила первый камень храма для молитвъ пустынниковъ? На дѣлѣ вашемъ да почиетъ благословеніе Божіе! объ этомъ молитъ усердно не умѣющей молиться

„*Леонидъ епископъ Дмитровскій.*“

Москва.

16 октября 1859.

Такъ закладку скитскаго храма и совершилъ самъ архимандритъ Пимень, безъ участія преосвященнаго: откладывать было дѣйствительно неудобно, потому что 18 числа, когда оно должно было происходить, на Угрѣшу прибылъ и храмоздатель Куманинъ, который отсрочкой былъ бы можетъ-статься не слѣшкомъ доволенъ. Наканунѣ этого дня, то-есть въ

субботу, погода была неастная и совершенно осенняя, такъ что домашніе отговаривали Куманина захать за пятнадцать верстъ, ибо онъ чувствовалъ себя не совсѣмъ хорошо; но онъ отвѣчалъ имъ: „Я уже сказалъ что во что бы то ни стало, а поѣду и поѣду.“

Но въ воскресенье, утромъ, погода разгулалась и день былъ не только ясный и теплый, но оказался даже жаркимъ лѣтнимъ днемъ, и во время закладки храма солнце пекло въ голову и птицы щебетали и пѣли въ скитской роуцѣ.

Въ продолженіе этой осени успѣли вывести весь фундаментъ и цоколь; во время зимы срубали стѣны, а весной храмъ покрыли, и онъ былъ совершенно готовъ къ сентябрю мѣсяцу 1860 года.

VIII.

Пока скитская церковь приближалась къ окончанію, другая церковь въ самомъ монастырѣ была уже совершенно готова и ожидала только освященія,—церковь чтó при монастырской больницѣ во имя иконы Богоматери *Вспль Скорбящихъ Радости*. Устроеніе больницы и при оной церкви было еще задумано покойнымъ Александровымъ, и по его желанію для раздачи въ день освященія заказано въ Ростовѣ тысячу небольшихъ финифтяныхъ иконъ *Вспль Скорбящихъ Радости*.

Съ докладомъ объ окончаніи храма отецъ Пименъ являлся ко владыкѣ въ концѣ іюня, но владыка, обѣщая самъ освящать церковь, не назначилъ однако дня и сказалъ только „что можетъ быть на Угрѣшѣ не прежде какъ въ будущемъ мѣсяцѣ.“

Преосвященный Леонидъ просилъ отца архимандрита отъ владыки захать къ нему и передать подробности свиданія, чтó онъ и сдѣлалъ, но преосвященнаго, когда онъ захажалъ къ нему, не было дома, и вѣроятно въ тотъ же день или на слѣдующій онъ написалъ къ отцу Пимену письмо которое весьма ясно показываетъ взаимныя отношенія между ними, и какъ они оба смотрѣли на владыку и съ какою предусмотрительностію обдумывали обо всемъ чтó его касалось и чтó могло быть ему пріятнымъ.

„Высокопреподобный отецъ архимандритъ!

„Чрезвычайно сожалѣю что не былъ дома когда вы ко мнѣ заѣзжали отъ владыки. Пользуюсь случаемъ уѣхать вась что самыя усерднѣйшія благожеланія и молитвы мои—чтобъ архипастырѣ нашъ остался вѣсѣмъ вполнѣ доволенъ. Замѣтно что онъ ѣдетъ къ вамъ съ удовольствіемъ: пожалуйте, не простудите его. Избравъ время, не сомнѣвайтесь высказать ему на мѣстѣ всѣ предположенія, затрудненія и всѣ вопросы свои. Не пожелаетъ ли онъ обѣхать монастырь. Владыкѣ не бываетъ мелпріатно, если послѣ литургіи комнаты настоятельскія выполнены бываютъ гостями почетными. Не забудьте сказать о землѣ прилегающей къ Петропавловскимъ землямъ, которую желали бы взять въ аренду, а еще лучше приобрести во владѣніе.

„Итакъ, прощайте: вамъ некогда читать. Богъ вась да благословить! Желаю всего наилучшаго. Если будетъ все благополучно и Богъ благословить, надѣюсь еще поѣху Угрюпу согрѣвающую, 28 числа.

„Леонидъ. Е. Д.“

Москва,
27 іюня 1860.

Чрезъ два дня, іюня 29, преосвященный опять писалъ къ отцу Пимену:

„Высокопреподобный отецъ архимандритъ!

„Вчера утромъ послышалъ я на ваше подворье справитесь, вѣтъ ли кого отъ вась, чтобъ уведомить о встрѣтившемся для меня прелятствіи быть на Угрюмѣ 28 іюня и къ крайнему сожалѣнію узналъ что ваше высокопреподобіе изволили оставить Москву часа за два до прихода моего посланнаго. Я постовалъ на вась что вы не хотѣли мнѣ показаться. Я разказалъ бы вамъ слѣдующее: 27 іюня послѣ литургіи былъ въ Чудовскихъ кельяхъ у владыки разговоръ о вашей обители. Липъ только гости усѣлись, владыка спросилъ высокопреосвященнаго Евгенія:

„— Бывали ли вы на Угрюмѣ?

„— Бывалъ, только давно, когда монастырь былъ въ упадкѣ; сказываютъ теперь его узнать нельзя.

„— Совершенно переродилася. Помните роіцу за стѣной?

„— Помню.

„— Теперь въ оградѣ.

„— Тамъ были пруды.

„— И пруды также въ оградѣ. Колокольня была какая-то

недокованная, неуклюжая,—теперь возвысил и сдѣлал это очень удачно.

„— Должно-быть видѣ изъ-за рѣки хорошъ?”

„— Не знаю: тамъ я не былъ, а внутри видѣ очень хорошъ.

„Мы хотимъ, если Богъ благословитъ, пробраться къ вамъ послѣ доклада съ отцомъ архимандритомъ Знаменскаго монастыря. * На случай если опять встрѣтится прелатствіе, посылаю къ вамъ съ сестрой книжку: *О бракѣ и безбрачїи духовенства*.”

Ожидаемое освященіе Скорбященской, больничной церкви совершилось только іюля 23—этотъ день угодно было избрать владыкѣ.

Какъ и всегда, онъ прибылъ накануне, въ утреннее время, предъ позднею литургіей, которую слушалъ въ соборѣ.

Въ этотъ день митрополитъ обозрѣвалъ весьма подробно весь монастырь; пожелалъ видѣть и Петропавловскую церковь, приближавшуюся къ окончанію, но еще не вполне готовую. Вышедши изъ кельи онъ направился къ настоятельской скитской кельѣ и идя туда спросилъ отца Пимена:

— А какъ у васъ называется это мѣсто?

Архимандритъ, какъ и всегда весьма находчивый, отвѣтилъ истинно и какъ нельзя удачнѣе: „Простите владыко святой, я никакъ не называю, а другіе почему-то назвали *скитомъ*”.

На это митрополитъ сдѣлалъ замѣчаніе которое казалось было скорѣе отвѣтомъ на какую-то тайно-мелькнувшую у него мысль, которую онъ не высказалъ:

— Нѣкоторые выстроютъ и дадутъ громкое наименованіе, а живутъ какъ придется... *Самое лучшее названіе—когда братія живетъ хорошо*.

Въ это же посѣщеніе, видя всюду множество цвѣтовъ, владыка проходя мимо цвѣтниковъ спросилъ отца Пимена:

— Кто имѣетъ у тебя наблюденіе за цвѣтоводствомъ?

— Здѣсь есть садовникъ, отвѣчалъ архимандритъ.

— Это дѣло не одного человѣка, замѣтилъ митрополитъ,—тутъ нужно много рукъ...

— Садовнику помогаютъ послушники...

— Что же хочешь ты сдѣлать изъ нихъ садовниковъ или

* Знаменскимъ архимандритомъ въ то время былъ отецъ *Игнатій* (въ міру Николай Рождественскій), двоюродный внукъ митрополита Филарета, съ 1866 викарій Московскій, епископъ Можайскій, 1877 епископъ Дмитровскій, 1878 Костромской и пономѣй (1882).

монаховъ? съ улыбкой спросилъ митрополитъ, какъ бы желая тѣмъ смягчить смыслъ сдѣланнаго замѣчанія.

Всенощное бдѣніе владыка совершалъ въ новоосвящаемомъ храмѣ и выходилъ на литію и величаніе.

На утро слѣдующаго дня, при совершеніи освященія, кромѣ угрѣшскаго настоятеля со владыкой служилъ еще благочинный монастырей архимандритъ Паисій, настоятель московскаго Покровскаго монастыря и двое изъ угрѣшской братіи.

Въ Скорбященской церкви обѣ мѣстныя иконы изъ келейныхъ иконъ Александровыхъ, храмовая Божіей Матери была пожертвована Марьей Григорьевной, которая считала ее чудотворною; а Спасителя — *Перукотворенная* — весьма древняя (была изъ числа иконъ Павла Матвѣевича), и полагаютъ что она работы извѣстаго московскаго изографа, Андрея Рублева, икона Спасо-Андроньева монастыря, жившаго въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка.

Владыка обошелъ всѣ больничныя палаты, аптеку, келью смотрителя и служителей и вездѣ кропилъ святою водою.

Въ этотъ же день открыта была и богадѣльня на 10 престарѣлыхъ и немощныхъ старцевъ, устроенная по волѣ Александра.

Послѣ литургіи раздавались финифтяныя иконы присутствовавшимъ во храмѣ. Въ этотъ пріѣздъ митрополитъ былъ въ особенно веселомъ расположеніи духа, и послѣ богослуженія пришедши въ настоятельскія кельи, когда отецъ Пименъ поднесъ ему чай, онъ спросилъ его:

— А много ли лѣтъ что ты здѣсь живешь, въ монастырѣ?

— Около 27 лѣтъ, ваше высокопреосвященство, отвѣчалъ тотъ.

— А я думалъ что гораздо болѣе.

И пожелавъ ему прожить еще многія лѣта, говорилъ ему много лестнаго и отраднаго, что въ особенности утѣшило отца Пимена, потому что при всегдашней умѣренности митрополита Филарета къ похваламъ, сказанное имъ казалось чѣмъ-то неимовернымъ и необычайнымъ. Когда подали закуску, владыка сталъ олять весело шутить:

— Гдѣ же тутъ кудебья, я ея не вижу? сказалъ онъ.

— Простите, владыко святой, отвѣчалъ архимандритъ, — я виноватъ, кудебляки нѣтъ.

— Ну что же это за угощеніе, когда и пирога нѣтъ.

Въ началѣ сентября (того же 1860 года) Петропавловскій

храмъ въ скитѣ былъ совершенно готовъ, и архимандритъ Пименъ, отправляясь доложить о томъ владыкѣ, намѣревался просить его благословенія пригласить на освященіе преосвященнаго Леониды, такъ какъ самъ владыка былъ уже на Угрѣшѣ мѣсяца за два предъ тѣмъ и снова приглашать его архимандритъ не смѣлъ. Но когда онъ доложилъ владыкѣ, то къ крайнему его удивленію услышалъ отъ него: „Хорошо, пріѣду и буду освящать, сентября 15 дня“, прибавилъ онъ, нѣсколько подумавъ и соображая какой день удобнѣе ему избрать для этого.

Онъ прибылъ на Угрѣшу сентября 14, въ 4 часа полудни, изъ кареты вышелъ у колокольной и мимо собора прошелъ садомъ прямо въ скитъ и остановился въ настоятельской кельѣ.

Всенощную онъ располагалъ сперва слушать у себя въ кельѣ, но пожелавъ осмотрѣть церковь (отъ которой впасть до ограды былъ устроенъ довольно обширный патеръ, внутри коего было повѣшено панцикло), владыка вдругъ перемѣнилъ намѣреніе и оказалъ что и всенощное бдѣніе будетъ совершать самъ. Погода была тихая, ясная, теплая, и литія была подъ шатромъ на открытомъ воздухѣ,—это было очень торжественно.

На утро было освященіе; за мощами самъ владыка ходилъ съ крестнымъ ходомъ въ соборъ. По окончаніи литургіи владыка возвратился въ свою скитскую келью, куда былъ приглашенъ Куманинъ и всѣ прочіе почетные гости; подавали чай и къ закускѣ въ этотъ день (какъ въ предыдущее освященіе) кулебяку не забыли приготовить.

Въ этотъ разъ владыка изъ скита въ монастырь не выходилъ и ничего кромѣ храма который освящалъ не осматривалъ. Въ 4 часа онъ сѣлъ въ карету у скитскихъ воротъ и поѣхалъ прямо въ Москву. Это было его послѣднее посѣщеніе Угрѣши. Имъ было освящено пять церквей: 1) Николаевскій соборъ въ 1843, 2) Церковь препод. Маріи Египетской въ 1851, 3) Успенская въ 1852 и 1860, 4) Скорбященская и 5) Петропавловская скитская.

На слѣдующій день по освященіи пріѣхалъ въ скитъ преосвященный Леонидъ, совершалъ всенощное бдѣніе и литургію. Въ продолженіе трехъ дней скитъ оставался открытымъ для женщинъ, а на четвертый, послѣ вечера, его затворили и впускаютъ въ него женщины только дважды въ годъ: мая 26, въ день кончины храмоздателя Куманина, когда совершается по немъ поминовеніе, и юня 29, въ день храмоваго праздника.

IX.

О происшествіяхъ на Угрѣшѣ въ 1861 году и въ *Воспоминаніяхъ* отца Пимена, и въ *Историческомъ Очеркѣ* Угрѣшскаго монастыря, кромѣ краткаго упоминанія о посѣщеніи Угрѣши преосвященнымъ Игнатіемъ Брянчаниновымъ (епископомъ Кавказскимъ, проѣзжавшимъ чрезъ Москву и отправлявшимся на покой въ Костромской Николао-Бабаевскій монастырь), мы не находимъ никакого свѣдѣнія. Но въ приложеніяхъ къ *Письмамъ* преосвященнаго Леонида къ отцу Пимену находится подробное описаніе: „посѣщенія Угрѣшской обители Ихъ Императорскими Высочествами Великимъ Княземъ Сергіемъ Александровичемъ и Великою Княжною Маріей Александровною, 3 іюня 1861 года“. Какъ событіе весьма важное и отрадное для монастыря оно было описано самимъ отцомъ Пименомъ и потому мы передаемъ его здѣсь вполнѣ.

„О пріѣздѣ Ихъ Императорскихъ Высочествъ мнѣ даизнать въ то самое время когда они остановились у святыхъ воротъ обители. Пока, по выходѣ изъ экипажей, они страхивали съ себя дорожную пыль, я услѣлъ надѣтъ на себя расу и встрѣтилъ ихъ уже въ аллеѣ ведущей отъ святыхъ воротъ къ колокольнѣ, и не доходя до нихъ, въ нѣсколькихъ шагахъ остановился и сдѣлалъ имъ поклонъ.

„Великая Княжна Марія Александровна шла впереди одна; нѣсколько позади шла фрейлина Тютчева, * вела за руку Великаго Князя Сергія Александровича; за ними слѣдовали прочія дамы и придворная свита.

„Тютчева спросила меня:

„— Вы отецъ архимандритъ, настоятель этой обители?

„Я отвѣчалъ утвердительно.

„Тогда она сказала:

„— Благословите Ихъ Высочества.

„Я благословилъ ихъ и при благословеніи Великаго Князя Сергія Александровича и Великой Княжны Маріи Александровны мы цѣловались рука въ руку (какъ это принято за обычай для царственныхъ лицъ). Послѣ того я пошелъ радомъ съ ними подъ колокольню, по направленію къ собору,

* Анна Феодоровна, дочь извѣстнаго поэта Феодора Ивановича, въ послѣдствіи вышедшая за И. С. Аксакова.

гдѣ между тѣмъ братія уже успѣла собраться. Дорогой Тютчева спросила меня:

„— Давно ли существуетъ Угрѣшская обитель и кто былъ ея основателемъ?“

„Я кратко отвѣчалъ: что основателемъ ея былъ великій князь Дмитрій Ивановичъ Донской, какъ говоритъ преданіе, а существуетъ обитель около *пятисотъ* лѣтъ.“

„Когда мы стали подходить къ соборному храму, я обратилась къ Тютчевой съ вопросомъ:

„— Не прикажете ли сдѣлать молитвословіе по уставу церкви въ подобномъ случаѣ?“

„Отвѣтъ ея былъ:

„— Нѣтъ, ничего не нужно, а только потрудитесь вы подвести Ихъ Высочества къ чудотворной иконѣ святителя Николая.“

„Когда все это было исполнено, они стали за амвономъ на посланномъ коврѣ, и я поднесъ Великому Князю Сергію Александровичу икону святителя, а Великой Княжнѣ Маріи Александровнѣ икону Божіей Матери и по просфорѣ и окропилъ ихъ святою водою.“

„Разсмотрѣвъ съ большимъ вниманіемъ внутренность соборнаго храма, всѣ вышли въ западныя двери и слѣдовали по направленію къ зимней Успенской церкви.“

„Когда мы стали подыматься на церковную площадку, я хотѣлъ было поддержать подъ руку Великаго Князя, но онъ не принялъ моей услуги и самъ всходилъ по ступенямъ лѣстницы; тогда, оставивъ его, я обратился съ тою же услугою къ Великой Княжнѣ, она приняла оную и сдѣлавъ мнѣ поклонъ, сказала: „благодарю“.“

„Осмотрѣвъ внутренность Успенскаго храма и придѣлъ во имя прелюбной Маріи Египетской, они очень хвалили украшенія церкви и потомъ спрашивали меня, давно ли я нахожусь въ здѣшнемъ монастырѣ? Я отвѣчалъ: „двадцать седьмой годъ“.“

„— И вѣроятно, все это устроилось въ вашу бытность? замѣтила Тютчева.“

„— Такъ точно, отвѣчалъ я ей.“

„— Говорятъ одинъ купецъ вамъ много пожертвовалъ на устройство здѣшняго монастыря?“

„— Это совершенная правда, отвѣчалъ я,—но не мало и другихъ лицъ которыя также помогаютъ обители.“

„Потомъ мы ходили въ ризницу и вскорѣ изъ оной вышли. По выходѣ оттуда я предложилъ имъ:

„— Не угодно ли будетъ посѣтить монастырскую больницу съ церковью?

„Великая Княжна отвѣчала:

„— Непремѣнно.

„Спускаясь по церковной лѣстницѣ они повернули влѣво, вошли въ часовню, гдѣ хранится гробъ преподобнаго Николы Святоши, и спрашивали:

„— По какому случаю хранится этотъ гробъ въ здѣшнемъ монастырѣ?

„Я объяснилъ что, къ сожалѣнію, достовѣрныхъ свѣдѣній объ этомъ не имѣется и что сосѣдніе жители говорятъ что никто не запомнитъ къмъ и откуда былъ привезенъ этотъ гробъ въ Угрѣшскую обитель.

„Выйдя изъ часовни они вошли въ братскую трапезную палату и осматривали находящуюся съ оной въ связи церковь во имя св. ап. Матѳея и муч. Параскевы. По выходѣ изъ трапезной они спрашивали: „Этотъ купецъ, вашъ благодѣтель, уже умеръ?“—Точно такъ, отвѣчалъ я.

„Дорогой до больницы также разспрашивали о числѣ живущей въ монастырѣ братіи, и я отвѣчалъ что прежнее положеніе обители было совершенно иное чѣмъ въ настоящее время. „Почему же это такъ?“—Потому что монастырь былъ *штатнымъ* до 1853 года, а въ этотъ годъ учреждено *общее житіе* и со времени его учрежденія число братіи стало увеличиваться, такъ что въ настоящее время оно возрасло до 100 человѣкъ.

„Выйдя въ больничный корпусъ Великій Князь и Великая Княжна разсматривали, вопервыхъ, галерею, которая имъ очень понравилась, потомъ больничныя палаты, аптеку и церковь. Здѣсь былъ сдѣланъ мнѣ вопросъ: „Есть ли кто здѣсь (въ монастырѣ) занимающійся учеными трудами?“ Я отвѣчалъ что нѣтъ.

„— Чѣмъ же занимаются братія? вторично спросили меня.

„На это я объяснилъ что всякій поступающій въ монастырь проходитъ возложенныя на него послушанія; главное дѣло—*церковная служба*, а въ промежуткахъ времени каждый имѣетъ свои келейныя занятія. Больничное заведеніе очень понравилось (больныхъ въ это время не было) и идя по церковной лѣстницѣ внизъ я предложилъ посѣтить и богадѣльню.

„Великая Княжна опять сказала:

„— Непремѣнно.

„Пройти въ богадѣльню было довольно трудно: такое множество собралось зрителей изъ сосѣднихъ деревень! Богадѣльню

нашли очень удовлетворительною; подходили къ аялоу у котораго стоявшій старецъ читалъ Псалтирь за здравіе и за упокой. Между прочимъ останавливались у койки одного убогаго мальчика страдающаго болѣзвью ногъ, разспрашивали его о состояніи его болѣзни. На всѣ вопросы мальчикъ отвѣчалъ очень хорошо, и Великая Княжна дала ему 5 руб., а онъ въ знакъ благодарности поцѣловалъ ея руку.

„По выходѣ изъ богадѣльни я осмѣлился предложить:

„— Не благоугодно ли будетъ Ихъ Высочествамъ осчастливить своимъ посѣщеніемъ настоятельскія кельи?

„Великая Княжна олятъ повторила:

„— Непремѣнно.

„Пройдя первыя комнаты и остановившись предъ портретомъ П. М. Александра, они его разсматривали и спрашивали: сколько времени онъ былъ благодѣтелемъ обители, когда умеръ и здѣсь ли похороненъ? А Великая Княжна войдя сказала первая:

„— Ахъ, какія маленькія комнаты!

„Послѣ того всѣ прошли въ бесѣдку и сѣли на диваны.

„Я предлагалъ Ихъ Высочествамъ чаю, но Тютчева отвѣчала за нихъ что они чаю вовсе не кушаютъ, а только молоко, но, къ сожалѣнію, молока приготовлено не было.

„Тогда я спросилъ, не угодно ли монастырскаго хлѣба. „Очень хорошо“, послѣдовалъ отвѣтъ, и я поднесъ имъ двѣ порціи братскаго чернаго хлѣба и лять благословенныхъ хлѣбовъ, которые принявъ они взяли съ собой.

„Изъ настоятельскихъ келій, изъ бесѣдки, по отлоному спуску мы сошли внизъ на дорожку и чрезъ рошу направились къ скиту. Войдя въ оный сперва осматривали церковь, потомъ высокіе гости пожелали видѣть одну изъ келій и спрашивали у меня:

„— А скитники здѣсь есть?

„На это я отвѣчалъ имъ что нѣтъ, потому что нашъ скитъ существуетъ только нѣсколько мѣсяцевъ со дня своего открытія, подобныя же люди приготавливаются не вдругъ, а долгимъ временемъ.

„— Не тѣсно ли здѣсь? замѣтили они, между прочимъ.

„Я отвѣчалъ что скитъ распространить болѣе невозможно, ибо за стѣной онаго уже чужая земля.

„Когда они вошли въ мою скитскую келью, я встрѣтилъ ихъ и поднесъ имъ по иконѣ св. апостоль Петра и Павла, и Ихъ Высочества приняли оныя. Тютчева сказала Великому Князю:

„Вы отдайте эту икону вашему брату, потому что на ней написанъ его ангелъ“, но Великій Князь отвѣчалъ ей: „Я не отдамъ, она моя“, сѣлъ на скамью возлѣ печи и сказалъ: „я здѣсь посижу“. Наконецъ Тютчева сказала: „Поблагодарите отца архимандрита за его къ намъ вниманіе“.

„Они поблагодарили меня и приняли какъ при началѣ мое благословеніе.

„Великій Князь во все время держалъ въ рукѣ просфору.

„Они вышли въ скитскіе ворота, гдѣ ожидали ихъ ѡжилажи и еще разъ всѣ принявъ отъ меня благословеніе отпривились.

„Въ числѣ солпровождавшихъ были, кажется, и цюстранки.

„Во все время нахождения высокихъ гостей въ обители былъ звонъ.

„Прибыли въ шесть часовъ полудни, отбыли въ семь часовъ съ четвертью.“

Юня 9 того же года Государь Императоръ и Государыня Императрица изволили посѣтить Саввинъ монастырь, гдѣ принималъ Ихъ Величества преосвященный Леонидъ, и въ донесеніи своемъ о семъ посѣщеніи митрополиту Филарету оны между прочимъ писалъ: „Слышалъ я также отъ Ея Величества Государыни Императрицы о ея сожалѣніи что не видала она Угрѣши и надежду видѣть эту обитель, которая очень понравилась ея дѣтямъ и гдѣ особенно нравятся ей мысль учрежденія больницы и богадѣльни“.

Черезъ два дня послѣ этого донесенія преосвященный Леонидъ писалъ отцу архимандриту Пимею слѣдующее письмо:

„Высокопреподобнѣйшій
Отецъ архимандритъ!

„Государыня Императрица разрѣшила мнѣ передать вашему высокопреподобию что дѣтямъ Ея Величества очень понравилась ваша обитель, что въ ней удивительный во всемъ порядокъ; что ей особенно пріятна ваша мысль привить къ монастырю челоѡколюбивыя учрежденія, что она очень, очень надѣется посѣтить Угрѣшскую обитель.

„Какъ были Ихъ Величества въ Саввинѣ вы узнаете изъ прилагаемой копіи съ моего письма—донесенія его высокопреобященству, которую прошу возвратить при первомъ случаѣ.

„Говорилъ я и о скитскомъ послушникѣ Алексіи. Государыня въ первый разъ услышала что родной братъ преосвященнаго Игнатія (Брянчанинова) губернаторствуетъ въ елархіяльномъ его городѣ и передала мой разказъ Государю.

„Радуюсь о благопріятномъ впечатлѣніи которое ваша обитель, дитя ваше, произвела на царственныхъ особъ, но присоединяю желаніе чтобъ она все болѣе и болѣе процвѣтала и благоухала святыею житія предѣ Богомъ и человѣки.

„Духъ утѣшитель да исполняетъ сердце ваше!

Вашего Высокопреподобія
усердный собратъ *Леонидъ,*

Епископъ Дмитровскій.“

Москва, Троицкыя день. Юля 11го 1861.

Послушникъ Алексій о которомъ преосвященный Леонидъ умолинаетъ въ своемъ письмѣ былъ родной племянникъ преосвященнаго Игнатія Брянчанинова (епископа Кавказскаго и Черноморскаго) Алексѣй Петровичъ, сынъ его брата. Будучи 18 лѣтъ и студентомъ Московскаго университета, онъ возымѣлъ непреодолимое желаніе вступить въ монастырь, можетъ-быть увлеченный примѣромъ своего дяди, и сталъ просить отца Пимена принять его на Угрѣшу. Но не полагаясь на желаніе его отецъ Пименъ опасался принять его, отчасти не слишкомъ доверяя влеченію юноши, отчасти опасаясь подать поводъ сказать что онъ заманиваетъ молодыхъ людей въ монастырь, но когда отецъ молодого человѣка, а послѣ того и дядя, преосвященный Игнатій, написали ему что имъ пріятно видѣть что молодой человѣкъ избралъ путь монашества, онъ согласился принять просившагося къ нему юношу и помѣстилъ его въ устраивавшійся скитъ. И владыкъ было извѣстно о его поступленіи на Угрѣшу. Это было въ концѣ 1859 года. Онъ имѣлъ весьма хорошій характеръ и юноша вполнѣ благочестивый и обѣщавшій повидимому быть хорошимъ монахомъ. Такъ прожилъ онъ на Угрѣшѣ болѣе года, и ежели бы не вздумалъ послѣ того перейти въ Николо-Бабаевскій монастырь, куда ѣхалъ жить на локоію его дядя, то весьма вѣроятно что онъ утвердился бы въ своемъ намѣреніи, но перешедши съ Угрѣши и попавъ въ Бабаевскій монастырь, вслѣдствіе стеченія нѣкоторыхъ обстоятельствъ, отъ него независѣвшихъ, волей-неволей ему пришлось оставить монастырь и сознаться что онъ слишкомъ легко поддавался юношескому благочестивому увлеченію онъ возвратился въ міръ.

Отецъ Пименъ до конца жизни сожалѣлъ что онъ не остался на Угрѣшѣ и не послѣдовалъ примѣру своего дяди, умѣвшаго отречься отъ міра и его суеты.

Д. Б.

ВНѢ КОЛЕИ *

РОМАНЪ

VIII.

*Es giebt im Menschenleben Augenblicke,
Wo man dem Weltgeist näher steht als sonst,
Und eine Frage frei hat an das Schicksal.*

Wallensteins Tod. Schillers.

*Quand l'ame a soif il faut qu'elle se disaltère
Fut ce dans du poison!..*

V. Hugo. Ruy Blas, acte II, scène II.

Пора намъ однако познакомить читателя съ тѣмъ какъ протекла первая молодость Нади. Для этого мы должны перенестись въ городъ О., одинъ изъ самыхъ людныхъ центровъ нашего юга. Тамъ поселился съ женой и дочерьми, въ концѣ пятидесятихъ годовъ, въ небольшомъ куллерномъ имѣ домъ, отставной подполковникъ Сергѣй Ольшевскій. Это былъ человѣкъ уже не первой молодости, но сохранившій еще замѣтные остатки прежней красоты и молодцоватости и, сообразно тому, прежнюю охоту тратить на всѣ стороны избытки неугасшаго еще лыла. Сергѣй Ольшевскій всегда былъ любимцемъ женщинъ и остался имъ, несмотря на свою женитьбу, на свой сорокалѣтній возрастъ и на двѣ раны

* См. Русск. Вѣстн. № 1.

полученныя имъ подъ Севастополемъ. Онъ широко пользовался этою милостью судьбы. Ей онъ былъ между прочимъ обязанъ и своею женитьбой на хорошенькой, но рано ушедшей Машѣ Скворцовой, двоюродной сестрѣ Анны Григорьевны. Для него, по шею заставшаго въ долгахъ офицера, эта женитьба была настоящимъ спасеніемъ, невѣста приносила ему очень крупное приданое. Но ему, избалованному женскими ласками, казалось совершенно въ порядкѣ вещей что нашлась хорошенькая дѣвушка готовая посвятить себя и свое состояніе его благополучію. Сама она была въ его глазахъ не болѣе какъ одинъ изъ многочисленныхъ эпизодовъ его жизни богатой приключеніями. Годы не измѣняли его наклонности и прибавляли къ нимъ лишь одно: когда ему приходилось оставаться съ домашними наединѣ, записной дамскій любезникъ становился ворчливымъ и несвоясь брюзжалъ. Жена его, покорная и безгласная, сносила съ рабскимъ терпѣніемъ эту шероховатую изнанку своего блестящаго мужа. Не мудрено однако что довольно быстро ушла ея безотрадная жизнь. Она скончалась тридцати пяти лѣтъ, оставивъ мужу двухъ дочерей: старшей Александрѣ шель десятьи годъ, младшей Надѣ минуло семь лѣтъ.

Смерть жены мало отразилась на жизни Ольшевскаго, только чаще прежняго овлађивала имъ хандра, неизбежная спутница людей сильно пожившихъ, когда для нихъ начинается сказываться тягость протекшихъ годовъ. У Ольшевскаго были впрочемъ достаточныя причины роптать на судьбу: счастье улыбавшееся ему среди постоянно возобновлявшихся проказъ измѣняло ему рѣшительно во всемъ остальномъ. Все что онъ предпринималъ чтобы поправить свое разстроенное состояніе лопалось въ его рукахъ. На службѣ и среди товарищей ему рѣшительно не везло. Ольшевскій былъ всегда однимъ изъ лучшихъ офицеровъ своего полка и подъ Севастополемъ не разъ отличался. Но товарищи почему-то его недолюбливали, а начальство, хоть и хвалило его за храбрость и за образцовую посадку, не выхлопотало ему, однако, никакой награды. Тамъ гдѣ его сверстники получили по три Георгіевскіе креста и быстро дослужились до генеральскаго чина, Ольшевскій продолжалъ быть лишь эскадроннымъ командиромъ. По заключеніи мира онъ тотчасъ подалъ въ отставку и записался въ многочисленный кругъ недовольныхъ. Съ какою-то вычурною желчностью онъ разстался съ

мундиромъ и очень хлопоталъ чтобы всѣ замѣтили какъ онъ съ тѣхъ поръ никогда уже не надѣвалъ своей Анны съ бантомъ, единственнаго украшенія доставленнаго ему войной. Съ этихъ поръ Ольшевскій сдѣлался самымъ яркимъ обличителемъ всѣхъ общественныхъ неправдъ. Его шумный, но довольно безвредный либерализмъ не навлекъ на него впрочемъ никакихъ гоненій, что нисколько не мѣшало ему воображать себя героемъ. Роль обличителя не прельщала однако его подвигамъ на мирномъ поприщѣ покорителя сердецъ, хотя и здѣсь съ годами побѣды становились уже рѣдкими. Теперь онъ сталъ искать у себя дома подъ рукою то что прежде влекло его въ разныя стороны. Для своихъ подроставшихъ дочерей онъ случайно приискалъ воспитательницу, у которой оказалось смазливое личико и податливый нравъ. Онъ сдѣлалъ это, положимъ, безо всякаго предвзятаго намѣренія, но мало-по-малу прельстился удобствами которыя могла ему доставить двусмысленная роль принятая этою особой. О своихъ обязанностяхъ къ дѣтямъ строгій критикъ чужихъ недостатковъ имѣлъ повидимому довольно слабыя понятія. Въ его обращеніи съ ними была удивительная смѣсь раслущеннаго добродушія съ припадками налускной строгости. Въ тѣ рѣдкія минуты которыя онъ посвящалъ дочерямъ, онъ большею частью шутилъ съ ними и охотно сыпалъ въ ихъ присутствіи довольно лаоскимъ вольнодумствомъ. За то когда ему почему-либо казалось что слѣдуетъ поддержать предъ дѣтьми свой падающій авторитетъ, онъ вдругъ неожиданно принималъ юпитерскій видъ и разражался безъ повода гнѣвною бранью, а иной разъ и прибѣгалъ къ рѣдкимъ, но всегда незаслуженнымъ наказаніямъ. Слабые правители, какъ извѣстно, всегда несправедливы когда имъ вздумается быть строгими. Понятно какъ все это должно было отозваться на воспитаніи дѣвочекъ. У дѣтей всегда бываетъ врожденное чутье справедливости; всякое его нарушеніе со стороны власти подрываетъ въ нихъ довѣріе къ ней и въ молодомъ сердцѣ глубоко залегаетъ негодующее, строптивое чувство. Дѣвочки и не любили, и не боялись отца. Его свободное обращеніе съ ними не вызывало привязанности; а его рѣдкіе припадки строгости возбуждали ропотъ. За то его легкомысленныя шутки въ присутствіи дочерей оставляли по себѣ неизгладимый слѣдъ, хоть и смыслъ ихъ не всегда былъ понятенъ дѣтямъ. Съ утратою уваженія

къ отцу терялась у нихъ и всякая слобность уважать что-либо. Беспорядочная обстановка дома и образъ жизни отца служили живымъ подтвержденіемъ его необдуманныхъ словъ. Всякая безпорядочность возбуждаетъ у дѣтей безсознательное отвращеніе прежде даже чѣмъ они въ состояніи отдать себѣ ясный отчетъ. Впрочемъ, старшей дѣвочкѣ шель уже четырнадцатый годъ, а двѣнадцатилѣтняя Нада была развита и понятлива не по лѣтамъ...

Стороннія вліянія дополнили тѣ нездоровыя впечатлѣнія которыя дочери Сергѣя Ольшевскаго вынесли изъ роднаго дома. Онъ былъ бы радъ помѣстить ихъ въ какое-нибудь закрытое заведеніе, чтобы сбыть ихъ съ рукъ какъ можно скорѣе. Но въ качествѣ либерала онъ твердо помнилъ что закрытое заведеніе никуда не годится; объ этомъ краснорѣчиво гласила недавно прочитанная имъ журнальная статья. Онъ захотѣлъ быть вѣренъ своимъ убѣжденіямъ и ограничился тѣмъ что, какъ можно ранѣе, помѣстилъ дочерей въ гимназію. Здѣсь и взошла сѣмена брошенныя въ умѣ дѣвочекъ легкомысленнымъ отцомъ. Александра, разумѣется, опередила въ гимназіи сестру двумя годами. Природа у нея была ласивная, довольно вялая, но за то любопытство въ ней было тѣмъ болѣе развито, чѣмъ менѣе она была въ состояніи объяснить себѣ слышанное и видѣнное. Не мудроно что въ гимназіи она съ жадностью воспринимала то что могли сообщить ей старшія подруги. У нихъ были готовые отвѣты на ея недоумѣніе,—отвѣты иногда точные не по лѣтамъ. Въ воображеніи Саша Ольшевской вдругъ живо забила до того нетронутая струнка тревожной любознательности и у нея раскрылись глаза на счетъ странныхъ отношеній существовавшихъ въ родительскомъ домѣ. То чтеніе которымъ ее снабжали подруги прельщало ее въ особенности, какъ запретный плодъ. Ей хотѣлось какъ можно скорѣе поравняться со старшими, стать во всѣхъ отношеніяхъ такою же какъ онѣ развитою—это слово, конечно, въ гимназіи у всѣхъ было на языкѣ, какъ высшая похвала. Неудивительно что Саша подлала совершенно лодъ вліяніе одной гимназистки старшаго класса считавшейся умницей первой руки и развитіемъ опередившей чуть ли не всю молодежь гимназіи. Это была Вара Покровская, дочь небогатаго чиновника, дѣвушка некрасивая, съ рѣзкими, угловатыми движеніями и неприятнымъ густымъ голосомъ. Но эта непривлекательная вѣншность нисколько

не мѣшала ей властвовать надъ своими сверстницами. Онѣ ее почти боялись, да и въ самомъ дѣлѣ было что-то повелительное въ ея угрюмыхъ приемахъ. Трудно было сказать откуда взялась у нея свойственная ей желчная рѣзкость. Сама она не любила давать объясненій на счетъ своей домашней жизни и вообще не отличалась общительностью. Оттого, можетъ-быть, она и пользовалась вліяніемъ. Какъ бы то ни было, ея мнѣніе въ гимназіи считалось безошибочнымъ, и Сашѣ было очень лестно что Варя Покровская удостоила ее даже не дружбы, а покровительства. Саша иногда заходила къ ней, и тутъ, дома Вarya раза два въ ея присутствіи будто преобразилась и съ непривычною горячностью, какъ бы нехотя, разговорилась про какія-то, непонятныя для Саши, но все-таки заманчивыя дѣла, ради которыхъ никакая жертва не должна быть слишкомъ дорога. Выслушавъ это, не совѣмъ доступныя ей, рѣчи, Саша возвращалась домой въ какомъ-то чаду и торжественно передавала сестрѣ про то что ей пришлось слышать. Надя ей внимала молча; возбужденіе сестры къ ней не передавалось, хотя слышанное не проходило безслѣдно. Отъ Вари Покровской или точнѣе отъ ея брата, Юрія, только что поступившаго въ Университетъ, Саша все чаще приносила домой такія книжки, содержаніе которыхъ она не совсѣмъ понимала, но прочитывала тѣмъ не менѣе усердно.

Разъ Надя, тѣмъ временемъ тоже поступившая въ гимназію, нашла на столѣ у сестры одну изъ книжекъ молодого Покровскаго. Она принялась читать ее, только не съ тѣмъ поклоненіемъ авторитету Вари съ которымъ Саша приступала къ этимъ для нея загадочнымъ страницамъ. Надѣ сначала, напротивъ, дикимъ показался странный языкъ книжки; но чѣмъ менѣе симпатичными были для нея тѣ совершенно новыя мысли которыя предъ нею раскрывало прочитанное, тѣмъ глубже онѣ западали ей въ память и тѣмъ настойчивѣе она хотѣла ихъ выяснить, понять и затѣмъ, конечно, отвергнуть. Ей съ дѣтства казалось что такъ легко и просто всѣхъ на свѣтѣ любить. А теперь ей приходилось читать про требованія кровавой мести за насиліе. Ее смущали и отталкивали эти непонятныя ей рѣчи, возбѣщавшія однако о близкомъ наступленіи какой-то счастливой и свободной жизни. Ей хотѣлось помирить это странное противорѣчіе между

любовью къ своему люду, находившую въ ней телашый отголо-сокъ, и дикими угрозами разрушенія.

— Саша! обратилась разъ Нада къ сестрѣ.—Возьми меня съ собой къ Покровскимъ когда-нибудь. Отчего ты всегда къ Варѣ одна ходишь?

— Спроси у Вари сама, уклончиво отвѣчала Саша;—а такъ я тебя съ собой взять не могу.

— Вотъ какъ! удивленно возразила Нада.—Вѣдь вы съ ней, кажется, такъ дружны! Чего же тутъ церемониться?

— Да ты забываешь, мой другъ, что Варя цѣлыми четырьма годами тебя старше. Ни по лѣтамъ, ни по развитію вы сравниться не можете.

Слово „развитіе“ Саша произнесла какъ-то особенно торжественно.

— Я, значить, по твоему, не достойна слушать ваши умныя бесѣды? обиженнымъ тономъ проговорила Нада, которой ужасно хотѣлось казаться большою, такъ какъ ей шелъ уже пятнадцатый годъ.

— Да тебя пала и Софья Петровна не отпустятъ,—Софья Петровна была оригинальная воспитательница дѣвушекъ,—тебя, вѣдь, въ девять часовъ спать отсылають.

— Ну, не отпустятъ, негодующимъ тономъ вырвалось у Нады, и лицо ея мгновенно разгорѣлось,—такъ я и стану у нихъ спрашивать!.. Да ты, я вижу, почему-то сама меня не хочешь съ собою взять. Ну, и безъ тебя обойдусь.

И Нада рѣзко отвернулась отъ сестры. Ей ужасно хотѣлось разспросить Варю Покровскую, про которую всѣ говорили какъ про самую ясную голову въ цѣлой гимназіи, и получить отъ нея объясненіе того что ей казалось такъ страннымъ. А у Саши въ самомъ дѣлѣ были свои причины не желать чтобы сестра присутствовала при ея разговорахъ съ Варей, въ которыхъ уже не одна Варя, а также и братъ ея принималъ живое участіе.

Въ тотъ же день, Нада, выходя изъ гимназіи, по окончаніи класса, обратилась къ Варѣ, которая только что простилась съ ея сестрой.

— Послушайте, Покровская, начала она, и при этомъ ея брови какъ-то особенно рѣшительно сдвинулись,—я давно хотѣла спросить у васъ: вамъ бы не было неприятно еслибъ я сегодня вечеромъ зашла къ вамъ съ сестрой?

И въ этой просьбѣ было что-то почти вызывающее.

— Коли вамъ можетъ это доставить удовольствіе, приходите, отвѣчала Варя.—Никто меня не считалъ до сихъ поръ недоступною, сказала она, слегка кивнувъ головой.

Надя, въ тотъ же вечеръ, не спросившись никого, ушла съ сестрой къ Покровскимъ. Тамъ, по обыкновенію, не было гостей. Братъ Варя, Юрій, казалось было не особенно доволенъ появленію молодой дѣвушки. Это былъ красивый малый, невысокаго роста, съ мягкими чертами, на которыхъ такъ и читалась добродушная славянская вялость, чуждая рѣзкимъ и сухимъ чертамъ его сестры.

— Вамъ едва ли съ нами будетъ весело, были не особенно пріятныя слова которыми Варя встрѣтила Надю.—Только вы уже за это на себя пеняйте, а мы, знаете, народъ вольный, стѣсняться не умѣемъ.

Надя вся вслыхнула, только не оттого чтобъ она сердилась на слова молодой дѣвушки, а изъ-за чувства стыда, какъ это Варя могла подумать что ее, Надю, какъ маленькую дѣвочку, слѣдуетъ забавлять.

— Коли я захотѣла къ вамъ придти, возразила она,—значитъ меня интересуешь то чѣмъ вы занимаетесь. А стѣняться я и сама терпѣть не могу.

Маленькое общество усѣлось за столомъ, на которомъ было поставлено нѣсколько стакановъ съ блѣднымъ и къ тому же холоднымъ чаемъ. Варя его сама никогда не разливала: все что касалось хозяйства ей претало въ высшей степени.

Надя тотчасъ почувствовала что ея присутствіе стѣсняетъ остальныхъ и какъ ни рѣшилась она заранѣе немедленно приступить къ занимавшимъ ее вопросамъ, языкъ ей не повиновался и разговоръ какъ-то не входилъ въ настоящую колею. Часто случается что думаешь, будто въ такомъ-то кружкѣ, куда вамъ очень хочется попасть, говорятъ какимъ-то особеннымъ языкомъ живыя и горячія рѣчи; а на дѣлѣ оказывается что кромѣ вялыхъ и обыкновенныхъ словъ ничего не приходится услышать. Такъ и случилось съ Надей. Молодой человекъ съ замѣтнымъ неудовольствіемъ глоталъ свой холодный чай и въ первый разъ, можетъ-быть, съ тѣхъ поръ какъ онъ познакомился съ Сашей, не зналъ о чемъ съ ней говорить; а Варя просто и явно скучала. Облокотясь на столъ обѣими руками, она изрѣдка пробѣгала глазами по нѣскольکو строкъ лежавшей предъ ней измятой книженки. „И только-то! думалось Надѣ... Вотъ, стало-быть, источникъ-то свѣта!“

И въ то же время отъ нея не ускользали тѣ странныя, тревожныя ощущенія, которыя возбуждало въ сестрѣ присутствіе молодого человѣка. Весь вечеръ, однако, не прошелъ такъ безцвѣтно и уныло.

— Ты знаешь, Варя, обратился къ ней ея братъ, Неродовичъ хотѣлъ сегодня зайти. Я встрѣтился съ нимъ, выхода изъ Университета.

Надя съ такимъ откровеннымъ изумленіемъ посмотрѣла на Варю что та разсмѣялась.

— Вамъ страннымъ кажется что такой человѣкъ какъ Неродовичъ удостоиваетъ насъ грѣшныхъ своимъ посѣщеніемъ.

Неродовичъ былъ въ гимназіи учителемъ русской словесности и въ глазахъ своихъ юныхъ ученицъ казался настоящимъ пугаломъ. Немудрено что Надю удивило, какъ этотъ недоступный учитель, всегда такой строгій къ малѣйшей ошибкѣ, бывалъ запросто въ домѣ одной изъ своихъ ученицъ. За чайнымъ столомъ нѣсколько минутъ царилъ неловкое молчаніе. Молодой Юрій съ видимымъ замѣтательствомъ покусывалъ свои чуть замѣтные усы. Вдругъ онъ не вытерпѣлъ, нагнулся къ Сашѣ и, видимо конфузаясь, сталъ ей что-то говорить шопотомъ, отчего лицо дѣвушки мгновенно вспыхнуло. Какъ бы неохотно повинувшись ему, она верѣшительно встала и пошла съ нимъ въ сосѣдную небольшую комнату.

— Отчего вы конфузитесь? вдругъ имъ въ слѣдъ разсмѣялась Варя,—точно, право, есть чего стыдиться! Хочется пошутушкаться вдвоемъ, ну и стулайте. Или ты сестры боишься, Саша?

Въ отвѣтъ на это Саша порывистымъ движеніемъ захлопнула дверь и изъ сосѣдней комнаты стали лишь слабо доноситься шопотомъ произносимыя слѣшныя рѣчи.

Вся эта сцена такъ изумила Надю что ея большіе глаза еще шире раскрылись на Варю.

— Вы, Ольшевская, кажется, этого не одобряете? насмѣшливо проговорила та.—А коли хотите быть изъ нашихъ, придется и вамъ привыкнуть и не стыдиться простыхъ, естественныхъ влеченій.

Въ эту минуту въ передней раздался звукъ слабого, будто надтреснутого звонка. Дверь отворилась и послышался

негромкій, очень низкій голосъ, въ которомъ то и дѣло попадались рѣзко звучащія странныя насмѣшливыя ноты.

— Молодежь, я вижу, сказалъ вошедшій,—по обыкновенію свое дѣло знаетъ: все по порядку, какъ слѣдуетъ. А гдѣ сестра? Получивъ отвѣтъ, гость какъ-то особенно беззвучно отворилъ дверь и вошелъ въ комнату, щуря свои небольшіе черные глазки, прямо устремившіеся на Варю. Это былъ довольно высокій, неуклюжій, слегка мѣшковатый человѣкъ, лѣтъ тридцати ляти, съ широкими и сильными плечами и маленькою головою, неловко сидѣвшею на этихъ плечахъ. Онъ казался не то чтобы полнымъ, а именно мѣшковатымъ, хотя его движенія, и въ особенноти небольшіе, безлокойные глаза обличали въ немъ нервную, живую натуру. Лицо его не легко забывалось: черныя, жесткіе какъ щетина, волосы какъ бы мысомъ выступали надъ его низкимъ лбомъ, и хоть черты этого блѣднаго лица казались будто недодѣланными, за то въ крѣпкихъ, стиснутыхъ челюстяхъ его изогнутаго рта было что-то рѣшительное и могучее, а порой даже хищное и злобщее.

— Что, безъ дѣла сидѣть изволите, Варвара Васильевна? началъ онъ вмѣсто привѣтствія.—А чай у васъ еще не простылъ?—Тутъ только онъ замѣтилъ Надю и тонъ его тотчасъ перемѣнился.—Какъ? И вы сюда?—обратился онъ ласково, хотя все-таки насмѣшливо, къ Надѣ.—На поклоненіе приходите къ Варварѣ Васильевнѣ? Такую молоденькую ученицу, признаюсь, не ожидалъ я здѣсь встрѣтить. Впрочемъ, конечно, чѣмъ раньше, тѣмъ лучше.

И онъ устоялъ посреди молодыхъ дѣвушекъ и такъ пристально всмотрѣлся въ Надю что блѣдая дѣвочка, неизвѣстно отчего, покраснѣла до ушей.

— Не бойтесь меня,—я не кусаюсь, шутиливо продолжалъ Неродовичъ.

— Я никого и ничего не боюсь, съ дѣтскою самоувѣренностью произнесла Надя и почувствовала что вспыхнула еще болѣе. Глаза его были полпрежнему устремлены на нее и что-то колючее и жгучее почти до боли было въ этомъ взглядѣ.

— У васъ замѣчательно серіозные глаза для вашихъ лѣтъ, не переставалъ онъ обращаться къ Надѣ,—и необыкновенно гордыя брови,—да, именно гордыя. Я такихъ еще не видалъ у дѣтей. Я это, помнитса, замѣтилъ разъ, когда вы

отвѣчали мнѣ на урокъ,—точно не я, а вы тогда были учителемъ.

Ее непріятно поражалъ этотъ неестественно шутовской токъ и она телерь уже почти враждебно глядѣла ему прямо въ глаза.

— Только вотъ чего я боюсь, началъ онъ опять,—какъ бы вамъ скучно не было въ нашемъ обществѣ. Варвара Васильевна, извольте видѣть, хоть ей только восемнадцать лѣтъ, не по лѣтамъ развитая и серіозная особа...

— Однако, Неродовичъ, перебила его Варя,—полно вамъ за Надей Ольшевской ухаживать. Съ какими вы сегодня вѣстами?

Неродовичъ обернулся и смѣрилъ ее такимъ взглядомъ что Варя невольно предъ нимъ стихла и присмирѣла, а случилось съ ней это очень рѣдко.

— Я, кажется, Варвара Васильевна, отчета никому давать не привыкъ: поживете, узнаете. Ну, такъ вы мнѣ объясните,—обратился онъ снова къ Надѣ,—съ какой стати такой молодой дѣвочкѣ, какъ вы, вздумалось цѣлый вечеръ просиживать съ такими скучными людьми, какъ мы вотъ. Или лучше я вамъ скажу, по вашимъ глазамъ я вижу что вы пришли сюда за какимъ-то очень важнымъ для васъ отвѣтомъ и, какъ почти всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, отвѣта никакого не дождались. Такъ-ли?

— Она сюда пришла за сестрой присматривать, недовольнымъ тономъ вмѣшалась Варя, и снова ее остановилъ повелительный взглядъ Неродовича.

Надю такъ коробило отъ всего этого что приходилось ей слышать и видѣть въ этомъ странномъ домѣ что ей хотѣлось выбѣжать вонъ изъ комнаты и никогда болѣе не возвращаться къ Покровской. Но въ то же время ее приковывалъ къ мѣсту пристальный взглядъ этого страннаго человѣка, возбуждавшаго въ ней и отвращеніе и любопытство, какъ будто сейчасъ отъ него именно она услышитъ что-то неожиданное и поражающее. И она отвѣчала ему телерь уже совершенно спокойно.

— Я не знаю что вы могли прочесть на моемъ лицѣ, но къ Покровской я въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ обратиться съ вопросомъ.

— И конечно не обратились въ виду всѣмъ извѣстной любезности нашей почтенной хозяйки? Что же? Можетъ-быть я буду въ состояніи удовлетворить вашу любознательность?

Но, разумѣется, Нада ни за что на свѣтѣ не сказала бы предъ чужимъ, да еще предъ учителемъ, что за книжки получила отъ Покровскихъ ея сестра.

— Вашу сестрицу, продолжалъ онъ,—я здѣсь встрѣчалъ уже неоднократно и ея довѣріе кажется успѣлъ уже приобрѣсть. Зачѣмъ же вы меня дичитесь? Александра Сергѣева! обратился онъ къ дверямъ,—вы безъ сомнѣнія сочли за нужное заняться просвѣщеніемъ своей сестрицы?

Сама вернулась въ комнату, услась за столъ и оперла на обѣ руки свои разгорѣвшіяся щеки.

— Нада кое-что сама читала, проговорила она,—безо всякаго участія съ моей стороны.

— И вами овладѣла тревога, снова обратился Неродовичъ къ Надѣ,—всегда предшествующая обращенію?

— До обращенія, кажется, далеко, боѣко произнесла Нада, и глаза ея заискрились отъ оживленія.

— Чтѣ вы прочли? спросилъ онъ ее тономъ судьи.

Она назвала книжку.

— Ну-съ, конечно бросили какъ нѣчто мерзкое и отвратительное? продолжалъ онъ ее допрашивать.

Она кивнула головой.

— И тѣмъ не менѣе снова возвращались къ чтенію?

— Прочла и еще буду читать, возразила она рѣшительно.— Буду читать, пока наконецъ не услѣю убѣдиться что все это вздоръ и къ тому же вздоръ самаго гадкаго свойства.

— Вотъ какъ! И съ какою энергіей вы изволите выражаться? Въ пятнадцать лѣтъ! Bravo! Ну а коли совсѣмъ не то выйдетъ?

— То-есть, какъ не то?

— Коли вы, напротивъ, убѣдитесь что это-то и есть самая настоящая истина. Чтѣ тогда?

— Тогда... И будто пламя зажглось въ черныхъ глазахъ двѣ ушки.—Нѣтъ!.. Этого не можетъ быть! Чтѣ это за любовь къ народу которая выражается подстрекательствомъ къ убійству?

— А я все-таки вамъ скажу, полпрежнему спокойно говорилъ онъ, не слуская съ нея глазъ,—когда вы убѣдитесь, а что это будетъ, за то я ручаюсь,—тогда вы многое поймете чтѣ теперь возмущаетъ васъ.

— И это вы мнѣ говорите? вскакивая съ мѣста воскликнула Нада.

— Да! Я—учитель гимназіи! Я, носящій коронный мундиръ!—

Голосъ Неродовича теперь вдругъ зазвучалъ торжественно.— И съ тою же увѣренностью съ какою я сказалъ вамъ сейчасъ что вы будете *изъ нашихъ*, я скажу вамъ еще теперь что за нами будущее, что мы прольемъ много крови и своей и чужой; а все-таки насъ благословлять будутъ. Вы вотъ не понимаете какъ путемъ страха и казни можно дойти до мира и любви. Этого сразу не поймешь. Въ это вѣровать надо. Великія дѣла требуютъ иногда сѣрыхъ орудій... Развѣ на свѣтѣ что-нибудь создано безъ крови и огня?

Она его слушала не совсѣмъ отдавая себѣ отчетъ въ смыслѣ этихъ странныхъ словъ, но ловившая невольно той силѣ убѣжденія, которою онъ, казалось, былъ проникнутъ. Да еслибъ онъ сталъ объяснять ей, разсуждать съ ней, она можетъ-быть и не поддавалась бы ему. Ей именно нужно было чего-нибудь такого гдѣ оставалось бы много загадочнаго, гдѣ нужно было скорѣе вѣрить чѣмъ понимать...

— Когда-нибудь въ другой разъ, продолжалъ онъ,—и голосъ его снова звучалъ спокойнымъ, обыкновеннымъ тономъ,—мы вдоволь про это поговоримся. А пока Варвара Васильевна не откажется, конечно, насъ снабдить полезнымъ чтеніемъ. И даже, знаете что? Если хотите, мы въ другой разъ здѣсь на дняхъ соберемся и съ вами что-нибудь прочтемъ вмѣстѣ? Тогда, не беспокойтесь, вы поймете.

Неродовичъ остался у Покровскихъ недолго. Онъ пошутилъ немного съ Сашей, подразнилъ Юрія и все это самымъ добродушнымъ отеческимъ тономъ, и вдругъ неожиданно объявилъ что ему пора въ одно мѣсто, гдѣ его ожидаютъ. Варя была крайне недовольна всѣмъ его поведеніемъ.

— Это ни на что не похоже, объявила она брату, когда Неродовичъ вышелъ.—Онъ сталъ шутикомъ, балагуромъ какимъ-то!

Юрій разсмѣялся.

— А тебѣ бы все хотѣлось, Варя, чтобы нашъ братъ ходилъ съ суровымъ, трагическимъ видомъ, какъ прилично оперному заговорщику?! Жаль, право, что ты не родилась въ лервые вѣка христіанства! Изъ тебя бы такая отшельница вышла что тебя чего добраго къ лицу святыхъ причислили бы.

На пути къ дому Нада стала живо упрекать сестру за ея странное поведеніе съ Юріемъ. Саша ей въ отвѣтъ только разсмѣялась и стала что-то въ полголоса напѣвывать. Вдвоемъ съ сестрой ей уже не было совѣстно.

— Ну да! отвѣчала она.—Юрій мнѣ нравится. Чтѣ же тутъ удивительнаго и главное дурнаго? Разспроси-ка ты въ гимназiи у подругъ изъ тѣхъ кто постарше. Много ли такихъ у которыхъ нѣтъ сердечной привязанности? Да чтѣ гимназія! ты посмотри чтѣ дома у насъ дѣлается? Какой примѣръ намъ отецъ подаетъ!

Надя вся вспыхнула отъ негодованiя. Хотя она и не любила отца, она еще не успѣла отвыкнуть отъ уваженiя къ нему; а въ ней это чувство, какъ всякое другое, принимало какой-то восторженный оттѣнокъ.

— Да ты развѣ ничего не замѣчаешь? продолжала Саша, забывая совершенно что сама только недавно о томъ догадалась.—Ты не находишь странною ту роль которую Софья Петровна играетъ въ нашемъ домѣ?

Надя попробовала возражать, но Саша напомнила ей про двѣ-три домашнiя сцены бывшія въ ихъ присутствiи, и съ глазъ Нади будто спала пелена: то, мимо чего она проходила до сихъ поръ, не примѣчая ничего, вдругъ стало для нея ясно. Но когда въ ея глазахъ лопатнулся авторитетъ отца, она къ своему открытію не отнеслась равнодушно, какъ сестра. Она не умѣла мириться съ тѣмъ чтѣ въ ней возбуждало отвращеніе. Въ ней громко заговорило негодованіе, и Сергѣй Ольшевскій въ одинъ тотъ вечеръ потерялъ надъ своею младшею дочерью всякую тѣнь власти.

IX.

Ninon. Ninon, que fais-tu de la vie?

Alfred de Musset.

Неродовичъ былъ незаконный и въ то же время единственный сынъ богатаго симбирскаго помѣщика Салѣгина. Ему дали безпорядочное, хотя и довольно старательное воспитаніе—распущенный самодуръ отецъ на цвое воспитаніе не былъ способенъ,—а главное его снабдили твердою надеждою на то что будущее его вполне обезпечено. И вотъ, когда онъ только что поступилъ въ университетъ и успѣлъ уже привыкнуть къ яривольной жизни богатой молодежи, его вдругъ поразила неожиданная кончина отца и еще болѣе можетъ-быть ея роковыя послѣдствiя для него самого. Салѣгинъ умеръ не оставивъ завѣщанiя, и все его имѣніе досталось

племянникамъ, вовсе не расположеннымъ считать родственникомъ его побочнаго сына. Молодому человѣку достались только десять тысячъ, давнымъ-давно положенныя въ банкѣ на его имя, да равный опытъ непрочности семейныхъ отношеній. Въ домѣ отца онъ всегда былъ на правахъ признаннаго сына, хотя Салтъгинъ почему-то не рѣшился усыновить его. Телерь двоюродные братья, конечно, послѣжили ему, выяснивъ все неравенство ихъ обоюдныхъ отношеній. Избалованный баричъ, батюшка Левъ Александровичъ—какъ всѣ его величали въ имѣнїи отца,—вдругъ обратился въ бездомнаго скитальца, и сердце молодаго человѣка откликнулось на этотъ рѣзкій поворотъ судьбы такою пламенною ожесточенною ненавистью, какой и не подозрѣвали въ немъ, конечно, оттолкнувшіе его родственники. Онъ твердо рѣшился на усиленную работу чтобы добыть себѣ положеніе гораздо блестящее того которое онъ утратилъ. Его самолюбіе не было мелкаго свойства. Онъ принудилъ себя къ самымъ строгимъ лишеніямъ, чтобы приберечь свой небольшой капиталъ. Онъ бросилъ всѣ прежнія привычки, сталъ искать уроковъ, усердно посѣщалъ лекціи,—но во всемъ этомъ руководила имъ не безкорыстная любовь къ знанію, а тѣ два единственныя чувства которыя завладѣли имъ въ одинаковой мѣрѣ: стремленіе къ власти и желаніе мщенія. Но страннымъ образомъ, успѣхъ, всегда локорный силъ, не давался ему, несмотря на всю страстность его воли. Уроки шли туго; въ товарищахъ онъ не былъ счастливъ; сочиненіе надъ которымъ онъ трудился не получило медали. Словомъ, уже при выходѣ изъ университета, у него зародилась горечь неисполненныхъ ожиданій и неразрывное съ нею ожесточеніе. Года только усиливали это чувство. Онъ не находилъ ни служебныхъ, ни литературныхъ занятій. Долго и тщетно добивался онъ штатнаго мѣста: ему все отвѣчали что филологъ—Неродовичъ поступилъ на этотъ факультетъ—способенъ лишь занять мѣсто учителя; и что впрочемъ на каждую вакансію имѣется по нѣскольку соискателей. Левъ Неродовичъ не хотѣлъ ограничиться званіемъ канцелярскаго лица и предлагалъ свои услуги подъ рядъ всѣмъ столичнымъ редакціямъ. Но и тутъ оказалось что право на извѣстность публикѣ пріобрѣтается только путемъ извѣстности редактору. И вотъ у Неродовича сказалось озлобленіе уже не противъ одной только семьи, а противъ цѣлаго общества. Если въ немъ не находятъ себѣ мѣсто

люди съ талантомъ и знаніемъ, оно должно быть перестроено, а главное—разрушено. Къ этому выводу онъ пришелъ не путемъ отвлеченныхъ теорій,—къ нимъ онъ питалъ вообще мало довѣрія и даже слегка презиралъ ихъ. Неродовичу показалось что ко власти ведетъ еще одна дорога—темная и опасная, но за то открывающая доступъ къ неожиданнымъ, крупнымъ поворотамъ. Вступившему на нее необходима сильная воля и умѣнье подчиняться лишешіямъ, а эти два качества онъ за собою зналъ. И вотъ онъ рѣшился вступить на скромное поприще учительской карьеры; его небольшой капиталъ былъ уже сильно истощенъ двумя годами напраснаго искательства. И сдѣлавъ этотъ шагъ, онъ разъ навсегда рѣшился для вида мириться со всѣмъ, избѣгать всякихъ столкновеній съ начальствомъ, а предъ учениками строгостью обезпечить себѣ уваженіе. Цѣлыя лѣты онъ провелъ въ захолустьи, пока наконецъ его не перевели въ О. За это долгое время всѣ его нравственныя пружины какъ бы закалились и окрѣпли, и вся его природа до того осылась и затвердѣла что ничто въ немъ, казалось, не могло подчиниться какому-нибудь страстному порыву. Свое озлобленіе онъ тщательно скрывалъ и оно накапливалось въ немъ какъ соковище у скряги. Неудачи не обезоружили его. Напротивъ, въ немъ непоколебимо жила увѣренность что день отмести и торжества для него когда-нибудь настанетъ. Въ такомъ большомъ городѣ какъ О. ему открылась, наконецъ, возможность перейти къ дѣйствию. И въ самомъ дѣлѣ, соблюдая всевозможную осторожность, онъ мало-по-малу размножалъ свои знакомства и прибрѣталъ извѣстность и даже вліяніе среди тѣхъ людей которые наполовину только принадлежали явному общественному строю. Долгіе годы ожиданія развили въ немъ удивительную способность распознавать людей и открываться только предъ тѣми кого нечего было бояться. Въ глазахъ начальства онъ слылъ еще за благонадежнаго и благонамѣреннаго въ высшей степенѣ, когда онъ уже былъ въ близкой связи съ коноводами подпольнаго движенія и начиналъ прибрѣтать извѣстность въ той средѣ молодежи которая, часто сама того не зная, питаетъ это движеніе своими лучшими силами.

И Надя тоже подчинилась этому страшному обаянію. Ее привлекало что-то загадочное, скрывавшее недосказанную глубокую мысль и, главное, непоколебимую волю. Надю съ

самыхъ раннихъ лѣтъ чутьемъ влекло ко всему въ чемъ скрывалась сила и твердость. Впрочемъ Неродовичъ постарался о томъ чтобы усилить и сохранить впечатлѣвнѣе произведенное имъ на молодую дѣвушку. И его тоже поразило въ ней рѣдкое въ ея годы развитіе воли и эту волю ему захотѣлось подчинить себѣ, какъ полезное орудіе для будущаго. Онъ понялъ что ея молодая душа изъ тѣхъ которыя ищутъ откровенія и готовы слѣдовать повсюду за тѣмъ кто сумѣлъ бы удовлетворить ихъ потребность вѣрвать и жертвовать собою.

— Съ этою дѣвочкой нужно быть осторожнымъ, говорилъ онъ Варѣ Покровской, у которой продолжалъ встрѣчаться съ Надей.—Нашими обычными приемами ее легко оттолкнуть отъ насъ навсегда; а ею стоить заняться побольше чѣмъ со старшею сестрой. Ей нужно товаръ нашъ лицомъ показать. Ей на седьмое небо хочется. Ну, мы его и дадимъ, даже съ нѣкоторымъ бенгальскимъ освѣщеніемъ. А „всю нашу трезвость и реальность“ пока въ ея присутствіи надо припрятать.

— Да вы, Неродовичъ, просто втюрились въ эту дѣвочку, недовольнымъ голосомъ отвѣтила Вара.

— Ну, ужъ это мое дѣло. А пока скажу вамъ что изъ этой дѣвочки, при нѣкоторомъ умѣньи, можно сдѣлать нѣчто такое до чего не дойти многимъ изъ нашихъ.

И Неродовичъ строго держался этой системы умственного воспитанія. Вара продолжала встрѣчать Надю Ольшевскую недоброжелательно, даже сурово. Но это не мѣшало Надѣ возобновлять свои посвщенія къ Покровскимъ, куда Неродовичъ теперь сталъ часто заходить. Онъ заботливо выбиралъ чтенія пригодныя, какъ онъ находилъ, для развитія Нади. Все чересчуръ откровенное было пока устраниено, но за то молодая дѣвушка прошла чрезъ высшую школу „развитія“ посредствомъ отборныхъ произведеній радикальнаго идеализма. А рядомъ съ этимъ ученіе подкрѣплялось и примѣрами изъ дѣйствительности. Все что въ печати можно было набрать изъ разныхъ извѣстій о безсердечномъ притѣсненіи съ одной стороны, о горькой нуждѣ, даже голодѣ съ другой,—все это усердно предлагалось Надѣ, чтобы довести въ ней пламенную любовь къ страждущимъ до надлежащей точки кипѣнія. При этомъ умалчивалось до поры до времени о другой сторонѣ медали—о трезвыхъ и реальныхъ отношеніяхъ въ которыхъ упразднено различіе между полами и высшимъ закономъ

является первое раздраженіе. Все ученіе Неродовича представлялось Надѣ какъ широкое примѣненіе той самой любви къ угнетеннымъ, которая всегда мерещилась ей какъ основное начало цѣлой жизни. И когда она спрашивала у него, какимъ образомъ эта братская любовь можетъ выражаться словами мести и угрозы, онъ отвѣчалъ ей что они необходимы для устрашенія тѣхъ которые мѣшаютъ осуществленію полнаго мира между людьми.

— Вѣдь и христіанство требовало жертвъ, говаривалъ онъ.— А христіанство судило рай только на небѣ. Теперь же людямъ захотѣлось ступить шагомъ дальше и самый этотъ рай предвкусить на землѣ и притомъ устроить его не для самихъ себя, а для всѣхъ тѣхъ которымъ приходится тѣсно и трудно. Мы съ вами конечно не останемся въ выигрышѣ,—увѣрялъ онъ ее;—но что значить наше личное счастье и удобство въ сравненіи съ сознаниемъ того какія блага мы сдѣлаемъ доступными для массъ! Ну, а если достиженіе этой цѣли, требующей добровольной жертвы отъ насъ, потребуешь ея тоже, но уже не совсѣмъ добровольно, отъ тѣхъ немногихъ кто станетъ этому противиться,—развѣ наше торжество будетъ куплено слишкомъ дорогою цѣной?

„Вотъ оно стало-быть объясненіе! думалось Надѣ:—привесеніе себя въ жертву дающее право требовать жертвы и отъ другихъ.“ И Надѣ казалось что въ словахъ Неродовича было самое высокое самоотверженіе. Въ виду этой высокой задачи, Нада совершенно забыла про окружающую ее непривлекательную дѣйствительность. Ее перестала возмущать страшная домашняя обстановка. Несправедливыя выходки отца не вызывали уже въ ней ропота. Ей только казалось будто сама она выросла все выше и выше надъ этою обстановкой и нравственно освобождалась отъ нея. И въ то же время она теперь лучше прежняго понимала цѣны изъ любимыхъ звонкихъ изреченій отца. Они конечно далеко не достигали высоты ученія Неродовича, но все-таки изъ-за нихъ она много прощала отцу. И вотъ Надѣ на этотъ счетъ тоже пришлось потерпѣть разочарованіе.

Въ домѣ Ольшевскихъ жила старая служанка, бывшая еще няней матери Нади, а затѣмъ исполнявшая тѣ же обязанности у обѣихъ дѣвушекъ. На ея рукахъ съ давнихъ поръ было все домашнее хозяйство. Въ одинъ прекрасный день Софья Петровна, все еще исполнявшая свои мнимыя обязанности

воспитательницы, стала тяготиться присутствіемъ старушки. Между обѣими женщинами начался споръ и раздоры, и Сергѣй Ольшевскій, уступая настояніемъ Софьи Петровны, вдругъ объявилъ старушкѣ чтобъ она убиралась изъ его дома съ пожитками—со своимъ краденымъ добромъ, какъ онъ выразился. Старушкѣ было лѣтъ семьдесятъ. Краденаго добра у нея не было вовсе; но за то она сильно прихварывала и, разумѣется, ни къ какому мѣсту уже не могла пристроиться.

— Въ богадѣльню, значить, идти прикажете, батюшка, вѣкъ доживать? тихо отвѣтила она Ольшевскому.—Много вамъ благодарна за такую доброту вашу и вниманіе.

Старушка была такъ изумлена неожиданнымъ приказомъ барина что слезы даже не успѣли у нея навернуться на глаза и она сразу и не поняла какъ это ей придется умереть не на старомъ мѣстѣ. Сама отвелась довольно равнодушно къ этому маленькому событію; но за то Нада страстно заступилась за старушку: она напрямикъ объявила отцу и Софьѣ Петровнѣ что до этого она не допуститъ и лучше сама уйдетъ изъ дому вмѣстѣ со старою наею, чѣмъ дать ее выгнать послѣ сорокалѣтней службы ихъ семьѣ. Это былъ первый случай явнаго сопротивленія со стороны Нады, и Сергѣя Петровича она вывела изъ себя, тѣмъ болѣе что онъ сознавалъ всю несправедливость своего поступка. Какъ всѣ слабохарактерные люди, онъ тѣмъ болѣе вслыдиль и тѣмъ страшнѣе грозилса чѣмъ менѣе онъ былъ въ состояніи привести какую-нибудь угрозу въ исполненіе. Наду онъ хотѣлъ залереть на хлѣбъ и на воду, и одно только заступничество Софьи Петровны отстранило отъ нея это не совсѣмъ умѣстное наказаніе. Софья Петровна видимо старалась смягчить его гнѣвъ и даже настояла на томъ чтобы старушку оставили при мѣстѣ, хоть въ душѣ она съ этой минуты возненавидѣла Наду и не упустила уже затѣмъ ни одного случая настроить противъ нея податливаго отца. Солово должно-быть пришло отъ нея бѣдой старушкѣ, по крайней мѣрѣ она уже четыре дня спустя сама объявила что не останется больше въ домѣ Сергѣя Петровича, и какъ ни упрасивала ее Нада, она въ самомъ дѣлѣ помѣстилась въ богадѣльню, гдѣ вскорѣ и умерла. Этотъ случай не только поставилъ Наду въ рѣзкое противорѣчіе съ домашними, но еще возбудилъ противъ нея цѣлый рядъ мелкихъ гоненій, которыя она переносила съ презрительною стойкостью, но за

то все болѣе отдалялась отъ своихъ и уходила въ заманчивый мнръ мечтательныхъ стремленій.

Женщины вообще склонны къ обобщенію частныхъ случаевъ. Немудрено что неопытной дѣвочкѣ какъ Надѣ казалось что во всѣхъ семьяхъ господствуетъ тотъ же бессмысленный, мелочной гнетъ, та же безпорядочная раслуценность которую она видѣла у себя дома. Законность, даже обязательность протеста стала для нея очевидною.

Такъ прошелъ рѣшительный годъ для Нади. Къ концу его она уже не была ребенкомъ. Въ ней успѣла развиться несвойственная ей лѣтамъ самостоятельность мысли и воли, тѣмъ болѣе окрѣпшая что у молодой дѣвушки она не лорывалась наружу бурными всплшками строптивости. Это и придавало ей внѣшнее спокойствіе въ обращеніи съ домашними. Одного ей только пламенно хотѣлось—поскорѣе дополнить тѣ недостаточныя свѣдѣнія которыя могла ей дать гимназія и овладѣть тою областью положительнаго знанія гдѣ, по словамъ Неродовича, всѣ тревожныя вопросы находятъ такіе ясные и удовлетворительные отвѣты. Впрочемъ ей приходилось убѣждаться что другія, многія ея старшія, менѣе требовательны чѣмъ она. У Покровскихъ она познакомилась съ тремя, четырьмя молодыми людьми, вполнѣ посвященными въ великія тайны, и одна черта въ нихъ поразила ее съ самаго начала. Поневидимому, сомнѣній для нихъ ни въ чемъ не существовало: всѣ вопросы казались имъ рѣшенными окончательно и отвѣты на нихъ были такъ непреложны и опредѣленны какъ любой символъ вѣры. Эти двадцатилѣтніе юноши обращались такъ увѣренно съ наиболѣе сложными задачами человеческой жизни и жизни цѣлаго общества что можно было позавидовать этой удивительной умственной зрѣлости еслибѣ они не были обязаны ею гораздо болѣе вѣрѣ чѣмъ знанію. Въ самомъ дѣлѣ, все это было принято ими съ трогательною довѣрчивостію, какъ готовое откровеніе, прошедшее уже чрезъ многія руки, такъ что источникъ его и доказательства часто терялись во мракѣ. Но для молодой дѣвушки это единодушіе мысли, это сложившееся міровоззрѣніе все-таки казалось заманчивымъ. Было стало-быть что-то твердое чему вѣрить цѣлое поколѣніе и чему конечно принадлежить будущее. Одно только ей страннымъ казалось—полное несходство между этими вѣрованіями и дѣйствительностію. Какъ перешагнуть черезъ эту пропасть? Въ ея глазахъ то что признавалось

истинной слѣдовало осуществить. Нельзя же было жить спокойно такъ какъ будто между убѣжденіемъ и действительностью общаго ничего нѣтъ. Но какъ же приступить къ дѣлу? Какъ согласовать важность и трудность дѣла съ ничтожными средствами горсти молодыхъ людей и все-таки сдѣлать это такъ чтобы неизбѣжный поворотъ совершился мирнымъ путемъ?

Какъ разъ въ то время, въ одномъ изъ крупныхъ имѣній на Днѣстрѣ, произошло волненіе, о которомъ много говорили во всей Новороссіи. Цѣлая сотня крестьянскихъ семействъ давнымъ-давно переселилась сюда по приглашенію владѣльца и проживала на его землѣ уже болѣе полулѣта. Вдругъ помѣщику вздумалось измѣнить условія на которыхъ были поселены эти пришлые крестьяне и, въ виду ихъ отказа, онъ приказалъ имъ обратиться съ его земли куда глаза глядятъ. Начался процессъ, надѣлавшій много шума, а въ самомъ имѣніи, для прекращенія безпорядковъ, понадобилась вооруженная сила. Про это событіе много говорилось въ кружкѣ молодежи и самыя грозныя проклятія клеймили это злоупотреbenіе правомъ собственности. Надѣ казалось однако что всѣ эти пламенные рѣчи мало помогаютъ пострадавшимъ крестьянамъ. „Да не въ крестьянахъ дѣло, поймите это, Ольшевская, говорилъ ей одинъ сурово глядѣвшій юноша,—а въ томъ безобразномъ общественномъ строѣ при которомъ такія дѣла становятся возможными.“—„Но пока этотъ строй существуетъ“, такъ думалось Надѣ, „не мѣшало бы облегчить судьбу бѣдняковъ, которымъ отъ того не легче что есть на свѣтѣ нѣсколько людей посвятившихъ себя улучшенію судьбы цѣлага человечества!“

— Вы напрасно такъ полагаете, Надя, сказалъ ей, улыбаясь, Перодовичъ.—Чѣмъ чаще будутъ повторяться подобные случаи, тѣмъ лучше. Они служатъ нагляднымъ примѣромъ всѣхъ прелестей нашихъ порядковъ, а люди, извѣстное дѣло, умудряются только примѣрами. Вы знаете,—громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится; а нашихъ мужиковъ нужно порядкомъ-таки расшевелить, пока они выдутъ изъ своей неподвижности.

Надю это объясненіе мало удовлетворило.

— Ну если вы хотите непременно помочь, продолжалъ Перодовичъ, въ томъ же шутовскомъ тонѣ,—мы васъ, конечно, на это благое дѣло только благословить можемъ. Да вы

здѣсь съ ватшею сестрой едва ли не одиѣ у которыхъ на то имѣются средства.

— Какія средства? удивленно спросила Нада.

— Мы всѣ, вы знаете, народъ очень небогатый; а у васъ съ Александрой Сергѣевной, сколько мнѣ извѣстно, есть недурное состоянїе.

Нада до того времени и не думала вовсе о томъ что ей съ сестрой должно принадлежать довольно значительное наследство матери. Опекуномъ у нихъ былъ отецъ, и молодыя дѣвушки привыкли считать своими только тѣ небольшія деньги какія Сергѣй Петровичъ считалъ за благо имъ выдавать на мелкіе расходы.

Нада подробно разспросила Неродовича. „Такъ вотъ, стало быть, подумала она, гдѣ моя обязанность и гдѣ средства необходимы чтобы дѣйствовать!“ Если есть у ея сестры и у ней состоянїе, оно должно послужить для облегченїя судьбы тѣхъ несчастныхъ о которыхъ ей такъ часто доводилось слышать. Нада еще не знала что эти „отвлеченные несчастные“ совсѣмъ не то что настоящіе бѣдняки, которымъ можно помочь не разглагольствованїями, а дѣйствительнымъ пособїемъ.

Но состоянїе молодыхъ дѣвушекъ было въ рукахъ ихъ отца и нельзя было думать чтобы Сергѣй Петровичъ охотно съ нимъ разстался. Неродовичъ передалъ молодымъ дѣвушкамъ про законъ позволявшїй имъ выбрать себѣ по желанїю опекуна и попечителя. Нада, однако, не согласилась нанести отцу такую прямую обиду. Всякій споръ изъ-за денегъ ей несказанно претилъ, хотя бы онъ возникъ изъ-за благожеланїя помогать ближнему. Саша, правда, не раздѣляла этого взгляда; но за то она не посмѣла бы прямо идти наперекоръ отцу. Левъ Александровичъ не ограничился одною этою попыткой. Онъ не далъ захохнуть брошенному имъ сѣмени и наломивалъ сестрамъ при всякомъ удобномъ случаѣ что наследство матери налагаетъ на нихъ священныя обязанности, отъ которыхъ онѣ не въ правѣ отречься, даже ради отца. Состоянїе молодыхъ дѣвушекъ слѣдовало, какъ можно скорѣе, прибрать къ рукамъ. Но у Неродовича въ виду было и нѣчто совсѣмъ иное. Несмотря на огромную разницу въ лѣтахъ, молодая, полуразвившаяся дѣвушка возбуждала въ немъ столь сильно вслыхнувшее чувство что онъ и не думалъ съ нимъ бороться, хоть и отчаивался почти въ

возможности его удовлетворить. Неродовичу съ женщинами не везло никогда и рядъ обидныхъ неудачъ оставилъ въ немъ горечь неудовлетвореннаго сладострастія. Любовь для него была какимъ-то жгучимъ, болѣзненнымъ чувствомъ, очень похожимъ на озлобленіе. Конечно, до поры до времени онъ сдерживалъ его въ присутствіи Нади: онъ слишкомъ хорошо зналъ что одного неосторожнаго слова, одного слишкомъ горячаго взгляда было достаточно чтобы навсегда уничтожить то обаяніе которымъ онъ пользовался въ ея глазахъ. Одна Варя Покровская догадывалась; но она слишкомъ его боялась чтобы высказать свои подозрѣнія. „Нужно было, такъ думалъ Неродовичъ,—вполнѣ подчинить себѣ умъ и волю Нади, втянуть ее въ самый круговоротъ агитаціи, и тогда уже для цѣлыхъ цѣлей воспользоваться своимъ авторитетомъ надъ ней“. Но прежде всего слѣдовало разрушить всякую связь ея съ семействомъ. Удобный случай представился скоро. Юрій Покровскій давно подбивалъ Сашу бѣжать съ нимъ изъ родительскаго дома, да и она тяготилась стѣсненіями которыми по необходимости были окружены ея отношенія къ молодому человѣку. Теперь у нея былъ новый могучій поводъ желать скорой развязки: ея связь съ Юріемъ не осталась безъ послѣдствій. При всей самостоятельности, къ которой ее приучили ея передовые друзья, ее пугало неизбежное признаніе отцу. А между тѣмъ обвиняться съ Юріемъ было не легко; отецъ ни за что бы не согласился на такой бракъ съ бѣднымъ студентомъ, дабовокъ недавно исключеннымъ изъ университета за какую-то исторію. А для того чтобы обойтись безъ отцовскаго согласія, необходимо было одно средство, котораго въ ея распоряженіи не было. Неродовичъ—предъ вѣдъ не считали нужнымъ скрываться—часто подтрунивалъ надъ безвыходнымъ положеніемъ молодыхъ людей и предложилъ Сашѣ оригинальный исходъ чтобы изъ него выйти. Въ числѣ его молодыхъ друзей изъ студентовъ былъ одинъ Грузинъ, князь Тумановъ, сынъ извѣстнаго кавказскаго героя, для котораго, несмотря на подвиги и раны, служба всегда оставалась мачихой. Сынъ наследовалъ отъ него кромѣ славнаго имени лишь крайне ограниченныя средства, съ которыми можно было поддерживать развѣ только внутреннее наиболѣвшее раздраженіе, всегдашній слутякъ обманутой надеждѣ. Молчаливый и угрюмый, молодой Кавказецъ мало водился съ товарищами и не много воспользовался

университетскою наукой. Въ его тѣсный умственный кругозоръ уложилось не много понятій, но за то эти понятія были усвоены крѣпко съ упорною страстностью южной, хотя и замкнутой натуры. Случай свелъ его съ Неродовичемъ и Тумановъ сталъ однимъ изъ самыхъ любимыхъ его локальныхъ. Ограниченный и въ то же время страстный, Тумановъ былъ созданъ для того чтобы служить въ чужихъ рукахъ удобнымъ орудіемъ. Неродовичъ рѣшилъ что молодой Кавказецъ—подходящая личность для роли жениха Саша Ольшевской; ему, благодаря его громкому имени, Сергій Петровичъ конечно въ согласіи не откажетъ. Саша и Юрій, ни минуты не колебавсь, дали свое согласіе на то чтобы она для виду стала женой другаго. Но страннымъ образомъ и Тумановъ рѣшился принять на себя вѣстную роль мнимого мужа. Ему объяснили что этою жертвою со своей стороны онъ возвращаетъ свободу угнетенной дѣвушкѣ и благодаря ему она сама и ея состояніе будутъ къ услугамъ „дѣла“. Молодому фанатику эти доводы оказались достаточными, и онъ согласился разыгрывать комедію ухаживаема за Сашей. Познакомить его съ Сергѣемъ Петровичемъ было конечно не трудно. Ольшевскому показалось дѣльнымъ это сближеніе съ сыномъ извѣстнаго да еще титулованнаго генерала, тѣмъ боѣе что оно доставляло ему случай обитиваться съ молодыми Тумановыми сѣтованіями и жалобами на тѣхъ которые такъ мало цѣнили его собственныя заслуги. Словомъ, въ три недѣли все дѣло было улажено, и Сергій Петровичъ долженъ былъ волей или неволей разстаться съ болѣею частью приданаго Саша. Разумѣется, его расчетъ съ дочерью былъ лопочамъ со грѣхомъ.

Но труднѣе было справиться съ Надей. По ея понятіямъ Саша была обязана выйти за Юрія. Она не допускала чтобы отецъ не согласился и со своею молодою пылкостью объявила что она сумѣла бы выудить его согласіе. А вся эта жалкая ложь съ подставнымъ мужемъ ей казалась чѣмъ-то живымъ и омерзительнымъ въ высшей степени.

— Да я и буду на самомъ дѣлѣ женой Юрія, говорила ей Саша.—Дѣло вѣдь не въ свадебной церемоніи и не моя вина коли мнѣ приходится лгать предъ отцомъ. Чего же тебѣ еще коли Тумановъ согласенъ? И ты развѣ не понимаешь какъ это съ его стороны благородно?

Въ самомъ дѣлѣ, въ кружкѣ Покровскихъ всѣ до единого

были увѣрены что постыжокъ молодого Кавказца представлялъ собою верхъ рыцарскаго благородства. Но доводы эти все-таки не убѣдили Наю. Самому Неродовичу пришлось вступиться чтобъ устранить ея недоумѣнiе.

— Я хорошо понимаю, сказалъ онъ,—что вамъ претитъ этотъ обманъ. Это какъ нельзя болѣе естественно. Но бывають въ жизни такія обстоятельства гдѣ приходится насилловать себя, потому что имѣешь предъ собою двѣ противоположныя обязанности, и вотъ тутъ-то и приходится рѣшить которую изъ нихъ слѣдуетъ привести въ жертву. Но мнѣ, я думаю, вы довериться можете. Вы убѣждены, надѣюсь, что ничего дурнаго, несогласнаго съ честью я не посоветую?

Надѣ лишній разъ пришлось испытать непонятное влiанiе на нее этого человѣка. Ея прямые, не робкiе глаза не выдержали пронзительнаго взгляда его маленькихъ безлокойныхъ зрачковъ.

— Я, конечно, вамъ вѣрю, сказала она не громко.—И кому же здѣсь мнѣ вѣрить какъ не вамъ? Она этимъ почти хотѣла сказать что всѣ остальные съ которыми она встрѣчалась у Покровскихъ не приобрѣли ни ея довѣрiя, ни уваженiя.

— Ну, такъ вотъ видите, продолжалъ Неродовичъ замѣчательно тихо.—Если вы можете-быть внутренно и не совсѣмъ будете со мною согласны, на этотъ разъ все-таки подчинитесь тому что я скажу. Здѣсь дѣло идетъ объ освобожденiи вашей сестры изъ-подъ домашняго гнета, да и объ вашемъ тоже. И не для того, понимаете вы, мы хотимъ вамъ обезлечить свободу чтобы вы объ могли только вдоволь наслаждаться жизнью. Этого можетъ-быть для васъ было бы и мало. Наша дѣла выше:—лока вы объ подѣ властью отца, вы ничего не можете сдѣлать для общаго дѣла; вы даже не въ состоянiи достигнуть полнаго развитiя. И что же дѣлать если ради этого приходится воспользоваться готовностью Туманова и не сказать вашему отцу всей правды? Это, конечно, своего рода жертва, но вѣдь вы знаете что борьба не обходится безъ жертвъ и что мы приносимъ ихъ не для мелкой дѣлаи.

Надя слушала его, скрестивъ руки и наклонивъ голову. Она все-таки не совсѣмъ понимала какъ это служенiе великому дѣлу должно начаться обманомъ и низкимъ обманомъ,—такъ ей, по крайней мѣрѣ, казалось. Видно было что ея головка усердно работала надъ этою сложною задачей. „Вѣдь

этотъ человекъ, говорила она себѣ,—не можетъ требовать чего-нибудь безчестнаго, такъ какъ вся его жизнь одно безкорыстіе. Не онъ ли ее училъ тому что жизнь должна быть посвящена труду и заступничеству за слабыхъ, хотя бы для этого приходилось добровольно принимать на себя лишенія. Сколько разъ онъ говорилъ ей про неизбежность тяжелыхъ жертвъ. И что же? она станетъ противиться ему въ первый же разъ, когда отъ словъ приходится перейти къ дѣлу?“ Она подвинула голову и прямо посмотрѣла ему въ глаза. Это былъ замѣчательно глубокій и совсѣмъ уже не дѣтскій взглядъ, хотя все въ ней еще—и мягкое, нѣжное очертаніе губъ, и узкія плечи, и стройная гибкость еще не вполне развитаго стана,—обладало полуробенка.

— Я васъ послушаюсь, сказала она.—Я солгу предъ отцомъ.

— И послѣ свадьбы вашей сестры, добавилъ Неродовичъ пристально глядя на нее,—вы тоже оставите свой домъ и переселитесь къ ней. Кто знаетъ, можетъ-быть ужь очень скоро вамъ придется гимназію перемѣнить на иную, болѣе дѣятельную жизнь...

— Могу васъ поздравить, насмѣшливо замѣтила ему Вара Покровская, подслушавшая этотъ разговоръ,—съ удачнымъ подражаніемъ іезуитскимъ ласторамъ! Вы, кажется, себѣ вполне усвоили что дѣлъ оправдываетъ средства.

— Что же? Я всегда находилъ что іезуиты молодцы въ своемъ родѣ, холодно отвѣтилъ Неродовичъ.

Ожиданіямъ Неродовича, однако, не было суждено оправдаться вполне. Свадьба Саши Ольшевской имѣла нежданное для него послѣдствіе. Юрій Покровскій разчиталъ что ему не совсѣмъ удобно будетъ замѣнять собою Туманова въ томъ самомъ городѣ гдѣ жилъ отецъ Саши. Побѣгъ былъ рѣшенъ въ принципѣ, безо всякихъ возраженій со стороны новой княгини. Но куда слѣдовало ѣхать? Неродовичъ предлагалъ свои услуги Юрію, обѣщая ему содѣйствіе друзей по общему дѣлу въ разныхъ городахъ Россіи. Но молодой человекъ рѣшилъ иначе. По его понятіямъ всего лучше удалиться на возможно большее разстояніе отъ разгнѣваннаго отца и отъ родныхъ порядковъ. Эти порядки ему сулили мало привлекательнаго съ тѣхъ поръ какъ онъ былъ исключенъ изъ университета. Итакъ слѣдовало уѣхать за границу, въ одинъ изъ тѣхъ прелестныхъ уголковъ гдѣ русскіе юноши свободно развиваются подъ руководствомъ знаменитыхъ

мастеровъ, наслаждаясь въ то же время очаровательною природою Швейцаріи, въ особенности когда у нихъ случайно въ распоряженіи порядочная сумма денегъ. И не долго думая Юрій предложилъ Самѣ переселиться въ Цюрихъ. Его давно тянуло въ ширь изъ скромной обстановки родной жизни, а благовидный предлогъ—свѣтъ положительнаго знанія, такъ ярко свѣтающій на берегахъ Цюрихскаго озера, тутъ же былъ подъ рукою. Юрій былъ изъ числа тѣхъ людей у которыхъ суровое ученіе революціоннаго аскетизма какъ нельзя лучше мирится съ эликурейскими вкусами натуры, надкой на дубоватыхъ наслажденіяхъ. Такихъ людей, обыкновенно, товарищи обожаютъ, хотя не ставятъ ихъ ни въ грошъ. Но Юрій и не задавался мечтой о выдающейся дѣятельности, а пока не могъ пожаловаться на плоды своихъ политическихъ увлеченій, доставившихъ ему, правда, исключеніе изъ университета, но въ то же время и обладаніе хорошею дѣвушкой, да къ тому же съ приличнымъ капиталомъ.

Когда Нада узнала про намѣреніе сестры, она тотчасъ же рѣшила что побѣдетъ съ ней. Она видѣла, наконецъ, путь къ тому настоящему знанію которое дома для нея было недоступно. Цюрихъ являлся ей во всемъ обаяніи своей просвѣщающей дѣятельности. Для нея это были своего рода святыхъ мѣста. И на этотъ разъ когда она рѣшилась, никому, даже Неродовичу, не удалось ее остановить. Убѣдившись въ этомъ, онъ даже косвенно помогъ ей уѣхать, благодаря кое-какимъ связямъ среди официальнаго персонала средняго разбора. Книжничъ Тумановой былъ выданъ отъ мужа особый паспортъ и не трудно было при некоторомъ послабленіи властей включить въ этотъ паспортъ имя ея несовершеннолѣтней сестры. И вотъ въ одинъ и тотъ же день на Сергія Ольшевскаго обрушилось два грозныхъ извѣстія: онъ узналъ что старшая дочь его обманула своимъ замужествомъ и что младшая вмѣстѣ съ нею тайкомъ уѣхала за границу. Какъ ни равнодушенъ онъ былъ къ своимъ дѣтямъ, этого было однако достаточно чтобы мигомъ превратить его въ старика. Упреки совѣсти, а главное стыдъ разомъ покончили съ его умною бодростью.

X.

Mon Dieu! que voulez-vous faire de ces âmes de feu qui se dévorent elles-mêmes!

Staël, *Delphine*.

Прошелъ еще годъ, и до Сергѣя Ольшевскаго лишь изрѣдка, окольнымъ путемъ, доходили кое-какія извѣстія про дочерей. Тѣмъ не менѣе онъ мало-по-малу помирился со своимъ положеніемъ. Въ числѣ его пріятелей нашелся одинъ, совсѣмъ ужь передовой, который доказалъ Сергѣю Петровичу какъ не современны его сѣтованія на отъѣздъ дочерей. Сергѣю Петровичу стало даже немного совѣстно своего негодованія за неуваженіе его отеческой власти, какъ будто про такую власть можетъ быть еще рѣчь въ наше время. И какъ ни горевалъ Сергѣй Петровичъ, чрезъ это естественное чувство все-таки иногда сквозило самодовольство тѣмъ что его дочери достигаютъ въ Цюрихѣ такой завидной умственной высоты. И вотъ, болѣе года послѣ отъѣзда дочерей, къ Сергѣю Петровичу неожиданно пришло странное письмо изъ Цюриха. Писала ему Нада съ какою-то удивительною смѣсью гордой независимости и сдержаннаго раскаянія. Она сознавалась въ томъ что Саша разошлась съ Юріемъ; по тону ея письма видно было что она старалась говорить объ этомъ какъ о самомъ простомъ и естественномъ событіи, а въ заключеніи прямота и откровенность у нея прорывались наружу и она объявляла отцу что объ онѣ собираются назадъ въ Россію, но желаютъ знать сперва, захочетъ ли онъ снова принять ихъ въ свой домъ.

Сергѣй Петровичъ такъ обрадовался этому извѣстію что ему самому показалось будто онъ и не зналъ до сихъ поръ какъ сильно онъ привязанъ къ дѣтямъ. Мѣсяцъ спустя онѣ пріѣхали. Надѣ удалось осилить свое смущеніе когда она вступила въ родной домъ и показать видъ будто, по ея мнѣнію, все то что произошло—совершенно въ порядкѣ вещей. Она уклонилась ото всякихъ объясненій и только сказала что долго возилась съ Сашей, пока убѣдила ее въ необходимости вернуться. „Сашѣ было чего-то стыдно, но она говорила ей что стыдиться нечего и что слѣдуетъ откровенно

спросить у васъ, согласны ли вы насъ принять, потому что это былъ самый простой и естественный путь. Не правда ли? Въ Надѣ говорило между тѣмъ громкое чувство стыда; ей хотѣлось броситься къ отцу, но она не выдала себя и подавила свое волненіе.

— Ты прекрасно сдѣлала, мой другъ, мягко отвѣтилъ Сергій Петровичъ, видимо робѣвшій.—Я вамъ отецъ и, думается мнѣ, современный отецъ, которому понятно все то чего хочетъ молодежь...

Сергій Петровичъ даже заранее приготовилъ нѣсколько трогательныхъ и въ то же время благородныхъ словъ; но рѣчь его осѣклась и—увы!—Надѣ оны не казался никогда такимъ мелкимъ какъ именно теперь, когда вздумалъ играть предъ ней на либеральной стрункѣ.

Сама, однако, не была такъ сдержана какъ сестра и мало-малу выдала Сергію Петровичу всѣ свои тайны. Радикальная Мекка на живописныхъ берегахъ Цюрихскаго озера не оправдала ожиданій молодыхъ дѣвушекъ. Свѣтъ положительнаго знанія, который издали мерещился сестрамъ, свѣтилъ тамъ, конечно, въ полномъ блескѣ. Но почтенные ученые, которымъ было поручено просвѣщать молодые умы, оказались недоступными для своихъ поклонниковъ изъ Россіи и даже какъ-то особенно недовѣрчиво относились къ этимъ дальнимъ пришельцамъ. Самъ знаменитый профессоръ Рошермайеръ, свѣтило нѣмецкой демократіи и герой 1848 года, неохоты о допускалъ къ себѣ Русскихъ, хотя они именно поклонялись всего усерднѣе его теоріи о роли фосфора въ нравственныхъ и религіозныхъ отправленияхъ мозга. Не лучше было и съ русскими товарищами. Они, правда, держались кучкой, ихъ поневолю сблизало опальное положеніе среди прочихъ студентовъ, но за то небольшая кучка, заброшенная среди чужаго, почти враждебнаго общества, постоянно занималась взаимнымъ обличеніемъ и заподозриваніемъ своихъ членовъ. Въ одномъ только господствовало полное единодушіе: всѣ были твердо убѣждены что все человѣчество дѣлится на два рѣзко-враждебные лагеря: одному изъ нихъ, который опредѣлялся коротенькимъ словомъ „мы“, приписывались всѣ доблести; другой, обнимавшій весь остальной міръ, предавался соборному проклятію. Нада не хотѣла мириться съ этимъ огульнымъ отлученіемъ и трудно, право, было повѣрить въ святость и высоту убѣжденій во имя которыхъ произносились эти

грозныя проклятія, когда въ то же время носители ихъ заурядъ звводили другъ на друга—увы!—слишкомъ справедливыя обвиненія. Да и самая наука, для которой все она съѣхалась въ прелестный швейцарскій уголокъ, какъ-то оставалась на заднемъ планѣ. Толки о томъ, слѣдуетъ ли вновь перестроить общество, сперва разрушивъ его, или просто разрушить, ничего не перестраивая, оставляли достаточно свободнаго времени пожалуй еще для полоекъ, но уже слишкомъ мало для правильнаго посвященія лекцій. Вновь прибывающая свѣжая молодежь еще предавалась иллюзіямъ серьезнаго ученія и носилась съ розовыми планами водворенія благоденствія на земаѣ; но мало-по-малу какъ насѣкомое въ лаутину и она втягивалась въ омутъ сплетень и дразгъ, и она съ чужихъ словъ доврчиво повторяла общія мѣста и приобрѣтала навыкъ къ безшабашной ругани.

Ей стыдно и больно было за ту среду въ которой она искала правды; но она не могла заглушить въ себѣ громкаго сознанія встрѣчаемыхъ ею уродливостей. Вѣдь знамя не ладало отъ слабости тѣхъ кто не умѣлъ держать его высоко. Она вспомнила съ горькою насмѣшкой какъ все новобранцы изъ Россіи и она тоже съ сестрой должны были отправляться на поклоненіе къ мѣстному руководителю высоко стоявшему надъ всеми тревогами и также надъ всеми невгодами руководимыхъ имъ добровольцевъ. Это былъ Александръ Филипповичъ Тычковъ, извѣстный редакторъ русскаго журнала *Красный Путь*. Ей живо представилась его маленькая, обрызглая, жирная фигура и то генеральское величіе съ которымъ онъ будто выслушивалъ доклады и давалъ резолюціи. Приходившіе къ нему твердо вѣрили что онъ—мученикъ за святое дѣло за которое и они готовы пострадать. И они въ самомъ дѣлѣ часто страдали, слѣдуя по темной дорогѣ которую онъ указывалъ имъ. А онъ между тѣмъ наслаждался удобствами цивилизованной жизни и сверхъ того уваженіемъ многихъ изъ тѣхъ соотечественниковъ которые такъ часто громили неосторожныхъ юношей повѣрившихъ его словамъ. И страннымъ образомъ эти слова не были даже особенно краснорѣчивы. Трудно было сказать чѣмъ поддерживалось его обаяніе,—развѣ тѣмъ тулымъ чувствомъ съ которымъ поклоняются идоламъ, не требуя отъ нихъ невозможныхъ чудесъ. Да! удивительно было это добровольное поклоненіе, тѣмъ болѣе что для Тычкова главною работою не было

даже ожидаемое вдали торжество общаго дѣла, а борьба его съ другимъ комоментомъ сосѣдняго кружка, Померанцевымъ, редакторомъ женеваго органа *Маркс-Маркс*. Это былъ настоящій ближайшій врагъ, мѣшавшій его революціонной карьерѣ, какъ мѣшаютъ другъ другу солпернаки по любой канцеляріи.

Не легкими показались Надѣ мѣсяцы проведенные въ Цюрихѣ. Она старалась зажмурить глаза предъ всѣмъ тѣмъ что коробило ее, боясь чтобы не пошатнулась ея вѣра. Привело это разумѣется къ тому что она отстранила себя ото всѣхъ товарищей и тѣмъ самымъ возбудила противъ себя явное недоброжелательство. Но всего хуже было то отчужденіе которое возникло между нею и сестрой. Сама не возмущалась тѣмъ что видѣла, потому можетъ-быть что смотря на окружавшій ее мірокъ глазами Юрія. А молодой человекъ былъ чѣмъ угодно, только не фанатикомъ революціонной суровости. Его манила привольная жизнь, свободная ото всякихъ обязанностей, гораздо болѣе чѣмъ горячность убѣжденій, какъ встарь разгулъ заволжскихъ стелей манилъ русскую вольницу. И Сашу заразили эти эликурейскіе взгляды. Такъ хорошо чувствовать себя въ всякихъ стѣсненіяхъ налагаемыхъ совнаниемъ долга или семейныхъ обязанностей! Когда ея ребенокъ умеръ чрезъ нѣсколько часовъ послѣ рожденія, отецъ и мать остались удивительно равнодушными къ этому событію освободившему ихъ отъ дальнѣйшихъ заботъ. Надю между прочимъ эта легкая жизнь возмущала въ высшей степени. Стычки между сестрами повторялись тѣмъ чаще что Надя не скупилась на предостереженія и, разумѣется, только надѣдала сестрѣ. И предостереженія эти сбылись скоро: деньги взятыя съ собою изъ Россіи уходили какъ-то съ удивительною быстротой. Поведеніе Юрія, скоро пріобрѣтшаго замѣтную популярность среди юныхъ поборницъ всероссійскаго переполоха, все чаще стало вызывать слезы въ глазахъ бѣдной Сашы. И вотъ въ одинъ прекрасный день утренній поѣздъ увезъ молодого человека въ Женеву, а съ нимъ вмѣстѣ одну приглянувшуюся ему смазливую брюнетку и вдобавокъ большую часть оставшагося у Сашы капитала. Коротенькая записка извѣщала Сашу о томъ что любовь свободна какъ птица и въ то же время извиняла Юрія за этотъ довольно принудительный, хотя конечно временный заемъ. Сашу это событіе поразило какъ громомъ, и не малаго труда стоило Надѣ

ободритъ сестру и заставить ее подумать о будущемъ. Нада давно рѣшила съ собой что оставаться имъ въ Цюрихѣ не захѣмъ. Она не дѣлала себѣ уже иллюзій насчетъ той стелени учености которой ей можно здѣсь достигнуть. На врачебное полрище ея не тавало, а между тѣмъ она съ каждымъ днемъ яснѣе сознавала что „дѣятельность“ русской молодежи въ Цюрихѣ никому пользы не приноситъ, а Русскому народу—въ особенности. Она воспользовалась упрекомъ духа Саши чтобы доказать ей необходимость возвращенія въ Россію.

И вотъ онъ олять подъ роднымъ кровомъ, и Саша очень скоро успокоилась, когда увидѣла что совсѣмъ не такъ страшно снова встрѣтиться съ оскорбленнымъ отцомъ. „Но что же будетъ дальше?“ между тѣмъ думалось Надѣ. Она хорошо сознавала что жизнь ея съ сестрой не можетъ снова войти въ мирную колею по которой тавется безмятежная жизнь большинства провинціальныхъ дѣвушекъ. Да, впрочемъ, такой жизни ей не хотѣлось. Она твердо сказала себѣ что не измѣнить никогда тому знамени которое слшшкомъ за годъ предъ тѣмъ указалъ ей Неродовичъ и что вся жизнь ея будетъ отдава безкорыстному служенію дѣлу обиженныхъ и бѣдныхъ. Но какъ слѣдовало приступить къ этому дѣлу? Гдѣ и какъ слѣдовало работать—и въ самомъ дѣлѣ работать, а не ограничиваться произнесеніемъ шумныхъ рѣчей?..

Она тщетно старалась узнать куда дѣвался Неродовичъ. Онъ уже не былъ учителемъ. Многія изъ ея подругъ оставили городъ, а почти всѣ остальные почему-то отъ нея сторовались. Вари Покровской тоже не было въ О., да Нада и не пожелала бы къ ней обратиться. Тумановъ, правда, не уѣхалъ,—да развѣ не стыдно ему показаться на глаза?

Нада также предвидѣла что отношенія ихъ къ отцу не долго останутся мирными. И она не ошиблась. Сергій Петровичъ не выдержалъ роли мягкосердаго либеральнаго лапелъки. Два, три раза ему пришлось услышать въ клубѣ двусмысленные намеки по поводу возвращенія его дочерей и этого было совершенно достаточно чтобы возбудить въ немъ услышее на время раздраженіе. Онъ сталъ грубо и обидно зачастую упрекать Сашу за то что она, какъ онъ выражался, замарала его честное имя, и насмѣшливо спрашивалъ у нея—сохранила ли она пріятное воспоминаніе о своихъ заграничныхъ походахъ съ Юріемъ? Надю возмущали эти упреки и съ обычною пылкостью она вступилась за сестру.

— Ты у меня молчи, вскрикнулъ на нее Сергій Петровичъ. — Молоко на губахъ не обсохло, а вишь уже какой умницей стала! Я вѣдь знаю что это ты сестру подбиваешь: безъ тебя она никогда изъ ловиновенія не вышла бы!

— Такъ отлустите насъ, твердо возразила Нада. — Мы не насильно къ вамъ вернулись въ домъ!

— Да! Отлустить! По-міру лустить что ли? На улицу, чтобы на моихъ дочерей пальцемъ показывали?

— У насъ средства есть, батюшка, отвѣчала вся вспыхнувшая Нада. — Моя часть наслѣдства матери у насъ осталась нетронутою. А я всегда готова ея подѣлиться съ Сашей. Да и работать мы умѣемъ.

— Чтѣ? чтѣ такое? Ты еще дѣвчонка этакая у меня денегъ просишь? Мало тебѣ что ли того что Сашинъ капиталъ тамъ съ любовниками растранижирили обѣ? И ты по этой дорожкѣ хочешь идти? Хорошо, нечего сказать!

И Сергій Петровичъ сталъ выражаться такъ отборно что Нада предпочла тотчасъ же прекратить этотъ споръ и выйти изъ комнаты.

Такъ долго продолжаться не могло, и на выручку сестеръ пришелъ человѣкъ отъ котораго всего менѣе можно было ожидать помощи. Это былъ Леванъ Тумановъ. Онъ случайно встрѣтилъ сестеръ въ городскомъ саду и подошелъ къ нимъ.

— Я узналъ что вы здѣсь, началъ онъ, обращаясь къ Сашѣ, — и хотѣлъ сказать вамъ что если я могу на что-нибудь пригодиться, прошу васъ мною располагать.

Эти слова, изумившія Надю и ея сестру, были сказаны какимъ-то равнодушнымъ, почти деревяннымъ тономъ. Ни одинъ мускулъ на его лицѣ, не богатомъ выраженіемъ, не дрогнулъ и глаза его смотрѣли откровенно и прямо, будто то чтѣ онъ говорилъ разумѣлось само-собою.

— Мы совершенно чужіе, конечно, продолжалъ онъ; — но мы все-таки, такъ-сказать, принадлежимъ къ одному лагерю и потому обязаны другъ другу помогать. А такъ какъ я знаю что вы уже... уже разстались... ну, словомъ, коли хотите, — неожиданно закончилъ онъ, не зная какъ договорить свою фразу, — я зайду къ вамъ, такъ какъ вамъ можетъ-быть непріятно здѣсь со мной разговаривать въ саду, гдѣ такъ много народу.

И Тумановъ сдержалъ слово: на слѣдующій же день онъ явился къ Ольшевскимъ. Этому недалековидному, ограничен-

тому человѣку съ перваго раза стало понятно какъ щекотливо, почти невыносимо положеніе его мнимой жены въ домѣ роднаго отца. Прямая, честная натура Туманова такъ вызвала на откровенность что Нада тутъ же ему призналась во всемъ.

— Ну, что жь? сказалъ онъ все такъ же безжизненно и въ то же время просто.—Зачѣмъ же вы ко мнѣ не обратились? Этому помочь очень легко. Я считаю себя обязаннымъ сдѣлать все что могу для васъ и Александры Сергѣевны и не потому что она моя жена,—при этихъ словахъ слабая улыбка показалась на губахъ Кавказца,—а потому что мы всѣ товарищи по общему дѣлу. И я предлагаю вамъ переехать ко мнѣ. Я, вы знаете, бѣденъ, но вы, конечно, не будете взыскательны. Само собою разумѣется что Александра Сергѣевна и я—мы останемся попрежнему чужими, пока она этого пожелаетъ. Но, живя со мной, вамъ будетъ удобнѣе встрѣчаться съ нашими, чѣмъ у себя дома.

Какъ ни странно было это неожиданное предложеніе, очень скоро было рѣшено между молодыми людьми что сестры переселятся къ Туманову. Сергѣй Петровичъ всплылъ, хотя и самъ не отдавалъ себѣ отчета почему, и высказалъ нѣсколько довольно циничныхъ предположеній на счетъ странныхъ условій совмѣстной жизни его дочери съ ея названнымъ мужемъ. Но очень немногoго труда стоило Надѣ убѣдить его въ томъ что такой исходъ, въ сущности, самый лучший и естественный. Кто же былъ въ правѣ удивляться тому что жена поселилась въ домѣ своего мужа? И такой либераль какъ Сергѣй Петровичъ былъ вовсе не прочь на всякій случай имѣть подъ рукой готовый отвѣтъ насмѣшникамъ и указать имъ на то что положеніе его дочери въ качествѣ княгини вполнѣ ограждено отъ нареканій.

Однимъ изъ первыхъ съ кѣмъ Нада встрѣтилась у Туманова былъ Неродовичъ. Левъ Александровичъ разстался тельеръ со своею официальной благонамѣренною маскою. Дошли ли до начальства слухи о его двусмысленныхъ связяхъ, или онъ просто не полюбился новому директору, только въ одинъ прекрасный день ему дали понять что слѣдуетъ оставить учительскую должность. Для Неродовича это не было уже потерей карьеры; на службу онъ болѣе не рассчитывалъ и въ деньгахъ тельеръ, неизвѣстно почему, онъ уже не особенно нуждается. Но увольненіе было равносильно угрозѣ и

вынуждало его къ удвоенной осторожности. Для него теперь началась подпольная жизнь, съ неизбежными частыми перемѣнами квартиры, съ поддѣльными паспортами и съ таинственными развѣздами по Россіи подъ вымышленными именами. Чѣмъ глубже онъ рылъ свои подземные ходы, тѣмъ болѣе поднимался онъ на inomъ лоприщѣ, безусловномъ для офціального міра. Здѣсь онъ приобрѣталъ и власть, и почетъ и вдоволь могъ наслаждаться страннымъ противорѣчіемъ между своимъ ничтожнымъ положеніемъ среди легальнаго общества и тѣмъ растущимъ обаяніемъ которымъ окружена была его особа на другой, величавой сторонѣ того же общества. Среди мѣстныхъ кружковъ на югѣ онъ чуть ли не былъ въ то время главнымъ коноводомъ. Онъ, по крайней мѣрѣ, всего болѣе содѣйствовалъ тому что въ этихъ кружкахъ явилась рѣшимость перейти отъ словъ къ дѣйствию. Долгая опытность дала ему рѣдкое въ его средѣ знакомство съ народомъ и умѣнье подлаживаться къ его языку и обычаямъ.

Надя предъ нимъ высказалась съ полною откровенностью. Неродовичъ слушалъ молча и слегка насмѣшливо, пока она тревожно говорила ему про встрѣченныя ею разочарованія.

— Да, да! Въ этомъ много правды, отвѣчалъ онъ.—Да я же васъ туда и не посылалъ,—вы, конечно, припомните. Ну а что же вы думаете теперь дѣлать? Покинуть свои дѣтскія заблужденія и стать благовоспитанною барышней?

— Что дѣлать? отвѣчала она.—Въ этомъ-то, Неродовичъ, и весь вопросъ. Именно—*дѣлать*, а не говорить только. А на этотъ счетъ, кажется, не особенно много надежды.

— Вы напрасно такъ думаете. Мы здѣсь руки сложа не сидимъ. Поживемъ, увидимъ,—можетъ-быть и къ вамъ обратимся.

На этотъ разъ однако Неродовичъ ограничился самыми туманными, загадочными намеками. Но все то что она приговаривала у Туманова показывало ей что дѣло идетъ уже совершенно объ inomъ, чѣмъ въ тѣ дни когда ей приходилось выслушивать страстные рѣчи въ квартирѣ Покровскихъ. Теперь говорили мало, недомолвками, какъ бываетъ среди людей между которыми все высказано и всѣ сомнѣнія исчезли.

Въ числѣ молодыхъ людей часто посѣщавшихъ Туманова былъ одинъ крайне невзрачный малый, съ головою будто ушедшею въ его неуклюжее туловище и съ совершенно бездѣйственнымъ, будто лощенымъ лицомъ, на которомъ страшно

поражали удивительно черные, блуждавшіе глаза. Большой изогнутый ротъ и носъ формы птичьяго клюва изобличали его восточное происхожденіе. Такими немногими вышшими чертами и ограничивались въ немъ всѣ племенные особенности: это былъ молодой Еврей, Рафаэль Гольденштейнъ. Молчаливый, сурово глядѣвшій молодой человекъ былъ совершенно чуждъ всякой мысли о наживѣ. Его собственная бѣдность для него будто не существовала. За то, когда ему случалось заговорить, онъ высказывался увѣреннѣе и рѣче всѣхъ прочихъ, и дикая необузданность его мыслей проявлялась съ удивительнымъ спокойствіемъ, будто не было ничего страшнаго въ тѣхъ насильственныхъ кровавыхъ дѣйствіяхъ которыхъ онъ настойчиво требовалъ. Разъ Нада попробовала возражать ему, но онъ тотчасъ остановилъ ее залапчивымъ восклицаніемъ:

— Да что вы толкуете? Вы развѣ не знаете сколько нашихъ погибло? развѣ сладкими рѣчами да либеральною сентиментальностью тутъ поможемъ? У насъ одна только сила и есть то что мы ни предъ чѣмъ не отступаемъ, понимаете ли вы? ни предъ наказаніемъ, ни предъ преступленіемъ?

Въ тотъ же вечеръ, оставшись вдвоемъ съ Неродовичемъ, Нада снова рѣшительно поставила ему вопросъ о томъ куда онъ ведетъ участниковъ своего дѣла.

— Я уже не ребенокъ, говорила она ему, — мнѣ пора знать на что мы идемъ — на рѣзню которую предлагаетъ Гольденштейнъ и про которую я слышать не могу безъ омерзѣнія, или намъ суждено вѣчно сидѣть сложа руки и бравиться.

— Да я же вамъ неоднократно говорилъ, спокойно отвѣчалъ онъ, — что мы вовсе не сидимъ сложа руки. А коли вы мнѣ не вѣрите, какъ же вы хотите чтобъ я на васъ положился?

— Но вы, кажется, меня довольно знаете, Неродовичъ, залапчиво возражала молодая дѣвушка, — чтобы не сомнѣваться въ моей готовности идти куда вы захотите, но при одномъ условіи, чтобъ я была твердо убѣждена что вы въ самомъ дѣлѣ ведете туда куда слѣдуетъ. Я готова собой пожертвовать, но я хочу знать ради чего.

— Вы сами же понимаете, Нада, чего вы просите. Вы не догадываетесь какія обязанности вы примете на себя какъ скоро вамъ станутъ извѣстны цѣли наши и средства. Для того кто пришелъ къ намъ уже имѣть отступленія, никогда не будетъ.

И въ голосъ Неродовича будто слышалась несвойственная ему нѣжность. Но эти слова, конечно, только удвоили настойчивость молодой дѣвушки, и Неродовичъ уступилъ. Вѣдь равно или поздно, онъ это зналъ, предъ Надей слѣдовало открыться: недаромъ же онъ подготовлялъ ее къ этому цѣлые два года.

— Хорошо, Нада, медленно заговорилъ онъ.—Я скажу вамъ все. Только знайте что съ этихъ поръ для васъ уже нѣтъ болѣе ни семейныхъ обязанностей, ни личной, самостоятельной воли. Намъ принадлежать нельзя на половину, и чего бы мы ни потребовали отъ васъ, вы навсегда съ нами связаны.

Нада въ отвѣтъ ему молча и медленно кивнула головой. Онъ растворилъ окно и указалъ на темную улицу—по которой лишь изрѣдка раздавались шаги прохожихъ.

— Посмотрите, сказалъ онъ.—Городъ вамъ, кажется сложнымъ, а между тѣмъ здѣсь, какъ и въ цѣлой странѣ, идетъ подземная работа, и когда-нибудь совершенно неожиданно весь окружающій васъ привычный мiръ рухнетъ какъ подточенное зданіе. А рухнетъ онъ потому что мнимо-твердая почва, на которой его строили, превратится вдругъ въ волнуящееся море. Мы сотни лѣтъ живемъ народнымъ трудомъ и всѣ мы увѣрены что такъ будетъ вѣчно и иначе быть не можетъ, потому что народъ какъ почва застылъ въ своей неподвижности и самъ не подозреваетъ своей разрушительной силы. Ну, а теперь близко время когда онъ ее узнаетъ и однимъ движеніемъ страхнетъ все то что нагромодили на его плечи. И развѣ не великое и не безкорыстное дѣло его этому научить? Работы конечно еще много впереди, но за то съ каждымъ годомъ нарастаютъ для насъ новые союзники.

— Я, однако, не вижу пристула къ дѣлу, робко возразила Нада.

— Приступъ давно сдѣланъ, хотя не всѣ и не одновременно работаютъ. Мы сходимся и организуемся гдѣ можемъ. Здѣсь нашихъ уже не мало и намъ не разъ приходилось отсюда высылать ихъ въ разные города, куда они разносятъ наше ученіе.

И Неродовичъ передалъ ей какимъ образомъ собираются въ О. и свозятся между собой воротилы движенія. Нѣсколько дней спустя онъ объявилъ ей что ея давнишее желаніе будетъ исполнено и она можетъ присоединиться къ партіи добровольцевъ, какъ онъ выражался, которая отправится скоро въ Москву подъ личнымъ

его руководствомъ чтобы дѣйствовать тамъ на фабричныхъ. Надю это извѣстiе привело въ восторгъ.

Мѣсяць спустя, она перѣехала съ сестрой и Тумановымъ въ Москву и поселилась съ ними въ трехъ комнатахъ на дворѣ, въ небольшомъ двухъэтажномъ домѣ, близъ Мясницкой. Однако, къ немалому ея огорченію, дѣятельность, которую ей судили, отодвигалась все далѣе какъ неувольнимый призракъ. Она знала сборное мѣсто гдѣ происходили совѣщанія кружка и хранились его печати и бумаги. Она присутствовала на нѣкоторыхъ собраніяхъ и много слышалась про устройство мастерскихъ да про то что разные члены кружка все собираются поступить на которую-либо изъ московскихъ фабрикъ. Но ей лично порученій не давали никакихъ, хотя она и знала теперь весь личный составъ кружка. Отъ нея будто сторонились. Особенно недовѣрчиво къ ней относились женщины, говорившія даже съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ про ея молодость и недостатокъ силъ. Но главнымъ виновникомъ этого устраненія Нади отъ настоящаго „дѣла“ былъ самъ Неродовичъ. Ему было жаль подвергнуть ее всѣмъ случайностямъ дѣятельной агитаціи. „Ея слабенькія, тошевскія ручки, говорилъ онъ,—не годятся для грубой работы“. И на самомъ дѣлѣ, онъ не только оберегалъ ее отъ трудовъ и опасностей,—онъ оберегалъ ее для самого себя, хотя все откладывавалъ рѣшительное объясненіе съ ней изъ-за какой-то непонятной робости предъ этимъ молодымъ существомъ. А Надю, между тѣмъ, часто преслѣдовали насмѣшками прочія дѣвушки кружка. Особенно презрительно выражалась на ея счетъ никогда не любившая ее Варя Покровская, которая теперь стала одною изъ самыхъ горячихъ представительницъ партіи крайняго направленія такъ-называемыхъ „бунтарей“. Варя позволяла себѣ даже возставать противъ Неродовича, обвиняя его въ косности и бездѣятельности. Въ этомъ она вторила Гольденштейну и, благодаря мрачному Еврейчику, сходки кружка принимали зачастую очень бурный характеръ.

Если, такимъ образомъ, Нада встрѣтила мало сочувствія среди новыхъ товарищей, ея сердце въ свою очередь не лежало къ нимъ. Быть-можетъ она тяготилась своею бездѣятельностью, но было тутъ и нѣчто иное, въ чемъ она, впрочемъ, не охотно сознавалась предъ собой. Ей пришлось теперь ясно увидать ту изнанку которую Неродовичъ такъ

долго и бережно отъ нея скрывалъ. Она не могла привыкнуть къ грубымъ рѣчамъ, къ неопрятности въ одеждѣ, которыми будто хвастались въ кружкѣ. Ея брезгливость скоро, разумѣется, примѣтила и на нее тотчасъ посылались разныя насмѣшливыя прозвища. Ее называли „кисейною барышней“, „бѣлоручкой“, „принцессой“, и Варя Покровская съ недоумѣніемъ спрашивала ее: съ какой стати она удостоиваетъ своимъ пошщеніемъ ихъ ллбейскую среду? Ко всему этому, конечно, еще можно было привыкнуть, но хуже было то что глумленіе шло далѣе этого, что оно затрогивало самую основу убѣжденій молодой дѣвушки. Ее преслѣдовали за идеализмъ ея взглядовъ, обзывая его „латочною сентиментальностью“, годною развѣ для институтокъ...

— Полно вамъ сердобольничать-то, рѣзко говорилъ ей Гольдштейнъ:—хвѣканемъ народу не поможешь. Оно годится развѣ для слабопервыхъ бабъ.—И въ самомъ дѣлѣ, слабопервость, какъ выражались въ кружкѣ, считалась позорною чертой даже у женщинъ.—Мы не потому за народъ стоимъ, твердилъ Гольдштейнъ,—что онъ заслуживаетъ какого-то состраданія,—чортъ ли въ немъ, въ состраданіи!—а потому что онъ сила и сила безсознательная. Ну, и должны мы втолковать его крѣпкодобой башкѣ что оно такъ, а потому уже дѣло само собой сдѣлается.—Надѣ каждый день доводилось слышать что все дѣло въ томъ какъ бы одолѣть противника, такъ какъ торжество силы и есть высшій законъ человѣческаго прогресса. А между тѣмъ эти сильные люди, такъ увѣренныя въ крѣпости своихъ нервовъ, большею частью изнемогали на первыхъ же порахъ отъ черной работы; горячо хватались за какое-нибудь ремесло, занимались на фабрику, спустя три, четыре дня возвращались съ намозоленными руками и со страшною ломотой въ членахъ, — простуженные, недовольные, проклиная непосильную имъ чужую работу. Да и плохо какъ-то прививались эти попытки: мастерская не устроилась; распространеніе книжекъ среди рабочихъ шло туго и всѣ попытки къ обличенію съ ними обнаруживали полную неумѣлость прилаживаться къ ихъ понятіямъ и языку. Самъ Неродовичъ, всегда сдержанный, обнаруживалъ признаки ветерпѣнія. Разъ, вернувшись домой, усталый и недовольный, онъ разразился длинною бранною рѣчью:

— Да что же мы наконецъ каторжные какіе? или обязаны мы этихъ олуховъ насильно осчастливить? Ну, коли эти

бараны не хотятъ понять что сами собой безъ насъ они никогда не выдутъ изъ положенія рабочаго скота, такъ коротъ съ ними! Что жь? намъ изъ-за этого подлага народа себѣ грудь надеживать да самимъ въ петлю дѣлать?

— Это все ваша очаровательная система мирной пропаганды, азвительно вышлася Гольденштейнъ;—топоръ да красный лѣтухъ—вотъ средства.

Надю эти слова покоробили не на шутку. „Такъ вотъ стало-быть какъ думалъ и отзывался объ этомъ народѣ ея учителя „Олухи“, „бараны“, „рабочій скотъ!“ Вотъ какова та пламенная, безкорыстная любовь про которую ей твердили и ради которой должны приноситься такіа жертвы! А какво последнее слово всей этой дѣятельности: топоръ и красный лѣтухъ! Хорошъ прогрессъ, нечего сказать!“ Такія мысли теперь мерѣдко приходили на умъ Надѣ, и какъ ни старалась она поддерживать въ себѣ преданность своему знамени, она не въ силахъ была ихъ отогнать. Она стала искать случая наединѣ переговорить съ Неродовичемъ чтобы потребовать себѣ настоящей дѣятельности,—задачи хотя бы трудной, но достойной ея успій. А этого безцѣльнаго скитанья по сходамъ, этого вѣчнаго повторенія трескучихъ, зачастую грубыхъ словъ она долже выносить не въ состояніи. Все это она рѣшилась ему высказать и затѣмъ уѣхать обратно въ родной городъ и тамъ искать занятій, если окажется что надежды ее обманули.

Не ожидала Нада того какъ должно кончиться это объясненіе. Она застада разъ Неродовича въ квартирѣ гдѣ собирался кружокъ въ какомъ-то умномъ настроеніи. На ея просьбу дать ей наконецъ настоящую работу, онъ отказался отрѣчь.

— Въ такомъ случаѣ я уѣду, сказала она.

— Нѣтъ! вы не уѣдете, Нада! воскликнулъ онъ.—Я васъ не пущу. Неужели вы не понимаете отчего я васъ не пускаю туда куда идутъ другіа, почему я васъ оберегаю отъ возможныхъ послѣдствій?

Надю изумилъ этотъ неожиданный порывъ несвойственной ему страстности. Она до сихъ поръ не догадывалась; но теперь узда долго его сдерживавшая была сорвана и вылились наружу всѣ тѣ горячіа признанія которыа давно у него прокипали на азыкѣ,—вылились неудержимо и безсвязно.

Молодая дѣвушка не поняла его первыхъ словъ; но вдругъ,

когда она увидѣла эти заплаканные глаза и услышала его бурные признанія, она мигомъ какъ бы выросла предъ нимъ, и такое глубокое леденящее презрѣніе выразилось на ея лицѣ что Неродовичъ не устоялъ предъ ея взглядомъ. Онъ сознавалъ что онъ смѣшонъ въ эту минуту, и вслыхнувшее въ немъ чувство стыда и униженія заговорило громче страсти. Онъ понялъ что власть его надъ молодою дѣвушкой утрачена.

— Такъ вотъ стало-быть для чего вы меня сюда манили! Вотъ что означали ваши громкія слова!

Волненіе вдругъ осилило ее и она закрыла лицо руками. Онъ хотѣлъ подойти къ ней.

— Я оскорбилъ васъ, началъ онъ удивительно мягкимъ, заискивающимъ голосомъ.

Ея самообладаніе тотчасъ къ ней вернулось.

— Нѣтъ, не оскорбили. То что смѣшно и гадко оскорблять не можетъ. Мнѣ просто жаль, и не васъ даже, а своей глухой обманутой довѣрчивости. Зачѣмъ я не осталась дома и не вынесла хотя бы десятеро болѣе того что мнѣ пришлось терпѣть отъ отца?

Съ этими словами она вышла и въ слѣдующіе два дня не показывалась въ общей квартирѣ. Она обдумывала какъ ей поступить; ей нельзя было даже переговорить съ сестрой и Тумановымъ. Оба они уже дѣлную недѣлю находились на одной изъ фабрикъ. Наконецъ она рѣшила остаться въ Москвѣ, найти себѣ работу, а съ кружкомъ лорвать всякую связь. На третій день она отправилась въ общую квартиру чтобы тамъ сообщить свое рѣшеніе,—по ея помятѣямъ, разрывъ долженъ былъ совершиться гласно. На дорогѣ туда ей попался на встрѣчу Тумановъ:

— Какое счастье что мы встрѣтились! воскликнулъ онъ и увлекъ ее подъ сосѣднія ворота.—Квартиру закрыла полиція, былъ обыскъ. Трехъ изъ нашихъ арестовали, а остальныхъ разыскиваютъ. Неродовичъ, Сама и почти всѣ прочіе разбѣхались въ разныя стороны. Мнѣ поручено сказать вамъ; а тоже ѣду сегодня. Если вы хотите остаться въ Москвѣ, вы должны перемѣнить квартиру.

Стало-быть она была совершенно одна, брошенная въ чужомъ городѣ на произволъ судьбы. Гордость ея мѣшала обратиться за помощью къ отцу. У нея еще остались кое-какія средства. Она заняла скромную комнату въ одной

изъ московскихъ гостиницъ и стала отыскивать занятія. Тутъ и нашла ее Анна Григорьевна, случайно поселившаяся въ той же гостиницѣ.

XI.

Les bluets sont bleus, les roses sont roses
Le bluets sont bleus, vive les amours!

V. Hugo.

Si vous croyez que je vous dise
Qui j'ose aimer,
Je ne saurais pour un empire
Vous la nommer.

A. Musset.

Вернемся однако въ Бѣлые Столбы. Володя только-что прыскакалъ домой на своемъ гнѣдомъ жеребцѣ,—это было дней пять или шесть послѣ описаннаго нами вечера. Онъ ѣздилъ въ Никольское по приглашенію Елены Михайловны и счелъ за лучшее туда отправиться верхомъ: ему казалось, что являсь на конѣ онъ несомнѣнно произведетъ сильное впечатлѣніе.

— Ну, какъ я радъ что мы познакомились съ Ардынцевыми! живо воскликнулъ онъ, встрѣтивъ Надю въ сѣняхъ.— Елена Михайловна такая милая и простая, и домъ у нихъ настоящая прелесть. Она къ намъ завтра собирается со своею падчерицей, разумѣется. Вы, по крайней мѣрѣ, здѣсь найдете себѣ сверстницу, прибавилъ онъ. Володя сталъ живо разказывать какъ любезно его принимали въ Никольскомъ. Онъ не счелъ нужнымъ однако сказать Надѣ что всего болѣе очаровало его тамъ, хотя его заискрившіеся глаза и выдавали его тайну съ достаточною откровенностью. А эта тайна былъ никто иной какъ падчерица Елены Михайловны, Женичка Ардынцева.

На лятнадцатилѣтнюю Женичку не мудрено было залюбоваться. Все въ ней было еще не додѣлано и не доразвито какъ въ свѣжей лочкѣ, готовой распусться, или въ недоконченномъ эскизѣ, надъ которымъ однако съ любовью работала художественная рука. Стройная какъ молодая сосна и въ то же время гибкая какъ свѣжая лоза, она вся, казалось, подобно весенней природѣ была смѣшеніемъ нѣжной прелести съ юною, разцвѣтающею силой. Въ ней все будто

просилось вверхъ, какъ въ молодомъ растеніи которе тавет-ся къ солнцу. Во всѣхъ ея движеніяхъ была какая-то при-рожденная, упругая ловкость, какъ будто чутье ей подска-зывало какъ именно слѣдовало стать и какъ двигаться. Въ ней не было и слѣда той робкой угловатости которая такъ свойственна молодымъ дѣвушкамъ. Трудно было сказать, въ чемъ именно заключалась ея красота. Тутъ не было ни за-конченности формъ, ни строгой, классической правильности очертаній. Это не была та блѣдная, прозрачная красота, буд-то вѣчно озаренная молочнымъ, болѣзненнымъ свѣтомъ мѣ-сяца. Напротивъ, живость и здоровье такъ и струились во всемъ ея существѣ, и все-таки это было въ высшей степени легкое и граціозное существо, будто скользящее по землѣ, на которой ему, казалось, такъ хорошо живется. Несмотря на длинныя, черныя рѣсницы и на густые, темные волосы, двумя тяжелыми косами спускавшіеся почти до пояса, ея подвижное, искрившееся личико поражало нѣжною бѣлизной кожи, на которой то загорался, то потухалъ прозрачный, свѣжій румянецъ. Да и темный цвѣтъ ея волосъ не былъ гу-стымъ, матовымъ чернымъ цвѣтомъ свойственнымъ югу. Ихъ гибкія, шелковистыя пряди отливали теплымъ, слегка ме-таллическимъ отблескомъ, будто въ нихъ затерялся и не пе-реставалъ играть вечерній солнечный лучъ. И этотъ лучъ съ ранняго дѣтства озарялъ все ея личико, созданное, каза-лось, для того чтобъ отгонять мрачныя и грустныя мысли у тѣхъ кому доводилось на нее взглянуть. У него не было одного опредѣленнаго выраженія, какъ не было сложив-шейся формы въ его измѣнчивыхъ чертахъ. На немъ быстро отражалось малѣйшее новое чувство, какъ самый легкій вѣ-теръ вызываетъ зыбь на гладкой поверхности воды. Улыбка была сродни ея немного раскрытымъ яркорозовымъ гу-бамъ, но всякій разъ казалось будто это совѣтъ иная, новая улыбка: у этого полуребенка мысли и чувства выражались на столько разнообразныхъ ладовъ сколько можетъ для нихъ придумать на струнахъ инструмента опытная музыкальная рука.

Описывая свою лоѣздку въ Никольское, Володя не сказалъ всю правду Надѣ. На самомъ дѣлѣ лоѣздка эта не обошлась безъ приключеній. Дорогой Володя заранѣе представлялъ себѣ малѣйшія подробности своего посѣщенія у Ардынце-выхъ, и чего грѣха таить, при мысли о встрѣчѣ съ Еленой

Михайловной немного робѣлъ. Но дѣйствительность даже въ самыхъ пустыхъ мелочахъ почти никогда не соответствуетъ ожиданіямъ. Когда онъ проскакалъ село и подѣхалъ, умѣривъ шагъ лошади, къ воротамъ усадьбы, предъ его глазами вдругъ предсталъ, какъ бы выдѣлавшись изъ окружавшихъ построекъ, большой трехэтажный домъ во вкусъ Александровской эпохи, съ рядомъ дорическихъ колоннъ и двумя фаянсами полукругомъ выстулавшими впередъ на подобіе распущенныхъ крыльевъ двуглаваго орла. Все это было довольно угловато, но несомнѣнно внушительно, особенно благодаря обширному двору, вокругъ котораго правильно размѣстились многочисленныя каменныя службы. Никоольское было старинная барская усадьба принадлежавшая когда-то богатому роду графовъ Панициныхъ. Общая недоговѣнность барскихъ созданий на Руси отозвалась и на немъ, и графъ Федоръ Ларионовичъ Паницинъ, не избѣжавшій общей участи безтолковаго совершенія долговъ, вынужденъ былъ за два года предъ тѣмъ продать Ардынцеву свою родовую усадьбу. Елена Михайловна какъ женщина со вкусомъ сдѣлала что могла чтобы смягчить ея казенную величавость, такъ неудачно заимствованную нами у Наполеоновской имперіи. Красивый лестный цвѣтникъ съ фонтаномъ разсталася среди двора. Открытая терраса была ограждена отъ солнца широкимъ полотапнымъ навѣсомъ, на лестроту котораго будто коснулись строгія бѣлыя колонны. Терраса эта, вся убранныя растеніями, нарушала своею цвѣтущею зеленью величавую холодность правильнаго, непривѣтливаго зданія.

Все это далеко не понравилось Володѣ. Ему даже показался совсѣмъ негостепріимнымъ этотъ домъ, глядѣвшій такъ официально, и робость его оттого конечно слегка увеличилась. На зло ему на всемъ дворѣ не было видно ни души. У самыхъ воротъ онъ оставилъ было оторопѣвшаго мальчика и спросилъ у него: „дома ли барыня и не можетъ ли онъ отвести его лошадь?“ Но тотъ вытаращилъ на него свои удивленные глаза и, молча простоявъ съ минуту, съ какимъ-то страннымъ визгомъ отбѣжалъ прочь. „Прямо подѣхать къ дому, подумалъ Володя, — соскочить съ лошади и вызвать кого-нибудь изъ сѣней!“ Но поступить такъ ему показалось совершенно невозможнымъ: черезчуръ ужъ непривѣтливо и важно глядѣлъ на него будто опустѣвшій домъ. Онъ сошелъ съ лошади, отворилъ ворота и сталъ отыскивать кому

бы можно было поручить своего жеребца. Въздъ его оказался далеко не столь блестящимъ какъ онъ думалъ, и должно-быть его озабоченная фигура была нѣсколько кожична, только вдругъ сзади его раздался звонкій, хотя и сдержанный смѣхъ и почти въ тотъ же мигъ очутился предъ нимъ огромный датскій пестъ, оскалившій зубы и встрѣтившій его хриплымъ, отрывистымъ лаемъ. Положеніе Володи становилось критическимъ, тѣмъ болѣе что испуганная лошадь принялась совершать невѣроятные прыжки. Но спасеніе было уже не далеко. „Jack, Jack, be quiet, you naughty fellow“, послышался все еще смѣющійся и въ то же время будто ласкающій голосъ и къ нему скорѣе подбѣжала чѣмъ подошла стройная дѣвушка въ платьѣ чернаго цвѣта, съ бѣлыми полосками; нѣтъ, это была не дѣвушка, а сказочная фея,—такъ легко и воздушно двигалась она едва касаясь земли. Собака мигомъ стихла и стала ласкаться къ своей госпожѣ, которая привалась теперь гладить ея могучую голову, слегка насмѣшливо поглядывая на стоявшаго предъ ней молодого человѣка. Это было всего одно мгновеніе обоюднаго молчанія, но Володѣ оно показалось мучительно долгимъ и какая-то неловкая робость овладѣла имъ, хоть онъ и не спускалъ глазъ съ молодой дѣвушки, которая со своей стороны нѣсколько не смутилась отъ неожиданной встрѣчи.

— Вы... вы хотите къ мама? спросила она, убѣдившись по видимому что онъ не рѣшается заговорить первый. Насмѣшливое выраженіе исчезло съ ея губъ и смѣнилось ободряющею, почти ласковою улыбкой. А въ то же самое время ея бойкая головка уже успѣла сообразить что этотъ оторопѣвшій молодой человѣкъ—никто иной какъ ихъ соотѣчъ изъ Бѣлыхъ Столбовъ про котораго она слышалась отъ Томила и Боровскаго.

— Да-съ... А Елена Михайловна дома? конфузаясь спросилъ въ свою очередь Волода, у котораго даже брови сдвинулись отъ досады.—Вы... вы конечно дочь, то-есть ладчирица Елены Михайловны? продолжалъ онъ неувѣренно и неловко. Да развѣ можно было не казаться неловкимъ, когда лошадь, которую онъ держалъ за узды, не переставала дергать его руку и взбивать копытомъ песокъ?

— Конечно, вы догадались, стѣвчая Женичка съ отгнкомъ насмѣшливости.—Вы, кажется, не знали какъ найти дорогу къ крыльцу? беспощадно продолжала она, но тотчасъ

перемѣнила тонъ, замѣтивъ что краска сильнѣе выступила на щекахъ молодаго человѣка.—Я васъ проведу, если хотите. Лошадь ваша, кажется, очень непослушная? Да? вдругъ неожиданно прибавила она, обращаясь къ предмету всегда силь-
но ее интересовавшему. Женичка страстно любила лошадей и никакъ не могла помириться съ тѣмъ что въ Никольскомъ ей пока не представлялось случая ѣздить верхомъ.

— Ничего, она смиренная, и Володя принялся усиленно гладить своего жеребца по шеѣ. Въ такихъ случаяхъ очень молодые люди охотно прибѣгаютъ къ содѣйствию животныхъ, безмолвныхъ и удобныхъ посредниковъ.

— Какая она славная! какъ ее зовутъ?

И она со своей стороны тоже неизвѣстно почему стала гладить блестящую шею лошади.

— Солиманъ.

И почему-то ему тотчасъ показалось что это историческое имя не лишено нѣкоторой вычурной комичности. Но Женичка думала уже о другомъ.

— Отчего же вы къ намъ верхомъ прѣехали? Вотъ видите это имѣетъ нѣкоторое неудобство, и еслибъ я не была тутъ, мой Жакъ, пожалуй, васъ встрѣтилъ бы совсѣмъ не гостеприимно.

Они стояли лицомъ къ лицу по обѣ стороны лошади. Живые глазки Женички уже давно замѣтили что робкій молодой человѣкъ, съ которымъ она говорила, очень недуренъ собой и что повидимому застѣнчивость не мѣшала ему испытывать нѣкоторое удовольствіе отъ ихъ неожиданной встречи.

— Федоръ Васильевичъ Томилинь, снова заговорила она,— много разказывалъ намъ про ваши Бѣлые Столбы.

Слѣдовало непременно дать ему понять, такъ казалось ей, что она его знаетъ и тѣмъ самымъ какъ бы узаконить его присутствіе въ Никольскомъ. Онъ тотчасъ схватилъ на лету ея намѣреніе.

— Федоръ Васильевичъ мнѣ передавалъ что Елена Михайловна мнѣ разрѣшаетъ къ вамъ прѣхать въ Никольское.

— Разрѣшаетъ. И я тоже разрѣшаю, съ насмѣшливою важностью произнесла она и наклонила свою голову къ самой шеѣ лошади, прищуривъ въ то же время свои заискрившіеся глаза.

Теперь только къ Володѣ настолько вернулось его самообладаніе что онъ могъ вполнѣ разглядѣть стоявшую предъ нимъ дѣвушку. Теперь только она стала для него вполнѣ

земнымъ, хоть и прелестнымъ существомъ, и онъ могъ отдать себѣ отчетъ въ томъ какъ ловко сидѣла на ея головкѣ черная шляпа съ лавиновымъ перомъ, какъ мягко ложились на тонкія плечи ея волнистыя косы и какъ изящно обхватывали стройный ея станъ складки ея платья, стянутого у пояса кожанымъ кушакомъ. Платье это не доходило до самой земли, и быстрый взглядъ Володи могъ примѣтить удивительно изящныя ножки, повидимому совершенно непривычныя къ локоу.

— Пойдемте, однако, домой! Что мы здѣсь стоимъ? сказала она вдругъ, примѣтивъ быть-можетъ что глаза молодого человѣка слишкомъ упорно и восхищенно устремлялись на нее.—Да, я и забыла спросить у васъ: васъ, не правда ли, зовутъ Владиміръ Алексѣевичъ?

— А васъ—Евгенія Александровна? спросилъ онъ въ свою очередь, почему-то ощущая все усиливающіеся припадокъ веселости.—Вы видите что мы вовсе ужъ не такъ незнакомы другъ съ другомъ какъ сперва казалось. Вы здѣсь все лѣто проводить будете?

— Я думаю. Откровенно говоря, я даже этого нѣсколько боялась.

— Отчего боялись?

— Да такъ. Я представляла себѣ здѣшнія мѣста какъ совершенную глушь, гдѣ во всѣ стороны тянется безконечная степь. Ну, словомъ, я думала найти какое-то безлюдное затишье... Но впрочемъ я давно убѣдилась что ошибалась на этотъ счетъ и теперь даже очень полюбила Никольское.

Молодой человѣкъ невольно окинулъ взглядомъ окружающую ихъ усадьбу, глядѣвшую официально, какъ чиновникъ въ парадномъ мундирѣ.

— Вы не понимаете какъ можно полюбить Никольское, сказала она, тотчасъ появивъ этотъ взглядъ.—Мнѣ самой оно казалось сначала очень натянутаымъ, какъ старухи въ фижмахъ на древнихъ портретахъ,—у насъ ихъ тамъ цѣлая галерея. Но ко всему этому скоро привыкаешь: и къ старухамъ, и къ самой усадьбѣ, тѣмъ болѣе что нашъ садъ съ огромными старинными липами долженъ быть лѣтомъ такая прелесть.

— Вы, кажется, изъ тѣхъ которые вездѣ легко уживаются.

Онъ уже совершенно забылъ свою робость.

— Можетъ-быть, отвѣчала она, смѣясь.

Въ эту минуту на дворъ вбѣжалъ невысокаго роста мальчикъ въ какой-то странной зеленой курткѣ съ пошументами и блестящими луговицами. Это былъ все тотъ же классическій помѣщичій казачокъ, но тоже подчинившійся хоть на чуточку общимъ требованіямъ современнаго прогресса.

— Вася, остановила его молодая дѣвушка, — возьми лошадь и отведи ее въ конюшню. Мама дома?

— Кажется дома-съ, отвѣчалъ мальчикъ и взялъ Солимана за поводъ.

Молодые люди направились къ дому, разговаривая какъ старинные знакомые. Дойдя до крыльца, Женюшка вызвала одного изъ стоявшихъ тутъ слугъ и приказала доложить Еленѣ Михайловнѣ о пріѣздѣ гостя. Исполнивъ это, юная фея разсталась со своимъ новымъ знакомымъ и тотчасъ исчезла за калиткой ведущею въ садъ. Володю такъ и обдало стариннымъ величіемъ когда онъ вступилъ въ широкія сѣни, откуда большая лѣстница съ двумя поворотами поднималась во второй этажъ. Ему не дали впрочемъ времени для наблюденій. Спустя двѣ минуты слуга вернулся и сказалъ что Елена Михайловна ихъ просить. Володя засталъ хозяику Никольскаго въ небольшомъ кабинетѣ, единственной комнатѣ гдѣ старинная угловатая мебель была замѣнена мягкими, низкими креслами обитыми голубымъ ситцемъ. Комната эта, веселая и уютная, была любимымъ убѣжищемъ Елены Михайловны. Увидавъ молодаго человѣка, она медленно и плавно приподнялась со своего мѣста, указывая ему на стояшія возлѣ него кресла; всѣ ея движенія отличались необыкновенною плавностью, точно въ нихъ былъ ровный, немного торжественный размѣръ классическаго стиха. Несмотря на свои двадцать семь лѣтъ, изъ которыхъ восемь были проведены въ замужествѣ, Елена Михайловна сохранила рѣдкую, почти дѣвическую свѣжесть на своихъ тонкихъ, прозрачныхъ чертахъ и въ то же время это замѣчательно моложавое лицо умѣло всегда выражать до малѣйшихъ оттѣнковъ то что именно въ данную минуту слѣдовало и мягкія, даже нѣжныя губы, и голубые глаза—замѣчательно глубокіе глаза умѣвшіе пристально вглядываться и хорошо высматривать—издавна научились ловиноваться и съ необыкновеннымъ мастерствомъ видоизмѣнять то несомнѣнное краснорѣчіе которымъ всегда обладаетъ красивое лицо умной женщины. Одно только слегка нарушало общее впечатлѣніе этого лица—правильная, гордая

брови и высокій лобъ, съ котораго давно слетѣла дѣвическая безмятежность мысли, если за этимъ лбомъ она когда-нибудь скрывалась.

Володю почему-то обдало холодною водою отъ любезнаго приѣма Елены Михайловны и въ особенности отъ мягкаго звука ея низкаго, замѣчательно ровнаго голоса. Странное впечатлѣніе производилъ этотъ голосъ: трудно было услышать болѣе симпатичные, болѣе лѣтучіе звуки, а между тѣмъ въ немъ было такое спокойствіе, такое равнодушіе какъ будто говорившей этимъ голосомъ никогда уже не суждено было волноваться и любить. Конечно Володя себѣ въ этомъ не отдавалъ отчета; но въ присутствіи этой женщины такъ умѣвшей владѣть собой, а можетъ-быть и другими, онъ ощущалъ какую-то странную тревогу, какъ предъ таинственною, непостижимою силой. Елена Михайловна впрочемъ умѣла дѣлать руками гораздо болѣе строптивыхъ чѣмъ Володя, и молодой человекъ очень скоро заговорилъ съ ней безо всякой натапнутости, высказываясь даже можетъ-быть нѣсколько болѣе чѣмъ онъ самъ того хотѣлъ. Но все-таки какъ ни просто держалась съ нимъ Елена Михайловна, ему было въ ея присутствіи не по себѣ и съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ онъ часто поглядывалъ въ сторону замкнутой двери въ надеждѣ что она раскроется и пропуститъ уже знакомое ему черное платье. Но слишкомъ полчася онъ уже былъ у Елены Михайловны, а Женичка не показывалась. Молодая женщина слушала и поощряла его, какъ будто то что онъ говорилъ въ самомъ дѣлѣ ее интересовало. Кто знаетъ, быть-можетъ она и желала кое-что отъ него выпытать. А Володя думалъ про себя, полагая что онъ понимаетъ ее какъ нельзя лучше: „Не выдамъ я своихъ заветныхъ убѣжденій этой пустой свѣтской барынь, которой въроятно они покажутся только смѣшными!“ За то онъ съ большою готовностію разговаривалъ про своего брата Дмитрія, сообщивъ ей о его скоромъ приѣздѣ.

— Я буду очень рада, отозвалась она, и чуть замѣтная искра показалась въ ея спокойныхъ глазахъ.— Вы знаете,—продолжала она, вопросительно взглянувъ на Володю,—что мы съ вашимъ братомъ давно знакомы?

Должно-быть то что она прочла на лицѣ у Володи вполнѣ ее удовлетворило. По крайней мѣрѣ она принялась совершенно свободно и повидимому равнодушно сыпать лестными отзывами про умъ и способности Дмитрія.

Между тѣмъ подали завтракъ, и Елена Михайловна повела молодого человѣка въ столовую, гдѣ, къ его крайнему удовольствію, уже была Женичка, ожидавшая ихъ прихода вмѣстѣ со своею гувернанткой, старою и добродушною миссъ Финчъ. Но Волода ошибся, надѣясь возобновить съ Женичкой прерванный разговоръ. Молодая дѣвушка точно преобразилась: когда Елена Михайловна представила ей Володю, Женичка сказала что уже познакомилась съ нимъ за часъ предъ тѣмъ. Но она ограничилась этимъ короткимъ отвѣтомъ и затѣмъ будто совершенно застыла въ благовоспитанную, натянутую барышню. Съ нимъ она не заговаривала вовсе, почти нехотя отвѣчая на его вопросы. За то она съ большимъ усердіемъ расспрашивала сидѣвшаго за столомъ управляющаго, молодого и довольно неуклюжаго питомца Земледѣльческой Академіи, про различныя системы плуговъ. Ея даже не смущало что молодой человѣкъ какъ-то сурово и неохотно ей отвѣчалъ, какъ будто желая ей дать понять что онъ вовсе не намѣренъ ей выказывать учтивости, такъ какъ его обязанность заключается единственно въ надзорѣ за хозяйствомъ. Неудивительно что у Володи мигомъ разсѣялись его веселыя впечатлѣнія и онъ тотчасъ послѣ завтрака поспѣшилъ ускорить домой. Однако, по мѣрѣ того какъ онъ удалялся отъ Никольскаго, неопредѣленное, но сладостное чувство снова прокрадывалось къ нему и рядъ неясныхъ но милыхъ воспоминаній затревожилъ въ его воображеніи. Нѣсколько разъ онъ даже разсмѣялся самъ не зная почему, и когда онъ былъ въ Бѣлыхъ Столбахъ, его повѣдка казалась ему чѣмъ-то необычайно веселымъ, хотя онъ не считалъ нужнымъ передавать о томъ Надѣ съ полною откровенностью. На слѣдующій день Елена Михайловна сдержала данное Володѣ слово и пріѣхала въ Бѣлые Столбы съ Женичкой. Разговаривая съ Анной Григорьевной она съ замѣчательнымъ умѣньемъ тотчасъ попала въ тонъ, хотя кругозоръ обихихъ женщинъ совершенно расходился. Нада сперва дичилась и не хотѣла показаться. На чтѣ ей было знакомиться съ петербургскою барыней, съ куклой, какъ она выражалась, да съ такою пустою дѣвочкой какою была конечно ея падчерица. Но и Нада не устояла противъ обаянія спокойной, но вкрадчивой пріятливости Елены Михайловны. Она тотчасъ почувствовала что здѣсь ея внутренній протестъ, всегда готовый высказаться, не имѣетъ ровно никакого повода. И сказавъ себѣ

это она разсталась со своею преднамѣренною рѣзкостью. Елена Михайловна обошлась съ ней не выказавъ ни малѣйшаго оттѣнка любопытства, а еще менѣе покровительства. Любезность не струила никакихъ усилій хозяйкѣ Никольскаго.

— Я требую отъ васъ, говорила она Надѣ, и это слово выражалось какъ самая ласковая просьба,—чтобы вы къ намъ ѣздили совершенно по-просту, по-сосѣдски и какъ можно чаще, если конечно Жена вамъ не покажется чрезчуръ ребенкомъ. А Женичка между тѣмъ довершила то что начала Елена Михайловна. Прежде всего въ ней поразило Надю полное отсутствіе всякой натапутовости. Природная ловкость была у нея не только въ движеніяхъ, но и во всемъ что она говорила и дѣлала. Едва ли предъ тѣмъ Надѣ приходилось встрѣтить молодое существо такъ полное жизни и въ то же время такъ радостно и свѣтло живущее. Ни борьба, ни грусть, ни озлобленіе не коснулись еще ея молодой души, а между тѣмъ она казалась такъ отзывчивою ко всемъ впечатлѣніямъ, такъ способною ихъ живо воспринимать.

Волода разумѣется бросился высаживать дамъ, когда подъѣхала къ дому коляска Елены Михайловны. Несмотря однако на ту немного стремительную любезность съ которою онъ ихъ принималъ, въ тайнѣ онъ немного боялся этой новой встрѣчи. „А что если Женичка и на этотъ разъ отнесется къ нему съ обидою, почти враждебною холодною?“ Но эти опасенія были напрасны. Женичка протянула ему руку точно также какъ и Елена Михайловна, и развѣ очень зоркій глазъ могъ подмѣтить оттѣнокъ насмѣшливости въ ея улыбающемся взглядѣ, точно также какъ былъ оттѣнокъ снисхожденія въ приветливомъ поклонѣ Елены Михайловны.

Когда Надя увела Женичку въ садъ, Волода не утерпѣлъ и почти тотчасъ же всадъ за ними исчезъ изъ гостиной. Онъ живо догналъ молодыхъ дѣвушекъ, увѣряя что гораздо лучше Надю сумѣетъ показать Евгенію Александровиѣ трѣмъ могъ похвалиться вѣковой садъ,—и старинную бесѣдку, и липу, посаженную, какъ гласило преданіе, еще при Петрѣ, и въ особенности то мѣсто откуда былъ такой чудесный видъ на озеро и село. Но объявивъ это Волода погрузился въ полное молчаніе и, слегка понуривъ голову, шелъ рядомъ съ дѣвушками, очевидно не зная о чемъ заводить рѣчь. А Женичка повидимому этого вовсе и не примѣчала,—такъ живо болтала она со своею подругой. Заотмани-

востъ не мѣшала однако Володѣ вдоволь налюбоваться юною насажденницей Никольскаго, тѣмъ болѣе что въ присутствіи Нади, такъ несхожей съ нею, Женичка казалась можетъ-быть еще привлекательнѣе. Ея живому личику не доставало конечно той глубокой, немного строгой выразительности, которою жизнь рано запечатлѣла нѣжныя, тоже почти дѣтскія черты Нади. Но за то вся она была олицетворенная весна. Жизнь такъ и искрилась въ ней, какъ солнечный лучъ блеститъ въ прозрачной каплѣ утренней росы. Восторженный взглядъ молодаго человѣка то и дѣло скользя по ней, переходя отъ ея изящной головки, отъ мягкаго изгиба ея тонкой шеи, по которой видись богатыя косы, къ кончику ея кожанаго сапожка, такъ задорно выглядывавшему изъ-подъ складокъ платья.

— Вашъ вчерашній прїездъ, вдругъ обратилась къ Володѣ Женичка, — и въ особенности ваша красивая лошадь возбудили во мнѣ необыкновенное желаніе покататься верхомъ, и какъ впрочемъ у насъ вчера обѣдалъ Томилищъ, котораго я и упростила достать мнѣ лошадь. Охъ, вы знаете, большой знатокъ. Ну, такъ вы можетъ-быть, Владиміръ Алексѣевичъ, согласитесь когда-нибудь со мной покататься?

Володя, разумеется, былъ въ восторгѣ отъ такого предложенія. Языкъ его мигомъ развязался, и никогда можетъ-быть предъ тѣмъ въ присутствіи молодой дѣвушки онъ не чувствовалъ себя такъ въ ударѣ какъ сегодня. Страннымъ образомъ однако ему и въ голову не приходило „развивать“ Женичку, какъ онъ это неоднократно дѣлалъ, будучи еще студентомъ, съ другими барышнями и иной разъ даже съ услѣхомъ. Суровыя требованія современнаго развитія, ради которыхъ молодежь не смѣетъ быть молодою, Володя — увы! — совершенно упустилъ изъ виду и даже не постарался разувнать находится ли его новая знакомая на необходимомъ уровнѣ съ этими требованіями.

— Петръ Николаевичъ мнѣ пишетъ, говорила хозяйкѣ Бѣлыхъ Столбовъ, прощаясь съ ней, Елена Михайловна, — что онъ собирается прїѣхать сюда въ половинѣ іюня. Охъ, кажется, очень недоволенъ тѣмъ что Дмитрій Алексѣевичъ не хотѣлъ болѣе оставаться подъ его начальствомъ. И представьте себѣ, — Елена Михайловна сказала это съ самою очаровательною улыбкой, — онъ даже мнѣ поручаетъ убѣдить вашего сына снова поступить на службу!

— Я съ Петромъ Николаевичемъ въ перепискѣ не нахожусь, довольно сухо отвѣтила Анна Григорьевна, у которой послѣднія слова Ардынцевой вызвали давно забытыя волненія.—А если вы на Дмитрія можете повліять въ этомъ смыслѣ, то ужь я конечно буду очень рада.

Елена Михайловна какъ бы мимоходомъ упомянула объ этомъ какъ разъ затѣмъ чтобъ убѣдиться насколько воспоминанія давно минувшихъ годовъ оставили слѣды въ памяти ея собесѣдницы. Анна Григорьевна между тѣмъ, хотъ Ардынцева и произвела на нее самое благоприятное впечатлѣніе, все-таки подумывала про себя что должно-быть не безъ задней мысли богатая вдова сочла нужнымъ съ нею познакомиться: „Вѣдь не затѣмъ она сюда пожаловала, думала про себя старушка—что мой шуринъ состоитъ опекуномъ ея падчерицы“.

XII.

Зна пришла, природа зелѣнетъ,
Лука цвѣтутъ, весной душистой вѣтѣ.

Гр. А. Толстой.

Я позабылъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты.

Бар. Дельвигъ.

Между Бѣлыми Столбами и Никольскимъ сразу установились оживленныя сношенія. Елена Михайловна была по-видимому очень рада новому знакомству. Про Володю и говорить нечего. А Нада, со своей стороны, довольно охотно поддавалась любезности сосѣдей. Молодость брала свое, и строптивое чувство вражды къ окружающему ее міру съ каждымъ днемъ въ ней слабѣло. Она сознавала это и почти стыдилась такой измѣны. А чутье между тѣмъ ей подсказывало что на самомъ дѣлѣ новая среда ей гораздо больше сродни, чѣмъ та въ которой провела она послѣдніе два года своей жизни. Федоръ Васильевичъ Томилинь, съ которымъ она видѣлась часто, содѣйствовалъ этому превращенію. Ему можетъ-быть молодая дѣвушка довѣрялась болѣе чѣмъ всѣмъ остальнымъ, и въ самомъ дѣлѣ развѣ можно было не вѣрить этому старику у котораго сердце до сихъ поръ такъ тепло билось, когда онъ говорилъ что право молодости выше всякихъ другихъ.

требованій и одна только ошибка не допускаетъ утѣшенія: напрасная и безцѣльная растрата этой золотой поры. И Надя въ самомъ дѣлѣ казалась что ни одна весна до сихъ поръ для нея не разцвѣтала такъ хорошо. А приволжская весна въ этомъ году выдалась какъ нельзя лучше! Май былъ только въ первыхъ числахъ, а луга уже ярко одѣлись и кое-гдѣ по нимъ блестятъ пестрые узоры. Ракиты живо пускали свои молодые побѣги, а въ лѣсу красноватая почка быстро превращалась въ сочную, вѣтвистую зелень. Дни стояли сухіе, почти жаркіе, и безоблачное небо уже пугало хозяевъ насчетъ яровыхъ всходовъ.

Разъ въ полдень Надя отправилась въ село, куда за последние дни почему-то не заходила. Время было не рабочее. Кое-гдѣ только бабы копошились въ огородѣ, либо мужикъ съ бороной готовилъ свою полосу подъ гречу. За то по улицѣ пестрыми кучками стояли ребята и дѣвушки. Надя знала почти все село и въ отношеніи къ ней мужики услѣли мало-по-малу отвыкнуть отъ врожденнаго недовѣрія къ „барышнямъ“. Она шла къ дому священника и на пути ее неоднократно останавливали женщины съ разными мелкими просьбами. Въ Бѣлыхъ Столбахъ знали очень хорошо что благодаря ей Анна Григорьевна дважды выписывала доктора изъ С. когда на селѣ были тяжкіе больные. У церковной ограды Надя попала въ встрѣчу небольшая кучка крестьянъ, въ числѣ которыхъ былъ староста Трофимъ. Всѣ они видимо озабоченные громко спорили о чемъ-то между собой.

— Чтò, Трофимъ, о чемъ у васъ дѣло идетъ? обратилась къ старостѣ молодая дѣвушка.

— Такъ, промежъ себя больше,—по своимъ дѣламъ толкуемъ, отвѣчалъ тотъ.

— У барыни были, землю снимали, подхватилъ другой.

— Рѣшили стало-быть? спросила Надя.

— Чтò подѣлаешь! еще на одинъ годикъ взяли. Вишь къ самымъ дворамъ подошла, продолжалъ сердитымъ голосомъ тотъ же мужикъ, указывая на гумна. Трофимъ молчалъ.— Предлагали на шесть лѣтъ условіе заключить. Щадись, хитры больно!

— Отчего жь не взять, опять спросила Надя,—вѣдь цѣны годъ отъ году растутъ?

Крестьяне не отвѣчали.

— Извѣстно отчего! вполголоса проговорилъ одинъ изъ нихъ, стоявшій позади.

— Новой воли все ждете?

— Да ужь не безъ этого, задорно сказалъ теперь не говорившій до того крестьянинъ, который въ деревнѣ саялъ за самаго бойкаго говоруна и воротилу.—Должно-быть выйдеть когда-нибудь настоящая воля-то. На людяхъ тоже слышно. А эдакъ развѣ можно—измалдись совсѣмъ.

Надя не захотѣла продолжать разговоръ и медленно отошла прочь. Ей всегда тяжело было когда передъ ней сами крестьяне затрогивали этотъ вѣчный тревожный вопросъ. Чтò могла она сказать имъ? Ни обвадеживать ихъ, ни разувѣрять ей равно не хотѣлось. Да развѣ то и другое ей не было одинаково бесполезно?

Къ ней на встрѣчу подходилъ между тѣмъ молодой человекъ съ жиденькою бородкою на худощавомъ и тускломъ лицѣ и съ холстиновымъ картузомъ на длинныхъ не совсѣмъ тщательно причесанныхъ волосахъ. Это былъ старшій сынъ отца Зосимы, мѣстаго священника, служившій землемѣромъ при мировомъ сѣздѣ.

— Вы къ намъ, Надежда Сергѣевна? началъ онъ, кланяясь ей;—отца нѣтъ дома, къ Николаюскому священнику поѣхалъ.

— Я собственно васъ хотѣла видѣть, сказала Надя, подывая ему руку,—про школу съ вами переговорить, ну и разспросить васъ насчетъ нашего пріятеля. Имѣете вы какія-нибудь свѣдѣнія о немъ?

— Въ воду канулъ, отвѣчалъ Василій.—Вы лучше Боровскаго разспросите когда сюда будетъ.

Знакомство Нади съ Василюемъ началось довольно страннымъ образомъ. Едва три недѣли послѣ своего пріѣзда въ Бѣлые Столбы она встрѣтилась въ школѣ съ нимъ. Молодой человекъ ей тутъ же сообщилъ что у него есть для нея получаемое наканунѣ письмо. Оказалось что письмо было отъ Неродовича. Василій не объяснилъ (Надѣ какимъ способомъ оно дошло по адресу, хотя уже конечно не по почтѣ. Неродовичъ, почему-то узнавшій про ея отъѣздъ изъ Москвы, извѣщалъ ее о судьбѣ общихъ знакомыхъ и не безъ ироніи освѣдомлялся каково-то ей живется въ ея новомъ положеніи. Надю это письмо и успокоило насчетъ близкихъ ей людей и въ то же время раздражило какъ напоминаніе того что за нею слѣдятъ и она стало-быть не вполнѣ свободна.

Обстоятельство это еб однако сблизило съ Василиемъ и чрезъ его посредство съ цѣлымъ семействомъ отца Зосимы. Въ Бѣлыхъ Столбахъ молодой человѣкъ былъ единственнымъ живымъ существомъ въ которомъ она могла встрѣтить полное сочувствіе. Выросшій въ деревнѣ, сынъ мѣстаго священника не по одинымъ книгамъ только зналъ жизнь того свраго люда про который такъ много говорили живые смотрящіе на него свысока и со стороны.

— Ну-съ, а насчетъ школы, продолжалъ Василій,—я вамъ кажется приискалъ подходящую личность изъ бывшихъ товарищей. Только придется вамъ, Надежда Сергѣевна, приѣзда Дмитрія Алексѣевича подождать. Анна Григорьевна ни за что не согласится на смѣну прежняго учителя, хотя онъ и нукуда не годится. Ну, а младшаго своего сына она врядъ ли послушаетъ.

Нада при этомъ вспомнила что давно она просила Володю подумать о школѣ и переговорить съ матерью. Тотъ разумеется принялъ самое живое участіе, обещалъ ей съ три короба, а затѣмъ про школу позабылъ.

— Да я Дмитрія Алексѣевича совсѣмъ не знаю, отвѣчала Нада, и брови ея при этомъ сдвинулись.—А вашъ отецъ, развѣ не можетъ онъ словечко вернуть?

— Отецъ? насмѣшливо проговорилъ Василій.—Какое ему дѣло до школы! Телерешный учитель человѣкъ смиренный,—чего жъ еще? А мнѣ и заикнуться про это нѣльзя. Онъ мнѣ, вы знаете, самому-то ни въ чемъ не мѣшаетъ; но за то, я думаю, на меня давно рукой махнулъ.

Пока Василій говорилъ это, на главную улицу изъ поселка въѣхали бѣговья дрожки и на нихъ предстала въ запыленной рясѣ не молодая, но здоровая фигура отца Зосимы. Онъ остановился предъ кучкой мужиковъ и долго съ ними про что-то толковалъ. Оттуда доносилась только деревенскій говоръ, иногда прерываемый восклицаніями и смѣхомъ.

— Ватюшка съ мужиками насчетъ лашки стоваривается, кѣмного сконфуженно замѣтилъ Василій.

Эти слова напомнили молодой дѣвушкѣ про то что сказали ей крестьяне. Она передала это Василию.

— Неужели здѣсь исхода никакого нѣтъ? спросила она.—Олѣдовало бы крестьянамъ растолковать что имъ же выгодно вступить въ соглашеніе съ тетушкой.

— Попробуйте, отвѣчалъ Василій.

— А то упорная надежда на новую волю, какъ они говорить, ихъ къ добру не приведетъ, хотя въ этомъ, положимъ, и заключался бы единственный исходъ.

Василій пожалъ плечами.

— А я вамъ вотъ что скажу, Надежда Сергѣевна; мы вотъ съ вами про это толкуемъ, а вы убѣдите-ка мужиковъ въ томъ что мы заботимся о лучшемъ надѣленіи ихъ землею! Какъ вы думаете, они повѣрятъ? „Да что же барышня отъ этого выгоду какую получить что-ли?“ Вотъ что они вамъ скажутъ.

Бѣговья дрожки поравнялись съ молодою дѣвушкой, и священникъ любезно раскланялся, приподнявъ свою поярковую шляпу.

— Крестьяне вамъ, батюшка, должно-быть на тетушку жалуются, сказала Нада.

— Помилуйте! На что же жаловаться? обязательно улыбаясь отвѣтилъ священникъ.—Они за ея превосходительство Бога молятъ, вотъ что!

— Да они мнѣ сами говорили сейчасъ про господскую землю.

— Да! про землю!.. видимо не особенно заинтересованный этимъ вопросомъ сказалъ отецъ Зосима.—Что же, кажется они съ генеральшей согласились. Ну и прекрасное дѣло! За умъ значить владѣлись..

— Вы бы однако, батюшка, какъ духовный отецъ имъ растолковали.

— Да что имъ толковать-то, живо перебилъ священникъ,—сами свое дѣло знаютъ. Не зайдете ли къ намъ, Надежда Сергѣевна? Чайку бы откушали.

Нада однако отказалась отъ предложеннаго ей угощенія и медленно пошла большою дорогою по направленію къ городу. Церковь находилась у выѣзда изъ села, на краю ложбины, и стояла выше самыхъ крышъ домовъ. Оттуда дорога спускалась подъ гору, и во всѣ стороны взглядъ широко обнималъ безконечную гладь. Только справа, въ сторону усадьбы, круто обрывался оврагъ, а за нимъ видѣлся старинный лѣсъ, гдѣ чрезъ молодую листву мрачно сквозили хмурые дубовые стволы, да кое-гдѣ вдали поднимался отлогіи пригорокъ, какъ рѣдкая дѣшная волна на спокойной поверхности залива. И справа и слѣва длинною полосой тянулася пышная синева-тая рожь. Кругомъ стояла полная тишина, и лиристыя стебли глядѣли ровною непроницаемою стѣной.

Едва молодая дѣвушка миновала деревню, ее будто охватило безмолвіе степи. Нигдѣ ни человѣческаго голоса, ни скрипа колесъ, ни стука копытъ. Одна лишь стель-матушка, широкая и обильная, подготавливающая богатую жатву. А надъ нею блѣдно-голубое небо, холодное и прозрачное, какъ бываетъ небо первыхъ весеннихъ дней, и кое-гдѣ на немъ будто мѣломъ написаны холодныя бѣлыя облака. Только ласточки то и дѣло шныряли, почти касаясь земли, да жаворонокъ стремительно поднимался съ поля и отрывисто, будто скачками, исчезалъ въ воздушной долинѣ. Казалось цѣлый вѣкъ можно было идти вдоль и поперекъ по зеленой степи, и живо останется та же картина, та же ширь и та же широкая благодать.

Но совсѣмъ не спокойствіе и не миръ навѣвала она на душу молодой дѣвушка. За глубокимъ безмолвіемъ ей слышались ролотъ и слезы. Изобиліе и просторъ ей говорили про тѣхъ кого она считала обдѣленными. „Вѣдь этотъ просторъ, думалось ей, не существуетъ для тѣхъ кто трудится надъ богатою стелью. Имъ будто въ насмѣшку дали недостаточныя клочки земли и имъ суждено выбиваться изъ силъ чтобы на пользу чужаго, на одного человѣка добывать изъ земли ея жатву. Вотъ тутъ, рядомъ, у самыхъ огуменнѣе клиномъ вдавалось сѣроватое лянто—это было то самое паровое поле съ безпорядочнымъ засѣвомъ сорныхъ травъ безъ котораго не могли обойтись крестьяне. И годъ изъ году будетъ такъ повторяться при бессильной борьбѣ съ растущими цѣнами на господскую землю. И все это для того лишь чтобы семья Корецкихъ могла наслаждаться удобствами привольной жизни.“ Нада въ эту минуту живо ощущала всю несправедливость такого положенія вещей. И не противъ тети она возмущалась. „Анна Григорьевна срослась съ привычками крѣпостнаго права и ее винить нельзя за усвоенные ею предрасудки“, такъ говорила себѣ молодая дѣвушка. „Но ея старшій сынъ, этотъ умница Дмитрій, получившій высшее образованіе и теперь должно-быть весело развѣзжающій по Европѣ, и Володя, этотъ пылкій радикаль, не успѣвшій однако до сихъ поръ и пальцемъ двинуть для улучшенія быта своихъ сосѣдей—крестьянъ, да вѣдь онъ и заглядываетъ къ нимъ не иначе какъ на охотѣ.“ Надѣ казалось теперь и возмутительнымъ, и неестественнымъ что она со своими взглядами, со своимъ прошлымъ, живетъ у этихъ людей, пользуется

цхъ гостепріимствомъ и такимъ образомъ почти раздѣляетъ съ ними отвѣтственность. Развѣ она тѣмъ самымъ не измѣняетъ и своимъ убяжденіямъ, и этимъ людямъ которые приняли ее въ свой домъ какъ родную? Да полно! зачѣмъ обманывать себя? Съ тѣхъ поръ какъ она въ Бѣлыхъ Столбахъ, она вѣдь не думала протестовать. Она мирится со всѣмъ тѣмъ что было вокругъ нея. Развѣ въ сущности и теперь ей на самомъ дѣлѣ хочется разорвать съ ними всякую связь и пойти раздѣлять участь того сѣраго люда о которомъ она сокрушается? Развѣ въ сердцѣ своемъ она уже не измѣнила своему знамени?..

Все это столпилось и заспорило въ ея головѣ, и Нада шла все дальше, не замѣчая того что она прошла уже болѣе двухъ верстъ отъ деревни, а голубое небо между тѣмъ успѣло скрыться подъ навѣсомъ тучъ и на поля все гуще настиглась облачная тѣнь.

— Надежда Сергѣевна! вдругъ неожиданно для нея прозвучалъ рядомъ съ нею знакомый ей голосъ. Она не замѣтила даже что возлѣ нея остановился маленькій, изящный тарантасъ, изъ котораго теперь послѣшно выходилъ Боровской.

— Надежда Сергѣевна, куда вы? Посмотрите какъ небо заволокло! Сейчас ливень начнется, или для васъ въ эту минуту дѣйствительный міръ также мало существуетъ какъ моя тройка которую вы и не примѣтили?

Овъ дружески протянулъ ей руку, сказалъ что ѣдетъ въ Бѣлые Столбы и предложилъ ей вернуться съ нимъ.

Неожиданная встрѣча непріятно поразила Надю. А между тѣмъ она не могла скрыть отъ себя что этотъ несимпатичный человѣкъ имѣлъ для нея какую-то странную притягательную силу и возбуждалъ въ ней, вопреки ея воли, совсѣмъ непонятное любопытство.

Разговоръ между тѣмъ завязался самый обыкновенный. Но молодой двушкѣ почему-то все казалось какъ будто у нихъ происходилъ не просто обмѣнъ заурядныхъ мыслей, а какой-то скрытый допросъ, и ея слова противъ ея же воли выдавали Боровскому самыя тайныя мысли. Она до того не встрѣчала человѣка, за исключеніемъ можетъ-быть Неродовича, который внушалъ ей такой полусознательный страхъ. Чувствовала ли это Боровской или вѣтъ, только на лицѣ его, такъ мнилось Надѣ, читалось увѣренное, почти торжествующее выраженіе.

— Я видѣлъ вчера Елену Михайловну, говорилъ онъ мнѣ ду прочимъ.—Она просто въ восхищеніи отъ своего знакомства съ вами. Вы ее очаровали; а она не изъ тѣхъ которыя легко поддаются обольщенію.

— Я конечно должна быть очень рада тому что она меня удостоила похвального отзыва, почти съ ѣдкою отвѣчала Нада.

— Напрасно вы вдаетесь въ провическій тонъ, Надежда Сергѣевна, да еще со мною. Я потому вамъ уломанулъ объ Ардынцевой что и у нея, такъ же какъ у васъ, совершенно свободный и замѣчательно ясный умъ—свободный отъ всевозможныхъ предрасудковъ воспитанія, положенія и среды. А это, особенно у дамы, большая рѣдкость. И потому я и думалъ что у васъ съ нею могутъ найтись довольно многія созвучныя струны.

— Она кажется изъ тѣхъ для которыхъ не существуетъ колебаній и сомнѣній. Такъ по крайней мѣрѣ мнѣ показалося.

— Да оно въ самомъ дѣлѣ такъ и есть. Видите ли, всѣ люди дѣлятся на двѣ категоріи и только на двѣ, на тѣхъ которыхъ ведутъ другіе и тѣхъ которые идутъ сами впередъ. Первыхъ ведетъ не одно чужое вліяніе, а вся та масса нелѣпыхъ вѣроваій которыми налицкама наша общественная жизнь. А эти идутъ каждому свободному шагу. Повѣрьте мнѣ, и въ нашъ передовой вѣкъ очень, очень рѣдки тѣ которые отъ нихъ свободны, хотя бы даже и въ томъ кругу которому до послѣднихъ мѣсяцевъ принадлежали и вы.

На этихъ послѣднихъ довольно неожиданныхъ словахъ онъ оборвался и пристально на нее взглянулъ; но губы его тотчасъ сложились въ привѣтливую улыбку.

— Вѣдь тѣ идеалы которымъ тамъ поклоняются тоже своего рода кумиръ и также заслоняютъ отъ глазъ дѣйствительность. Ну, а для того чтобы самому идти безъ чужаго руководства нужно разбить всѣ такіе кумиры и смѣло разсѣять тѣ призраки которые предрасудокъ создали для легковѣрной толпы. Тѣ немногіе которые въ силахъ это сдѣлать и составляютъ небольшой кружокъ избранныхъ, къ какому бы лагерю они ни принадлежали.

Боровской рѣдко увлекался, но въ этотъ разъ его краснорѣчіе ловидимому закусило удила,—такъ живо блестяли его глаза, всегда такіе спокойные и пристальные. Онъ казалось

забылъ что произносить не публичную рѣчь и что слушаетъ его и недоувѣрчиво слушаетъ лишь одна молодая дѣвушка которую ему почему-то такъ захотѣлось убѣдить.

— Вотъ потому именно что мы оба принадлежимъ къ числу этихъ немногихъ—я скромничать не люблю—мнѣ вполнѣнато какъ это вы могли посвятить себя такому безнадежному дѣлу какъ то которому вы прежде служили. И говоря это, поимите меня, я и не думаю осуждать ни васъ, ни прежнихъ вашихъ друзей,—злобы я къ нимъ не питаю никакой. Но она безсильны, они ударяють лбомъ объ стѣну, а между тѣмъ вредъ они приносятъ и даже очень большой, потому что возбуждаютъ недоувѣрiе къ инымъ людямъ которые лучше ихъ сдѣлали бы то же самое, а теперь благодаря имъ должны прятаться. Ну, а вы! такая умная и въ особенности—какъ бы это сказать?—ну, такая сильная коли хотите, какъ могли вы увлечься фразами?

— Я не понимаю съ какого права вы заговариваете со мной объ этомъ, Николай Осиповичъ! гнѣвно прервала она его. Но ей лишній разъ пришлось убѣдиться что этого человека ей сразить не легко и что онъ не изъ тѣхъ которые опускають глаза предъ обращеннымъ на нихъ негодующимъ взглядомъ.

— Съ какого права? спокойно возразилъ онъ.—Да, волевыхъ, я почти вдвое старше васъ; восторыхъ, я еще разъ вамъ повторяю, мы гораздо ближе стоимъ другъ къ другу чѣмъ вы это подозрѣваете... Но впрочемъ что я съ вами заболтался? посмотрите, дождь пошелъ!

И въ самомъ дѣлѣ крупныя капли изрѣдка и тяжело падали съ тучъ, а подъ горой въ сторону города уже клубилась по дорогѣ черная пыль подытая начавшимся вѣтромъ.

— Вы такъ дойти до Бѣлыхъ Столбовъ не можете. Садьте со мной. Я васъ доведу.

— Ничего, полторы версты только осталось.

— Я вамъ говорю что сейчасъ пойдетъ ливень и пресерiозный кажется вдобавокъ. Неужели и вы стало-быть не вполнѣ свободны отъ предрасудковъ и не хотите поручить мнѣ охрану васъ отъ дождя хотя бы на эти десять минутъ? и по лицу Боровскаго было ясно видно что онъ ни на минуту не сомнѣвался въ ея согласiи.

Надя дала себя усадить, и онъ бережно укуталъ ее лежавшимъ въ тарантасѣ пледомъ.

Едва миновали они плотину какъ за ними послышался звонкій хохотъ и стукъ копытъ по мосту. Еще мигъ и ихъ обскакали двѣ лошади. Въ одной изъ нихъ Нада узнала Солимана, на другой скакала Женичка, повидимому очень довольная тѣмъ что гроза ихъ застала врасплохъ. За ними въ нѣкоторомъ отдаленіи ѣхалъ обращенный въ жокея тотъ же казачокъ Вася.

— Я къ вамъ, укрыться отъ дождя! весело закричала Женичка, обгоняя тарантасъ.

Когда Боровской и Нада подѣхали къ крыльцу, Володя уже соскочилъ съ лошади и собирался помочь своей дамѣ. Но Женичка едва удержась ногой на его протаянутую руку и мигомъ вскочила на ступени крыльца. Тутъ она стояла, высоко поднявъ шлейфъ своей амазонки, и весело приветствовала Надю.

— Мы съ Владиміромъ Алексѣвичемъ хотѣли до Волги доѣхать, на гору поглядѣть, насть дождь и захватилъ, и долго не думая я рѣшила что заѣду къ вамъ... Здравствуйте, Николаи Осиповичъ!—обратилась она насмѣшливо къ Боровскому.—И вы тоже занимаетесь спасеніемъ погибающихъ?

Она разсмѣялась и привялась своимъ хвостикомъ отрахивать брызги со своего платья. И гроза, и вся неожиданность этого пріѣзда въ Бѣлые Столбы дѣйствовали на молодую дѣвушку какимъ-то возбуждающимъ образомъ. Ей повидимому все это казалось очень забавнымъ.

— Теперь, Нада, вы меня поведите къ себѣ. Я должна переодѣться у васъ съ головы до ногъ. Вы мнѣ дадите свое платье, не правда ли? и обѣ молодыя дѣвушки лобызали на верхъ въ комнату Нади.

— Послушайте, Нада, говорила Женичка, выбирая какое изъ платьевъ надѣть на мѣсто своей скинутой амазонки.—Я давно хотѣла просить васъ чтобы мы были съ вами на „ты“, какъ настоящія подруги. Хотите, Нада! Вы знаете что вы мнѣ ужасно нравитесь!—И Женичка, которая между тѣмъ уже успѣла рѣшить во что одѣться, подошла къ Надѣ и сзади обвила ея талію обѣими руками.—Такъ рѣшено стало-быть? Она повернула къ себѣ голову Нади и громко ее поцѣловала.

— Теперь я могу разспросить тебя вотъ о чемъ, важно начала она, помѣстившись на кровати своей новой подруги.—Я вчера видѣла нашего судебного слѣдователя Коневецкаго, который все такъ смѣшно картавитъ. Ты знаешь, оцъ

преуморительный! Онъ непремѣнно хотѣлъ со мной разговаривать по-французски; говорилъ мнѣ ужасные комплименты и все повторялъ: „Mademoiselle, vous devez ho"iblement souffrir d'ê"tre en p'ovince!“—И она стала передразнивать не только голосъ Ковалеваго, но и его манеры и даже тотъ особенный жестъ съ которымъ онъ вставлялъ себѣ въ лѣвый глазъ монюкль.—Онъ принялся за мной положительно ухаживать. Ну, такъ вотъ этотъ очаровательный молодой человекъ утѣрялъ меня да и мама тоже что ты, пожалуста не рассердись, что ты „нигилистка“! Последнее слово Женичка произнесла шепотомъ, причѣмъ она необыкновенно покраснѣла, и голыя ея плечики вздрогнули не то отъ стужи, не то отъ смущенія.

Надя страннымъ образомъ не рассердилась. Только брови ея чуть замѣтно сдвинулись, а она пристально взглянула на Женичку, отвѣчая на этотъ необыкновенный вопросъ.

— Да ты отдаешь себѣ ясный отчетъ въ томъ что такое нигилистка?

— Признаюсь, я ихъ не видала никогда. Конечно, я ихъ на улицѣ встрѣчала, но крайней мѣрѣ мнѣ говорили что это онѣ. Ты знаешь, въ черныхъ, не совсѣмъ чистыхъ пластьяхъ, да въ кругленькихъ шляпахъ на стриженныхъ волосахъ, да въ очкахъ, вѣтъ, впрочемъ, очки не у всѣхъ!—но вотъ непремѣнно съ книжкой изъ библіотеки, грязною такою! Но лѣнливаешь, а все-таки настоящимъ образомъ никогда ихъ не видала. А очень бы хотѣлось!..

— Ну, такъ какъ тебѣ кажется, я похожа на такую, стриженую, съ грязною книжкой въ рукахъ?

— Ну, не ври Нада! воскликнула Женичка, спрыгнувъ съ кровати, и опять обняла Надю. — Будь пожалуста серьезною! Я, вѣдь, не маленькая. Мнѣ чрезъ три дня, десятого числа, шестнадцать лѣтъ. Я очень хорошо понимаю что дѣло совсѣмъ не во вѣтшиности, а въ убѣжденіяхъ, и что между нами есть очень образованная и умная.

— Да вотъ насчетъ этихъ самыхъ убѣжденій ты когда-нибудь задумывалась?

— Въ романахъ я разумѣется читала, живо перебила ее Женичка,—и хоть это конечно очень недостаточное знакомство, все-таки, откровенно признаюсь тебѣ, онѣ производили на меня всегда такое впечатлѣніе что сами хорошенько не знаютъ изъ-за чего хлопочатъ и волнуются. Потому, вотъ видишь, онѣ какъ-то всѣ въ городахъ воспитаны да на

книжкахъ „развивались“, какъ онѣ говорятъ, а между тѣмъ все про народъ толкуютъ! А народъ-то, кажется, онѣ видѣли всего на качеляхъ на масляницѣ. Такъ ли?

— Ну, не совсѣмъ, развивалась Нада.—Есть и исключенія. Ну, а ты,—неожиданно спросила она въ свою очередь,—никогда всѣми этими идеями не тревожилась? Никогда не задумывалась насчетъ этого самаго народа, по милости котораго мы всѣ живемъ?

Женичка на мигъ примолкла, опустила глаза и потомъ просительно остановила ихъ на своей собесѣдницѣ.

— Какъ тебѣ сказать?.. проговорила она не совсѣмъ рѣшительно.—Народъ, такъ вообще, не могу сказать, чтобъ я объ немъ много думала. Это, знаешь, и очень велико и очень неопредѣленно. А то что мы, богатые люди, не для себя однихъ жить должны,—это, разумеется, совершенная правда. Но конечно на меня одинъ какой-нибудь несчастный всегда производилъ большее впечатлѣнiе чѣмъ все то что я читаю про какую-то далекую нужду многихъ. Я можетъ-быть не такъ выражаюсь, но ты поймешь меня, Нада; это по твоимъ понятіямъ можетъ-быть даже нехорошо.

— Нехорошаго тутъ, мой другъ, ничего нѣтъ; но опять-таки я тебѣ скажу что давать иногда нищему двугривенный на улицѣ тоже не великое дѣло.

Женичка вся вслыхнула.

— Да ты меня за дурочку что ли принимаешь? И замѣть что ты мнѣ все-таки ничего не объяснила. А знаешь, я даже иногда просто думаю что и объяснять-то тутъ нечего и что какъ тамъ ни ищи настоящаго смысла въ вашихъ идеяхъ, ни до какого не доберешься. Ну, а что тебя касается, такъ что ни говори, а я все-таки не повѣрю будто ты вигилистка!

Съ этими словами Женичка встала, подошла къ зеркалу и принялась застегивать лифъ.

— Ну, я готова, Нада. Пойдемъ внизъ!

— Евгенія Александровна! смѣясь началъ Боровской, когда молодыя дѣвушки вошли въ гостиную.—Я скажу Еленѣ Михайловнѣ чтобы васъ такъ не пускали безъ приличнаго надзора, а то вы когда-нибудь на край свѣта ускачите. Миссъ Финчъ васъ совсѣмъ выпустила изъ рукъ.

— Миссъ Финчъ! насмѣшливо проговорила Женичка.—Много она мнѣ помѣшаетъ! А, впрочемъ, жалуйтеся край хотите; это тоже входитъ въ прокурорскія обязанности...

Владимиръ Алексѣевичъ! Вы пожаауста распорядитесь чтобы мнѣ положили какой-нибудь экипажъ, ну хоть бѣговныя дрожки: я должна къ обѣду быть въ Никольскомъ.

— Бѣговныя дрожки! съ негодованіемъ воскликнулъ Волода.— Матушка уже приказала чтобы коляску къ тремъ часамъ положили.

Женчика, къ великому неудовольствію Володи, услыхавъ во злѣ Боровскаго и до самаго отъѣзда припалась его усердно завивать. Боровской, въ отвѣтъ на это, ее не менѣе усердно дразнилъ.

Отношенія Жени Ардынцевой къ махихъ были довольно оригинальнаго свойства. Они очень походили на тѣ дружественныя отношенія какія бываютъ въ политикѣ между державами. Покойный Ардынецъ обожалъ свою дочку и съ ранняго дѣтства приучилъ ее къ полной независимости. Вліяніемъ на нее никто изъ домашнихъ похвастаться не могъ, а всего менѣе ея добродушная старушка-гувернантка. Впрочемъ обрусѣвшая миссъ была сама того мнѣнія что самостоятельности молодыхъ дѣвушекъ мѣшать не слѣдуетъ. Немудрено что Женчика рѣшительно не знала и не допускала никакого руководства. По смерти отца она осталась полною и единственною наследницею его значительнаго состоянія. Елена Михайловна конечно не была особенно довольна тѣмъ способомъ какимъ ея покойный мужъ устроилъ свои дѣла. Но какъ благоразумная женщина она разсудила что ей всего лучше избѣгать всякаго столкновенія съ падчерицей и потому въ свою очередь не давала ей чувствовать своей власти. Въ награду за это Женчика платила ей довольно равнодушною почительностью. Любила она въ домѣ собственно только два существа—миссъ Фийчъ и своего датскаго Жака и—чего грѣха таить!—едва ли послѣдняго не болѣе первой. По крайней мѣрѣ Боровской ей высказалъ это не обинуясь.

— За то не трудно рѣшить, отвѣтила ему Женчика,—кого я всего болѣе на свѣтѣ ненавижу.

— Меня, конечно? разсмѣялся онъ, но отвѣта не получивъ. Женчика встала и обратилась къ Надѣ.

— Я непремѣнно хочу чтобы ты съ нами тоже попробовала верхомъ прокатиться. Федоръ Васильевичъ—спасибо ему за это!—сразу досталъ мнѣ двухъ лошадей. А другая амазонка у меня пока имѣется. Я вѣдь немногомъ только выше тебя.

Надя разумѣется отвергла это неожиданное предложеніе; но Женичка не увималась, и Володя ей тоже сталъ вторить. — Вы увидите, Надежда Сергѣевна, сказалъ Боровской, — что общими силами мы всё васъ приучимъ къ той грѣшной и пустой жизни которою—увы!—живутъ почти всё ваши сверстницы. И въ сущности онѣ очень хорошо дѣлають, такъ ли?

Между тѣмъ коляска для Женички была готова. Володя взялся се провезти на своемъ Солиманѣ. Боровской тоже увѣхалъ; но было рѣшено что чрезъ три два, въ день рожденія Женички, всё опять съѣдутся въ Никольскомъ.

XIII.

Nous vivons dans un siècle où les
idées superflues abondent à qui n'a
pas les idées nécessaires

Joubert

Пора была, боярская пора...

Дермошова.

Въ Никольскомъ, къ десятому числу, собралось довольно многочисленное общество. Кромѣ обитателей Бѣлыхъ Столбовъ и Боровскаго, тутъ были наши старинные знакомые Томилинь и Берендѣевъ, да птенець Школы Правовѣдѣнія Повецкій, да еще два сосѣда помѣщика, Уховъ и Дровининъ. Послѣдній былъ тотъ самый добродушный либераль про котораго Томилинь разказывалъ за обѣдомъ у Анны Григорьевны. Удивительно сердобольное, почти институтское сердце билось въ его старческой груди! Несмотря на то что онъ выросъ въ степной глуши, въ богатомъ отцовскомъ помѣстьи, онъ въ шестьдесятъ лѣтъ съ юношескимъ пыломъ восторгался чѣмъ случится: американскими Неграми и дунайскими Славянами, французскою республикой и великорусскою общиной, Гамбеттой и митрополитомъ Филаретомъ, Фаланстерами по образцу Фурье и дѣтскими садами и народными школами, вопреки всякимъ образцамъ. Говорилъ онъ тоновскимъ, минорнымъ голоскомъ и очень любилъ прибѣгать къ уменьшительнымъ выраженіямъ. Въ земствѣ, котораго онъ былъ усерднымъ членомъ, онъ славился тѣмъ что прежде

всѣхъ предлагалъ выразить сочувствіе или написать адресъ и даже хотѣлъ дать большую сумму денегъ съ тѣмъ лишь чтобъ ему предоставили быть хозяиномъ надъ задуманною имъ школою для образованія садовницъ. Но земцы разсудили что имъ этихъ садовницъ некуда будетъ дѣвать и вдобавокъ не довѣряли просвѣщенному руководству Дровнина. Онъ былъ вообще предметомъ невѣрныхъ шутокъ и глумленія. Никто однако не подсмѣивался надъ нимъ такъ немилосердо какъ его ближайшій сосѣдъ, мѣстный предводитель Уховъ.

Аркадій Степановичъ Уховъ былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ тѣмъ жирнымъ обѣдамъ которые онъ охотно давалъ съ истинно стелнымъ хлѣбосольствомъ. Онъ любилъ хорошо выпить и лѣвить, любилъ кровныхъ жеребцовъ и красивыхъ женщину и любилъ бы также охоту и лсовую, и ружейную, еслибъ — увы! физическимъ упражненіямъ не мѣшала черезчуръ могучая тучность его обширнаго тѣла. Несмотря однако на этотъ поводъ къ неподвижности, Уховъ никогда не былъ лѣвтяемъ, и его грузная особа такъ же охотно передвигалась какъ его практической умокъ легко и быстро перебѣгалъ съ одного предмета на другой. Полныхъ людей обыкновенно считаютъ добряками и лежебоками: Уховъ не былъ ни тѣмъ, ни другимъ, такъ какъ широкое черноземное гостепріимство далеко не всегда есть признакъ сердечной доброты. Аркадій Степановичъ, несмотря на каверзы имъ поднесенныя многими изъ дворянъ своего уѣзда, пользовался значительною популярностью. Да впрочемъ онъ ее и заслуживалъ. Никто какъ онъ не умѣлъ такъ удачно на собраніи похоронить людъ цвѣтами сочувствія не совѣтъ удобное предложеніе.

Волода и Нада рано пріѣхали въ Никольское, потому что было рѣшено что какъ разъ въ этотъ день совершится подъ руководствомъ Томилача та поѣздка верхомъ, въ которой должна была принять участіе и Нада. Молодая дѣвушка дала себя уговорить и какъ ни странно ей казалось надѣвать темносинюю амазонку приготовленную для нея Женичкой, она вполнѣ отдалась усиленному, счастливому ощущенію жизни, когда ровнымъ галопомъ пошла данная ей хорошо вывѣженная лошадка. И сама она глядѣла такъ изящно: непривычный нарядъ такъ шелъ къ ея лицу что прочіе въ одинъ голосъ выразили ей свое восхищеніе. Она скоро привыкла къ ѣздѣ и должна была признаться себѣ самой что прогулка доставила ей давно неиспытанное наслажденіе. Живо

пересидѣвшись, она зашла въ старинную бібліотеку, гдѣ въ безпорядкѣ отояли разрозненныя и давно не читанныя книги. Гостей еще не было. Елена Михайловна и Жюль куда-то исчезли, а Володя бродилъ по саду, должно-быть въ сотый разъ перебирая въ своей головѣ милыя воспоминанія юскандиныхъ дней. Томилинь застааъ Надю за книгой, наудачу взятою съ полки, но повидимому возбуждавшю тѣмъ не менѣе ея живою интересъ. Она читала облокотившись на обѣ приподнятыя руки.

— Что это, стихи! да еще немецкіе! Bravo... Да это Шиллеръ! Въ самомъ дѣлѣ! Поздравляю васъ. Моя любимая вещь. Ахъ, старые годы и старые восторги!

Надеѣ овладѣло странное, давно неиспытанное ею чувство робости. Она почти застыдилась, не зная въ то же время, оттого ли что ее застааи за Шиллеремъ, или оттого что она совѣстилась этого.

— Вотъ плоды длинной прогулки въ майскій день, да еще со мною, проговорилъ Томилинь сѣбясь.—Весна беретъ свое, и спасибо ей за это. Ну, а еслибы вы часъ, другой вели умныя рѣчи съ нашими обидимъ друзьями, Боровскимъ, намъ Шиллеръ въ голову не пришелъ бы, за это я ручаюсь. А что, вы продолжаете его считать очень умнымъ съ тѣхъ поръ какъ съ нимъ познакомились?

Надя не успѣла отвѣтить какъ самъ Николай Осиповичъ въ эту минуту показался въ дверяхъ, а вслѣдъ за нимъ и Коневерскій, одѣтый щегольски до апрѣля.

— Извините насъ за то что мы вторгаемся въ это святилище, съ отглагомъ противъ началъ Боровской. — Но цѣлый домъ будто опустѣлъ. Мы тѣсно отыскавали Елену Михайловну.

— Я скажу ей что вы прѣехали, отвѣчала Надя вставая и направляясь къ выходу, чтобъ избѣгнуть разговора съ Коневерскимъ.

Трое мушкетъ не долго оставались одни. Черезъ нѣсколько минутъ въ дверяхъ показалась Женичка.

— Я думала найти здѣсь Надю, сказала она влода.

Начались поздравленія, черезчуръ восторженныя со стороны Коневерскаго. Впрочемъ было отчего и восторгаться. Въ своемъ свѣтломъ шелковомъ платьѣ—она въ первый разъ смала трауръ по отцу — Женичка была особенно мила. Ея личико

сохранило еще румянецъ оживленія отъ прогулки веркомъ. Босы на этотъ разъ были слетены вмѣстѣ, образуя длинное тяжелое коврико, и въ ея манерахъ была какая-то невоинственная ей, налуская, но прелестная серьезность, такъ соответствующая важности шестнадцатилѣтняго возраста.

— Я могъ бы ничего вамъ не привести сегодня, сказала ей Боровской,—такъ какъ вмѣсто подарка захватилъ съ собою моего юнаго друга—и онъ смѣясь, показалъ на слѣдователя.—Но, виновать, не могъ устоять противъ искушенія передать вамъ этотъ новый хыстикъ: у васъ такъ много наклонности злоупотреблять этимъ орудіемъ власти что и я могу надѣяться когда-нибудь ее почувствовать на себѣ. Какъ вы думаете?

— Вы всегда были и останетесь самымъ несноснымъ изъ малыхъ людей, отвѣчала ему Женичка, принимая изъ его рукъ очень изящный хыстикъ. Ей повидному въ самомъ дѣлѣ хотѣлось тотчасъ же испробовать его силу,—такъ нетерпѣливо она была имъ по складкамъ своего платья.

— Однако пойдемте въ гостиную, сказала она, рѣшительно не зная о чемъ говорить съ этими тремя людьми такъ неподходящими другъ къ другу.—Мама уже тамъ, конечно; да и гости, я думаю, пріѣхали,—я слышала звонъ колокольчиковъ.

Гости въ самомъ дѣлѣ уже собрались. Исправникъ успѣлъ выложить весь запасъ своей любезности, поочередно осылая имъ хозяйку дома и Анну Григорьевну. Бѣдный Дровниа уже вынесъ на себѣ двѣ, три насмѣшки отъ Ухова, который между тѣмъ расположился въ покойныхъ креслахъ рядомъ съ Еленой Михайловной и конечно воображалъ себя неотразимо забавнымъ. Но—увъ! Елена Михайловна скучала, хотѣ и незамѣтно: она была изъ тѣхъ женщинъ которыя научились скучать. Въ числѣ тѣхъ кого ей случалось видѣть въ Никольскомъ можетъ-быть только одинъ Боровской умѣлъ заинтересовать ее. Но молодая женщина съ этимъ мирилась: она давно замѣтила что несмотря на молодость своего лица, съ каждымъ годомъ, почти съ каждымъ днемъ убывало число людей и вопросовъ отъ которыхъ ей не приходилось скучать.

Почтенный Амфилохій Николаевичъ немного смутился, когда его познакомили съ Надей. Но любезности которыя

онъ еще долгомъ наговорить ей сдѣлались оттого развѣ слабѣе обыкновеннаго.

— Вы не повѣрите какъ я сожалѣлъ, такъ докончилъ онъ свое прѣдѣственное слово,—что до самаго этого дня мнѣ судьба не доставала случая отрекомендоваться вамъ и просить вашего снисхожденія!

— Если хотите, я могу представить вамъ за все это время подробный отчетъ о каждомъ выѣздѣ и пожалуй о каждой прогулкѣ. Это васъ, я думаю, вознаградитъ за то что меня лично вы не видали.

Исправникъ долго не могъ придти въ себя отъ такого отвѣта и даже почему-то сталъ усленно лотирать лобъ своимъ платкомъ съ разноцвѣтными узорами. Не менѣе того досталось и бѣдному Коневецкому отъ Женички. Наученный горькимъ опытомъ, онъ уже не смѣлъ обращаться къ Надѣ. Но юная виновница торжества если и слышала его съ бѣлымъ терпѣнiемъ, за то и не скрывала той вѣстности для него веселости какую возбуждало въ ней его изысканное остроуміе. Подъ конецъ она даже не вытерпѣла и предоставивъ его своимъ размышленіямъ, прошла на противоположный конецъ гостиной, гдѣ вокругъ Дровнина завязался оживленный разговоръ. За это впрочемъ миссъ Фивчъ ее слегка пожурила.

Дровнинъ съ умиленiемъ разказывалъ Томилину и Ухову какъ онъ узналъ въ этотъ самый день что въ глухомъ углу одной изъ отдаленныхъ губерній имѣется какая-то деревушка гдѣ идеальная артельная система примѣнена крестьянами къ хозяйству въ полной чистотѣ.

— Представьте себѣ, говорилъ онъ, видимо тронутый тѣмъ что у насъ въ Россіи осуществлено и процвѣтаетъ то къ чему стремятся въ Европѣ лучшіе люди.—И мы этого даже не знаемъ! Ну, не грѣшно ли?

И онъ живо сталъ разказывать какъ хорошо живетъ въ этой новой Аркадіи, гдѣ наконецъ поняли что земля не должна принадлежать никому.

— Это въ костромскихъ-то болотахъ твоя Аркадія? замѣтилъ ему Уховъ.—Да тамъ, братецъ мой, и земля-то гроша мѣднаго не стоитъ. И дѣлать они тамъ между собой, артелью-то, мохъ развѣ какой или кору березовую. Потому хлѣба тамъ и на галокъ не хватаетъ, не то что на людей.

Дровнинъ такъ обидѣлся что у него даже пятна выступили на блѣдныхъ щекахъ.

— Нѣтъ, Аркадіи Степановичъ, ты лопать не хочешь, какъ это важно, отвѣчалъ онъ.—Вѣдь это братство настоящее и наше самородное, не отъ Нѣмцевъ и не петербургскими канцеляріями выдуманное.

— Ну, да! не предложишь ли сочувственный адресъ туда написать или послать кого-нибудь на счетъ земства чтобы изслѣдовать на мѣстѣ? ужъ чего, чего мы по твоей милости ни изслѣдовали—и какую форму лалтей носить у насъ въ уѣздѣ, и сарафаны бабы, и дыллатъ считали, все статистика. Ну, а ты знаешь, выдуманная тобой олытная агрономическая станція...

— Ну, такъ что, жь? испуганно спросилъ Дровнивъ.

— Проѣзжаю я тамъ на этой недѣлѣ. Смотрю, смотрю... гдѣ же ферма? Вижу ласетса стадо какое-то, и все тутъ. Ну, мужичокъ одинъ полаялся, спасибо ему; онъ мнѣ и разказалъ что земскій агрономъ какъ сваялъ осенью хлѣбъ, такъ и продалъ; и не хлѣбъ одинъ, а всю постройку, и куръ твоихъ, и былъ таковъ! а землю отдалъ лодѣ выгонъ. Чтò, хороша станція? А вѣдь наши карманы-то платили кровными денежками.

И Уховъ своею жирною ладонью ударилъ по тому мѣсту гдѣ обыкновенно помѣщается кошелекъ. Всѣ засмѣялись.

— Ну, ваши денежки, я думаю, ужъ не такія кровныя, Аркадіи Степановичъ, съ нѣкоторымъ эхидствомъ, но все-таки любезно замѣтилъ ему Боровской.

Ухова это вмѣшательство немного озадачило. Не охотникъ онъ былъ до новаго прокурора и говорилъ обыкновенно про него: „Пока челоувѣка не раскусишь, отъ него лучше подальше“. Но Ухову и не пришлось отвѣчать. Послышався звонъ бубенчиковъ и стукъ проѣхавшаго экилажа.

— Графъ Сергѣи Борисовичъ пріѣхали, чрезъ нѣсколько минутъ доложилъ слуга.

Елена Михайловна поднялась съ мѣста и съ сіяющимъ лицомъ пошла на встрѣчу гостю.

Графъ услѣлъ уже подняться по лѣстницѣ и съ изысканною, немного старомодною любезностью подошелъ къ хозяйкѣ дома. Онъ хотѣлъ поцѣловать ея руку, но Елена Михайловна подставила свой лобъ его бѣлымъ, надушеннымъ усамъ.

— Mon oncle! Quelle charmante surprise! говорила она старуку.

— Ma chère amie! J'ai tenu à vous voir et à féliciter Génie. Я вѣду къ сыну, вы знаете, въ Дубняку,—сынъ графа былъ

предводителемъ сосѣднаго уѣзда,—и захотѣвъ воспользоваться случаемъ для того чтобы повидать васъ.

Генералъ-адъютантъ графъ Сергій Борисовичъ Сокольниковскій, родной братъ матери Елены Михайловны, былъ уже семидесятилѣтнимъ старикомъ. И волосы и усы были у него уже совсѣмъ бѣлыми. Въ голосѣ, все еще красивомъ, часто звучала будто надорванная струна. Но все-таки онъ сохранилъ привычную ему бодрость осанки, и порой, когда онъ говорилъ съ женщиной, почти юношеское оживленіе на мигъ вслѣховало на его лицѣ и въ движеніяхъ. А главное, въ его сюртукѣ съ аксельбантами, и въ причeskѣ, и въ манерахъ было какое-то старательное изящество, отъ котораго вѣяло старымъ временемъ и давно забытыми нравами. Страннымъ образомъ и теперь, несмотря на лыльную дорогу, онъ будто вышелъ не изъ тарантаса, а изъ уборной. Елена Михайловна познакомила его со всѣми гостями и для всѣхъ онъ старался придумать нѣсколько ласковыхъ словъ. Когда ему ничего не приходило въ голову, въ его безмоавномъ поклонахъ видно было что онъ будто извинялся въ этомъ. Въ его обращеніи была какая-то особенная, нынѣ утраченная вѣжливость, которая вполне срослась съ его натурой.

— Я хорошо помню вашего покойнаго супруга, сказалъ онъ Аннѣ Григорьевнѣ.—Онъ былъ образцовый офицеръ, и разъ, на маневрахъ въ Красномъ, онъ не пропустилъ великаго князя чрезъ линію, parce que le grand duc avait oublié le mot de „passe“.

Анна Григорьевна и не подозрѣвала чтобы мужъ ея когда-либо отличился хотя бы строгимъ соблюденіемъ дисциплины.

— C'est votre fille, madame? прибавилъ онъ, любезнымъ поклономъ указывая на Надю.—Charmante! и глаза старика заискрились, хоть онъ вѣроятно и не слышалъ что Нада вовсе не дочь Анны Григорьевны.

— Вы стало-быть племянникъ покойнаго князя Павла Дмитриевича? сказалъ онъ Боровскому.—Очень радъ. Большіе мы съ нимъ были пріатели. Съ нимъ вмѣстѣ дѣлали Турецкую и Польскую кампанію. Мы оба тогда были адъютантами у фельдмаршала. C'était un galant homme, dur quelquefois, mais un galant homme.

И на долю Ковенецкаго выпала крулица графской любезности. Впрочемъ молодой правовѣдъ сдѣлалъ что могъ чтобы обратить на себя вниманіе старика.

— Вы здѣсь служите? сказалъ онъ ему.—Хорошо дѣлаете. Я всегда говорилъ что молодежь должна начивать съ провинціи: тамъ формируются опытъ и дарованіе.

Въ Никольскомъ обѣдали рано—Елена Михайловна слѣдовала въ этомъ провинціальнымъ обычаямъ. Но къ ея ужасу, когда уже она подала руку графу чтобы направиться въ столовую, тотъ обвелъ комнату глазами и сказалъ ей:

— Je sçois, ma chère amie, que nous allons être treize à table!

Исправникъ Берендѣевъ, тоже замѣтившій это, раздумывалъ про себя не слѣдуетъ ли ему немедленно сдѣлаться больнымъ и улетучиться. Но Елена Михайловна нашла иной исходъ: она подозвала Женичку и что-то шепнула ей на ухо, и та немедленно скрылась. Но чрезъ вѣсколько минутъ, когда уже всѣ стояли за закуской, она вернулась и отрицательно покачала головой въ отвѣтъ на вопросительный взглядъ Елены Михайловны. Та не знала что ей придумать. Старикъ графъ былъ суевѣренъ, хотъ и не признавался въ томъ. Къ счастью вдругъ въ дверяхъ показалась фигура управляющаго. Онъ съ большимъ достоинствомъ подошелъ къ Еленѣ Михайловнѣ и сказалъ ей, отчеканивая каждое слово:

— Вы мнѣ приказали чрезъ вашу дочь сѣсть за этотъ столъ чтобы быть четырнадцатымъ?

Почтенный агрономъ повидимому сообразилъ что не стѣдуетъ изъ-за щепетливости рисковать своимъ мѣстомъ.

— Я васъ только просила, мягкимъ голосомъ отвѣтила ему Ардынцева, хотъ въ глазахъ у ней показалось вовсе не мягкое выраженіе. Она отвернулась и агрономъ очутился лицомъ къ лицу со старикомъ графомъ, который отвѣсилъ ему любезный поклонъ, воображая что этотъ неизвѣстный ему молодой человѣкъ собирается выразить ему свое почтеніе.

Графъ много разказывалъ за обѣдомъ, никогда не измѣняя своей неторопливой, будто внимательной рѣчи, то и дѣло пересыпанной французскими словами. Съ усиленнымъ вниманіемъ онъ выслушивалъ все то что говорилось въ отвѣтъ и хотъ оно и не всегда доходило до его слуха, его лицо не переставало выражать желаніе угодить всѣмъ присутствовавшимъ.

Уховъ ему поддакивалъ съ нѣкоторымъ подобострастіемъ: „Такъ, ваше сіятельство! совершенно вѣрно!“ то и дѣло выливалось изъ его устъ. Разказы графа вращались главнымъ образомъ около воспоминаній близко ему знакомой придворной

среды. Но повидимому особенно цѣнилъ онъ тѣ изъ этихъ воспоминаній въ которыхъ сказывалось чье-либо безкорыстіе или независимость. Уховъ подчеркивалъ ихъ, вѣроятно видоизмѣняя ихъ смыслъ, такъ что выходило будто рѣчь графа служить какимъ-то обличеніемъ новому времени и новымъ порядкамъ.

— Чтѣ дѣлать? Такихъ людей теперь ужъ нѣтъ, ваше сіятельство, говорилъ онъ.—Настоящей власти признавать не хотять, а предъ какимъ-нибудь мальчишкой, котораго никто и не знаетъ, раболѣпствуютъ, а главное—предъ радужною бумажкой.

— Такъ, такъ, отвѣчалъ графъ, который не вполне слышалъ.

— Позвольте однако, Аркадію Стелановичъ, сладенькимъ дискантомъ вмѣшался Дровнивъ.—Кого это вы мальчишкой называете? И потомъ, опять на счетъ сторублевой бумажки. Чтѣ другое, а ужъ безкорыстіе и самопожертвованіе...

— Да, на чужой счетъ, отвѣчалъ Уховъ.—Была одна дойна корова—казна, а теперь ихъ цѣлое стадо разводится.

Графъ старался разслышать и приложилъ руку къ лѣвому уху въ видѣ рожка.

Володю давно подмывало тоже вернуть свое слово. Нельзя же было пропустить мимо ушей того чтѣ говорилъ Уховъ. Да и бѣсило его то обстоятельство что его сосѣдами были исправникъ и Коневецкій и за весь обѣдъ онъ не успѣлъ сказать и двухъ словъ Женичкѣ, все время болтавшей съ Боровскимъ. На бѣду онъ вмѣшался въ споръ какъ разъ въ ту минуту когда графъ принялся усерднѣе прежняго слушать.

— Кажется, не представителямъ барства, рѣзко сказалъ онъ Ухову,—зывать къ безкорыстію и къ независимости. Между тѣмъ какъ они со времени Московскихъ царей привыкли къ низкопоклонничеству и къ батогамъ.

Анна Григорьевна и Женичка ахнули, услыжавъ такія на себѣ чѣмъ несообразныя слова; а графъ какъ нарочно слушалъ съ самымъ внимательнымъ выраженіемъ на своемъ лицѣ. Выходка молодого человѣка его взорвала.

— Батоги, проговорилъ онъ немного дрожащимъ, но все-таки сдержаннымъ голосомъ,—Московскіе цари!—И ему вѣроятно припомнилось въ эту минуту что двумъ изъ его предковъ при Иванѣ Грозномъ отсѣкли головы.—Зачѣмъ такъ далеко ходить? Я вамъ вотъ чтѣ разкажу, un souvenir plus récent.

Мой покойный отецъ (еще бы не покойный! подумалъ Володя) который былъ очень приближенъ къ императору Александру Павловичу, присутствовалъ на Тильзитскомъ свиданіи, когда нашъ государь долженъ былъ заключить мѣръ, *arges potge échec á Friedlan* (хорошъ *échec*: разбили въ лухъ! опять подумалъ Володя,—ишь какъ выражается!)...

Вокругъ стола однако всѣ разговоры замолкли и всѣ слушали графа со вниманіемъ.

— *Eh bien! Bonaparte avait conféré le légion d'honneur à mon père, и когда въ тотъ же день императоръ пожаловалъ ему голубую ленту, мой отецъ ему сказалъ: „Какъ, государь! нашъ Андрей Первозванный рядомъ съ этою красною дрянью?!“ Et l'empereur ne lui a jamais pardonné cela и, разумѣется, никогда онъ уже не получилъ Андреевской ленты, и потомъ, такъ какъ ему многое было не по сердцу, онъ цѣлыхъ тридцать лѣтъ провелъ en disgrâce, въ Женевѣ, и знался тамъ съ однимъ только графомъ Остерманомъ, à qui nous devons la brillante affaire de Kulm и который не поладилъ съ покойнымъ государемъ. Вотъ какіе были низкопоклонники! Да!*

Володя хотѣлъ что-то возразить, но его остановилъ негодующій взглядъ Женички, сидѣвшей противъ него, и онъ ограничился тѣмъ что пробормоталъ въ сторону Коневецкаго:

— Эти выдохшіеся аристократы несправимы, какъ будто очень важно получать ли они Андреевскую ленту или нѣтъ?

— Однако, я думаю, намъ съ вами семидесятилѣтнихъ стариковъ не передѣлать,—замѣтила ему тоже въ полголоса Нада, которой вообще старикъ графъ казался скорѣе симпатичнымъ.

Графъ Сергій Борисовичъ теперь посвящалъ все свое вниманіе дамамъ и вслѣдствіе этого на противоположномъ концѣ стола разговоръ сталъ живѣе.

— Какъ это вы говорите,—выдохшіеся а'псток'аты, не тотчасъ возвратилъ сперва огорченный Коневецкій.—Я вамъ скажу, я много встрѣчалъ въ Петербургѣ молодыхъ людей изъ высшаго к'ута и ихъ конечно по 'азвитію и независимости сужденій съ д'угими с'авнить нельзя. Вотъ нап'имѣ'ъ, г'афъ Се'жъ Пустозвоновъ, князь Пье'ъ Тулицкій.

На этотъ разъ Боровской остановилъ своего расхваливаемаго подчиненнаго.

— Мнѣ кажется, сказалъ онъ очень тихо,—что ваши благородные друзья, столь доблестно подвизающіеся въ ресторанахъ, тѣмъ особенно доказываютъ свою полную независимость отъ какихъ-либо занятій.

— Да, золотая молодежь—это одна изъ нашихъ язвъ, сказалъ Дровниинъ.

— Евстахій Семеновичъ, тотчасъ оборвалъ его Уховъ.—Что же вы въ самомъ дѣлѣ въ цеховые не записываетесь, коли дворянствомъ быть такъ стыдно? Ей-Богу!...

— Дворянствомъ быть не стыдно, опять съ чуть замѣтливою насмѣшкой заговорилъ Боровской,—потому что это совершенно безразлично. А безразличныхъ вещей не зачѣмъ и стыдиться, какъ нечего ихъ и превозносить. Дворянство—это мыльный лузырь, который вздумала пустить императрица Екатерина и должно-быть она на этотъ счетъ была большая ужъ мастерица, такъ какъ онъ на нашихъ глазахъ только допугалъ.

— Видно, не совсѣмъ онъ былъ мыльнымъ лузыремъ, отвѣтилъ Уховъ, но уже безъ прежняго задора. „Ага! Да ты вотъ каковъ!“ подумалъ онъ про себя. Но Боровской не продолжалъ спора; на мигъ только лицо его утратило обычное спокойствіе и теперь снова онъ обратился къ Женчикъ съ какою-то невнятною шуткой.

Послѣ обѣда перешаи на террасу пить кофе. Предъ ней красивыми группами по старинному образцу были расположены стриженныя деревья. Двѣ каменные лѣстницы полукругомъ спускались въ садъ.

— Сколько воспоминаній балконы этотъ и все Никольское во мнѣ воскрешаетъ! обратился графъ къ хозяйкѣ дома, вынимая изъ кармана необыкновенно поношенный кожаный портсигаръ. Онъ досталъ оттуда удивительно зловонную лапироску. Тридцать лѣтъ сряду графъ курилъ тотъ же скверный табакъ и подчивалъ имъ всѣхъ, увѣряя что онъ превосходный.

— Я въ послѣдній разъ былъ здѣсь лѣтомъ 1836 года у графа Федора Ларионовича,—и, говоря это, старикъ глубоко вздохнулъ.— Вы слышали конечно про покойницу графиню Марью Васильевну? Въ живыхъ вы ея уже не застали. Une beauté classique. Я сюда прѣвѣзжалъ по рекрутскому набору.— И графъ погрузился на мигъ въ прошлыя грезы.—У Федора Ларионовича тогда открытый домъ былъ на цѣлую губернію. C'est ce qui a embrouillé ses affaires. А вы знаете что при его отцѣ, томъ самомъ что посломъ былъ въ Вѣнѣ, здѣсь гостилъ государь Александръ Павловичъ, когда объѣзжалъ язовыя губерніи? И такой домъ, avec de pareils souvenirs.

Паницынъ рѣшился продать, да еще съ фамильными портретами. Вѣдь Никольское цѣлыя шесть поколѣній принадлежало Паницынымъ. Да, правъ былъ вашъ дядюшка, князь Павелъ Дмитриевичъ,—обратился онъ вдругъ къ Боровскому,—когда мнѣ говаривалъ: „у насъ нѣтъ аристократіи, потому что нѣтъ традиціи“.

— Чтò же, графъ? отвѣчалъ Боровской.—Тѣмъ легче безъ излишнихъ тяжестей впередъ идти. Вы должны это знать по своей военной опытности.

Графъ не возражалъ и отвернулся.

— Пожалуста, ради меня, чрезъ нѣсколько минутъ скалъзъ онъ Еленѣ Михайловнѣ,—молодежи не мѣшайте забавляться. Je suis sûr que ces demoiselles voudraient descendre au jardin, и онъ улыбнулся въ ту сторону гдѣ стояли молодыя дѣвушки.

Женчикъ въ самомъ дѣлѣ не сидѣлся на террасѣ. На лужайкѣ предъ домомъ, среди правильно разбитыхъ цвѣтниковъ, она устроила партію въ крокетъ. Боровской тоже неожиданно присоединился къ молодежи, а такъ какъ число играющихъ должно быть непременно четное, почтенный глава увѣдной полиціи, какъ неутомимый дамскій угодникъ, тоже принялъ участіе въ игрѣ.

— La petite est vraiment délicieuse, обратился снова графъ къ Еленѣ Михайловнѣ, засмотрѣвшись на оживленную группу играющихъ. И въ самомъ дѣлѣ, Женчикъ была необыкновенно мила и граціозна. Володя не слускалъ съ нея глазъ, хотя она почему-то въ этотъ вечеръ и не обращала на него вниманія.

Майскіе вечера длинны и солнце стояло еще довольно высоко, хоть и шель уже восьмой часъ. На террасѣ однако царилъ теперъ вечерній покой. Графа ловидимому все преслѣдовали минувшія воспоминанія. Онъ потерялъ охоту разказывать. Уховъ тяжело дышалъ послѣ сытнаго обѣда и даже оставилъ въ покоѣ Дровнина, который теперъ дѣлился съ бѣднымъ Фодоромъ Васильевичемъ своими филантропическими затѣями. И сама хозяйка дома можетъ-быть задумалась надъ тѣмъ что ей, двадцатисемилѣтней женщиѣ, будто суждено лишь присутствовать при чужой жизни, а самой оставаться между поблекшими воспоминаніями прошлаго и разцвѣтавшею зарей будущаго молодого счастья.

— Одноко мнѣ пора назадъ въ городъ, сказалъ графъ

вставая и поднося къ губамъ красивую руку хозяйки.—Завтра утромъ пароходъ ѣдетъ вверхъ уже въ девять часовъ. А въ мои годы, вы знаете, ложатся рано.

Всѣ поднялись. Прощаясь поочередно съ присутствующими, графъ вдругъ замѣтилъ на груди Томилина солдатскій Георгіевскій крестъ. Глаза его тотчасъ заискрились сочувствіемъ.

— Гдѣ вы это получили? Извините, я до сихъ поръ не примѣтилъ.

— Подъ Севастополемъ; графъ, былъ короткій отвѣтъ Федора Васильевича.

— Подъ Севастополемъ! Какъ вы счастливы что были тамъ! А меня тогда не выпускали изъ Петербурга, да посылали развѣ ополченіе собирать по губерніямъ!

— Да вы, графъ, не разъ были въ бояхъ (старикъ имѣлъ Георгія на шеѣ).

— Это давно, давно... еще на Кавказѣ. Но все-таки это не Севастополь. Предъ каждымъ тамошнимъ солдатомъ намъ шалку приходится снимать. Графъ положилъ руку Томилину и послѣдшилъ уххатъ.

Игра тоже продолжалась недолго. Исправникъ и Ковнецкій совершали такіе невѣроятные промахи что Женичка не вытерпѣла.

— Надя кажется устала отъ сегодняшней прогулки, объявила она прекращая игру.

Всѣ разошлись. Боровской предложилъ Надѣ пройтись съ нимъ по саду, а Женичка побѣжала въ домъ и накинула на себя прозрачный какъ лагутина шерстяной платокъ. Становилось уже свѣжо. Она пошла отыскивать Надю, но едва достигла поворота въ боковую аллею, гдѣ густо засѣли разцвѣтавшіе кусты сирени, какъ ее нагналъ Володя.

— Евгенія Александровна! началъ онъ.

Она не отвѣчала и прибавила шагъ.

— Евгенія Александровна! отчего вы сегодня и какъ разъ сегодня такъ странно обходитесь со мной? За что вы на меня сердитесь?

— Вы еще спрашиваете за что?!...

— Да помилуйте, заговорилъ онъ уже ободренный тѣмъ что она по крайней мѣрѣ отвѣтила.—Неужели вы могли разсердиться за то что я сказалъ за столомъ? Ну, положимъ, это было неумѣстно, потому что слѣдуетъ имѣть свисхождение

къ предрасудкамъ даже такого стараго чучела въ виду того что онъ вашъ дядя.

Она остановилась и гнѣвно на него посмотрѣла.

— Переставьте такъ говорить. Да какъ вы смѣете его чучеломъ называть? Это почтенный старикъ, боевой генералъ, и очень онъ нуждается въ вашемъ снисхожденіи! „Потому что онъ мнѣ дядя“, говорите вы. Да, вопервыхъ, онъ мнѣ вовсе не дядя; а вовторыхъ, совсѣмъ не потому вы должны его уважать.

Волода опять нѣсколько сконфузился отъ этой лекціи.

— Я не зналъ что вы такъ взыскательны, Евгенія Александровна.

— Еще бы! У васъ въ домѣ, да еще въ день моего рожденія вы себѣ позволяете такіа выходки! Да послѣ этого я, понимаю вы, никогда больше съ вами верхомъ не поѣду.

Это въ глазахъ Володи была повидимому ужасная карательная мѣра, хоть и не упомянутая въ лѣтисницѣ наказаній.

— Я же сознаю, Евгенія Александровна, отвѣчалъ онъ локорнымъ голосомъ,—что напрасно такъ выразился, хотя, согласитесь сами, бываютъ минуты когда убѣжденія такъ-сказать просятся наружу.

Когда Волода говорилъ про свои убѣжденія, онъ неизбежно прибѣгалъ къ возвышенному слогу.

— Какія это еще у васъ убѣжденія? отрѣзала ему Женичка, однако уже болѣе примирительнымъ тономъ, и принялась дышать оторванною ей вѣтку сирени.

— Я до сихъ поръ ихъ не высказывалъ предъ вами.

— И прекрасно сдѣлали, отвѣчала она, съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха.—Если они у васъ въ этомъ родѣ, то для васъ самихъ всего лучше ихъ не только скрывать, но постараться забыть совсѣмъ.

— Да, я готовъ въ вашемъ присутствіи, началъ опять Волода, становясь все болѣе уступчивымъ.

— Нѣтъ, не только въ моемъ присутствіи, перебила она его,—вы должны обѣщать мнѣ, понимаете ли, серьезно обѣщать, какъ можно скорѣе перемѣнить свой дикій образъ мыслей. Если вы только его скрываете въ присутствіи дамъ, это будетъ одно лицемеріе и хорошаго тутъ ровню ничего нѣтъ.

— Да помилуйте, да какой же онъ дикій... и къ тому же если вы хотите знать всю правду,—добавилъ онъ верѣшительно,—я сегодня за обѣдомъ такъ выразился, потому что... Онъ замаялся.

— Потому что... ну, да говорите же!

— Потому что я за все время обѣда былъ не въ духѣ.

— Не въ духѣ! Вотъ такъ причина! разсѣялась она.

— Вы безъ умолку разговаривали съ Боровскимъ...

— Безъ умолку? Да какъ вы смѣете такъ говорить? залащавчиво возразила она, а между тѣмъ глаза ея лукаво улыбались.

— Ну, Евгенія Александровна, на этотъ разъ простите великодушно, уже весело сказалъ онъ, взявъ ее за руку.

— Смотрите чтобъ это не повторялось.

Онъ вздумалъ было приложиться къ ея рукѣ, которую не выпускалъ изъ своей. Но она быстрымъ движеніемъ вырвала ее, хлестнула его по ладьямъ вѣткой сирени и побѣжала къ дому. А онъ подвѣшалъ упавшую вѣтку и жадно прильнулъ губами къ распукавшимся лепесткамъ.

Боровской и Нада ходили между тѣмъ взадъ и впередъ по старинной липовой аллеѣ.

— Вы удивились можетъ-быть, говорилъ онъ ей,—что мнѣ сегодня измѣнило мое обычное хладнокровіе. Но я не могу равнодушно выносить гусиного чванства тѣхъ чьи... предки... даже и Рима не спасали. Приходится имъ слишкомъ часто напоминать, этимъ господамъ такъ любящимъ играть въ англійскіе лорды, что они безполезнѣйшее сословіе въ Россіи, что ихъ лишь какъ куколъ на пружинахъ создало и поддерживаетъ правительство. И что же? Предъ этимъ самымъ правительствомъ они вѣдь неоднократно пробовали и до сихъ поръ пробуютъ играть въ оппозицію и хвастаться своею независимостью. Я во сто кратъ больше уважаю какого-нибудь чиновника-бюрократъ, хотя бы даже вѣточника, чѣмъ этихъ картонныхъ рыцарей не пригодныхъ ни на какое дѣло.

Нада заступилась за стараго графа.

— Къ нему однако все это не отнесется, сказала она.—Вы слышали, онъ былъ равенъ на Кавказѣ, онъ заслуженный боевой генералъ.

— И вы это говорите? Да развѣ вы не знаете какъ получаютъ всѣ ихъ отличія? „Независимость и благородство!“ Убереги насъ судьба отъ того чтобъ эти люди когда-нибудь могли выказать на дѣлѣ эти блестящія качества! Къ счастью до сихъ поръ они не умѣли пользоваться никакими лоблачками и предпочитали сидѣть сложа руки да хватать деньги и ордена. А еслибы когда-нибудь имъ пришлось стать у дѣлъ въ качествѣ ларти, это будетъ худшее время когда-либо пережитое Россіей.

Много и красно говорилъ онъ на эту тему. Нада рѣдко ему отвѣчала. Она слушала его удивляясь его словамъ и въ то же время какъ бы не вполнѣ довѣряя ему. Ей все еще казалось что нѣтъ у нея настоящаго ключа къ этому мудрому человѣку.

— Вотъ вамъ моя исповѣдь, такъ закончилъ онъ.—Рѣдко мнѣ случалось высказываться съ такою откровенностью. Вы теперь видите что мы съ вами вовсе не принадлежимъ къ разнымъ лагерямъ.—Онъ остановился на мигъ какъ бы ожидая отвѣта. Она только молча и задумчиво кивнула головой.— Вы должны понять и оцѣнить почему я тѣмъ не менѣе порицаю и даже преслѣдую—да! съ готовностью преслѣдую вашихъ такъ-называемыхъ друзей, несмотря на то что они враждуютъ съ моими же врагами. На самомъ дѣлѣ они тормозятъ наше развитіе; они создаютъ небывалую солидарность между правительствомъ, которое у насъ одно только крѣпко, и призраками дворянства; а тѣмъ самымъ они могутъ сдѣлать живымъ этотъ призракъ. Они мѣшаютъ дружному единенію двухъ могучихъ силъ—народа и правительства. Вы понимаете что подъ этимъ послѣднимъ словомъ я разумѣю такихъ людей которые бы пользовались властью для просвѣщенныя цѣлей.

Это довольно туманное исповѣданіе политической вѣры и привлекало Наду и въ то же время смущало ее своею неопредѣленностью. Она почти догадывалась что послѣднее слово этой программы было въ сущности достиженіе личной власти для ея составителя.

Николай Осиповичъ былъ однимъ изъ многочисленныхъ лакеянниковъ извѣстнаго умомъ и крутостью князя Павла Дмитриевича Боровскаго, того самаго который прославился неумолимымъ усмиреніемъ тмутараканскаго мятежа. За выказанную имъ при этомъ энергію онъ и получилъ княжескій титулъ и Андреевскую ленту. Бездѣтный старикъ полюбилъ блѣднаго, слособнаго мальчика, позаботился объ его воспитаніи и выбралъ его наслѣдникомъ. Николай Боровской вышелъ изъ Правовѣдѣнія съ золотою медалью и съ золотыми надеждами на блестящее положеніе, на княжескій титулъ и на крупное состояніе. Но аполексія неожиданно сразила старика, не услѣдившаго еще распорядиться плчѣмъ, или можетъ-быть отлагавшаго со дня на день свое завѣщаніе. Разрушенныя ожиданія и неизбежная при этомъ перемѣна въ

обращеніи съ нимъ людей превратили молодаго человѣка въ яраго ненавистника той высокой среды въ которую онъ едва было не вступилъ. Предъ нимъ вдругъ закрылись двери закодowanego міра избранныхъ, но онъ рѣшился въ нихъ проникнуть хотя бы съ помощью подобнаго ключа. Впрочемъ имя покойнаго дяди ему служило еще хотя слабымъ покровительствомъ, а Правовѣдніе открывало предъ нимъ широко дорогу судебной карьеры. Онъ вступилъ на нее увѣренно и бодро и съ первыхъ же шаговъ завоевалъ себѣ извѣстность. Начальство въ немъ признало недюжинный ораторскій талантъ, усидчивость въ работѣ и холодный, не увлекающійся умъ. Нѣкоторая рѣзкость въ приѣмахъ ему не повредила. Напротивъ, ему охотно поручали наиболѣе трудныя дѣла, особенно съ политической окраской. Въ немъ видѣли неумолимаго говителя чужихъ увлеченій. А между тѣмъ за этою спокойною внѣшностью скрывалось неудержимое стремленіе вверхъ и ненависть ко всему что могло на пута удержать это стремленіе.

Надя слушала Боровскаго какъ слушаютъ, далеко не всегда съ нимъ соглашаясь, рѣчь знаменитаго оратора. Между тѣмъ наступали сумерки, тѣ чудные майскіе сумерки, когда тьма кажется прозрачною и всѣ окружающіе предметы, будто окутанные саваномъ, какъ привидѣнія, сливаются съ воздушною мглой. Неясныя очертанія деревьевъ уходили въ спускавшееся небо, а вдали домъ, холодный и безмолвный какъ блѣдая красавица, выступалъ изъ надвигавшейся тѣни. Среди тишины будто заколошился дѣлый неслышимый и невидимый міръ и въ зелени вѣтвей, и въ роскошной травѣ, и въ темнѣвшемъ воздухѣ что-то двигалось и шелестило будто новая тайная природа просыпалась съ наступленіемъ ночи. И въ отвѣтъ на эту проснувшуюся тайную жизнь у молодой дѣвушки тоже сказывалось новое, болѣе тонкое чутье, способное воспринять эти неудовимые звуки. Она стала прислушиваться; вокругъ нея все оживилось: ей казалось будто она проникала самый тайникъ ночной жизни, и въ каждомъ кустѣ, въ каждой вѣткѣ раскрывался предъ ней чудный закодванный міръ; то задремавшая птица проснется и взмахнетъ крыломъ, то въ чащѣ гдѣ-то вскрикнетъ сычъ, то большая ночная бабочка стрѣлой ударится въ кустъ и вся затрепещетъ уливаясь распустившимся цвѣткомъ; сирени залахали сильнѣе и предъ глазами выступили странные лерелавы

весаыхъ, загадочныхъ тѣней. Молодая дѣвушка невольно по-смотрѣла на Боровскаго, какъ бы желая отыскать на его лицѣ откликъ тому ощущенію которое вызывала въ ней наступавшая майская ночь. Они вышли изъ аллеи, и можетъ-быть потому что теперь слабый лучъ молодого мѣсяца падалъ на это лицо, оно казалось оттого еще блѣднѣе и неподвижнѣе обыкновеннаго.

— Смотрите, не простудитесь, Надежда Сергѣевна, сказала оуъ ей только,—сыро становится. Не вернуться ли намъ?

— Вернемтесь, отвѣчала она, какъ бы очнувшись.

Гости почти всѣ развѣхались. Елена Михайловна, вѣрная своимъ обязанностямъ хозяйки, устала за колѣчный преферансъ съ Анной Григорьевной, съ исправникомъ и съ Томилинымъ. Женичка разливала чай и повидимому выносила съ покорностью сосѣдство Коневецкаго. Вдругъ въ гостиную послѣшью вошелъ съ конвертомъ въ рукахъ Володя Корецкій.

— Сейчасъ нарочный изъ Бѣлыхъ Стоббовъ эту делешу привезъ, обратился оуъ къ Аннѣ Григорьевнѣ.—Мита будетъ завтра сюда. Оуъ изъ Москвы телеграфируетъ.

Это извѣстіе разомъ положило конецъ игрѣ. У Анны Григорьевны карты выпали изъ рукъ отъ волненія, да и Елена Михайловна не смогла вовремя остановить тревожное выраженіе сказавшееся на ея лицѣ. Всѣ четверо встали и почтенный исправникъ, у котораго, какъ нарочно, было девять безъ козырей на рукахъ, подумалъ въ это время что дамы быть-можетъ прелестныя, но во всякомъ случаѣ ужъ черезчуръ калризнаыя существа, вовсе не пригодныя на такое важное дѣло какъ карточная игра.

(Продолженіе слѣдуетъ).

К. ОРЛОВСКІЙ.

ДВА МІРА

ТРАГЕДІЯ.

Помѣщая нынѣ мою трагедію въ полномъ законченномъ видѣ считаю необходимымъ сказать по поводу ея нѣсколько словъ. Давно, еще въ моей юности меня поразила картина столкновенія древняго греко-римскаго міра, въ полномъ развитіи началъ лежавшихъ въ его основаніи, съ міромъ христіанскимъ, принесшимъ съ собою новое, совѣтнъ иное начало въ отношеніяхъ между людьми. Я тогда же попытался изобразить ее въ поэмѣ *Олиго и Дециръ*. Затѣмъ слѣдовала поэма *Три Смерти*, вторая часть которой, именно встрѣча съ христіанами, такъ и осталась недописанною. Въ 1863 году явилась и эта вторая часть, и поэма была напечатана въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, подъ заглавіемъ *Смерть Люція*. Далѣе, однако, углубляясь въ изученіе того и другаго міра, я чувствовалъ всю недостаточность, всю вышность чертъ какими характеризовалъ ту и другую сторону въ моихъ опытахъ, и къ 1872 году поэма у меня совершенно пересоздалась. Въ *Смерти Люція* героемъ представителемъ греко-римскаго міра у меня являлся эликурецъ, но этого мнѣ показалось мало. Герой долженъ былъ вмѣщать въ себѣ все что древній міръ произвелъ великаго и прекраснаго: это долженъ былъ быть великій римскій патріотъ, могучій духомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ Римлянинъ уже волютившій въ себѣ всю прелесть и все изящество греческой образованности.

Эликуреецъ остался далеко позади предъ этимъ образомъ. Вокругъ этого новаго героя, котораго я назвалъ Дециемъ чтобы порвать всякое отношеніе къ эликурейцу, я сосредоточилъ все разнообразіе элементовъ современнаго ему римскаго общества времени паденія, какъ фонъ, на которомъ должна была нарисоваться его фигура. Здѣсь я уже сдѣлалъ все что могъ въ изображеніи языческаго міра. Но повать христіанскій міръ не только въ отвлеченномъ представленіи, а въ живыхъ осмысленныхъ образахъ, въ отдѣльныхъ личностяхъ, оказалось гораздо труднѣе чѣмъ сладить съ міромъ языческимъ. Какое-то внутреннее неудовлетворившееся чувство не давало мнѣ успокоиться, и я не пропускалъ ничего что могло познакомить меня ближе съ духомъ, образомъ и исторіей первыхъ христіанъ, главное почерпая свѣдѣнія уже не изъ вторыхъ и третьихъ рукъ, а ища ихъ прямо въ литературѣ, безъ вѣдома для меня самого съ какою цѣлью а это дѣлаю, у меня накопился матеріалъ, позволившій мнѣ теперь выложить вполнѣ мою первоначальную идею и даже по тому плану какой была составленъ до 1872 года. Планъ этотъ слѣдующій. Поема должна состоять изъ трехъ частей (или актовъ). Первая часть—изъ двухъ сценъ, изъ коихъ одна должна была служить предверіемъ къ христіанскому міру, а другая къ языческому. Обѣ сцены были написаны тогда же. Вторая часть должна ввести насъ въ самый христіанскій міръ, имѣвшій свой центръ въ Римѣ—въ катакомбахъ. Она-то мнѣ и не давалась и является только теперь. Третья часть—лицъ Деція, явленіе къ нему друзей его, христіанъ Марцелла и Лиды, и смерть его. Такимъ образомъ въ трагедію какъ она полагается вынѣ вся вторая часть новая; первая сцена первой части вся передѣлана, а заключительная сцена третьей части значительно измѣнена.

Можетъ-быть многимъ покажется страннымъ что человекъ чуть не всю свою жизнь возится съ одною художественною идеей, или по крайней мѣрѣ столько разъ къ ней возвращается. Но видно я слѣдовалъ инстинкту, подсказывавшему мнѣ что лучше сдѣлать что-нибудь одно да „по мѣрѣ силъ“...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

На одномъ изъ холмовъ Рима входныя ворота въ палаты Деція знатнаго римскаго патриція времяъ Нерона. По обѣимъ сторонамъ воротъ на цѣли по рабу: старецъ ЮВЪ и молодой человекъ ДАКЪ. Ювъ въ забытѣи, прислонясь къ стѣнѣ. Къ Даку подходитъ его одноклассникъ ГЕТЪ. Оглядѣвшись во всѣ стороны, онъ садится рядомъ съ Дакомъ. Весь разговоръ ихъ подушепотомъ, настроеніе ихъ таинственное.

ГЕТЪ.

Что старецъ дремлетъ?

ДАКЪ.

Гс! Молчи!

Какъ будто задремалъ немного,
А можетъ-быть и вѣтъ. Въ ночи
Съ нимъ было чудо: видѣлъ Бога.

ГЕТЪ.

Какъ видѣлъ Бога?

ДАКЪ.

Говорилъ

Онъ какъ, да слабъ ужь очень былъ,
Невнятно. Часъ пожалуй цѣлый
Лежалъ онъ словно помертвѣлый.
Такъ страшно было! Я будилъ,
Не слышитъ.

ГЕТЪ.

Бога видѣлъ!

А впрочемъ, если ужь кому
И видѣтъ Бога, такъ ему!
Ну есть ли кто кого бъ обидѣлъ
Хоть словомъ онъ?... Вотъ за кого
Я бъ душу отдалъ — ловимаясь,
Такъ чтобъ въ мученьяхъ!...

ДАКЪ.

А ты знаешь

У цѣли онъ изъ-за чего?

ГЕТЬ.

Нѣтъ.

ДАКЪ.

Видишь, прежде онъ въ почетѣ
 Былъ въ домѣ. Ни къ какой работѣ
 Не понуждали. Господишь
 Съ нимъ разговаривалъ. Одинъ
 Вотъ этотъ Давусъ ненавидѣлъ,
 И разъ сталъ бить его. У насъ
 Былъ мальчикъ: это онъ увидѣлъ,
 Да хватъ за ножъ, и тутъ какъ разъ
 Конецъ бы Давусу, да кто же
 Его, какъ думаешь ты, спасъ?
 Самъ старецъ Іовъ.

ГЕТЬ.

Боже! Боже!

ДАКЪ.

Да, ухватилъ и удержалъ.
 А Давусъ: „это“—закричалъ —
 „Твои дѣла! ты ихъ собираешь,
 „Ты ихъ мутишь и развращаешь,
 „Да у меня коротокъ судъ“.
 Ну — мальчика къ муренамъ въ прудъ,
 А старца къ цѣли!

ГЕТЬ (*подумавъ*).

А кто знаетъ?

Вѣдь мальчикъ-то телерь въ раю!
 Все жь душу положилъ свою
 За ближняго!... Вотъ что бываетъ
 Со мною: будто у меня
 Есть врагъ; и я иль изъ огня,
 Иль изъ воды его спасаю;
 И на меня дивится онъ.
 И вотъ ему я объясняю
 Что ужъ таковъ Христовъ законъ:
 „Люби врага“... И такъ все живо,
 И говорю, и самъ горю,
 И даже плачу.....

(Молчаніе.)

ДАКЪ.

А ты во снѣ видишь домъ?

Ужь рѣдко.

ГЕТЬ.

ДАКЪ.

Ну, а я видаю.

У насъ крутой былъ спускъ къ Дунаю,
А противъ поле и на немъ
Становять станы: все кругомъ,
Все вѣжи... шумъ такой и ржанье...
Тутъ какъ-то снилось что пришли
Съ войны и лѣвннхъ привели
И ихъ готовить на закланье
Богамъ. И началъ я просить
Чтобъ ихъ не трогали; хулить
Сталъ идоловъ, и—закричали
И на меня всѣ разомъ—взяли
И тащутъ и хотятъ убить,
А я-то все за нихъ молюся....
И старецъ Іовъ вдругъ ужъ тутъ
Явился...

(Слышно хлопанье быка. Геть вскакиваетъ и смотритъ съ горы; возвращается въ попыжахъ.)

ГЕТЬ.

Давуса несутъ

Бѣгомъ да въ гору!

(Толкаетъ Іова.)

Старче!

Проснися! Давусъ!...

(Убѣгаетъ.)

Подбѣгаютъ десять рабовъ, несущіе золотыя носилки, и ставятъ ихъ предъ воротами. Какъ оставились, двое изъ нихъ упали безъ чувствъ, остальные съ трудомъ переводятъ духъ. Изъ носилокъ выльзаетъ толстый дворецкій Деціевъ, Давусъ.

ДАВУСЪ *(расправляя руку, дерущую плечо).*

Мерзавцы! Ломить вѣдь плечо!

Сегодня умирать изволить

Ихъ господинь, а имъ еще

Прибавить шагу трудно!..

(Смотритъ на упавшихъ.)

Пали

Собаки! слабосильны стали!

(Ударяя Дака плетью.)

Ты что глазишь? Отворяй!

(Къ носильщикамъ, увидѣвъ что они хотятъ поднять упавшихъ.)

Да бросьте: мало ихъ!.. Ступай

Вы всё впередъ, бѣгомъ! стучите

Въ большую доску десять разъ;

Потомъ чуть-чуть повремените—

Опять ударить десять разъ!

Еще чуть-чуть повремените—

Опять ударить десять разъ!

Пирь на весь Римъ!.. Ну что стоите!

(Рабы бѣгутъ; Давусъ иждъ въ слѣдъ.)

Чтобъ вылезали всё изъ норъ!

Бѣжали бѣ къ дѣлу всё, весь дворъ,

Чтобъ всё одѣты, чисты были!..

Чего не позабылъ ли?.. Ну

Не въ первый разъ! Римъ покормили

Въ свой вѣкъ, и кесари хвалили!

Хоръ, танцы—этимъ я начну;

Цѣнты ко всякимъ перемѣнамъ,

Бой гладиаторовъ—финалъ!

(Оглядываясь на работъ.)

Лишь бы изъ нихъ кто не слышалъ...

Да у меня—тотчасъ къ муренамъ!

Не знаю все—что мой народъ?

Ужъ смиренны очень, терпѣливы....

Нѣтъ воровства совсѣмъ!.. идетъ

Все въ струнку... Только молчаливы,

И что-то шепчутся... И къ нимъ

Все кто-то шмыгаетъ, къ собакамъ...

Охъ, на вулканѣ мы стоимъ!

Спартакомъ лахветь, да! Спартакомъ!

(Уходитъ въ ворота.)

ДАКЪ *(затворяетъ двери, къ упавшимъ.)*

Сс!.. Азиатикъ! Буривой!

Не слышатъ...

Входитъ ЛИДА, молодая женщина, въ темной туникѣ, съ бѣлымъ покровомъ на головѣ, низко спускающимся на лицо; за нею нѣсколько человекъ христіанъ.

ЛИДА (*увидя трупы*).

Это кто?.. Кровь льется...

Несите внизъ туда къ больнымъ. (*Нѣсколько человекъ уносятъ тѣла.*)

ДАКЪ.

Надорвались!.. Не жить ужъ имъ!..

Жаль Буривою.. вмѣстѣ ввали

И привели насъ...

ЮВЪ (*съ тихою скорбью, вообще рѣчь его кроткая*).

Отстрадали

Свой вѣкъ и къ Господу предстали,

И предъ Его теперь лицомъ...

Святую кротость ихъ помянетъ

Всевышній на судѣ Своемъ!

ДАКЪ.

И вотъ же, въ эту жь ночь предстанеть

И господишъ туда, и тамъ

Ихъ встрѣтитъ.. Здѣсь собой надменный,

Беликій, недоступный намъ,

А тамъ—изъ огненной геены

Смотрѣть онъ будетъ въ свѣтлый рай,

Къ своимъ рабамъ!...

ЮВЪ.

Не упреждай

Господень судъ!

ЛИДА.

О господишъ

Ты что сказалъ?

ДАКЪ.

А хочетъ нынѣ

Онъ умирать...

ЛИДА.

Онъ боленъ?

ДАКЪ.

Нѣтъ.

Сказалъ тутъ Давусъ—умираетъ

Сегодня...

ЛИДА (*про себя*).

Боже! И его

Я не спасу!...

ДАКЪ.

Весь Римъ сзываетъ
На пиръ. И Давусъ оттого
Въ тревогѣ...

ЛИДА.

Децій умираетъ!
Онь, Децій! Да вѣдь въ немъ весь Римъ
Въ вѣкахъ держачійся корнями—
И сдвинуть слабыми руками
Мнѣ, женщиѣ?... О нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!...
Безумная! а ты обѣтъ
Себѣ давала... (Къ Юсу.) Отче, можетъ
Повѣрить онъ?

ЮВЪ.

Чего не можетъ
Господь? велитъ Онъ, и гора
Подвигнется...

ЛИДА.

Вѣдь онъ добра,
Онъ истины искалъ...

ЮВЪ.

Помилуй
Всѣхъ, Господи! всѣмъ даруй силу
Гордыни тяжесть превозмочь
И распознать гдѣ день, гдѣ ночь!

ЛИДА.

Къ тебѣ я, отче; вотъ въ чемъ дѣло.
Поручено мнѣ отъ Марцелла
Сказать что выйдетъ можетъ-быть
Декретъ сегодня жь: объявить
Чтобъ завтра утромъ мы явились
Къ властямъ; какъ Богу поклонились
Статуѣ кесаря, а нѣтъ—
То смерть. Чтобъ обсудить рѣшенье
Всѣхъ въ катакомбы на совѣтъ
Зоветь Марцеллъ.

ДАКЪ (*восторженно къ Юсу*).
Твое видѣнье!...

ЛИДА.

Предложить каждому одинъ
Вопросъ: ты кто? христіанинъ?

Отвѣтишь—да, и отбирають,
 Къ звѣрямъ цль въ пламя назначають,
 И тутъ же всѣхъ пытать тотчасъ,
 Чтобъ въ мукахъ вырвать подтвержденье
 Всего что взводится на насъ.

ДАКЪ.

Вотъ ангеловъ зачѣмъ видѣнье!

ЛИДА (*къ Іову*).

О чемъ онъ, отче, говорить?

ДАКЪ (*живо, указывая на Іова*).

Сегодня ночью откровенье
 Имѣлъ онъ слыше!...

ІОВЪ.

Смыслъ сокрытъ

Видѣній... врядъ ли подобаетъ
 Объ этихъ тайнахъ говорить...
 Хотя и то же можетъ быть:
 Господь въ видѣньѣхъ возвѣщаетъ
 Свою намъ волю...

Да! со мной

Свершилось нынѣ то что даже
 Я и теперь какъ самъ не свой...
 Сидѣлъ я здѣсь, и надъ собой—
 А время шло къ четвертой стражѣ—
 Вдругъ слышу голосъ: „встань!“ и вдругъ
 Какъ будто что меня подняло
 На высоту—и только духъ,
 А тѣло на землѣ лежало,
 Что риза снятая—его
 Я видѣлъ: блѣдно и мертво,
 И безъ движенья... подивился
 Я самъ въ себѣ и взоръ возвелъ
 На небо, и какъ бы раскрылся
 Тамъ облакъ... вижу я: престоль
 И Нѣкто былъ на немъ Сидящій
 И свѣтъ великій вокругъ Него
 Какъ бы отъ солнца исходящій
 Въ пространство отъ лица Его;
 И словно въ радужномъ туманѣ,
 Съ блистаніемъ мечей и латъ,

Полки несмѣтные ко браму
 Готовые кругомъ стоятъ;
 И съ распростертыми крылами,
 Внизу, на воздухъ предъ Нимъ
 Все были ангелы съ мечами
 Въ рукахъ... и говорилъ Онъ имъ:
 „Которые не покаивались
 „Кумирамъ идольскимъ, ни мукъ,
 „Ни смерти злой не устрашились,—
 „Блюдите души ихъ...“ и вдругъ,
 Всшумѣвъ крылами, обернулся
 Къ землѣ совъмъ ангельскій, и внизъ
 Они въ пространство понеслись...
 Я поглядѣть на нихъ нагнулся,
 Но облакъ быстро залахнулъ,
 И скрылось все... Темно кругомъ—
 И такъ мнѣ тяжко, страшно стало!
 И я глаза открылъ съ трудомъ
 И все, какъ прежде—портикъ, домъ,
 И цѣль, все тутъ... Чуть-чуть свѣтало...

ОДИНЪ СТАРИКЪ (*благословѣнно*).

Господь ужъ это... по дѣламъ
 Твоимъ... восхитилъ къ небесамъ
 Твой духъ... быть-можетъ упреждаетъ
 Черезъ тебя что Самъ идетъ
 Судить и знаменье даетъ...

ЮВЪ.

Когда Господь придетъ, не знаетъ
 Никто!.. и мѣръ Его узреть
 Внезапно, во мгновенье ока,
 Какъ молнія: блеснетъ съ Востока
 И разомъ небо озарить
 До края запада...

ЛИДА.

....Телерь, отецъ, прости,
 Иду къ другимъ.

ЮВЪ.

Всѣмъ повѣсти!

ДАКЪ (*ей вслѣдъ*).

Ужь завтра встрѣтимся быть-можетъ
 При гласахъ трубныхъ... день суда!

ЛИДА (*дѣлаетъ нѣсколько шаговъ и останавливается*).

Сердца ихъ радуются... Да!
Но душу мнѣ еще тревожить
Объѣтъ не совершенный мной...

(*Оглядываясь на дворецъ Деція*.)

О, Децій, Децій... Боже мой!
Ужель и въ мигъ когда надъ бездною
Уже стоитъ оми, Ты ему
Не бросишь лучъ свой съ тверди звѣздной
Во всю имъ пройденную тьму!...

(*Уходитъ*.)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Комната въ термахъ. ДЕЦІЙ, богатый римскій патрицій, отдыхаетъ послѣ бани, окруженный кліентами. Вдали, у выходной арки, тола рабовъ. ЮВЕНАЛЬ, молодой человекъ, заглянувъ въ комнату, послѣшно входитъ.

ЮВЕНАЛЬ.

Ахъ, Децій! на одно мгновенье!

(*По знаку Деція, кліенты и рабы удаляются*.)

ЮВЕНАЛЬ.

Ужели правда?

ДЕЦІЙ.

Жаль одно!

Задумалъ я уже давно,
Да отлагалъ все исполненье,
И кесарю доставилъ честь
Напомнить! вотъ что мнѣ обидно!
Я знаю, стоить произнести
Мнѣ только слово—съ тѣмъ безстыдный
И назвался ко мнѣ внукомъ
Миртиллъ на ужинъ: обнимаетъ,
И ластится какъ вѣрный другъ,
На всѣ лады мнѣ намекаетъ,
Скажи, молъ, слово, и тотчасъ
Все позабыто! но ужъ насъ
Врасплохъ, надѣюсь, не застанетъ!

ЮВЕНАЛЪ.

Ужель вся буря отъ того
 Что декламацией его
 Ты не былъ тронуть?

ДЕЦІЙ.

Какъ кто взглянетъ!

Ему, на чтецы, три лица
 Своимъ присутствіемъ ужь въ залѣ—
 Помпоній, Руфъ и я—мѣтали,
 И крикнулъ онъ: „Три мертвеца!“
 И вышелъ, въ насъ швырнувши свитокъ...
 Что жь? Слово кесаря—законъ!
 Въ немъ—Римъ!.. Я тутъ же на прощанье
 На пиръ все пригласилъ собранье...
 Но тотчасъ слохватился онъ:
 Отъ казней, отъ убійствъ и пытокъ
 Римъ отдохнуть успѣлъ едва;
 Вездѣ читаются слова
 Предсмертныя Сенеки; шепотъ
 Еще идетъ какъ умирающаго
 Пизонъ и Люцій, даже ропотъ
 Въ преторіанцахъ пробѣжалъ,—
 И къ намъ клеветы за клеветомъ
 Онъ шлетъ съ намекомъ иль совѣтомъ.
 Руфъ и Помпоній, передъ нимъ
 Тѣ извинились; мы молчимъ...
 Весь анекдотъ пожалуй въ этомъ.

ЮВЕНАЛЪ.

Въ какое время мы живемъ!..
 И жизнь, и смерть—всему значенье,
 Цѣна утрачена всему!

ДЕЦІЙ *(расподоушино, полушутливо)*.

Что значить жизнь? Изъ тьмы и въ тьму
 Промчался мотылекъ, мгновенье
 Блеснувъ на солнцѣ!.. Человѣкъ
 Самъ по себѣ что значить 'въ мірѣ?
 Кому онъ нуженъ? Конченъ вѣкъ,
 И за приборъ его на пиръ
 Другой садится... *(Вдругъ одушевилась.)* Но для насъ,
 Для старыхъ Римлянъ, для фамилій,

Которыхъ съ Римомъ жизнь сплалась,
 Которыхъ предки Риму были
 Отцами и которыхъ духъ
 Изъ рода въ родъ передавался
 И держать Римъ,—ужь то неидеть
 Сравненья!.. Въ Римъ теперь собрался
 Со всей вселенной всякій сбродъ;
 Въ курульныхъ креслахъ восстають
 Чуть не вчерашніе рабы
 И грязнымъ пальцемъ наклоняють
 Куда хотять вѣсы судьбы...
 Отъ этой сволочи презрѣнной
 Мы устранимся и смиренно
 Живемъ въ провинціяхъ, въ поляхъ;
 На Римъ, пока онъ въ ихъ рукахъ,
 Глядимъ извнѣ какъ чужестранцы,
 Или какъ трезвые Спартапцы
 На перепившихся рабовъ...
 Мы ждемъ, и наша вся забота
 Лишь въ томъ чтобъ старый духъ отцовъ
 Являлся требовать отчета
 Въ палаты кесарей порой;
 Чтобъ у лоруганнаго грома
 Онъ появлялся судіей,
 Грозящимъ призракомъ Катона,—
 А этотъ призракъ всякій разъ
 Встаетъ, во всѣ дома стучится,
 Лишь только новое свершится
 Самоубійство между насъ!

ЮВЕНАЛЬ.

Самоубійство, мечъ, отравя!
 И въ этомъ—лучшихъ изъ мужей
 Теперь величіе и слава!
 Чтò жь съ бѣдной музою своею
 Поэтъ тутъ сдѣлаетъ?.. Не знаешь
 На чемъ стоишь! почти теряешь
 Ужь и понятіе о томъ
 Чтò называть добромъ и зломъ!

ДЕЦІЙ.

Да, жаль мнѣ васъ!.. На вашу лиру
 Изъ міра нечему лахнуть

Чтобы аккордомъ звучнымъ міру
 Ей отозваться какъ-нибудь!..
 У дикихъ Скивовъ и Тевтоновъ
 Видалъ ночные я лиры:
 Среди глухихъ, лѣсовыхъ притоновъ,
 Зажгутъ она свои костры,
 Въ кругу усядутся въ долины
 И льютъ меды, а посрединѣ
 Поеть пѣвецъ. Налѣвъ ихъ дикъ,
 Для насъ пожалуй неприятель,—
 Но какъ могучъ простой азыкъ!
 Какъ жестъ торжественъ и ловатень!
 И кто тамъ больше былъ поэтъ
 Пѣвецъ, или слушатели сами?
 Но эта ночь, въ лѣсу, съ кострами,
 И между листьевъ лунный свѣтъ,
 И въ лихорадочной тревогѣ
 Кругомъ косматый этотъ людъ—
 Все,—даже самые ихъ боги,
 Что въ вихряхъ мчатся, тоже тутъ,
 Съ высоты внимають,—все дышало
 Въ тѣхъ лѣснахъ пламенныхъ... Но въ нихъ
 Пѣвецъ вливалъ въ свой звучный стихъ
 То что толпа ему давала...
 А вы? куда васъ повлекутъ.
 И что вамъ слушатели скажутъ?
 Какія цѣли вамъ укажутъ
 И въ ваши лѣсна что воельютъ?

ЮВЕНАЛЬ.

И Римъ такой же былъ когда-то!
 Такая жь лѣсна и въ немъ жила!
 Онъ пѣлъ Virginію, дѣла
 Коріолана, Цинцинната!..
 О, Децій, вѣтъ! съ собой самимъ,
 Съ тобой къ чему мнѣ лицемерить?
 Но я почти не вѣрю въ Римъ!

ДЕЦІЙ.

Кто вѣрить въ разумъ, тотъ не вѣрить
 Не можетъ въ Римъ!.. Афины: въ нихъ
 Искусства намъ явилось солнце;

Ихъ геній въ юномъ Македонцѣ
 Протекъ между племень земныхъ,
 Съ мечомъ неся рѣзецъ и лиру.
 Римъ все собой объединилъ,
 Какъ въ челоуѣкѣ разумъ міру
 Законы далъ и міръ скрѣпилъ.
 Находятъ временныя тучи,
 Но разумъ бодрствуетъ, могучій
 Не выкветъ духъ... И сядь на тронъ
 Философъ—съ трона свѣтъ лопается
 И будетъ кесаревъ законъ
 Закономъ разума. Вернется
 Златой быть-можетъ вѣкъ. Твой даръ
 Сатира. Помни жь что сатира—
 Дочь разума. Ея ударъ
 Разить передъ глазами міра.
 Чтобъ міръ призналъ твои права,
 Ты долженъ самъ стоять высоко:
 Стрѣла тогда лишь бьетъ далеко
 Когда здорова тетива!
 Вотъ что тебѣ я на прощанье
 Сказать могу!..

(По знаку Деція, рабы и клиенты къ нему подходятъ и надѣваются на него веревкою тогу.)

ЮВЕНАЛЪ *(съ раздумьи).*

....Ужасное сознанье!

Въ чемъ, гдѣ же эта высота?
 Въ душѣ кипитъ негодованье,
 Подъ нимъ же, боги, пустота!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ВЪ КАТАКОМБАХЪ.

Большая зала въ катакомбахъ. Направо, надъво внутреннiе подземные входы. При нихъ лампы. По стѣнамъ нѣсколько нишъ для гробницъ и надъ ними надписи. Въ глубинѣ сцены вырубленная въ скалѣ лѣстница. На поворотѣ этой лѣстницы въ половину ея высоты сидитъ ДИДИМА, дѣвочка, спящая; тутъ же свѣтальникъ и свѣчки. Въ глубинѣ сцены, около стѣны лѣстницы значительная группа разныхъ лицъ, странниковъ и преимущественно рабовъ слушающихъ Иова.

ДИДИМА *(заслыша шаги приближающихся двоихъ, нараспѣвъ).*

Свѣчечкой, свѣчечкой,
Зрячій отъ слѣпенькой
Въ луть запасись!

ОДИНЪ ИЗЪ ПРОХОДЯЩИХЪ.

Мы къ старцу Иову... Господь
Съ тобой, Дидима!

ДИДИМА.

Съ вами тоже!
(Они сходятъ съ лѣстницы и присоединяются къ слушателямъ).

ДѢВЧОНКА *(сама съ собою, нараспѣвъ).*

Мнѣ онъ не надобенъ
Свѣточъ земной!
Все озаряетъ мнѣ
Свѣта небеснаго
Искорка малая
Въ сердцѣ моемъ...

ОДИНЪ ИЗЪ ГРУППЫ СЛУШАЮЩИХЪ ИОВА.

А послѣ женщинъ, Онъ потомъ
Ученикамъ явился, днемъ?

ЮВЪ.

Да, ввечеру. Какъ прибѣжали
 Къ ученикамъ онъ, сказали
 Чтò видѣли, тѣ все почли
 За ихъ мечтанье. Съ этимъ двое,
 Клеопа и Лука, пошли
 Въ Эммаусъ. Мѣсто тамъ пустое
 Дорогой. Шли они одни—
 Вдругъ между нихъ явился Третій
 И ихъ спросилъ: о чемъ они
 Печалются и ллчуютъ? Эти
 Дивятся: какъ же это онъ
 Не знаетъ, бывъ въ Ерусалимѣ,
 Что тамъ Исусъ пророкъ казненъ!
 Онъ рѣчь повелъ объ этомъ съ ними
 И слушать сладко было имъ
 И на слова Его горѣло
 Ихъ сердце. Между тѣмъ стемнѣло.
 Подходить къ дому. Дольше съ Нимъ
 Побывать имъ хочется, и просятъ
 Чтобъ съ ними въ домъ и Онъ вошелъ.
 Зажгли свѣтильничъ. Хлѣбъ приносятъ,
 Вино. И, взявши хлѣбъ, возвелъ
 Горѣ Онъ очи, преломляя
 Его съ благословеньемъ: въ мигъ
 Какъ бы открылись очи ихъ
 И оба вдругъ они признали
 Что это Самъ Онъ—съ ними шелъ,
 И говорилъ, возлегъ за столъ,
 И дѣлалъ такъ все какъ видали
 Онъ дѣлалъ, — и разыгралъ ихъ духъ —
 „Равви“, хотѣли ужъ воскликнуть
 И броситься къ Нему, какъ вдругъ
 Глядятъ, Онъ сталъ невидимъ...

СЛѢПАЯ (у себя на верху).

Свѣчечкой, свѣчечкой
 Зрачій отъ слѣпенькой
 Въ путь запасись!

(Двое молодыхъ людей, Глазъ и Элеонъ,
 подходятъ къ ней, берутъ свѣчи.)

ЭВМЕНЬ *(спускаясь съ лѣстницы).*

Отсюда безъ огня ужь намъ
Нельзя идти.

ГЛАВКЪ *(указывая на двочку).*

Она слѣлая?

ЭВМЕНЬ.

Слѣлая; но по всѣмъ путямъ,
Свои примѣты наблюдая,
И здѣсь, и въ городѣ пройдетъ
Вездѣ одна...

ГЛАВКЪ.

И раздаеть

Намъ, зрячимъ, свѣтъ!

ЭВМЕНЬ *(приближаясь къ авансценѣ).*

Да, но простая

Одна случайность... Видишь тутъ
У насъ для странниковъ пріютъ,
Ихъ первый отдыхъ. Издалека
Приходятъ—съ запада, съ востока,
Изъ Африки. Отъ всѣхъ церквей
Приносятъ вѣсти, край отъ края,
Со всей земли. Вокругъ гостей
Всегда бесѣда.

ГЛАВКЪ.

Тутъ слѣлая

Свѣтъ раздающая!... въ цѣляхъ
У входа старецъ—руки, плечи
Изязвлены, а въ небесахъ
Витаеть духъ и на устахъ
Любви исполненные рѣчи,—
Все это точно чудный сонъ!

ЭВМЕНЬ.

Тотъ старецъ? оглянись, вотъ онъ!
Какъ люди кончатъ трудъ, съ тяжелой
Онъ цѣли смѣнитса—всѣ тутъ!
Всѣ какъ на цвѣтъ медвяный пчелы,
Послушать словъ его бѣгутъ...
Начитанъ древнихъ книгъ еврейскихъ,
Самъ онъ съ Востока, былъ вождемъ
Племень какихъ-то арамейскихъ
(Языкъ ихъ сходенъ), жилъ царемъ,

Полянъ гордыхъ замысловъ когда-то—
 И вдругъ разгромъ! всего утрата!
 Пльвень и проданъ, дни влачить
 Рабомъ—и что же?... Говорить
 Что бытія позналъ онъ сладость
 Лишь тутъ, по благости Творца;
 Что тутъ вкусилъ и позналъ радость
 Онъ вдругъ прозрѣвшаго саѣнца;
 Что лишь въ цѣляхъ на жесткомъ ложѣ
 И полунагъ обрѣлъ онъ то
 Чтò всѣхъ сокровищъ намъ дороже
 И безъ чего мы всѣ ничто—
 Кто-бъ ни былъ, рабъ ли, царь ли,—Бога
 И луть къ Нему! И съ этихъ поръ
 Какъ путникъ вочью у порога
 Предъ освѣщеннымъ домомъ, взоръ
 Онъ съ совершенствъ Его не сводить,
 И въ созерцаніѣ ихъ находить
 Ту мудрость, силу и покой,
 Чѣмъ всѣхъ невольно покоряетъ
 И въ высоты гдѣ пребываетъ,
 Всѣхъ увлекаетъ за собой...

ГЛАВКЪ.

Не въ этомъ ли и все ученье
 Христа, Эмень? не все ль въ одной
 Молитвѣ Отче Нашъ? въ моленіѣ
 О царствѣ Божьемъ на землѣ?
 Когда бъ мы всѣ постичь могли
 Отца святое совершенство,
 И всѣ исполнились бы Имъ,—
 Жизнь стала бъ вѣчное блаженство
 И міръ сталъ раемъ бы земнымъ!
 Его лишь волю бъ мы творили,
 И зло исчезло бъ навсегда...
 Не только кары, мы бъ суда
 Названье даже позабыли!

ЭМЕНЬ.

Ахъ, Главкъ, уможь хоть и поймешь
 И видишь дивные примѣры,
 Да вдругъ ни силы нѣтъ, ни вѣры,
 И ты колеблешься и ждешь

Какъ передъ пропастью—спасенье
 Иль шагъ измѣнить, и—паденье!
 Примѣръ намъ старецъ Іовъ... Но...
 Вотъ видишь, Главкъ, раздвоено
 Все существо мое! тревожить
 Меня сомнѣнье: дай совѣтъ.
 На завтра бракъ мой и быть-можетъ
 На завтра жь Кесаревъ декретъ!
 Быть-можетъ страхъ мой и не къ мѣсту,
 Но противъ воли трепещу
 Что поведу я вдругъ невѣсту
 Не къ алтарю, а къ палачу,—
 И тутъ ислугъ или невольный
 Прочту укоръ въ ея глазахъ,
 Самъ поколеблюсь.... Вотъ мой страхъ!
 И съ нимъ мнѣ тяжело и больно!
 Такъ молода! почти дитя....
 Вхожу вчера, въ душѣ такъ мрачно,
 Она, съ подругами шутя,
 Слѣшить нарядъ окончить брачный,
 И споръ у нихъ—изъ-за шитья!
 Чтобъ я рѣшилъ—еще хотѣла!...
 Потомъ другое: вечерѣло,
 Въ саду сидѣла вся семья:
 Два бѣлыхъ голубя надъ нами
 Взлетали плавными кругами
 Все выше въ синеву небесъ;
 Она слѣдитъ, дохнуть не смѣя,
 Какъ свѣтлой искрой, все слабѣя,
 Въ лазури вдругъ ихъ слѣдъ исчезъ....
 Она мнѣ крѣпко сжала руку,
 И шелчетъ: это мы съ тобой!
 И улыбается... Какой,
 Ну какъ сказать—восторгъ и муку
 Въ тотъ мигъ я разомъ ощутилъ...
 Чтѣ отвѣчалъ ужь—и не знаю...
 Прости мнѣ, Главкъ! хоть облегчилъ
 Признаваемъ сердце...

ГЛАВКЪ.

Понимаю,

Но врядъ ли правъ ты передъ ней.

Всей новой жизнью моей—
 А этой жизнью называю
 Когда Христа лишь началъ знать—
 Я женщинамъ обязанъ. Мать
 Родная мать, она почила,
 Отчаянье и нищета—
 Охъ, тяжкимъ горемъ искулила
 Любовь слѣпую къ сыну,—та
 Меня взростила въ нѣгѣ, въ холѣ.
 Изъ этой роскоши потомъ
 Вдругъ очутился я рабомъ,
 Но роскошь та же и въ неволѣ.
 Хозяинъ мой былъ меценатъ;
 Поэтъ, пѣвецъ, надъ нимъ скорѣе
 Я деспотъ былъ. И онъ былъ радъ
 Служить любви моей затѣй,
 Гордясь лишь правомъ надо мной.
 Такъ я страстямъ не зналъ преграды
 Отъ дѣтскихъ лѣтъ: всегда съ толпой
 Друзей; гдѣ явимся—пощады
 Ужъ нѣтъ и нѣтъ на насъ суда!..
 Вдругъ воспылалъ я страстью—да!
 Къ замужней женщинѣ... Бывало,
 Полуспустивши покрывало,
 Идетъ... ребенокъ иногда
 За палець держится... Стараю
 Я всломиная отъ стыда...
 Я тотчасъ планъ изобрѣтаю
 Изъ дома выманить, увлечь
 И обмануть. Обдумалъ рѣчь.
 Уже заранѣ торжествуя,
 Друзья въ засадѣ, въ домъ вхожу я
 И вижу: на густыхъ коврахъ
 Она, ребенокъ на рукахъ.
 Другой цѣлуетъ шею, третій
 Изъ-за плеча, съ боковъ, въ ногахъ,
 Кругомъ смѣющіяся дѣти,
 И улыбается она,
 Живымъ вѣнкомъ окружена
 Изъ дѣтскихъ лицъ. Въ самой смущенье.
 „Кто ты? зачѣмъ?“ порывъ души

Здѣсь, до меня безъ опасенья
 Царившей въ тайнѣ и тиши
 Своей святыни... Всѣ разчеты,
 Вся ложь, съ какой вошелъ я къ ней,
 Разбились въ прахъ. Что изъ дѣтей,
 Окромя двухъ, тѣ всѣ сироты,
 Что это христіанскій домъ,—
 Я прежде зналъ. Стою стыдомъ
 Какъ бы прикованный на мѣсть...
 Эвмень, я то хочу сказать:
 Мнѣ кажется, въ твоей невѣстѣ
 Должна, ужъ въ двѣцѣ, сіять
 Такая жъ будущая мать
 И то жъ для близкихъ провидѣнье
 Какъ та мнѣ сдѣлалась потомъ....
 Ну, въ свой чередъ мнѣ извиненья
 Просить—я задержалъ, идемъ.

(Уходятъ, засвѣтивъ свѣчи.)

*(Съ лѣстницы между тѣмъ спускается СЛѢПОЙ СТАРИКЪ,
 ведомый мальчикомъ.)*

СЛѢПОЙ СТАРИКЪ *(къ мальчику).*

Здѣсь и сберутся и объявятъ
 Декретъ?... Ну вотъ! до своего
 И дожилъ дня!... Вѣдь я Его
 Самъ близко видѣлъ.... Залоздали
 Въ пути мы и какъ разъ попали
 Какъ выводилъ Его Пилатъ
 Къ народу... Помню этотъ взглядъ,
 Слегка опущенныя вѣки,
 Весь образъ—я былъ зрячъ тогда—
 Ну—точно въ сердцѣ навсегда
 Отпечатѣлся, ужъ на вѣки...
 Два факела по сторонамъ
 И Онъ въ вѣцѣ терновомъ Самъ...
 Ослѣплъ потомъ и потускнѣло
 Все въ памяти... Онъ какъ живой
 Одинъ остался..

*(Останавливается, прислушива-
 ется къ голосу Иова.)*

ІОВЪ.

Не льститеся благами земными!
 Вотъ ты сокровищъ приобрѣлъ
 И спряталъ; сердцемъ будешь съ ними
 Вездѣ куда бы ни ушелъ!
 Сбирай сокровища для вѣчной
 Лишь жизни...

СЛѢПОЙ СТАРИКЪ.

А! Іовъ тутъ!... Пойдемъ къ нему!
 Охъ, дивный мужъ! *(Присоводиняются къ группѣ Іова.)*

(Изъ галлерей справа выходитъ ЛИДА, вѣдя подѣ руку пожилую женщину МЕНИППУ; саджаетъ ее на скамью.)

ЛИДА.

Пріотдохни, садись сюда!
 Ты такъ устала, ослабѣла...

(Съ лѣстницы спускается несколько человекъ оттей; съ ними женщина. Лида подходитъ къ нимъ, управляетъ ихъ, ласкается.)

МЕНИППА *(одна)*.

Все видѣла, все осмотрѣла,
 И въ Римѣ нѣтъ!.. все нѣтъ!.. Куда
 Еще теперь? куда? въ какіе
 Бѣже края?... И хоть бы слѣды!...

(Къ Лидѣ, къ ней подходящей.)

Какъ хорошо у васъ!.. Такіе
 Все добрые.... Ко всѣмъ привѣты!
 Пещеры... своды... лица эти—
 Все мирно, тихо... Я бѣ у васъ
 Осталась....

ЛИДА.

Что же? Въ добрый часъ....

(Указывая на дѣтей.)

А эти дѣти—„Божьи дѣти“
 Мы ихъ зовемъ—на площадяхъ
 Подобраны, на пустыряхъ.
 Кто бросилъ? чьи? Никто не знаетъ!
 Вотъ „Божьи“ и зовемъ мы ихъ!

МЕНИПА *(содрогнувшись, сильно).*

Злодѣи! Звѣрь дѣтей своихъ
И дикій звѣрь не покидаетъ!

(Съ мѣстными несуть на носилкахъ раненаго.)

ЛИДА *(къ несущимъ).*

Ко мнѣ?

НОСИЛЬЩИКЪ.

Ужь перевязанъ. Раны

Не глубоки. Былъ принесенъ

Безъ чувствъ.

МЕНИПА *(бросается къ раненому, смотритъ и возвращается грустная. Дѣтей между тѣмъ уводятъ).*

Все нѣтъ! не онъ, не онъ!

(Возвращается на свое мѣсто.)

А также, можетъ, бездыханный

Подобранъ былъ... и былъ спасенъ...

(Къ Лидѣ.)

Нѣтъ, я не въ силахъ... Нѣтъ, таиться

Я не могу—душа моя

Должна передъ тобой открыться:

Я васъ обманывала!.. Я—

Не христіанка... Изъ Милета

Я родомъ. Вѣкъ жила я тамъ—

И вотъ теперь шестое лѣто

Скитаюсь по чужимъ землямъ...

Я сына все ищу!.. Когда-то

Мы жили пышно и богато...

Но вдругъ война... свои враги...

Муж умеръ... Началась расплата—

И сынъ взятъ въ рабство за долги!..

Онъ былъ ученъ, игралъ на лирѣ,

Слагать гексаметры умѣлъ...

Разъ господишь ему велѣлъ

Въ честь Афродиты лѣтъ на лирѣ.

Онъ отказался! отчего—

Досель не знаю! Говорили

Что христіане соблазнили...

Всѣ подвѣли на него,

Выѣшалась чернь—такіе нравы—
 У насъ ужъ! крики, брань и стогъ!
 Бѣгу я, вижу слѣдъ кровавый,
 Его разорванный хитонъ,
 А онъ исчезъ!.. Одни вопили
 Убить и въ море трупъ стащили,
 Другіе—къмъ-то унесень.
 Чтò жь? живъ или нѣтъ?... Я больше году
 Томлюсь! покоя ни на мигъ...
 Иду разъ въ гавани. Народу
 Толпа! Грузать товары. Крикъ!
 Вдругъ предо мной остановился
 Матросъ: „Онъ живъ“, шепнулъ и скрылся.
 Живъ!.. Гдѣ жь искать его? Пошла
 Я на удачу, гдѣ землею,
 Гдѣ моремъ, къ Риму прибрела,
 И тутъ, тутъ встрѣтилась съ тобою,
 У васъ смотрѣла... Чтò жь теперь?

ЛИДА.

Несчастный!.. Но надѣйся, вѣрь:
 Есть Богъ!

МЕНИЩА *(не слушая, сама съ собою)*.

Шесть лѣтъ передо мною

Въ глазахъ разорванный хитонъ
 И площадь, лужа крови, или
 Заливъ и корабли—и онъ
 Въ даль уходящій!.. и манили
 Опять надежды, и я шла...
 О да! скажу что полила
 Слезами долгій путь...

ЛИДА.

Ты съ нами

Останься: можетъ-быть найдемъ.
 Скажи какъ звать его. Потомъ
 Разкажемъ старшимъ... Ахъ, путями,
 Повѣрь, невѣдомыми намъ
 Ведетъ насъ Богъ, и встрѣтишь тамъ,
 Гдѣ и не чаешь... а слезами
 Политый путь Онъ видитъ... Самъ
 Христосъ прошелъ его...

МЕНИПА.

Ты добрая душа...

А если... умерь?

(Вдругъ отъ нея отпрянувъ.)

ЛИДА.

Умерь... Боже!..

Ей, откровенья чуждой, что же

Скажу я?.. Что мои слова!

(Увидавъ вошедшую предъ тѣмъ и остановившуюся предъ одною изъ стѣнъ гробницы КАМИЛЛУ, молодую женищину съ двоими дѣтьми, мальчикомъ 8—10 лѣтъ и другимъ 4, указываетъ на нее.)

Смотри, вотъ мать съ дѣтьми, вдова.

Въ гробницѣ этой прахъ хранится

Отца ихъ... видишь, подняла

Ребенка къ камню приложиться...

Гляди какъ смотреть, какъ свѣтла

Улыбка!.. Къ старшему нагнулась...

Тсс... слушай... говорить...

КАМИЛЛА *(сыну)*.

Такъ ломви жь, въ этой нишѣ прахъ,

Прахъ вашего отца. Онъ львами

Разорванъ былъ, и въ небесахъ

Теперь душа его и нами

Любуется, когда творимъ

Мы доброе и Бога чтимъ,

А нѣтъ, то плачетъ... Можетъ-статься,

У васъ и маму Богъ возьметъ:

Съ нимъ вмѣстѣ съ голубыхъ высотъ

Мы вами будемъ любоваться...

Смотри же, ломви, этотъ ходъ,

А подлѣ крестъ и надпись...

(Припадаетъ къ камню головой на руки и шепчетъ.)

Милый!

МАЛЬЧИКЪ *(читаетъ надпись)*.

Ж, Д, У—жду—вась.

КАМИЛЛА *(быстро вставая и отирая слезу и обращаясь къ гробнице)*:

О, прости!

Невольно измѣняютъ силы!...

(Становится съ дѣтьми на колѣни.)

Моли, чтобъ намъ къ тебѣ пройти
 Черезъ всѣ земныя испытанья,
 И суеты, и тяготы,
 Такими жъ чистыми какъ ты!
 Чтобъ тамъ гдѣ нѣтъ ни воздыханья,
 Ни слезъ, ни скорби, ни стenanья,
 Ты насъ бы приняла веселясь
 И духомъ радуясь о насъ...

МЕНИППА *(Лидѣ)*:

Они съ *нимъ* говорятъ?...

ЛИДА.

Онъ въ небѣ!

Онъ видитъ ихъ, ихъ слышитъ... Съ ней
 Свести тебя?

МЕНИППА *(радостно, тихо, съ любовью)*.

О, да!

ЛИДА.

Камилла!

Вотъ мать несчастная—тебѣ
 Довольно чтобъ принять участие...

КАМИЛЛА *(подавая руку Мениппѣ)*.

Да кто же счастливъ здѣсь?... Мнѣ счастье

Вотъ—дѣти. Я живу лишь въ нихъ...

А что до счастья другихъ

То вотъ намъ Лида провидѣнемъ

Ко всѣмъ несчастнымъ послана

Какъ добрый ангелъ съ утѣшеньемъ...

ЛИДА *(съ испугомъ и удивленіемъ)*.

Камилла, что ты, что!

КАМИЛЛА.

Она

Гдѣ только слышитъ есть страданье,

Она ужъ тамъ, чужой ли, свой..

ЛИДА *(быстро, съ упрекомъ)*.

Камилла!...

КАМИЛЛА.

Все существованье

Ея для бижнихъ!... Боже мой!

А дѣти, сыря, больныя...

ЛИДА *(Мениппа, порывисто).*

Не вѣрь!

КАМИЛЛА.

Въ заботахъ день-деньской

Какъ неусыпная Марія...

*(Лида отходитъ въ сторону,
въ лицу слезы внутренней
тревоги.)*

Когда бъ ты видѣла ее

Средь заключенныхъ, средь страдальцевъ,

Въ тюрьмѣ, гдѣ сотни у нея

Хотять одеждъ коснуться,

Услышать слово... *(Лида припадаетъ къ скамьѣ, за-
крывъ лицо руками.)*

Все кругомъ

Благодарить, благословляетъ...

(Слышны рыданія Лиды.)

Но Боже мой!... Она рыдаетъ

*(Къ ней съ тревогой и за-
ботой.)*

Что, что съ тобой?

ЛИДА.

Оставь!

МЕНИППА *(тихо Камиллѣ).*

Уйдемъ!

КАМИЛЛА.

Да что съ тобой?

ЛИДА *(съ большимъ нетерпѣньемъ).*

Уйди!

КАМИЛЛА.

Не знаю

Что жъ я...

ЛИДА *(почти въ отчаяннѣ).*

Уйди же... умоляю...

МЕНИППА *(Камиллѣ тихо).*

Знать тоже горе...

КАМИЛЛА.

Своего

У Лиды горя не бываетъ.

МЕНИША.

Свое, чужое ли—кто знает?
 Одна пусть выплачетъ его!
 (*Уходитъ.*)

ЛИДА (*одна, съез на скамью.*)

Я—какъ вчера еще была—
 Той что теперь—и судъ и кара!
 Оставилъ духъ!... Что я могла
 Сказать ей?... Вдругъ не стало дара
 Ни слезъ, ни словъ, душа нѣма—
 Что въ ней горѣло, погасаетъ....
 Вошла и все растеть въ ней тьма!
 Два слова: Децій умираеть,
 Одни звучать въ ней...

Децій...

Изъ прошлаго лишь онъ одинъ
 Мнѣ виденъ... Онъ лишь не разгаданъ...
 Одинъ стоитъ какъ властелинъ
 Надъ этой тьмой...

Но что жь влечеть меня къ нему?
 Тотъ міръ ужь обреченъ во тьму!
 Тому жь кто выше всѣхъ главою
 И первой молніи ударъ
 Господня гнѣва...

Что же

Меня влечеть къ нему?... Любовь?
 Любовь, но та ужь для которой
 Въ мученьяхъ источить всю кровь,
 Пройти моря, подвигнуть горы,
 Возможно все чтобы *спасти!*
 Богъ указываетъ ей пути,
 И можетъ-быть чтобъ сдѣлать чудо
 Меня избралъ—и мнѣ велить—
 И духъ пошлетъ—и совершить—
 И дѣло здѣсь не до сосуда,
 Куда Онъ влилъ воды живой
 Для лутника въ лапцѣй зной...

(*Падаетъ на колѣни.*)

Ты, Сердцевѣдецъ, прозираешь
 Съ Твоихъ высотъ и въ глубь морей
 И въ глубь сердецъ! Въ моемъ, Ты знаешь,
 Нѣтъ мѣста для земныхъ страстей!
 Даруй мнѣ, Сильный, да разрушу
 Его гордыню! да спасу
 И въ даръ Тебѣ да принесу
 Его смирившуюся душу...

(Встаетъ спокойнѣе, но судорожно-отрывочно.)

Но время нечего терять:
 Сегодня жъ этотъ пиръ безбожный!...
 Тамъ быть и ждать. И написать
 Марцеллу, „старый другъ, надежный“
 Всегда звалъ Дедѣй... А пойдеть
 Марцелль!... Сласта—пойдеть, пойдеть!...

(Вынимаетъ таблетку и пишетъ. Въ это время слышимъ слова Гоа.)

ЮВЪ.

Иисусъ сказалъ ему въ отвѣтъ: сказано въ Писаніи: „не ищуй Господа Бога Твоего“.

МОЛОДОЙ ЧЕЛОВѢКЪ *(поспѣшно сошедшій съ лѣстницы, подаетъ Лидѣ таблетку).*

Вотъ отъ Марцелла.

ЛИДА *(беретъ ее и вручаетъ свою).*

А въ объѣмъ

Отдай Марцеллу.

(Между тѣмъ зала все наполнялась христіанами. Одни присоединяются къ слушателямъ Гоа, другіе группируются въ разныхъ мѣстахъ залы, между ними и Главкъ. Другіе садятся на скамьи у стѣнъ. Между прочими Павзаній.)

ЛИДА *(прочтя письмо обращается къ присутствующимъ).*

Марцелль намъ пишетъ—проситъ васъ—

„Въ виду мнѣ братья да не ставятъ

„Что медлю; жду и тотъ же часъ

„Прибуду, только лишь объявятъ
„Декретъ касающійся насъ“...

(Уходитъ вверхъ по лѣстницѣ.)

ОДИНЪ *(въ группѣ молодыхъ людей).*

И все еще не рѣшено...

ДРУГОЙ.

И вдругъ отменяется рѣшенье...

ГЛАВКЪ *(спокойно).*

На все Господня воля!

(Вдругъ одушевляясь.)

Но —

За что насъ гонять? Озлобленье

На что — постичь я не могу!

И чѣмъ Христось, — Онь, отдающій

Динарїи кесарю, врагу

Прощающій, Свой крестъ несущій

Покорно, учащій любить,

Любить безстрашно и безлестно,

И въ мірѣ совершенну быть

Какъ совершенъ Отецъ Небесный —

Чѣмъ ненавистель имъ?...

(Помолчавъ.)

И все жь

Къ нему прїйдутъ! И зло, и ложь

Падутъ. Богатый и убогій,

Простой и мудрый — всѣ прїйдутъ!

Со всѣхъ концовъ земныхъ дороги

Всѣхъ ко Христу ихъ приведутъ...

Людское горе и страданья,

Всѣ духа жажды и терзанья,

Источники горючихъ слезъ, —

Всѣ приметъ въ сердце ихъ Христось,

Всѣ кажутъ въ это море!...

(Близъ группы этихъ молодыхъ людей сидитъ на скамьѣ, съ мрачнымъ видомъ, ПАЗАНІЙ. На послѣднія слова онъ отвѣчаетъ.)

ПАЗАНІЙ.

Братья!

Блаженъ кто самъ пришелъ къ Христу,

Соблювъ красу и чистоту

Какъ дѣва къ жениху въ объятья;

Къ кому же низошелъ Онъ Самъ,
 Его извлекъ среди крушенья
 Изъ воанъ клящихъ,—о! спасенье
 Тебѣ быть-можетъ тяжелѣй
 Чѣмъ смерть въ волнахъ.... Въ душѣ твоей
 Всѣ язвы прежнія огнями
 Горять... и слышишь надъ собой:
 „Кто понесетъ Мой крестъ, тотъ Мой“—
 Но помнишь: чистыми руками
 Онъ несъ свой крестъ... а у тебя
 Онъ въ крови и надъ тобою
 Гремить проклятье...

(Опускаетъ голову на руки. Молодые люди хранятъ благоговѣйное молчаніе, смотря на Павзанія съ участіемъ и недоумльніемъ. Среди минутнаго молчанія слышенъ голосъ Іова.)

ЮВЪ.

По истинѣ скажу вамъ: плачь,
 Кому Онъ скажетъ въ осужденье,
 Что ни студѣнъ ты, ни горячъ...
 Любовь—огонь, а сердце—злато;
 Лишь чрезъ огонь пройдя, оно
 Свѣтло и чисто...

(Тѣмъ временемъ входятъ ЭВМЕНЪ и АРКАДІЙ и останавливаются близъ Павзанія, мрачно сидящаго склонивъ голову.)

ЭВМЕНЪ *(продолжая разговоръ)*

Я часто думалъ о тебѣ.
 Зналъ ты несчастливъ—мать крестила
 Меня когда еще мнѣ было
 Двѣнадцать лѣтъ—въ твоей судьбѣ,
 Я думалъ—миръ и утѣшенье
 У насъ въ Христовомъ лишь ученьѣ,—
 И вижу ты идешь сюда...
 Аркадіи! разкажи жь когда,
 Какъ было это обращенье?

АРКАДІЙ.

Какъ на вопросъ твой дать отвѣтъ?
 Вѣдь человекъ, родясь на свѣтъ,
 Не знаетъ что было до рожденья!

Былъ слѣплъ я и сталъ видѣть; глухъ —
И слышать. Зналъ одно лишь тѣло,
И ощутилъ безсмертный духъ,
Живую душу. Просвѣтаѣло
Все предо мной, и я въ другихъ
Прозрѣлъ такую жь душу. Всѣ же,
Хоть разны жребіи у нихъ,
Передъ Отцомъ Небеснымъ тѣ же
Возлюбенныя дѣти....

(Помолчалъ.)

Тьма,

Та назади. И что въ ней? скроетъ
Пускай навѣкъ, мертва, нѣма!...

(Вздохнулъ.)

Да! сердце иногда занеетъ,
Но вспомнишь...

*(Обрываетъ рѣчь, вдругъ уси-
давъ Павзанія, отступаетъ
назадъ и смотритъ съ ужасомъ.)*

Боже мой!.. Онь! онъ!

(Хватаясь за грудь.)

Какъ бьется сердце... Онь!.. И тоже
Къ Христу пришелъ... Чего жь, чего же
Стою и медлю?... Чѣмъ смущенъ?

*(Пересиливъ себя дѣлаетъ нѣсколь-
ко шаговъ къ Павзанію.)*

Павзаній! ты?

ПАВЗАНИЙ *(содрогнувшись).*

Аркадій! Боже! *(Смотритъ на
Аркадія и не смѣя взять протя-
нутую къ нему руку, медленно опу-
скается на колѣни. Молодые люди
отъ нихъ незаметно отступаютъ.)*

Твой погубитель... твой злодѣй...

АРКАДІЙ *(стараясь его поднять).*

Забудемъ все что совершилось

Тамъ, тамъ, во тьмѣ!

ПАВЗАНИЙ *(обнимая его колѣни).*

Охъ, истомилась

Душа моя...

АРКАДІЙ.

Да будетъ въ ней

Покой и миръ!

ПАВЗАНИЙ *(страсно)*.

Шли веревницей

Года, а я живу все въ томъ

Когда какъ другъ вошелъ въ твой домъ

И выбѣжалъ потомъ убійцей!

АРКАДИЙ.

Оставь!

ПАВЗАНИЙ.

Дай говорить мнѣ, дай!

(Шепотомъ.)

Евфимія...

АРКАДИЙ *(съ болью)*.

Не вспоминай!

ПАВЗАНИЙ *(судорожно, шепотомъ)*.

Святая тѣнь!.. Она молила!..

АРКАДИЙ.

Молчи!

ПАВЗАНИЙ *(съ силой)*.

Последнимъ словомъ было:

Будь проклять!

АРКАДИЙ *(живо)*.

Нѣтъ! какъ я,—простила!

ПАВЗАНИЙ.

Какъ ты?.. И ты... простила?.. Простила...

И смотришь на меня—и плачешь...

АРКАДИЙ.

Отъ радости: я побѣдилъ

Себя, себя, Павзаний! *(Обнимаетъ его и уводитъ въ глубину сцены.)*

Сцена между тѣмъ все наполняется. Приходитъ МЕНИП-ПА и КАМИЛЛА. Последняя къ авансценѣ.

КАМИЛЛА.

Мужъ мнѣ говаривалъ не разъ:

Не мы дѣтей, насъ дѣти учатъ

И довоспитываютъ насъ!

При нихъ не сдѣлаетъ, не скажетъ

Отецъ, не поглядѣвъ впередъ:

Вдѣвъ съешь сѣмя! то взойдетъ,

Что въ сердцѣ съ дѣтскихъ лѣтъ заляжетъ!

Ахъ, милая! съ дѣтьми въ очью
 Увидишь Бога!.. Разболится,—
 Ты что тогда?.. Горить, томится,
 Всю душу надорветъ твою,
 И нѣтъ тебѣ ни дая, ни ночи!
 Ты чувства всѣ окаменишь,
 Дохнетъ ли, двинется ль—слѣдишь,
 Вся въ немъ! и наконецъ нѣтъ мочи!
 Силь что осталось соберешь
 И выльешь всѣ въ одно ихъ слово:
 „Сласси, сласси!“ и упадешь
 Предъ Тѣмъ Кто можетъ все...

МЕНИППА.

Ужасно!

Охъ, знаю, знаю! поняла!
 И все теперь мнѣ стало ясно!..
 Ужь ты-то очень мнѣ мила!
 И скажешь-то такъ все понятно,
 И рѣчь-то тихая твоя...
 Ахъ ты мой ландышъ ароматный,
 Фіалка нѣжная моя!

(Обнимаетъ ее.)

Вѣдь я давно о вашемъ Богѣ
 Ужь помышляю! всѣмъ богамъ,
 Гдѣ только вижу по дорогѣ,
 Всегда несусь къ ихъ алтарямъ
 Я хотъ цвѣтокъ. Да разъ полала
 Вотъ такъ и въ христіанскій храмъ,
 Въ горѣ, въ Фессалии. Сначала
 Мнѣ стало страшно: свѣчи, мракъ;
 Жрецъ говоритъ къ толпѣ молящихъ.
 Вдругъ онъ сказалъ, да явно такъ
 Слова: „Нашъ Богъ—Богъ всѣхъ скорбящихъ!“
 И точно въ сердцѣ у меня
 Что дрогнуло. Упала я
 И стала этого я Бога
 Молить, да плакать лишь могла.
 Вдругъ слышу: „въ Римъ твоя дорога,
 Тамъ все найдешь“. Я подняла
 Глаза; какъ разъ передо мною
 Какой-то старецъ былъ, но тутъ

Исчезъ. Всѣ, вижу, вонъ идутъ,—
 Я къ выходу; передъ собою
 Всѣхъ пропустила,—старца нѣтъ!
 Я въ путь чуть заваялся лишь свѣтъ,
 И на корабль, и въ Римъ, и всюду
 Какъ будто надо мной звучить:
 „Богъ всѣхъ скорбачихъ возвратитъ
 Его“... И жду... и точно къ чуду
 Готовлюсь... а ужъ какъ телерь
 Не знаю...

ЛИДА (*поспѣшно сойдя съ лѣстницы*).
 Марцелль идетъ... декретъ объявленъ!
 (*Общев движеніе.*)

ЮВЪ (*сойдя со своего мѣста и вы-
 ступая нѣсколько впередъ, какъ
 бы въ центръ полукруга всѣхъ
 присутствующихъ*).

Се день блаженнѣйшій изъ дней!
 Мы, церковь видимая, вступимъ
 Ужъ въ сонмъ невидимой и съ ней
 Сольемся въ общемъ восклицанъ:
 „Господь нашъ Богъ благословенъ!“

СЛѢПОЙ СТАРИКЪ.

Господь нашъ Богъ благословенъ
 Да всякое гласитъ дыханье!

ВСѢ (*наклоняясь головой къ Юву*).

Господь нашъ Богъ благословенъ!

(*Послѣ минутнаго благоговѣйнаго молчанія, во время кото-
 раго около Юва слыкается кружокъ, между прочими начи-
 наются полупешотомъ частныя разговоры.*)

ДИДИМА (*раздаетъ свѣчи нараспѣвъ
 повторяя*).

Готовьте свѣтильники,

Близокъ женихъ!

(*МЕНИППА въ волненіи разсматриваетъ приходящихъ и
 присутствующихъ; КАМИЛЛА близъ нея, около гробницы
 мужа, прижавъ къ себѣ дѣтей, взоръ на небо.*)

ЭВМЕНЪ (*увидавъ между эбенцими
 АГНЕССУ, свою невесту*).

Агнесса!... въ брачномъ одѣянь!...

АГНЕССА.

Да нынче бракъ вѣдь нашъ, Эвменъ,
На небесахъ... и я невѣста...

ЭВМЕНЪ *(восторженно)*.

Агнесса! ты меня спасла!...

ПАВЗАНІЙ *(схвативъ за руку Аркадія съ порывомъ)*.

Теперь душа ужъ не страшится
Встать передъ Нимъ лицомъ къ лицу!

ГЛАВКЪ *(къ молодымъ людямъ, восторженно)*.

Знать—что чрезъ мигъ душа помчится
Чрезъ океанъ лучей къ Отцу!...
И что же смерть христіанину,—
Въ глазахъ у всѣхъ стоитъ Христось!
Скорбѣть о томъ ли что покину
Обитель горечи и слезъ?
Что преступлю черезъ мгновенье,
Здѣсь кесарю отдавши дань,
Къ Отцу всего, въ Его селенья
Уже достигнутую грань?
Душа Имъ полная вѣдь знаетъ
Что оболочка-сихъ тѣлесъ
Ее едва лишь отдѣляетъ
Какъ легкій завѣсъ отъ небесъ!
Вдругъ этотъ завѣсъ уладеетъ....

МЕНИППА *(всматривается въ него, бросается къ нему съ крикомъ)*.

Главкъ, сынъ мой! Главкъ!...

ГЛАВКЪ.

Мать!... Ты жива!..

(Кидаются другъ другу въ объятья.)

МЕНИППА *(не выпуская его изъ объятий)*.

Вотъ онъ мой вдохновенный...

Мой *выстраданный* вотъ онъ!...

(Ища взорами Камиллу.)

Камилла!... вотъ онъ... *(беретъ ее за руку и вдругъ останавливается.)*

Но какъ ты здѣсь?... христіанинъ?...

ГЛАВКЪ.

А ты?..

МЕНИППА (вдругъ вспомнивъ).

Богъ всѣхъ скорбящихъ...

(Опускается на колѣни.)

(Нѣсколько человекъ поспѣшно сподыма съ лѣстницы, тихо сообщая направо и налево: „Марцеллъ, Марцеллъ“; въ передаютъ другъ другу это имя. Въ становятся полукругомъ, оставляя лѣсто Марцеллу. Онъ показывается на лѣстницѣ, на верху.)

МАРЦЕЛЛЪ (спускается съ лѣстницы и со второй или третьей ступени).

Господне будь благословенье

И миръ вамъ, братья!..

(Въ тихо: „аминь!“)

Зоветь

Насъ выиѣ Богъ на прославленье

Его любви, Его щедротъ,

И на свидѣтельство предъ міромъ

Что Онъ есть Духъ, и Онъ одинъ

Земли и неба властелинъ,

Что честь Ему, а не кумирамъ,

Кумиръ же, чей бы ни былъ онъ,

Рукою смертной сотворенъ.

Идемъ предъ кесаря. Поставленъ

Отъ Бога—онъ царемъ племенъ.

Во всемъ, чѣмъ можетъ быть прославленъ

Онъ на землѣ и вознесенъ—

Побѣдой надъ неправдой, славой

Въ защитѣ сирыхъ, торжествомъ

Хотя бъ меча и мзды кровавой

Надъ буйной силою, надъ врагомъ

Ему повѣреннаго царства,—

Служить ему намъ Богъ судилъ

Всѣмъ сердцемъ, до послѣднихъ силъ,

Безъ лжи, безъ всякаго коварства.

Все что у насъ земное есть —

Вся наша кровь, все достоянье,

И все умѣніе и знанье, —
 Готовы каждый мигъ принести
 Мы съ духомъ радостнымъ къ подножью
 Его престола. Но чтобы быть
 Ему слугою, чтобы не ложью
 Былъ нашъ обѣтъ, должны хранить
 Мы душу чисту, только къ Божью
 Суду внимательну во всемъ
 Чтò Божье, чтò стоитъ во вѣки,
 И въ чемъ должны всѣ человѣки —
 И кесарь самъ — предъ тѣмъ судомъ
 Отдать отчетъ.

Повелѣваетъ

Намъ кесарь: Бога въ немъ признать,
 Его жь кумиру честь воздать
 Какъ божеству лишь подобаетъ;
 Ослушнымъ смерть. Пусть вашъ совѣтъ
 Рѣшить чтò дѣлать. Наше тѣло —
 Есть кесаря. Нашъ духъ — всецѣло
 Господень.

ОДИНЪ ИЗЪ СТАРЦЕВЪ.

Двухъ рѣшеній нѣтъ —
 Идти! Но какъ не налагаетъ
 Христось ярма на душу — ей
 Давъ разумъ, воля, — то рѣшаетъ
 По правдѣ внутренней своей — *(Обращаясь къ собранію)*
 Пусть каждый самъ.

(Общее благоговѣйное движеніе.)

ГОЛОСА *(тихо, какъ бы каждый
 самъ съ собой; взоръ на небо).*

Идти, идти

Къ Отцу Небесному!.. Въ селенья
 Его святыхъ!... Изъ заточенья,
 Изъ тьмы на свѣтъ!... Идти, идти!

СЛѢПОЙ СТАРИКЪ.

Его узрѣть во славу!...

ПАВЗАНІЙ.

Сложить съ души всѣ тяготы
 У ногъ Его!...

ГЛАВКЪ.

... Исчезнуть въ созерцаньѣ
 Неизрѣкомой красоты....

(Пауза. Взоры обращены на Марцеллу.)

МАРЦЕЛЛА.

Итакъ грядущая заря
 Для насъ послѣдней будетъ въ мірѣ —
 И первой тамъ!...

ЮВЪ *(изъ глубины сердца.)*

О Ты, сѣдай въ эфирѣ,
 Во свѣтѣ вѣчномъ, со Отцомъ,
 Прославленный и вознесенный
 Лишь по любви неизреченной
 Тобою подвѣтывъ крестомъ!
 Ты пастырь, насъ въ едину паству
 Овцу собиравшій за овцой!
 Ты ихъ вспоилъ живой водой
 И тучную имъ подалъ яству, —
 Когда бы, гдѣ бъ ни прозвучалъ
 Твой рогъ призывный — гдѣ преграды,
 Гдѣ тѣ загоны, тѣ ограды,
 Гдѣ та стѣна, тотъ ровъ, тотъ валъ,
 Который ихъ бы удержалъ
 На зовъ Твой ринуться мгновенно, —
 Свѣтъ бо свѣтѣй намъ съ небеси,
 Свѣтъ истинный, свѣтъ неслѣбный,
 Жизнь и Спасенье Ты еси!

СЛѢПОЙ СТАРИКЪ.

Слава Тебѣ побѣдившему мірѣ!

(Встъ съ заусушенными стѣчками становятся на колѣни. При спускающемся занавѣсѣ слышно пѣніе заутрени.)

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

Пиршественная зала на террасѣ Деціева дворца, выходящей въ садъ аркой.—Ночь.—Зала освѣщена канделябрами и висячими свѣтильниками.—Три длинные стола съ ложами.—Гости одни возлежатъ, другіе прогуливаются по залѣ и опять садятся на свои мѣста; вообще свободно группируются, сообразно требованіямъ минуты.—За однимъ столомъ Децій.—Рабы приносятъ и уносятъ кушанья.—Хоръ пѣвицъ, флейты и лиры.—Танцовщицы.

ХОРЪ.

Ловите, ловите
 Часы наслажденья!
 Слѣшите, слѣшите
 Пожить хоть мгновенье!
 Какъ мотки на солнцѣ
 Въ вѣтрѣ роями
 Кружатся и блещутъ,
 Мы, Оры, блистаемъ
 Мгновеніе въ мірѣ,—
 Ловите, ловите,
 Не то улетимъ.

(Танцовщицы удаляются.)

КЛАВДІЙ *(молодой патрицій въ слѣдѣ танцовщицъ, мимо его проскользнувши).*

Еще поймаемъ!.. Но пока
 „Тѣмъ насладись что подъ руками“—
 Намъ учить мудрость. А предъ нами
(Указывая на лѣства).

Рогъ изобилья и рѣка
 Забвенья—все естествознанье!
 Я шелъ сюда на обоянье.
 Одни ужъ залахи кричатъ
 Тебѣ за мило: „зѣвь, прохожій!“

ЛЕЛІЙ *(другой молодой патрицій).*

Жаль, какъ ни лѣзь себѣ изъ кожи—
 Все съѣшь за одного!

КЛАВДІЙ.

Ну, да!

Два пальца въ ротъ, и вся бѣда!
 А вотъ что будетъ какъ ворвется
 Сюда весь женскій Римъ! Начнется
 Вотъ тутъ-то оргія!..

(Декламируетъ.)

„Опротивѣють ужь яства...
 „Не измѣнить лишь вино!
 „Хлоя подъ руку иль Дафна—
 „Все равно!
 „Флейты! трубы! шумъ и грохотъ,
 „Пѣски, пляски! Все верхъ дномъ!
 „Въ головѣ хаосъ и въ чувствахъ,
 „И хаосъ—кругомъ!“

ЛЕЛІЙ,

Да, Децій молодець! и жаль
 Что только разъ онъ умираетъ!

КЛАВДІЙ.

А мой старикъ, моя печаль
 И сокрушенье, процвѣтаетъ!
 Въ одинъ обѣдъ съѣдаетъ три,
 И съ астрологомъ до зари
 Все гороскопы составляетъ!..
 Бойся смерти! Я жь ему
 Твержу что смерть его бойся...
 У варваровъ не засидится,
 Небось, старикъ: они отцовъ
 Торжественно, въ виду боговъ,
 При всемъ народѣ убиваютъ!
 И это старики считаютъ
 Себѣ за честь!

ЛЕЛІЙ.

Здѣсь старики
 Законы лишутъ, тамъ же видно
 Не старики!..

(Хохочутъ.)

ГАЛЛУСЪ *(адвокатъ, прова живавшійся съ другими адвокатомъ, Гиппархомъ, останоаясь близъ Великаго Жреца и указывалъ рукою на все собраніе, заключаетъ частный свой разговоръ самодовольною рѣчью).*

Вы посмотрите сколько насъ:

Я Галлъ, вонъ Свевъ, ты Фессалиецъ,

Онъ изъ Египта, тотъ Сириецъ,—

А что же общаго у насъ

Съ Египтомъ, съ Галліей, странами,

Гдѣ и выросли бѣ мы дикарями,

Когда бѣ не Римъ!.. Въ одно насъ слилъ

Его языкъ, законъ, свобода!

Міръ онъ въ жилище обратилъ

Для человѣческаго рода.

На общій мы сошлись пиръ,

И хотъ мы всѣ разноплеменны,

Но всѣ какъ граждане вселенной

Чтимъ за отечество весь міръ!

ГИППАРХЪ *(эффектно - адвокатскиимъ тономъ).*

Единство въ мірѣ водворилось,

Центръ—кесарь. Отъ него пошли

Лучи во всѣ концы земли,

И гдѣ пошли, тамъ появляась

Торговля, тога, циркъ и судъ,

И вѣковѣчныя бѣгутъ

Въ лустыняхъ римскія дороги!

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЪ ЭННІЙ *(старикъ, оборачиваясь къ нимъ, внушительно, громко, чтобы всѣ слышали. Молодые патрици, Клавдій, Делій и другіе мало-помалу подходятъ къ кружку).*

Все хорошо на первый взглядъ,

Да вотъ бѣда: уходятъ боги!

Вездѣ оракулы молчатъ!

Вотъ въ Дельфахъ: любію насильно
 Ввели въ святилище: молчить,
 Блѣднѣетъ, льется лотъ обильно.
 Всѣ жаутъ, и вдругъ она бѣжитъ
 Съ ужаснымъ крикомъ изъ пещеры,
 И какъ упала, умерла!
 Въ боговъ умалилося вѣры
 И боги покидаютъ насъ
 На произволъ судьбы!..

(Адвокаты улыбаются.)

ГАЛУСУЪ *(наслѣпшиво).*

Ивые

Ужь умерли!..

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЪ.

И день, и часъ
 Въ анналы вписанъ городскіе:
 При Августѣ, передъ концомъ,
 Корабль шелъ. Запугало море
 Передъ какимъ-то островкомъ.
 Всѣ вѣтра ждали. Вдругъ, въ просторѣ
 Небесъ и моря, съ островка
 Раздался голосъ, при которомъ
 Все потряслось—и облака,
 И водъ поверхность; точно хоромъ
 Сто тысячъ мѣдныхъ трубъ за разъ
 Провозгласили въ міръ: „скончался
 Великій Палъ“... И повторылся
 Три раза голосъ... Весь разказъ
 Я слышалъ самъ отъ морехода:
 Его Тиверій призывалъ,
 И я жъ дословно записалъ
 Въ анналы Римскаго народа!

ГАЛУСУЪ.

Не боги покидаютъ міръ,
 А суевѣрья....

КЛАВДІЙ *(своимъ товарищамъ).*

Люблю! чуть разгорѣлся пиръ—
 И спорять!.. *(Увидавъ работъ приносящихъ жаренныхъ
 фазановъ.)*

Впрочемъ прилетаютъ
 Фазаны, и молчатъ враги!..

(Возвращаются на свои мѣста.)

ЛЕЛІЙ.

А факты иногда бывают
Что съ толку васъ совсѣмъ сбиваютъ.

КЛАВДІЙ *(не давая ему досказать).*

Еще бы! на примѣръ долги!

ЛЕЛІЙ *(продолжая).*

У насъ на прошлой же недѣлѣ.

Былъ случай...

КЛАВДІЙ *(вскакивая и со слѣпою указывая на Лелія).*

Жертвы привоспѣлъ

На той недѣлѣ ты, и скрылъ!

Скрылъ, признавайся?

МОЛОДЫЕ ПАТРИЦИИ *(смѣясь).*

Въ самомъ дѣлѣ?

КЛАВДІЙ.

Козленка, говорятъ.

ЛЕЛІЙ *(сконфуженный, перебивая его).*

Да мать

Послала. Вотъ что разказать
Я вамъ хотѣлъ. Какъ вамъ извѣстно,
У насъ въ саду есть гротъ. Чудесный
Тамъ для пировъ устроены залы,
И я напередъ угощаль
Тамъ кой-кого...

КЛАВДІЙ.

А! Діонею,

А завтра я пирую съ нею!..

(декламируетъ)

„Мирта Килриды мнѣ дай!

Что мнѣ гирлянды цвѣтныя!...“

ЛЕЛІЙ *(не обращая вниманія на Клавдія).*

Вдругъ мы сидимъ и слышимъ стонъ...
Откуда жь?.. и все ближе, ближе—
Изъ-подъ земли!..

КЛАВДІЙ *(декламируетъ):*

„Прозерпину бьетъ Плутонъ,

„Стонеть Прозерпина!...“

МОЛОДЫЕ ПАТРИЦИИ.

Ахъ этотъ Клавдій! Нынче онъ
 Невыносимъ!—Да замоачи же!
 Теперь вездѣ, со всѣхъ сторонъ,
 Всѣ говорятъ, то стонъ, то лѣвье
 Послышится, то привидѣнье
 Появится...

ЛЕЛІЙ (*серіозно*).

Вѣдь въ старину,
 Извѣстно, мертвыхъ хоронили
 Въ подземныхъ склепахъ, и гробы
 Отъ склепа къ склепу ходы...

КЛАВДІЙ (*таинственно*).

Ну,

Такъ это значить...

ВСѢ.

Что такое?

КЛАВДІЙ (*помолчавъ, съ притворно-серіознымъ видомъ*).

Гм!.. предки наши...

ЛЕЛІЙ.

Ты въ смѣшное

Все обратишь.

КЛАВДІЙ.

Я не смѣюсь!

И не люблю чтобы шутили
 Надъ предками—самъ ихъ боюсь:
 Какіе жь аспиды всѣ были,
 Какъ этотъ Фабій, вонъ скелеть!
 Вонъ черепъ голый! вонъ тарачить
 Глаза на канделябры!.. Стащить
 Онъ что-нибудь заѣсь, людоѣдъ!
 Вздыхаетъ все по древнемъ праву,
 По силѣ коего меня
 Онъ могъ бы въ рабство взять...

За другимъ столомъ ФАБІЙ, изъ древнѣйшей римской фамиліи, своему сосѣду, квестору Теренцію:

Пойми, я Фабій—и въ сенатъ
 Мнѣ мѣста нѣтъ!.. Кто жь тамъ сидитъ?
 Иберецъ, Грекъ, Сиріецъ, Бриттъ!
 И что же сталъ сенатъ? въ развратъ
 Всѣ чувства ихъ притуплены;

Въ особыхъ засѣданьяхъ судятъ
 Чтò значать кесаревы сны!
 Ну чтò въ нихъ слово „Римъ“ пробудить?
 Имъ лишь погрѣться бѣ отъ казны!
 Ты посмотри-ка въ легионахъ
 Кто полководцы? Все изъ насъ.
 А при дворѣ?.. Ови! Въ поклонахъ
 И лести мастера ужъ! Да-съ!
 За то и откуль, и претура—
 Все ихъ!.. Потомъ адвокатура,
 За деньги за твои тебя жъ
 Такъ оберуть что ты отдашь
 Последнее, лишь бы отстали...

За главнымъ столомъ: ДЕЦІЙ, по сторонамъ его философъ ХАРИ-
 ДЕМЪ и старый проконсулъ ПУБЛІЙ, беззубый, лысый и теплея-
 етъ. Далѣе: среднихъ лѣтъ, мрачнаго вида, сенаторъ АСПИЦІЙ и
 завитой, пышно одѣтый молодой патрицій КОРНЕЛІЙ.

ПУБЛІЙ.

Ахъ, Лезбія насъ принимала
 За туалетомъ!.. Чтò за грудь!
 Ну еслибъ даже и скрывала,
 То видно—дочь царей!.. Дохнуть
 Не смѣли... трое насъ... сидѣли...
 Все старички... лотѣха... да!
 Сидимъ!

ДЕЦІЙ.

Картина въ самомъ дѣлѣ
 Препятресеная!

ПУБЛІЙ.

Бѣда!

Она конечно насъ дурачить,
 То ножку вдругъ поцѣловать
 Протянетъ и тотчасъ опять,
 Какъ только бросимся мы, спрячетъ...

(Все слушаютъ съ улыбающимися лицами.)

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ *(довольно пѣко).*

А дорого за посмотрънне?

ПУБЛІЙ *(такъ же простодушнò).*

Да чтò! ужъ думаю просить
 Провинцію на полправленье!
 Она жъ поможетъ!...

ДЕЦІЙ (Харидему).

Была цная между насъ...

Ты помнишь оду Сафо:

„Передъ жрицей Аполлона
Не гордися, не кичись
Красотой чела и лона,
Шелкомъ косъ и блескомъ ризъ.

„Ты умрешь, и все въ мгновенье
Съ красотой твоей умреть!
На землѣ твоей слѣдъ забвенья
Словно вихорь замететь!

„Въ адскихъ пропастяхъ бездонныхъ
Пропадешь средь темноты,
Въ сонмѣ душъ непросвѣтленныхъ
Вдохновеньемъ какъ и ты!“

Вотъ это бѣ Лезбіи сказать
Могла—ты угадалъ кто?—Лидя!

ХАРИДЕМЪ.

О, Лидя, то другая статья!
Но гдѣ она? совсѣмъ изъ вида
Пропала!

ДЕЦІЙ.

Да!... Она всегда
Какъ безпріютная звѣзда
Весь вѣкъ металась средь хаоса!
Не разъ съ Левкадскаго утеса
Хотѣла броситься; потомъ
Глядишь, съ Изидинымъ жрецомъ
Умершихъ тѣни вызываетъ;
Потомъ олять, глядишь, блистаетъ
Въ Аѳивахъ, въ Римѣ...

ХАРИДЕМЪ.

Знаешь ты
Экспромтъ ей сказанный въ Аѳивахъ
Однажды на пиру?...

„Съ зеленѣющихъ полей
Въ областѣ блѣдную тѣней
Залетѣла разъ Психея,
На отжившихъ вдругъ лова

Жизвью, счастьемъ и тепломъ.
 Тѣни вокругъ нея толнятся—
 Одного онѣ боятся
 Чтобы солнце къ нимъ лучомъ
 Въ вѣчный сумракъ не запало;
 Чтобъ она не увидала,
 И отъ нихъ бы въ тотъ же часъ
 Въ свѣтлый лучъ не унеслась.“

ДЕЦІЙ.

Психея!... Это къ ней идетъ...

Входитъ ЦИНИКЪ съ дубиной въ рукахъ, на плечахъ сверхъ дох-
 мотій мѣхъ какъ у Геркулеса; останавливается посреди залы и ука-
 зывая на Децію пальцемъ говорить:

ЦИНИКЪ.

Э, да ты вотъ какъ!

РАЗНЫЕ ГОЛОСА.

Ну, пропала!

Веселый пиръ! Вѣдь затесался!

ЦИНИКЪ.

Пріятель! умирать собрался

И не подумалъ, не позвалъ

Меня взглянуть на представленье!

Ишь вокругъ тебя какой букетъ!

Сенаторы, мое почтенье!

Философы, вамъ мой привѣтъ! *(насмѣшливо кланяет-
 ся на обѣ стороны).*

Все жъ безъ меня букетъ не половъ:

Въ срединѣ главной розы вѣтъ!

Вѣдь мудрости вѣнецъ и цвѣтъ

Во мнѣ!... за то я вамъ и солонъ!

Ужъ дальше моего войдетъ

Умъ человѣчскій! по малу

Свой циклъ свершилъ, пришелъ къ началу—

И больше некуда впередъ!

ДЕЦІЙ.

Прошу, садися!

ЦИНИКЪ *(присаживаясь на локте за-
 вѣтаго, пышно одѣтаго цеза-
 голя Корнелія).*

Другъ любезный,

Откинь-ка ноги! Мнѣ присѣсть

Вѣдь какъ-нибудь, лишь бы ловѣсть.

КОРНЕЛІЙ.

Садись, не спору!

ЦИНИКЪ.

Безполезно!

Такъ сяду!

ДЕЦІЙ *(къ робамъ)*.

Ложе, Эй!

ФАБІЙ.

Свищья!

ЦИНИКЪ *(попльстившись на ложе Корнелія, беретъ ульянаго фазана и псть, разрывая руками)*.

Нерону я сказалъ что двое
 Людей на свѣтѣ: онъ да я.
 Все прочее—такъ, тля! лустое!
 Мы что хотимъ, то и беремъ
 И ничего не признаемъ!
 Онъ тотчасъ понялъ что свобода
 Вся въ этомъ! прочее все ложь!

(Къ Харидежу.)

Ну что ты морщишься? все—ложь!
 Будь счастливъ тѣмъ что дастъ природа!
 Родился голъ и голъ умреть!
 Въ природѣ жь, въ этой общей чашѣ,
 Нѣтъ ярлыковъ: мое и ваше!
 Бери что хочешь, все твое
 На что глаза лишь разбѣжались!
 А чтобы люди не кусались,
 Кусайся самъ!... Вотъ важъ и все!...
 А то, глядишь, нагромоздили
 Понятій, тонкостей, интригъ,
 Да и не въ мочь пришлось! увыли
 И ходять, высунувъ языкъ!
 Неронъ поправитъ васъ: устроить
 По Діогену! самъ возьметъ
 Дубину, города сожжетъ,
 И всѣхъ васъ по лѣсамъ разгонитъ!
 ДЕЦІЙ *(сжльась)*.

Что жь послѣ будетъ?

ЦИНИКЪ.

Ничего

Не будетъ!... Главное, не будетъ
 Философовъ!

КЛАВДІЙ *(посреди общего смѣха).*

Долговъ не будетъ—

Еще главнѣе!...

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ *(сидящій за столомъ съ Фабіемъ, къ своему сосѣду, квестору Теренцію).*

Скажи, дружокъ,—я здѣсь чужой,

Живу въ провинціи глухой,—

Кто этотъ господишь съ дубиной?

И съ кесаремъ овъ говоритъ?

КВЕСТОРЪ ТЕРЕНЦІЙ.

Съ дубиной? этою скотиной

Не знаю кто насъ подарилъ!

Рабъ что ль овъ бѣглый?.. Нѣтъ вѣдь знака

На рождь! Лаеетъ какъ собака

На всѣхъ! и какъ сюда попалъ,

Такъ вѣзъ и къ кесарю: плѣнилса

Имъ кесарь! Только овъ сказалъ

Что ты, да я, и восхитилса!

Дубину принести велѣлъ,

Всѣхъ налугалъ и озадачилъ!

ФАБІЙ.

И насъ устраивать ужь началъ.

По Діогену: Римъ горѣлъ

Не слроста!

КВЕСТОРЪ ТЕРЕНЦІЙ.

Только овъ, по счастью,

Охотникъ строить: этой страстью

И отвлекал. А этотъ скоть

Съ тѣхъ поръ и тѣшится, и кстату,

Некстату насъ ругаетъ, пьетъ

И жретъ...

ФАБІЙ.

Ужь будетъ овъ въ сенатѣ

Какъ эта бестья, напримѣръ,

Миртиллъ... *(Вдругъ умолкаетъ при видѣ входящаго еснауха МИРТИЛЛА, съ блестящей одеждою съ лавровымъ вѣнкомъ на головѣ. Публий и Харидемъ предлагаютъ ему свои мѣста. Овъ принимаетъ мѣсто Публия, который садится ниже. Цинику тоже подано ложсе, но овъ то прилажсетъ, то начнетъ обходить столы и чрезъ головы гостей беретъ кушанья.)*

ХАРИДЕМЪ (*Миртилле*).

Здоровье кесаря?

МИРТИЛЛЪ.

Богамъ

Благодаренье—солнце свѣтитъ!..

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ (*квестору Теренцію*).

А это кто же?

КВЕСТОРЪ ТЕРЕНЦІЙ.

Те! тише!.. если только кожей
 Ты дорожишь!.. Евнухъ Миртилла,
 Пѣвецъ и мимъ. Да вотъ въ чемъ сила:
 Въ ногахъ у кесаря лежитъ
 Весь міръ, а кесарь самъ сидитъ
 У ногъ вотъ этого Миртилла!

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ.

Такъ вотъ оно!..

КВЕСТОРЪ.

Да, да, оно!

Такъ, *genus neutrum*...

МИРТИЛЛЪ.

Сегодня кесарю представленъ
 Проектъ дворца. Позолочень
 Весь корпусъ, на горѣ поставлень,
 И цѣлый лѣсъ кругомъ колоннъ,
 Все бѣлый мраморъ, заглядывье!
 Внутри жь что шагъ, то изумленье!
 Хотя бы лиршественный залъ:
 Онъ сверху будетъ окропляться
 Духами. Стѣны изъ зеркаль;
 Плафонъ же будетъ раздвигаться,
 И вдругъ средь пира съ высоты
 На васъ посылаются цвѣты.

РАЗНЫЕ ГОЛОСА.

Какъ это мило: вдругъ цвѣты!

ЦИНИКЪ.

А еслибъ вдругъ весь залъ съ гостами
 Насылатъ доверху цвѣтами?
 Ароматическій конецъ!
 Шелли-ка кесарю, пѣвецъ!

ФАБІЙ *(тихо квестору).*

А надоумить вѣдь, подлець!

МИРТИЛЛЪ *(смѣясь).*

Забавное соображенье!..

Ахъ, этотъ милый кесарь! онъ
Три дня въ великомъ восхищеньи:
Изъ Дельфъ намедни привезень
Былъ этотъ дивный Аполлонъ,
И кесарь передъ нимъ проводить
Все время!.. Даже ночью всталъ
И факелами освѣщаль!..

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЪ ЭННІЙ *(тихо адвокатамъ).*

Какъ я сказалъ, такъ и выходитъ:
Вонъ люеія-то умерла!
Изъ храма взять, да въ залу оргій
Поставить бога!..

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ *(идеть со своего мѣста и подсаживаясь къ Децію, говоритъ ему тихо).*

Я точно какъ въ глубокой тѣмѣ!
Пойми ты кесаря Нерона:
Какъ совмѣщаетъ онъ въ умѣ
И циника, и Аполлона?

ДЕЦІЙ *(съ улыбкой смотря на него и не отвѣчая на вопросъ, декламируетъ два стиха).*

„Дельфійскій богъ! и онъ позвалъ
„Длань сокрушительную Рима!..“
Когда впервые увидалъ
Его я въ Дельфахъ, волны дыма
Отъ дорогихъ куреній храмъ,
Какъ легкій облакъ, наполняли.
На чудный образъ уладили
Лучи, и онъ по облакамъ
Какъ будто несса, быстроебъжный,
И предъ нимъ въ дали безбрежной
Отъ свѣтлыхъ стрѣлъ его толпой
Титаны тьмы бѣжали!..

Завитой патрицій КОРНЕЛІЙ.

Это

Элады геній: по землямъ
Свершилъ онъ странствіе и къ намъ
Въ суровый Римъ лучъ бросилъ свѣта,
И сдѣлалъ насъ людьми!

ФАБІЙ *(со своего мѣста, громко).*

Людьми

Иль вѣтъ, а только перестали
Мы Римлянами быть!

КОРНЕЛІЙ.

Узнали

По крайней мѣрѣ что звѣрьми
Дотолѣ были!

ФАБІЙ.

Побѣждали

За то враговъ! Развратъ, пойма,
У насъ отъ Грековъ!..

КОРНЕЛІЙ.

Въ старину-то

Лишь полбу ѣли, да ячмень,
Да сыръ!

ФАБІЙ.

За то имѣли Брута,

Коріолана! Ночи въ день
Не обращали... Даже гадко
Ихъ слушать!.. Охъ, ужасный вѣкъ!

(Къ Децію.)

Скажи ты, умный человекъ,
Кто лучше Римлянцъ или Грекъ?

ЦИНИКЪ *(который во время предыдущаго разговора лежалъ, разостлавъ свой плащъ на полу).*

Стой, разрѣшу одной загадкой:
Дуракъ болтуетъ у дурака
Изъ простаковъ сидитъ на шеѣ
И логоняетъ простака,
И ѣдутъ въ ровъ! Ну... кто умѣе?

(Всѣ принужденно смѣются.)

Между великими жрецами и адвокатомъ громкій споръ.)

ВЕЛИКИЙ ЖРЕЦЪ ЭННИЙ *(кричитъ)*.

Отъ философіи!

ГАЛЛУСЪ.

Тревоги

Напрасныя!

ВЕЛИКИЙ ЖРЕЦЪ.

Отъ новыхъ вѣръ!

ГАЛЛУСЪ.

Отцеубійства и подлоги

Отъ новыхъ вѣръ! да, напримѣръ,

Какихъ же?

ВЕЛИКИЙ ЖРЕЦЪ.

Мало ль? Изъ Халдеи,

Изъ Персіи, изъ Іудеи!

Адонисъ! Митра!... У рабовъ

Свой даже богъ освободитель

Отъ всякой власти и оковъ —

Христосъ, всемірный, вишь, спаситель!

ПУБЛИЙ *(со своего мѣста)*.

Тамъ тоже споръ у нихъ: о чемъ?..

Ученыхъ споровъ я любитель!

ГАЛЛУСЪ.

Все о безбожьи и о томъ

Что бога новаго открыли

Себѣ рабы, зовуть Христомъ.

ПУБЛИЙ.

А, христіане! да, знакомъ,

Знакомъ я съ ними!... Говорили

Что Римъ они сожгли?

ВЕЛИКИЙ ЖРЕЦЪ.

Схватили

Тогда же многихъ ихъ съ огнемъ!

СЕНАТОРЪ АСПИЦИЙ.

Живутъ всегда особнякомъ,

Ужъ тѣмъ внушаютъ подозрѣнье:

Отъ всякихъ должностей бѣгутъ,

Ни кесаря не признаютъ,

Ни государства Рима!...

ВЕЛИКИЙ ЖРЕЦЪ *(внѣ себя)*.

Пьютъ,

Свершая жертвоприношенье,

Кровь человѣческую!

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ.

Ихъ

Нельзя терпѣть!... весьма опасно!
Мы терпимъ много сектъ дурныхъ,
Но эти...

ДЕЦІЙ *(смѣясь)*.

Вотъ ужъ страхъ напрасный!
Вѣдь это жители небесъ!

ГАЛУСЬ *(Гинпарху)*.

Отъ нихъ всю жизнь хоть бы процессъ,
Представь!

ГИНПАРХЪ.

Да, да! Но... почему же?

ФАБІЙ.

Ну-съ, эти ужъ и Грековъ хуже!
Они работаютъ во мглѣ,
Повсюду что ключи въ землѣ,
И всевозможныя химеры
Вбиваютъ въ головы рабамъ...

МИРТИЛЪ *(вставая съ мѣста и жестикулируя успокоивая общее движеніе)*.

Позвольте!... Приняты ужъ мѣры!
Предписано: по городамъ
И здѣсь чтобъ завтра же явились
Всѣ къ квесторамъ и поклонились
Статуѣ кесаря, его
Признавши тутъ же божество,
Какъ признается всей вселенной.
А воспротиватся — пойдутъ
Одни для травли въ циркъ, другіе
Рубашки вдѣвнутъ смоляныя,
Имъ въ глотки факелы воткнутъ,
Къ столбамъ приважутъ ихъ, зажгутъ,
И кесарь въ пышной колесницѣ
Между лылающихъ ихъ тѣлъ
Проедетъ ночью по столицѣ!

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЪ.

И боги воздадутъ сторицей
Ему за это...

ФАБІЙ.

.... Прекрасно! я бѣ узнать
Желанъ чья мысль?

КВЕСТОРЪ.

Да безъ сомнѣнья

Его, Миртилла! потѣшать
Умѣетъ Римъ!

МИРТИЛЛЪ.

А всѣхъ ихъ будетъ

Здѣсь въ Римѣ тысячь сто!... въ другихъ
Провинціяхъ миліоны...

РАЗНЫЕ ГОЛОСА.

.... Боги! Пусть же ихъ

Огуломъ всѣхъ на смерть осудятъ!

Всѣхъ съ корнемъ вонъ!

ХАРИДЕМЪ *(встаетъ и поднимаетъ чашу)*.

Благодаренье

Тому кто бодрствуетъ за насъ!

Во здравье кесаря!

(Рабы наливаютъ вина въ чашу.)

ОБЩІЙ КЛИКЪ *(все встаетъ)*.

Во здравье кесаря!...

ЦИНИКЪ *(вскочивъ съ полу)*.

• Огъ да я!

Всѣхъ прочихъ съ корнемъ вонъ!...

(Върываетъ изъ рукъ у Фабія чашу и пьетъ; Фабій за его спиной показываетъ ему кулаки.)

ФАБІЙ *(обращаясь къ молодымъ патриціямъ)*.

Вы наложи бы его,

Чтобъ ужъ совсѣмъ огъ съ ногъ свалился!

(Молодые патриции привлекаютъ къ себѣ Циника, и пьютъ его.)

МИРТИЛЛЪ *(ласково Децію)*

А ты смѣешься и не пьешь

И нашихъ мѣръ не признаешь

Во благо Риму?

ДЕЦІЙ.

Мѣръ напрасныхъ!

Жечь неопасныхъ никому
Мечтателей!...

МИРТИЛЪ.

Какъ, неопасныхъ? *(Указывая на вѣсть.)*

А гласъ народа?

(Входитъ ЛЕЗБІЯ въ одеждѣ восточныхъ царицъ; съ нею нѣсколько женщинъ и толпа рабовъ эгиптовъ.)

КЛАВДІЙ.

Метелла, Туллія! вы къ намъ!

ЦИНИКЪ.

Эванъ! эвое!

Мясо живое!

Къ намъ! къ намъ!

(Женщины присоединяются къ молодежи. Лезбія идетъ прямо къ Децію. Въ то же время, съ другой стороны ЛИДА и МАР-ЦЕЛЛЪ являются и ползѣютъ въ глубинѣ сцены за Деціемъ, маскируемые рабами.)

ЛЕЗБІЯ.

Герой мой, здравствуй! Очень рада
Что ты еще не умеръ. Да!
Стремглавъ летѣла я сюда,
И главное затѣмъ что надо
Тебя мнѣ очень побранить!ДЕЦІЙ *(къ рабамъ)*.

Эй, ложе!

ЛЕЗБІЯ.

Можемъ раздѣлать
Когда позволите и ваме!
Лежи!

ДЕЦІЙ.

Рабъ вѣчный красоты,
Жду приказаній.ЛЕЗБІЯ *(садясь на его ложе, съ ногаетъ его)*.Прежде ты
Скажи какой не трогать чаши?

ДЕЦІЙ.

А вотъ—отъ дѣда.

ЛЕЗБИЯ.

Много дѣтъ .

Живеть на свѣтѣ! Золотая
Съ волчицей крышка... небольшая...
А ядъ—страпня Локусты?

ДЕЦІЙ.

Нѣтъ,

Съ Востока тоже вывезъ дѣдъ;
Одна Пароанка подарила.

ЛЕЗБИЯ.

Ну, имъ не соблазнилъ меня!
Я жить хочу!.. *(громко, чтобъ всѣ слышали.)*
Къ вамъ прямо я
Отъ кесаря!

*(Общее движеніе. Публий встав-
ший и поднявшій чашу чтобъ
привѣтствовать Лезбію поспѣши-
но садится на свое мѣсто.)*

ФАБІЙ *(тихо квестору Теренцію).*

Смотри, Миртилла

Какъ будто жаба укусила...
Она же смотреть на него
Какъ на Пнеона Фебъ...

ЛЕЗБИЯ.

Имѣла

Я счастье въ первый разъ его
Услышать глѣвъ... ничего
Подобнаго не знаю! Млѣла
И плакала я даже!... Да!
А говорить я никогда
Не плачу!... Какъ онъ держитъ лиру!
Какъ смотреть въ небо—Аполонъ!...
Да, Римляне! вы храбры! міру
Вы предписали свой законъ,
Но я скажу что предъ искусствомъ
Вы—варвары! Не стѣбитъ Римъ
Такихъ художниковъ!... Съ твоимъ—
Ужь извици—изящнымъ чувствомъ
Ты бѣ могъ одинъ его цѣнить!
Онъ, это знаетъ...

ДЕЦІЙ.

Не за то ли
 Меня и хочешь ты бранить?

ЛЕЗБИЯ.

Отчасти...

КВЕСТОРЪ ТЕРЕНЦІЙ *(провинціальному
 претору).*

....Ты совсѣмъ растаялъ?

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ.

Вотъ красота-то!... И не чаялъ
 Подобной встрѣтить отродясь!
 Патриціанка?

КВЕСТОРЪ ТЕРЕНЦІЙ.

Есть, иная

Генеалогія у насъ.

Происхожденьемъ Массильянка,
 Отецъ былъ Галлъ, а мать Гречанка.
 Онъ былъ пласунъ. По городамъ
 Таскалъ повсюду дочь съ собою.
 Потомъ Изидинымъ жрецамъ
 Ее онъ продалъ. Съ ихъ толпою
 Чуть не во всѣхъ странахъ земныхъ
 Перебывавъ, пришла къ Афинамъ,
 Вездѣ попрыгавъ съ тамбуриномъ
 И въ багдеткахъ золотыхъ.
 Тутъ распрощалася съ жрецами
 И появилась между нами—
 Прелестной внучкою царей
 Понтійскихъ—и всѣ вѣрять ей:
 Осанка, гордый видъ царицы,
 Передъ крыльцомъ живыхъ два льва...
 Глади какъ смотритъ: голова
 Назадъ закинута, рѣсницы
 Что стрѣлы, молъвеносный взглядъ,
 А профиль?

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ.

Голова Меден!

И косы вкругъ чела лежать
 Что перевившіяся змѣи!

КВЕСТОРЪ ТЕРЕНЦІЙ.

Да, змѣи!... Какъ сказала тутъ
 Что къ намъ отъ кесаря, такъ сжалось,
 Другъ, сердце! такъ и показалось
 Что змѣи всюду ужь ползуть
 По Риму, бьютъ фонтаны ядомъ,
 И подъ ея упорнымъ взглядомъ
 Вокругъ все падаеть и мреть!

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЙ ПРЕТОРЪ.

Такая красота...

(Раздаются звуки трубъ. Общее движеніе.)

РАЗНЫЕ ГОЛОСА.

Э! гладиаторовъ трубятъ!

Бой будетъ, бой!...

ЦИНИКЪ *(стоя среди залы и переразбивая вѣстѣ).*

А! крови, крови!

Сказался звѣрь! а не хотятъ

По Діогену жить!...

ВСѢ.

Мѣста! мѣста!

Входятъ гладиаторы. Попарно проходятъ мимо Деція, кланяются ему, и потомъ строятся въ рядъ въ глубинѣ сцены. Рабы сдвигаютъ лужа, очищая мѣсто для боя. Децій и Лезбія остаются на своихъ мѣстахъ.

ЛЕЗБІЯ.

Вотъ это въ римскомъ вкусѣ! bravo!

И ужь за это честь и слава

Вамъ, Римлянамъ!... да, да... люблю!

Ты много держишь ихъ?... Я знаю

Въ нихъ толкъ, сама ихъ покупаю,

Кормлю, учу и продаю —

Превыгодно!

ДЕЦІЙ.

Ста два!

ЛЕЗБІЯ.

Такъ мало?

(Два гладиатора выходятъ на средину залы.)

ЛЕЗБІЯ.

Не дурыны люди. Это—Галлъ,

А этоть... Свевъ. Держу за Галла,

А ты—за Свева.

Гладиаторы наступаютъ другъ на друга. Галлъ съ мечомъ, Свевъ съ палицей. Ссыпаются удары на щиты.

ЛЕЗБИЯ *(слыдя за боемъ).*

Ну — пропалъ!

А! извернулся!... Э тотъ Свевъ
 Раскормленъ очень... впрочемъ годенъ
 Для палицы. Вотъ Галлъ — свободенъ,
 Уверталивъ, худъ и быстръ какъ левъ
 Ливійскій!...

Свевъ наноситъ страшный ударъ. Галлъ роняетъ щитъ.

ДЕЦІЙ.

Ну, ты проиграла!

Свевъ снова замахивается. Лезбія встаетъ на ложъ. Децій смотритъ, приподнявшись на локтѣ.

ЛИДА *(алужо).*

И Децій смотреть!...

Но Галлъ увертывается; тяжелый ударъ Свева падаетъ на помя. Галлъ быстро выхватываетъ свой короткій мечъ ему между реберъ. Свевъ падаетъ.

ЛЕЗВИЯ.

Угадала!

Ура! побѣда!... *(Рукоплещетъ и вопъ съ нею.)*

Галлъ вопросительно смотритъ на Лезбію, наступивъ ногой на Свева.

ЛЕЗВИЯ.

Ну, кончай!

Vae victis!...

ОБЩИЕ КРИКИ.

Кончай! кончай!

(Галлъ закалываетъ Свева подъ горло.)

ЛЕЗВИЯ *(прыгиваетъ съ ложба, подбѣгаетъ къ Свеву и смотритъ на рану. Около нея собираются и другія женщины и молодые люди.)*

Ударъ на славу!

(Къ Децію, указывая на Галла.)

Ты, Децій, мнѣ его отдай!

ДЕЦІЙ.

Да всѣхъ бери!... Хоть бы въ забаву

Что удалось!

ЦИНИКЪ *(шатаясь, подходит и толкаетъ ногой убитого).*

Матерый звѣрь!

ТУЛІЯ.

Ужь близьокъ къ Стіксу, чай, теперъ,
Такъ воть ему на переправу.

Кладець убитому въ ротъ монету. Всѣ сміються. Тулія Децію:
Теперъ что жь? Общій бой?...

ЛЕЗВІЯ *(вспираючись на своє мѣсто).*

Нѣтъ, полно! некогда! вина
Налей мнѣ! Жажда мучить. Рада
Всю ночь смотрѣть, до бѣла дня!...
Теперъ къ дѣламъ. Воть что мнѣ надо.
Впервыхъ, ты поздравь меня
Съ другой побѣдою!... Большого
Она мнѣ стоила труда,—
Но безъ труда и нѣтъ плода!
Теперъ сказать мнѣ только слово:
„Ты Деція мнѣ подарил!“
И ты живешь...

ДЕЦІЙ *(прерывая съ закипающими
негодованиями.)*

Не говори,
Не думай... это невозможно.

ЛЕЗВІЯ.

Не горячись. Мнѣ все возможно.
Ты выслушай. Да я чрезъ три,
Я все обдумала, устрою
Я небывалый пиръ, съ борьбою,
Родъ олимпійскихъ игръ—лѣвцы
И бѣгъ... Конечно, всѣ вѣнды
Получить кесарь... И, мой милый,
Вѣдь мы живемъ въ чудесный вѣкъ!
Его появивши, человекъ
Всего добьется, только бѣ силы
Достало и ума. А ты
Такой достигнуть высоты
И славы можешь... Я вѣдь знаю
Людей, и въ будущемъ читаю
Какъ людія! Ты долженъ жить.

ДЕЦІЙ.

И въ жизни лишь тебя любить!

ЛЕЗБИЯ.

Да, да, союзъ. А цѣль, тебѣ я
 Могу лишь на ушко шепнуть:
 Цѣль: „Кесарь Деций“, и ни чуть
 Не трудно. Надо лишь умѣя
 За дѣло взяться. Ты богатъ,
 И дашь мнѣ средства...

ДЕЦИЙ (*полунасмѣшливо*).

О Цирея!

Все, все за царственный твой взгляд!

ЛЕЗБИЯ (*обидясь*).

Упрямство, Деций, даже въ дѣтахъ
 Не хорошо! Съ такимъ умомъ
 Какъ ты...

(Увидѣвъ Публия, который приближается къ ней съ чашей въ рукахъ.)

Да выгони мнѣ этихъ

Врагов! останемся вдвоемъ,
 Я убѣдить тебя сумѣю...

ДЕЦИЙ.

Довольно!... Все что я имѣю
 Твое, но съ тѣмъ чтобъ не мѣшать
 Мнѣ умереть...

ЛЕЗБИЯ (*смутясь*).

Какъ понимать?

ДЕЦИЙ (*съ полнымъ разгаръ гнѣва*).

Да! не мѣшать!... И передать
 Нерому что, собравши силы,
 Я, издыхая, изъ могилы,
 Предъ цѣлымъ міромъ прокричать
 Ему хочу! Пускай онъ знаетъ
 Что съ легіонами рабовъ
 Не сломить въ насъ онъ духъ отцовъ,
 Что кесарь—самъ онъ забываетъ,
 Что этотъ духъ въ лицѣ его
 Себя лишь чтитъ за божество,
 И кесарь онъ—пока лишь полонъ
 Самъ этимъ духомъ!...

(Общее оупененіе. Встъ притглись на своихъ жьстахъ.)

ЛЕЗБИЯ (соскочившая со своего мѣста во время рѣчи Деція, смотритъ на него съ изумомъ, потомъ съ озлобленіемъ; наконецъ, принимая повелительный видъ).

Да заколите же его
Во имя кесаря!...

(Всѣ неръшительно поднимаются съ мѣстъ.)

ДЕЦІЙ (указывая на чашу съ ядомъ).

Напрасно! не трудитесь.....

(Вполнѣ овладѣвъ собой, къ Давусу.)

Эд! Давъ! открыть имъ галерею,
Всѣ кладовыя, всѣ музеи,
Имъ всѣ сокровища открыть,
Подвалы съ золотомъ!... берите
И выдану всю хотъ разнесите
По камню!...

(Общее молчаніе; глухой радостный гулъ проносится въ толпѣ.)

КВЕСТОРЪ ТЕРЕНЦІЙ (про себя).

Ухъ! отлегло!...

ФАБІЙ (тихо сосѣду).

Все намъ даетъ?

ГАЛУСЪ (хватаетъ чернильницу за поясомъ, тихо Гиппарху).

Актъ не составить ли? donantis
Mens ne mutata sit?

ГИППАРХЪ.

Ну вотъ!

Ужь тутъ jus primі occupantis!

ДАВУСЪ (поднимая связку ключей, ко всѣмъ).

Прикажете?... (Всѣ бросаются со своихъ мѣстъ.)

СЕНАТОРЪ АСПИЦІЙ (мрачно про себя).

Чѣмъ кончатся все это!...

(Уходитъ опустивъ голову.)

ФАБІЙ (оглядывая столъ).

А это все—сосуды, кубки...

ХАРИДЕМЪ (подля него, беретъ одинъ кубокъ).

Вотъ вещь изящная!... голубки

Цѣлуются...

ФАБИЙ (вырывает у него этотъ кубокъ).

Давай сюда!

Рабы растащутъ же!...

ПУВЛІЙ (беретъ разную утварь).

Да, да!

Въ гостинецъ вручкамъ!..

ВЕЛИКІЙ ЖРЕЦЬ (тоже).

Я богамъ!

(За ними встъ, кромя Лезбіи и Циника, который, совсѣмъ опьянѣвъ, развалился на лѣжку, хватаютъ сосуды, чаши и пр. Опрокидываютъ многіе канделябры.)

ЛЕЗБИЯ (неподвижно смотрѣвшая на Деція, съ досадой).

...Эхъ, Децій!..

(Къ Эсіонамъ, указывая на толпу.)

Дорогу мнѣ! (къ Давусу, пропуская его впередъ)

Иди!

(Эсіоны расталкиваютъ толпу.)

КЛАВДІЙ (пропустивъ Лезбію, бѣгомъ возвращается съ молодежью и женщинами на средину сцены и потрясая огромными золотыми сосудами).

Ты Децій богъ!

ВСЯ ТОЛПА.

Богъ! богъ!

(Убѣгаютъ, опрокидывая послѣдніе канделябры.)

ДЕЦІЙ.

Стократъ проклятье вамъ!.. И могъ

Съ ватагой этой некасающей

Однимъ я воздухомъ дышать!

ЦИНИКЪ *(безсознательно увлекаемый общимъ движеніемъ пробуетъ встать, но падаетъ опять на ложе и кричитъ).*

Хозяинъ! будешь умирать,
Такъ разбуди! прелюбопытнѣо..
Все хорошо!.. Эй вы!.. вы къ намъ,
Вы самки!.. Тулія...

(Засыпаетъ.)

ДЕЦІЙ.

Еще разъ всѣмъ проклятье вамъ!

(Залъ остается съ опрокинутыми сѣдалищами и канделябрами, освѣщенный только висящими сверху свѣтильниками. Децій опускается на свое ложе и облокотается на столъ предъ золотую чашей и глядя на нее.)

Ну, что же?.. кончимъ „представленіе“,
Какъ тотъ сказалъ!.. *(Беретъ чашу; Лида * и Марцелль къ нему приближаются.)*

ДЕЦІЙ.

Нужна не сила воли намъ
Чтобъ жизнь порвать, а отвращеніе,
Да, отвращеніе къ жизни!..

(Сильнымъ движеніемъ поднимаетъ чашу чтобы выпить ее.)

ЛИДА *(удерживая).*

Стой!

Стой, Децій!..

ДЕЦІЙ *(быстро поставивъ чашу на столъ).*

Лида... ты!.. Марцелль!..

ЛИДА *(едва удерживая рыданіе).*

Несчастнѣй! видишь... видишь вотъ
Что создала вамъ мудрость ваша!
Ты лучше всѣхъ, такъ яду чапал!..

ДЕЦІЙ.

Печально! да!.. *(Протягивая руку къ Лидѣ.)*

Но гдѣ жь исходъ,
Философъ милый, гдѣ жь исходъ?
И еслибъ былъ — то утѣшенья
Не много: поздно!...

ЛИДА.

Никогда
Не поздно!... Одного мгновенья
Увидѣть разомъ свѣтъ, понять, —
Мгновенья одного довольно!
А тамъ что дѣлать, что начать
Само ужъ скажется невольна!
Увидя свѣтъ, ужъ никому
Назадъ не хочется во тьму!

ДЕЦІЙ *(смотрит пристально на Лиду)*.

Но что, скажи, съ тобою Лидя?
Ты какъ въ огнѣ! какой нарядъ!
Простая, темная хламида,
Покровъ широкій... какъ горятъ
Глаза... Да гдѣ же ты скрывалась?
Въ послѣдній разъ передо мной
Ты по ристалищу промчалась
На колесницѣ золотой,
Сама конями управляла,
И оглянулась на меня...
Весельемъ, розами сіяла,
Мнѣ въ даръ улыбку уроня!...

ЛИДА.

Я выплыла изъ этой бездны!
Туда оглядывалась я
Лишь на тебя!... Душа твоя,
Я знала, бьется бесполезно,
Ища въ ней берега... и шла
Я указать тебѣ спасенье...
И сколько разъ!...

ДЕЦІЙ *(съ недоумѣньемъ)*.

Ты мнѣ не сла
Спасенье, Лидя?.. Ты нашла?

ЛИДА.

Ты знаешь христіанъ?

ДЕЦІЙ (*озадаченний*).

Спасеньє

Мнѣ въ христіанахъ? Ихъ ученье
 Я знаю и не разъ слышалъ
 Ихъ проповѣдниковъ: худые
 И загорѣлые, босые...
 Ихъ въ Римѣ много... Одного
 Я живо помню. Былъ забавенъ
 Восточный выговоръ его,
 И жестъ порывистъ и неплавенъ,
 Но дикимъ лаэосомъ своимъ
 Онъ поражалъ... Я помню, было
 Внѣ Рима. Солнце заходило,
 И онъ указывалъ на Римъ...
 Самъ на горѣ стоялъ... Открытый,
 Высокій лобъ... Народъ кругомъ...
 И мы подѣхали верхомъ
 Съ прогулки... „Змѣй многоочитый,
 Онъ восклицалъ,—ты міръ земной,
 Обвивъ, сдавилъ его собою,
 И здѣсь, на семихолмѣ, въ Римѣ,
 Въ золотѣ вѣнцѣ и діадимѣ
 Главой локошья своей...“
 Я оглянулся: блескъ заката,
 Весь вѣчный городъ, блескъ огней,
 Златая кесарей палата,
 Водопроводы, виллы... Змѣй—
 Великолѣпное сравненье!
 Онъ разумѣлъ развратъ, ладенъ
 И лорчу правовъ; говорилъ
 Все въ апологахъ, но оставилъ
 Въ насъ впечатлѣнье. Впрочемъ, былъ
 Изъ римскихъ гражданъ...

ЛИДА (*быстро*).

То былъ Павелъ!...

ДЕЦІЙ.

Ты знаешь ихъ по именамъ?

ЛИДА.

Я христіанка.

ДЕЦІЙ.

Какъ? давно ли?

ЛИДА.

Все дѣло въ истинѣ, а тамъ
 Какъ къ ней пришелъ, не все равно ли?...
 Вотъ слушай...

Въ цркѣ разъ, среди
 Несчастныхъ, обреченныхъ казни,
 Одна стояла—на груди
 Сложивши руки, безъ боязни
 Смотри на звѣря и кругомъ
 На насъ, на кесаря—безъ гнѣва,
 И—чудо красотою дѣва..
 Къ кому-то вдругъ вверху поднявъ
 Глаза и точно повстрѣчавъ
 Кого-то тамъ, рукой взмахнула,
 И улыбнулась, и взглянула
 Такъ, какъ бы къ матери могла
 Взглянуть невѣста... Шумъ и клики
 Тутъ поднялись... но мнѣ ужъ дики
 Казался люди... я ушла..
 И съ той поры три ночи рядомъ,
 Та дѣва, съ тѣмъ же кроткимъ взглядомъ,
 Ко мнѣ являлася и тѣ жь
 Слова мнѣ тихо повторяла:
 „Иди и мать мою утѣшь“..
 И я пошла... и все узнала..
 И тамъ, среди тихихъ, свѣтлыхъ слезъ,
 Я все нашла, чего искала,—
 Я поняла, кто былъ Христосъ...

ДЕЦІЙ (*уклоняясь отъ впечатлѣнны*).

Видѣнье... А, Марцеллъ, ты вѣришь.
 Что Бруту Цезарева тѣнь
 Являлася на разсвѣтѣ, въ день
 Фарсальской битвы?...

МАРЦЕЛЛЪ.

Къ убійцѣ? Можетъ-быть. Не знаю..
 Но я видѣнье понимаю
 Что было Павлу... Онъ скакалъ
 Въ Дамаскъ, пустыней, въ злобѣ дикой
 На христіанъ—онъ замышлялъ
 Ихъ истребить—и вдругъ великій
 Увидѣлъ свѣтъ и изъ него

Услышала голосъ: „для чего
 Меня ты гонишь, Павелъ, Павелъ!“
 Предъ нимъ стоялъ Христосъ... И Павелъ,
 Прийдя въ Дамаскъ, ужь не къ врагамъ
 Пошелъ Христовымъ, а къ друзьямъ.
 Такая жь какъ о Павлѣ повѣсть
 И обо мнѣ. Мы всѣ пройди
 Должны по Павлову пути.
 Неумолимой правдой совѣсть
 Перепытать—какъ онъ въ тотъ путь;
 Такъ глубоко въ себя взглянуть
 Чтобъ въявь Христа увидѣть...

ДЕЦІЙ (*съ изумленіи, почти съ мо-
 нугъ*).

Богу! (*Вскакиваетъ*.)

И ты! ты Римлянинъ, ты строгій
 Патрицій, воинъ, жизнь свою
 Проведшій въ лагерь, въ бою...
 Да ты... Вѣдь этотъ Римъ Нерона,
 Припомни, говорилъ ты самъ,
 Что два или три бы легіона,
 И разнесли бъ вы по клочкамъ...

МАРЦЕЛЪ (*вопреки спокойно и
 твердо*).

Какъ всѣ, я думала, центръ вселенной
 Во мнѣ!... И замысль сокровенный
 Питала въ душѣ. Ну, мы бъ пришли
 И стерли бъ Римъ съ лица земли.
 Чтò жь послѣ? строить надо бъ было?
 Да чтò и какъ? какою силой?
 Народы хлѣба алчуть—Римъ
 Даетъ имъ камень!... Не одно ли —
 Неронъ, другой ли, на престолѣ,
 Онъ тотъ же камень бросить имъ!
 Да, думала я, вѣрна побѣда.
 Но вдругъ былъ въ лагерь приведенъ
 Ко мнѣ подъ стражей Павелъ. Онъ
 Судьбу мою рѣшилъ!... Бесѣда
 Единой ночи!... Весь раскрытъ
 Я передъ нимъ стоялъ разбитъ,
 Какъ червь раздавленъ...

ДЕЦІЙ *(съ возрастающими ужасомъ
перебивая его).*

Озлобленье.

Въ тебѣ, отчаянье...

ЛИДА.

Прозрѣнье,

Прозрѣнье внутрь себя!

МАРЦЕЛЪ *(тономъ глубокаго убѣжденія).*

Убить

Былъ прежній человекъ, суровый
И внутрь невидящій, и новый
Во мнѣ возсталъ. Я лоялъ, намъ
Не Богъ предметомъ поклоненья
Во храмъ былъ, а самый храмъ!
Таковъ весь Римъ: что онъ ни строить,
Онъ строить на пескѣ морскомъ;
Прійдетъ волна, и зданье смоетъ
И всѣхъ кто жизни чае въ немъ...

ДЕЦІЙ *(перебивая съ величайшею живостію).*

О, Римъ гетеръ, шута и мима,—
Онъ мерзокъ, онъ падеть!... Но нѣтъ,
Вѣдь въ томъ что носить имя Рима
Есть нѣчто высшее!... Завѣтъ
Всего что прожито вѣками!
Въ немъ мысль вознесшая меня
И надъ людьми, и надъ богами!
Въ немъ Прометеева огня
Неугасающее пламя!
Въ символъ побѣды это мнѣ и
Въ предѣлахъ вѣчности самой
На вѣкъ поставленное знамя,
Мой разумъ, предъ которымъ вся
Раскрыта тайна бытія!
И этотъ Римъ не уничтожить
Никто! никто меня не можетъ
Низвергнуть съ этой высоты...

МАРЦЕЛЪ *(горько; тономъ строго).*

И что же?... Все порвавъ съ толпою,
На высотѣ всѣмъ чуждый, ты
Лишь самъ любишь себя собою,
И съ чашей яду лишь глядишь
Въ красивой лозѣ ты стоишь!...

Твой разумъ, значить, злая сила,
 Когда, чтобъ въ высотѣ стоять
 Милліоны ближнихъ надо было
 Ему себѣ въ подножье взять...

ДЕЦІИ (съ высочайшею разгаръ
 страсти).

Милліоны ближнихъ!... Что такое
 Мнѣ эти ближніе!... Рабовъ
 Ты разумѣешь!.. О пустое
 Мечтанье э т и хъ мудрецовъ!
 Рабы и въ пурпурѣ мнѣ гадки!
 Какъ? Изъ того что той порою
 Когда стихіи межъ собой
 Боролсь въ бурномъ безпорядкѣ,
 Земля, межъ чудищъ и звѣрей,
 Межъ грифовъ и химеръ крылатыхъ,
 Изъ нѣдръ извергла и людей,
 Свирѣлыхъ, дикихъ и косматыхъ,
 Мнѣ изъ того въ нихъ братьевъ чтить?..
 Да первый тотъ кто возложить
 На нихъ ярмо возмогъ, тотъ разомъ
 Сталъ выше всѣхъ, какъ власть, какъ разумъ!
 Кто жь суевѣрья ихъ презрѣлъ
 И мыслью смѣлою къ чертогамъ
 Боговъ ихъ жалкихъ возлетѣлъ,
 Тотъ самъ для нихъ уже сталъ богомъ,
 И въ полномъ правѣ съ высоты
 Глядѣтъ какъ въ безотчетномъ страхѣ,
 Внизу барахтаются въ прахѣ
 Всѣ эти темные кроты!..
 Да, если есть душа вселенной,
 Есть божество,—оно во мнѣ!
 И если чтобъ ему вполне
 Раскрыться нужно непременно
 Чтобъ габли тысячи тулыхъ
 Существовъ, несмыслищихъ, слѣблыхъ,—
 Пусть гибнуть!.. такова ихъ доля!
 Имъ даже счастье неволя!
 Лишь съ дня когда онъ въ рабство впасть,
 Для міра рабъ хоть нѣчто сталъ.

(Продолжаетъ ходить.)

МАРЦЕЛЛЪ *(строго и горько).*

Такъ это разумъ! онъ, который
 Самъ о себѣ намъ говоритъ:
 „Я истина“, и безъ опоры
 На мечъ, благовѣтъ и дрожить!
 Неронъ, онъ убѣждаетъ что тоже
 Въ немъ истина!.. Великій жрецъ
 И циникъ также... Отчего же
 Твой разумъ лучше всѣхъ, мудрецъ?

ЛИДА *(смотритъ на Деція съ ужасомъ).*

Какъ ночь душа его мрачна:
 Онъ—Боже! никого не любить...

(Плачетъ истерически.)

Ихъ гордость римская... Она
 Ихъ умъ мрачить... Она ихъ губить...

ДЕЦИЙ *(останавливаясь предъ нею).*

Къ чему же слезы?... Перестань...

(Смотритъ на нее внимательнѣе.)

Но какъ ты, Лида, измѣнилась..
 О, какъ ты стала хороша...

ЛИДА *(послѣ сильнаго напряженія
 голоса искренняго чувства
 и все болѣе одушевляясь.)*

Я, Децій!.. Я весь день молилась
 Не за себя... ужъ я простилась
 Со всѣмъ земнымъ!.. Твоя душа—
 Ты міръ обнять не можешь взоромъ,
 И возвестись на высоту,
 И ту постигнуть красоту,
 То совершенство предъ которымъ
 Ничто твой жалкій, бѣдный міръ
 Гдѣ ты лишь самъ себѣ кумиръ!

ДЕЦИЙ.

Оставимъ это!

ЛИДА.

Здѣсь ты связанъ,
 Здѣсь рабъ ты міра... Лишь Христомъ
 Изъ рабства выходъ намъ указанъ
 И ты свободенъ только въ Немъ!

Ему отдавшись безъ завѣта,
Ты въ людяхъ все поймешь! поймешь
Что только лучъ имъ нуженъ свѣта
И ты въ себѣ его найдешь!

ДЕЦІЙ.

Ты точно внѣ ужъ міра, Лида!
Куда умчалась ты? Изъ вида
Теряю.... Точно отъ земли
Оторвалась—межъ звѣздъ носилась
И къ намъ на землю воротилась
Въ ихъ золотой еще пыли....

(Смѣясь:)

Вотъ видишь, ты не ожидала—
Передъ тобой и я поэтъ!...

ЛИДА.

Онъ шутить!...

ДЕЦІЙ.

Бросимъ этотъ бредъ—
Прости Марцелль—но только дѣтямъ
И можно увлекаться имъ...

ЛИДА (съ новымъ одушевленіемъ изъ).

Бредъ—говоришь ты? Но ужъ Римъ,
Ужъ міръ имъ объять! Съ бредомъ этимъ
Простые рыбаки прошли
Теперь во всѣ концы земли,
И въ Римѣ ужъ теперь два Рима!
Здѣсь—этотъ Римъ; ужъ онъ—какъ тѣнь
Стоитъ, какъ призракъ... Близокъ день,—
И онъ разсѣется... и новый
Возстанетъ Римъ....

(Слышно издали пѣніе и въ глубинѣ сада показываются медленно проходящіе въ сѣнни свѣточей ХРИСТИАНЕ.)

ПѢНІЕ ХРИСТІАНЪ.

Ясный, немеркнущій,

Тихій свѣтъ утренняя!
Нынѣ ведешь ты насъ
Къ незаходимому,
Свѣту безсмертному,
Дню беззакатному!...
О, Іисусе Христе!

ДЕЦІЙ.

Кто это?

ЛИДА (*торжественно*)

Новый Римъ!...

Да, здѣсь

У васъ пиры, а тамъ, подъ вами,
 Въ землѣ, тамъ, въ катакомбахъ, весь
 Всечасно молить со слезами
 О васъ же христіанскій Римъ,
 Чтобъ Вседержитель Богъ далъ силы
 Ему спасти васъ....

ДЕЦІЙ.

Новый Римъ!

Такъ христіане—новый Римъ?!
 Тутъ, въ катакомбахъ, гдѣ могилы
 Великихъ предковъ?!

(*Съ судорожными жопотомъ.*)

Новый Римъ!

Да развѣ можетъ быть два Рима?
 Два разума! Двѣ правды! два
 Могущества, два божества!...

МАРЦЕЛЛЪ.

И тотъ гдѣ ложь—не отвратима
 Его погибель!... Пусть васъ жгутъ...

ДЕЦІЙ.

Ужель миллионы васъ?

МАРЦЕЛЛЪ (*нервничательно*).

...Не знаемъ...

ДЕЦІЙ.

Декретъ ты знаешь?

МАРЦЕЛЛЪ (*указывая на идущихъ христіанъ*).

Исполняемъ,

Какъ видишь....

ДЕЦІЙ.

Какъ? они идутъ

На смерть?

ЛИДА.

Что смерть!

ДЕЦІЙ (*жрачно, смотря на арти-
стіанъ*).

Глазамъ не вѣрю!

На казнь идти и гимны пѣть,
И въ пасть некормленному звѣрю
Безъ содроганія глядѣть...
И кто жь? Рабы!...

(*Почти съ изступленіи.*)

Да кто жь вы? кто вы?

Марцелль! вѣдь строй Римъ твой новый,
Пойми, ты губишь Римъ отцовъ!
Созданье дѣлъ ихъ! трудъ вѣковъ!
Римъ—словно небо, крѣпкимъ сводомъ
Облегшій землю, и народамъ,
Всѣмъ этимъ тысячамъ племенъ,
Или отжившимъ, или привычнымъ
Лишь къ грабежамъ, равноязычнымъ,
Языкъ свой давшій и законъ!
И этотъ Римъ, и это зданье
Ты отдаешь на растерзанье...
Кому же?... Тѣмъ кто годенъ былъ,
Какъ вьючный скотъ, въ цѣляхъ, лишь къ носкѣ
Земли и камня, къ перевозкѣ
Того что мнѣ бѣ и мулъ свозилъ!
Рабы!... Марцелль, да гдѣ мы? гдѣ мы?
Для нихъ вѣдь камни эти нѣмы!
Что намъ позоръ — имъ не позоръ!
Они (*Указывая на статуи.*) предъ этими мужами
Не заливались слезами,
Съ стыдомъ не потуляяли взоръ!
И вдругъ, безъ всякаго преданья,
Безъ связи съ прошлымъ, какъ стада
Звѣрей которымъ пропитанье —
Всей жизни цѣль, придуть сюда!
И гдѣ жь узда для дикой волн?
Что ихъ удержитъ?... Все падеть!
И Пантеонъ, и Калитолій
Траввою сорной заростеть!

ЛИДА.

Проходить зримый образъ міра,
Но, Децій, міръ не погубить

Пришелъ Христось, а словомъ мира
Въ любви и правдѣ возродить...

МАРЦЕЛЛЪ.

И жизнь вдохнуть въ него!

ДЕЦІЙ (*къ Марцеллу съ презрѣніемъ*).

Несчастный!

(*Взглянувъ на чашу съ ядомъ*)

О, умирать теперь ужасно!
Или игралищемъ судьбы
Я былъ досель? съ врагами бился,
А злѣйшій врагъ межъ тѣмъ подрылся
Уже подъ самыя столбы
Насъ всѣхъ вмѣщающаго храма!
Я твои предковъ вызывалъ,
Противу моря зла упрямо
Средь ярыхъ волнъ его стоялъ
Живымъ укоромъ и проклятьемъ,
Непобѣдимъ, непоколебимъ...

ЦИНИКЪ (*проснувшись*).

Хозяинъ, умеръ?

МАРЦЕЛЛЪ.

Вотъ, твой Римъ

Тебя зоветь: къ его объятіямъ
Стремись скорѣе — что нужды
Что этотъ мужъ въ своемъ паренъи
Не видитъ далѣе вды?
Одной вы матери рожденье,
Того же дерева плоды!

Между тѣмъ почти разсвѣло. Христіане, все въ возрастающемъ числѣ, продолжаютъ проходить вдали, при пѣніи гимновъ. Изъ нихъ выдѣляются группы рабовъ ДЕЦІЯ, которые останавливаются предъ входомъ въ залу и потомъ, впереди ЮВЪ, входятъ въ залу, по окончаніи саѣдующей рѣчи Марцелла. МАРЦЕЛЛЪ и ЛИДА дѣлаютъ нѣсколько шаговъ къ нимъ и смотрятъ на нихъ съ благоговѣніемъ. ДЕЦІЙ отступаетъ на другую сторону сцены. Къ нему присоединяется ЦИНИКЪ, съ словами: „это что?“ указываетъ на христіанъ и прислушивается.

ГИМНЪ ХРИСТІАНЪ.

Радуйтесь, нищіе духомъ, кроткіе сердцемъ!
Царство небесное ваше! Землю наследите вы!

МАРЦЕЛЛЪ.

Ну, Децій! Время... Со своими
 Я ухожу... Прощай... *(Хочетъ идти, но возвращается
 опять и говоритъ Децію, указыва-
 вая на христіанъ.)*

...Ты видишь—вотъ—живыя

Все души,—въ каждомъ разумъ свой,—
 Но всё проникнуты одной,—
 Какъ солнцемъ глубины морскія,—
 Любовію!... Здѣсь нѣтъ вождей!
 Творять дѣла здѣсь ужъ не люди!
 Для всѣхъ какъ для простыхъ орудій
 Сокрыты цѣли! Безъ мечей
 Идемъ къ побѣдѣ несомнѣнной!
 Пойми жъ что выше лозунгъ данъ!
 То Божій духъ по всей вселенной
 Летитъ какъ нѣкій ураганъ...
 Что было свѣтомъ—въ мракъ отходить!
 Всѣ солнца гаснуть! Новый день
 И солнце новое восходить,
 Все прежнее бѣжитъ какъ тѣнь.
 Что жъ, ветхій человекъ, усиленно
 За тѣнь хватаясь, вмѣстѣ съ ней
 Исчезнуть хочешь въ тѣмѣ могильной.
 Въ безумной гордости своей!
 Себя поставивши судьбою
 Надъ всей вселенной, никогда
 Ужъ не признаешь надъ собою
 Глаголовъ Божьяго суда?...

ДЕЦІЙ *(къ Марцеллу).*

Мой судъ — я самъ! Все, чѣмъ мой разумъ
 Могучъ и свѣтелъ, далъ мнѣ Римъ.
 И пусть идутъ всѣ боги разомъ.
 И съ ними всѣ народы — имъ
 Не уступаю и упреждаю
 Ихъ вызовъ... *(Беретъ чашу; Лида бросается къ нему,
 онъ ее отталкиваетъ.)*

Прочь! *(Къ Цинику.)* А ты бѣги

И въ Римѣ всѣмъ кричи: врага
 Въ его стѣнахъ! что умираю
 Я на посту своемъ за Римъ!
 За вѣчный Римъ!... *(Выпиваетъ чашу.)*

ЛИДА (*закрываетъ лицо руками и падая на колѣны*).

Боже! Я

Имѣла вѣры не довольно!

ДЕЦІЙ (*увидавъ вошедшихъ артистовъ*).

Прочь!

ЮВЪ.

Боже сильный! отпусти
Ему грѣхъ вольный и невольный!

(*Приближаясь къ Децію*.)

Ты жь, господишь, ты насъ прости
Коль въ чемъ виновны предъ тобою!

ДЕЦІЙ (*сурово*).

Что надо вамъ?

ЛИДА.

Твои рабы

Идутъ на смерть и молятъ, Децій,
Чтобъ Богъ простилъ тебя и ты
Простилъ бы ихъ!

(*Децій быстро отъ нихъ отворачивается*.)

ЦИНИКЪ.

О чемъ хлопочуть?

И вѣдь не плуты, не морочуть!

Поди жь, вѣдь создаютъ себѣ

Мученья!.. Мудрецы все!.. (*Уходитъ*.)

ДЕЦІЙ (*склоняясь на ложе, Марцеллу*).

А если всѣ насъ такъ разсудятъ,
Марцеллъ?

ЛИДА (*искренно, страстно*).

Судъ только Божій будетъ!

Ты, Децій, ты любилъ что зналъ;

Зналъ Римъ! его любилъ ты много,

Собой пожертвовалъ, страдалъ...

О! жертва всякая у Бога

Сочтется...

ДЕЦІЙ (*съ ненавистью, грозно*).

Лида! я бѣ васъ гналъ,

Когда бы жилъ еще! терзалъ

Звѣрьми бѣ, живаго бѣ не оставилъ!..

ЛИДА *(слезы съ голось).*

Ты бѣ гвалъ, покуда бѣ не узналъ,
Покуда бѣ не прозрѣлъ какъ Павелъ,
И больше бѣ насъ тогда Христа
Великимъ разумомъ прославилъ!
Въ тебѣ была вѣдь прамота!
Прозрѣвъ, отдался бѣ въ искупленье
Всѣхъ золь чтѣ сотворилъ!.. Прощать
Ты бѣ научился... да!.. прощать!
Вѣдь христіанство, все ученье,
Нѣтъ, не ученье—жизнь—прощенье,
Ежеминутное прощенье,
Прощенье вѣчное!..

ДЕЦІЙ *(приподнимаясь и пристально
но смотря на Лиду).*

Не та!..

Не та!.. Такъ кто же ты?.. Видѣнье?
Дай руку... *(Съ ужасомъ:)* Свѣтъ вокругъ тебя!
Чтѣ жь это? чтѣ? *(Падаеть и умираеть.)*

ЛИДА *(опускаясь предъ ними на
колѣни).*

Онъ былъ одинъ

Кто былъ еще мнѣ дорогъ въ мірѣ!..

МАРЦЕЛЛЪ *(смотря на Деція).*

Смыъ вѣка! свѣтъ былъ предъ тобой!..

Не видѣлъ ты!

(Солнце потыма блескомъ озаряеть сцену.)

МАРЦЕЛЛЪ.

Ужь солнце! Вотъ онъ

Нашъ день!

ЛИДА *(подымаясь).*

Твоя теперь, Господь,

Вся, вся Твоя!

ЮВЪ.

Слава Тебѣ, Показавшему намъ свѣтъ!

*(Присоединяются къ христіанамъ и уходятъ съ ними съ ты-
нѣмъ гимна: „Ясный, немеркнушій“ и пр. Занавѣсъ падаетъ.)*

А. МАЙКОВЪ.

ПОСЬЕТЪ, СУЙФУНЬ И ОЛЬГА

ОЧЕРКИ ЮЖНО-УССУРІЙСКАГО КРАЯ

І. П о с ь е т ь :

Крейсеръ *Еврон*.—Выходъ изъ Владивостока.—Амурскій заливъ.—Ловъ морской калусты.—Калустный промыселъ.—Мысъ Гамова.—Рейдъ Палады.—Бухты Экспедиціи и Новгородская.—Значеніе Посьета въ настоящемъ и въ будущемъ.—Каменноугольное дѣло.—Посѣтъ Новгородскій.—Мѣстныя войска и ихъ расположеніе.—Фазаны и тигры.—Переправа на Тизенхъ.—Село Новокіевское.—Евреи и Манзы.—Наши Корейцы и краткій очеркъ ихъ переселеній въ русскіе предѣлы.—Деревня Ялчиха.—Характеръ и бытъ Корейцевъ, ихъ костюмъ и домашняя обстановка, земледѣліе и религіозныя вѣрованія.—Преданіе о бѣлыхъ свиньяхъ.—Чего можно ожидать отъ нашихъ Корейцевъ въ будущемъ.—Обѣдъ у капитана Касторскаго и выѣздъ изъ Посьета.

Съ разсвѣтомъ, 2 октября 1880 года, меня разбудилъ обычный шумъ на верхней палубѣ нашего крейсера. Тамъ шла утренняя работа: „скачивали“ палубу водой, мыли, скребли ее и обтирали, затѣмъ наводили лоскъ на сталь, чистили мѣдныя вещи и, ужъ какъ водится при всѣхъ этихъ работахъ, усердно топтались десятками ногъ надъ лотолками офицерскихъ каютъ. Словомъ, всѣ эти разнообразныя шумы настойчиво заявляли что пора вставать и нашему брату. Въ каютъ-кампаніи вѣстовые уже разносили чай и кофе „господамъ“, то-есть офицерамъ.

Покончивъ свой немногосложный туалетъ, я поднялся на верхнюю палубу. Небо облачно, но по видимому не грозитъ дождемъ и поздне должно проясниться. На рейдѣ полный штиль, такъ что въ неподвижной глади „Золотого Рога“ точно въ зеркалѣ отчетливо отражаются опрокинутые силуэты судовъ нашей эскадры. Владивостокъ и окружающія его вершины еще окутаны легкимъ утреннимъ туманомъ.

Вскорѣ раздалась боцманскіе свистки, и жилая матросская палуба огласилась мѣрнымъ, словно бы скандирующимъ стихомъ, крикомъ дежурныхъ:

— Пошелъ всѣ на верхъ, съ якоря снимать-ся!

Матросы затоптали по тралу босыми ступнями и побѣжали на верхнюю палубу. Старшій офицеръ уже стоялъ на своемъ мѣстѣ, на мостикѣ, готовый командовать „авраломъ“, то-есть общемою работой.

Въ это время изъ-подъ мостика мелькнулъ и юркнулъ внизъ по тралу чей-то дамскій шивъионъ и подобранный шлейфъ коричневаго платья,—явленіе не совсѣмъ-то обычное на военномъ суднѣ.

— Чтò сей сонъ значить? съ удивленіемъ спрашиваетъ кто-то изъ офицеровъ.

Оказывается что телеграфнаго чиновника съ женой веземъ въ Посьеть на жительство. Итакъ мы идемъ съ довольно большимъ „постороннимъ“ обществомъ. На этотъ разъ С. С. Лесовскаго сопровождали: военный губернаторъ Приморской области, генераль-майоръ М. П. Тихменевъ, оба флагмана отрядовъ нашей эскадры, контръ-адмиралы баронъ О. Р. Штакельбергъ и Р. Б. Асланбеговъ, начальникъ штаба войскъ Приморской области, генеральнаго штаба полковникъ Барабашъ, начальникъ инженеровъ Восточнаго Сибирскаго округа, полковникъ Унтербергеръ, командиръ конно-уссурійской казачьей сотни, подполковникъ Винниковъ, окружный врачъ, статскій совѣтникъ Жолнаркевичъ, секретарь военнаго губернатора Волоховъ и два земско-полицейскіе чиновника.

Въ семь часовъ утра крейсеръ *Европа* снялся съ якоря и часъ спустя уже вышелъ на просторъ Амурскаго залива.

Русскій островъ (онъ же и Козакевича), съ цѣлымъ рядомъ своихъ уютныхъ бухтъ обрамленныхъ возвышенными лѣсистыми берегами, остался позади, а влѣво отъ насъ потянулся цѣлый архипелагъ небольшихъ скалистыхъ острововъ, составляющихъ продолженіе того же горнаго края который образовалъ

собою весь полуостровъ Муравьева - Амурскаго и островъ Козакевича. Этотъ архипелагъ, распадаясь на двѣ большія группы—сѣверную (наибольшую) и южную, какъ бы отдѣляетъ Амурскій заливъ отъ водъ залива Петра Великаго и даетъ ему болѣе укрытое, спокойное отъ бурь положеніе. Многие изъ острововъ архипелага изрѣзаны маленькими, но довольно удобными бухточками, которыя иногда служатъ временными притопами Мансамъ-золотоискателямъ и калустникамъ. Говорятъ будто на нѣкоторыхъ есть признаки нахождения золота, но не въ такомъ количествѣ какое могло бы окулатъ расходы правильной разработки. Впрочемъ все это только „говорятъ“ да предполагаютъ, а на дѣлѣ никто еще не изслѣдовалъ есть ли тутъ золото и стоить ли его разрабатывать. Весь архипелагъ вулканическаго происхожденія; иные острова покрыты лѣсомъ, иные мелкимъ кустарникомъ, а есть и такіе чтó представляютъ глыбы совершенно голыхъ скалъ, лишь кое-гдѣ тропутыхъ зеленью мха или мелкорослой травки.

Вправо отъ насъ бѣлѣлись высокіе крутые обрывы материковаго берега. Говорятъ что это мраморъ бѣлѣтся и что еслибъ его разрабатывать, то дѣло могло бы принести значительныя выгоды, такъ какъ по качеству здѣшній мраморъ будто бы не уступаетъ каррарскому. Но опять-таки все это только „говорятъ“, а нужно бы изслѣдовать, но для изслѣдованія нѣтъ лодъ рукой специалистовъ.

Въ началѣ девятаго часа утра небо прояснилось и яркое солнце отеплило своими лучами холодныя дотолѣ тоны широкой картины. Яснѣ выступили неровныя, мѣстами волнистыя, мѣстами зазубренныя очертанія обоихъ береговъ залива. На правомъ материковомъ берегу, который прилегаетъ къ Манчжуріи, очертанія горныхъ хребтовъ видѣлись цѣлыми перспективами, одни за другими, какъ бы выглядывая другъ изъ-за друга, и чѣмъ дальше отходили эти хребты отъ берега въ глубь страны, тѣмъ все выше и выше становились они, постепенно мѣняя буровато-синюю окраску на болѣе голубые, легкіе и воздушныя тоны. Видъ воды въ заливѣ при полномъ штилѣ отличался какою-то стеклистою. Широкая зыбь грядями шла съ юго-востока, и волна переливалась въ волну совершенно плавно, даже медлительно, безъ малѣйшей мелкой ряби на своей поверхности, такъ что все окружающее насъ водное пространство представлялось какъ бы массой расплавленнаго стекла съ тускло-жемчужнымъ отсвѣтомъ.

Проходя мимо южной группы архипелага и совѣтъ въ виду возвышеннаго материковаго берега, мы встрѣтили невдалекѣ отъ послѣдняго рядъ манзовскихъ калустныхъ лодокъ. Глядя въ бинокль, можно было наблюдать все что въ нихъ дѣлается, даже съ нѣкоторыми подробностями. Большинство ихъ имѣетъ неуклюжую форму длиннаго корыта, а цѣлыя выдолблены даже изъ цѣльныхъ стволовъ старорослаго ильма. Эти послѣдствія доставляются сюда съ устьевъ рѣкъ Цилухэ и Сучана, гдѣ ихъ готовятъ мѣстные Манзы специально для калустнаго промысла, валя ради этого множество великолѣпнѣйшихъ ильмовыхъ деревьевъ, и все это разумѣется самовольно, бездано и безплодно.

Лодки калустниковъ были вытянуты подъ берегомъ въ правильную линію, въ разстояніи одна отъ другой около 25 сажень, и въ каждой изъ нихъ находилось по два работника. Одинъ сидѣлъ на веслахъ, другой лежалъ на носу лодки и всматривался въ глубину воды или работалъ ловецкимъ снарядомъ. Я еще ранѣе имѣлъ возможность познакомиться довольно близко съ этимъ любопытнымъ и весьма важнымъ промысломъ и потому позволю себѣ отчасти познакомить съ нимъ читателя.

Вдоль нашихъ береговъ, начиная отъ Императорской гавани и до Посыета включительно, а также и у Сахалина, въ изобиліи встрѣчается одна водоросль, извѣстная у Англичанъ подъ именемъ sea weed, а у насъ называется морскою калустой. Это длинное, лентообразное растеніе, прекраснаго темно-зеленаго цвѣта, достаточно клейкое и мясистое. Пышные букеты и кулы его въ ясную погоду, при совершенно тихомъ морѣ, бываютъ видимы въ водѣ на глубинѣ нѣсколькихъ сажень. Благодаря своимъ питательнымъ свойствамъ, оно въ большомъ употребленіи въ Китаѣ, гдѣ составляетъ одно изъ любимѣйшихъ блюдъ простонародья и средняго класса горожанъ, хотя и тонкіе китайскіе гастрономы не отказываются отъ него за своимъ обѣдомъ. Кромѣ того, изъ этого растенія Китайцы вывариваютъ особый клей. Самый ловъ калусты производится слѣдующимъ образомъ.

Въ длинный челябъ садятся двое рабочихъ и на разсвѣтѣ, въ тихую погоду, выѣзжаютъ на взморье. Въ большихъ рабочихъ артеляхъ челны обыкновенно вытягиваются въ линію, въ разстояніи нѣсколькихъ сажень одинъ отъ другаго. Одинъ рабочій, какъ уже сказано, сидитъ на веслахъ, а другой

работаетъ снарядомъ. По прошествіи полутора или двухъ часовъ они мѣняются другъ съ другомъ своими ролями. Задача гребца заключается въ томъ чтобъ удерживать челнъ на мѣстѣ пока его товарищъ не выловитъ вокругъ всей капусты, послѣ чего онъ начинаетъ на веслахъ тихо передвигаться впередъ или въ сторону, а ловецъ, лежа на носу, смотритъ внизъ, пока не наглядитъ въ прозрачной глубинѣ новыхъ гнѣздъ водоросли. Тогда, по знаку его, гребецъ останавливается, и ловецъ снова принимается за дѣло.

Ловецкій снарядъ представляетъ собою весьма длинный деревянный шестъ, иногда изъ бамбука. На верхнемъ концѣ его прочно придѣлана поперечная деревянная рукоятка такой длины чтобы за нее можно было свободно взяться обѣими руками, для сообщенія шесту вертикально вращательнаго движенія. На нижнемъ концѣ шеста насажена цилиндрическая деревяшка или болванка, у которой въ нижней плоскости находятся четыре гнѣзда, одно противъ другаго, высверленные не прямо, а нѣсколько вкось другъ отъ друга, устьями ближе къ краю болванки. Въ эти гнѣзда ввинчены четыре завершенныя тычинки, длиною каждая съ небольшимъ около фута. Такимъ образомъ, весь снарядъ представляется въ видѣ вилки о четырехъ нѣсколько расходящихся спицахъ. Къ болванкѣ прикрѣплена надежная бичевка, которая протянута къ рукояткѣ и захлестнута вокругъ нея петлей, для того чтобы наловленный грузъ не пропалъ даромъ въ случаѣ еслибы болванка соскочила какъ-нибудь со своего стержня, или бы шестъ сломался. Погрузивъ этотъ снарядъ въ прозрачную глубину воды, прямо въ центръ капустнаго букета, работникъ схватывается за рукоятку и начинаетъ вертѣть шестъ въ одну сторону, какъ бы завинчивать его, отчего ленты водоросли наматываются на вилку, и когда работникъ почувствуетъ что кустъ уже оторванъ отъ почвы, онъ вытаскиваетъ на шестѣ свою добычу въ видѣ большого зеленого лука и страхиваетъ ее въ срединную часть лодки. Такимъ образомъ ловъ продолжается до солнечнаго заката; но онъ можетъ быть производимъ только въ тихую, безвѣтренную погоду, потому что въ зыбь уже нельзя различить растеніе подъ водой.

Наловленная капуста свозится на берегъ, къ промысловому ставовищу, гдѣ ее промываютъ, чтобъ очистить отъ песка и грязи и освободить отъ разныхъ моллюсковъ и мелкихъ

ракушекъ. Затѣмъ она сортируется и раскладывается для просушки на длинныя, широкія подстилки которыя плетутся изъ тонкихъ прутьевъ лозняка. Когда солнечные лучи достаточно сдѣлають свое дѣло и лезты водоросли покроются тонкимъ бѣловатымъ налетомъ морской соли, ихъ собирають въ лучки, которые свертываютъ и связываютъ такимъ образомъ что каждый представляетъ собою тючекъ, съ виду похожій на чемоданъ, около двухъ лудовъ вѣсомъ. Эти тючки гуртомъ отвозятъ на одинъ изъ калустныхъ рынковъ, гдѣ ихъ складываютъ въ небольшіе четырехсторонніе бунты пирамидальной формы, до трехъ аршинъ вышиной, размѣщаемые столь тѣсными рядами что между ними едва можно пройти. Каждый бунтокъ для предохраненія отъ дождя и сырости ставится на низенькихъ подмосткахъ или на лозняковой плеткѣ и покрывается сверху рогожнымъ плащомъ собраннымъ изъ длинныхъ камышевыхъ листьевъ или изъ соломы. Впрочемъ вся описанная процедура приготовления и хранения калусты наблюдается только у крупныхъ промыслодержателей; мелюзга же валитъ все какъ попало, лишь бы поскорѣй на рынокъ, потому что въ Чифу что ни привези— все кулять.

Калустнымъ промысломъ въ нашихъ водахъ занимаются безданны и безпошлинно до лятнадцати тысячъ, большею частью пришлыхъ Китайцевъ, которые съ окончаніемъ промыслового періода уходятъ обратно за границу. Такъ какъ цѣна на калусту уже довольно давно установилась въ одинъ рубль за лудъ на мѣствѣ улова, а промыселъ ежегодно даетъ до милліона лудовъ, и такъ какъ по привозѣ въ Китай цѣна на этотъ продуктъ по наименьшей мѣрѣ удваивается, то можно себѣ представить на какое количество милліоновъ рублей въ теченіе уже двадцати лѣтъ эксплуатируютъ край наши сосѣди на одномъ только калустномъ промыслѣ. Мало того, Китайское правительство собираетъ еще съ калустниковъ особую подать за право промысла въ чужихъ водахъ и начужой территоріи по $3\frac{1}{2}$ лава съ судна и по $2\frac{1}{2}$ лава съ работника, что на наши деньги по текущему курсу составляетъ семь и лять рублей кредитныхъ. Но и этого мало, Китайское правительство ежегодно командируетъ на наши промысловыя становища своихъ чиновниковъ для контроля промыслодержателей, взиманія добавочныхъ податей за лишнихъ работниковъ нанятыхъ уже въ нашихъ предѣлахъ и для учивенія надъ промышлен-

никами суда и расправы. Не правда ли, куріозно, читатель? Вы не хотите этому вѣрить? Я тоже не вѣрилъ пока—увы!—не убѣдился фактами.

Миновавъ южную группу архипелага, мы вскорѣ вышли на видъ мыса Гамова, отъ котораго надо брать курсъ на западъ въ заливъ Посьета. Въ этомъ мѣствѣ нашъ крейсеръ стало вдругъ покачивать довольно чувствительнымъ образомъ. Чтò за притча такая? Ни малѣйшаго вѣтра, а качаетъ, и волненіе развело весьма порядочное. Оказалось что всему причина Гамовъ, этотъ, по замѣчанію моряковъ, истинный „Мысъ бурь“ Японскаго моря.

Гамовъ мысъ, названный такъ въ честь одного изъ нашихъ моряковъ который открылъ его, образуется крутымъ склономъ горы Гамова, имѣющей до 1.800 футовъ высоты. Онъ значительно выдается въ море своими обрывисто-каменистыми и приглубыми берегами (отъ 20 до 30 сажень глубины вплоть у береговой черты) и до того пугаетъ всѣхъ мѣстныхъ лавателей что, по словамъ начальника гидрографической части во Владивостокѣ, капитана М. А. Клыкова, извѣстенъ у русскихъ поселенцевъ подъ прозвищемъ мыса Хамова; матросы же наши хотя и называютъ его настоящимъ именемъ, но увѣрены будто оно дано ему потому что кругомъ его вслѣдствіе прибоа и зыби съ моря всегда стоитъ шумъ и гамъ. Манзы и 'предъ огибаніемъ, и послѣ огибанія этого мыса въ плосководныхъ джонкахъ и сампангахъ молятся богамъ и ставятъ свѣчки предъ образами въ своихъ часовняхъ построенныхъ по сѣверную сторону камней Астафьева и въ бухтѣ Гамова. М. А. Клыковъ сказывалъ что въ теченіе многолѣтнихъ его плаваній въ этихъ мѣстахъ, онъ не помнитъ ни одного дня когда море около Гамова было бы спокойно, особенно лѣтомъ, и главное неудобство для огибанія его на парусномъ суднѣ состоитъ въ томъ что вѣтеръ и волненіе, а временно и зыбь подъ мысомъ почти никогда не идутъ правильно отъ одного и того же румба компаса. Отъ этого здѣсь вѣчная толчея и сумятица волнъ, въ которой верѣдко гибнутъ манзовскія лодки.

Миновавъ этотъ милый мысъ мы опять вступили въ шталевою полосу и при великолѣпной ясной погодѣ въ одиннадцатъ часовъ дня уже входили во вѣшнюю часть залива Посьета, извѣстную подъ именемъ рейда Паллады и называемую такъ въ память фрегата *Паллады*, посѣтившаго этотъ рейдъ

въ началѣ 50-хъ годовъ, съ графомъ Путятинымъ, Посыетомъ и нашимъ почтеннымъ писателемъ И. А. Гончаровымъ. Длина рейда въ десять, ширина въ пять верстъ, а наибольшая глубина 12 сажень.

Уже самый рейдъ Паллады образуетъ весьма удобную гавань, но пройдя его, встрѣчаются еще два обширные бассейна, представляющіе какъ бы два озера, соединенныя между собою и съ рейдомъ Паллады узкимъ проливомъ (около 300 сажень ширины), которымъ однако можно безъ малѣйшихъ неудобствъ проводить военныя суда всѣхъ ранговъ. Западный бассейнъ носитъ названіе бухты Экспедиціи, а восточный—бухты Новгородской. Всѣ эти воды извѣстны въ общемъ подъ именемъ залива или гавани Посыета и находятся въ широтѣ 42° 37' N. и 130° 50' O. При входѣ въ заливъ водное пространство между мысами Дегера и Суслова равняется четыремъ милямъ (7 верстъ). Берега рейда Паллады не особенно высоки: южный берегъ вообще гористъ, достигая у мыса Суслова 820 футовъ, а сѣверный приглубъ и и склоняется къ водѣ крутыми скалами, частію известняковой, частію гранитной формаціи. Тутъ встрѣчается гранитъ и красный и сѣрый.

Дойдя до западнаго конца рейда Паллады, мы повернули на сѣверъ, въ узкій проливъ, соединяющій Палладу съ обѣими внутренними бухтами. Здѣсь, какъ бы посреди залива, торчитъ скалистая глыба, называемая Шурхадо. Вся она покрыта неглубокимъ слоемъ гуано и потому еще издали бросается въ глаза своимъ яркѣлымъ цвѣтомъ. Отъ этой глыбы влѣво тянется низменная, длинная песчаная коса, около тридцати сажень шириною, отдѣляющая Палладу отъ бухты Экспедиціи. Тутъ—вѣчный притонъ не только дикихъ утокъ и иныхъ водяныхъ птицъ, но и змѣй, которыхъ, по словамъ А. П. Новосильскаго, на косѣ множество.

Скала Шурхадо и противуположній ей мысъ полуострова Краббе образуютъ вышесказанный проливъ, въ серединѣ котораго находится другая надводная кекура, * раздѣляющая его на два узкіе, но глубокіе канала. Былъ моментъ, когда проходя однимъ изъ нихъ, мы могли бросить одновременно взглядъ на обѣ бухты, Экспедиціи и Новгородскую. Первая является широкимъ бассейномъ, имѣющимъ въ длину, а

* Такъ называются отдѣльно торчація изъ воды скалы и камни.

мѣстами и въ ширину до десяти верстѣ и даже нѣсколько болѣе, при наибольшей глубинѣ въ пять сажень; средняя же глубина ея—три сажени. Берега ея болѣе отлоги чѣмъ берега бухты Новгородской; мѣстами они даже совершенно плоски, такъ какъ болѣе значительныя возвышенности отступаютъ въ глубь страны, что не мѣшаетъ однакоже картинности общаго пейзажа этой бухты. Средняя глубина ея разумѣется не достаточна для глубоко сидящихъ судовъ, тѣмъ болѣе что принимая въ себя пять рѣчекъ стекающихъ съ горъ, она все болѣе и болѣе засоряется противъ ихъ устьевъ; но для коммерческихъ судовъ малой и даже средней осадки бухта эта вполне доступна и удобна, и потому современемъ можетъ сдѣлаться хорошимъ портомъ для рыбныхъ и калустныхъ промышленниковъ.

Ея сосѣдка, гавань Новгородская, простирается въ длину до девяти верстѣ, имѣя отъ пяти до шести сажень глубины въ серединѣ, и въ ширину отъ полумили до двухъ миль. Она извивается сначала по направленію на востокъ, потомъ поворачивается къ юго-востоку и оканчивается круглымъ бассейномъ до двухъ съ половиной сажень глубины, который отдѣляется отъ открытаго моря узкою, песчано-болотистою косою материковаго берега и представляетъ удобное и обширное помѣщеніе для гребной и плоскодонной флотиліи. Эта коса переходитъ въ скалистый и возвышенный полуостровъ Краббе, кончающійся у пролива Шурхадо горой Краббе въ 470 футовъ и отдѣляющій рейдъ Паллады отъ бухты Новгородской, которую съ сѣвера тоже окружаютъ горы. Вообще на материкѣ облегающемъ заливъ Посьета, особенно съ сѣверо-западной его части, возвышается нѣсколько коническихъ горъ съ отлогими скатами. Сѣверо-восточная же часть материка представляетъ хорошія и обширныя поля для хлѣбопашества. Надо замѣтить что Новгородская гавань не принимаетъ въ себя ни одного ручья и потому не подвержена засоренію. По своимъ качествамъ она могла бы быть первокласснымъ военнымъ портомъ, еслибы по сосѣдству не существовало Владивостока. Коническія возвышенности, окружающія гавань Посьета, въ стратегическомъ смыслѣ, представляютъ прекрасныя, взаимно себя поддерживающія позиціи; равно и съ моря доступны въ гавань могутъ быть легко и удобно защищаемы, но къ сожалѣнію ея стратегическому значенію мѣшаетъ то что лежитъ она на самомъ краю Россіи,

въ 22хъ верстахъ отъ корейской и въ 23хъ отъ китайской границы, съ тыла. Кромѣ того, существуютъ и нѣкоторыя климатическія неудобства, какъ на примѣръ, осенніе сѣверо-западные вѣтры, достигающіе силы настоящего шторма и подымающіе по всей окрестной странѣ тучи сухой пыли. Бывали примѣры что парусныя коммерческія суда, за свѣжими NW и Wовыми вѣтрами, не могли доласть въ Посьеть и должны были уходить обратно въ Китай почти отъ острова Фуругельма, лежащаго всего въ шести милахъ къ югу отъ входа въ гавань. Но главнѣйшее неудобство Посьета заключается въ томъ что этотъ заливъ на продолжительное время и на довольно значительное пространство покрывается льдомъ, тогда какъ лежація почти на одной съ нимъ широтѣ, но по другую сторону залива Петра Великаго, гавани Стрѣлокъ и Америка вовсе не замерзаютъ.

Первоначальное занятіе Посьета Русскими официально считается съ конца іюня мѣсяца 1860 года, когда въ этотъ пунктъ была высажена рота 4го Восточно-Сибирскаго линейнаго баталіона подъ начальствомъ поручика Черкаскаго, который основалъ военный постъ названный Новгородскимъ, на полуостровѣ Тироль, отдѣляющемъ бухту Экспедиціи отъ бухты Новгородской. Но въ этомъ пунктѣ еще за три мѣсяца до прибытія роты 4го линейнаго баталіона уже находилась небольшая команда нашихъ матросовъ съ лейтенантомъ П. Н. Назимовымъ *, посланная сюда для добыванія каменнаго угля. Исторія съ этимъ углемъ принадлежитъ къ числу грустно-комическихъ, которыми вообще такъ богато не только наше прошлое въ Уссурійскомъ краѣ, но верѣдко и наше настоящее. Какъ характерный образецъ административной легкомысленности по отношенію къ серьезному и весьма выгодному дѣлу она заслуживаетъ чтобы разказать ее кстати.

Предварительно надо замѣтить что Уссурійская область, особенно въ южной своей части, очень богата произведеніями царства ископаемаго, которыя однако, несмотря на то что край уже двадцать лѣтъ принадлежитъ намъ, и до сихъ поръ еще далеко не исследованы въ той мѣрѣ въ какой давно бы слѣдовало. Все что мы знаемъ о нихъ—знаемъ большею частью случайно, когда кому-нибудь и гдѣ-нибудь удастся нечаянно наткнуться на залежи каменнаго угля или мрамора,

* Нынѣ капитанъ 1го ранга, командиръ фрегата *Мининъ*.

на желѣзную, свинцовую или серебряную руды, и т. п. Да и узнавъ что тамъ или здѣсь открыты серебро либо уголь, не особенно о томъ беспокоимся и оставляемъ находку безъ дальнѣйшаго изслѣдованія, довольствуясь вѣроятно утѣшеніемъ что коли есть, такъ и есть,—не убѣдить отъ насъ и слава Богу!.. Такъ напримѣръ для потребностей Владивостокскаго порта и судовъ Сибирской флотиліи мы возимъ каменный уголь преимущественно изъ Японіи, платя за него въ Нагасаки и Токасимъ по семи долларовъ (четырнадцать кредитныхъ рублей) за тонну. * А между тѣмъ у насъ подъ бокомъ, въ Амурскомъ заливѣ, почти напротивъ самаго Владивостока—прямымъ путемъ по заливу до якорнаго мѣста лишь двадцать миль—есть рѣчка Сидеми, долина которой весьма богата углемъ превосходящими качествами. И что же? Нужень былъ иностранецъ, Англичанинъ Морисъ, чтобъ указать намъ полтора года назадъ на это сокровище; а безъ него мы хоть и знали что есть тамъ гдѣ-то на Сидеми какія-то залежи, но каковы онѣ—это насъ, живучи на мѣстѣ, даже и не интересовало, ибо мы заранѣе предположили что залежи вѣроятно плохія, потому что тѣ которыя еще въ шестидесятыхъ годахъ разрабатывались въ Посьетѣ оказались плохими. А между тѣмъ эти самыя посьетскія залежи, брошенныя нами вслѣдствіе чисто техническихъ затрудненій, съ которыми однако новѣйшая техника въ состояніи бороться съ полнымъ успѣхомъ,—эти-то залежи и навели умѣлаго человѣка на открытіе по сосѣдству пластовъ сидемійскихъ, богатыхъ, обширныхъ и глубокихъ, которыхъ хватитъ на много и много лѣтъ для самыхъ широкихъ потребностей.

Первыя залежи каменнаго угля были найдены еще въ началѣ весны 1860 года, и такъ какъ сортъ его, по испытаніи на паровыхъ судахъ, оказался довольно сноснымъ, то немедленно же началась и его эксплуатация средствами казны. Разрабатывать стали тамъ гдѣ случайно наткнулись на залежь съ самаго начала,—иначе разумѣется долина Сидеми не могла остаться незамѣченною и неперелочтенною Посьету,—а наткнулись тогда на пласть въ Новгородской бухтѣ, на полуостровѣ Тироль, незначительная величина котораго уже съ перваго взгляда не представляла никакихъ ручательствъ чтобы

* До 1879 года платили еще дороже, да и теперь во Владивостокѣ тонна привознаго японскаго угля стбитъ 10¹/₂ долларовъ (21 рубль).

продуктъ былъ изобилемъ именно въ этомъ мѣстѣ. Дальнѣйшихъ сколько-нибудь основательныхъ развѣдокъ, хотя бы и въ ближайшихъ окрестностяхъ Посьета, у насъ тогда не дѣлалось, да и единственный буръ, сломавшійся при самомъ началѣ неумѣлой разработки, еще шесть лѣтъ спустя мирно покоился себѣ во Владивостокскомъ портѣ въ тщетномъ ожиданіи исправленія, а можетъ и до сихъ поръ покоится... Вся эта разработка носила тогда характеръ чистой случайности. Началось съ того что отправили въ Посьеть лейтенанта Назимова, бывшего тогда агентомъ нашей миссіи въ Хакодате. Дали ему двадцать человѣкъ матросовъ, фельдшера и артиллерійскаго унтеръ-офицера — послѣдняго для стрельбы изъ орудія, которымъ тоже снабдили эту маленькую партію на случай нападенія на нее Китайцевъ; дали кромѣ того сто мексиканскихъ долларовъ на пріобрѣтеніе въ Хакодате инструментовъ для разработки, дали и срокъ для этого — ровно двадцать четыре часа, и затѣмъ, снабдивъ партію провизіей на одинъ мѣсяцъ, приказали ей найти мѣстороженія угля и начать его разработку, предупредивъ что эскадра плавающая въ водахъ Японіи будетъ разчитывать на этотъ уголь. Лейтенантъ Назимовъ очутился въ довольно затруднительномъ положеніи: горнымъ дѣломъ онъ никогда не занимался и впервые познакомился съ нимъ изъ одной англійской книжки, случайно пріобрѣтенной имъ въ Хакодате, именно по причинѣ своего новаго и неожиданнаго назначенія. Тѣмъ не менѣе, приступили къ работѣ, вывели четыре траншеи параллельныя и одну соединительную. Вода стала просачиваться очень скоро, но наши матросы все-таки копали, безъ помлѣ и безо всякихъ иныхъ приспособленій, вычерпывая воду своими шапками и мѣшками, а пароходъ *Америка*, привезшій на себѣ начальство — посмотрѣть какъ идутъ дѣла на Тиролѣ — пришелъ не черезъ мѣсяцъ, какъ было предложено въ началѣ, а едва лишь черезъ три мѣсяца, такъ что людямъ пришлось и поголодать не мало, сюда все это время на прогрессивно-уменьшаемой порціи. Къ приходу *Америки* было уже накопано до четырехсотъ тоннъ угля смѣшаннаго качества. Въ послѣднихъ числахъ іюня 1860 года въ Новгородской бухтѣ, какъ уже сказано, была высажена ливенная рота, съ поручикомъ Черкасскимъ, привезенная изъ Николаевска, на смѣну лейтенанту Назимову. При передачѣ послѣднимъ каменноугольныхъ траншей и инструмента,

Черкасскій совѣтъ было отказался отъ принятія на себя дальнѣйшей разработки копей, справедливо замѣчая что онъ съ ротою присланъ сюда не для копанія угля, а для держанія пограничнаго кордона и что съ наличными силами его части будетъ довольно мудро совмѣстить и ту и другую обязанность. Но тутъ, спустя нѣкоторое время, вдругъ явились и силы и средства, и работа по волѣ высшаго начальства закинула.

Уже самое образованіе берега полуострова Тироль около мѣста ложки и расположеніе пластовъ, уходящихъ подъ морское дно, съ перваго раза давали ловить что промыселъ въ этомъ пунктѣ не можетъ быть удаченъ. Тѣмъ не менѣе, вмѣсто дальнѣйшихъ изысканій, у насъ сгоряча были сдѣланы тогда довольно значительныя, по мѣстнымъ средствамъ, затраты именно въ пользу Тироля: командированъ на мѣсто горный инженеръ, доставлена военно-рабочая сила, устроенъ складъ ея продовольствія, приважены еще и Манзы въ помощь солдатамъ при работѣ, выписаны и поставлены со всеми приводами паровой котель, паровая помпа и проч.; казенныя шхуны стали съ противоположнаго конца Амурскаго залива возить для паровиковъ древесное топливо, такъ какъ лѣсовъ въ окрестностяхъ Посѣты не обрѣтается; высшее начальство, живо заинтересованное этимъ дѣломъ, торопило, подбодряло... Приступили къ работамъ—шахты стало заливать водой, обстоятельство, конечно, весьма осложняющее производство промысла, однакоже вовсе не изъ такихъ съ которыми нельзя бы было бороться техническими приспособленіями, тѣмъ болѣе, когда на это дѣло уже затрачены средства. Но... какъ скоро оно загорѣлось, такъ же скоро и угасло. Паровой котель и помпу увезли во Владивостокъ, для казенной мукомольной мельницы, которая тоже просуществовала недолго, а затѣмъ каменноугольное дѣло въ Посѣтѣ тянулось еще кое-какъ лѣтъ пять и наконецъ совѣтъ было брошено. А о сидемійскихъ залежахъ и не догадывались.

Въ первые годы, вслѣдъ за основаніемъ Новгородскаго порта, Посѣту отчасти повезло было и въ торговомъ отношеніи. Такъ, въ навигацію 1865 года въ его гавани было въ приходѣ 15 иностранныхъ коммерческихъ судовъ, причемъ общая цифра заграничнаго привоза и мѣстнаго вывоза дошла почти до 90.000 рублей; равно и въ слѣдующемъ году въ

приходѣ было 16 иностранныхъ судовъ; но съ развитіемъ Владивостока, вся торговая дѣятельность отошла къ сему послѣднему, какъ къ естественному центру экономического тяготѣнія для всего Южно-Уссурийскаго края. Впрочемъ, и въ настоящее время чрезъ Посьеть, то-есть собственно чрезъ деревню Ханчинъ или Ханцы, лежащую въ юго-западномъ углу бухты Экспедиціи, вывозится Китайцами весьма значительное количество сушеной и вяленой рыбы, которая сбывается преимущественно въ сосѣдній китайскій городъ Хунчунъ, гужевою доставкой. При существованіи Владивостока, Посьеть, конечно, никогда не можетъ играть первоклассной роли, какъ портъ, ни въ военномъ, ни въ коммерческомъ отношеніи; но если современемъ, дастъ Богъ, у насъ завяжутся непосредственныя сношенія съ Кореей, то Посьету несомнѣнно предстоить весьма видная торговая роль въ этомъ направленіи. Тогда, можно ожидать, оживятся и его сношенія съ Хунчуномъ. Но пока этого нѣтъ, онъ обреченъ на самое незавидное существованіе. Нѣкоторое оживленіе почувствовалось въ немъ еще въ 1867 году, съ увеличеніемъ въ край сухопутно-военныхъ силъ, когда былъ передвинутъ сюда изъ Хабаровки весь 1й Восточно-Сибирскій линейный баталіонъ который расположился близъ китайской границы въ урочищѣ Новокіевскомъ, въ 18ти верстахъ отъ Новгородскаго поста, въ которомъ въ то же время была учреждена особая лостовая команда взамѣнъ роты 4го баталіона. Впрочемъ это оживленіе выразилось въ нѣкоторомъ притоцѣ сюда товаровъ изъ Владивостока, но уже не самостоятельнымъ приходомъ судовъ въ прежнемъ количествѣ изъ-за границы.

Миновавъ скалу Чурхадю, мы замѣтили въ глубинѣ бухточки полуострова Тироль или Новгородскаго два, три бѣлые глинобитные домика и свѣрый провіантскій магазинъ, сплошь обшитый снаружи вулканизованными желѣзными листами. Противъ него на самомъ берегу были выстроены для почетнаго караула рота мѣстной команды и батарея горной артиллеріи, встрѣтившая салютомъ флагъ главнаго начальника русскихъ морскихъ силъ Тихаго Океана, развѣвавшійся на нашемъ крейсере. Мы отвѣчали ей по уставу семью выстрѣлами.

Ровно въ полдень *Европа* бросила якорь въ разстояніи около версты отъ берега и спустила шлюпки. Ближе къ берегу стояло иностранное судно зафрахтованное нашимъ правительствомъ

въ Посыеть для доставки продовольственнаго груза, которыми заѣхавшая войска все еще снабжаются чуть не кругосвѣтнымъ путемъ изъ Кроунштадта. Команда солдатиковъ въ рабочихъ рубахахъ принимала съ борта этого судна тяжеловѣсные бочки и ящики на мелкосидящія манзовскія „шампанки“ и доставляла ихъ къ пристани, юля веслами совершенно по-китайски, съ тою же сноровкой и стоя. На берегу рядомъ съ магазиномъ уже была свалена масса выгруженныхъ бочекъ и ящиковъ, около которыхъ суетилса кто-то въ интендантско-гражданской формѣ.

Пристань къ которой подошли наши шлюпки была совсемъ еще новенькая, съ животрепещущими перилами и двумя фонарями. Строили ее очевидно ради прѣзда начальства, но еще не успѣли окончить. Поодаль, въ сторонѣ отъ фронта горной батареи, ожидали вѣскольکو троечныхъ долгушъ съ солдатами-кучерами нарядившимися ради лараду въ красныя кумачевыя рубашки, вслѣдствіе чего одинъ изъ гражданскихъ нашихъ слугачиковъ издали принялъ было ихъ по близрукости за лейбъ-гусаровъ въ красныхъ долманахъ и очень удивился, откуда это вдругъ появились въ Посыеть лейбъ-гусары? А другой въ шутку принялся его увѣрять что это вовсе не лейбъ-гусары, а господа Англичане въ извѣстныхъ своихъ красныхъ мундирахъ, присланные къ намъ въ качествѣ депутаціи по случаю будущей войны съ Китаемъ. Словомъ, красный кумачъ произвелъ вѣкоторую „сенсацію“, главнѣйшимъ образомъ потому что являлъ собою пріятныя въ художественномъ смыслѣ яркія латнышки на общемъ изжелто-буроватомъ тонѣ окружающей насъ материковой мѣстности.

Предъ фронтомъ мѣстной команды и горной батареи С. С. Лесовскій сказалъ вѣскольکو теплыхъ привѣтственныхъ словъ, намекнувъ между прочимъ на возможность въ будущемъ войны съ сосѣдами, когда конечно сибирскіе солдаты покажутъ себя достойными братьями балканскихъ героевъ. Въ отвѣтъ разумѣется ретивое „ради стараться!“ и не заурядно-смотровое, а полное внутренняго убѣжденія и сердечной охоты постараться, лишь бы и на его, сибирскаго солдата, долю выпалъ наконецъ жребій показать себя въ бою съ противникомъ. Люди команды и батареи въ своихъ мѣховыхъ палахахъ и новенькихъ мундирахъ смотрѣли бодро, молодцовато и выправка у нихъ весьма порядочная. А всего пріятнѣе было видѣть въ рукахъ лѣхотинцевъ не ударныя ружья, а новенькія, недавно привезенныя сюда берданки.

Пройдя вдоль по фронту явше почтенный адмиралъ со всеми сопровождавшими его лицами подъялся на небольшой пригорокъ, куда вслѣдъ за нами передвинулась и батарея. Она только вчера получила присланныя изъ Кронштадта превосходныя, дальнобойныя стальные орудія системы Барановскаго, изъ которыхъ впрочемъ, за недостаткомъ времени, успѣли вполнѣ собрать только двѣ пушки; остальные шесть были старыя скорострѣльныя трехфунтовыя.

Понято что насъ интересовало все на этомъ крайнемъ изъ крайнихъ и отдаленнѣйшихъ рубежей Россіи. Поэтому я съ особеннымъ вниманіемъ и любопытствомъ вглядывался и въ общій видъ, и въ отдѣльныя частности и подробности окружавшей насъ обстановки. На пригоркѣ гдѣ мы находились въ ту минуту стоять два полуразрушенныя дома—одинъ кирпичный, другой сырцовый—бывшее помѣщеніе роты линейнаго баталіона. Предполагается возобновить и передѣлать ихъ въ казармы для мѣстной команды, которая расположена пока въ баракахъ устроенныхъ въ родѣ шалашей кое-какъ на скорую руку изъ старыхъ досокъ, хворосту, глины, камней и всякаго иного матеріала какой лѣтъ нашлася подъ рукою. Хотя ради пріѣзда начальства эти шалаши и были украшены флагами и площадка на линейкѣ предъ ними расчищена по лагерному, но сами по себѣ они крайне неудобны: и продуваетъ, и протекаетъ отовсюду, и небеса видны въ щели и дырья, сквозь которыя только и проникаетъ свѣтъ когда дверь закрыта. Лѣтомъ оно ничего и даже пріятно когда нѣтъ дожда, но каково-то провести въ такихъ помѣщеніяхъ цѣлую зиму!.. Напротивъ бараконъ, въ небольшой молодой рощицѣ стоитъ гаултахта — самый красивый и уютный уголочекъ въ Новгородскомъ посту. Хата занятая телеграфною станціей, хата смотрителя провіантскаго магазина, да около десятка маленькихъ, кривыхъ и убогихъ мазанокъ брошенныхъ словно бы на лустырь, безъ лѣтней и заборовъ, безъ садиковъ и огородовъ, безъ сараевъ, амбарчиковъ и хлѣвусекъ, — вотъ и все что можетъ офиціальное названіе Новгородскаго урочища. Въ этихъ глинобитныхъ мазанкахъ ютятся кое-какъ жены и дѣти семейныхъ солдатъ, ловысылавшія телерь группами на „лицу“ посмотрѣть на пріѣздъ начальственныхъ лицъ, составляющій для нихъ цѣлое событіе и притомъ событіе рѣдкое, въ своемъ родѣ единственное. Видно было что и онѣ

приварились ради такого праздника: у той на головѣ платокъ съ пестрыми разводами, у другой красный передникъ, на третьей ситцевое, нѣмецкаго покроя, платье надѣто. Но бѣдность, бѣдность непокрытая все же такъ и тычется въ глаза отовсюду. Около мазанокъ полное отсутствіе домовитости: ни хозяйственныхъ какихъ-либо предметовъ и приспособленій, ни теленка, ни поросятъ, ни лошадевки—все голо, хоть шаромъ покати, и не будь здѣсь этихъ ребятишекъ и женщинъ, да не копайся въ сору лять, шесть куриць, можно было бы подумать что всѣ эти кривыя, облупленныя мазанки уже давнымъ давно покинуты своими обитателями. Куда ни оглянься, на всемъ лежитъ отпечатокъ чего-то временнаго, преходящаго, кочеваго, словно бы всѣ эти люди только на сихъ дняхъ едва пришли на мѣсто и сами не зная останутся ли тутъ, пойдутъ ли дальше, не успѣли еще разобраться и упорядочиться какъ слѣдуетъ. Отсутствіе прочной осѣдлости и благосостоятельности таково что на первый взглядъ невольно задаешь себѣ вопросъ: да право, точно ли мы, Русскіе, осѣлись на этомъ мѣстѣ уже съ 1860 года? Шутка ли сказать—*двадцать лѣтъ*, и что же за все это время нами тутъ сдѣлано? въ чемъ наглядно выразились преимущества нашей „цивилизациі“ надъ Манзами? Ни одного сколько-нибудь порядочнаго домишки, ни одной лавчонки, ни одного огородишка!..

При командѣ, въ такомъ же неприглядномъ баракѣ, живетъ и офицеръ (подпоручикъ), семья котораго помѣщается за 18 верстъ, въ урочищѣ Новокіевскомъ (впрочемъ, версты здѣсь не мѣренныя), но видаться съ семьей доводится ему рѣдко, такъ какъ поласть изъ Новгородскаго въ Новокіевское можно только лѣшкомъ, если не дожидаться какой-нибудь осокой „оказіи“, когда кто-либо пріѣдетъ оттуда за дѣломъ. Въ этомъ случаѣ шкой добрый человекъ и подвезетъ пожалуй. Вообще, жизнь неприглядная, исполненная всяческихъ лишений, и судьба такихъ постовыхъ офицеровъ, для которыхъ и въ чинахъ-то нѣтъ впереди просвѣта, заслуживаетъ по всей справедливости гораздо большаго участія.

Желая показать адмиралу небольшой артиллерійскій маневръ, генералъ Тихменевъ приказалъ батареинному командиру, капитану Касторскому, занять гребень ближайшей довольно высокой и крутой горы и открыть съ нея огонь по бухтѣ Экспедиціи. Въ три, четыре минуты артиллеристы

разобрали по частямъ и уложили на походные вьюки свои орудія и вытанувшись въ дивизионную колонну двинулись въ указанномъ направленіи. Мы тѣмъ часомъ, разбѣгаясь на троечавыхъ долгушахъ, двѣямыъ повоздомъ, съ колокольчиками и бубенцами, тронулись въ урочище Новокіевское и любовались на пути какъ лихо исполняла артиллерія свою задачу. Лошадки у нея маленькія, коренастыя, манчжурской породы, и какъ ни почему преодолеваютъ горныя крутизны. Безо всякой тропинки, сквозь высокій бурьянъ и кустарникъ покрывающей каменныя скалы, взобралась батарея на вершину горы, и въ то время какъ мы проѣзжали мимо ея подшвы, берегомъ залива Экспедиціи, орудія уже открыли надъ нашими головами учащенный, но мѣрный огонь. Сдѣлавъ двѣнадцать выстрѣловъ, командиръ закончилъ общимъ весьма отчетливымъ залпомъ. На всю операцію подъема въ гору, занятія позиціи, снятія вьюковъ, сборку и установку орудій, заряданіе и открытіе огня потребовалось для этой легкой батареи не болѣе пяти минутъ, такъ что человѣку не лишнему военнаго чувства, въ душѣ было чѣмъ любоваться и что хвалить.

Видъ на обширную бухту Экспедиціи, съ окружающими противоположный ей берегъ горами, былъ прелестенъ, и мой неизмѣнный спутникъ М. А. Поджіо, любуясь имъ, замѣтилъ что онъ живо напоминаетъ ему Тунское озеро и вообще колоритъ Швейцаріи. Дѣйствительно, можно было залюбоваться на мягкія воздушныя перспективы этихъ лиловатыхъ горъ и на дивно голубую поверхность гладкой какъ зеркало воды, которая словно бы магла лодъ лучами солнца, горячо сіявшего среди безоблачнаго глубоко-синяго неба.

Грунтовая дорога, сверхъ ожиданія, на сей разъ оказалась довольно сносною: ни грязи непросохшей на ней не было, ни пылью насъ не обдавало, ни души вонъ изъ тѣла не вытряхивало, и шла она почти все время вдоль берега бухты Экспедиціи, мимо обширныхъ луговыхъ пространствъ, гдѣ команды мѣстныхъ войскъ косятъ себѣ сочное сѣно, запасовъ котораго хватало бы на долго для значительныхъ силъ кавалеріи. Въ этихъ лугахъ водится множество фазановъ, и мы видѣли шагахъ въ двадцати отъ дороги одну самку которая глядѣла на нашъ звенящій повоздъ лишь съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, но безо всякаго страха.

Впрочемъ кромѣ фазановъ тутъ водятся и тигры—причина пренебрегающая развитію охотоводства въ обширныхъ размѣрахъ, для чего данная мѣстность представляетъ соединеніе самыхъ счастливыхъ условій. Подполковникъ Лебениусъ, командиръ 1го Восточно-Сибирскаго баталіона, сказывалъ намъ что недѣлю двѣ назадъ одиень тигръ весьма солидныхъ, чтобы не сказать громадныхъ, размѣровъ раннимъ утромъ изволилъ пожаловать въ Новокіевское урочище и преспокойно расположился нагахъ въ пятидесяти отъ часоваго стоявшаго при баталіонномъ ящикѣ. И часовой, и звѣрь неподвижно и безмолвно созерцали другъ друга на дистанціи которая для тигра выражается двумя, тремя прыжками. Первый не стрѣляя, боясь потревожить еще спавшій лагерь, а второй не заблагоразсудилъ полакомиться нашимъ солдатомъ, потому что въ здѣшнихъ мѣстахъ тигръ вообще рѣдко нападаетъ на человека, развѣ ужъ въ минуту несомнѣнной для себя опасности, или отъ продолжительнаго нестерпимаго голода. На этотъ же разъ, надо полагать, онъ явился уже успѣвъ до разсвѣта подкѣрпиться какою-нибудь „Тлизоркой“ или „Аралкой“, такъ какъ до собачины въ особенности лакомъ. Часовой стоитъ не двигаясь съ мѣста, и тигръ лежитъ спокойно, положивъ морду на вытянутыя лапы, порою облизываетъ себѣ шерсть, почесывается, хвостомъ слегка помахиваетъ и смотритъ почти глазъ не сводя на солдата. Съ доброй часъ продолжалось это обоюдное созерцаніе, пока не завидѣвъ звѣрь подходящую къ часовому смѣну. Тогда онъ всталъ и преспокойно удалился.

Попадаются иногда въ этихъ мѣстахъ и барсы, но значительно рѣже чѣмъ тигръ. По словамъ жителей, они несмотря на небольшой ростъ несравненно опаснѣе и люте послѣдняго, потому что кидаются на добычу не только изъ высокой травы или изъ-за груды каменьевъ, но и съ высоты древесныхъ вѣтвей надъ тропинками, даже предпочитая этотъ послѣдній родъ нападенія всякому другому и не дѣлая различія между какимъ бы то ни было домашнимъ или дикимъ животнымъ (кромѣ тигра) и человѣкомъ. Тигръ, напротивъ, всегда предпочитаетъ напасть на небольшое животное и прежде всего на собаку. Говорятъ что если случится вмѣстѣ съ собакой свинья, овца или теленокъ, то первую жертвой хищника все-таки становится собака; нападенія же на такихъ крупныхъ животныхъ какъ буйволъ или лошадь и даже на

Корову случаются у него уже гораздо реже, и это полагают потому что тигрь, несмотря на свою величину и силу, кажется болѣе трусоватъ и менѣе коваренъ чѣмъ барсъ, а можетъ-статься и менѣе жаденъ. Въ Посыеть, между прочимъ, разказываютъ замѣчательный случай про „храброу корову“, происшедшій тамъ еще въ шестидесятыхъ годахъ. Однажды тигрь, перескочивъ черезъ плетень, забрался во дворъ постовой команды, гдѣ стояла подъ навѣсомъ недавно отелавшая корова, и разумѣется жервымъ дѣломъ кинулся было на теленка; но корова въ тотъ же моментъ отважно встрѣчаетъ хищника ловкимъ и сильнымъ ударомъ рога, которымъ сразу глубоко пропарываетъ ему бокъ, и съ неистовымъ мычаніемъ и ревомъ начинаетъ гонять опѣшеннаго, растеряшагося звѣря по двору, неототулно преслѣдуя его наклоненными рогами. Солдаты, видя столь необычайную сцену, схватились за ружья, но прежде чѣмъ успѣли лустить въ злодѣя два, три заряда, тигрь, какъ говорится, „задалъ дерка“ обратно черезъ заборъ отъ храброй коровы. Нѣсколько мѣткихъ пуль посланныхъ ему въ тылъ все-таки были тщетны, и спустя нѣсколько часовъ звѣрь издыхавшій отъ ранъ отысканъ по кровавому слѣду. Этотъ замѣчательный примѣръ материнскаго самоотверженія и героизма въ безсловесномъ животномъ не только до сихъ поръ живетъ въ устныхъ разказахъ посыетскихъ жителей, но въ свое время былъ опубликованъ газетой *Восточное Поморье* и подтвержденъ Н. М. Пржевальскимъ въ его очеркахъ Уссурийскаго края.

Подполковникъ Лебеніусъ предполагаетъ утравивать зимой охоты на тигровъ и барсовъ, что, между прочимъ, не лишено своего значенія не только въ экономическомъ смыслѣ, какъ средство къ освобожденію населенной страны отъ ея лютыхъ враговъ, но и въ отношеніи военномъ, какъ способъ приучить людей къ зоркому движенію облавной дѣльи какъ бы противъ непріятели и выработать въ нихъ, посредствомъ соприкосновенія съ дѣйствительною опасностію, извѣстнаго рода хладнокровіе, находчивость, ловкость и мѣткость стрѣльбы. Охота на серіознаго звѣря вообще дѣло далеко не лишнее въ выработкѣ браваго солдата: она какъ бы подготавливаетъ его къ бою, развивая въ немъ духъ мужества и увѣренности въ своихъ силахъ и средствахъ, и лучше чѣмъ мишенья приучаетъ глазъ къ мѣткости, а руку къ твердости при прицѣлкѣ.

- Пока мы разсуждали о фазанахъ и тиграхъ да любовались прелестнымъ видомъ бухты Экспедиціи, нашъ лоджъ приблизился къ устью рѣчки Тизенхэ, которую мѣстные Русаки передѣляли въ Тизенку. Здѣсь намъ предстояла переправа на противный берегъ черезъ небольшой лиманъ сажень въ двѣсти шириной, образуемой сляніемъ рѣчекъ Тизенхэ и Лучихэ, перекрещенной Русоками въ Лучизну. На этой переправѣ постоянно живутъ нѣсколько человѣкъ изъ состава команды Новгородскаго поста, специально командированныхъ сюда чтобъ исполнять обязанности перевозчиковъ, такъ какъ эта дорога служить почтовою.

Къ нашимъ услугамъ былъ предоставленъ маленькій, видимо разрушающійся паромъ и небольшая разохшаяся лодка, за прочность которой никто не рискнулъ бы поручиться. Пристань кое-какъ сколоченная когда-то изъ довольно жидкихъ бревень и досокъ тоже пришла въ окончательную ветхость, такъ что когда кто-то изъ перевозчиковъ вздумалъ было изъ усердія подтянуть къ ней поближе свою лодку, да ухватился при этомъ вмѣсто багра просто рукой за торчавшее изъ воды бревно, то оно отъ гнилости сразу подломилось подъ его пальцами, и бѣдвяга кувыркомъ бултыхнулся головой въ воду. Къ счастью тутъ было не гаубоко и все дѣло ограничилось для него лишь неожиданнымъ куланьемъ. Лошади наши съ экипажами взяли вправо, версты на полторы выше по лиману и тамъ прѣблагополучно переправились въ бродъ. Впрочемъ за исключеніемъ разказаннаго куланья и у насъ на перевозѣ обошлось безъ дальнѣйшихъ сюрпризовъ и приключеній. Мы воспользовались всеми наличными способами переправы и перебрались на ту сторону въ два пріема. Тамъ на самомъ берегу стояла маленькая, словно стреха какая, закоптѣлая избенка, на половину безъ кровли, свесенной когда-то бурей, съ крошечнымъ оконцемъ въ одно стекло, годная развѣ къ тому чтобы служить сторожкой для волчьей охоты на лададь. И двумъ-то человѣкамъ было бы въ ней тѣсно, а оказалось что тутъ живетъ большую часть года вся команда перевозчиковъ, съ весны, какъ только тронется ледъ и до декабря, пока не замерзнуть рѣчки и бухта. Я заглянулъ во внутрь избенки,—темно и колотно.

— Не болѣете вы тутъ? спросилъ у перевозчика одинъ изъ нашихъ спутниковъ.

— Никакъ нѣтъ, ваше благородіе, бойко отвѣтилъ солдатикъ,—потому какъ мы больше все на вольномъ воздухѣ пребываемъ. Ничего-съ.

— Которыхъ въ перевошники назначаютъ, замѣтилъ земско-полицейскій чиновникъ,—такъ тѣмъ даже лестно, жить имъ тутъ вольготнѣе чѣмъ въ командѣ.

— Это точно-съ, согласился переводчикъ.

А все-таки не мѣшало бы поставить избенку попросторнѣе.

Между тѣмъ наши лошади, мокрыя отъ путешествія черезъ глубокій бродъ, прибыли къ мѣсту переправы, и мы тронулись далѣе. Повернули лѣво къ Янчихѣ—такъ прозвали Русскіе китайскую рѣчку Янчихэ, и все вдоль берега Экспедиціи. Дорога пошла полого-холмистою мѣстностью и вскорѣ вправо отъ насъ открылась высокая коническая гора, на вершинѣ которой развѣвался русскій государственный флагъ. Былъ второй часъ дня въ началѣ, что замѣчалось и по солнцу: стало оно прелекать весьма чувствительно; сдѣлалось жарко какъ въ Петербургѣ, дай Богъ, въ іюль. Кони вспотѣли, взбираясь на пологій переваль, съ котораго вдругъ открылся широкій видъ на равнину гдѣ лежитъ урочище Новокіевское, заблѣвшее предъ нами верстахъ въ двухъ впереди группами глиняныхъ мозанокъ и деревянныхъ домиковъ разметавшихся довольно широко и безпорядочно. Между этими группами виднѣлась маленькая деревянная церковка. Общій видъ былъ бы недуренъ еслибы придать ему больше зелени. Къ сожалѣнію деревьевъ недостаетъ въ селеніи, садиковъ почти нѣтъ, а между тѣмъ и климатъ и почва вполне способствовали бы развитію садоводства. Но очевидно объ этомъ никто не заботится, какъ будто и здѣсь жители считаютъ себя лишь временными пришельцами, хотя это „урочище“ въ настоящее время уже представляетъ собою довольно значительное село, имѣющее, не считая войскъ, до пятидесяти душъ смѣшаннаго населенія.

Ближе къ намъ, почти на поллуги между переваломъ и селеніемъ находится мѣсто избранное подъ казармы Іго стрѣльцоваго баталіона, которыя уже строятся частію изъ обожженнаго, частію изъ сырцоваго кирпича и представляютъ собою рядъ бараконъ обыкновенно казеннаго типа, разукрасившихся ради пріѣзда начальствующихъ лицъ разноцвѣтными флагами. Самый баталіонъ помѣщается пока во временныхъ баракахъ, построенныхъ изъ хвороста и сырцоваго

землистаго кирпича. Эти убогія, темныя и холодныя помѣщенія ни чуть не лучше тѣхъ что мы видѣли уже въ Новгородскомъ посту у мѣстной команды, и нѣтъ ничего удивительнаго если между солдатами въ Новокіевскомъ появилась наконецъ тифъ, о чемъ и заявили мѣстный военный врачъ Г. Прохоровъ, жаловавшійся на полное отсутствіе дезинфекціонныхъ средствъ. С. С. Лесовскій и М. П. Тихменевъ, узнавъ объ этомъ, приняли самое живое участіе въ дѣлѣ прекращенія заразы, причемъ нашъ адмиралъ приказалъ отпустить изъ запасовъ эскадры и дезинфекціонныя и медицинскія средства.

Баталіонъ безъ оружія выстроенъ былъ на ливейкѣ по-ротно въ развернутомъ фронтѣ, который впрочемъ въ сложности едва ли превышалъ триста человекъ, такъ какъ большая половина людей находилась на работахъ. Между унтеръ-офицерами невольно останавливали на себѣ вниманіе нѣсколько храбрыхъ гвардейцевъ Московскаго и Павловскаго полковъ, приславныхъ сюда инструкторами. Они были одѣты въ форму стрѣльцоваго же баталіона, но отличались отъ остальныхъ гвардейскими петлицами на воротникѣ и обшлагахъ и тесьмой на погонахъ, которая свидѣтельствовала объ успѣшно пройденномъ ими курсѣ учебнаго баталіона. Собравъ людей въ каре, лицомъ во внутрь, адмиралъ обратился къ нимъ съ краткою рѣчью по поводу ожидаемыхъ военныхъ событій, послѣ чего, распростясь съ ними, отправился далѣе, въ расположеніе горной батареи.

Въѣзжаемъ въ селеніе. Домшки разбросаны кое-какъ, не составляя правильныхъ улицъ, и вокругъ нихъ столь же мало замѣтно признаковъ прочно осѣдой домовитости и благосостоянія какъ и въ урочищѣ Новгородскомъ. Встрѣтилось по дорогѣ не мало солдатскихъ женъ и ребятишекъ. Однѣ изъ нихъ шли съ горшечками, кувшинами и мисками „за лордией“ на баталіонную кухню, расположенную по-лагерному на открытомъ воздухѣ, другія уже сидѣли съ дѣтьми близъ ротныхъ котловъ въ отдѣльныхъ кружкахъ и обѣдали. Это почти исключительно семейства солдатъ-Сибиряковъ, перечисленныхъ изъ ливейнаго баталіона въ составъ вновь учрежденнаго стрѣльцоваго.

Бдемъ далѣе, и вдругъ обдало насъ характернымъ манзовскимъ запахомъ, представляющимъ препротивную смѣсь мускуса, чеснока и масла: кокосоваго, кастороваго и кунжутнаго. Манзы, разумѣется, завелись и здѣсь, да и не со вчерашняго

дня, а давно уже, и какъ водится захватили въ свои руки всю мѣстную торговлю. Они же содержатъ кабаки, почти всегда служащіе игорными домами и опиійными курильнями, и нельзя сказать чтобы подобнаго рода заведенія прятались отъ дневнаго свѣта, напротивъ, Манзы всѣ свои безобразія совершаютъ вполнѣ гласно, открыто, и бѣда только въ томъ что эти притомы служатъ великимъ соблазномъ для солдатъ и русскихъ поселенцевъ, изъ которыхъ многіе, какъ слышно, уже начинаютъ, благодаря Манзамъ, пристращаться вмѣсто водки къ опиіуму.

Вотъ на одномъ изъ домишекъ вывѣска, гласящая что здѣсь помѣщается „магазинъ колоніальныхъ и прочихъ товаровъ купца Кауфмана“.

— Нѣмецъ, вѣрно? спрашиваю у одного изъ нашихъ слугачковъ, давно уже знакомаго съ мѣстною жизнью и отношеніями.

— Нѣтъ, говоритъ:—изъ „нашихъ“, Еврейчикъ.

— Что же? Дѣлаетъ бойкіе гешефты?

— Гдѣ жь! Такъ только, еле-еле перебивается.

— Почему же? удивился я:—вѣдь теперь здѣсь столько служащихъ, офицеры, ихъ семейства,—все же это имѣетъ свои потребности.

— Разумѣется, имѣетъ. Но тутъ вся причина Манзы. Гдѣ завелися Манзы, тамъ они Евреюдохнуть не дадутъ. Еврей съ ними конкуррировать не можетъ. Да, чай, слышали во Владивостокѣ,—прибавилъ мой собесѣдникъ:—тамъ, на Первой рѣчкѣ есть подгородная слободка, населенная преимущественно отбывшими свои сроки ссыльными Евреями. И что же? Вѣдь бѣдствуютъ. Только всего ихъ и занятія что очистка города отъ нечистоты, а на рынокъ торговать ни-ни! Тамъ царство Манзовъ. Можете по одному этому судить, какъ ково здѣсь гешефтичать Еврею, если ужъ вынужденъ былъ взяться за такое „трефное“ дѣло.

Въѣзжаемъ въ расположеніе артиллеріи, которая стоитъ отдѣльно, въ разстояніи около полуверсты за селеніемъ. Мѣсто ею занимаемое собственно и носитъ названіе „урочище“. Здѣсь построены два новенькіе барака, съ рѣзными изъ дерева двуглавыми орлами на трехугольныхъ фронтонахъ. По бокамъ каждаго крыльца поставлено, въ видѣ украшенія, по два старые горные единорога. Сарай и конюшня еще строятся, поэтому батарейныя лошади стоятъ пока по-бивуачному,

въ коновозяхъ. Противъ новенькихъ барачковъ помѣщается небольшой деревянный домикъ батарейнаго командира, предъ крыльцомъ котораго была выстроена для почетнаго караула первая рота стрѣлковаго баталіона. Прижавъ ординарцевъ и пропуставъ роту по отдѣленіямъ, адмиралъ поблагодарилъ людей и отпустилъ караулъ домой, послѣ чего посетилъ батарейнаго командира, въ домъ котораго для него было приготовлено помѣщеніе. Визитъ этотъ не былъ продолжителенъ, такъ какъ адмиралу хотѣлось проѣхать въ деревню Янчиху (Янчихэ), чтобы взглянуть на житье-бытье нашихъ Корейцевъ и успѣть вернуться къ обѣду.

Первые переселенцы изъ Кореи явились къ намъ въ 1863 году. Это были тринадцать семей, тайно бѣжавшихъ изъ своего отечества, вслѣдствіе нужды и голода, причинами коихъ были безконечныя вымогательства деспотическихъ чиновниковъ. На средства казны ихъ поселили около Посыета, на рѣчкѣ Тизенхэ, гдѣ они и основали деревню того же имени. Съ тѣхъ поръ притокъ корейскихъ эмигрантовъ продолжался постоянно до 1869 года включительно. Они селились преимущественно въ Суифунскомъ округѣ, по берегамъ рѣчекъ впадающихъ въ Амурскій заливъ, именами коихъ названы и ихъ селенія: Янчихэ или Янчиха, Сидеми, Адами и др. Три года спустя послѣ водворенія первыхъ корейскихъ выходцевъ ихъ было водворено уже 140 семей, въ количествѣ 343 душъ, между коими число женщинъ превышало число мужчинъ, а изъ общаго числа душъ четыре пятыхъ приходилось на долю Тизенковъ (Тизенхэ) и только одна пятая на всѣ остальные рѣчки. На водвореніе этихъ эмигрантовъ со стороны нашего правительства было затрачено 718 рублей серебряною монетою, которые вскорѣ были пополнены Корейцами изъ своихъ хозяйственныхъ избытковъ.

Сколь обилеиъ былъ притокъ эмигрантовъ уже послѣ перваго трехлѣтія, показываетъ, между прочимъ, позднѣйшая цифра корейскаго населенія, хотя бы въ однихъ Тизенкахъ—гдѣ въ 1879 году числилось 1.243 души. Сначала переселялись одни бѣдняки, обыкновенно въ ту пору года когда замерзнуть рѣчки и болота, и такъ какъ переходы черезъ границу совершались тайкомъ отъ корейскихъ чиновниковъ и карауловъ (преимущественно въ ночное время), то большая часть бѣглецовъ являлась къ намъ только съ тѣмъ имуществомъ что на нихъ было надѣто. Приходилось заботиться

не только объ ихъ размѣщеніи и прокормѣ на первое время, но и о дальнѣйшемъ обзаведеніи. Въ этомъ случаѣ, на помощь правительству пришла частная благотворительность русскихъ людей служащихъ въ краѣ, а также со стороны земляковъ ранѣ здѣсь поселившихся, и Корейцы своимъ трудолюбіемъ доказали что всѣ эти заботы о нихъ и пособія были не напрасны.

Съ 1865 года стали появляться у насъ и зажиточные эмигранты, между коими нашелся даже одинъ помѣщикъ, явившійся съ семнадцатью крѣпостными людьми, которые разумѣется были освобождены нашимъ правительствомъ съ обязательствомъ съ ихъ стороны отработать своему „барину“ ту сумму за какую они были куплены.

Осенью 1869 года, вслѣдствіе большого наводненія, опустошившаго сѣверную провинцію Кореи, гонимые страшнымъ голодомъ Корейцы разомъ перешли къ намъ въ числѣ около двухъ тысячъ душъ, кромѣ другихъ, мелкихъ партій. Наша граница въ это время была свидѣтельницей ужасныхъ сценъ и эпизодовъ. Корейское правительство, противясь эмиграціи своихъ подданныхъ, усилило на границѣ стражу и довело мѣры строгости до крайней степени. Пограничные корейскіе солдаты дѣлали на бѣглецовъ цѣлыя облавы, толпами гнали ихъ назадъ, стрѣляли въ нихъ изъ луковъ и ружей и преслѣдуя, пронизывали пиками, не разбирая конечно ни пола, ни возраста. И долго еще спустя послѣ того на корейскомъ берегу Тюмень-улы валялись трупы мужчинъ и женщинъ, стариковъ и младенцевъ. Эмигранты ударились было въ Манчжурію, въ надеждѣ перебраться къ намъ чрезъ пограничную полосу этой страны, но тамъ манчжурскіе конники налетали на ихъ партіи и становища, грабили, убивали мужчинъ, дѣтей и старухъ, а молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ увозили къ себѣ въ неволю. Грабили переселенцевъ также и Манзы, но эти уже работали больше на нашей территоріи. Въ это время настали вдругъ сильные холода, и массы Корейцевъ, которымъ уже удалось перебраться на нашу сторону, изнуренныя, больныя и голодныя, не успѣвъ доваичиться до Владивостока и другихъ болѣе населенныхъ мѣстъ, сотнями гибли въ лѣсахъ и пустыняхъ. Почтенный старожилъ этого края, докторъ Б. Б. Пфейферъ, сказывалъ мнѣ что въ эту голодовку вымерло сплошь цѣлое становище Корейцевъ, а такихъ становищъ въ разныхъ мѣстахъ на пути бѣгства было не.

мало. Многие изъ служащихъ въ краѣ Русскихъ призрѣли у себя корейскихъ сиротъ дѣтей. Одна изъ такихъ и лонинѣ живетъ въ семействѣ доктора Пфейфера, приняла православіе и изумительно хорошо говоритъ по-русски, безъ малѣйшаго акцента.

Эмиграція продолжалась бы и долѣе, но губернаторъ Приморской области, озабоченный ея размѣрами и отсутствіемъ средствъ потребныхъ для призрѣнія и водворенія столькихъ несчастныхъ, а также опасаясь развитія отъ нихъ повальныхъ болѣзней, обратился чрезъ пограничнаго комиссара, князя Трубецкаго, къ губернатору города Кыгень-Пу съ требованіемъ принять мѣры къ прекращенію эмиграціи (а ужъ онъ ли кажется не принималъ ихъ!) и съ предвареніемъ что бѣглецы не будутъ болѣе пропускаться чрезъ нашу границу. Губернаторъ Кыгень-Пу циркулярно объявилъ жителямъ своей провинціи о несогласіи русской администраціи на дальнѣйшій приемъ бѣглецовъ, обѣщая полное прощеніе тѣмъ изъ нихъ которые возвратятся добровольно. Это послѣднее распоряженіе было и съ нашей стороны объявлено эмигрантамъ, но они до единого заявили что если мы намѣрены выгонять ихъ силой, то они предпочитаютъ сразу умереть отъ русскихъ штыковъ и пуль чѣмъ возвращаться на медленную смерть въ отечество. Пришлось волей-неволей расселять ихъ по краю, пріютивъ на первое время гдѣ и какъ попало, по казармамъ, въ деревняхъ ихъ соотчичей и у русскихъ крестьянъ. Многие были разобраны на пропитаніе и частными лицами изъ горожанъ и служащихъ, но многие остались таборами и просто среди поля...

Въ это время состоялось распоряженіе о запрещеніи выходцамъ селиться близко границы нашей съ Кореей, такъ какъ администрація не желала болѣе допускать дальнѣйшаго усиленія корейскаго элемента въ непосредственномъ соствѣствѣ съ его бывшимъ отечествомъ, въ ущербъ русскому населенію. Вслѣдствіе этого распоряженія корейскихъ эмигрантовъ послѣдняго наплыва двинули далѣе на Суйфунъ и его притоки, причемъ они опять-таки сильно потерпѣли отъ холода и голода. Ранѣе весны 1870 года невозможно было заняться правильнымъ расселеніемъ ихъ особыми деревнями и потому въ теченіе лютой зимы не мало перемерло ихъ отъ болѣзней. Тѣмъ не менѣе съ весной около 1.850 душъ было водворено въ Ханкайскомъ и частію въ Суйфунскомъ округахъ.

Затѣмъ мѣрами мѣстной администраціи дальнѣйшее переселеніе Корейцевъ приостановлено на неопредѣленное время, чтобы не затрудняться продовольствіемъ эмигрантовъ и дать время укрѣпиться собственной русской колонизаціи.

Всѣ вообще Корейцы оказались прекрасными, трудолюбивыми и умѣлыми земледѣльцами. Они живутъ въ единобрачїи *, хорошіе семьяне, честные, трезвые, чистоплотные и, что всего замѣчательнѣе, сдѣлались добрыми русскими патріотами: охотно изучаютъ русскій языкъ и многіе уже говорятъ на немъ, охотно принимаютъ православіе и, будучи всѣ грамотными по-корейски, добровольно заводятъ у себя русскія школы. Жаль только что у насъ не хватаетъ учителей для нихъ и миссіонеровъ говорящихъ по-корейски. Хозяйство уже въ первые годы по переселеніи шло у нихъ прекрасно, что объясняется какъ естественными условіями края, такъ и примѣрнымъ трудолюбіемъ Корейцевъ. Свѣютъ они пшевицу, кукурузу, просо (буду), ячмень и овесъ, разводятъ бобы, картофель, калусту, огурцы, рѣдьку, стручковый перецъ и табакъ, который курятъ и мужчины и женщины; кромѣ того, занимаются рыбною ловлей, охотой и преимущественно пчеловодствомъ. По отзывамъ свѣдущихъ людей, посѣвы всѣхъ сортовъ хлѣба у нихъ большіе; урожаи, благодаря почвѣ и умѣнью ее воздѣлывать, всегда хорошіе, что даетъ хозяевамъ возможность сбывать свои продукты, въ особенности овесъ и ячмень, окрестъ расположеннымъ войскамъ (въ артиллерію и на нѣкоторые посты Уссурійской сотни), а также сплавлять водой во Владивостокъ. Будь у насъ маломальски удобныя дороги и открой Корея для торговли свою границу, наши Корейцы готовы были бы хоть сейчасъ возить хлѣбъ и туда, тѣмъ болѣе что голодовки въ Корей давно уже приняла хроническій характеръ. Въ настоящее время Корейцы въ числѣ 5.924 душъ ** населяютъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, не считая мелко разбросанныхъ, а также и совмѣстныхъ съ русскими поселеній, одиннадцать лунктовъ, изъ коихъ шесть находятся въ Суифунскомъ округѣ и пять въ Ханкайскомъ.

* Хотя законъ не воспрещаетъ имѣть до трехъ женъ, если у мужа есть средства прилично содержать ихъ. Впрочемъ преимуществами и правами пользуется только первая жена, остальные же считаются наложницами.

** По статистическимъ свѣдѣніямъ за 1878 и 1879 годы.

По племенному сродству и по житейскимъ привычкамъ Корейцы болѣе приближаются къ Японцамъ, чѣмъ къ Китайцамъ. Мушны ихъ, при хорошемъ среднемъ ростѣ, довольно коренасты, всѣ черноволосы и волосъ на головѣ не брѣютъ, а собираютъ ихъ въ общій пучекъ на макушкѣ и связываютъ его въ жгутикъ, такъ что онъ торчитъ, въ видѣ небольшой колбаски, кверху. Бороды и усы у нихъ жидковаты и не курчавятся, такъ же какъ у Японцевъ, и они ихъ не брѣютъ. Женщины Корейки круглолицы и ростомъ значительно ниже мушны; главное ихъ украшеніе и предметъ кокетства составляютъ густые длинные волосы, которые онѣ заплетаютъ въ косы и обматываютъ вокругъ головы. Многія кромѣ того носятъ и подвязныя косы.

По пути въ Янчиху намъ встрѣтилось нѣсколько корейскихъ мушны. Одни изъ нихъ шли лѣшкомъ, другіе ѣхали верхомъ... на коровахъ и только одинъ старикъ старшина попался верхомъ на лошади. Этотъ послѣдній способъ ѣзды у нихъ въ употребленіи только для болѣе дальнихъ или продолжительныхъ путешествій; для короткихъ же перевозовъ употребляется преимущественно быкъ или корова. Иногда они сѣдаютъ этихъ животныхъ, а чаще всего садятся просто на голую спину и, вмѣсто поводьевъ, привязываютъ къ рогамъ веревку. Вообще, Корейцы недурно разводятъ и хорошо содержатъ крупный рогатый скотъ, который употребляютъ исключительно какъ рабочую силу: но ни мясомъ, ни молокомъ его не пользуютя, и въ этомъ отношеніи заключается сходственная черта ихъ съ Японцами. При встрѣчѣ съ нами какъ лѣшіе, такъ и верховые за нѣсколько сажень сворачивали въ сторону и останавливались, причемъ верховые слѣзали на землю, ожидая пока мы не поравняемся съ ними, чтобы встрѣтить насъ глубокимъ поклономъ, упираясь ладонями въ колѣни. Слѣзаніе на землю служить у нихъ наибольшимъ выраженіемъ почтенія. Въ Корей существуетъ обыкновеніе при встрѣчѣ съ высшими падать ничкомъ на землю и лежать въ такомъ положеніи неподвижно пока высшее лицо не прослѣдуетъ мимо. Въ началѣ и наши Корейцы употребляли тотъ же пріемъ, но вида что онъ не въ ходу у Русскихъ, мало-по-малу совсѣмъ его оставили.

Всѣ эти мушны, равно какъ и тѣ которыхъ мы видѣли въ Янчихѣ, были одѣты очень опротно въ бѣлые ватные

халаты, или вѣрнѣе сказать полукафтаны, длиной нѣсколько ниже колѣна, съ широкими рукавами. Изъ-подъ халатовъ видѣлись ватные же бѣлые широкіе штаны, а остальные принадлежности костюма состояли изъ бѣлыхъ чулокъ (у пивыхъ изъ олучей) и башмаковъ на толстой мягкой подошвѣ въ родѣ китайскихъ. Халатъ обыкновенно подпоясывается бѣлымъ кушакомъ, къ которому подвѣшиваются: маленькая мѣдная трубка, столовый приборъ, помѣщаемый въ узенькомъ футлярѣ и состоящій изъ ножа и двухъ палочекъ, и письменный приборъ, тоже въ видѣ мѣднаго футляра, для помѣщенія кистей и туши, а рядомъ висятъ кожаный кисеть съ табакомъ и такая же сумочка съ трютомъ и огнивомъ. Но всего оригинальнѣе въ ихъ костюмѣ это головной уборъ. Онъ представляетъ собою круглую съ широкими прямыми полями шляпу, по срединѣ которой вершка на три возвышается въ видѣ усѣченнаго къ верху конуса узенькій цилиндрикъ, имѣющій у основанія не болѣе двухъ вершковъ въ поперечникѣ. Шляпа эта плетется въ видѣ прозрачной сѣтки изъ чернаго конскаго волоса и едва прикасается къ макушкѣ головы, держась на ней лишь съ помощью тесемки, которая свизу подвязывается подъ подбородокъ, безъ чего такая шляпа, повинуясь малѣйшему дуновенію вѣтра, никакъ не могла бы держаться на своемъ мѣстѣ. Непонятно только какую пользу можетъ приносить этотъ странный уборъ, такъ какъ ни отъ дожда, ни отъ зимняго холода, ни отъ жгучихъ солнечныхъ лучей онъ рѣшительно не защищаетъ голову. Впрочемъ въ дождливую погоду Корейцы покрываютъ свои шляпы ковчешескимъ зонтомъ изъ промасленной бумаги, и тогда видъ этого убора становится еще страннѣе. Но такая уже у нихъ стародавняя мода и, какъ мода, она всеильна, а такъ какъ голову все-таки нужно прикрыть и отъ холода, и отъ зноя чѣмъ-нибудь посущественнѣе, то они иногда обматываютъ ее повязкой изъ бумажной матеріи; старики же носятъ особый волосяной колпакъ, служащій какъ бы знакомъ достоинства ихъ возраста, къ которому всѣ обязаны питать почтеніе, и потому не снимаютъ его даже и дома.

Путь нашъ былъ не дологъ. Минувъ черезъ двадцать мы уже подѣвжали къ дому одного молодого Корейца (къ сожалѣнію забылъ его имя), служащаго у нашего пограничнаго комиссара въ качествѣ переводчика и уже усвоившаго

себѣ вмѣстѣ съ русскимъ языкомъ и русскую „цивильную“ одежду.

Деревня Янчиха, какъ и всѣ вообще корейскія селенія, тянется на нѣсколько верстъ вдоль по долинѣ, и это потому что Корейцы не любятъ жить скученно, въ сплошную улицу, а каждый ставитъ себѣ усадьбу отдѣльно, съ такимъ расчетомъ чтобъ и огородъ его, и поле находились тутъ же непосредственно прилегая къ усадьбѣ. Такимъ образомъ Корейцы живутъ какъ бы отдѣльными хуторами, въ родѣ Финляндцевъ, въ разстояніи саженъ ста, двухсотъ и болѣе со сѣдъ отъ сосѣда. Это имѣетъ свои удобства какъ въ хозяйственномъ отношеніи, такъ и на случай пожара: если загорится какой домъ, то сосѣди не подвергаются непосредственной опасности; но за то есть въ такой обособленности и большое (чисто мѣстное впрочемъ) неудобство: если на какой-либо хуторѣ наладутъ ночью Манзы-хунгузы (профессиональные разбойники и грабители) то вырѣжутъ всю семью и ограбятъ домъ прежде чѣмъ сосѣди, услышавъ крики, успеютъ сбѣжаться на помощь.

Предъ усадьбой переводчика мы остановились и вышла изъ экипажей. Жена хозяина, молодая и довольно милостивая Корейка, вышла къ намъ на встрѣчу и приветствовала по-русски, такъ какъ нашъ языкъ уже достаточно ей знакомъ. Она была одѣта въ очень чистую бѣлую кофту и такую же юбку съ разрѣзами по бокамъ, чтѣ составляетъ общій всѣдневный костюмъ корейскихъ женщинъ. Въ ушахъ ея болтались серебряныя, китайской работы, сережки съ какими-то красноватыми камешками, на рукахъ были надѣты цвѣтные стеклянные браслеты, въ видѣ сплошнаго кольца, а за спиной у поясицы дремалъ годовалый ребенокъ, подвѣшенный, какъ въ полумѣшкѣ, на полотенцѣ, концы котораго, лежа на плечахъ матери, скрещиваются у нея на груди и завязываются сзади. Этотъ способъ носки ребятъ одинаковъ на всемъ Востокѣ и имѣетъ то удобство что ребенокъ, не связывая матери рукъ, не мѣшаетъ ей работать по хозяйству.

Мы вошли во дворъ, гдѣ во всемъ сразу сказывались чистота, порядокъ и домовитость. Дворъ обнесенъ красивымъ, узорчато залплетаннымъ изъ лозняка заборомъ. Устройство дома отчасти похоже на китайское, отчасти на японское, но чисто корейская особенность его постройки заключается въ отсутствіи рѣзко очерченныхъ наружныхъ угловъ, которые всѣ

скруглены, и вообще эта округленность и какъ бы мягкость архитектурныхъ формъ составляетъ самое характеристическое свойство всѣхъ корейскихъ построекъ отъ угловъ стѣнъ и крыши до узора на лозняковомъ латнѣ. Быть-можетъ въ этомъ отразился и самый характеръ Корейца какъ человѣка, его природныя свойства и качества. Плетенныя стѣны дома прочно покрыты глиной и тщательно выбѣлены, рѣшетчатая окна оклеены изнутри тонкою бѣлою бумагой, дверь не открывается на петляхъ, а отодвигается въ сторону, держась сверху и снизу въ особыхъ желобковатыхъ пазахъ. Крыши на всѣхъ вообще постройкахъ соломенные, сдѣланы очень аккуратно и покрыты веревочною сѣткою, которая предохраняетъ ихъ отъ дѣйствія бурныхъ и порывистыхъ вѣтровъ. Внутри дома, по срединѣ его, врыто квадратное углубленіе, въ одной изъ сторонъ котораго устроена печь, служащая для варки пищи и согрѣванія всего жилища. Для устройства печныхъ трубъ существуетъ цѣлая система: онѣ проходятъ въ горизонтальномъ положеніи подо всѣми главными полами; и это очень практично, такъ какъ предохраняетъ полъ отъ сырости и равномерно распространяетъ тепло по всему дому. Выходная дымовая труба отнесена наружу и отбитъ въ нѣсколькихъ шагахъ отдѣльно отъ дома, а служить ею толстый древесный стволъ съ высверленною сердцевиною, который высится въ уровень съ верхнимъ гребнемъ крыши. Правее отдѣленія дома занята людьми, а лѣвое, отдѣленное отъ перваго сплошною деревянною перегородкой, предназначается на зимнее время для домашняго скота и птицы. Жилая лоловина устлана очень чистыми цѣновками и разгораживается по-японски передвижными ширмами, такъ что въ ней можно и увеличить и уменьшить число комнатъ, сдѣлать ихъ просторнѣе или уже смотря по надобности. Ко внутренней сплошной перегородкѣ прилажены деревянныя лѣжки и на нихъ въ отапномъ порядкѣ и образцовой чистотѣ расположена разная домашняя утварь: луженныя мѣдныя и фарфоровыя расписныя синимъ узоромъ чашки, плошки, блюда и чайники. Таково внутреннее расположение и убранство всѣхъ вообще корейскихъ жилищъ.

Спать Корейцы по-японски—на полу, на цыновкахъ, подстилая толстыя ватныя одѣяла и покрываясь широкими халатами, встають съ разсвѣтомъ, и всѣ постельныя принадлежности тотчасъ же убираются въ особую каморку въ родѣ шкафа или внутренняго чуланчика. Китаецъ часто не моетъ

по нѣскольку сутокъ, — Кореецъ, напротивъ, каждый свой день начинаетъ съ умыванья и краткой молитвы, прежде чѣмъ сядетъ на полъ, въ общемъ семейномъ кружкѣ, за утреннюю закуску, всегда сопровождаемую чаемъ, и въ этомъ условіи чистоплотности опять проявляется родственная черта съ японскою расой.

У христіанъ — въ переднемъ углу наши русскіе образа, а у буддистовъ — посреди стѣны тоже образа, кстати сказать, очень похожіе по характеру не только рисунка, но и самымъ изображеніемъ на наши суздавскія лубочныя произведенія. Какъ у христіанъ, такъ и у буддистовъ предъ образами теплятся лампады. Впрочемъ въ религіи Корейцевъ, несмотря на значительную, хотя кажется чисто вѣдическую примѣсь буддизма, есть нѣчто весьма своеобразное. Такъ, напримеръ, помимо разныхъ добрыхъ и злыхъ духовъ и геніевъ, они признають единого наивысшаго бога, Путэ-Ними, создателя всего сущаго; вѣрятъ въ безсмертіе души, въ загробную жизнь, въ рай и адъ, въ день загробнаго суда, когда Путэ-Ними каждому воздастъ по дѣламъ его и, кромѣ того, у нихъ существуютъ религіозныя преданія о всемірномъ потопѣ, Моисей и многомъ такомъ что явно указываетъ на заимствованіе изъ книгъ Ветхаго Заветъа. Конечно, преданія эти подверглись разнымъ вариантамъ, подъ вліяніемъ и времени, и народныхъ особенностей, а иногда и личной фантазіи пересказчика и т. п., но тѣмъ не менѣе ихъ первоначальный источникъ ясенъ и несомнѣненъ. Любопытно было бы только изслѣдовать путь которымъ они проникли въ общенародное сознаніе Корейцевъ, причѣмъ можно думать что едва ли это произошло чрезъ католическихъ миссіонеровъ, такъ какъ въ моментъ первоначальнаго появленія сихъ послѣднихъ библейскія преданія составляли уже стародавнюю собственность корейскаго религіознаго культа. Не занесены ли они сюда съ азіатскаго запада Китайцами-мусульманами?

Въ числѣ преданій не религіознаго характера въ особенности замѣчательно одно, которое въ видѣ какого-то прощества невѣдомо когда и кѣмъ изреченнаго издавна усвоено всею Кореей. По общему убѣжденію Корейцевъ, освобожденіе ихъ изъ-подъ ига чиновниковъ и всѣхъ прочихъ бѣдъ и напастей принесетъ имъ особый народъ, съ русыми волосами, который придетъ съ сѣвера и приведетъ съ собою бѣлыхъ свиней. Надо замѣтить что въ Манчуріи,

Китаѣ, Корей и вообще на всемъ крайнемъ Востокѣ свиньи носятъ исключительно черную щетину. Поэтому когда въ Южно-Уссурийскомъ краѣ впервые появились русскіе переселенцы, привезшіе съ собою бѣлыхъ свиней, то слухъ объ этомъ немедленно распространился по всей Корей и произвелъ своего рода впечатлѣніе, въ особенности въ логаричныхъ съ нами мѣстностяхъ. Этимъ отчасти объясняется и тотъ наплывъ корейской эмиграціи которая хлынула было къ намъ съ 1863 года: пришли молъ освободителю!

На дворѣ у Корейца-перевозчика мы видѣли большой запасъ рыбы киты (въ родѣ семги) валившейся на протянутыхъ жердяхъ; тутъ же на подостланныхъ рядкахъ сушились въ одномъ мѣстѣ тыквы нарѣзанныя тонкими узкими пластинками, въ другомъ—просо, въ третьемъ—кочушковое сѣмя. Амбаръ былъ наполненъ хлѣбомъ, въ двухъ плетеныхъ сараяхъ сложены бобы, кукуруза и огородавыя овощи. Все это въ избыткѣ было заготовлено на зиму и во всемъ видимо сказывались признаки обстоятельнаго зажиточнаго хозяйства. То же самое замѣчается и во всѣхъ вообще корейскихъ хозяйствахъ на Янчихъ, въ Тусенкахъ и проч. Многие уже перенимаютъ русскій способъ постройки избъ, находя его болѣе соответствующимъ мѣстному климату, равно какъ заимствуютъ и наше устройство плуговъ и прочихъ земледѣльческихъ орудій. Нѣкоторые изъ сельскихъ старшинъ получили отъ нашего правительства почетныя кафтаны установленнаго образца, и это отличіе составляетъ не только для ихъ личнаго самолюбія, но и для самолюбія ихъ односельчанъ предметъ гордости: „Царь-молъ знаетъ своихъ Корейцевъ и отличаетъ ихъ отъ Манзовъ, за ихъ вѣрность и доброе поведеніе“. Если мы сами своими дальнѣйшими мѣропріятіями и поступками служащихъ чиновниковъ не испортимъ нынѣшнихъ отношеній къ Корейцамъ, то есть полное основаніе надѣяться что при ихъ уживчивости и трудолюбіи, при ихъ доброхотномъ стремленіи перенимать у русскихъ крестьянъ все полезное, отъ плуга до русскаго языка, русскаго школы и православной вѣры,—они въ слѣдующемъ поколѣніи совершенно сольются съ русскимъ элементомъ, отличаясь отъ него развѣ физически—наружностью и нѣкоторымъ акцентомъ. При этомъ они уже и теперь полезны въ томъ отношеніи что ихъ ближайшіе сосѣди, заграничныя Корейцы, видя воочію какъ спокойно живутъ и экономически

продвѣтають подъ русскимъ владычествомъ ихъ сородичи, и сами невольнымъ образомъ все болѣе и болѣе начинаютъ смотрѣть на Россію какъ на нѣчто желанное, начинаютъ тяготѣть къ ней. Легенда о бѣлосуромъ народѣ и бѣлыхъ свиньяхъ дѣлаетъ-таки свое дѣло!

Изъ Явчихи мы вернулись въ урочище, гдѣ у капитана Касторскаго былъ уже приготовленъ для всѣхъ гостей обѣденный столъ, за которымъ въ числѣ блюдъ фигурировали прекрасные мѣстные фазаны.

Выѣхали мы изъ Новокіевскаго уже вечеромъ. Стрѣлки позажигали костры и лѣли лѣсни. Вскорѣ село осталось позади и скрылось вдали въ ночномъ сумракѣ, а высокія вѣтки подголосковъ все еще звенѣли въ тихомъ воздухѣ. На переправѣ черезъ Тизенхэ застали мы и горную батарею. Часть орудій и выюковъ уже переправилась, а часть еще плыла на паромѣ. Лошадей переправляли за лодками вплавь; онѣ громко фыркали, и вода у береговъ подъ ихъ копытами съ шумомъ разсыпалась свѣтящимися брызгами. Подъѣзжая къ Новгородскому посту, снова слышимъ русскія лѣсни, звуки которыхъ, оглашая сонный заливъ и луговинныя поля, становятся все слышнѣе и ближе. Предъ бараками мѣстной команды все еще развѣвались флаги и пылали костры. Солдатики толпились вокругъ лѣсенниковъ и группами прогуливались по площадкѣ; тутъ же были и женщины и ребятки; даже нѣсколько длинноносыхъ Манзовъ, сидя на корточкахъ и покуривая свои миниатюрныя трубочки, слушали солдатскія лѣсни. Вдали, среди водной глади, ярко озаренной полосой луннаго свѣта, смутно вырисовывался на темносинемъ фонѣ черныи силуэтъ *Европы*. У пристани ожидали насъ военныя шлюпки.

Около полуночи снялись съ якоря и среднимъ ходомъ пошли въ Амурскій заливъ, къ устью рѣки Судфуна. Холмистые берега, прибрежныя скалы и кекуры и возвышенные островки южнаго архилелага, слегка курившіеся прозрачнымъ туманомъ, казалось будто плывуть мимо нашего судна какъ какія-то фантастическія видѣнія и какъ бы тають вдали, позади насъ, постепенно исчезая въ насыщеннои луннымъ свѣтомъ атмосферѣ. Погода въ эту ночь стояла тихая, но было холодно.

II. Суифунъ.

Пароходъ *Суифунъ* и его значеніе. — Островокъ Коврижка и массы дикихъ утокъ. — Устья рѣки Суифунъ. — Низменные острова и „Лагушечья долина“. — Пильный заводъ и мукомольня купца Федорова. — Луга на Суифунѣ и сѣнокосный промыселъ. — Ущелье Амма-Вэла. — Характеръ Суифуна въ нашихъ предѣлахъ. — Почва и климатъ Суифунской долины. — Разливы и наводненія. — Чѣмъ могъ бы быть Суифунъ для Уссурийскаго края. — Селеніе Раздольное. — Горная болота. — Станція Барановская. — Жалобы на тигровъ. — Суифунскіе лѣса и маньчжурскіе лѣсные промыслы. — „Тигримо логово“. — Никольская долина. — Деревня Суифунская. — Встрѣча со стороны войскъ и жителей. — Село Никольское и русская колонизація. — Древности села Никольскаго. — Обратный путь съ приключеніями. — Голодные пассажиры. — Прибрежные палы. — Неожиданный ночлеги на *Суифунѣ* и капитанская каюта. — Мы на мели. — Суифунскій баръ. — Возвращеніе во Владивостокъ.

3 октября еще до разсвѣта подошли мы къ устью Суифуна, но должны были лавировать назадъ и впередъ самымъ медленнымъ ходомъ, въ разстояніи около трехъ миль отъ берега, такъ какъ двигаться далѣе впередъ было бы крайне опасно: при высокомъ барѣ Суифуна *Европа* навѣрное съела бы на мель.

Въ семь часовъ утра подошелъ наконецъ плоскодонный пароходикъ *Суифунъ*, долго не могшій пристать къ нашему борту, по причинѣ волненія, начавшагося не задолго до разсвѣта. Пречудной это пароходикъ. Осадка его, говорятъ, не болѣе двухъ футовъ, борты низкіе, кожухъ высокій, такъ что издали иной не морской человекъ приметъ его, пожалуй, за какой-нибудь грозный мониторъ, какъ ихъ обыкновенно рисуютъ на картинкахъ въ разныхъ „иллюстраціяхъ“. Былъ онъ построенъ лѣтъ пятнадцать коли не двадцать тому назадъ, специально для плаванія по мелководному Суифуну, почему и названъ его именемъ, и сколь ни плохъ уже въ настоящее время, какъ ни кряхтитъ отъ старости, а все же по силѣ возможности исполняетъ свое назначеніе, въ сущности весьма важное: на немъ всецѣло лежитъ сообщеніе Владивостока не только со внутренностію Южно-Уссурийскаго края и его житницей, Ханкайскимъ округомъ, но и со всею остальною Россіей. Покончи *Суифунъ* свое бременное существованіе, такъ

не только что никакихъ казенныхъ грузовъ изъ Иркутска или Хабаровки во Владивостокъ, но даже и простаго письма изъ Владивостока до Раздольнаго поста не отправишь, такъ какъ почтовый трактъ на сѣверъ начинается лишь отъ Раздольнаго, а ниже, между Раздольнымъ и Владивостокомъ, въ теченіе всей навигаціи, держитъ сообщеніе только одинъ *Суйфунъ*, перевоза и почту, и грузы, и пассажировъ. Перебрались мы наконецъ на него съ *Европы*, причемъ подъ нашимъ почтеннымъ флагманскимъ докторомъ В. С. Кудринымъ провалился ветхій траль, и все пальто его перепачкалось бѣлою краской. Ради приѣма начальства, пароходикъ наскоро подкрасили, да просохнуть ему не удалось бѣднѣ. Моряки, глядя на него, только морщатся: имъ, привыкшимъ къ блестящему виду настоящихъ военныхъ судовъ, этотъ *Суйфунъ*, тоже плавающий подъ военнымъ флагомъ, быть-можетъ кажется больно уже мизернымъ; но и за то спасибо что хоть какой ни есть да есть. Командиръ его капитанъ лейтенантъ В. И. М—ри, такой же маленькій какъ и его суденышко, въ полной парадной формѣ и въ старинной трехуголкѣ, съ загнутыми кверху углами, стоялъ на кожухѣ и зорко глядя впередъ лично управляя движеніемъ парохода, которому сразу предстояла теперь самая трудная задача его плаванія—переходъ чрезъ высокій баръ Суйфунскаго лимана, гдѣ и въ полную воду глубина большею частью не превышаетъ двухъ футовъ. Но Викторъ Ивановичъ изъ долгой практики успѣлъ уже отлично изучить этотъ предательскій фарватеръ.

Погода хмурилась, но берега пока еще не застигались туманомъ. Въ общей картинѣ рѣзче всего остальнаго выдѣлялся впереди отдѣльно брошенный въ море утесъ, состоящій изъ наклонныхъ пластовъ какого-то сѣраго камня. Онъ довольно высокъ и имѣетъ ровную продолговатую форму, ради чего и носить вкусное имя Коврижки. Отъ подножія его скалистыхъ пластовъ значительною косою тянется песчаная отмель, на которой отдыхало такое множество дикихъ утокъ что самой отмели совсѣмъ не было видно подъ ихъ сплошною сѣрою шевелящеюся массой. Отъ тысячеголоснаго криканья надъ косою стоялъ въ воздухѣ непрерывный странный шумъ, котораго не заглушалъ даже бурный ударившій въ Коврижку. Кромѣ того, громадная стаи этой птицы, и вблизи, вдали, насколько лишь хваталъ глазъ, во всѣхъ

направленіяхъ носились надъ водой. Вотъ раздолье-то для охотниковъ!... А тутъ и бить ихъ некому.

Вправо отъ насъ, на возвышенномъ лѣсистомъ берегу, который кончается мысомъ Рѣчнымъ, одиноко стоитъ почтовая станція „Рѣчное“, построенная въ 1876 году мѣстнымъ исправникомъ Киселевскимъ, но исполняющая свое назначеніе только зимой, когда заливъ окончательно замерзнетъ и по немъ установится ближайшее прямое сообщеніе со Владивостокомъ. Въ навигаціонный же періодъ въ Рѣчномъ проживаетъ часть команды Косарей. На траверзѣ мыска Рѣчнаго *Суѣфунъ* благополучно миновалъ самое мелкое мѣсто бара и вошелъ въ устье своего соименника. Не вдалекѣ отъ этого устья торчало изъ воды множество корчагъ, наносимыхъ на взморье рѣкой послѣ каждаго наводненія и такимъ образомъ годъ отъ году ихъ скопляется тутъ все больше и больше. Все это прекрасныя рослыя деревья, оторванныя отъ подмытыхъ береговъ, и хоть бы кто ловилъ ихъ на топливо что ли, обходящееся во Владивостокѣ довольно-таки дорого и казна, и обывателямъ *, а то пропадають даромъ и только способствуютъ наибольшему обмелѣнію устья.

Медленно подымались мы вверхъ по Суѣфуну, который въ нѣсколько рукавовъ растекается между низменными островами, сплошь покрытыми густѣйшею болотною растительностью. Здѣсь преобладають аиръ (у прибережьевъ), ситовникъ (тоже) и, въ особенности тростелоплевица (*Calamagrostis rugripes*), въ сажень и болѣе вышиной, наполняющая внутреннія пространства этихъ острововъ и только мѣстами

* Русскимъ обывателямъ города даже запрещено рубить лѣсъ на топливо и они волей-неволей должны покупать его либо у Манзовъ, рубящихъ на Русскомъ островѣ самовольно, либо у одного изъ „привилегированныхъ“ иностранныхъ коммерсантовъ, нѣмецкаго происхожденія, который тоже рубитъ беззаконно и безпомощно, „для эксплуатаціи“, какъ самъ онъ выражается, и продаетъ дрова владивостокскимъ обывателямъ изъ собственнаго склада отъ 5 до 6 рублѣй за погонную сажень. Въ то же время, не далѣе какъ въ 1½ верстахъ за городомъ, на первой рѣчкѣ, вадается и гниетъ множество лѣса, бесполезно порубленнаго въ разное время Манзами. Какой смыслъ имѣть при подобныхъ порядкахъ запрещеніе Русскимъ (и только Русскимъ) рубить на топливо лѣсъ—а объяснять не берусь; знаю только что запрещеніе это существуетъ издавна.

выбѣгающая на ихъ побережья. Вообще мѣстность Суифуна на его низовьяхъ, вмѣстѣ съ островами, носитъ названіе „Лягушечей долины“, вслѣдствіе того что здѣсь водятся міриады лягушекъ. Говорятъ что эти острова чрезвычайно красивы весной, когда они чуть не сплошь покрываются лилово-голубымъ цвѣтомъ приса, и потомъ лѣтомъ, когда на смѣну прису приходитъ гигантскій мышникъ со своими большими розовыми цвѣтами.

Миновавъ острова устья, видимъ вправо отъ насъ, на лѣвомъ берегу рѣки, въ небольшой лѣсистой лоцинкѣ примыслились шесть деревянныхъ домиковъ. Это льняной заводъ купца Федорова и мукомольня, которая пока еще строится. Работа на заводѣ идетъ при помощи пара. Тутъ же на берегу лежитъ и новый паровичекъ для мукомольни, а у пристани ошвартовлены паровой катеръ, который обыкновенно буксируетъ до выхода изъ Суифунскаго лимана грузы досокъ отправляемые на „шампанкахъ“ ко Владивостоку.

Правый берегъ рѣки, влѣво отъ насъ, представляетъ обширную луговину, между рукавами и протоками, которая въ настоящее время является почти сплошнымъ, хотя и поверхностнымъ только, болотомъ, простирающимся на западъ до самыхъ горъ; но еслибъ ее осушить, то получился бы великолѣпные покосные луга. Тамъ косятъ и теперь, судя по нѣсколькимъ скирдамъ сѣна стоявшимъ у берега, рядомъ съ какимъ-то сарайчикомъ; но это ничто въ сравненіи съ тѣмъ что могло бы получиться при небольшихъ затратахъ на проведение нѣсколькихъ дренажныхъ канавъ, которыя быстро осушили бы почву этой громадной площади послѣ періодическихъ наводненій. Повторяю что болото, по словамъ знающихъ людей, вовсе не проникаетъ въ глубь почвы, а поддерживается на ея поверхности лишь остатками разливовъ, которымъ надо только устроить надлежащіе стоки. Огонь, въ видѣ весеннихъ и осеннихъ паловъ, да вѣтеръ, да здѣшнее жгучее солнце довершали бы остальное. И явись эти луга, здѣсь можно бы было развить скотоводство въ обширныхъ размѣрахъ, и тогда открылся бы новый источникъ экономического процвѣтанія для Южно-Уссурійскаго края, нынѣ снабжаемаго рогатымъ скотомъ за наличныя серебряныя деньги изъ-за границы, частію изъ Кореи, частію изъ города Хувчуна.

На лѣвомъ, болѣе возвышенномъ берегу Суифуна тоже есть прекрасные луга, отводимые для покосовъ Сибирскому

морскому экипажу и 1му линейному баталіону. Вообще луговые пространства по Суйфуану и въ его окрестностяхъ столь велики что по словамъ свидущихъ людей ихъ съ избыткомъ хватило бы для постоянного продовольствія многочисленной кавалеріи. Но такъ какъ заводить послѣднюю въ большихъ размѣрахъ здѣсь не представляется надобности, то конечно слѣдовало бы воспользоваться луговыми богатствами частной предприимчивости для разведенія мѣстного скотоводства. Да и кромѣ того наше сѣно могло бы найти для себя хорошей сбытъ на японскихъ рынкахъ, гдѣ въ этомъ продуктѣ ощущается постоянный недостатокъ, обуславливаемый самою природою и культурою Японіи: тамъ настолько дорожатъ каждымъ клочкомъ земли что обрабатываютъ подъ посѣвы даже песчаные горные склоны (какъ напримѣръ, на островахъ „Внутренняго моря“) и потому не могутъ предоставлять достаточно земли для сѣнокосовъ. У насъ же, на Суйфунѣ, да и вообще по долинамъ рѣкъ Южно-Уссурійскаго края, на громадныхъ пространствахъ густыя, сочные травы, подъ вліяніемъ влажнаго климата и солнца, нерѣдко достигаютъ такого пышнаго развитія и гигантскаго роста что человѣкъ верхомъ на лошади совсѣмъ скрывается въ нихъ; дикій клеверъ и горошекъ путаютъ ноги коню и всаднику, такъ что мѣстами скосъ эти травы и не продерешься. Тутъ зачастую попадаетъ дягиль въ десять футовъ вышины и болѣе двухъ дюймовъ въ поперечникѣ у корня.

Горы лѣваго берега покрыты лѣсомъ, нынѣ уже все болѣе и болѣе рѣдѣющимъ, по той причинѣ что оны невозбранно и притомъ въ ужасающихъ размѣрахъ истребляется здѣсь Манзами. За двадцатилѣтній періодъ нашего обладанія краемъ они успѣли уже оголить громадные пространства по теченію одного лишь Суйфуана. Здѣсь попадаются теперь преимущественно тальникъ, дубъ и черная береза, но иногда можно еще встрѣтить липу, каменъ, вязъ, грецкій орѣхъ, пробковое дерево, тиссъ, букъ, сосну и кедръ; впрочемъ все лучшее, наиболѣе цѣнное уже потреблено хищниками и вывезено за границу, въ Китай, гдѣ, по недостатку собственныхъ лѣсовъ, наше дерево очень цѣнится, не исключая даже мелколѣсья, идущаго на топливо.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ устья, на лѣвомъ берегу, выдается лѣсистый мысокъ, гдѣ пріютились двѣ-три манзовскія фазаны; отсюда горный кракъ отклоняется въ сторону,

отходя отъ рѣки къ сѣверо-востоку, поэтому долина съ обѣихъ сторонъ значительно расширилась, представляя громадныя дуга, по которымъ еще и въ эту пору года бродили аисты, а въ воздухѣ надъ рѣкой носились большія чайки. Тамъ и самъ по лугамъ видѣлись покосы и торчали шалаши косарей. Сѣно здѣсь косать два раза въ лѣто, въ июлѣ и сентябрѣ. Мѣстами у береговъ стояли на причалѣ манзовскія сампанги и джонки и грузились сѣномъ связаннымъ въ большіе снопы. Во Владивостокѣ сѣна такому сволу въ продажѣ отъ трехъ до пяти копѣекъ. Вообще на непродолжительномъ пути до поста Раздольнаго мы встрѣтили на рѣкѣ болѣе двадцати большихъ манзовскихъ джонокъ съ грузомъ сѣна, кромѣ тѣхъ которыя еще грузились. Манзы сбываютъ суифунское сѣно не только во Владивостокъ, но и по китайскимъ фанзамъ и промысловымъ становищамъ раскиданнымъ вдоль береговъ Амурскаго архипелага и на нѣкоторыхъ изъ острововъ Амурскаго архипелага и сбытъ этого послѣдняго рода даже значительно превышаетъ сбытъ собственно владивостокскій. Такимъ образомъ Манзы не пропускаютъ безъ выгодной для себя эксплуатаціи рѣшительно ни одной изъ мало-мальски доходныхъ статей по всѣмъ отраслямъ естественной производительности края, на которыя мы не обращаемъ ровно никакого вниманія. Чужіе люди приходятъ къ намъ, бездально и безлопачинно наживаются на нашемъ добрѣ и снова уходятъ восвояси за границу, а мы и не подумаемъ обложить всѣ эти роды промышленности хотя какимъ-нибудь налогомъ въ пользу государства. Правда и то что въ Иркутскѣ, за 4.000 верстъ, о такихъ „мелочахъ“ и въ голову едва ли приходитъ; для этого надо быть на мѣстѣ и видѣть все собственными глазами, а не основываться на ралортахъ чиновниковъ, у которыхъ всегда и все „обстоитъ благополучно“, лишь бы только отдаленное начальство не приставало съ излишними запросами, плодацими излишніа хлопоты.

Невдалекѣ отъ устьевъ Суифуна владаетъ въ него съ правой стороны рѣка Черная, направляющаяся съ юга, а вслѣдъ за ней рѣка Ильдуга и нѣсколько выше—рѣка Амма-Белла. Долина Ильдуги и вершины окружающія Амма-Беллу изобилуютъ лѣсами, гдѣ преобладающими породами на горныхъ хребтахъ являются лихта и лиственница, а на склонахъ дубъ, яворъ, липа, акація и проч.; въ глубокихъ лощахъ встрѣчаются даже пальмовидныя диморфанты. Всѣ такіа заросли въ

изобиліи деревиты лѣсками архидейныхъ растений и дикимъ виноградомъ, что нерѣдко дѣлаетъ ихъ совсѣмъ непроходимыми и придаетъ имъ дико-картинную прелесть. Подлѣсокъ этихъ лѣсъ также очень густъ и состоитъ изъ разнообразныхъ породъ кустарниковъ, между которыми смѣшиваются бересклетъ, лещина, барбарисъ, шиповникъ, дикій жасминъ, боярышникъ, кизиль и малина. Говорятъ, лѣса эти столь густы что въ нихъ даже въ полдень темно какъ въ сумерки. Остается только удивляться, какимъ образомъ удавалось до сихъ поръ этотъ уголокъ отъ манзовскихъ порубокъ, находясь въ столь близкомъ соседствѣ съ Суифуномъ. Пейзажъ этой мѣстности, на который мы любовались съ нашего парохода, былъ чрезвычайно красивъ, въ особенности отличалось красотой горное ущелье Амма-Бэлаы, гдѣ облака словно курево ползли по лѣсистымъ вершинамъ.

Течение Суифуна очень извилисто и тихо; въ этомъ отношеніи, а отчасти и по характеру прибрежной мѣстности эта рѣка напоминаетъ мнѣ тихій Довъ, по которому я плавалъ въ 1867 году и который во многихъ мѣстахъ не шире Суифуна. Ближе къ Раздольному берега представляютъ большія ветловыя заросли нависшія надъ самою водой, а кое-гдѣ между ветлами являются небольшія пространства кудряво поросшія разнообразнымъ чернолѣсьемъ, что придаетъ этимъ мѣстамъ очень милостивый характеръ.

Россіи принадлежить только среднее и нижнее течение Суифуна, верхняя же его часть находится въ Манчжуріи, берега начало въ отрогахъ горнаго хребта Сихота-Алинь. Сначала рѣка течетъ на востокъ, а входя въ наши предѣлы, поворачиваетъ близъ станицы Фадѣвской къ юго-востоку и въ четырехъ верстахъ отъ села Никольскаго круто направляется къ югу. Это послѣднее направленіе, несмотря на множество прихотливыхъ извилянь, остается господствующимъ до самаго устья. Наибольшая ширина долины Суифуна достигаетъ шестидесяти верстъ, но мѣстами лѣсистые отроги Сихота-Алиня подходятъ близко къ берегу. Наилучшія мѣста для хлѣбопашества залегаютъ въ западной и юго-западной частяхъ долины, гдѣ слой чернозема имѣетъ отъ семи до четырнадцати вершковъ глубины, и къ обработкѣ почвы можно приступать уже съ половины марта. Заморозки въ этихъ мѣстахъ рѣдко когда начинаются ранѣе начала октября и то бываютъ очень незначительны, но для посѣвовъ надо предпочитать

яровое, такъ какъ озими не въ состоянiи выдерживать зиму, иногда вовсе безсѣвную и всегда довольно суровую, благодаря западнымъ и сѣверо-западнымъ вѣтрамъ несущимъ съ собою рѣзкую сухость воздуха при совершенно ясномъ небѣ. Эти вѣтры дующие съ Ледовитаго Океана господствуютъ здѣсь во все зимнее время. Къ числу неудобствъ долины Суифуна надо отнести то что будучи открыта съ юга, она въ теченiе лѣта бываетъ подвержена большимъ туманамъ, которые несутся съ Японскаго моря южными и юго-восточными вѣтрами, преобладающими въ лѣтнiе мѣсяцы; поэтому туманы изъ долины Суифуна нерѣдко пробираются до озера Ханка и даже далѣе, принося съ собою сильную сырость и обильные дожди, льющие сутокъ по трое безъ перерыва. Дождливый періодъ обыкновенно начинается въ июлѣ и продолжается иногда весь августъ, вслѣдствiе чего рѣки выступаютъ изъ береговъ и разливаются иногда на значительное пространство. Разливъ Суифуна простирается до шести верстъ въ обѣ стороны, а въ 1877 году, когда весь Уссурийскій край пострадалъ отъ лѣтняго наводненiя, вода затопила не только лашны никольскихъ крестьянъ, но подошла даже къ самому селенiю. Впрочемъ, одинъ старожилъ изъ Манзовъ сказывалъ что въ теченiе его 45лѣтняго пребыванiя въ край, подобныя наводненiя случались, считая съ послѣднимъ, только три раза.

Въ настоящее время японсконныя, желкосидящiя суда могутъ довольно удобно плавать до Раздольнаго, но далѣе вверхъ плаванiе становится уже крайне затруднительнымъ, по причинѣ не только сильной извилистости, но и частыхъ мелей, надъ которыми въ малую воду глубина не достигаетъ иногда и двухъ футовъ. Эти мели образуются главнѣйшимъ образомъ благодаря корчагамъ, которыя несутся по рѣкѣ во время разлива и случайно застрянувъ въ какомъ-либо мѣстѣ затачиваются пломъ и песками. Еслибы произвести основательную расчистку русла, то здѣшнiе жители предполагаютъ что Суифунъ оказался бы годнымъ для славовъ и даже для судоходства на всемъ своемъ протяженiи въ нашихъ предѣлахъ; а еслибы одинъ изъ его лѣвыхъ, наиболѣе обильныхъ водою притоковъ соединить небольшимъ каналомъ съ такимъ же притокомъ рѣки Лефу, владающей въ озеро Ханка, то Суифунъ представилъ бы для всего Южно-Уссурийскаго края непрерывный водный путь отъ Японскаго моря до Срѣтенска, въ Забайкальской области, болѣе чѣмъ на три тысячи

версть протяженія и такой путь породилъ бы живую связь этого края съ Россіей, служа артеріей для внутренней торговли. Но увы!... всему этому, кажись, долго и долго еще суждено оставаться въ туманной области благихъ пожеланій.

Въ двѣнадцатомъ часу дня пароходъ нашъ уткнулся въ прибрежную мель и остановился у „пристани“. Но не подумайте чтобы здѣсь было хотя малѣйшее подобіе того съ чѣмъ мы обыкновенно соединяемъ ловагіе о пристани, просто песчаная отмель и ничего болѣе. Съ берега положили на бортъ сходни и говорятъ: „пожалуйте, пріѣхали“.

Высидя на берегу, наши мы въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воды массу казенныхъ ящичковъ для стрѣлковой бригады сгруженныхъ тѣмъ же *Суифунамъ* въ предшествовавшіе рейсы и команду салеръ въ сорокъ человекъ посланныхъ изъ Владивостока въ Никольское для исправленія дороги и настилки одного моста. Оказалось что эти люди по окончаніи своихъ работъ уже пять сутокъ ожидаютъ на берегу обратной отправки во Владивостокъ, пребывая все это время подъ открытымъ небомъ и почти безъ пищи, потому что въ Никольскомъ свабдали ихъ изъ бригаднаго штаба не провіантомъ, а деньгами на трехдневное довольствіе; въ Раздольномъ же, по словамъ офицера сопровождавшаго команду, и за деньги ничего съестнаго имъ не уступали, самимъ же не хватаетъ.

Неподалеку отъ мѣста сгрузки были выстроены для встрѣчи взводъ мѣстной команды съ ординарцами и два взвода конно-Уссурийской сотни, назначенные къ намъ въ конвой до Никольскаго. Адмиралъ поздоровался съ каждою частію отдѣльно и затѣмъ всѣ прибывшіе съ нимъ размѣстились въ заравѣе приготовленные экипажи—долгущки и телѣги, а для адмираловъ добыли гдѣ-то даже двѣ долготопыя коляски. Командиръ конно-Уссурийской сотни, подполковникъ Винниковъ, предложилъ мнѣ запасную казачью лошадь, и мы съ нимъ отправились въ дальнѣйшій путь верхами.

Разстряніе отъ пристани до селенія Раздольнаго около четырехъ верствъ. Грунтовая дорога, благодаря салерамъ, теперь не дурна и идетъ все время вдоль Суифуна. Но хребту и скалому продолговатаго холма разбросалось нѣсколько хатокъ да сарайчиковъ и торчатъ небольшіе полуразрушенныя казармы и магазины упрядченнаго поста. Это и есть селеніе Раздольное. Жилища все мазаки; впрочемъ есть нѣсколько и бревенчатыхъ, обмазанныхъ глиной избенокъ и

даже одинъ домикъ подъ тесовою кровлей, гдѣ помѣщается почтовая станція.

По статистическимъ свѣдѣніямъ за 1879 годъ, здѣсь числится девять семей, составляющихъ вмѣстѣ съ бобылами 81 душу, изъ коихъ 52 мужчины и 29 женщинъ. На всѣхъ ихъ приходится 58 лошади, 69 головъ рогатаго скота, 5 свиней и 15 десятинъ пахотной земли, которая вообще хороша, все черноземъ, но къ сожалѣнію долина подвержена довольно частымъ наводненіямъ вслѣдствіе ежегодныхъ разливовъ Суффана. За то покосные луга превосходны, такъ что сѣна у раздольновскихъ крестьянъ въ изобиліи, поэтому они въ послѣдніе годы обратили вниманіе на скотоводство, которое пошло у нихъ довольно успѣшно. Что же касается земледѣлія, то вотъ сообщенныя мнѣ данныя:

Посѣяно. Снято. Ч. приб.

Пшеницы....	29 пуд.	200 пуд.	180 пуд.
Овса	26 "	390 "	364 "
Гречи	60 "	430 "	370 "
Картофеля...	54 "	655 "	601 "

Огурцовъ и калусты урожай былъ хорошій; сѣна снято 3.487 копенъ.

Казалось бы условія жизни при такихъ результатахъ земледѣлія должны быть вполнѣ удовлетворительны, а между тѣмъ крестьяне бѣдны даже настолько что не въ состояніи были продать саперамъ ни одного фунта хлѣба. И дѣйствительно, если взять въ сложности сумму чистой прибыли всѣхъ родовъ хлѣбнаго посѣва вмѣстѣ съ картофелемъ въ Раздольномъ, то это составитъ 1.515 пудовъ, то-есть по 18 съ небольшимъ пудовъ на душу, а при переводѣ на фунты оказывается что на cadaго человека въ Раздольномъ придется по два фунта хлѣбной пищи въ день. Но изъ общей суммы по настоящему слѣдуетъ вычесть 364 пуда овса поступающаго на прокормъ лошадей; въ такомъ случаѣ на cadaго жителя придется менѣе полутора фунта въ сутки. Понятно что тутъ продавать на сторону не изъ чего. Причина недостатковъ, очевидно, въ малыхъ размѣрахъ закладки, а большаго количества не залаживаютъ, потому что занимаютъ почвою гоньбой и извозомъ. По той же причинѣ здѣсь не достаетъ и земледѣльческихъ орудій. На содержаніе почты съ обязательными тремя тройками казна отпускаетъ по 2.000 рублей въ годъ и это доставляетъ крестьянамъ

главную поддержку ихъ существованія. Обязательный гонъ держать они между станціями Барановскою (16½ верстъ) и Угловой (30 верстъ), но для перевозки грузовъ заодражаются и далѣе—съ одной стороны до Никольскаго, съ другой до Владивостока и въ послѣднемъ направленіи преимущественно въ зимнее время, по льду Амурскаго залива, такъ какъ между Раздольнымъ и Владивостокомъ, на протяженіи 70 верстъ по сухолутью, дороги не существуетъ, а есть одна только вьючная тропа, крайне затрудняющая сообщеніе между этими двумя пунктами.

Дальнѣйшая наша дорога отъ Раздольнаго, благодаря ровной мѣстности, тоже оказалась не дурною. По выѣздѣ изъ селенія въ разстояніи около версты лежитъ мостъ исправленный салерами и не вдалекѣ отъ него находятся какія-то небольшія озера или заводи, соединенныя между собою и съ Суифуномъ протоками. Вскорѣ проѣхали мимо манзовской фермы, расположенной при самой дорогѣ. Начиная отъ сего пункта, мѣстность представляетъ низменную сыроватую равнину, которая таетъ до подошвы Сихота-Алиня, въ этомъ мѣстѣ довольно пологого и широкаго. Склоны и тема его покрыты лѣсомъ, гдѣ иногда дикій виноградъ взвивается по сушнямъ прихотливо смѣлыми лобѣгами и свѣшивается внизъ красивыми хвостами и гирляндами; много его встрѣчается тутъ по сторонамъ дороги. Спустясь съ перевала и переправясь черезъ ручей, мы снова поднялись въ гору и выѣхали на видъ станціи Барановской, расположенной среди прекрасной гористой и лѣсистой мѣстности. Здѣсь находился вмѣстѣ со станціей и военный постъ (одна линейная рота), нынѣ уразивный. Онъ былъ основанъ въ 1869 году, послѣ такъ-называемой „манзовской войны“, и наименованъ „Барановскимъ“, въ честь капитана генеральнаго штаба Баранова, тогдашняго начальника съемочной экспедиціи, а нынѣ губернатора Амурской области. То же названіе удержалось и за станціей.

Хребетъ Сихота-Алиня въ данной мѣстности покрытъ рѣдковатымъ, но довольно рослымъ лѣсомъ и преимущественно замѣчательнъ тѣмъ что его склоны, а мѣстами и самое тема болотисты. Это чисто мѣстная особенность природы, сродная, какъ говорятъ, и горамъ сошедшей Манчжуріи. Оригинальное появленіе болотныхъ растений на возвышенныхъ мѣстахъ, нерѣдко усѣянныхъ крупными камнями, зависитъ здѣсь отъ чрезвычайнаго изобилія и густоты растительности

вообще, вызываемой условіями жаркаго и влажнаго лѣта. Корни задерживаютъ свободный стокъ дождевой воды, которая такимъ образомъ за время дождеваго періода скопляется при корняхъ въ обширныя лужи, а изобиліе вѣтвей и листьевъ препятствуетъ проникать въ глубь лучамъ солнца и защищаетъ эти лужи отъ осушающаго дѣйствія вѣтровъ. Но еслибы дренировать эти склоны, то и здѣсь получились бы прекрасныя пастбища, да и качество лѣса въ молодыхъ подростяющихъ деревьяхъ значительно измѣнилось бы къ лучшему, тогда какъ нынѣ отъ излишней сырости почвы сердцевина ихъ подвергается преждевременному гніенію, что въ особенности отзывается вреднымъ образомъ на здѣшнемъ дубѣ. Впрочемъ мѣстные Манзы, а по ихъ свѣдамъ и наши крестьяне уже и теперь не безъ успѣха борются съ горными болотами. Ежегодно двукратное выжиганіе сухой травы весной и осенью, двукратное скошеніе сѣна и выталгиваніе склоновъ и горныхъ луговъ домашнимъ скотомъ мало-по-малу обнажаютъ почву, а солнце и вѣтеръ сушатъ ее, и такимъ образомъ тростникъ уступаетъ наконецъ свое мѣсто кормовымъ травамъ, тѣмъ болѣе что болота не проникаютъ въ глубину почвы. Дренажъ еще болѣе облегчилъ бы это дѣло, способствуя скорѣйшему стоку водъ въ дождливый періодъ лѣта.

Станція Барановская стоитъ совершенно одиноко среди лѣсной пустыни. Казармы линейной роты уже представляють жалкія развалины, изъ которыхъ болѣе цѣнный матеріалъ былъ забранъ солдатами для ихъ новаго помѣщенія, а остальное растаскано кѣмъ попало. Жить здѣсь далеко не безопасно и отъ Хунгузовъ и отъ тигровъ. Одинъ изъ послѣднихъ за пять дней до нашего проѣзда трое сутокъ рыскалъ около станціи, держа ее въ тѣсной блокадѣ, и унесъ свинью да телку, а одной лошади прокусилъ бокъ. Ямщики падали въ него холостыми зарядами чтобы „попугать“.

— Отчего жъ вы не били его пулей? спросили мы ихъ.

— Помилуйте, гдѣ ужъ! отвѣчаютъ, махнувъ рукой:—изъ нашихъ ружей пулей стрѣлять никакъ невозможно: того и гляди разорветъ, себя локалѣчишь. Ружьишки какъ есть никуда негодныя, даже и званія не стояція.

Вотъ кому слѣдовало бы поскорѣе раздать ружья Карля, постулавшія въ сдачу послѣ перевооруженія здѣшнихъ воинскихъ частей берданками. Ямщикамъ, телеграфистамъ и

вообще русскимъ людямъ, обязаннымъ почему-либо жить въ уединенныхъ пунктахъ, на безлюдьи, эти ружья оказали бы весьма существенную помощь для защиты отъ разбойника и звѣря. Хорошо бы вооружить ими и всѣхъ вообще здѣшнихъ крестьянъ, а равно и нашихъ Корейцевъ, потому что нынѣ и тѣ и другіе почти совсѣмъ лишены средствъ обороны противъ нападений хунгузскихъ шаекъ. Въ 1879 году, при посѣщеніи контръ-адмираломъ Эрдманомъ корейскихъ деревень, толпы Корейцевъ останавливали его лошадь и, бросаясь на колѣна, молили дать имъ ружья и порохъ, или поставить къ нимъ въ деревни солдатъ, на полномъ содержаніи отъ жителей, для защиты ихъ отъ Хунгузовъ.

На Барановской мы остановились для перемѣны лошадей. Станція совершенно такая же какія у насъ въ Россіи встрѣчаются на заходустныхъ почтовыхъ трактахъ повсюду. Та же „чистая“ горница для проѣзжихъ „господъ“, съ тремя, четырьмя колченогими стульями и столомъ „самодѣльной“ работы, съ двумя досчатыми яковы диванами, обязанными служить на случай въ качествѣ постелей и съ какими-то почтовыми регламентами, вывѣшенными на стѣнѣ подъ зеленеватымъ стекломъ, въ засиженной мухами деревянной рамкѣ. Косоглазая рослая молодуха, живущая при станціи „за стрелуху“, предложила намъ двѣ кринки цѣльнаго молока, которое и было рослито съ большимъ удовольствіемъ. Эта тоже жалуетса на тигровъ и говоритъ что отъ нихъ, отъ лютыхъ, хоть совсѣмъ скота не держи, а кабы не тигры, просто богатѣть можно бы со скотомъ-то!

Отъ Барановской до Никольскаго 15½ верстъ. Дальнѣйшій путь, на протяженіи 11 верстъ, идетъ по гористой и лѣсистой мѣстности, гдѣ встрѣчается лѣсъ дровяной, строевой и отчасти хвойный. Подъемы и спуски довольно круты, плохо разработаны, въ ладяхъ и низинахъ много болотистой грязи и навороченныхъ камней, мѣстами колеи и колдобины просто ужасны, мостишки на ручьяхъ дырявое гнилье. Вообще, сравнительно съ первою половиною пути, дорога гораздо хуже и видимо находится въ застарѣломъ запущеніи.

Проѣхавъ съ версту, подполковникъ Вивяниковъ предложилъ мнѣ свернуть для сокращенія пути въ сторону и кстати познакомиться поближе со здѣшними лѣсами. Въ сопровожденіи вѣстового трубача, взяли мы вѣзю и пошли по цѣлинѣ, лѣсомъ, продираясь сквозь высокую траву и хлесткій

кустарникъ. Если деревья здѣсь растутъ довольно быстро, то кустарниковыя породы разрастаются еще скорѣе, придавая собою этимъ лѣсамъ много красы и разнообразія. И въ самомъ дѣлѣ, чего только тутъ не было!.. Я уже перечислялъ выше главнѣйшіе виды кустарниковъ этого края. Въ тѣхъ заросляхъ которыми теперь мы пробирались преобладали лещина, боярышникъ, шиповникъ, красовавшійся множествомъ пурпурныхъ ягодъ, и леспедеца. Говорятъ что эта послѣдняя во время цвѣтенія, въ юнѣ мѣсяцѣ, просто заливаешь лѣса своимъ красивымъ розовымъ цвѣтомъ. Виноградъ и здѣсь луталъ собою кусты и деревья; гроздья уже созрѣли, но ягоды были мелки и кислоты, что не мѣшаетъ однакоже дѣлать изъ нихъ недурное вино. Жаль что виноградъ и до сихъ поръ еще не культивируется въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, гдѣ казалось бы существуютъ всѣ условія для его успѣшнаго разведенія.

Въ лѣсу преобладалъ дубъ. Но гораздо больше чѣмъ живыхъ деревьевъ попадалось намъ на каждомъ шагѣ обгорѣлыхъ или срубленныхъ старорослыхъ стволовъ, что вмѣстѣ съ высокою травой довольно-таки затрудняло движеніе, не говорю уже о массѣ валежника. Эти колоды и громадныя годовешки являются слѣдами безпощаднаго лѣсоистребленія. Манзы рубятъ дубъ и оставляютъ его гнить на мѣстѣ для того чтобы черезъ годъ воспользоваться вырастающимъ на стволѣ слизистымъ грибомъ, который очень цѣнится за границей китайскими гастрономами и сбывается тамъ Манзами-промышленниками по пятнадцати и до двадцати серебряныхъ рублей за фунтъ. Поэтому здѣсь существуетъ цѣлый промыселъ называемый грибнымъ, ради котораго Манзы истребили по Суйфуну и въ западной части Южно-Уссурійскаго края громадныя площади дубовыхъ лѣсовъ. И все это сдѣлано уже подъ нашимъ владычествомъ, безо всякаго права, безо всякаго спроса. Обгорѣлыя деревья тоже представляютъ результатъ другаго рода манзовской промышленности. Вмѣсто того чтобъ охотиться на звѣря облавою, они предпочитаютъ пускать по лѣсу палъ, поджигая его по вѣтру полукружіемъ или съ трехъ сторонъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Огонь гонитъ лѣсное звѣрье по одному направленію—къ заранѣ устроеннымъ засѣкамъ и ямамъ. Деревья при такомъ способѣ охоты гибнутъ тысячами, тѣмъ болѣе что Манзы не принимаютъ ровню никакихъ мѣръ къ ограниченію площади лѣснаго пожара. А

сколько въ огнѣ погибаетъ звѣря совсѣмъ задаромъ, безъ пользы для самихъ охотниковъ!.. Все это дѣлается главнѣйшимъ образомъ ради добычи драгоценныхъ *пантовъ*,—такъ называютъ здѣсь молодые оленьи рога, которые въ Китаѣ употребляются на выдѣлку какого-то возбуждательнаго средства и цѣнятся отъ 150 до 400 рублей за хорошую пару. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ лѣса суифунскаго района уже сильно порѣдѣли и потому оба промысла въ настоящее время передвинулись далѣе въ глубь Уссурийскаго края. Еще лѣтъ двадцать такихъ порядковъ, и роскошные уссурийскіе лѣса перейдутъ въ область воспоминаній и мѣстныхъ преданій.

Слѣдуя по лѣсу, мы пересѣкли три глухіе оврага густо поросшіе кустами и большелиствымъ пышнымъ папоротникомъ. Въ одномъ изъ этихъ овраговъ трубочъ-вѣстовой указалъ мнѣ „тигрино логово“, которое можно было признать по сильно примятой въ кружокъ травѣ, да по обглоданнымъ костямъ телянка валявшимся тутъ же около. Хорошо что хозяина не случилось дома, а то нашъ нечаянный визитъ къ нему едва ли сошелъ бы намъ съ рукъ благополучно.

Когда поднялись мы на послѣдній перевалъ горнаго хребта, гдѣ уже кончался лѣсъ, предъ нами вдругъ открылась прекрасная широкая долина Суифуна. Прелестная, слегка всхолмленная мѣстность; излучины рѣки сверкающія багрянцемъ и золотомъ подъ лучами заходящаго солнца; берега окаймленные густыми зарослями ивняка и таволги; лѣски и рощицы тамъ и сямъ разбросанные по долинѣ, вдоль ручьевъ и рѣчекъ, а въ лиловой дали цѣлыя перспективы лѣсистыхъ холмовъ и среди этой долины большое, широко раскинувшееся село съ церковью. Это—Никольское, гдѣ нынѣ расположено штабъ Восточно-Сибирской стрѣлковой бригады.

При спускѣ съ хребта находится деревушка Суифунская, не болѣе какъ въ пять, шесть крестьянскихъ дворовъ, выселившихся изъ Никольскаго. Отсюда до сего послѣдняго оставалось пять верстъ, но мы взяли мимо почтовой дороги влѣво по берегу Суифуна и тѣмъ сократили свой путь еще версты на двѣ. Переправясь въ бродъ черезъ рѣчку Тудогу, на которой стоитъ Никольское, застали на берегу начальника стрѣлковой бригады, генералъ-майора Красовскаго, выѣхавшаго къ этому мѣсту въ полной парадной формѣ на встрѣчу С. С. Лесовскому и командиру войскамъ Приморской

области М. П. Тихменеву. Вскорѣ по дорогѣ показались ихъ экипажи и вмѣстѣ съ этимъ раздались салютные выстрѣлы лѣвѣй Восточно-Сибирской батареи, расположенной развѣрнутымъ фронтомъ на полѣ. При вѣздѣ въ село нашъ адмиралъ былъ встрѣченъ всеми жителями, которые почтили его хлѣбомъ-солью и приветственными криками. Сюда же вмѣстѣ съ русскими крестьянами высыпала и толпа Манзовъ, но послѣдніе держались въ сторонѣ безо всякихъ изъясненій и вообще были очень сдержаны. 3й и 4й стрѣлковыя баталіоны выстроились безъ оружія по обѣимъ сторонамъ дороги со всеми наличными офицерами и бригаднымъ штабомъ. Рота со знаменемъ при хорѣ музыкантовъ стояла въ почетномъ караулѣ у дома бригаднаго командира, гдѣ для С. С. Десовскаго было приготовлено помѣщеніе. На площади предъ казармами и по сторонамъ проѣзда пылали костры, такъ какъ въ это время почти совсѣмъ уже стемнѣло. Сумерки въ этомъ краѣ бывають очень непродолжительны, и полная ночь наступаетъ быстро, минутъ пятнадцать, двадцать спустя послѣ заката солнца.

Помѣщеніе бригаднаго командира, гдѣ со стороны любезнаго хозяина намъ былъ предложенъ обѣдъ, отдалено очень комфортно, чего даже и ожидать не могли мы въ Никольскомъ; обои, мебель, предметы обстановки—все это привезено изъ Петербурга. Послѣ обѣда происходило военное соѣщаніе, въ виду предполагаемаго движенія изъ Никольскаго на непріятельскую территорию, въ случаѣ объявленія войны съ Китаемъ. Я встрѣтился здѣсь со своимъ старымъ знакомцемъ, командиромъ 3го баталіона, подполковникомъ Петерсономъ, который повелъ меня на ночлегъ къ себѣ на квартиру. У насъ съ нимъ являлось не мало общихъ воспоминаній по кампаніи 1877 года и по стоянкѣ въ Санъ-Стефано.

На разсвѣтъ 4 октября, въ исходѣ шестаго часа утра, насъ разбудили звуки стрѣлковыхъ рожковъ и заставили поскорѣй одѣваться чтобы послѣтъ къ выходу адмирала. Утро было ясное и морозное настолько что оконныя стекла за ночь сцѣрка разрисовались затѣйливыми узорами. Въ началѣ октября такой утренникъ представляетъ здѣсь явленіе нѣсколько преждевременное, которое, по нормальнымъ условіямъ климата, должно бы имѣть мѣсто лишь во второй половинѣ этого мѣсяца, и такъ какъ наканунѣ нельзя было

предвидѣть мороза, то войска, въ количествѣ двухъ баталіоновъ, одной батареи и взвода конно-Уссурийскихъ казаковъ, въ силу отданнаго съ вечера приказа, были выведены на смотръ въ однихъ мундирахъ. Поэтому адмиралъ ограничился только обходомъ фронта и краткою, прочувствованною рѣчью къ людямъ, которые послѣ этого были отпущены домой безъ прохожденія церемональнымъ маршемъ, а мы отправились осматривать село и древности уцѣлѣвшія въ его ближайшихъ окрестностяхъ.

Село Никольское основалось въ 1866 году, благодаря переселенцамъ съ Амура. Влекли ихъ въ эту сторону надежды на мягкій климатъ и возможность разведенія фруктовыхъ садовъ, такъ какъ сами они были уроженцами южныхъ губерній Европейской Россіи, преимущественно Воронежцы и Астраханцы. Въ навигаціи того года пароходы Амурскаго общества доставили сюда 64 семьи крестьянъ, въ количествѣ 424 душъ, которыя основали: деревню Астраханку, на берегу озера Ханка, 27 дворовъ, село Никольское, на берегу рѣчки Тудогу (притокъ Суйфуна), 19 дворовъ, и деревню Романовскую, на Уссури, 18 дворовъ, но послѣдняя, по причинѣ сырости почвы и климата, просуществовала недолго и въ зиму 1868—69 года переселилась въ прекрасную мѣстность, въ 12 верстахъ отъ Никольскаго, гдѣ и основалось сельцо Михайловское (61 душа). Подъ впечатлѣніемъ благопріятныхъ слуховъ объ условіяхъ жизни и земледѣлія въ Ханкайскомъ и Суйфунскомъ округахъ, переселеніе приамурскихъ крестьянъ продолжалось и въ 1867 году; но слѣдующій 1868 годъ былъ очень тяжелъ для Никольскаго. Въ семь послѣднемъ году разыгралось возстаніе Манзовъ, не признающихъ и доселѣ принадлежности Уссурийскаго края Русской державѣ и считающихъ что русскіе поселенцы допущены сюда лишь временно, по неизреченной милости къ нимъ богдыхана, съ тѣмъ что въ текущемъ 1881 году они должны либо принять китайское подданство, либо совсѣмъ убраться вонъ изъ края. Во время этого возстанія, извѣстнаго здѣсь подъ именемъ „манзовской войны“, большія и хорошо организованныя банды Хунгузовъ, направляясь съ низовьевъ рѣки Сучана, провизали своимъ шествіемъ всю внутренность края, въ направленіи къ Никольскому и манчжурской границѣ, ознаменовавъ свой лутъ убійствами русскихъ крестьянъ и поджогами ихъ селеній. Никольское уже и въ то время явилось хорошо

обстроеннымъ селомъ съ обширными запашками. Въ маѣ мѣсяцѣ Хунгузы сожгли его до тла, равно какъ и деревню Суф-фуискую, убивъ при этомъ нѣсколько жителей, и угнали съ собою весь крестьянскій скоть. Поселенцы наши спаслись отъ нихъ только послѣднимъ бѣгствомъ въ Камень-Рыболовъ, подъ защиту расположеннаго тамъ баталіона, и возвратились на старое пелелище уже въ августѣ, когда мѣстность была очищена отъ хунгузскихъ шаекъ. Вместе съ ними была переведена сюда изъ Камня-Рыболова рота линейныхъ солдатъ, подъ охраной которой крестьяне сняли со своихъ полей то что осталось непотоптанымъ и начали вновь строиться.

Несмотря однако на манзовское возстаніе, вредно отозвавшееся на всемъ краѣ, благосостояніе какъ Никольскаго, такъ и прочихъ селеній Ханкайскаго округа, возрастало все болѣе, благодаря счастливому выбору мѣстъ подъ поселенія, хорошей почвѣ и вѣстѣсенію дальнѣйшихъ переселеній тѣхъ деревень которыя по первому разу осылись менѣе удачно. Въ настоящее время эти селенія, можно сказать, процвѣтаютъ; хлѣбные посѣвы даютъ весьма хорошіе урожаи, избытками коихъ жители продовольствуютъ даже окрестныя войска и бодро, съ полною вѣрой смотря на свою будущность, въ особенности зажиточные поселане Турьяго Рога, Астраханки и Никольскаго, уже вполне освоившіеся съ краемъ. Они съ увѣренностію говорятъ что не замедлятъ изъ него совсѣмъ „сдѣлать Россію“. Тѣмъ не менѣе потребность въ дальнѣйшей колонизаціи русскими земледѣльцами сказывается съ каждымъ годомъ все настоячивѣе и неотложнѣе, потому что наплывъ китайскаго населенія къ намъ все растетъ, отвоевываетъ у насъ мирнымъ путемъ эту землю и мало-по-малу, посредствомъ разныхъ насилій, убійствъ и поджоговъ, вытѣсняетъ изъ насѣженныхъ мѣстъ нашихъ колонистовъ. Но для этого прежде всего необходимо обезпечить свою границу отъ постоянныхъ прорывовъ хунгузскихъ шаекъ, учредивъ на ней достаточную охрану, безъ чего никакая правильная колонизація, никакое развитіе сельскаго труда и благосостоянія не мыслимы въ ближайшаго, непосредственнаго сосѣдства войскъ, ибо невозможно вѣчно жить и работать подъ страхомъ что вотъ-вотъ нагрянутъ Хунгузы, сожгутъ хлѣбъ или хату, угонять скоть, уведутъ въ неволю дочь или мальчика-сына. Надо положить рѣшительный конецъ этой постоянной малой войнѣ съ Манзами въ предѣлахъ Уссурийскаго края.

Съ переводомъ въ Никольское воинской части оно быстро стало развиваться въ экономическомъ отношеніи и еще съ осени того же несчастнаго 1868 года населеніе его увеличилось крестьянами съ Верхней Усури и рѣки Даубихэ. Съ усиленіемъ количества войскъ и земледѣіе въ Ханкайскомъ округѣ уже въ 1873 году успѣло развиться настолько что цѣны на всѣ сельскіе продукты сильно упали противъ цѣнъ 1869—70 годовъ и жизнь подешевѣла. Къ сожалѣнію сбытъ этихъ продуктовъ, кромѣ какъ въ ближайшія воинскія части, остается и до сихъ поръ крайне затруднительнымъ, по недостатку хотя сколько-нибудь удобныхъ путей сообщенія со Владивостокомъ. Впрочемъ съ 1880 года окрестный сбытъ значительно противъ прежняго оживился, благодаря тому обстоятельству что въ Никольскомъ, кромѣ гдѣшеи Восточно-Сибирской батареи, расположились на постоянное пребываніе еще два стрѣлковыя баталіона.

Суглинистая и черноземная почва этихъ мѣстъ чрезвычайно удобна не только для хлѣбопашества, но и для садоводства. Въ нѣсколькихъ верстахъ къ западу отъ Никольскаго правительствомъ на собственные средства, при помощи ученаго садовода г. Ветергофа, развело пробный разсадникъ, гдѣ первоначально было посажено 4.000 фруктовыхъ деревьевъ, но изъ нихъ 400 сгорѣло во время лущеннаго Манзума пала. Тутовое дерево, въ числѣ 600 экземпляровъ, развивается очень хорошо и представляетъ полную коллекцію своихъ разновидностей. То же должно сказать и о культивированіи винограда, изъ котораго г. Ветергофъ уже выдѣлываетъ вино. Огородничество точно также дѣлаетъ прекрасные успѣхи во всѣхъ здѣшнихъ селеніяхъ.

Въ настоящее время въ Никольскомъ считается 107 хозяйскихъ дворовъ и 670 жителей (изъ нихъ 320 женщинъ); сверхъ того, девять дворовъ китайскихъ. Крестьяне, кромѣ хлѣбопашества, занимаются торговлей и извознымъ промысломъ. Большинство строеній въ селѣ бревенчатыя обитыя снаружи бѣлою глиной; есть и двухъэтажные дома съ мезонинами, крылечками и расписными ставнями; есть и лавки съ „панскими“ и колониальными товарами; улицы широки и разбиты правильно, кое-гдѣ попадаются даже фонари. Деревянная церковь отличается благообразною постройкой, подобающею православному храму,—не то что во Владивостокѣ, гдѣ единственную церковь отличить отъ казеннаго провіантскаго

своя развѣ потому только что надъ нею торчитъ маленькій деревянный крестикъ. Въ Никольскомъ живетъ нашъ пограничный комиссаръ г. Матюшкинъ, а офицеры учредили овои клубъ и библіотеку. Словомъ сказать, несмотря на 9.820 верстъ расстоянія отъ Петербурга, служащимъ людямъ жить было бы можно, даже съ нѣкоторымъ удобствомъ, еслибы не ужасная дороговизна на всѣ привозные товары получаемые здѣсь изъ Владивостока. При такой дороговизнѣ не хватаетъ на прожитіе полтораго содержанія получаемого служащими, и они поневолѣ вынуждены входить въ тяжелые долги, а нередко и бѣдствовать. И это не въ одномъ только Никольскомъ: то же самое явленіе бросается въ глаза рѣшительно во всемъ край и прежде всего въ самомъ Владивостокѣ. Сильно ошибаются тѣ что разчитываютъ вѣхать сюда на службу „для поправленія обстоятельствъ“, ибо честною службой ихъ не поправишь, а человекъ семейный, живущій однимъ жалованьемъ, рискуетъ окончательно запутаться. Тутъ противъ потребителя совокуляется все: и нискій курсъ нашего рубля, и замѣтныя стачки „привилегированныхъ“ владивостокскихъ коммерсантовъ—Нѣмцевъ, которые столько лѣтъ пользовались исключительнымъ фаворомъ мѣстной власти въ ущербъ русскимъ торговцамъ, и малочисленность русскаго производительнаго населенія, и манзовская рыночная эксплуатація... Значительная доля вины за такое печальное положеніе падаетъ на тенденцію мѣстныхъ администраторовъ конца 60хъ и начала 70хъ годовъ, которые, будучи сами не русскаго происхожденія, старались выдвинуть на первый планъ иностраннѣй (преимущественно нѣмецкій и отчасти финляндскій) торговый элементъ, какъ болѣе „цивилизованный“, и своимъ отношеніемъ къ чисто русскимъ торговцамъ не только парализовали ихъ начинанія, но многихъ и вовсе выкурили изъ края. Телерь только двое русскихъ купцовъ, нашедшихъ въ себѣ достаточно воли и характера, чтобы перемочься, выдержать борьбу и остаться въ край, ведутъ дѣла довольно крупныхъ размѣровъ, это—гг. Семеновъ и Федоровъ, но у перваго специальность морская каюста, а у втораго—лѣсопильное дѣло; г. же Чуринъ, торгующій русскими мануфактурными товарами, настолько сжатъ преобладаніемъ мѣстной иностранной конкуренціи что не можетъ развивать свое торговое дѣло такъ какъ слѣдовало бы и по его добросовѣстности и по его

положенію въ смыслѣ Русскаго. Чтобы подвять русскую торговлю, надо начать сначала, то-есть опять привлечь купцовъ изъ Сибири, а это очень и очень трудно послѣ опытовъ прошлыхъ лѣтъ. Теперь они боятся рисковать и говорятъ что еслибы положеніе ихъ въ этомъ край было обезпечено прочною законодательною мѣрой, тогда другое дѣло, а то гадки, опять посадятъ дѣлный рядъ Наместъ-начальниковъ и кто-нибудь изъ нихъ опять выкурить тебя изъ края. Помочь этому горю въ настоящее время мнѣ кажется можетъ одно только Общество Добровольнаго Флота, снабжая край русскими товарами и изделиями. Хорошо бы было еслибы Общество взяло на себя и эту отрасль дѣятельности устроило во Владивостокъ свою факторию, которая имѣла бы полную возможность регулировать и поддерживать христіанскую, то-есть добросовѣстную морскую дѣятельность цѣль на предметы хотя бы первой необходимости. Это на много парализовало бы гаучья стачки и торговый произволъ нашихъ привилегированныхъ иностранцевъ. Да пора бы тоже положить конецъ и этимъ неумѣстнымъ привилегіямъ.

Изъ селенія мы проѣхали къ древнимъ землянымъ окопамъ, находящимся—однимъ въ разстояніи полумерсты, а другой около трехъ верствъ отъ Никольскаго. Первое изъ укрѣпленій представляетъ неправильный четырехугольникъ обнесенный трехсаженнымъ валомъ съ выдающимися присылками для фланговой обороны; рва не замѣтно и надо думать по всей вѣроятности что его не существовало вовсе, потому что въ другомъ дальнѣйшемъ окопѣ при одинаковыхъ условіяхъ мѣстности онъ сохранился очень хорошо; стало-быть и здѣсь не могъ бы исчезнуть безслѣдно. Внутри перваго укрѣпленія замѣтно не мало „могилъ“ или кургачиковъ, которые по своей болшей чрстію неправильной формѣ заставляютъ предполагать что это скорѣе остатки фундаментовъ и развалины какого-то древняго города, занесенные отъ времени слоемъ наѣма и заросшіе травой, чѣмъ могилы древняго кладбища. Да и самое положеніе ихъ *внутри* окопа свѣдѣтельствуетъ въ пользу перваго предположенія, тѣмъ болше что на нѣкоторыхъ курганахъ еще сохранились остатки кирпичей. Въ самомъ Никольскомъ валются два каменные изваянія какихъ-то животныхъ въ натуральную величину.

Вѣроятно же всего что это большая „корейская собака“, каменная изображенія которой и до сихъ поръ можно видѣть у предвѣрій и во дворахъ нѣкоторыхъ древнихъ храмовъ не только въ Китаѣ, но и въ Японіи. Это—своего рода Церберъ охраняющій входъ во святилище. Нередко при раскопкахъ земли подъ огороды, при рытьѣ фундаментомъ, погребовъ и колодезевъ, никольскіе крестьяне находятъ глиняные и фаянсовые осколки утвари и остатки разныхъ издѣлій. Все это служитъ доказательствомъ что на мѣстѣ Никольскаго когда-то въ глубокой древности существовалъ большой укрѣпленный городъ, быть-можетъ даже столица этой провинціи, а остатки дорогъ и древнихъ пахотныхъ полей свидѣтельству ютъ что это была страна весьма культурная и что характеръ ея культуры заимствовать изъ Китая, такъ какъ пашни идутъ рядами узкихъ градокъ, а этотъ способъ обработки и до сихъ поръ сохранился у Китайцевъ.

Второе дальнѣйшее укрѣпленіе представляетъ правильный почти квадратный редутъ, протяженіемъ около версты по каждому фасу, съ трехсаженнымъ валомъ и широкимъ рвомъ, расположенный на совершенно ровной плоскости. Съ южной его стороны шагахъ въ двухстахъ находится отдѣльное небольшое укрѣпленіе тоже квадратной формы, облежавшее вѣроятно какую-нибудь башню и служившее для фланговой обороны главнаго фронта, каковымъ здѣсь является именно южный фасъ.

Подобные околы встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ этого края, между прочимъ на верховьяхъ Даубихэ и по теченію Суйфуна. На послѣдней рѣкѣ въ пространствѣ между Никольскимъ и станціей Константиновскою сохранилось три такихъ укрѣпленія и судя по ихъ расположенію исключительно на лѣвомъ берегу, причемъ самая рѣка служила какъ бы предварительною защитой въ видѣ естественнаго рва, должно думать что главный оборонительный фронтъ этихъ крѣпостей былъ направленъ противъ Манчуріи и что Суйфунъ былъ пограничною рѣкой.

Какой именно народъ населялъ въ болѣе отдаленной древности эти мѣста — нынѣ неизвѣстно, и ни у Гольдовъ съ Тазами, ни у Корейцевъ, ни у Манзовъ не сохранилось о томъ никакихъ преданій. Въ китайскихъ летописяхъ встрѣчаются лишь позднѣйшія (сравнительно) и притомъ отрывочныя свѣдѣнія о краѣ и причинахъ того запустѣнія въ

какомъ онъ пребываетъ за свыше двухсотлѣтній періодъ своего существованія до перехода подъ русскую державу. Известный нашъ сивологъ, профессоръ В. П. Васильевъ, основываясь на китайскихъ источникахъ, говоритъ что древнее населеніе этого края пользовалось самостоятельностью и было известно Китайцамъ подъ именемъ Воцзи. И дѣйствительно, за самостоятельность сего населенія говорятъ его крѣпости обращенныя фронтомъ къ Манчжуріи. Но въ теченіе восьми лѣтъ (съ 1607 по 1615 годъ нашей эры) манчжурскія орды совершили лять нашествій на Воцзи и за это время поувичтожали города, разорили всю страну и увели въ неволю всѣхъ кто былъ помоложе да поздоровѣе, а все остальное дало подъ ихъ ножами. Такимъ образомъ край опустѣлъ и мало-по-малу сдѣлался добычей китайскихъ бѣглецовъ, преступниковъ, авантюристовъ и всякаго рода китайской гольтыбы, известной подъ общимъ нарицательнымъ именемъ Манзовъ. *

Таковы-то позднѣйшія свѣдѣнія объ Уссурійскомъ краѣ. Но еще за много вѣковъ до начала XVII столѣтія край былъ ареной борьбы разныхъ племенъ и переходилъ изъ рукъ въ руки. Тѣ же Манчжуры однажды обладали имъ еще въ XII столѣтіи, чему подтвержденіемъ отчасти служитъ одна могила, которую намъ показывали на лутѣ отъ Никольскаго къ дальнему околу. Лежитъ она немного въ сторонѣ отъ дороги, въ полуверстѣ отъ селенія и представляетъ собою небольшой бугорокъ, служащій подножіемъ для высѣченной изъ красноватаго гранита черепахи (китайская эмблема вѣчности) длиной въ семь и шириной въ шесть футовъ. На ея спинѣ находится поперечное углубленіе, въ которое была стоймя вставлена мраморная плита до восьми футовъ длиной, украшенная въ верхней своей части изображеніемъ дракона (китайскій государственный гербъ) и покрытая высѣченными китайскими письменами. Другой изъ нашихъ известныхъ сивологовъ, покойный настоятель православной миссіи въ Пекинѣ, архимандритъ Палладій, въ 1871 году изслѣдовалъ всѣ эти древности на мѣстѣ и разобралъ китайскую надпись. По его словамъ, она относится къ XII вѣку и свидѣтельствуется что на семь мѣстъ погребенъ одинъ изъ родственныхъ Чингисъ-хану князей, властитель даннаго края. М. П. Тихменевъ

* Мань-цзы по-китайски значить бѣглець, выходець, бродяга.

въ 1879 году производилъ здѣсь раскопку и дорылся до кирпичнаго свода, но къ сожалѣнію дальнѣйшее исследование за недостаткомъ времени не продолжалось, а въ слѣдующемъ году уже и мраморная плита исчезла. Говорятъ что крестьяне разбили ее на части и разобрали по домамъ—болѣе ужь годится въ грузъ на крышка къ бочкамъ съ квашеною капустой.

Послѣ завтрака мы оставили Никольское и тронулись въ обратный путь, подъ конвоемъ взвода конно-Уссурийской сотни. * Относительно людей и лошадей этой сотни нельзя не замѣтить что тѣ и другія довольно выносливы. Когда потребовались два взвода въ конвой, люди были тотчасъ же собраны съ разныхъ постовъ къ сотенному штабу, а оттуда немедленно же направлены къ Раздольной пристани, такъ что въ теченіе двадцати часовъ имъ пришлось сдѣлать 106 верстъ, да еще предстоитъ отмахать въ конвоѣ же съ генераломъ Тихменевымъ болѣе 700 верстъ до Хабаровки, если пароходное сообщеніе по Уссури прекратится ранѣе обычнаго срока.

На Раздольской пристани все еще изнывали голодные саперы, ожидая нашего прибытія, въ надеждѣ что С. С. Лесовскій разрѣшитъ имъ слѣдовать въ этотъ же рейсъ на *Суйфунъ*. Тутъ же на берегу набралось нѣсколько женщинъ—крестьянскихъ и солдатскихъ женъ съ ребятишками и грудными младенцами, отправлявшихся во Владивостокъ—однѣ къ мужьямъ, другія на заработки. Эти женщины тоже считывали—не будетъ ли милости подвезти ихъ на казенномъ пароходѣ до устья, гдѣ ихъ приметъ къ себѣ на бортъ пароходъ *Амуръ*. Адмиралъ не только разрѣшилъ, но даже самъ предложилъ ѣхать на *Суйфунъ* и начальнику саперной команды съ его людьми и женщинамъ.

Ужъ не знаю сорокъ ли человекъ (кромѣ женщинъ) лишнихъ пассажировъ оказались такою существенною надбавкой къ суммѣ обычнаго груза этого парохода или убыль воды стала чрезчуръ уже велика, только отваливъ отъ пристани, онъ тотчасъ же сѣлъ на мель, и долго, несмотря на всѣ усилія матросовъ, не могъ сдвинуться съ мѣста. Какъ ни жалко, а необходимость очевидно указывала что для облегченія

* Другой взводъ готовый на смѣну перваго ожидалъ адмирала на станціи Барановской.

судна надо сеадить саперовъ и женщннъ опать на берегъ, до слѣдующаго рейса. Но на нхъ счастье явился вдругъ Манза, хозяинъ одной изъ большнхъ „шампанокъ“ (сампангъ), готовившійся плыть къ морю, и заявилъ что онъ охотно приметъ всѣхъ лишннхъ пассажировъ на свою лодку, если мы возьмемъ ее къ себѣ на буксиръ. Капитанъ разумется согласился на это предложеніе, и команда съ ея имуществомъ перегрузилась на шампанку, а женщнны остались у насъ на лалубѣ, и послѣ этого *Суйфунъ* тронулся наконецъ въ путь въ пятомъ часу полудни. М. П. Тихменевъ съ лицами своего штаба остался на берегу и простился съ нами до новой встрѣчи либо на боевомъ полѣ у береговъ Лутунскаго залива, либо когда-нибудь въ Петербургѣ.

Изъ началу седьмага часа уже совоѣмъ свечерѣло и яркая луна заблнстала на совершенно ясномъ небѣ. Было свѣтло почти какъ днемъ, до такой степени чнсть была воздухъ, но берега принимали мѣстами обманчнвыя тѣни и очертанія: корчага казалась торчащимъ изъ воды камнемъ, прибрежный кустъ вмѣстѣ со своимъ отраженіемъ въ неподвижно зеркальной глади рѣки принималъ размѣры большого дерева, скнрды сна вырѣзывались на фонѣ неба точно черныя крыши домовъ... Горизонтъ нылаалъ заревомъ обширныхъ луговыхъ пожаровъ и вскорѣ мы поплыли какъ бы вдоль огненнаго корридора. Это Манзы выжигали прибрежныя низменности подъ сѣнокоса будущаго года. Сукіе желто-бурые стебли тростеледевицы такъ и трещали, будто бѣглый ружейный огонь, лалчмые быстро бѣгущнхъ пламенемъ. Огненные языки крутились и взмѣтывались къ небу, темнобагровый густой дымъ валнлъ клубящнмися тучами, мнріады искръ неслись въ воздухъ надъ рѣкой и иногда подхваченныя легкимъ вѣтеркомъ вьющнмися вереницами переметывались съ берега на берегъ, словно бы неисчислимые рои какихъ-то огненныхъ наѣкомыхъ, а въ небѣ то тамъ, то сямъ металась ошалѣлая чайка и съ ислуганнмыи криками высоко тянула къ юго-западу стаи болотныхъ и водяныхъ птицъ, убѣгая отъ пожара. Иными мнровельными при взмахѣ бѣлыхъ крыльевъ аистовъ и цаекъ на нихъ отражался розоватый отблескъ зарева. Было что-то грозное и будто заговѣщее въ этой своеобразной и величавой картинѣ.

— То-то, чай, тнгры спасаются телерь слома голову изъ этихъ камышей, замѣтилъ, глядя на пожаръ, одинъ изъ „суйфунскихъ“ матросовъ.

— А что, развѣ и здѣсь водятся?

— Эво-на!... гдѣ жь имъ и водиться! Камыши, самъ изволишь видѣть, ваше высокоблагородіе, куды выше человѣчьяго росту, да и густота. Тутъ имъ самый уютъ-то и былъ, безопаснѣе даже чѣмъ въ лѣсу. Кто жь бы сюда сунулся!

— Ну вотъ стало-быть и Манзы что-нибудь хорошее дѣлають.

— Хорошо-то оно хорошо, да гляди какъ бы палецъ на лѣсъ не перекинулся... Вѣдь Манза онъ жжетъ безъ разсудку, никакой предосторожности. Какъ разъ перекинетъ поляныя, и сейчасъ страсть что погоритъ лѣсу. Не впервой уже!...

И дѣйствительно, начальникъ гидрографической части во Владивостокѣ М. А. Клыковъ удостовѣряетъ что въ 1862 году онъ самъ былъ очевидцемъ какъ отъ подобныхъ причинъ осенью въ ноябрѣ мѣсяцѣ горѣло все наше побережье Японскаго моря, отъ широты 43 до 45 градуса. Подумайте каково же пространство!

Слуста около часа мы миновали область луговыхъ пожаровъ и вышли снова на чистый воздухъ, не испытывая больше никакого запаха гари. Въ воздухѣ уже замѣтно похолодѣло и къ полудню по всѣмъ признакамъ опять надо было ожидать мороза. Небо оставалось все такимъ же прозрачно яснымъ и луна сіяла еще ярче, но ночная темнота уже вполнѣ распростерлась надъ землею и очертанія бережныхъ предметовъ стали еще фантастичнѣе. Командиръ *Суйбуна* Викторъ Ивановичъ М—ри пытался было нѣкоторое время идти впередъ, но наконецъ предпочелъ стать на якорь верстахъ въ пяти отъ устья. Эта неожиданная остановка у многихъ изъ пассажировъ вызвала недовольство и даже насмѣшки насчетъ червчуръ уже большой осторожности капитана. Да и въ самомъ дѣлѣ досадно было ночевать на холоду, среди лустыи, безо всякихъ удобствъ, тогда какъ въ семи-восьми верстахъ стоитъ на якорѣ *Европа*, гдѣ у каждаго есть своя теплая каюта, чистая постель и всевозможный комфортъ какой только можетъ представить превосходно устроенное флагманское судно. Но несмотря на недовольство, просьбы, убѣжденія и подъ конецъ даже нѣкоторыя ядовитыя замѣчанія на счетъ капитанской смѣлости и знанія дѣла, нашъ маленькій капитанъ выдерживалъ характеръ.

— Если мнѣ покажутъ, я пойду, отвѣчалъ онъ Р. Б. Асланбегову на вопросъ чего ради произошла эта досадная

остановка,—я пойду хоть сію минуту, но прошу принять во вниманіе что русло рѣки отъ наносовъ измѣняется ежегодно, а створные знаки уже два года вовсе не провѣрялись, такъ что я хожу не по нимъ, а ориентируюсь на разные береговые предметы, которые ночью очень обманчивы: я могу ошибиться и посадить пароходъ на мель, а вѣдь только этимъ пароходомъ и поддерживается единственное сообщеніе Владивостока съ Россіей, и кромѣ того мнѣ предстоитъ еще перевезти на немъ 20.000 пудовъ казеннаго военного груза для Никольскаго, а навигація прекращается 15 октября. Если же пароходъ станетъ на мель не въ рѣкѣ, а на барѣ, гдѣ теперь при отливѣ глубина не болѣе полутора фута, то къ утру его засосетъ пескомъ, и тогда какими судьбами перевезется этотъ грузъ?

С. С. Лесовскій вполнѣ поддержалъ капитана, признавъ полную основательность его доводовъ, и сказалъ ему что такъ какъ онъ командиръ судна, то пусть распоряжается какъ сочтетъ за лучшее, и *Суйфунъ* остался на якорѣ.

Салеры съ шампанки сошли на берегъ и чтобы согрѣться развели большой костеръ, поддерживая вполнѣ до утра его пламя, а женщины съ дѣтьми Викторъ Ивановичъ перевелъ къ себѣ на *Суйфунъ* и помѣстилъ ихъ въ камбузъ, какъ въ самомъ тѣломъ уголкѣ судна, да кромѣ того подѣлился и съ ними, и съ салерами матросскою порціей изъ пароходнаго запаса. Такимъ образомъ, благодаря великодушію маленькаго капитана, несчастные люди хоть сколько-нибудь закусили на ночь.

Въ виду необходимости вочевать на *Суйфунъ* пришлось поближе ознакомиться съ его каютнымъ устройствомъ. На немъ, не считая матросскаго уголка на бакѣ, имѣется собственно одна каюта „капитанская“, а другую, смежную, сочинилъ уже самъ Викторъ Ивановичъ. Надо замѣтить что на ремонтъ парохода отпускаются такіе лустяки что казенной суммы далеко не хватаетъ на самыя необходимыя исправленія и притомъ изъ порта не отпускаютъ ему никакихъ матеріаловъ натурой. Поэтому-то Викторъ Ивановичъ, имѣя въ виду беззащитность отъ непогодъ и холода своихъ пассажировъ, которыхъ всегда не мало перебиваетъ у него за время навигаціи, и создалъ себѣ самъ безъ помощи казны одну лишнюю каюту въ кормовой части судна, примкнувъ ее къ наружной стѣнѣ рубки, да и въ ней-то еще ухитрился

сочинить себѣ маленькую спаленку, ровно въ полтора аршина шириной. Бека и кровлю каюты пришлось сколотить изъ всякаго случайнаго матеріала, какой лишь нашелся подъ рукой: тутъ пошли въ дѣло и старыя двери, и реѣкъ, и доски изъ-подъ какого-то товарнаго ящика, и даже руль отъ двойки, а гдѣ не хватало дерева, тамъ затанули парусинкой, да покрасили все это бѣлками, и ничего-себѣ, живеть! И вышло чистенько. Пассажиры ютятся въ импровизованной каютѣ и благодарятъ заботливаго капитана, да и какъ еще сами-то мы возблагодарили его въ душѣ потомъ въ теченіе ночи за это спасительное помѣщеніе!..

Просто изумительно даже какъ это маленькій капитанъ сумѣлъ такъ изловчиться и приспособиться хозяйственнымъ образомъ на такой тѣсной и неудобной посудинѣ какъ его пароходикъ. Тутъ у него не только спаленка, но и миниатюрный рабочій кабинетикъ устроенъ, гдѣ стоитъ маленькая конторка для письма, заваленная разными отчетными книгами, ибо по *Суйфуну* неукоснительно ведется такая же самая отчетность какъ и по перворанговому судну, и ведетъ ее Викторъ Ивановичъ самъ лично и за ревизора, и за писаря. Въ маленькой библиотечкѣ его въ порядкѣ тѣснятся на полкахъ переплетенныя книжки, большею частію все такія же маленькія, миниатюрныя какъ и вся каюта, какъ и самъ ихъ хозяинъ, но за то всѣ онѣ серьезнаго содержанія. Тутъ была *Энциклопедія математическихъ наукъ*, нѣсколько описавій морскихъ и этнографическихъ путешествій, лексиконы, нѣчто по части статистики, спеціально морскія изданія, англійскія и русскія, и прочее въ такомъ же родѣ, что во всякомъ случаѣ свидѣтельствовало о достаточной степени научнаго развитія ихъ обладателя. Тутъ же на стѣнѣ виситъ подробная карта Россійской Имперіи—„своя собственная“, такъ какъ отъ мѣстнаго морскаго вѣдомства *Суйфуну* никакихъ картъ не полагается, не исключая даже и карты судходной части рѣки Суйфуна. Противъ карты, на другой стѣнѣ, прилажены на крючкахъ два валика отъ музыкальнаго органчика, присутствие которыхъ въ каютѣ сначала очень всѣхъ удивило, на какую-моль потребу попали сюда шарманочные валики? Но оказалось что капитанъ любитель музыки и что у него есть даже инструментикъ, служацій ему и въ качествѣ лианцо, и въ качествѣ органа, только инструментикъ этотъ такъ малъ и такъ уютно прижался въ уголокѣ

что мы сначала и вовсе его не замѣтили. Нашъ флагъ-капитанъ А. П. Новосильскій, разсматривая всѣ курьезы этой каютки и спаленки, называлъ ее въ шутку „коробочкой“; другіе подхватили слово—„коробочка“ да „коробочка“, и пошло это названіе за нарицательное имя не только нашего пощенія, но и всего суда, да и самого почтеннаго Виктора Ивановича стали называть „капитаномъ коробочки“.

— Да, сказалъ онъ намъ на это—„коробочка“!.. А благодаря этой коробочкѣ, т.-е. вотъ этой самой „импровизованной“, какъ вы говорите, каютѣ, можетъ-статься не одинъ десятокъ дѣтей спасся отъ смерти.

— Это какими судьбами? спросили озадаченные слугаики.

— Да очень просто-съ. Вѣдь плавать-то приходится и въ раннюю весну и въ позднюю осень, да чуть что не каждый рейсъ перевозимъ и крестьянскихъ бабъ и солдатскихъ женокъ,—съ ребятишками иныя тоже случаются... Ну, и пока не было коробочки-то, всей этой публикѣ поеволь приходилось ютиться на палубѣ. А при такихъ-то вишь оставовкахъ за малую водой, или за ночнымъ временемъ, или за туманомъ тамъ что ли, не рѣдко и всю ночь простояшь на якорѣ; а тутъ, гляди, подымется вѣтеръ да дождикъ, да сибѣжная завируха, или морозъ вдругъ хватить,—ну, и дрогнуть, несчастныя, согрѣться-то негда; дѣтишки-то за ночь и попростужаются. А какъ приладили мы коробочку, на такой случай оно и хорошо: сейчасъ всю эту бабью команду—кого въ камбузъ, а кого сюда, въ коробочку-то и запрачешь. Оно если и не совсѣмъ тепло, да за то хоть дождемъ не мочить и вѣтеръ не продуваетъ.

Къ одиннадцати часамъ вечера всѣ мы довольно-таки проголодались; съ холоду захотѣлось и рюмку водки выпить. Поэтому командировали кого-то въ буфетъ распорядиться на счетъ закуски, а буфетъ былъ взятъ нами, собственно ради настоящей поѣздки, изъ владивостокскаго клуба, и самъ его содержатель, известный „Иванъ Ивановичъ“—„за своими собственными персонами“—при немъ находился. Но увы! оказалось что буфетная прислуга вовсе не рассчитывала что намъ придется заночевать на *Суифунъ* и потому... потому, разумеется, все перенялась самымъ исправнымъ образомъ, воспользовавшись и винами и кушаньями. Впрочемъ, усердные лопска Ивана Ивановича за обѣдннымъ увѣнчались и некоторымъ успѣхомъ, и мы не безъ пыллаго торжества встрѣтили

кое-какіе остатки холодныхъ закусокъ. Нашлись даже и вина на донышкѣ трехъ-четырехъ бутылокъ, нашлась и не допитая бутылка водки, удѣлѣвшая какими-то непонятными судьбами, и такъ какъ общее настроеніе духа, благодаря сюрпризу ночевки на *Суйфунѣ*, было досадливо веселое, располагющее къ подтруниванью и надъ ближнимъ, и надъ своимъ собственнымъ положеніемъ, и надо вѣсѣмъ вообще что ни попалося на зубокъ, то этотъ скудный ужинъ прошелъ у насъ превесело. Пригласили мы къ закускѣ и нашего почтеннаго капитана. А. П. Новосильскій опять было началъ слегка подтрунивать надъ его нежеланіемъ идти дальше, хотя ночь свѣтла какъ день, и намекнулъ что такая чрезмѣрная осторожность граничитъ съ трусостью.

— Да, господа, я трусь, чистосердечно и скромно отвѣтилъ на это капитанъ: въ данномъ случаѣ я дѣйствительно трусь, да и какъ не трусится коли сознаешь всю громадную важность порученнаго тебѣ дѣла! Не забывайте, повторяю вамъ, что въ этомъ жалкомъ пароходикѣ единственный способъ нашего сообщенія съ Россіей, а мы, можетъ-быть, накануне войны... Я просилъ главнаго командира не назначать меня на эту должность, собственно изъ-за отвѣтственности, что жъ дѣлать, если онъ меня не слушается!

Это чистосердечное слово сразу примирило всѣхъ съ достойнымъ Викторомъ Ивановичемъ. Всѣ чокнулись и выпили съ нимъ за дальнѣйшее продвѣтаніе *Суйфуна* безъ казеннаго ремонта еще на многая и многая лѣта, и пожелавъ другъ другу покойнаго сна, стали примащиваться на ночлегъ, кому гдѣ и какъ пришлось—и въ спаленкѣ, и въ „коробочкѣ“. И какъ благодарны были мы потомъ нашему капитану за эту самую „коробочку“, когда среди ночи хватилъ морозецъ въ пять градусовъ, да поднялся вдругъ значительный сѣверо-западный вѣтеръ, обыкновенно вѣсущій съ собою рѣзкій холодъ изъ сибирскихъ тундръ сопредѣльныхъ Ледовитому океану. Каково-то было бы вѣсѣмъ господамъ-трунителямъ, если-бы пришлось имъ ночевать безъ теплаго платья на открытой палубѣ, какъ спали двое какихъ-то саперныхъ солдатиковъ, скорчившись подъ дырчатымъ хошевымъ брезентомъ.

Викторъ Ивановичъ предоставилъ въ распоряженіе пассажировъ и свою собственную койку, и диванчики, и одѣла, и всѣ ковры какіе лишь нашлись на суднѣ, а самъ цѣлую ночь напролетъ не смыкая глазъ провѣлъ на верху, на вахтѣ. Вся

его команда состоитъ только изъ четырехъ человекъ матросовъ; механика дали ему изъ порта лишь „для парада“, на время проѣзда адмираловъ, а въ обыкновенное время маленькій капитанъ совокудляетъ въ своемъ собственномъ лицѣ всѣ судовыя должности: онъ и командиръ судна, онъ же и вахтенный офицеръ, и штурманъ, и механикъ, и баталеръ, и все что угодно. Пищу ему и довольствіе командѣ периодически доставляютъ изъ Владивостока, чрезъ посредство парохода *Амуръ*, который подходитъ къ Суйфунскому бару и тамъ поджидаетъ своего рѣчнаго товарища, а самъ *Суйфунъ* безотлучно рейсируетъ въ теченіе всей навигаціи только между Рѣчнымъ и Раздольнымъ, и это обыкновенно продолжается съ начала апрѣля до 15 или 20 октября; но такъ какъ пароходикъ считается рѣчнымъ, то командиръ его не получаетъ „морскаго“ довольствія и сидитъ круглый годъ на одномъ лишь „береговомъ“ содержаніи. Переведся онъ въ Сибирскую флотилію по собственной охотѣ, нарочно съ тою цѣлью чтобъ имѣть возможность посѣтить Японию, Китай и вообще страны крайняго Востока, куда его тянуло чувство любознательности; но за десять лѣтъ сибирской службы еще ни разу не удалось ему исполнить свое заветное желаніе: по волѣ начальства все на *Суйфунъ* плавать...

С. С. Лесовскій провелъ ночь въ „настоящей“ каютѣ, сидя и дремля на плетеномъ стулѣ. Остальные адмиралы съ В. С. Кудринымъ ради тѣсноты тоже устроились кое-какъ въ сидячемъ положеніи, а Новосильскій, закутавшись въ вапную шинельку маленькаго капитана, выбралъ себѣ уютное мѣстечко на полу подъ столомъ, и имѣлъ по крайней мѣрѣ то преимущество что могъ высжаться лежа. У адмираловъ въ каютѣ затопили чугунную печку, отъ которой теплота должна была проникать и въ нашу „коробочку“ чрезъ особенную форточку устроенную въ спальнѣ; но мы, прикрывшись коврами, все-таки согрѣвались болѣе теплотой животной чѣмъ отъ этой крохотной печки и перевертываясь съ боку на бокъ старались кое-какъ согрѣть одну сторону тѣла пока другой станетъ уже не въ тернежъ около парусиной стѣнки, плохо защищавшей отъ мороза. Но и то уже благо что насъ не прохватывало студеннымъ вѣтромъ, мы только *смишались* высиисты его шумныхъ порывовъ, но слава Богу не испытывали на себѣ ихъ силы. А каково-то было на безсмѣльной вахтѣ бѣдному Виктору Ивановичу, быстрые шаги котораго вездѣ

и впередъ на лалубѣ всю ночь поскрипывали у насъ за стѣной. Настоящаго сна, разумѣется, не было ни у кого и въ поминѣ; то былъ не сонъ, а какое-то томительное полузабытье съ поминутными просыпаніями, въ результатъ чего лоутру человѣкъ чувствуетъ себя совсѣмъ размазаннымъ, разбитымъ. Тутъ уже лучше бы вовсе не ложиться, тѣмъ болѣе что отъ неудобнаго лежанія у всѣхъ у насъ паразамывало спины и затылки, а у меня то и дѣло затекали руки до полной одервенѣлости, такъ что радъ-радешенекъ былъ когда на разсвѣтъ, въ седьмомъ часу утра (5 октября), *Суйфунъ* наконецъ тронулся съ мѣста. Да и всѣ обрадовались этому счастливому обстоятельству и гурьбой повысылали на палубу какъ бы съ цѣлью убѣдиться собственными глазами точно ли трогается медленнѣйшимъ ходомъ мимо камышевыхъ зарослей. Оставалось только возблагодарить небо и поздравить другъ друга съ благополучнымъ началомъ новаго плаванія. Всѣ поживались отъ холода и чѣмъ болѣе вступалъ въ свою силу утренній свѣтъ, тѣмъ явственнѣе выступала желтизна нашихъ физиономій, глядѣвшихъ какъ-то кисло и помято. Всѣ морщились, ворчали и жаловались на чортъ знаетъ какъ проведенную ночь, за исключеніемъ впрочемъ нашего почтеннаго адмирала, который увѣрялъ что преудобно просидѣлъ все время на стулѣ. И дѣйствительно, когда мы всѣ собрались къ нему пить чай и грѣться у печки, то нашли его въ бодромъ прекрасномъ расположеніи духа. Глядя на всю окружающую обстановку каюты, на кислыя помятыя физиономіи, на эти пустыя бутылки, остатки пирожковъ и фруктовъ и на сляцаго подъ столомъ Новосильскаго, онъ весело замѣтилъ что еслибы какими-нибудь судьбами попалъ теперь сюда посторонній человѣкъ, то вѣдь его ничѣмъ не разувѣришь что здѣсь не происходила всю ночь жестокая попойка, и согрѣшилъ бы вѣдь, подумавъ бы про себя: „хороши, молъ, господа адмиралы!“

Рѣку прошли мы благополучно, но на барѣ сѣли на мель. Въ виду факта столь убѣдительно подтвердившаго вчерашнюю осторожность Виктора Ивановича всѣ согласились что командиръ былъ совершенно правъ, когда не рискнулъ идти далѣе, и отдалъ полную справедливость его, въ нѣкоторомъ родѣ, гражданскому мужеству. Быть-можетъ другой на его мѣстѣ, желая отличиться предъ начальствомъ, показать себя

молодцомъ и докой своего дѣла, пошелъ бы вчера на авось и легко могъ бы погубить пароходикъ, у котораго толщина металлической обшивки равняется $\frac{1}{7}$ дюйма: за ночь его засосало бы на баръ лескомъ, а при сильномъ вѣтрѣ могло бы и залить волнами, да пожалуй и вовсе разбить его дряхлый корпусъ.

За баромъ на заливѣ около *Европы* стоялъ только-что пришедшій *Амуръ*, имѣя за собою на буксирѣ цѣлый караванъ баржъ-шампанокъ съ казеннымъ грузомъ, а рядомъ съ нами крутились на мѣстѣ три большія манзовскія плоскодонки, вслѣдствіе лытаясь соскользнуть съ мели, что и удалось имъ наконецъ послѣ чрезмѣрныхъ усилій, долгое время оставшихся совершенно тщетными. А мы какъ ни старались по мѣру ихъ соскочить съ мели, просидѣли на ней до одиннадцатаго часу утра. Шампанку съ салерами еще раньше пришлось снять съ буксира и оставить у Рѣчнаго. На помощь намъ прислали съ *Европы* шлюпки, которыя и занялись во-кругъ *Суйфуна* измѣреніемъ глубины, въ расчетъ отыскать гдѣ-либо по близости болѣе глубокое мѣсто, но увы! промѣры повсюду показывали $1\frac{1}{4}$, $1\frac{1}{2}$ и $1\frac{3}{4}$ фута, такъ что и самыя шлюпки, ползя киями по дну, могли подвигаться только съ помощью багровъ. Потерявъ надежду добраться до *Европы* на *Сайфунъ*, адмиралы пересѣли въ шлюпки, которыя и были наконецъ перетащены чрезъ баръ гребцами соскочившими для этого по колѣвю въ воду. А мы въ ожиданіи пока вернется за нами одна изъ лодокъ, позавтракали ухой изъ кита-рыбы только-что сваренною и радушно предложенною намъ Викторомъ Ивановичемъ.

— Теперь что ни предпринимай, а пока на баръ приливъ не дойдетъ до двухъ футовъ, съ мели не свинемся. Это ужъ по опыту знаю! съ философскимъ спокойствіемъ рѣшилъ онъ по отплытію адмираловъ.

— Въ такомъ случаѣ, замѣтили мы,—не лучше ли было бы дожидаться этого времени въ рѣкѣ? Тамъ вы хоть не рисковали бы что пароходъ засосетъ лесками.

— Разумѣется лучше, подтвердилъ капитанъ.—Я такъ и хотѣлъ было, но... нѣтъ худа безъ добра: теперь по крайней мѣрѣ господа адмиралы извѣдали наше положеніе, на собственномъ опытѣ лично убѣдились въ какомъ состояніи содержатся въ краѣ способы рѣчнаго сообщенія, единственнаго, замѣтите, для всѣхъ казенныхъ потребностей; увидѣли и то

что сдѣлаво для улучшенія этого пути за время нашего обладанія краемъ. За двадцать лѣтъ, изволите видѣть, мы не собрались еще обзавестись хоть одною землечерпальной машиной, безъ которой на барѣ не обойдешься. Еще нѣсколько лѣтъ, и фарватеръ обмелѣетъ такъ что по нему даже и *Суйфунъ* не будетъ въ состояннн ходить.

Это и въ самомъ дѣлѣ безобразіе: ни сухопутной дороги не пролагаютъ, ни рѣчнаго пути не поддерживаютъ. И это въ то время когда Китай энергично ведетъ стратегическія дороги на Сянъ-Сянъ къ Хабаровкѣ и на Хунчунъ—къ Посьету, густо заселяя ихъ на государственныя средства земледѣльцами изъ центральныхъ провинцій. Прилѣвъ или правочленіе ко всему этому во всѣхъ случаяхъ и всегда остается одинъ и тотъ же: нельзя управлять краемъ имѣющимъ наибольшее государственное значеніе, сидя отъ него за четыре тысячи верстъ, въ Иркутскѣ.

Мы сидѣли еще за столомъ и бесѣдовали обо всѣхъ этихъ грустныхъ предметахъ какъ вдругъ почувствовали что пароходъ слегка покачнулся,—событіе весьма утѣшительное. И дѣйствительно, механикъ пришелъ доложить капитану что *Суйфунъ* „на водѣ“. Викторъ Ивановичъ разумѣется тотчасъ же попытался тронуться съ мѣста, но пройдя съ величайшею осторожностію нѣсколько сажень слова сѣлъ на мель: компѣръ показалъ что еще не было полныхъ двухъ футовъ.

Между тѣмъ за нами пришла съ *Европы* шлюпка, и мы простились съ добрѣйшимъ капитаномъ, отъ души пожавъ ему руку за все его радушіе и гостепріимство. Однако, отваливъ отъ борта, тоже попали было на мель и не мало-таки повертѣлись на баграхъ во всѣ стороны пока удалось сняться, послѣ чего уже безъ дальнѣйшихъ приключеній добрались до *Европы*. Спустя полчаса, когда крейсеръ уже шелъ ко Владивостоку, подвахтенный гардемаринъ пришелъ доложить адмиралу что *Суйфунъ* снялся наконецъ съ мели и подходит къ ожидающему его *Амуру*.

Въ два часа дня *Европа* благополучно бросила якорь на Владивостокскомъ рейдѣ.

В. КРЕСТОВСКИЙ.

ЗЛОЙ ДУХЪ *

РОМАНЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

XXXII.

Въ январѣ случаются свѣтлые морозные дни, когда присыпанные свѣжимъ снѣгомъ улицы такъ опрятны, а залушенные ищемъ стекла оконъ такъ таинственны.

Въ большой комнатѣ, совмѣщавшей въ себѣ кабинетъ и мастерскую—мастерскую дилеттанта, въ жизни котораго искусство занимаетъ не исключительное мѣсто—тоже было свѣтло и кажется весело. Солнце, пробившееся сквозь разрисованныя морозомъ стекла, ложилось блѣдными лучами на темныхъ обояхъ, на верхушкѣ мольберта занятого подмалевкомъ, на стѣной глиняной какой-то недоконченной женской фигуры, на всемъ безпорядкѣ холостяго, полусвѣтскаго, полуартистическаго жилья. Между этими веселыми солнечными пятнами игравшими сверху и внизу, справа и слева, помѣщалась другая женская фигура, поразительно схожая со своею глиняною копией, но несомнѣнно живая, съ прозрачнымъ голубыми глазами и свѣжими, еще носящими дѣтскій очеркъ губами, которая кажется такъ трудно было удержать въ неподвижности

* *Ол. Русск. Вѣст.* 1881, №№ 4, 5, 7, 9, 10, 11 и 1882, № 1.

требуемой академическимъ сезансомъ. На высококомъ стулѣ, заложивъ за спину подушку, она осторожно болтала не достававшими до полу ножками, и иногда невольно вздрагивала плечами, очевидно не привыкшими къ наготѣ. При этомъ прозрачные глаза ея, косаясь изъ-подъ длинныхъ мигающихъ ресницъ, съ любопытствомъ слѣдили за всеми движеніями Жѣдровскаго, сохраняя выраженіе лукаваго смѣха, какъ будто ее безкомечно забавляло все происходившее въ этой комнатѣ.

А лицо самого Жѣдровскаго было жмурое, почти злое. Онъ кажется одинъ не чувствовалъ ни этого ворвавшегося на короткій часъ солнца, ни лукаваго смѣха выражавшагося въ весело-покорныхъ глазахъ дѣвушки, ни нетерпѣливаго вздрагиванья ея обнаженныхъ плечъ. Онъ лѣниво лѣпилъ, угрюмо взглядывая на нее и поворачивая однимъ губами окурокъ папироски торчавшій у него въ зубахъ. Наконецъ онъ опустилъ руки въ тазъ съ водой и вытеръ ихъ полотенцемъ.

— Довольно, сказалъ онъ, отходя на нѣсколько шаговъ чтобы взглянуть на работу.

— Не будете больше? спросила удивленная дѣвушка.

— Не буду, Манечка, отвѣтилъ Жѣдровскій, и швырнувъ окурокъ, опустился на диванъ.

Манечка въ одну секунду надѣла лежавшій у нея на кобѣняхъ лифъ и взглянула на Жѣдровскаго почти обиженными глазами.

— Вотъ вы сегодня какой лѣнивый; а еще какъ свѣтло сказала она.

— Не хочется, отозвался Жѣдровскій.

Манечка осторожно обошла кругомъ бюста, разглядывая его.

— Ничего почти и не сдѣлали, замѣтила она какъ бы съ укоромъ.—А завтра придти?

— Нѣтъ, не приходите, отвѣтилъ Жѣдровскій.

— Такъ когда же?

— Не приходите совсѣмъ, Манечка: я не буду больше работать, пояснилъ Жѣдровскій и протянулся съ ногами на диванъ.

— Такъ и бросите неоконченнымъ! всплеснула руками дѣвушка.

— Такъ и брошу. Послѣ когда-нибудь.

Онъ зѣвнулъ во весь ротъ. Манечка стояла надъ нимъ въ позѣ недоумѣнія, и ея прозрачные глаза ужь не смѣались, въ нихъ выражалась укоризна.

— Вотъ и видно что вы только балуетесь; совсѣмъ вы не то какъ настоящіе художники, сказала она съ убѣжденіемъ.

Жѣдровскій улыбулся сквозь новый зѣвокъ.

— Да, Манечка, я только балуюсь, подтвердилъ онъ.—Дѣйствительно, все только балуюсь.

— А вы перестаньте, сдѣлайте что-нибудь надъ собой. Вѣдь у васъ талантъ! выговаривала до забавности серьезнымъ тономъ Манечка.

— Кто это вамъ такую глупость сказалъ? ужь совсѣмъ на этотъ разъ разсмѣялся Жѣдровскій.

— Ну, ужь знаю кто. Большой художникъ сказалъ, да! отвѣтила дѣвушка.—У васъ только терпѣнья нѣтъ, вотъ что. Вамъ все бы новенькое начинать...

Жѣдровскій глядѣлъ на нее, хмуря брови и улыбаясь губами.

— Новенькое-то лучше, Манечка, сказалъ онъ.—Вы не согласны съ этимъ?

— Нѣтъ, я даже платья новаго не люблю; все какъ будто недовко въ немъ, отвѣтила она.

— Вы гауленькая, Манечка, сказалъ совершенно серьезно Жѣдровскій.

Дѣвушка только глаза на него раскрыла и подняла бровки.

— Въ самомъ дѣлѣ не приходитъ больше? спросила она, потянувъ со стола шалку.

— Не приходите, я не буду работать. Скучно!

— Балуетесь, повторила Манечка.—Или можетъ-быть вы нездоровы?

— Хоть бы заболѣть со скуки! отозвался Жѣдровскій.

— Ну, этого никогда не говорите: накличете еще! Я чрезъ нѣсколько дней зайду узнать что съ вами.

— Нѣтъ, не заходите. Я злой буду, пожалуй плакать васъ заставляю... проговорилъ Жѣдровскій.

— Что еще! повела плечами Манечка и посмотрѣла на него изумленнымъ взглядомъ. Лицо его въ самомъ дѣлѣ было не то злое, не то бѣдное.

Онъ сдѣлалъ ей знакъ нагнуться, и когда она близко наклонила голову, взялъ ее двумя пальцами за подбородокъ и повернулъ въ профиль.

— Вотъ такъ вы немножко похожи... чуть-чуть... Нѣтъ, пустяки, нисколько не похожъ... ни на чуточку, проворчалъ Жѣдровскій и всталъ.

— На кого это? полюболытствовала Манечка.

Жѣдровскій, не отвѣчая, досталъ изъ бюро ассигнацію и сунулъ ей въ карманъ платья.

— Прощайте, Манечка.

Дѣвушка съ недоумѣвающимъ видомъ надѣвала пальто.

— Ну прощайте, отозвалась она какъ бы грустнымъ тономъ.

— Вы вѣдь умница, Манечка? бережете себя? вдругъ спросилъ Жѣдровскій.

Дѣвушка посмотрѣла на него и разсмѣялась.

— А вамъ какое дѣло? сказала она.

— А мнѣ никакого дѣла нѣтъ.

Манечка оглянулась на него, повела глазами по комнатѣ, повернулась на своихъ маленькихъ ножкахъ и отомкнула задвижку на которую была заперта дверь. Когда она еще разъ оглянулась вопросительнымъ и какъ будто обиженнымъ взглядомъ, Жѣдровскій стоялъ уже у окна, отыскивая на стеклѣ причудливый узоръ которымъ онъ любовался поутру. Но солнце успѣло уже уничтожить рисунокъ, и стекла были подернуты ничемъ не выражающимъ туманнымъ налетомъ.

Жѣдровскій отомель, протянулся опять на диванѣ, заложивъ руки подъ голову, и со скужающимъ видомъ повелъ глазами. Недоконченные подмалевки и гипсы глядѣли на него изо всѣхъ угловъ. „Совсѣмъ вы не то какъ настоящіе художники“... припомнились ему наивно-серіозныя слова Манечки. „Разумѣется не то... да и стоить ли того!“ подумалъ онъ въ отвѣтъ. „Искусство—вѣдь это немочь, и художники больные люди. Я слишкомъ здоровъ чтобы быть настоящимъ художникомъ. Я жить хочу, жить плотью и кровью, хотя подчасъ это вестерливо скучно“...

Онъ повернулъ голову, посмотрѣлъ на гаианую фигуру надъ которою только-что работалъ. Въ глазахъ его выразилось почти ненавистное чувство.

„Для чего бы я долженъ былъ напримѣръ ковчать эту глупость, какъ настоящій художникъ? продолжалъ онъ мысленно броджать.—Отъ скуки, отъ безлокойной лустоты оставленной уходящимъ чувствомъ, вздумалось вымѣлтить хорошенькую головку... ну и чортъ съ ней!“

Жѣдровскій вытянулъ изъ портсигара палироску и лѣживо раскурилъ ее.

„Уходящее чувство... вѣдь зубами не удержишь его! продолжалъ онъ.—И не вытолкнешь того что тѣснится вновь.“

Да, скоро, ужасно скоро... Какой-нибудь мѣсяць счастья, а тамъ скука... Безнравственно, развѣ я спору! Но кто же виновать что ни одна женщина не умѣетъ поддержать иллюзіи которыя мы создаемъ, влюбляясь? Вѣдь въ сущности женщины не стоятъ даже тѣхъ маленькихъ затратъ которыя мы издерживаемъ на нихъ. Мы сами дѣлаемъ ихъ интересными, возбуждаемъ свое любопытство. А тамъ, смотришь—

И башмаковъ еще не износила,—

какъ уже нечѣмъ въ ней интересоваться, нечему вѣрить... И такъ безъ конца, пока не окостенѣетъ сердце и не израсходуется воображеніе. Она разъ сказала что во мнѣ что-то мстительное есть и что въ сущности я какъ будто ненавижу женщинъ. И это всѣ онѣ говорили, которыя поумнѣе. Можетъ-быть это и правда. Иногда я самъ сознаю что ненавижу ихъ, ненавижу въ то время какъ люблю... ненавижу за иллюзію, за обманъ, за то что воображеніе подмѣняетъ ихъ чѣмъ-то другимъ, лучшимъ, чего не бываетъ... И все-таки, говоря серьезно, я жилъ и буду жить одними женщинами, я буду любить ихъ и мстить имъ, и можетъ-быть! умру лодъ ножомъ какого-нибудь ревниваго мужа. Вѣдь мнѣ гадалка предсказала смерть отъ женщины“...

По лицу Жѣдровскаго пробѣжало слабое выраженіе боли. Минуту онъ лежалъ съ закрытыми глазами, внезапно унесенный къ другимъ воспоминаніямъ. Но скоро мысль его вернулась къ тому что составляло его сегодняшнюю „хандру“.

„Упреки, слезы... какой смыслъ?“ думалъ онъ опять. „Въ тотъ самый вечеръ когда она сказала что ищетъ счастья и страсти, я уже предвидѣлъ срокъ. Предупредить ее разыграть благородную роль мелодраматическаго героя? Но вѣдь она уже любила, она уже хлебнула отравы“...

Недокуренная папироска полетѣла въ каминъ. Жѣдровскій всталъ, лѣживо прошелъ по ковра, повернулъ и опять прошелъ. Походка становилась быстрее, первѣе. „И вотъ опять... неужели все то же?“ продолжалъ онъ думать. „Опять начинается старая игра, старая драва лѣзетъ въ голову. Или что-то другое? Поздно бы кажется... а можетъ-быть именно теперь-то и пора? Странно что я какъ-будто начинаю серьезно ничать... стоить ли того?“

„Да, не совсѣмъ такая какъ всѣ. Ума много— не поражающаго съ перваго раза, не торопящагося обнаружиться, но

своего, неиспорченнаго, не покрытаго этою общею паутиной сквозь которую всё смотрять... И вся она какая-то своя, свѣжая... отъ нея ладьями пахнетъ. Глаза спокойныя, и вся спокойная, а что-то слышишь ухомъ, слышишь на томъ языкѣ на которомъ не говорятъ другія женщины... Сила есть—нѣжная, хрупкая и изящная сила, за которую почему-то боишься“...

„И все это вздоръ, потому что изъ нея губернаторша выйдетъ. Вѣдь Глѣбъ Дмитричъ непременно будетъ губернаторомъ, да еще изъ тѣхъ которыхъ назначаютъ не иначе какъ въ свою губернію... Тьфу, какая однако нелѣпость!“

• XXXIII.

Слуга неожиданно доложилъ „господина Нестужева“. Жѣдровскій при своихъ разнообразныхъ знакомствахъ привыкъ чтобы къ нему заходили всякіе люди.

— Прости, сказалъ онъ.

Въ комнату развязно вошелъ молодой человѣкъ, протянулъ руку, проговорилъ „здравствуйте“ и поставилъ на столъ шляпу, которую до тѣхъ поръ держалъ вѣсколко наотлетъ, оттянувъ лѣвую руку назадъ. За то правымъ плечомъ онъ сильно подавался впередъ и вообще въ его походкѣ было что-то наступательное и такъ-сказать радостно-прискакивающее: онъ имѣлъ видъ человѣка стремительно продирающагося бокомъ сквозь тѣсную толпу.

— Давно собирался къ вамъ забѣжать; но знаете—некогда, некогда, некогда! произнесъ онъ такимъ тономъ какъ будто въ этомъ „некогда“ заключалась для него вся прелесть жизни.

Жѣдровскій указалъ на кресло; Ипполитъ Сергѣевичъ сѣлъ, и изъ устъ его полились рѣчи...

Съ тѣхъ поръ какъ мы расстались съ Нестужевымъ, въ немъ произошла большая перемѣна. Снявъ мундиръ и потерявъ ближайшую цѣль, которая заслоняла до тѣхъ поръ предъ нимъ всё другіе вопросы и задачи, онъ очутился въ положеніи человѣка сызнова начинающаго жизнь. Онъ не потерялся, такъ какъ небольшія деньги и доходъ съ имѣнія позволяли ему не торопиться. Петербургъ не пугалъ его, а напротивъ безконечно ему нравился разнообразіемъ путей, на каждый изъ которыхъ кажется такъ легко было вступитъ.

Онъ видѣлъ непочатый уголъ практическаго дѣла, спекуляціи, легкой и почти веселой наживы, а такъ какъ ничто его не гнало и не связывало, то онъ могъ спокойно смотрѣть на суепадающую толпу дѣльцовъ и избранициковъ новаго культа, выжидая минуты когда всего удобнѣе было присоеди- ниться къ этой толпѣ и отдать себя силѣ теченія. А пока- мѣстъ онъ нашелъ занятіе, пришедшееся ему чрезвычайно по вкусу и сблизившее его съ совершенно новымъ для него міркомъ: онъ пристроился къ какой-то маленькой газеткѣ, перезнакомился съ репортерами, которыхъ очень серьезно называлъ „литераторами“, и необычайно быстро сформировался въ тилѣ маленькаго, но безпредѣльно счастливаго журнали- ста—тилѣ нѣсколько средній между биржевымъ зайцемъ и околоточнымъ надзирателемъ. Въ такихъ новыхъ и неждан- ныхъ условіяхъ существованія Нестужевъ почувствовалъ себя какъ бы другимъ человѣкомъ: пріобрѣлъ апломбъ, стре- мительную суегаивость движеній и счастливую увѣренность въ высотѣ своего положенія. Съ утра у него начиналась не- устанная гоуба по городу: надо было нѣсколько разъ за- ѣхать въ редакцію, присутствовать въ качествѣ представите- ля „прессы“ при санитарномъ осмотрѣ скотопригоннаго дво- ра, взглянуть въ залѣ суда на обвиняемыхъ по политиче- скому дѣлу, получить отъ участковаго пристава подробнѣй- шія свѣдѣнія о вчерашнемъ скандалѣ въ танцклассѣ, а ве- черомъ лобывать на бенефисѣ и двухъ концертахъ, и кромѣ того вникнуть въ одно темное дѣло, волнующее къ строгому и нелицеприятному суду на столбцахъ газеты. Возбужден- ный, немножко усталый и безконечно счастливый, Несту- жевъ кончалъ день съ сознаніемъ что онъ живетъ всею пол- нотой жизни.

— Ну-съ, сейчасъ мнѣ передали подробности: тутъ оказы- вается такая подкладка... его жена еще два года назадъ со- пласъ съ Кобельковымъ, который въ то время даже не былъ нотаріусомъ, а служилъ въ гусарахъ! началъ онъ, опустив- шись на указанное ему кресло.—Вы понимаете какое это да- етъ освѣщеніе! Я, когда выслѣдилъ, такъ даже сдѣлалъ: а-а-а!

— Pardon, о чемъ это вы говорите? спросилъ Жѣдровскій.

— Да объ этомъ... вотъ что въ газетахъ... неужто не чи- тали?

— Должно-быть не читалъ.

— Ну какъ же, весь Петербургъ толкуеть. Исторія совершенно выходящая: въ одномъ и томъ же дѣлѣ кассиръ обкрадываетъ кассу и нотаріусъ совершаетъ подлогъ. А вотъ изъ того что я вамъ сейчасъ сказалъ и за что я вполнѣ ручаюсь, вы чувствуете какая подо всѣмъ этимъ подкладка... Завтра можете прочесть мой фельетонъ въ газетѣ *Движеніе*. Я совокупаю дѣлѣмъ рядъ такихъ явленій..

— Вы пишете въ газетѣ *Движеніе*? спросилъ какъ бы изъ вѣжливости Жѣдровскій.

— Да... десять тысячъ подписчиковъ... самъ видѣлъ по книгамъ, радостно отвѣтилъ Нестужевъ.—Мнѣ это необходимо было узнать, потому что мнѣ предложили занять прочное положеніе въ редакціи. Для начала, вы понимаете, это не дурно...

— Прочное положеніе въ газетѣ *Движеніе*? переопросилъ Жѣдровскій, для котораго сочетаніе этихъ словъ очевидно оставалось не вполнѣ яснымъ.

— Да! подтвердилъ съ сіяющими глазами Нестужевъ.—Но вы понимаете, ужъ если отдавать всего себя газетѣ, то надо по крайней мѣрѣ знать что васъ не три человека будутъ читать. Для журналиста всего важнѣе чтобъ его газета имѣла распространеніе.

— Разумѣется, согласился Жѣдровскій.

— Въ этомъ вся сила, подтвердилъ Нестужевъ, слегка даже прищурившись чтобъ отвѣтить высшій смыслъ этихъ словъ.—Но конечно насъ тѣснятъ и жмутъ всѣми способами.

— Кто? не помалъ Жѣдровскій.

— Правительство! пожалъ плечами Нестужевъ.—Что только выдѣмываетъ цензура, повѣрить трудно. Такого реакціоннаго времени какъ нынѣшнее кажется еще никогда не было.

— Вы находите?

Нестужевъ быстро всталъ и сдѣлалъ оборотъ на каблучкахъ.

— Задыхаемся! произнесъ онъ такимъ страннымъ и почти веселымъ тономъ, какъ будто безъ этой необходимости задыхаться онъ рѣшительно не зналъ бы что съ собой сдѣлать.

— Скучно, я замѣчаю, сказалъ Жѣдровскій.

— Нѣтъ-съ, хуже, гораздо хуже! возразилъ Нестужевъ.— Вы, стоящіе съ краю, можете-быть не замѣчаете этого, но я, въ моей шкурѣ журналиста, ежедневно соприкасающагося съ волюющею дѣйствительностью, а рискую разлитіе желчи получить.

— Что же вамъ за охота рисковать?

— Какъ что за охота? Но если я разъ отдался своему призыванію, я уже не могу сторониться, входить въ сдѣлки съ этою самою дѣйствительностію. Я обязанъ жертвовать собой.

Жѣдровскій, поправляя усы, зѣвнулъ въ руку. Ему было очень скучно.

— А я недавно вашихъ деревенскихъ знакомыхъ видѣлъ, сказалъ онъ.—Лариса Григорьевна прелесть какая барышня!

Нестужевъ, прерванный на самомъ интересномъ для него разговорѣ, повелъ усами и съ равнодушнымъ видомъ произнесъ:

— Хорошенькая! очень хорошенькая!

— У нея глаза прозрачные и глубокіе; это такая рѣдкость! Я почти не встрѣчалъ хорошихъ свѣтлыхъ глазъ, продолжалъ Жѣдровскій.—Она тревожитъ своими глазами.

— Тревожитъ? улыбнулся Нестужевъ.

— Да. Начинаешь гадать, думать, подозрѣвать что-то романтическое... воображеніе работаетъ...

— Она такая и есть, романтическая; и у нея самой воображенія очень много. Это ея главный недостатокъ.

— Недостатокъ?

— Разумѣется. Ищете чего-то необыкновеннаго, очаровываетъ сама себя, создаетъ идеаль—а потомъ столкнется съ живымъ человѣкомъ, и руки у нея елускаются. По моему это самая несчастная натуры и въ нашей обыкновенной жизни самая неудобная. Все она сквозь какую-то поэтическую призму видитъ...

— Это хорошо! протяжно произнесъ Жѣдровскій, глядя мимо Нестужева задумавшимися глазами.

— Что въ тутъ хорошаго? вѣдь это вѣчная ложь какая-то, возразилъ Нестужевъ.—Игра воображенія, иллюзіи, самообманъ... такая женщина и любить настоящимъ образомъ не можетъ, потому что у нея является брезгливость къ живому, дѣйствительному человѣку. Ей современный человѣкъ прозаическимъ представляется, она понять его не сумѣетъ. Вѣдь это какого рода натуры? Я увѣренъ что еслибъ ей вздумалось прочесть газету, то она сначала перчатки бы надѣла...

— Ахъ, какъ это хорошо! повторилъ улыбаясь Жѣдровскій.

Онъ потянулся и опустилъ голову на низенькую спинку кресла.

— Представьте себѣ, monsieur Нестужевъ, я обожаю такихъ женщинъ! добавилъ онъ серьезно.

Илюлють Сергѣевичъ пожалъ плечами.

— Дѣло вкуса, сказалъ онъ тономъ снисхожденія.— Да, для забавы, для баловства, когда нечего дѣлать, когда все надоѣло и хочется поиграть нервами,—я согласенъ. Но самъ я приучилъ себя смотрѣть на вещи со здоровой, серьезной точки зрѣнія... я ищу въ женщинахъ чтобъ она сочувствовала моей дѣятельности, понимала бы общественную идею которой я служу...

„Какой однако усовершенствованный болванъ!“ подумалъ Жѣдровскій и спросилъ вслухъ:

— Такъ что вамъ не являлось искушеніе „поиграть нервами“, какъ вы говорите? Вы ни на минуту не влюблялись въ Ларису Григорьевну?

Нестужевъ при всей своей развязности слегка покраснѣлъ.

— Ну, тамъ въ деревнѣ, когда сирень цвѣтеть и соловьи поютъ, человѣкъ легче балуется, отвѣтилъ онъ.

— Вотъ видите, я у васъ вырвалъ призваніе, продолжалъ Жѣдровскій, все такъ же лежа съ головой на креслѣ и разсматривая узорный карнизъ стѣны.— И что же, чѣмъ кончилось баловство? Убѣдились что Лариса Григорьевна не понимаетъ общественной идеи? или она обнаружила брезгливость къ живому дѣйствительному человѣку? перчатки надѣла?

Нестужевъ слегка нахмурился.

— Можно подумать что она васъ очень интересуется, эта Лариса Григорьевна, сказалъ онъ.

— Предположеніе довольно правдоподобное, отвѣтилъ Жѣдровскій.— И почему бы мнѣ ею не интересоваться, monsieur Нестужевъ? У всякаго свой вкусъ. Я люблю женщинъ которыя иногда надѣваютъ перчатки. Вѣдь многое лачкается въ нашей „настоящей“ жизни, не правда ли? У Лермонтова, помните:

Все какъ-то страшно безъ перчатокъ.

— Ну, это старо; съ тѣхъ поръ люди научились любить „музу мести и печали“, произнесъ какимъ-то галымъ тономъ Нестужевъ.— А что, гдѣ вы сегодня обѣдаете? вдругъ перемѣнилъ онъ разговоръ.

— Да гдѣ-нибудь въ ресторанѣ, отвѣтилъ Жѣдровскій.

— Такъ отправимся вмѣстѣ. Ахъ, вотъ отлично было бы: знаете вы трактирчикъ *Малину*?

— Нѣтъ, не знаю.

— Помилуйте, тамъ всѣ наши собираются... Неужели

никогда не бывали? тамъ превесело, вы будете благодарить меня, продолжалъ. со внезапнымъ оживленіемъ Нестужевъ.— Представьте, исключительно литературная лублика: всѣ сотрудники всевозможныхъ маленькихъ газетъ, всѣ эти извѣстные псевдонимы которыхъ вы каждый день читаете. Литературная Крыса, Старый Воробей, Остроумный Носъ, Валай, Дунь-Плюнь и вся компанія. Увидите ихъ всѣхъ въ лицо, услышите ихъ анекдоты, экспромты. Настоящій клубъ, я васъ увѣряю. Мы тамъ засиживаемся иногда до ночи. Дешево, весело... И ужъ какіе разговоры бываютъ! Полиція вздумала было подослать шпіона, но мы тотчасъ узнали плгиду по полету и ужъ такъ отдѣлали, такъ отдѣлали.

Нестужевъ двинулъ рукой, желая пояснить какого рода отдѣлку задали неосторожному соглядатаю.

— После въпрочемъ оказалось что онъ вовсе не шпіонъ, а сотрудникъ одной честной газеты, прибавилъ онъ совершенно спокойно.—Такъ поѣдемъ, а?

Но Жѣдровскій на отрѣзъ отказался вѣхать въ литературный клубъ.

— Да отчего же? приставалъ Нестужевъ.—Я васъ со всѣми познакомлю, вы не всегда найдете такой случай. Вамъ какъ художнику нельзя сторониться отъ журналистики.

— Нѣтъ, локорно благодарю.

Нестужевъ однако не отвязался и поѣхалъ съ Жѣдровскимъ въ одинъ изъ обыкновенныхъ ресторановъ.

XXXIV.

Но судьба очевидно не благопріятствовала Жѣдровскому въ этотъ день: онъ еще не окончилъ обѣда какъ раздался стукъ въ дверь и вслѣдъ затѣмъ въ комнату влетѣлъ небрежно одѣтый господинъ лѣтъ тридцати, съ желтымъ какъ завѣлая дыня лицомъ и огромными губами изъ-подъ которыхъ торчали клыкообразные, рѣдкіе и зеленые зубы.

— Вонъ оно, батенька, гдѣ вы прокладаетесь! обратился онъ къ Нестужеву, съ размахомъ подавая ему руку.—Мнѣ Татарва шелнула, а то бы и не зналъ. Я здѣсь угощался съ Василь-Сидорычемъ. У него въ шавтавишкѣ дебютавишки проявились, такъ вотъ я и привлекъ къ отвѣтственности.

Онъ плюхнулся на диванъ и покосился на Жѣдровскаго. Нестужевъ послѣдовалъ познакомить ихъ.

— Миловановъ, назвалъ овъ своего пріателя.

Это дѣйствительно былъ никто другой какъ сынъ Ильи Петровича Милованова, волче-дольскаго управляющаго; ходъ нашего разказа до сихъ поръ не представлялъ еще намъ случая познакомиться съ этою во многихъ отношеніяхъ замѣчательною личностію.

— Литературой не занимаетесь? обратился овъ прямо къ Жѣдровскому.

— Не занимаюсь, отвѣтилъ послѣдній.

Ему этотъ господинъ до такой степени не понравился что даже забавнымъ не показался.

— Монсіегр Жѣдровскій художникъ, объяснилъ Нестужевъ.

— Для сатирическихъ журналовъ работаете? спросилъ Миловановъ.

— Нѣтъ.

— У меня, къ сожалѣнію, таланта не оказывается, а сюжетовъ для карандаша много... ужъ какъ много! продолжалъ Миловановъ.—Еслибъ умѣть, я кажется весь Петербургъ передернулъ бы... и ужъ такое воспроизведеніе смастерилъ бы, пальчики облизали бы. Перлъ созданія! А наши художники что? у нихъ перцу не хватаетъ. Карриатура—это вѣдь, батеньки мои, смуща! Кстати, читали сегодня мои куплеты въ *Сколорогъ*? Никто не думалъ чтобы цензура пропустила.

— Очень хорошо! похвалилъ Нестужевъ.

Миловановъ подавалъ бутылку, прочиталъ этикетъ, и со словами: „чѣмъ это вы стомахи полоскаете?“ налилъ себѣ въ стаканъ.

— Эй! вдругъ крикнулъ овъ на своимъ голосомъ, отлебнувъ нѣсколько глотковъ.—Какую это вы дрянъ подаете? обратился овъ ко вѣжавшему лакею.—Что это за вино? а? кислятина? убери къ чорту и сію минуту новую бутылку подай. Да скажи буфетчику что я самъ велѣлъ... понимаете?

Жѣдровскій положилъ руку на бутылку.

— Позвольте просить васъ не распрощаться, сказалъ овъ спокойно, хотя въ душѣ ему хотѣлось пустить этою самою бутылкой въ господина Милованова.

Тотъ мгновенно притихъ и съ видомъ искренняго удивленія взглянулъ на Жѣдровскаго.

— Ну, какъ хотите; мое правило учить этихъ каналий, сказалъ овъ.—Вино впрочемъ не дурно, а собственно чтобы подержать нашего брата-журналиста. Имъ постоянно надо вотъ это показывать, а то забываютъ.

И онъ выдвинулъ огромный волосатый кулакъ.

— Вчера, продолжалъ онъ, обращаюсь уже исключительно къ Нестужеву,—пріѣзжаю я съ дамами въ кѣвое увеселительное мѣсто, вдругъ въ кассѣ говорятъ: ложи нѣтъ. Меня, знаете, такъ и взорвало. Какъ, говорю, нѣтъ? да вы забыли что я въ четырехъ газетахъ пишу? Подать сюда содержателя! Ну, разумѣется, и досталось же ему... Не то что я самъ, а дамы мои такими словечками расплевались что даже лакеи вошь повыюкочили. Потѣха. За то, я вамъ скажу, намъ такой ужасъ былъ предложенъ, однихъ устриць сотню съѣли! Шампанское по всей комнатѣ разлили, мокро даже ступить было.

Нестужевъ хотя и не совсемъ одобрялъ то что разказывалъ Миловановъ, но смотрѣлъ на него сладкими глазами.

— Да, надо сказать правду, журналистика наконецъ замала известное положеніе! проговорилъ онъ скромно.—Съ ней приходится считаться. Вѣдь какъ бы то ни было, а мы въ оуцности вездѣ на первомъ планѣ. Ко мнѣ, можете себя представить, лица всевозможнаго званія являютя просто просить защиты... общество только и вѣрится въ печать какъ въ единственную честную силу.

— Въ кого жь еще ему вѣрится! поддакнулъ Миловановъ.

— Н-да, нельзя пожаловаться чтобы наша профессія не представляла известныхъ выгодъ...

И онъ, опрокинувшись на диванѣ, поднялъ колѣно выше стола и захихикалъ.

— Въ театрахъ, въ клубахъ, во всякъ увеселительныхъ заведеніяхъ даровыя мѣста, продолжалъ онъ, захлебываясь брызгавшею съ губъ слюной;—я, напримѣръ, отъ четырехъ редакцій—могу полгорода провести. Въ буфетѣ не считаютъ; за кулисы—яилости просимъ. Ну, батеньки мои, и попользовался же я тоже... Катенька Стѣвская вѣдь не дура? а? вѣдь не дура? сопринице-то какое! нагнулся онъ къ Нестужеву, слегка понижая голосъ.

— Еще бы! отозвался тотъ.

— То-то! ты у меня спроси! А Сюзончикъ изъ *Парадиза*? чего-нибудь стоить, какъ ты думаешь?

Нестужевъ одобрительно подкинулъ головой.

— Да, ужь одно это... сказалъ онъ, жмура подернутые влагой глаза.—Я, вы знаете, полныхъ брюнетокъ ужасно люблю...

Миловановъ съ увлеченіемъ потрясъ его за плечо.

— Вѣдаю, дружище, вѣдаю про кого ты говоришь, вѣдаю! подмигнувъ овъ.—Что жь, поздравить?

— Вчера прямо со сцены увезъ, въ трико... отвѣтилъ Нестужевъ, приче́мъ глаза его обратились въ щелки, а усы странно раздвинулись...

— Въ трико! хохоталъ Миловановъ.

Же́дровскій позвонилъ.

— Сче́тъ! приказалъ овъ слугѣ.

— Какъ, платить? это съ какой же стати? закричалъ Миловановъ.—Вѣдь вы съ нами! Да они и не посмѣютъ взять.

— Сче́тъ! повторилъ уже съ признаками бѣшенства Же́дровскій.

Нестужевъ сконфузился и тоже требовалъ сче́тъ; но такъ какъ общество Милованова въ сущности ему очень нравилось, то овъ остался съ нимъ чтобы столковаться гдѣ вмѣстѣ провести вечеръ.

Же́дровскій вышелъ изъ ресторана совсѣмъ злой, и завернувъ домой переодѣться, поѣхалъ въ оперу. Это былъ абонементный день Ладожскихъ. У нихъ въ ложѣ сидѣла Лариса: Марья Ивановна чувствовала себя не совсѣмъ здоровою и лѣнилась не поѣхала.

Въ партёрѣ Же́дровскій столкнулся съ Зимовьевымъ. Овъ этой встрѣчѣ вовсе не обрадовался, догадываясь что Глѣбъ Дмитриевичъ войдетъ въ ложу и останется тамъ. Сада радомъ съ нимъ, овъ все на него косился черезъ плечо, испытывая какое-то почти ненавистное чувство не только къ нему самому, но даже къ его фраку, перчаткамъ и бинноклю. Но больше всего его возмутилъ сѣрый съ красною каймой фуляръ который вынулъ изъ кармана Зимовьевъ чтобы протереть стекла. „Развѣ я не говорилъ что овъ губернаторомъ будетъ? Это только губернаторы въ такіе платки сморкаются“, капризно ворчалъ про себя Же́дровскій. „Я его въ карикатурѣ вывѣлаю, какъ овъ, опираясь одною рукою на *Сводъ Законовъ*, а другою дѣлая выше-административный жестъ, говоритъ: Милостивые государи, удостоенный призванія быть представителемъ правительственной власти, я не могу вмѣстѣ съ тѣмъ забыть что имѣю честь принадлежать къ дворянскому сословію этой губерніи. Дворянское сословіе, милостивые государи... Жаль, не позволять выставить. А увя любовникъ будетъ, да еще изъ расквартированного въ губерніи кавалерійскаго полка.“

Онъ повернулся и навелъ бинокль на логу. Анна Всеволодовна сдѣлала ему незамѣтный знакъ, приглашая войти въ антрактъ. Лариса, вся въ бѣломъ—она только-что сбросила трауръ—важительно смотрѣла на сцену, спокойная, почти строгая, и ея изящная фигура кажется еще больше выигрывала подавъ маленькой, калризно-хорошенькой княгини. Жѣдровскій въ первый разъ видѣлъ ее не въ траурѣ и нашелъ что она никогда еще не была такъ прелестна.

— Лучше Ларисы никого здѣсь нѣтъ, сказалъ онъ Зимовьеву.

Онъ нарочно назвалъ ее просто по имени, желая показать что ему нѣтъ никакого дѣла до необъявленныхъ притязаній Глѣба Дмитріевича.

— И какъ жаль что ей не за кого выйти замужъ, прибавилъ онъ какимъ-то злымъ тономъ.

— Почему же не за кого? спросилъ Зимовьевъ.

— Потому что я не знаю никого достойнаго ея, отвѣтилъ Жѣдровскій.

Зимовьевъ вопросительно-сухо взглянулъ на него.

— Я полагаю что Ларисѣ Грагорьевнѣ отойти только вы-брать, сказалъ онъ.

— Изъ кого? возразилъ Жѣдровскій.—Что ей будутъ сдѣланы блестящія предложенія, въ этомъ я не сомнѣваюсь; но ей надо другаго. Я не могу себѣ представить ея женой титулованнаго карьериста или... въ этомъ родѣ. Это какое-то жертвоприношеніе было бы.

Глѣбъ Дмитріевичъ поднялъ бинокль и посмотрѣлъ на сцену.

— Не хлопчите, она не создана жертвовать собою, сказалъ онъ, не оборачиваясь.

— Да, скорѣй она создана сама принимать жертвоприношенія; но къ сожалѣнію нѣтъ жертвы достойной ея, возразилъ Жѣдровскій.

Глѣбъ Дмитріевичъ ничего не отвѣтилъ и продолжалъ внимательно смотрѣть на сцену. Жѣдровскій снова навелъ бинокль на логу; ему какъ будто хотѣлось разозлить Зимовьева этимъ пристальнымъ дорнированьемъ Ларисы... Анна Всеволодовна, убѣжденная что бинокль направлеиъ на нее, не спускала съ Жѣдровскаго глаза, улыбаясь и посылая ему какіе-то исполненные сдержаннаго нетерпѣнія знаки. Рядомъ, въ пустой до тѣхъ поръ ложѣ, дверь отворилась и вошла красивая, нарядная, съ сильно зачерненными рѣсницами дама, въ

сопровожденіи маленькаго толстенькаго генерала, голова котораго словно лугомъ была покрыта рѣдкими сѣдыми волосами. Въ этой дамѣ Жѣдровскій тотчасъ узналъ Клеопатру Михайловну Хвощеву, а въ благоловомъ генералѣ—ея мужа, вернувшася наконецъ изъ Болгаріи.

Клеопатра Михайловна какъ вошла тотчасъ оглянулась на всѣ стороны, поздоровалась съ Ладожскими и съ Ларисой, и замѣтивъ внизу Жѣдровскаго, нѣсколько разъ радостно кивнула ему головой. Она даже не удовольствовалась этимъ, а перегнувшись черезъ барьеръ, показывала ему и рукой и вѣромъ что ждетъ его въ ложу. Жѣдровскій перевелъ биню на другую сторону.

— Зайдемте къ нашимъ знакомымъ? предложилъ онъ Зиновьеву, когда замаялся усталъ.

— Да, я иду, отвѣтилъ Глѣбъ Дмитріевичъ.

XXXV.

Лариса хотя и не смотрѣла на Жѣдровскаго, но видѣла что его бинюль былъ постоянно обращенъ на ихъ ложу, и не сомнѣвалась что предметомъ его вниманія была Анна Всеволодовна. Это немножко занимало и даже удивляло ее. Она давно поняла существовавшія между ними отношенія и замѣчала что въ послѣднее время у нихъ какъ-то не ладится. Этого надо было ожидать, такъ какъ Жѣдровскій приобрѣлъ уже очень дурную репутацію. И однако, когда она думала о замѣчавшемся между ними охлажденіи и о томъ какаа Анна Всеволодовна несчастная, она думала не только о легкомысленномъ непостоянствѣ Жѣдровскаго, но и о томъ что ея маленькая княгиня не такая женщина которая могла бы внушить ему серьезное и глубокое чувство. Она очень любила Анну Всеволодовну и желала ей всякаго счастья, но... На этомъ ея мысли ея странно запутывались. Въ ея отношеніи къ Жѣдровскому было что-то враждебное, но не потому что она сознавала справедливость строгой оцѣнки данной ему въ свѣтъ. Нѣтъ, раздѣляя эту оцѣнку, она чувствовала въ Жѣдровскомъ еще что-то другое, что можетъ-быть видѣли и любили и Анна Всеволодовна, и Глѣбъ Дмитріевичъ, и пашан, и всѣ кто встрѣчался съ нимъ,—но только видѣли и любили не находя въ себѣ самихъ ни одной струны которая

отзывалась бы на капризную игру его нервовъ. А въ ней, она чувствовала, были такіа струны и минутаи ея овладѣвало странное ощущеніе досады, безлокойства, какого-то тайнаго протеста, котораго она не умѣла бы высказать словами...

Съ тѣхъ поръ какъ она замѣтила исключительное ухаживание Жѣдровскаго за Анной Всеволодовной, а сама дала слово Глѣбу Дмитріевичу, она рѣшила какъ можно меньше наблюдать за происходящимъ на ея глазахъ романомъ. Но это было очень трудно сдѣлать. Не измѣняя близкихъ отношеній къ Ладожскимъ, она не могла не встрѣчаться постоянно съ Жѣдровскимъ и не приучить княгиню къ той безмолвной полуткровенности которая является при подобныхъ условіяхъ. Она не могла остановить тайнѣ совершающагося въ ней самой процесса: съ каждою новою встрѣчей Жѣдровскій дѣлался ей понятнѣе, и именно тѣми сторонами на которыя что-то отзывалось въ ней самой и которыя какъ будто уединяли ихъ обоихъ среди другихъ людей. И вмѣстѣ съ тѣмъ росло то странное враждебное чувство, въ которомъ заключался тайный протестъ протавъ какого-то тоже тайнаго насилія.

Когда она въ первый разъ увидала Анну Всеволодовну разстроенною, а Жѣдровскаго какъ будто злымъ, она съ удивленіемъ замѣтила что ей нисколько не жаль своего друга. При томъ княгиня не умѣла скрыть дурнаго расположенія духа, бросала по направленію на Жѣдровскаго ядовитые намеки; хотѣла очевидно еще болѣе разозлить его, и какъ обыкновенно бываетъ съ женщинами въ минуты ревнивой досады, говорила совсѣмъ не умно, даже сказала пошлость самаго буржуазнаго тона. Лариса въ душѣ совершенно оправдывала Жѣдровскаго и съ этого дня еще болѣе убѣдилась что Анна Всеволодовна не можетъ дать ему глубокаго чувства. И странно, это открытіе не огечалоо ее, а только заставило провести безсонную ночь занатую безлокойными грѣзами...

Сегодня на театрѣ въ ней олять заговорило неопредѣленное протестующее чувство, когда она видѣла его бинокль пристально направленный на ихъ ложу. Почему? что ей за дѣло? Но она была какъ будто оскорблена за Жѣдровскаго и не была рада за Анну Всеволодовну.

Аматорь, котораго ждали въ клубѣ, уѣхалъ послѣ перваго акта. Княгиня пересѣла въ аванложу, и закрываясь вѣеромъ, вполголоса разговаривала съ Жѣдровскимъ. Глѣбъ Дмитріевичъ

помѣстился за стуломъ Ларисы и наклонясь къ ней оказывалъ:

— Вы сдѣлали мнѣ большой праздникъ сегодня.

Лариса черезъ плечо вопросительно взглянула на него.

— Развѣ это бѣлое платье не имѣетъ совершенно особеннаго значенія для меня? пояснилъ онъ.

Ему не было видно странное, какъ будто испуганное выраженіе мгновенно пробѣжавшее по лицу Ларисы.

— Да, я наконецъ сняла трауръ, сказала она.

— И я чувствую себя ближе къ моему счастью чѣмъ былъ вчера, продолжалъ Зимовьевъ.—Я уже не боюсь говорить о немъ, я могу прямо спросить васъ: когда?

Лариса не отвѣчала. Какъ внезапная немочь, невыразимое смущеніе овладѣло ею. Она сжала плечи и наклонила голову, какъ будто усиливаясь разглядѣть кого-то среди порѣдѣвшей въ партеръ толпы. Но не отвѣтить было невозможно. Она привстала и спокойно повернула свой стулъ бокомъ.

— Погодите, Глѣбъ Дмитриевичъ, сказала она, прямо взглянувъ ему въ глаза своимъ прозрачнымъ взглядомъ.

И замѣтивъ угрюмую тѣнь быстро пробѣжавшую въ его зрачкахъ, она провела рукой по волосамъ и проговорила тихо виноватымъ и утомленнымъ голосомъ.

— Не сердитесь, я право сама не знаю что такое со мной. Вялая я какая-то, ни о чемъ подумать серьезно не могу. Еслибъ отъ меня зависѣло, я кажется никогда бы не сняла своего траура.

Глѣбъ Дмитриевичъ внимательно осмотрѣлъ на нее.

— И причина для васъ совершенно необъяснима? спросилъ онъ.

— Причины никакой нѣтъ, я думаю, я здорова. отвѣтила Лариса.

— Глѣбъ Дмитриевичъ, садитесь ближе, я хочу съ вами говорить, раздался изъ другой логи голосъ Клеопатры Михайловны.

Зимовьевъ долженъ былъ пересѣсть. Лариса быстро встала, и отойдя въ глубину логи, машинально поднесла бинокль къ глазамъ и медленно обвела блиставшіе брилліантами и нарядами ярусы. За ея спиной въ аванложѣ разговоръ становился громче. Она старалась не слушать, но слова насильно овладѣвали ея слухомъ. Въ голосѣ Анны Всеволодовны какъ будто звучали слезы.

— Жалкая, пошлая отговорка! я вамъ сказала что сама оумѣю сладить съ подозрѣніями, со слетными, съ непрошеннымъ любопытствомъ, со всѣмъ что васъ такъ тревожить... говорила она, и де слуха Ларисы вмѣстѣ съ этими словами долетала быстрое щелканье черепаховыхъ пластинокъ.—Вы не очень боялись за меня и щадили меня пока искали побѣды, пока вамъ надо было потѣшить свой капризъ!

— Тогда мнѣ не было повода обращаться къ моему благоумію, вы сами были такъ осторожны, такъ пугливы... оправдывался Жѣдровскій.

— А теперь я слишкомъ увлеклась, забылась, и вы спѣшите указать мнѣ оласность... вы ждете! страстнымъ шепотомъ воскликнула княгиня.—Да, ждете! не осторожность, а охлажденіе, скука... вамъ скучна моя любовь, она на ваши дранные вервы перестала дѣйствовать. Я ольянѣла, а вы отрезвились...

Голосъ Анны Всеволодовны вдругъ оборвался, и настала та томительная тишина въ которой какъ будто слышатся невырвавшіеся подавленные рыданія. Лариса подошла къ барьеру, посмотрѣла на торопившуюся къ своимъ мѣстамъ толпу. Глѣбъ Дмитриевичъ продолжалъ разговаривать съ Клеопатрой Михайловной, которая, завладѣвъ имъ, уже не хотѣла отпустить отъ себя. Ларисѣ было неловко сѣсть одной и неловко войти въ аванложу. Она опять отошла назадъ. Ей было душно и какое-то необъяснимое ощущеніе въ то же время холодкомъ пробѣгало по ея нервамъ. „Онъ погубилъ ее“... думала она и чувствовала что думаетъ совершенно машинально и совсѣмъ не то что заключалось въ этихъ мысленно произносимыхъ словахъ.

— Я не имѣю привычки лгать, слышала она спокойный, отзывавшійся тайною скукой голосъ Жѣдровскаго.—Черезъ день, черезъ недѣлю, черезъ мѣсяць, вы замѣтите въ себѣ то же самое за что упрекаете теперь меня. Страсть—это хмѣль, вы совершенно правы; и за ней слѣдуетъ отрезвленіе, вы опять совершенно правы. Наше несчастье въ томъ что мы не умѣли быть пьяны въ одно и то же время. Вы слишкомъ много хлопотали чтобъ отрезвить меня прежде чѣмъ ольянѣли сами.

— А, у васъ достаетъ дерзости признаться! промолвила глухимъ шепотомъ княгиня.—Впрочемъ вы всегда были откровенны до цинизма. И за это... за это я когда-нибудь благодарю васъ... но не теперь, теперь еще не до того...

Она быстро распахнула дверь раздвѣлявшую ложи, проша къ своему стулу и сѣла. Жѣдровскій ушелъ въ лартеръ. Завѣсь поднялся. Анна Всеволодовна повернула голову къ сценѣ, такъ что Лариса не могла видѣть ея лица; но она видѣла какъ вздрагивало кружево на ея плечѣ и какъ рука ея продолжала нервно играть вѣеромъ.

„Онъ разлюбилъ ея!.. какъ это просто!“ думала Лариса и чувствовала что что-то мѣшаетъ ей глядѣть и неприятно щекочетъ рѣсницы.

Зимовьевъ остался въ ложѣ, и какъ только актъ кончился, сказалъ Ларисѣ:

— Вы не разсердитесь если я возвращусь къ нашему разговору? Я долженъ обратиться къ вамъ съ очень большою и серіозною просьбой.

— Пожалуйста, тихо и не охотно молвила Лариса.

— Вы не догадываетесь о чемъ?

— Ахъ, я ужасно недогадливая.

— Я хочу васъ просить... немножко переломить себя. Вы сказали: „Причины никакой, я здорова“. А у меня, напротивъ, есть много причинъ настаивать чтобы вы наконецъ назначили срокъ нашей свадьбы. Еслибы существовали препятствія, я локорился бы; но ихъ нѣтъ, и я въ правѣ торопить васъ. Вы не хотѣли говорить объ этомъ пока продолжался трауръ, теперь онъ кончился, и я не понимаю что можетъ задерживать насъ.

Лариса, пока онъ говорилъ, обмахивала вѣеромъ лицо. Ея было душно.

— Я олять повторю: причины никакой нѣтъ, то-есть никакихъ внѣшнихъ препятствій, отвѣтила она.—Но я говорила какая я скучная... мнѣ хотѣлось бы быть веселѣе. Это пройдетъ, увѣрю васъ. А переломить себя не умѣю. И какая надобность заранѣе назначать день? Я ненавижу всякія приготовленія. Здѣсь жарко; пожалуйста, прикажите дать мнѣ стаканъ воды.

Глѣбъ Дмитріевичъ молча вышелъ изъ ложи, а когда онъ вернулся, Лариса разговаривала съ Клеопатрой Михайловной, а Анна Всеволодовна, прачась за драпировкой, обводила бѣноклемъ театральную залу, стараясь узнать къ кому пошелъ Жѣдровскій.

„Онъ безсовѣстный“... думала Лариса.

Предъ развѣдомъ княгиня вдругъ пригласила Зимовьева

пить чай. Онъ поблагодарилъ и бросая быстрый взглядъ на Ларису.

— Васъ-то я непременно везу къ себѣ, обратилась къ ней и Анна Всеволодовна.

— Нѣтъ, шегой, я побѣду домой: пашан не совсѣмъ здорова, отказалась та.

Княгиня смутилась, догадавшись, что поставила и себя, и Зимовьева въ неловкое положеніе.

— Недобрая вы какая! сказала она съ досадою.

Даже люди шубы и вѣсь имѣютъ сошли внизъ. Черезъ минуту кареты были вызваны. Глѣбъ Дмитриевичъ долженъ былъ проводить княгиню. Лариса вышла на лѣзвѣдь, и вдругъ изъ темноты выросъ предъ ней Жѣдровскій.

— Васъ дома вѣрно съ часомъ ждутъ? спросилъ онъ какимъ-то забавнымъ тономъ.

— Разумѣется... отвѣтила съ недоумѣніемъ Лариса.

— А можно къ вамъ прійхать? опять спросилъ онъ, осторожно и ловко подсаживая ее подъ локоть.

Лариса обернулась на него и въ ея глазахъ неволью выразилось что-то вопрошающее... Жѣдровскій весело улыбался и глядѣлъ на ней.

— Прійжайте, сказала она съ легкимъ движеніемъ плечами.

XXXVI.

Карета домчалась въ нѣскольکو минутъ. Лариса, не переодѣваясь, прошла прямо въ комнату матери.

— Къ вамъ сейчасъ Жѣдровскій прійдетъ, сказала она.

— Что еще! изумилась Марья Ивановна.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ. Развѣ вы не дадите намъ чаю?

Марья Ивановна совсѣмъ всполошилась.

— Да какъ же, я вѣдь не ждала совсѣмъ; видишь въ какомъ я... срамъ.

И она съ безпокойствомъ оглянулась на свой неизмѣнный синій съ золочеными пуговками халатикъ вывезенный еще изъ деревни.

— Да вамъ чудесно такъ, право... уговаривала Лариса, и наклонивъ освѣженное холодомъ лицо, поцѣловала мать въ щеку.—Только пожалуста прикажите подать все въ мою комнату: пусть это совершенно запросто. Я велю каминъ затопить.

— Ну, ужь какъ знаешь, согласилась Марья Ивановна и встала не столько недовольная, сколько удивленная неожиданностью.

„Ей съ нимъ весело, пускай; не все же въ самомъ дѣлѣ съ Глѣбомъ Джитричемъ. Умница вѣдь онъ, безпутный-то“, думала она въ безпричинномъ припадкѣ снисходительности. „А лишняго ей не окажетъ, не такая“, прибавляла она какъ бы съ гордостью.

Лариса хотѣла принять Жѣдровскаго въ своей комнатѣ, потому что эта комната, со своимъ причудливымъ убранствомъ, носила печать ея личной художественной заботы. Она не сомнѣвалась что Жѣдровскій обратитъ вниманіе. Если она сама не писала картинъ и не лѣпила статуетокъ, то могла бы крайней мѣрѣ имѣть настолько художественнаго вкуса, чтобы замѣнить декоратора и обойщика и сдѣлать изъ своей комнаты нѣчто оригинально-красивое. Жѣдровскій дѣйствительно, какъ только оглянулся, обратился къ Ларисѣ со словами:

— Но вы настоящій художникъ если сами все это придумали... впрочемъ конечно сами, тутъ такъ много личной мысли и личного вкуса.

— Вамъ нравится? спросила улыбаясь Лариса.

— Я люблюсь, а въ восхищеніи. Можно поручиться что такой комнаты нѣтъ въ цѣломъ Петербургѣ. И знаете чѣмъ она особенно хороша? Въ ней нѣтъ никакого стиля. Я ненавижу стиль, это рабство. Вы собрали то что вамъ нравилось—признакъ очень требовательнаго вкуса, которому нуженъ цѣлый музей.

— Скажите: очень неопредѣленнаго вкуса... молвила Лариса.

— Что можетъ быть скучнѣе опредѣленнаго вкуса? возразилъ Жѣдровскій.—На дняхъ одна дама, показывая мнѣ свою квартиру, безпрестанно повторяла: у меня все рококо, а обожаю рококо. Я ей чуть-чуть не сказалъ: не удивляюсь, у васъ даже носъ рококо.

— И съ тѣхъ поръ она перестала вамъ нравиться? улыбнулась Лариса.

— Съ той самой минуты, подтвердилъ совершенно серьезно Жѣдровскій.

„Безпутный и естъ!“ подумала Марья Ивановна, разливая чай.

Разговоръ перешелъ на оперу. Жѣдровскій отозвался сдержанно, что очень удивило Ларису.

— Развѣ вы равнодушны къ музыкѣ? спросила она.

— Напротивъ, я очень люблю музыку, отвѣтилъ Жѣдровскій.— Но видите ли, тутъ замѣшаны одинъ изъ непобѣдимыхъ капризовъ моей натуры. Для полноты впечатлѣнія мнѣ необходимо, кромѣ искусства, еще и самъ художникъ. Когда я брожу въ какомъ-нибудь музеѣ, я прилипаю біографію Анджели или Рубенса. Когда я восхищаюсь картиной или статуей на выставкѣ, я долженъ непременно познакомиться съ художникомъ. Когда мнѣ нравится хорошій романъ, является непреодолимая потребность узнать автора, услышать его голосъ, разговоръ. Видь естественно думать что творца интереснѣе своего творенія, хотя это не всегда такъ бываетъ. Но сегодня, когда я слушалъ оперу, у меня не явилось ни малѣйшаго желанія познакомиться съ кѣмъ-нибудь изъ артистовъ. Никто изъ нихъ не обещалъ мнѣ ничего больше того что я слышалъ. Это значитъ что я остался холодець.

Лариса повела на него задумчивымъ, серіознымъ взглядомъ.

— Какъ трудно на васъ угодить! сказала она.

— Но къ счастью наши впечатлѣнія не ограничиваются міромъ искусства, возразилъ Жѣдровскій.— Право, вотъ эта ваша комната, гдѣ такъ много личнаго, неожиданнаго, представляющаго мечтать и искать, представляетъ для меня гораздо болѣе интересную загадку чѣмъ сегодняшняя опера.

Онъ взглянулъ на Ларису и встрѣтился съ ея взглядомъ. Что-то быстрое и неуловимое пробѣжало въ ея прозрачныхъ глазахъ, и длинныя рѣсницы медленно олустились.

— Можетъ-быть вы были очень разсѣяны сегодня въ театрѣ, сказала она.

— Какъ всегда когда происходящее на сценѣ не очень увлекаетъ васъ, отвѣтилъ Жѣдровскій.

— Или когда мы слишкомъ заняты другимъ, продолжала Лариса.— Въ особенности же когда мы сердимся.

— Вы замѣтили что я сердился? .

— Больше всего сердятся когда чувствуютъ себя неправымъ.

— Вы рѣшили что я неправъ?

— Какое же можетъ быть сомнѣніе!

Лариса вдругъ разсмѣялась и взглянула на мать.

— Знаете какъ татап васъ называетъ? сказала она.

Марья Ивановна даже лоблѣднѣла отъ ужаса.

— Лара, что еще! воскликнула она.

— Нѣтъ, я скажу. Надо чтобы вы знали мнѣніе тѣхъ кто не очень балуетъ васъ. Маманъ васъ иначе не называетъ какъ „безлутный“, объяснила Лариса.

Бѣдная Марья Ивановна всплеснула руками.

— Сумасшедшая! И никогда я этого не говорила, отрекаюсь она.

Жѣдровскій, смѣясь, быстро повернулся къ ней и прежде чѣмъ она успѣла опомниться поцѣловалъ у нея обѣ руки.

— Говорили, Марья Ивановна, непремѣнно говорили! прощались съ самымъ добродушнымъ образомъ.—И я когда-нибудь нарочно къ вамъ приду, лично къ вамъ, чтобы вы хорошенько пожурили меня за мое безлутство.

— Да не вѣрьте вы ей, сумасшедшей! никакъ не рѣшалась созваться Марья Ивановна и, чтобы скрыть свое смущеніе, принялась торопливо наливать чай, отъ котораго однако и Жѣдровскій и Лариса отказались.

— Нѣтъ, пойте же! приказала Марья Ивановна и, все еще не опомнившаяся отъ ужаса, вышла изъ комнаты.

Жѣдровскій тоже казался смущеннымъ, догадываясь что Лариса должна была слышать кое-что изъ его разговора съ Анной Всеволодовной.

— Итакъ вы были недовольны сегодня мною? сказалъ онъ.

— Вы были неправы, повторила Лариса.

Жѣдровскій молча вопросительно смотрѣлъ на нее.

— Вы даже не даете себѣ труда оправдаться? молвила Лариса.

— Предъ вами? Нѣтъ, предъ вами я хотѣлъ бы оправдаться; но вы уже составили приговоръ, и женщину всегда трудно переубѣдить въ такихъ случаяхъ, отвѣтилъ Жѣдровскій.

Лариса положила обѣ руки на столъ и прямо взглянула ему въ глаза.

— У васъ есть очень удобная теорія, сказала она;—надъ чувствомъ никто не властенъ, не правда ли?

Жѣдровскій не отвѣчалъ и только смотрѣлъ на нее съ выраженіемъ виноватой покорности.

— А вѣдь это теорія тѣхъ кто никогда не испыталъ настоящего чувства, продолжала Лариса.—Вы конечно ни за что не согласитесь съ этимъ, я знаю. Вамъ кажется что вы ужасно много любили, что это ваша специальность. Я желала бы чтобы вы разубѣдились въ этомъ для вашего наказанія.

Въ глазахъ Жѣдровскаго явилось грустное выраженіе.

— Вы хотѣли бы наказать меня за то что я былъ такъ мало счастливъ? сказала она.

Лариса съ удивленіемъ взглянула на него.

— Нѣтъ, за то что вы были такъ часто счастливы по-своему... объяснила она.

— Какое заблужденіе! печально возразилъ Жѣдровскій. — Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете что забвѣлиась капризами страсти, гоняясь за призракомъ счастья, а перестали понимать что это только капризъ и призракъ? Увы, можетъ-быть оттого такъ и скучно жить на свѣтѣ что мы слишкомъ хорошо знаемъ какое есть настоящее счастье.

Лариса внимательно взглянула на Жѣдровскаго. Въ его словахъ ей внезапно послышалась та искренная и грустная нота которую она всегда подозрѣвала подъ его прозрачною проницательностью.

— Вы соглашаетесь что никогда никого не любилъ серьезно? сказала она.

— Я никогда въ этомъ не сомнѣвался, отвѣтилъ Жѣдровскій.

— Но вы объясняете себѣ отчего это происходитъ? продолжала Лариса.

Жѣдровскій пожалъ плечами.

— Не судьба, сказала она.

Оба на минуту замолчали, какъ будто то что было сказано заставило задуматься обоихъ.

— Мои откровенные отвѣты удивили васъ? заговорилъ снова Жѣдровскій, улыбувшись тою странною, новою улыбкой въ которой было больше грусти чѣмъ веселости.

— Не очень, возразила Лариса, — потому что я и раньше судила о васъ не совсемъ такъ какъ вы...

— Не какъ о „безлутномъ“? улыбулся Жѣдровскій.

— Ну, въ этомъ отношеніи ваша репутація непоправима, отвѣтила тоже улыбающаяся Лариса, — но только въ вашемъ „безлутствѣ“ мнѣ подозрѣвалось что-то грустное и въ вашей проницательности что-то щемящее. Въ искреннемъ смѣхѣ не бываетъ этой нотки.

— Смѣяться искренно еще случается, а веселиться — никогда, сказалъ Жѣдровскій.

— Никогда? даже и раньше? спросила Лариса.

— Даже и раньше, подтвердилъ Жѣдровскій: — и можетъ-быть именно потому что съ тѣхъ поръ какъ я сталъ мечтать о счастьи — а это началось очень рано — я мечталъ о томъ чего должно-быть нельзя найти на этомъ скучномъ свѣтѣ.

— Дурная привычка... сказала Лариса.

— А между тѣмъ это недостижимое въ сущности такъ просто и возможно, продолжала Жѣдровскій.— Можетъ-быть мои мечты показались бы вамъ очень маленькими еслибъ я объяснилъ ихъ.

— Такъ объясните, сказала Лариса.

Жѣдровскій не торопился послѣдовать приглашенію; въ его глазахъ явилось нерѣшительное и недовѣрчивое выраженіе.

— Развѣ васъ интересуетъ это? отозвался онъ.— Бываютъ очень не важныя и не секретныя мечты, которыхъ однако не хочется отдавать простому любопытству. Маленькій личный идеалъ; въ достижимость котораго перестаешь вѣрить... являю въ родѣ акціи лопнувшего банка. Знаешь что по ней не будетъ платежа и все-таки бережешь ее, потому что съ ней были связаны всѣ надежды, единственныя надежды...

— Я спрашиваю не изъ пустаго любопытства... сказала Лариса и облокотилась, какъ будто желая ближе взглянуть ему въ глаза.

— Извольте, повиновался Жѣдровскій.— Мнѣ хотѣлось той простой, хорошей, неистощимой любви на которую меня не считаютъ способнымъ. А я знаю что я способенъ, что мое существо требуетъ этой любви, этого счастья. Вамъ кажется невѣроятнымъ? вы не допускаете чтобы „безпутный“ Жѣдровскій могъ томиться во всю свою пустую и глупую жизнь подобнымъ идеаломъ? Да вѣдь и никто себя этого представлять не можетъ, и вы имѣете логичнѣе правое не вѣрить мнѣ, какъ и другіе. Но вы хотѣли знать, и я сказалъ, а гдѣ мнѣ не зачѣмъ. Я прибавлю: теперь, вотъ въ эту самую минуту, я можетъ-быть больше чѣмъ когда-нибудь понимаю что вѣдь другаго счастья какъ то о которомъ я говорю, и что все чѣмъ я жилъ до сихъ поръ — ничтожно и гадко и было порождено только злымъ раздраженіемъ, мстительнымъ капризомъ... Знаете что я вамъ скажу: женщины которыхъ я любилъ постоянно замѣчали будто въ моей любви есть что-то истинное. Онѣ угадывали вѣрно, я мстилъ— за то что между вами некого любить такъ какъ только и стоить любить.

— Вы слишкомъ многого искали въ женщинѣ, сказала, не сводя съ него своего пристального взгляда, Лариса.

— О нѣтъ, даже и въ этомъ я не очень грѣшенъ, возразилъ Жѣдровскій.— Я искалъ той маленькой искры которая

есть во мнѣ самомъ и которая хоть иногда, хоть минутами превозмемала бы обычную мелочность и дрянность. Я искалъ простоты—да, простоты, не удивляйтесь пожалуйста, не думайте что я въ самомъ дѣлѣ такъ моковеркавъ и изломанъ какъ кажется. Вѣдь выше простоты ничего нѣтъ, потому что она всегда повѣчна. Но такой поэзіи нѣтъ въ нашемъ обществѣ. За то есть поэзія дерзкихъ взглядовъ, вызывающихъ фразъ, кружевного байронизма, своеволія скуки и распущенности, капризовъ воображенія, поэзія жижарныхъ трюновъ и перчатокъ до плеча, и я искалъ очарованій въ этой дрянной поэзіи...

Онъ всталъ, сбѣжалъ нѣсколько шаговъ около стола и вдругъ быстро повернулся къ Ларисѣ.

— Простите меня пожалуйста за этотъ разговоръ, сказалъ онъ съ натянутою усмѣшкой своихъ красивыхъ губъ.—Чувствую какъ это неприлично и скучно, но вы можете немножко вознаграждать себя... посмѣявшись надо мной.

Лариса, какъ только слышала въ его словахъ другая нота, быстро взглянула на него и такъ же быстро опустила ресницы.

— Надѣюсь вы не думаете чтобъ я дѣйствительно могла... смѣяться, сказала она.

— Почему же нѣтъ? возразилъ Жѣдровскій;—людямъ даю такъ мало наслажденій что не садуютъ лишать ихъ одного изъ главныхъ—смѣяться другъ надъ другомъ. Я имъ пользуюсь даже вдвойнѣ, такъ какъ умѣю смѣяться и надъ самимъ собой.

— Не смѣяться, а только гримасничать; это у васъ пещоринство какое-то, ласково сказала Лариса.

— Съ тою разницей что Пещоринъ имъ наслаждался, а я имъ страдаю, поправилъ Жѣдровскій.—Но вы сами немножко виноваты, вы заставили меня заговорить о томъ о чемъ я никогда ни съ кѣмъ не говорилъ. А это больно, утѣряю весь. И теперь, въ эту минуту, гораздо больнее чѣмъ когда-нибудь.

— Отчего? тихо спросила Лариса.

Жѣдровскій снялъ со стола шапку и натянулъ перчатку.

— Оттого что я... должно-быть все еще молодъ, проговорилъ онъ съ тою же напряженною улыбкой, походившею на гримасу.

— Не отвѣтите на мой вопросъ? сказала, медленно подвѣвъ на него взглядъ, Лариса.

— Вѣроятно что не отѣчу...

И внезапно некогдашнимъ тономъ онъ прибавилъ:

— А теперь позволяете пожелать вамъ спокойной ночи.—И вамъ, добавилъ онъ наветрѣчу входящей въ комнату Марья Ивановна.

— Вы не сердитесь пожалуйта и не вѣрте ей, оказала та, все еще не забывшиа о предательствѣ дочери.

— Никогда не прощу! отвѣтила смѣясь Жѣдровскій.

Лариса вторично протянула ему руку.

— Мы скоро васъ увидимъ? сказала она, и ея прозрачные глаза глядѣли на него вопросительно и настойчиво.

— Мегсі, я зайду... проговорилъ Жѣдровскій, и въ его взглядѣ тоже какъ будто мелькнуло вопросительное выраженіе.

XXXVII.

Справное музство, безпокойства овладѣло Ларисой. Не скука, но ощущение нравственнаго недомоганья, смѣшанное съ чѣмъ-то необъяснимо-радостнымъ, и такая же необъяснимая печаль тревожили ее и заставляли раздражительно торопить дни. Она точно пережидала что-то, какую-то томительную паузу отбавлявшую ее отъ неизбѣжной минуты. Ей хотѣлось быть одной и она начала работу шпалками, за которою просуществовала цѣлые часы въ своей комнатѣ съ совершеннымъ независимымъ ей распоряженіемъ. Когда Марья Ивановна входила въ эту комнату, ей вдругъ хотѣлось куда-нибудь пойти, но наскоро, безъ большаго туалета; а изъ театра или съ какого-нибудь вечера она уѣзжала чрезъ часъ, съѣзжая на головную балъ, и на лицѣ ея появлялось такое томительное выраженіе скуки что ее не рѣшалось удерживать. Марья Ивановна по обыкновенію начинала безпокойтса и по мысленному выраженію самой Ларисы „ходить вокругъ нея“.

— Бѣлѣтъ голова? спрашивала она осторожно.

— Да, немощко, отвѣчала Лариса принимаясь за работу.

Марья Ивановна не рѣшалась дальше разспрашивать и садилась молча противъ дочери не сводя съ нея взгляда. Это безмолвное наблюденіе больше всего дѣйствовало на Ларию и она предлагала ѣхать кататься. Два дня сряду онъ завѣждалъ въ Эрмитажъ и на художественную выставку.

— Ты пристрастилась что ли? удивлялась Марья Ивановна,

— Развѣ мы прежде не бывали здѣсь? возражала какъ будто съ оттънкомъ неудовольствія Лариса.

На выставкѣ ей представили художника, картиной котораго она залюбовалась. Она съ нимъ очень разговорила, хотѣла повидимому понять техническія подробности.

— Вы знаете Жѣдровскаго? спросила она вскользя.

— Невможно знаю... отвѣтилъ художникъ.

— Здѣсь нѣтъ чего-нибудь изъ его работъ? продолжала Лариса.

— Нѣтъ. Онъ вѣдь мало работаетъ, а жаль: талантъ у него хорошій.

— Вы находите?

— Да, я считаю что изъ него могъ бы выработаться настоящій художникъ. Онъ красоту понимаетъ.

Лариса ласково взглянула на говорившаго и прощаясь пожала ему руку.

— Что это безлутный-то не заѣзжаетъ? вслomniaла Марья Ивановна садясь въ сани.

— Давно ли онъ былъ! равнодушно, даже съ оттънкомъ пренебреженія замѣтила Лариса, хотя съ того вечера какъ Жѣдровскій заѣхалъ изъ театра прошло уже нѣсколько дней.

— Это онъ за „безлутнаго“ сердится, сказала Марья Ивановна.

— Полноте! коротко отозвалась Лариса.

Сани быстро скользили по хрусткому снѣгу. Бѣлая пыль порхала въ морозномъ воздухѣ, сверкала и осѣдала на вуалеткѣ; глаза невольно жмурились противъ вѣтра. Лариса вдругъ быстро повернула къ матери раскраснѣвшееся лицо.

— Заѣдемъ къ Аннѣ Всеволодовнѣ, я совсѣмъ замерла предложила она.

Марья Ивановна, сама охмѣвшая отъ холода, была очень рада.

Но когда Лариса вошла къ княгинѣ, когда она встрѣтилась съ ея печальнымъ, разсѣяннымъ взглядомъ, ей вдругъ сдѣлалось досадно зачѣмъ она къ ней заѣхала. Что-то грубо-эгоистическое почувствовалось ей въ томъ тайномъ любопытствѣ которое привело ее сюда. Но чрезъ минуту это чувство смѣнилось другимъ и, какъ казалось Ларисѣ, еще болѣе преступнымъ. Этотъ уютный, кокетливый, едва освѣщенный сквозь тюль и зелень растеній кабинетикъ страннымъ образомъ раздражалъ ее, и раздраженіе переносилось на

княгиню. Она не могла жалѣть ее, и ея похудѣвшее, какъ будто внезапно увядшее лицо не казалось ей такимъ милымъ какъ прежде. Она попросила чаю и съ трудомъ завязала незначительный разговоръ. Княгиня тоже казалась разстѣяною и ея любезность отзывалась принужденіемъ.

— У насъ сегодня обѣдаютъ папа и Глѣбъ Дмитріевичъ; оставайтесь! сказала она между прочимъ.

Марья Ивановна взглянула на дочь, и понявъ по ея глазамъ что предложеніе не нравится, извинилась. Княгиня наклонилась къ Ларисѣ и спросила улыбаясь:

— Но вы не разсердитесь что я такимъ образомъ отнимаю у васъ Глѣба Дмитріича?

— Мы съ нимъ такъ часто видимся! спокойно возразила Лариса, и подумала что на этомъ обѣдѣ не всѣмъ будетъ очень весело.

— А Жѣдровскаго вы давно не видали? съ незначительнымъ видомъ бросила вопросъ Анна Всеволодовна.

Лариса отвѣтила что не видала его съ того вечера какъ онъ вмѣстѣ были въ театрѣ. Но вдругъ ей показалось что она этимъ отвѣтомъ какъ будто хочетъ скрыть что-то и съ тайнымъ движеніемъ вызова она послѣдила прибавить:

— Онъ тогда изъ театра заѣхалъ къ намъ пить чай.

— А-а! протянула Анна Всеволодовна, и по лицу ея пробѣжало уязвленное выраженіе.—Онъ мнѣ ничего не говорилъ объ этой... случайности. Впрочемъ у него столько фантазій на каждый день что можно перезабыть.

И повинаясь раздраженному чувству которому „случайность“ дала новый толчокъ, она продолжала, не замѣчая неприятныхъ, крикливыхъ нотъ въ своемъ голосѣ:

— Что можетъ быть скучнѣе и несноснѣе избалованнаго мушкетера? Они мнѣ всегда наломиваютъ старыхъ провинціальныхъ кокетокъ, съ тою разницей что послѣднія гораздо добродушнѣе. Во всемъ мірѣ нѣтъ другаго общества какъ наше русское которое умѣло бы такъ бессмысленно баловать. И собственно мы женщины больше всего въ этомъ виноваты...

На лицѣ Ларисы появилось принужденное, скучающее выраженіе. Ей было неловко и стыдно за Анну Всеволодовну, и чувство жалости опять шевельнулось въ ея безпокойномъ сердцѣ. Княгиня, такая милая и умная, говорила безтактности и терала всякое самообладаніе. Видно ей было жутко, очень жутко... И Лариса ничего не умѣла сказать, чувствуя что ея слово будетъ звучать лицемѣриемъ.

Когда она съ матерью подѣзжала домой, съ противоположной стороны къ крыльцу подѣхалъ Зимовьевъ.

— Точно сговорились, радостно сказалъ онъ, высаживая дамъ изъ саней.—Я впрочемъ къ вамъ мимоѣздомъ, меня сегодня молодые Ладожскіе звали обѣдать. Вы не будете?

— Нѣтъ, мы сейчасъ отсюда; Анна Всеволодовна просила остаться, но Лара эти дни какъ-то... нездоровится ей должно-быть... отвѣтила Марья Ивановна.

— Вы чувствуете себя не совсѣмъ здоровою? съ безпокойствомъ обратился Глабъ Дмитріевичъ къ Ларисѣ.

— Нѣтъ, я думаю просто нервы... отвѣтила она.

— Ахъ, здѣсь въ Петербургѣ всё кажется изнервничались въ конецъ, сказалъ Зимовьевъ, которому въ послѣдніе дни привелось много толкаться въ кругу высшей бюрократіи, и по обыкновенію вывести изъ этихъ встрѣчъ самое пессимистическое впечатлѣніе.

Прежде подъ такимъ впечатлѣніемъ онъ быстро исчезалъ изъ Петербурга, увозя съ собою хандру и желчь чтобы подвергнуть ихъ продолжительному дѣйствию деревенскаго воздуха и безлюдья. Но теперь его личная жизнь была радостно связана съ другою жизнью, и онъ могъ не уѣзжая изъ Петербурга укрыться отъ его политическаго маразма. А тамъ, дальше, ждала другая, новая жизнь, ждало счастье... Съ такою опорой можно превозмочь петербургскую хандру и желчь и спокойно ждать перелома, могучаго подъема народной силы, въ неизбѣжность котораго онъ вѣрилъ своимъ русскимъ чувствомъ, вѣрилъ вопреки всѣмъ обидамъ и разочарованіямъ.

— Вы все такая же—неготовая? сказалъ онъ, оставшись одинъ съ Ларисой.—Помните, вы разъ употребили это выраженіе?

На лицѣ Ларисы явилась ея скользящая улыбка.

— Все такая же... отвѣтила она и не взглянула на него, потому что ей тяжело было встрѣтиться съ его взглядомъ.

Онъ пересѣлъ ближе къ ней и старался улыбнуться.

— Вы отдаете справедливость моему терпѣнію? сказалъ онъ съ натянутою шутивостью.

— Я конечно благодарна вамъ, отвѣтила Лариса.

Глабъ Дмитріевичъ осторожно взялъ и поцѣловалъ ея руку.

— Но вы простите меня если я напомню вамъ что скоро лосьтъ и что съ каждымъ днемъ я дѣлаюсь все безпокойнѣе, потому что было бы ужасно отложить нашу свадьбу до апрѣля, продолжалъ онъ.— Я думалъ что мы обвѣчаемся еще въ

этомъ мѣсяцѣ и уѣдемъ за границу, въ Римъ или въ Венецію, гдѣ конецъ зимы такъ хорошъ. Весной мы пожили бы въ Парижѣ, а лѣтомъ объѣхали бы Германію и Швейцарію. Осень на морскихъ купаньяхъ, а къ зимѣ назадъ въ Петербургъ. Вы видите, я изъ программы перваго года исключаю деревню, такъ какъ она надобна вамъ; мы можемъ повѣхать туда будущимъ лѣтомъ, если вы захотите.

— Но можно также отложить Италію до будущаго года и ѣхать за границу въ концѣ апрѣля, сказала Лариса.

— Да, еслибы была какая-нибудь серьезная причина откладывать нашу свадьбу, возразилъ Зимовьевъ.—Но такой причины вы не можете указать, и простите меня, съ моей стороны такъ помпозно настаивать на вашемъ рѣшеніи.

Лариса молчала. Что она могла сказать? Развѣ она могла объяснить ему то необъяснимое что стояло между ними, отдаляя ее все болѣе отъ него, тогда какъ онъ думалъ что каждый день все больше сближаетъ ихъ?

„Ахъ, отчего же онъ не можетъ вывести меня изъ этой тоски и тревоги, изъ этого томительнаго незнанія—онъ, такой властный и знающій? Отчего же я не чувствую его силы?“ кружилось въ ея изнемогающемъ умѣ. И она понимала что это не можетъ продолжаться, что бесполезно хитрить съ самой собою, отодвигать неизбежно близкую минуту.

— Хорошо, я скажу... я назначу день, проговорила она не глядя на него.

— Зимовьевъ вскинулъ на нее вопросительными радостными глазами. Лариса почувствовала этотъ взглядъ.

— Нѣтъ, не сейчасъ, завтра... вѣдь вы заѣдите завтра? отвѣтила она.

Глѣбъ Дмитричъ схватилъ ея руку и прижалъ къ губамъ. Лариса не сопротивлялась и выраженіе странной покорности лежало на ея блѣдномъ лицѣ и въ недоумѣвающей, словно виноватой улыбкѣ сжатыхъ губъ. Только рѣсницы ея слабо вздрагивали и подъ ихъ глубокою тѣнью что-то темное залегло въ прозрачныхъ зрачкахъ.

Въ сосѣдней комнатѣ слышались шаги и въ дверяхъ неожиданно появился Жѣдровскій. Похолодѣвшіе пальцы Ларисы еще лежали въ рукѣ Зимовьева. Она видѣла что взглядъ Жѣдровскаго поймалъ послѣднее движеніе которымъ она вырвала руку и что по лицу его пробѣжала какъ тѣнь легкая судорога. Она почувствовала также какъ на щекахъ ея мгновенно вспыхнулъ досадный румянецъ.

Глѣбъ Дмитричъ ничего этого не замѣтилъ и такъ какъ ему пора было къ Ладожскимъ, стаалъ тотчасъ же прощаться.

— Такъ до завтра? повторилъ онъ радостно, пожимая Ларисѣ руку.

— До завтра, повторила и она.

XXXVIII.

Марья Ивановна, все еще считавшая необходимымъ заглядить свою вину предъ Жѣдровскимъ, старалась быть съ нимъ какъ можно любезнѣе и пригласила его обѣдать. „Опять онъ у насъ, а Глѣбъ Дмитриевичъ у княгини, какъ тогда“... неволью подумала Лариса, удивляясь этой игрѣ случая.

Жѣдровскій казался въ духѣ, то-есть болѣе обыкновеннаго остроумень и золь. Марья Ивановна, уже привыкшая къ его разговору, находила его не такимъ страшнымъ какъ прежде и могла смѣяться. Она соглашалась что съ „безлутнымъ“ ужасно, весело и удивлялась что Лариса остается такою серьезною и задумчивою.

— Скажите, вамъ бываетъ когда-нибудь скучно? добродушно спросила она Жѣдровскаго, не понимая какъ это можетъ человѣкъ такъ много говорить и въ такомъ забавномъ тонѣ.

— Никогда! отвѣтилъ съ комическою рѣзкостью Жѣдровскій.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ? не повѣрила Марья Ивановна.— Вѣдь бываютъ же у всякаго человѣка непріятности или вообще скверно на душѣ. Неужели съ вами не случается?

— Я никогда не бываю такъ веселъ какъ когда у меня очень скверно на душѣ, объяснилъ Жѣдровскій и взглянулъ на Ларису.

А она давно, по злымъ искрамъ сверкнувшимъ въ его глазахъ, когда она вырвала свою руку изъ руки Зимовьева, по первому звуку его голоса, догадалась что ему скверно и что онъ гримасничаетъ и коверкается именно потому что ему скверно. Ихъ взгляды встрѣтились и оба неожиданно для себя прочитали другъ у друга одну и ту же таиную мысль и оба смутились... Разговоръ вдругъ упалъ, фейерверкъ погасъ.

Когда встали изъ-за стола, Жѣдровскій молча дошелъ подлѣ Ларисы до гостиной и вдругъ сказалъ насмѣшливымъ, злымъ тономъ:

— Вы довольны?

— Чѣмъ? тихо спросила Лариса.

— Тѣмъ что поняла меня...

Лариса только оглянулась на мать и молча сѣла у окна: лицо ея было блѣдно, губы казались окаменѣлыми.

— Надуетъ тамъ, обезлокоилась за нее Марья Ивановна.

Лариса встала, перешла на другой конецъ комнаты и опустилась на стулъ, стараясь держаться дальше отъ блѣднаго свѣта лампы.

Имъ подали кофе. Лариса взяла чашку, но руки ея дрожали и она поставила ее и на столъ. Разговоръ совсѣмъ не вазался. Жéдровскій подвинулъ къ себѣ альбомъ и нагнувшись надъ нимъ искоса быстро взглядывалъ на Ларису и глаза его странно блистали.

„И безпутный-то усталъ, наболтался“, подумала Марья Ивановна.

— А въ театръ-то ѣдемъ сегодня? обратилась она къ дочери.

— Да, пожалуйста, послѣшно отвѣтила Лариса.

— И вы, monsieur, Жéдровскій съ нами? любезно предложила Марья Ивановна.

Онъ поблагодарилъ и извинился что сегодняшній вечеръ у него занятъ.

— Ну, а мнѣ приготовить надо, сказала Марья Ивановна и вышла изъ гостиной.

Жéдровскій быстро пересѣлъ къ Ларисѣ.

— Простите меня, я не виноватъ. Я могъ молчать, но не могъ помѣшать вамъ догадаться самой, сказалъ онъ тихо.

Лариса не пошевельнулась и не глядѣла на него. Можно было сдѣлать удивленный видъ, прикинуться что она не ловимаешь о чемъ идетъ рѣчь. Но ей даже не приходило на умъ притворяться.

— Вы дождались, вы сами узнали то о чемъ я не смѣлъ сказать вамъ въ прошлый разъ, продолжалъ съ выраженіемъ злобы въ голосѣ Жéдровскій.—Вамъ не надо больше повторять вашего вопроса. Вы теперь знаете почему мнѣ такъ больно было говорить о томъ чего я искалъ для своего счастья, говорить въ ту минуту когда это счастье достается другому. Жизнь зла и безжалостна, какъ все что глупо и слѣпо. Но пожалуйста не сожалѣйте обо мнѣ. Пожалѣть можетъ-быть слѣдовало бы насъ обоихъ... Простите, я начинаю говорить глупости; и не тревожьтесь пожалуйста—вамъ такъ легко забыть объ этой несчастной случайности, а у меня

достанеть ума не напоминать вамъ о ней. Да и мнѣ такъ будетъ лучше. Я не настолько „выше міра и страстей“ чтобы любоваться на чужое счастье.

Лариса взглянула на него почти не поворачивая головы. Какъ несказанно милымъ показалось ей его лицо, злое и страстно-ласковое, какая завораживающая сила чувствовалась въ его глазахъ, которымъ смущеніе придадо какое-то новое выраженіе обузданнаго своеволія и задора... Ларисѣ казалось что въ этомъ лицѣ, въ этихъ глазахъ она вдругъ прочитала что-то остававшееся еще невѣдомымъ для нея, что-то такое въ чемъ заключается вся тайна любви и счастья. И ей вдругъ какъ будто весело стало среди ея испуганнаго смятенія.

— Сергѣй Алексѣвичъ, вѣдь это все фантазія... вы такъ привыкли увлекаться всякимъ новымъ женскимъ лицомъ... сказала она почти спокойно, тономъ шутилаго упрека.

Его глаза сдѣлались еще злѣе.

— Я знаю что мнѣ трудно было бы внушить вамъ довѣріе, но вѣдь я и не приготовляюсь расточать предъ вами клятвы, отвѣтилъ онъ.—Зачѣмъ? какой смыслъ? Я могъ невольно выдать себя благодаря вашей же неосторожности,—подчеркнулъ онъ со злостью,—но я не такъ безумецъ чтобы искать невозможнаго. И эта тайна такъ мало грозитъ вамъ, вы такъ безопасны въ вашемъ положеніи что могли бы не оскорблять меня... потому что то что вы сейчасъ сказали—оскорбительно...

Ларису забавляла эта злость.

— Что вы считаете невозможнымъ? молвила она, улыбаясь своими прозрачными, невинными и лукавыми глазами.

Жѣдровскій глядѣлъ на нее, не понимая. Онъ почти не зналъ что сказать. Необъяснима была эта странная игра ея лица, эта улыбка, эта нервная веселость звучавшая задоромъ и страхомъ... Онъ въ первый разъ ничего не могъ разобрать въ женщинѣ.

— Что я считаю невозможнымъ? повторилъ онъ, теряясь.— Да хотя бы видѣть васъ послѣ того какъ вы знаете что я васъ люблю...

— Но это, напротивъ, очень легко, возразила съ жуткимъ ощущеніемъ наслажденія и страха Лариса.—Я всегда буду рада васъ видѣть.

Оба глядѣли другъ на друга, блѣдные, словно испуганные тѣмъ что такъ внезапно сказалоь.

— Лариса Григорьевна... вы не любите его! проговорилъ

Жѣдровскій и вдругъ схватилъ ея руку и жадно, не дыша, прильнулъ къ ней губами.

Она не шевелилась, только рука ея трепетала, и что-то нервное пробѣгало дрожью по лицу, подымая олущенныя рѣсницы и трогая уголки губъ.

— Вы не любите его? повторилъ Жѣдровскій, и безумная, страстная радость прозвучала въ этихъ шелотомъ сказанныхъ словахъ.

Онъ замолчалъ, прижавшись лицомъ къ ея бессильно олущеннымъ на колѣни рукамъ, и ей казалось что она чувствуетъ его слезы.

„Что жь это такое? что мы дѣлаемъ?“ кружилось въ ея мозгу, и словно окованная неосязаемою властью, она только прислушивалась къ короткому и нервному биенію сердца. „А завтра... Глѣбъ Дмитричъ... Боже мой, что жь это такое?“

Она встала и не отнимая руки, точно таща его за собою, сдѣлала два шага по ковру.

— Идите! сказала она шатаясь.

И такъ какъ онъ стоялъ не двигаясь, она повторила молящимъ голосомъ:

— Идите же! идите!

Спустя полчаса Марья Ивановна, зайдя въ комнату дочери сказать что она готова и карета лошади, не нашла ея тамъ. Она пріотворила дверь въ спальню, но тамъ было темно. Въ ту же минуту странные звуки похожіе на затихающій, подавленный плачь поразили ее.

— Лара, что съ тобою? гдѣ ты? окликнула она съ испугомъ.

Никто не отвѣчалъ. Марья Ивановна широко распахнула дверь, и при ворвавшемся извнѣ свѣтѣ увидѣла Ларису лежащею на постели, лицомъ въ подушку.

— Господь съ тобою, что такое! вскрикнула она, стремительно бросаясь къ дочери и чувствуя какъ у нея все похолодѣло.

Лариса подняла голову и вскинувъ руками обвила ихъ вокругъ шеи матери. Лицо ея было все смочено слезами.

— Мама, я люблю его! проговорила она страннымъ, смѣющимся и плачущимъ голосомъ.

Марью Ивановну точно вожомъ кольнуло въ сердце.

— Кого? спросила она почти шелотомъ.

— Его, „безлутнаго!“ отвѣтила съ мучительнымъ смѣхомъ Лариса.

Крупныя, жаркія, послѣднія слезы скатились по ея лицу, и она ужь не плакала.

Марья Ивановна глядѣла на нее полными ужаса глазами. Она даже не вскрикнула, въ ней какъ-то вдругъ все замерло...

— Мама, прости! прошептала Лариса, переходя на давно оставленное ты и пряча лицо на груди матери.

Прошло можетъ-быть нѣсколько минутъ, а объ онѣ оставались въ одной и той же позѣ, не произнося ни звука, почти не дыша. Лариса, утомленная, точно не въ силахъ была подвять голову.

— Лара, что жь это будетъ! глухо проговорила наконецъ Марья Ивановна.

— Я ужь спрашивала себя... я не знаю... отвѣтила едва слышно Лариса.

И объ опять замолчали.

— Я предъ Глѣбомъ Дмитричемъ страшно, страшно виновата... заговорила черезъ минуту Лариса.—Но что жь я буду дѣлать? Я не могу, вы видите что я не могу...

„Сумашедшая! безумная!“ думала Марья Ивановна. „И меня съ ума сведетъ“...

— Мама! вскрикнула Лариса и сжавъ ее руками, принялась быстро, до боли крѣпко цѣловать ей щеки, глаза, губы. Потомъ, оторвавшись, схватила ее руки и локрыла ихъ неслетными лоцѣбуями.

— Мама, я не боюсь... я ничего не боюсь... и вы тоже... развѣ вы не видите что это... счастье? говорила она сквозь тихій, долгій смѣхъ, какимъ не то смѣются, не то плачуть крошечныя дѣти.—И страданье тоже... и все-таки счастье...

Она замолкла и сжала руки. Выраженіе задумчивой тоски внезапно набѣжало на ее лицо.

— Мнѣ Глѣба Дмитрича жалко! сказала она совершенно другимъ, серьезнымъ и печальнымъ тономъ.—Но... мама!...

Она не договорила и прижалась вслѣхнувшею щекой къ плечу матери.

— Сумашедшая! вслухъ повторяла та.

Въ эту ночь Марья Ивановна, затворившись въ своей комнатѣ, долго сидѣла одна со своими думами, и сердце ея въ первый разъ наполнилось чувствомъ злобы къ той для которой она жила. Но въ этой злобѣ была любовь неизмѣримая, невыразимая... Потому она опустила на колѣни предъ привезенною изъ Волчьаго Дола кіотой, и блѣдыя губы ея долго шептали слова молитвы.

(До слѣд. №.)

В. АВСѢНКО.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ УКРАИНОФИЛЬСТВѢ

Читатели *Русскаго Вѣстника*, надѣмся, не посѣтуютъ на насъ за то что мы останавливаемся снова на предметѣ по поводу котораго не такъ давно съ ними бесѣдовали.* Но вопросъ объ украинофильствѣ, о малорусскомъ литературномъ языкѣ и вообще о малорусской литературѣ принадлежитъ къ числу тѣхъ вопросовъ о которыхъ трудно высказаться сразу съ достаточною полнотой. Именно то обстоятельство что вопросъ этотъ дутый требуетъ частаго къ нему обращенія, ибо агитація въ его пользу весьма сильна и неустанна, а свѣдѣнія о немъ большинства публики крайне ограничены и смутны. Составляя первую статью объ украинофильствѣ, мы не успѣли еще прочесть тогда ни статей гг. Костомарова и Пылина о томъ же предметѣ (см. *Вѣстникъ Европы*, январь и мартъ 1881), ни замѣтокъ въ фельетонахъ петербургскихъ газетъ, преимущественно *Голоса*. Это случайное обстоятельство лишило нашу статью надлежащей полноты, которую теперь считаемъ необходимымъ возстановить. Не одно впрочемъ желаніе полноты заставляеть насъ вновь обратиться къ украинофильскому вопросу. Какъ ни скромна напечатанная нами статья по'этому вопросу, но уже по одному своему

* См. въ мартовской книжкѣ 1881 года нашу статью „Къ исторіи украинофильства“, стр. 210—234.

содержанію она не могла, *по настоящему*, оставаться безъ отвѣта со стороны главныхъ ратоборцевъ украинофильской агитаціи. Между тѣмъ прошелъ почти годъ, и такого отвѣта мы не встрѣчали; очевидно его и не будетъ, и статья, очевидно, *осуждается на замолчаніе*, на то чтобы въ извѣстныхъ кружкахъ читателей о ней совсѣмъ не знали, а тамъ, гдѣ случайно узнаютъ, поскорѣе о ней позабыли, какъ о вещи досадливой, неприятной. Вообще украинофилы очень не любятъ полемики и отдѣлываются отъ нея будто бы недостаточностью простора для печатаемаго слова, который имъ нуженъ для услѣбной борьбы съ противниками, яко бы отличаящими ихъ въ симпатіяхъ къ польскимъ тенденціямъ и вообще будто бы щедрыми на всякаго рода инсинуаціи и доносы. Но мы и не ставили украинофильскій вопросъ на политическую почву; мы поставили и ставимъ его лишь на филологическомъ и историко-литературномъ основаніи, которое можно разрушить, но неудобно *замолчать*. Сводить все дѣло къ цензурному вопросу о дарованіи малорусскому печатному слову той же свободы какою пользуется у насъ вообще русское печатное слово значить его затемнять. Украинофильскій вопросъ вовсе не такъ узокъ, и напрасно стараются сузить его лоборники малороссійской литературы. Необходимо разсмотрѣть его во всей полнотѣ его объема и въ правдивомъ историческомъ его развитіи,—разсмотрѣть *безбоязненно*. Уклоненіе отъ этого будетъ сочтено нами не опасеніемъ „*доносовъ и инсинуацій*“, а признаніемъ своей неправоты и признаніемъ лживости самаго вопроса. По времени и мѣсту нашего образованія мы ближе стояли къ первымъ источникамъ украинофильства, къ первымъ малороссійскимъ писателямъ, чѣмъ множество позднѣйшихъ его ратоборцевъ, едва ли когда и бывавшихъ въ Малороссіи, изучавшихъ ее развѣ изъ вагеновъ и гостиницъ: смѣемъ выразиться что *отъ насъ* неудобно и даже неблагоприятно отдѣлаться однимъ молчаніемъ. Какъ бы впрочемъ ни было, настоящая статья наша есть не что иное какъ *съездъ*, обращенный къ гг. Костомарову и Пылину: какъ людямъ науки, для нихъ невозможно ни молчаніе, ни устарѣвшіе полемическіе приемы. Нельзя имъ теперь довольствоваться и порученіемъ защиты любимаго ими дѣла такимъ адвокатамъ какъ нѣкоторые петербургскіе фельетонисты, невѣжество которыхъ въ вопросѣ для нихъ должно быть болѣе чѣмъ для кого-либо очевидно.

Удивительныя въ самомъ дѣлѣ вещи приходилось и приходится читать въ нашей періодической печати по вопросу объ украинифильствѣ, вообще о малороссійскомъ литературномъ языкѣ. Вотъ любопытный образчикъ. „Въ Россіи, въ настоящее время (1880), существуетъ особое нарѣчіе признанное вреднымъ и особая литература лишившаяся права на жизнь и развитіе. Мы говоримъ о малороссійскомъ языкѣ и его литературѣ, для которыхъ печатная арена закрыта съ 1876 года. Чѣмъ провинилось четырнадцатимилліонное племя, давшее Россіи Гоголя, Шевченко и др. и лишенное теперь тѣхъ элементарныхъ правъ на развитіе своей письменности какими пользуются, на основаніи общихъ законовъ, Эсты, Латыши, Грузины, Армяне и другіе подвластные русскому скелету народы? Гдѣ мѣтежныя попытки которыя могли бы оправдать эту мѣру, уничтожающую творческую мысль роднаго, братскаго племени въ самомъ зародышѣ, лишаящую народъ одного изъ самыхъ могущественныхъ средствъ къ развитію, мѣру глубоко обидную для каждаго Малоросса, отъ простаго пахара до чловѣка образованнаго?“ Этотъ плачь принадлежитъ фельетонисту *Голоса*, утверждающему что языкъ Шевченка, Квитки и еще кой-кого есть въ дѣйствительности языкъ 14-тимилліоннаго малороссійскаго племени и что это племя составляетъ не часть только великаго Русскаго народа, а отдѣльную народность, въ родѣ латышской или грузинской. Разубѣдить наивнаго фельетониста, конечно, легко могли бы гг. Костомаровъ и Пыльницъ, знакомые съ исторіей нашего вопроса; но интересы ихъ, какъ увидимъ, вовсе не заключаются въ разъясненіи дѣла столь неглубокимъ образомъ затемняемаго фельетонистомъ. Но вотъ тирада принадлежащая уже не фельетонисту, а редактору спеціальнаго изданія, *Русской Старины*: „Н. И. Костомаровъ въ *Русской Старинѣ* обзорѣмаго года помѣстилъ статью „Украинифильство“, трактующую по одному изъ самыхъ жизненныхъ вопросовъ, который еще долго и долго будетъ вызывать горячую полемику. Не ставоясь ни за, ни противъ мнѣній высказанныхъ нашимъ талантливымъ историкомъ, мы тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ помѣстили его статью что она заключаетъ въ себѣ критическій разборъ одного тайнаго извѣта, поданнаго въ административныхъ сферахъ на малороссійскій языкъ и малорусскія

книги". * Въ *Вѣстникѣ Европы* мы вычитали назадъ тому лѣтъ восемь слѣдующее изреченіе, достойное начертанія особымъ шрифтомъ: „великорусскій критикъ Бѣлинскій“. Все это крайне замѣчательно какъ свидѣтельство того какъ не великъ еще запасъ свѣдѣній филологическихъ и историко-литературныхъ не только въ обществѣ, но и между людьми берущимися быть его руководителями! При подобномъ уровнѣ знаній легко морочить публику лицамъ выступающимъ съ самыми нелѣпыми заявленіями, легко вести самую недобросовѣстную пропаганду!

Последнее украинофильское движеніе, какъ знаемъ теперь, вызвано событіями имѣвшими мѣсто въ Кіевѣ, вообще въ нашемъ юго-западномъ краѣ. Въ 1876 году былъ закрытъ Отдѣлъ Географическаго Общества,—событіе едва ли замѣченное всѣми. Въ связи съ нимъ поставляется запрещеніе давать на сценахъ малорусскія піесы и малорусскіе концерты и печатать малорусскія книги. Какъ ни прискорбны всѣческія запрещенія, нельзя забывать что Кіевъ и юго-западный край находились и все находятся въ исключительномъ положеніи вынуждающемъ мѣстную администрацію ограничивать всякаго рода права, слѣдовательно и свободу печати. Но что было въ кіевскомъ генераль-губернаторствѣ, того не было нигдѣ во внутреннихъ южныхъ губерніяхъ, гдѣ малорусскія піесы свободно игрались и пѣлись какъ до, такъ и послѣ 1876 года. Это извѣстно всѣмъ и каждому, кромѣ развѣ украинофиловъ. Что касается Кіева, то въ немъ дѣйствительно случаются очень странныя вещи. Собирается напримѣръ въ мартѣ прошлаго года историческое общество „Лѣтописца Нестора“. Засѣданіе, по словамъ мѣстной газеты *Заря*, привлекаетъ многочисленную публику. Кромѣ историческаго характера рефератовъ, читатель ничего инаго не предполагалъ конечно услышать въ этомъ засѣданіи; но онь жестоко ошибся: *засѣданіе было посвящено памяти Тараса Григорьевича Шевченка* (!!). Предсѣдатель Общества А. А. Котляревскій и дѣйствительный членъ его В. Б. Антоновичъ цѣлкомъ посвятили свои рѣчи этому, по выраженію фельетониста *Голоса*, „великому славянскому поэту“. Не правда ли, все это также странно какъ еслибы Московское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ вздумало

* *Русская Старина* 1881, кн. XII, стр. 929.

посвятить одно изъ своихъ застѣданій *памяти Александра Васильевича Кольцова!* Безо всякихъ подозрѣннй политическаго свойства каждый согласится что толковать о произведенiяхъ беллетристическаго писателя въ *историческомъ* обществѣ крайне неумѣстно: говорить объ этомъ можно въ литературномъ обществѣ, въ публичной лекци, вообще съ учительскихъ и профессорскихъ кафедръ, по поводу и кстати, но никакъ не въ ученыхъ собранiяхъ посвященныхъ изученiю старины. Неоспоримо, нѣтъ никакой бѣды въ панегирикахъ Шевченкѣ, какъ нѣтъ бѣды въ служенiи лавнаицидъ по его душѣ: почему не пославословить и не помануть молитвенно покойника! Но когда такiя словословія и поминовенiя дѣлаются не въ пору и не слроста, а тенденціозно, демонстративно, тогда всякая административная власть не только имѣетъ право, но и *обязана* приостановить ихъ. То же самое можно сказать и о такихъ невивныхъ въ сущности вещахъ какъ лѣвiе въ концертахъ малороссійскихъ лѣсенъ и устройство спектаклей изъ малорусскихъ лѣсенъ; все это можетъ быть предметомъ демонстрацiй и въ качествѣ таковыхъ могло быть въ кiевскомъ генералъ-губернаторствѣ подвергаемо запрещенiю. Мы знаемъ по крайней мѣрѣ что даже въ Черниговской губернии, при открытiи памятника Гоголю въ городѣ Нѣжинѣ, не обошлось безъ украинофильскихъ демонстрацiй; но въ Черниговѣ и Нѣжинѣ онѣ только смѣшаны, между тѣмъ какъ по ту сторону Днѣпра едва ли можно ограничиться однимъ смѣхомъ. Мы вовсе не имѣемъ въ виду разбирать дѣйствiя кiевской администраци; наша цѣль — изобличить ложное показанiе украинофиловъ увѣряющихъ что на малороссійское печатное слово будто бы воздвигнуто съ 1876 года *всеобщее гоненiе*. Но допустимъ что въ этомъ показанiи нѣтъ ничего ложнаго, что малорусское печатное слово съ жестокостiю преслѣдуется во всей нашей Имперiи, не въ одномъ Кiевѣ, но и въ Харьковѣ, въ Полтавѣ, въ Черниговѣ, въ Одессѣ, въ Екатеринославѣ и т. л. Какой же результатъ далъ этотъ пятилѣтнiй гнетъ „многострадальной малороссійской литературы“ (выраженiе *Голоса*)? Если вѣрить украинофиламъ, результатъ получился чудовищный, ужасный. Оставивъ пока частности, укажемъ на два главныхъ явленiя полученные будто бы отъ многолѣтняго гнета: 1) Оскудѣла де вѣра въ малорусскомъ народѣ; онѣ сталъ дичать, грубѣть; появилась „штунда“. 2) Оскудѣла де умственная, научная,

историко-этнографическая дѣятельность, вслѣдствіе чего многія драгоценныя вещи писанныя по-малорусски должны оставаться подъ слудомъ. По поводу этихъ ужасовъ мы будемъ говорить ниже; здѣсь только спросимъ: 1) что это за творенія на малороссійскомъ языкѣ якобы принужденныя оставаться подъ слудомъ? Если сослаться будто бы *опасно* поименованіе ихъ авторовъ, то во всякомъ случаѣ нѣтъ никакой опасности назвать, ради доказательства и ради удовлетворенія естественнаго любопытства читателей, самыя сочиненія и распределить ихъ по отдѣламъ наукъ: *историческія*—такія-то, *этнографическія*—такія-то и т. п. 2) Нѣтъ ли между этими твореніями хотя одного тома историческихъ изслѣдованій самого Н. И. Костомарова, посвященнаго, напримѣръ, исторіи Гетманщины? Быть не можетъ чтобы нашъ историкъ, столь плодовитый и столь ревностный въ ратоборствѣ за малорусскій языкъ, ничего историческаго не написалъ на немъ, ни одного тома (изъ многихъ) своихъ изслѣдованій не обработалъ на немъ! А казалось бы г. Костомаровъ *долженъ былъ* это сдѣлать, и въ доказательство своей ревности (ея искренности и рациональности), и въ доказательство того что русскій ученый малорускаго происхожденія легко обойдется безъ общаго литературнаго языка и въ правѣ дозволить себѣ такіе капризы какъ „изложеніе своихъ мыслей такъ какъ онъ считаетъ для себя лучшимъ“ (*Вѣстникъ Европы*, 1881 года, кн. I, стр. 402). Будь справедливы всѣ эти украинофильскія разглагольствованія, мы—легко сказать!—были бы повинны въ духовномъ умерщвленіи своихъ же родныхъ братьевъ, русскихъ людей нашего юга. Но утѣшимся; мы имѣемъ дѣло съ людьми которые, по словуца, „для краснаго слова не пожалѣютъ ни матери, ни отца“. Всѣ эти ужасы на самомъ дѣлѣ лустые призраки, которые разоблачаются безъ особеннаго затрудненія. Чтобы приступить къ этому разоблаченію намъ необходимо прежде всего резюмировать основныя положенія первой нашей статьи объ украинофильствѣ. Вотъ эти положенія:

1) Въ Русской землѣ до Петра Великаго или до XVII столѣтія были *три письменности* (слѣдовательно три языка): а) *письменность восточно-русская* (московская); б) *письменность западно-русская* (мало-и бѣло-русская) и в) *письменность церковно-славянская*, общая для всѣхъ православныхъ русскихъ людей (безъ различія мѣстностей) получившихъ церковное образованіе.

2) Во все XVIII столѣтіе идетъ созданіе русскаго литературнаго и образованнаго языка *общаго* для всей Имперіи (а не *какого-то великорусскаго*), причемъ Малороссіянѣ и больше, и усерднѣе, и пожалуй плодотворнѣе трудятся чѣмъ уроженцы великороссійскихъ губерній. Если приписывать завершеніе этого литературнаго созданія Великоруссу Карамзину, то во всякомъ случаѣ рядомъ съ нимъ непременно слѣдуетъ поставить равную малороссійскую силу,—Гвѣдича, талантливаго переводчика *Илиады*, такого же виртуоза-зодчаго въ стихѣ какимъ былъ авторъ *Исторіи Государства Россійскаго* въ прозѣ.

3) Параллельно развитію общаго русскаго литературнаго языка шло постепенное вымирание не только старой русской письменности (въ двухъ ея видахъ), но и церковно-славянской. Сдѣлавшись *общимъ*, русскій литературный языкъ съ XVIII столѣтія сталъ языкомъ культурнымъ, языкомъ *всей* русской интеллигенціи (а не однихъ сѣверо-восточныхъ губерній), *своимъ, дорогимъ* каждому Русскому языкомъ, годнымъ для всего, для всякой умственной потребности и *повсюду*, для всѣхъ мѣстностей обитаемыхъ Русскимъ народомъ, для Европы и Азии, для русскаго запада и юга. Думать о другомъ *какомъ-то* языкѣ, приискывать его, сочинять его не только во все XVIII столѣтіе, но и въ первой половинѣ XIX было бы сочтено неабытною, логическимъ абсурдомъ.

Остававшиаемся и просимъ гг. Костомарова и Пыпина отвѣтить намъ: вѣрны или ошибочны эти *три* наши основныя положенія? Если они ошибочны, то въ чемъ же именно? Но если они вѣрны, то не можетъ быть ошибочнымъ и слѣдующее вытекающее изъ нихъ положеніе:

4) Искусственное созданіе литературнаго языка *особаго* для Малороссовъ есть затѣя, прихоть, ни на чтѣ не нужная, ничѣмъ не оправдываемая и *положительно вредная* для всѣхъ трехъ русскихъ племенъ, какъ явное не сближающее, а разъединяющее и отчуждающее ихъ другъ отъ друга. Возможность создать (то-есть сколотить, сковать, сляпать) новый литературный языкъ вещь не особенно трудная; но она еще ровно ничего не доказываетъ и всего менѣе доказываетъ историческую и логическую въ такомъ искусственаомъ языкѣ потребность и отнюдь не свидѣтельствуетъ о его органическомъ свойствѣ. Въ первой статьѣ своей мы не только свисходительно, но и самлatically отнеслись къ дѣятельности первыхъ писателей на

малороссійскомъ языкѣ, большинство которыхъ мы лично знали. Люди съ небольшими литературными дарованіями, они отсюда не были подобны позднѣйшимъ украинофиламъ въ родѣ гг. Костомарова и Кулиша; они просто были литературными дилеттантами, которымъ нечего было дѣлать на общерусской литературной аренѣ. Они конечно, помимо желанія, не преднамѣренно, вліяли на развитие украинофильства; но ихъ, строго говоря, нельзя считать родоначальниками этого послѣдняго. Говорить въ этомъ смыслѣ значило бы напрасно тревожить прахъ покойниковъ. Украинофильство обязано своимъ появленіемъ возбужденію научнаго этнографическаго движенія, начавшагося у насъ съ 40хъ годовъ текущаго столѣтія и обусловившагося совершенно романтическимъ отношеніемъ къ своей старинѣ и народности. У насъ очень много говорилось и писалось о романтизмѣ литературномъ, беллетристическомъ, но почти ничего о романтизмѣ научномъ, порождаемомъ распространеніемъ этнографическихъ занятій и вообще успѣхами этнографіи. Эта послѣдняя наука еще до сихъ поръ производитъ на русскаго человѣка какое-то ослабляющее вліяніе: предавшись ей онъ въ большинствѣ случаевъ начинаетъ отворачиваться отъ современности и смотрѣть назадъ; онъ теряетъ цѣлостность и пониманіе дѣйствительности и впадаетъ въ историческую мечтательность. Такъ, по крайней мѣрѣ, было въ 40хъ — 50хъ годахъ, въ эпоху столь тяжелую для нашего умственнаго развитія. Тогда этнографическій романтизмъ естественно долженъ былъ принимать и принималъ самыя болѣзненные и уродливыя формы. И тогда-то, на почвѣ такихъ романтическихъ отношеній къ старинѣ и народности возникаетъ и распространяется на нашемъ югѣ украинофильство, полнымъ выразителемъ котораго является Н. И. Костомаровъ, романтикъ, надобно думать, по натурѣ, а еще больше по мѣсту своего образованія (въ Харьковскомъ университетѣ), гдѣ процвѣтало романтическое направленіе, безпощадно преслѣдуемое сарказмами И. И. Срезневскаго. Какъ бы то ни было, во г. Костомаровъ во всей своей учено-литературной дѣятельности былъ и до сихъ поръ остается романтикомъ самымъ неисправимымъ, завзатымъ.

Мы могли бы указать его романтическіе коньки, особенно въ антилатинскомъ ему родѣ, впрочемъ почти всѣмъ извѣстныя, еслибы это указаніе не отвлекло насъ далеко отъ

нашей цѣли, и еслибъ оно не было сочтено его друзьями за извѣтъ и инсинуацію. Въ украинифильствѣ г. Костомаровъ также прежде всего является романтикомъ самымъ страстнымъ и неукротимымъ; онъ старѣйшій и идеальнѣйшій изъ украинифиловъ, можно сказать, Донъ-Кихотъ украинифильства. Уроженецъ Воронежской губерніи, Острогожскаго уѣзда, Н. И. Костомаровъ такой же Малороссъ какъ и земляки его Станкевичи, два брата извѣстные въ нашей литературѣ, Николай и Александръ (Владиміровичи), никогда Малороссами себя не считавшіе, хотя по происхожденію и были таковыми. Г. Костомаровъ теперь удостовѣряетъ то что мы давно знали, то-есть что онъ съ дѣтства говорилъ и думалъ только на русскомъ языкѣ*. Если не ошибаемся, г. Костомаровъ, кромѣ своего *Саввы чалаго*, ничего и не писалъ на малороссійскомъ нарѣчій, а если и еще что писалъ, то всѣ его въ подобномъ родѣ писанія слишкомъ ничтожны въ сравненіи съ его обширною историческою производительностью, давно доставившею ему всеобщую и вполнѣ заслуженную извѣстность. Почто же бытъ такая трата времени и дарованія у писателя по происхожденію почти не Малоросса, у плодовитаго русскаго историка, забавлявшагося кой-когда малорусскимъ авторствомъ, на дѣятельность не оправдываемую ни историческими, ни филологическими основаніями? Очевидно, скажутъ, украинифильство г. Костомарова не блажь и не правдая затѣя. Пусть и такъ, согласны! Мы приискали для украинифильства историческую почву; мы указали въ немъ симпатическія черты (*Русск. Вѣстн.* 1881, № 3, стр. 233), намъ нѣтъ причияз оставлять безъ вниманія обстоятельство облегчающихъ виновность нашего почтеннаго историка противъ исторической правды. Славъ съ г. Костомарова укоръ въ затѣѣ и калризахъ, мы тѣмъ съ большею силой настаиваемъ на его романтической болѣзни, на его *idée fixe*... Но дѣятели подобные гжѣ Марко-Вовчку (уроженкѣ великорусской), по ратоборцы украинифильства, какъ г. Костомаровъ, суть ли выразители силы и мощи или же хилости и болѣзненности украинифильскаго движенія? Мы нашли для украинифильства историческую почву, *объясняющую* его появленіе, но отнюдь не уничтожающую четвертый пунктъ нашего основнаго положенія, по которому стремленіе украинифиловъ

* См. *Вѣстникъ Европы* январь 1881, стр. 405.

создать *новый* малороссійскій литературный языкъ есть явленіе искусственное и положительно вредное какъ литературный расколъ. Скажемъ болѣе: литературный расколъ и литературный сепаратизмъ мы считаемъ не слѣдствіемъ, а причиною украинофильской дѣятельности, то-есть украинофиль въ качествѣ такого прежде всего литературный раскольникъ и отщепенецъ.

Мы не упреекали и не упреекаемъ украинофиловъ въ симпатіяхъ польскимъ тенденціямъ; мы не призывали и не призываемъ на главу ихъ каръ и прещеній. Еще разъ скажемъ: мы желаемъ украинофиламъ полной свободы, *но только въ словѣ*, а не на дѣлѣ. *На дѣлѣ же, какъ за оредными раскольниками, за ними долженъ быть самый строгій контроль со стороны государства и общества.* Не книжки ихъ надобно преслѣдовать, не сочиненный ими языкъ, а дерзкія попытки ихъ придать послѣднему неподобающее ему значеніе и провести его туда гдѣ быть ему совсѣмъ не подобаешь, гдѣ стоять не его сани, куда садиться онъ не долженъ и не смѣеть. Но обратимся къ разоблаченію украинофильской лжи именно въ тѣхъ частяхъ ея которыхъ мы не коснулись въ нашей первой статьѣ.

Принявъ за фактъ существующій малорусскій литературный языкъ и существующую малорусскую литературу въ твореніяхъ такихъ талантовъ какъ Шевченко и Квитка (Основьяненко)*, мы отвергаемъ всякое національное значеніе этого языка для 14-миллионнаго малорусскаго племени, такъ громко возвыщаемое украинофилами.. Если допустить что онъ подвергается давленію и притѣсненію, то отъ такихъ дѣйствій малороссійскому народу ни тепло, ни холодно. Народъ этотъ какъ обходился безъ него цѣлыхъ полтора столѣтій (XVIII—XIX), такъ и теперь, и впредь не будетъ имѣть въ немъ ни малѣйшей надобности: языкъ культуры, языкъ интеллигенціи у него давно есть и онъ не промѣняетъ его на языкъ телерешныхъ и будущихъ Шевченкокъ,—языкъ

* Въ числѣ малорусскихъ писателей г. Пыпинъ считаетъ и Чубинскаго (псевдонимъ), т.-е. Аванасьева, урожденнаго Великорусса, бывшаго въ 40хъ годахъ редакторомъ *Воронежск. Губернск. Вѣдомостей*, однофамильца извѣстнаго московскаго ученаго А. Н. Аванасьева. Итакъ *трое* уже вычитаются изъ рядовъ малороссійскихъ авторитетныхъ писателей; кто же остается въ этихъ рядахъ..

поэтому не малороссійскій, а развѣ *украинофильскій*, какое наименованіе мы охотно при немъ оставляемъ. Стало-быть если дѣйствительно притѣсняется украинофильскій языкъ, то чѣмъ же притѣсняется украинскій народъ, ему совершенно чуждый? Если этотъ языкъ милъ и любезенъ г. Костомарову и петербургскимъ украинолюбцамъ изъ Великоруссовъ, то изъ этого отнюдь еще не слѣдуетъ чтобы къ нему относились точно также такіе, напримѣръ, Малоруссы какъ покойные О. М. Бодянский, В. И. Григоровичъ и М. А. Максимовичъ. Не зная лично двухъ послѣднихъ, о первомъ мы можемъ сказать съ полною увѣренностію что къ украинофильству онъ относился съ полною антипатіей. Замѣчательно что самые горячіе противники украинофильскаго языка и вообще украинофильства встрѣчаются въ самой же Малороссіи между чистокровными Малоруссами. Надобно жить въ Малороссіи чтобы понять тотъ юморъ и (отчасти) озлобленіе какіе слышатся тамъ въ словѣ *хохломань*. И въ самомъ дѣлѣ, можно любить Шевченка и другихъ малорусскихъ стихотворцевъ и повѣствователей (еслибъ они авидись); можно восхищаться превосходными малороссійскими глѣсами и думами и въ то же самое время антипатично относиться къ украинофильству и къ его хохломанскимъ затѣямъ. Украинофильство или хохломанство, всякаго прирожденнаго и не зараженнаго имъ Малорусса прежде всего оскорбляетъ, задѣваетъ за живое: оно посягаетъ на его духовную свободу и на его культурныя блага; оно насильно тащитъ его въ культурный расколъ, въ такого рода сепаратизмъ по логикѣ котораго выходитъ что Квитка и Шевченко—*наши*, а Пушкинъ и Лермонтовъ не наши, а *Москалы*! Расколъ и сепаратизмъ, выдѣленіе себя отъ остальной Россіи, суть неизбежныя послѣдствія украинофильскаго движенія: наша жизнь, наша культура сложились такимъ образомъ что русскій образованный человѣкъ, уроженецъ нашего юга, считаетъ себя ни кѣмъ инымъ какъ *Русскимъ* и только, ради отличія отъ прочихъ, называетъ себя Харьковцемъ, Полтавцемъ и проч. Украинофильство же говоритъ: „Нѣтъ, это не такъ! ты Малороссъ, и языкъ у тебя долженъ быть совсѣмъ иной, а не московскій. На *своемъ* языкѣ ты долженъ думать, говорить и писать, а не на *чужомъ*, не на великорусскомъ“... Правда ли это или фантазія? Фактъ ли это или *опять* инсинуація? Мы желали бы слышать отвѣты на эти вопросы отъ лица

чей голосъ въ настоящую минуту былъ бы крайне любопытенъ. Мы имѣемъ въ виду г. Кулиша, прежде горячаго бойца за украинофильство, но потомъ рѣзко измѣнившаго свой взглядъ на украинскую старину. Судя по этому взгляду, позволительно предполагать что г. Кулишъ не возьметъ теперь копья въ защиту украинофильства. Редакція *Основы*, по закрытіи этого журнала, почти цѣликомъ перешла въ Варшаву, гдѣ и поступила на государственную службу. Тамъ, въ польской средѣ и атмосферѣ, лица составлявшія украинофильскій кружокъ самымъ честнымъ образомъ относились къ своимъ служебнымъ обязанностямъ и очень скоро, говорятъ, отрезвились, признавъ свое прошлое „грѣхомъ своей юности и своего невѣдѣнія“. Г. Кулишъ отчасти доказалъ это своими статьями, печатавшимися въ послѣдніе годы въ *Русско-мз Архивѣ*. О, еслибъ и живущіе межъ нами украинофилы покаались во грѣхахъ своей юности и невѣдѣнія!.. Бѣлиньскій смѣялся надъ украинофильскимъ языкомъ. Мы не настаиваемъ на такомъ юмористическомъ къ нему отношеніи; но онъ, кромѣ полнѣйшей антипатіи, ничего другаго и не заслуживаетъ во мнѣніи тѣхъ кто понимаютъ его несолидарность ни съ малорусскимъ племенемъ, ни съ малорусскою народною поэзіею, ни съ малорусскою стариною, ни даже съ такимъ дарованіемъ какимъ обладалъ Шевченко.

Защитники украинофильскаго языка и его распространенія въ церкви и школахъ главнымъ образомъ ссылаются на непонятность будто бы для народа нашего литературнаго языка, совсѣмъ будто бы чужаго малорусскимъ простолюдинамъ. Но какъ же толковать о „непонятности“ и какъ говорить о „преслѣдованіи“, когда самъ же Н. И. Костомаровъ въ своей первой статьѣ увѣряетъ насъ что въ массѣ малорусскаго народа возбуждено желаніе усвоить русскій литературный языкъ ради своей практической пользы (*Вѣстн. Европы* 1881, кн. 1, стр. 406). *Желанія*, какъ извѣстно, возбуждаются по доброй волѣ, а не по принужденію, при пониманіи желаемаго объекта, а не тогда когда онъ совсѣмъ чуждъ для пониманія. Допустимъ однако что нашъ литературный языкъ дѣйствительно непонятенъ для малорусскихъ простолюдиновъ и что отъ этого, въ самомъ дѣлѣ, происходятъ всѣ современныя малорусскія бѣды и напасты, то-есть что и духовенство плохо, и въ народѣ вѣра оскудѣла и „штунда“ явилась и что народъ дичаетъ и грубѣетъ; что ему не

даютъ возможности правильнымъ образомъ развиваться и выдѣлять изъ себя *свою* малорусскую интеллигенцію. Но вѣдь въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтія литературный языкъ, естественно, былъ еще неповнѣе для малорусскаго народа; но этихъ бѣдъ и напастей совсѣмъ не было: слѣдовательно литературный языкъ тутъ не причемъ и стало бытъ украинофильскій языкъ выставлять какимъ-то специфическимъ средствомъ для исцѣленія всякихъ народныхъ болѣзней по меньшей мѣрѣ крайне смѣшно. Согласимся однако съ украинофилами что русскій литературный языкъ для Малоруссовъ нашего времени бичъ Божій; но чѣмъ же доказать что малорусская письменность XVI и XVII столѣтій, столь пропитанная польскимъ элементомъ, была повнѣе народу и была бы желательнѣе (филологически) и для настоящаго времени? Неужели въ самомъ дѣлѣ малорусское нарѣчіе ближе къ польскому языку чѣмъ къ своему родному, русскому корню? Неужели гг. Костомаровъ и Пылинъ раздѣляютъ слѣдующую нелѣпость (историческую и филологическую), высказанную фельетонистомъ *Голоса* еще въ 1880 году: „малорусская литература, съ самаго возникновенія своего, всегда была народною, въ тѣсномъ смыслѣ слова, такъ какъ самый языкъ этой литературы есть языкъ простаго народа“.

Съ вопросомъ о переводѣ Св. Писанія на народныя нарѣчія надобно обращаться съ крайнею осторожностью. Это дѣло церкви, но не какого-либо вѣдомства, не какой-либо ассоціаціи. Св. Писаніе у насъ переведено на литературный языкъ, и, по нашему мнѣнію, этого совершенно достаточно, — по крайней мѣрѣ нѣтъ никакой надобности слѣдить переводами на малорусское и бѣлорусское нарѣчіе. Не торопитесь и не тревожьте безъ надобности народа! Дождитесь пока оныя станутъ грамотнымъ, если не весь, то хоть въ большинствѣ; тогда вы сами увидите что ему нужно, и тогда-то приходите къ нему на помощь. Повѣрьте, простой народъ станетъ читать Св. Писаніе не въ переводахъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ, даже не въ литературномъ, уже имѣющемся переводѣ, а въ церковно-славянскомъ оригиналѣ, который для него есть и вѣчно будетъ языкомъ священнымъ, языкомъ Слова Божія. Къ языку литературному народъ будетъ обращаться, какъ и обращается, въ случаѣ какихъ-либо сомнѣній, для разъясненія темнаго мѣста и т. п.; но чтеніе Слова Божія на церковно-

славянскомъ языкѣ онъ будетъ предпочитать всякому переводу. Конечно, православіе не католицизмъ и славянская Библия не латинская вульгата; но и православіе не лютеранство, а потому и чтеніе Библии имѣетъ у насъ совсѣмъ другой характеръ чѣмъ у протестантовъ,—именно церковный, священный, а не свѣтскій, такъ-сказать не лекторный. Наши раскольники сидѣли и сидятъ за церковно-славянскою Библией,—актъ глубоко-народный! Его можно искалчить, но нельзя уничтожить. Н. И. Костомаровъ въ сейчасъ названной нами статьѣ останавливается на трудностяхъ пониманія для народа нѣкоторыхъ церковныхъ пѣснопѣній, причемъ приводитъ два странные, чтобы не сказать смѣшные, перифразы или транскрипціи. Такихъ мѣстъ, такой порчи церковно-славянскаго текста, порчи искажающей здравый смыслъ, можно набрать во множествѣ и ими, дѣйствительно, можно доказать многое, напримѣръ неправильность (да и нелегкость!) перевода греческихъ пѣснопѣній на славянскій языкъ, необходимость распространенія въ народѣ больше богослужебныхъ свѣдѣній чѣмъ сколько имѣется теперь, но уже никакъ не цѣлебныя свойства украинофильскаго языка; ибо г. Костомаровъ не можетъ же доказать намъ что этихъ же самыхъ искаженій не было ни въ XVIII столѣтіи, ни даже во времена гетманщины, въ эпоху господства старой малорусской письменности. Украинолюбець *Голоса*, увѣряющій что малорусскій народъ „жаждетъ знакомства (?) съ евангельскимъ ученіемъ“, утверждаетъ что народъ этотъ въ то же самое время „совершенно равнодушенъ ко внѣшности, формамъ и обрядности (религіи?)“. Какая наглая ложь! Значитъ малорусскіе простолудины предпочитаютъ православному церквамъ костелы и кирхи, лишь бы въ послѣднихъ свободно раздавалось украинофильское слово? И г. Костомаровъ, отличный знатокъ исторіи южно-русскаго народа, молча выслушиваетъ подобныя тирады! И его не коробатъ такіа похвалы равносильныя тяжкому оскорбленію!...

По поводу „неловкости“ литературнаго языка въ школахъ посѣщаемыхъ малорусскими дѣтьми вотъ что недавно писалъ намъ одинъ изъ друзей нашихъ, чистокровный Малороссъ и отличнѣйшій педагогъ, дѣятельность котораго проходила въ Харьковскомъ, Кавказскомъ и въ Западно-Сибирскомъ учебныхъ округахъ, въ послѣднемъ—въ должности главнаго инспектора училищъ. *Nomina sunt odiosa*. Читателю

нѣтъ надобности до имени нашего корреспондента, къ стыду его ничего не печатающаго; но г. Костомаровъ отлично знаетъ это лицо, какъ своего стараго университетскаго товарища, притомъ же *настоящаго* Малоросса, уроженца Черниговской губерніи; вотъ его слова:

„Бывъ двѣнадцать лѣтъ директоромъ гимназій и училищъ въ Черноморіи, странѣ населенной исключительно и единственно Малороссами, живущими внѣ всякаго общенія съ обитателями другихъ областей и губерній Россіи и оттого болѣе чистыми Малороссами чѣмъ даже коренные жители губерній Черниговской, Полтавской и Харьковской, я не видѣлъ чтобы преподаваніе и объясненіе не только въ гимназій, но и въ начальныхъ стаячныхъ училищахъ на общемъ русскомъ языкѣ представляли какое-нибудь неудобство или затрудняли дѣтямъ пониманіе преподаваемаго имъ. Въ первые годы моего директорства я, озабочиваемый и смущаемый опасеніемъ что дѣти могутъ не понимать того что имъ преподается на языкѣ какимъ говорятъ Москаля, при посвященіяхъ начальныхъ училищъ, внушилъ учителямъ (которые всѣ были изъ туземцевъ, черноморцевъ), чтобы они не стѣснялись объяснять дѣтямъ по-малорусски то чего они не понимаютъ, быть можетъ, оттого что оно выражено по-русски, и самъ не разъ принимался дѣлать такіа объясненія. Но вскорѣ и самъ я на опытѣ убѣдился, и ото всѣхъ учителей и законоучителей слышалъ, что въ этомъ нѣтъ никакой надобности: что дѣти очень хорошо понимаютъ по-русски; чего же не понимаютъ, что выше ихъ разумѣнія, того не понимаютъ они и въ перефразировкѣ малорусской, которая только ихъ лутаетъ и затемняетъ пониманіе по той простой причинѣ, что на малорусскомъ языкѣ не существуетъ вовсе самыхъ даже элементарныхъ научныхъ выраженій и терминовъ и ихъ пришлось бы сочинять безо всякой къ тому надобности.“

Вопросу объ украинофильскомъ языкѣ г. Пыллицъ придаетъ общеславянское, чуть не международное значеніе. По мнѣнію его, языкъ этотъ нуженъ въ интересъ нашихъ сношеній съ Русскими живущими въ предѣлахъ Австрійской имперіи для того чтобы имѣть на нихъ прямое, непосредственное вліяніе. Любопытны доказательства г. Пыллица. Онъ полагаетъ что новѣйшее возрожденіе (съ 30хъ годовъ) галицко-русской народности потому имѣло успѣхъ что оно нашло себѣ сильную опору не въ ученыхъ трудахъ *вообще*

русскихъ людей, т.-е. не въ оживленіи русской науки и русской литературы, а въ историческихъ и этнографическихъ трудахъ „русскихъ ученыхъ малорусскаго происхожденія“, а также въ поэтическихъ произведеніяхъ на малороссійскомъ языкѣ. Значитъ Галичане прежде всего справлялись съ біографіями нашихъ ученыхъ и литераторовъ и потомъ уже пользовались трудами тѣхъ которые были уроженцами Малороссіи? Но вѣдь Бодянскій и Григоровичъ были Малороссами, а между тѣмъ изъ статьи г. Пыпина не видно чтобы Галичане ихъ цѣнили, т.-е. считали бы *своими!* И что это за такіе историческіе и этнографическіе труды русскихъ людей „малорусскаго происхожденія“ яко бы оживившіе и возродившіе галицко-русскую народность? И какой смыслъ имѣеть здѣсь вопросъ о происхожденіи? Если русская наука дѣйствительно послужила къ возрожденію Галичанъ, то не одни Максимовичъ и Костомаровъ, какъ думаетъ г. Пыпинъ *, содѣйствовали этому, но и Востоковъ, и Погодинъ, и Соловьевъ, и Срезневскій, Бодянскій, Григоровичъ, Гилфельдингъ и т. п., т.-е. вся русская наука, обыкновенно (а особенно прежде) сосредоточивавшаяся у насъ въ университетѣхъ Московскомъ и Петербургскомъ, но никакъ не въ Харьковскомъ и Кіевскомъ. Слѣдовательно вопросъ о происхожденіи русскихъ ученыхъ, даже съ точки зрѣнія галицкихъ патриотовъ, надобно оставить въ покое; болѣе вѣрнымъ масштабомъ ихъ сочувствія долженъ остаться одинъ языкъ; но и въ этомъ случаѣ какой же авторитетъ для Галичанъ г. Костомаровъ, писатель и историкъ „великороссійскій“, а не „малороссійскій“! Если онъ украинофилъ и ратуетъ за малорусскій языкъ, то вѣдь то же самое дѣлають и многіе изъ „Москалей“, о томъ же хлопочетъ теперь и г. Пыпинъ: Неужели все что есть въ Галиціи или идетъ изъ Галиціи добро зѣло? И какое намъ дѣло до этихъ галицкихъ воззрѣній. Мало ли какихъ дикихъ фантазій можетъ быть у Галичанъ, и намъ необходимо считаться съ ними, полагать имъ, удовлетворять ихъ? Есть Галичане считающіе свою унію русскою вѣрой; есть между ними гордящіеся своею австрійскою цивилизаціей и даже своими австрійскими порядками; есть между

* Гг. Кулиша и Чужбинскаго, полагаемъ, можно и не причислять къ числу ученыхъ, хотя г. Пыпинъ ставитъ ихъ рядомъ съ Максимовичемъ и Костомаровымъ.

ними и украинофилы, самые рыяные, *красные* и къ намъ едва ли болѣе доброжелательные чѣмъ Полаки. Съ этимъ-то красными галицкими украинофилами г. Пыпинъ рекомендуетъ намъ теперь считаться, и ради ихъ-то онъ ратуетъ, въ украинофильскомъ смыслѣ, за малороссійскій языкъ. Галицкіе украинофилы, по происхожденію, гораздо старше нашихъ русскихъ и несомнѣнно имѣли большое вліяніе на этихъ послѣднихъ (именно въ смыслѣ лингвистическаго сепаратизма), а не наоборотъ, какъ думаетъ г. Пыпинъ. Ихъ взгляды до извѣстной степени мы и оправдывали въ своей первой статьѣ. Имъ позволительно считать *своими* Максимовича, Костомарова, Кулиша и Чужбинскаго и *чужими*, то-есть Москалями,—Погодина, Соловьева, Срезневскаго, Бодянскаго и т. п.; для нихъ *свои*—Гулакъ-Артемовскій, Квитка и Шевченко и чужіе такіе малорусскіе дѣятели на поляхъ русскаго литературнаго слова какими были въ свое время князь Безбородко, Трощанскій, Богдановичъ, Калвистъ, Гнѣдичъ, Гоголь; для нихъ *своя* микроскопическая литература, кромѣ одного лица (Шевченка), изъ весьма сомнительныхъ дарованій состоящая, и *чужда* имъ по принципу одна изъ богатѣйшихъ славянскихъ литературъ,—литература русская! Имъ позволительно мечтать что Кіевъ и Харьковъ—малороссійскіе Москва и Петербургъ, а университеты наши въ этихъ южныхъ городахъ были, суть и пребудутъ какими-то горнилами, лабораторіями, въ коихъ малороссійская гражданственность, языкъ и литература создавались и вѣчно будутъ создаваться. И г. Пыпинъ рекомендуетъ намъ вѣдаться со всѣмъ этимъ вздоромъ, уважать этотъ бредъ больного воображенія! Слишкомъ много чести для галицкихъ украинофиловъ! Если они не хотятъ искать съ нами связи на почвѣ русской науки и русской литературы,—это ихъ личное дѣло! Русское дѣло отъ этого не погибнетъ, ибо, къ счастью, Русскіе обитающіе въ предѣлахъ Австрійской имперіи состоятъ не изъ однихъ украинофиловъ, но между ними есть цѣлая большая партія и по языку, и по душѣ вполнѣ русская. Оказывая поддержку галицкимъ украинофиламъ, мы безпричинно и незаслуженно оскорбляли бы и отталкивали бы отъ себя эту братски относящуюся къ намъ вполнѣ русскую партію. Нечего сказать, хороша была бы ваша политика въ международныхъ и общеславянскихъ отношеніяхъ! Чтѣ сказали бы о насъ юго-западные Славяне, вида какъ мы

отталкиваемъ друзей и какъ бросаемся въ объятія партіи антилатично къ намъ относящейся и *положительно и постоянно обостряющей отношенія къ намъ нашимъ украинофиламъ!* Если г. Пылинъ не шута видитъ у насъ „притѣсненіе той доли русской народности къ которой принадлежатъ сами Галичане“ (*Вѣстн. Европы*, 1881, кн. I, стр. 409); то изъ этого еще отнюдь не слѣдуетъ чтобъ и *все* Галичане точно также разсуждали, и напротивъ, подобныя разсужденія (о „притѣсненіи“ нами *своихъ* же Малоруссовъ) для Чеховъ, Сербовъ и Болгаръ просто смѣшны, а въ устахъ ученаго комичны. Г. Пылину тогда тодько будутъ извинительны его пожеланія если ему ничего неизвѣстно о той роли галицкаго украинофильства какую оно не перестаетъ играть у насъ на нашемъ югѣ, начиная съ пятидесятихъ годовъ. Вообще, какъ видно, ученый авторъ *Исторіи Славянскихъ Литературъ* мало свѣдуещъ въ исторіи нашего украинофильства и въ исторіи нашихъ южныхъ университетовъ. Даже не заведись у насъ своихъ украинофиловъ, своего литературнаго раскола, и тогда бы намъ не слѣдовало поддерживать галицкое украинофильство, какъ производящее тамъ у себя смуту во всякомъ случаѣ для насъ вредную. И вдругъ теперь, когда завелась такая смута, у самихъ себя намъ предлагаютъ оказывать ему поддержку! Все что можемъ мы сдѣлать по отношенію къ галицкому украинофильству, это—игнорировать его, оставить его въ покоѣ, въ полной увѣренности что оно, какъ ложь, исчезнетъ само собою, лишь бы мы не дремали, лишь бы оказывали всякаго рода содѣйствіе людямъ не выдѣляющимъ себя изъ великой общерусской семьи.

Кажется мы перебрали все виды украинофильскихъ доказательствъ въ пользу необходимости украинофильскаго языка и утвержденія что онъ есть настоящій малорусскій языкъ только въ его высшей культурной степенѣ, органически растущій и развивающійся. Желать этого роста и развитія украинофила-романтику весьма и весьма позволается. И почему въ самомъ дѣлѣ не пожелать? Намъ скажутъ: „да въ ничего удивительнаго что украинофильство не появилось въ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтій, въ мрачную эпоху распространенія и господства въ Малороссіи крѣпостнаго права. Тогда не могло же быть еще племеннаго литературнаго возбужденія какое обнаружилось въ 30—40хъ годахъ; тогда не было еще поэта Шевченка, могущественно

культурномъ значеніи малорусскаго языка, безъ котораго яко бы замереть въ своемъ развитіи четырнадцатимилліонное малороссійское племя. Ну и пусть себѣ говорятъ! Но... ни шагу къ дѣлу, ни малѣйшей уступки крайнофильскимъ вождествіямъ!.. Г. Костомаровъ указываетъ на примѣры провинціальныхъ литературныхъ нарѣчій Германіи, Франціи, Англіи... Но если существуетъ нижне-нѣмецкое нарѣчіе, то мы ничего не знаемъ о нарѣчіяхъ баварскомъ, австрійскомъ или прусскомъ. Если есть нарѣчіе вельское и (будетъ) шотландское, то нѣтъ ирландскаго, даже сѣверо-американскаго. Если есть литературныя нарѣчія провансальское и бретонское, почему же нѣтъ женеваго или швейцарскаго для французскихъ кантоновъ Гельветической республики? Польша уже болѣе столѣтія подверглась первому политическому раздѣленію, способствующему казальсь бы и всякому иному обособленію; да и безъ того Польша, подобно Россіи, всегда дѣлилась на великую и малую: отчего же нѣтъ малопольскаго литературнаго языка, а былъ и есть одинъ польскій языкъ? Почему нѣтъ и никто не хлопочетъ создать особыя польскія литературныя нарѣчія для Познани и для Кракова съ Галиціей? Потому что *сами Польшки этого не хотятъ и никогда этого не позволятъ*, несмотря на то что государственной власти въ Пруссіи и Австріи было бы очень выгодно такое обособленіе, и потому она со своей стороны несомнѣнно оказала бы для этой дѣли всякаго рода помощь. Примѣръ Поляковъ въ данномъ случаѣ долженъ быть въ высшей степени поучителенъ и для насъ: мы также, то-есть все русское образованное общество (а не цензура, не административныя власти), *должны не хотѣть, не должны позволять отдѣленія малорусскаго литературнаго языка изъ общерусскаго*. Но такъ какъ у насъ уже завелся подобнаго рода расколъ, то къ нему и къ его послѣдователямъ мы не должны относиться иначе какъ съ полнѣйшею антипатіей, а не съ распростертыми объятіями, какъ это дѣлаютъ петербургскіе фельетонисты, увѣренные что они говорятъ и пишутъ не по-русски, а „по-великорусски“, и считающіе Малоруссовъ какою-то особенною націей („ихъ де многострадаальный языкъ“, „ихъ-де великій поэтъ Шевченко“!..) находящеюся въ предѣлахъ Россійской Имперіи и безплодно угнетаемою. Эта жалкая наивность не только съ руки крайнофиламъ, но главнѣйшая и единственная опора ихъ агитаціи. Предлагаемъ

гг. Пылину и Костомарову сказать: солидарны ли они или нѣтъ съ тѣми фальетонными воззрѣніями на занимающій насъ вопросъ котормя приводятся въ настоящей нашей статьѣ? Другаго отвѣта намъ было бы и не нужно. Указаніе на илюстранныя провинціальныя нарѣчія, какъ на выразителей мѣстныхъ литературъ, не имѣетъ для насъ ровню никакого значенія: кому же неизвѣстно что тамъ въ чужихъ краяхъ такая обособленность являлась не со вчерашняго дня, а существуетъ издавна и что она обуславливается такими рѣзкими отлеченіями въ языкъ по которымъ жители одной мѣстности не понимаютъ или плохо понимаютъ обитателей другой. То ли у насъ? Наши солдаты, очутившись въ Привислинскомъ краѣ, съ перваго же раза свободно понимаютъ польскіихъ крестьянъ и безъ особенныхъ затрудненій объясняются съ ними, по крайней мѣрѣ съ большею легкостью, чѣмъ объяснялись они съ Сербами и Болгарами въ послѣднюю войну. Не смѣшно ли даже въ глазахъ простыхъ, неграмотныхъ русскихъ людей, отлично понимающихъ другъ друга, увѣрять ихъ что другъ друга они не понимаютъ и понять не могутъ; ибо они же говорятъ на разныхъ *языкахъ*, также далекихъ другъ отъ друга какъ напримѣръ русской и польскій!

Что каждый литературный языкъ представляетъ большія трудности при его изученіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и при его употребленіи въ низшихъ народныхъ училищахъ это вѣдъ всякаго сомнѣнія; точно такъ же какъ несомнѣнно и то что нигдѣ языкъ простаго народа литературнымъ языкомъ не бываетъ; ибо для литературной дѣятельности мало одной грамотности, мало начальныхъ школъ, а потребна большая степенъ образованія, сильно дѣйствующая на языкъ и измѣняющая его строй, его первоначальную эпическую простоту. Согдашаемъ что нашъ литературный языкъ всякихъ трудностей представляетъ гораздо больше чѣмъ какой-либо иной; но если эти трудности велики для школы малорусской, то онѣ точно также не малы и для школы великорусской, напримѣръ для крестьянскихъ дѣтей Рязанской или Тамбовской губерній; ибо теперь даже г. Костомаровъ думаетъ что „русскій книжный языкъ есть никакъ не великорусскій“, стало-быть для великорусскихъ крестьянскихъ дѣтей тоже весьма трудный. Однакоже согласимся что для Малоруссовъ эта трудность будетъ все же гораздо большая чѣмъ

для Великоруссовъ; но стоитъ только всмотрѣться пристальнѣе въ эту трудность чтобъ убѣдиться что она мнимая, раздвигаемая лишь съ заднею мыслію. Не надобно забывать что рѣчь о литературномъ языкѣ въ народныхъ школахъ можно вести только въ смыслѣ его словеснаго употребленія, то-есть его пониманія учениками, но не какъ въ смыслѣ его изученія съ цѣлію вполнѣ овладѣть имъ устно и письменно; стало-быть вопросъ сводится собственно къ учебникамъ и къ учительскимъ объясненіямъ. Но при начальномъ обученіи учебникъ играетъ второстепенную роль, а то и совсѣмъ не употребляется. Въ народной школѣ главнымъ представителемъ литературнаго языка является собственно учитель, его рѣчь, его объясненія. Живой человекъ, онъ имѣетъ дѣло съ живыми людьми, съ русскими дѣтьми, и они отлично поймутъ другъ друга вездѣ и повсюду какъ въ Рязанской и Тамбовской, такъ въ Черниговской и въ Полтавской губерніяхъ. Само собою разумѣется что при этихъ объясненіяхъ учитель народной школы не можетъ обойтись и не обойдется безъ помощи мѣстныхъ нарѣчій, а мѣшать ему въ этомъ было бы и вредно и гауло; *но сельскій учитель въ русской народной школѣ ни на какомъ другомъ языкѣ, кромя литературнаго, говорить не можетъ и не долженъ.*

Что касается печатнаго матеріала потребнаго для нашихъ сельскихъ училищъ, то его масса крайне не велика, крайне элементарна, и было бы смѣшно хотя бы малѣйшее сравненіе его съ тѣмъ что называется „литературою“: это лишь азбука литературная, начальныя гаммы того музыкально-культурнаго инструмента который называется „литературнымъ языкомъ“ и которымъ вполнѣ овладѣть удается далеко не всѣмъ и не въ одинъ, два года, а въ продолженіе многихъ лѣтъ. Никакихъ особенныхъ трудностей въ этой литературной массѣ, потребной для Русскаго народа, на какомъ бы изъ трехъ его нарѣчій онъ ни говорилъ, нѣтъ и быть не можетъ; ибо отъ этого небольшого количества нужныхъ книжекъ требуется только одно: простота и ясность изложенія и слога; слѣдовательно и вопросъ о языкѣ въ народныхъ училищахъ по существу своему есть не болѣе какъ вопросъ стилистическій, неоспоримо важный при всякомъ начальномъ образованіи, а не при одномъ крестьянскомъ. Поэтому если Н. И. Костомаровъ будетъ стоять на своемъ, то-есть утверждать что для него вопросъ объ украинофильствѣ главнымъ образомъ заключается въ

трудности и непонятности нашего литературнаго языка для народа (крестьянъ-простолудниковъ), тогда намъ съ нимъ дѣйствительно не о чемъ спорить: оба мы хлопочемъ объ одномъ, оба желаемъ одного и того же,—простоты и понятности. Но тогда и вопросъ объ украинофильствѣ упраздняется самъ собой, по крайней мѣрѣ изъ области общеславянской, международной, переходитъ въ сферу болѣе ограниченную и скромную, въ область реторики. Въ самомъ дѣлѣ, „простота учебныхъ книжекъ и понятность ихъ для крестьянскихъ дѣтей“, какой же другой можно сдѣлать изъ этого вопросъ какъ не риторическій! Составляйте учебники какъ можно проще, понятнѣе, *слогомъ* простымъ и яснымъ, вотъ все что нужно для русскихъ народныхъ училищъ. То же самое нужно сказать и о составѣ книжекъ для народнаго начальнаго чтенія. Понимать же литературный языкъ во всѣхъ фазахъ его развитія, во всѣхъ ея модуляціяхъ можетъ только человекъ вполнѣ образованный, но не дитя по лѣтамъ и стелени развитія и образованію. Это истины элементарныя; но къ сожалѣнію еще не у насъ.

Знаемъ что украинофилы не убѣдятся и нашими доводами и что намъ не остановить ихъ агитаціи, во всякомъ случаѣ крайне не желательной какъ вносящей смуту въ нашу духовную жизнь. Наиболѣе сильнымъ средствомъ противъ этой агитаціи, болѣе дѣйствительнымъ чѣмъ какія-либо внѣшнія стѣснительныя мѣры, цензурныя и административныя, могло бы, по нашему мнѣнію, служить учрежденіе при университетахъ учительскихъ семинарій для приготовления учителей-филологовъ вообще и въ особенности преподавателей русскаго языка средня учебнаго заведенія, о чемъ мы подробно говорили въ другомъ мѣствѣ *. Тогда, полагаемъ, украинофильское движеніе, сильное не само по себѣ, а псевдо-либеральнымъ направленіемъ журналистики, глубоко-невѣжественной въ историко-филологическихъ вопросахъ, скоро потеряло бы свой острый характеръ и возвратилось къ тому положенію въ которомъ оно было до пятидесятыхъ годовъ, лишь бы въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ преподавателями русскаго языка и словесности были люди хорошо подготовленные къ своему дѣлу и основательно изучившіе исторію

* См. нашу статью „Тревожный вопросъ русской педагогикѣ“ въ *Русск. Вѣстн.* 1879, № 6, стр. 719—735.

русской литературы и исторію русскаго литературнаго языка, тогда и въ обществѣ поднимется уровень историко-филологическихъ свѣдѣній, столь теперь низкій; тогда будетъ немислимо ни смѣшеніе филологіи съ либерализмомъ, ни появленіе фельетонистовъ очень сильныхъ во второмъ, но весьма слабыхъ въ первомъ. Давно доказанная истина что вообще для преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній еще не достаточно одного университетскаго образованія, а необходима кромѣ того спеціальная подготовка въ особыхъ при университетѣ семинаріяхъ. Если наши среднія учебныя заведенія оказываются иногда бессильны бороться съ ложью напускаемою на нихъ съ разныхъ сторонъ, то главнѣйшая причина такой слабости именно заключается въ отсутствіи учительскихъ семинарій при нашихъ университетахъ.

М. ДЕ-ПУЛЕ.

Тамбовъ.
Январь 1882.

СТИХОТВОРЕНІЯ

ЖАГЕРНАТЬ.

Народъ волнуется, толпится,
Лучи отвѣсныя горять,
Давно готова колесница,
Готовъ могучій Жагернатъ.

Надъ шумной, лестрою толпою
Угрюмо высится кумиръ —
Онъ двинулся, предъ нимъ волною
Народъ отхлынулъ, начать пиръ.

Предъ богомъ смерти и рожденья
Съ глубокимъ трепетомъ въ сердцахъ,
Съ восторгомъ жаркаго моленья
Ряды людей ложатся въ прахъ;

Но путь кровавый продолжая,
Жестокій богъ глядитъ впередъ;
И колесница золотая
Въ даль по тѣламъ его влечеть:

Вдругъ смолкли пѣвье, крикъ и стовы,
Кругомъ все замерло—и вотъ
Она явилась, и смущенный
Предъ ней раздвинулся народъ;

Путь колесницы заграждая,
 Предъ ней спокойна и стройна,
 Лучами солнца залитая,
 Какъ неба дочь стоитъ она,

И обвивая станъ высокій
 Прозрачною, гибкою волной,
 Маяясь и вмѣстѣ дразнять око
 Отливы ткани золотой.

Огня любви еще не зная,
 Полна неясною тоской,
 Она на небѣ шцеть рай
 И жаждетъ страсти неземной,

Глядитъ на страшнаго кумира,
 Но видитъ чудныя черты:
 Онъ для нея властитель міра
 И воплощенье красоты.

И бога смерти оживляя
 Любви негаснущимъ огнемъ,
 Ей сила грезится святая,
 Живая мысль и воля въ немъ;

Онъ дышетъ, взоръ горитъ грозю,
 Скорѣй къ себѣ ее зоветъ
 И блещетъ страстью міровою,
 И сердце трепетное жжетъ...

Полна восторга неземнаго
 Предъ нимъ она лобзаетъ прахъ
 И ждетъ что вставши богъ суровый
 Исчезнетъ съ нею въ небесахъ;

Но колесница роковая
 Все движется, и смерть идетъ,
 Идетъ безсмысленная, злая,
 А богъ жестокій не встаетъ;

Но нѣтъ, онъ двинется, онъ встанеть!
 Подъ взоромъ страстнымъ оживеть,
 Иль въ небѣ громъ блеснетъ и грянетъ
 Кумиръ спалить и разобьетъ!

Но онъ не всталъ и подъ грозою
 Не рухнулъ на землю кумиръ;
 А колесницей золотою
 Попрежнему все давить мѣръ,
 И солнце яркое надъ нами,
 Пылая вѣчными лучами
 Кровавый озаряетъ лѣрь.

ИЗЪ ЗЕНДЪ-АВЕСТЫ

I.

Когда праведникъ свѣтлыя очи,
 Умирая на вѣки сомкнетъ
 Вблизи тѣла три дня и три ночи
 Неотлучно душа его ждетъ.

И всѣ радости жизни сначала
 Передъ нею проходятъ опять:
 И все то что она испытала
 И все то что могла испытать.

Но когда третья ночь на исходѣ,
 И погаснутъ всѣ звѣзды слѣшать,
 И вновь жизнь закипаетъ въ природѣ —
 Разливается вдругъ ароматъ.

Тихій вѣтеръ приносится съ юга,
 Весь пропитанъ дыханьемъ цвѣтовъ
 И ту душу изъ тѣснаго круга
 Въ вѣчность манитъ таинственный зовъ.

И душистыя волны вдыхая,
Она къ небу подвѣяться спѣшитъ,
А оттуда въ лучахъ молодая
Дѣва тихо на встрѣчу летитъ,

И забывши и страхъ, и заботы
И весь міръ вопрошаетъ душа:
„Ты скажи мнѣ откуда и кто ты?
Отчего ты какъ день хороша?“

Отвѣчаетъ ей чудная дѣва:
„Испытанья промчались года
И отъ жизни благаго посява
Ты за гробомъ дождалась лаода.

„Я лишь въ небѣ твое отраженье,
Ты во мнѣ лишь свой отблескъ нашаа,
Отразились во мнѣ всѣ стремленья
И всѣ мысли твои, и дѣла;

„Для тебя я изъ міра земнаго
Ключъ въ обѣщанный праведнымъ край,
Отрахи же всѣ луты былаго
И къ Ормузду скорѣй улетаи!“

Такъ лучами блаженства согрѣта
И источникомъ жизни дыша,
Въ океанъ безконечнаго свѣта
Погружается мирно душа.

II.

Средь вихрей, тумановъ и мрака
Въ пещерахъ, въ разсѣлинахъ скалъ,
Родилася и росъ Снавидака
И гордо о власти мечталъ.

„Промчатся дни дѣтства и скуки —
Такъ думалось часто ему,—
Расправлю гранитныя руки
И міръ въ ихъ объятыхъ сожму.“

„Земля мнѣ тогда покорится
И станетъ подножествомъ моимъ,
А небо моею колесницей
И буду царить я надъ нимъ.

„Ормузда къ себѣ привлеку я
Изъ вѣчно сіяющихъ странъ,
Изъ ада гдѣ ждетъ онъ тоскуа
Примчится ко мнѣ Ариманъ.

„Обоихъ желѣзной уздою
Заставлю себѣ я служить
Заставлю послушной четвою
Мою колесницу возить.“

Такъ думалъ порою Снавидака,
А годы за годами шли,—
Готовъ онъ явиться изъ мрака
На горе небесъ и земли.

Но волей Ормузда онъ скоро
Увидитъ отказъ роковой:
Слѣшитъ для смертельнаго слора
Къ нему Кересасла герой...

Вотъ вспыхнуло небо зарею,
Ночная разсѣялась мгла,
Онъ видитъ врага предъ собою,
Свиститъ роковая стрѣла.

И рухнуло грозное тѣло,
Упало съ своей высоты,
И жизньъ отъ него отлетѣла,
Въ ничто обратились мечты.

А въ небѣ все такъ же свѣтила
Манять и чаруютъ нашъ взглядъ,
Все та же связуетъ ихъ сила,
И тѣ же законы царятъ.

III.

Вифра-Наваза за склоны далекия Раги,
Гдѣ его ждетъ Троегонъ,
Мчится на помощь, мелькають поля и овраги,
Быстро проносится онъ.

Три дни и три ночи съ юга на сѣверъ суровый
Мчится какъ птицы летать.
Кончена битва, увѣчанъ любовью новой,
Три дни летитъ онъ назадъ.

Три дни летитъ онъ—все нѣту роднаго Ирана,
Все незнакомо ему,
Видитъ онъ голыя скалы да море тумана,
Мчится сквозь холодъ и тьму.

Силы слабѣють; въ лустынѣ нѣмой и холодной
Тщетно теряется взглядъ,
Ворововъ стаи слетаются тучей голодной,
Жадно за жертвой слѣдятъ.

Близится гибель, и сталь онъ молитъ: „Ардъ-Висура,
Дай мнѣ вернуться назадъ
Въ землю отцовъ моихъ, въ землю чтò создалъ Агура,
Гдѣ мои прады слять!

„Если я, спасшись, картину родимаго края
Снова увижу кругомъ,
Тысячу жертвъ принесу я тогда о, святая,
Передъ твоимъ алтаремъ!“

И не успѣлъ онъ, склонившись въ горячемъ призваньи
Ковчить молитвы своей,
Тучи разсѣялись, видитъ онъ въ яркомъ сіяньи
Дѣву снѣговъ и дождей.

Пышно одѣта богиня въ мѣха дорогіе,
Блещетъ она красотой,
Обувь и кольца, и серги, и ткани на ней золотыя,
Поясъ на ней золотой.

Словно прозрачное небо въ весеннее время.
 Ласковъ божественный взглядъ,
 Въмѣсто алмазовъ въ ея золотой діадемѣ
 . Яркія звѣзды горять.

Вифра-Навазы коснулась на мигъ Ардъ-Висура,
 Все измѣнилось кругомъ,
 И вдругъ очутился онъ въ краѣ что создалъ Агура,
 Прадѣдовъ краѣ родномъ.

ИЗЪ КАРДО-АВЕСТЫ

I.

Всѣ добрыя мысли, слова и дѣянья
 Сверхаются нами при свѣтѣ познанья;

Всѣ помыслы злые и всѣ преступленья
 Являются въ мірѣ плодомъ заблужденья.

Всѣ добрыя мысли, слова и дѣянья
 Къ блаженству ведутъ, побѣждаютъ страданья;

Всѣ помыслы злые и всѣ преступленья
 Влекутъ за собою лишь мракъ и мученья.

II.

Съ тѣхъ поръ какъ Ормуздъ создавая
 Зажегъ міриады свѣтилъ,
 Борьба загорѣлася злая
 И бездну царь тьмы оживилъ.

Злыхъ дивовъ поднявъ легионы,
 Онъ хаоса жаждаль опять,
 Но вѣчнаго свѣта законы
 Разсѣяли темную рать.

Отброшенный въ бездну, онъ смѣло
Опять на Ормузда возсталъ,
И снова борьба закипѣла
Враждующихъ вѣчныхъ началъ.

И ядъ Аримана глубоко
Въ творенья Ормузда вошелъ,
Онъ бросилъ въ нихъ сѣмя порока—
Источникъ страданій и золь.

Такъ вѣчно себя воллющая,
Въ твореньи двѣ силы горять,
Враждуютъ, себя пожирая,
И гибнуть, и снова творять.

Князь Д. ЦЕРТЕЛЕВЪ.

ГЕНРИХЪ ШЛИМАННЪ,

ЕГО ЖИЗНЬ, РАСКОПКИ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ТРУДЫ

Ни одинъ изъ современныхъ археологовъ не пользуется такою популярностью какъ Генрихъ Шлиманнъ. Имя его знакомо не только читателямъ большихъ журналовъ въ Германіи, Франціи и Англiи, но его разнесли по Европѣ и ежедневныя газеты, и иллюстрированныя изданія. Литературныя труды Шлиманна обратили на него вниманіе всѣхъ ученыхъ, а плоды раскопокъ обогатили европейскіе музеи. Эти раскопки были направлены не на обогащеніе или приобрѣтеніе новыхъ произведеній античнаго искусства, но на основательное изслѣдованіе цѣлой мѣстности. По обширности, съ ними могутъ быть сравнены только изслѣдованія сдѣланныя нѣмецкою экспедиціей въ Олимпіи. Съ этихъ двухъ предпріятій начинается истинная исторія изслѣдованія Греціи и Малой Азіи. И все это было сдѣлано трудами человѣка, въ юности лишеннаго всѣхъ средствъ, но постоянными и неутомимыми усиліями создавшаго себѣ независимое и блестящее положеніе. И этимъ положеніемъ онъ воспользовался не для того чтобы проводить вторую половину своей жизни въ эликюрейскихъ наслажденіяхъ, но чтобы среди новыхъ заботъ и трудовъ преслѣдовать мечты своей юности и изслѣ-

довать мѣстности воспѣтыя Гомеромъ. Съ равныхъ дней онъ свято чтить великаго поэта. Онъ вѣровалъ что каждое его описаніе основано на дѣйствительности, каждое слово—на фактъ. Отыскать мѣстность и факты описанные поэтомъ, сдѣлалось задачей его жизни. Поэтому любознательнo и поучительно познакомиться съ обстоятельствами жизни и трудами Шлиманна. Изъ нихъ мы можемъ вывести заключеніе, къ какимъ высокимъ результатамъ могутъ привести терпѣніе, настойчивое преслѣдованіе одной цѣли, неутомимый трудъ и энергія.

I

Генрихъ Шлиманнъ родился въ январѣ 1822 года въ большомъ городкѣ Нейбуковѣ, лежащемъ между Висмаромъ и Ростокъ, въ великомъ герцогствѣ Мекленбургъ-Шверинскомъ. Отецъ его былъ бѣдный протестантскій пасторъ, и въ 1823 году переселился съ семействомъ своимъ въ деревню Анкерсгагенъ, находящуюся въ томъ же герцогствѣ. Тамъ провелъ Генрихъ первые годы своей жизни. Фантастическія сказанія о чудесныхъ видѣніяхъ, кладяхъ и развалинахъ средневѣковаго замка, близъ котораго жило семейство пастора, съ подземными ходами, таинственными и замуравленными камнями и статуей рыцаря, находившеюся въ этомъ мѣстѣ, развили въ малюткѣ любовь ко всему таинственному и чудесному. Хотя отецъ его не былъ ни филологъ, ни археологъ, но весьма интересовался древнею исторіей, и разказывалъ ребенку съ истиннымъ одушевленіемъ гибель Геркуланума и Помпеи и судьбы Троянской войны. Семилѣтній ребенокъ, разсматривая картинку изображавшую гибель Трои находившуюся въ одной дѣтской книгѣ, подаренной ему на Рождество Христово, остался убѣжденъ что Троя имѣла дѣйствительно такія толстыя стѣны съ какими изображена была на картинкѣ. „Палата, отвѣчалъ Генрихъ отцу, увѣравшему его что хотя Троя и дѣйствительно имѣла столь толстыя стѣны, но картина есть произведеніе фантазіи художника, — если такія стѣны дѣйствительно существовали когда-либо, онѣ не могли быть совершенно уничтожены, но скрыты, вѣроятно, подъ мусоромъ столѣтій.“ Такимъ образомъ, въ душу ребенка пало има

Гомера, блескъ героической эпохи, и рано сообщили его блуждающей фантази известное направленіе. Уже тогда въ душѣ Георгіа образовался зародышъ идеи—воскресить давно погибшій городъ. Въ высшей степени замѣчательно въ Шлиманнѣ то упорное постоянство съ которымъ онъ въ теченіе сорока лѣтъ жизни, исполненной заботъ и трудовъ, преслѣдуетъ свои идеалы, пока не наступило время, когда онъ осуществилъ свои желанія.

Нѣжная привязанность къ одной подругѣ дѣтства наполнила сердце Георгіа. Съ нею вмѣстѣ обдумывалъ онъ свои планы и она казалась ему неразрывною съ нимъ. Шестнадцать лѣтъ спустя, когда дѣвушка, безъ его вѣдома, соединилась бракомъ съ другимъ, потеря ея такъ огорчила Георгіа, что онъ долгое время смотрѣлъ на всѣ свои надежды какъ на разбитыя.

Отецъ Шлиманна не былъ знакомъ съ греческимъ языкомъ, но хорошо зналъ латинскій, и каждый свободный часъ посвящалъ въ него сына. Девяти лѣтъ отъ роду Георгіхъ лишился матери, и такъ какъ эта потеря очень огорчила ребенка, то отецъ отослалъ его на два года къ своему брату, тоже деревенскому пастору, гдѣ онъ у хорошаго учителя сдѣлалъ столь значительные успѣхи въ латинскомъ языкѣ, что къ Рождеству 1832 года передалъ отцу латинское сочиненіе о главнѣйшихъ событіяхъ Троянской войны. Однадцати лѣтъ отъ роду Георгіхъ поступилъ въ Новострелицкую гимназію, но такъ какъ отецъ его былъ слишкомъ бѣденъ чтобы содержать Георгіа въ гимназию и университетѣ, то, по прошествіи трехъ мѣсяцевъ, Георгіхъ переведенъ былъ въ реальную школу, которую четырнадцать лѣтъ, весной 1836 года оставилъ, чтобы поступить въ городокъ Фюрстенбергъ, въ томъ же герцогствѣ, ученикомъ въ мелочную лавочку. Тамъ прожилъ онъ лять съ половиной лѣтъ. Такъ началась торговая дѣятельность Шлиманна.

Она началась съ розничной продажи сельдей, масла, молока, соли, кофе и сахара, сальныхъ свѣчъ и т. п. Сверхъ того онъ долженъ былъ подметать лавку. Съ 5 часовъ утра до 11 вечера онъ находился въ лавкѣ и у него не было свободной минуты для ученія. Но онъ не терялъ любви въ наукѣ, и въ памяти его осталось незабвеннымъ воспоминаніе объ одномъ вечерѣ проведенномъ въ этомъ городѣ. Поэтики лавки принадлежали къ высшимъ слоямъ общества.

Однажды, въ лавку вошелъ пьяный мельникъ, сынъ уважаемыхъ родителей, учившійся въ гимназiи, но за дурное поведенiе отданный родителями въ обученiе къ мельнику. Хотя и пьяный, онъ не забывалъ Гомера и въ этотъ вечеръ правильно продекламировалъ предъ юнымъ Шлиманномъ болѣе ста стиховъ великаго поэта. Хотя юноша ничего не понималъ, но мелодическiй языкъ поэта произвелъ на него глубочайшее впечатлѣнiе и изъ его глазъ полились слезы сожалѣнiя о печальной его судьбѣ. Трижды, угощая на свои бѣдные гроши мельника, онъ заставилъ его повторить божественные стихи и молилъ только Бога чтобъ онъ даровалъ ему счастье когда-либо научиться греческому языку.

Неожиданно Шлиманнъ былъ освобожденъ изъ этого низкаго положенiя. Поднятая тяжелую бочку, онъ повредилъ себѣ грудь, началъ харкать кровью и не былъ болѣе въ состоянiи исполнять свою службу. Въ отчаянiи отправился онъ лѣшкомъ въ Гамбургъ, мѣнялъ тамъ нѣсколько мѣстъ, и наконецъ, черезъ посредство одного благодѣтеля, опредѣлился юнгой на корабль въ 1841 году, который отправлялся въ Америку, но, близъ Голландiи, у острова Текселя, потерпѣлъ крушенiе. Спасшись со своимъ ничтожнымъ багажомъ, Генрихъ твердо рѣшился остаться въ Голландiи и достигъ Амстердама чтобы тамъ завербоваться въ солдаты. Бѣдность его дошла до того, что онъ принужденъ былъ просить милостыню, но великодушные покровители собрали ему небольшую сумму денегъ, а потомъ опредѣлили въ Амстердамѣ въ кулеческую контору.

II.

Отсюда начинается благоприятная перемѣна въ жизни Шлиманна. Въ ней нѣтъ успѣха который бы не былъ купленъ тяжелымъ трудомъ. Онъ получаетъ ежегодно жалованье въ 800 франковъ, и обязанности его состоятъ въ наложенiи штемеля на векселя, исполненiе денежныхъ порученiй въ городѣ, отвоскѣ и полученiи писемъ на почтѣ. Эти механическiя занятiя были ему очень по сердцу, потому что оставляли достаточно времени заняться своимъ улучшеннымъ образованiемъ. Половину жалованья онъ тратилъ на свое образованiе, а другую на довольно жалкое существованiе. Первымъ его старанiемъ было приобрести хорошiй лочеркъ, чтд ему и

удалось въ 20 уроковъ у одного каллиграфа, а потомъ онъ приступилъ къ изученію англійскаго языка, причеиъ, какъ и въ послѣдствіи, руководствовался простою самопріобрѣтенною методой. Онъ много читалъ громкимъ голосомъ, не дѣлалъ переводовъ, ежедневно бралъ урокъ, постоянно писалъ сочиненія объ историческихъ предметахъ, исправлялъ ихъ подъ наблюденіемъ учителя, потомъ училъ ихъ наизусть и на слѣдующій урокъ разказывалъ учителю то что было исправлено накануне. Въ бессонные часы ночи онъ въ мысляхъ повторялъ пройденное. Такимъ образомъ въ полгода Шлиманнъ изучилъ англійскій, а въ другіе полгода—французскій языки. Въ теченіе года память его такъ окрѣпла, что ему не нужно было болѣе шести недѣль на каждый языкъ для того чтобы выражаться и писать на языкахъ: голландскомъ, испанскомъ, италіанскомъ и португальскомъ. Сырой воздухъ Голландіи окончательно исцѣлилъ его грудную боль. Въ настоящее время Шлиманнъ — полиглоттъ (онъ владѣетъ 14-ю языками), хотя и не одаренъ особенными способностями къ изученію чужихъ языковъ.

Эти занятія поселили въ Шлиманнъ мнѣніе что настоящее положеніе его не достойно. Въ мартѣ 1844 года ему посчастливилось опредѣлиться въ кулеческую контору Шрѣдера и К^о, имѣвшую сношенія съ Россіей, въ званіи корреспондента и бухгалтера, съ жалованьемъ въ 2.000 франковъ. Чувство благодарности къ хозяевамъ, которымъ онъ желалъ быть возможно полезнымъ, побудило его начать учиться по-русски, что и составило счастье его жизни. Для насъ Русскихъ въ особенности любопытенъ его разказъ объ изученіи имъ русскаго языка. „Единственныя русскія книги, говоритъ г. Шлиманнъ, которыя я могъ себѣ достать были старая грамматика, словарь и плохой переводъ *Приключеній Телемака*. Несмотря на всѣ мои старанія, я не могъ достать себѣ учителя русскаго языка, потому что въ то время въ Амстердамѣ никого не было кто понималъ бы этотъ языкъ. Поэтому я началъ ученіе безъ учителя, и въ нѣсколько дней, съ помощью грамматики, запомнилъ русскія буквы и ихъ произношеніе. Потомъ снова взялся за старую методу, сочинялъ небольшія исторійки и училъ ихъ наизусть. Такъ какъ не было учителя, который исправлялъ бы мои работы, то онѣ безъ сомнѣнія были очень плохи, но я старался практическими

упражненіями избѣгать ошибокъ и съ этою цѣлью училъ наизусть русскій переводъ *Приключеній Телемака*. Мнѣ казалось что я сдѣлаю болѣе быстрые успѣхи если буду имѣть предъ собою кого-либо кому буду разказывать *Приключенія Телемака*. Такимъ образомъ я нанялъ бѣднаго Жуда за 4 франка въ недѣлю, который каждый вечеръ долженъ былъ приходиться ко мнѣ на два часа и выслушивать мои русскія декламации, изъ которыхъ не понималъ ни слова. Толкіе потолки домовъ, мѣшавшіе спокойствію сосѣдей, принудили меня дважды мѣнять квартиру. Но уже по прошествіи шести недѣль я былъ въ состояніи написать первое письмо на русскомъ языкѣ и разговаривать по-русски съ русскими купцами пріѣзжавшими на аукціоны индigo въ Амстердамъ. Окончивъ занятіе русскимъ языкомъ, я началъ серьезно заниматься литературами изученныхъ мною языковъ."

III.

Въ январѣ 1846 года хозяева конторы Шрёдеръ и К^о отправили Шлиманна въ званіи агента въ Петербургъ и Москву. Здѣсь, въ Россіи, его старанія вскорѣ превзошли всѣ ожиданія: Шлиманнъ создалъ себѣ независимое положеніе. Благопріятствуемый счастіемъ, онъ уже въ началѣ слѣдующаго года записался въ гильдію. Въ теченіе одиннадцати лѣтъ, онъ оставался агентомъ амстердамскаго дома и, вслѣдствіе основательнаго знакомства съ индиго, почти исключительно ограничивалъ свою торговлю этимъ товаромъ. Въ началѣ 1849 года Шлиманнъ по своимъ частнымъ дѣламъ отправился въ Калифорнію, гдѣ сдѣлался гражданиномъ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Въ началѣ 1852 года онъ основалъ торговый домъ въ Москвѣ, и все это время такъ заваленъ былъ работою что не могъ продолжать изученія иностранныхъ языковъ. Только въ 1854 году онъ выучился шведскому и польскому языкамъ. Счастіе благопріятствовало ему во многихъ предпріятіяхъ и сласло отъ разныхъ бѣдствій. Во время Крымской войны онъ расширилъ свою торговлю продажей военныхъ матеріаловъ, каковы: селитра, сѣра и олово, что привнесло ему значительные доходы, такъ что его состояніе въ теченіе года болѣе чѣмъ удвоилось.

Никогда Шлиманна не покидало страстное желаніе

учиться греческому языку. До Крымской войны онъ боялся что занятіе этимъ языкомъ отвлечетъ его отъ коммерческихъ дѣлъ. Во время войны онъ такъ былъ поглощенъ ими что не имѣлъ даже времени читать газеты. Только когда въ 1856 году принесены были въ Петербургъ первыя вѣсти о мирѣ, онъ не могъ болѣе обуздывать свое желаніе и, подъ руководствомъ двухъ Грековъ, началъ по прежней методѣ учиться ново-греческому языку, который и одолѣлъ въ шесть недѣль. Потомъ онъ приступилъ къ изученію древне-греческаго языка и въ три мѣсяца приобрѣлъ столь достаточныя свѣдѣнія что могъ читать нѣкоторыхъ древнихъ авторовъ и преимущественно Гомера, котораго постоянно перечитывалъ съ большимъ восторгомъ. Затѣмъ два года онъ исключительно занимался древне-греческою литературой и въ это время бѣгла прочелъ почти всѣхъ классиковъ и нѣсколько разъ *Илиаду* и *Одиссею*. Лѣтомъ 1858 года онъ, послѣ двадцатипятилѣтняго промежутка, возобновилъ занятія латинскимъ языкомъ. Шлиманъ во многихъ мѣстахъ своей автобіографіи съ восторгомъ отзывается о своей методѣ изучать языки и рекомендуетъ ее нѣмецкому юношеству и его воспитателямъ. Но для юношества изученіе языковъ и преимущественно классическихъ есть гимнастика логическаго мышленія. Этого значенія для Шлимана оно не имѣло. Но мы не имѣемъ права порицать его за изобрѣтенную имъ методу. Довольно, если ему удалось вполне достичь своей цѣли.

Между тѣмъ коммерческія дѣла Шлимана въ Петербургѣ и въ Москвѣ шли въ вышей степени удачно. Въ 1858 году ему показалось что состояніе имъ приобрѣтенное довольно велико, такъ что онъ отказался ото всѣхъ коммерческихъ дѣлъ. Въ немъ снова пробуждается страсть къ путешествіямъ. Шлиманъ сперва посѣтилъ Швецію, Данію, Германию, Италию и Египеть, гдѣ по Нилу добралъ до вторыхъ пороговъ. При этомъ случаѣ онъ научился арабскому языку, и изъ Каира черезъ степь достигъ Иерусалима, а потомъ посѣтилъ Сирію. Возвращаясь изъ Сиріи лѣтомъ 1859 года, онъ былъ въ Смирнѣ, на Цикладскихъ островахъ и въ Аѣнахъ и намѣревался посѣтить островъ Итаку, когда получилъ лхорадку и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣсть изъ Петербурга о банкротствѣ одной важной купеческой фирмы, съ которою велъ обширныя денежныя дѣла.

Вслѣдствіе банкротства завязался процессъ, и Шлиманъ противъ желанія былъ вынужденъ снова приняться за торговлю, но еще въ большихъ размѣрахъ. Въ концѣ 1863 года онъ увидѣлъ себя обладателемъ цѣльнѣйшаго размѣромъ своимъ превосходящаго всѣ его самыя смѣлыя ожиданія. Но и посреди всѣхъ тревогъ коммерческой жизни Шлиманъ не переставалъ мечтать и думать о Троѣ и взиравъ на открытіе этого города какъ на конечную цѣль своей жизни. Процессъ его былъ выигранъ и съ декабря 1863 года Шлиманъ началъ ликвидировать свои коммерческія дѣла. Но предъ тѣмъ чтобы всецѣло посвятить себя археологіи и думать объ осуществленіи задачи своей жизни, Шлиманъ пожелалъ еще посмотреть на міръ, и въ апрѣлѣ 1864 года посѣтилъ Тунисъ, развалины Карфагена, а оттуда черезъ Египетъ отправился въ Индію, Кохинчину, Китай и Японію, и на большомъ англійскомъ кораблѣ черезъ Тихій Океанъ прибылъ въ Санъ-Франциско въ Калифорнію. Во время 50дневнаго перѣзда, онъ написалъ первую книгу подъ заглавіемъ: *La Chine et le Japon*. Paris. 1867. Оттуда онъ отправился черезъ Никарагуа въ восточныя штаты Сѣверной Америки, потомъ посѣтилъ островъ Гавайю и городъ Меконко, а весной 1866 года поселился въ Парижѣ, гдѣ посвятилъ себя постоянному изученію археологіи, прерывая его небольшими поѣздками въ Америку. Приобрѣтенное имъ состояніе было такъ велико что Шлиманъ получаетъ 200.000 марокъ ежегоднаго дохода. Изъ нихъ 100.000 присоединяетъ онъ къ капиталу своихъ четырехъ дѣтей. Двое дѣтей его отъ перваго брака называются: Сергій и Надежда, а двое отъ втораго: Агамемнонъ и Андромаха. Другія 100.000 онъ проживаетъ и употребляетъ на раскопки, иногда дорого стоющія. Онъ женатъ въ второй супругѣ, родомъ Гречанкѣ, тоже страстно любящей Гомера, знающей наизусть *Одиссею* и разделяющей съ нимъ всѣ его археологическія труды.

Такъ оканчивается первая эпоха жизни Шлиманна — исторія жизни бѣднаго молодого человѣка, который собственными силами, энергіей и трудами создалъ себѣ независимость и положеніе въ свѣтѣ. Достигнувъ сорокалѣтняго возраста, онъ могъ бы предаться всѣмъ удовольствіямъ сложной и пріятной жизни, но въ немъ постоянно жили высшія идеальныя стремленія. Что въ раннемъ дѣтствѣ казалось ему задачей жизни, то онъ исполнилъ со всею преданностью

и самопожертвованіемъ. Не надо думать что олицетвореніе любимой идеи было для него только развлеченіемъ которое отнынѣ допускали его средства. Дальнѣйшій разказъ жизни Шлиманна докажетъ что онъ всегда смотрѣлъ на свою задачу съ серьезной точки зрѣнія, и для осуществленія ея, при всемъ богатствѣ, переносилъ стужу и жаръ, голодъ и бездомную жизнь. Его проникала всегда и повсюду глубочайшая вѣра что всѣ сцены и событія описанныя Гомеромъ основаны на исторической истинѣ, что всѣ онѣ имѣютъ историческую основу. Поэтому онъ былъ глубоко увѣренъ что на театрѣ дѣйствія героическихъ поэмъ найдетъ и самыя осязательныя доказательства ихъ дѣйствительности. Вотъ почему Шлиманнъ никогда не могъ бы сдѣлаться абстрактнымъ ученымъ: въ немъ преобладаетъ *практическій* смыслъ. Въ поэтическихъ произведеніяхъ онъ ищетъ реальной подкладки. Вотъ почему во всѣхъ позднѣйшихъ литературныхъ его трудахъ на первомъ мѣстѣ всегда стоитъ *открыватель*, и за нимъ далѣе слѣдуетъ *ученый*. Поэтому говоря о Шлиманнѣ, прежде всего слѣдуетъ цѣнить его практическую дѣятельность и ея результаты.

IV.

Вторая эпоха жизни Шлиманна, отнынѣ посвященной исключительно археологіи, начинается съ 1868 года. „Наконецъ, говоритъ онъ, мнѣ стало возможно осуществить и посвятить спокойно театръ событій имѣвшихъ для меня столь глубокій интересъ и видѣть отечество героевъ которыхъ приключенія столь восхищали и утѣшали мое дѣтство“. Въ апрѣлѣ 1868 года Шлиманнъ отправился черезъ Римъ и Неаполь на острова Корфу, Кефалонію и Итаку, и особенно основательно изслѣдовалъ послѣдній, бывшій мѣстопробываніемъ героя *Одиссеи*. Но расколки онъ предпринялъ только въ такъ-называемомъ дворцѣ Одиссея, лежащемъ на вершинѣ горы Аэтосъ. Уже во время этого пребыванія онъ ловилъ что мѣстность острова вполнѣ согласна съ данными сообщаемыми поэмой Гомера. Свои путевыя впечатлѣнія онъ изложилъ въ сочиненіи: *Ithaque, le Péloponèse, Troie*. Paris. 1869. На нѣмецкомъ языкѣ сочиненіе вышло въ Лейпцигѣ, съ

четырьмя литографіями и двумя картами. Читая его, убѣждаешься въ тѣлоу и одушевленной любви Шлимманна къ Гомеровской поэзіи. Блестящія картины однажды воспріятыя душой юности, сохранили свою прелесть и для взрослоу мужа. Каждый описанный повтомъ фактъ въ глазахъ Шлимманна является вѣрнымъ историческимъ событіемъ. Правда, онъ былъ знакомъ со всѣми тогдашними, преимущественно нѣмецкими, литературными явленіями, но всѣ гомерическіе вопросы, и именно касающіеся композиціи и происхожденія поэмъ, уже тогда достигшіе въ Германіи необычайныхъ размѣровъ, не пользовались его симпатіей. Такъ какъ Шлимманъ развивался какъ самоучка, они были ему даже чужды.

Но онъ отыскивалъ съ необыкновенною ревностью и переносилъ множество невзгодъ чтобы найти хотя бы малѣйшій слѣдъ поэта: въ поэзіи Гомера все для него дѣйствительно, все имѣетъ реальную основу. Уже въ Катаніи любуется онъ уютной гротъ. „Навѣрное, говоритъ Шлимманъ, это тотъ въ которомъ жилъ Полифемъ“. Лежащимъ предъ гротомъ камень Полифемъ закрывалъ отверстіе пещеры. На островѣ Корфу, который давно считался за баснословный островъ Феаковъ *Одиссеи*, онъ находитъ мѣсто гдѣ мыла бѣлье Навсикая. Всѣ мѣстности упоминаемыя въ *Одиссее* на островѣ Итакѣ, гавань, дворецъ Одиссея, масличное дерево изъ котораго Одиссей сдѣлалъ себѣ супружеское ложе и даже стойла Эвмея! Находя орудя съ прахомъ, онъ полагаетъ что держитъ въ рукахъ прахъ Одиссея или Пенелопы или ихъ потомковъ. На островѣ Итакѣ онъ увлекаетъ все народонаселеніе и умѣетъ сообщать другимъ то счастье которымъ самъ обладаетъ. Со священникомъ во главѣ, жители острова ведутъ его по деревнямъ и лодосятъ ему дары. Но Шлимманъ доказываетъ имъ свою благодарность тѣмъ что подъ открытымъ небомъ, стоя на столѣ, читаетъ имъ прекраснѣйшія мѣста изъ *Одиссеи*, объясняетъ ихъ и трогаетъ все собраніе. Наконецъ съ тяжелымъ сердцемъ прощается онъ съ Итакой.

Болѣе основательное изслѣдованіе острова Итаки предпринялъ Шлимманъ въ 1868 году, хотя и тутъ онъ не производилъ систематическихъ раскопокъ. Онъ началъ свои изслѣдованія съ долины, лежащей въ сѣверной части острова, известной подъ именемъ Полисъ, до сихъ поръ считавшейся главнымъ Гомерическимъ городомъ острова Итаки. Но въ

этой плодороднѣйшей мѣстности, по его убѣжденію, никогда не было города, такъ же какъ и по всей прочей сѣверной части острова. Только возлѣ зданія извѣстнаго подъ именемъ *школы Гомера*, нынѣ превращеннаго въ небольшую церковь, нашлись слѣды города существовавшаго здѣсь въ классическую эпоху.

Затѣмъ Шлиманъ изслѣдовалъ гору Аэтосъ, возвышающуюся на 600 футовъ надъ уровнемъ моря. На вершинѣ ея, грубо, но искусно планированной, онъ нашелъ платформу, отъ которой падутъ громадныя циклопическія стѣны съ башнями. Въ стѣнахъ находятся трое воротъ. Между циклопическими стѣнами нѣкогда находился городъ, вмѣщавшій въ себя около 2.000 домовъ, построенныхъ на скалѣ и сложенныхъ изъ циклопическихъ стѣнъ. Изъ нихъ онъ раскопалъ развалины 190 домовъ. Камни этихъ домовъ болѣе камней домовъ въ Тиринтѣ и Микенахъ. Такъ какъ ни одинъ изъ домовъ не виденъ съ равнины, а крестьяне считаютъ эти развалины древнихъ домовъ за кучи камней, то они никогда не водятъ путешественниковъ на это мѣсто. „Ничто, говоритъ Шлиманъ, не можетъ сравниться въ мірѣ съ этимъ циклопическимъ городомъ. Каждый почитатель Гомера долженъ былъ бы посѣтить это мѣсто“. Въ этихъ циклопическихъ зданіяхъ Шлиманъ съ тридцатью рабочими производилъ раскопки въ теченіе четырнадцати дней и нашелъ здѣсь фрагменты сосудовъ схожіе съ древнѣйшими троянскими, фрагменты оригинальныхъ кирпичей съ выдавленными орнаментами и ручную мельницу. Жаръ на горѣ Аэтосъ невыносимый.

Затѣмъ Шлиманъ изслѣдовалъ сталактитовый гротъ близъ небольшой гавани Дексія, въ которомъ Одиссей спряталъ свои сокровища, но ничего въ немъ не нашелъ, такъ же какъ и на всей южной части острова Итаки, кромѣ самой южной оконечности, гдѣ нашелъ слѣды сельскаго жилища, описываемаго Гомеромъ, домъ и хозяйство Эвмея, а въ столахъ его фрагменты весьма древнихъ сосудовъ. Въ раскопкахъ при подошвѣ горы Аэтосъ нашелъ онъ двѣ древне-греческія монеты острова Итаки.

V.

Осмотрѣвъ Итаку, Шлиманъ въ томъ же 1868 году посѣтилъ Пелопонезъ, гдѣ осматривалъ Микены, посѣтилъ Афины и въ Пирей сѣлъ на корабль, который перевезъ его къ берегамъ Малой Азiи, къ Троадѣ. Видъ Троянской равнины тронулъ его, и во время пребыванiя въ этихъ мѣстахъ въ головѣ его созрѣли всѣ будущiе планы. Въ борьбѣ съ величайшими затрудненiями, днемъ страдая отъ голода и жажды, ночью отъ насѣкомыхъ, обманываемый лаутами-проводниками, Шлиманъ, то съ книгой, то съ заступомъ въ рукахъ, изслѣдовалъ всю страну между Бунаръ-Баши и моремъ, по правую и лѣвую стороны отъ рѣки Скамандеръ, и не однажды возвращался къ одному и тому же мѣсту. Въ долину Троянской, между Геллеспонтомъ и горой Идой, съ прошлаго столѣтiя, когда начались топографическiя изслѣдованiя, только два мѣста имѣютъ право быть разсматриваемы какъ тѣ гдѣ находилась древняя Троя: возвышенность Бали-Дагъ съ деревней Бунаръ-Баши и холмъ Гиссарликъ. Шлиманъ уже тогда пришелъ къ убѣжденiю что деревня Бунаръ-Баши съ подымающимся позади ея высотами Бали-Дагъ не можетъ быть мѣстомъ находенiя Гомеровоѣ Трои. Точныя изслѣдованiя доказали что вездѣ материкъ тутъ лежитъ не глубоко; напротивъ, прекрасный, природою укрѣпленный холмъ, извѣстный подъ именемъ Гиссарликъ, господствующiй надъ всею равниною и гораздо ближе лежащiй къ морю, казался Шлиману мѣстомъ самою природою избраннымъ для Трои. Въ историческiя времена на Гиссарликѣ лежалъ *Новый Илiонъ*. Съ этимъ сознаниемъ, въ Шлиманѣ созрѣло и рѣшенiе предпринять въ Гиссарликѣ раскопки большаго размѣра: здѣсь, по его мнѣнiю, находилса акрополисъ Новаго Илiона и лежалъ Пергамъ Прiама. Шлиманъ намѣревался осуществить любимую мечту юности.

Въ концѣ 1868 года, Шлиманъ экземпляръ своего сочиненiя объ Итакѣ, Пелопонезѣ и Троѣ, вмѣстѣ съ диссертациею, написанною на древне-греческомъ языкѣ, переслалъ университету въ Ростокъ, который наградилъ его званiемъ доктора этого университета.

Такъ какъ весь 1869 годъ Шлиманъ провезъ въ

Соединенныхъ Американскихъ Штатахъ, то могъ начать свои раскопки въ Гиссарликъ только въ апрѣлѣ 1870 года. Ему хотѣлось изслѣдовать, до какой глубины простирается искусственная насыль и гдѣ начинается материкъ. Но онъ не могъ продолжать раскопокъ, потому что владѣльцы поля, два Турка, соглашались дать разрѣшеніе на продолженіе раскопокъ только подъ условіемъ вознагражденія въ 12.000 піастровъ и требовали чтобы по окончаніи раскопокъ все было восстановлено въ прежнемъ видѣ. Тогда Шлиманнъ обратился къ Турецкому правительству, но и здѣсь встрѣтилъ различныя затрудненія. Наконецъ, въ сентябрѣ 1871 года, онъ получилъ отъ Высокой Порты фирманъ и могъ начать только 11 октября 1871 года свои раскопки въ Гиссарликъ въ большихъ размѣрахъ. Но и тутъ встрѣтились новыя затрудненія. Онъ долженъ былъ поселиться съ женой въ турецкой деревнѣ Чублакъ, лежащей въ двухъ километрахъ отъ Гиссарлика. Глубокимъ разрѣзомъ Шлиманнъ достигъ до развалинъ весьма древнихъ обиталицъ, но только во второмъ году работы на Гиссарликѣ (1872) ему удалось дойти до материка, лежащаго на 53 фута глубины. Эти раскопки 1872 года были предприняты Шлиманномъ въ мартѣ со 130—150 человѣками, отличными инструментами, ручными тележками и шестью конными телегами, тремя надсмотрщиками и однимъ инженеромъ. На высотѣ Гиссарлика онъ приказалъ выстроить себѣ деревянный домъ, магазинъ съ кухней и т. д. Издержки раскопокъ простирались до 400 франковъ въ день. Много помогло ему также содѣйствіе г. Кальверта, владѣльца части холма Гиссарлика. 14 августа 1872 года окончились работы втораго года.

1 февраля 1873 года, начались работы третьаго года на Гиссарликѣ, но Шлиманнъ, его супруга и рабочіе много страдали. Они вели тяжелую жизнь. Ледяной сѣверный вѣтеръ продувалъ деревянные дома и замораживалъ воду на очагѣ. Ничто не могло согрѣть ихъ, и они едва не сгорѣли. Позднѣ жара сдѣлалась невыносимою и ночную тишину нарушало кваканье, бесчисленныхъ лягушекъ и крики совъ, поселившихся въ дырахъ раскопокъ. 17 іюля 1873 года Шлиманнъ окончилъ раскопки въ Гиссарликѣ, и въ началѣ 1874 года, у книгопродавца Брокгауза въ Лейпцигѣ, издалъ свои письма о нихъ подъ заглавіемъ: *Trojanische Alterthümer. Bericht über die Ausgrabungen in Troja.* 1874, Letpzig. F. A. Brockhaus, in 8° съ

приложеніемъ атласа, состоящаго изъ 217 фотографій: *Atlas trojanischer Alterthümer. Photographische Abbildungen zu dem Berichte über die Ausgrabungen in Troja. in 4°*. Въ то же время появились французскій и англійскій переводы этого сочиненія. Оно содержитъ, въ формѣ дневника, письма Шлиманна, писанныя съ самаго мѣста раскопокъ и уже напечатанныя въ Аугсбургской *Allgemeine Zeitung*. Сочиненію предпослано введеніе, кратко излагающее содержаніе писемъ и во многомъ ихъ исправляющее.

Эти письма, писанныя съ энтузіазмомъ горячаго поклонника Гомера и появившіяся въ очень распространенной газетѣ, возбудили въ Германіи между учеными и въ публикѣ первоначально сильное одушевленіе послѣ какого обыкновенно наступаетъ злоба охлажденія. Вездѣ въ домахъ и на улицѣ, въ вагонахъ и каретахъ разговаривали только о Троѣ. Всѣ удивлялись и спрашивали. Самъ счастливый находчикъ, при видѣ своихъ многочисленныхъ и непрерывныхъ находокъ, былъ такъ пораженъ счастьемъ что ему должно извинить если онъ приписывалъ находкамъ слишкомъ большое значеніе. Ему казалось что онъ фактически нашелъ весь Гомеровъ міръ.

Первое разочарованіе въ Германіи произвело появленіе вышеназваннаго атласа, во многихъ отношеніяхъ неудачнаго. Мѣсто похвалъ заступали порицанія и сомнѣнія о принадлежности вѣку Гомера найденныхъ предметовъ. Возникла цѣлая литература, непрерывно растущая. Она привнесла хорошіе плоды, потому что разъяснила вопросы и поставила пубliku на истинную точку зрѣнія. Шлиманна перестали превозносить до небесъ и полировать въ грязь, и вмѣсто того начали понимать культурно-историческое значеніе его находокъ.

Въ чемъ же состояли открытія Шлиманна на мѣстѣ древней Трои?

VI.

Шлиманнъ находилъ нужнымъ проникнуть до материка при своихъ трехлѣтнихъ раскопкахъ Гиссарикскаго холма. Это было дѣло трудное, потому что необходимо было сносить цѣлая горы мусора: материкъ въ Гиссарикѣ лежалъ на глубинѣ 53 футовъ отъ поверхности земли. Чтобы прямо достигнуть

цѣли, онъ не жалѣеть никакихъ усилій и средствъ. Находки его пріобрѣтаютъ въ его глазахъ тѣмъ болѣе интересъ чѣмъ глубже онъ проникаетъ къ матеруку. Безъ сожалѣнія, въ первый же годъ раскопокъ (1871), онъ проникаетъ и разрушаетъ основныя стѣны большаго зданія эллинскихъ временъ, которое по найденнымъ въ немъ надписямъ было Булеветеріомъ или сенатъ въ Новомъ Иліонѣ. Безо всякаго сожалѣнія и расчета разрушаетъ онъ множество ниже его лежащихъ стѣнъ домовъ. „Такъ какъ моею цѣлью было откопать Трою и я ожидалъ найти ее въ одномъ изъ нижнихъ городовъ, говоритъ онъ, то я принужденъ былъ разрушить въ верхнихъ слояхъ много интересныхъ развалинъ“. Позднѣе, въ 1873 году, онъ точно такимъ же образомъ поступаетъ съ фундаментомъ огромнаго храма Иліонской Аены, вѣроятно сооруженнаго Лизимахомъ, величиной и значеніемъ превосходившаго всѣ другіе храмы Новаго Иліона, затѣмъ стѣну Лизимаха и т. д. Случайно, въ верхнихъ, чисто эллинскихъ слояхъ своихъ раскопокъ онъ находитъ превосходную метолу на которой изображенъ въ хорошемъ эллинскомъ стилѣ Фебъ Аполлонъ на колесницѣ, запряженной четырьмя огненными конями. Эта метола, по мнѣнію компетентныхъ археологовъ, принадлежала IV вѣку до Р. Х., и часть дорическихъ колонъ открытыхъ вблизи несомнѣнно доказываютъ что здѣсь стоялъ дорическій храмъ Аполлона, совершенно разрушенный. Эта счастливая находка нисколько не побудила его искать другія сокровища греческаго искусства, тутъ же можетъ-быть сгорѣвшаго. Онъ стремится все глубже и глубже. Ниже эллинскаго поселенія онъ находитъ много слоевъ доисторическихъ поселеній. Одно изъ нихъ, предпоследнее, носило на себѣ слѣды громаднаго пожара: тутъ лежала, по мнѣнію г. Шлиманна, *Троя*. Подлѣ широкой окружной стѣны, „большой Иліонской башни“, онъ находитъ отлично мощеную улицу, которая ведетъ къ двойнымъ воротамъ, которыя онъ называетъ „Скейскими воротами“, уломиваемыми у Гомера. За этими воротами лежитъ большое зданіе, самое объемистое въ этомъ городѣ, которое онъ называетъ „дворцомъ Пріама“. Справедливость этого предположенія оправдываетъ находка большаго клада золотыхъ и другихъ вещей, сдѣланнаго возлѣ дворца, которому онъ далъ названіе *Пріамовъ кладъ*. „Въ то время какъ мы отрывали окружную стѣну, говоритъ Шлиманъ, я возлѣ дома нашелъ большой мѣднѣй

предметъ, весьма замѣчательной формы, обратившій на себя все мое вниманіе, тѣмъ болѣе что затѣмъ я увидѣлъ блескъ золота. Чтобы спасти драгоценный кладъ для науки, прежде всего надлежало съ величайшею послѣдствіемъ и предосторожностію спасти его отъ алчности моихъ рабочихъ. Поэтому, хотя время завтрака еще не наступило, я велѣлъ тотчасъ призвать рабочихъ къ завтраку, и въ то время когда они были заняты ѣдой и отдыхомъ, я большимъ вожомъ освободилъ кладъ отъ его твердой какъ камень, оболочки. Это предпріятіе требовало величайшихъ усилій и было въ высшей степени опасно для жизни, потому что большая стѣна каждую минуту грозила паденіемъ. Но видъ столь многочисленныхъ предметовъ, изъ которыхъ каждый долженъ быть неоцѣнимъ для археологіи, не позволялъ мнѣ думать объ опасности. Однако взять съ собою и уместить кладъ вѣроятно не удалось бы еслибы моя жена не была возлѣ меня во время работъ и не укладывала найденныхъ вещей. Кладъ состоялъ изъ трехъ золотыхъ діадемъ, 60 золотыхъ сережекъ, 8.700 маленькихъ золотыхъ колецъ, 6 золотыхъ браслетъ, одного золотого кубка, одного электороваго кубка, одной золотой флажки, много серебряныхъ вазъ и чашъ, шесть серебряныхъ слитковъ (которые Шлиманнъ называетъ *талантами*), бронзовыхъ кинжаловъ, сѣкиръ и остриевъ копій, мѣдныхъ сосудовъ и, наконецъ, большого ключа. Такъ какъ всѣ эти вещи составляли или были сложены въ одну четвероугольную массу, то кажется что ихъ поставили въ деревянномъ ящикѣ или ларцѣ на городскую стѣну. Во время большого пожара, истребившаго городъ, уложили кладъ въ ящикъ, но когда несшее его лицо достигло стѣны, рука врага или огонь поразили его. Но такъ какъ въ послѣдствіи Шлиманнъ нашелъ еще нѣсколько маленькихъ кладовъ, то онъ полагаетъ что при пожарѣ они упали изъ верхнихъ этажей царскаго дворца. На словъ члена покрывшемъ ихъ жители четвертаго города возвели свои стѣны.

Въ декабрѣ того же года, турецкая полиція въ Кумъ-Кале, у двухъ бывшихъ рабочихъ Шлиманна, конфисковала много золотыхъ вещей и украшеній, открытыхъ ими на трехъ различныхъ мѣстахъ раскопокъ. Къ ихъ захвату привела неосторожность жены одного изъ Турокъ, которая украсила себя украденными вещами и такимъ образомъ возбудила зависть своихъ сосѣдокъ. Золотыя вещи другаго Турка, къ

сожалѣнію были переданы по новѣйшей мѣстной модѣ. Всѣ эти захваченные Турецкимъ правительствомъ предметы хранятся въ Константинопольскомъ музеѣ.

Мы не станемъ подробно описывать всѣ предметы найденныя Шлиманомъ въ его Троѣ. Довольно сказать что онъ нашелъ кости овецъ, козъ, быковъ и коровъ, свавей, лошадей, оленей и зайцевъ и мѣстъ съ тѣмъ хлѣбныя зерна, горохъ, бобы и маисъ. Огромное количество орудіи и топоровъ были изъ камня и ни одно изъ мѣди. Многочисленные глиняные сосуды были сдѣланы отъ руки, а частію приготовлены на гончарномъ колесѣ. Большіе глиняные сосуды имѣютъ грубыя указанія на человѣческое лицо или фигуру. Найдены сосуды на трехъ ножкахъ; другіе имѣютъ формы животныхъ. Бронзовые топоры и острія стрѣлъ и колій—литые. Стѣны домовъ были сложены изъ глины или нетесаныхъ камней, а жители занимались скотоводствомъ, охотой и земледѣіемъ. Весьма странно что въ развалинахъ сожженнаго города, который Шлиманъ признаетъ за древнюю Трою, послѣ десятилѣтней осады погибшаго въ пламени, онъ не нашелъ ни одного бронзоваго меча. Это почти невѣроятный фактъ.

17 іюля 1873 года, Шлиманъ окончилъ свои раскопки въ Троадѣ, прославившія его имя. Онъ должны были потерпѣть длинный перерывъ, во первыхъ, вслѣдствіе процесса который начало Турецкое правительство въ греческихъ судебныхъ мѣстахъ, требуя выдачи ему половины открытыхъ предметовъ. Поводомъ къ процессу послужилъ рядъ статей, появившихся въ журналѣ *Levant Herald*, направленныхъ противъ Шлиманна и писанныхъ извѣстнымъ археологомъ г. Кальвертомъ, владѣльцемъ части земли на Троянской равнинѣ. Шлиманъ окончилъ процессъ годъ спустя добровольнымъ взносомъ 50.000 франковъ въ апрѣлѣ 1875 года въ пользу константинопольскихъ музеевъ, и Турецкое правительство признало его единственнымъ обладателемъ найденныхъ имъ древностей. Даръ его былъ милостиво принятъ. 17 августа 1875 года, въ залѣ Ростокаго университета, прочелъ онъ публичную лекцію о Троѣ и ея развалинахъ, которая вышла подъ заглавіемъ: *Troja und seine Ruinen*. 1875. Въ декабрѣ 1875 года Шлиманъ могъ рѣшиться лично явиться въ Константинополь чтобы выхлопотать себѣ новый фирманъ для раскопокъ въ Гиссарликѣ.

Въ этихъ препирательствахъ Шлиманнъ такъ настрадался нравственно что у него родилась мысль отправиться въ Италию и тамъ искать себѣ новаго поля дѣятельности. Но до приведенія въ исполненіе этого плана, онъ сдѣлалъ нѣсколько маленькихъ археологическихъ путешествій, дѣломъ 1875 года посѣтилъ много музеевъ и въ октябрѣ того же года Италию, но никакихъ изслѣдованій въ ней не предпринималъ. Наконецъ, ему всего лучше показалось для окончанія своихъ раскопокъ на холмѣ Гиссарликъ обратиться снова къ Турецкому правительству, и въ декабрѣ 1875 года онъ снова отправился въ Константинополь съ намѣреніемъ достать себѣ фирманъ на два года. Когда въ октябрѣ 1876 года, его энергіи наконецъ удалось получить разрѣшеніе, оно застало его въ новыхъ трудахъ: Шлиманнъ производилъ раскопки на почвѣ собственной Греціи, гдѣ отыскалъ, по его мнѣнію, гробницы Агамемнона и другихъ героев воспѣтыхъ Гомеромъ.

VII.

Уже въ августѣ 1876 года мы находимъ Шлиманна на развалинахъ Тиринта и Микенъ, двухъ древнѣйшихъ городовъ Греціи, славныхъ своими циклопическими постройками. Онъ снова производитъ тамъ раскопки, которыхъ плоды, по договору съ Греческимъ правительствомъ, должны были остаться собственностью Греческаго народа. Шлиманнъ началъ раскопки въ Аргосской долинѣ, сперва въ Тиринтѣ, а потомъ въ Микенахъ, гдѣ въ слѣдующіе мѣсяцы положилъ прекрасные лавры. Тиринтъ представилъ мало находокъ, но Микены оказались необыкновенно богатыми. Тамъ открылъ онъ пять знаменитыхъ гробницъ, матеріаломъ и художественнымъ достоинствомъ найденныхъ въ нихъ произведеній ослѣпившихъ ученый міръ. Еще въ первомъ изданномъ имъ сочиненіи объ Итакѣ и Пелопонесѣ, Шлиманнъ доказывалъ что по извѣстному мѣсту Павзанія (II, 16, 4) царскія микенскія гробницы должно искать не въ нижнемъ городѣ, но на акрополисѣ этого города. Это мнѣніе было встрѣчено весьма несочувственно...

Еще въ февралѣ 1874 года Шлиманнъ рядомъ шахтъ ориентировался на акрополисѣ Микенъ. Въ 1876 году, неподалеку отъ Львиныхъ Воротъ, онъ нашелъ рядъ горизонтально

стоявшихъ каменныхъ плитъ и перекрытыхъ такими же хорошо отесанными плитами, которые образовали кругъ. Ниже, внутри этого круга, было найдено нѣсколько надгробныхъ камней, покрытыхъ чрезвычайно дробными рельефными изобразеніями, на которыхъ представляемы сражающіеся на колесницахъ люди, сцены охоты и разнаго первобытнаго характера орнаменты. Глубже въ вѣдрахъ земли, въ углубл., были вырублены пять гробницъ. Первоначальныя каменный кругъ, вѣроятно, обозначалъ мѣсто погребенія; позднее онъ служилъ мѣстомъ для сожженій (агора). Внутреннія стѣны гробницъ были возведены изъ камня, а на полу гробницъ лежалъ слой голышей, на который положены были покойники. На нихъ положенъ былъ второй слой булыжника. Первая, третья и пятая гробницы содержали по три покойника; четвертая — пять, вторая — одного. Тѣла покойниковъ при погребеніи, вѣроятно, были предавы сожженію, хотъ и трудно опредѣлить степень дѣйствія огня.

Что погребенныя въ этихъ гробницахъ лица принадлежали высшимъ классамъ общества, если не стояли во главѣ его, доказывается чрезвычайно богатымъ убранствомъ покойниковъ. Съ ними предано было землѣ множество вещей, служившихъ имъ при жизни, но большая часть предметовъ была изготовлена нарочно и исключительно для погребальныхъ церемоній. Изъ золота сдѣланы короны и діадемы находившіяся на ихъ головахъ, маски покрывавшія ихъ лица, нагрудники, наплечники, пояса. Одежда была покрыта безчисленными золотыми нугевицами и другими украшеніями. Множество бронзоваго оружія было положено съ покойниками, мечей, копій и стрѣлъ, а рукоятки мечей были обтянуты тонкими золотыми пластинками. Наконецъ, въ гробницахъ было найдено много золотыхъ сосудовъ, серебряныхъ массивныхъ вазъ, мѣдныхъ котловъ и другихъ вещей. Осуды изъ галлы и алебастра гораздо рѣже. Предметы изъ драгоценныхъ металловъ въ большую частью кельмы, бронзовые же предметы и въ особенности мѣдные — слиты. Тонкія золотыя маски на лицахъ покойниковъ выданы въ формѣ, а потомъ отчеканены. Орнаментика металлическихъ предметовъ — чисто геометрическая и заимствованная у искусства лавенія. Растительныя и животныя формы, преимущественно низшихъ обитателей морей, принимаютъ особый характеръ. Особый классъ составляютъ фантастическія животныя Востока,

какомъ: львы, шакалы, грифоны и сфинксы, часто группированные попарно, геральдически. Въ художественномъ отношеніи гораздо хуже изображенія человѣческихъ фигуръ; тѣмъ не менѣе въ сценахъ битвъ и охоты люди изображены съ большимъ живостью. Страусовое яйцо, украшенное изображеніями дельфиновъ и найденное въ первой гробницѣ, указываетъ на Африку, а янтарь на сношенія Греціи съ дальнимъ сѣверомъ. Замѣчательно, что въ эту отдаленную эпоху уже извѣстно было стекло или какая-то стекловидная композиція.

Чтобы дать понятіе о массѣ предметовъ открытых Шлиманномъ на акрополѣ Микенъ, мы приведемъ краткое исчисленіе замѣчательнѣйшихъ. Въ первой гробницѣ, отчасти уже ограбленной въ древности, на трехъ скамьяхъ были найдены: массивная золотая маска, лучшая изъ всѣхъ, и другая сильно попорченная и раздавленная, большой золотой нагрудникъ съ волнообразными орнаментами, болѣе 80 бронзовыхъ мечей, изъ которыхъ многіе имѣли рукоятки обложенныя толстымъ золотомъ, 6 золотыхъ пластинокъ съ орнаментами, небольшія серебряныя щипцы, золотой кубокъ 2 серебряныя кубка и четырехугольный кипарисовый ящикъ. Во второй гробницѣ: 15 золотыхъ діадемъ, 14 золотыхъ лавровыхъ вѣнковъ, серебряная ваза и т. д. Въ третьей гробницѣ: нѣсколько большихъ круглыхъ золотыхъ листовъ и нѣзъ чистаго золота: 3 грифона, 4 льва, 6 орнаментовъ, 27 рыбъ, летающій грифонъ; 2 небольшія человѣческія фигуры, 8 бабочекъ, пара орловъ, 4 пары лебедей, 6 сфинксовъ и одна большая золотая корчага; затѣмъ: шарикъ изъ чернаго кристалла, 1 скипетръ изъ позолоченнаго серебра съ грифономъ изъ чернаго кристалла, золотой кубокъ и т. д. Въ чрезвычайно богатой четвертой гробницѣ замѣчательнѣйшимъ предметомъ оказалась большая серебряная голова коровы, съ золотыми рогами, среди которыхъ находится розетка. Далѣе тамъ же найдено: золотая корона, 9 золотыхъ сосудовъ, 3 золотые напалечника, 800 янтарныхъ шариковъ, великолѣпная алебастровая ваза, 4 золотыя діадемы, 110 золотыхъ диадемъ, 130 большихъ золотыхъ луговицъ, 4 золотыя маски и т. д. Вся гробница была устлана золотыми листьями. Въ пятой гробницѣ: золотая маска, золотой поясъ, 124 большія золотыя луговицы, алебастровая ваза, золотыя и серебряныя кубки и т. д. Это краткое, далеко не полное и

сухое перечисленіе находокъ Шлиманна можетъ дать даже неспециалисту понятіе о важности найденныхъ предметовъ для познанія древности и исторіи культуры. Даже жители соседнихъ мѣстъ, прішедшіе посмотреть на открытіе, были поражены. „Тысячи людей изъ всѣхъ мѣстъ Арголоиды, говоритъ Шлиманъ, пришли въ Микены, чтобы видѣть эти чудеса; впервые, по прошествіи 2844 лѣтъ, Микенскій акрополисъ получилъ гарнизонъ, котораго сторожевые огни ночью были видны во всей Аргосской равнинѣ“. Послѣ отъѣзда Шлиманна комиссаръ греческаго правительства, г. Стамакосъ, продолжалъ раскопки и нашелъ шестую гробницу, лежавшую внѣ каменнаго круга, тоже со многочисленными замѣчательными предметами. На этомъ оставились раскопки въ Микенахъ.

Необыкновенное богатство открытій сдѣланныхъ Шлиманномъ на акрополисѣ Микенъ убѣдило его въ справедливости эпитета: *богатый золотомъ*, даннаго Гомеромъ этому городу и въ вѣрности преданія приписывавшаго гробницѣ Агамемнону и его спутникамъ. Онъ остался увѣренъ что 12 открытыхъ имъ мужскихъ тѣлъ, 2 женскихъ и 2 дѣтскихъ, заразъ пали жертвами убійства и преданъ была земля. Хотя это мнѣніе нынѣ оставлено почти всеми учеными, но справедливость требуетъ прибавить что и мнѣнія его противниковъ тоже оставлены. Именно, ими были высказаны гипотезы о происхожденіи гробницъ въ эпоху послѣ Р. X. или даже въ Средніе Вѣка, а другими они были приписаны варварамъ вторгшимся въ Грецію, какими являются Герулы, въ 267 году до Р. X., сдѣлавшіе хищническое нападенье на Малую Азію и Грецію. Напротивъ, эти гробницы несомнѣнно принадлежатъ древнѣйшему періоду исторіи Греціи, когда искусство еще вполнѣ зависѣло отъ Востока, съ которыми она находилась въ обширныхъ торговыхъ связяхъ и уже усвоила себѣ въ довольно значительной степени технические приемы. Дорогие материалы, каковы наприимѣръ золото, слоновая кость, янтарь и алебастръ, были привозимы. Родиной всѣхъ глиняныхъ произведеній повидимому были острова Греціи. Изъ этихъ началъ развилось постепенно греческое искусство. Гробницы на акрополисѣ Микенъ относятся къ XI или XII вѣкамъ до Р. X., следовательно принадлежатъ къ болѣе древней эпохѣ, чѣмъ вѣкъ Агамемнона. Въ этомъ смыслѣ это суть *до-гомеровскіе* памятники.

Можно предполагать что это суть семейныя гробницы знаменитыхъ родовъ, изъ которыхъ въ послѣдствіи развилась царская власть.

Всѣ открытыя Шлиманномъ предметы, вмѣстѣ съ вазами найденными въ местной гробницѣ, въ настоящее время выставлены въ Шолитенкичскомъ Музее въ Афинахъ.

Весъ 1877 годъ Шлиманъ былъ занятъ составленіемъ описанія своихъ раскопокъ въ Тиринѣ и Микенахъ, которое вышло въ 1878 году, прекрасно иллюстрированное, подъ заглавіемъ: *Mykenae. Bericht über meine Forschungen und Entdeckungen in Mykenae und Tiryns. Mit einer Vorrede von W. E. Gladstone. Mit zahlreichen Abbildungen, Plänen und Farbendrucktafeln, mehr als 700 Gegenstände darstellend.* Leipzig. F. A. Brockhaus. 1878, in 8°. Переводы этого сочиненія на англійскій языкъ вышли у книгопродавца Моррея, въ Лондонѣ; а на французскій—у книгопродавца Гаметта, въ Парижѣ.

VIII.

Только въ июлѣ мѣсяцѣ 1878 года Шлиманъ могъ приступить къ продолженію раскопокъ въ Гиссарикѣ. Такъ велико было его оудушеніе къ Гомеровою Трой что онъ считалъ необходимымъ, несмотря на всѣ предыдущія открытія и изслѣдованія, продолжать свои работы въ Троянскою долину. Но срокъ фирмана, полученнаго имъ въ 1876 году и годнаго только въ продолженіе двухъ лѣтъ, тогда уже истекалъ и нужно было записаться новымъ. Стараніями его друзей всѣ препятствія были устранены, и раскопки могли быть снова начаты въ Гиссарикѣ въ концѣ сентября 1878 года. Заботясь о благосостояніи окружающихъ лицъ, Шлиманъ по прибытіи въ Гиссарикъ, нанялъ необходимымъ выстроить группы жилищъ для себя, своихъ слугъ и гостей. Притомъ сильный отрядъ войска защищалъ всѣхъ временныхъ обитателей Гиссарика отъ набѣговъ разбойниковъ, тогда посѣщавшихъ всю Троянскую долину. Г. Шлиманъ въ связи съ послѣдними находками подробно изслѣдовалъ всю мѣстность лежащую около двора *Приама* и снова сдѣлалъ тутъ замѣчательныя открытія. Главнымъ результатомъ была находка трехъ небольшихъ и одного большого клада золотыхъ вещей и бронзовыхъ орудій, но изъ этихъ

предметовъ только третья часть досталась ему, а двѣ трети, по условію, принадлежали Константинопольскому музею.

Послѣ непродолжительнаго пребыванія въ Европѣ, Шлиманъ, въ концѣ февраля 1879 года, возвратился въ Гиссарликъ чтобы произвести тамъ свои послѣднія раскопки. Ему на этотъ разъ помогали въ трудахъ знаменитый берлинскій ученый Вирховъ и французскій писатель Эмиль Бюрнуфъ. Общій планъ раскопокъ былъ разсмотрѣнъ и установленъ и слои опредѣлены съ геологической и антропологической точекъ зрѣнія. При изслѣдованіи различныхъ слоевъ Гиссарликскаго холма оказалось что высота его отъ поверхности холма до гранитнаго материка равняется почти 20 метрамъ, и весь холмъ или вся эта высота состоитъ изъ остатковъ человѣческихъ жилищъ.

Слои указываютъ что здѣсь одно народонаселеніе смѣняло другое, а всѣхъ, по мнѣнію Шлиманна, здѣсь было выстроено семь городовъ. Первоначальный объемъ нижняго, и слѣдовательно древнѣйшаго города былъ, безъ сомнѣнія, гораздо менѣе вышшняго объема холма, который такимъ образомъ росъ въ высоту и ширину съ каждымъ новымъ населеніемъ.

Другую главною задачею послѣднихъ раскопокъ было изслѣдованіе многочисленныхъ кургановъ, разбѣянныхъ по Троянской долинѣ. Они были набросаны надъ гробницами умершихъ замѣчательныхъ людей, а можетъ-быть служили также почетными памятниками, сооруженными на мѣстахъ, гдѣ принесены были жертвы въ честь усопшихъ. Г. Шлиманъ въ особенности изслѣдовалъ два самые большіе кургана, извѣстные подъ именами: Уэкъ-Теле и Безина-Теле, и эти раскопки, равно какъ и дѣлаемые въ курганахъ открытія подробно имъ описаны.

По окончаніи всѣхъ работъ, г. Шлиманъ задумалъ собрать въ одно сочиненіе всѣ свои прежнія изслѣдованія о Троѣ и привести въ гармонію съ новыми открытіями и воззрѣніями приобрѣтаемыми въ послѣднее время. Результатомъ полоторагодичныхъ трудовъ было появленіе сочиненія подъ заглавіемъ: *Ilion. Stadt und Land der Trojaner. Forschungen und Entdeckungen in der Troas und besonders auf der Baustelle von Troja. Mit einer Selbstbiographie des Verfassers, einer Vorrede von Rudolf Virchow, und Beiträgen von P. Acherson, H. Brugsch-Bey, E. Burnouf, Frank Calvert, I. A. Duffield, I. P. Mahaffy, Max*

Müller, A. Postolakkas, A. H. Sayce und R. Virchow. Mit circa 1800 Abbildungen, Karten und Plänen in Holzchnitt und Lithographis. Leipzig. F. A. Brockhaus. 1881, in 8°. XXIV, 880 стр.

Незрѣлыя, дилеттантскія декламациа перваго сочиненія о Троѣ уступили мѣсто болѣе серьезному новому труду по объему и типографскому изящному исполненію, представляющему собою красивый и видный томъ. Новое сочиненіе впервые предлагаетъ весьма подробно составленный инвентарь всѣхъ открытій сдѣланныхъ въ Троадѣ. Они приведены въ порядокъ, раздѣлены на категоріи, хотя и часто встрѣчается простой дневникъ расколокъ. Колоссальная масса примѣчаній и цитатъ изъ классическихъ и неклассическихъ писателей придаютъ ему ученый видъ. Цѣлая когорта представителей науки, изъ которыхъ многіе носятъ европейскія имена, окружаютъ автора и доставляютъ ему матеріалъ, обогащающій его новое сочиненіе. Предисловіе къ новому сочиненію написалъ Вирховъ, которому оно и посвящено благодарнымъ авторомъ. Изъ всѣхъ друзей, совѣтниковъ и покровителей Шлиманна ему принадлежитъ первое мѣсто. Онъ съ любовью и даже восторгомъ проникся идеями Шлиманна, самъ посѣтилъ всѣ мѣста расколокъ и часть Малой Азіи, глазами точнаго наблюдателя и критика изслѣдовалъ все найденное и свои драгоценныя замѣчанія присоединилъ къ труду Шлиманна. Правда, въ главномъ вопросѣ, что Иліонъ Гомера слѣдуетъ искать на высотахъ Гиссарлика, а не южнѣе лежащаго Буварбаши, онъ согласенъ съ Шлиманномъ, но во многихъ деталяхъ, весьма важныхъ для послѣдующаго, онъ отступаетъ отъ Шлиманна. И онъ находитъ что ландшафтныя картины Гомера подходятъ къ равнинамъ и возвышенности Гиссарлика; но онъ признается что многія описанія Гомера вовсе не подходятъ къ общей картинѣ этой мѣстности и именно теченіе и характеръ рѣкъ вовсе не согласны съ Гомеромъ.

Затѣмъ слѣдуетъ автобіографія Шлиманна, которая служила и намъ весьма важнымъ матеріаломъ. Что у большей части писателей показалось бы излишнимъ здѣсь составляетъ необходимое звено цѣлаго. Автобіографія не только въ высшей степени поучительна, но она одна даетъ намъ психологическій ключъ къ загадкѣ колоссальныхъ предпріятій

автора. Каждая строка ея носитъ на себѣ печать истины и дѣтской наивности. Видно что авторъ—много вращавшійся въ мірѣ человѣкъ и тѣмъ не менѣе имъ не разочарованный. Мечтой всей его жизни была страна божественнаго глѣнца Гомера, и эту мечту онъ преслѣдовалъ всю жизнь. Въ новомъ его сочиненіи мы видимъ явный слѣдъ какъ зрѣло и росло въ немъ самое ловиманіе открытыхъ имъ предметовъ. Въ первомъ сочиненіи, изданномъ имъ о Троѣ, онъ принималъ что въ Гиссарликскомъ холмѣ скрыты пять городовъ; въ новомъ сочиненіи онъ доказываетъ что число городовъ коихъ развалины поднимаются однѣ надъ другими простиралось до семи. Въ прежнемъ сочиненіи онъ говоритъ о *дворцѣ и кладѣ Пріама*; въ новомъ, имя Пріама олущено, и авторъ осторожно уломинаетъ только о дворцѣ или кладѣ начальника города или князя. Возрѣнія его становятся чище и яснѣе, и мы съ удовольствіемъ заносимъ этотъ прогрессъ. Такъ оканчивается введеніе.

Первыя четыре главы сочиненія составляютъ собственно введеніе къ описанію раскопокъ Шлиманна. Въ первой, посвященной *странѣ Троаццевъ*, особенно интересны разысканія о рѣкахъ Скамандрѣ и Симоисѣ и ихъ нынѣшнихъ названій и теченія. Вторая объ *этнографіи Троады*, третья разказываетъ *исторію Трои*, а четвертая обсуждаетъ *истинное положеніе Гомеровскаго Иліона*. Пятая по одинадцатую главы посвящены археологическому описанію семи слоевъ, въ коихъ найдены семь городовъ, одинъ надъ другимъ построенныхъ на Гиссарликскомъ холмѣ. Пять первыхъ городовъ Шлиманнъ называетъ до-историческими. О шестомъ селѣ или городѣ онъ не знаетъ, приписать ли его историческому времени, седьмой же есть золическій или какъ обыкновенно говорятъ Новый Иліонъ. Доказательствомъ существованія столькихъ городовъ на одномъ мѣстѣ главнымъ образомъ служатъ глиняные сосуды и различная кладка домовыхъ стѣнъ. Характеристическую черту всѣхъ пяти до-историческихъ городовъ составляетъ то обстоятельство что всѣ сосуды для живыхъ и мертвыхъ (и именно ихъ гробы) изготовлялись изъ глины. Тѣмъ не менѣе Шлиманнъ открылъ нѣсколько бронзовыхъ, серебряныхъ и золотыхъ сосудовъ. Глиняные сосуды не расписаны. Мертвыхъ во всѣхъ до-историческихъ городахъ не хоронили, но сожигали. Во всѣхъ

до-историческихъ городахъ жители питались преимущественно морскими животными, а не яцами или мясомъ птицъ, потому что въ нихъ не было найдено ни одного остатка курицы. Кромѣ золота, найдены были серебро и свинецъ. Всѣ пять поселеній, даже и самое нижнее, были очень богаты орудіями и оружіемъ изготовленными изъ камня. Несмотря на эти многообразныя находки, всѣ пять до-историческихъ городовъ принадлежать не каменному, а бронзовому вѣку. Замѣчательнѣйшій изъ минераловъ въ нихъ найденный есть зеленый и отчасти бѣлый нефритъ. Загадочное нахожденіе его въ Малой Азіи можетъ быть приписано только привозному пути. Всѣ пять городовъ не имѣютъ колоннъ. Колонны, упоминаемая въ *Одиссее*, вѣроятно были деревянныя. Въ низшихъ городахъ было найдено большинство вазъ приспособленныхъ къ повѣшенію. Подобныя сосуды были найдены въ Вавилоніи. Черная глина ихъ мѣшалась съ грубо-истолченнымъ гранитомъ. Всѣ сосуды приготовлялись отъ руки; гончарное колесо еще неизвѣстно. Огромныя глиняныя кадки, найденныя во второмъ и шестомъ городахъ, указываютъ на значительную степень цивилизаціи. Во второмъ и послѣдующихъ городахъ сотнями были найдены женскіе идолы и вазы съ свиными головами. Что сосуды съ такъ-называемою свиною головой дѣйствительно изображаютъ сову, съ этимъ несогласенъ Вирховъ. „Въ числѣ головъ этихъ сосудовъ, говоритъ онъ, только носъ и глаза имѣютъ нѣчто свиное, ухо же человѣческое и приставлено не такъ какъ у совъ.“ Шлиманнъ постоянно называетъ эти вазы: Eulenkopffurnen. Схожіе сосуды найдены были въ Германіи. Шлиманнъ приводитъ ихъ въ связь съ тамъ открытыми урнами и полагаетъ что они были посвящены главной богинѣ въ Гиссарикѣ, Аѣинѣ Эрганѣ, которая тождественна съ Аѣиною-свиная голова (Γλαυκῆτις). Подобныя же идолы найдены были имъ въ Микенахъ, только микенскіе имѣли голову коровы,—символь волоокой Геры.

Съ наибольшею подробностью описанъ третій городъ, котораго развалины Шлиманнъ приписываетъ древней Троѣ; этому описанію посвящены страницы 345 по 577. Авторъ описываетъ окружныя стѣны, дворецъ, кладку домовъ, врата и улицы города, разореннаго врагомъ взявшимъ его приступомъ.

Скелеты съ шлемами на головахъ и кольями, въ немъ найденныя, всего лучше это доказываютъ. Слѣды страшнаго

пожара истребившаго городъ вездѣ ясно видны. Среди сосудовъ найденныхъ въ третьемъ городѣ Шлиманнъ открылъ и гомеровскій *δέσασφιρόπελλον*, о которомъ онъ много распространяется. Замѣчательно что на сосудахъ третьяго города мы встрѣчаемъ своеобразное изображеніе

креста ; это изображеніе встрѣчается распространенымъ по всему Востоку и идетъ отъ Китая до Западной Африки. Въ Индіи этотъ крестъ извѣстенъ подъ названіемъ: *свастика*. Толкованію его знаменитый Максъ Миллеръ посвятилъ страницы 389 по 392. Онъ доказываетъ что въ Индіи свастика появляется не ранѣе IV вѣка до Р. Х., что наноситъ сильный ударъ теоріи Шлиманна, выдающаго развалины третьяго города за Гомеровскую Троию. Если Троя пала въ 1000 году до Р. Х., то найденный имъ третій городъ по крайней мѣрѣ на 600 лѣтъ моложе Гомеровской Трои. Всѣ развалины Трои Шлиманна нынѣ лежатъ открыты предъ путешественникомъ, желающимъ ихъ посѣтить. Шлиманнъ сожалеетъ что громадная Троя съ Пергамомъ и гигантскими циклопическими стѣнами, о которой онъ мечталъ въ дѣтствѣ, имъ не найдена. Но онъ радуется что на большой глубинѣ въ Гиссарликскомъ холмѣ имъ найдены хотя небольшой, но богатый золотомъ городъ, съ воротами и стѣнами, который онъ признаетъ за древнюю Троию.

За третьимъ или сгорѣвшимъ городомъ Шлиманна слѣдуетъ описаніе четвертаго и пятаго доисторическихъ городовъ. Съ шестымъ или *лидійскимъ* городомъ мы ступаемъ на почву исторіи. Впрочемъ развалины этого города Шлиманнъ не нашелъ и допускаетъ его существованіе на весьма зыбкомъ основаніи. На глубинѣ шести, а иногда трехъ и четырехъ футовъ отъ поверхности земли онъ нашелъ множество черепковъ сосудовъ, весьма схожихъ съ сосудами найденными въ Ровіо, Волатеррѣ, Виллановѣ и другихъ мѣстахъ сѣверной Италіи. Основываясь на свидѣтельствѣ Геродота за 1200 лѣтъ до Р. Х. Этрурія была колонизована Лидянами. Шлиманнъ предполагаетъ что Гиссарликъ и Трояда были тоже колонизованы лидійскими переселенцами. На самомъ дѣлѣ, владычество Лидянъ въ Троядѣ засвидѣтельствовано исторіей въ болѣе позднюю эпоху, а именно, въ седьмомъ столѣтіи до Р. Х.

Наконецъ въ послѣднемъ, седьмомъ городѣ или въ Новомъ

Иліонъ, процвѣтавшемъ отъ македонскихъ временъ до третьяго столѣтія по Р. Х., Шлиманъ открылъ изумительное количество бронзовыхъ монетъ, но ни одна изъ нихъ не древнѣе македонскаго періода.

Двѣнадцатая глава посвящена описанію кургановъ Троянской равнины и сдѣланныхъ въ нихъ открытій.

За тѣмъ слѣдуютъ приложенія написанныя нѣмецкими, англійскими и американскими учеными. Въ числѣ друзей Шлиманна первое мѣсто занимаетъ Вирховъ; ему принадлежитъ первое приложеніе: *Троя и Гиссарликъ*. Второе профессору Магаффи: *Объ отношеніи Новаго Иліона къ Иліону Гомера*; третье—англійскому ученому Сайсу: *О Гиссарликскихъ надписяхъ* и восьмое и девятое извѣстному нѣмецкому египтологу Бругшъ-Бею: *О Геръ Боотисъ, Троя и Египтъ*. Остальныя четыре приложенія имѣютъ слѣдующій интересъ.

Въ Германіи новый трудъ Шлиманна былъ встрѣченъ сочувственнымъ образомъ, но главнѣйшіе ея археологи гг. Курціусъ, Конце и Штаркъ высказались противъ мнѣнія Шлиманна что имъ открыты развалины Гомеровою Трои. Если самъ Вирховъ, признавая тождество Гиссарлика съ Троею, называетъ Троию изображаемую Гомеромъ поэтической фикціей, то понятно что городъ подобный описываемому Гомеромъ никогда не существовалъ на Гиссарликѣ, потому что этотъ холмъ слѣдующимъ образомъ малъ для подобнаго города. Никогда у него не было и не могло быть акрополиса подобнаго Гомеровскому Пергаму. Если поэтъ *Иліады* въ дѣйствительности видѣлъ эту мѣстность, а не описалъ ее только по слуху, то Гиссарликъ — не Иліонъ, и Иліонъ слѣдуетъ искать гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ. Если же онъ зналъ мѣстность не изъ собственнаго возрѣнія, то всѣ его описанія мѣстности суть только поэтическія перифразисы, имѣющія весьма малую топографическую важность. Или наконецъ онъ дѣйствительно посѣтилъ мѣстность и изъ нея почерпнулъ общія поэтическія вдохновенія. Тогда всѣ его описанія еще менѣе могутъ быть примѣнены къ результатамъ находокъ Шлиманна. Всего менѣе имѣемъ мы право отождествлять описанныя Гомеромъ оружіе, вещи и т. д. съ находками Шлиманна въ Гиссарликѣ. Самъ Вирховъ, судя по его молчанію, повидимому относится скептически къ

теоріи семи городовъ Шлиманна. Селиться семь разъ на томъ же мѣстѣ—противорѣчить обычаямъ древности. Древніе скорѣе избѣгали подобныя селенія на покинутомъ или разрушенномъ мѣстѣ нежели отыскивали ихъ. По мнѣнію древности, проклятіе лежало на подобномъ мѣстѣ, наказанномъ гнѣвомъ боговъ.

Найденныя въ Гиссарликѣ и принадлежаціе Шлиману предметы оны первоначально намѣревался помѣстить въ залахъ нижняго этажа своего мраморнаго дворца въ Афинахъ. Долгое время были они выставлены въ Лондонѣ въ Южно-Кенсингтонскомъ музеѣ между изящнѣйшими и драгоценнѣйшими произведеніями азіатской и европейской промышленности. Но наконецъ, несмотря на значительныя денежныя предложенія Англіи и желая чтобъ они стали предметомъ научнаго изслѣдованія, Шлиманъ рѣшился привести ихъ въ даръ нѣмецкой націи. Германскій императоръ принялъ даръ во имя Германской имперіи и въ простыхъ словахъ благодарилъ г. Шлиманна. По его повелѣнію, всѣ предметы будутъ выставлены въ строящемся въ Берлинѣ этнографическомъ музеѣ. Въ ожиданіи окончанія постройки зданія, они на время, подъ наблюденіемъ самого Шлиманна, выставлены въ художественно-промышленномъ музеѣ тамъ же, въ Берлинѣ. Городъ Берлинъ со своей стороны поднесъ Шлиману за этотъ даръ званіе почетнаго гражданина и устроилъ въ честь его пиршество. Такимъ образомъ Берлинъ обогатился новымъ даромъ, который послужитъ для будущей науки новымъ предметомъ изслѣдованій.

Дополненіемъ къ *Иліону* Шлиманна можетъ служить новое сочиненіе неумимаго изслѣдователя, въ концѣ прошлаго года вышедшее подъ заглавіемъ: *Reise in der Troas im Mai 1881. Mit einer Karte. Leipzig. Brockhaus, in 8°.* Въ этомъ путешествіи, обнимающемъ всю Троаду, авторъ подробно описываетъ всѣ ея мѣстности и ихъ древности и съ особеннымъ восторгомъ говоритъ о Гомеровомъ ландшафтѣ съ высотъ горы *Иды*.

IX.

Гомеръ только тремъ городамъ придаетъ эпитетъ: *богатый золотомъ*; а именно: Трою, Микенамъ и Орхоменосу. Два первые, вслѣдствіе раскопокъ Шлиманна, въ самомъ дѣлѣ оказались богатыми золотомъ. Шлиманну оставалось исследовать въ этомъ отношеніи и Орхоменось, городъ лежащій въ Беотіи и отащающійся отъ города того же имени лежащаго въ Аркадіи. И въ самомъ дѣлѣ, окончивъ въ ноябрѣ 1880 года свои труды по изданію *Иліады*, Шлиманъ приступилъ къ исполненію давняго желанія—исследовать Орхоменось и нашелъ тамъ, правда, не предметы изъ золота, но важныя и драгоцѣнныя свидѣтельства для исторіи искусства, говорящія что нѣкогда здѣсь были собраны большія богатства, вполне оправдывающія слова Гомера.

Въ апрѣлѣ 1881 года Шлиманъ, вмѣстѣ съ англійскимъ ученымъ А. Г. Сайсомъ изъ Аѳинъ отправился въ Орхоменось, получившій названіе Микійскаго отъ царя Милоса и его сына и наследника Орхоменоса. Павзаній разсказываетъ что онъ былъ первый построившій для храненія своихъ сокровищъ *казнохранилище*. Это зданіе считаетъ онъ чудомъ искусства: оно не уступаетъ никакому зданію въ Греціи или въ другихъ странахъ. Оно имѣло круглую форму и построено было на подобіе пчелинаго улья и весьма походило въ планѣ на такъ-называемое *казнохранилище Атрея въ Микенахъ*. Это-то построенное изъ большихъ камней зданіе открылъ и очистилъ Шлиманъ, причемъ оказалось что, подобно микенскому, оно было *подземнымъ* сооруженіемъ. Именно, всѣ зданія этого рода выстроены въ склонахъ холма и вѣшняя сторона ихъ была высоко обсыпана землей, а внутренность украшена бронзовыми плитами. Гомерическія лѣсны съ удивленіемъ говорятъ о *мраморныхъ* домахъ боговъ и царей. Семействамъ послѣднихъ они служили гробницами, но собственно гробъ не всегда становился въ купольное зданіе, а въ особой комнатѣ, въ которую дверь вела изъ большой залы. Стѣны большой круглой залы въ Орхоменось были нѣкогда обиты бронзовыми плитами, что видно изъ слѣдовъ многочисленныхъ бронзовыхъ гвоздей. Но замѣчательнѣйшимъ открытіемъ была находка на восточной

сторонѣ круглаго зданія небольшой комнаты, которую Шлиманъ называетъ *таламосъ*. Она украшена была превосходно изваяннымъ потолкомъ, который лѣтъ десять тому назадъ обрушился. Рисунокъ потолка приложенъ къ ниженазванному сочиненію Шлиманна. Потолокъ относится къ доисторическимъ временамъ и служитъ новымъ доказательствомъ тому какъ на эпоху предшествовавшую дорическому переселенію вліяла Азія. Весь потолокъ вѣроятно представлялъ великолѣпный ассирійско-вавилонскій коверъ, рисунокъ котораго перенесенъ на него. Внѣшнюю каменную плитку потолка образуетъ рядъ прекрасныхъ розетокъ. За нею во внутрь слѣдуетъ сплетенье, состоящее изъ спиралей, на точкахъ соединенія которыхъ поднимаются лотосы. Затѣмъ слѣдуетъ двойной рядъ розетокъ, въ видѣ рамки окружающій центральныя подобныя же сплетенія. Ясно что ткацкое искусство предшествовало собственно ваянію. Розетки заимствованы изъ Вавилоніи и восточное вліяніе чрезъ посредство Финикіянъ перешло и на Грецію. Великолѣпный потолокъ былъ изваянъ изъ четырехъ плитъ въ известковомъ шифрѣ. Стѣны же таламоса были изваяны тѣми же орнаментами въ мраморѣ. Обычай обкладывать стѣны изваянными плитами существовалъ въ Ассиріи. Шлиманъ надѣялся открыть саркофагъ или слѣды его, которые доказали бы что локой служилъ гробовою камерой, но его ожиданія не оправдались.

Результаты своихъ изслѣдованій въ Орхоменосѣ г. Шлиманъ издалъ въ брошюрѣ вышедшей подъ заглавіемъ: *Orchomenos*. Leipzig. F. A. Brockhaus. 1881. in 8°.

Х.

Характеръ Шлиманна высказывается и въ его внѣшности. Изъ мальчика котораго никто не хотѣлъ взять на службу вышелъ мужъ средняго роста, но крѣпкій, энергическій и много выносливый. Цвѣтъ его лица потемнѣлъ подъ азіатскимъ солнцемъ; тѣло свое онъ укрѣпилъ ежедневными упражненіями въ верховой ѣздѣ и морскими ваннами, которыя беретъ утромъ какъ въ Троѣ, такъ и въ Афинахъ, даже при зимней стужѣ. Волосы его посѣдѣли: ему уже 60 лѣтъ. Его обращеніе отличается большою простотою, подъ которою

скрывается одушевленная любовь къ древности. Только когда рѣчь зайдетъ о любимыхъ имъ предметахъ, обнаруживается настоящая сторона его существа. Дома, за письменнымъ столомъ, онъ остается простымъ, трудолюбивымъ кулдомъ. Его корреспонденція, какъ и прежде, носитъ международный характеръ. Онъ обладаетъ высшею способностью привлекать къ себѣ знаменитыхъ ученыхъ: имена ихъ красуются на заглавіяхъ его сочиненій. Хотя ему, какъ самоучкѣ, трудно отказаться отъ любимыхъ возрѣвій, тѣмъ не менѣе мы видимъ въ его сочиненіяхъ постоянныя измѣненія и улучшенія въ возрѣвіяхъ, и онъ не однажды покрывалъ страницы своихъ сочиненій мнѣніями совершенно противоположными прежде высказаннымъ. Таковъ портретъ человека замѣчательнаго по своимъ свѣдѣніямъ, по пламенной любви къ классической древности, неутомимаго открывателя древности и литературнаго дѣятеля.

К. ГЕРЦЪ.

НАШИ НАРОДНЫЯ ШКОЛЫ И ГИМНАЗИИ

„Сколько пережила несчастная русская школа потрясеній въ послѣдніе годы управленія графа Толстаго, когда требовалось свалить его! Сколько ударовъ постигло ее и послѣ, въ эпоху *диктатуры сердца* и *новыхъ стѣнъ*. Наступило наконецъ другое время; но что *новыя стѣны* оставили, то и доселѣ остается... Духъ тѣнны и упадка внесенный ими въ школу продолжаетъ свое дѣло. Школа наша внутренно гніеть и разлагается, ученіе упало, о дисциплинѣ запрещено и думать, поощряются налпротивъ лѣнь, небреженіе, дурныя страсти. Не ученики должны заботиться объ исполненіи требованій своихъ наставниковъ, а эти послѣдніе должны угрождать ученикамъ и трепетать предъ ними. Деморализація полная; все вверхъ дномъ и навыворотъ. Куда же мы идемъ, или когда же мы оломнимся?“

Такой безотрадный, но правдивый отзывъ дѣлается о нашихъ школахъ въ послѣднемъ номерѣ *Московскихъ Вѣдомостей* за истекшій 1881 годъ, чреватый скорбными событіями... Въ самомъ дѣлѣ, когда же мы оломнимся и придемъ къ сознательному убѣжденію что производить эксперименты надъ воспитывающимся юншествомъ въ духѣ „новыхъ вѣяній“ не только вредно, но и опасно? Послѣ „ненавистаго“ управленія графа Толстаго прошло уже почти два

года, и *общество*, недовольное прежними порядками въ системѣ образованія, могло бы, кажется, собраться съ силами и высказать опредѣленно чего оно хочетъ отъ нашихъ школъ... Управленіе г. Сабурова шло такъ близко рука объ руку съ *общественнѣмъ* (фельетоннымъ тожъ) мнѣніемъ что жаловаться на какія-либо стѣсненія не было кажется повода. Желанія якобы *земскихъ представителей* согласовались съ намѣреніями управляющаго министерствомъ. Его путешествіе по Россіи было триумфальнымъ шествіемъ... При такомъ восторгѣ, по случаю отставки графа Толстаго и при томъ единомысліи главы министерства и „прессы“ говорившей за общество, слѣдовало бы ожидать самыхъ блестящихъ результатовъ: школа должна бы сразу стать на желанную высоту и принести благой плодъ на обновленной тучной почвѣ. Но къ счастью гора родила мышъ и школу удалось только порасплатать. „Пресса“ выдававшая себя за общество ничего не сумѣла заявить, кромѣ выраженія своего давнишняго желанія о предоставленіи права воспитанникамъ реальныхъ училищъ поступать въ университеты, и только пролила потоки брани на противниковъ своихъ вождельнѣй.

Отрадно было поэтому остановить свое вниманіе на искреннемъ откликѣ немощныхъ просвѣщенныхъ людей, которые возвысили свой голосъ и явились на помощь осиротѣвшей и распатанной „новыми вѣяніями“ бѣдной нашей школъ. Видное мѣсто между этими откликами занимаютъ *Запѣтки о сельскихъ школахъ* ученаго народнаго педагога С. А. Рачинскаго, рядъ статей котораго печатался на страницахъ *Руси* (см. №№ 45—53). Дѣйствительно, стоить рекомендовать эти *Запѣтки* особому вниманію читателей и Министерства Народнаго Просвѣщенія, какъ заявляетъ объ этомъ почтенный редакторъ *Руси* (см. № 45). Въ нихъ такъ много жизненной правды и глубокаго пониманія народнои нашей школы что не воспользоваться кому слѣдуетъ этими указаніями было бы неизвинительно. Но появились отклики и другаго характера. Нельзя не обратить вниманія на два объемистые фельетона профессора О. Э. Миллера, которые помѣщены въ №№ 1.988 и 1.989 *Новаго Времени*, отъ 10 и 11 сентября 1881 года. Объ этихъ-то статьяхъ хочу сказать нѣсколько словъ, хотя и запоздавшихъ.

Статья г. Миллера „Наше учебное дѣло“ раздѣлена на

два фельетона, изъ коихъ въ первомъ говорится о нашей народной школѣ, а во второмъ—о средней и высшей. Раздѣляя мнѣніе профессора что вся сила образованія заключается „въ прочности фундамента“, то-есть въ низшихъ и среднихъ школахъ, я и останавлиюсь исключительно на взглядахъ его на эти именно школы.

Подраздѣливъ народныя школы на три разряда, низшія элементарныя, немного повыше и наконецъ еще повыше, г. Миллеръ излагаетъ слѣдующія соображенія о болѣе совершенной постановкѣ нашей народной школы. Нужно создать, говорить онъ, школу такую которая бы носила на себѣ характеръ національный, чисто русскій, которая бы удовлетворяла духовнымъ потребностямъ Русскаго народа и дала бы ему возможность „сдвинуться съ мѣста, начать развиваться и расти духовно.“ Позаботиться объ этомъ должны заставлять насъ наши же соботвенные интересы, потому что народъ, какъ скоро станетъ грамотнымъ, въ состояніи будетъ „своимъ вліяніемъ сдвинуть съ мѣста и насъ, положить основаніе нашему самобытному развитію, нашему духовному росту, надѣлать насъ тою культурой, которой у насъ не оказывается.... Министерство Народнаго Просвѣщенія, которое разводило бы (?) классическія гимназіи и т. п. и держало бы въ загонѣ народныя школы, было бы, какъ когда-то выражался Карамзинъ, министерствомъ не *просвѣщенія*, а *затмѣнія*. Между тѣмъ „дѣлъ правительственной школы, по мнѣнію г. Миллера, заключается большею частію не въ томъ чтобъ образовывать народъ, а чтобъ образовывать его по нашей методѣ—чтобы главное была школа* и было много школъ“. Затѣмъ, продолжаетъ профессоръ, „всякое ученіе должно быть отвѣтнъ на вопросъ возбужденный жизнью“; отвѣта на это ребенокъ въ школѣ „не получаетъ, тѣмъ болѣе что по полудейскому (?) устройству школы онъ не имѣетъ права открыть ротъ“. Словомъ, современная народная школа не удовлетворительна; не удовлетворительна же потому что „мы не слышимъ могучаго голоса народа“, или, другими словами, не обращаемъ вниманія на то чего самъ народъ требуетъ для своей школы. Значить, надо прислушиваться къ голосу народа, надо даже „предоставить самимъ крестьянамъ устраивать народныя школы“, давъ имъ на то достаточныя средства. Могутъ конечно устроить свои школы и правительство, и земство, но не слѣдуетъ отнимать

этого права и у народа; народъ самъ „мало-по-малу промѣняетъ свои школы на наши... пусть только онъ убѣдится что хлѣбъ оказывающійся въ нашихъ школахъ и нашихъ книжкахъ въ самомъ дѣлѣ литательный хлѣбъ, и онъ повалитъ въ наши школы и станетъ разбирать наши книжки нарасхватъ.... Цѣлая сѣть народныхъ школъ—не показныхъ только, а дѣйствительныхъ—остается тою завѣтною цѣлюю, къ которой дружно должны стремиться и правительство, и земство, и вѣчно просвѣтительное усердіе настоящихъ лучшихъ людей.“ Впрочемъ суть дѣла должна заключаться „не въ *количество*, а въ *качество* школъ...“ Должна быть приложена „добросовѣстная забота о томъ какъ бы не только поголовно научить всѣхъ *читать*, но и сдѣлать чтеніе настоящимъ орудіемъ развитія для народа.“

Вотъ сущность взглядовъ г. Миллера на нашу народную элементарную школу. Всѣ эти желанія, положимъ, хороши; ничего не можетъ быть лучше школы въ національномъ духѣ, школы которая бы служила „могучимъ рычагомъ единого истиннаго развитія—органическаго, изъ себя, изъ своихъ корней“, какъ выражается г. Миллеръ. Но желанія и осуществленіи ихъ, какъ извѣстно, далеко не одно и то же. Я думаю и само правительство и земства стремились и стремятся къ этой же самой цѣли, хотя ученый авторъ и называетъ, со словъ графа Л. Н. Толстаго, правительственныя школы *полицейскими*. Сущность дѣла, какъ кажется, заключается не въ томъ чтобы только *желать* устройства школъ народныхъ въ національномъ духѣ, а въ томъ *какъ устроить* ихъ, *какъ придать имъ національный характеръ*, „чтобы не только поголовно научить всѣхъ читать, но и сдѣлать чтеніе настоящимъ орудіемъ развитія для народа“ въ національномъ духѣ. Объ этомъ-то профессоръ Миллеръ и не проронилъ ни слова въ своей статьѣ о собственно элементарныхъ народныхъ школахъ. Былъ ли это пропускъ случайный и ненамѣренный, или же ученый авторъ опустилъ частности по этому вопросу съ какою-нибудь цѣлюю, во всякомъ случаѣ пропускъ очень важный и слѣдуетъ пожалѣть о немъ. Правда, говоря о другихъ разрядахъ народныхъ школъ, *повыше*, г. Миллеръ входитъ въ болѣе подробное объясненіе предмета занятій и вноситъ въ кругъ ихъ *отечествовъдѣніе* и наконецъ *землеугодніе* вообще. Отдадимъ справедливость:

профессоръ Миллеръ находитъ что въ основу народной школы должно быть также положено христіанское ученіе. „Народъ нашъ, говоритъ онъ, давно уже сталъ и не переставалъ быть христіаниномъ въ душѣ... Забота о томъ чтобы живое чутье христіанства обратилось въ настоящее его *знаніе* и должно быть первѣйшею и основною заботой народной школы“. Но это опять общая мысль, давно уже извѣстная и лежащая въ основѣ устройства школъ не только народныхъ, но и вообще всѣхъ нашихъ школъ. А между тѣмъ желательно бы слышать изъ устъ профессора нѣкоторыя частности объ этомъ основномъ началѣ народныхъ школъ, то-есть какимъ образомъ должно вѣдраться христіанское ученіе въ души учащихся, должно ли оно состоять въ преподаваніи Закона Божія, какъ отдѣльнаго и самостоятельнаго предмета, или же вообще все направленіе школы и главнѣйшія занятія ея должны быть направлены преимущественно къ этой основной цѣли и проникнуты почти исключительно этою заботой со стороны учащихся и заведующихъ народными школами. Вопросъ этотъ — чрезвычайно важный въ народныхъ училищахъ и требуетъ самой опредѣленной постановки: отъ той или другой постановки дѣла получатся далеко не одинаковые результаты. Я самъ выросъ среди простаго крестьянскаго народа, самъ учился въ сельской народной школѣ и по окончаніи средняго образованія былъ нѣкоторое время народнымъ учителемъ, и потому очень хорошо знаю что между преподаваніемъ Закона Божія какъ отдѣльнаго предмета и общимъ направленіемъ занятій учениковъ основанномъ на сущности Христова ученія и вѣдреніи его въ жизнь учащихся есть громадная разница. Когда я учился, Законъ Божій преподавался какъ отдѣльный предметъ въ видѣ изученія маленькой священной исторіи и краткаго катихизиса. Священную исторію ученики еще понимали, хотя и не всегда; что же касается катихизиса, то кромѣ фактической стороны, извѣстной изъ той же священной исторіи, почти все представлялось намъ непонятнымъ, несмотря на нѣкоторыя толкованія учителя-священника. Съ этими туманными знаніями изъ Закона Божія и вышелъ я изъ школы. Проходитъ около десяти лѣтъ, и я самъ сталъ учителемъ. Мнѣ пришлось преподавать и Законъ Божій, который попрежнему оставался отдѣльнымъ предметомъ.

Живо помня какъ трудно „давалось“ мнѣ пониманіе катихизиса, я какъ полный хозяинъ въ школѣ повелѣ дѣлать иначе. Научивъ учениковъ читать, я не дѣлалъ раздѣленія предметовъ чтенія въ школѣ. За исключеніемъ часовъ назначенныхъ для письма и ариметики, у меня всегда былъ одинъ предметъ чтенія—Законъ Божій въ обширномъ смыслѣ этого слова. Не было у меня ни отдѣльной книги для свѣтскаго чтенія, ни отдѣльнаго катихизиса, ни отдѣльной священной исторіи. У всѣхъ учениковъ было по Евангелію въ русскомъ переводѣ и молитвеннику, хотя въ училищной библіотекѣ были разныя „книжки для сельскаго чтенія“ и тѣ же самыя учебники по священной исторіи и катихизису, по которымъ самъ я учился во времена оны. Что же вышло изъ такого чтенія? Ученики, прочитавъ избранныя мною мѣста изъ болѣе удобопонятныхъ евангелистовъ—Маттея, Марка, хорошо узнали всю Священную Исторію Новаго Завѣта, умѣли разказывать ее по-своему и въ то же время научились довольно бѣгло читать книги напечатанныя гражданскимъ шрифтомъ. Не представилось также большаго труда разъяснить и выучить Символъ Вѣры и Молитву Господню (то-есть большую часть катихизиса). Объясненія, правда, были безъ особенныхъ подробностей и всякаго рода тонкостей, а молитвы эти все-таки были поняты учениками и читались ими осмысленно. Вотъ прямой и непосредственный результатъ такого ученія. Но былъ и другой результатъ. Читая дома извѣстныя главы Евангелія какъ урокъ на слѣдующій день, ученики-дѣти становились учителями своихъ неграмотныхъ отцовъ и матерей. Извѣстно что въ сельскихъ школахъ занятія начинаются послѣ уборки хлѣба съ полей (на сѣверѣ Россіи приблизительно съ октября) и продолжаются до начала весеннихъ работъ. Эта пора въ крестьянствѣ самая досужая. Женскій людъ обыкновенно по вечерамъ и ночамъ прядетъ пряжу, а мужчины, привезя днемъ воды, дровъ и сѣна для хозяйства, по вечерамъ или лежатъ безо всякаго дѣла, или плетутъ лалты и почииваютъ какую-нибудь домашнюю утварь. Весело на сердцѣ когда ребенокъ-ученикъ, среди этихъ мирныхъ занятій, при тускломъ свѣтѣ лучины, самъ не вѣдая своей просвѣтительной роли, какъ будто для себя читаетъ Евангеліе и въ то же время поучаетъ сидящихъ около него. Вотъ гдѣ самый простой и вмѣстѣ надежный способъ распространенія свѣта ученія Христова въ народѣ...

Я самъ бывалъ частымъ свидѣтелемъ подобныхъ сценъ и потому хорошо понимаю ихъ. Народъ и не жаждаетъ большаго ученія для своихъ дѣтей, и не понимаетъ или по крайней мѣрѣ не понималъ въ то время другаго ученія и другаго чтенія. Потому-то такъ охотно отцы и отлускали дѣтей своихъ въ школу мою, потому-то и дѣти съ радостію спѣшили равнымъ утромъ въ училище, вида поощреніе со стороны своихъ родителей. Еслибы пришлось мнѣ быть учителемъ еще годъ или два (въ сельскихъ школахъ обыкновенный курсъ ученія бываетъ трехгодичный), то я научилъ бы учениковъ читать еще по-славянски (и опять-таки Евангеліе съ прибавленіемъ Часослова и Псалтыри, которые необходимы для чтенія въ церкви), и обученіе учениковъ чтенію въ начальныхъ школахъ считалъ бы достаточно законченнымъ; а къ знаніямъ по Закону Божию присоединилъ бы еще въ краткомъ видѣ священную исторію Ветхаго Завѣта съ объясненіемъ заповѣдей.

Такова должна бы быть, по моему мнѣнію, въ нашихъ народныхъ школахъ постановка христіанскаго вѣрученія. Не мудруйте лукаво, не прибавляйте ничего лишняго, какъ ненужнаго балласта, научите только читать да писать, внушите ученикамъ любовь къ чтенію Евангелія, и слѣдующее поколѣніе нашего простаго народа, подобно Англичанамъ, имѣло бы эту священную книгу своею настоящею книгой. Не нужно забывать что это *начальная* народная школа, та самая о которой сказалъ незабвенный Ф. М. Достоевскій: „два разряда народныхъ школъ: въ однихъ (низшихъ)—только читать, кое-какъ писать и три молитвы... Былъ бы первый разрядъ, и вотъ уже вы породили силу“, силу великую, основанную на истинахъ Христова ученія, ту силу которою особенно силенъ Русскій народъ. „Увидите какъ чрезъ нѣсколько лѣтъ у васъ уже сами собой явятся школы для крестьянъ *повыше*“. Къ чему назначать еще разные уроки для чтенія? Развѣ не одинаково хорошо можно учиться читать и по Евангелію, и по другой какой книжкѣ, спеціально написанной для чтенія будто бы въ народныхъ училищахъ? А содержаніе Евангелія, конечно, всегда будетъ проще и поучительнѣе всякой другой книжки. Ужели вы обогатите знаніе ученика если заставите его читать о томъ какъ строятся крестьянскія дома, бороны, сохи и т. д.? Да отцы-то учениковъ часто лучше знаютъ обо всемъ этомъ чѣмъ

какіе-нибудь кабинетные знатоки-составители книжекъ для крестьянскаго чтенія. Притомъ же ознакомленіе со всѣмъ этимъ никогда не уйдетъ; внушите только ученику любовь къ чтенію, и онъ по выходѣ изъ школы, когда уже больше будетъ понимать и смыслить, самъ будетъ читать полезныя для своего хозяйства книжки. А теперь давайте ему чтеніе какое надболѣе лотребно душѣ русскаго крестьянина. Повѣрьте что на чтеніе изъ этихъ дѣланыхъ для народа книжекъ народъ смотритъ какъ на лустячки, какъ на дѣтскую забаву, недостойную ихъ вниманія. Сказокъ и разнаго рода лобасенокъ онъ слушать не станетъ, да и сыну скажетъ какииъ де лустякамъ васъ учать, ребята, въ школѣ. Народу давайте или божественное, каково, Евангеліе, житія мучениковъ, святыхъ, или про царя. Это онъ будетъ слушать и дѣтей своихъ въ школу съ охотой станетъ лосылать, все остальное ему не пригодно и не лубо.

Вотъ что узнали бы отъ народа радѣтели просвѣщенія еслибы сдѣлали у него „спросъ“ о школахъ. Отчего бы поэтому и не водворить такого строя? Повидимому дѣло такъ просто, такъ легко. Такъ вѣтъ, вездѣ нужно хитрить и умничать. Этого де мало, такое ученіе слшскомъ односторонне, нужно больше, нужно вразумлять народъ, развивать его, указывать на то чего онъ не знаетъ, но что крайне моль необходимо для него въ жизни; нужно искоренять предрасудки и суевѣрія, нужно открывать глаза народу, нужно локazać ему тотъ свѣтъ котораго онъ еще не видѣлъ и никогда не увидитъ безъ современнаго свѣта науки. И вотъ *современные* учителя начинаютъ толковать ему о правительствѣ, о томъ что народу было бы лучше при извѣстныхъ порядкахъ, что въ заморскихъ странахъ дѣла ведутся иначе и народъ богаче и свободнѣе и т. д. и т. д. (не хочется даже перечислять избитыхъ уже и олошавшихся фразъ!..) А народъ слушаетъ такихъ учителей и дѣтей своихъ въ школы все-таки не лосылаетъ: онъ инстинктивно чувствуетъ что учать дѣтей ихъ часто недоброму или по крайней мѣрѣ ненужному. И школы такимъ образомъ почти лусты *, а въ селахъ лопрежнему

* То-есть въ школахъ могло бы быть гораздо больше учениковъ, чѣмъ бываетъ на самомъ дѣлѣ, хотя я никоимъ образомъ не могу согласиться съ жалобой г. Весселя, которую цитуетъ О. Ш. Мцларъ въ своей статьѣ. Г. Вессель, сопоставляя русскія народныя школы съ прусскими, выводитъ что въ Россіи при 94 милл. населенія и при

занимаются обученіемъ дѣтей, или дѣвочки или отставные солдаты: „хоть и не далекое ученье, думаетъ народъ, а все-таки читають *божественное*, то Псалтирь, то Часословъ, а то и Евангеліе“.

Кстати два, три слова о теперешнихъ народныхъ учителяхъ. Большая часть ихъ—воспитанники учительскихъ семинарій,—контигентъ, смѣло можно сказать, въ большинствѣ далеко не благонадежный. Учительскія семинаріи устраиваются обыкновенно въ уѣздныхъ городкахъ и представляютъ въ своемъ родѣ высшее учебное заведеніе среди низшихъ окрестныхъ школъ. Семинаристы, благодаря такому положенію, начинаютъ не только мечтать о себѣ какъ о представителяхъ интеллигентной учащейся молодежи, но и считаютъ себя свѣтилами науки и проповѣдниками ея послѣдняго слова. Это оковательно кружитъ имъ головы и побуждаетъ ихъ заводить не подходящія имъ знакомства. Какъ теперь припоминаю одинъ характерный случай встрѣчи моей съ семинаристами уѣзднаго городка. Я пріѣхалъ изъ Петербурга на лѣтнія вакаціи. Въ семинаріи оканчивался учебный годъ, и будущіе учителя „гуляли“. Какъ студентъ, я не могъ не возбудить ихъ вниманія и любопытства. Нѣкоторые изъ нихъ явились ко мнѣ съ разными разспросами, но узнавъ что я *филологъ* сразу охладѣли и стали смотрѣть на меня чуть не покровительственными глазами. Потомъ предложили было мнѣ участвовать въ проходахъ одного административнаго ссыльнаго, якобы изъ студентовъ; когда же я заявилъ что *этимъ* людямъ не сочувствую, они въ недоумѣніи посмотрѣли на меня и оказали: „Какой же вы послѣ этого студентъ! И видно что филологъ“... Провожать я „мученика за идею“ не ходилъ, но видѣлъ какія оваціи семинаристы устроили ему на берегу рѣки по которой предстояло ему плаваніе... Вотъ какіе учителя сплошь и рядомъ готовятся для нашихъ народныхъ школъ... Не

25 тыс. школъ приходится только 42 ученика на школу, тогда какъ въ Пруссіи при 24 милл. населенія и при 33 тыс. школъ на каждую школу приходится 121 ученикъ. Дѣло въ томъ что въ сѣверной напр. полосѣ Россіи ученики должны собираться въ школы не рѣдко за 20—30 верстъ, чего, конечно, въ Пруссіи нѣтъ и не можетъ быть при большой густотѣ населенія. Поматко что въ русскихъ народныхъ школахъ при громадной территоріи Россіи, рѣдко населенной во многихъ мѣстахъ, вѣлья и требовать такого количества учениковъ на школу какъ въ Пруссіи.

мѣшало бы обратить вниманіе и на это обстоятельство если хотимъ сдѣлать народную школу *національною*, то-есть основанною на началахъ Христова ученія, глубоко лежащаго въ душѣ Русскаго народа; не мѣшало бы запасаться учителями другого сорта, если не слишкомъ образованными то во всякомъ случаѣ здравомыслящими и съ твердыми нравственными убѣжденіями, по крайней мѣрѣ не тронутыми нравственно-растлѣвающей современною заразою.

За элементарными, или начальными народными школами слѣдуютъ школы *повыше*. Не провоя строгой и опредѣленной границы между этими школами, г. Миллеръ подраздѣляетъ ихъ однако на два разряда. Необходимымъ предметомъ перваго изъ нихъ является *отечествовѣдѣніе*, въ смыслѣ знакомства съ отечествомъ, не только въ *настоящемъ*, но и въ *прошедшемъ* (то-есть русская исторія), и втораго „вообще *землеуѣдѣніе*, опять-таки по отношенію какъ къ *настоящему*, такъ и *прошедшему*, то-есть исторія общая, въ которую должна входить, впрочемъ, „усиленная доза отечествовѣдѣнія“. Въ школахъ этихъ, по словамъ автора, должно быть то что „дало бы возможность способному подняться и еще выше; но съ другой стороны и само бы по себѣ служило для того кто не пойдетъ дальше достаточнымъ запасомъ какъ практическихъ знаній, такъ и тѣхъ которыя служатъ духовнымъ хлѣбомъ“.

Сколько можно видѣть изъ статьи г. Миллера, онъ и не подозреваетъ существованія у насъ подобнаго рода школъ; по крайней мѣрѣ, ни въ одномъ мѣстѣ онъ не указываетъ на нихъ. Этимъ конечно и слѣдуетъ объяснять почему онъ первые четыре класса настоящихъ гимназій или прогимназій низводитъ на степенъ тѣхъ народныхъ школъ которымъ присваиваетъ названіе школъ *повыше*. Отъ такого взгляда на теперешній прогимназическій курсъ завистливо конечно и то что онъ считаетъ его при настоящихъ условіяхъ недостаточнымъ и не удовлетворяющимъ насущнымъ потребностямъ народнаго образованія. Вотъ что говоритъ г. Миллеръ: „На третью степенъ (народныхъ школъ), *теперь представляемую четвертыя первыми классами гимназій*, или такъ-называемою прогимназіей, поднимаются у насъ многіе изъ народа или по крайней мѣрѣ изъ такъ-называемыхъ *разночинцевъ*. Большая часть ихъ далѣе неидетъ, полной гимназіи не проходитъ. Тѣмъ необходимо чтобы прогимназія

давала имъ нѣчто законченное, достаточно развивающее, но именно *этого въ настоящее время она не даетъ*. Итакъ авторъ не доволенъ настоящимъ прогимназическимъ курсомъ и желаетъ преобразованія его, прежде всего потому что теперешняя прогимназія не можетъ де служить продолженіемъ начальныхъ народныхъ школъ, не можетъ представлять изъ себя школы народной *повыше*.

Но правительство, при созиданіи классическихъ гимназій, вовсе не задавалось цѣлью замѣнить первыми четырьмя классами гимназій народную школу *повыше*; гимназіи должны оставаться гимназіями, а народныя школы тѣмъ чѣмъ имъ слѣдуетъ быть. Это ясно видно уже изъ того что у насъ есть цѣлый рядъ народныхъ школъ какъ разъ удовлетворяющихъ тѣмъ требованіямъ образованія какія должны входить въ народныя школы *повыше*. Я разумѣю съ одной стороны „одноклассныя и двухклассныя сельскія училища Министерства Народнаго Просвѣщенія“ и „городскія училища“ въ одинъ, два, три и четыре класса, съ другой. Не знаю имѣлъ ли въ виду профессоръ Миллеръ эти школы при написаніи своей статьи: „Наше учебное дѣло“, но еслибъ имѣлъ, то кажется не сталъ бы требовать отъ прогимназическаго курса роли народныхъ школъ *повыше*. Навязывать такую задачу гимназіямъ неудобно и даже невозможно по многимъ причинамъ, какъ въ интересахъ самихъ народныхъ школъ такъ и гимназій. Гимназіи въ большинствѣ случаевъ устроены въ губернскихъ городахъ: развѣ можетъ простой крестьянинъ, хотя бы и довольно зажиточный, содержать своихъ дѣтей въ губернскомъ городѣ? Развѣ не затруднительно было бы для него снабжать своихъ дѣтей всеми принадлежностями необходимыми для гимназическаго ученія, хотя бы только книгами? Развѣ не было бы стѣснительно для него экипировать своего сына по формѣ въ болѣе или менѣе приличномъ видѣ? и т. д. Стѣсненный недостаткомъ матеріальныхъ средствъ и сравнительно далекимъ разстояніемъ отъ гимназій помѣщаемыхъ въ губернскихъ городахъ народъ ео ipso былъ бы вынужденъ ограничиваться *только* элементарнымъ образованіемъ, и такимъ образомъ вмѣсто того чтобы дать крестьянскому населенію возможность получить образованіе *повыше* оно было бы обречено никогда не получать его. Что же касается гимназій, то онѣ служа на половину дѣлу образованія пррстаго народа никогда не достигали бы своей собственной

дѣли, ибо если и при настоящихъ условіяхъ гимназій едва въ состояніи достигнуть тѣхъ результатовъ къ которымъ онѣ *должны* стремиться, то что выпало бы изъ нихъ еслибы половина времени употреблялась на преслѣдованіе *двойной* дѣли? Давно сказано: за двумя зайцами погоняться, на одного не поймаетъ. А устраивать гимназій на такихъ началахъ именно и значило бы гнаться за двумя зайцами. Наконецъ, не выгодно было бы для народнаго образованія соединять народныя школы *повыше* съ гимназіями и потому еще что было бы очень трудно удовлетворить простой народъ въ необходимыхъ для него нѣкоторыхъ практическихъ знаніяхъ, на которыя указываетъ и г. Миллеръ въ своей статьѣ. Въ самомъ дѣлѣ, не превращать же гимназій въ сельско-хозяйственныя школы, ибо тогда пришлось бы заяться другимъ вполнѣ естественно вытекающимъ вопросомъ: для чего же будутъ тратить время на приобрѣтеніе практическихъ знаній тѣ ученики которые готовятъ себя къ *университетскому* образованію? Не практичнѣе ли было бы для нихъ запасаться знаніями другаго рода, знаніями болѣе пригодными для ихъ будущихъ занятій? На это конечно можно возразить что такихъ учениковъ слѣдуетъ освободить отъ сельско-хозяйственныхъ занятій. Положимъ; но тогда какое было бы единство въ школахъ? А школа безъ единства послѣднее дѣло. Можетъ-быть скажутъ еще нѣкоторые досужіе мечтатели что и для правительства выгодно соединять съ гимназіями народныя школы *повыше*: было бы весьма значительное сбереженіе денегъ. Отвѣтъ на это, конечно, самый простой: тогда пришлось бы открывать множество новыхъ прогимназій или устроить въ четырехъ низшихъ классахъ гимназій по три и по четыре параллельныя отдѣленія, а на это едва ли бы меньше потребовалось суммъ чѣмъ на содержаніе самостоятельныхъ народныхъ школъ высшаго разряда. Словомъ, какъ ни кинь, а все клинъ; все нельзя превратить теперешній прогимназическій курсъ въ народныя школы *повыше*. Потому-то и существуютъ у насъ отдѣльныя народныя школы высшаго разряда—министерскія сельскія училища исключительно для крестьянскаго населенія и городскія училища для всѣхъ сословій, а слѣдовательно и для крестьянъ если кому угодно. Школы эти и вполнѣ доступны для бѣдныхъ сословій, и даютъ достаточно полное и законченное образованіе для тѣхъ кто почему-либо не

намѣрены стремиться къ высшему университетскому образованию. Достаточно указать на нѣкоторые параграфы устава этихъ школъ чтобы убѣдиться въ этомъ. Въ инструкціи министерскихъ сельскихъ школъ читаемъ: „Двухклассныя и одноклассныя сельскія училища... имѣютъ цѣлю доставить дѣтямъ сельскаго населенія возможность пріобрѣтать элементарное образованіе *съ болѣе полнымъ и законченнымъ видъ* сравнительно съ другими сельскими начальными училищами“ (§ 1). Въ этихъ училищахъ „обязательно преподаются слѣдующіе предметы а) Законъ Божій, б) русскій языкъ съ чистописаніемъ, в) ариметика, г) исторія, д) географія и естествознаніе, е) церковное пѣніе и ж) черченіе (въ двухклассныхъ училищахъ)“ (§ 3). Кромѣ этихъ обязательныхъ предметовъ, „по мѣрѣ средствъ и возможности вводятся: гимнастика, ремесла и мастерство для мальчиковъ и руководяіе для дѣвочекъ; сверхъ того, учащіеся могутъ заниматься при училищахъ, гдѣ это окажется возможнымъ, садоводствомъ, огородничествомъ и пчеловодствомъ“ (§ 5). „Полный курсъ ученія продолжается въ двухклассныхъ училищахъ пять лѣтъ, въ одноклассныхъ—не менѣе трехъ лѣтъ“ (§ 32). Въ частности, по русскому языку требуется: „главнѣйшія правила этимологии и синтаксиса, въ особенности по примѣненію ихъ къ орфографіи, письменныя разказы прочитаннаго, составленіе писемъ и сочиненій на легкія темы“, а по исторіи—почти всѣ главнѣйшія факты изъ отечественной исторіи (смысл программы преподаванія учебныхъ предметовъ въ министерскихъ сельскихъ школахъ). Такой курсъ ученія, я думаю, достаточенъ для того чтобы считать эти училища второю ступенью собственно народнаго образованія, о чемъ профессоръ Миллеръ говоритъ въ своей статьѣ. Если же обратимъ вниманіе на программу преподаванія въ городскихъ училищахъ, то безо всякаго сомнѣнія эти школы можно возвести и на третью ступень народныхъ школъ въ смыслѣ статьи г. Миллера. Программа эта гласитъ: „во всѣхъ городскихъ училищахъ преподаются: а) Законъ Божій, б) чтеніе и письмо, в) русскій языкъ, и церковно-славянское чтеніе съ переводомъ на русскій языкъ, г) ариметика, д) практическая геометрія, е) географія и исторія отечества съ необходимыми свѣдѣніями изъ всеобщей исторіи и географіи (какъ разъ согласно съ требованіями г. Миллера для высшей народной школы), ж) свѣдѣнія изъ естественной исторіи и физики, з) черченіе и рисованіе, и) пѣніе,

i) гимнастика. Кроме этихъ предметовъ, учащіеся въ городскихъ училищахъ по желанію мѣстныхъ обществъ могутъ быть въ неклассное время обучаемы и ремесламъ. При городскихъ училищахъ полагаются библіотеки, мѣстныя естественно-историческія коллекціи и другія необходимыя учебныя пособія. На прохожденіе полнаго курса въ городскихъ училищахъ назначается шесть лѣтъ. „Это ли не высшая школа для простаго народа, которую почему-то профессоръ Миллеръ предлагаетъ слить съ классическими гимназіями? Всякій безпристрастный читатель ясно кажется можетъ видѣть что такое саяніе вовсе не вызывается какою-либо необходимостью и даже не желательно какъ въ интересахъ народныхъ школъ, такъ и гимназій.“

Еще удивительнѣе сужденія профессора Миллера о значеніи древнихъ языковъ въ прогимназіяхъ и гимназіяхъ. „Выходящіе у насъ изъ прогимназій, говоритъ онъ, остаются съ какими-то начатками латыни и греческаго языка и почти ни съ чѣмъ болѣе, то-есть и вообще почти ни съ чѣмъ, такъ какъ начатки классицизма, разумѣется (?), испаряются у нихъ изъ головы безъ слѣда“. „Надо наконецъ придти къ убѣжденію, продолжаетъ г. Миллеръ, что *общеобразовательное* значеніе классицизма есть старый педагогическій предрасудокъ коренящійся въ историческомъ прошломъ Запада“, и что „знаніе древнихъ языковъ составляетъ только необходимую принадлежность высшаго университетскаго образованія, какъ ключъ къ первичнымъ источникамъ знанія“. Г. Миллеръ не останавливается на этомъ; онъ неистово нападаетъ на самую сущность классической системы и говоритъ: „доводись классицизмъ до видѣренія самаго духа античнаго міра, и онъ бы прямо обратился въ учебное орудіе регресса, въ самую зловредную реакцію противъ тѣхъ дѣйствительно прогрессивныхъ началъ которыя заключаются въ христіанствѣ.“ Вотъ до чего можно договориться! Мы вернемся къ этимъ оригинальнымъ сужденіямъ, а пока остановимся на обвиненіи гимназій въ томъ что выходящіе изъ четвертаго класса ученики „остаются съ какими-то начатками латыни и греческаго языка и почти ни съ чѣмъ болѣе, то-есть и вообще почти ни съ чѣмъ.“ Дѣйствительно, оставляющіе гимназію послѣ четвертаго класса выходятъ лишь съ начатками латинскаго и греческаго языковъ. Но вѣдь такъ и должно быть, ибо здѣсь происходитъ работа только подготовительная для дальнѣйшихъ занятій,

хотя и въ это время чувствуется уже значительное вліяніе на умственное развитіе ученика отъ изученія древнихъ языковъ. Что же касается обвиненія будто „вообще почти ни съ чѣмъ“ выходятъ изъ гимназій ученики четвертаго класса,— это дѣло другаго рода. Если знать священную исторію Ветхаго и Новаго Завета съ ученіемъ о богослуженіи Православной Церкви, пройту грамматику, арифметику, отчасти алгебру и геометрію, получить свидѣнія изъ всеобщей и Русской исторіи и географіи и т. д., значить выходить изъ гимназій „вообще почти ни съ чѣмъ“, то обвиненіе г. Миллера справедливо. Но едва ли кто сколько-нибудь понимающій дѣло съ этимъ согласится. Г. Миллеръ утверждаетъ что воспитывать мальчиковъ на древнихъ языкахъ при тѣхъ неблагоприятныхъ жизненныхъ условіяхъ въ какія большею частію бывають де поставлены учащіеся значить „добывать молодого труженника систематическимъ засушиваніемъ его головы одними склоненіями и спряженіями“... И это говоритъ профессоръ и притомъ принадлежащій къ филологическому факультету! Склоненія и спряженія систематически засушиваютъ головы учащихся... Какія же склоненія и спряженія? Латинскія и греческія? Но желательнѣе бы знать, *засушиваютъ* головы или нѣтъ склоненія и спряженія новыхъ языковъ? Вѣдь они тоже имѣють формы склоненія и спряженія? Итакъ, если засушиваютъ, то и новые языки не должны быть предметомъ изученія для юности; если же нѣтъ, то почему иссушающею и убивающею силой обладаютъ только древніе языки? Не потому ли ужъ что формы склоненій и спряженій въ древнихъ языкахъ отличаются большею точностію и опредѣленностію въ сравненіи съ новыми языками? Прямаго отвѣта на эти вопросы въ статьѣ г. Миллера не находится и лишь косвеннымъ путемъ можно догадываться почему иссушаютъ головы учащихся склоненія и спряженія древнихъ языковъ. Дѣло тутъ очевидно не въ формахъ склоненія и спряженія, ибо безъ нихъ невозможно обойтись при изученіи какого угодно языка, а въ томъ что греческій и латинскій языки суть языки не разговорные, и въ томъ еще что „въ учебномъ классицизмѣ все главнымъ образомъ сводится на грамматику“. Вотъ почему г. Миллеръ приписываетъ мертвящую силу древнимъ языкамъ. Бѣлая замѣтка эта не позволяетъ входить въ подробныя и обстоятельныя объясненія насколько вѣрно мнѣніе будто

древніе языки какъ языки мертвые дѣйствуютъ убивающимъ и притупляющимъ образомъ на воспитывающееся юношество. Въ свое время много говорено и писано было на эту тему; слѣдовательно, говорить объ этомъ значило бы повторять задѣмъ, хотя, по правдѣ сказать, и повтореніе задовъ бываетъ иногда очень полезно. Поэтому считаю необходимымъ на сей разъ ограничиться только нѣкоторыми соображеніями и выводами изъ наблюденій собственной практики. Если въ самомъ дѣлѣ древніе языки вредны въ системѣ воспитанія только потому что на нихъ не разговариваютъ, то отчего бы не считать также вредными и другихъ предметовъ, которые тоже не имѣютъ непосредственнаго приложенія къ практикѣ житейской? Таково, напримѣръ, изученіе старо-славянскаго языка въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, который въ практической жизни конечно не найдетъ себѣ приложенія, какъ языкъ мертвый; между тѣмъ изучаютъ его, а г. Миллеръ совѣтуетъ въ своей статьѣ поставить его даже на мѣсто древнихъ языковъ. Отчего это? А оттого, отвѣчаетъ О. Э. Миллеръ, что старо-славянскій языкъ необходимъ для основательнаго изученія современнаго отечественнаго языка, оттого что онъ поможетъ въ университетѣ съ большою легкостью усвоить другіе славянскіе языки. Но развѣ это практическое приложеніе старо-славянскаго языка къ жизни? Съ другой стороны развѣ древніе классическіе языки не помогутъ еще болѣе овладѣть источниками и способами роднаго слова? Наконецъ, можно залодозрить научное изученіе и живаго русскаго литературнаго языка вмѣстѣ съ живыми иностранными. Нужно ли для того чтобъ умѣть лить и вѣсть, знать напримѣръ что есть имена существительныя, прилагательныя и т. д., что наклоненій въ глаголѣ четыре—изъявительное, сослагательное и т. д., что оказуемое выражается иногда неопредѣленнымъ наклоненіемъ и т. п.? Между тѣмъ, во всякой школѣ стоящей выше элементарныхъ, грамматика проходитъ. Знать это необходимо для мало-мальски образованнаго человѣка. Можно отрицать также практическое приложеніе математики. Изучить первыя четыре ариметическія дѣйствія достаточно для житейскаго обихода. Привожу такіе дѣтскіе примѣры для убѣжденія какъ нецѣло измѣрять изученіе того или другаго научнаго предмета такъ-называемымъ практическимъ примѣненіемъ. Гимназія должна воспитывать умственные силы учащихся. Нужно прежде всего сдѣлать человѣка способнымъ

пользоваться приобретеннымъ запасомъ знаній; иначе онъ вѣчно будетъ ходить на помочахъ, вилля изъ стороны въ сторону... (Да простать мнѣ читатели за эти азбучныя истины... Что же дѣлать если иногда приходится повторять ихъ, хотя бы только для связи рѣчи?) Если смотрѣть на гимназію съ этой стороны, то древніе языки перестаютъ быть мертвыми. Изученіе ихъ должно быть поставлено въ параллель съ занятіями по математикѣ и притомъ выше ихъ. Безъ сомнѣнія всякій согласится со мною что польза изученія математики далеко не въ томъ заключается что ученики рѣшаютъ разнаго рода задачи, такъ или иначе соприкасающіяся съ практической жизнью, а въ томъ что самый процессъ рѣшенія задачъ дѣйствуетъ на учащихся воспитывающимъ образомъ: ученики вдумываются въ предметъ задачи, стараются дойти до самой сущности дѣла, вполнѣ исчерпать его и изложить зодчески-последовательно тотъ путь умственной своей работы которая привела ихъ къ правильному рѣшенію задачи. Это своего рода цѣлый научный трактатъ въ миниатюрѣ, съ правильною постановкой темы, съ полнымъ, яснымъ и опредѣленнымъ развитіемъ ея; это, если хотите, даже художественное произведеніе отличающееся законченностью мысли, ясностью представленія и полнымъ соответствіемъ формы содержанію. Этимъ конечно и объясняется то нравственное торжество которое испытываетъ ученикъ послѣ рѣшенія известной трудной задачи. Но несмотря на столь великое образовательное значеніе математики, она односторонна и однообразна. Съ теченіемъ времени процессъ рѣшенія задачъ волеи-неволеи получаетъ характеръ шаблонности: какъ ни варируй темы, онѣ непремѣнно будутъ походить одна на другую и слѣдовательно не будетъ уже для ученика свѣжаго притока новизны которая бы вызвала его на новую умственную работу. Совсѣмъ другое представляетъ изученіе древнихъ классическихъ языковъ. Они даютъ для умственной дѣятельности учащихся положительный матеріалъ и притомъ неисчерпаемо обильный и разнообразный: сколько ни изучай древнихъ классиковъ, всегда будешь находить въ ихъ твореніяхъ новый неисчерпаемый матеріалъ для умственной работы. Математика отличается строгою опредѣленностью и точностью въ своихъ требованіяхъ: правильное рѣшеніе известной задачи можетъ привести къ одному только результату; этимъ же свойствомъ

обладають и древніе классическіе языки: выработанность сти-
ля классическихъ писателей, доведенная до полнаго совершен-
ства, даетъ учащимся такой же строго-опредѣленный и точный
предметъ для умственной работы, какъ и математическая зада-
ча. Отъ точнаго изложенія мыслей зависитъ и точное понима-
ніе ихъ; отсюда единственно возможное пониманіе извѣстнаго
мѣста, какъ единственно правильное рѣшеніе предложенной
математической задачи. Древніе языки достигли полнаго и за-
конченнаго развитія и не подлежатъ измѣненіямъ; ихъ формы
въ своемъ родѣ опредѣленныя математическія величины всегда
равныя самимъ себѣ, вслѣдствіе чего учащійся понимаетъ каж-
дую форму, каждый оборотъ рѣчи вполнѣ опредѣленнымъ обра-
зомъ, соединяя съ ними извѣстное и точное представленіе.
При чтеніи авторовъ всякое болѣе или менѣе трудное мѣсто
есть своего рода математическая задача которую предстоитъ
рѣшить ученику чтобы продолжать дальнѣйшее чтеніе. Онъ
долженъ выикнуть въ конструкцію текста и дать отчетъ
въ отношеніи одного слова къ другому; долженъ разсмо-
трѣть каждую форму, каждый оборотъ рѣчи, чтобы переводъ
даннаго мѣста вышелъ ясный, точный и соответствующій
мысли автора. Опусти что-нибудь изъ виду, и мысль писателя
получитъ иной смыслъ, иной оттѣнокъ; истолкованіе будетъ не
вѣрное или не точное. Все это ученикъ долженъ имѣть въ виду
при переводѣ и все обороты, такъ какъ онъ имѣетъ дѣло съ ма-
териаломъ опредѣленнымъ и положительнымъ и владѣетъ
средствами для борьбы самыми точными и вполнѣ вырабо-
танными. Та же самая работа мысли происходитъ и при
переводахъ съ русскаго на древніе языки. На самой простень-
кой задачѣ каждый шагъ ученика сопровождается умственною
работой и притомъ самаго отчетливаго характера. Знать толь-
ко слова, это то же что знать напримѣръ таблицу умноженія;
перевести же фразу, это равносильно рѣшенію арифметиче-
ской задачи на дѣйствіе умноженія. При передачѣ фразы
ученикъ долженъ позаботиться о согласованіи и подлежаща-
го со сказуемымъ, и опредѣлительныхъ словъ съ опредѣлае-
мыми, и о зависимости одного слова отъ другаго, о времени,
наклоненіи, и залогѣ глагола и т. д. А это работа не простой па-
мяти. Казалось бы что за умственная работа согласовать под-
лежащей со сказуемымъ? А между тѣмъ для только-что начи-
нающаго учиться это трудъ и трудъ не легкій. Положимъ дана
фраза для перевода съ русскаго на латинскій: „домъ красивъ“.

Примѣръ самый простой, самый элементарный; между тѣмъ, въ головѣ ученика прежде чѣмъ явится правильная латинская фраза долженъ произойти слѣдующій процессъ мышленія. Домъ—domus; какой падежъ слѣдуетъ поставить? Домъ въ данномъ предложеніи есть подлежащее, слѣдовательно падежъ именительный. Красивъ—pulcher; но domus по-латыни не мужскаго, а женскаго рода, слѣдовательно нужно сказать pulchra (иной подумаетъ не сказать ли pulchera). Наконецъ, по-русски связка опускается, а по-латыни она должна находиться налицо; ученикъ и это долженъ сообразить. Тогда только явится у него фраза: domus pulchra est. Но такія фразы даются въ первыхъ недѣли послѣ начала занятій латинскимъ языкомъ; затѣмъ фразы становятся все сложнѣе, а слѣдовательно и умственная работа ученика расширяется и усложняется.

Г. Миллеръ, хотя и профессоръ, и по кафедрѣ своей даже филологъ, очевидно самъ не получилъ классическаго образованія и потому не могъ испытать на себѣ воспитывающаго и образовательнаго значенія древнихъ языковъ; онъ не видѣлъ на собственной практикѣ какое въ самомъ дѣлѣ благотворное вліяніе оказываютъ древніе языки на учащихся; для этого необходимо самому быть, хотя на время, преподавателемъ древнихъ языковъ, а отрицающіе классическую систему воспитанія, конечно, никогда не бывали преподавателями ихъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ томъ-то и горе наше что многіе волютъ у насъ противъ классическаго образованія, выходя изъ положеній „я такъ думаю“, „я вполнѣ убѣжденъ“, „это очевидно такъ“ и дальше никуда не идутъ. Бѣда въ томъ что интригъ удалось, не стѣсняясь средствами наглѣйшаго обмана, поселить между людьми несвѣдущими недоверіе и нерасположеніе ко вводимой системѣ. Въ печати, въ обществѣ и въ своихъ семьяхъ дѣти-ученики то-и-дѣло слышали нареканія на древніе языки. Гдѣ же было имъ устоять противъ такого соблазна? Могли ли они смотрѣть съ довѣріемъ на преподавателей и ихъ занятія? Могли ли получить и надлежащую пользу, когда подготовлялись дома кое-какъ и какъ-нибудь, между тѣмъ для достиженія хорошихъ результатовъ требовались занятія по древнимъ языкамъ серьезныя, самостоятельныя. Въ Англіи, гдѣ родитель гордится тѣмъ что сынъ его обучается въ классической школѣ: „я ломѣстилъ своего сына въ Итонскую школу“, съ гордостью заявляетъ Англичанинъ своимъ

знакомымъ, сынъ слышитъ это, считаетъ себя счастливымъ, и древними языками занимается съ любовью. То ли у насъ? Нѣтъ, не общество *при настоящихъ условіяхъ* должно предъявлять свои требованія по отношенію къ школѣ, а школа должна вліять на общество серьезнымъ воспитаніемъ грядущаго поколѣнія. И она начинала уже обнаруживать это вліаніе. Система, несмотря на всѣ препятствія, начала во очію обнаруживать плоды, которые нельзя было не признать, общество начинало уже цѣнить ее,—когда наступили невышнія печальныя для русскаго просвѣщенія времена.

Выше мы упоминали удивительный аргументъ г. Миллера, считающаго и усвоеніе идей древнихъ писателей—зловредною реакціей противъ прогрессивныхъ началъ христіанскихъ. Вотъ, видите, и за христіанство принимаются когда нужно подорвать образованіе въ Россіи. Однако если знакомство съ древнимъ античнымъ міромъ не должно входить въ систему образованія нашихъ школъ потому только что классическіе писатели не Евангеліе, то пришлось бы выбросить за бортъ и многое другое. Прежде всего было бы зловредною реакціей изученіе священнои исторіи Ветхаго Завѣта, такъ какъ „прежде сѣнь законная, благодати пришедши“; поэтому Ветхій Завѣтъ ни подъ какимъ предлогомъ не долженъ бы входить въ программу нашихъ школъ. Пришлось бы вычеркнуть всеобщую древнюю исторію какъ исторію народовъ языческихъ. Однако ни исторія Ветхаго Завѣта, ни древняя всеобщая исторія пресладовазано въ школахъ никогда еще не подвергались; почему же такая немилость только къ древнимъ классическимъ писателямъ? Припомнимъ что отцы церкви христіанской воспитали себя на древнихъ классикахъ и не только не развратились и не сдѣлались язычниками, но укрѣпились и отали столпами и утвержденіемъ истины Христовой. Значитъ, эллинская мудрость не была въ ихъ рукахъ „зловредною реакціей противъ прогрессивныхъ началъ христіанства“. Дѣло въ томъ что христіанство не есть только высшая ступень образованія, но и вѣчно совершенно иного рода: христіанство есть непосредственное откровеніе Божества, а эллинская мудрость есть плодъ естественнаго развитія человечества. Эпоха Возрожденія классическихъ наукъ и эллинизма въ Западной Европѣ также сослужила, кажется, свою службу человечеству и службу не малую. Какое еще нужно фактическое доказательство того что древ-

ній античный міръ въ дѣлѣ образованія не только не идетъ въ разрѣзъ съ міромъ христіанскимъ, но и приноситъ великую пользу? Эту-то пользу и нужно имѣть въ виду въ системѣ нашихъ классическихъ гимназій. Нужно ли говорить что-нибудь о поэтическихъ красотахъ и мудрости которыми преисполнены творенія древнихъ и на которыхъ воспитались великіе умы новаго міра?

Вотъ искреннее и безпристрастное слово человека который самъ прошелъ классическую школу и который на своей практикѣ видѣлъ благотворное вліяніе классической системы воспитанія въ нашихъ гимназіяхъ.

И. Б—ВЪ.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

Въ Казани напечатана первая часть *Описанія рукописей Соловецкаго монастыря*, находящихся въ библиотекѣ Казанской духовной академіи. Какъ передаетъ предисловіе къ изданному *Описанію*, библиотека Соловецкаго монастыря переведена въ Казанскую академію въ 1855 году, по случаю открытія при академіи миссіонерскаго отдѣленія противъ раскола, при Казанскомъ архіепископѣ Григоріи, бывшемъ потомъ С.-Петербургскимъ митрополитомъ. Въ Казанскую академію поступило изъ Соловецкаго монастыря 1513 нумеровъ рукописей и 83 нумера старопечатныхъ книгъ. Соловецкій монастырь возникъ въ первой половинѣ XV вѣка; къ концу этого же вѣка относится и начало Соловецкой библиотеки. Первымъ собирателемъ книгъ полежившимъ основаніе библиотеки былъ священно-инокъ Досіеи, ученикъ преподобнаго Зосимы, третій послѣ него игумень. Посѣщая Новгородъ, отъ котораго Соловецкая обитель зависѣла сначала въ административномъ отношеніи, Досіеи находилъ въ частыхъ сношеніяхъ со знаменитымъ въ исторіи книжнаго просвѣщенія архіепископомъ Новгородскимъ Геннадіемъ и усвоилъ отъ него любовь къ книжному дѣлу. По распоряженію Досіея въ Новгородѣ списывались книги для Соловецкаго монастыря. То же дѣлалось и при другихъ настоятеляхъ. Бóльшая часть библиотеки составилаь чрезъ пожертвованія разныхъ лицъ.

Въ изданномъ *Описаніи* рукописи расположены въ предметномъ порядкѣ, по содержанію рукописей. *Описаніе* напечатано на средства Святѣйшаго Синода, который, по ходатайству высокопреосвященнаго Макарія митрополита Московскаго, назначилъ пособие для этого изданія изъ суммъ духовно-учебнаго капитала.

Описанія книги царскихъ палатъ Золотой и Грановитой, составленныя Симономъ Ушаковымъ въ 1672 году и изданныя Обществомъ Древне-Русскаго Искусства при Московскомъ Публичномъ Музеѣ, подъ редакціей Г. Филимонова. Подъ такимъ заглавіемъ издана рукопись Императорской Публичной Библіотеки, содержащая описаніе стѣнописи уже съ XVI вѣка украшавшей внутренность двухъ главныхъ царскихъ палатъ Московскаго Кремля: Золотой и Грановитой. Описаніе это и литературный трудъ предпринятый въ 1672 году по именному царскому указу лучшимъ иконописцемъ современной эпохи, Симономъ Ушаковымъ, составленъ по поводу предполагавшагося въ то время возобновленія стѣнописи въ упомянутыхъ палатахъ съ замѣной старыхъ изображеній такими же точно новыми писанными на тѣхъ же мѣстахъ по новой извести.

Т. И. Филипповъ собралъ свои статьи по церковнымъ вопросамъ, печатавшіяся въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, и издалъ отдѣльною книгой, подъ заглавіемъ: *Современные церковные вопросы*.

Государственное древнехранилище въ теремахъ Московскаго Кремлевскаго Дворца. Подъ такимъ заглавіемъ Общество Любителей Древней Письменности и Искусствъ напечатало докладъ члена-корреспондента Общества А. Е. Викторова, сообщающій свидѣнія объ этомъ древнехранилищѣ, которое находится въ теремномъ отдѣленіи Большаго Дворца, въ Московскомъ Кремлѣ, и было устроено по Высочайшему повелѣнію въ 1855—1856 годахъ директоромъ Московскаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ княземъ М. А. Оболенскимъ, по мысли и при содѣйствіи графа Д. Н. Блудова. Въ основу названнаго учрежденія положена идея сосредоточить въ одномъ мѣстѣ важнѣйшіе какъ письменные, такъ и другіе отечественные памятники государственнаго значенія,

которые было предположено собрать изъ разныхъ нашихъ общественныхъ церковныхъ и другихъ хранилищъ. По разнымъ причинамъ это предпріятіе далеко не было доведено до надлежащей полноты. По характеру памятниковъ древнехранилище распадается на два отдѣленія. Въ составъ перваго изъ нихъ входятъ памятники письменные; во второмъ отдѣленіи памятники вещественные, какъ-то, государственныя и другія печати, перстни, медали, монеты и пр. Г. Викторовъ въ изданномъ докладѣ знакомить лишь съ памятниками перваго отдѣленія. Здѣсь хранятся древнія великокняжескія и царскія грамоты на пергаментѣ и на бумагѣ, между ними 18 договорныхъ грамотъ великихъ и удѣльныхъ князей съ Великимъ Новгородомъ, съ 1265 по 1471 годъ, подлинныя письма нѣкоторыхъ русскихъ государей и другихъ членовъ царскаго семейства, между ними 180 писемъ патріарха Филарета Никитича, 116 писемъ царя Михаила Ѳеодоровича. Затѣмъ въ этомъ древнехранилищѣ находятся: дѣло объ избраніи на престолъ царя Михаила Ѳеодоровича грамота о томъ же предметѣ, отвѣты вселенскихъ патріарховъ о власти царской и патріаршей, по поводу дѣла патріарха Никона, на греческомъ языкѣ съ русскимъ переводомъ, съ подлинными подлисами восточныхъ патріарховъ. Въ древнехранилищѣ собраны также акты относящіеся къ обрядамъ вѣнчанія русскихъ государей на царство (1547—1684) и къ царскимъ бракосочетаніямъ (1495—1684). Есть много и другихъ письменныхъ и печатныхъ сокровищъ. Въ 1873 году, по распоряженію Министерства Императорскаго Двора, древнехранилищу были составлены каталоги, но къ сожалѣнію они до сего времени не напечатаны.

Общество Любителей Древней Письменности и Искусствъ издало докладъ члена-корреспондента Общества Э. Н. Берга: *Нѣчто о древности типа деревянныхъ построекъ и рѣзьбы въ Вазжскомъ краѣ.*

Предпріятое по распоряженію Морскаго Министерства изданіе *Матеріаловъ для исторіи русскаго флота* продолжаетъ выходить въ свѣтъ. Напечатана IX часть этихъ *Матеріаловъ*. Эта часть заключаетъ въ себѣ документы относящіеся къ исторіи флота во время царствованія императора Іоанна Антоновича, съ 1740 по 1741 годъ, и за первую треть

царствованія императрицы Елисаветы Петровны, со вступленія ея на престолъ по 1747 годъ включительно.

Въ Москвѣ напечатанъ переводъ извѣстнаго въ европейской литературѣ сочиненія профессора Гейдельбергскаго университета Нюйсега *Исторія реформации*. Переводъ сдѣланъ подъ редакціей В. Михайловскаго, преподавателя IV Московской гимназіи. Къ книгѣ приложена статья г. Михайловскаго о предшественникахъ реформации.

Въ Москвѣ напечатаны второй и третій выпуски *Ученыхъ записокъ Императорскаго Московскаго Университета*. Въ этихъ выпускахъ помѣщены: „Орнитологическая географія Европейской Россіи“ кандидата М. А. Мензбира и изслѣдованіе А. П. Перепелкина: „Строеніе скелета туловища и хвоста рѣчной миноги“.

Въ Москвѣ вышелъ въ свѣтъ первый томъ описанія *Путешествія въ Западную Сибирь* Др. О. Финша и Др. А. Брема. Какъ извѣстно, „Общество германской сѣверо-полярной экспедиціи въ Бременѣ“, въ 1876 году, постановило отправить экспедицію въ область рѣки Оби и ассигновало на это предпріятіе 5.000 марокъ. Между тѣмъ, для путешествія въ Сибирь по свѣтѣ тре, бовалось израсходовать 18.000 марокъ, не смотря на то что Др. Финшъ и Др. Бремъ, авторъ извѣстнаго сочиненія *Жизнь животныхъ*, отказались отъ вознагражденія. Была открыта общественная подписка, но она не оправдала ожиданій Общества. Совершенно неожиданно для него, оно получило вдругъ богатѣйшій подарокъ въ 20.300 марокъ. Жертвователемъ оказался Александръ Михайловичъ Сибиряковъ изъ Иркутска. Экспедиція отправилась въ луть чрезъ Европейскую Россію и провела внутри самой Сибири шесть мѣсяцевъ, проѣхала болѣе 12.000 верстъ, привезла съ собою 150 экземпляровъ млекопитающихъ, 550 птицъ, 150 земноводныхъ, 400 рыбъ, 1.000 насѣкомыхъ и многочисленныя образцы горныхъ породъ, равно какъ и образцы разныхъ произведеній по отрасли земледѣлія и лѣсоводства. Общество снарядившее экспедицію первоначально предполагало сосредоточить эти коллекціи въ Бременскомъ городскомъ музеѣ, но въ виду своихъ финансовыхъ обстоятельствъ вынуждено было продать ихъ, вслѣдствіе чего болѣшая часть коллекціи поступила въ пополненіе зоологи-

ческаго королевскаго музея въ Берлинѣ, другая перешла въ Британскій Музей въ Лондонѣ, остальное изъ коллекціи еще въ нѣкоторые другіе музеи. Др. Фившъ такъ характеризуетъ главную задачу издавнаго труда: „Главною цѣлію этой книги служить желаніе распространить болѣе вѣрный взглядъ на благодатную во многихъ отношеніяхъ Западную Сибирь и на честныхъ, добросовѣстныхъ людей живущихъ тамъ, чѣмъ тотъ который до сихъ поръ существовалъ у насъ. Если мнѣ удастся это, въ такомъ случаѣ мои труды и время не будутъ потрачены даромъ. Нечего говорить что превосходныя статьи друга моего Др. Брема существенно будутъ содѣйствовать возбужденію интереса къ Западной Сибири во всѣхъ концахъ Германіи.“ Сочиненіе украшено рисунками работы Морица Гофмана.

Въ Москвѣ изданы отдѣльно статьи помѣщавшіяся въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и подписанныя псевдонимомъ Варсоломей Кочневъ: *Противъ теченія. Бесѣды о революціи. Наброски и очерки въ разговорахъ двухъ пріятелей.* Выпуски первый и второй.

Войсковой старшина Ф. М. Стариковъ напечаталъ въ Оренбургѣ брошюру, подъ заглавіемъ: *Откуда азялись казаки.* Этотъ историческій очеркъ обрисовываетъ первоначальное развитіе всего казачества, а затѣмъ возникновеніе отдѣльно каждой изъ тѣхъ казачьихъ общинъ которыя образовались на рѣкахъ: Донѣ, Дняпрѣ, Яикѣ, въ Сибири, на Кавказѣ и въ Оренбургскомъ краѣ. Любопытенъ общій взглядъ автора на значеніе казачества для Россіи. „Численность войсковаго населенія, говоритъ онъ, различна: всего же населенія этихъ войскъ насчитывается до 2.592.350 душъ обоого пола, а мужскаго свыше одного милліона. Въ случаѣ угрожающей отечеству опасности всѣ казачьи войска обязываются поголовно ополчиться. Считая населеніе отъ двадцати до пятидесятилѣтняго возраста годнымъ къ отправленію воинской повинности, отдѣлая при этомъ 10% на долю больныхъ и неспособныхъ, мы получимъ число казачьихъ войскъ которое можетъ быть выставлено въ 350 тысячъ человекъ конницы хорошо вооруженной, снаряженной и достаточно подготовленной къ отправленію воинскихъ обязанностей, притомъ же еще со своею замѣчательною конною артиллеріей. Ни одно изъ государствъ

Европы не может выставить и десятой доли тѣхъ кожныхъ массъ которыя въ состояніи поставить Россія. Можно пологательно сказать что въ этомъ отношеніи Россія не имѣетъ соперника во *всѣхъ свѣтъ*“.

Въ Варшавѣ напечатана книга: *Школьный вопросъ*, соч. Суворова, состоящая изъ статей въ защиту классической системы образованія, начатыхъ печатаніемъ въ *Варшавскомъ Дневникѣ* 1880 года.

Въ Петербургѣ изданъ переводъ сочиненія Фовъ-Демъ-Борне *Рыбоводство (Die Fischzucht)*. Сочиненіе это даетъ возможность познакомиться съ теоріей и практикой рыбнаго хозяйства, а главное съ процессомъ искусственнаго разведенія рыбъ. Сочиненіе отличается, при краткости изложенія, полнотою свѣдѣній и практичностью, такъ какъ представляетъ сводъ всѣхъ данныхъ приобретенныхъ рыбоводами изъ своей практики. Прусское министерство народнаго просвѣщенія приобрѣло 600 экземпляровъ этого сочиненія для раздачи ученикамъ среднихъ учебныхъ заведеній. Проявленіе настоящаго сочиненія въ русскомъ переводѣ вызвано, повидимому тѣмъ движеніемъ въ области рыболовства какое обнаружилось у насъ послѣ международной выставки морскихъ и рѣчныхъ промысловъ бывшей весной 1880 года въ Берлинѣ, наглядно представившей современное развитіе рыбоводства въ разныхъ государствахъ. Съ 1880 года стали учреждаться у насъ частными лицами рыбоводныя заведенія. Астраханскій комитетъ рыбныхъ и тюленныхъ промысловъ, въ засѣданіи 12 ноября 1881 года, постановилъ купить пароходъ со всѣми приспособленіями для выводки рыбъ въ родѣ американскаго *Fish-Hawk*, и употребить его для разведенія бѣлорыбцы и осетровыхъ породъ; наконецъ въ Петербургѣ основалось Россійское Общество Рыбоводства и Рыболовства, поставившее своєю цѣлю развитіе рыбныхъ промысловъ и рациональнаго рыбнаго хозяйства и состоящее подъ покровительствомъ Великаго Князя Сергія Александровича.

М. О. Вольфъ предпринялъ изданіе въ русскомъ переводѣ *Сочиненій Лессинга*. Все изданіе будетъ состоять изъ четырехъ томовъ. Отпечатанный первый томъ изданъ подъ редакціей П. Н. Полеваго. Въ немъ помѣщены: біографія

Лессинга и его произведенія: „Дамовъ“, „Старая Дѣва“, „Молодой Ученый“, „Еврей“ и „Мизогенъ“.

Изданіе предпріятое книгопродавцемъ М. О. Вольфомъ *Исторія всемірной литературы* въ общихъ очеркахъ, біографіяхъ, характеристикахъ и образцахъ, составляемая г. В. Зотовымъ, продолжаетъ выходить въ свѣтъ. Налечтаны четвертый томъ. Онъ содержитъ исторію литературы Германіи, Нидерландовъ, Фламанской, Англійской, Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, Скандинавіи, Исландіи, Финляндіи и Венгріи.

Виленьская коммиссія для разбора древнихъ актовъ, состоящая подъ предсѣдательствомъ Я. Э. Головацкаго, издала *Писцовую книгу Гродненской экономіи*. Изданіе это составляетъ продолженіе предпріятого коммиссіей печатанія писцовыхъ книгъ западно-русскихъ городовъ, о которыхъ документы сохранились въ Виленьскомъ центральномъ архивѣ.

Въ Ригѣ напечатана драма въ трехъ дѣйствіяхъ І. Геймана (псевдонимъ) *Премудрый Соломонъ*. Дѣйствующія въ драмѣ лица: Соломонъ, царь Іудейскій, Суламита его супруга, Вирсавія мать Соломона, Асмодей владыка духовъ, Вансъ полководецъ, Иосафатъ военный министръ, Азарія первосвященникъ и др. лица. По словамъ автора драмы, завязкой ея служить талмудическая легенда о лѣтненіи Соломономъ владыки духовъ Асмодея. Идея драмы—борьба страсти съ высшими обязанностями человѣка, выясненіе губельныхъ послѣдствій человѣческихъ увлеченій, неразумнаго отсутствія отъ пути вѣры и долга. Драма написана стихами.

По случаю электрической выставки открывшейся въ Петербургѣ изданъ редакціей журнала *Электричество* каталогъ выставки. Каталогъ, указывая на предметы помѣщенные на выставкѣ, даетъ довольно подробное описаніе каждаго изъ нихъ, сообщая и свѣдѣнія о времени изобрѣтенія ихъ.

Въ Петербургѣ напечатана г. Бунаковымъ двадцать первымъ издаваніемъ его *Азбука* и уроки чтенія и письма съ постепенно возрастающимъ числомъ буквъ. Изданіе это вновь

переработано. Въ немъ помѣщены въ текстѣ: картинки, оригиналы для рисованія по клеткамъ, прописи и матеріалъ для чтенія, разказа, заучиванія и самостоятельныхъ работъ.

Академія Наукъ издала на нѣмецкомъ языкѣ *Mittheilungen der internationalen Polar-Commission*, redigirt von H. Wild.

Въ Вильнѣ издано *Описаніе рукописей Виленской публичной бібліотеки церковно-славянскихъ и русскихъ*, составленное г. Ф. Добрянскимъ. По словамъ составителя *Описанія*, рукописное отдѣленіе Виленской публичной бібліотеки заключаетъ въ себѣ въ настоящее время множество рукописей самаго разнообразнаго содержанія и на разныхъ языкахъ. Въ немъ, кромѣ документовъ историческаго и юридическаго содержанія на языкахъ русскомъ, латинскомъ и польскомъ, есть значительное количество рукописныхъ книгъ собственно литературнаго содержанія. Рукописи послѣдняго рода раздѣляются на два главные отдѣла: а) на рукописи иностранныя и б) рукописи церковно-славянскія и русскія. Особенно богата коллекція рукописныхъ книгъ на иностранныхъ языкахъ, состоящая изъ 2.000 слухкомъ нумеровъ. Къ сожалѣнію, эта коллекція не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго, такъ какъ, за исключеніемъ небольшого количества рукописей историческаго содержанія, это по большей части лекціи, записки прошлаго столѣтія по богословскимъ, философскимъ и другимъ наукамъ на латинскомъ и польскомъ языкахъ. Гораздо важнѣе въ научномъ отношеніи собраніе рукописей на церковно-славянскомъ и русскомъ языкахъ, хотя ихъ сравнительно не много. Описаніе этихъ-то рукописей и сдѣлано въ изданной книгѣ. Самая древняя рукопись принадлежащая бібліотекѣ есть извѣстное Туровское Евангеліе XI вѣка, писанное на пергаментѣ.

Въ Вильнѣ напечатанъ *Уставъ Виленскаго общества сельскаго хозяйства*, утвержденный министромъ Государственныхъ Имуществъ въ декабрѣ 1881 года.

Въ Москвѣ издана брошюра: *Путешествіе Государя Императора Александра III съ Августѣйшимъ Семействомъ въ июль 1881 года*. Составилъ М. Я. Лебедевъ по свидѣніямъ *Правительственнаго Вѣстника и Московскихъ Вѣдомостей*.

Въ Петербургѣ вышелъ въ свѣтъ романъ графа П. А. Валуева, подъ заглавіемъ: *Лоринъ*.

Напечатанъ въ Петербургѣ отдѣльнымъ изданіемъ исторической романъ графа Е. А. Саліаса *Принцесса Володимирская*. Романъ иллюстрированъ двадцатью тремя рисунками художника Брожа.

Печатавшійся въ *Русскомъ Вѣстникѣ* романъ Б. М. Маркевича *Переломъ, правдивая исторія*, изданъ въ Петербургѣ отдѣльнымъ изданіемъ.

Княжна Островская, историческая повѣсть В. С. Соловьева, напечатана въ Петербургѣ вторымъ изданіемъ, украшеннымъ полицилажами.

Петербургское губернское земство издало первый выпускъ *Материаловъ по статистикѣ народнаго хозяйства въ Петергофскомъ уездѣ*. Въ этомъ выпускѣ помѣщены свѣдѣнія о крестьянскомъ хозяйствѣ.

Вышли пятый и шестой выпуски сочиненія *Путешествіе А. Ф. Норденшельда вокругъ Европы и Азии на пароходѣ „Вега“ въ 1878—1880 годахъ*. Переводъ сдѣланъ со шведскаго С. И. Барановскимъ и Ф. В. Корיאдеромъ. Къ выпускамъ приложены гравированный на стали портретъ Норденшельда.

М. В. Карлѣвъ издалъ въ Москвѣ, подъ заглавіемъ: *Пятьдесятъ лѣтъ изъ жизни артиста*, биографическій очеркъ Ивана Васильевича Самарина, съ портретомъ и факсимиле артиста.

Какъ извѣстно, коллекція историко-юридическихъ актовъ покойнаго профессора Московскаго Университета И. Д. Бѣлаева, вмѣстѣ съ принадлежавшимъ ему собраніемъ рукописей, поступила въ Московскій Публичный и Румяновскій Музей въ 1875 году. Описаніе рукописей г. Бѣлаева было напечатано въ прошломъ году по распоряженію директора Музея. Въ настоящее время издано описаніе и актовъ, подъ заглавіемъ: *Собраніе историко-юридическихъ актовъ И. Д. Бѣлаева*.

Адъюнкт-профессоръ Николаевской Инженерной Академіи А. Шуляченко издалъ первый выпускъ *Учебника неорганической химіи*, предназначеннаго для руководства слушателямъ миннаго класса морскаго вѣдомства.

Предпріятое на Высочайше дарованныя средства изданіе сочиненія покойнаго А. П. Федченко *Путешествіе въ Туркестанъ* продолжаетъ выходить въ свѣтъ; изданъ восемнадцатый выпускъ, содержащій описаніе новыхъ и болѣе рѣдкихъ растений въ Туркестанѣ и Коканѣ. Выпускъ приготовленъ для печати г. Э. Регелемъ.

Сверхъ того въ Петербургѣ изданы книги:

Князь А. Васильчиковъ. *Землеплодніе и земледѣліе въ Россіи и другихъ европейскихъ государствахъ*. Томъ I. Изданіе второе.

Жизнь и политика маркиза Вльёпольскаго. Эпизодъ изъ исторіи русско-польскаго конфликта и вопроса. Сочинилъ В. Д. Сласовичъ.

Что такое истинно-русская государственная программа? Очеркъ современнаго соціальнаго положенія Россіи. Николая Алышевскаго.

Гербертъ Слемсеръ. *Развитіе политическихъ учрежденій*, съ предисловіемъ Л. Е. Оболенскаго и статьей „обрядовыя учрежденія“.

Естественная исторія племенъ и народовъ. Фр. Гельваарда. Выпускъ девятый.

Наши Вѣкъ. Общій обзоръ важнѣйшихъ явленій въ области исторіи искусства, науки и промышленности послѣдняго столѣтія, Отто фонъ-Лейкснера. Выпускъ шестой.

В. А. Зайцевъ: *Руководство всемірной исторіи*. Древняя исторія Запада. Томъ I. Эллиническая эпоха, съ двумя картами.

Электромагнитная теорія света Максвелла. Рѣчь читанная въ общемъ собраніи Физико-Химическаго Общества 17 декабря 1881 И. Боргманомъ.

Руководство къ производству электрическихъ измѣреній. Часть I. Электрическія опытанія воздушныхъ телеграфныхъ линий. Составлено по распоряженію Телеграфнаго Департамента инспекторомъ телеграфовъ Н. Писаревскимъ. Изданіе Телеграфнаго Департамента.

Ученіе о пространствѣ или рациональная геометрія, съ четырьмя таблицами чертежей. Составилъ М. С. Волковъ.

Изысканія въ область такъ-называемыхъ спиритическихъ явленій. Материализація Кети Кингъ. Уильяма Крукса. Перевелъ и издалъ С. Т. Румиловъ.

Основы химіи. Д. Менделѣева. Четвертое изданіе. Часть вторая.

Учебникъ ботаники. А. Бекетова.

Крапильное и декстринное производства. Составилъ К. Веберъ.

Жизнь изгороди и лѣсныя опушки. Р. И. Шредера, со введеніемъ И. А. Стебута. Второе исправленное изданіе.

Международный медицинскій конгрессъ въ Лондонѣ 1881 г. Хирургическая секція и очеркъ современнаго состоянія хирургіи въ Германіи, Франціи и Англійи. С. Коломника, профессора Императорской Военно-Медицинской академіи.

Карманная книжка рецептовъ для практическихъ врачей. Собраніе новѣйшихъ врачебныхъ формулъ наиболее употребительныхъ въ вѣнскихъ клиникахъ. Русское изданіе второе.

О вліаніи озона и флора на гніеніе. Диссертация доктора медицины врача І. А. Круковича.

Dr. I. Gaake. *Основы акушерства* для врачей и студентовъ. Переводъ съ нѣмецкаго.

Патолого-анатомическія измѣненія сѣтчатки при вѣкоторыхъ общихъ заболѣваніяхъ. Диссертация на степень доктора медицины Степана Посадскаго.

Изъ наблюдений надъ возвратною горькой. Объ измѣненіи чувствительности кожи во время лихорадочнаго состоянія. Диссертация на степень доктора медицины Я. Рыбакина.

Сифилисъ мозга. Dr. Альфреда Фурнье, профессора Парижскаго медицинскаго факультета. Переводъ Dr. О. Хлопцкаго, подъ редакціей профессора В. Тарновскаго.

S. Dieulafoy: *Руководство внутренней патологии.* Томъ первый. Переводъ съ французскаго докторовъ В. и Е. Сватловскихъ.

Хирургическая анатомія артеріальныхъ стволовъ и фасцій. Н. Пирогова. Переводъ съ нѣмецкаго подъ редакціей и съ примѣчаніями С. Коломника. Выпускъ II, съ 17 таблицами.

Гигіена. Курсъ общественнаго здравоохраненія профессора Доброславина. Часть I.

Руководство къ изученію дѣлопроизводства въ пограничныхъ таможенныхъ при ъѣздныхъ дорогахъ. Составилъ К. Пальшай.

Курсъ русскаго лѣснаго законодательства. Составилъ М. Романовскій.

Первоначальныя упражненія въ ариметикѣ. Сочиненіе А. Лева. Руководство для учащихся.

Грамматика для сельскихъ училищъ. Составилъ Е. К.

Практическое руководство къ изученію нѣмецкаго языка составленное по методу Ана Штейнгаузромъ. Первый курсъ. Девятое изданіе.

Сборникъ самостоятельныхъ письменныхъ упражненій. Составилъ Георгій Зуевъ. Классное пособие для начальныхъ училищъ. Первый годъ обученія.

Краткая грузинская грамматика составленная Зурабомъ Шаншоваки въ 1737 году, изданная А. Ц. въ память V археологическаго съѣзда въ Тифлисѣ.

Концентрической учебникъ французскаго языка сравнительно съ русскимъ и латинскимъ. Курсъ элементарный. Составилъ В. С. Игнатовичъ.

Н. Бунаковъ. *Учебникъ русской грамматики.*

Народныя чтенія. Александръ первый Благословенный. Съ двумя картинками. Изданіе второе учрежденной по Высочайшему повелѣнію министромъ Народнаго Просвѣщенія постоянной комиссіи народныхъ чтеній.

П. Е. Евстафьевъ: *Классный сборникъ образцовъ русской народной поэзи.* Былины, пѣсни, сказки и пословицы.

Начальныя занятія по русской грамотѣ. Составилъ Ѡ. Марюхничъ.

Сельская общественная служба. Бесѣды сельскаго старосты Акима Простоты. Составилъ Н. Блиновъ.

С. Миропольскій: *О музыкальномъ образованіи народа въ Россіи и въ Западной Европѣ,* съ приложеніемъ статьи объ эстетическомъ образованіи нашего народа и библиографическаго обзора русской музыкально-педагогической литературы и заграничной. Изданіе второе.

Гимнастика голоса основанная на физиологическихъ законахъ. Руководство къ упражненію и правильному употребленію органовъ рѣчи и пѣнія. Оскара Гутмана. Переводъ съ третьяго нѣмецкаго изданія.

Н. М. Лисовскій: *Музыкальныя альманахи XVIII столѣтія.*

Полное собраніе сочиненій Э. М. Достоевскаго. Томъ второй. Повѣсти и разказы.

Герои новейшаго времени. Романъ С. С. Окр—ца. Второе изданіе.

Радмиръ. Поэма въ пяти дѣйствіяхъ Ивана Бочарова.

Соль супружества. Комедія въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ нѣмецкаго В. С. Пеньковымъ.

Несчастъ особаго рода. Комедія въ одномъ дѣйствіи, передѣланная съ нѣмецкаго В. С. Пеньковымъ.

Вакула-кузнецъ. Опера въ четырехъ дѣйствіяхъ.

Первый амбаль каррикатуръ. Изданіе журнала *Нова*.

Сорочинская Ярмарка. Н. В. Гоголя. Изданіе Слб. комитета грамотности.

Воскресный Сонъ. Н. А. Изданіе второе.

А. Н. Анненская: *Мои дѣя племянницы.* Повѣсть для дѣтей.

Графъ Нулинъ. По Пушкину. Комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ. Либретто и музыка Г. А. Липина.

Любовь къ Государю. Стихотворенія крестьянина М. С. Паталова.

Изъ жизни русскихъ писателей. Разказы и анекдоты.

Сказки дочери лоей. Бульи. Переводъ съ французскаго подъ редакціей Т. П. Пассекъ.

Тяжелая Доля. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. М. Васильева.

Темная Вода. Романъ въ трехъ частяхъ. П. Лятнева.

Негодный и школа оборотливый. Изданіе второе. Н. А.

Такъ было суждено. Повѣсть А. М. Пазухина.

Пять взаимный друзей. Романъ Чарльза Диккенса.

Стихотворенія Алексія Леонова.

На законномъ основаніи. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ К. А. Тарновскаго.

На разсвѣтъ. Новыя пѣсни, сатиры, юмористическія стихотворенія и куплеты. А. Э. Иванова-Классика.

Принцесса-акробатка. Романъ Бувье. Переводъ съ французскаго.

Княгиня Лиза, романъ князя В. Мецкерскаго.

Н. И. Северинъ: *Исторія одного развода.* Романъ въ двухъ частяхъ.

Купецъ Иголкинъ и его подвигъ. Историческая быль времени Петра I. Съ картинкой.

К. М. Станюковичъ: *Омутъ.* Романъ изъ-за лустаковъ. Разказъ изъ петербургской жизни.

Вл. Изм. Межовъ: *Практическіе советы начинающимъ заниматься библиографіей.*

Н. Н. Саловъ: *Теорія привилегій и подробный отчетъ о движеніи этого вопроса въ Императорскомъ Русскомъ Техническомъ Обществѣ.*

Военный Календарь на 1882 со свѣдѣніями знаніе которыхъ обязательно для каждаго рядового пѣхоты въ первый годъ его службы.

Труды коммиссіи по техническому образованію и отчетъ о школахъ для рабочихъ и ихъ детей, учрежденныхъ Императорскимъ Русскимъ Техническимъ Обществомъ при содѣйствіи гг. фабрикантовъ и заводчиковъ города Петербурга.

Руководство къ обученію пѣдк въ артиллеріи и школа пѣдоваго. Составилъ А. Петраковъ. Изданіе второе.

Отчетъ Е. В. Богдановича о положеніи санитарной части на строящейся Криворогской желѣзной дорогѣ.

Систематическій и алфавитный указатель статей помѣщаемыхъ въ периодическихъ изданіяхъ и сборникахъ Императорской Академіи Наукъ, а также сочиненій изданныхъ ею отдѣльно. Прибавленіе I. Сочиненія на иностранныхъ языкахъ, вышедшія въ свѣтъ съ 1871 года по 1 ноября 1881 года.

Инвентарь библиотеки С.-Петербургскаго Университета № IV за 1880 годъ.

Судьбы капитализма въ Россіи. В. В.

Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній. Первое десятилѣтіе чтеній для народа и для солдатъ (28 декабря 1871—1881).

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи. Отдѣлъ санитарный. Санитарное изслѣдованіе фабричныхъ заведеній Московскаго уѣзда. Часть первая. Ф. Ф. Эрисмана. Томъ III, выпускъ IV.

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Московской губерніи. Отдѣлъ хозяйственной статистики. Томъ VII, выпускъ II.

Очеркъ Чертышевской лѣсной дачи. Составилъ П. Кнорре

О минеральныхъ маслахъ употребляемыхъ для смазки движущихся частей машинъ и о сохраненіи паровыхъ котловъ.

Краткія правила и тарифы внутренней и международной телеграфной корреспонденціи. Изданіе Телеграфнаго Департамента.

Слѣта доходовъ и расходовъ Главнаго Общества Россійскихъ Железныхъ Дорогъ на 1882 годъ.

Железнодорожное счетоводство. И. Ф. Валуцкаго.

Справочная книжка для фейрверкеровъ полевой артиллеріи. Гвардіи штабсъ-капитана Терпиловскаго.

О народной поэзіи и пѣснѣ. Ольги Агреневой С—ой.

Обзоръ главнѣйшихъ результатовъ эксплуатаціи нашихъ желѣзныхъ дорогъ за десятилетний періодъ 1870—1879 годовъ.

Общая свѣдѣнія и выводы относительно перевозочныхъ средствъ и главнѣйшихъ результатовъ эксплуатаціи сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ въ 1878 году.

Второе дополненіе и исправленіе указателя мѣстъ доставленія телеграммъ въ сторону отъ телеграфныхъ станцій. Изданіе Телеграфнаго Департамента.

Свѣдѣнія объ Императорской Николаевской гимназіи въ Царскомъ Селѣ 1880—1881 учебный годъ.

Лѣсной Календарь на 1882 годъ. Составленъ при содѣйствіи В. Т. Собичевскаго, Н. С. Шафранова и другихъ лицъ. Изданіе А. Ф. Девріена.

Памятная книжка вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, состоящихъ подъ непосредственнымъ Ихъ Императорскихъ Величествъ покровительствомъ, на 1881 годъ.

Словесныя занятія въ ротѣхъ съ новобранцами. Сборникъ теоретическихъ знаній молодыхъ солдатъ въ первые четыре мѣсяца ихъ службы въ вопросахъ и отвѣтахъ.

О огласованіи правилъ по винокуренію и продажѣ вина съ потребностями народной жизни..

Правила для обученія употребленію въ бою штыка.

Сборникъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей. Выпускъ III. Дневникъ событій съ 1 марта по 1 сентября 1881. Изданіе В. В. Комарова.

Хоровыя пѣсни съ акомпаниментами фортепіано. Е. Θ. Гаврюшко.

Памяти Н. И. Пирогова. Рѣчь произнесенная въ общемъ собраніи „Общества распространенія просвѣщенія между Евреями въ Россіи“ 27 декабря 1881 Н. И. Бакстомъ.

Памяти Блюмчи. Читано въ засѣданіи Московскаго Юридическаго Общества 26 октября 1881 года. Составилъ графъ Л. Камаровскій.

Справочная книжка для студентовъ Петербургскаго университета на 1881—82 годъ. Годъ первый.

Въ Москвѣ изданы:

Наука о думѣ. Общія свойства и законы человеческого духа. М. Троицкаго. Томы I и II.

Марина Мнишекъ, дочь Седомірскаго воеводы и жена Дмитрія Самозванца или Поляки въ Москвѣ. Историческій разказъ.

Простыя способы находить наибольшія и наименьшія величины въ некоторыхъ количествахъ. Дополненіе къ курсу начальной математики, собралъ и составилъ А. Бѣлевъ.

Альбомъ нашей общественной жизни въ очеркахъ и портретахъ.

Полезный практический скотолчебникъ. Составленъ Др. Швабе. Съ 43 рисунками.

Списокъ книгъ и брошюръ оотничьяго содержанія. Составилъ Л. П. Сабанѣвъ.

О мѣрахъ противъ жльбнаго жука К. Линдемана, профессора Петровской Академіи.

Записка о Евреяхъ въ западномъ краѣ Россіи. Третье дополненное изданіе.

Потерянный и возвращенный рай. Поэма въ 4хъ частяхъ Милытова. Поэмы переводъ Н. М. Бородина.

Сергій Шараловъ. Будущность крестьянскаго хозяйства. Критико-экономическія монографіи. Часть I.

Рокъ любви. Романъ въ двухъ частяхъ Ивана Кочергина.

Исследование современнаго положенія тонкоруннаго овцеводства юга Россіи, шерстяной торговли и шерстяныхъ моекъ.

О сплщеніи сердца и Syncore при плевритическомъ экссудатѣ. Экспериментальное изслѣдованіе. Диссертация на степень доктора медицины В. Чиркова.

Понятіе психическаго ритма, какъ научное основаніе психологии половъ. П. Е. Астафьева.

Новый юмористъ. А. В.

Въ часъ досуга. Анекдоты, шутки, каламбуры, стихки, случаи и прочее.

Теоретическая, практическая и аналитическая химія въ приложеніи къ искусствамъ и промышленности, Муспратта. Переводъ съ третьяго изданія. Редакція и дополненія профессора Архилова съ участіемъ А. Карцева, А. Сабанѣва и Н. Цабель. Томъ второй. Изданіе А. Д. Китгары. Выпускъ пятнадцатый.

Сокращенное руководство ко Всобщей и Русской исторіи. Составилъ Д. Иловаіскій.

Въ Казани издавы:

Очеркъ флоры окрестностей города Астрахани. С. Коржинскаго.

Стихотворенія А. Слюзова.

Опытъ методическаго руководства къ преподаванію ариѳметики въ народныхъ школахъ. Составилъ Владиславъ Исслетъевъ.

Теорія панской непогрѣшимости въ сопоставленіи съ фактами исторіи. Полемиическій этюдъ. Н. Бѣляева.

Главныя направленія нѣмецкаго богословія XIX вѣка. Выпускъ первый. Отъ Шлейермахера до Штрауса. А. Грешкова.
Допъ публичныя лекціи о старообрядческомъ поповствѣ Н. И. Ивановскаго.

Въ Кіевѣ издавы:

Святая Соборія Кіевская. Кіево-Софійскій кафедральный соборъ.

Второе прибавленіе къ путеводителю *Кіевъ и его окрестности*. Н. Т.

Основаніе Россійскаго Общества Краснаго Креста и развитіе его дѣятельности въ періодъ 1867—1875 годовъ. Систематическій сборникъ матеріаловъ. Томъ I.

Полѣнки по Александрѣ Александровичѣ Котляревскомъ.

Сопрепандіит общей патологіи Dr. С. Самуэля, профессора въ Кенигсбергѣ. Переводъ съ нѣмецкаго, съ предисловіемъ профессора Кіевскаго университета Н. А. Хржанецкаго.

Въ Черниговѣ напечатано:

В. Е. Варзеръ. *Матеріалы* для офъаки земельныхъ угодій, собранныя экспедиціоннымъ способомъ по программамъ бывшаго статистическаго отдѣленія при Черниговской земской управѣ. Новозыбковскій уѣздъ.

Въ Варшавѣ издаво:

В. В. Макушевъ. *О нѣкоторыхъ рукописяхъ* народной бібліотеки въ Бѣлградѣ.

Въ Петрозаводскѣ напечатанъ: *Списокъ должностныхъ лицъ* гражданскаго, военнаго и другихъ вѣдомствъ Олонецкой губерніи.

Въ Калугѣ напечатано: *De conjuratione Catilinae* сочиненіе К. Саллюстія Криспа. Объяснили Е. Гороцкій и В. Ласкинъ. Выпускъ первый: свѣдѣнія о жизни и сочиненіяхъ Саллюстія и комментарий къ главамъ 1—32.

Въ Ярославѣ напечатаны *Санитарныя очерки Пошехонскаго уѣзда*.

Въ Череповцѣ, Новгородской губерніи, напечатаны *Пѣсни сельскаго учителя*. Соч. П. Вересова.

Въ Смоленскѣ напечатанъ переводъ *Филлиппикъ Демосоевна* Переводъ сдѣланъ А. Замытновымъ.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТОМА СТО ПЯТЬДЕСЯТЬ СЕДЬМАГО.

Я Н В А Р Ъ.

	<i>Стр.</i>
Исповѣдный штрафъ въ Сибири въ теченіе прошлаго XVIII вѣка. <i>В. В. Гурьева</i>	5
✓ Поѣздка въ Сванетію. Путевые очерки. <i>И. Коневскаго</i>	39
✓ Египетскій Голубь. Разказъ Русскаго. Гл. XVII—XIX. <i>К. Н. Леонтьева</i>	94
✓ Княгиня Лиговская. Романъ. Неизданное произведеніе <i>М. Ю. Лермонтова</i>	120
Юридическая школа въ средневѣковой Италіи по сравненію съ современными юридическими школами. <i>Д. И. Азаревича</i>	182
„Дня померкнулъ блескъ веселый“. Стихотвореніе. <i>Гр. Голеннищева-Кутузова</i>	215
✓ Въѣзды колеи. Романъ. Часть первая. Гл. I—VII. <i>К. Орловскаго</i>	216
Семь стихотвореній Байрона. Переводъ съ англійскаго. <i>Н. В. Гербеля</i>	268
✓ Злой духъ. Романъ. Часть вторая. Гл. XXV—XXXI. <i>В. Г. Асенька</i>	278
Противъ теченія. Бесѣды о революціи. Наброски и очерки въ разговорахъ двухъ друзей. <i>Варооломья Кочнева</i>	313
Два неоконченныя стихотворенія графа <i>А. К. Толстаго</i> .	403
✓ Триммъ и его отношенія къ императрицѣ Екатери- нѣ II. <i>Р.</i>	405
Клубъ анархистовъ въ Лондонѣ. <i>Н.</i>	436
Книжныя новости.....	463

